

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ КОЛЛЕКЦИЯ

Время Разителя

МИХАЙЛОВ

ВЛАДИМИР

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

Время Разителя

ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ
КОЛЛЕКЦИЯ

ВЛАДИМИР

МИХАЙЛОВ

Время Разителя

Кольцо уракары

Постоянная Крата

Медные трубы Ардига

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
М69

Серия «Звездный лабиринт: коллекция»
основана в 2001 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник М.Н. Калинкин

Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

Подписано в печать 20.06.08. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 50,4. Тираж 3000 экз. Заказ № 4824291

Михайлов, В.Д.

М69 Время Разителя: Кольцо уракары. Постоянная Крата. Медные трубы Ардига : [фантаст. романы] / Владимир Михайлов. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 957, [3] с. — (Звездный лабиринт: коллекция).

ISBN 978-5-17-052351-1 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9713-9369-6 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

В этот сборник произведений популярного отечественного писателя Владимира Михайлова вошли увлекательные, остросюжетные романы «Кольцо уракары», «Постоянная Крата» и «Медные трубы Ардига», относящиеся к жанру приключенческой фантастики.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© В.Д. Михайлов, 2008
© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

КОЛЬЦО УРАКАРЫ

Глава 1

Странное слово «уракара» (день событий первый)

На улице в полуденный час сентябрьского дня было приятно. Солнце пригревало ласково, армагские чинкойи, что выстроились в две шеренги вдоль тротуаров, источали, как и обычно, едва уловимый, но очень внятный и какой-то интимный запах; почему-то каждому казалось, что они пахнут именно для него и ни для кого другого. И хотя по проезжей части и над ней скользило и катило немало машин, воздух в расщелинах между домами производил впечатление первозданно чистого, не пропитанного духом горячих моторов. Я как-то слышал, что именно эти, уже лет десять тому назад завезенные с Армага тоненькими саженцами и как-то очень быстро выросшие деревья, их длинные, покрытые голубоватым пушком листья как бы фильтровали, очищали и облагораживали удушливую городскую атмосферу, которую издавна кто только не проклинал. Хотя непонятно было, откуда это удушье бралось при нынешнем уровне цивилизации; скорее всего оно было лишь воображаемым, унаследованным от мнительных предков. Так или иначе, оздоровляющие свойства армагских иммигрантов никем не оспаривались, и каждый, выйдя из дому, начинал дышать бодрее и глубже, чем в стерильном воздухе жилья. Видимо, эта благородная миссия и обеспечивала сохранность пришельцев из отдаленного мира, что при наших теллурианских нравах и обычаях было почти невероятным. Миссия, а вовсе не окружавшие каждый ствол заборчики из нержавеющих прутьев с овальной пластинкой на каждом: «Б.М. Альфред. Зеленый свет» — так называлась фирма, имевшая городской подряд на озеленение и, судя хотя бы по этим вот насаждениям, исправно его выполнявшая.

Да, столичные улицы стали уютными и приятными настолько, что даже не хотелось уходить с них, чтобы заняться делами, которых у каждого хватало. Или почти у каждого. Я, к сожалению, в это число не входил, находясь, как говорится, в простое и всем существом своим ощущая подступившее вплотную безденежье. Дома это ощущение угнетало; но стоило выйти из подъезда, глубоко вдохнуть воздух — и тяжесть сваливалась с души, начинало чудиться, что все обойдется, уехавшая на заработки Лючана (именно так зовут мою жену) подмолотит

хоть сколько-нибудь, а там, глядишь, высшими силами востребуются и мои способности: как-то само собой, без всяких усилий с моей стороны найдется дело, соответствующее моим теперешним интересам, не такое, как прежние мои занятия, жестокие и грубые, — и мы снова заживем весело и безмятежно, как встарь.

Такие вот настроения возникали днем на улице. И я шлялся по городу вдоль и поперек, пока все нараставший голод не погнал наконец меня домой, где еще оставались кое-какие остатки съестного. Я возвращался к пенатам своим, вовсе не ожидая, что приближаюсь не только к своему жилью, но и к событиям совершенно неожиданным, достаточно интересным и еще более — неприятным и опасным.

Хотя приближение чего-то необычного можно было заподозрить уже по тому, как на этот раз встретил меня мой домашний Вратарь, в былые дни не раз оказывавший мне неоценимую помощь.

— Привет, — заявил он, едва я возник в прихожей. — Тебя тут искала женщина.

Вообще-то женщины не тоскуют по моему обществу. Не то чтобы у меня было что-то против них; напротив, напротив. Но я давно уже принципиально не завожу интрижек на стороне. Однако это могла быть заказчица; сейчас я был готов заняться даже составлением приворотного зелья (что считаю не самым достойным занятием), чтобы только дождаться возвращения Лючаны, не начав пропитания ради распродавать свое барахло, мне более не нужное и уже отложенное в темном чулане. Тем более что в какой день и даже месяц вернется жена — мне, да и ей самой было совершенно неясно, как и то, в какой точке великой Федерации, иными словами, Галактики она сейчас находится. Даже ВВЛК — вневременная связь по личному коду — порой не может пробить канал в Просторе, и тогда приходит пора молчания. Такое же не раз случалось и со мною — мы с Лючаной издавна были коллегами и работали в паре, пока на меня не снизошло то, что я считал благодатью, Лючана же называла просто ленью. Хотя я полагал, что она слишком упрощает проблему.

— Женщина? Ну и что же она сказала? Готов поспорить — ей нужно отыскать пропавшую болонку.

— Она сказала...

Тут Вратарь включил запись, и я услышал несколько слов, приводить которые не стану по соображениям приличия.

— И все?

— Обещала зайти позже.

— Покажи ее.

Любой человек, стучавшийся в мою дверь, оставлял, хотел он того или нет, свое объемное изображение в памяти Вратаря.

Сейчас оно возникло на стене прихожей, превратившейся в экран, являвшийся, условно говоря, лицом моего охранителя.

Женщина была для нетребовательного вкуса ничего себе. По облику — лет под тридцать. Черты лица правильные, я бы даже сказал — красивые, но выражение — надменно-холодное. И сердитое к тому же. Длинные черные волосы, слегка подвитые на кончиках. Стройная фигура. Строгий костюм. На плече висит сумка, по объему не уступающая чемодану. И достаточно увесистая — судя по тому, как глубоко ремень вжимался в плечо.

Болонка? Вряд ли. Такие дамы если и держат собак, то бойцовых пород.

— Убери. И сохрани.

Вратарь повиновался. Спросил только:

— Ты дома?

Мы с ним на «ты»; дружим давно — с тех пор, как я установил его в намного лучшие времена. И он будет последним, что я продам, когда не останется другого выхода.

— Дома.

Подумав, я добавил:

— Но режим — строгий.

— Ясно, — откликнулся он и умолк, погасив свою физиономию.

После чего я направился жарить себе яичницу.

Но не успел даже вынуть сырье из холодильника, как Вратарь принялся активно мешать мне:

— Эта женщина снова вошла в дом.

(Одна из его камер сверху следит за подъездом. Роскошь, теперь уже ненужная, но я не отказываюсь от нее: такие штуки помогают мне сохранять хоть какое-то самоуважение. Все кажется, что я для кого-то все еще обладаю каким-то значением, не всегда положительным, и потому нельзя пренебрегать предосторожностями).

На этот раз те же слова, что давеча женщина, произнес я сам.

— Впустить?

— Если у нее все в порядке. Строгая проверка, забыл?

Очень уж не нравилась мне написанная на ее лице жесткость. С такими дамами бывает труднее разговаривать мирно, чем с мужиками. Слишком они эмоциональны.

— Ясно. Строгая проверка.

А она уже звонила у двери.

Сидя в моей приемной (она же по совместительству гостиная, кабинет и столовая в торжественных случаях), я внимательно наблюдал за поведением нежданной гостьи в проверочном тамбуре — так называлось у меня то, что обычно обозначают как прихожую. Дама виднелась сразу на четырех экранах: фронт, тыл и оба фланга. Никакое скрытое действие посетителя при таком обзоре не укрылось бы от наблюдателя — от меня.

Тем временем она вела переговоры с Вратарем. Голос визитерши соответствовал облику: был слишком резок для дамы приятного облика. Вратарь же оставался, как всегда, вежливым и спокойным: гиперсхемы не ведают страстей.

— Цель вашего визита, мадам?

— Она конфиденциальна. Беседа с глазу на глаз.

— Прими, — негромко проговорил я в микрофон.

— Вас примут, — тут же отозвался Вратарь. — Будьте добры оставить сумку здесь.

Ее брови взлетели вверх, потом гневно сошлись над переносицей:

— Но она может мне понадобиться...

— Будьте добры оставить сумку...

Женщина поджала губы. Дыхание ее участилось. Я походя отметил: у гостьи некоторые проблемы с коронарными сосудами. В ее возрасте — рановато... И состояние печени оставляет желать лучшего. Но это — ее проблемы: она ведь не к врачу пришла. Она же тем временем пристроила свой багаж в шкафу, который тоже был частью контрольной системы. Уважая женские тайны, я не стал включать режим просмотра содержимого. Пусть секреты остаются при ней — за исключением тех, конечно, которыми она захочет поделиться со мною. Что же касается самой гостьи, то Вратарь просмотрел ее без моей подсказки. Оружия не обнаружил, в том числе и нетрадиционного. Ну а врукопашную она со мною вряд ли сладит — если даже очень захочет. Что касается гипновнушений, то моя защита от них просто непробиваема.

— Впусти, — скомандовал я, погасил экраны и устроился за столом поудобнее.

Она вошла, и мне показалось, что температура в комнате сразу же поплыла волнами: жаркая полоса сменялась морозной, еще и еще раз. Я привстал даме навстречу (порой я бываю галантен) и указал на кресло, предназначенное для посетителей. Его начинка давала неплохую информацию о том, как меняется состояние гостя во время разговора и к каким его действиям следует быть готовым. Сердцебиение, потливость, уровень адреналина и прочая физиология. С материями более тонкими — теми, с которыми электроника не справляется, она для них слишком примитивна, — я при необходимости разбираюсь без помощи аппаратуры.

Но женщина не стала садиться; она остановилась рядом с креслом, оперлась локтем на его высокую спинку. Я сделал вид, что это меня ничуть не удивляет, и решил вести разговор в сугубо официальном ключе:

— Итак? Чем могу вам помочь? Вы уверены, что вам следует обратиться именно ко мне?

Прежде чем ответить, гостья обвела комнату взглядом. Я ожидал какого-то признака удивления: большинство по-

павших сюда удивлялись, ожидая совершенно другого. Эта же лишь изобразила намек на улыбку — или скорее усмешку: линия ее губ, несомненно, выразила нечто, очень похожее на презрение. Дама вроде бы сохраняла полное спокойствие, только жилка билась под кожей на длинной, красивой шее. Выражение глаз не изменилось — как бы матовых, непроницаемых для большинства людей, странно неподвижных в незыблемом спокойствии. Обладатели таких глаз легко убивают. Но и их, бывает, тоже.

— Поп! — сказала она. — Надо же!

Она была не права: духовным лицом я ни в коей мере не являюсь. Но я не стал разубеждать ее. Пусть думает, как ей угодно.

— Мадам, повторяю вопрос: чем могу вам помочь?

— Вы? Думаю, что ничем.

Вот тебе на!

— В таком случае, что привело вас...

Она не позволила мне продолжить:

— Вам не кажется, что то, что вы пытаетесь сделать, так же безнравственно, как раздевать незнакомую женщину, даже не спросив ее согласия?

Между тем я всего лишь попытался войти в ее сознание, притом самым деликатным образом. Она, однако, ощутила это. Значит, имела неплохую подготовку. Дама-профессионал? Ну а почему бы и нет? Во всяком случае, ее попытка разобраться в моих мыслях, только что предпринятая, могла бы и увенчаться успехом — если бы я заранее не принял меры. Ладно, посмотрим, к чему это нас приведет...

— Прошу извинения, — сказал я. — Застарелая привычка, знаете ли. Мне просто показалось, что с вашей стороны последовало приглашение. Извините за ошибку. Итак — чего вы от меня хотите?

Она немедленно отчеканила:

— Мне нужно переговорить с Веригой.

— Очень хорошо. Может быть, вы объясните, кто это такой и почему вы ищете его там, где его нет и никогда не бывало?

На сей раз она выслушала меня до конца. И объявила:

— Вранье. Он здесь. И наверняка со своей группой.

— У меня не странноприимный дом, мадам. И я не сдаю комнат.

Она лишь мотнула головой, словно лошадка, отгоняющая слепня. Волосы всколыхнулись и снова упали на плечи.

— Детский лепет. Вы должны дать мне увидеться с ним. Это очень важно для всех. Я должна остановить его, прежде чем...

Тут вместо того, чтобы остановить его, она умолкла сама. Видимо, решила, что не должна обогащать мои запасы информации.

— Мадам! Я даю вам слово...

Неожиданно она усмехнулась снова:

— Слово Разителя, да?

Я сделал усилие, чтобы сохранить на лице выражение невозмутимости. Копаться в чужом прошлом и выуживать

из него какие-то обрывки, на мой взгляд, так же непристойно, как нюхать грязное белье, которое носили не вы.

— Вот именно. Слово Разителя. Его всегда бывало достаточно для кого бы то ни было.

Похоже, она слегка заколебалась.

— То есть вы утверждаете, что его тут действительно нет?

— И не только это. Могу повторить еще, что я никогда не только не встречал человека с таким именем, но и не слышал о нем.

— Он изменил имя? — подумала она вслух. — Это не было предусмотрено.

— Если вам станет от этого легче, — предложил я, — могу показать вам все углы и закоулки моей скромной обители. Надеюсь, своим глазам вы поверите?

Женщина, так и не назвавшая своего имени, на моих глазах вдруг как-то опала, словно из нее выпустили воздух.

— Жаль... — пробормотала она скорее себе самой, чем мне. — А я надеялась... — Тут же она снова взяла себя в руки, выпрямилась, нахмурилась: — Обещайте, что, если он у вас все же появится, вы не сочтете за труд немедленно сообщить об этом мне. Меня можно найти...

Я выставил ладонь, словно защищаясь от ее слов:

— Я не даю обещаний такого рода и не принимаю подобных поручений. К вашему сведению, я давно отошел от дел, мадам. Могу обещать только, что о вашем визите тоже не станет известно никому, если вы только не выскажете иных пожеланий.

— Выскажу. Никому, кроме Вериги. Ему — да. Сейчас я ухожу. Но если вы солгали...

— Проводить вас, мадам? — прервал я ее.

— Я найду дорогу, — ответила женщина надменно.

Она и в самом деле нашла. Я снова включил обзор, чтобы увидеть, как она уходит и не оставит ли после себя чего-нибудь этакого: свертка или коробочки с зарядом и детонатором. Хотя, конечно, будь у нее в сумке нечто подобное, Вратарь вместе со шкафом не преминул бы поднять тревогу.

Уже в дверях женщина повела лопатками под облегающим жакетом — словно ощутила мой взгляд, хотя смотрел на нее лишь глазок камеры. Но не обернулась.

Дверь за женщиной закрылась. А я остался сидеть, пытаясь собраться с мыслями, даже и не вспоминая о планировавшейся яичнице.

Верига. С чем его едят? Полное отсутствие ясности.

Заказ, между прочим, сорвался. Может быть, следовало предложить посетительнице разыскать этого типа и взять солидный аванс? Черт, как мне сразу не пришло в голову? Хотя — нет, все правильно: та жизнь прошла и не вернется. Аминь.

Так или иначе, я не стал относить странный визит к разряду серьезных событий. И снова стал печально рассуж-

дать о плачевной ситуации, в какой находился и выход из которой все не подворачивался. Хотя я знал, что это, конечно, не так. Просто спасительная волна однажды вынесла меня на бережок, и я обсыхал на нем, в то время как мутная, грязная, изобилующая мелями и водоворотами река жизни продолжала струиться совсем рядом, неся людей неизвестно куда.

Так что когда зуммер местной связи, не ВВ, заворчал, я подумал было, что это просто ошибка — кто-то случайно залез на мою частоту. Я в этот миг находился в медитации: не знаю лучшего способа уйти от неприятных мыслей и переживаний.

На втором звонке мой на-все-руки-Вратарь вступил в разговор: любезно сообщил звонившему, что здесь — жилье имярека (у меня нет оснований скрывать свое имя), что названный имярек в настоящее время отсутствует и если у звонящего есть желание что-то сообщить, то пусть выкладывает, информация со временем будет доведена до сведения хозяина. Прервав медитацию, я благосклонно слушал, как умная схема отваживает того, кто, надо полагать, небрежно сработал на клавиатуре. В ответ я ожидал либо извинения за неточность, либо пары теплых слов, вызванных к жизни досадой на самого себя, после чего должен был последовать отбой. Я уже заранее великодушно простил его за ошибку.

И естественно, все получилось совсем не так.

Вместо извинений из аппарата донеслись слова, сказанные на диалекте то ли Симоны, то ли Стрелы-Второй — в общем, какой-то галактической Обояни. Я не филолог, и орфоэпические особенности разных углов Федерации меня не беспокоят, важна информация — та, что заключена в словах, а еще больше — в недомолвках и многозначительном молчании. То, что нежданный собеседник безбожно путал глухие согласные со звонкими, меня не смущало.

— Уфажаемый Раситель, неопхотимо срочно перековорить с вами. Меня совут токтор Ферика. Мы только что припыли с Синеры...

Синера, конечно! А не Симона. А на Стреле с согласными все в порядке, вот гласные они глотают не разжевывая. Шпециалист!

Стоп.

Ферика?

«Токтор Ферика»?

А если перевести это на нормальную теллурианскую фонетику — что получится?

Доктор Верига, вот что.

Верига.

Так-так-так-так-так. Уже интересно. Что он там?

— ...сейчас находимся в терминале-три...

Терминал-три? Странновато. Прежде всего это означает, что прибыл он кораблем, вместо того чтобы воспользоваться вневремянкой. Уже это не назовешь нормальным. Далее:

борта с Синеры приходят обычно куда? На Экваториальную платформу. Значит, летел он не рейсовым, а чартерным. Если он, конечно, прямо оттуда. Чартерный рейс — удовольствие не из самых дешевых. Видно, его действительно припекло. И даже не его, а их. Он ведь сказал: «Мы прибыли».

— ...прозьба тоштаться нас. Посвоним через два часа. У нас дело категории «Анни».

Анни! То есть — аннигиляция. Категория высшей угрозы. Кому? Что грозит? Или, точнее, кто?

Прежде, заслышав такой сигнал — вопль о помощи, — я уже мчался бы сломя голову на выручку. Теперь — не то. Разитель отошел от дел. Но если где-то людям и в самом деле грозит серьезная опасность и они обращаются ко мне — вправе ли я умыть руки? Тем более что этого самого Веригу уже искала дама, и намерения ее были, похоже, не самыми миролюбивыми. Искала тут, у меня. Так что я уже как бы замешан.

А кроме того...

Я ощутил, как во мне возникает вдруг некая надежда. В комнате явственно запахло отбивными. Аромат хорошего заказа.

— Алло! Верига! Постойте, не отключайтесь...

Обстановка на первый взгляд такова: тут их начали искать еще до посадки корабля. И конечно, продолжают. В чем дело — я, понятно, не знаю, но чутье подсказывает: оно из разряда необычных. Значит: чем меньше они наследят, тем лучше. Для них.

— Я дома, но у меня мало времени. Вы можете приехать быстрее? По вневремянке?

— Это пыло пы нешелательно. У нас свой транспорт. Так лучше.

(Его дикий акцент резал мне слух. Более не стану воспроизводить его.)

Ну да: на вневремянке надо удостоверять свою личность. Иными словами — назвать свой Личный Код, ЛК: номер, который присваивается человеку при рождении и сопутствует ему до самого конца. Один из без малого триллиона; примерно столько людей насчитывается сейчас во всех обитаемых мирах. Эти же не хотят нигде светиться. Ясно: потеря времени — выигрыш скрытности. А может быть, и не только ее.

— Понял. Что у вас: скользун? Коляска?

— «Бриз». Агрик. Так что мы даже не выйдем на улицу.

Ну, что же: «Бриз» — средство достаточно быстроходное.

— Жду. Меня можно найти...

— Ваше местонахождение нам известно.

Вот так. И отключились.

Через секунду-другую я поймал себя на том, что пытаюсь разглядеть координаты звонившего на дисплее, на котором они так и не появились. Этот Верига (вдруг стало чудиться, что я когда-то давно уже встречал это имя, вот не помню толь-

ко — где) и в самом деле заботится о сохранении конфиденциальности.

Ладно. Так или иначе, остается достаточно времени, чтобы довести до конца медитацию. Вернее — начать с начала.

Улегся. Теплею. Тяжелею. Астральное тело отделяется, оставляя плоть бездвижной, лишь редко, равномерно дышащей. Ухожу...

Поднимаюсь по крутому склону, не щадя локтей и коленок. Во плоти никогда бы не отважился на такое. Первый слой облаков остался далеко внизу, сейчас предстоит пробиться через второй сквозь густой туман, в котором не различаешь даже собственных пальцев, судорожно вцепляющихся в малейшие неровности стены, теперь уже почти вертикальной. Но миную второй слой неожиданно быстро. Вот и вершина. Пятачок, на котором устоять можно, но растянуться, чтобы отдохнуть, никак не удастся; сюда поднимаются не для отдыха. Над головой — густая, темная синева и пристальные, немерцающие звезды. Редкий случай: нет ветра, штилевой воздух кажется непроницаемым, как сама скала. Но это меня радует: благоприятный признак. Намек на то, что я, возможно, добирался сюда и не зря.

Теперь — последний этап: полет.

Облака, пик, сама планета — все остается далеко. Уношусь ввысь. Хотя теперь это уже не высь — неопределенное направление.

.....

— Я тебя звал несколько раньше. Ты опаздываешь.

— Прости, — смиренно отвечаю я. — Иногда приходится и задержаться — для важного разговора. Но мне по-прежнему необходимо если не увидеть тебя, то хотя бы услышать.

— Что тебя волнует?

— Ничего. Просто — услышать...

— Тогда помолчи.

А я и сам не решился бы сказать еще что-нибудь.

— Говорят о вечности, — слышу через какое-то время (тут его течение не ощущается). — И о конце света. Он будет, будет. Но не раньше, чем исчерпаются все комбинации, возможные в рамках этого творения. Для вас — это еще очень долго. Для Него — впрочем, для Него время вообще не существует.

Я не решаюсь спросить. Но после паузы Посвященный говорит и сам:

— Это не первое творение. Но еще неясно — будет ли последнее. Возможности множатся, я вижу все больше...

Снова пауза. И наконец:

— Не забываю о продвинутых. Но двигайтесь, двигайтесь. Смысл этого творения — в развитии. А я увижу. Да, и вот еще что.

Я почувствовал, как изменился настрой его мыслей, которые он вколачивал в меня напрямую, без помощи слов.

— Тебе предстоит серьезное дело. Его надо выполнить. Конечно, лучше не переходить известных тебе границ. Не падать слишком низко. Но тебе придется возвратиться в себя — прежнего, каким ты был не так давно. И пока будешь оставаться таким — не обращайся к нам. Жестоко, но иначе нельзя. А уж если...

Так и не закончив, он ушел — я сразу почувствовал, что он оказался вне моего восприятия.

Пора было возвращаться.

Медленный переход в нормальное бытие. Одновременно оживает таймер мика, упрятанного где-то глубоко в моей голове микробиокомпьютера, без которого в наше время не живет ни один человек.

У меня остается еще полчаса. Хватает на легкую гимнастику и на приведение жилья в относительный порядок. Даже на то, чтобы стереть пыль с бросающихся в глаза плоскостей.

Едва успеваю закончить эту работу, как Вратарь деликатно звякает, чтобы привлечь мое внимание к экрану внешней камеры. Той, что уютно пристроилась наверху, на крыше. Она исправно показывает, как на площадку мягко садится «Бриз» — маленький агрик третьего класса, рассчитанный на четырех седоков. Это означает, что гость прибыл.

Вернее, гости: их трое — недаром Верига употреблял множественное число, когда потревожил меня звонком. Против королевского недуга — пунктуальности — прибывшие обладают явным иммунитетом: пришли на десять минут раньше. Но при первом знакомстве излишняя придирчивость вряд ли пойдет всем нам на пользу.

— Строго проверь, — говорю я. — И впусти, если все в порядке.

(Я поймал себя на том, что стал применять такие меры предосторожности, какие принимал в добрые старые времена. Где мои сколько-то там лет? И что это: интуиция — или признаки маразма?)

Пока перед дверью и потом в тамбуре происходила процедура проверки, я последним взглядом прошелся по комнате и (на всякий пожарный) занял позицию, на которой меня нельзя будет увидеть сразу, когда дверь укатится в стену. Предосторожность, по сути, можно было бы назвать излишней: если они пройдут проверку, то смогут действовать разве что врукопашную — а этого я не очень боюсь. Однако же интуиция подсказывала мне именно такой образ действий.

Заняв позицию, я не без любопытства оглядел все четыре монитора — те самые, что показывали прихожую. Вратарь (для гостей это сейчас лишь табло, рисующее слова команд) выдает первое указание:

«Будьте любезны (я — сторонник вежливости во всех случаях) поместить все имеющееся у вас оружие в шкафчик справа».

Как и ожидалось — секунды нерешительности. Троица переглядывается. Один — тот, что справа, — покачивает головой. Еще секунда. Средний — видимо, это и есть доктор Верига, — чуть пожав плечами, достает откуда-то из-за пазухи оружие и кладет на указанное место. Дистант класса «миди», предпоследняя модель — температура в точке поражения не более двух тысяч Цельсия, предел — сто двадцать метров, емкость батареи — триста импульсов, или шесть минут непрерывного действия. Щечки рукоятки потемнели от ладони владельца; значит, машинка служит не только в качестве театрального реквизита.

Такие же инструменты выкладывают с явной неохотой и остальные двое. Похоже, они опасаются серьезных неприятностей.

Табло Вратаря мигает. И возникает следующее воззвание:

«Вынужден напомнить: ВСЁ оружие».

Снова переглядки. Пожимание плечами. Кто-то даже вздыхает. В конце концов к лежащим на тумбочке дистантам прибавляются три пулевых безадресных пистолета (оказывается, где-то они еще в ходу!), три синерианских кинжала — голубой мерцающий металл, золотистые, слегка выгнутые рукоятки, — и всякая мелочь: звездочки, ручки, трубочки с иглами и т.д. В общем, взвод не взвод, но десантное отделение (прошлого века) можно было бы вооружить. Да, неуютно чувствуют себя провинциалы на Теллусе, надо полагать. Интересно, как вооружились бы они для визита на Армаг?

Больше претензий у Вратаря не возникает. Легкое гудение — и вся их амуниция исчезает в глубине шкафа, а дверь в мою приемную распахивается.

Похоже, никаких дурных неожиданностей опасаться не следует. Я оставил свою позицию и пошел навстречу гостям, не забыв изобразить едва ли не самую любезную из имеющихся в моем распоряжении улыбок.

Они вошли — и даже мне передалось на миг то чувство удивления, которому они невольно поддались.

Быть может, они ожидали, что стены моей скромной обители будут увешаны клинками, пистолетами, дубинками, наручниками, а в центре окажется защитный жилет со следами множества попаданий. А увидели совершенно другое, я бы даже сказал — противоположное. И это их в какой-то мере озадачило и даже (как уловил я) заставило усомниться: туда ли они попали, куда намеревались.

Я видел, что им очень хотелось повернуться и уйти — даже не извинившись за напрасное беспокойство. Но это длилось лишь краткий миг; видимо, эти трое были людьми, привыкшими к неожиданностям. И кончилось тем, что они вежливо по-

здоровались. После чего один из них — видимо, самый нервный — проговорил:

— Надеюсь, мы получим обратно наше снаряжение?

— Разумеется, — успокоил я. — Кстати, на Теллусе жизнь достаточно безопасна, так что таскать с собой такой арсенал вовсе не обязательно.

Нервный ответил:

— На это у нас своя точка зрения.

Я только пожал плечами, что должно было скорее всего означать: «Всяк по-своему с ума сходит». И предложил им на выбор кресла или диванчик, как раз на троих. Двое выбрали кресла, третий, тот, кто был, по-моему, Веригой, уселся на диванчик: таким образом они как бы образовали треугольник, в котором я находился в середине основания. Мне осталось лишь внутренне усмехнуться.

Последовали обычные две минуты молчания — встречаясь впервые, принято тратить столько времени, чтобы составить первое представление о собеседниках.

Я прежде всего постарался оценить их зрительно. Все трое были первого среднего возраста — где-то около шестидесяти, самый расцвет, нормально развитые физически, одеты одинаково — в земные повседневные и явно неудобные для них костюмы. Затем принялся за главное: решил покопаться в нутре каждого — так, чтобы они не ощутили неудобства. У Вериги определенно проблемы с почками, спутники его переносили серьезные ранения — у того, что справа, два следа, у второго — три, одна пуля даже не извлечена, давно закапсулировалась. Провинция! У нас никто не стал бы таскать в себе такое инородное тело. Но это-то меня не волновало. Я хотел убедиться в том, что они не выставили никаких внутренних блоков, не выстроили защиту: когда ее обнаруживаешь, волей-неволей приходится насторожиться. Так что на эту операцию я настроился очень серьезно.

Первый, беглый просмотр заставлял предположить, что с этим в их сознании все чисто. Защита, конечно, присутствовала — но самая обычная, какую в наше время каждый ставит у себя, совершая утренний туалет — просто для того, чтобы предотвратить нечаянное воздействие более сильного поля случайного прохожего. Я прошел эти экраны легко, нимало не потревожив их обладателей. Нет, вроде бы в сознании этих людей не было никаких закрытых для анализа уголков, ни одной запертой дверцы. Доминировавшим в их внутреннем мире было чувство опасности — причем угрожавшей не только лично им. Но об этом они, надо полагать, расскажут сами — иначе для чего было им предпринимать столь дальнее путешествие? Я не заметил никакого недоброжелательства по отношению ко мне, горизонты хитрости и обмана представлялись чистыми. Похоже, с ними можно было разговаривать, не опасаясь подвохов и скрытых ловушек.

Сознание, однако, не единственное и даже не самое главное в управлении человеческими поступками. Подсознание — вот что нужно раскрыть для себя, исследовать и оценить. Оно и есть самое трудное, самое закрытое не только для стороннего наблюдателя, но и для самого себя. И на анализ лабиринтов их подсознания ушла у меня большая часть этих двух минут.

Результат меня не то чтобы огорчил, но удивил — да, это, пожалуй, самое уместное слово. Я не встретил никаких ощутимых блоков, никакой защиты, мешавшей бы мне проникнуть в подсознание всех троих; я вошел туда с неожиданной легкостью — для того лишь, чтобы ничего там не обнаружить. Образно выражаясь, все залы, комнаты и переходы этого психического пространства были совершенно пусты. Так не бывает! — хотелось мне крикнуть; но именно так оно и было. Аномалия? Да, конечно. В чем ее причины и что она может значить? Решить это за считаные секунды было невозможно, такая работа требовала куда большего времени. Секунд оставалось ровно столько, чтобы решить: на этом закончить встречу и, соблюдая все нормы вежливости, выпроводить гостей — или же продолжить, надеясь, что по ходу дела загадка сама собой разрешится? Разумнее был первый выход. Я выбрал второй, потому что прожорливый червь любопытства вдруг ожил во мне. Поскольку кое-что интересное я там не то чтобы увидел, но ощутил.

Когда минуты истекли, я открыл конференцию словами:

— Итак, я вас внимательно слушаю.

Сидевшие по бокам чуть повернули головы к тому, кто играл в этой тройке центра и кого я определил как Веригу. Чему немедленно последовало подтверждение:

— Здравствуйте, Разитель, — сказал он. — Я — доктор Верига. А это мои коллеги.

Он упустил — в чем именно коллеги. Я же не стал уточнять, но не преминул поправить:

— Я больше не называюсь Разителем. Оставил службу уже довольно давно. Понимаю, что в ваших краях это прошло незамеченным...

Он чуть приподнял левый уголок рта. Возможно, это следовало понимать как улыбку.

— Семь лет и четыре месяца тому назад, — сказал он таким тоном, с каким говорят о самых интимных материях, — вы выступали дуэтом в маленьком концерте на Лорике. Партнеру не повезло, и он остался там. У вас возникли подозрения, что это невезение было следствием утечки информации из Главной конторы вашей тогдашней Службы. Разубедить вас не смогли, и вы ушли в отставку. Как видите, и до провинции доходит необходимая информация.

— Увы, не вполне точная.

— В самом деле?

— Во-первых, мой партнер не остался на Лорике: тело я вывез. Хотя сделать это было трудно. Во-вторых, у меня не было никаких подозрений. Была уверенность. Были факты. И, в-третьих, я в отставку не подавал. И не собирался. Просто заявил начальству, что виновный в частичном неуспехе операции должен из Службы уйти как допустивший преступную небрежность. Однако его решили простить. Я не мог с этим согласиться, и уйти пришлось мне: честь не позволяла остаться.

— Я приму к сведению ваши поправки, — сказал Верига невозмутимо. — А что касается Разителя — надо же как-то к вам обращаться.

— Ну, ладно, — сказал я. — Я не обижаюсь. Так чему обязан?

Он проговорил таким тоном, каким приглашают на чашку кофе:

— Мы хотим нанять вас. Поручить вам дело — не очень сложное, но деликатное. За работу будет хорошо заплачено.

Это было очень кстати. Уж если мне суждено браться за дело, а ведь именно его имел в виду тот, кто сказал мне «Надо», то есть смысл и в том, чтобы на нем заработать. Но я постарался внешне не выразить своего удовлетворения. Нельзя показывать заказчику, что нуждаешься в нем не меньше, чем он в тебе.

— Не знаю, не знаю... Разочарования и здоровье вводят свои поправки, так что последнее время я преимущественно консультирую. Хотя, конечно, многое зависит от того, в чем будет заключаться задача.

— Вначале — поработать определенным образом с одним человеком.

— Вы должны знать, что я не киллер, — счел я нужным напомнить. Хотя это они наверняка знали и сами. Вообще они знали несколько больше, чем им полагалось бы. Откуда?

— Ну, для нейтрализации мы нашли бы исполнителя попроще.

«И подешевле»,— подумал я.

— С этим человеком нужно сблизиться. Войти в доверие. И получить некоторую информацию. Получив, передать ее нам. Все это следует осуществить быстро. Скажем — недели за две. Этим ваша первая задача будет выполнена. Не исключено, что за нею последуют другие — более сложные.

— Например?

— Может быть, понадобится устроить нашу встречу с ним. Возможны и другие варианты. Несомненно — получение нужной информации и, если потребуется, изъятие некоторых предметов... Но задачи будут ставиться по мере их возникновения. Думаю, такие действия и сейчас вам по силам.

— Один человек из восьми миллиардов — это немного, — ободряюще произнес я. — Хорошо бы, конечно, узнать и другие подробности.

Обычное коммерческое дело, решил я, говоря это. Выудить информацию у конкурента. Я ожидал большего.

Но в ответ прозвучало:

— Пожалуй, тут было бы уместно предисловие...

Я перебил:

— Предисловия я обычно читаю в последнюю очередь.

Это заявление, кажется, сбило его с мысли — но ненадолго.

— Речь идет о семенах урагары, — сказал он и сделал паузу, чтобы посмотреть, какое впечатление эти слова произведут на меня. Кажется, результат его не устроил, и он дополнил: — Хвойного сезона.

— Продолжайте, — предложил я, не моргнув глазом. Что такое урагара, я и понятия не имел; но никогда не следует показывать уровень своего невежества.

— Так вот, они исчезли. Похищены. Украдены.

— Так, — сказал я, чтобы сохранить нужный ритм разговора.

— Их необходимо найти. Потому что мир, в котором они находятся, подвергается большой опасности.

— Что — они настолько ядовиты?

(Я позволил иронии прозвучать в голосе: в такие штуки я давно уже не верю.)

— Они — источник и инструмент глобальной катастрофы. Подробности мы вам изложим потом, когда договоримся о главном.

— Эти семена что: аннигилируют? Вызывают ядерную реакцию? — снова не удержался я от иронии.

Все трое поглядели на меня осуждающе. Как если бы я начал смеяться на похоронах.

— Я имел в виду политическую катастрофу, — послышалось в ответ.

Это прозвучало неожиданно убедительно: опыт подсказывал, что политическая катастрофа — даже и галактического размаха — может начаться по самому ерундовому поводу. Я кивнул и заговорил уже серьезно:

— В каком же мире украденные семена находятся?

— Это вам и предстоит выяснить в первую очередь. Затем мы постараемся отыскать их и вернуть. Я же сказал вам, что они похищены? Так что ваши действия будут совершенно законными. Но о деталях мы еще успеем. Надеюсь, у вас есть время для восстановления права собственности?

— Безусловно, — заверил его я.

— Конец нити, ведущей к месту, где укрыты похищенные семена, по нашим сведениям, находится в руках именно того человека, о котором я уже сказал. Но сами мы добраться до него не можем. К нему и близко не подпустят никого, прибывшего с Синеры. И он надежно защищен. Очень надежно.

— Я вас понял. — Это подтверждение я сопроводил выразительным кивком, одновременно пытаясь залезть в

самые глубины своей памяти. Нет, никакого упоминания об урагаре мой мик там не обнаружил. Ни намека даже на то, с чем эту урагару едят. Ладно. Разберемся как-нибудь. Но и они должны сказать что-то конкретное.

Решив так, я продолжил переговоры словами:

— Я склонен принять ваше предложение — как только вы детально объясните мне, что к чему. Что это за человек?

На что Верига ответил:

— Его имя — Альфред. Вернее, это фамилия — во всяком случае, под нею он известен в деловых кругах — и официальных, и закрытых...

Еще бы он не был известен! Ботаник, которого знает вся Федерация, или, во всяком случае, ее интеллигентная часть, член научных обществ и еще — главный озеленитель, чье имя — на ограде каждого деревца. Каждой армагской чинкойи, какими усажены и проспекты, и переулки. Причастен к краже? Гм, почему бы и нет?

— ...Легче всего, конечно, подобраться к нему через какую-нибудь известную фирму. Однако для проникновения в такие корпорации нужно время, а у нас его нет. Так что способ сближения — это уже ваша компетенция.

— Не густо. Конечно, придумать что-нибудь можно. Был бы только смысл напрягать извилины.

— То есть?..

— Благотворительный фонд защиты прав собственников находится по другому адресу, и я не имею к нему никакого отношения. А вы еще ни словом не обмолвились о ваших условиях.

— Совершенно справедливо, Я как раз собирался обсудить эту сторону вопроса. Разумеется, мы покрываем все расходы. А что касается вашего гонорара — в какой сумме он должен, по вашему мнению, выражаться?

Давно известно: серьезность намерений заказчика точнее всего проверяется при установлении оплаты. Хотите, чтобы сделка не состоялась, — заломите сумму пострашнее, и заказчик уйдет, если предполагавшееся соглашение не было для него вопросом жизни и смерти. Но бывает, что они готовы не только платить, но и переплачивать; тогда или дело действительно серьезное, либо это блеф.

— Пятьсот тысяч галларов, — сказал я, хотя еще секунду назад собирался запросить на порядок меньше.

Это даже в наше время очень серьезные деньги — если это гонорар, разумеется, а не капитал.

Трое визитеров, похоже, слегка опешили. Должны же они, однако, понимать, что пришли не на дешевую распродажу. Высокая цена — гарантия качества. Вот так-то.

— Но... не кажется ли вам?..

— Нет. Не кажется. Впрочем, вы можете найти работника и без столь крупных затрат...

Но, похоже, это обстоятельство было ими предусмотрено.

— Оплата — по выполнении работы.

— Половина — сейчас. Вторая — по результату.

Впервые заговорил сидевший слева от Вериги:

— Эти условия не могут быть приняты.

Торгуются? Это говорит в их пользу. Ну что же — продолжим.

— Минутку. Тут говорилось о возможной пролонгации договора. Названная сумма — оплата всей работы, а не только получения информации. Если я не ошибся, вам ведь нужны эти семена? Я или беру дело целиком, или отказываюсь. Стлать постель для другого работа для горничных, а не для меня. Итак?

Им пришлось задуматься. Они переглянулись, словно бы беззвучно советуясь. Потом Верига решил уточнить:

— Вы гарантируете ваше участие до конечного результата?

— Не просто участие. Я беру на себя ответственность.

Несколько лет тому назад такого моего заявления было бы достаточно, чтобы снять любые вопросы. Но, похоже, за минувшее время моя репутация сильно убавила в весе. И вместо ожидавшихся удовлетворенных улыбок я увидел лишь поднятые в сомнении брови. А если бы я и не понял, что они означали, то последовавшая за ними реплика объясняла все предельно ясно:

— Нам известна ваша преданность делу, Разитель, но, по вашим же словам, вы все последнее время только консультировали; это, согласитесь, совсем не то, что оперативная работа, притом еще задание — из трудных. А нам не хотелось бы... Дело в том, что и вся работа тоже должна быть выполнена в определенный срок, достаточно краткий. Через два месяца операция утратит всякий смысл.

— Что — счетчик уже включен?

Они восприняли вопрос серьезно.

— Я уже сказал, — произнес Верига, проявляя некоторое нетерпение: — Мы все объясним вам завтра. Завтра! И о свойствах, и о спутниках и предшественниках — словом, все.

— Этот срок реален? Галактика велика, и поскольку вы не знаете, в каком ее конце искать ваши семечки, за два месяца можно и не управиться. Я ведь не музыкант из оркестра, я — солист.

— По нашим расчетам — можно. Мы станем оказывать вам любую помощь, какая только будет в наших возможностях.

— Это, конечно, ободряет. А как насчет неустойки? Какую неустойку придется мне платить в случае неудачи?

Они продолжали очень серьезно смотреть на меня. Только после небольшой паузы тот из них, кто до той поры не промолвил ни слова, проговорил:

— Неустойка — ваша жизнь.

— Только-то? — сказал я бодро.

— У вас есть более ценный залог? Впрочем, если наши условия вас смущают — ничего ведь еще не подписано, и вы можете...

Верига не договорил, но и сказанного было достаточно.

Решение надо было принять в доли секунды: малейшие колебания с моей стороны окончательно убедили бы их в моей оперативной непригодности. А стоило мне хоть на миг поверить в их правоту — и никогда не удалось бы доказать им, что они ошиблись. И я не получил бы всей операции целиком.

Такого унижения я скорее всего не пережил бы. А кроме того — мне действительно очень нужны были деньги. Много. Тем более что было сказано: эту работу нужно сделать.

— А может быть, это мои условия вас смущают? — спросил я как можно более насмешливо. — В таком случае полагаю, что нам самое время закончить переговоры. Что же, как говорится — расстанемся друзьями. И в знак дружбы хочу предупредить вас: вы еще не успели прибыть, как на вас тут открыли охоту. Скажите, не знакома ли вам эта дама?

И, нажав клавишу, я загрузил на монитор изображение моей давешней гостьи.

Не шевелясь, в полном молчании гости несколько секунд смотрели на экран. Потом разом повернулись ко мне, и я удивился тому, насколько за эти минуты изменились их лица. Теперь они выражали чувство глубокого недоумения.

— Где она? — спросил Верига, и в его голосе прозвучала недвусмысленная растерянность.

— Полагаю, где-нибудь недалеко, — ответил я. — Потому что мне она явно не поверила, хотя я уверял ее, что не имею о вас никакого представления. Не берусь предсказывать, но на вашем месте я не медлил бы с устройством срочных дел на Теллусе.

Кажется, они пришли к такому же выводу одновременно со мной. Им и в самом деле некогда было искать других исполнителей. Я добавил еще:

— Как видите, другие оценивают мои возможности достаточно высоко даже и сегодня.

Видимо, это помогло им решиться.

— Дайте номер вашего счета. Побыстрее, если можно, — сказал тот, что пытался торговаться.

Так. Похоже, это действительно серьезные клиенты.

— Ваш ЛК? Благодарю. Вот. Пожалуйста.

Я протранслировал номер прямо в его мик. Он замер на несколько секунд; я знал, что это время понадобилось, чтобы его мик связался с банковским терминалом и произвел перечисление. В наше время крупными суммами оперируют не при помощи карточек, как встарь, их носят в голове, в памяти микробиокомпьютера, обезопасив несколькими слоями защиты.

— Готово, — сказал он. — Прошу проверить.

Пришла моя очередь таким же способом связаться с банком. Все было как будто правильно. Конечно, в таких случаях лишняя проверка не мешает. Пока я только передал в терминал дополнительный код для защиты поступившей суммы; теперь

без моего ведома ее нельзя будет отозвать. Разве что по судебному решению. Или по распоряжению Службы.

— Благодарю вас, — проговорил я, закончив операцию. — Ну что же — отметим сделку?

Бутылка — остатки прежней роскоши — была уже в моей руке: я вытащил ее из стола так же быстро, как в случае угрозы выхватываю оружие. Следующим движением выставил сразу четыре стаканчика.

Они переглянулись, словно сомневаясь. Потом Верига сказал второму из своих спутников:

— Разлей, Кольф.

Названный вежливо отобрал у меня бутылку. Я подумал: они боятся, что я подсыплю им чего-нибудь? Это не в моих правилах.

— Скажите, что говорила вам эта женщина?

Я повернулся к Вериге:

— Ничего, кроме того, что я вам уже сообщил.

Кольф уже раздавал стаканчики.

— За удачу! — провозгласил я.

Все разом выпили. Затем Верига и сидевший справа встали. Верига сказал, прощаясь:

— Я по-прежнему надеюсь, что смогу дать вам нужные подробности — при завтрашней встрече. Потому что сейчас мы вынуждены срочно позаботиться о своей безопасности. Хотя, возможно, мы свяжемся с вами еще раньше.

Ну что же. Они меня подрядили, так что были вправе заказывать музыку. Хотя недостаток информации означал, что сегодня я еще ничего не смогу сделать.

— Буду ждать.

— А когда сможете начать? — В голосе Вериги уже звучало нетерпение нанимателя.

— Считайте, что я уже действую. Обождите еще минутку!

Эта минута была мне нужна, чтобы верхняя камера внимательно просканировала крышу. Все было спокойно: кроме их «Бриза», ничто не попало в поле зрения.

— Теперь можете выйти. Кстати: советую сразу же снизиться и несколько минут лететь над улицей на минимальной высоте — так вас будет труднее засечь.

— Благодарю вас. Мы так и сделаем.

И дверь, выпустив их, встала на место.

Я проследил, как они в прихожей получили свое оружие — в целости и сохранности. А когда они взлетели — по старой привычке воспользовался одной из внешних камер, чтобы проследить за ними, пока они еще видны в небе.

Работая трансфокатором, я провожал взглядом плывшую низко над улицей машину, направлявшуюся к центру города. Все было в порядке. Я уже отвернулся от экрана, как связник снова ожил. Я взял трубку. Это был Верига.

— Слушайте! — Голос его показался мне возбужденным. — Мы только что...

Но тут он отключился. Я невольно перевел взгляд на экран. И почти сразу понял: намеченная на завтра встреча вряд ли состоится.

Почему-то агрик, словно испуганный чем-то, на моих глазах круто набрал высоту, рискуя столкнуться с другими аралетами в более высоких эшелонах, и за считаные секунды взмыл высоко над крышами.

Видимо, с какой-то из этих крыш и ударили по нему; судя по результату — из магнум-дистанта, в режиме микроаннигиляции.

Собственно, стрелявших я не заметил. Но, следя за «Бризом», ясно видел, как его сразу охватило пламя.

Оставляя за собой пышный дымный хвост, машина обрушилась: похоже, был поражен ее антиграв. Мгновение — и над ней раскинулся купол, но уже через секунду вспыхнул и превратился в огненный конус. Еще через несколько секунд аппарат скрылся из виду.

Я наскоро прикинул: похоже было, что Верига пытался вырулить к месту, где падение аралета привело бы к наименьшим жертвам. Таким местом была река. Но нерегулируемая скорость падения не оставляла надежды на спасение находившихся в кабине людей. Моих заказчиков.

Я признал, что, хотя ощущение опасности, преследовавшее их, не было лишь плодом воображения, мое предупреждение об открытой охоте не оказало на них должного воздействия. Их поймали в примитивную ловушку.

Это означало, однако, что и мне следует быть готовым к неприятностям. Те, кто подстерег моих гостей, точно знали, где они находились. Им будет нетрудно добраться до меня. Хорошо, что Лючаны нет дома. Но стоит поберечься и мне самому. Тем более потому, что, хотя заказчики и не смогут уже оценить результаты моей работы, их гибель самой этой работы не отменяет: деньги уплачены и мною получены, возвратить их, отказавшись от работы, некому — значит, нужно отрабатывать гонорар.

А хотя стоят ли любые деньги того, чтобы подставлять свою шкуру под огонь? Если двое ведут между собой перестрелку, самое глупое, что может сделать третий, — это оказаться между ними. В юности меня еще тянуло показывать в таких случаях свою лихость. Но это было давно. И чем дольше я жил — тем более уютной мне казалась эта самая шкура. Она совершенно не нуждалась в дырках для принудительной вентиляции, тем более если эти дырки не пробивает пуля сериала, а прожигает луч дистанта.

Кончен, кончен день забав...

А деньги? Ну и что деньги? Если за ними явится кто-то от имени погибших — то либо он подтвердит условия сделки и гарантирует своевременную выплату второй половины,

либо я верну ему все полученное. И еще: если те, кто поджег Веригу, и в самом деле нагрянут сюда по мою голову, я скорее всего использую эти самые галлары, чтобы откупиться от бандитов — или кем они там окажутся. Такое действие будет совершенно справедливым. Мне просто не в чем будет упрекнуть себя.

А поисками этих семечек пусть займется кто-нибудь другой. Помоложе и поглупее. Семена. Цирк какой-то. Или детский вариабль.

Значит — решено. Отказ — и покой.

Я невольно усмехнулся собственной попытке утихомирить встревоженное воображение. Потому что отлично понимал: все мои рассуждения стоили бы чего-нибудь, если бы мне не было прямо сказано где-то там, куда я попадаю в медитациях: эту работу надо сделать.

Так что работать я все равно буду.

И стоило мне прийти к такому выводу, как ожил мой мик. Меня вызывали по ЛК-связи. Я дал мысленную команду на прием и закрыл глаза, чтобы на обоих мониторах, что еще в раннем детстве были нанесены на внутреннюю поверхность моих век, прочитать возникавший на мгновения — и снова исчезавший текст.

Первыми словами были:

НЕ ЗАПИСЫВАТЬ!

Буквы были огненно-красными, угрожающими уже своим обликом. Язык, кстати, использовался не наш, теллурианский, планетарный, и даже не феделин — язык Федерации, а некий хорошо известный мне код. Но это, пожалуй, лишние подробности. Важнее — то, что затем было на этом языке изложено — после того, как назвали мое имя, не Разитель (то была скорее кличка), а служебное, бывшее в употреблении так давно, что я уже начал забывать о его существовании. Оно было своего рода паролем.

Значащая же часть послания оказалась очень краткой. Впрочем, канал этот вообще существовал не для лекций или философских размышлений. Я прочел слово за словом:

«Строго секретно. Текст самоуничтожается. Приглашаем возвратиться на службу. Предлагается одноразовая элитарная работа. Эксклюзивная оплата. Будете приятно удивлены. Ответьте немедленно. Подписал: Иванос».

Коротко и ясно, правда?

Подпись была мне знакома с давних пор. Главный псарь Теллуса — так любил именовать себя вице-шеф лавочки, которая раньше была и моей. Службы охраны мира Теллус.

Интересно все-таки: только что я не был нужен ни единой душе в Галактике (если не считать Лючаны, надеюсь), и вдруг на меня возник спрос больший, чем на презервативы в пятницу вечером. Недаром говорят, что Творец раскрашивал тигра, одновременно размышляя о жизни: полоса светлая — полоса темная. Сейчас явно настало время светлой.

Вот бы узнать: что же Контора решила мне предложить? Но это, увы, невозможно: по правилам Службы ты сперва даешь согласие (а это все равно, что поклясться на всех священных книгах сразу), и лишь потом тебе объясняют, какую именно форму самоубийства придумали для тебя на этот раз. Я дал бы согласие даже без секундной проволочки; но меня только что уже наняли и даже заплатили. Хотя я и мужчина, но я и честная женщина — в том смысле, что не изменяю своим любовникам. Так что — очень жаль, но придется отправить ответ с отказом.

Я мысленно продиктовал ответ, а мой мик сразу же отправил его по известному ему адресу:

«В ближайшие месяцы предельно занят. Весьма сожалею».

Вряд ли можно было сказать убедительнее, не правда ли?

Жизнь вошла в очень крутой вираж. Для серьезного анализа всего происшедшего больше не оставалось времени: я готов был спорить на любую сумму, что не пройдет и полу́часа, как те, кто только что расправился с Веригой, захотят нанести визит и мне, чтобы стереть всякие следы информации, какие синерианин и его люди могли тут оставить.

Не оставили, правда; но охотники этого не знают. И не поверят мне, сколько бы я ни старался убедить их в моей полной откровенности.

Впрочем, у меня и в мыслях не было разговаривать с ними таким образом. Но до того, как они явятся, нужно было сделать еще одно-другое дело.

Прежде всего — разыскать Лючану и предупредить ее об изменившейся обстановке.

Сделать это было не так уж трудно.

Чтобы вызвать ее, я не стал пользоваться услугами обычного блока связи: его услуги были тут ни к чему. Повернувшись к нему спиной, я подошел к старинному секретеру у противоположной стены. Откинул крышку. За нею, как и полагалось, стояло несколько старинных книг. Своего рода маленькая коллекция. Я вынул том из середины. Раскрыл на семнадцатой странице. И положил палец на замысловатую буквицу, с которой начиналась очередная глава.

С полсекунды не происходило ничего. А затем полка с книгами погрузилась в нижнее отделение, открыв доступ к пульту вневременной связи.

Вообще-то ВВ-связь является привилегией государства, как и перемещения по вневремянке. Тем не менее у меня она была. Скажем так: случайно сохранилась с давних времен. Хотя я и не являюсь представителем официальной власти. Или, как она чаще всего называется для краткости — власти «О». А также не отношусь и к другой власти, куда более реальной: власти «Т». Теневой. Что не мешает мне пользоваться ВВ-связью, когда

в этом возникает серьезная необходимость. Как вот сейчас, когда я из своего мика задал ВВ-пульту ЛК Лючаны и заказал поиск. Это куда надежнее, чем простая ЛК-связь.

Хотя связь ВВ, если верить ее названию, не занимает времени, на самом деле поиск продолжается иногда и несколько минут: не так-то просто обшарить блоки учета всех миров Федерации, а потом, выделив нужный мир, разыскать в нем владельца заданного тринадцатизначного числа. Так что я стал уже нетерпеливо переминаться с ноги на ногу, когда Лючана наконец откликнулась:

— Это ты, Амир? Что стряслось? Мы же договорились...

Время мое таяло на глазах, и я невежливо прервал ее:

— Лучинка! Анни.

Она отозвалась уже совсем другим голосом: деловым.

— Говори.

— Тут заварилась каша средней крутизны, но масла много. И я в нее вляпался.

— Случайно?

— Закономерно.

— Ага!..

Это было сказано с ноткой удовлетворения в голосе.

— Именно.

— Мне приехать?

— Ты где? Ага, вижу: на Кантре. Присутствие желательно. Но не здесь. Просто следи за мной, мой мик тебе подскажет. И еще...

Остальное, что следовало, я продиктовал ей за минуту. Канал ВВ не следует занимать слишком долго: можно попасть под выборочное прослушивание с любой стороны.

— Хорошо. Постараюсь сделать.

Она всегда отвечала как бы неуверенно, однако этому не следовало придавать никакого значения.

— Как твои дела?

— Блестяще. — Это был ее обычный ответ.

— Береги себя.

— И ты. Отбой.

Прекрасно. Одно дело сделано. Теперь...

Я хотел уже вернуть ВВ в первобытное состояние. Но кто-то незримый — скорее всего то была интуиция — словно подтолкнул меня под руку. И вместо того чтобы выключить аппарат, я задал ему поиск еще одного ЛК. Не надеясь, впрочем, на успех.

То был Личный Код Вериги. Тот, что он проставил рядом со своей подписью под нашим с ним контрактом. Код, владелец которого уже не находился среди живых, что, конечно, было немедленно отмечено Большим Федеральным Терминалом: мик каждого гражданина Федерации непрерывно — с интервалом в четверть теллурианского часа — посылает в пространство, словно крохотный маячок, лишь одно: номер Личного Кода. Шлет беспрестанно — пока человек жив. Маячок умолкает

вместе с сердцем; после этого на любой вызов отзовется лишь приятный, хотя и печальный голосок, произносящий: «Нет в живых. Выражаем наше сочувствие».

Вот эти слова я и должен был услышать в ответ на вызов.

Получилось же вовсе не так.

Другой голос, а не тот, который я ожидал, ответил:

— Сейчас находится вне связи.

Это могло означать одно из двух.

Первое: Верига не погиб и пребывает сейчас где-то в Просторе — на борту, совершающем прыжок.

Маловероятно: он не мог успеть. Его «Бриз» был сбит полчаса тому назад, всего лишь.

И второе: он обладал умением на время отключать транслятор своего ЛК. Такой способностью обладают очень немногие, специально тренированные люди. Как правило, такую практику изучают самые выдающиеся оперативники Служб, и даже не во всех мирах, но лишь в наиболее развитых. Таких людей в Галактике куда меньше, чем, скажем, умеющих по желанию останавливать — и снова запускать свое сердце. И все они — солисты, профессионалы-экстра.

Но если Верига — из таких, то трудно предположить, что я не встречался с ним раньше: мы с ним принадлежали, в общем, к одному и тому же поколению. Что же я — сотрудничал с ним? Или работал против него? В Службах бывает и такое.

Ну-ка, мик, запустим щупальца в архив!..

Я сосредоточился. И вспомнил, где раньше попадалось мне это имя.

Я тогда был в Службе координатором Отдела закрытого розыска. Иными словами — осуществлял связь с одноименными отделами Служб других миров — отделов, занимавшихся поисками лиц, по причине своей секретности не объявленных в открытый розыск. И тогда-то это имя и возникло.

Жаль только — я не мог вспомнить: был ли он работником Отдела — или одним из тех, кого мы искали. Просто запомнилась не очень стандартная фамилия.

Странно, однако: с Синерой это воспоминание никак не связывалось. Не резонировало.

Ладно. Сейчас некогда разбираться. А вот работать все равно нужно.

Какие действия придется предпринять в ближайшем будущем?

Найти Альфреда. Это нетрудно.

Попасть в его окружение. Войти в доверие. И — если все обстоит так, как уверял меня Верига, — выяснить, во-первых, какому из множества миров Федерации угрожает пока неясная, но (если верить рассказанному) серьезная опасность. Во-вторых, в чем же эта пресловутая опасность заключается. И в-

третьих, найти, куда он спрятал семена. Конечно, при условии, что он их и прятал.

Это уже сложнее, но, я полагаю, тоже выполнимо.

Как попасть к нему? Как говорится, дело техники. Альфред наверняка держит немалый штат телохранителей. А у меня за спиной — хороший опыт работы по этой специальности.

Снова — в телохранители? Придется тряхнуть стариной. Навыки восстановятся быстро. А спецспособностей я и не терял.

Надо сказать, что хотя название нашей профессии уходит в достаточно глубокую давность, содержание ее за последние десятилетия значительно изменилось. Телохранитель нашего времени — вовсе не мускулистый парень, умеющий только, завидев опасность, стрелять из любого положения и оружия да наносить удары, заставляющие киллера оставить всякую надежду. В наше цивилизованное время увидеть опасность воочию — значит безнадежно опоздать. Потому хотя бы, что покушающемуся, перед тем как нажать на спуск, не нужно больше ловить цель в перекрестие прицела: достаточно, находясь на расстоянии не более километра, выстрелить в нужном направлении, не отклоняясь от него более чем на девяносто градусов. Сериал, даже при одиночном нажатии, выпустит не одну, как встарь, пулю, но, как мы говорим, «поезд», хотя на Востоке предпочитают другое название: «караван». И во главе «поезда» помчится пуля-«паровозик», хитрое создание из тяжелого пластиката, начиненное электроникой на молекулярном уровне; электроника несет в своей памяти все о цели: ее облик в разных ракурсах, температуру, запах, вес, запись голоса, даже рисунок радужки глаза — причем темные очки для нее не препятствие, но первым она улавливает не запах и не цвет глаз, но те поля, которые каждый из нас излучает, те невидимые простым глазом тела, что населяют нашу грешную плоть. Человек может облить себя духами или бензином, закрыть глаза и заклеить пластырем веки, а также и рот — но мало кто может управлять своей аурой. Да тех, кто способен на это, и не отстреливают: они не занимаются ни коммерцией, ни политикой. Пуля-«паровозик» имеет ничтожную пробивную способность, даже обычный бронежилет для нее — неодолимое препятствие; но пробивать и убивать — вовсе не ее задача, так же как задача локомотива — не перевозка грузов или пассажиров, но лишь буксировка вагонов. Дело «паровозика» — найти цель. И, обладая изрядным запасом хода и каким-то подобием рулей, она будет лететь, вилять, закладывать крутые виражи, снижаться и взмывать ввысь — на скорости пятьсот метров в секунду; в какое-то из мгновений она зафиксирует цель — и уже не отцепится от нее. А за ней, сохраняя полуметровый интервал между собою, последуют колонной по одному все остальные пули — поочередно: кумулятивные и разрывные. Их электроника примитивна, у нее одна задача: следовать за «паровозиком», как на жест-

кой сцепке, не отклоняясь, не отставая и не опережая. И когда «паровозик» настигнет цель — все остальные одна за другой (в поезде их может быть от пяти и больше; самый длинный, с каким мне приходилось встречаться, насчитывал семнадцать пуль) ударят в одно и то же место и пробьют даже самую надежную защиту, и поразят сердце — потому что именно сердцебиение жертвы будет той информацией, которая поможет «паровозику» в последний раз откорректировать свой маршрут.

Помнится, когда такое оружие вошло в обиход, оно получило название «гуманного» и вызвало в обществе даже какую-то эйфорию. И в самом деле: оно, по сути, сделало невозможными случайные жертвы: сколько бы народу ни окружало человека, обреченного на уничтожение, пули обойдут всех и найдут нужного. Но восторги вскоре угасли: новое оружие сделало профессию снайпера, по существу, излишней. Теперь любой ребенок мог нажать на спуск в уверенности, что не промахнется. Как и всегда, совершенствование техники привело к отмиранию искусства — на этот раз искусства убивать. Зато круто взлетели в цене разведчики. Ничего удивительного: чтобы выстреленный поезд прибыл на станцию назначения, следовало загрузить в «паровозик» все нужные характеристики, а чтобы загрузить — требовалось прежде их достать. Вскоре рынок прямо-таки завалили приборами по снятию характеристик; если вначале нужно было находиться где-то в метре от объекта, чтобы записать нужный результат, то уже через полгода дальнодействие устройств измерялось десятками, а через год — сотнями метров. Укрыться от них стало практически невозможно.

Это привело к тому, что на какое-то время убийства стали своего рода спортом; если раньше убивали по деловым или идейным соображениям, то теперь нередко из-за пустяковой обиды или вообще без сколько-нибудь убедительной причины. Общество взвыло. В парламентах дебатировались вопросы об объявлении сериалов (таким было официальное название нового стрелкового оружия) преступным оружием, о полном его запрете. Военные, естественно, были против, и, как всегда, власти ограничились полумерами: запретили торговлю сериалами, но в армиях оружие сохранилось. Всем было ясно, что оттуда оно будет утекать — медленнее или быстрее; так и получилось. Однако еще большей опасностью стали подпольные предприятия, изготовлявшие те же сериалы — разве что без номеров. Они укрывались под вывесками слесарных мастерских и всего прочего, чье название могло оправдать наличие пары-тройки станков; киберначинку для «паровозиков» поставляли, кроме заведений, ремонтировавших электронику, самые обычные магазины — поскольку электроника эта была разработана вообще-то вовсе не для оружия, а для видеоустройств, которые изъять из обихода было никак невозможно. Вскоре у сериал-оружия нашлись и защитники:

оказалось, что оно — по их словам, во всяком случае, — постепенно приводило к отмиранию локальных войн как способу разрешения противоречий. Такие мнения возникли тогда, когда на Симоне — далеком мирке на окраине Федерации первый же бой привел к практически мгновенному уничтожению его участников с обеих сторон: после первого залпа стрелять стало просто некому. Военные после этого попытались решить вопрос, упрятав поголовно всю живую силу под броню; какое-то время казалось, что щит выиграл у меча — но лишь ненадолго. Финт оборонцев привел лишь к некоторому утяжелению пуль: новые их модели могли не просто находить цель (причем в военных действиях вовсе не требовалось, чтобы пуля поразила конкретного человека; она должна была поразить любого противника, для чего свои воины были, кроме прочего, наделены крохотным генератором волны, означавшей «свой»), но, встретившись с неодолимым препятствием, примагнититься к броне, из-под которой рано или поздно придется ведь выходить — и тогда ближайший «поезд» вспорхнет — и ужалит.

Наверное, после всего сказанного уже ясно, почему задачи телохранителей весьма заметно изменились по сравнению с идиллическими былыми временами. Киллера теперь нельзя было заметить; его требовалось предугадать, предвычислить еще задолго до того, как он займет исходную позицию. Иными словами — почувствовать, что нападение состоится или хотя бы — что вероятность его резко возросла по сравнению с нормальной. Здесь уже не могли выручить ни наблюдательность, ни острое зрение, ни логика; скорее интуиция. И телохранители давно уже набирались из людей с хорошо развитым интуитивным чувством и мышлением. Из людей, которые умеют ощутить опасность и ее источник еще до того, как ее можно будет увидеть.

Такой и была наша первая задача. А вторая заключалась в том, чтобы, заподозрив неладное, резко изменить поле охраняемого, подавить и загнать внутрь тела его ауру и одновременно заэкранировать и заземлить его. В восьми случаях из десяти такие действия сбивали «паровозик» с толку, заставляли прервать полет и приземлить весь «поезд» — или, официально, всю серию — где-нибудь поблизости, в ожидании мига, когда обстановка прояснится, поле жертвы вновь обрисуется — и можно будет взлететь на резерве топлива и ударить. И вот третьей задачей телохранителя было зафиксировать место засады, приземления затаившихся пуль и уничтожить их немедленно. Хотя бы просто раздавить каблуком.

Так что сейчас от телохранителя требовались не мускулатура и владение искусством единоборств с оружием и без него; это признавалось достоинством необходимым, но не решающим. Зато лучшие из профессионалов умели прочитать замысел противника еще в пору его разработки. Для этого, правда,

нужно было и ощущать — откуда мог исходить удар. Многие таким умением не обладали, зато хорошо определяли направление, с какого удар будет наноситься, когда покушение войдет в фазу реализации. Мне это удавалось хуже, зато я лучше справлялся с наведением ложных полей; еще раньше, когда такого рода деятельность была частью моей службы, не раз и не два мне удавалось даже создать поле двойника моего, охраняемого где-то рядом — на стволе дерева, допустим, или просто на стене — и заставить «паровозик» воткнуться именно туда вместе со всей его свитой. Это, кстати, входило в программу испытаний при поступлении в любую охрану; и я всегда выполнял все наилучшим образом. В результате моя репутация среди коллег неизменно бывала достаточно высокой. Поэтому меня вскоре и пригласили в Службу.

Конечно, такая работа создает немалую нагрузку — не столько физическую, сколько нервную; по этой-то причине телохранители дежурят сутки — и потом вдвое дольше приходят в себя.

Ну что же: не зря говорится, что новое — это всего лишь хорошо забытое старое. Вспоминать всегда легче...

Едва уловимый голос интуиции заставил меня отвлечься от рассуждений и обратиться к внутреннему таймеру. Время, отведенное мною на сборы, истекало. События были уже где-то совсем близко от моего порога. Пора уходить, как ни жалко было оставлять насиженное местечко. Впрочем, я надеялся, что когда-нибудь еще вернусь сюда. Я снял со стены старый-престарый гобелен — древо Сефирот; свернул его в рулон и спрятал в шкаф. Из другого, в прихожей, вытащил старый, избитый пулями бронежилет и повесил на то же место на стене. Вроде бы как объект для медитации. Может быть, еще успею обратиться мыслями и чаяниями к тому, кто судит и разрешает?

Но благая мысль внезапно исчезла, словно ее унесло налетевшим шквалом.

Ее место заняло неожиданно обострившееся интуитивное ощущение близкой и серьезной опасности. Пренебрегать интуицией — верный способ самоубийства.

Первая осознанная мысль была: я все понял верно, и вот они пришли.

А я еще не готов. Еще не запустил все системы, которые будут блюсти дом во время моего отсутствия. Оно, возможно, будет долгим. Еще не обезопасил эти системы от возможного воздействия со стороны. До сих пор я доверял управление ими моему мику; теперь надо переключить их на домашний терминал. Да и еще много чего нужно сделать. И наоборот: перекачать в мик из терминала кое-какую информацию, которая в последнее время мне не требовалась, но теперь могла и понадобиться. Для этого нужно несколько минут. Четыре, от силы — пять. Весь вопрос в том — есть ли они у меня.

Подходить к окну — подсказало ощущение — было уже опасно. Меня могли увидеть с любой из ближних крыш. И нейтрализовать. Так это называется у профессионалов.

Будем наблюдать иначе.

Я принялся наблюдать: не приближаясь к внешней стене, сконцентрировался на небольшом ее участке. Закрыл глаза.

Чтобы видеть сквозь стены, лучше закрывать глаза, дабы не отвлекаться на постороннее. Пусть работает лишь третий глаз — истинное зрение. Конечно, если у вас остается время, чтобы разбудить его: от двух до пяти минут. Мне хватило двух.

Я увидел дом по ту сторону улицы. Просканировал окна. Нет... Нет... Нет... Есть!

Окно, на котором я остановился, было раскрыто. Комната за ним казалась темной, и простым глазом ничего в ней не замечалось. Но мое зрение без труда обнаружило человека в глубине ее. То окно находилось на этаж выше моего, и человек за ним для удобства наблюдения и действия устроился не совсем обычным образом: водрузил стул на стол и уселся, держа оружие на изготовку. Я без труда определил: в руках его был армейский сериал-макси. Серьезное оружие. Хотя заряды вряд ли были именными; а впрочем, все могло быть — в зависимости от статуса охотившихся за мной деятелей.

Но парень в окне — это не атака. Всего лишь подстраховка. А нападения надо ждать здесь, в моем жилище.

Если бы я числился еще в активе, у меня хранилось бы достаточно средств защиты и нападения, чтобы пару суток противостоять не самой маленькой войсковой группе. Но, уходя, я честно сдал все, что за мною числилось, и остался с голыми — или почти с голыми руками. Правда, был Вратарь. И еще кое-что.

Как и у всякого профессионала, с годами у меня накопилось некоторое количество всякой всячины такого рода. Ни в каких ведомостях этот инвентарь не значился и хранился тут, в жилище, в бронированном шкафчике с трехкодовым замком. Нечто вроде коллекции сувениров. Чтобы на старости лет было что вспомнить. Ну вот — старость еще не наступила, а вспомнить пришлось.

Первый код: восемь символов. Я набрал их вслепую, не переставая следить за улицей и за крышей; главное зрение, в отличие от обычного, оптического, дает тебе полный обзор, позволяя видеть и то, что у тебя за спиной, и под ногами, и над головой. Если бы не быстрая утомляемость, я всю жизнь пользовался бы только им.

Внизу — этажом ниже — только что все было в порядке. Единственный находившийся там человек — мужчина — был занят стряпней на кухне. Но у его входной двери на лестнице уже стояли трое. Разом, как по команде, они вытащили из-под курток дистанты, и один из гостей принялся выжигать замок. Этого занятия ему хватит на две с лишним минуты. Хорошо. **33**

Но и они еще не группа захвата. Подстраховка и обеспечение: у квартир в соседних этажах нередко имеются внутренние лестницы. Эти люди спешили и, видимо, не успели получить сведений о здешней планировке.

Этажом выше: такая же картина.

Фирма, как говорится, не жалеет затрат.

Крыша? На ней сейчас угнездился единственный агралет. Военного типа. «Шквал-два». На нем можно перевезти целый взвод, даже с тяжелым оружием. Вероятно, вся команда на нем и прибыла: куда менее бросается в глаза, чем когда передвигаешься по поверхности.

Ну а что у моей двери?

Они явно понимали, что здесь в отличие от верхней и нижней квартир можно встретить сопротивление. И действовали иначе.

На моем этаже их было четверо...

(Я запустил в терминал заключительный код. Почти одновременно машина просигналила, что работа закончена, управление домом перенято. Можно отключаться и действовать по обстановке. Сейчас, сейчас. Одну секундочку...)

На моем этаже было четверо, тоже с дистантами. Но замок они оставили в покое: сообразили, что он наверняка подстрахован от вторжения, и самое малое, что он может, — подать звуковой сигнал. А они мечтают нейтрализовать меня без шума. Значит, не принадлежат к казенной службе: наших шум не смущает.

Они сейчас выжигали отверстие в филенке. И два портативных баллона с газом были у них наготове. Интересно, что там: усыпляющее — или смертельное? Нужен я им тепленьким — или груз может быть холодным?

Меня скорее устроил бы второй вариант: были свои причины. Да я и не сомневался, что применен будет именно он; и не только из-за окраски баллонов.

Это был газ мгновенного действия. Но я уже успел влезть в защитный костюм. Очень хорошо. А вот противогаза нет. Это хуже. Но не смертельно.

Я обратился к Вратарю; иными словами — набрал команды:

— Программа входа — обычная. Заблокировать выход. В помещения не впускать. Защиту к бою.

Сработал третий код. Шкафчик открылся. В нем в отличие от комнат был настоящий порядок. Все стояло и лежало на своих местах. Я не без сожаления выбрал только самое необходимое и легкое. Кто знает — уцелеет ли остальное?

Увидел, как блестящий наконечник отводного шланга просунулся сквозь выжженную дырку. Те, на лестнице, натянули на головы прозрачные маски с лепешками суперфильтров на щеках.

Парень, что держал баллон, открутил вентиль.

 Я перестал дышать.

Обычной дыхательной паузой у меня была шестиминутная. Но в критических условиях она могла продлиться до семи с половиной на полном выдохе.

Примененный гостями газ не имел ни цвета, ни запаха. Законами Федерации он был давно и категорически запрещен. Считалось, что его производство закончилось около ста лет тому назад. Но, значит, у кого-то хранился запас. Не у теллурианских спецслужб: я бы знал. А вот люди «Т» вполне могли располагать им: законы Федерации им не указ. И сейчас какая-то часть этого запаса распространялась по моему жилью. Третьему глазу ширившееся облачко казалось не бесцветным, но светло-салатным. Цвет был приятен. Облачко расплывалось и медленно поднималось вверх. До колен. До пояса. По грудь. И вот уже...

Где-то в моей голове отщелкивались секунды.

Собственно, я мог уйти в любой миг. Все для этого было готово.

Я проверил оба дистанта, которые сжимал в руках. Порядок. Только нажать.

А сам я — готов ли?

Сейчас мне снова предстоит убивать.

Откровенно говоря, я успел отвыкнуть от этого. Продвижение по лестнице духовного роста отвергает такой род деятельности. Даже если дело идет о спасении своей жизни в этом воплощении. Продвинутый знает: оно не последнее.

Но я принял на себя обязательства. Их надо выполнить.

Способ для этого один: отказаться от себя — сегодняшнего. Вернуться к себе — такому, каким был не так уж давно. К себе времен службы, операций, схваток. Из глубины памяти вытащить то, что было уложено туда на вечное хранение. Не вообразить себя тем прошлым, но ощутить. Действительно стать им вновь. С той психологией. Теми навыками. Той шкалой ценностей. И той необходимой жестокостью.

У меня мало времени. Но пятью минутами я располагал.

Хватит.

Каким я становлюсь...

Каким я стал!

По всем правилам, газ уже сработал и я должен быть мертвее надгробного камня. Захотят ли они в этом убедиться лично?

Если решатся — Вратарь встретит их как полагается.

Если нет — тем проще смогу я уйти.

Но лучше — пусть войдут. Тогда некому будет меня преследовать.

Главное зрение устало, и видел я третьим глазом все хуже. Этажи и противоположная сторона улицы меня больше не интересовали. Только те четверо, что скучились у моей двери.

Они должны, просто обязаны проверить результаты своей атаки. Констатировать мою смерть. Наверное — обыскать квартиру и забрать все, что может показаться им интересным.

Надолго ли хватит у них терпения — ждать?

Газ этот — из группы наступательных. По теории, после его применения должна идти вперед армия. Живая сила. Своя.

Следовательно — он должен быстро, очень быстро терять свои поражающие качества.

Счет — на минуты. Даже на секунды.

Три минуты пятьдесят...

На лестнице один, судя по закрытым глазам, говорит по миксвязи. Докладывает? Нет, рано еще. Скорее всего — спрашивает у того, что в доме напротив, — не открывал ли я своего окна, стараясь выжить, пытаясь дышать.

Нет. Не открывал.

Уже начало постукивать в висках.

Что они там? Ага: зашевелились... Вскрывают дверь.

Четыре и сорок секунд.

Салатное облачко светлеет, блекнет... Похоже, газ вырождается. Теряет убойную силу.

Они входят: медленно, осторожно. Все еще боятся. Интересно, что им обо мне наговорили? Или это их обычная манера? Не лучшая, надо сказать.

Вратарь начинает строго по программе. Предлагает (вежливо!) сдать имеющееся оружие.

В ответ один из вошедших выпускает очередь. Наугад. Так, для поднятия настроения. Их сериалы — с глушителями, и даже в соседней квартире наверняка ничего не слышно.

Но Вратарь действует и вообще беззвучно.

В моей прихожей — пять бесшумных пневматических иглометов. Маленькие, раскаленные высокочастотным полем, они пронзают трехмиллиметровую сталь, а попав в живую плоть, начинают там куролесить. Жестоко. Но надежно.

Вратарь ровно две секунды ждет команды «Отставить». И, не получив ее, включает все пять. У каждого в магазине по сто двадцать иголок. Хватит. Впрочем, Вратарь прекратит огонь, как только шевеление в прихожей прекратится. Едва оно возобновится — продолжит.

Теперь можно уйти спокойно.

Шесть минут.

Я начинаю медленно, бесшумно втягивать воздух. Сейчас умру? Тело умрет?

Жив.

В прихожей — свист. Легкий и какой-то звонкий. Это Вратарь.

Одна камера все-таки разбита той единственной очередью. Но на остальных мониторах ясно вижу: четверо в прихожей падают беззвучно, плавно, словно находятся в сосуде с густым маслом.

Мои иглометы не новы, но работают отменно. Теперь — только легкий шорох.

Прощай, Макар, ноги озябли. Так любил говорить мой дедушка.

Надо было быстро уходить. Но я невольно задержался на секунду, глядя на монитор, на лежавшее в трех шагах от нижней камеры тело; от комбинезона, обуглившегося вокруг дыры в спине, шел едкий дым, и именно он, а не сам труп, в последний раз вызвал вдруг у меня ощущение жалости.

И тут же на смену ему пришло холодное чувство боя.

Потому что в прихожей возник еще один. Новый. То ли спустился сверху, то ли наоборот, взошел снизу.

Он что-то понял; но с реакцией у него тоже все было в порядке. Он взял старт еще на площадке, пролетел по маленькой прихожей, дверь отскочила, он заметил меня и успел выстрелить так, как и следовало в этой обстановке: на разрыв, а не на пробой. Чего он не смог — это установить правильную фокусировку. Не сумел оценить расстояние. Микрореакция аннигиляции произошла в метре передо мною. Меня отбросило; но мой-то дистант был сфокусирован точно, потому, кроме всего прочего, что на нем был установлен автофокатор, а до противников эта новинка, вероятно, не успела еще дойти. Вряд ли когда-нибудь я смогу привыкнуть к этому зрелищу: в месте солнечного сплетения возникает дыра, и тело распадается на две части, разлетающиеся в разные стороны.

Все. Прощай, дом, в котором мне было неплохо. Надеюсь, что расстаемся не навсегда. Но ведь человек лишь предполагает...

Я не собирался пользоваться лестницей: и ниже, и выше меня уже ждут, вопль о помощи вряд ли остался без внимания. Окном воспользоваться было бы не менее затруднительно, да и высоко слишком. Но, как уже говорилось, программа отступления была мною проработана давно и основательно.

В доме, как и в любом другом, были вентиляционные шахты; был также мусоропровод. Вентиляция удобна для отступления, но это всем давно известно, и ее стерегут не менее усердно, чем нормальные входы-выходы. С мусоропроводом — другое дело: малое дитя им еще могло бы воспользоваться, но взрослый мужик — никогда, если только он нормально развит физически. Так везде — только не у меня. Поселившись в этом доме, я сразу же учинил основательный ремонт. Делали его мальчики из системы, в которой я тогда подвизался. Они, не привлекая ничьего излишнего внимания, реконструировали и ту часть мусоропровода, что начиналась на уровне моей кухни, проходила через следующий — последний — этаж и заканчивалась хорошо оборудованным выходом на крышу. Причем сосед сверху ничего не подозревал: для него полезное устройство выглядело таким же узким, каким было до моего вмешательства, — только то, что он принимал за стенки шахты, на самом деле было лишь декорацией из тонкого пластика, который заодно скрывал и вмурованные в на-

стоящую стенку скобы. Расширение хода произошло за счет переборок — они тут стали вдвое тоньше нормального; однако никакой нагрузки они не несли, так что опасности не возникло. Вот это и был мой запасной выход.

Я в последний раз проверил: все ли необходимое взято. Вроде бы. Ну что же: пошли?

В дверцу мусоропровода мне было бы не пролезть: она и сейчас оставалась такой же, какой была задумана проектировщиками. Этого нельзя сказать о той части кухонной стены, в которой эта дверца существовала. Надо было только знать, где нажать. Я знал. Часть стены, примерно метр на шестьдесят сантиметров, отошла вместе с висевшим на ней кастрюльным шкафчиком. Я ступил на нижнюю скобу. Ухватился за одну из верхних. Свободной рукой вернул стенку на место; мягко щелкнул замок. Я полез вверх. Снизу дуло, несло противным запахом, пришлось по возможности сдерживать дыхание. Но полного счастья, как известно, не бывает. Скобы тоже были до противного грязными и скользкими. И что такое мой верхний сосед выкидывает в мусоропровод? Сказать бы ему пару слов по этому поводу! Но вряд ли придется: он уже, надо думать, покойник, мои гости не очень разборчивы в средствах.

Кстати: теперь уже совершенно ясно, что они не из казенных служб. Иначе воспользоваться этим выходом мне не удалось бы: тут меня уже ждали бы.

А сейчас все было спокойно. Верхний этаж. Меньше минуты потребовалось, чтобы снять пластик и, сложив пополам каждую пластину, засунуть под одну из скоб. Кидать вниз их не следовало — лишний шум. Дальше пошло легче: с крыши никто мусора не сбрасывал, скобы были сухими. Лючок на крыше подогнан заподлицо с кровлей, сидел плотно, но был снабжен рычагом, чтобы не возиться долго с открыванием. Было бы неплохо оборудовать его и перископом, но на это мы не решились: оказалось бы слишком заметным; на крыше любили проводить время ребятишки, а от них мало что скроется.

Чтобы не рисковать зря, пришлось снова прибегнуть к помощи третьего глаза. Нет, на крыше охотников не было, только агралет по-прежнему виднелся поодаль. Пустой.

Я отогнал подальше искушение воспользоваться им: не успею скрыться, как они спохватятся и собьют меня — точно так же, как Веригу с его компанией. Исчезать нужно, не оставляя следов.

Тут же, на крыше, укрывшись за ближайшей лифтовой будкой, я воспользовался кое-чем из прихваченного из дому. Прогулялся по крыше — так, чтобы лифтовые будки — одна за другой — укрывали меня от возможного взгляда из кабины агралета или от чердачного выхода из моего подъезда — хотя теперь уже вряд ли моего.

У вентиляционного выхода дежурил человек. Его пришлось обойти по большой дуге. Он не повернулся; ему не было суждено умереть сегодня.

Я миновал три чердачных входа и вошел в четвертый. Вряд ли они страхуют все подъезды; кроме того, они сейчас не узнали бы меня, даже если бы среди них оказались близкие знакомые. Об искусстве преображения многие говорят пренебрежительно, но только потому, что сами им не владеют: это именно искусство, а не ремесло.

В лифте, спускаясь, я успел окончательно решить, куда сейчас податься.

Укрываться нужно там, где тебя меньше всего ждут и будут искать. Чтобы избежать дождя, лучше всего влезть в воду.

Альфред. Не исключено, что мои непрошеные визитеры связаны именно с ним. Возможно, они защищают его от приезжих с Синеры, а заодно от всех, кто оказывается связанным с синерианами. Я, видимо, оказался в их числе.

Как попасть к нему? Это, как я уже говорил, дело техники. С одним из его телохранителей может что-то приключиться. Совершенно случайно, разумеется. Понадобится замена. Будет запрос в одно из агентств, поставляющих такие кадры. Придет человек с наилучшими рекомендациями.

Плохо то, что все это нужно сделать за несколько часов.

Сейчас где-нибудь в тихом скверике я разберусь с его досье — с тем, что у меня в мике, в голове. Там наверняка найдется что-то полезное — например, имена людей, с которыми он считается, которым он верит.

А у этих людей, в свою очередь, найдутся другие люди...

И, во всяком случае, Лючана уже выполняет то, о чем я ее попросил. Как и я исполнил бы любое ее пожелание.

Мир велик, но настолько тесен, что везде встречается кто-нибудь знакомый. Правда, чаще — когда он не нужен. Но ведь из правил есть исключения.

Поищем исключения из правил.

Только не забудем: пока мы будем их искать, другие люди будут искать меня самого. И вовсе не затем, чтобы получить протекцию.

Ладно. Попугай был прав: ехать, так ехать. Поэтому пойдем пешком — до ближайшей станции метро.

На улице по-прежнему царит ленивая благодать. Но сейчас у меня почему-то не возникло приятного настроения. Было уже не до него.

Глава 2

Семь бед
(день событий четырнадцатый)

Семь бед — один обед. Такой была любимая поговорка Аргона Серова, моего нынешнего — на новом месте работы — напарника.

В последний день нашей совместной службы свои беды мы получили сполна. Всю семерку, которая есть, как известно, число мудрости, совершенства и завершенности. А что касается обеда, то он в тот день так и остался всего лишь словом. Добрым пожеланием самому себе.

Оговорюсь: полное число бед пришлось только на мою долю. Аргону хватило четырех, а еще кое-кому досталось и того меньше.

Но по порядку.

Четырнадцать дней моей службы телохранителем у крупного ученого и делового человека по фамилии Альфред прошли нормально, и я успел полностью восстановить дыхание после гонки, которую пришлось выдержать, чтобы все-таки заполучить это место. Сам бы я ни за что не справился, но неожиданно помогли приятели по давней службе — и, как между нами всегда было принято, не потребовали объяснений. Нужно — значит нужно; такая мотивация среди нас почиталась вполне достаточной.

В результате телохранитель Альфреда, регулярно посещавший тренировочный зал, в обычном разминочном бою неожиданно схлопотал пару переломов; это вывело бы его из строя (при нынешних успехах регенеративной медицины) дня на три — однако Охраняемое Тело решило, что такой защитник, который и за самого себя постоять как следует не может, вряд ли достоин доверия. Чтобы не бросать тени на доброе имя пострадавшего, скажу: его вины в этом не было, и понесенный им ущерб ребятами был компенсирован. Таким образом я — после предъявления соответствующих рекомендаций — был принят на постоянную службу. Правда, с испытательным сроком в один месяц.

Конечно, я должен был немало поработать над собой, чтобы не только внешне, но и внутренне соответствовать рекомендациям и своей новой работе. То есть не только выглядеть, но и стать нормальным охранителем высшего класса, с его умениями, пластикой и психологией. Это необходимо, чтобы даже если меня начнет тестировать и вскрывать, как банку с пивом, какой-нибудь сенс посильнее (а такие, безусловно, существуют), он не нашел бы ничего, не совпадающего с маской. Такая настройка самого себя — дело не очень простое, оно требует определенных навыков; у меня они были, и потому, похоже, все получалось. Пока, во всяком случае, можно было спокойно ожидать возможности покопаться в сознании самого Альфреда: если у него

действительно есть что-то, связанное с урагарой (именно так определил Верига предмет моего розыска), то — содержится оно в файлах или нет, но уж в его сознании и памяти должно находиться. И, раньше или позже, я улучу минутку, чтобы добраться до начинки моего нового хозяина, или Тела.

Тело — так мы для простоты называли между собой то, что обязаны были охранять. Официально Тело обладало многими учеными и деловыми титулами, где-то (в разных институтах, компаниях и советах) председательствовало или директорствовало, куда-то было избрано (а куда-то не было) — ну и так далее. Нам все это было по фигу. Нас наняли его охранять, мы принесли ему присягу — и честно выполняли ее: я — две недели, а мой напарник Аргон — вот уже второй год. По его словам, за это время в Тело — и на выездах, и тут, в его усадьбе, стреляли четыре раза, пытались взорвать — два и отравить — тоже два. Почему? Да хотя бы потому, наверное, что быть уважаемой личностью, большим начальником и богатым человеком — болезнь, нередко чреватая летальным исходом. Итого — восемь попыток. Восемь — число возрождения и равновесия противоположных сил, следовательно, в ближайшем будущем следовало ожидать некоего спокойного времени — пока одна из сторон не подумает, что равновесие нарушено в ее пользу, и не попытается решить проблему в девятый раз.

Так полагал Аргон. Я же с ним не соглашался, помня, что восьмерка выступает и как знак смерти и разрушения и потому надо ждать неприятностей, пока не будет совершена десятая попытка; лишь на ней закончится этот цикл и настанет время большой передышки, за которой начнется следующий период бури и натиска.

Так или иначе, похоже было, что судьба относилась к Альфреду милостиво. И он, в общем, этого заслуживал. Потому что, несмотря на все его титулы и (что еще важнее) деньги, оставался человеком более или менее нормальным, не капризным, не психопатом или кем-нибудь в этом роде, со своей левой ногой вроде бы не советовался, а когда снисходил до разговоров с маленькими людьми вроде нас, — общался на равных, что нам, безусловно, очень нравилось. Правда, назвать его душой общества язык не повернулся бы, даже если бы за это полагалась особая плата: в общем, он был весьма замкнутым человеком, почти всегда погруженным в размышления. Аргон полагал, что такое поведение и должно быть свойственно ученым, а я подозревал, что дело тут в его одиночестве: в доме не было ни одной женщины, законной или незаконной, которая делала бы его жизнь полнее (те, что принадлежали к прислуге, в спальне его не обслуживали). Возможно, у него были сложности в том, что касалось сексуальной стороны жизни, но, может быть, ему просто хватало общения с самим собой; пока я еще не мог об этом судить, но собирался разобраться и в этом вопросе, как только мне удастся добраться до его подсознания.

Но даже не имея столь важной информации, я понимал, сравнивая Альфреда с Телами, у которых мне приходилось служить, когда я еще служил, — что на этот раз мне повезло: не приходилось излишне напрягаться, чтобы не послать всю затею куда подальше и вернуться к безмятежной, хотя и не очень обеспеченной жизни последних лет. И все остальные в доме, думается, относились к нему так же. Говоря, что судьба относилась к нему милостиво, я имел в виду и эту сторону жизни. К нему. Ну а к нам?

Служба, как я уже отметил, оказалась не из худших — хотя и со своими неудобствами.

К неудобствам относилось то, что (говоря армейским языком) увольнения в город нам, телохранителям, были раз и навсегда запрещены. Мы дневали и ночевали в доме Альфреда — за исключением случаев, когда хозяин совершал выезды. Так что я не удивлялся, слыша, как кто-нибудь из нас в минуты плохого настроения заявлял, что ему и прежде приходилось вести такой образ жизни — но тогда он хоть знал, за что ему навесили.

На самом же деле эти ограничения с лихвой перекрывались достоинствами. В доме мы не только служили, но и отдыхали, питались и развлекались (за счет нанимателя). А неплохую, надо сказать, плату за труд можно было сохранять до поры, когда от наших услуг откажутся.

Мало того. Мы находились здесь на правах (продолжая военную линию сравнений) среднего офицерского состава, так что у нас были даже свои подчиненные. Правда, немного: всего по два человека. Но нередко качество бывает важнее количества. Наш случай был именно таким.

Нет, что касается ординарцев — мы их называли, впрочем, оруженосцами, — то это были нормальные ребята, кандидаты в телохранители, старавшиеся перенять у нас как можно больше умений, без каких в нашем деле нельзя. На них лежала забота обо всем, что касалось службы: поддержание в чистоте и порядке экипировки и арсенала; на особо важных выходах они нас подстраховывали от возможных неожиданностей. Ну и тому подобное. Это, как я знал из прошлого опыта, было делом привычным — с тех пор, как телохранительство стало ремеслом для избранных.

Но вот второй подчиненный оказался для меня чем-то новым в практике охранного дела. Вернее — подчиненная.

Официально эта должность носила название горничной. Люди же изначально называли этих женщин подругами; на это обращение дамы откликались охотно.

Официально они должны были заниматься нашим гардеробом, питанием и здоровьем. В жизни же, как вы можете понять, этим чаще всего не ограничивалось. Отношения между телохранителем и его подругой быстро принимали куда более тесный характер, чем просто служебный. Если же этого не проис-

ходило — телохранитель имел право просить о замене горничной, и если его ценили, то так и делалось. Интимные отношения были возведены в ранг обязанности. Мне это объяснили сразу же, как только объявили о зачислении. Альфред сделал это без обиняков, в упор глядя на меня острыми, зеленовато-карими глазами:

— Мне нужно, чтобы вы жили у меня нормальной человеческой жизнью. И я даю вам все, что нужно для этого. Можете заказывать портных, меню и женщину. Костюмы — не более шести в год, но столько вам и не понадобится; еда — без ограничений, но ожирение и диабет ведут к немедленному увольнению без пенсии, поскольку они — следствие распущенности и неумения поддерживать форму. Что касается женщины, то желательно, чтобы вы выбрали один раз — и надолго. Возможности выбора будут достаточными.

Это меня обрадовало: значит, не придется замещать моего предшественника у его дамы. Она, кстати, ушла по своей воле сразу же после его отставки — чтобы и дальше скрашивать жизнь пострадавшему. В этом, несомненно, был смысл: отставленный уносил с собою немалую толику информации, какая могла понадобиться недоброжелателям нашего нанимателя; но присутствие рядом соратницы по старой службе (а мы свято верили, что все милашки являлись информаторами хозяина) было своего рода гарантией сохранения если не верности, то, во всяком случае, секретов. Женщин на эту работу поставляло специальное агентство, и я был уверен, что со всеми ними существовали некие соглашения — не только у хозяев, но и у тех, кто девушек находил, обучал и поставлял. Так что выбрать и в самом деле было из кого: в моем распоряжении оказалось самое свежее издание объемистого Альбома. Так по традиции называлось то, что на самом деле было кристеллой с голограммами, и тут ошибиться мог разве что тот, кто не имел представления о собственных вкусах.

Я выбрал — пусть и не сразу, но зато окончательно. Судя по изображению, женщина была достаточно молода, но уж никак не соплячка; как я объяснил коллегам, внешность ее мне понравилась, о характере по изображению судить можно, к сожалению, не всегда, но то, что удалось установить, меня устраивало. Приятно было и то, что (судя по справке) на такой службе она оказалась впервые. Следовательно, ей не с чем будет сравнивать.

Клара — таково было ее имя — прибыла к вечеру второго дня моей службы, так что ужинали мы уже вместе. Аргону, правда, она вроде бы не очень понравилась, но в конце концов у него имелась своя подруга. Зато у меня возникла уверенность: я не прогадал.

Она сразу же показала, что предстоящая служба понятна ей во всех деталях. Когда вечером я вернулся из караулки, где мы по обыкновению обговаривали с Аргоном завтрашнее дежурство (сутки, и затем два дня свободных), Клара уже лежала в постели. Ей показалось, что я мешкаю, и она приободрила меня такими словами:

— Смелей, солдат. Я кусаюсь только при оргазме — да и то не очень больно.

— А ванна? — проворчал я для порядка.

— Я уже приняла. А ты отложи на потом. Меня терзает любопытство. Ты у меня, можно сказать, первый мужчина.

— То есть ты — девушка? — испугался я. Правда, притворно.

— Еще чего не хватало! — чуть ли не обиделась она.

В постели, прежде чем обнять ее, я поинтересовался:

— Скажи, а вы тоже можете выбирать? Или: «Это приказ!»?

— Я свободный человек, — сказала Клара, — и живу в свободном мире. Мы не служим из-под палки.

— Рад слышать, — сказал я. — Значит, у нас взаимность.

— Говоришь ты бойко, — заметила она. — Ну а как с остальным?..

Потом, уже засыпая, она сказала:

— Я ожидала, что будет хуже. Да, знаешь что?

— Что?

— Твое белье я переложила. Второй ящик снизу.

— Это хорошо, — одобрил я. — До двух я считаю, не сбиваясь.

— Эйнштейн! — пробормотала она. — Теперь можешь идти плескаться. Я уже сплю.

Так это было в конце второго дня.

И потом никаких недоразумений у меня с нею не возникало. Однажды, правда, мы оказались на грани размолвки. Женщины вообще любопытны; Клара не была исключением. И, проводя ревизию моего скудного достояния, она наткнулась на портретик моей жены. Когда я вернулся со службы в наш флигель, портрет стоял на столе, а Клара хмуро перевела взгляд с изображения на меня.

— Это что такое? — спросила она железным голосом.

— Моя жена, — кратко ответил я.

— Да ты в своем уме?!

Это было сказано как бы с сомнением. Но тут же голос сделался требовательным:

— Ты что же — любишь ее?

— Да, — я не стал колебаться с ответом.

Она вздохнула, что-то непонятное промелькнуло в глазах.

— Убери, — потребовала она. — Чтобы я его больше не видела.

Я кивнул.

— И никто другой! — добавила она тут же.

— Ты права. Ладно.

Я убрал подальше. Больше никакой напряженности между нами не возникало.

И вот — уже четырнадцатый день истек; или, иными словами — шестая часть тех трех месяцев, которые мне (по словам условно покойного Вериги) были даны для решения

поставленной задачи. Такого срока обычно бывает достаточно, чтобы сориентироваться на новом месте. Однако за две недели мне удалось продвинуться не очень-то далеко. Кроме всего прочего — никак не следовало вызывать хоть какие-то подозрения не только у хозяина и персонала, но и у Клары: просто для страховки. Чем ближе к тебе человек — тем меньше он должен знать того, чего ему не положено. Поэтому я вел себя очень осторожно, стараясь ничем не отличаться от других, мне подобных. Но в конце концов решил, что пора и приступать к делу: период врастания в обстановку закончился, а чем больше уходило времени, тем оно становилось дороже.

Пятиэтажный особнячок за глухим шестиметровым забором насчитывал до трех десятков комнат, из которых сам хозяин занимал не более шести; этот блок образовывал центральную часть третьего этажа, так что ни одно из его помещений не имело окон и освещалось дневным светом при помощи достаточно нехитрой оптической системы. Иными словами, никакой снайпер извне не мог бы при всем желании поймать цель на мушку — если бы целью оказался хозяин. В среднюю часть дома имели доступ, кроме самого шефа, лишь его секретарь, личный бухгалтер, оператор установленного там сервера и очень немногие из гостей, достаточно редких. Охрана туда не была вхожа. По слухам, из этого блока существовал отдельный выход прямо на улицу; в таком случае, это мог быть только подземный ход, в который только из апартаментов хозяина и можно было попасть. Но, возможно, то были всего лишь слухи, всегда возникающие вокруг людей со странностями — а наш хозяин, безусловно, и был таким.

Остальная часть дома являлась для нас открытой; однако там не было ничего, что могло бы представить интерес для меня. Разве что пятый этаж, целиком занятый зимним садом, где росла всяческая экзотика; там, наверное, приятно было бы отдыхать, но в этом доме оранжерея почему-то именовалась лабораторией, и ходить туда без приглашения не рекомендовалось. Длинная дорога, на другом конце которой должны были находиться пресловутые сведения об урагаре, начиналась где-то в запретных комнатах — если она вообще здесь начиналась.

Итак, я решил, что готов приступить к решению задачи. Если бы еще кто-нибудь объяснил, с какого конца за нее ухватиться.

В самом деле: слова о том, что в руках моего нанимателя находятся сведения о местонахождении похищенных семян, были всего лишь пустым звуком. Нитей тут торчало множество, но потянуть не за ту единственную, что была мне нужна, означало бы вызвать целую лавину ненужных и опасных осложнений.

Найти и вернуть семена урагары.

Легко сказать.

Найти.

Но надо хоть приблизительно знать — что и где искать.

Семена. Откуда мне знать: не является ли это всего лишь условным названием, под которым может скрываться все что угодно? Новое оружие, бриллианты, произведения антиквариата, даже чьи-то дети, взятые в заложники? Из-за семечек любого растения вряд ли стали бы поднимать такой шум. Конечно, история знает и такое: в давние времена существовал такой ажиотаж вокруг голландских тюльпанов, что... Но будь что-то подобное в наши времена — я бы знал.

А если не знаешь, что именно искать, как же понять — где это разыскивать?

Если украдены деньги — ищут там, где можно их потратить или вложить. В банках, например. Если сумма крупная — не исключено, что есть данные об украденных купюрах: номера, серии, время выпуска... Кражи денег — дело привычное, и существуют методики работы по их розыску.

Если похитили драгоценности — внимание скупщикам краденого, ювелирам и рынкам.

Если украденное не носит общего характера, но является специализированным — то есть им может воспользоваться не любой человек, но лишь знаток, — ищут заказчика: того, кому такая специфика нужна.

Ценности искусства чаще всего находят в частных коллекциях, реже — в государственных музеях и на аукционах.

Везде есть своя история, свои традиции и правила игры.

Однако таинственные семена урагары в эти традиции не укладывались.

Ясно, что если их украли, то они кому-то понадобились. Кому? И — зачем?

О какой опасности для мира, в котором эти семена находятся, говорил тот, кто назвался Веригой? Это не взрывчатка и не отрава. И уж, конечно, не штамм культуры какой-нибудь сверхчумы. Хотя, конечно, чума — тоже природное явление. Однако, судя по уже полученной мною информации, деревья эти спокойно растут на Синере — без всяких, похоже, последствий для населения этого мира. Может быть, они как-то связаны с Незримыми Силами? Вряд ли: тогда я о них хоть что-нибудь, да слышал бы — особенно за последние годы. Нет, и эта версия, похоже, нереальна.

Где же их искать? Даже самый малый из миров Федерации достаточно велик. На ощупь тут ничего не нашаришь.

Итак, подумал я, удобно растянувшись на кровати и пользуясь отсутствием Клары, ушедшей поболтать с подружками, — итак, ближе к делу.

Что мне нужно?

Прежде всего — понять, в чем же заключается суть данного мне поручения. То есть узнать то, чего не успели сообщить Верига и его спутники.

Сказано: ученье — свет. То есть усвоение новой информации. Как рабочую версию примем, что это действительно семена. Он сказал — урагара? Семена урагары. Семена бывают у растений. Но и у животных тоже. Хотя у них это скорее сперма. Постой: Верига что-то говорил о хвое. Растение? Ну что же, для начала попытаемся искать среди растений...

Привычный мой мик подобен солнцу: он тоже, как сказал поэт, не блещет новизной. Но до сих пор я отлично обходился им — авось и на сей раз не подведет. Что ищем? Да эту самую — урагару. Пошлем запрос в сеть. И сварганим себе чашечку кофе — для приятного времяпрепровождения. Урагара. Каких только названий не существует в мире!..

Ответ пришел неожиданно быстро — я едва успел смолоть кофе. Ответ был кратким и недвусмысленным: никакой информации на тему «Урагара» в сети не существовало. Пустой номер.

Этого я, откровенно говоря, не ожидал. Что же — розыгрыш? Мистификация? Ну мы еще посмотрим — чьи шутки смешнее.

Однако в глубине души я знал, что смехом тут и не пахло. Какие уж шутки, если в их результате тебя поджигают в воздухе...

Многого, слишком многого не успел рассказать мне Верига.

Тем не менее — если не искать, то и не найдешь никогда.

Мне ясно указали на Альфреда и на этот дом. Значит — будем искать в этом доме. Откладывать более нельзя.

Наступившей ночью, прикинув все «за» и «против», я решился наконец удовлетворить свой интерес к запретной территории — порок, который так дорого обошелся в свое время женам Синей Бороды.

Своего напарника Аргона я без особого труда погрузил в крепкий сон, убедился и в том, что Клара мирно почивает и вряд ли отправится искать меня среди ночи, и в очередной обход двинулся в гордом одиночестве.

С замками и сигнализацией у меня была полная ясность, как если бы я успел выпить с ними на «ты». Они уступили мне, казалось, с облегчением, как истосковавшаяся по близости женщина.

План внутренних комнат и их обстановка были мне известны — благодаря все тому же главному зрению, третьему глазу, для которого не бывает стен. Это же свойство помогло мне миновать, не включая света и не пользуясь фонариком, всю мебель, на которую в ином случае я непременно налетел бы, и добраться до дверей хозяйской спальни. Отворять ее я не осмелился: эта дверь была снабжена своей особой системой сигнализации, единственной, в которой я не смог заранее разобраться.

Серьезной помехой являлись, конечно, видеокамеры, работавшие в круглосуточном режиме в каждой комнате. Отключить их было пустяковым делом — но это привело бы к

разрыву времени в записи, а это не укрылось бы от начальника охраны, каждое утро просматривавшего кристеллы; компьютер сам обратил бы его внимание на сбой. Разумеется, и с хронометражем можно было совладать — будь у меня нужные для этого время и условия. Но на них рассчитывать не приходилось. Камеры отлично видели и писали и в полной темноте: каждая была оборудована ноктоскопом. Так что пришлось напрячься. На это, кстати, и ушла большая часть времени.

Решение оказалось достаточно простым: сочинить вирусную программку и ввести ее в тот компьютер, который утром и будет отслеживать видеозаписи. Я выполнил ее в голове, на моем мике. Она предписывала не обращать внимания на запись времени, не учитывать ее при анализе записей именно в нужное мне утро; выполнив задачу — самоуничтожиться. Теперь можно было отключить камеры на время моего пребывания в комнатах хозяина, где я в результате всех усилий и оказался.

Интересовал меня главным образом его мик: в наше время самые смертоносные тайны хранят не в сейфах, но в своем внутреннем компьютере, в голове, в секретных, шифрованных-перешифрованных и многократно защищенных файлах; если пытаться проникнуть в них, не зная броду, острая головная боль заставит тестируемого пробудиться даже от глубокого наркотического сна. Интуиция говорила, что пока еще никакой угрозы для меня не было; храп Альфреда доносился даже сюда. Но при вторжении картина могла измениться не в мою пользу. Я испытывал ощущение некоторого неудобства перед хозяином: как я уже говорил, он был едва ли не лучшим из моих нанимателей. И пришлось потратить несколько минут на то, чтобы доказать себе, что именно так я и должен поступить; впрочем, уговорить себя всегда куда легче, чем любого другого.

Задача проникновения в спальню так и оставалась нерешенной из-за системы защиты. Но мне и необязательно было туда входить: если я подойду к стене, за которой он спит, расстояние между нами будет не более полуметра, а стена — не помеха для сверхвысоких частот.

Я бесшумно занял выбранную позицию. ЛК Альфреда, необходимый для входа в его мик, я успел узнать; вернее, даже не я, а Клара: у женщины другой женщине всегда легче получить нужную информацию, чем мужчине, а личной секретаршей Альфреда была, по традиции, женщина — правда, давно уже вышедшая из обычного секретарского возраста; ей-то единственной Личный Код хозяина и был известен. Я изготовился для проникновения и без особых усилий вошел в голову Альфреда, в мик, в каталог: так было проще всего просмотреть все файлы, которых в голове хозяина было немало: только под сверхзащитой я насчитал их шесть.

Защитных оболочек и шифров я не очень-то боялся: мой собственный мик был уже вовсе не тем, какой вживили

мне в младенчестве: за время жизни я не раз подвергал его усовершенствованиям — это не просто и порою болезненно, однако овчинка стоила выделки. Так что сейчас я оказался в файлах Альфреда, нимало не нарушив его сна.

Большинство из них отпало сразу, едва я успел проглядеть их содержимое. Конечно, отчеты личного бухгалтера могли, наверное, содержать немало интересных для налогового департамента сведений, но для моих поисков это был бы не самый короткий путь. Для того чтобы оценить записи сугубо научного характера, потребовалась бы подготовка, какой я не обладал: там была какая-то суперсложная генетика. Личный архив был интереснее: в нем хранилась достаточно обширная переписка, в том числе (к моему великому изумлению) и на чисто лирические темы. Очень нежные (кто бы подумал!) послания даме по имени Маргарита — и ее ответы, не менее трогательные. Тут я решил проявить скромность, и не стал копировать их для последующего изучения. Пошел дальше. Однако быстрый поиск слов «урагара» и «семена» не дал никакого результата. Если интересующие меня данные и содержались в файлах, то, возможно, обозначались иносказательно — условными именами. Будь в моем распоряжении еще неделя, я бы поискал; но я располагал, по собственным расчетам, самое большее часом: именно через это время мне следовало в очередной раз отметиться на контрольных часах, начиная следующий обход. Правда, самую малость я записал себе на мик, экономя место для более важной информации, которая — интуитивно ощущалось — должна была тут найтись.

Она, или во всяком случае что-то, похожее на нужные материалы — обнаружилась в четвертой директории. Уже одно то, что все ее файлы были зашифрованы, заставило насторожиться. Пришлось скопировать все в таком виде; это была явно безнадежная затея, потому что, даже не считая времени на дешифровку, серьезное ознакомление с ними заняло бы, пожалуй, столько времени, сколько люди не живут. Употребив такую гиперболу, я невольно усмехнулся: ну, не так много, конечно... Но я заранее понимал, что вряд ли файлы мне пригодятся: не возникало во мне того подсознательного ощущения, какое способно неожиданно убедить вас в том, что вы отыскали то, что нужно. Наверняка в этих файлах содержалась весьма ценная информация — если бы меня интересовали коммерческие тайны Альфреда или его новые научные разработки и идеи; но они оставляли меня безразличным, а ничего, что имело бы отношение к семенам урагары, в этих файлах и не ночевало — по моим интуитивным ощущениям, во всяком случае.

Время мое истекало. И тут — по-моему, совершенно некстати — в мике спящего Альфреда возник сигнал пробуждения. Не заранее установленный внутренний будильник, но внешний вызов. Кто-то хотел говорить с Альфредом среди ночи. Странно. До сих пор у меня сохранялось впечатление о хо-

зяине как о человеке, который не позволяет беспокоить себя в неурочные часы. Придется пересмотреть свои воззрения.

Альфред в спальне перестал храпеть и заворочался. После второго сигнала я услышал его хриплый со сна и явно недовольный голос:

— Альфред.

Вообще, пользуясь ЛК-связью, вслух произносить слова вовсе не обязательно: достаточно и мыслей. То, что Альфред заговорил, означало лишь, что он еще не проснулся. Я же мог снимать разговор прямо с его мика.

Прислушиваясь, я думал: вот уж некстати разбудили. Придется затаиться и не дышать, пока сон не одолеет его снова. Но меня заинтересовало: что это за сверхсрочное дело, ради которого Альфреда решаются потревожить? И кто таков этот смельчак?

На последний вопрос я получил ответ сразу же, едва вызывавший проговорил:

— Альфред, последнее предупреждение. Предлагаем немедленно сообщить, где находится объект и когда начнется отсчет. Вызовем вас в полдень.

Видимо, у Альфреда эти слова включили какую-то линию размышлений, потому что он ответил не сразу:

— Подите к черту. Я ведь сказал совершенно определенно: отсчет начнется завтра. А что касается места и всего прочего — вы получите все подробности на кристелле, я отправлю ее рано утром. Так что все могут быть абсолютно спокойны — так же, как спокоен я сам.

— Вы отдаете себе отчет в возможных последствиях, если что-нибудь окажется не так?

Ответом было молчание.

— Альфред! Вы меня слышите?

Голос сделался куда более резким и требовательным.

— Да слышу, слышу... — прозвучало и на этот раз не сразу.

— Повторяю: вы сразу же передадите нам полный контроль над процессом. И больше никаких претензий к вам не будет.

— Мне уже надоело повторять: на это я не пойду. В конце концов, кто из нас специалист? Контроль я оставляю за собой.

— Это ваше последнее слово?

— Вам угодно, чтобы я повторил в третий раз? У вас проблемы со слухом?

— Вы понимаете, к чему это может привести?

В ответ последовал смешок:

— Да знаю... Но и вы знаете: без меня малейший сбой приведет к срыву всего процесса.

Последовала пауза. И за ней:

— Больше предупреждений не будет.

— Мне не нужны предупреждения. Я выполню весь контракт, до последней точки. И больше не будите меня,

пожалуйста. Мой мозг нуждается в отдыхе. Я не ломовая лошадь!

На этом разговор закончился. Но не ситуация. Я услышал, как хозяин встает, недовольно кряхтя: видимо, природа потребовала своего. Встреча с ним в таких условиях мною не планировалась. К счастью, путь к удобствам не лежал через эту комнату. Однако придется ждать, пока в туалете не зашумит вода; под этот звук я и рассчитывал ретироваться. Да не тут-то было.

Альфред не успел еще выйти из спальни, как там зазвучал еще один голос. И вовсе не по какой-либо связи. Именно там. И голос этот принадлежал женщине. Молодой голос (впрочем, голос далеко не всегда говорит о подлинном возрасте) женщины, сознающей свою привлекательность и защищенность, голос безмятежный и чуть игривый:

— Кто это был? Так рано? Или скорее так поздно?

Если бы вопрос этот был обращен ко мне, я в тот миг не смог бы ответить ни полслова: я просто онемел от неожиданности. Женщина в спальне Альфреда?! Ну и ну! Так вот в чем был секрет его хорошего настроения по утрам вторников и пятниц. Как же дама попадала к кавалеру никем не замеченной? Ну конечно, конечно: прямой выход, которым он один только и мог пользоваться...

— Да все они — ты знаешь, кто.

Теперь ее голос уже выразил тревогу:

— Я ведь говорила тебе — не надо было заниматься этим. Можно ведь было купить какую-то часть — и работать с нею лабораторно, без всякого риска... Тебе надо выйти, пока не поздно.

— Поздно, — ответил Альфред и затворил за собою дверь, направляясь туда, куда ему было нужно. Женщина глубоко вздохнула — раз и другой. Пробормотала что-то неразличимое. В ее мик войти я не мог: ЛК женщины не был мне известен, как и вообще ничего о ней. А я-то считал себя профессионалом...

Пришлось ждать, пока хозяин не вернется в постель: была надежда, что разговор продолжится. Но он не возобновился; единственное, что я еще услышал, было:

— Я еще подумаю. Утром. А сейчас, раз уж мы все равно проснулись...

Нет, кажется, с сексом у него все было в порядке. Но сейчас это интересовало меня меньше всего. Пора была уходить.

Закончив операцию, я благополучно вернулся в нашу караулку. По пути снова не утерпел и заглянул в свою берлогу; Клара спала, дыхание ее было легким, бесшумным, выражение лица — безмятежным. Стоило бы и мне поспать на диванчике, на котором проходила большая часть нашей вахты; однако нетерпение оказалось сильнее.

В караулке я мысленно подвел итоги вылазки.

В общем, ее можно было считать удачной.

Правда, ничего нового об урагаре узнать мне не удалось. Но то, что я выяснил, было, пожалуй, не менее важно и заставляло о многом подумать.

Выяснилось, что у Альфреда была близкая женщина, отношения с которой он почему-то хранил в секрете. Мелочь, конечно, но интересно.

Я узнал также, что у моего хозяина есть контракт с кем-то, выполнение которого связано с какой-то опасностью. Странно, но Альфред выступает в нем в качестве исполнителя, а не заказчика, хотя его положению скорее соответствовал бы второй вариант.

Человека, разбудившего Альфреда, мне идентифицировать не удалось: мой мик проанализировал его голос и недвусмысленно заключил, что я с ним никогда не встречался. Голос был, кстати, достаточно невыразительным, без особых примет. Не то, что, допустим, Верига с его слишком характерным акцентом. «Торокие коспота, Синера косноязычная...»

Стоп.

Косноязычная, да.

Верига говорил мне о «семенах урагары». Я так и услышал. А произношение? Его трижды траханное синерианское произношение?

В таком случае, это «уракара». Запустим такой вариант.

Я дал задание мику и принялся варить кофе.

Питье успело свариться, и я выпил полчашки, пока не начался обвал. Повалила информация по уракаре: где и что.

Пришлось писать в память мика. От этой процедуры иногда начинает болеть голова. На сей раз пронесло. Правда, дело оказалось не столь страшным, как я испугался было. Источников было много, но информации в каждом из них нашлось не густо. К тому же, как вскоре выяснилось, она часто дублировалась.

Но и того, что было, хватило мне на весь остаток ночи. И я не стал жалеть о потраченном времени.

Потому что кое-что там и в самом деле было интересным.

Например:

«Уракара (Uracara uracara) принадлежит к дикорастущей флоре мира Синеры. Местному населению известна как «Райское дерево». У. — многолетнее растение, лиственно-хвойное (см. ниже) дерево, единственный известный в наше время реликтовый представитель одноименного семейства, некогда многочисленного (обнаружены ископаемые экземпляры по меньшей мере еще восьми видов, до середины прошлого века в природе Синеры был распространен еще один вид — Hevela uracara, варварски вырубленный из-за его высокоценной древесины, служившей некоторое время единственным предметом местного экспорта). Ареал произрастания уракары крайне ограничен: одно лишь высокогорное плато Зитака, мир Синера. В годы лиственошения у. цветет и плодоносит небольшими (до 2 см в диаметре) ягодами синего

цвета, служащими пищей некоторым видам птиц и мелких млекопитающих; людьми не употребляются в пищу вследствие неприятного гнилостного вкуса и запаха. В хвойные сезоны (примерно один год из пятнадцати, что вызывается, по существующим воззрениям, циклическими колебаниями климата) у. плодоносит, по статистике, лишь в одном из пяти сезонов, что связано предположительно с уменьшением численности вида скальных жуков, служащих опылителями. В хвойном варианте на одном дереве вызревает, как правило, лишь один плод, заключающий в себе одну косточку, подобно земным абрикосу или сливе. Попытки акклиматизировать у. в других мирах и даже в других районах Синеры до сих пор к успеху не привели из-за чрезвычайной требовательности растения к почвенно-климатическим условиям, своеобразие которых на плато Зитака до сих пор еще не подвергнуто серьезному анализу. Есть предположения (см. А.Ф. Упиц, Альпийская растительность Синеры; издание Тазонского университета, 2669), что определенную, быть может, даже решающую роль в этих условиях играет спектр космических излучений...»

Ну ладно, ладно. Только из-за чего сыр-бор разгорелся? Все ботанические тонкости меня пока что не очень интересуют. Чем еще просветит меня «Ботаника миров Федерации. Энциклопедия», откуда и извлечен этот пассаж?

Целый набор поводов для размышления...

Косточки — не чертежи и не детали, которые можно скопировать и воспроизвести. Не произведения искусства. Не деньги и, логически рассуждая, не драгоценности. Тем не менее они, конечно, имеют ценность и, вероятно, немалую — судя по тому, как к ним относятся на Синере. Однако ценность ценности рознь. Растение или животное могут являться ценностью духовной — талисманом, тотемом, святыней. Значит, могут быть и косточки. Тогда их похищение — или акт хулиганства, или действия какой-то оппозиции, исповедующей другую систему ценностей. Мне нужен хотя бы намек на это. Иначе я так и не найду, с чего начать.

А впрочем...

Пожалуй, все складывается наилучшим образом. Мне не к чему искать самому: Альфред наверняка покажет. Потому что после такого предупреждения он, безусловно, предпримет какие-то действия, чтобы обезопасить не только себя, но и ту информацию, которой от него добивались.

Надо только немного обождать.

Был у меня и другой повод для размышлений: Верига, раз уж я о нем вспомнил (очень кстати!) и его не совсем понятные мне действия. Видимо, он уцелел, когда их агрик сожгли; но почему потом не вышел на связь со мной? Нетрудно ведь установить, что я приступил к выполнению его задачи. Он перестал мне доверять? Почему?

Над этим я раздумывал недолго: картина представлялась мне ясной.

Совсем так же, как я считал погибшим его, он успел уже похоронить меня. Каким-то образом уцелев, он — или кто-то из его людей — наверняка навестил мое жилье и увидел там то, что только и можно было увидеть: следы нападения. Тел к тому времени там уже скорее всего не осталось, и у него были все основания думать, что увезли и меня — труп, а может быть, и живого. Для Вериги это означало прежде всего, что ему следовало рубить все концы, что связывали нас. Возможно, он попытался выяснить мою судьбу, набирая мой ЛК — но я, нанимаясь к Альфреду, конечно, сменил Личный Код, как и большую часть своей биографии. Верига не нашел меня точно так же, как я этим же способом ничего не смог узнать о нем. И, видимо, он будет предпринимать какие-то другие меры. Собственно, я могу сейчас с чистой совестью выйти из игры. Избежать всякого риска.

Еще два часа тому назад я с удовольствием принял бы такое решение. Но сейчас, когда удалось уже ухватиться за какой-то кончик нужной информации, мне захотелось работать и дальше. Как и всегда, достаточно оказывается войти во вкус — и тебя придется отрывать от этого дела по частям. Ну и, кроме того, очень не хотелось отдавать деньги, раз уж они были получены. Они были теперь моими; а отдавать свое за здорово живешь не понравится никому.

Ну что же: подожду еще немного. Утром нам предстояло сдать дежурство, а затем у меня будут целых два дня, чтобы как следует поразмыслить над новой информацией и навести кое-какие справки. Ничто не обещало особых тревог.

Вовсе не хочу сказать, что в мирах Федерации царила благодать. Жизнь была такой же пакостной, как и во все остальные дни. Где-то на Сидоне кто-то (по мнению обозревателя «Глобал-пресс», то были головорезы из «Десницы Господа», московский же «Галактинформ» валил все на «Сынов ночи», но официально никто пока что ответственности на себя не брал) — так вот, кто-то в который уже раз рванул энергопровод; в другом месте толпа шла в атаку на чье-то посольство, обидевшись на очередное ужесточение режима иммиграции из мира А в мир Б; пропала связь с транспортом, отвозившим очередную команду контрактников на станцию в новом, пока еще только изучаемом (неизбежный этап перед началом освоения) мире — сейчас уже не помню, на ближнюю, оперативную, или дальнюю, научную, да и какая, в конце концов, разница? Как обычно в таких случаях, корабль объявится где-нибудь в другой части Простора, контрактники окажутся заложниками и начнется очередной торг. Либо же их просто продадут в рабство в какую-нибудь отдаленную систему. Одним словом, шла нормальная жизнь, не имевшая вроде бы никакого отношения к семенам ураkары и к моей судьбе.

* * *

Я позволил Аргону проснуться с полной уверенностью в том, что мы только что завершили совместный обход, поскольку близился час, когда начальник охраны навещал нас, чтобы убедиться, что мы еще не проспали всего на свете. Сам же уселся поудобнее и вошел в легкий транс — с чистой совестью и, кроме того, с надеждой на то, что во время транса мое подсознание разберется с новой информацией, расставит все по местам и подскажет — чем и в каком порядке надо заниматься. Однако вскоре оставил эти попытки: Аргон мешал сосредоточиться, по своей привычке излагая все, что ему нынче приснилось; ничего интересного в его сновидениях, впрочем, не было. Так что последние минуты перед сдачей дежурства мы провели спокойно, попивая хозяйский кофе и вслух размышляя на тему: честно ли продули вчера «Мушкетеры короля» «Черным корсарам», да еще с разницей в три плюхи — или игра была закуплена. Я считал, что продули по игре; я вообще склонен верить в людскую порядочность, пусть это и звучит странно. Однако Аргон никак не желал соглашаться с моими выводами, и мы даже немного поспорили, оставшись каждый при своем мнении. Хотя на самом деле это волновало нас ничуть не больше, чем судьба посла или контрактников; просто надо же было общаться.

Вот так текла жизнь до одиннадцати тридцати. А там словно кто-то поднял кулису — и хлынуло. Беда за бедой.

Первая из них заключалась в том, что прибыл камердинер Тела и возвестил, что Оно желает нас видеть.

Не теряя времени, мы подхватились и потопали за лейбхранителем подштанников. И Аргон, и я прекрасно помнили, что наша вахта кончается, навешивать на нас какие-то поручения Тело вроде бы не вправе; но мы учитывали и другое: нынче воскресенье, а именно по этим дням нашему брату выплачивалось жалованье. Каждую неделю. С ожидаемыми деньгами у каждого из нас были связаны кое-какие личные планы: даже занимаясь сложной проблемой, человек остается простым смертным со всеми его слабостями, и поэтому то, что на моем счете в банке лежала очень симпатичная сумма, аванс за уракару, ничуть не уменьшало желания получить очередной взнос от Альфреда — хотя бы для того, чтобы купить Кларе какую-нибудь тряпку или побрякушку. А потому никак не следовало заставлять Тело ждать нас: оно ведь могло отложить выплату и до позднего вечера, чего мы никак не хотели. А кроме того — и это было главным — мне хотелось увидеть, как повлиял на него ночной разговор с неизвестным, и в зависимости от этого решить, какие действия буду предпринимать я сам. Если он, взяв с собой заступающую смену, куда-нибудь отправится, я смогу, соблюдая предосторожности,

продолжить исследование его апартаментов, куда в его отсутствие никто не заходил. Если же Альфред прикажет перейти на осадный режим — ничего не поделаешь, придется готовиться к драке. В глубине души я опасался, что именно такое решение он и примет, хотя интуиция подсказывала, что его ходы окажутся другими.

Выйдя из дежурки, мы, как и полагалось, мимоходом проверили, хорошо ли заперты двери, нормально ли работают сигнальные системы и обзорные камеры, включена ли оборонительная автоматика. Все это входило в наши обязанности. Техника и молектроника оказались в наилучшем порядке, и мы явились пред очи нашего работодателя, не чувствуя за собой никакой вины.

Тело в этот достаточно ранний час было облачено не в пижаму и толстый халат из шерстяной пены, как обычно; видимо, Альфред успел уже проводить ночную гостью хотя бы до выхода на улицу (я был убежден, что этот его персональный ход выходил наружу где-то по ту сторону забора, так что никакая охрана ее не засекала), и по этому поводу оделся в удобный дорожный костюм цвета кофе с молоком, стоивший, по моей оценке, не менее трех тысяч галларов, или же десяти тысяч рулей Теллуса. Хозяин удобно располагался на полумесяце (так я враз окрестил один из диванов в его комнате потому, что именно такой формой этот предмет мебели обладал). Недопитая чашка кофе (полупрозрачный фарфор с золотыми орлами и пальмовыми листьями; такой кофейный сервизик стоил моего нынешнего трехмесячного заработка, я это знал точно, поскольку сам закупил себе такой же лет семь тому назад) — итак, чашка эта вместе с содержимым остывала на столике, рядом с серебряным сливочником и такой же сахарницей: в своих вкусах генеральный озеленитель был консервативен. Все это было обычным; но вот бутылка с солнечного цвета пойлом и высокий стаканчик с остатками на дне — это уже выходило за пределы обыденного: соблюдая старинные нормы, Тело до пяти вечера, как правило, спиртного не потребляло. Значит, ночь, посвященная празднику любви, перевела стрелку, и хозяин покатился по каким-то новым рельсам. Так что нам следовало ожидать неожиданностей, и вовсе не обязательно самых приятных. Потому что (я установил это, бегло прозондировав его) в его подсознании весьма своеобразно смешались удовлетворение — и какая-то неуверенность, желание — и одновременно нежелание совершить какой-то поступок.

Доказательства последовали немедленно.

— Как у вас, уважаемые доценты, хватает наглости выполнять служебные обязанности в таком виде?

Мы вроде бы были в порядке — по нашему мнению. Но начальство всегда право. Главный озеленитель, как мне показалось, разогревал себя, как мотор с утра; это означало, что предстоит выезд; все знали, что хорошо он чувствовал себя только дома, где, кроме нас, была еще куча всякой автоматики,

которую при всем желании нельзя было таскать с собой даже в его бронированном агрике. Но на выезд — не наша очередь, мы ведь заканчиваем дежурство, остались какие-то минуты!

— ...Вы — застегните пуговицу. На рубашке, я подразумеваю. А когда вы в последний раз чистили ботинки? В минувшем геологическом периоде?

Аргон не стал отвечать — лишь кивнул, как бы давая понять, что принимает упреки к сведению.

— А вы, профессор, чем это от вас несет? Ставили химические эксперименты?

Я, выходит, попал уже в профессора. Продвижение по службе всегда приятно. Нести же от меня могло только «О фриволем» от Фрагонара. Но я решил не уточнять. Наши ответы Телу на самом деле вовсе не требовались.

— Я, кажется, плачу вам достаточно, чтобы вы выглядели по-человечески. Не так ли? И на что только вы тратите деньги? На водку? Моей не хватает, что ли?

Мы одновременно покачали головами.

— А теперь, — продолжил он, — приведите, джентльмены, себя в порядок. Потому что через полчаса мы полетим... э-э... подышать свежим воздухом. Давно не были на природе. Вы, мосье химик (это было обращено ко мне, поскольку в нашей паре пилотом был я), — вы проследите, чтобы агрик был заряжен до предела.

И пояснил, хотя никто от него этого не мог требовать:

— Нервы что-то разгулялись. Лучший способ снять напряжение — подольше побыть на природе. Теснее пообщаться с флорой. Что такое флора — вы, надеюсь, не забыли? Похвально. Природа добра, а вот люди...

Когда он говорил «природа...», в глазах его на миг возникло мечтательное выражение. Известный ботаник, он, видимо, живую природу действительно любил. Людей же, похоже, не идеализировал. Я почувствовал, как мое мнение о нем меняется к лучшему. Пожалуй, разрабатывая эту тему, можно будет и правда сблизиться с ним, чтобы побольше узнать о том, ради чего я и оказался в его доме.

Тем не менее в ответ на его заявление мы чуть помедлили, и это от него не укрылось.

— Есть возражения? Животик болит? Или нужно готовиться к симпозиуму? — Тон его снова стал язвительным.

— Хозяин, наша смена...

— Ваши сменщики сейчас заступят, — это пояснил нам наш шеф, начальник охраны, совсем некстати оказавшийся тут же. — А вы сопроводите хозяина. Договор помните хорошо?

Мы помнили.

— Деньги получите, когда вернемся, — добавил уже хозяин. — За выезд — особо, сверхурочные. А за попытку возражать понесете наказание: поможете загрузить в агрик кое-

что из лаборатории. Так что наденьте мантии поверх ваших фракингов.

Последнее слово было его личным вкладом в языкотворчество и выражало крайнюю нелюбовь к ритуальным нарядам. Что же касается денег, то наш хозяин, невзирая на его богатство (или благодаря ему), был плательщиком весьма экономным, и, возможно, откладывая платеж на вечер, исходил из того, что если за день что-то такое случится, то платить деньги будет не за что — и, возможно, некому станет их получать. Не знаю, учитывал ли он и то, что мир мог бы недосчитаться и самого распорядителя кредитов. Думаю, что такие мысли он отгонял подальше. Но мы и на самом деле всегда были готовы закрыть его своими телами — Аргон потому, что давно уже принадлежал к элите этого ремесла, а я себя, как уже сказано, настроил на такой же лад; умения же у меня и без того хватало.

Итак, вот первая беда: зря обругали. И вторая: нагрузили не в очередь. Придется извиняться перед Кларой за крах наших планов.

Но эти две беды можно было пережить без особых затруднений.

Да это и не беды даже. Как говорится — горе не беда.

Мы с Аргоном облачились в длинные халаты и поперлись на пятый этаж — отбывать наказание. Старший садовник и его подручный (по номенклатуре Альфреда, «ассистент») уже приготовили груз, который нам пришлось перетаскивать в багажный отсек агрика, пока еще стоявшего в ангаре на крыше. Я так и не понял, что мы такое носим: плоские пластиковые коробки пятьдесят на пятьдесят, а в высоту не более пяти сантиметров. Увидев их, я облегченно вздохнул: во всяком случае, не надорвемся, если даже будем брать стопками по десять штук. Но коробок было много, и возиться пришлось битый час. По истечении этого времени на крышу выскочили двое наших коллег — новая смена — и занялись проверкой окружающего пространства. Найдя его в порядке — просигналили, и в ангаре возник Альфред с пузатым кейсом в руке и немедленно вскочил в кабину. Я уже собрался сесть на свое место, чтобы вывести машину на открытое пространство и стартовать, но хозяин удержал меня:

— Совсем запамятовал. Возьмите это, профессор, и немедленно отправьте по магнитке. Просто вбросьте.

Я и без него знал, как обращаться с магнитной почтой. Но для этого пришлось съехать на первый этаж. По дороге я не утерпел и, напрягая свой мик, заглянул в содержимое кристеллы. Оно оказалось интересным — судя по первым словам. И я решил, что адресат обойдется какое-то время и без этого сообщения, а я на досуге попробую разобраться в нем как следует.

Так что с первого этажа я вернулся на крышу и доложил, что поручение выполнено. Обман нанимателя. Но от этого до беды еще очень далеко — так почему-то подумалось мне,

когда я, возложив длани на пульт, вывел агрик на площадку, произвел контрольное тестирование и, включив антиграв, поднял машину в воздух. Все было тихо и спокойно.

Третья беда настигла нас значительно позже и оказалась посерьезнее.

Полет до загородной резиденции хозяина занял сорок две минуты. «Усадьбой» Альфред именовал обширный участок — на взгляд, гектара три с гулей, — на котором высились два двухэтажных дома, а также с полдюжины служб, два просторных вольера (в одном расхаживали страусы, в другом — какая-то незнакомая мне живность из черт знает какого мира) и мало ли еще что. Посадив машину, я с интересом оглядывался, пока туземный народец вытаскивал из обширного багажника то, что мы с Аргоном в поте лица туда грузили. Коробки уносили в красивый павильончик, вокруг которого росло немало деревьев — наших, родных, к которым я всегда испытывал нежность, и потому без всякого удовольствия оглядел участок, на котором расположились, как я подумал, малоформатные джунгли: никак не меньше гектара было занято густыми зарослями невысокого — по пояс мне — кустарника со странной, я бы сказал, седой листвой на прямых стеблях; мне подумалось, что в старину из них получались бы хорошие стрелы. Альфред внимательно следил за разгрузкой. Закрыв опустошенный багажник, я подошел к нему.

— Это что, ягодник? — спросил я, просто чтобы не стоять молча. Когда разговариваешь — меньше шансов нарваться на какое-нибудь новое поручение. — В такой чаще трудно, наверное, снимать урожай?

— Это секрида, — ответил он с таким выражением, словно это название разом все объясняло. Покосился на меня и, наверное, решил, что дополнительная информация все-таки не помешает. — Южный Армаг. У нас до сих пор не приживалась, и меня пытались уверить, что и не приживется. Дефицит сообразительности.

Он повернулся, чтобы подозвать стоявшего поодаль в ожидании распоряжений генерал-губернатора этой колонии:

— Вы все приготовили?

— Согласно вашим указаниям.

— Тогда начинайте.

И началось действие, которого я, признаться, никак не ожидал от такого любителя растений, каким был Альфред: человек двадцать, вооруженных лопатами и топорами, появились откуда-то сзади и, рассыпавшись в цепь, пошли в атаку на эту самую секриду, которую так трудно было укоренить здесь. Минут пятнадцать я наблюдал, как седые кусты, протестующе размахивая стеблями, выворачивались вместе с корнями и оттаскивались в сторону, где уже разгорались костры. Мне стало искренне жалко эти кустики: пусть чужая, но все-таки жизнь... Ка-

жется, и сам Альфред испытывал схожие чувства — судя по тому, что он глубоко вздохнул — и еще раз, и еще.

— Хозяин, но зачем же?.. — не утерпел я.

Он оглянулся и сердито посмотрел на меня:

— Это имеет значение для несения охраны?

— Виноват... — только и пробормотал я, потому что и действительно был виноват: забывать об охране никак не следовало. Хотя сейчас глазами и ушами был Аргон, но и я был не вправе расслабляться.

Я отошел на позицию, еще раньше мною выбранную, и просигналил Аргону, что включился в работу. Не сказать, что здесь были хорошие условия для охраны: тут же рядом торчал частый гребешок, или скорее щетка ростков; чуть дальше виднелось множество взрослых экземпляров той же породы: они с трех сторон охватывали тот квадрат, на котором сейчас шло избиение младенцев. В отличие от многих других эта порода была мне знакома: то была та самая армагская чинкойя, что оживляла наши городские пейзажи. Знания и искусство Альфреда помогли им прижиться в слишком суровом, казалось бы, для них климате. Потому, наверное, они и вошли в моду: чаще всего нравится то, что необычно для наших привычек. Вряд ли (подумал я мельком) таинственная уракара окажется похожей на эти приятные образцы чужой растительности: существа, начиненные сюрпризами, как правило, ничем не выдаются внешне, они мимикрируют, маскируются под безвредных...

Однако особенно разглядывать все было некогда: наша с Аргоном задача и тут оставалась прежней и требовала постоянного внимания и напряжения сил и способностей: я вовсе не хотел получать еще и новые замечания.

С уничтожением кустарника провозились часа три, Альфред все время бегал по делянке и, по-моему, больше мешал, чем помогал, но это было уже не мое дело. Мое было — не терять его из виду и — в случае чего — своевременно принять меры по защите. Я так и делал; и был момент, когда я уже готов был применить свои умения и навыки: когда к хозяину приблизился человек, только что вышедший из второго дома и в посадке леса никак не участвовавший. В руке незнакомец нес кейс; мне это не понравилось: в таком чемоданчике нередко оказывается готовое к бою оружие, стреляющее через стенку. Уже одно это заставило меня насторожиться, а еще более — то, что парень этот, похоже, не был известен и самому хозяину: так я заключил, когда на лице Альфреда возникло выражение некоторой озабоченности. Я мгновенно оказался рядом, на ходу сосредоточиваясь на его мозжечке, чтобы лишить человека способности передвигаться. Он, как оказалось, был готов к такому повороту событий: у него была выставлена крепкая защита. Тем не менее он остановился, обернулся ко мне и улыбнулся:

— Я должен получить от вашего хозяина кое-что. — Он слегка поклонился Альфреду. — Господин Альфред, вы знаете, что должны мне передать.

Как я понял, он имел в виду ту самую информацию, о которой шла речь в ночном разговоре. Хотя, безусловно (мелькнуло у меня в голове), отчеты уместнее получать после выполнения работы, но не в ее процессе. Впрочем, хозяин, как говорится, барин.

Но я не собирался уступать инициативу чужаку; да и надо было показать, чего я стою как профессионал.

— Поставьте это на землю, пожалуйста. Сделайте шаг назад.

Он повиновался.

— Хозяин, этот человек вам известен?

Альфред покачал головой:

— Не встречал. Но...

Я не дал ему договорить: сейчас я был главным. И спросил у нового лица:

— Можете удостоверить свою личность?

Тот ответил, ничуть не смутившись:

— Только не вам. Сейчас я достану блокнот...

— Только очень медленно, — предупредил я и для убедительности тряхнул дистантом, уже изготовленным к бою. Неизвестный кивнул. Медленно опустил руку в наружный карман, в котором (это я уже проверил) оружия не было. Вынул блокнот, раскрыл, отстучал на клавиатуре что-то — короткое слово или число, — закрыл и протянул мне:

— Передайте — только не раскрывайте.

Как же, так я его и послушал. Видали мы и не такие штуки. Я немедленно раскрыл — держа блокнот так, чтобы откинутая крышка не позволяла мне прочитать надпись. Ничего не произошло: ни взрыва, ни истечения газовой струи. Я протянул блокнот хозяину. Тот прочел написанное, не прикасаясь к приборчику. Кивнул:

— Все в порядке. Верните блокнот.

Я выполнил указание.

— Итак? — спросил почтальон.

Снова игра с блокнотом; только на сей раз он принадлежал хозяину. Кажется, ответ почтальону очень не понравился, но, покосившись на меня, он проявил свое неудовольствие лишь в тоне голоса:

— Вы отдаете себе отчет в последствиях? Я не уверен, что они захотят ждать до вечера, как вы предлагаете.

— Проводите нашего гостя до ворот, — вместо ответа распорядился Альфред, обращаясь ко мне.

Я так и сделал. Почтальон лишь пожал плечами. За воротами его ждал маленький скользун; почтальон сел за руль и умчался. А я вернулся к моему работодателю.

Откровенно говоря, я рассчитывал, что работа работой, но на лоне природы состоится и обед: время шло к тому.

Однако дело ограничилось пирожками и кофе; да и то хозяин пробил чуть ли не целую шахту, переминаясь с ноги на ногу в ожидании нашего насыщения, так что, как говорится, и кусок в горло не лез. Наконец он не выдержал: наверное, в визите почтальона было что-то такое, что заставило Альфреда изменить планы. Он отдал какие-то приказания управляющему; насколько я расслышал, тому следовало, закончив уничтожение кустарника, подготовить освободившуюся землю и посадить или посеять на ней что-то другое. И решительно подошел к нам с Аргоном:

— Пора, пора! Совсем не осталось времени. Через полчаса у меня встреча в городе, я и так уже опаздываю!

Через назначенные Альфредом полчаса мы были не только в воздухе, но успели уже пролететь половину пути до столицы. Как бы ни спешил хозяин, летели мы спокойно и по правилам; я обычно не позволяю себе нарушать их: ни к чему мелкие неприятности, когда в жизни хватает серьезных. Поэтому, заняв свой эшелон и установив курс, я переключил управление на компилот и вернулся к своему основному делу: охране, тем самым сняв с Аргона сразу половину забот. Мы, оба телохранителя, просматривали и прослушивали окружающее пространство. С таким же успехом можно было сказать, что мы его прощупывали — потому что на самом деле и глаза, и уши выступали тут на третьих ролях. Но об этом, собственно, сказано уже достаточно. Добавлю только, что Аргон держал верхнюю полусферу, а я — нижнюю, так что моя нагрузка была значительно большей. Верх принято считать менее опасным направлением; потому что любое летательное средство можно заметить, услышать и оценить с куда большей легкостью, чем затаившегося в кустах или за оконной рамой стрелка. Я больше люблю следить за верхом, но на этот раз была моя очередь слушать землю. Этим я и занимался, ни на что не отвлекаясь, и (как сейчас помню) лишь мельком подумал, что хозяину не стоило бы так долго разговаривать по простой связи с кем-то в городе, хотя я и догадывался — кому это он мурлычет в микрофон. Я не преминул напомнить (это входило в мои обязанности):

— Хозяин, сильно подставляетесь. Мы открыты любому перехвату, и, значит, всякий, кто хочет нас обнаружить...

— Не лезьте не в свои дела! — ответил он голосом, жестким, как наждачный круг.

Ну, конечно, все это не мои дела — до момента, когда серия выпорхнет из ствола. А что таких стволов было немало, и все на изготовку, я после ночного разговора и визита почтальона нимало не сомневался. Предупреждение, сделанное ночью, вряд ли было просто угрозой. Скорее оно походило на протокол о намерениях.

Но сегодня, думал я, риск оставался еще в разумных пределах. Потому что они же договорились отложить переговоры на нынешний вечер, до которого было еще достаточно далеко.

И вроде бы я размышлял правильно. Внизу все было спокойно, ничто не вызывало тревоги, не ощущались никакие подозрительные силовые или психические поля, не было лишнего металла — тишь да гладь. Аргон же неожиданно доложил:

— Наверху заноза. Одна.

Это означало, что где-то в небесах он уловил источник опасности. Хотя небо оставалось совершенно чистым, да и приборы показывали, что никаких посторонних масс в радиусе километров двадцати не существовало. Я едва успел сообразить, чем эта заноза могла оказаться — просто сигналом из ближайшего, секундного будущего, легкое и естественное нарушение принципа необратимости движения времени по оси (благодаря таким нарушениям и может работать интуиция), или она уже имеет какие-то конкретные очертания, как Аргон добавил:

— Затрудняюсь опознать. Но похоже...

Он не успел высказать свою догадку. Но успел крикнуть:

— Пляши!

Но я уже и сам сообразил. Врубил зеркала. Взял управление. И тут же заложил крутой вираж с потерей высоты, чтобы быстрее выйти из поля зрения прицела.

Удалось. Выиграно не менее двух секунд. Луч рубанул по тому месту, где мы только что были. Я очень ясно представил, как, получив сигнал «Промах», сразу же включилась электроника поиска. И через секунду всей кожей почувствовал, что нас нашли. Крутнулся в обратную сторону. Земля ощутимо приблизилась. Альфред сзади что-то вопил — я не старался вслушиваться: ничего толкового он в таких условиях придумать не мог. Всегда сопровождавший Альфреда камердинер, до сих пор безмятежно дремавший на заднем левом сиденье, пробудился, но — дисциплинированный — не кричал, только икал — зато необычайно громко. Наверное, от страха. Мне сейчас бояться было некогда. Два промаха. Там, на спутнике, компьютер уже все учел, включая скоростные и маневренные возможности нашего агралета, и в третий раз уж постарается не промазать.

— Призму! — крикнул я Аргону, одновременно переключая все свое внимание на поверхность земли под нами; то была опушка реденького соснячка, и вдоль нее проходила узкая дорога явно местного значения; жилья вблизи не наблюдалось, только между соснами мелькал скользун, почему-то не пользовавшийся дорогой. Может, его седоки подыскивали место для пикника.

— Призму же!..

Мог бы и не кричать. Напарник оценивал положение не хуже меня. И уже высунулся из верхнего люка. Я сманипулировал управлением и на секунду завис; этого времени Аргону должно было хватить. И хватило. Воздух над нами, повинуясь мощному выбросу энергии, осуществленному Аргоном, сгустился в трехгранную призму. Удерживать его в таком состоянии

можно было лишь краткие мгновения, но этого оказалось достаточно: луч ударил, точно нацеленный в центр нашей кабины, вошел в призму, отклонился, и на выходе из нее отклонился вторично — и ушел далеко в сторону. Внизу, на земле, что-то вспыхнуло, взрывная волна, не очень сильная, слегка тряхнула нас — но это были уже пустяки. Используя время, нужное лазеру для новой накачки, я резко бросил машину вниз и чуть в сторону, чтобы не опуститься туда, где дымным пламенем горел невинно пострадавший скользун. Я мельком пожалел его экипаж — но я отвечал не за их безопасность. Я сработал антигравом в метре от земли, погасив таким способом большую часть вертикальной скорости; у всех прибавилось синяков — но это было наименьшим из зол.

— Под деревья! — скомандовал я, помогая неповоротливому Телу поскорее покинуть кабину. Других укрытий поблизости не было, да и деревья были не из лучших в такой ситуации: сосны; я предпочел бы развесистые дубы, но выбирать не приходилось. Я заставил Тело бежать с такой прытью, какой оно наверняка не показывало за последние лет тридцать, а то и больше. Альфред хрипел и стонал, но послушно размахивал ляжками, спотыкаясь даже реже, чем я ожидал. Инстинкт самосохранения все-таки — великое благо. Мы добежали до намеченной мною сосны, самой толстой из тех, к которым могли успеть. Угол, под которым нас обстреливали, был ясен, и мы укрылись за стволом с нужной стороны. Дерево, к которому бежали Аргон с камердинером, стояло на пару секунд дальше нашего. И этих двух секунд хватило для новой беды — четвертой по счету.

Лазер за это время успел перезарядиться и снова ударил лучом. Ударил по-прежнему по нашему агралету. Со зла — иначе я не мог объяснить этого: вряд ли можно было предполагать, что мы станем дожидаться в машине, пока нас достанут. Похоже, у компьютеров есть свои эмоции — или же они просто глупы, что лично мне кажется более вероятным. На этот раз никто не помешал расправе. Наш летун загорелся. К счастью, агралеты не используют химического топлива — иначе рвануло бы так, что осколки металла могли бы накрыть нас; но загорелся пластик, из которого машина в основном и состояла. В этом опасности для нас не было; но одновременно в пылавшем поодаль скользуне, где до сей поры горели только батареи, начались мелкие и частые взрывы; так рвутся патроны, попадая в пламя.

Аргон с камердинером на бегу решили, видимо, что взрывы начались в агралете, к которому они были куда ближе, чем к пострадавшему скользуну. Хотя моему напарнику следовало знать, что ничего такого мы с собою не везли. Наверное, инстинкт сработал быстрее рассудка; оба бегуна бросились на землю, стремясь, по-видимому, переждать разлет осколков и всего прочего. На сей раз инстинкт подвел.

Подвел — потому, что никаких осколков не было. Тем более — от агралета, горевшего медленно, трудно и без детонаций. Настоящая же опасность летела от пылавшего скользуна и с осколками имела мало общего.

Когда у нас в минуты безделья речь заходила о вариантах ожидавшего нас будущего, Аргон обычно заявлял, что с этим миром расстанется в преклонном возрасте и непременно от сердечного приступа, без всякого предварительного розыгрыша: раз — и нету, даже испугаться не успеешь. Не знаю, успел ли он испытать испуг на сей раз; но насчет сердечного приступа он был прав. Сердце его было взято приступом, мгновенной и сосредоточенной атакой той самой серии, о которой я уже наговорил тут достаточно много. «Паровозик» (калибр тринадцать, вес в снаряженном состоянии — двадцать один грамм, «вагончики» — калибр тот же, вес — тридцать три грамма, и в этой серии их было, как я потом убедился, пятнадцать) безошибочно нашел адресата и ударил близ левой лопатки в спину. В тот миг я ничем не мог помочь ему: толстый ствол матерой сосны, за которым съежились я и Тело, закрывал Аргона от моего взгляда, и я среагировал только на звук — давно знакомый и ни с чем не сравнимый, помесь сытого чавканья и хруста — с каким в нужную точку влепился «паровозик», и сразу же за ним — убойные пули, пресловутые «вагончики», — кумулятивные, вспоровшие надежный, казалось бы, жилет, и разрывные, заставлявшие уже умершее тело вздрагивать, как бы в стремлении оторваться от так и не выручившей на этот раз земли и воспарить к горним высям. Камердинер лежал в двух шагах от трупа, как мне показалось, здоровенький и испуганный до полного расслабления. Но как только разрывы стихли, он вскочил и помчался, не разбирая дороги, неведомо куда — только чтобы оказаться подальше от страшного места. Я не стал отвлекаться на него: его судьба меня не интересовала, мне сейчас было не до общегуманистических телодвижений.

Совершенно ясно было: в подобной обстановке беда — в данном случае серия — не приходит одна: никто не стал бы организовывать таким образом уничтожение одного какого-то телохранителя; такое обычно бывает лишь предисловием. Теперь надо было ждать подобного же привета в мой адрес, а главное — в адрес охраняемого Тела, которое только и могло быть целью и смыслом всей затеи. Кто являлся ее автором, откуда он получил наши данные для настройки серий — было мне пока что совершенно неясно, но сейчас это и не имело никакого значения.

Спасти, уберечь Альфреда — вот что было сейчас моей главной задачей. Не потому, что я его любил: сейчас я этого чувства никак не испытывал. И не только по той причине, что я, нанимаясь, обещал ему мою верность. Не в этом было дело. А в том, что Альфред был напуган, очень напуган. Вероятно, ему давно уже не приходилось переживать такого приключения. А чело-

век в состоянии крайнего испуга и вызванного им стресса совсем не владеет или очень плохо владеет собой. И потому это время — лучшее для того, чтобы задать ему парочку интересующих меня вопросов и получить на них искренние ответы. А для этого он был нужен мне, во всяком случае, живым. Но если ничего не делать, он вряд ли останется таким надолго.

Было просто удивительно, что после гибели Аргона последующие секунды не принесли с собой новых серий. Но поразмыслить о причинах этого можно будет и потом — сейчас следовало принять все возможные меры предосторожности, по принципу — лучше поздно, чем после смерти.

Я так и сделал. Тело все еще восседало за деревом на корточках, уткнув голову в колени и закрывая затылок сцепленными кистями рук. Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться: Альфред сейчас не вскочит и не побежит, он будет ждать команды: за время службы у него моим коллегам удалось-таки вдолбить ему в голову, что в критических ситуациях ему лучше не думать самостоятельно — на то у него и были мы. Так что на несколько секунд вполне можно было покинуть его. Что я и сделал. И направился к уже догоравшему скользуну, который мне больше не хотелось считать невинно пострадавшим: он был единственным возможным источником выпущенной серии. Значит, другие, еще не выпорхнувшие, могли помещаться только в нем. Найти и обезвредить — с таким намерением я осторожно приближался к обгоревшей конструкции.

Шел на цыпочках, зная, что, быть может, даже легкое сотрясение способно пробудить к жизни очередной «паровозик», и всю его свиту тоже. Направлялся я не прямо к скользуну: обходил, чтобы подойти, так сказать, с тыла и не оказаться в тех девяноста градусах, в которых «паровозик» способен отыскать цель, если уж получит свободу действий.

Нельзя сказать, что пожар уже потух: еще горел движок, лиловый под солнцем дым лениво поднимался, рассеиваясь, подобно мечтам о спокойной, тихой жизни. Внутри тлела обивка. Но я надеялся, что все, что могло взорваться, уже взорвалось, и особого риска для меня сейчас нет.

Подойдя вплотную, прикрывая рот и ноздри платком — не люблю запаха горелого, особенно плоти, а здесь без нее никак не обошлось — я стал осторожно обходить скользун: взгляд под ноги — сразу же вперед и по сторонам — шаг; и снова — взгляд под ноги... Скользун, предназначенный для убийц, мог, кроме стрелкового оружия, нести в себе мало ли еще что, так что наступать на что-либо, кроме пепла от сухой хвои, лежавшей на земле тонким слоем, словно масло на сиротском бутерброде, не следовало. Пепел легко похрустывал под ногами, никаких посторонних предметов не было — видимо, все сгорело там. Кроме лишь того, на что наткнулся мой взгляд после очередного шага, когда я описал уже дугу румбов примерно в двадцать пять.

Еще недавно это было человеком, теперь же скорее — огарком человека, искать в котором признаки жизни можно было бы с таким же успехом, как охотиться на китов в своей квартирной ванне. Нижняя часть трупа находилась в салоне, и уже трудно было отличить, где зола плоти переходила в золу сиденья; воистину, человек — одно целое с остальной природой, но почему-то это яснее всего понимаешь, глядя на его пепел.

Верхняя же часть туловища обгорела далеко не столь значительно, потому что свисала наружу из окошка, чье стекло было опущено. Видимо, дверцу — наверное, и остальные тоже — заклинило, когда — в мгновение лучевого удара — рвануло силовую батарею. Но только один человек — вот этот — попытался выбраться и успел протиснуться почти до пояса. Какой-то секунды ему не хватило, чтобы спастись.

Хотя — похоже, спасение не было его главной целью. Потому что, вылезая, он не просто вытянул вперед руки; они все еще сжимали сериал, и мертвый палец лежал на спусковом крючке. Свои руки я заложил за спину, чтобы они не сделали вдруг какого-нибудь рефлекторного, бессознательного движения; оно могло бы оказаться как нельзя менее кстати: еще даже не наклоняясь, я увидел, что спусковой крючок сошел с обычной позиции; палец нажимал на него, и может быть, какой-то доли миллиметра не хватало, чтобы курок сорвался с боевого взвода и вторая серия пошла гулять по свету.

Интересным показалось и само оружие: что-то в нем было не таким, как в тех образцах, к которым я привык и которыми владел. Не сразу удалось понять: вместо одного прицела у него было два, причем оптико-электронный искатель второго был размещен крайне неудобно для стрелка; видимо, он предназначался не для глаза. Что-то подобное я видел? Нет; слышал, вот как. Слышал, но не помню. Да сейчас и некогда вспоминать.

Это я увидел и подумал прежде всего; потом уже мельком глянул на узкую спину в облегавшем жакете, на длинные, свесившиеся волосы, закрывавшие все лицо и плечи, так что казалось, что руки, стиснувшие сериал — тонкие, изящные, — росли прямо из этой массы волос, совершенно не тронутых пламенем. Трудно было представить, что человек мог, не пытаясь прежде всего выбраться из пламени самому, пренебречь своим спасением ради того, чтобы выстрелить; тем более что это была женщина. Однако, так оно, похоже, и случилось. Хотя могло, конечно, быть и иначе: ногам что-то помешало, женщина, высунувшись наполовину, от боли потеряла сознание — и выстрел был сделан уже без ее участия. Да какая, в конце концов, разница: Аргона эти размышления все равно не воскресят.

Куда интереснее было другое.

Сперва мне показалось, что этот жакет я уже видел — не так давно. Нет, только не на Кларе; у нее был другой вкус. Я его видел на... на... да нет, не может быть!

Я опустился на четвереньки, чтобы заглянуть покойнице в лицо. Да, оказалось, что это все-таки могло быть.

То была женщина, две недели тому назад навещавшая меня в моем жилище и упорно добивавшаяся встречи с Веригой. За кем же она охотилась на сей раз? За мной? За Альфредом? Или за нами обоими?

Конечно, над этим имело смысл поразмыслить — но не теперь, а на покое, за бутылкой пива. А сейчас некогда было разглядывать до костей обгоревшие тела в тесной кабине скользуна. Приключение наше еще не кончилось.

Я поднял голову. Охраняемое Тело отсюда не просматривалось, все еще укрываясь за деревом. Или успело удрать? Я хотел было его окликнуть, но в последний миг удержался: как знать — даже легкое сотрясение воздуха могло помочь спусковому крючку сериала завершить свой путь. Да и куда генерал-озеленитель сейчас рискнул бы уйти? Моя же первая задача была — обезвредить оружие в наших с Альфредом общих интересах.

Решив так, я невольно усмехнулся. Задача поставлена верно, только нет пока еще никакого представления о том, как же ее выполнить, оставаясь в пределах допустимого риска.

Самым естественным казалось — оставить все как есть и, как говорится, взять ноги в руки — вместе с охраняемым Телом убраться отсюда подобру-поздорову, выйти на дорогу, остановить первую же коляску или скользун и ехать — в любом направлении, лишь бы поскорее выйти из зоны угрозы. Вроде бы это — самый разумный выход.

Но только на первый взгляд. А если подумать хоть немного...

Мы ведь находились не в космосе и даже не в пустыне, а в достаточно густо населенном месте. Географически — даже в пригороде Столицы. А это значило, что пройдет несколько минут — и тут непременно возникнут сперва случайные любопытствующие, а вслед за ними и стражи порядка: даже если никто их не вызовет, в ближайшем участке аппаратура наверняка уже отметила чрезвычайное происшествие. Первые, может быть, и удержатся от активного вмешательства в ситуацию: в конце концов, населению вдолбили в сознание, что на месте происшествия хватать руками нельзя ничего до приезда представителей власти. Но — за исключением случаев, когда необходимо срочно оказать помощь пострадавшим. Один пострадавший будет налицо, и на нем вовсе не написано, что это всего лишь труп: на первый взгляд женщина могла показаться просто потерявшей сознание. Ее попытаются вытащить, и кто-то обязательно постарается вынуть из рук оружие. Для этого надо будет снять мертвый палец со спуска. Одно микродвижение — и выстрел. Серия вылетит. Но никто не гарантирует, что мы с Телом к тому времени окажемся уже за пределами километровой зоны.

И кому-то из нас крупно не повезет. Теперь я уже понимал, что скорее всего вторая серия в объемистом магазине сериа-

ла предназначалась мне, Телу же — третья, финальная. Третья то ли еще вылетит, то ли нет; генерал-директора это соображение обрадовало бы, а вот меня — никак. Заботиться о своей сохранности — при условии выполнения служебного долга — за многие годы как-то вошло у меня в привычку.

Хорошо; выходит, что нужно тут дождаться первых прибежавших и популярно объяснить им, что в машине все погибли и трогать руками их ни к чему. А еще лучше — встретить наряд и объяснить, что и как. Однако что же получится? Надо будет предъявить им и труп Аргона, и живое Тело, и давать какие-то объяснения. У меня они могли быть лишь самыми общими; гвардия порядка нас — телохранителей — недолюбливает по очень старой традиции. Альфред же с ними разговаривать вообще не станет. Разобравшись, они доставят его домой, а меня — в их хозяйство, чтобы, как это называется, снять показания. Пока меня будут там мурыжить, Тело останется, по сути дела, без профессиональной обороны, так что неизвестно, доедет ли он вообще до дома, позволят ли ему вызвать оттуда новую смену. А в моей присяге ни полсловом не говорилось о том, что какие-то внешние помехи могут освободить меня от выполнения главной задачи; нарушителей же присяги в Союзе Телохранителей очень не любят: каждый такой случай больно бьет по репутации всего клана, спрос и расценки моментально падают. А ведь мы — не единственная такая организация, кроме нас, существует еще и Лига Охраны, и ассоциация «Надежность», и еще с полдюжины других. Конкуренты. Так что я никак не могу позволить, чтобы меня отделили от Тела — если только оно само первым не объявит о приостановке или даже аннулировании нашего контракта. Такое право у него было. Но я не собирался напоминать ему об этом.

Так что оставаться было желательно — но опасно. Убегать сразу же — тоже желательно и тоже опасно. А ведь были и другие проблемы. Тело Аргона; как-то не хотелось бросать его на произвол судьбы, хотя ни мы ему, ни он нам помочь более ничем не могли. Зарыть его здесь же? Во-первых, нужно время; во-вторых — обнаружат его очень быстро, и тогда на меня можно навесить — с полными основаниями — укрывательство вещественных доказательств (труп всегда является таким доказательством) и попытку помешать следствию. Мне это было совершенно ни к чему, и не только потому, что вело к тому же самому разобщению с Альфредом.

И еще проблема: кто же, из многих возможных, организовал нам это развлечение?

Выяснить источник наших приключений казалось мне важным: и для того, чтобы соответственно отреагировать — если пожелает наниматель, конечно; и для того, чтобы знать, в каком направлении организовывать дополнительную подстраховку: начав однажды операцию, ее обычно в случае осечки не

отменяют, но стараются довести до конца; а с первой, десятой или сотой попытки — не имеет значения.

...Не надо думать, что я оценивал все эти соображения, стоя около догоравшего скользуна и глубокомысленно ковыряя пальцем в носу. Думал я на ходу, и за те секунды, когда все эти мысли на хорошей скорости пролетали через мое сознание, успел сделать не так уж мало.

Проявив недюжинные способности к мародерству, я обобрал мертвого Аргона, очистил его карманы от документов и запасных магазинов, а обе кобуры — от оружия: из одной извлек мини-сериал (калибр одиннадцать, в магазине три серии по пять «вагонов»), из второй — лазерный дистант, тоже мини: дальность — пятьдесят метров, луч на пределе два миллиметра, температура тысяча восемьсот Цельсия, сила удара — два килограмма. Слабенькая вещица, но именно с нею я связывал сейчас мои расчеты. В моей собственной второй кобуре обитал более мощный дистант, но его я собирался использовать попозже, сериал же мой был точно таким, как у Аргона; поэтому оружие напарника я отнес Телу — на всякий пожарный.

Тело уже пришло в себя и, завидев меня, обратилось ко мне привычно-недовольным тоном:

— Изволили пожаловать, наконец. Мы что — здесь ночуем? Или, может быть, соблаговолите объяснить, чего мы ждем? Новых убийц?

Не было времени объяснять ему, что вторая атака так сразу не последует: противнику сперва надо будет разобраться в причинах неудачи, а потом — выбрать новый вариант из достаточно широкого прейскуранта, учитывая, что два раза на одни грабли наступать не следует. Я сказал лишь:

— Еще минуту. Необходима зачистка, и я сделаю ее как можно быстрее. Будьте любезны потерпеть. Кстати: кто это вас приветствовал сегодня — имеете представление?

Говоря это, я попробовал углубиться в его психику. Но там все еще господствовал страх, подавлявший все остальное. Я не увидел ничего, что помогло бы мне продвинуться ближе к решению задачи. Да ладно — сейчас закончу здесь, тогда примусь и за него.

— Не знаю, — пробормотало Тело, вряд ли четко сознавая, о чем его спросили. — Давайте, работайте побыстрее!

— А что же я, по-вашему, делаю? Со своей стороны попрошу вас оставаться на месте и быть настороже. Если появятся люди — немедленно окликните меня. Вот вам оружие, но стрелять следует лишь в самом крайнем случае.

— Я и не собираюсь — для этого я плачу вам, — проворчал он. Но, похоже, моя серьезность и вся убедительность, какую я постарался вложить в свои слова, подействовали на него, и ругаться он не стал. Сказал лишь:

— Я оставил в кабине мой кейс. Прежде всего принесите его, потом занимайтесь остальным. Слышите? Немедленно!

— Если только он не успел сгореть, — предупредил я.

— Он несгораем, с термоизоляцией. И не вздумайте открывать! Это будет вашим последним движением, понятно?

Я и без его указаний собирался сейчас заняться нашим транспортом. Подходя к нему, лишь покосился в сторону скользуна; там ничто вроде бы не изменилось. Аграле по-прежнему стоял, сильно накренившись вправо: амортизаторы правой лыжи не выдержали перегрузки при слишком быстрой посадке. Дверца так и осталась распахнутой. Пахло холодным дымом, но выгорело, как я увидел, не так уж много: в машине была неплохая противопожарная система, после нашего бегства она сработала, пластик же корпуса более плавился, чем горел, если не было активной поддержки других, более горючих материалов, а здесь их явно недоставало. Конечно, и эту машину можно сжечь дотла; но сперва необходимо ее как следует к этому подготовить.

Таинственный бронекейс я нашел без труда. Меня несколько удивило: как Тело могло оставить эту штуку в кабине, если она обладала для него такой ценностью? Но, разобравшись, я понял: в момент ударной посадки кейс, достаточно увесистый, сорвался с сиденья и соскользнул в щель между сиденьем и бортом аграле; в следующий миг сиденье сдвинулось и кейс оказался зажатым, так что потребовалось время, чтобы вытащить его, да и рычаг тоже: мне рычагом послужил накидной ключ двадцать семь на длинном стержне, но и его тоже я извлек на свет божий не сразу. Ничего удивительного, что в той нервной обстановке мой наниматель предпочел в первую очередь спастись самому, полагая, что покойнику документация ни к чему, даже самая сверхконфиденциальная.

Вытащив кейс — на это ушло не менее трех минут, и я затылком и солнечным сплетением явственно ощущал, как таял запас времени, который у нас был, — я отнес его в сторонку и аккуратно положил на травку: не хотелось тратить минуту на то, чтобы нести его хозяину, который, чего доброго, еще захочет при мне проверить, все ли там в порядке. Ничего, получит пятью минутами позже, не помрет. Так я подумал в тот миг; каюсь — это было неуместным проявлением легкомыслия с моей стороны. Хотя вряд ли что-нибудь изменилось бы, поступи я тогда иначе.

Время уходило, а у меня оставалась еще целая куча дел. В других условиях я охотно бы оставил их на усмотрение деятелей правопорядка, представителей законной власти. Но на сей раз такой выход не годился: возможно, как раз законная власть сейчас за нами и охотилась, так что главной задачей было вовсе не помочь ей в расследовании, которым она заниматься все равно не станет, а наоборот: запутать все в как можно более плотный клубок. На это я и хотел израсходовать немногие остававшиеся еще в нашем распоряжении минуты: я ощущал, что наши

доброжелатели уже поспешали сюда, чтобы довести операцию до конца, а вступать с ними в огневые, да и в какие угодно другие контакты я никак не хотел все по той же причине: мой наниматель, если останется в живых, выкрутится, а я — нет; если же они не намерены выпускать нас теплыми — тем больше было оснований не встречаться с ними.

Пока я возился в кабине агралета, у меня сложился наконец четкий план дальнейших действий. Оставалось лишь его выполнить по всем пунктам. И я немедленно приступил к первому из них.

Он заключался в том, чтобы обезопасить наконец проклятый сериал, который мертвая дамочка до сих пор сжимала так, словно он был самой большой драгоценностью в ее жизни. И сделать это без риска, что оружие в последнее мгновение все-таки сработает.

Для этого мне и потребовался дистант Аргона с его ограниченной мощностью. Я остановился в пяти шагах от машины, выбрал такую позицию, чтобы и сериал, и его спусковая скоба, и палец в ней, все еще удерживавший спуск на грани выстрела, виднелись под самым выгодным углом. Поставил дистант на импульсный режим. Прицелился не торопясь, как если бы у меня была вечность в запасе. На несколько мгновений расслабился, успокоил дыхание, потом сразу — рывком — собрался, превратившись на какие-то секунды в каменное изваяние, и нежным прикосновением пальца к клавише замкнул контакты.

В оптику мне было прекрасно видно, как тонкий фиолетовый луч ударил туда, куда и нужно было: в самый корень указательного пальца женщины (хотя у медиков это наверняка имеет какое-нибудь научное название, но мне оно не известно). Дымок тонкой змейкой, извиваясь, пополз к далекому небу. Наверное, запах гари, и так царивший вокруг, еще усилился — не знаю, я все еще задерживал дыхание, благодаря чему луч оставался неподвижным, как туго натянутая проволока. Затем импульс закончился, и я перевел дыхание. Палец на спуске сериала был уже отрезан до половины. Еще один импульс — и дело будет сделано. При этом я был уверен, что сериал явно не успел нагреться ни на градус, а работай я моим, мощным дистантом, этого было бы не избежать — и мало ли к чему такой нагрев мог бы привести.

Я прицелился. Дал импульс. И почти одновременно услышал за спиной знакомый до противности голос, исходивший от Тела:

— Где же мой кейс? Да чем вы там заняты?!

Может быть, надо было рявкнуть ему, чтобы вернулся за дерево для верности; но ни крикнуть, ни просто махнуть рукой я не мог: шел импульс, и единственное, что от меня сейчас требовалось, это — стоять недвижимо, изображая памятник Неизвестному Телохранителю, Выполнявшему Свой Долг. Он же меня более не окликал — только хрюкнул что-то под нос — видимо, узрел наконец свою драгоценность, и я услышал, как он побежал к ней, тяжело топая. Идиот, подумал я, не приведи

судьба — сейчас что-нибудь случится, дрогнет, скажем, у меня рука — луч дистанта скользнет, пусть даже вскользь заденет спусковой крючок — механизм сработает, и Тело станет трупом — обычным, с маленькой буквы.

Подумал — и накликал. Словно бы был совсем еще несмышленышем, не усвоившим простейшей истины, что всякая мысль тянет за собой реальное событие.

Нет, рука не дрогнула и импульс завершил свою работу. Отрезанный палец отвалился, и спусковой крючок с едва уловимым щелком вернулся на место.

И тут-то случилась беда — очередная для меня, но последняя для моего нанимателя.

И в самом деле, я о такой конструкции сериала только слышал, самому держать ее в руках ни разу не приходилось. Внешне (в этом я разобрался потом уже, задним числом) новый сериал ничем, кроме второго прицела, практически не отличался от старого, на деле же разница была еще и в спусковом механизме. Привычные модели работали так же, как и другое стрелковое оружие: нажал на спуск — выстрел или очередь, или импульс — в зависимости от того, что вы выбрали; отпустил палец — стоп. Новый же механизм работал, как маятник: нажал — пошла серия, отпустил — вторая. Такое усовершенствование помогало обоим стволам работать, по сути, без перерыва, пока остается серия хотя бы в одном магазине из всего веера. Для того же, чтобы прервать стрельбу, достаточно было, очередной раз нажав, не доводить движения до конца; после этого прикосновением большого пальца можно было поставить сериал на предохранитель.

Знай я это раньше — понял бы, что женщина-стрелок именно в этом положении удержала спуск, но жизни ее не хватило, чтобы сдвинуть предохранитель. И теперь палец, отсеченный лучом, перестал удерживать спуск, тот вернулся в исходное положение — новая серия выплеснулась и пошла гулять по белу свету.

Против ожидания, она оказалась не моей.

Уже потом, разбираясь в случившемся и исследуя новое для меня оружие, я понял, в чем заключался секрет: во втором прицеле. На самом деле он являлся идентификатором цели. В зависимости от того, кто попадал на мушку первым, он выбирал из веера ту серию, которая была предназначена именно для этого человека; в случае же, если огонь велся по цели, заранее не заказанной, это устройство не срабатывало и сериал выплевывал немаркированные «поезда». На сей раз первым в поле зрения идентификатора оказалось Тело.

Как я уже говорил, я не забыл навести поля, свое и Тела, на стволы ближайших сосен. Так что все могло бы еще и обойтись. И обошлось бы — если бы этот идиот — вы догадались, кого я имею в виду, хотя и говорят, что покойников следует поминать или добром, или сказать «пас», — не находился в

этот миг в прямой видимости. Но он был как на ладони. И я сначала просто почувствовал, как «паровозик», вылетев из ствола, сразу же плавно свернул к помеченной сосне, таща за собою всю серию, но через несколько наносекунд остановился — завис в воздухе (это был тот нечастый случай, когда на исчезающе малый миг удается увидеть пули — весь караван — простым глазом); и тут же начал другой вираж — в противоположную сторону. Туда, где в эту секунду мой наниматель, опустившись на колени, внимательно оглядывал свой кейс, проверяя, наверное, его целость и сохранность. Я не успел и рта раскрыть, чтобы крикнуть ему «Падай, дурак», хотя и понимал, что это уже не спасет его, ничто больше не спасет. Тем более что он — пижон несчастный! — еще под деревом освободился от бронежилета, считая, наверное, что опасность миновала; было, правда, достаточно жарко, так что понять его можно было, простить же — но эта функция в отношении Тела теперь уже целиком и полностью перешла к Создателю.

Подойдя, я нагнулся и, проформы ради, нащупал артерию — в том месте, где у живых прослушивается пульс. Тут его и в помине не было. Недолго музыка играла. Занавес. С приветом от безработного. От человека, так и не успевшего задать свои вопросы. И две недели потерявшего зря.

Несколько секунд я постоял в неподвижности, устанавливая дыхание и задним числом радуясь тому, что подошел к останкам скользуна с правильной стороны. Однако моя серия, надо полагать, стояла теперь на очереди, так что — никакой небрежности в обращении с трофеем!

Хорошо. Игра закончилась; но работа — нет еще.

Потому что тонкие тела убитого должны были находиться сейчас тут, рядом; они еще просто не успели никуда уйти. И с ними можно и нужно было побеседовать — пока это еще было в моих силах.

Я быстро вошел в транс, сознавая, что времени в моем распоряжении почти не было: минута-другая, не более.

Его тела действительно обнаружились вблизи. Но они оказались неожиданно слабыми, едва различимыми. Как будто кто-то извне подавлял их и старался поскорее увести отсюда. Кто-то сильный, даже более сильный, похоже, чем я. Попытка окружить астральное тело Альфреда защитным полем не удалась. Несколько раз окликнул — бесполезно, он даже не обратил на меня никакого внимания.

Пришлось выйти из транса, не добившись никакого результата.

Однако я не считал себя проигравшим.

Нет — потому что противники хотя и выиграли расклад, фишки им еще не достались. Нетрудно было предположить: хотя бы часть их находится в пресловутом кейсе. Документы могли и не иметь никакого отношения к уракаре — но что-то ведь они да значили, а мне сейчас не следовало пренебрегать ни одной мелочью.

Надо было продолжить зачистку местности, чтобы те, кто будет здесь разбираться, смогли понять как можно меньше. Я приволок Тело (теперь уже труп номер два) к агралету и кое-как втащил его в кабину. Затем, продолжая играть роль похоронной команды, так же поступил и с номером первым, с Аргоном. Полюбовался на них секунду; они лежали в трогательной близости, при их жизни такое было бы просто невозможно. Еще раз внимательно оглядел кабину — не забыто ли что-нибудь, что могло бы мне пригодиться. Не обнаружил. Все, что было в карманах Тела, я еще перед тем присоединил к документам Аргона — так, на всякий случай. Секунду-другую послушал окрестное пространство. Преследователи были уже совсем близко. Пришла пора все заканчивать.

Я поднял заднее сиденье; внизу, как и ожидалось, лежали в зажимах два кислородных баллончика — они всегда там лежали, как и всякие другие вещи: жилеты для гостей, два парашюта и пара аквалангов. Мало ли в какие ситуации забрасывает судьба... Сейчас все это было мне не нужно. Я открыл вентиль одного баллона, второй взял с собой и без задержки вылез. Отошел на безопасное расстояние. Вытащил второй дистант — мой собственный. И ударил навскидку по агралету.

Как уже говорилось, он не из самых горючих машин; но температура, какую на небольшом расстоянии выдает мой дистант, заставляет гореть и камни, особенно в присутствии свободного кислорода. Через несколько секунд дым стоял не то что коромыслом, но целой водонапорной башней. Для этого пришлось израсходовать половину заряда. Хорошо.

Я вернулся к машине. Перед тем как высвободить сериал из мертвых рук, взглядом отыскал предохранитель и мизинцем, не дыша, поставил его на место. Теперь оружие можно было взять без опаски; так я и поступил. Преодолевая некоторое внутреннее сопротивление, приподнял за плечи труп женщины-киллера и обнаружил, что карманов на ее одежде не имелось, лишь на поясе был прицеплен телефон. Его я изъял. Что же касается сумочки этой дамы — она наверняка сгорела. Да все равно — на операцию документов не берут, а из какого она лагеря — мне, я полагал, было известно. Так что — аминь.

Я открыл вентиль второго баллона и запихнул его в скользун, втиснул в окошко мимо дамы. Отошел и израсходовал весь остаток заряда в моем дистанте. Черный дым хлынул вверх, закручиваясь штопором. При желании можно было вообразить, что это души сгоревших — хотя их маршрут лежал, подумалось мне, в противоположном направлении.

Все. Здесь делать было больше нечего. Следовало позаботиться о собственном здоровье. А оно сохранится тем больше, чем дальше отсюда я окажусь в ближайшие же минуты.

Кейс. Тащить трофей с собой означало увеличить риск в несколько раз. Он был чертовски тяжел из-за броневой

защиты и теплоизолятора, а рассчитывать в ближайшие часы я мог только на свои силы; было и другое соображение: если остатки кейса будут обнаружены вместе с прочими обломками, то заинтересованные лица, может быть, поверят, что содержимое его просто сгорело, и искать больше не стоит. Для меня это имело бы немалый смысл.

Значит, надо было вскрыть сундучок здесь. Со всеми предосторожностями, чтобы ложным движением не уничтожить ни содержимого, ни самого себя. И сделать это быстро: подсознание подсказывало, что времени в моем распоряжении — всего ничего. Я просто чувствовал всем телом, что заинтересованные лица приближаются, и даже легкая дрожь пробегала по коже от этого ощущения.

Несколько секунд пришлось потратить, чтобы привести нервы в рабочее состояние. Потом я уселся на травку, расстелил перед собой свою куртку (синтетика; изолятор, иными словами), положил на куртку кейс и какие-то мгновения внимательно смотрел на него. Потом закрыл глаза и попытался заглянуть внутрь при помощи, разумеется, третьего глаза.

Разобрался я не сразу: подрывное устройство было основательно заэкранировано — как я понял, то была защита от просвечивания. Но третий глаз посильнее рентгена, и в конце концов я увидел достаточно, чтобы убедиться в том, что вскрывать кейс при помощи лазерного луча не стоит: рванет. Оставались лишь механические решения. Напрягаясь, я все-таки нашел реле защиты от механического взлома. Конструкция оказалась не слишком замысловатой, но требовала определенного уважения и деликатности в обращении. Искать подходящие инструменты в лихо горящем аэралете — лишняя потеря времени, а цена каждой минуты сейчас возрастала, словно акции компьютерной компании. Приходилось обходиться тем, что было всегда со мной: собственными талантами. Я наклонился, почти утыкаясь носом в холодную крышку, отделанную под черепаховый панцирь. Сконцентрировал внимание на одном из проводков — на красном, для ясности. Разглядел пружинный контакт, при помощи которого провод был подключен к детонатору. Нет, вытащить его телекинетическим способом будет затруднительно. Надо идти с противоположного конца. От батарейки. Какой контакт там? Там пайка. А поднимать температуру слишком опасно. Черт, что же тут вообще можно сделать?

Уже постукивало в затылке — безошибочный показатель угрозы: уровень опасности приближался к критическому. Плюнуть на все и взять кейс с собой? Но это делать было теперь уже никак нельзя. Потому что среди прочих прелестей я разглядел и небольшое — с наперсток — радиоустройство, в просторечии издавна именуемое «жучком». Оно питалось от той же батарейки и исправно слало сигнал в эфир; желающим оставалось лишь запеленговать его. Вот тебе и причина, по которой нас так

точно накрыли, эта мыслишка промелькнула как-то бочком, бочком: сейчас она уже не была важной. Что предпринять? Ну! Думай, не зря же тебя этому и учили: думать...

Кололо в висках. Во рту было, как в пустыне Гоби в засушливый год. В сознании вереницей скользили варианты, наскоро оцениваемые и тут же бракуемые. Они были неплохи, но все требовали одного и того же: времени. Как раз того, над чем я не властен. Я отвергал их, требуя от себя самого все новых и новых. Знал, что если не дрогнуть, не испугаться, не размагнититься в самый критический миг — нужное решение придет. Уже сейчас оно наверняка вырабатывается в подсознании.

Выход нашелся — именно в то мгновение, когда я готов уже был разочароваться в своей звезде. Решение было таким простым, что в первую секунду я в него не поверил. Принялся проверять. Нет, все было вроде бы правильно. И риск получался — в пределах допустимого.

Собственно, эта мысль и раньше мелькала: замкнуть батарейку накоротко и тем истощить ее в считаные секунды, после чего она уже не в силах окажется дать нужный ток на детонатор. Но тогда я идею отверг: при замыкании температура внутри кейса хоть ненамного, но повысится — а кто знает, как на это отзовется подрывная штука, снабженная для подстраховки еще и тепловым реле — надо полагать, достаточно чутким. Слишком уж близко от него находилось место, где устроить замыкание было проще всего. А вот «жучок» стоял в противоположном углу кейса, и к тому же был упрятан в толщу теплоизолятора, чтобы владелец кейса ненароком не увидел предателя. Значит, если учинить замыкание на входе «жучка» — тепло до термореле не дойдет: энергия-то на самом деле выделится достаточно малая. Просто, как бутерброд. И все, что требуется — это затрата моей собственной мощности, потребной для того, чтобы ионизировать воздух в очень небольшом объеме, и тем вызвать разряд. Работы на несколько секунд, не более.

Остальное было, как говорится, делом техники. Своей макушкой я четко ощущал, как тает заряд батарейки: он и был-то достаточно небольшим, хотя последствия мог вызвать очень неприятные. Заряд утекал, как вино из треснувшей бутылки. Кончиками пальцев я прикасался к стенке кейса там, где было ближе всего к «жучку». Мои пальцы хорошо ощущают изменения температуры, но на этот раз они практически ничего не почувствовали.

В эти несколько секунд я успел объявить себе выговор. За недопустимую в нашем деле халатность и непредусмотрительность. Надо было подумать о кейсе раньше, когда можно было еще воспользоваться Телом, пусть уже и неживым: его пальцами и глазами, на которые и был настроен запирающий механизм. А когда я спохватился, все, надо полагать, сгорело. За это я, правда, понес наказание: три минуты страха и неуверенности в себе. Теперь это было уже позади.

Поскольку опасность подрыва будто бы миновала, можно стало вскрыть кейс механическим способом — остерегаясь, правда, сильных ударов. Две минуты. Крышка откинулась. Что где находится — я успел определить еще раньше. Теперь увидел содержимое сундука воочию. Ничто не привлекло моего внимания хотя бы как сувенир, который можно прихватить на память. Ничего — кроме футлярчика, в котором оказалась одна кристелла с записью. Крышка футляра была перечеркнута красным косым крестом; то был хорошо известный знак защиты записей — предупреждение о том, что не следует пытаться прочесть файл, не зная кода: текст в следующее же мгновение сотрется, сгорит, уничтожится начисто. Но я и не собирался заниматься кристеллами сейчас: ни этой, из кейса, ни той, которую я так и не отослал по адресу. Это все потом. Пока же я только отметил в памяти, что обе кристеллы были армагского происхождения. На Теллусе мы предпочитаем пользоваться собственной продукцией. Ладно, и с этим разберемся.

Я уже всем телом чувствовал: жизнь моя с каждым мигом все более уподобляется слезе, трепещущей на реснице Аллаха. Ощущал направление, откуда надвигалась гроза. Спрятав футляр с кристеллами в самый хитрый карман моего наряда, встал. Уже испытывая накатывавшую головную боль (наведенную, конечно: на всякий случай противник принимал все меры для ослабления возможной контратаки), все-таки нашел силы, чтобы построить в воздухе две линзы. Всего на несколько секунд. Их хватило, чтобы увидеть аграл ет, который без линз казался простой точкой над горизонтом. Увиденное мне не понравилось. То была не полицейская машина и даже не военная. То было устройство, с которым мне меньше всего хотелось бы встретиться: техника службы ДДД — Десанта Дальнего Действия, наилучшим образом оснащенное летсредство под романтическим названием «Дикий слон», имевшее, правда, и несколько ироническую кличку «Контрабас» — то ли из-за формы, действительно смахивавшей на названный инструмент, то ли из-за басовитого гудения, какое издавали его маршевые двигатели на полной мощности. Я был уверен, что с его борта я был виден куда лучше, чем они — отсюда: им-то не приходилось формировать линзы из воздуха, у них были прекрасные приборы. На защищенной кристелле — да и на второй тоже — наверняка было записано что-то очень и очень серьезное. И за этой записью охотились сразу две стороны; представителем одной была сгоревшая женщина, красивое существо с ледяными глазами, а что касается второй — я не составил еще о ней твердого мнения, но похоже, что у нее были неплохие связи не с нашими службами. Иными словами, вторая сторона скорее принадлежала даже не к власти «Т», как я было подумал, но, так сказать, плавала под чьим-то чужим флагом. Иначе нас не стали бы расстреливать со спутника: это не самый дешевый способ, да и не самый надежный.

Брать ноги в руки, решил я. Но сначала подстрахуемся, насколько это сейчас возможно.

Низкое облачко — это было все, на что меня сейчас хватило. Я был пуст, как проколотая шина. Но все же оно хоть на минуту-другую закроет меня от горних наблюдателей. От всей их оптики.

Я дождался, пока облачко оказалось между мною и охотниками. И кинулся перебежками, от дерева к дереву, дополнительно укрываясь от наблюдения сверху, в направлении дороги.

Видимо, кто-то действительно хранил меня от лишних напастей: на дороге — еще далеко — я завидел нечто, могущее мне сейчас пригодиться. Коляску: автобус местного значения.

Хорошо еще, что до сих пор не сбежались любопытные — те, кто охотно показал бы, куда ты направился и чем воспользовался.

Я глянул на часы. С мгновения нашей посадки прошло шестнадцать минут. Нет, ничего удивительного, что не собрались люди. В этих местах они тяжелы на подъем. Да и в наше время инстинкт самосохранения чаще преобладает над любопытством, чем наоборот.

Сделал быстрый расчет времени. Еще с полминуты оставалось в моем распоряжении. Эти секунды я использовал для наблюдения, сформировав линзу. Я смотрел туда, где совсем недавно находился я сам.

Мощная машина успела приземлиться. Из нее выскочили люди — я насчитал пятерых — и, не теряя ни секунды, принялись тушить огонь, в котором медленно погибал наш агрик. Ударили пенные фонтаны.

Прилетевшие не могли не видеть, что живых там не осталось. Но вряд ли им нужны были люди; я был уверен, что они стремятся спасти ту самую запись, что находилась сейчас у меня.

Они еще не начали методически просматривать окрестности. Но вот-вот начнут. Все. Мое время истекло.

Я повернулся и побежал.

Я бежал, как сонная улитка. Но все же мой курс должен был пересечься с дорогой как раз в то время, когда автобус окажется поблизости. Потому что он двигался лишь немногим быстрее моего.

Глава 3

Десятка мечей в восьмом доме (все еще четырнадцатый день событий)

В комнате стоял полумрак, насыщенный тяжелым, но приятным ароматом курившейся палочки. На большом столе, покрытом красной, бархатистой на ощупь скатертью, горели две свечи, черная — справа от меня, белая — слева; в углах

отблескивали стеклянные глаза совы (то было чучело) и другие, живые, — черного кота, раскормленного и важного.

Я сидел на старомодном и, наверное, потому очень удобном стуле, лицом, как было мне объяснено, к северу; напротив в антикварном полукресле расположилась хозяйка. Перед нею, обратившись к ней острием, на скатерти лежал продолговатый кристалл — скорее всего горного хрусталя, среднюю же часть стола занимали выложенные концентрическими кругами карты. Но не те, в какие проигрывали (да и теперь тоже проигрывают) состояния, а совсем иные и по величине — чуть ли не вдвое большего формата, — и по картинкам. То были карты Таро, о которых слышать приходилось немало, но сам я встретился с ними впервые. И хозяйка — вся в черном — медленно скользила взглядом по этим кругам, временами поднимала глаза на меня и снова переводила их на расклад. Расслабившись, я терпеливо ждал, когда она начнет определять мою судьбу.

Хотя пришел я к ней совсем не за этим.

В своей жизни я, как любой, наверное, ведущий не очень оседлый образ существования, встречал самых разных людей и (это уже свойственно не любому) сохранял память о каждом из них. Не ради какой-то выгоды; просто такое свойство, видимо, было присуще моему мозгу. То были люди разного достатка, общественного положения, самых несхожих профессий, принадлежавшие к обеим властям: «О» и «Т». Они всегда были мне интересны; может быть, потому, что я видел их не только снаружи, но и немного изнутри, мог — если требовалось — заглядывать в их мысли и думать точно так, как они; иначе и не сумел бы стать настоящим телохранителем, а потом и поисковиком, да и сделавшись, протянул бы не дольше бабочки-однодневки. Большинство этих персон — от известных политиков и деловых людей до самых настоящих люмпенов — относилось ко мне с таким же уважением, с каким я воспринимал их. Не раз — и когда состоял на Службе, и потом — я помогал кое-кому из них; и считал потому, что и у меня есть право обратиться к ним, если помощь понадобится мне самому. Вот как сейчас. Когда закончились общие беды, о которых уже рассказано, и начались мои личные.

Хотя я, откровенно говоря, полагал, что мне очень повезло. Моя серия оказалась третьей. А может быть, пули на мое имя и вообще не были еще выписаны: слишком мало времени для этого имелось у нападавших. Тогда мне еще не приходило в голову, что у них могли быть и другие намерения относительно меня.

Об этом размышлял я несколько часов тому назад, сидя на заднем сиденье в самом уголке автобуса, который мне удалось перехватить на дороге. Пассажиров было немного, в основном — местный народ, проезжавший три-четыре остановки, не более. Одни выходили, другие садились; каждого нового человека я оглядывал внимательно — что вовсе не означает, что я

таращил на него глаза; умение наблюдать ненавязчиво — одно из первых, которым нас обучают, признав годными к ремеслу. Но на меня никто не обращал внимания; одет я был, как и все, нимало не выделялся, а сумки у большинства были еще поувесистее моей. Все-таки в этой части столичного пригорода оставались еще в силе земледельческие традиции, и даже через сотню лет, да и позже, многие тут еще будут копаться в огородах, привозя из города больше провизии, чем потом вывозя туда. Старая добрая привычка.

Я не случайно воспользовался автобусом вместо того, чтобы сойти у ближайшей остановки надземки. В пользу такого действия говорили, самое малое, два соображения.

Во-первых, медлительность передвижения. Мне нужно было какое-то время, чтобы разобраться в происшедшем и сообразить, что теперь делать и в каком порядке. Мне всегда хорошо думалось во время езды; может быть, легкая тряска заставляет мозг, а еще более — подсознание развивать больше оборотов. Может быть. Средство транспорта из семейства черепах давало мне и то, и другое. Можно было поразмыслить на тему: кто? И — что. Кто охотник, и что предпринять дичи, роль которой на этот раз выпало играть мне.

И во-вторых. С самого начала было ясно, что специалисты, прибывшие на место происшествия (а что это были профессионалы, я не сомневался), быстро разобрались в количестве останков: слишком мало времени и градусов было у огня, чтобы превратить все в обеих машинах в пепел. И, проведя инвентаризацию, они, конечно, уже установили недостачу одного персонажа. Сколько нас летело — они наверняка знали заранее: утечка информации из усадьбы Альфреда, вернее всего благодаря отпущенному нами с миром почтальону, казалась мне несомненной. Пройдет еще какое-то время, прежде чем они вычислят, что уцелел именно я. Однако команда на розыск будет отдана сразу, объявлены мы будем все трое, кого найдут — того и назначат виноватым. И в первую очередь станут проверять именно скоростные линии транспорта, понимая, что моя первая задача сейчас — оторваться от преследования как можно быстрее и дальше. Будут, конечно, приглядывать и за всем другим; но уж за такими чемпионами неспешности, как тот, на котором я поехал, — в последнюю очередь. Да и охотники пойдут уже не те. Другого розлива.

Автобус лениво протаскивал под колесами километры, а я, отвлекаясь лишь на остановках, очень серьезно думал, испытывая вроде бы давно забытое ощущение студента, не получившего трех дней перед экзаменом.

То, что удалось уцелеть при операции, вовсе не обещало мне спокойного будущего. Совсем наоборот. Если раньше угроза исходила с одной стороны, то теперь ее следовало ожидать самое малое с двух. А может, и больше. Чем дальше — тем большая уверенность возникала, что сторон было больше, чем две.

Что, собственно, произошло? В какую игру я ввязался, против кого вызвался играть и что, в конце концов, мог выиграть? Проигрыш мне был ясен: собственная жизнь.

До сих пор мне следовало опасаться лишь тех, кто был так или иначе связан с зернышками уракары. Но черт — а вернее, давно выработавшийся рефлекс — дернул меня стащить нечто, видимо, еще более серьезное. Для кого-то эта кристелла была весьма важна. Моя жизнь такой ценности для них уж никак не представляла.

Что же такое было на ней записано? Мог ли я сам этим как-то воспользоваться? Если лично для меня ее содержание интереса не представляло — может быть, имело смысл отдать кристеллу тем, кого она так интересовала, и тем купить для себя безопасность, чтобы спокойно заняться этой самой уракарой? Отчего бы мне не заглянуть в запись сразу же, пока автобус трюхает потихоньку и меня никто не беспокоит?

Такая возможность у меня была. Конечно, местные автобусы не оборудованы внешними компьютерами, но мик же никуда не девался — сидит в голове, готовый к услугам. Однако чего никак нельзя было сделать — это вложить кристеллу в мик: наши биокомпы для таких операций никак не приспособлены, вводить в них информацию можно только мысленно. Для того чтобы считать что-то с внешнего источника, нужен своего рода сканер — не такой, конечно, какие применяются в работе с железом. Однако я давно уже жил по правилу: всегда быть готовым к любым неожиданностям, и поэтому такой приборчик входил в перечень необходимого снаряжения, которое я всегда таскал с собой. И вот сейчас он пришелся как нельзя более кстати.

Стараясь привлекать к себе как можно меньше внимания, я извлек из кармана коробочку со сканером, а из сумки — футляр с кристеллой. Находившимся там же пинцетом вынул, приноравливаясь к тряске автобуса, кристеллу и так же осторожно вложил ее в гнездышко сканера. Включил и закрыл глаза, чтобы не мешать мику воспринимать информацию, передаваемую приборчиком на высоких частотах. Легкая вибрация в висках свидетельствовала о том, что передача проходит нормально. Заняла она несколько секунд, и сразу же после этого можно стало вступить в диалог с миком, уже переварившим информацию.

Впрочем, это было лишь моим предположением. На мой вопрос мик ответил исчерпывающе: на кристелле не было записано ничего. Я усомнился: могло ли это быть? Кто стал бы с таким тщанием оберегать пустое зернышко? Может быть, сканер просто не справился с записью? Или использовался какой-то другой, не заложенный в него язык?

Все это было по меньшей мере странно, думал я, пытаясь договориться с миком о новой попытке вскрытия пустоты — без особой, впрочем, надежды на успех.

Однако разочарование исчезло так же быстро, как и возникло, едва лишь мик принялся препарировать объект новым способом.

Оказалось, что на кристелле текст действительно существовал. Беда же была в том, что, кроме этого факта, ничего другого выяснить пока не удалось.

Первым, что возникло на мониторе, была надпись:

«Совершенно секретно. Коммерческая тайна. Только для адресата».

Ниже: «Личный суперкод номер шесть».

И — крупно:

«МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ 00485».

Я скомандовал мику показывать дальше.

Следующий кадр был: «Для прочтения документа введите разрешающий пароль».

И тут же — красные, мигающие строчки в рамке:

«Внимание! Попытка использовать неверный пароль приведет к полному стиранию записи!»

Несколько секунд спустя это предупреждение сменилось новым:

«ОСТОРОЖНО! Всякая попытка копирования текста вызовет его полное уничтожение».

Двенадцать белых кружков, в которых следовало разместиться буквам или цифрам пароля, тоже согласно мерцали.

С такими условиями задачи мне сталкиваться до сих пор не приходилось. И я вовсе не был уверен в том, что попытка безопасного проникновения в шифр по силам моему маленькому мику. Тут наверняка требовалось устройство, куда более мощное. Да и над программой следовало, наверное, поработать очень основательно. На ходу сделать это было невозможно — да и не нужно, пожалуй: сейчас главным был вопрос моей собственной безопасности. Кристеллу же надо было просто сохранить. До лучших времен. Самым подходящим выходом, конечно, было бы — скачать текст в мик; но я был предупрежден о невозможности копирования. Был, правда, способ обойти этот запрет. Заключался он в том, что в память мика (или любого другого компьютера) переносился не записанный на кристелле текст, но вся ее молекулярная структура — включающая в себя, разумеется, и все сделанные на этом носителе записи. Но для такой операции нужно было серьезное стационарное оборудование, которого здесь у меня, конечно же, и быть не могло. Таким способом кристеллу можно было бы, не расшифровывая, даже размножить; ну, а тогда появилась бы и возможность расшифровки; во всяком случае, можно стало бы предпринимать попытки, не боясь безвозвратно утратить запись.

Однако все это было осуществимо только в будущем — том, в котором у меня будут безопасность и нужное снаряжение.

Но сейчас, в автобусе, я не имел ни того, ни другого.

Пока что можно было лишь размышлять о том, в какую еще историю я вляпался.

Иными словами — не имела баба хлопот... Или, еще точнее: мало ему того, что он негр, так он еще читает еврейскую газету!

На самом деле мне было не до древних анекдотов.

Люди, от которых я сейчас старался спастись, не были настолько наивными, чтобы сразу поверить, будто предмет их интереса сгорел. Они просеют все через самое мелкое сито, и когда убедятся, что футлярчика с кристеллой и даже его остатков в несгораемом кейсе нет, — поймут, что записи исчезли вместе со сбежавшим человеком: со мною. И машина поиска закрутится уже всерьез.

Каков этот механизм, мне было неплохо известно. Казенный или частный, «О» или «Т»— оба они примерно одинаково мощны. Некоторое время можно от него скрываться. Залечь глубоко на дно. Лежать и не дышать. Нужно только найти самый глубокий омут. Но если это даже удастся, долгое залегание — то, чего я сейчас не могу себе позволить.

Потому, что надо выполнять работу, за которую мне уже заплатили; пусть и не все, но достаточно много. Может быть, я даже никогда не получу второй половины; как говорится — честь дороже.

И по другой причине. Если уж я оказался владельцем товара, имеющего немалую ценность (судя по тому, с каким рвением за ним погнались совсем разные люди), а следовательно, сулящего немалую прибыль, если его умело выставить на продажу, то вряд ли самым разумным будет долго держать его под спудом: секретная информация хороша, пока она свежа, в наши времена быстрых перемен она портится быстро и еще быстрее падает в цене. Мне же нужно взять за нее максимум возможного — чтобы уже после этого залечь, исчезнуть, раствориться по-настоящему далеко от этих мест и в достаточно комфортабельных условиях. Надолго; может быть, даже на всю остающуюся жизнь. Хотелось верить, что она будет продолжительной. Поменьше риска в будущем, внушал я себе. Достаточно я подставлял свою шкуру до сих пор.

Но попасть в руки преследователей — то была лишь первая опасность. Вторая же, по моему разумению, была ничуть не меньше.

Как уже говорилось, организации Спутников телохранителей чрезвычайно заботятся о своей репутации. И всякая неудача — а гибель охраняемого в твоем присутствии удачей никак не назовешь — вызывает немедленное и суровое расследование со стороны твоих же коллег. Что ты сделал, а вернее — чего ты не сделал, чтобы он уцелел? Случайность? Случайностей для нас не должно существовать. Непреодолимая сила? Какая же? Против вас выступал десантный полк? Ах, одна машина и один стрелок — баба к тому же? Неубедительно. А может, все куда проще? Сколько тебе заплатили? Нет? А почему же тогда ты уце-

лел? Тебя пожалели? Младенец в материнской утробе, и тот тебе не поверит!

Вот такими будут разговоры, и после каждого из них ты станешь все более смахивать на верблюда и все меньше в тебе будет оставаться от человеческого облика. Кто-то впредь до выяснения перестанет подавать тебе руку, кто-то еще будет — и после беглого прикосновения бессознательно вытрет ладонь платком или просто о штаны. Допустим, мне ничего не докажут (я-то знаю, что ничего такого не было), но и я им ничего доказать не смогу. И через день-другой я просто исчезну. Ликвидируют свои — чтобы доказать всем заинтересованным, что они тут ни при чем и виновного наказывают самой полной мерой. И, кстати, еще и затем, чтобы, когда к ним обратятся (непременно!) те, кто сейчас ищет меня с кристеллой, — развести руками и, честно глядя в глаза, молвить: «Сами ищем, но пока о его местонахождении сказать ничего не можем. Как только узнаем — да, конечно же, сообщим сразу же! А что он — в чем-то замазался? Ах, сукин сын!» И такое случалось.

Так что рассчитывать на солидарность мне в этих обстоятельствах не приходилось. Лучше было вообще больше среди своих не возникать. Кстати, и вот еще почему: мне вовсе не хотелось, чтобы наши волкодавы (а они у нас из лучших, потому что получают куда больше казенной ставки) копались в моей биографии. Могло ведь в ней оказаться что-то такое, что мне не хотелось обнародовать. У каждого есть право на свои маленькие секреты. Но в нынешних условиях было бы очень невыгодно рвать связи с серьезной организацией: как знать, ее содействие могло еще понадобиться при выполнении той работы, за которую я взялся.

Нет, никак не следует рисковать излишне...

Чтобы не рисковать излишне (тут же просигналило подсознание), нужно сойти немедленно. На первой же остановке. А еще лучше — до нее. Потому что уже на этой остановке, похоже, в автобус войдут розыскники. И хотя есть немало способов благополучно проскользнуть, каждый из них связан с тем самым риском, которого мне сейчас хотелось избежать. Наверное, я, подчиняясь азарту, рискнул бы — не будь у меня в сумке футляра с записями. Раньше в подобных случаях я, сознательно или подсознательно, рассуждал так: в конце концов, что я могу потерять, кроме жизни, а так уж ли она дорога, чтобы трястись за нее? Но как только в твоем распоряжении оказываются какие-то ценности (необязательно материальные), сразу начинаешь воспринимать жизнь иначе. Нелепое создание человек, ничего не скажешь.

Итак, сойти, не дожидаясь остановки. Проще некуда — подойти к шоферу и сказать: притормози тут, друг, я слезу. Но это не годится: если даже я заставлю его — да и всех попутчиков тоже — сразу же забыть о соскочившем пассажире, там, на остановке, всех их в два счета заставят вспомнить. В ко-

манде найдется хоть один, обладающий теми же способностями, что и я; ну, пусть и в меньшей мере — но тут и не надо быть семи пядей во лбу. И сразу станет ясно, в каком районе следует искать ускользнувшего. Нет, затормозить водила должен по своей инициативе. И заняться чем-то, что заставит его не заметить, что один из ездоков покинет его средство передвижения.

Я устроился поудобнее и закрыл глаза. Заработал третий глаз. Я успел немного отдохнуть, и способности мои восстановились, пусть и не в полной мере. Я увидел мотор; находился он почти у меня за спиной — немного пониже только, в моторном отсеке. И понял, что мне не повезло. Дизель. Не электрик, и уж подавно не статик, какие стоят на скользунах. И черт его знает, как еще ухитряются ездить такие вот памятники древности — но вот же ездят. Дизель. А значит — не то что силовой батареи нет, но даже никаких свечей, никакой катушки — а я рассчитывал и здесь устроить небольшое замыкание; пока водила разберется, меня и след бы простыл. Но этот вариант сам собою отпал.

Перекрыть топливо? Пока я разберусь, где тут у него что, удирать станет поздно. Нужно что-то другое.

Другое находилось неподалеку — чуть впереди, ниже и правее. Ближайший скат. Я напрягся. Техника под стать всему автобусу: камерная шина с ниппелем. Задачка для телекинетов второго года подготовки. Они, правда, делают это, как следует отдохнув. Но ведь и я — не второгодок. Будь колесо неподвижным, это вообще было бы не задачей, а развлечением. Но оно крутилось, скотина этакая, и достаточно быстро: участок дороги был как раз прямым. Я потратил несколько секунд, чтобы приноровиться, войти в ту же циклоиду, которую описывало подлежащее воздействию устройство. Потом, не открывая глаз, напрягся до возможного в тех условиях предела и четко представил, как крышечка, удерживающая ниппель, начинает откручиваться — сперва медленно, очень медленно, поворачивается на градус-другой, с трудом поворачивается (я ощутил пот, выступивший на лбу, но понадеялся, что никто не поймет причины его появления, если и заметит), потом — легче, быстрее, вот уже полный оборот — один виток резьбы пройден, сколько их всего? Четыре, пять? Ну давай, давай!

Змеиное шипение — и сразу ощутимо затрясло. Меня, как и всех, качнуло вперед: водила тормознул. Вылез. Сквозь стекло было слышно, как он декламировал национальные заклинания — и очень выразительно. Потом, отведя душу, полез в свой подвал — выкатывать запаску и ставить домкрат. Находился он с той же стороны, что и пассажирская дверь; однако колесо я предусмотрительно выбрал на противоположном боку. Я тем временем оглядел салон. Пассажиры, дремавшие после трудового дня, подняли было головы при торможении, однако, убедившись, что опасности нет, повесили носы снова, кто-то даже уютно захрапел. Водила уже перенес домкрат; я почувствовал, что пе-

рекосившийся было пол начал выпрямляться. Шофер снова промаячил под окном; на сей раз покатил колесо. Выждать, пока не начнет звякать колесный ключ. Вот! Теперь самое время.

Я подхватил сумку и прошел вперед, стараясь никого не задеть. Не задел. Выглянул из двери. Пустынно. Очень хорошо. Сразу — через обочину, в кусты. И — постоянно контролируя пространство — подальше отсюда. Куда глаза глядят...

Глаза, однако, глядели не куда-нибудь. Потому что нужное мне место я определил заранее. Условий было два: оно должно было находиться ближе всех прочих к точке, в которой сейчас находился я, и в нем можно было рассчитывать получить определенную помощь. Хотя и далеко не полную.

Таким кратковременным приютом должно было, по моей прикидке, стать обиталище некоей дамы, обозначавшейся у нас кличкой Пифия.

Дама эта была владелицей салона оккультных услуг, единственного в этом районе. Сказать о ней «гадалка» было бы чересчур пренебрежительно: в своем деле она, как признавали специалисты, имела гроссмейстерский ранг. Вообще такого рода заведения относятся к достаточно тонкому слою, разграничивающему полностью законные и полностью незаконные способы деятельности — и, конечно, людей, этими способами пользующихся. Ее бизнес официально был признан, однако постоянно находился как бы под сомнением; такого рода деятельность можно с равными основаниями признавать и не признавать. Время от времени отношение властей меняется — и бизнес уходит в подполье, подобно граду Китежу, погрузившемуся, как все помнят, в воды озера. Проходит время, отношение меняется — и бизнес вновь идет на всплытие, как аннираketная субмарина после боевого похода. Но даже когда он покидает глубины, все возникшие или возобновленные в подпольном мире связи, знакомства и деловые отношения сохраняются — так же как все это сохраняется и на поверхности во время погружения. Так что я направлялся к ней не затем, чтобы она попыталась заглянуть в мое будущее, но за помощью гораздо более прозаического свойства, потому что ее опыт и связи в деле глубокого залегания были — надо признать — куда более обширными, чем мои. Хотя была она вовсе не каргой, как можно подумать, но женщиной достаточно молодой и весьма пригожей.

Прежде чем попасть к ней на прием, пришлось обождать почти час: клиентуры у нее хватало, репутация прорицательницы обладала прямо-таки алмазной твердостью. Я бывал здесь не раз — не по своим делам, но сопровождая одного из предыдущих нанимателей: люди такого пошиба всегда озабочены будущим, и расходы их на предсказания бывают весьма значительными. Не только на гадалок, разумеется; но и на них тоже. Поэтому, ожидая, на

всякий случай сел поближе к дверке, которая вела, как мне было известно, в служебные помещения, а через них — к черному ходу. Топографию эту я усвоил, когда тщательно исследовал весь дом перед тем, как доставить сюда моего тогдашнего клиента, и повторял операцию при каждом новом визите, просто так — чтобы проконтролировать интуицию. На сей раз я ей доверился — маячить и привлекать к себе лишнее внимание я счел излишним.

Пока я ждал, никакой опасности не возникло, и я, когда пришла очередь, спокойно вошел в кабинет — или келью, как сама Пифия называла это помещение.

Хозяйка лишь выражением глаз дала понять, что узнала меня, а легким движением бровей успешно выразила некоторое удивление.

— Сегодня в гордом одиночестве? — перевела она удивление на язык звуков. — Услуга нужна тебе самому?

Я только кивнул, памятуя, что молчание — ограда мудрости.

Хозяйка чуть улыбнулась:

— Здесь надежно.

Я снова кивнул, понимая, что она имела в виду.

— Садись. — Она указала на стул. Я не заставил ее повторять. И решил наконец нарушить молчание.

— У меня — острая ситуация...

Жестом она остановила меня:

— Не надо. Разберусь сама.

Слева от нее, на маленьком круглом столике, лежало несколько кожаных футляров, содержавших, как я помнил, колоды карт Таро разного формата и облика, хотя рисунок на большинстве их принадлежал одной и той же системе. Повернувшись к столику, хозяйка с минуту медлила, выбирая, видимо, наиболее подходящий гарнитур. Взяла, наконец. Карты были завернуты еще и в красный шелковый платок. Развернула. Разделила на две равные стопки и неуловимо-ловкими движениями пальцев перетасовала их.

— Да мне, собственно, не это... — попробовал возразить я.

Она покачала головой и погрозила мне пальцем. Сказала:

— Возьми кристалл. Сосредоточься на нем. Чтобы он тебя почувствовал как следует...

Чуть заметным пожатием плеч я выразил свое отношение к этому делу, но сопротивляться не стал: тут ее монастырь — значит, и устав ее. А поговорить можно будет и в процессе. Пожалуй, так даже лучше: если кто-то заглянет — увидит лишь нормальный сеанс и ничего больше.

Я взял кристалл и обхватил его ладонями. Возникло странное ощущение: как будто я держал в руках живое существо. Хозяйка тем временем зажгла свечи и ароматическую палочку. Еще через минуту проговорила:

— Хорошо.

И принялась неторопливо раскладывать карты на красной скатерти. Одно кольцо из двенадцати карт. Вокруг него — второе. Третье. Мелькнула шкодливая мысль: сейчас последует традиционное «Позолоти ручку». Нет, ничего подобного я не услышал. Закончив расклад, хозяйка некоторое время рассматривала его, переводя взгляд от карты к карте — слишком, как мне показалось, долго. Потом поджала губы:

— Да, завидовать тебе я не стану.

— Знаю сам. Мне нужно...

И снова она остановила меня:

— Потерпи немного. Значит, так... Недавнее прошлое: очень большая неприятность. Угроза жизни, но исход благоприятный. Большой обман. Растерянность. — Она подняла глаза. — Соответствует?

— Пожалуй... — пришлось признать мне.

— Настоящее. (Пауза.) Пожалуй, не лучше. Десятка мечей в восьмом доме: вот она, видишь?

— И что же это?

— Убийца. И еще — перевернутая Башня. Смерть. Весьма вероятная в ближайшее время. — Она еще помедлила. — И не из одного источника. Из трех. — Она немного помолчала. — С деньгами у тебя сейчас благополучно. Но очень, очень ненадолго.

— Плохи мои дела, — сказал я почти весело. Пифия же не обратила на мой тон никакого внимания. Она продолжила:

— Но есть шансы. В седьмом доме король пентаклей — сиречь человек, который может помочь. И дальше — смотри, как удачно: восьмерка пентаклей, тройка жезлов в одиннадцатом доме, и к тому же еще Колесничий.

— А в переводе на рабоче-крестьянский?

— Бежать. Быстро. И далеко. Бежать с планеты: здесь тебе сейчас не уцелеть, видишь сам.

— М-да, — проговорил я на сей раз без восторга. — Сейчас, да еще мне — очень не просто. Дело в том...

Она выставила ладонь, как бы защищаясь:

— Не нужно. Свое я узнаю через карты — это до сих пор не признается судебным доказательством. Не имеет юридической силы. Иначе мне не хватило бы времени таскаться по судам свидетелем. Твои обстоятельства ты знаешь — и знай на здоровье. Мне они ни к чему.

Я понял ее и согласно кивнул:

— Я и не собирался исповедоваться. Просто подумал вслух: будет трудно.

— Легко только ушедшим. Да и то — как кому. Касательно же твоих проблем — я ведь сказала: король пентаклей поможет.

— Ну да. Который в седьмом доме. Может, дашь адресок?

Хозяйка усмехнулась чуть иронически:

— Другому бы не дала. Но тут, — она округло повела рукой над картами, — в твоем будущем есть неплохие перспективы. Очень неплохие. Правда, до них еще пахать тебе и пахать, так что я сейчас их раскрывать не стану: расслабишься — и испортишь картину самому себе. Адрес же твоего короля — запомни...

Она продиктовала мне адрес — вполголоса, вопреки своим же заверениям. Впрочем, лишняя предосторожность никогда не мешает, такое поведение я одобряю. Я выслушал и запомнил, и уже начал прикидывать, как мне добраться туда с наименьшим риском.

— Спасибо на добром слове. — Я отодвинул стул, встал. — Сколько я тебе должен?

Названная сумма едва не заставила меня поморщиться: я рассчитывал отделаться меньшим. Но спорить не приходилось. Я вынул карточку. При виде ее она покачала головой:

— Нет. Понадобится — проследят, с какого счета перевели. А я этого не хочу. Только наличными.

— Боюсь, что не хватит.

Она усмехнулась:

— Остальное отдашь потом. Видишь, как я верю в твою судьбу.

— Отдам, — согласился я, опустошая карманы. — Выйти черным ходом?

— Ни-ни. Все открыто, все легально. Ничего: они еще не близко.

Моя интуиция подсказывала то же самое.

— А кто такие «они» — карты не показывают? — спросил я со слабой надеждой.

Она ответила чуть ли не с обидой:

— Знаешь, тут не сыскное бюро все-таки... Хотя насчет одного могу немного прояснить. Официальная Служба.

Так-так. Интересно. Хотя я и сам ведь предполагал...

— И на том спасибо. Ладно. Да, кстати...

Это «кстати» было, по сути дела, главной причиной, по которой я здесь оказался, куда более важной, чем выяснение моих далеких перспектив. Но заводить этот разговор казалось мне уместным лишь после того, как деньги будут уплачены. Сейчас это условие было выполнено, и стало можно спросить:

— Кстати: помнится, у тебя в задней комнате стояла коекакая аппаратура. Она еще сохранилась?

Пифия, похоже, не удивилась вопросу. Подняла на меня спокойный взгляд:

— Стоит на месте. Но в каком состоянии — не знаю: я ведь ею не пользуюсь.

Я кивнул. Аппаратура осталась от ее старого друга, в свое время принадлежавшего к достаточно узкому кругу компкорсаров; он был одним из первых, если только не самым первым человеком, сумевшим разработать методику беспре-

пятственного вхождения в любой мик; а ведь каждый микробиокомпьютер — это, по сути дела, единственная и неповторимая схема, точно так же, как носитель его — единственная и невоспроизводимая личность, так что взлом любого мика — задача в высшей степени творческая. Будь он жив, у меня бы вообще не возникло проблем с сохранением зашифрованного текста — да и с поисками ключа к нему. Увы, все мы в этом мире лишь временно. Так что придется потеть самому.

— Ты позволишь ненадолго воспользоваться этой техникой?

Она самую малость поколебалась: для нее все это железо было как бы памятником ушедшему. Но все же решилась:

— Давид всегда хорошо к тебе относился...

— Спасибо.

— Но, надеюсь, ты там ничего не испортишь? — поспешно прибавила она.

— Вандализм — не в моих правилах.

Кажется, это ее успокоило.

— Проводить тебя?

— Не надо. Я помню.

— Постой. Возьми ключ. Ты надолго там засядешь? Я собираюсь выпить чаю — присоединишься?

— С удовольствием — в другой раз. Ты ведь знаешь: дело прежде всего.

— Ну, иди.

Она как раз успела выпить свой чай, когда я сделал то, что было нужно. К моему удовольствию, в дальней комнатке сохранилась не только аппаратура; там нашлись даже чистые кристеллы, четырьмя из которых я воспользовался. Ей об этом заимствовании я решил не говорить: как знать, может быть, они тоже входили в категорию охраняемых памятников?

Разобравшись с кристеллами, я решил, что успею сделать привычную медитацию. Так и поступил. Но без какого бы то ни было результата. Я никого не увидел и не услышал. Сейчас я уже не был достоин такого общения. Мой новый (то есть не очень хорошо забытый старый) образ жизни намного понизил мой статус — там, наверху, среди Посвященных. Я заранее знал, что так будет; но иного пути у меня не было. И они это тоже знали. Просто какое-то время — до конца операции — мне предстояло сражаться в одиночку.

Впрочем, если быть точным — не совсем...

Можно было на этом и закончить. И даже нужно было. Однако я не смог противиться искушению — а оно было очень сильным — пробежаться, хотя бы беглым взглядом, по архивам покойного Давида: если даже половина ходивших о нем легенд соответствовала истине, в его файлах должна была находиться своего рода современная энциклопедия.

И я стал наскоро шерстить его каталог. Было немало интересного — но не для меня, или, во всяком случае, не сейчас. И последнюю из намеченных дирекцию — называлась она «Казусы» — я проглядывал уже автоматически. Протянул руку, чтобы выключить машину. Но интуиция заставила помедлить: вероятно, потому, что мелькнуло слово «Синера», в моем подсознании успевшее крепко срастись с именем Вериги. Синера? Что там о ней?

«Гражданско-судебная палата Верховного Суда Федерации приступила к слушанию дела по иску эмигрантского правительства мира Тернары к правительству мира Синеры о признании незаконными действий ответчика по заселению Тернары путем массовой эмиграции синерианского населения и о реэмиграции переселенцев на Синеру, а также о возмещении правительству и населению Тернары убытков, понесенных вследствие означенных действий правительства и населения Синеры. Суть иска заключается в следующем: два года тому назад, в апреле 2675 года Конвенции, правительство Синеры предприняло массовый вывоз значительной части своего населения на Тернару, принадлежащую к той же системе Фламы и колонизированную восьмьюдесятью годами раньше, чем было начато освоение Синеры. Синерианские иммигранты не приняли никаких мер для освоения ненаселенных территорий Тернары (малопригодных для проживания и хозяйствования людей вследствие извечного недостатка влаги и отсутствия почв, годных для возделывания растений), но обосновались на изначально освоенных первыми переселенцами землях, нередко даже просто вытесняя старожилов не только с полей, но и из жилищ. В результате уже в середине второго года иммиграции все потомки первопроходцев оказались полностью исключенными из всякого производства, вынужденными мигрировать в леса и ополья, где перешли к собирательскому образу жизни — проще говоря, к одичанию (в той мере, в какой природа предоставляет такие возможности в населенных широтах Тернары). В настоящее время значительно уменьшившийся в численности народ Тернары загнан, по сути дела, в резервации, где, по существу, вымирает. Иными словами, фактически на планете запущен процесс геноцида в отношении человечества Тернары. Правительство этого мира вынуждено было эмигрировать на Астрею, будучи совершенно лишенным возможности сколько-нибудь эффективно влиять на положение дел в государстве вследствие отсутствия какой-либо связи с нацией, поскольку вся инфраструктура планеты уже полностью перешла в руки иммигрантов. Представители ответчика, коим является правительство мира Синеры, не отрицая самого факта массовой миграции синериан на Тернару, в качестве оправдания действий Синеры выдвигают следующие аргументы: миграция была предпринята не вследствие избыточного роста населения на Синере, хотя и этот фактор принимался во внимание, но в первую очередь потому, что за последние полтора или два года население

Тернары, за редкими исключениями, совершенно прекратило ведение на планете какого бы то ни было продуктивного хозяйства и перешло к собирательскому образу жизни значительно раньше, чем на этой планете высадились первые иммигранты. Тернаряне никоим образом не протестовали против прибытия синерианских жителей, напротив, восприняли их появление как благо, поскольку умирающие хозяйства начали восстанавливаться руками синериан, и некоторая часть производимого продовольствия и иной продукции передавалась коренному населению как бы в качестве арендной платы. Доказательством именно такого отношения тернарян к людям Синеры является тот факт, что ни разу не было предпринято попытки вооруженным сопротивлением или иным способом помешать деятельности безоружных, по сути дела, иммигрантов — хотя, во всяком случае в первое полугодие, численное превосходство коренного населения над пришельцами было более чем стократным. Никоим образом не соответствует истине заявление истца о том, что тернаряне вытеснялись из своих жилищ и производственных площадей как в сельском хозяйстве, так и в промышленности; на самом деле жилища, поля и цеха были покинуты их обитателями и работниками (включая руководство) задолго до начала операции по переброске синериан. В деградации населения Тернары, таким образом, никак нельзя винить представителей Синеры: всякое ведение разумного хозяйства было прекращено на Тернаре задолго до появления иммигрантов. Иммиграция явилась следствием деградации, но не ее причиной...»

Ладно, все это, быть может, представляло интерес для историков и политологов; но при чем тут я? И при чем — деревце уракара, пусть оно и является хвойно-лиственным, что (для Теллуса, во всяком случае) может весьма занимать разве что ботаников? Синера Синерой, но к моей задаче этот процесс явно не имел никакого отношения. Я скользнул взглядом по еще не прочитанному тексту. Ага: наконец-то замечено сакраментальное слово. «...никоим образом нельзя связывать начало деградации тернарян с обнаружением на Тернаре массовых посадок так называемого Райского дерева, или уракары, до сих пор известного лишь на Синере. Всякая попытка установить какую-либо связь между этими совершенно несовместимыми фактами должна быть отнесена к плодам чьей-то больной фантазии. Совершенно не доказано, что появление на Тернаре экзотического растения может быть каким-то образом связано с деятельностью отдельных граждан, а тем более учреждений Синеры». Так-с. Опровержение. А почти всякое опровержение — это половина признания. Что же — горячо?

Но я чувствовал, что сейчас на размышления об этом у меня уже совершенно не осталось времени. Я выключил систему, мысленно поблагодарив покойного за сделанную запись, которая теперь нашла местечко и в моем мике. И покинул комнату.

— Долгонько ты, однако, — проговорила Пифия. — Все сделал?

— Благодарю еще раз. Прекрасная аппаратура, и ты отлично сохраняешь ее. А теперь — побегу. Счастливо оставаться.

— Счастливой дороги, — пожелала она, когда я был уже в дверях.

Знать нужный адрес — большое дело, слов нет. Хорошо, когда известно, куда тебе нужно добраться. Но еще лучше — если, кроме этого, знаешь еще и как это сделать, теряя как можно меньше времени и здоровья. Для организма лучше всего добираться до искомой точки на, как говорили предки, одиннадцатом номере: на своих двоих. По возможности — дворами, в рваном ритме — то бегом, то ползком и тому подобное. Но время голосует категорически против такого способа: город наш велик, и ноги донесут до указанного места хорошо если часов через десять, поскольку центр надо из маршрутов исключить. За это время меня двадцать раз успеют поймать. Приходилось перебирать варианты. Неторопливо удаляясь по узкому тротуару от дома, где мне только что предсказали блестящее будущее при незавидном настоящем, я и предался этому занятию.

Для выигрыша времени самым выгодным казался примитивный угон. Угнать скользун нетрудно. Только в наше время это значительно более рискованная операция, чем в прошлом. Сейчас, когда все движение в городе постоянно фиксируется на громадных экранах в Управлении Внешнего контроля (он занимается улицами, в отличие от Внутреннего, пытающегося контролировать помещения — правда, без ощутимого успеха), любое средство наземного транспорта, стоит ли оно или движется, очень легко найти, зная его индекс: каждая машина снабжена датчиком, постоянно излучающим в эфир этот самый индекс. И если владелец заявил об угоне, пока машина еще не успела выбраться за пределы Шестого кольца, ее найдут за минуту — просто компьютер немедля выявит ее на экране, где она и замигает; на машину дадут соответственный сигнал, мотор отключится, а угонщику даже не удастся так просто выбраться из заблокированных дверей. Нет, этот вариант меня не привлекал.

Так же, как и второй: остановить такси и на нем спокойно доехать. Таксеры — первые из тех, кого сразу же начинают опрашивать розыскники. И у того, чьей услугой я воспользуюсь, не будет никакой причины скрывать, что — да, этого парня он подвозил, взял там-то, высадил там-то. И пусть на указанном месте меня, понятно, не найдут — все равно, поймут самое главное: что я в городе. Сейчас это им неизвестно. И пусть так и остается.

Остановить машину и, под угрозой оружия, заставить везти куда надо, а доехав — устранить свидетеля, нейтрализовать, как говорят у нас? Не годится и по деловым соображениям, и, как ни смешно это, может быть, звучит — по моральным.

Я ведь, как и большинство наших, настроен на защиту. Приходится, конечно, стрелять по живому; но только для обороны, когда ловят в прицел тебя, или еще чаще — работодателя. А если человек тебе не угрожает — не стрелять, если даже ситуация аховая. Защита должна быть соразмерна угрозе, в это я верю.

Ну что же: остается последний вариант.

В данном случае не годилась ни ВВ-линия, ни связь по мику. Можно было оперировать лишь стандартной внешней аппаратурой.

До сих пор пользоваться поликанальным телефоном мне еще не приходилось — этой штуковиной я разжился недавно. Но и сейчас тоже не придется: аппарат персонифицирован, он — своего рода визитная карточка, и как только звонок будет перехвачен — а он будет, — ко мне сразу же со всех сторон кинутся борзые волкодавы. Что же тогда? А вот что: телефонов-то у меня сейчас два. Второй — тот, что я изъял у вооруженной дамы; мир пеплу ее. Та же модель; он, конечно, тоже персонифицирован — но моя персона с ним никак официально не связана. Компьютер опознания сейчас заряжен на мои данные и на выход в эфир моего аппарата откликнется мгновенно, а на покойную даму — далеко не сразу: только тогда, когда, убедившись, что по горячим следам им меня не взять, мои оппоненты начнут серьезно думать. И вот это время можно будет считать чистым выигрышем.

Это, конечно, в случае, если на компьютер не подали уже информации касательно печальной судьбы владелицы второго телефона. Такое возможно; но только в случае, если она принадлежала к той же команде, что и нынешние мои оппоненты. Если так — мой план летит в тартарары. Вместе со мною, кстати. Ну что же: очень скоро мы узнаем хотя бы — сколько служб участвует в операции, одна или больше одной.

Сказано — сделано. Я отцепил аппарат от пояса. Настроив на полицейскую волну, потратил пару минут на прослушивание эфира. Странно, но там не было ничего необычного, ни одно сообщение, даже ни одно слово не говорило о том, что в городе идет серьезная розыскная операция. Удивительно? Вовсе нет; я ожидал этого: это не полицейская операция, и слушать надо совсем другой канал.

Я переключился. Да, здесь разговоров было полно, даже при желании не удалось бы вставить в их радиообмен ни словечка. Но такого желания у меня не было. Я слушал, понемногу уточняя мои теоретические представления о том, где ищут активнее всего и кто именно. Было приятно узнать, что здесь было далеко не самое горячее местечко. Теперь можно было действовать по плану.

Установив на пульте аппарата частоту, отведенную транспортным компаниям и конторам, я вытащил из своей памяти дюжину сохранявшихся там номеров, выбрал тот, что принадлежал ближайшей конторе проката, и набрал номер.

Как я и предполагал, ответил автомат: в наше время люди не тратят свое время на то, чтобы принять заурядный заказ; они вмешиваются только в случае, когда возникают какие-то затруднения. Весь процесс, конечно, записывается.

— Добрый вечер. Мы рады вашему звонку. Вы не напрасно обратились к нам, это свидетельствует о вашей компетентности. Мы готовы оказать вам любую помощь.

Подняв регистр своего голоса, насколько позволяла конструкция моей гортани и всего прочего, я заявил:

— Хочу нанять машину. Ничего особенного — лучше всего, если это будет «Ярослав» или «Краснояр». С компдрайвером, конечно.

То был самый обычный заказ — такие каждая контора принимает десятками. И компьютер не замедлил откликнуться:

— Мы с удовольствием принимаем ваш заказ. Устроит вас «Рифей-восемь»? Компдрайвер, музыка, телефон, кондиционер...

Пришлось дослушать до конца: когда перебиваешь, компьютер иногда дает сбой.

— Ваше предложение меня устраивает.

Когда стараешься говорить женским голосом, почему-то сразу начинает першить в глотке.

— Это крайне приятно. На какой срок вы желаете нанять машину?

— Первоначально — на неделю.

Она будет нужна мне на час. Ну, может — чуть дольше. Заказ на неделю — всего лишь маленькая скидка — из тех, какие делает заяц, удирая от лисы. Заказы будут искать в первую очередь краткосрочные.

— На неделю. Очень хорошо. Ваш способ оплаты?

— Немедленно — карточкой по телефону, в рамках этого разговора.

Автомат назвал сумму.

— Подтверждаю согласие, — сказал я.

— Контора подтверждает сделку. Желаете взять машину здесь?

Это был главный вопрос.

— Нет. Прошу выслать компдрайвом по адресу...

Я назвал ближайший пункт, куда машину мог довести компдрайвер.

— Принято. Мы готовы принять перечисление.

— Осуществляю.

Заранее приготовленную банкирку я вставил в соответствующую прорезь телефона. Не свою, понятно, а покойницы. Нажал кнопку. Секунда, другая...

— Платеж принят. Ждите машину в пределах получаса. Контора желает вам приятных поездок.

Компьютер разговаривал женским голосом, очень приятным и даже сексуальным; но я поборол искушение ответить моим природным голосом. Пропищал:

— Благодарю вас.

На этом разговор закончился. Секунду я колебался: выкинуть карточку или задержать? Денег там оставалось еще немало. Но второй раз я не рискну ее использовать. Хотя — как знать? В пиковых ситуациях мало что помогает так успешно, как деньги.

Теперь осталось сделать еще одну скидку — и в путь, чтобы успеть к месту прибытия машины одновременно с нею.

Я вытащил телефон — на этот раз свой, персональный. Включил и набрал номер — тоже мой собственный, домашний.

Мое жилье ответило после второго звонка:

— Вас слушают.

Это говорю, естественно, не я: я сейчас нахожусь здесь, а не дома. А там — какой-то другой мужчина: низкий баритон, что называется, бархатный. Обладателю такого тембра гарантирован успех у женщин. Как его имя — не знаю, да и никто не знает. Но это неважно.

Нажата кнопка рекордера. И в ответ звучит мой голос:

— Это я. Я в опасности. Нужна помощь.

— Какая помощь нужна?

Если в моем жилье сейчас уже находятся чужие, они не услышат этого разговора: телефон они найдут разве что после многочасового обыска, даже с применением электроники: он надежно заэкранирован. Это не сетевой аппарат, а такой же мобильный; значит, разговор можно только перехватить соответствующими средствами. Но как раз против этого у меня нет ни малейших возражений. Больше того: я надеюсь, что служба прослушивания и перехвата работает сейчас так внимательно, как никогда. И разговор будет уловлен и записан. А главное — немедленно окажутся принятыми срочные меры.

Я аккуратно уложил аппарат на фундамент длинного бетонного забора, вдоль которого сейчас шел. Больше не надо слушать: я и без того знаю, как разговор будет развиваться дальше:

— Нужен скользун. А еще лучше — агралет. Мне следует срочно свалить отсюда. Куда — решу потом.

Голос мой звучит тревожно и оттого особенно убедительно. Хотя сам я в это время даже не разжимаю губ.

Следует вполне объяснимая пауза: мой собеседник выясняет возможности.

— Агралет сейчас не могу. Будет машина, но ходкая. Бумаги?

— Полный комплект на любое имя, но, конечно, с моими опознавательными.

— Найдешь в машине. Где ты?

Тут мой голос понижается до прямо-таки интимного уровня. Ничего: я уверен, что те, кому следует, разберут:

— На Минском шоссе, в сотне метров от Пятого кольца. Я остановлю ее стоппером. Настрой драйвера соответственно.

— Уловил. Успеха.

И — отбой.

Рекордер выключится, потому что запись кончится.

(Это делается очень просто. Сочиненный заранее текст разговора записывается двумя аппаратами: реплики первого собеседника пишет один, реплики другого — второй; в каждой записи соблюдаются паузы для собеседника. Главное — выдержать нормальный темп обмена репликами — в соответствии с содержанием разговора. За собеседника можете говорить и сами — на другом уровне или через фильтр; но лучше, конечно, вести диалог с другим; мне подговаривал приятель, артист оперетты; мы записали четыре разных варианта. Трудно ведь предсказать, как именно сложится ситуация. Сделав дело, мы крепко выпили, и я помог ему забыть весь этот эпизод.)

Вместо оставленного навсегда телефона я достал аппарат дамы, настроил его на интересующий меня канал. И, быстро шагая в нужном направлении, с интересом слушал, что творилось в эфире.

Ловцы и в самом деле работали отменно. Не пройдя и тридцати шагов, я услышал:

— Всем внимание! Объект обнаружен. Группы захвата: Минское, начать за двести метров до Пятого кольца. Группы усиления...

Сейчас они кинутся на противоположную сторону города.

Ни пуха ни пера вам, ребята!

Машина пришла вовремя. На трассе навстречу мне просвистел лихой караван с мигалками и сиренами. Не иначе как группа усиления. У меня возникли опасения, что они зря жгут водород. Но, в конце концов, то были их проблемы, и я решил, что предупреждать их не входит в мои обязанности. Правда, в глубине души мне было жаль ребят; в известной степени мы были коллегами, и я понимал, что такое разочарование, когда развязываешь мешок — и в нем не находишь ничего, кроме пустоты. Ну что же: каждому — свое.

Арендованный «Рифей» я оставил, не доезжая двух кварталов до цели; подвернулась удобная стоянка, и я заплатил автомату вперед за шесть часов. Оставшуюся часть пути проделал пешком. Здесь было тихо и спокойно — насколько это вообще возможно в таком городе.

Перед освещенной витриной я замедлил шаг, совершенно естественно глядя на выставленные там товары. Не знаю, впрочем, можно ли называть этим словом книги, особенно старые; с точки зрения экономики скорее всего — можно, но я к этой науке имею лишь косвенное отношение — как и большинство из нас. Книжная лавка, да. С букинистическим отделом. А кроме того — всякая всячина: канцелярские товары, компьютерные причиндалы, триди- и стереозаписи, и прочее, и прочее. Людей внутри было немного, а покупателей, похоже, совсем мало; книги давно уже перестали быть предметом первой необходимо-

сти. Вот, значит, в какой обстановке проходили дни короля пентаклей, который, как заверяли карты, не только мог, но даже должен был мне помочь.

Король пентаклей оказался человеком, как бы не ощущающим гнета прожитых лет — а было их явно немало. Невысокий, плотного сложения, почти совершенно облысевший (это в наше время вовсе не считается естественным), хитроглазый — что, впрочем, удалось установить не сразу, поскольку веки его были постоянно приопущены. Я попытался было залезть в него поглубже; не получилось: у него был поставлен хороший защитный блок. Конечно, можно было взломать его; но это вряд ли заставило бы его отнестись ко мне так доброжелательно, как мне хотелось.

Видимо, карточная дама предупредила о визите, и букинист уже ожидал моего появления. Дамой наверняка был передан мой словесный портрет — а может быть, и не только словесный; так или иначе, я был принят без удивления, хотя бы чисто показного, и приглашен в маленькую комнатку позади торгового зала, попасть в которую можно было только из склада. Мне предложили стул, венценосный хозяин уселся напротив, держась очень прямо, что должно было, видимо, означать, что разговор будет строго официальным. Положив ладони на стол, он чуть откинул голову и задал всеобъемлющий вопрос:

— Итак?

Но я уже решил, в каком ключе буду вести разговор.

— Мне нужно уехать. Не привлекая особого внимания. Точнее: улететь с планеты.

Против ожидания он не спросил — куда. Похоже, проблему он рассматривал с другой стороны. Правая ладонь его протянулась ко мне:

— Покажите.

Кажется, он был сторонником мнения: краткость — сестра таланта. Я решил перещеголять его, и не произнес в ответ ни слова — просто вынул карточку с номером моего ЛК и прочими установками, и вложил в его пальцы. Он проглядел их бегло, что вовсе не означает — невнимательно. Поднял брови:

— С этим?

— Нет, конечно. Нужно все перекрасить.

— Возможно, и получится. Но обойдется недешево.

Это я и так понимал. Но мне хотелось большей точности.

— Сколько?

— Ну, смотря куда и как... Чем располагаете?

Я вытащил банкирку. Мою собственную — ту, в схеме которой сейчас значилась очень убедительная сумма: выплаченный Веригой аванс. Король взял карточку, повертел в пальцах. Сунул в прорезь моего телефона. Нажал кнопку. Поднял брови:

— Полная лажа. Платеж был, но счет заблокирован полчаса тому назад. Вы не сможете снять оттуда ни гроша.

Сукин сын, подумал я о том человеке, что сделал мне второе предложение в тот день, с которого я начал это повествование. Но и я хорош: мог бы понять сразу же, что мои бывшие коллеги постараются надавить на меня, чтобы вернуть под их гостеприимный кров. Жаль, что у меня сейчас нет времени, чтобы разобраться с ними.

— Посмотрите вот эти карточки...

Я выдал ему все три, что у меня еще оставались: дамы, Аргона и Тела. Уж на последней должно было лежать немало. Результат по всем трем был до уныния одинаков, что его нимало не удивило. Он отодвинул карточки ко мне, сопровождая это действие печальным вздохом. А на словах изложил:

— Глухо. Все заперто.

У меня тоже не было причин изумляться: прошло уже достаточно времени, чтобы заблокировать все счета участников эпизода — и живых, и мертвых. Раз уж в игру вступил Казенный дом.

Быстро же стали сбываться предсказания. Но ведь Пифия говорила и о том, что этот человек мне поможет. Значит, надо продолжать.

— Что-нибудь помимо? — безразлично спросил он.

Я покачал головой. В ответ он лишь двинул ладонями, как бы собираясь развести руками. Мы, наверное, со стороны походили на двух мимов. Но, выдержав достаточно выразительную паузу, он снизошел до слова:

— Увы.

Быть может, он ожидал, что, услышав это междометие, я встану и попрошу извинения за напрасное беспокойство. Пришлось дать ему понять, что такой вариант для меня неприемлем.

— Мне нужен кредит, — сказал я, стараясь выглядеть совершенно спокойным.

Король пентаклей медленно моргнул.

— Я не предоставляю кредита никому. Даже если бы о нем попросил президент Армага.

— Значит, есть другой выход.

Он решил, что в моей дрессировке зияют пробелы. Вздохнул.

— Возможна ссуда. Но только под залог.

Можно было счесть это большим шагом вперед.

— Это меня устраивает.

Он посмотрел на меня взглядом, в котором ясно читалось: «Главное — устроит ли это меня». И сказал:

— Залог должен быть портативным. Никакой недвижимости, здесь не ипотечный банк. Никаких документов. Никаких третьих лиц. От ценности залога зависит величина ссуды. Можете предложить?

И отвел взгляд — словно бы мой ответ его совершенно не интересовал.

Именно в это мгновение я понял: ему известно, что именно могу я предложить. Нет, не содержание, наверное; но, так сказать, категория того, что я ему намерен показать. Король был более серьезным человеком, чем я думал, подразумевая в данном случае под «серьезностью» уровень его информированности.

— Да, могу.

— Это у вас с собой?

Я уже успел прощупать ящики его стола и знал, что в правом верхнем у него лежит «грюндер» — пулевой, одиннадцать, в магазине — двенадцать птичек, тринадцатая в стволе. Двинься его рука в том направлении — пришлось бы принимать меры. Но он не шевельнулся. И смотрел не в глаза, а на мою грудь — именно туда, где во внутреннем кармане лежал футляр с кристеллами. Я сунул туда руку (Король остался совершенно спокойным) и вынул футляр. На столе раскрыл его. Вытащил кристеллу с записью. Положил. Он секунд тридцать смотрел на нее; потом поднял взгляд на меня — так медленно, словно взгляд этот весил больше, чем рекордная штанга тяжеловеса. Встопорщил брови.

— Это не антиквариат.

— А я и не говорю. Есть у вас сканер, чтобы вы смогли взглянуть на содержание?

Он проворчал себе под нос что-то вроде «Было что-то такое...» и кивнул мне:

— Идемте.

Мы прошли по слабо освещенному складу, где не было ни души, и вошли в дверь, за которой оказалась такая же тесная комнатка; вернее, она казалась тесной потому, что была уставлена всяческой электроникой, производившейся, как говорится, от Ромула до наших дней. К некоторым аппаратам были прикреплены бирки; возможно, они тоже являлись залогом — в давние времена, сейчас они могли заинтересовать разве что коллекционера. Король подошел к одному из них.

— Думаете, он заработает? — усомнился я.

— Здесь все на ходу, — ответил он неожиданно многословно. — Каждая мелочь. Давайте кристеллу.

Он включил аппарат. Вложил кристеллу в приемник. Загрузил. Раскрыл.

Секунда, другая — и Король неожиданно расхохотался.

— Прекрасно придумано! — сказал он, отсмеявшись, и даже поднял было руку, похоже, хотел похлопать меня по плечу — но вовремя передумал. — Браво, браво. Но кот в мешке не годится для залога. Извините. Однако спасибо за развлечение. Боюсь только, что у меня совсем не осталось времени для вас.

Он хитрил, я видел это совершенно четко. И глаза его, и нервно шевелившиеся пальцы свидетельствовали об этом.

А кроме того, за проведенные у него минуты я успел достаточно разобраться в нем и заключил, что в эзотерической подготовке я мог бы в одиночку выступить против пятерых таких, как он. Я готов был поклясться, что название «Межправительственный проект 00485» было ему известно: на Армаге, как это нередко случается, произошла утечка информации. Однако никто толком так и не узнал, что подразумевалось под этими цифрами; тем не менее все разноречивые предположения сходились в одном: это был замысел, реализация которого могла просто-напросто перевернуть всю жизнь — и не только на той планете. Что же касается сути — то одни утверждали, что это был военный проект, другие — энергетический, третьи — генетический; каждый обозреватель, как тогда казалось, почитал своим долгом выдвинуть собственную гипотезу. Короче и категоричнее всех остальных было заявление правительства Армага, в котором утверждалось, что указанного проекта вообще не существует, а все предположения и утверждения относительно него просто высосаны из пальца. Но когда вы слышите подобное официальное заверение, можете спорить на любую сумму, что на самом деле опровергаемая информация соответствует действительности — хотя бы в том, что указанное явление действительно существует и оно достаточно важно. После заявления все разговоры о проекте как по команде прекратились; похоже было, что Армаг сильно надавил, а независимость прессы не делает ее неуязвимой. И это внезапное молчание лучше всего остального говорило о том, что правительству великого мира и на самом деле наступили на любимую мозоль. На Теллусе же всегда относились к планам и намерениям Армага более чем внимательно: как-никак, это был соперник номер один в борьбе за авторитет и влияние в Федерации, где Теллус был центром традиционно-официальным, Армаг же — фактическим.

Вот так обстояли дела вовсе не столь давно, и я никак не мог поверить, что все это в то время ускользнуло от внимания моего собеседника. Нет, выражая свои сомнения столь картинно, он просто-напросто хотел сбить цену.

— Ну что же, — сказал я ему, не выказывая ни малейшей обиды. — Жаль, конечно, что вы не хотите мне доверять.

— Я вовсе не утверждаю, что вы сами это сделали, — проговорил он. — Вас самого могли обмануть.

— Их — тоже? — При этих словах я кивнул на стоявший на видном месте всеволновый интерком. Он был включен; и хотя слышимость понижена до минимума, я уже по одним интонациям определил, что хозяин этого помещения прослушивал то же, что интересовало и меня: переговоры между группами захвата и теми, кто координировал их деятельность. Король наверняка настроился на эту волну после звонка Пифии. Не дожидаясь его разрешения, я протянул руку и усилил громкость. В тихую комнату ворвались сердитые голоса:

— ...Ни малейших следов. Вернее всего, его тут вообще не было. Он нас провел.

— Пробу на запахи брали?

— Без результата. Я же говорю: ни следа.

— Сукин сын...

— Вы установили, откуда шел звонок?

— Только что.

— Может, нам перепрыгнуть туда?

— Уже послана другая группа. Вы на всякий случай пройдитесь там. Может, кто-нибудь видел...

— Пройдемся. — Судя по интонации, ни малейшей веры в успех у говорившего не было.

— Давайте, давайте, работайте!..

Я снова убавил звук, чтобы стало можно говорить самому:

— Несколько групп сбиваются с ног, гоняясь за мной. Ради призрака? Или кто-то все же знает, что тут — не пустышка?

Он явно собирался что-то возразить. Я не дал ему перебить меня.

— Конечно, риск есть. Мне он не кажется чрезмерным — хотя, если не повезет, пристрелят меня, а не вас. Но если вы не сторонник делового риска — значит, я обратился не по адресу. Однако, как вы понимаете, есть и другие люди...

Король пентаклей поморщился.

— Я ведь не говорил, что отказываюсь. Однако я был вправе высказать сомнения.

Тон его был примирительным — чего я и ожидал.

— Давайте, — продолжал он, — поговорим спокойно, по-деловому.

— За этим я и пришел, — согласился я.

— Взгляните на обстоятельства с моей позиции, — сказал он. — Вы предлагаете мне в залог вещь в себе. Допустим, она стоит многого; но только в случае, если ее можно сбыть. Попробуем продолжить ситуацию. Я ссужаю вас деньгами и помогаю исчезнуть отсюда. Залог остается у меня. Очень хорошо. Но вас ищут — и, если эти записи — то, за что вы их выдаете, то есть государственная тайна наивысшего уровня секретности, вас будут искать не только на Теллусе. Шанс, что где-нибудь они на вас наткнутся в течение ближайших двух-трех недель, достаточно велик. Вас убьют или в лучшем случае арестуют и упрячут очень глубоко. Следовательно, прежде всего мы должны будем заключить соглашение такого рода... если, конечно, я решусь на какое-либо соглашение, — тут же поспешил оговориться он, — условиться, что в случае, если вы не выкупаете залог в течение определенного времени, он переходит в мою собственность.

— Это подразумевается любым соглашением о ссуде.

— Хорошо, что не надо объяснять вам это. Но, допустим, я получил эти записи в собственность. Вы из игры вышли. Что, по-вашему, я смогу сделать с этим товаром?

— Продать. Вам дадут больше, чем вы собираетесь ссудить мне.

— Вам легко говорить. А кто это купит? Кому я смогу предложить это? Государству?

Я позволил себе усмехнуться:

— Оно заплатит не так, как вам хотелось бы.

— Вот именно. Значит, придется искать надежного покупателя. То есть сделать известным, что у меня имеется такой товар. Придется дать его название и предупредить о затруднениях с пользованием: я честный делец и не могу обманывать контрагентов.

Я изо всех сил заставил себя не улыбнуться при этих словах.

— От этой информации пойдут круги. И никакой гарантии, что они не попадут очень быстро к... вот к этим, — и он кивнул в сторону все еще бормотавшего интеркома. — Или к другим. Они ведь существуют?

Я не стал отрицать такой возможности.

— И тогда, — продолжал он, изображая крайнее уныние, — мы с вами встретимся вновь — но уже не в столь удобных условиях, как сейчас. Вы согласны? Или я, по-вашему, преувеличиваю?

— Нет, — сказал я, — если исходить из вашей модели ситуации.

— А разве может быть другая?

— Она не может быть; она есть, — сказал я тоном, каким говорят о вещах, само собою разумеющихся.

— Вот как! В таком случае, может быть, вы...

— Конечно. Моя модель такова: предположим, что вам достался ларец с драгоценностями, стоящими большую кучу денег. И не только денег, но еще и авторитета, влияния и так далее. Сложность в том, что открыть ларец можно лишь с помощью ключа, а его-то у вас и нет. Взламывать нельзя: предположим, ларец заминирован. Если бы вам предложили приобрести, хотя бы в качестве залога, такой ларец, вы согласились бы, понимая, что нет такого замка, к которому нельзя подобрать ключа...

— В данном случае подбор исключен, — возразил он, показывая, что внимательно следит за моими рассуждениями.

— А если нельзя подобрать, то остается уверенность, что на свете существует подлинник этого ключа — а может быть, и еще несколько дубликатов: существование его в одном экземпляре было бы слишком рискованным.

— Допустим; и что же?

— Раз он существует, то есть человек — или люди, которые если и не владеют им, то знают, где он — они — находятся.

— Предположим. — Король снова вернулся к своей лаконичной манере.

— Эту информацию, как и любую другую, можно купить. Можно найти этих людей. И через них — ключ.

— Воображаю, — сказал он, — во что это станет.

— Чего бы ни стоило — сальдо будет в вашу пользу.

— Ну пусть так. Как же, по-вашему, искать этих людей? Дать объявления в газетах, на ТВ, в вариабле?

— А вот об этом позабочусь я.

— Гм...

Я решил, что имею право на порцию блефа.

— Поясню. Мне в отличие от вас известно, каким путем этот товар попал к человеку, от которого перешел ко мне. Далее: известно и то, по какому каналу он должен был уйти. То есть у этого груза имелся, самое малое, один получатель — или, может быть, даже заказчик.

— И вы его знаете?

— Нет еще; но мне известно направление, в котором следует его искать. Согласитесь, что в этом варианте объявления не обязательны.

— Так-то так, но... тут подразумевается, что вы продолжаете располагать свободой действий...

— Безусловно.

— Кто же может гарантировать это?

— Да вы, конечно. Вы обеспечиваете мне не только надежный способ ускользнуть отсюда, но и хорошее укрытие там, где я буду находиться после этого и где буду вести поиски обладателя ключа.

Король, кажется, все еще сомневался.

— Я полагаю, — сказал он затем, — что ту информацию о направлении поисков, которая есть у вас, следует продублировать — на всякий пожарный. Если такой дубликат будет храниться у меня...

Увидев мою ухмылку, он не стал продолжать.

— Помилуйте, — сказал я. — Информация — товар, эта же — очень недешевый товар; вы хотите, чтобы я... но я не так богат, чтобы делать подобные подарки.

Я вовсе не собирался позволить ему списать меня со счета. Нет, пусть он действительно потрудится, чтобы обеспечить мою безопасность. Я был уверен, что это в его возможностях.

Король улыбнулся; но на сей раз в его улыбке было уважение.

— Вам нельзя отказать в логике суждений.

— Сознание этого избавит нас от взаимного непонимания.

— Итак, мы заключаем залоговое соглашение, о котором я говорил...

— Не только. — Сейчас он разогрелся, и надо было ковать его, не теряя времени.

— Еще что-то?

— Естественно. Вы ведь понимаете: поскольку сам товар остается у вас, я, разыскивая ключ, буду работать в первую очередь именно на вас, и лишь во вторую — на себя самого. Таким образом, я буду действовать как ваш работник, не так ли? Но если вы меня нанимаете, вы должны платить за работу. Значит, кроме суммы, которую вы мне ссудите, мне следует полу-

чить с вас еще и аванс за работу, и деньги на служебные расходы. Отчет будет представлен после моего возвращения.

Он ухмыльнулся:

— Вам, как говорится, пальца в рот не клади.

— Согласны?

— Надеюсь, ваши требования не будут чересчур завышенными...

— Ну что вы. Я всегда ограничиваю себя самым необходимым.

— Мое условие: это второе соглашение останется устным. Джентльменская сделка.

— Я и не думал иначе.

— Однако даже и такая сделка должна быть подстрахована, — предупредил он. — Вы же не хотите, чтобы я вскакивал среди ночи от кошмарного сна, в котором вы гибнете, а я теряю всякую надежду получить волшебный «Сезам, откройся!»?

— Насколько могу судить, вы обладаете крепкими нервами. — В этих моих словах была, конечно, изрядная доля лести.

— Видимость, друг мой, одна видимость. Наяву еще так-сяк, но стоит мне уснуть... право же, не пожелаю вам таких видений. (Король пентаклей снова стал многословным, и это, как я уже успел понять, означало, что он успел измыслить какой-то очередной подвох.) Поэтому, если вы не желаете мне зла, то должны принять вот какое условие. Поскольку в нашей жизни и смерти волен только Создатель...

(Разумеется, — подумал я. — Но и свое умение тоже кое-что значит.)

— ...постольку, — продолжал он, — вы изложите в записи все, что вам известно относительно возможных обладателей ключа, мест их нахождения и так далее. Постойте, дайте закончить. Эту запись вы заберете с собой — но на ней будет ваше распоряжение: в случае, если вы не сможете продолжать поиски, она будет переслана мне. По «Галакт-экспресс» — вполне надежно. Мне думается, это справедливо: пока с вами все в порядке — вся информация остается у вас. Но если, упаси боже, у вас возникнут серьезные неприятности (я мысленно усмехнулся: он очень деликатно дал понять, что так или иначе мне не сносить головы), она перейдет ко мне. В конце концов, это ведь я вкладываю в ваше предприятие необходимые средства — и даже с лихвой. Не правда ли?

Словопрения уже начали надоедать мне, и я сказал:

— Наверное, вы правы. Хорошо, я запишу. Таким же образом, как записан интересующий нас текст: с уничтожением при попытке взлома. Запишу шифром. Ключ и шифр останутся у вас. Запись — у меня. Устраивает?

Он поразмыслил еще немного.

— Согласен, — проговорил он наконец. — Вы успеете это сделать, пока я буду готовить все необходимое для вашего исчезновения. А вы, однако, недоверчивы...

— Просто осторожен.

Он вздохнул.

— И осторожность, — продолжил я, — побуждает меня выдвинуть еще одно условие.

— Что же она вам подсказывает?

— Что смертен не только я, а жизнь наша полна неожиданностей. Вам не хочется, чтобы с моей гибелью оборвались все концы; то же самое верно и в отношении вас. Поэтому я должен знать — где будет находиться мой залог и где я смогу получить его — в случае, если что-то помешает вам продолжить участвовать в деле.

Он изобразил намек на улыбку; похоже, его позабавила моя деликатная формулировка. И кивнул:

— Ну пусть.

— Вряд ли вы собираетесь хранить это здесь, не так ли?

— А вы бы стали? — ответил он вопросом же, но дожидаться ответа не стал. — Систем-банк, сейф номер два-один-семь.

— Лично ваш?

— Номерной — на владельца ключа.

— Надеюсь, у вас есть запасной ключик?

— Нет, — сказал он. — Но к вашему отъезду дубликат будет готов. Однако, пока я еще обитаю в этом мире, не пытайтесь им воспользоваться: он хорошо подстрахован.

— Не сомневаюсь. Но могли бы и не говорить. Я честный игрок.

Он покивал головой, как бы говоря: «Все мы честны — пока не возникает искушения...» Вслух же сказал:

— Полагаю, теперь мы можем перейти к деталям?

— Сделаю это с большим удовольствием, — искренне ответил я.

— Что, по вашему мнению, нужно, чтобы покинуть планету с наименьшим риском?

Перечень был у меня давно готов:

— Вневремянка отпадает.

— Вы так считаете?

— Уверен. Судя по услышанным разговорам, меня ищет казенная Служба. А в городе нет ни одной ВВ-станции, которую они бы не контролировали.

— Я могу дать вам новое обличье. На высшем уровне, сменное. И генератор астрала — самый компактный.

— Этим можно провести любого — но не Службу. Я работал там много лет и записан у них весь — на молекулярном уровне. Так что никакая наружность не собьет их с толку. Идти на ВВ — значит просто сдаться на милость победителя, а я вовсе не признаю себя проигравшим. Хотя, если у вас есть выходы на людей «Т» с их ВВ-сетью...

Король развел руками:

— Жаль, но...

— Итак — отпадает. Следовательно, остаются корабли. Потеря времени, но выигрыш надежности.

— Ну корабли тоже под приглядом.

— Не все. Вы знаете, о чем я говорю.

— Гм... Пожалуй.

— А для этого нужны, кроме смены облика — об этом вы уже сказали, — разумеется, проездные документы, транспорт, чтобы добраться до космостарта, деньги... Одним словом, все то, чем запаслись бы вы сами, покидая наш милый Теллус в подобных обстоятельствах.

— Что же, все логично.

Однако мне показалось, что логичным было далеко не все. И я спросил:

— Вы даже не спрашиваете, куда я собираюсь лететь?

Король пентаклей выстрелил в меня взглядом — навскидку, словно я был вальдшнепом:

— Я знаю, куда. Если только вы действительно серьезный человек. Туда, где существует наибольшая вероятность найти ключ. А кроме того, там достаточно легко затеряться. Теперь можете сказать, куда же вы собрались. И если я не угадал — договор тут же расторгается.

— Мне нужно попасть на Рынок.

Он усмехнулся уголком рта:

— Так и есть: на Топси. Хороший ответ. Скажу откровенно: за ключом сам я полетел бы именно туда. Если бы не настоятельная необходимость находиться на Теллусе все ближайшее время, я не стал бы полагаться на вас. Увы, сейчас я должен безотлучно пребывать в Столице. И знаете, я вам даже немного завидую. Ах, где мои шестнадцать лет...

Они были там же, где и его шестьдесят. Но этого я говорить не стал. Сказал вместо этого:

— Ваши — там же, где и мои шестнадцать и все остальные. Но на Топси старты только по десятым числам. А сегодня — пятнадцатое. Я не могу оставаться на Теллусе так долго; да и к чему терять столько времени?

— Вы плохо информированы, — промолвил он с удовольствием. — Кроме гражданских лайнеров, от которых мы с вами отказались, туда время от времени летают военные корабли. В том числе транспортные «Титаны».

Знать-то я это знал, однако...

— Но они не берут цивильных пассажиров.

— Вот вы и станете военным.

Спорить не приходилось.

— Согласен.

Он кивнул:

— Что же: прекрасно, что мы обходимся без разногласий.

Но этого мне было мало.

— Надеюсь, у вас там найдется человек, на которого можно положиться?

Он едва заметно улыбнулся. Наверное, подумал, что я уверовал в безграничность его возможностей.

— Поищем, — пообещал Король неопределенно. Но я понял: человека он мне даст.

— В таком случае — когда я лечу?

— Старт послезавтра.

— Прямой рейс?

— Нет. Одна промежуточная остановка. Но все равно вы хорошо выиграете во времени.

— Документы будут надежными?

— Не волнуйтесь. Новые будут убедительнее подлинных. Даже лучше: они и будут подлинными. Без подвоха.

— То, что нужно. Кстати, кто будет работать с моим обликом? Вы ведь понимаете: чем меньше людей знают — тем надежнее.

— Когда-то, — сказал Король не без гордости, — я добивался немалых успехов в этой области. Вашим преображением займусь сам. Лишних глаз не будет. Я уже прикинул. Дайте ваш ЛК. Теперь глядите: такая метаморфоза вас устроит?

Я закрыл глаза, чтобы увидеть то, что Король транслировал мне со своего мика.

— Или, может быть, сделать вот так? А можно еще и вот каким образом...

На экране фигуры людей сменяли друг друга. Они совершенно не были похожи друг на друга — различались даже ростом, что обычно является самым сложным для фальсификации.

— Вы действительно способны серьезно помочь, — сказал я. — Вот этот — четвертый мне подойдет, по-моему.

— Второй тоже неплох, но хозяин — барин. Итак, все как будто бы ясно. Займитесь записью, а я — вашим снаряжением.

— А как вам удастся дать мне новый ЛК? — поинтересовался я. Мне было любопытно, к какому из существующих способов обойти Федеральный учет собирался прибегнуть мой собеседник.

— О, самым простым образом. Дадим вам подлинный номер — из законсервированных. Чистый, хороший номер, нигде не засвеченный.

Я согласно кивнул. Этот способ огибать закон был мне давно знаком. Заключался он в том, что некоторые люди, безвременно ушедшие из этой жизни, официально продолжали оставаться в живых (не безвозмездно, разумеется), их личные маячки по-прежнему подавали сигнал благополучия, — звучали, естественно, записи, сделанные еще при жизни подлинных владельцев этих кодов. При надобности запись вручалась новому владельцу номера, в то время как подлинный его ЛК надежно заглушался его же собственным миком. В результате розыски

владельца подлинного номера могли достаточно долго завершаться ничем, а разыскиваемый спокойно жил, посылая в эфир ничем не замаранный сигнал. За последние два-три десятилетия в системе власти «Т» возникла целая служба создания и обслуживания таких номеров. Для работы, конечно, годились Л-коды не всякого погибшего, но лишь людей одиноких, официально нигде не работавших и даже не имевших постоянного места жительства. Но на планете с шестисотмиллионным населением (примерно столько насчитывалось сейчас на Теллусе) таких людей имелось достаточно, чтобы служба не испытывала недостатка в материале. Не следует думать, конечно, что для властей эта практика оставалась секретом; однако знать — одно дело, а поймать — совершенно другое, как скажет вам любой розыскник.

— Вы, помнится, только что сказали, что не работаете с людьми «Т». Кто же вам сделает новый ЛК?

Король покачал головой:

— Сразу чувствуется человек Службы. По-вашему, законы обходят только те, кто принадлежит к «Т»-организациям? На самом деле вольных стрелков вроде меня существует достаточно много. Так что не волнуйтесь: качество будет высоким.

— Хорошо, — согласился я, — вы меня успокоили. Кстати, а вы успеете получить нужные деньги?

— На дорогу я дам вам рули, ну, скажем, тысячи три — три с половиной, а для Топси возьмете именной трэвел-чек Интерглобального Банка. Сумма будет вот какой: пятьдесят тысяч галларов.

Чек меня вполне устраивал. Чем меньше бумаги, тем лучше. Что же касается карточек, то после сегодняшних разочарований мне на них и смотреть не хотелось.

— Прекрасно, — одобрил я. — Давайте наконец займемся делами. И, надеюсь, вы предоставите мне ночлег?

— Спать будет некогда, — заверил он.

Встреть я сам себя в таком обличье, каким наделил меня Король пентаклей, я наверняка прошел бы мимо, даже и не подумав поздороваться. Только пренебрежительно покосился бы. Мой новый работодатель (а именно так я теперь воспринимал его) обратил меня в туповатого старшего унтера службы продовольственного снабжения ВКФ Федерации — то есть военно-космического флота. Теперь я обладал толстой красной мордой, слегка искривленным носом, стрижкой ежиком, ушами летучей мыши и невыразительными белесыми глазами. За глаза я беспокоился больше всего: их изменить — самое трудное (не разрез и величину, конечно, а рисунок радужной оболочки — один из основных признаков для идентификации). Линзами пользоваться бессмысленно: их обнаружат на первой же проверке. А вот такую пленку, которую он нанес на мои глазные яблоки, трудно было бы обнаружить без микроскопа; я привык к ней через пятнадцать минут,

так что никаких неудобств не было. Я стал чуть выше ростом (это было уже делом обуви) и на десяток лет моложе, причем без всякого грима; то, что Король сделал, скорее можно было отнести к области ухода за кожей. Правда, он предупредил:

— Долететь вы с этим долетите. И тамошний контроль пройдете. Но потом придется превратиться в змею: как она, сменить кожу.

— Постараюсь научиться шипеть, — пожал я плечами.

— Вот именно, — согласился он. — А также бесшумно ползать.

— Это я и сейчас умею.

— Нимало не сомневаюсь, — усмехнулся он. — Если уж вползли в мое доверие...

Я еще раз полюбовался на себя в зеркало, даже отдал честь своему отражению. Получилось довольно лихо. Недаром у меня за плечами были годы службы. Правда, не в службе продовольственного снабжения. Но мундир остается мундиром, он молодит, дисциплинирует и во многом определяет ход мыслей.

Однако на месте Короля я на все это не очень бы рассчитывал.

— Машина ждет, — сказал он и протянул руку, прощаясь. Я пожал ее и отдал ему честь — чтобы Королю не обидно было.

Машина была военной, водитель — тоже. Причем и то, и другое ничуть не было фальсификацией. Меня это не удивило: все жилье Короля пентаклей пропахло запахом разнообразных связей — на низших и средних уровнях. Но чтобы получить на пару часов машину, не нужно обращаться к военному министру. Достаточно водить дружбу с командиром батальона, а то и со старшиной. Билет на челнок тоже был солдатским, литерным, бесплатным; правда, в третий класс — но у каждого достоинства есть свои недостатки. Все прочее в моей экипировке соответствовало избранному образу — включая командировочное предписание и сухой паек.

В челноке моими соседями были: корнет рядом, и два солдата — через проход.

Корнет чуть не опоздал к старту; тяжело дыша, влетел в кабину и плюхнулся на свободное место, тщетно стараясь привести в норму совершенно расстроенное дыхание и одновременно разглядывая каждого пассажира и доброжелательно, хотя и с некоторым трудом, улыбаясь каждому. Отдышавшись, он принялся болтать без остановки; похоже, молчать он совершенно не умел. Он сразу же поведал нам, что принадлежит к летному составу; однако облик его и манеры недвусмысленно свидетельствовали о том, что на деле он был каким-то технарем группы маршевых движков, страшно задирал поэтому нос и, чтобы показать, какой он шикарный специалист, все принимался объяснять нам троим, как будет действовать в каждый момент команда челнока и как — механизмы. Мне это быстро надоело, и я слегка залез в его психику, чтобы заставить парня умолкнуть, не вызывая скандала. Кое-

что в его начинке меня заинтересовало, и я решил, что парень заслуживает определенного внимания. Но, в общем, короткий перелет к кораблю прошел в дружеской атмосфере, хотя мне, как снабженцу, пришлось раскошелиться на пиво для всех четверых. При этом пиво в челноке почему-то стоило вдвое дороже, чем на поверхности Теллуса. Грабеж на материнской планете продолжал процветать.

Когда взлетели, я глянул в иллюминатор на Теллус, со смутным беспокойством подумав, что вижу его, быть может, в последний раз; никак не хотелось отрывать глаз от ее таких знакомых, хотя и на две трети скрытых облаками очертаний.

На корабле я опять оказался в одной каюте с корнетом, и он принялся расспрашивать меня о том, как служится на Топси и какие корабли на ней и вокруг нее базируются. Сам он, по его словам, служил в Семнадцатой эскадре, чьей базой была Симона, и ему там не очень нравилось: по его мнению, планетка была — глушь непролазная, а население ее еще позавчера висело на хвостах и питалось семечками.

— И пахнет от них — просто ужас как, — завершил он свои сетования. — А у вас там — как?

Я слушал его внимательно, в мыслях накладывая его болтовню на все более прояснявшуюся для меня схему его образа.

— Ну, — заверил я его, укладываясь в компенсатор, — Топси — мирок хоть куда.

— Веселая, значит, планетка, — сказал он, завидуя.

— Да, — согласился я. — Всем планетам планета.

Топси и в самом деле была планетой незаурядной. И в этом большую роль играла ее специализация.

Чтобы разобраться в этом, следует, наверное, обратиться к истории. А именно — к весьма бурной, хотя и кратковременной, поре Исхода.

Она началась почти сразу после того, как возможность вневременного (читай — мгновенного) перемещения в пространстве на любое расстояние из области отвлеченной теории перешла в категорию дел, практически разрешимых. Как и большинство открытий и изобретений, вневремянка появилась на свет именно тогда, когда потребность Теллуса — в то время единственной обитаемой планеты, истощенной и перенаселенной — в чем-то подобном достигла своего пика.

Планета к тому времени была уже высосана и загажена до немыслимого предела. Хотя и неравномерно. Но в целом она не могла более прокормить девять миллиардов своего населения. Именно на этом рубеже удалось путем неимоверных усилий и крутых, нередко просто жестоких мер уравновесить число ее жителей. Уменьшить это количество не удалось ни кнутом, ни пряником. Тем более потому, что процесс был противоре-

чивым: жизнь каждого человека становилась все продолжительнее, и гуманистические традиции не позволяли отказаться от этого. Сокращать же рождаемость можно было лишь до определенного предела; иначе Теллус в скором будущем превратился бы в мир пусть и здоровых и жизнерадостных, но все же стариков и старух. Это неизбежно отозвалось бы на качестве развития — всего того, что принято называть прогрессом: даже при завидном здоровье с годами люди начинают думать и действовать все более консервативно. А известно, что остановка в развитии означает начало деградации — и человека, и общества в целом. Но даже не деградацией, а просто гибелью угрожало истощение недр, потепление климата, уменьшение содержания кислорода в атмосфере и пригодной для питья пресной воды в водоемах. Все это было прямым следствием непрекращавшегося развития промышленности, отказаться от которого общество не могло, отлично сознавая все связанные с ним опасности, подобно тому, как наркоман не может отказаться от своего зелья, хотя в минуты просветления прекрасно понимает, какими будут последствия.

Давно уже было понятно: единственный выход следовало искать в массовой эмиграции на планеты, которых в ближайших областях Галактики было к тому времени исследовано (дистанционно, разумеется) немалое количество. Было ясно, однако, что при помощи кораблей — пусть даже суперлайнеров — можно вывезти тысячи человек, ну десятки тысяч, а речь шла о сотнях миллионов. Для строительства такого флота, какой мог хотя бы приблизиться к названным цифрам, у Теллуса не было ни материалов, ни энергии, ни времени: всего этого нужно было на один-два порядка больше, чем можно было мобилизовать даже путем полного отказа от всякого иного производства.

Зная это, понимаешь, каким прекрасным выходом явилось возникновение вневременного транспорта.

История его создания была достаточно тривиальной. Теория вневременных перемещений разрабатывалась хронофизиками нескольких государств. Начало тому было положено примерно в одно и то же время и (как и следовало ожидать) в сверхсекретных лабораториях военных ведомств. Первоначально принцип Гусева-Шмидта (не следует думать, что эти ученые работали совместно; нет, они разрабатывали свои теории независимо друг от друга, и, как ни странно, Гусев — в Арме, Шмидт же — в Рутении) — итак, принцип этот прежде прочего был приспособлен для разработки нового сверхоружия — «Мгновенной бомбы». Преимущество ее перед любым другим средством массового уничтожения было заранее ясно: такая бомба не нуждалась ни в средствах транспортировки, ни во времени, потребном для доставки ее к цели; следовательно, ее невозможно было перехватить в дороге. Разработка шла, разумеется, в глубокой тайне, но лозунг полной невозможности большой войны при наличии такого, в полном смысле

слова абсолютного оружия просочился на информационную поверхность еще задолго до того, как в СМИ появились первые смутные сообщения об испытаниях чего-то такого. Испытания проводились обеими державами глубоко в недрах, в тридцатикилометровых шахтах, и привели к относительно небольшим (два-три балла) землетрясениям в ближайших сейсмически неустойчивых районах. Теория превратилась в практику.

После завершения этих работ события развивались по обычному шаблону: военная технология начала не быстро, но уверенно прорастать в гражданскую. Сначала — в приземельский транспорт, потом, по мере совершенствования и удешевления, — в наземный (именно так, а не в обратном порядке). Прошло еще некоторое время — и случилось неизбежное: сразу многие сообразили, что основное достоинство принципа Гусева — Шмидта, а именно возможность обходиться без заранее устанавливаемых приемных устройств создает прекрасные предпосылки для использования новой технологии в глубоком космосе. Чтобы попасть в нужную точку Галактики, следовало лишь точно прицелиться. Перемещение (предположительно) происходило не в Просторе, какой использовался для прыжков космическими кораблями, а в какой-то другой его разновидности, что практически ставило на ноги теорию множественного пространства, до тех пор также принадлежавшую лишь к гипотезам. Еще несколько лет ушло на разработку аппаратуры точной наводки (пора обильной жатвы для гравиастрономии), после чего и начался массовый исход с родины человечества, которая для большинства становилась теперь лишь родиной исторической.

Первоначально немало палок в колеса нового средства передвижения было вставлено — и еще больше готовилось — могучими фирмами — владельцами космических флотов. Возникшая было сумятица улеглась, однако сама собой после того, как выяснилось, что ВВ-транспорт не всемогущ: новый Простор почему-то категорически отвергал некоторые виды грузов, главным образом — крупные объемы горючих жидкостей и взрывчатых веществ. Они просто оставались на месте. Кроме того, нашлось не так уж мало людей, совершенно не признававших новый транспорт и заявлявших, что для передвижения в космосе будут по-прежнему пользоваться только старыми, привычными кораблями. Что удивительного: в свое время то же самое происходило и с железными дорогами, и с автомобилями — да и с этими же кораблями. Убедившись, что угрозы их процветанию нет, космосудовладельцы успокоились и начали активно готовиться к продолжению своего бизнеса в новых условиях.

Несмотря на то что в разработках ВВ-транспорта участвовало немало крупных фирм и банков, эмиграция регулировалась государствами и в еще большей степени межгосударственными организациями, иными словами — Федерацией, объеди-

нявшей к тому времени все три с небольшим сотни стран, существовавших на материнской планете после эпохи дробления. Право использовать транспорт для массового переселения предоставлялось поочередно каждому государству в алфавитном порядке — за исключением так называемой Ведущей группы: тех девяти государств, которые не только вложили в дело куда больше прочих и денег, и мозгов, и энергии, но и продолжали делать это: вневремянка хотя и не требовала обширных строительных работ (даже одиночная «стартовка» пропускала человека за пять секунд, уходивших на то, чтобы растворить-затворить вход в кабину), но энергии на нее уходили громадные количества, и поставляли ее, естественно, страны с наиболее развитой энергетикой; они же, понятно, обладали и самой передовой наукой, техникой и политическим влиянием, и переселение их жителей и переброска всего, что можно было перебросить при помощи ВВ, шли одновременно и параллельно со всеми остальными. Ничего удивительного, что эта группа поделила между собой наиболее удобные для освоения и перспективные для развития планеты. Впрочем, не пригодных для жизни среди заселяемых небесных тел вообще не было: игра велась честно, и планеты не продавались, Федерация как бы дарила их каждому своему члену, возносся хвалу Провидению за то, что никакой другой разумной жизни, не говоря уже о воинственных цивилизациях, в исследованных областях Галактики до сих пор обнаружено не было, и колонизации миров никто не мешал.

Заселение шло по национально-государственному признаку, если численность перемещающейся нации превышала нижний порог — минимальное количество трудоспособных людей, необходимое для того, чтобы колонисты не одичали и не вымерли, но продолжали бы существовать и развиваться. Если же количество граждан этого порога не достигало — на планету переселялось две или несколько малых стран; территории и границы оговаривались заранее, по соглашению на федеральном уровне. Особых недоразумений по этому поводу ни тогда, ни позже, насколько мне было известно, не возникало.

В результате уже через десяток лет планета Теллус изрядно опустела. Но не вовсе обезлюдела, как можно было бы предположить.

Потому что вовсе не все население жаждало ее покинуть.

Дело было, вероятно, в традициях. Если, допустим, в том же Северном Армаге традицией населения была подвижность, то в Рутении жители оказались тяжелыми на подъем. По древней привычке и многовековому опыту они полагали, что и на сей раз все как-то уладится и утрясется — то ли само собой, то ли власть сделает что-нибудь этакое, то ли просто Господь не попустит. И большинство населявших обширные территории названного государства так и не двинулось с места — за исключе-

нием той небольшой части, что, как и всегда, плавала поверху и оттого сплыла по течению.

Сыграло свою роль, разумеется, и то, что Рутения оказалась едва ли не единственным государством, ухитрившимся при всем внешнем легкомыслии и бесхозяйственности сохранить в своих недрах и на поверхности куда больше, чем все прочие. Не следует считать это заслугой населения или правительства; просто уж такой сверхбогатой была эта земля.

Рутения была, конечно, не единственной оставшейся; не приняли участия в Исходе несколько государств Центрального Тригона и мелкие островные страны океанских бассейнов. Они, однако, в жизни материнской планеты почти никакой роли не играли — ни политической, ни экономической.

Политическая же роль Теллуса в Федерации оставалась очень важной. Потому что именно на этой планете продолжало находиться Правительство «О», а также большинство федеральных органов и служб. Они, разумеется, оставались интернациональными и состояли, как и прежде, из представителей всех членов Федерации. Конечно, такое положение утвердилось не сразу: очень сильным было движение за перенос власти на Армаг, продолжавший считаться (и действительно быть) самым богатым и сильным из новых планет. Однако большинство миров Федерации этому воспротивилось, справедливо полагая, что в таком случае — завладев и всей политической мощью, — Армаг окончательно утвердится в роли метрополии, диктующей остальным свои условия на совершенно законных основаниях. Таким образом, Теллус так и остался политическим центром Федерации, между всеми мирами которой формально царило равенство и братство.

Правда, полного равноправия, конечно, не было, как его и никогда не существовало. Неравенство, в частности, сказывалось в том, что так называемое право вторичной колонизации было предоставлено лишь странам пресловутой девятки. Вторичная колонизация означала право освоения и использования в своих интересах новых планет. Девятка своим правом пользовалась; в том числе и Теллус, в этом деле в какой-то мере даже преуспевший более остальных — скорее всего опять-таки согласно древней традиции постоянной территориальной экспансии по всей розе ветров. Именно таким образом в Галактике возникли миры, вскоре получившие название профильных, или специальных. Они не являлись самостоятельными мирами, юридически входя в состав своих, так сказать, учредителей. Такие миры использовались главным образом для развития отраслей промышленности, создававших неудобства для жилых миров; но, кроме них, существовали, например, и миры-курорты, миры-полигоны, миры-ярмарки...

Именно к последним принадлежала и Топси, на которую я сейчас направлялся, устроившись в компенсаторе и настраиваясь на предстоящий прыжок.

Глава 4

Осечка на Топси (девятнадцатый-двадцатый конвенционные дни событий)

Обычно, разместившись в компенсаторе и обождав, пока он не приноровится ко всем особенностям моего тела, я засыпаю и все время прыжка провожу в созерцании приятных картин, не имеющих ничего общего ни с кораблем, ни вообще с Простором, но целиком посвященных Теллусу и тем людям на нем, с которыми мне хотелось бы встретиться еще не один раз. Однако на этот раз о сне пришлось забыть. Предчувствие обещало мне гораздо более активное времяпрепровождение.

Прежде всего — теперь можно стало, находясь в относительной безопасности, спокойно и хладнокровно обдумать и ситуацию, в которой я оказался, и дело, которое мне еще предстояло сделать.

Я попытался разобрать на кусочки и трезво проанализировать ту информацию, которую успел набрать. В этой связи сразу же возникло несколько вопросов.

Я мысленно пролистал все, что успел прочесть и услышать за последние дни. Много, слишком много оставалось белых пятен. Ну что же: с отсутствием нужных данных я сталкивался, пожалуй, в каждом из дел, какими мне приходилось заниматься. Это стало как бы одним из основных правил игры. Но какие-то выводы можно было сделать и сейчас. Я постарался сосредоточиться, чтобы не упустить ничего важного.

Итак, что же мы имеем? Существует некое дерево. С ним связано некоторое количество открытых вопросов. Росло ли это дерево на Синере и до освоения планеты — или пришло туда с людьми? Если пришло — то где его подлинная родина? Или, быть может, оно продукт биологии, генетики, вернее — генной инженерии? Если второе — чей это был замысел, какова была его цель? Если первое — то каким образом удалось выяснить, что уракара оказывает на людей определенное воздействие, если сами синерианские колонисты его влиянию не подвержены? Далее: как попали семена (или, быть может, ростки) уракары на Тернару? Ветром занести не могло. Кто-то завез случайно — или они были привезены намеренно и высажены именно там, где нашлись подходящие условия для их роста? Нашлись условия — или были созданы? Иными словами: случайность или заговор? Если заговор, то — чей? Целиком и полностью синерианский? Точно утверждать я в этот миг не мог, но помнил, что Синера в подобных делах никогда раньше не была замешана. Кстати, и от перенаселенности, помнится, этот мир не страдал. Следовательно: действительно ли иммиграция на Тернару — синерианская?

Или этот мир — только вывеска, своего рода маскировочная завеса, за которой орудует кто-то другой? Если так — кто и с какой целью? Просто ли кому-то оказалось тесно в своих пределах или же дело не в жизненном пространстве, а в каких-то более обширных — и, не исключено, гораздо более опасных планах?

Вопросы росли как грибы после дождя. Ответов пока не было.

Тем не менее я ощутил, что у меня наконец проснулся какой-то свой, личный интерес к этому делу — или, возможно, к делам: интуиция подсказывала, что здесь я налетел, может быть, на айсберг, о подводной части которого пока, за скудостью данных, не мог даже догадываться. Вернее — мог, но не позволил себе. Чрезмерное количество версий, пожалуй, ничем не лучше, чем полное их отсутствие: когда версий нет вовсе — их ищешь, а когда их много — можешь ненароком пропустить единственно верную: она часто выглядит достаточно неправдоподобной.

Самой же неправдоподобной была...

Но сейчас я не позволил себе углубиться в разжевывание этой версии. Не ко времени было. Отметил только: если она хотя бы близка к истине — то просто страшно становится представить...

Ну, может быть, я действительно смогу кое-что сделать в сложившихся обстоятельствах.

Но мне нужно куда больше серьезной информации, чем у меня имеется. Верига, лжепокойник, обещал пополнить ее, но теперь этого уже не сделает. Или?..

Если на Топси мне удастся осуществить задуманное, то следующим местом, куда я направлюсь, будет скорее всего Синера.

Но для начала нужно попасть хотя бы на Топси. Есть люди, которым хотелось бы этому помешать. И они, конечно, не ограничатся отвлеченными пожеланиями. Они уже действуют.

Пока что они (благодаря фокусу с личными кодами) меня потеряли. Но, конечно, уже принялись искать. Широким поиском. На всех входах вневремянки. И на бортах, стартующих с Теллуса.

Корнет, успевший сесть в последнюю минуту. Болтливый паренек. Совершенно вроде бы безвредный.

Но просмотр его сознания показал совсем другую картину.

Человек из Службы власти «О».

Другие преследователи пока отстали. Хотя, может быть, и как раз наоборот. Опередили. Не сопровождают, но ждут.

Корнет меня, естественно, в лицо — в сегодняшнее мое лицо — не знает. Значит, будет проверять. Именно меня. Обоих солдатиков он уже обшарил — все их неглубокое сознание. Я отлично чувствовал, как он это делал. Но когда попробовал войти ко мне, наткнулся на крепкую защиту. У меня просто не было времени построить фантомную картину сознания, и пришлось действовать самым простым образом. Парень — к его чести — не стал пытаться взломать блок; решил, видимо, выждать. Но ясно, что я стал для него серьезным подозреваемым.

Так что с его стороны можно ожидать активных действий в самое ближайшее время. Похоже, он неплохой практик.

Ладно — будем ждать...

Какую-то часть неимоверно растянутого прыжкового времени я спокойно лежал, наблюдая за тем, что происходит — или, вернее, не происходит в каюте, — потому что и на самом деле ничего не происходило. Наблюдать было удобно: выгнутая сундуком крышка компенсатора была прозрачной. Так что я хорошо видел, как дверь каюты распахнулась, вошел корабельный ревизор, чьей задачей было проверить, все ли пассажиры угнездились перед прыжком так, как положено по инструкции, посмотрел сквозь крышку на корнета, потом на меня, остался доволен порядком и вышел. Корабль нырнул в прыжок и уравновесился в Просторе; теперь оставалось лишь ждать, пока он, выждав необходимое время, не совершит выхода в нормальное пространство. Именно в это время, по моим прикидкам, и должно было что-то произойти — если, разумеется, мои ощущения были верными.

Они и на сей раз не подвели.

Как только тело привыкло к странному ощущению, всегда возникающему при выходе из Простора (ты чувствуешь себя как бы стремглав падающим в бесконечной пустоте — и вместе с тем совершенно замершим во времени), я увидел, как крышка второго компенсатора медленно, словно с опаской, начала подниматься; на полдороге замерла — было ясно видно, что корнет уже не лежит, а сидит в своей скорлупе, — потом отворилась до упора, и он вылез. Я наблюдал за ним, чуть приподняв веки; при скудном освещении, какое давал маленький дежурный плафон, мой сосед не мог заметить, что глаза мои не совсем закрыты. Плавно, бесшумно передвигаясь, он пересек каюту (для этого достаточно было двух шагов) и склонился над моей дорожной сумкой, что лежала в зажиме, совершенно беззащитная. Корнет обшарил ее со сноровкой, говорившей о немалой практике; извлекал предмет за предметом, неспешно осматривал и клал на стол, потом лез за следующим. Я, в общем, уже догадался, что ему нужно, и знал, что в сумке он этого не найдет, но решил его об этом не предупреждать, чтобы не облегчать его задачу. Корнет добрался наконец до лежавшего в самом низу моего оружия: дистанта и того сериала с последними накрутками, что я позаимствовал у покойной дамы-стрелка; повертел в руках, покачал головой, взял на изготовку и сделал вид, что стреляет. Я все еще сохранял спокойствие: стрелять в этих условиях он не станет, это было совершенно ясно, хотя он мог бы, конечно, попытаться инсценировать самоубийство — если его задачей было, кроме обыска, нейтрализовать меня (я все более укреплялся в мысли, что так оно и было, но решил выжидать до пределов возможного). У меня не осталось сомнений в том, что корнет пришел к очень неблагоприятному для меня заключению, и

если даже не идентифицировал меня, то все равно решил, что я человек нехороший, опасный: нормальный вояка сдал бы оружие при посадке, чтобы получить его в целости и сохранности после окончания полета; я же этого не сделал. Так что если я и не тот, кого он ищет, то, во всяком случае, могу оказаться пиратом или еще кем-нибудь в этом же роде. Поэтому у него есть право поступить со мною крутенько.

Разумеется, поднять стрельбу он и на самом деле не рискнул; наверное, потому, что времени у него оставалось все меньше, и он это чувствовал — судя по тому, что все чаще поглядывал на часы — десантные, те, что шли и в условиях прыжка. Быстро и аккуратно сложил в сумку все вынутое, не забыл застегнуть ее и вновь закрепить в зажиме и, лишь закончив это, подошел и склонился над моей норой.

Я ритмично дышал, руки лежали на груди. Видимо, зрелище его удовлетворило, но на всякий случай корнет перевел взгляд на панель с приборами, контролировавшими мое состояние, и несколько секунд внимательно изучал их. Похоже, результат его тоже удовлетворил: если верить приборам, я сейчас крепко спал и видел сны. Приборы — существа туповатые, обмануть их при наличии даже небольшого опыта совсем нетрудно. Корнета, видимо, об этом не предупредили. Успокоившись, он нащупал клавишу открывания и нажал ее; другой рукой он придерживал крышку, чтобы она не отскочила рывком. Я лежал по-прежнему неподвижно, меня интересовало, что он собирается со мной сделать. Пассажир, конечно, может умереть в компенсаторе с таким же успехом, как и в любом другом месте, и причина смерти необязательно окажется установленной; чаще всего в таких случаях ссылаются на внезапную остановку сердца. Интересно все же, какую последовательность он выберет: сначала нейтрализовать меня и потом искать — или в противоположном порядке? Первый вариант — спокойнее; но если он и тогда не найдет искомого, то будет совершенно неизвестно — где же его искать, а живой я смогу и потом навести на след. Я постарался легким воздействием на его рефлексы склонить его к первому варианту: так мне было удобнее.

Все пошло как по писаному. Корнет уже держал на изготовку шприц без всяких признаков жидкости в нем: воздушная эмболия — вполне приемлемый в такой обстановке способ. Приподнял мою расслабленную руку, сдвинул рукав вверх — умело, почти неощутимо. Я поймал себя на том, что слишком рискую, растягивая удовольствие, и начал свою контратаку, не пошевелив даже пальцем. Только сильным, хорошо сфокусированным психоэнергетическим лучом, проникающим через любую защиту — кроме немногих ее видов, известных лишь продвинутым.

На миг мне стало даже жалко его, когда я представил, какой удар обрушился сейчас на его бедный мозг, какие незримые молоты заколотили в виски. Лицо его искривилось в грима-

се, он выронил шприц, поднял руки к вискам, как бы защищая их от внезапной беды или, может быть, стремясь сжать голову ладонями и тем помешать ей расколоться на множество осколков; именно такое ощущение у него сейчас и возникло. Обо мне он больше не думал, да и вообще рассудок его отключился, работали у него только инстинкты. Он бросился в поисках укрытия к своему компенсатору, захлопнул за собой крышку, скорчился, словно младенец в материнской утробе, но покоя не нашел: боль накатывала на него — волна за волной, и всякий раз его подбрасывало и он кричал — страшно, истошно, всем организмом ощущая свою медленную смерть, страшась ее и не умея противостоять ужасу. Поднимаясь и вылезая из своего гнезда, я следил лишь, чтобы процесс не перешел грань необратимости: мне не нужно было убивать его, а чувству мести я поддаюсь лишь в редких случаях, да и тогда оно остается под моим контролем. От корнета мне нужно было другое.

Подойдя к нему, я поднял крышку. Надо было торопиться: вопли корнета были, конечно, услышаны ревизором, чьей задачей сейчас являлось — следить за состоянием пассажиров все время нашего пребывания в Просторе, да и после выхода тоже; каждый компенсатор поэтому имел акустическую связь с постом обслуживания пассажиров. Правда, приступы ужаса, приключавшиеся у пассажиров во время прыжка, не были такой уж редкостью: психика, лишенная привычной среды обитания — нормального Пространства, насыщенного множеством и ведомых, и вовсе пока неизвестных нам полей, — бедная наша психика, бывало, закатывала такие вот концерты. Так что ревизор мог и пренебречь сигналом — если был достаточно опытным специалистом, — и не поспешить к терпящему бедствие, на самом деле лишь кажущееся. Однако если он из молодых — прибежит обязательно. Мне сейчас не хотелось тратить силы на поиски — при помощи тонких тел, конечно — этого члена экипажа и на анализ его мыслей и намерений; проще было поторопиться с моим делом. Так я и поступил.

Сосредоточившись на корнете, я начал понемногу убавлять наведенную на него боль, не ослабляя, однако, ощущения предельного страха: психика парня мне нужна была покорной и восприимчивой. И одновременно занялся воздействием на его рассудок, память и подсознание. Теперь в его мозгу проявлялась и закреплялась, как снимок на пленке, новая картина произошедшего, на самом деле не имеющая с реальными событиями ничего общего. Придя в себя, корнет будет совершенно уверен в том, что задание выполнил, нужное нашел и сохранил, меня же навсегда вывел из игры. Искомую бумагу я тут же изготовил при помощи блокнота, аккуратно сложил и засунул во внутренний карман корнетской куртки, только содержание документа было вовсе не тем, на какое рассчитывали пославшие молодца; я был уже совершенно уверен, что знаю, кто стоит за корнетской спиной. Правда,

проверить это мне не удалось: в памяти и самого исполнителя, и его мика все, что касалось вышестоящих лиц, было тщательно стерто при помощи знакомого мне метода замедленного возврата, когда как бы уничтоженная информация восстановится сама собой через определенное время — или в заданных конкретных условиях. Мне удалось установить, что парень вспомнит, кому и куда он должен доложить о выполнении задания, не раньше чем на третьи сутки, считая от нынешнего дня. Но мы должны были расстаться уже завтра, а тащиться за ним ради выяснения второстепенной, по сути, детали мне было недосуг. Тем более что, как уже сказано, я и так знал, кто послал его, — или полагал, что знаю.

Убедившись в том, что корнет с его измордованной психикой воспринял все именно так, как следовало, я закончил насылать боль и погрузил его (теперь уже блаженно улыбающегося) в глубокий сон, в котором он должен был еще раз пройти через события, придуманные мною. Убедившись, что с ним все в порядке, я закрыл крышку его компенсатора и вернулся в свой. Мне трудно было удержаться от ехидной усмешки, когда я представил, какая каша заварится в его голове после того, как он, проснувшись, увидит меня здоровеньким — в то время как, по его представлениям, я был уже мертвее мертвого. Но стоит ему покинуть корабль, как всякая двойственность в ощущениях и памяти исчезнет, и он готов будет под присягой утверждать, что благополучно угробил меня, как и следовало. Правда, в документе, который он доставит, будет изложена другая точка зрения; ничего, пусть сторонник опасной игры поломает над этим противоречием свою умную голову.

Так я и уснул в компенсаторе: с удовольствием представляя себе эту сценку. И мне снились приятные сны. Снилось, что я снова вошел в медитацию, общаюсь с тем, кого привык встречать там, и он успокаивает меня, обещая, что все будет хорошо и я вернусь к нормальной жизни, потеряв не так уж много в совершенствовании своего духа, а упущенное наверстаю быстро.

К сожалению, я знал, что это лишь сон.

Топси оказалась и в самом деле веселой планетой. В особенности для меня. Такой веселой — уж дальше некуда.

Большую часть своих тридцати семи лет я провел на Теллусе. Но по роду деятельности приходилось бывать и на других мирах, иногда весьма отдаленных от прародины. Они были очень разными, и — если верить историкам — это разнообразие было свойственно им с самого начала освоения. Хотя люди, прилетавшие на них, были, в общем, одинаковыми: тип энергичных людей без предрассудков, с очень туго закрученной внутренней пружиной; людей, готовых принимать крутые решения и незамедлительно выполнять их. Но часто уже следующее поколение, и уж обязательно — третье становилось по своему характеру совершенно другим, нередко даже — противоположным по

отношению к своим отцам или дедам. Почему? Для себя я нашел лишь один ответ: миры влияли на них.

У каждой планеты — свой характер, и люди достаточно быстро перенимают его, потому что иначе им не выжить. Характер планеты определяют и диаметр ее, и гравитация на поверхности, и химический состав, и уровень радиоактивности, и количество энергии, получаемое от светила, и его спектр, и наличие (или отсутствие) больших водных массивов и рек, рельеф, господствующие ветры и течения, флора и фауна, геология коры и мантии, количество и масса спутников, космическое излучение и наличие озона в атмосфере, вид звездного неба — одним словом, все на свете и еще кое-что.

Поэтому разбегание цивилизаций началось сразу же при их возникновении и сегодня стало уже совершенно очевидным фактом, с которым приходилось считаться. Перед посещением любого мира очень полезно бывает познакомиться с его характеристиками. Обычно для этого достаточно заглянуть в популярный ежегодник «Где, Что, Кто». Если же вам нужны какие-то конкретные цифры и факты, придется искать доступ к закрытой информации; это куда сложнее. У меня такой доступ — хотя и не на самом высоком уровне — был, так что еще заблаговременно я мог бы получить нужную справку по любому миру. Но если говорить о Топси, то я и так знал все, или почти все о ней давно и наизусть. Хотя и не стал докладывать об этом Королю пентаклей.

Политически Топси не была независимым государством, но принадлежала к системе Армага — как известно, самого богатого и мощного члена Федерации. Фактически же зависимость выражалась разве что в том, что Топси ежегодно вносила в копилку своей метрополии немалую сумму налогов. Зато федеральные налоги ей платить не приходилось. Это устраивало и Топси, и Армаг. Официальный статус этого мира был: свободно присоединившаяся территория.

Помимо резко консервативного типа цивилизации, Топси выделялась среди прочих населенных миров самым низким коэффициентом соблюдения Федерального законодательства, и одновременно — наиболее высокой суммой собираемых налогов, а также — для неграждан — легкостью получения разрешений на коммерческую деятельность и практической невозможностью раздобыть лицензию на деятельность производственную. Проще говоря, вы могли там за час решить вопрос об открытии, скажем, супермаркета, но вам и за год не удалось бы продвинуться ни на шаг, если хотели построить фабрику. Столь же сурово был ограничен импорт на Топси механизмов, зато широко распахивались двери перед ввозимой электроникой. Вывозить же в силу отсутствия серьезной промышленности с Топси было вроде бы нечего.

На первый взгляд характер и уровень жизни на планете держал, как говорится у летчиков, площадку — то есть со-

блюдал постоянную высоту и скорость полета. На Теллусе такие площадки известны; они выдерживались иногда долгими столетиями, как, например, европейские средние века или же современность, отсчет коей идет вот уже три века, от двадцать первого столетия (после ирреального двадцатого) и по сей день (так принято считать — на самом же деле прародина людей хиреет, особенно в последние годы; но замечать это и говорить об этом вслух считается дурным тоном). Такие площадки перемежаются то стремительными пике, то крутыми свечами, а то и такими петлями, что мертвее не бывает. На Топси же за сто двадцать лет ее существования в качестве населенного людьми мира площадка держится по сей день. Хотя есть немало миров, которые с первого дня существования двигались ускоренно, и на сегодня во многих отношениях основательно обогнали своих сверстников и соседей по Простору. Не иначе, разница в образе развития определялась той самой индивидуальностью светил и планет, о которой тут уже сказано.

Это все и вы могли бы узнать из уже упомянутого ГЧК. Как и еще одно существенное обстоятельство: население Топси сравнительно с другими крайне невелико, а средний уровень его жизни выше прочих во всей Федерации. И, пораздумав, заинтересовались бы: как можно сочетать минимум населения и отсутствие промышленности — с одной стороны, и необычайно высокий уровень — с другой? В свое время так жили на Теллусе маленькие нефтяные княжества; но Топси не добывала и не вывозила никаких ископаемых. Потуит, золото, трансураниды и прочее — то был не ее хлеб. Но мало того. Были в Федерации и другие миры с разветвленной и прекрасно отлаженной банковской системой, где уровень жизни тоже был достаточно высок. Однако, хотя банки на Топе (так длинное имя сокращается в разговорах), конечно, были, но в денежном обращении Федерации серьезной роли вроде бы не играли. Откуда же что бралось? Этот вопрос вы зададите себе, но в цитируемом ежегоднике ответа не найдете. Мне ответ известен; но я сомневаюсь, что у вас имеется допуск нужного уровня — и потому пока ничего говорить не стану. Впрочем, со временем вы и сами поймете.

Вот почему Топси — веселая планета: единственная промышленность, по-настоящему развитая там, — производство развлечений. Но богатеет мир и не от ее доходов, хотя и они заметны в государственной казне. И не от туризма, хотя приезжает по вневремянке и прилетает на кораблях туда, пусть ненадолго, куча народа из других, даже отдаленных миров и оставляет там не так уж мало денег. Нет, главный доход — не это. А...

Космические полеты в наши дни отнимают немного времени: сопространственные прыжки сделали пространство фикцией — если только вдруг не откажет техника. Нам она не отказала, и уже на четвертое утро (во всяком случае, часы показыва-

ли так) наше корыто аккуратно сомкнулось с платформой Топси, что болталась на постоянной орбите, пассажиры прошли все осмотры и досмотры и погрузились на челнок, который доставил нас на поверхность планеты.

Говоря «мы», никак не имею в виду того корнета, с которым у меня вышло небольшое приключение: он сошел, как и собирался, на Симоне, и я проводил его очень по-дружески и даже разорился на угощение за мой счет — не очень, правда, шикарное. Корнет с благодарностью выпил, опять болтал какую-то чепуху, а в белесых, туповатых глазках его все стояло непреходящее изумление — и кажется, он сам не понимал, от чего. Видно было, что он пытается что-то вспомнить, и это ему никак не удается. Ничего странного: я над ним поработал достаточно серьезно.

Его место занял другой парень, тоже, конечно, служивый. Этот унтерюга принадлежал к военной полиции Топа, чем страшно гордился — судя по тому, как задирал нос: ноздри глядели прямо вверх, как раструбы зенитной дистант-спарки. На меня ему, похоже, было наплевать; однако, не доверяя внешности, я слегка покопался в его начинке, после чего почувствовал себя немало озадаченным.

Этот унтер тоже нес в себе поручение, касавшееся меня, и мне показалось весьма интересным, что оно было словно скопировано с того, что я прочитал в памяти давешнего корнета. Содержание совпадало; естественным было бы, если бы еще и почерк был тем же самым: я всегда чувствую авторскую руку, потому что каждый из нас проводит даже самые простые операции по-своему; мы узнаем друг друга, как некогда радиста узнавали по манере работать на ключе — хотя азбука оставалась одной и той же. Две птички из одного гнездышка, подумал я вначале — и вот ошибся. А это могло означать лишь, что в своих умозаключениях я что-то напутал.

Во-первых, я, видимо, ошибся, определяя объем задачи. Когда я увидел унтера, то решил, что корнету не поручалось убрать меня, но лишь пасти — и прибрать к рукам ту самую кристеллу, вместо которой я состряпал ему некий документ. Сойдя на Симоне, он должен был, по моей гипотезе, доложить о результатах по команде. Но что он мог сообщить? Что я убит. Но в таком случае не было никакого смысла подсылать ко мне еще кого-то. Разве что — с веночком на похороны. Нет, сменивший его в моей каюте унтер явно пил из другого источника, то есть еще кому-то, кроме Иваноса, хотелось следить за мной и, вероятно, пытаться завладеть кристеллой, которая то ли была у меня, то ли ее больше не было.

Но из этого следовал и второй вывод: Король пентаклей, на которого я грешил, к этой операции отношения скорее всего не имел. Как я буду вести себя в дороге, вряд ли представляло для него такой интерес, чтобы он пошел на немалый расход: нанять филера даже для действий в пределах одного мира

стоит дорого, что уж тут говорить о галактических масштабах. Конечно, совершенно отрицать такую возможность нельзя, но следует просчитать и другие варианты. Всегда приятно знать, кто же ловит тебя в перекрестие прицела.

А это означало, что надо будет, используя оставшееся до Топси время, допросить моего нового попутчика со всем возможным пристрастием.

Так я и сделал, воспользовавшись той же ситуацией, какая уже возникла у меня с корнетом с Симоны. Только на сей раз я не ждал, когда сосед начнет предпринимать какие-то действия (если вообще начнет), но, как только мы покинули Простор, начал работать сам.

Усыпить его было непросто: клиент оказался очень невосприимчивым к воздействию на его психику и тонкие тела, которых к тому же обнаружился дефицит. Когда я в этом убедился, все остальное стало для меня ясным. И то, что в его двойном дне ничего не оказалось, кроме простенькой задачи — той самой, которую я прочитал, еще даже не успев как следует разглядеть его. Да и самого этого дна тоже не было. Парень как парень — решил я, — нормально отработанный зомби, в котором, к сожалению, начисто стерто — кто его послал: задание, как я уже говорил, детское — пасти меня на Топе заботливо, как любимую корову бабушки; но такое мог поручить кто угодно — от самых крутых, пока еще не вполне известных мне врагов до лучших друзей, заботящихся о моей сохранности; впрочем, вернее всего то не были ни те, ни другие, а кто-то третий. Решив так, я ограничился лишь одной попыткой выжать из него информацию:

— Кто послал тебя?

Ответил он не очень вразумительно:

— Их нет... Никого нет.

И после паузы:

— Это лабиринт. Лабиринт. Я — твой проводник. Приведу тебя, куда нужно.

— Кому нужно?

— Кому нужно, тот знает.

И более ни слова. Только храп. Безнадежно.

После такой неудачи я залег в компенсатор и перестал думать об унтере до самой Топси. Если его кто-то встретит — увижу и попытаюсь разобраться. Если нет, то уж как-нибудь от него отвяжусь.

Но и когда мы наконец долетели, мне не очень-то хотелось следить за тем, как он готовится к высадке, наводя пожарный блеск на свои бутсы, бляху и нагрудник. Время от времени он поглядывал на меня и нерешительно улыбался, что вообще-то не свойственно зомбированным. Я знал, что он никуда не денется. Постарается не потеряться. А пока мне куда интереснее было — разглядывать на обзорном экране приближающую-

ся поверхность планеты, на которой мне никогда раньше не приходилось бывать. И на которой я не без основания рассчитывал найти если не сам ключ к записям (а они, как я был подсознательно уверен, в свою очередь, помогли бы найти пресловутые семена ураканы), то, во всяком случае, направление, в котором следовало его искать, чтобы затратить на решение задачи как можно меньше времени. Интуиция почему-то подсказывала, что время во всей этой истории было решающим фактором и самым дефицитным слагаемым успеха.

Из справочника известно, что Топси диаметром и поверхностью несколько уступает Теллусу, но по массе почти равна ему. Вторая планета в плоской системе Ульдемира. Атмосфера пригодна для дыхания, хотя кислорода в ней на три процента больше, чем у нас, а углекислого газа — меньше. Климат теплый и сухой; открытой воды вдвое больше земного, на единственном материке есть большие реки, хотя их немного. В океане — множество островов, группирующихся в архипелаги. Растительность приближается к субтропической; впрочем, чуть ли не все виды, завезенные с Теллуса, не прижились. Спор о том, можно ли ввозить земную живность, ведется до сих пор. Я имею в виду живность для заселения тех ниш, которые до освоения планеты пустовали; для прокормления небольшая часть поверхности обрабатывается, существуют и стада — дойное и мясное; поголовье строго ограничивается местными законами — чтобы скот не съел планету. Вероятно, по этой же причине ограничена и иммиграция, хотя туризм, как уже говорилось, поощряется. Из многих людей, с кем мне приходилось пересекаться в жизни, лишь один, насколько помню, лет пятнадцать тому назад эмигрировал на Топси и вроде бы прижился. Еще трое пытались — но просьбы их были отклонены без указания причин. Просто «из-за отсутствия возможности обеспечить необходимые рабочие места и должный уровень жизни» — стандартная отговорка, не более.

Помню, в детстве меня страшно интересовало: как это люди ухитряются находить планеты, столь похожие, в общем, на Землю и пригодные для жизни? Меня смущало то, что в нашей системе такая была и есть только одна. В свое время, говорят, один простак сильно удивлялся тому — каким образом люди узнали названия звезд? Ему не пришло в голову, что не узнали, а сами придумали. Я же потом, повзрослев, понял все-таки: находят — потому что ищут, и на каждую пригодную приходятся десятки, а то и сотни совершенно безжизненных планет. Но во Вселенной всего сотворено много, надо лишь искать. Для теллуриан это стало возможным после изобретения ВВ-связи и транспорта; а уже и вовсе недавно, когда разобрались наконец не только в принципах, но и в математике творения, можно стало даже прогнозировать местонахождение (приблизительное, конечно) искомых объ-

ектов. Так что теперь я ничему уже больше не удивлялся — если говорить о вопросах заселения планет, разумеется. В других областях многое меня и по сей день удивляет — и, наверное, еще долго (я надеюсь) будет удивлять. Кто-то сказал: жизнь есть движение. От себя добавлю: жизнь есть удивление. Когда ничто более тебя не удивляет — и, значит, не интересует, не волнует, — вызывай гробовщика и проси снять с тебя мерку.

И сейчас, глядя на обзорный экран, я снова удивлялся: тому, насколько все-таки не совпадает картина, составленная тобой по книжным материалам, с той, что возникает перед взором в реальности.

Топси принято было считать миром глубоко провинциальным. Но после выхода из прыжка, когда наш «Титан» вошел в техносферу мира, это представление пришлось изрядно откорректировать. Прилегающая к планете область пространства оказалась хорошо обставленной не только необходимыми маяками и станциями связи; я успел заметить, самое малое, два мощных, судя по габаритам, энергососа, чьи kW-воды были заботливо обвехованы, а кроме того (и это было уже немалой неожиданностью) мы прошли достаточно близко от громадных — без малого в футбольный стадион площадью — антенн перехватчиков связи. И еще — несколько сторожевиков лениво обращались по своим орбитам в разных широтных и долготных плоскостях, да к тому же в два слоя: внешний — близ границы сферы возникновения, а внутренний — на самом рубеже техносферы. Кто-то явно не пожалел вложить в энергетику, связь и безопасность Топси очень немалые деньги. Трудно было даже прикинуть, о каких порядках величины могла идти речь. Во всяком случае, Теллусу такая роскошь была сейчас не по силам.

Не совпал с ожиданиями и облик самой планеты. Я ожидал увидеть что-то вроде полупустыни, в лучшем случае — сухих степей, каких все больше возникало на Теллусе — безлюдных равнин, в которых тут и там поднимаются к облакам многоэтажия городов. Я как-то упустил из виду, что все население Топси, по статистике, насчитывало что-то около двух с половиной миллионов человек — а следовательно, воображенные мною города просто некому было бы населять; и — следующий вывод из этого — планета с высоты должна была выглядеть необитаемой на девяноста девяти процентах своей территории. Меня ввели в заблуждение проспекты, которые топсийские власти рассылали по всей Галактике: на них были и степи, и небоскребы. Действительность же оказалась совсем иной. На материке я успел заметить громадные лесные массивы, обширные зеленые луга, горные хребты, над которыми поднимался Эверест местного значения, да и степь действительно существовала — только не занимала сколько-нибудь значительной территории.

Что же касается городов, то с высоты был заметен один-единственный — и так оно и было на самом деле. Странно, что город этот находился на острове средней величины, лежавшем в океане близ экватора, а космодром, как потом оказалось, — тоже на острове, размером побольше; этот улегся на самом экваторе, недалеко от Топсимара (так этот единственный город назывался). Возможно, у топсиян были какие-то причины избегать материка? Хотя это вряд ли могло иметь отношение к моим делам.

Было солнечно; снижаясь, мы не встретили ни единого облачка: видимо, тут сейчас стояло лето. Я надеялся, впрочем, что жара не будет слишком изнуряющей: уроженцу средних широт, мне по вкусу умеренные температуры.

В общем, приятно смотрелся мир Топси с высоты. И этот его облик — или что-то другое начало действовать на меня: в условиях, какие я наблюдал сверху, исчезнуть в случае осложнения было бы очень просто. Но крепла надежда на то, что скрываться ни от кого и не понадобится.

Наверное, это Топси уже проявляла свой характер.

Да, подумал я еще раз. Веселая планета.

Впрочем, это настроение изгладилось очень быстро.

Уже на поверхности, в зале прибытия топсийского космотерминала, подсознание подсказало мне: что-то не так. Это произошло, когда я, среди прочих прилетевших, направлялся к пограничной стойке.

Может быть, причина ощущения заключалась в том, что терминал оказался не пустым (как я ожидал, исходя из того, что на «Титане» прилетело никак не более двадцати человек). Наоборот, людей в обширных залах оказалось множество. Оказывается, незадолго до нас на Топси сели, один за другим, два пассажирских корабля: «Кастор» с Милены и «Цицернак», пришедший с Лорика. И тот, и другой привезли, похоже, по целому полку курортников, так что общий зал был под завязку набит пестрыми футболками, шортами, темными очками, багажными тележками, футлярами с удочками, раздутыми рюкзаками, водными лыжами и серфами, орущими младенцами и мало ли еще чем. А также и по той причине, что станция вневремянки здесь почему-то оказалась совмещенной с космотерминалом — и оттуда чуть ли не ежесекундно возникали все новые и новые представители рода человеческого, еще более увеличивавшие царившую в залах в момент моего появления сумятицу. Она, впрочем, была скорее кажущейся, чем подлинной: все это людское — если не море, то, уж во всяком случае озеро — быстро разбивалось на несколько рукавов, из которых каждый медленно втекал в один из пограничных выходов, чтобы, зарегистрировавшись, обрести наконец свободу передвижения и устремиться к своим целям. Все это было, в общем, легко объяснимо и совершенно естественно; но мне от этого легче не становилось.

Я-то рассчитывал, оказавшись здесь, быстро сориентироваться, просмотреть всех прилетевших и встречающих и таким способом определить, кто прибыл встретить меня и то ли ненавязчиво сопровождать при всех моих передвижениях по Топси, то ли (такое вовсе не исключалось), напротив, — лишить меня всякой возможности передвигаться и вообще действовать самостоятельно. При двух-трех десятках людей выполнение моей программы отняло бы минимум времени и усилий. Но их тут ходили немереные сотни, и излучаемые этой толпой поля смешивались в такой нечленораздельный коктейль, из которого было совершенно невозможно выделить хоть одну составляющую. Иными словами, поджидавшее меня лицо — или лица — могло находиться тут на расстоянии протянутой руки — и я никак не смог бы засечь его.

А не зная подлинной обстановки, покидать терминал было просто опасно.

Но, впрочем, может быть, я просто-напросто сам настраиваю себя на испуг, а на самом деле опасность мне не грозит?

Пришлось быстро думать, одновременно замедляя шаг, пропуская вперед шедших позади.

В чем могла заключаться опасность?

Примем как данность, что розыскное требование Служб Теллуса на меня уже дошло сюда по ВВ-связи. И таким же путем прибыли и люди, которым надлежало, самое малое, взять меня и переправить на родную планету. Предположим, так оно и есть. Но как можно им опознать меня? По внешности? Вряд ли: выглядел я благодаря искусству Короля пентаклей, вовсе не похожим на самого себя — такого, каким меня знали на Теллусе все, с кем приходилось встречаться. Документы? Они ничем не хуже настоящих хотя бы потому, что они и есть настоящие: не подделанные, а купленные. Правда, мне не удалось на борту «Титана» совершить очередную метаморфозу: из-за возни с унтером на это не хватило времени. Но, может быть, это и к лучшему: мой воинский антураж способен сыграть благую роль. Солдат всегда воспринимается как человек казенный, и как бы подразумевается, что его подлинность удостоверяется государством.

Что-нибудь компрометирующее в поклаже? Там нет совершенно ничего подозрительного. Оружие? Но я — солдат, мне положено носить его, и потому оно записано в моем предписании, в графе «Вооружение». И сериал, и дистант; и то, и другое является также и армейским оружием, заводские номера его безошибочно занесены в документ...

Номера, да.

Номера!..

Черт, как же можно было не подумать об этом вовремя?

Раз уж розыскное требование дошло до этих краев (а сомневаться в этом было бы крайне легкомысленно), то в нем — стопроцентно! — указаны и номера оружия, которое может на-

ходиться при мне. Номер сериала дамы-киллера у них, конечно же, есть, да и все данные моего дистанта тоже: он был официально зарегистрирован и у меня имелось разрешение. Хоть бы его не было!..

Стоит мне предъявить на выходе оружие — и меня схватят. Вся история закончится, не успев толком начаться.

Оставить оружие здесь, спрятать где-нибудь? Но вроде бы негде; а если и удастся сделать это — меня совершенно логично спросят: а где те штуки, которые согласно предписанию должны быть при вас? Вы же не потеряли их, старший унтер, и не подарили кому-нибудь? Ах, у вас их украли в дороге? Корнет с Симоны? Прекрасно, мы начнем его поиски — а вам тем временем придется задержаться у нас, мы никак не можем пропустить вас в такой ситуации.

Обильно смазать узкое место, чтобы беспрепятственно проскользнуть? На Теллусе я бы так и сделал; но здесь — кто знает, какие тут в этом отношении порядки? Брать, конечно, берут, как и везде, хоть один такой да найдется; однако смазки явно не хватит. Рулями с Теллуса здесь не отмажешься — да и тех осталось не очень много, а кроме них, у меня есть только чек. Сумма в него вписана достаточно солидная; но отдать его — значит остаться совсем без гроша: как-то не принято просить сдачи, давая взятку. Да и попросив — не получишь. Остаться же совсем без ничего значит сразу усложнить ситуацию процентов на триста, а то и на все пятьсот. Опять-таки, будь это на Теллусе...

Но до него очень далеко. И надо решать быстро, иначе еще через несколько минут ты останешься тут один — и своей медлительностью привлечешь к себе совершенно излишнее внимание.

Постой. А зомбированый эмпи, самозваный проводник по лабиринту? Пограничники, как правило, считают полицию, включая и военную, своими людьми, и проверяют обычно спустя рукава. Так что если у него даже обнаружится пара лишних стволов, большого шума никто тут поднимать не станет.

Назвался проводником — вот пусть и проводит!

Конечно, потом возникнет еще одна задача: вернуть оружие самому себе. Однако я полагал, что в споре с зомби всегда выйду победителем.

Где же он? Наверняка где-то рядом: в его задачу не входит бросать меня на произвол судьбы.

Я оглядел зал, постепенно пустеющий.

Унтера не было видно.

Затаился где-нибудь, сукин сын, и следит за мной. Ничего удивительного: ему-то здесь ведом каждый закоулок. А у меня просто не было времени детально разобраться с такими вещами, как, например, план терминала. У меня его, кстати, и не было: улетать пришлось, мягко говоря, второпях.

Но унтер где-то здесь; я прекрасно ощущаю его присутствие.

Я снова просканировал окружающее пространство, но на сей раз третьим, всевидящим глазом. И без труда обнаружил парня. Но, к сожалению, там, куда сейчас никак не мог добраться.

МП-унтер успел уже пройти контроль, выйти из зала и теперь находился рядом со стойкой — но увы, с другой, внешней стороны.

Я попытался вызвать его, послав ему соответственную команду. Будь он нормальным человеком — команда подействовала бы; но он был зомбирован и настроен на команды только своего хозяина, я же мог воздействовать на него, лишь стоя рядом с ним. Ничего не получилось.

А время шло. Надо было что-то делать. На меня уже поглядывали от стоек; смотрели с подозрением. Пограничники, такой народ.

Мне, в общем, выбирать было не из чего. Заплатить — значит, попасть в сложные обстоятельства. Не заплатить равносильно немедленному провалу. Так что куда ни кинь — всюду клин.

Я вытащил из дальнего кармана аккуратно сложенный чек. Из другого, поближе, — воинскую идентификационную карту. Раскрыв чек, скользнул взглядом по проставленной в нем сумме, очень привлекательной сумме. Словно попрощался с нею. Но расставаться с деньгами было не впервой. Ничего; останемся живы — заработаем еще... Снова сложил чек, зажал его в пальцах вместе с идентификационной картой. Правила общения между мирами Федерации оставались почти точно такими же, какими были и сто, и двести лет назад: как я уже говорил, общество, невзирая на то, что расползлось по десяткам миров, последние века делало площадку, сохраняя нравы и обычаи — видимо, потому, что они наилучшим образом согласовывали интересы всех слоев, от правителей до бомжей. Держа все наготове, подхватил сумку и неторопливо направился — в числе последних — к пограничным стойкам с турникетами.

Стоек было четыре, и сейчас главным и решающим было — не ошибиться в выборе. Я начал справа, пытаясь забраться поглубже в психику сидевшего в будке пограничника. Установив канал связи, легко послал ненавязчивую мысль: хорошо, если бы кто-нибудь сейчас предложил сотню-другую... По легкой отдаче почувствовал, как мысль вошла в сознание адресата. И тут же сгорела. Мгновенно. Он даже не попробовал повертеть ее в голове: уничтожил сразу. Хорошо для пограничной службы Топси. А для меня — плохо.

Со вторым получилось лучше, но незначительно. Мысль осталась живой, но он упрятал ее так далеко, что стало понятно: чтобы подвигнуть его на такое действие, как пропуск через границу человека, у которого что-то не в порядке, с ним пришлось бы долго работать. Он просто-напросто боялся; хотя было совершенно ясно, что, к примеру, найди он такую сумму на улице — не побежал бы в стол находок и не стал бы расклеивать объявления. Трусоват и потому нерешителен. Не годится.

Третий — совсем плохо. Мысль ему понравилась, и он немедленно начал развивать ее дальше. Возникла картинка: ему предлагают взятку — и он немедленно хватает виновного за руку и поднимает большой шум. Честолюбив; не испытывает большой нужды в средствах, но очень недоволен продвижением по службе и сделает что угодно, чтобы отличиться. Затевать операцию с ним — хуже, чем войти безоружным в клетку с голодным тигром и начать дразнить его. Отпадает совершенно.

Плохо, плохо. Если и четвертый окажется идеалистом, трусом или карьеристом — положение станет действительно пиковым.

Я даже не успел составить мнения по поводу четвертого. Потому, видимо, что народу по эту сторону барьера оставалось совсем мало, он просто-напросто закрыл свою форточку, вышел из будки, запер ее и направился к буфету, что находился по эту сторону границы, затесавшись между магазинчиками «такс фри». Проголодался, наверное.

Буфет «такс фри» — не самое дешевое место. Тем более что близ терминала по ту сторону границы — в этом я был более чем уверен — имеется достаточно забегаловок самого разного уровня. Вывод: человек, пользующийся таким буфетом, не очень стеснен в средствах. Это и хорошо, и плохо. Плохо — потому, что он может и не пойти на правонарушение ради некоторой суммы; тут важно, однако, знать — где та цифра, ради которой он рискнет. Хорошая же сторона дела заключается в том, что откуда-то же он берет деньги, чтобы заказать... что именно? Ага. Чтобы заказать не что-нибудь, а крабовый салат, ти-боун-стейк и бутылку красного вина — название было мне незнакомо, вероятно, оно было из местных сортов. Не слабо. Его заказ не остался для меня секретом потому, что я уже стоял у него за спиной, ожидая своей очереди. Он заплатил семнадцать топсийских уников с мелочью. Непохоже было, что у него они — последние. Я мысленно перевел уники в галлары; м-да-с. Этот немолодой уже мужик должен был зарабатывать очень неплохо. Оклад пограничника, пусть даже и в звании субкапитана и с большой, судя по шевронам на плече, выслугой вряд ли мог обеспечить ему такой уровень существования. С другой же стороны — если государственный служащий не скрывает, что живет не только на оклад, то его доходы должны быть в полном смысле слова безгрешными. Или же...

Вот именно: или же. Я вспомнил характеристику Топси как мира, в котором законность соблюдается меньше, чем на любой другой обитаемой планете. Может быть, здесь и не принято скрывать своих побочных доходов? Может быть, ими даже гордятся?

Субкапитан заплатил и отошел к столику, куда ему должны были принести все заказанное. Столик он выбрал ближайший к буфетному прилавку. Наверное, не случайно.

Дама за стойкой уже нетерпеливо постукивала ногтями по лакированной доске. Я поспешил изобразить смущенно-нерешительную улыбку.

— Скажите, пожалуйста, вы принимаете земные рули?

Она презрительно изогнула губы:

— Кроме уников — только галлары. Написано же!

И ткнула пальцем вверх. Над ее головой и в самом деле висела табличка: «Расчет только в униках и галлярах», и я, конечно, успел прочитать надпись. Но нужно же было как-то завязать разговор.

— Ах да, простите, не обратил внимания. Ладно, пусть будут галлары. Вот только у меня не кэш, а трэвел-чек...

Я вытащил чек и положил на прилавок. Она посмотрела. И проговорила — уже совсем другим тоном, даже с нотками извинения; при этом из ее речи почти исчезла легкая шепелявость телецкого диалекта (так он назван, поскольку Топси на земном небе располагается в созвездии Тельца):

— К сожалению, не могу вам помочь. Мы не принимаем чеков, только наличными. Даже карточками у нас не пользуются.

Одновременно она быстро просканировала меня острым взглядом. Видимо, очень уж несовместимыми показались ей — сумма и занюханный армейский унтер.

— А где-нибудь здесь можно реализовать чек?

— Только в городе, в банке. Это не так уж далеко отсюда... Да и вряд ли здесь — даже будь тут обмен — нашлось бы столько денег: пятьдесят тысяч!

— Я понимаю, но у вас здесь все выглядит очень уж соблазнительно!

Думаю, что слова эти прозвучали убедительно: мне и в самом деле хотелось есть. Хотя это было не главным. Куда важнее было то, что за спиной у меня произошло некоторое движение: слышно было, как ножки стула скользнули по полу. Это означало, что наш разговор — а точнее, названная вслух (вряд ли случайно) сумма привлекла внимание субкапитана.

— Я бы накормила вас в кредит, — продолжала между тем буфетная фея, — но у нас это не практикуется. — Она развела руками.

— Спасибо за сочувствие, — грустно сказал я. — Видно, придется и в самом деле перехватить что-нибудь там, снаружи.

За моей спиной послышались шаги. Субкапитан остановился рядом со мной.

— Царапочка, я заждался, — проговорил он вовсе не сердито. И медленно, как бы нехотя, повернулся ко мне. Наши взгляды встретились; и я сразу же ощутил, как его незримые, но от этого не менее реальные астральные щупальца утыкаются в мой блок, пытаясь разглядеть — что там у меня внутри; со своей стороны, и я попытался сделать то же самое — и безуспешно.

Это было, как мгновенная стычка на фехтовальной дорожке: выпад — рипост — прыжок назад, чтобы разорвать дистанцию. Глаза пограничника на миг блеснули, но он тут же отвел взгляд и сказал, не улыбаясь:

— Потерпевший крушение в шлюпке гибнет от жажды — похоже, да?

Он тоже заговорил чисто, на литературном феделине. Возможно, тут это считалось признаком уважения, но скорее он просто думал, что я не разберусь в диалекте.

Усмехнувшись, я кивнул и жизнерадостно заверил:

— Ничего, выплыву. Берег близко.

— Близко, — согласился он. — Однако накат большой, да и тут не пляж — скалы. Без помощи трудно придется.

— Думаете?

— Если бы не так, — ответил он, — вы были бы уже на берегу, а не здесь. Угадал?

Я не стал отвечать, памятуя, что молчание — знак согласия.

Буфетная фея собралась уже нести на столик заказ субкапитана. Но он удержал ее:

— Царапа, пусть молодой человек позавтракает — запишешь на меня. — И мне: — Заказывайте.

— Большое спасибо, — сказал я признательно. — Чашку кофе и булочку, пожалуйста.

— Что так мало? — удивился он. — Не солдатский аппетит.

— Всерьез поем в расположении, — ответил я. — Положено, пусть отдают.

— Разумно. Что же — сядем?

Я пошел вслед за ним, не забыв забрать с прилавка чек. Он указал мне на стул, уселся сам. Глянул на меня в упор, но не сказал ни слова, пока хозяйка не принесла все заказанное и не удалилась за стойку. Лишь после этого спросил:

— Проблемы?

Я не успел глотнуть, как он предупредил:

— Только правду. Врать мне надо, когда я на посту.

— Есть небольшие сложности, — сказал я. — Хотя проблем и нет.

— Это сразу понятно. Мне. Давай по порядку. — Он перешел на «ты» как-то совершенно естественно, словно мы вместе выпили уже не одну цистерну. — Трудно выйти?

— Да как сказать... — протянул я.

— Так и сказать. Похвались, что у тебя там, — потребовал он.

Я протянул ему иденткарту. Он проглядел ее наметанным глазом.

— Это сойдет. В чем загвоздка? Ага, погоди. Соображу. Нука, давай сюда самопалы...

Я вытащил из кобуры дистант, из сумки — сериал. Он сверил номера. Сказал:

— Все сходится.

— Я же сказал, что проблем нет...

— Сказал — и ошибся. Есть проблема. Даже две. Первая: до нашего захолустья такое оружие еще не добралось, наши оберегуны пока что обходятся простой автоматикой. Накладка. Но это — мелочи жизни. Вторая проблема серьезнее. На тебя — казенный заказ. По первой категории. Так что я тебя ждал, хочешь — верь, хочешь — нет.

— На меня заказ? Или на номера?

Он двумя пальцами взял меня за щеку:

— Обработка хреновая. Молодые не заметят, но я — старый волк. Подержать тебя сутки на спецдиете — придешь в свой нормальный вид. И тогда хана тебе. Что, ты так громко нашумел там?

Я покачал головой.

— На меня хотят навесить, — сказал я. — А мне работать надо.

— Почему сюда занесло? Есть тут кто-нибудь?

Я не ответил. Он приободрил меня:

— Ты ведь все понял? Я тебе помочь хочу, взять тебя я мог бы и сейчас, без твоего согласия. А помочь могу серьезно: я всех знаю, и меня все знают. Но о тебе будут знать только те, кто может понадобиться. Вот и решай. Подумай, а я поем тем временем.

Я подумал. Когда он вытер губы, я медленно подвинул к нему чек. Он так же неторопливо спрятал листок во внутренний карман.

— Ну и правильно. Ладно: я пошел исполнять службу. Минут через пять подходи. Вопросы есть?

Вопрос у меня был.

— Добраться до города — будут сложности?

— Ах, ты вот куда... — протянул он. — А я решил, что ты по курортной части — облегчать тех, кому тяжело деньги носить. А ты, выходит, нацелился на Топсимар. Знаешь, лично я тебе не посоветовал бы. За всю свою службу не слышал, чтобы там кому-нибудь удалось урвать. А ведь были артисты, пытались. Может, передумаешь?

Он принял меня за нормального грабителя, вот что. Значит, в земном требовании ничего конкретного нет. Просто — задержать и препроводить. Ну что же: оставим его в этом приятном заблуждении.

— Я мужик рисковый. И пошел на спор на большие деньги, что возьму свое здесь.

Субкапитан покачал головой:

— Ну, мое дело было — предупредить.

Я кивнул:

— За это спасибо. Скажи: а как ты меня вычислил? Разве не могло быть, что я туда еду по делу?

Пограничник улыбнулся, качнул головой:

— Ну, те выглядят совсем иначе.

Подумал и добавил:

— И чеков не возят. Всегда кэш.

— Ясно, — сказал я. — Еще раз спасибо.

Пограничник встал, отодвинув стул.

— Значит — через пять минут.

И вразвалочку пошел, унося с собой весь мой капитал.

Капитал, да. Но кое-какие ценности у меня еще оставались. И ими я никак не хотел рисковать. Мои кристеллы, которыми я разжился еще у Пифии и на которых теперь было кое-что записано. Если даже пограничник и в самом деле выпустит меня без осложнений, то предстоит еще таможенный досмотр — а у таможенников во всех мирах существуют достаточно строгие правила относительно провозимых записей: они считают необходимым просматривать все тексты, а мои для этого никак не годятся. Я рассчитывал использовать унтера, он шел по зеленому коридору — но сейчас его было уже не достать. Кто же поможет мне?..

Я успел заметить, что те, кто собирался пройти по зеленому, группировались у крайней левой стойки — оттуда путь в зеленый коридор был короче всего. Я присмотрелся и выбрал того из них, кто показался мне самым надежным. То был средних лет поджарый мужчина, хорошо одетый, из багажа при нем был один лишь кейс. Выражение лица у этого мужика было спокойным и весьма уверенным; таких, как правило, если и досматривают, то спустя рукава. К тому же он явно был местным жителем и достаточно хорошо известным: несколько человек уже почтительно поприветствовали его, он же лишь слегка кивнул им в ответ. Вот этот, решил я, и пронесет мои ценности без всяких недоразумений.

Пристроившись у него за спиной, я вошел в его сознание, готовый встретить серьезное сопротивление. К моему удивлению, его не было: психика моего невольного помощника оказалась почти не защищенной. Я внушил ему нужные мысли за считаные секунды; он тут же обернулся и проговорил, мельком глянув на меня:

— Что у вас там — давайте...

Я вручил ему капсулы с кристеллами. Он небрежно сунул их в карман. Я предупредил:

— Обождете меня у выхода. Не вздумайте исчезнуть, пока не вернете все мне.

— Да, да, конечно, — ответил он спокойно. — Не беспокойтесь. Я обожду вас.

Я проводил его взглядом. Он прошел зеленым коридором, и никто и не подумал остановить его.

У меня отлегло от сердца.

Через пять минут, выпуская меня на волю, пограничник проговорил:

— Кстати, с Теллуса просили посодействовать тебе. При случае подтверди, что я так и сделал.

Я не сразу понял, что он имел в виду именно Короля.

— Так чего ж ты меня обобрал догола? — не выдержал я.

— А он не говорил, что я должен помогать тебе задаром. Ничего. Наживешь еще.

Я сделал усилие, промолчал и даже улыбнулся живодеру на прощание. На новом месте ни в коем случае не следует начинать с создания новых врагов. Это никогда не бывает сделать слишком поздно.

Человек с моими кристеллами терпеливо ожидал меня, как и было условлено, у выхода. Без единого звука он отдал мне все и не спешил удалиться; лишь после того, как я проверил содержимое капсул и убедился, что в них по-прежнему покоятся мои записи, человек попрощался легким кивком и ушел. Я не стал следить за ним: он мне больше не был нужен. Я полагал, что никогда больше с ним не встречусь.

Когда я вышел из терминала на привокзальную площадь, мне было, как сказал поэт, грустно и светло. Светло — потому что я все-таки прорвался. И еще наверняка по той причине, что уж очень приятно было — после пресного, фильтрованного и неподвижного воздуха и неживого света в терминале оказаться под солнцем (пусть и не столь ярким, как земное) и подставить лицо легкому ветерку, что задувал с океана, оказавшегося совсем рядом и хорошо видного с обширного плато, на котором и располагался космодром.

А грустно — потому, что все мои предварительные планы впору было выкинуть в корзину: они были основаны на деньгах — а их-то у меня больше и не было. О том, что осталось, говорить всерьез не стоило. Земные рули даже у меня самого перестали вызывать хоть какое-то уважение: сумма показалась донельзя мизерной — особенно после того, как я, медленно продвигаясь по площади, пытаясь анализировать неразбериху людских излучений, клубившихся в этом пространстве, поглядел на цены в торговых павильонах. Оказаться нищим в совершенно чужом краю — незавидная участь. Я утешал себя тем, что главное — бодрость духа и присущие мне способности — удалось пронести через границу без ущерба для них. И кристеллы — тоже, а они обещали успех — пусть и не сию минуту. Остальное же, как говорится, приложится.

Отойдя в сторонку от выхода, я остановился, чтобы оглядеться и быстро решить, что предпринять в ближайшие минуты. Ясно было, что задерживаться здесь никак не следовало: вероятность быть схваченным уменьшалась пропорционально квадрату расстояния между мной и терминалом. Надо было уходить; но — куда и каким способом? Как-никак, здесь был остров,

и — как я заметил еще сверху — не очень большой. И, насколько я мог сейчас видеть, от площади уходила только одна дорога, и вела она вниз — к берегу, окаймленному широкой набережной, от которой выдавались в океан несколько пирсов, рассчитанных, похоже, на небольшие суда; впрочем, больших в этом мире быть, пожалуй, и не могло — всякое плавание тут являлось каботажным, уходить в открытое море не возникало надобности (впрочем, это были только мои первоначальные соображения, первые впечатления, которые порой бывают обманчивыми). Сейчас у пирсов стояли два суденышка, которые я определил как прогулочные катера. Возможно, они и осуществляли перевозку людей в Топсимар. Левее, километрах в двух, у берега, у длинной стенки, виднелось несколько десятков разнокалиберных плавсредств: от маленьких тузиков до океанских, как мне показалось отсюда, яхт — двух- и даже трехмачтовых, с аккуратно убранными парусами. Судя по ним, народ здесь жил не бедно. В той же стороне виднелось несколько небольших строений, здесь же, в районе пирсов, — белое двухэтажное здание: вероятно, портовое управление. Остальное побережье, насколько хватал взгляд, представлялось пустынным. Известные курорты располагались явно не тут, а на каких-то других островах, а может быть, и на материковом берегу. Отдыхающих доставляли туда не катерами, разумеется, а пассажирскими аэралетами, чья стоянка просматривалась справа от терминала. На грунте сейчас стояло целых три машины, и к ним-то и направлялось большинство пестрых футболок. Мне с ними было, как я решил, не по пути. Но и здесь торчать у всех на виду смысла не имело. Пора было двигаться.

Прочелночив всю площадь вдоль и поперек, я так и не наткнулся на то, что, собственно, искал: на прощупывающий, цепкий взгляд человека, пасущего меня; такой взгляд — визитная карточка соглядатая. Если даже сам он остается вне поля зрения, этот луч воспринимаешь всем телом. Это необязательно должен был быть тот унтер: он мог и благополучно передать меня своему сменщику. Я чем дальше, тем больше понимал, что операция выслеживания была поставлена на широкую ногу. Почему-то эта мысль не вызвала у меня законной гордости; без подобного признания моей значимости я мог бы и обойтись.

Так или иначе — держаться мне следовало, как если бы я наверняка знал, что рыболов с удочкой где-то рядом, а крючок его и вовсе болтается в опасной близости. То есть приходилось соблюдать осторожность.

Это соображение помешало мне зайти в меняльную контору, чтобы обратить последние рули хотя бы в здешние уники: не исключалось, что там меня и подкарауливали. Это было логично: в новой стране приезжий первым делом спешит обменять деньги. Только после этого он начинает чувствовать себя в своей тарелке. Поэтому к менялам я не пошел. Если доверять со-

ветам человека, только что вежливо ограбившего меня, официальные средства передвижения, такие, как уже замеченные мною катера и агралеты, — мне тоже были заказаны. Так что я сделал, пожалуй, единственное, что в этом положении мне оставалось: закинул сумку за спину и бодро потопал по обочине дороги, что спускалась к берегу. Но не для того, чтобы встать в очередь на катера; пирсы я намерен был обойти по большой дуге. Куда больше интересовали меня те скорлупы, что плавно покачивались на пологих волнах прибоя дальше по берегу.

Похоже, пешее передвижение здесь было не в чести, и шел я в гордом одиночестве. Я не оглядывался; остающееся позади пространство я постоянно просматривал третьим глазом, и каждый раз убеждался, что в нем, в опасной близости, никого не возникало. Несколько машин промчалось мимо; никто не притормозил, не предложил подвезти — похоже, люди здесь не спешили оказать помощь ближнему. Я ощущал, как на меня оседает мелкая пыль, и не мог даже утешить себя тем, что, добравшись до места, приму ванну: где и каким будет это место, у меня не было ни малейшего представления. Но со всем этим можно было мириться, утешаясь тем, что дела вовсе не так плохи: ни из одной машины меня не обдали тем самым взглядом, который я искал и которого одновременно опасался.

Через четверть часа я добрался до места, где бетонная дорога сворачивала вправо, направляясь прямиком к пирсам. В прямом же — нужном мне — направлении продолжалась не дорога даже, скорее хорошо протоптанная тропа. Она и должна была вывести меня к цели. Но перед тем мне предстояло еще поработать над собой: я решил срочно уволиться из вооруженных сил и вернуться к своему исконному состоянию — гражданскому, — хотя и не в постоянном моем облике.

Отойдя в сторонку от развилки, я присел в тени дерева незнакомой породы; ствол дерева состоял из шаров в футбольный мяч размером, каким-то чудом удерживавшихся друг на друге; из каждого мяча вырастали четыре то ли ветви, то ли листа, конструкцией они напоминали перепончатые крылья нетопыря. Не очень привлекательно; но тень они давали, и я рад был воспользоваться ею.

Расположившись в тени, я не стал закусывать по простой причине: нечем было. Пришло запоздалое раскаяние: в корабле-то можно было запастись хотя бы бутербродами — не подумал, проявил непредусмотрительность, вот и страдай теперь. Я прислонился к стволу, закрыл глаза, загрузил в мик изображение человека, чей облик сейчас хотел принять. Стать таким, какого ни первый мой попутчик, ни второй никогда не видели и опознать никак не смогли бы. Прикинул. Вытащил из сумки необходимый набор, которым заботливо снабдил меня Король пентаклей. Спасибо ему.

Так, займемся делом. Лоб сделаем пониже; простая накладка на биоклее. Брови. Цвет глаз. Нос... Губы придется оставить

такими, какие дал Творец, а вот щеки придется округлить. Вот так. Не то чтобы я не был доволен своей ослепительной военной красотой; это было бы несправедливо, Король сделал меня куда привлекательнее, чем природа. Просто — достаточно уже помаячил, нынче лихому воину пришло время скрыться с глаз долой.

Я осмотрелся. Меня никто не преследовал. Здание терминала отсюда уже не просматривалось, даже крыша исчезла за достаточно крутым склоном — а это означало, что и меня оттуда не видно. Вообще место было приятным в смысле его пустынности: никаких строений, прямо необитаемый остров. Ладно, и на том спасибо.

Я вернул набор в сумку, на этом закончил привал и пошел по тропе. Прошел с полкилометра, и лишь когда изгиб тропы скрыл меня от развилки — или ее от меня, все равно, — свернул с тропы вниз, к воде, чтобы подойти к стоянке лодок и яхт не с той стороны, где человек становится заметным раньше, чем это ему требуется.

Расчет мой был на то, что чужаку скорее всего не станет оказывать помощь местный яхтсмен; обладатели подобных судов не принадлежат к любителям слевачить: с такого бродяжки, каким сейчас выглядел я, много не возьмешь. А вот хозяин какого-нибудь дырявого катерка, промышляющий скорее всего рыболовством и ведущий счет каждому унику, обязательно воспользуется случаем хоть немного заработать. Так что к горделивым парусникам я даже не пытался подходить, и к мощным рыболовным катерам — тоже. И действительно, ни один из их капитанов — а когда я проходил мимо, самое малое на одной яхте и двух катерах заметил людей, и они меня тоже видели, и отвернулись, лишь скользнув взглядом, — ни один не показался мне заслуживающим доверия.

И лишь завидев впереди неприглядную шаланду с подвесным движком, по виду — сил на двадцать, со склонившимся над ним одиноким лодочником, я шагнул вперед, одновременно послав человеку сильный импульс, который должен был расположить его в мою пользу, хотя потом, может быть, он и сам удивится неожиданному приступу сочувствия, который в эти секунды возникает в его душе.

И действительно: он поднялся с банки, еще даже не успев как следует разглядеть меня. Пластиковая с легкой сеткой трещинок лодка с надписью на борту «Мартина Лу» легко качнулась под ним. (Надпись эта давно нуждалась в подновлении, как и вся лодка). Когда он выпрямился во весь рост, я невольно усмехнулся: лодочник оказался женщиной. Гм-гм. Вообще-то женщины не любят излишнего риска. Особенно достаточно молодые и пригожие, как вот эта. Но бывают ведь исключения? Да и попытка — не пытка, не так ли? Я поспешил подойти вплотную:

— Перевезешь до города, Мартина Лу?

Она выпрямилась, ладонью заслонила глаза от солнца и обстоятельно оглядела меня с головы до ног.

— Откуда ты взялся, красавчик этакий?

— Да вот — из дальней дали приехал на тебя полюбоваться.

— Это и здесь можно. Зачем же на Топсимар, в такую даль?

— Вроде бы не так уж и далеко.

Она сощурилась:

— Моя хижина ближе.

— Приглашаешь?

Она ответила — уже серьезно:

— Я только дома договариваюсь. Здесь дует. — И покосилась в сторону ближайшего к нам скоростного катера, одного из тех, где я заметил людей. Я ее понял.

— А дома — договоримся?

— Вот не знаю. Туда, между прочим, катера регулярно ходят. От горки. Так что мог бы обойтись и без меня.

Я развел руками:

— С деньгами туго. Летал в отпуск — ну, сама понимаешь. Так что уж выручай.

— Там видно будет.

— Хочешь с мужем посоветоваться?

— Муж далеко, — проговорила она беззаботно и тряхнула головой. — Сама решу.

Ей показалось, что я колеблюсь.

— Все равно, если и договоримся... К Топсимару мы ходим ночами. Не так жарко. Кроме того — и моторчик что-то стал барахлить последнее время. То ли контакты, то ли что. Ты в этой технике что-нибудь смыслишь?

Судя по положению солнца, сейчас был если не полдень, то где-то около. А сутки на Топси (всезнающий справочник!) длятся пятьдесят пять часов. Иными словами, времени хватало. Да и с мотором придется еще разбираться. Техника, правда, выглядела не очень сложной. Как-нибудь осилю.

— Только учти, — сказал я ей, чтобы потом не возникло недоразумений, — с платежом у меня туго. Довезешь до Топсимара за «спасибо»? Заработаю — отдам.

Она глянула на меня, усмехнулась:

— Кто же из отпуска привозит деньги? Туда — да, туда везут.

— Да, — сказал я, — это уж точно. Отпуск — значит, гулянка.

— Когда же и гулять, как не в молодости, — сказала она со вздохом. — Потом уже не до того будет. — Помолчала, вспоминая, наверное, о своей молодости — не такой уж давней, но, видимо, отодвинувшейся в памяти далеко-далеко под натиском повседневных забот. — Да. А ты что — в Топсимаре служишь? Где же?

— Ладно, пошли, — перебил я, чтобы избежать опас-

 ных вопросов. — С криком «ура!» — в атаку, вперед!

— Ну, ну, — осадила она меня. — Только не вообрази бог весть чего. Заплатишь, раз денег нет, работой. Дома немало мужских дел набралось. Если повезу, конечно. Если сладимся.

— Да надо бы сладиться.

— Тогда снимай движок и неси. А сумку давай сюда.

Повторять я не заставил. Открепил моторчик, взвалил на плечо. Двинулись. Мартина пошла впереди. Взбираясь по каменистому склону, по едва обозначенной тропинке, я слегка взмок; женщина поглядывала на меня с легкой усмешкой. Мою сумку она несла легко, хотя вряд ли та была намного легче ноши, доставшейся мне. Я не стал прощупывать ее сознание, ощущая, что с ее стороны никаких неожиданностей мне, похоже, не грозило.

Идти пришлось полчаса с лишним. Недалеко было, но все время в гору. Жилье Мартины и на самом деле оказалось хижиной, готовой уже развалиться, и во внутреннем убранстве ее не чувствовалось не только мужской руки, но и женской тоже. Было пустовато и неуютно. Мартина, похоже, угадала мои мысли.

— Вообще-то я здесь почти не живу. Приезжаю только в море поболтаться. Отдохнуть от...

Она не договорила, сочтя, похоже, дальнейшую откровенность излишней. Да так оно и было; но мне хотелось кое-что уточнить.

— А постоянно живешь где — в Топсимаре?

— Нет, — сказала она суховато. — Займись-ка делом. Или, может, тебя покормить сперва?

Я уже давно был голоден, но неудобно было говорить об этом самому.

— Знаешь — не отказался бы.

— Разносолов не обещаю, — все так же сдержанно сказала она. — Чашка кофе с пирожками — устроит?

— Буду очень благодарен.

— Через пять минут.

Больше я выдержать не мог. Послал ей призыв чуть ли не помимо своей воли. Она восприняла его мгновенно. Повернулась от плитки:

— Наконец-то. А я уж подумала...

Больше слов не было. Наши нехитрые одежки летели в стороны. Мы рухнули на пол, застланный тонким паласом. Я не ожидал от себя такого пыла. Словно изголодавшийся десантник... Может, недавно снятый мундир оказал на меня такое воздействие? Или что-то другое подкралось? Слова желания и любви звучали как бы сами по себе, без моего участия, помимо воли. Мартина отвечала тем же. Я целовал ее, мои руки были жадными, ничто не ускользало от них, и Мартина тоже не отпускала меня. Мы оба чувствовали друг друга, вместе одолели крутые склоны и взошли на вершину одновременно; спустились в долину, чтобы передохнуть, но почти сразу начали новый подъем. И еще один. И...

Потом мы недолго дремали, не расплетая рук. Мартина очнулась первой.

— Пора...

И пошла варить кофе.

Я же занялся моторчиком. Вскрыл. Внимательно осмотрел. Выглядело так, как я и ожидал: под обшарпанным кожухом стоял прекрасно отлаженный военный механизм с десантного «кузнечика». Подобный двигатель раньше попадался мне только однажды, но я постарался вспомнить все, что к нему относилось, и осложнений в работе не возникло. Закончив проверку, я предупредил:

— У него просто кончается энергия. Нужна зарядка. Ресурса осталось часов на тридцать, не больше. Учти.

Она кивнула, накрывая на стол. Похоже, мое сообщение ее не очень огорчило. Мы поели. Она сказала:

— Еще часа три можем отдыхать. Потом пойдем.

— Активный отдых — лучший способ, — сказал я.

— Гляди — у тебя не курорт впереди.

— Вот потому и говорю.

— Ну, что же...

Через три часа мы вышли в море.

Было непривычно темно: у Топси не было ни одной луны, а света звезд не хватало, чтобы рассеять густой тропический мрак. Дома я люблю смотреть на звездное небо, постепенно как бы растворяясь в нем, ощущая свое единство с космосом, с великим Простором. Но здесь такого чувства не возникало; небо было чужим и оттого казалось враждебным. Смотреть на него было неприятно, и я опустил глаза и стал вглядываться в темную воду, по которой «Мартина» скользила легко и неожиданно бесшумно: мотор издавал лишь легкий свист. Мы шли без огней, памятуя, что береженого бог бережет. Вода казалась густой и вязкой, словно океанскую впадину заполняло машинное масло. От этого делалось как-то не по себе. Чтобы избавиться от такого впечатления, я опустил руку в воду, и она неожиданно засветилась, словно холодное пламя охватило ее. Я невольно выдернул пальцы из воды. Мартина тихо засмеялась:

— Здесь океан веселый, с причудами, но они, в общем, не опасны. Оттого и прилетает столько народа из самых разных миров.

— Да, — сказал я, чтобы что-нибудь ответить. Вообще разговаривать мне сейчас не хотелось; тишина помогала настраиваться на предстоящие действия, в которых многое пока оставалось неясным. Мартина, похоже, поняла мое состояние и больше не заговаривала до той поры, когда в симфонию безмолвия вошел какой-то новый элемент: низкое, на грани инфразвука, гудение. Оно исходило как бы из воды: я ощутил тревогу, усиливавшуюся с каждым мгновением.

— Что это?

— Инфразвук. Очистка вод.

— От кого?

— От таких, как мы с тобой. На, держи.

Она вложила что-то мне в ладонь. Я не сразу понял: затычки для ушей.

— Иначе захочешь прыгнуть за борт. Самое малое — повернуть назад и улепетывать во все лопатки.

Я заткнул уши и быстро пришел в себя. Хотя звук продолжал ощущаться по легкой вибрации бортов, он больше не вызывал страха. Я упрекнул себя: конечно, об этой мере предосторожности мне следовало знать заранее и соответственно приготовиться. Правда, времени на подготовку на Теллусе и так было в обрез. Сделал я и первый вывод, самый очевидный: власти Топсимара тщательно контролировали прибытие, а может быть, и убытие с острова неофициальных визитеров. Так что моя легализация здесь наверняка окажется делом нелегким. Но, собственно, легкости я и не...

Мысль не успела закончиться: мое внимание непроизвольно переключилось на что-то другое. А именно — на яркое пламя, вдруг поднявшееся столбом недалеко, хотя, может быть, и далеко от нас: во мраке определить расстояние было невозможно. Я вытащил затычки. Один, два, три... До мгновения, когда до нас докатился грохот взрыва, прошло девять секунд. Значит, примерно в трех километрах отсюда.

— Тоже инфразвук?

— Нет, это уже совсем другая частота. У кого-то сдетонировало топливо. Явно приезжий — решился выйти ночью с бензиновым мотором. Проще утопиться сразу.

Сказав это, она выключила наш движок. Теряя скорость, «Мартина» сразу осела глубже, зарылась носом в волну.

— Разве не лучше — уйти подальше?

— Не так сразу. Сейчас будет наша очередь: включат магнитное поле. При работающем моторе сразу останемся без энергии. А так — их волна благополучно уйдет в воду, и все.

Я понял, что антенна над кокпитом предназначалась вовсе не для связи.

— А если приблизятся?..

— Они слишком далеко. Но минут пятнадцать будем дрейфовать.

— Мартина...

— Я знаю. Не надо об этом. Сейчас не надо.

И в самом деле, не время было расслабляться.

Огонь вдалеке уже затухал, когда она снова включила мотор и мы продолжили путь.

— Мы не промахнем мимо?

— Не беспокойся. Она знает дорогу, — сказала Мартина о лодке, как о живом человеке. Впрочем, кто знает, где кончается живое? Скорее всего нигде.

* * *

К берегу мы подошли на самых малых оборотах. Последние метров двести прошли на веслах. Когда под килем зашуршал песок, я шагнул за борт и вытолкнул лодку носом на берег. Мартина сошла на сушу. Потянулась, разминаясь. Переход наш занял (я взглянул на слабо светившийся циферблат) почти четыре часа со средней скоростью двадцать узлов.

— Не утомительно будет — сразу в обратный путь?

— С чего ты взял?

— Разве ты...

— Кто же оставит тебя тут одного? Тогда лучше было бы вовсе не везти. Ты бы посмотрел на себя: такого — тебя возьмет первый же контроль. А в твоей сумке вряд ли найдется приличная одежда. Судя по весу — в ней что-то куда более массивное. Наверняка оружие. Угадала?

Чтобы угадать это, не надо было обладать ясновидением; так я ей и сказал. Она усмехнулась:

— Вот это совершенно лишнее. На Топсимаре ношение оружия — тяжкое преступление. Карается круто.

Оказывается, я не знал целой кучи вещей; к сожалению, их не было в справочниках. Не мог Король предупредить! Хотя — он-то тут вряд ли бывал, а информация при любой передаче что-то теряет, таков закон.

— Что же тут: мир без оружия?

— Его здесь предостаточно — но только у тех, кому оно положено. Всякий банк охраняется; но самый богатый банк Федерации по сравнению с Топсимаром — свалка утиля. Вывод подсказать, или сообразишь сам?

— Все ясно, — ответил я без воодушевления. — Почему только я не посоветовался с тобой перед тем, как лететь сюда?

— Наверное, потому, что я была далеко, — ответила Мартина очень серьезно. — Ладно. Пошли.

— Далеко ли?

— Устать не успеешь, — заверила она. — Хотя мотор опять придется тащить тебе.

— А если оставить — украдут?

— Это бы с полбеды. Когда ты в нем копался — тебе не пришло в голову, что таких моторов не бывает в продаже?

— В открытой, — согласился я. — Но ведь кроме открытой...

— Не здесь. Такой мотор можно доставить на Топси только нелегально. Так что если на него наткнется береговой патруль...

— Здесь и такой есть?

— Здесь есть все. Только от многого лучше держаться подальше.

 — Уговорила.

Я отвинтил мотор, взвалил на плечо, левой рукой ухватил за петли увесистую сумку с диареактором — источником энергии для мотора.

— Командуй.

— Держись сзади в двух шагах. У меня на спине метка. И ступай внимательно: здесь не проспект.

— Усвоил.

И я послушно двинулся вслед за слабо светящимся кружком, прикрепленным к куртке Мартины между лопатками. С такой отметиной, невольно подумалось, удобно ожидать выстрела в спину...

Но выстрелов так и не прозвучало, и мы благополучно (хотя и не скажу, что очень легко) прошагали минут пятнадцать — сперва вверх по травянистому склону, потом — по узкой, петлявшей меж деревьями тропке. Шли, пока впереди не почудилось что-то более темное, чем сама ночь. И, взламывая тишину, в той стороне глухо залаяла собака. Почему-то этот звук обрадовал меня: он был естественным и совсем земным.

— Стой! — едва слышно скомандовала Мартина. И — как мне показалось во тьме — что-то поднесла ко рту. Но никакого звука не раздалось; напротив, смолкла собака. Мы продолжали стоять, видимо, ожидая чего-то. Прошло с полминуты; впереди засветилось окно. А потом слабый свет обозначил и отворившуюся дверь. Человек вышел и медленно приблизился к нам.

— Кому не спится? — негромко спросил он, остановившись шагах в пяти. Луч звезды отскочил от предмета, который человек держал в вытянутой руке. Похоже, встретивший нас принадлежал к тем, кому разрешалось иметь оружие. Или же он не признавал законов. Я подумал, что второе было бы предпочтительнее. Голос человека был немолодым и хрипловатым. В нем звучала память о схватках со стихиями. Мне не раз приходилось слышать такие голоса.

— Онемели, бзинкшт?

— Абердох, это Мартина.

Бзинкшт, бзинкшт. Где это я?.. Бзинкшт!

— Сам вижу, — проговорил он ворчливо. — Давненько не встречались, девушка. А с тобой кто?

— Старый знакомый, — вступил в разговор и я.

— Да? — Это прозвучало крайне недоверчиво. — Что-то не припоминаю я таких знакомых...

— Да нет, — сказала Мартина, — это он шутит. Он просто...

— Помолчи-ка, девушка, — перебил он. — Шутники такие все уже перевелись. Знакомец, заходи в дом, ступай медленно и руки держи — сам должен знать, как... Дернешься — зажарю. А ты, Мартина, постой пока на месте. Все женщины — существа легковерные, вас провести — не успеешь глазом моргнуть...

Мартина промолчала, а он все ворчал, пока я не переступил через порог, чтобы оказаться в просторной и аккуратной кухне, занимавшей, похоже, больше половины всего строения. Диск под потолком давал не очень много света, но достаточно, чтобы нам разглядеть друг друга. Разглядывание заняло минуты полторы. Столько времени потребовалось и ему, и мне, чтобы за искусственным обликом, за личинами, которые носили мы оба, разглядеть подлинные черты. Потом он сказал — уже совсем другим тоном:

— Вот так раз! Верь после этого слухам...

— С тебя сто двадцать пять галларов, — молвил я в ответ.

— Всего-то? Что-то не помню, чтобы я у тебя занимал.

— Мне во столько обошлись поминки по тебе — когда объявили, что ты накрылся. Вот и плати теперь.

— Нет, — сказал он. — Ты путаешь. Это ты сгорел — там, со всей твоей командой. Мне божились, что своими глазами видели. Все подробности рассказывали — как вас скидывали с обрыва...

— Мужики, — донеслось снаружи. — Или деритесь побыстрее, или я войду: здесь продувает!

— Да заходи уж, — Абердох не повысил голоса, но Мартина услышала и оказалась тут как тут.

— Ну, разобрались со своими задницами? Где чья?

— Ты вот что, покойник самозваный, — сказал я. — Если не хочешь отдавать денег, покорми нас хотя бы. А потом, по старой памяти, окажешь мне полное содействие.

— Гостеприимство окажу, — согласился он. — А что касается содействия — ты сперва скажи, на кого работаешь.

Я ответил не сразу. Абердох в прошлом был человеком кремневой надежности; правда, звали его тогда иначе. Но в тряске по ухабам жизни и не такие конструкции разбалтывались, расшатывались, начинали терять гайки... Жизнь сводила и разводила нас не однажды, и оказывались мы то по одну линию фронта, то по разные и выцеливали друг друга — к счастью, никому из нас не повезло. С кем-то он сейчас?.. Рыться в его начинке было бесполезно: он был сенсом если и не покруче моего, то, во всяком случае, достаточно сильным. Приходилось полагаться на интуицию. Я, как и обычно, решил ей поверить.

— Работаю на себя самого.

Ему было отлично известно, что это значит.

— Тогда вопросов нет. Девушка, ну-ка пособи накрыть на стол.

За ужином мы кое о чем договорились. Оружие и всю солдатскую амуницию я оставлял у него — до востребования. Он же одевал меня, по его заверениям, так, как принято было одеваться в Топсимаре. Мартина подтвердила, что я буду выглядеть совершенно нормально. И закончила:

— Что же, пора прощаться. Проснуться я должна в своей постели. У меня тут еще дела.

Я крепко обнял ее и поцеловал, не стесняясь чужого присутствия. Абердох, впрочем, деликатно отвернулся. Я сказал:

— Пожалуйста, береги себя. Очень прошу, ну очень...

Она улыбнулась в ответ:

— Что с нами сделается? Не беспокойся, все будет в порядке. Еще увидимся.

— Я провожу, — сказал Абердох. Глядя, как он играючи подхватил мотор и реактор, я подумал, что время его не берет. Он ведь был если не вдвое, то уж точно раза в полтора старше меня. Хотя у нас — когда мы играли в одной команде — интересоваться возрастом было не принято — и правильно.

Перед уходом он показал мне, где можно прилечь и отдохнуть. Но тут же предупредил:

— Только не сразу. Еще поболтаем, вот отправлю ее...

Я согласно кивнул. Бойцы вспоминают минувшие дни! Очень трогательно получится.

Но когда он вернулся, речь пошла вовсе не о былом: лирики в этом парне было не больше, чем лимонада в медицинском спирте. Шел просто обмен информацией, которая была нужна каждому из нас. Но начали с того, что он откуда-то выудил литровую склянку квадратного сечения и два стопаря. Аккуратно разлил. Поднял свою.

— С приятным свиданьицем.

— Про! — откликнулся я.

Выпили. Он налил снова — в запас — и начал разговор:

— Так какая же нелегкая занесла тебя в этот гадюшник, Разитель? Все испытываешь судьбу, бзинкшт?

Ему надо было говорить правду, вранье он чувствовал сразу. Только правду. Но, конечно, не всю.

— Взял подряд. Я ведь теперь — по вольному найму.

— Это я понял — если уж работаешь на себя.

— А ты на кого пашешь?

Я знал, что и он будет отвечать правду — и тоже не всю, понятно. Мы оба давно усвоили, что молчание — ограда мудрости. В особенности такое молчание, которое для непосвященного выглядит полной откровенностью. Он сказал:

— Не там, где мы оба были раньше.

Значит, на людей «Т», понял я.

— Ты в рейде? Или на оседании?

— Укоренен.

Иными словами — живет тихо-мирно и занимается своим делом.

— Смотришь и слушаешь?

Он выдержал небольшую паузу.

— Разитель, это ведь не я к тебе пришел. Если есть что сказать — говори. Помогу тебе — в пределах возможного. Но никакая засветка мне не нужна. Так что... В чем твой бизнес?

— Нужно получить ключ к хитрому шифру.

— Дешифровка в этих местах — на уровне.

— Верю. Но текст закрытый. Так что дешифровка не поможет.

— Гм. Следовательно, текста у тебя нет?

— Есть, как же не быть. С собой.

— Ищешь готовый ключ.

— Где-то же он существует.

— Найдешь — если готов хорошо платить.

— С этим как раз загвоздка.

— Тогда не рассчитывай. Даром здесь могут только убить. В смысле — не за твой счет.

— Может, ссудишь?

Он мотнул головой:

— Не мечтай. У меня свободных — хватает на хлеб и молоко.

— От бешеной коровки?

Схимник усмехнулся:

— Каждому — свое, верно? Как же это ты без денег взял такой заказ? Я с тобой не меняюсь.

— Были деньги, да сплыли.

Я вкратце объяснил ему — каким образом. Он кивнул:

— Этого прохиндея я знаю. С ним ясно. Не пойму только: как ты, с твоим-то опытом, сунулся сюда безадресно? Ты сам решил искать ключ здесь?

— Посоветовали. И тут должны были встретить — но не встретили. Если только... если только этот пограничник не был встречающим.

— Кто тебя послал, если не секрет?

— Не от тебя. Антиквар — знаком тебе такой в наших краях? Он тоже, как я понял, работает на себя.

Схимник пробормотал что-то под нос; мне послышалось: «Сукин сын». И продолжил погромче:

— Встречал. Этому не верь. Продаст за три копейки. Что у тебя с ним?

Пришлось в общих чертах рассказать всю историю. Он только покачал головой и вздохнул:

— Считай, что ты крупно залетел. Хочешь совет? На обратную дорогу я уж как-нибудь наскребу. Уноси ноги, пока не засветился.

— Нет. Не пойдет.

— Гордыня заедает? Да ты пойми: при таком раскладе тебе рассчитывать не на что.

— На что рассчитывать, у меня всегда есть: на самого себя.

— Вот! Вот весь ты! Узнаю, бзинкшт!

— Мне надо только зацепиться за что-то. Вот и посоветуй, как это сделать. Буду твоим должником.

Кажется, он понял, что переубеждать меня — дело пустое.

— Как сделать... Если хочешь рискнуть...

— Хочу, не хочу — не те слова. Надо.

Абердох уже настроился по-деловому.

— Тогда так. Завтра идешь в город. Там тебя задержат.

— За что?

— Такой порядок. Ты понимаешь, что такое — Рынок? И какие ценности там прокручиваются?

— Ладно. Задержали. Дальше?

— Дальше — представляешься. По легенде, конечно. Предъявляешь свой вклад. Его оценивают. И в зависимости от твоей маски и вклада решают...

— Постой, постой. Начни с начала. Какой вклад, какая легенда — не понимаю что-то.

— Ты что — шутишь?

— Серьезен, как во гробе.

— Ну ты даешь.

— Снизойди к необразованному...

Абердох только покачал головой:

— Работаешь сам на себя — значит, претензии тебе предъявлять не к кому. Не зря у меня было ощущение, что тебе надо побыстрее сплывать отсюда. Знаешь, что перед тобой? Могила. Уже вырытая по всем правилам кладбищенского искусства. А здесь хоронить умеют.

— Когда кончишь причитать — скажи что-нибудь по делу, — терпеливо попросил я.

Он вздохнул, тоже вроде бы набираясь терпения. Немного пошлепал губами вхолостую. И наконец начал:

— Тебе не объяснили, что такое Рынок. Это, приятель, замкнутая корпорация. В ней возможно очень многое — но только для своих. А ты — чужой по определению. Всякий чужак здесь воспринимается как враг. Презумпция невиновности у них хождения не имеет. А иначе в подобном деле и нельзя: товар такой, что украсть его — проще простого, а ценится он больше, чем все остальное в мире. Вот я: обитаю здесь уже долгонько, а в Топсимар не хожу. Потому, как видишь, благоденствую. — Сказав это, он усмехнулся.

— Постой, постой. Но люди же как-то в эту корпорацию попадают? Я сам видел: на их катер грузилось не так уж мало народу.

— Конечно. Только в основном это их персонал. Они же гоняют по всей Галактике, из мира в мир. Ищут товар; делают заказы; иногда доставляют материал заказчикам — если он таков, что доверить его нельзя никакой связи, даже самой закрытой. Среди тех, кого ты видел, новичков если и было, то один, от силы два.

— Значит, все-таки они есть.

— Есть. И у них при себе обязательно имеется вклад. Или, на самый худой конец, хороший статус.

— А если популярнее?

— Ты что-то разучился понимать. Мозги надо смазывать почаще. — И он налил снова. — В любом мире есть определенное количество людей, имеющих доступ к товару в силу своего положения — служебного, общественного, фамильного... Люди, обладающие такими рангами, могут рассчитывать на хорошую встречу здесь, потому что если у них и нет при себе хорошего вклада, то, во всяком случае, есть устойчивые связи среди других людей, имеющих доступ к информации. К секретам. Тайнам. Государственным и прочим. Если сюда приедет, допустим, экспрезидент даже самого занюханного мирка, или пусть не президент, но министр — он будет внимательно выслушан и скорее всего оставлен тут на работе. А как тут платят, ты и представить себе не можешь. Тут люди становятся богачами, не сходя с места. Но если кто-то в чем-то провинится — мера наказания за все одна; догадываешься, какая. Если бы в федеральной статистике указывался здешний уровень смертности, то... Но это тоже — тайна, а свои секреты хранить тут умеют, этого у них не отнимешь.

— Со статусом ясно, — сказал я без особого воодушевления. — Ну а что скажешь по поводу вклада?

— Что-то охрип я от долгого говорения — отвык... — Абердох промочил горло и сразу же налил по новой. — Со вкладом — все еще проще. Как ты знаешь — ценная информация, порой стоящая очень больших денег, ну очень, — может оказаться и не у сановной персоны, а у человека, условно говоря, случайного. Из низов, скажем так. Но от этого она своей ценности не теряет, верно? И вот человек такой, каким-то способом пронюхав, где этот товар можно продать надежнее и выгоднее всего, прибывает сюда и эту свою информацию предъявляет. Ее оценивают и к нему приглядываются в те несколько дней, которые ему приходится тут провести, пока привезенная им информация проверяется по другим каналам: она может ведь оказаться и просто липой, захотелось человеку шальных денег... Если это липа — думаю, дальнейшее объяснять тебе не нужно. Если же товар добротный — ему предлагают сделать выбор.

— Не понимаю: чего тут выбирать?

— Ему говорят: мы это купим, можете получить свои деньги и улетать восвояси, там вы забудете о нас и поживете в свое удовольствие. Но вы можете просто подарить нам этот товар и остаться у нас работать — в конечном итоге это принесет куда больше. Или можете, вернувшись к родным пенатам, продолжать дальше в том же духе, стать, так сказать, членом-корреспондентом — тогда получите каналы связи и, помимо постоянной ставки, вам заплатят гонорар за каждую новую информацию — в зависимости от ценности, на это существует твердая шкала расценок. Человек волен выбрать любой вариант. Большинство идет на третий, второй предлагается вообще очень немногим, ну а остальные проходят по первой схеме: берут деньги и поки-

дают эти гостеприимные края, чтобы понаслаждаться такой жизнью, о какой прежде могли только мечтать...

Последние слова Абердох произнес со странной интонацией, мне издавна знакомой.

— Но домой они почему-то не возвращаются, — продолжил я.

— Ни домой, ни куда бы то ни было. Дай они себе труд подумать, сообразили бы: все, что они здесь видели и слышали, уже само по себе является секретом, целым набором секретов, который Рынку, понятно, не нужен, но многие Службы не пожалели бы немалых денег за такую информацию.

— Рынок со Службами не дружит?

— Рынок транснационален, Службы — национальны. Запад есть запад, Восток есть восток... Сам понимаешь.

— Значит, таких просто...

— Нейтрализуют, — закончил он. — Давай-ка — чтобы им легко лежалось...

«Слишком бодро берет он на грудь, — подумалось мне. — А хотя — может, тут и нельзя иначе, откуда мне знать?»

— Так что в твоем нынешнем качестве, — сказал Абердох, глотнув и занюхав какой-то пахучей травкой, — сам понимаешь, тебе тут рассчитывать не на что, кроме похорон — и будут они скромными. Ты явись к ним с хорошей информацией, или же стань где-нибудь министром хотя бы — тогда другое дело, тогда сможешь рассчитывать на успех твоего предприятия. Просек?

Я только кивнул, размышляя.

— А уж если это получится — заранее посоветую: с ними будь скромен. Не хвались защитой. Дай им пошарить у тебя в памяти. Все нужное спрячь. Если тебе поверят, то дадут контрольное задание. Своего рода экзамен на зрелость. Такая вот шема.

«Шема» — он всегда произносил вместо «схема». Вообще язык его был со странностями.

— Ну, не вешай носа, — подбодрил он. — Ничего еще не потеряно. О чем задумался?

— Думаю — как бы побыстрее сделаться министром. Или хотя бы раздобыть стоящую информацию.

— Об этом успеешь помечтать, когда окажешься в местечке поспокойнее. А сейчас размышлять тебе надо о том, как подобру-поздорову унести отсюда ноги.

— Если бы! Но тогда мое дело накроется. Нет. Не могу об этом думать и не стану.

— Так до чего ты додумался?

— Не успею я стать министром: времени мало. Таковы условия задачи, — объяснил я. — Придется искать информацию. Где-нибудь поближе. Не посоветуешь?

Он немного подумал.

— Есть, конечно, вариант: тут же, на Топси, только в другом месте. Вот слушай...

И он объяснил мне, что именно имел в виду:

— Ты заметил, наверное: большинство приезжих все-таки направляется не сюда, не на Топсимар, а в другое место. Есть такой остров по кличке Амор — курортный центр этого мира. Всегда народу битком, раствориться легче легкого. И вот там тусуются, кроме мамаш с детками, еще и такие вот единоличники вроде тебя: те, у кого есть какая-то информация, но которым то ли Рынок не дал той цены, на какую они рассчитывали, то ли эта информация с него же и утекла... В общем, своего рода блошиный рынок. Конечно, первосортной информацией там и не пахнет, но недорого купить что-нибудь такое, для видимости, с чем можно пройти на Рынок, там реально.

— Это как — «недорого»?

— Да, ты же без денег... Но не мне тебя учить — как заполучить информацию, не заплатив ни гроша.

— Что же: звучит неплохо. А для разгона — может, назовешь хотя бы одно имечко — чтобы я знал, с кого начать?

Абердох недовольно посопел носом. Но все же имя назвал. И особую примету для опознания.

— Пожалуй, подойдет. Спасибо, — сказал я искренне. — Ты мне помог.

— Тьфу, тьфу, тьфу, — и он постучал по столу. Я тоже.

— Ну, давай — на сон грядущий? — Он налил.

Я не отказался: день завтра предстоял нелегкий. И очень длинный. Зато и ночи здесь тянулись долго, так что еще вполне можно было успеть выспаться.

— Не в последний раз, — откликнулся я.

— Аминь.

Слово «уракара» я не произнес ни разу. И при себе оставил еще и то, что на самом деле одна зацепка на Рынке у меня была, или, во всяком случае, должна была быть: человек с Теллуса, о котором я уже упоминал — прижившийся в Рынке и носивший странную фамилию: Повидж. Не к чему было технично вкладывать его в разговор с Абердохом: возможные опоры не должны располагаться рядом, но наоборот — подальше друг от друга, тогда конструкция будет устойчивой.

А потому я уснул спокойно. Надеясь, что ночные кошмары меня обойдут стороной.

Но поспать мне удалось не больше часа. Впившись пальцами в мое плечо, Абердох тряс меня, словно хозяйка, выбивающая половик.

— Подъем! Разитель, тревога!

От этих слов вскакивают даже иные покойники. Я же был еще жив.

— Что? Мартина?..

— Приближается патруль. Давай по-быстрому: ноги в руки...

Я и так уже почти закончил одеваться.

— Плановый визит?

— Именно что нет, бзинкшт... Не за тобой ли?

— Не должны бы.

— Лучше тебе у них не спрашивать — что они должны. У тебя пропуск на остров есть? Нет, конечно. Говорил же я тебе...

— Ладно. Понял. Куда мы теперь?

— Придется тебе срочно слинять. У меня есть вход во вневремянку. Не казенную. Теневую.

— Где?

— Сарайчик за домом — под ним... Там люк...

— Код для пользования?

— Семь-семь. Скобка. Икс-квадрат — альфа. Скобка. Один-девять-два-девять.

Я вышел из домика. Наверху сияли миры. Под ними, затемняя то одни, то другие, скользила небольшая, округлая тень. Патрульный агрик. Спокойной вахты, ребята. Увидимся в другой раз как-нибудь.

С моря дул теплый бриз. Я вздохнул полной грудью, глядя в ту сторону, где лежал остров космодрома (это было неважно) и швартовалась лодочка, привезшая меня сюда, и женщина, управлявшая ею (и это было самым важным для меня). Но сейчас — говорила мне интуиция — ее там уже не было, она находилась где-то достаточно далеко от меня. И от этой мысли мне становилось грустно.

Но времени на грусть мне не было отпущено.

Я рысцой направился к сараю. Ну, жизнь пошла — перевести дух некогда. Ничего, вот сделаем работу — и закатимся с женой куда-нибудь для безмятежного существования хотя бы на полгодика.

На этот же Амор, допустим. Если, конечно, мне там понравится.

Глава 5

Ряд волшебных изменений... (с двадцать первого по двадцать второй день событий)

Нет, не понравилось мне на Аморе. Во всяком случае, сначала.

Черт их знает — могли бы тут хотя бы фуникулер какой-нибудь соорудить, что ли, позаботиться о гостях, если уж на своих им наплевать. Не то тут в два счета без ног останешься...

Такие мысли болтались у меня в голове, когда я спускался по крутому склону, стремясь поскорее оказаться на берегу, на песке, усеянном телами курортников, кое-как, а чаще и во-

все ничем не прикрытых от солнца, кроме разве что пестрых зонтиков; очутиться поближе к волнам, ритмично накатывавшимся на пляж, к ярко раскрашенным киоскам, где торговали прохладительными, в том числе пивом; оно сейчас привлекало меня, пожалуй, больше всего остального — кроме, конечно, того человека, которого я должен был разыскать на этой выставке хорошо упитанных самцов и самок, относящихся к виду «человек деградирующий»; того самого парня, которого мне рекомендовал бывший сотоварищ. Благополучно выйдя из ВВ-кабины я, не успев хоть немного собраться с мыслями, направился в место, обозначенное во всех путеводителях словами «Залив любви» — совершенно соответствовавшими (как я вскоре и убедился) действительности. Все было бы очень приятно, не будь остров так велик и еще — если бы теневой вэвэшник имел свободный выход; но тот, которым пользовался Абердох (а на сей раз и я), выходил только на фиксированные точки. Таким образом я очутился там, куда меня вовсе не тянуло: в городке, административном центре острова. Почему-то власти умудрились построить свой центр довольно высоко в горах (на что был, разумеется, свой резон: здесь было попрохладнее, чем внизу). Правда, добраться оттуда до Залива любви оказалось несложно, для этого не нужно было обзаводиться альпинистским снаряжением, достаточно было заплатить за место в скользобусе. Но вот от центра до пляжей пришлось спускаться на своих двоих — в прокатной конторе в тот день не оказалось в наличии ни одной машины, хотя я был согласен и на самую затрапезную — лишь бы скользила над поверхностью. «Разгар сезона», — объяснили мне, разводя руками.

Я и сам был таким умным: что сезон на Аморе сейчас в самом разгаре и потому мелкие дельцы именно здесь и кучкуются, мне было понятно и без объяснений Абердоха. Давным-давно было сказано, что если нужно спрятать камень, то разумнее всего схоронить его на галечном берегу; человек, стремящийся раствориться, исчезнуть из глаз, выберет для этого не пустыню, где он будет заметен издалека, но толпу себе подобных. Здесь и была толпа, да к тому же еще и голая, а голые люди выглядят вовсе не так, как одетые, потому что одежда в нашем представлении является неотъемлемой частью человеческого образа, когда же мы имеем дело с голыми, то далеко не сразу привыкаем к совершенно другой системе признаков и примет — если они нам вообще известны; а если нет — дела наши совсем плохи. Человек, которого мне надлежало разыскать, Акрид, знал все это, надо полагать, не хуже моего, иначе наверняка выбрал бы другое местечко. Но я надеялся, что для серьезного разговора у него найдется уголок поукромнее: здесь сохранить предмет наших переговоров в тайне было не больше шансов, чем если бы мы сидели перед включенным микрофоном всепланетного радио. Но в конце концов сейчас это меня еще не очень волновало: прежде всего нужно было разыскать

Акрида, а я издавна придерживался правила: всякую задачу надо решать, когда наступает ее черед, делать это раньше срока — значит просто расходовать время попусту.

Да, он был растворен здесь надежно: а вот обо мне сказать этого было никак нельзя. На улице лагеря (на Аморе этим словом обозначается то, что у нормальных людей носит название города; это говорит лишь о том, что на этой планете поселения никогда не обносились стенами, что вовсе не удивительно, если учесть, что вся история ее насчитывала от силы восемьдесят лет; человек пришел сюда, как принято считать, в самый расцвет цивилизации — иными словами, накануне ее заката, но это уже только мое личное мнение, которое к тому же склонно меняться в зависимости от моего настроения) — да, итак, на улице лагеря мой костюм выглядел бы совершенно естественно — поздним вечером, когда солнце тут не так палит. Но на пляже в самый разгар дня я наверняка выглядел нелепо — не говоря уже о том, что истекал потом, удивляясь, как же много во мне содержалось воды. Наверное, следовало дойти до ближайшей раздевалки, снять кабинку и раздеться прежде, чем пускаться на розыски. Но сама мысль о том, что придется делать какие-то лишние шаги, была мне крайне противна. Так что единственное, чем я постарался облегчить свою участь, было — снять пиджак и нести его в руке, помахивая и тем создавая хоть какое-то движение воздуха вокруг себя. Вообще-то я всегда считал себя существом выносливым, но сейчас у меня возникли серьезные основания для сомнений в этом: еще час блуждания по тяжкому, глубокому песку — и меня можно будет собирать в ведро совком, фрагмент за фрагментом.

Однако, пока этого еще не произошло, я, завязав остатки воли тройным топовым узлом, вот уже третий час преодолевал надоедливое сопротивление песка и горячего светила. И с каждой минутой во мне крепли сомнения в том, что рекомендованный моему вниманию человек и в самом деле находится здесь — на этом пляже, в этом полушарии, на этой планете, в конце концов; следовало считаться с тем, что информация у Абердоха могла оказаться и далеко не свежей; тем не менее я не забывал шарить глазами по сторонам, надеясь в конце концов все-таки заметить широко раскинувшего крылья орла, который должен был красоваться (изображенный красным и синим колерами) на груди нужного мне субъекта. То была единственная сообщенная мне топсимарским отшельником (каким вроде бы и являлся бывший рейдер Абердох) примета.

Внешняя примета, разумеется. Иной информации о нем у меня было несколько больше. Накануне Абердох рассказал мне достаточно много, и при надобности я сейчас мог бы без труда перечислить дела моего искомого за последние два, даже три года. За это время он раза три брался за выполнение щекотливых поручений. Основным же занятием его была торгов-

ля секретами — что само по себе, с моей точки зрения, не содержало в себе состава преступления; правда, Рынок полагал иначе: одиночки вроде этого парня считались недобросовестными конкурентами, так как отвлекали клиентуру и сбивали цены. И разоблачение каждого такого одиночки расценивалось как заслуга перед Корпорацией, и человек, которому удалось раскрыть, а еще лучше — нейтрализовать подобного подпольщика, мог рассчитывать на весьма благоприятное отношение со стороны рыночного начальства. Что касается меня, то для меня в его деятельности неприемлемым было то, что ни один из людей, предлагавших ему купить тайны либо покупавших их у него, по словам Абердоха, больше не возникал ни в одном из населенных миров; деликатная проверка показала также, что банковские счета участников сделок с этим человеком оказывались после их исчезновения совершенно опустошенными, в то время как им следовало, наоборот, подрасти. Дело пахло криминалом — однако ни одного тела так и не было обнаружено, обладатели тайн попадали в категорию безвестно отсутствующих — что в разбросанной по просторам Галактики Федерации вовсе не было чем-то из ряда вон выходящим: случалось, что ЛК долго нельзя было вызвать просто из-за непрохождения связи через штормовые участки Простора.

Вообще-то я вовсе не намеревался разбираться ни в том, действительно ли все эти люди убиты, а если нет — то куда же они деваются, ни также в том, обладателем каких тайн сделался ловкий делец в результате своих операций и как он их использовал: этим пусть занимается сам Рынок. Моим же делом я считал, во-первых, обнаружение этого предпринимателя и, во-вторых, его задержание и выдачу Рынку. После этого, уверял меня Абердох, моя карьера там будет обеспечена, я получу полную возможность искать и находить, а также использовать всю информацию, касающуюся уракары, а кроме того (и это казалось мне главным) — при помощи богатейших возможностей Рынка постараться найти ключ к записям на кристелле. Всего и делов, как говорится.

Однако, чтобы осуществить этот красивый замысел, требовалось сперва обнаружить Акрида, используя ту единственную примету, о которой было уже сказано. А блуждая по пляжу и чувствуя, что становлюсь все более похожим на хорошо провяленную воблу, я уже потерял надежду на столь благополучный исход. Можно было плакать или смеяться над самим собой — по собственному усмотрению. Я выбрал смех.

Причина же для смеха заключалась в том, что я увидел искомую птичку только тогда, когда едва не наступил на нее ногой, споткнувшись о чью-то сумку и сделав широкий вынужденный шаг в сторону, чтобы удержать равновесие.

Опустившись на песок рядом с едва не попранным моею пятой человеком, я испытал неимоверное облегчение. Потому что наконец-то блуждание кончилось и начиналась работа.

— Тебе хорошо бы обзавестись парой глаз на коленях, — не очень доброжелательно проговорил орленый человек. В его речи чувствовался резкий лианский акцент, и это лишний раз свидетельствовало о том, что я споткнулся в нужное время и в нужном месте.

— Извини, брат, — ответил я. — Глаза вспотели, так что ни черта не видно. Ты не против, если я немного обсохну около тебя?

В моей речи только совершенно лишенный слуха человек не различил бы характерного для Ливии распева. Мир этот находился далеко в стороне от тех планет и маршрутов, которые были связаны с деятельностью Акрида, так что человека оттуда он вряд ли должен был опасаться.

Он внимательно посмотрел на меня и, похоже, не ощутил, как я с некоторым усилием расширил свое поле так, что мой новый собеседник оказался внутри него, и таким образом его психика стала доступной для прочтения. Правда, для этого мне пришлось как бы нечаянно придвинуться к нему почти вплотную: силы мои были, похоже, на исходе. При этом он повел носом и поморщился:

— Несет же от тебя, брат, — как от жука-вонючки, ты уж не обижайся. На вот, воспользуйся...

Он сунул руку в свою сумку и выудил оттуда баллончик с дезодорантом. Я поблагодарил и взял. Стянул насквозь мокрую рубаху. Мельком прочитал на пестром цилиндрике: «Аромат Морели». Я обрызгался, хотя и не чрезмерно щедро: успел уже понять, что мой новый собеседник был человеком достаточно узкой души — если позволительно применить такую характеристику в противоположность душе широкой. Вежливо улыбаясь, я возвратил баллончик и еще раз поблагодарил: обитатели Ливии известны своей вежливостью. Он кивнул и упрятал баллончик в сумку. При этом он держал свою торбу так, что можно было без труда заглянуть в нее. Я, однако, не поддался искушению, чтобы излишним любопытством не вызвать подозрений; тем более, что при помощи третьего глаза успел уже разобраться в ее содержимом.

— Что, прямо с седла за стол? — поинтересовался он, явно имея в виду мой далеко не пляжный наряд. В наших краях сказали бы: «С корабля на бал», но цитаты в каждом мире свои.

— Вся жизнь проходит в спешке, — охотно пожаловался я. — Не успеешь обмыть одну сделку, как приходит пора закручивать другую. (Я чуть было не ляпнул «Ударить по рукам», но это был бы слишком теллурианский оборот, я же был ливиатом не только по акценту, но и по оттенку кожи; и рубашка, сброшенная мною, случайно лежала как раз фирменным ярлыком вверх, и то была, разумеется, ливийская фирма). Так что приходится забывать о приличиях.

Тут в его сознании затлел огонек интереса ко мне. Пока еще маленький и тусклый, словно огонек сигареты с полусотни метров.

— Торгуем? — Его интерес нашел выражение в единственном слове, оброненном как бы из вежливости, с полным безразличием. Но я отлично видел, что в действительности дело обстояло не так: в его сознании уже пошла реакция сопоставлений и догадок.

В ответ я лишь пожал плечами, что точнее всего было истолковать как печальный вздох: «Приходится». Однако при желании можно было принять и за отрицание или просто за нежелание распространяться на серьезную тему.

Видимо, его устраивал и первый, и третий вариант. И он явно насторожился. Возможно, усмотрел во мне конкурента? Это было бы ошибкой с моей стороны — настроить его подобным образом. Я проанализировал на скорую руку его состояние. Нет, он просто заинтересовался, но был еще очень далек от того, чтобы опознать во мне того человека, который мог ему понадобиться. Необходимо было помочь ему. К счастью, мне даже не пришлось думать о том, как это сделать: Акрид сам пошел на контакт.

Пошел — невзирая на то, что огонек подозрительности горел в его психике куда ярче, чем красная точка интереса. Ничего удивительного: по моим прикидкам, он и должен был прежде всего опасаться за себя — опасность могла исходить от любого человека, знающего о нем хотя бы половину того, что было известно мне. Если даже не принимать во внимание последних ляпов, допущенных им за краткое время нашего общения.

Каких? У него некоторые концы не сходились с концами. Подчеркнутый лианский акцент должен был свидетельствовать о том, что обладатель его не только уроженец этого мира, но и постоянный его житель; в то же время Морель, благоуханная степь, занимала субэкваториальные зоны в мире Соланы, расположенном в другом конце населенной части Галактики, или Суперойкумены, как ее еще называют. При этом оборот «С седла за стол» относился к фольклору Симоны, лежавший во внутреннем кармане сумки астробилет был куплен на Стреле-Третьей, а покоившийся в двойном дне дистант относился к последним теллурианским конструкциям — правда, это необязательно означало, что он на Теллусе же и был приобретен. Проколы? В это я не поверил: слишком уж много их было для парня с немалым опытом, каким он, судя по данным досье, обладал. Более вероятным представлялся другой вывод: человек этот старался выглядеть этаким беззаботным живчиком, мотающимся по Федерации, словно перекати-поле, но вовсе не хотел, чтобы в нем разгадали постоянного обитателя Амора, его резидента; я понимал — почему, и мне уже не терпелось, оставшись одному в укромном местечке, наложить эту схему его метаний на другую — ту, что хранилась у меня в памяти и где были обозначены исходные пункты тех людей, которые исчезли не без его любезного содействия. Но удобные для такой работы обстоятельства возникнут, как я

понимал, в лучшем случае поздно вечером, а до того надо будет еще как следует отдохнуть, чтобы мое сознание, подсознание, тонкие тела и все прочие части организма работали нормально. А сейчас прежде всего следовало внимательно вести разговор, зорко наблюдая за переменами в его тонких телах, чтобы предугадывать его реакции и возможные противодействия. Поэтому я не промедлил с ответом, когда Акрид все тем же скучающим голосом как бы от нечего делать спросил:

— Продаешь-то что?

Перед этим он усердно пытался забраться в мою психику; однако его способности в этой области оказались даже ниже средних, и он смог разглядеть во мне ровно столько и именно то, что я ему позволил.

Я изобразил на лице некоторое сомнение: стоит ли отвечать. Но позволил себе принять положительное решение.

— Да как сказать... Вообще-то я больше покупаю.

— Да? Что же, если не секрет?

Он попал в точку, позволив мне, услышав последнее слово, едва заметно вздрогнуть.

— Ну, какие уж тут тайны... (Он должен был заметить, что я не сказал «секреты»; видимо, это слово играло в моих делах важную роль, и по этой причине я избегал употреблять его — хотя бы из чистого суеверия.) Скупаю разные мелочи.

— Мелочи? — повторил он с иронической интонацией.

— То, что легко перевозить. Не люблю связываться с грузовыми фирмами: уж больно они дерут.

— Бриллианты, например, — предположил он. — Компактный товар.

Я чуть поднял брови:

— Их слишком хорошо научились обнаруживать при досмотре. А пошлины дерут неимоверные. Практически это дело не окупается.

Он кивнул; похоже, разговор все больше увлекал его.

— Вот если бы найти такой товар, который и глазом не увидеть, а? А увидев — не распознать. Славная была бы торговля, верно?

Тут мне следовало бросить на него взгляд, исполненный подозрительности с заметным включением страха: «Что ты обо мне знаешь? — вот что должен был означать такой взгляд. — Не слишком ли много? И откуда?»

Я так и сделал. И стал подниматься, давая понять, что находиться рядом с человеком, знающим обо мне столь много, кажется мне небезопасным.

Он усмехнулся; в усмешке ощущалось чувство превосходства:

— Торопишься? Сейчас все равно до сумерек все закрыто.

Это было мне прекрасно известно, однако я сделал вид, что услышал от него об этом впервые.

— В самом деле? Идиотский порядок... **161**

— Требование климата, ничего не попишешь.

— Что, и билетные кассы — тоже? — Всегда ведь стараешься не поверить в то, во что верить не хочется.

— Куда ты так торопишься, едва успев прилететь?

Я вздохнул.

— Откровенно говоря, у меня на этой планете никаких дел нет. Слышал, что здесь есть Рынок, но это — не для таких, как я. Получилось так, что тут пришлось делать пересадку: к сожалению, от нас нет прямых рейсов на Синеру.

Трудно сказать, почему вдруг именно это название навернулось на язык; может быть, потому, что оно постоянно прокручивалось в подсознании вместе со словами «уракара» и «Верига». Во всяком случае, произнося «Синера», я вовсе не ожидал добиться этим какого-то результата. И тем не менее получилось именно так.

Он вздрогнул и на какое-то время, похоже, перестал дышать. У человека с его опытом вызвать такую реакцию могло лишь нечто, совершенно неожиданное и таящее в себе немалую угрозу. Синера?

Просто невозможно было еще яснее дать понять, какой товар, в числе прочих — а точнее, даже прежде всех остальных его интересует. На Синере (это я выяснил еще на Теллусе) серьезных тайн никогда не водилось. Только семена уракары. И даже не они, а их похищение и все, с этим происшествием связанное.

Теперь он совершенно не имеет другого выхода, как только заподозрить во мне человека какой-то Службы. Все равно, какой: он — одиночка, и для него любая служба любой власти — враги. Будь он трусом — постарался бы сейчас же отделаться от меня и исчезнуть с глаз. Но он не таков; могу спорить, что у него уже возникло желание вытащить из меня все, что я знаю, — если даже для этого придется вспороть мне живот. Впрочем, это он захочет сделать в любом случае. Интересно, что он сейчас скажет?

— Ах, вот ты, значит, куда собрался... — протянул он, словно эта новость показалась ему неожиданной. — За воздушными шариками?

Это было уже из профессионального жаргона; так успел объяснить мне Абердох вечером, за бутылкой. Воздушный шарик — то есть тонкая оболочка, которая на взгляд ничего в себе и не содержит.

Я, как и следовало, медленно опустился на место, с которого только что привстал. Акрид же продолжил:

— Но там ведь не единственное место, где можно запастись этим товаром. Он бывает и в других мирах — и, кстати, дешевле. На Рынке самые высокие цены в Суперойке. Там выгодно продавать, а найти товар можно в самых неожиданных местах.

Я недоверчиво усмехнулся:

— Может быть, конечно, не знаю; но уж никак не на этом Федеральном случном пункте.

Приподнявшись на локте, он внимательно огляделся — словно хотел убедиться в справедливости данной мною характеристики. Гоминиды вокруг нас и в самом деле держались попарно, а если и кучковались, то число особей в группе обязательно оказывалось четным. Не надо было долго наблюдать, чтобы заметить: большинство тесных пар и кучек возникало уже здесь, на месте; на этот процесс я обратил внимание еще раньше, едва успев вступить на горячий песок.

— Да, — согласился он, вновь опустившись на песок, — тут даже бриз несет, похоже, запах тестостерона. Впрочем, это хорошо: перекрестное опыление приводит к совершенствованию вида. И тем не менее, друг мой, тем не менее... Если хорошо поискать, то шариками можно запастись и здесь. Не ручаюсь за количество, но уж качество товара тут бывает таким, что не придерешься.

Он явно старался подыграть мне, показывая, что всерьез принял меня за бродячего торговца секретами, и когда я хоть немного расслаблюсь — ударить, уничтожить меня.

— Интересно... — пробормотал я, всем своим видом показывая, что еще не верю услышанному всерьез, но хочу, даже очень хочу поверить. — Жаль, что я здесь не знаю ходов-выходов... — Тут на меня внезапно накатила волна откровенности, как это нередко бывает. — Понимаете, если говорить честно, то я специально выбрал маршрут, чтобы только посмотреть, что это за рай такой — Амор на Топси, а то слышать приходилось много, но никак не удавалось сюда попасть. Так что я совсем не готовился тут работать, не запасся информацией. Вот по Синере я поднатаскался. Жаль, очень жаль — оказывается, и здесь можно было бы сварганить дельце...

Он ободряюще похлопал меня по плечу:

— Ничего еще не потеряно, коллега. Насколько я понял, ты же не порожняком едешь: везешь с собою что-то для продажи?

Это был не вопрос: Акрид уже начал сомневаться в том, что у меня за душой одни лишь розыскные намерения. Если бы он в этом не поколебался, следовало бы признать, что взятая на себя миссия мне оказалась не по силам. Но при этих его словах я должен был вспомнить о необходимой осторожности, и даже сделать попытку отработать задним ходом:

— Н-ну, собственно, я, по-моему, ничего такого не говорил.

— А тебе и не надо говорить. И так ясно. Да не пугайся ты: я просто помочь хочу — как младшему собрату. Окажу услугу, а когда-нибудь ты мне ее возвратишь, только и всего. Так принято во всем мире. Но если помощь тебе не требуется — не надо. Тем лучше.

— Да нет, я вообще-то... На самом деле у меня есть кое-что на продажу. Но вы ведь сами сказали, что продавать выгоднее там. А вот если бы здесь можно было купить что-нибудь стоящее — недорого... то я бы, пожалуй, решился на такое дело.

— Ты, значит, при средствах?

Я усмехнулся как очень бывалый делец:

— Ну, не в кармане, сами понимаете...

Он утвердительно кивнул:

— Разумеется. Отдаю должное твоей предусмотрительности. Но коли ты уж начал говорить на эту тему, поясни: в какой форме эти твои средства пребывают? Не в наличных, надеюсь, в мешке под кроватью?

Я сделал вид, что едва ли не оскорбился:

— Ну уж вы скажете! Тогда мне пришлось бы нанимать носильщика, а то и двух. Нет, кто же возит теперь наличные!

— Тогда в трэвел-чеках?

Я покачал головой и хитренько усмехнулся:

— Нет, конечно. Для таких операций они не очень...

— Еще раз хвалю. Значит — карточки?

— Опять не угадали! — торжествующе заявил я. — Компьютерный шифрованный перевод, только и всего. Самый удобный способ: партнер сразу же получает подтверждение. Никаких сомнений и подозрений. Да разве вы действуете как-то иначе?

— Точно так же. Хорошо еще и потому, что шифр в голове — и никто его оттуда не вытащит.

Тут он был не вполне прав: пока мы вели приятный разговор, я успел не только прочитать этот его шифр, но и затвердить наизусть. Просто так, ради спорта — потому что сейчас его шифр был мне ни к чему, в мои планы не входило — вульгарно обобрать его, а кроме того, у меня было подозрение, что за этой комбинацией символов и цифр не крылось на самом деле ничего — никакого покрытия.

— Оттуда уж никто не украдет, — поддержал его я. — Жаль, что не запасся информацией: что здесь и как можно купить или продать. В следующий раз буду умнее.

Я четко прочитал его мысль: не будет у тебя, паренек, следующего раза!.. Вслух же он произнес:

— Ну зачем же так печально! Я ведь сказал уже, что готов помочь тебе. Если хочешь, конечно.

— Хочу! — выпалил я.

— Сегодня вечером. Устроит тебя?

— Согласен.

— Тогда слушай...

Через полчаса мы расстались, похоже, очень довольные друг другом. Он пошел купаться и уплыл достаточно далеко; плавал он действительно хорошо и уже вскоре оказался за линией буев, так что я начал даже сомневаться: хватит ли у него сил вернуться. Но он, кажется, и не собирался назад, на берег; я всмотрелся — и на горизонте увидел маленький кораблик, скорее даже катер. Возможно, туда Акрид и держал курс.

Когда его голову уже нельзя стало различить, я медленно побрел по пляжу, с некоторой завистью поглядывая

на парочки. Большинство здесь составляли молодые и красивые, хотя далеко не все пары состояли из разнополых существ; впрочем, кого это удивило бы? Разве что пришельца из давних времен. Я старался ни на кого не глядеть: не хочешь, чтобы на тебя обращали внимания, — сам не беспокой никого своим взглядом. На меня и действительно не обращали; никто. Нет, почти никто: спиной я ощутил напряженный взгляд, полоснувший по спине, как бритва. Я внутренне сжался, ожидая повторения. Взгляд не вернулся. Тогда я медленно повернул голову.

Это тоже была пара; двое мужчин. Их аура излучала напряжение. Они явно пришли сюда не ради развлечений. Такая мысль промелькнула еще до того, как я узнал одного из них.

То был Верига. Милый покойничек. И не стоило надеяться на то, что он оказался тут случайно.

Каким образом? И зачем? Кого он в конце концов представлял? И считал ли, что я до сих пор выполняю наше соглашение? Вряд ли: он не столь наивен. Вообще тут были сплошные неясности. Возможно, узнав, что я все-таки работаю по его делу, он решил выяснить — как далеко я продвинулся? И хочет поговорить на эту тему в окружении своих людей? Однако, если ему нужно было задержать меня, это было куда проще сделать, пока я разговаривал с Акридом и не очень внимательно следил за обстановкой. Но тогда он меня выпустил. Правда, могло быть и так, что они тогда еще не успели обнаружить меня? И вообще: оказался ли он тут — на Топси, на Аморе — потому, что проследил меня, или у него какие-то свои дела, связанные, может быть, с Рынком, и на меня он наткнулся чисто случайно? Бывает и такое везение...

Звучало все это правдоподобно. Однако кто же мог дать ему такие сведения о моем местонахождении? Допустим, он работает на власть «Т» — на криминал. Но эту власть я, насколько мне известно, не интересую: с ними я никак не пересекался уже очень давно. Кто другой? Может быть, та контора, чье предложение я отверг в самом начале всех этих событий? Иванос?

Скорее второе. Но мне сейчас не до того было, чтобы тратить время на выяснение этого обстоятельства.

Надо было срочно уходить. Или, по крайней мере, затаиться до позднего вечера — до часа свидания с Акридом.

Я стал понемногу забирать правее, дальше от воды, чтобы мой курс постепенно все более расходился с направлением Веригн. Это было первым, даже не осознанным движением. Но тут же я понял, что этим я ничего не решал. Верига со спутником вряд ли были здесь единственными, кому не терпелось побеседовать со мною по душам. Я не знал других; но они-то наверняка имели обо мне достаточно точное представление. И в любой миг я мог столкнуться с кем-то из них лицом к лицу, даже не подозревая об этом. Просматривать всех? Я попытался; но, как и прежде, слишком много людей тут было, и их излучения забивали и

искажали друг друга. Я улавливал лишь отдельные всплески напряженного интереса ко мне — но не мог установить ни одного источника. Сигналы шли как бы со всех сторон и создавали вокруг меня какое-то подобие кольца. Такое ощущение может вызвать у человека ощущение паники. Не находился ли я уже в опасной близости от нее?

Но в следующее мгновение я не только с удивлением, но и с некоторой радостью понял, что именно ко мне относилось обращение:

— Красавец, а красавец?

Я обернулся. Слова принадлежали женщине, молодой и пригожей, что легко было установить, поскольку на ней не было надето почти ничего. Я бы даже сказал — несколько меньше, чем ничего.

— Вы это мне сказали?

— Кому же еще?

Меньше секунды мы смотрели друг другу в глаза.

— Не могу видеть без жалости, как такие мальчики скучают в одиночестве. Не хочешь объединиться? Удовольствия будет куда больше, чем расходов, — обещаю...

Я раздумывал недолго:

— А как тебя звать, прелестная?

— Зови Арианой — не ошибешься.

— Ариана... — повторил я медленно, запоминая. — Ну что же. А где уединиться — найдешь? Не люблю выступать на публике.

— Какой стеснительный! Знаешь, такие мне еще больше по нраву. Не беспокойся — уединение я тебе гарантирую!

— Тогда пошли, — решительно проговорил я. И обнял ее за талию. Ощущение оказалось очень приятным.

— По сторонам не гляди, — негромко предупредила она. — Я всех вижу.

— Понял.

Казалось невероятным, что на побережье, до такой степени набитом людьми, как это было в Заливе, можно найти укромное местечко — и даже не одно, — где можно без помех заниматься разными делами. С первым таким меня познакомила Ариана, моя здешняя — ну, приятельница, назовем ее так. Местечко оказалось прохладным погребом ближайшего ресторана — дальняя от лестницы часть подземелья была выгорожена и оборудована под жилье. Я не успел еще как следует оглядеться, как Ариана обняла меня. Я ответил тем же. Прошептал ей на ухо:

— Очень рад, что встретил тебя.

— Это я тебя нашла — красивого...

Мне это понравилось, хотя в верности определения я вовсе не был уверен. И какое-то время после этого мы не разговаривали. И других дел хватало. Курортная обстановка расслаб-

ляюще действует даже на устойчивые характеры — а свой я относил именно к этой категории. Но я не жалел. И никогда не пожалею. В житейской суете такие праздники выпадают нечасто.

— Как это ты ухитрилась так прочно окопаться? — спросил я уже намного позже.

— Опыт, мой ласковый, — сказала она. — Опыт. Покрутись с мое — и не тому еще научишься. Все надо знать: кому, когда, где...

— Давно здесь?

— Это тебе ни к чему.

— И надолго?

— Как повезет.

— Будем надеяться, что повезет, — пожелал я. И, даже не взглянув на часы, определил: — Мне пора, пожалуй.

— Куда ты сейчас?

Я объяснил ей, куда хочу попасть.

— Знаю это место, — сказала она. — Успела оглядеться. Хочешь — провожу?

— Хочу, — согласился я, немного подумав.

— Проведу так, как туда обычно никто не ходит. А что у тебя там: свидание?

— В этом роде. Только не ревнуй: с мужиком.

— Мужики тут бывают всякие... — в ее голосе я услышал сомнение. — Так что будь начеку — если в нем не уверен.

— В себе-то я уверен, — постарался я ее успокоить.

— Дай-то бог... — проговорила Ариана серьезно. — Ну, пошли — как бы тебе не опоздать.

Я не опоздал и пришел на встречу своевременно; хотя найти указанное Акридом местечко даже вместе с Арианой удалось далеко не сразу, оно и в самом деле было неплохо упрятано от посторонних глаз и ушей. То есть топологических затруднений у нас вроде бы не возникло: пропетляв пару километров по опустевшему после заката пляжу и каким-то задворкам, мы без особого труда обнаружили нужный ориентир: закрытый на ночь ларек, при свете дня торговавший прохладительными и мороженым; таких здесь были десятки. Я предполагал, что именно внутри него Акрид собирался уединиться со мною, и, надо сказать, идея не вызвала у меня одобрения: чтобы никто не смог бесшумно приблизиться и услышать все, что будет говориться внутри, пришлось бы выставить оцепление из дюжины охранников, но Акрид вряд ли собирался вовлекать в сделку лишних участников, хотя бы пассивных. Тем не менее, подойдя, я попытался проникнуть внутрь — и потерпел неудачу: дверца была заперта, а насчет взлома мы не договаривались. Я приготовился ждать, чтобы потом высказать ему мои критические замечания по поводу неудачно выбранного местечка; Ариана же сказала:

— Вряд ли это будет здесь. Скорее тебя подберут и отвезут куда надо. У тебя с собой есть что-нибудь?

— Нет. И ни к чему.

— Тебе виднее.

На всякий случай я решил объяснить:

— Я свою сумку оставил в камере хранения на входе; все в ней. Номер четыре-восемь-четыре-шесть. В случае чего... Если у меня возникнут сложности...

Ариана понимающе кивнула:

— Не беспокойся. Сохраню. Где меня найти — уже знаешь.

— Спасибо, что проводила. Иди — у тебя же свои дела, наверное...

— Всех дел не переделаешь. Но вам мешать не собираюсь. Всего, душа моя. Еще увидимся.

— Хотелось бы, — от всего сердца ответил я. Но Ариана уже слилась с темнотой, какая бывает только в тропиках — к тому же не знающих лунного света.

Я приготовился к долгому ожиданию, поскольку даже третий глаз не обнаружил поблизости ни души. Но ждать мне пришлось очень недолго, и все получилось вовсе не так, как я предполагал.

«Местечко» прибыло в точку рандеву почти сразу же после того, как исчезла Ариана. Именно прибыло, поскольку для конфиденциальной беседы мой предполагаемый партнер использовал очень неплохой прогулочный катер с хорошим запасом хода и надежный по мореходности. Такие сдавались тут напрокат за очень немалые деньги. Этот, однако, был не из арендных; как выяснилось немного позже, Акрид и был его владельцем, хотя мне показалось, что он не стремился афишировать этот факт. Что же, вполне понятно: тогда ему пришлось бы признать, что он является постоянным обитателем Амора, а ему хотелось выглядеть человеком, прилетевшим сюда на недельку-другую просто для отдыха — поскольку в местах, где гости составляют большинство населения, к хозяевам относятся с меньшим доверием, чем к своему брату курортнику; понятно ведь, что хозяева живут именно за счет приезжих, и поэтому туземцев всегда подозревают в намерениях еще хоть немножко надуть, урвать, поводить за нос.

Катер — это было, безусловно, придумано хорошо. По нескольким причинам. Во-первых, потому что никто посторонний не смог бы приблизиться к нам незамеченным, даже будь он подводным пловцом: катера такого класса оборудованы хорошей электроникой, и появление на борту лишнего человека мгновенно вызвало бы большой шум. И не только на борту: даже если бы человек остался в воде и воспользовался остронаправленным микрофоном, его электроника, а с нею и он сам были бы сразу же зафиксированы; последствия вряд ли оказались бы для него благоприятными. То есть катер обеспечивал конфиденциальность. Во-вторых, собеседник владельца катера с момента

своего появления на борту оказывался в зависимости от принимающей стороны и вынужден с этим обстоятельством серьезно считаться: он не мог в любой момент прервать переговоры, встать и уйти — ему пришлось бы ждать, пока катер не доставит его на сушу. Я был уверен, что едва приняв пассажира на борт, судно отойдет от берега достаточно далеко, чтобы человеку не захотелось добираться до сухопутья в очередной раз вплавь. В очередной — потому что дно тут отлогое, катер, судя по его размерам и по тому, как далеко от берега стоял он днем, сидит достаточно глубоко, так что ближе он не подойдет и до него мне придется добираться вплавь, если только за мной не пришлют тузик; а его высылать явно не собирались, не зря же Акрид ненавязчиво поинтересовался, умею ли я плавать. Перед тем как плыть, нормальный человек разденется до пределов возможного, чтобы одеться уже потом, на палубе. А раздевшись, он лишается возможности пронести на борт какое-нибудь серьезное оружие. Иными словами, переговоры на катере сразу же ставят хозяина в куда более выгодное положение. И, наконец, в-последних: если в результате переговоров возникнет тело, то не будет никаких забот с его сокрытием: груз к ногам — и за борт. Это, кстати, проясняло кое-какие обстоятельства, до сих пор остававшиеся не вполне ясными. Я не мог не признать, что это было неплохо измышлено. Но у меня не оставалось иного выхода, как согласиться на предлагаемые условия.

Примерно так оно и получилось. С борта промигали мне ратьером: «Выслать лодку затрудняюсь, добирайтесь вплавь». Нахал этот Акрид, конечно; но хорошо, что ход его мыслей оказался для меня понятным. Я разделся и бесшумно вошел в воду; волна была низкой, медленной, теплой. Приятной. Плыть пришлось недолго, с полкабельтова; одежду, аккуратно свернутую, я держал в левой руке над водой и плыл оверармом (стиль не олимпийский, но полезный). С невысокого борта был спущен штормтрап; я ухватился за выбленку, а Акрид, перегнувшись, принял мой узелок. Он не был настолько наивным, чтобы предполагать, что в мою одежду завернут дистант; таким простаком он меня все же не считал. Хотя (я заметил это) не преминул прощупать узелок пальцами. Будь там оружие, он его, конечно, нащупал бы, но оружия не было: я полагал, что мне оно будет ни к чему.

Акрид оказался любезным хозяином: у него была наготове купальная простыня, которой я вытерся. Увидев, что я начал одеваться, он деликатно отвернулся. Вечер был теплым, и я надел свой наряд только для того, чтобы дать ему понять, что сигать за борт не собираюсь, а значит — намерен вести переговоры всерьез и до конца. Да так оно на самом деле и было. Он же, отворачиваясь, как бы показывал, что совершенно мне доверяет и не боится, что я сзади попытаюсь выключить его ударом по голове хотя бы кулаком. Этот его жест, впрочем, малого стоил: и

отвернувшись, он прекрасно видел мое отражение в окне надстройки, для такого катера необычно высокой, — и в случае чего успел бы среагировать. Однако я не собирался обходиться с ним круто — во всяком случае, пока.

Когда я, причесавшись, завершил свой туалет, он поинтересовался:

— Хочешь разговаривать на ветерке? Или в салоне?

— Вы хозяин, — ответил я. — Вам виднее, а я заранее соглашусь.

Похоже, это ему понравилось; он улыбнулся:

— В таком случае — приглашаю войти. Там, кстати, найдется, чем подкрепиться, восстановить силы.

От восстановления сил я отказываться не стал: силы мне — полагал я — сегодня еще понадобятся.

В салоне — кают в надстройке, небольшой по площади, отделанной и убранной так, что заслуживала это название, — столик оказался уже накрытым. Пришлось сделать над собой немалое усилие, чтобы глаза не разбежались так, что потом их и не собрать бы было. Ничего горячего, разумеется; однако вся закуска — мясная, рыбная, салаты — и не пахла пикниковой самодеятельностью: все было явно ресторанного производства, каждое блюдо выглядело произведением искусства — даже жалко было разрушать его. И возвышавшиеся в центре стола несколько бутылок тоже были не тех сортов, какими торгуют на улице и на базаре.

Акрид искоса наблюдал за мной и явно остался доволен произведенным впечатлением.

— Предлагаю сперва утолить голод и жажду, — сказал он и, засмеявшись, продолжил: — Наукой установлено: насытившись, все люди добреют и легче идут на уступки. — И сразу же дополнил: — Не пугайся: я не стану очень уж нажимать. Все будет по правилам.

Кажется, он всерьез вошел в роль мэтра, которому предстоит учить ремеслу — или все же скорее искусству — зеленого новичка и одновременно колоть глуповатого агента. Так что подыгрывать ему было одно удовольствие.

Повинуясь его жесту, я приблизился к столу. Мое внимание привлекли приборы: хотя за столом могло усесться (судя по числу стульев) восемь человек, накрыт он был лишь на двоих, а тарелки и все прочее располагались не друг напротив друга, как принято в таких случаях, а рядом. Это сразу позволило понять, какую именно методику он предпочел для работы со мною. Не «глаза в глаза», никаких гипнотических воздействий: видимо, в этой области он не чувствовал себя сколько-нибудь сильным — или, может быть, несмотря на мои старания, днем ему удалось все-таки определить, что я отношусь к невнушаемым. Ну что же: меня это тоже вполне устраивало.

Тем не менее я счел себя обязанным приподнять брови. Впрочем, было бы странно, не сделай я этого.

— Люблю тесное общение, — заявил он, не дожидаясь формального вопроса. — Так сказать, ощущать тепло собеседника. — И тут же предупредил, пристально глядя мне в лицо: — Только, ради Кришны, не пойми это слишком примитивно: в сексе я придерживаюсь самой широкой ориентации. А ты, насколько могу судить, любишь красоток? — и он позволил себе подхихикнуть.

Этого ему говорить, пожалуй, не следовало. Потому что из такого намека сразу же возникли выводы: то, что я ушел с пляжа с девушкой, не осталось незамеченным. Сам Акрид наблюдать этого не мог: он в это время был уже далеко от берега — плыл к вот этому катеру, надо полагать. Значит, на пляже он был не один; вернее всего его охраняли. Кто? Но ведь там же выслеживали меня и Верига с компанией. Не могло ли существовать некоей оси «Верига — Акрид?» Я-то рассчитывал, что Акрид о Вериге даже понятия не имеет. Должно быть, я слишком мало знал о давнем знакомце: следовало допустить и такой вариант, что Акрид был предупрежден о моем визите, и мой приход не оказался для него неожиданностью. Какой могла быть для них цель такой комбинации — думать над этим сейчас не оставалось времени. Но если так, то и нынешнее мое местопребывание не было тайной для Вериги с компанией — или очень скоро перестанет быть.

Отвечая на его пояснение, я сказал как можно небрежнее:

— Нет, я просто думал, что на катере есть команда. Неужели вы справляетесь с таким судном в одиночку?

— Одного человека вполне достаточно, — сказал он. — Автоматика и электроника на пределе. А что касается других дел — разве мы с тобой не обойдемся без посредников?

— Ага, — сказал я, — понятно. Обойдемся, конечно.

Понятным пока было лишь то, что от вопроса о других людях на борту он предпочел уйти; видно, не решил, какой ответ для него выгоднее, что лучше: заранее припугнуть меня или, наоборот, позволить мне развернуться во всю ширь — и тогда, если понадобится, призвать своих на помощь. Что касается меня, то я полагал, что обойдусь и без его ответа.

Жестом он пригласил меня сесть и сам занял место рядом. Повернулся ко мне. На мгновение наши глаза встретились. Его взгляд был спокойным, уверенным — но что-то иное таилось в его глубине, даже не в глазах, а где-то позади. Я не сразу сообразил: то было выражение тоски — бездонной, смертельной. Тоски глубоко и безвозвратно зомбированного человека. Это не значило, разумеется, что он был оживленным мертвецом, как это обычно понимают; нынешний зомби — это тот, кто себе не хозяин, чьи действия не зависят от его собственной мотивации, но диктуются извне. Это было плохо: на такого человека нельзя воздействовать обычными средствами, не удастся про-

стым внушением переподчинить его себе. Придется на ходу искать другие способы, чтобы оказаться сильнее. Не самое легкое занятие. Но никуда от него не уйти — иначе мне здесь сегодня не выжить. Да, соглашаясь на такую встречу, я имел в виду нечто другое... Значит, будем менять тактику. Прямая атака в лоб не пройдет; поэтому — показать слабость вместо силы, спровоцировать его на атаку и перехватить инициативу тогда, когда он будет меньше всего ожидать этого. Когда поверит в свой успех.

Акрид тем временем, отведя взгляд, доброжелательно улыбнулся. Развернул салфетку.

— Прошу! — сказал он гостеприимно и потянулся за бутылками. — Есть правило: начинать лучше с крепкого, а продолжать можно и тем, что полегче. Однако некоторые предпочитают поступать наоборот. Что для тебя предпочтительнее?

Я успел уже внимательно ознакомиться с содержимым сосудов; не на вкус, конечно, но проанализировать его при помощи третьего зрения и еще некоторых приемов, известных продвинутым. Этикетки на бутылках мне ничего не говорили: я хорошо разбираюсь только в земной продукции. Что же касается содержимого, то оно было с добавками во всех бутылках; добавки, правда, были разного свойства: от почти невинных до без малого убойных — во всяком случае, надолго выводящих из строя. Видимо, Акрид заранее принял меры, чтобы самому не подвергнуться воздействию своих микстур: не мог же он предполагать, что я стану пить в одиночку, и чересчур наивным было бы рассчитывать, что он сможет переправлять жидкость из своего бокала куда-нибудь, кроме собственного желудка. Он просто принял что-то нейтрализующее. На его месте я и сам поступил бы так — если бы думал, что имею дело с новичком. С такими штуками должен быть хорошо знаком любой оперативник или спутник — иначе он не телохранитель, а недоразумение. Это все задачки для детского сада.

Поэтому я без колебаний указал ему на ту бутылку, начинка которой была самой взрывчатой:

— Начнем с крепкого, пожалуй.

И тут же ощутил знакомое — и очень неприятное — постукивание в левом виске. И, на мгновение зажмурив глаза, увидел на темном берегу, у самого уреза воды, знакомую фигуру все того же Вериги — и не одного его. Увидел лишь на миг: третий глаз не успел еще как следует разогреться. Но и этого мгновения было достаточно.

Это значило, что время мое оказывалось очень ограниченным.

Надо было торопиться.

— Начнем с крепкого!

Похоже, этот мой заказ несколько удивил Акрида и одновременно обрадовал: делец, видимо, ожидал, что ему придется меня уговаривать, я же, так сказать, сам решил свою судь-

бу. Он выбрал широкие, приземистые бокалы и наполнил их осторожно, словно опасаясь пролить хоть каплю. Я же тем временем, не сдвинувшись с места, успел при помощи третьего глаза закончить осмотр катера, как говорится, от кильсона до клотика, и убедился, что посторонних на борту и на самом деле не было: видимо, мой новый знакомец вполне полагался на свои силы и возможности. После этого у меня осталось ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы навести нужный порядок во всех моих тонких телах.

Замысел мой заключался в том, чтобы предоставить в распоряжение Акрида верхний, внешний слой моей психики, все же остальное запереть наглухо; при этом никакие яды и дурманы не были для меня страшны, хотя внешне могло показаться, что я уже полностью во власти собеседника. Когда я закончил самонастройку, мой сосед по застолью был готов предложить первый тост:

— За успех наших дел!

Против такого пожелания у меня не нашлось возражений, и я незамедлительно поднес ароматное пойло к губам и препроводил куда следовало. Да, это был напиточек! Я имею в виду не вкус (он был нормальным, даже истинный знаток не нашел бы, к чему придраться, равно как и к крепости: тут тоже все было на уровне), но количество и, главное, качество присадок: несведущего и незащищенного они за полчаса обратили бы в полного зомби, начисто лишенного собственной воли, желаний и мыслей. Мне пришлось сделать анализ добавленных веществ уже внутри собственного организма. Результат был интересным. Акрид, как я понял, располагал последними достижениями химии: сложными, сильнодействующими синтетиками с молекулами чудовищного размера. Противоядия от них не было — во всяком случае, мне о таких не было известно ничего, если они и появились, то уже после того, как я отошел от службы и перестал интересоваться дьявольской кухней. Однако и без противоядий мы ведь и раньше умели как-то справляться с такими штуками. Мы знали, что слабость крылась в их собственной сложности. Они не обладали устойчивостью против сверхвысокочастотных полей: разлагались, как многие соединения распадаются под влиянием световых частот, просто у новых диапазон уязвимости был куда шире. Молекулы разваливались на обломки — а из них, обладая определенными знаниями и умениями, можно было незамедлительно синтезировать (опять-таки при помощи высокочастотных полей) другие вещества, порой весьма полезные.

Но даже несмотря на принятые предосторожности, я в первую же минуту почувствовал, что сопротивляемость моя резко идет на убыль; пришлось принять дополнительные меры. Я постарался, однако, чтобы эти мои действия никак не проявились внешне: пусть Акрид действует по своему плану — тем более что намерения его стали теперь для меня совершенно ясными.

А он не заставил себя долго ждать. Видя, как я слабею на глазах, Акрид придвинул свой стул к моему, правой рукой обнял меня за плечи и заговорил в самое мое ухо — негромко, ласково, словно пытался улестить женщину:

— Ну как — тебе хорошо, правда? Согрелся? Усталость уходит? (Я с некоторым запозданием кивнул). Вот и прекрасно, вот и чудесно. Ну что — можешь уже говорить о деле, или хочешь еще подкрепиться? Давай примем еще по одной — другого сорта...

Я выкатил на него глаза, постаравшись лишить взгляд какого бы то ни было выражения, и вместо ответа лишь пожевал губами, как бы смакуя предложенный напиток. Акрид и не сомневался в моем согласии; я четко ощущал, как он, окутав меня своим полем (оно оказалось сильнее, чем я предполагал, но очень ненамного), шарит в моем сознании, чтобы разобраться в моих мыслях и чувствах; впрочем, до последних я его не допустил, и вместо настоящих эмоций, владевших мною, выдал ему куклу. Он принял ее за подлинник и совершенно успокоился, посчитав, что я готов для дальнейшей обработки.

— Так кто же тебя, дружок, направил сюда? Кого это так заинтересовала моя персона? И чем? Не стесняйся, говори, я тебе ничего не сделаю, совершенно ничего плохого. Скажи мне на ушко: может быть, вовсе не во мне дело, а в чем-то другом? Ты собираешься на Синеру; а может быть, как раз наоборот — прибыл оттуда? Наверное, там очень волнуются насчет уракары — куда девались ее драгоценные семена, а? Но, может быть, и наоборот — тебя прислали те, у кого семена сейчас находятся, и им хочется знать — не вышли ли уже на их след? Не молчи, дружок, говори; могу твердо обещать: это твой секрет, и никто, повторяю — никто на свете об этом не узнает. И я заплачу тебе за откровенность, хорошо заплачу, больше, чем тебе обещали... кто? Кто обещал хорошо заплатить тебе, если ты что-то узнаешь у меня насчет уракары? Ну не серди меня, дружок, лучше скажи сразу, пока я не стал плохим. А я могу быть очень плохим, ты даже не представляешь — каким. Могу сделать тебе очень больно. Зато если ты сейчас расскажешь мне все без утайки, я буду к тебе очень добрым и ласковым. Ты ведь хочешь, чтобы я любил тебя? Обещаю тебе: я буду. Мы с тобой можем быть очень счастливы...

Его действия даже в большей степени, чем слова, свидетельствовали о том, что он усвоил внедренную мною в него информацию: я внушил ему, что являюсь голубым и что он мне очень нравится. Это заставило его пойти по той дорожке, на которой мне будет куда легче контролировать его действия: зомбирование, как правило, не распространяется на сексуальную сферу, и в ней человек продолжает оставаться самим собой и подчиняться нормальным инстинктам. Он успел уже поцеловать меня в шею, а сейчас действия его делались все более настойчи-

выми. Видимо, Акрид рассчитывал еще и на то, что я, впав в сексуальный транс, не смогу не удовлетворить его любопытства.

Я изобразил сопротивление, но очень слабое. С его точки зрения, я был уже покорен, налеплен на стенку, и оставалось только меня по ней размазать, иными словами — уложить в постель и допрашивать там. Видимо, опыт говорил ему, что любое сопротивление гаснет на определенной степени опьянения. И он продолжил атаку, налив бокалы снова:

— Ну, за твое счастье. Не сомневайся, я уж о нем позабочусь. И за нашу любовь!

И он, подавая пример, выпил первым. Я не стал отставать. Нужно было, чтобы он развернулся полностью, более не ожидая сопротивления. Только тогда настанет моя очередь атаковать. Но, пожалуй, надо ускорить процесс: как я только что убедился, снова прибегнув к помощи третьего глаза (хотя она оказалась куда слабее, чем обычно: при опьянении третий глаз очень быстро теряет свои способности и очень медленно восстанавливает), на берегу вокруг Вериги собралось уже довольно много народу (наверное, все, прибывшие на Амор, чтобы изловить меня). Нетрудно было понять, что им вероятнее всего было обещано, что, описав круг, катер, незаметно для меня, оглушенного и деморализованного, снова подойдет — на этот раз к самому берегу, так что для них не составит труда подняться на борт и взять меня тепленьким; однако я без труда установил, что круг был достаточно пологий, — и было ясно, почему: Акриду показалась куда более заманчивой идея прежде всего самому вытянуть из меня всю информацию — и лишь после этого сдать меня преследователям. На берегу же, похоже, уже обеспокоились тем, что операция непредвиденно затягивалась; не составило труда догадаться, что они сейчас вызовут — или уже вызвали — другое судно, чтобы взять нас, как встарь, на абордаж. Доводить дело до этой стадии мне вовсе не улыбалось.

— Кто меня послал? — промямлил я, словно с трудом соображая, о чем идет речь. — Нель-зя, никак неззя, сов-вершенно секретно... Скажи, я тебе нравлюсь?

— Разве между любящими бывают секреты? Мы ведь любим друг друга, верно? Скажи, ты любишь меня? Нет, ты скажи!..

Все шло в точности по старому анекдоту, и пришлось сделать усилие, чтобы не рассмеяться ему в лицо.

— Да, да, конечно!

— Не верю.

— Верь! Я говорю — веррь!

— Тогда зачем же не говоришь — кто?

Секрет, которого он так добивался, был мною заготовлен заранее. Информация была, конечно, липовой, из области фантастики. Но упаковал я ее весьма правдоподобно.

— Ничего я не прячу! Обижаешь. Хочешь — сейчас все расскажу!

— Как сам хочешь. Я ведь не настаиваю.

— Я хочу! Только... сделай мне приятное.

Он неправильно понял меня, и пришлось слегка оттолкнуть его:

— Не спеши так, я еще не... Я хочу, чтобы мы плыли вон к той звезде! Прямо к ней. Она мне так нравится!..

Выбранный мною курс требовал от Акрида прекратить циркуляцию и уходить от берега. Он колебался лишь мгновение:

— Ну только если ты сразу же расскажешь...

— Расскажу, конечно, разве я не обещал?

Он послушно задал комп-штурману новый курс.

— Спасибо. Ты молодец. Слушай. Значит, так. Никто меня не посылал. Но я тебе соврал, что не был на Рынке. Был. И там купил информацию. Насчет этих зерен. Что они очень дорогие. Только не спрашивай, почему. Я не знаю. Да мне и не нужно этого знать. Эти самые зерна уру... ару... Ну ты знаешь, о чем я. Получилось так, что я еще раньше купил данные о том, как до них сейчас добраться. Решил: найду и куплю. А продам дороже. И хорошо заработаю... Но меня обдурили, понимаешь? Потому что все данные оказались глухо зашифрованными. Так что не прочитать. А я отдал за кристеллу такие деньги, такие... — и я всхлипнул, вновь переживая обиду.

— Погоди. Неясно. Что ты мог купить на Рынке? Какую информацию?

— Очень простую. О том, что семена эти были украдены. И куда-то их собирались переправить. Но там что-то случилось, и они по адресу не попали. Кто-то их переворовал. Это мне стоило немалых денег. Не поверишь...

Но его сейчас, похоже, сумма не интересовала.

— Ты что же — прямо там и получил все это?

Это была ловушка, но уж очень наивная.

— Да что ты! Ты совсем не знаешь, как это делается. Я купил номер, а потом уже по этому номеру получил сведения.

— Откуда?

— С Синеры, откуда же еще?

— И номер этот у тебя есть? Можешь показать?

— В мике. Смогу, понятно.

— Ладно. Рассказывай дальше. Значит, оттуда ты узнал, что семена куда-то исчезли. Хорошо. Но там ведь тебе не сказали, что к этому делу какое-то отношение имею я?

Начав сочинять — не останавливайся, думал я тем временем, и не меняй интонации, не превращай миф в сказку: это настораживает...

— Нет. Вернее, назвали не только тебя. Человек пять или семь. Люди, которым было известно, что семена исчезли, кто каким-то боком с ними соприкасался. Вот я и решил переговорить со всеми по очереди. Найти каждого по номеру, сам понимаешь, дело простое. Особенно, когда можешь заплатить, где нужно...

— А ты можешь?

— Понятное дело. Я не из бедных. Если хочешь знать, я заработал кучу денег на Теллусе. Вывез оттуда целый завод по производству сериалов последней модели. Камерунский филиал Урал-ТМ пошел на такую аферу. Продается — официально — завод, вся сделка оформляется частями через фонды здравоохранения и спортивные: они ведь — в ведении и тех, и других. Красиво?

— М-да, — проговорил он задумчиво. — Выходит, что нужно сбрасывать земные оружейные? Но пока, дружок, это меня не очень волнует. Вот то, что ты сказал насчет Синеры, — куда важнее. Кто же там упустил такую информацию — о людях, имевших отношение?.. Этого они тебе не сообщили ненароком?

Я счел уместным ухмыльнуться:

— Они-то не сообщили. Но я все равно узнал. Есть там такой, по имени Верига...

Акрид чуть дернулся; имя это было ему явно знакомо. Как я и полагал.

— Верига?! Ну это ты сам придумал, признайся!

Он даже бросил обнимать меня — настолько услышанное ему не понравилось.

Тут было самое время оскорбиться.

— Никто во всей Галактике не скажет, что я хоть раз дал кому-то липовую информацию. Пожалуйста, проверяй — только проверка тебе будет стоить ровно столько, сколько я заплатил за то, что отдаю тебе даром. Плюс еще время.

— Ну ладно, ладно... И сколько же, ты полагал, сможешь заплатить за семена, если бы тебе удалось получить их?

— Я знаю, сколько предложу: триста кусков. Галларов, понятно. А может, и еще больше, это уже там будет видно, буду торговаться до последнего.

— Хорошие цифры называешь!.. — пробормотал он, кажется, даже не понимая, что говорит — просто, чтобы не затух разговор.

Было ясно видно, как крутились его мысли. Он спросил о цене вовсе не потому, конечно, что собирался мне заплатить хоть конт; ему хотелось знать, какую цену сможет назначить он сам, — а это свидетельствовало о том, что он и по сей день если не владел семенами, то, во всяком случае, знал, где они находятся — или могут находиться; то есть обладал именно той информацией, которую мне и следовало у него получить. Таким было первое завихрение мыслей в его мозгу. Но существовало еще и второе: из моей пьяной болтовни он выудил слова о том, что человек я не бедный; о том же говорила и моя готовность отдать за семена триста тысяч галларов. У меня, разумеется, таких денег никогда не было (я считал это громадной несправедливостью со стороны судьбы), однако он-то об этом не знал. И поверил мне потому, что хотел поверить. Как сказал какой-то умник в далеком прошлом: если хотите, чтобы вам поверили, ложь должна

быть громадной. Или в этом роде, за точность не ручаюсь. Эта ложь была большой — и мой собеседник в нее уверовал.

Успев достаточно разобраться в нем, я понимал, что он не успокоится, пока не вынет из меня и деньги. Значит, в ближайшие минуты я мог еще не опасаться за свою жизнь. Но следовало быть настороже: из двух задач он захочет первой решить ту, что ближе. А я был куда ближе к нему, чем семена. Но почему он не клюнул на кристеллу? А я на это сильно рассчитывал...

Да нет, я поторопился с выводом: он клюнул. Просто оставил это напоследок.

— Скажи, милый, а это... Ну ты говорил: то, что зашифровано на кристелле... Это у тебя с собой?

— Неужели же я где-то оставлю? С нею я никогда не расстаюсь.

— И все же я тебе не верю. Признайся: о кристелле ты все выдумал!

— Да?! Тогда что, по-твоему, вот это?

И я вытащил коробочку (в герметичном мешочке) из кармана и потряс ею в воздухе.

— Что же это, если не кристелла, а?

Он выхватил ее у меня из рук с ловкостью карманника.

— Умный мальчик, — похвалил он меня. — Ну а теперь скажи: ты и на самом деле хочешь купить для себя семена уракары?

Его вопрос, судя по моей реакции, дошел до моего сознания не сразу; во всяком случае, у него были все основания сделать такой вывод. Потому что я ответил лишь через полминуты:

— Купить? Ах да, купить... Семена? Да, конечно. Я завтра же вернусь на Рынок и найду там, обязательно найду... Не может ведь быть, чтобы они там не продавались: говорят, там можно купить все, чего душа пожелает. А моей душе нужны эти семена... Да, конечно, хочу! Я весь вечер только и говорю тебе об этом! Как только найду — куплю немедленно! А могу и поменять на кристеллу.

— Ну если у тебя есть чем заплатить...

— Разве я тебе не говорил, что есть! Еще как есть!

— Да говорил; а только сказать можно, что угодно, а вот доказать...

Кажется, было уже время делать контрвыпад; но я почему-то не ощущал себя настолько собранным, чтобы превратить энергию своих чакр в излучение нужной частоты и таким способом создать в его организме из имевшихся там осколков молекулы новых соединений — те, что заставят его подчиняться мне, а не тому, кто его зомбировал. Все-таки я был не в лучшей форме. И надо было тянуть время.

— Ты что думаешь: я вру? Да?

— Нет, что ты, мне такое и в голову не приходило. Но, видишь ли, наш мир так устроен... Пока ты тут разъезжа-

ешь, что-нибудь могло ведь произойти: твой банк мог накрыться, или кто-то влез в твой счет и увел оттуда все до крошки, или... да мало ли что! У меня есть то, что тебе нужно, но ты уж извини — дружба, как говорится, дружбой, но хотелось бы убедиться, что этими деньгами ты располагаешь и сейчас. Это ведь легко проверить: у тебя ведь все в мике, ты сам только что сказал. Не соврал?

Он вдруг заговорил лениво, даже с какой-то неохотой, словно просто по обязанности: полагал, что я уже настолько в его власти, что выполню все, каким бы тоном он ни разговаривал.

— Доказать тебе? В одну минуту! Сейчас же скачаю прямо на твой мик — дай только твой ЛК...

Он колебался не более двух секунд, затем продиктовал мне номер — медленно, внятно. Я закрыл глаза, готовясь к передаче на его мик, вытянул руки, положил их на стол; один бокал при этом упал, но хозяин даже не обратил на это внимания: он тоже опустил веки, чтобы увидеть то, что я сейчас сброшу на его мик.

— Давай же! — Голос его пресекся от волнения, и ему пришлось повторить, на сей раз более членораздельно. — Ну! Да не спи! Вот беда еще на мою голову...

Но я действительно засыпал — и не только потому, что хотел произвести на него нужное впечатление. Видно, его зелья оказались крепче, чем мне показалось вначале, и сейчас приходилось всерьез бороться за сохранение моего «я» в нужной форме. Он схватил меня за плечи, основательно встряхнул:

— Ну!

Я медленно, через силу пробормотал:

— Передаю...

Кажется, я не ошибся ни в одном знаке. Хотя память моя из кристаллической структуры ощутимо превращалась в желе, и я сомневался, что смог бы воспроизвести этот ряд еще раз — это пришлось бы делать, если бы код оказался неверным. Но память не подвела, ключ сработал, и банковский счет, необходимый, чтобы окончательно убедить Акрида в правильности его расчетов, возник на мониторе во всей его красе, а точнее — в красе той суммы, которая там значилась. Даже в том состоянии отупения, в котором я находился, я понял: его проняло, такого количества нулей он явно не ожидал. Он медленно перевел глаза на меня; на лице его была торжествующая ухмылка. Он не удержался от того, чтобы не высказать торжества вслух:

— А ты, оказывается, и впрямь не самый бедный мальчик в Галактике! — Сделав многозначительную паузу, закончил: — Был! А теперь спи спокойно: все твои заботы беру на себя.

И, сохраняя на лице все ту же усмешку, снова повернулся к компьютеру, чтобы закончить столь успешно начатую операцию: перебросить деньги с моего счета на свой собственный.

Можно было атаковать его уже сейчас; но я — человек слабый, и мне тоже хотелось пережить мгновение торжест-

ва. Так что я лишь приготовился к активным действиям: собрал всю грязь, накопившуюся во мне за последние часы, в плотный комок и усилием воли вышвырнул его вниз — куда-то в недра планеты. Ушел дурман, ушло состояние слабости, и я почувствовал себя готовым к бою. Но помедлил еще несколько мгновений.

Эти несколько секунд понадобились мику, чтобы, выполняя заложенную в него программу, вместо рапорта о переводе денег вывесить на мониторе издевательский плакатик:

Нищим не подаем!

Похоже, Акрид не сразу уразумел — что именно произошло. А когда до него наконец дошло — он повернулся ко мне, одновременно вскочив так, что стул упал (без особого шума, правда: палуба салона была затянута пушистым ковром). Оскалился:

— Шутки шутишь? Ты покойник. Покойник!

В плечевой кобуре у него скучал без работы дистант — правда, далеко не последней модели, но вполне пригодный для убийства. Акрид вытаскивал его медленно, словно смакуя каждое движение. При этом он не отводил взгляда от меня, ожидая, когда в моих глазах появится выражение страха. И, похоже, дождался; оскал на его лице перешел в презрительную ухмылку:

— Что — забздел, подонок?

Наверное, мое лицо действительно выразило какую-то часть той растерянности, что на краткие мгновения охватила меня.

Потому что, по моим расчетам, я к этой минуте должен был уже полностью восстановить все мои способности, умения и энергетику, чтобы неожиданно для него овладеть ситуацией. Но этого не получилось. Видимо, мой анализ той химии, которой он на меня воздействовал, оказался недостаточно полным. Акрид применил еще какие-то новинки, которых я не распознал вовремя. Так или иначе, у меня сейчас не было сил, чтобы психически подмять его, обессилить, обезволить, заставить играть мою музыку, а не ту, что звучала в салоне катера сейчас... Мне нужно было еще какое-то время — а Акрид, судя по его действиям, вовсе не собирался мне его предоставить. Он повернулся к пульту комп-штурмана, чтобы изменить курс на противоположный и направиться к берегу, где меня с нетерпением ждали — и ему это, конечно, было известно.

Пришлось сделать то, на что я сейчас был способен: опрокинуться вместе со стулом на спину, сделать кувырок через голову и, оказавшись на ногах, одним прыжком преодолеть расстояние, отделявшее меня от выхода и оказаться на палубе — в то время, как ему понадобилась доля секунды, чтобы перенести внимание с комп-штурмана на меня и мои действия. Акрид вскинул дистант, выпустил импульс, и луч ударил в то место, где еще мигом раньше находилась моя грудь. Ударил точно: на таком расстоянии не промахивается даже слепой. Но я был уже снаружи и окунулся в спасительную темноту.

Я слышал, как он метнулся мне вдогонку, отшвырнув ногой опрокинутый мною стул, крепко выругавшись при этом (верно, соприкосновение его ноги с мебелью оказалось достаточно болезненным). Будь при мне оружие, я подождал бы Акрида у люка и всадил бы в него импульс; но я пришел на борт безоружным. Поэтому сейчас осталось лишь одно: по возможности увеличить разделяющее нас расстояние и использовать, как говорится, рельеф местности — все то, что находилось на палубе и выше нее. И выигрывать время — секунды и минуты, так нужные мне для того, чтобы почувствовать себя наконец в боевой форме.

Акрид, кажется, не ожидал, вернее — забыл, что снаружи окажется темно; во всяком случае, выскочив на палубу, он не бросился сразу искать меня, но остановился — видимо, ожидая, пока глаза адаптируются к темноте. Я в это время находился уже на баке и, опустившись на колени, шарил по палубе в надежде нащупать что-нибудь такое, что могло бы послужить оружием — хотя бы метательным, если уж не в рукопашной схватке. К сожалению, не нашел ничего: катер содержался в порядке, и лишних предметов на палубе не валялось. Все, что я обнаружил полезного, ограничивалось спасательным кругом, висевшим там, где ему и полагалось. Я снял его, хотя не очень понимал, как смогу его использовать: разве что спасаясь вплавь — но делать этого я не собирался: бежать сейчас, оставляя его победителем, означало сорвать всю операцию; а этого я никак не мог себе позволить. Да и берег остался, пожалуй, уже слишком далеко.

И тем не менее что-то в этой мысли было. Я еще не успел как следует понять это, как руки сработали сами, подчиняясь подсознательному импульсу: они подняли круг над головой и с размаху швырнули его за борт.

Было время штиля, когда дневной бриз уже стих, а ночной еще не подул, время равновесия и тишины. Так что плеск упавшего в воду круга был слышен отчетливо. Вообще-то он был не слабее, чем звук, возникающий, когда ныряет человек — если он, конечно, умеет прыгать в воду, а не плюхаться в нее. Но если разница и была, то я рассчитывал, что в такой обстановке, не оставлявшей времени для анализа, Акрид не различит ее. Так и получилось. Ориентируясь на звук, он подскочил к борту и, перегнувшись через релинг, стал вглядываться в тускло отсвечивавшую воду. Увидел ли он плавающий круг или ему что-то почудилось — но он тут же открыл огонь. Дистант работает бесшумно, однако я хорошо слышал короткие всхлипы — а вернее, отрывистое шипение, возникавшее, когда луч дистанта ударял в воду. Всхлипы эти перемежались отрывистыми: «Ага!.. Ага!..», сопровождавшими каждый импульс. Вероятно, он представлял себе, как лучи прожигают мою плоть, наверное, даже видел это: мы часто видим то, что хотим, а не то, что существует на самом деле. И каждый импульс и каждый возглас Акрида занимали время; это был мой чистый

выигрыш, и я использовал его до последней наносекунды, просто физически ощущая, как возвращается ко мне сила.

Наконец он насытил свою потребность в расправе и распрямился. Прислушался на всякий случай; на борту стояла полная тишина, я даже затаил дыхание, чтобы не вспугнуть его раньше времени. В этом безмолвии я попытался было услышать хоть слово, хоть полслова, сказанные тем, к кому я обращался в медитациях в сложных обстоятельствах; а услышав — попросить прощения за то, что я уже сделал — и еще буду делать, чтобы выполнить задание. Но меня никто не услышал — или, во всяком случае, не откликнулся.

Однако время теперь стало уже моим. Я почувствовал вернувшуюся мощь, когда стал расширять свое поле и коснулся противника, хотя нас разделяло не менее пяти метров.

Когда весь он оказался окутанным моим полем, я бесшумно обошел надстройку. Акрида я теперь видел, даже не глядя: третий глаз прояснился. Поэтому я безошибочно приблизился к врагу со спины. Он стоял, опустив голову, думая скорее всего о том, что скажет тем, кому служил. Я остановился в шаге от него. И очень деликатно кашлянул.

Он обернулся не мгновенно, рывком, как можно было ожидать, но медленно, словно опасаясь головокружения. Похоже, это оказалось неожиданным для него самого: он-то наверняка хотел крутнуться и мгновенно выпустить очередной импульс. Но не смог: сказывалось мое воздействие, и где-то на уровне подсознания в нем уже трепыхалось ощущение проигрыша.

Повернувшись, Акрид смог наконец увидеть меня. Я пережил еще одну неожиданность.

Потому что я выглядел уже совершенно не так, как несколько секунд тому назад. И сразу же усилил мое высокочастотное поле, забивая тот канал связи, что существовал между Акридом и его хозяевами на берегу, переключая его на себя и таким образом становясь — пусть хотя бы на время — его повелителем. Настала моя очередь говорить, а его — внимать и повиноваться.

— Теперь послушай меня, дружок, — сказал я, намеренно именуя его так же, как он меня — словом, которое я всегда считал собачьей кличкой. — Ты рассчитывал меня отправить той же дорогой, что и остальных. Ты, как я понял, рыболов: сидишь с удочкой, наживил крючок и ждешь — не клюнет ли простачок, желающий купить секретик по дешевке, а может быть, и продать какую-нибудь мелочь задорого. Ты его привечаешь, обрабатываешь, подавляешь, грабишь — и концы в воду. Но на этот раз ты просчитался. Потому что таких слабаков, как ты, я уже в детстве вязал даже без помощи рук...

Я говорил — и одновременно давил на него по программе вуду. По моему второму замыслу (возникшему уже во время ужина), я должен был не сдавать Акрида Рынку (Верига

с его людьми вряд ли позволили бы мне осуществить такой демарш), но, вынув из него всю информацию по уракаре, какая у него была, просто ликвидировать его, отправив по той же тропе, по которой он отправлял других. Но сейчас возник новый вариант, и по нему лучше оставить Акрида в живых: отчитываясь перед Веригой и прочими, он, безусловно, расскажет им все о моих намерениях — так, как изложу их ему я. И они кинутся искать меня там, куда я, как известно Вериге, собирался: на подступах к Рынку. На самом деле я уже понял, что сейчас мне вновь показываться на Топсимаре нельзя; ни статуса, ни залога я тут не получил, а дальнейшее пребывание на Аморе из-за Вериги и его оравы становилось слишком опасно. Нужно испариться отсюда. Конечно, это приведет к немалой потере времени. Но иного пути я не видел: лучше опоздать, чем вообще не добраться. Да и входить в Рынок придется уже другим способом...Что же касается судьбы Акрида, то если что-то с ним пойдет наперекос — устранить его всегда успеется, потому что теперь в него была заложена и суицидная программа — по моей, разумеется, команде.

— Вообще-то ты приговорен, — откровенно сказал я ему. — Это ты покойник, а не я, как тебе почудилось. Но исполнение я решил отложить. Если сейчас выложишь мне все, что меня интересует и о чем я буду спрашивать, то учту твое поведение в дальнейшем (я сказал это, отлично зная, что теперь его поведение будет зависеть только от меня). Свои фокусы больше показывать не будешь. Но навыки сохранишь — они, может быть, еще и пригодятся. Будешь теперь шестерить на меня просто так, за спасибо. Не бойся, с голоду не помрешь: я человек порядочный, и из награбленного оставлю тебе вполне достаточно для нормальной жизни. А вот секреты — все, что у тебя запасено и еще не реализовано — передашь мне сейчас же, после чего о них забудешь на веки вечные. Уясняешь?

Он уяснял — помимо, надо полагать, его желания. Но его как личности уже, собственно, не существовало; одна лишь видимость осталась. И каждое слово, сказанное мною, становилось частью его жизненной программы — если только то, что в нем имелось, можно было назвать таким словом. На мой же вопрос он лишь безмолвно кивнул.

— А сейчас вернемся в салон, там посидишь, отдохнешь, — позволил я ему. — Не знаю, как ты, а я люблю после работы закусить — тем более ты тут по этой части постарался...

Он меня не поддержал, но это меня совершенно не огорчило. Мы вернулись в помещение, я поднял свой стул, поставил на место, уселся и воздал должное всему, что было тут заготовлено, включая вино — но лишь из той бутылки, содержимое которой было свободно от коррективов Акрида.

Когда я закончил подкрепляться и вытер губы, он сидел все в той же позе, всякая инициатива действительно покину-

ла его, и я решил, что перед тем, как мы расстанемся, я, пожалуй, оставлю ему небольшую степень свободы — чтобы на посторонних он по-прежнему производил впечатление нормального человека.

— Займемся делом, — сказал я ему. — Выкладывай все, что есть у тебя в голове и в сейфе. И не медли: у меня не так много времени, чтобы редактировать твое собрание сочинений — если ты захочешь пофантазировать. Голая правда — вот, что мне нужно, снимать с нее одежки мне недосуг.

Он покорно кивнул. Похоже, у него не возникло даже мысли о том, что мое приказание можно не выполнить. Я снова подключился к его мику, чтобы вести запись. Акрид заговорил — монотонно, но от этого не менее интересно.

— Какое отношение ты имеешь к семенам уракары?

— Мне было поручено перевезти их на Тернару и передать там некоторым людям для продолжения операции.

— Какой операции?

— Она называлась «Детский сад».

— Каков был ее смысл?

Он ответил — медленно, монотонно, словно читал по бумажке:

— Уракара хвойная, или скорее вырабатываемый ею субстрат «ураган», является, как мне сказали, новым и эффективным средством массового воздействия на психику людей. Воздействия в достаточно узком направлении — но зато в планетарном масштабе.

Получив каким-то образом эту информацию, некие силы решили использовать ее для операции по фактическому подчинению себе — иными словами, по колонизации — независимого мира. Возможно — не одного-единственного. Понимаешь, под воздействием этой штуки люди теряют волю и желание действовать. Они чувствуют себя безмятежно, как в раю, и им становится безразлично — кто и что с ними делает. Может приходить любой — и для него не составит никакого труда взять власть. Думаю, что операция на Тернаре была лишь генеральной репетицией...

— Почему ты сделал такой вывод?

— На него наталкивает, — ответил Акрид, — простой факт: запас косточек похищен значительно позже того, как началась эта операция.

«Интересно!» — пронеслось у меня в голове. Возникает если не полная картина, то хотя бы контуры цели. Это важно.

Но еще более важно знать — кто действует.

Очень немного таких сил, какие могут свободно оперировать в федеральном масштабе. С галактическим размахом.

Это могут быть власти сильнейших миров. Армага. Шинады. И даже Теллуса. Причем с равной вероятностью власти «О» и «Т». Потому что трудно сказать, какая из них сильнее.

Могут быть крупнейшие трансгалактические компании. Такие, например, как «Астрокарс», «Транскерн», «Всеметалл» или «Видеогалакт».

И наконец, никому пока еще не известные, анонимные группы авантюристов (пока у меня нет более точного определения).

— Скажи: кто за всем этим стоит?

Акрид только пожал плечами:

— Откуда мне знать? Мне поручили — я выполнил. Мне заплатили. Вот и все.

— Но не может ведь быть, чтобы ты над этим не задумался!

— У меня не было желания думать, — ответил он спокойно.

Наверное, это правда, подумал я. Вероятно, перед тем, как дать такое задание, его и подчинили, сделали подобие зомбирования — хотя скорее всего и не в полной мере. Сейчас посмотрим.

— Акрид, тебя послали те же люди, что сейчас пытаются нас преследовать? Те, на берегу.

Он медленно повернул голову, поглядел в сторону суши — там суетились огоньки, Верига с командой зажгли фонарики. Орлан покачал головой:

— Я их не знаю. Работаю в одиночку, меня никто не прикрывает.

Скорее всего и это соответствовало истине. Сейчас, находясь под моим влиянием, он просто физически не смог бы соврать. Во всем, что он говорил и делал сейчас, рассудок не принимал никакого участия; только подсознание и память.

— Но кто-то ведь тебе поручал отвезти эти семена. Кто-то из синериан? Или человек извне? С Армага, с Шинады?..

Я почувствовал, как он напрягается в поисках ответа. Акрид нервно зевнул, потом еще два раза открывал рот, словно собираясь заговорить, и снова смыкал губы. Наконец произнес не очень уверенно, запинаясь:

— Ну... Мне показалось тогда, что... эти люди между собой говорили по-серпенски.

Это было неожиданным. При чем тут Серпа? Если он не ошибся, открывается новое направление для работы. А времени остается все меньше. Скверно.

Нет, что-то я, конечно, от Акрида получил, своего рода подарок. К сожалению, информация не содержит никаких указаний на то, какой именно из множества миров может оказаться объектом намечающейся, видимо, операции. И вычислить его будет не просто. Многое зависит от того, каким образом этот мир, подчинив его, собираются использовать. Как военную базу? Как жизненное пространство для излишков населения? Как источник сырья? Свалку для жизнеопасного мусора? А может быть, просто кому-то захотелось стать императором планеты, хотя бы самой захудалой?

Словом, чем дальше в лес — тем больше дров. Их уже слишком много для одного человека.

Однако оснований для пессимизма вроде бы нет. У меня впереди самое малое месяц времени; да и после того, как зерна уложат в землю, им понадобится какое-то время, чтобы

взойти над почвой того неизвестного мира, в котором они сейчас находились и где их нужно было обязательно отыскать до истечения этого срока. Потому что когда они взойдут — их наверняка будут охранять очень бдительно.

— Ты сам видел эти семена?

— Нет. Груз был опечатан. Металлический контейнер. Тяжелый. С кодовыми замками. Я и не интересовался. Не всякий секрет стараешься заполучить. Этот был минирован.

— Контейнер?

— Нет. Информация о нем. Это у нас такой термин. Когда хочешь прикоснуться к тайне — и мозги вскипают.

Вскипают от дистантного луча — так я его понял. А может быть, и того хуже: от охранительного заклятия.

— Что еще знаешь о семенах?

— Больше ни бита.

— Ну а вообще что можешь рассказать интересного — о себе, о житье-бытье?

Оказалось, что у него действительно было что рассказать — куда больше, чем я рассчитывал. И не только относительно содержания тайн, но — и это было даже важнее — много интересного касательно источников и способов, какими Акрид такую информацию добывал. Я слушал и запоминал: это могло пригодиться прежде всего мне самому.

— Так, ладно... Теперь скажи: у нас хватит хода отсюда до материка?

Акрид слабо усмехнулся; это было первой такой попыткой за последние четверть часа.

— Энергоблок почти пустой. Я давно уже не заряжал его.

Я невольно посмотрел в сторону берега, уже едва угадывавшегося на горизонте. И увидел корабль. Судя по характерному силуэту — полицейский скользун. Хорошо, конечно, что не агрик.

— Значит, семена ты переправил на Тернару?

— Все правильно.

— Что же, придется мне после Рынка лететь туда...

Сказано это было опять-таки специально для передачи тем, кто вскоре догонит его и начнет допрашивать. Я не стану запрещать ему разговаривать. Пусть кидаются туда. Конечно, убегая от них, я лишаюсь возможности выяснить — на кого же в действительности работает Верига. Но это сейчас не самое важное. Разобраться на Серпе. И искать новый путь к Рынку. Остальное — приложится.

Скользун успел вдвое сократить расстояние до нас. Он был хорошим ходоком. Больше нельзя было терять ни минуты. Я подошел к борту, наклонился, не боясь нападения сзади: Акрид все еще принадлежал мне.

— Ты здесь? — спросил я негромко.

 — Здесь. Замерзла и голодна.

— Сейчас исправим.

Я вошел в каюту. Со стола захватил то, чем можно было согреться, а также и насытиться. Вышел на палубу. Поравнялся с Акридом:

— Слушай внимательно. Через пять минут разворачивайся лево на борт и держи к берегу. Понял?

— Лево руль, на шестнадцать румбов — и к берегу.

— Молодец. И — до свидания. Дальше выкручивайся сам.

— Да.

Я соскользнул вниз по штормтрапу. Лодка была мне знакома. Ариана — или Мартина? — сидела на корме, подтянув колени к подбородку. Я подошел, наклонился, обнял, крепко поцеловал ее.

— Спасибо. Выручила. На вот — подкрепись. Подвинься — я сяду за пульт. У нас есть защита от локатора?

— Само собой, — проговорила Ариана с набитым ртом.

— До материка дойдем по темноте?

— Так рассчитано.

Я отшвартовался от катера и включил моторы. Ход у этой лодочки был получше, чем даже у полициста. А катер Акрида, плавно разворачиваясь левым галсом, сейчас и еще несколько минут должен был укрывать нас от преследователей. Пока они подойдут и разберутся с орланом — мы окажемся уже достаточно далеко.

— Какой курс?..

— Вообще-то мимо не промахнешь, — сказала она. — Но сейчас уходим в открытое море — от материка и островов. Искать тебя будут по дороге к земле, а не в океане. Отойдем на полторы сотни миль — и тогда пойдем к материку уже не с той стороны, где нас могут ждать. Не близкий путь, но надежный. Держи на норд-ост, курс тридцать. Часов через шесть будем менять курс. И к рассвету должны войти в бухту. Вообще на северном побережье удобных мест не так уж и много, и нас, возможно, будут ждать в каждом. Но мы придем в неудобное.

— И почему ты до сих пор не адмирал? — поинтересовался я, становясь на указанный курс.

— Все из-за таких, как ты, — сказала Ариана.

Я включил комп.

— Ну, как ты? Насытилась?

— Ладно, иди сюда, красавчик, — сказала она. — Смотри только, как бы лодка не опрокинулась. Знаю я тебя... А то будет очень весело.

— И так будет не скучно, — пообещал я.

— Это я и без тебя поняла. Потому что погода меняется, и не к лучшему. Но, думаю, успеем до шторма.

После этих слов мы долго не произносили ничего членораздельного.

* * *

Расчеты Арианы оправдались. Если нас и искали, то не там, где мы находились в самом деле. Так что когда лениво подкравшийся рассвет позволил видеть окружающее простым глазом, мы были уже невдалеке от берега и бесшумно преодолевали последние кабельтовы.

За рулем была Ариана, я же не спускал глаз с приближавшейся высокой, обрывистой земли, внутренним зрением сканировал узкую полосу песка, протянувшуюся между кромкой прибоя и почти отвесно уходившей вверх слоистой стеной, что в давние времена создала История. Мы успели подойти к берегу до того, как погода действительно испортилась; впрочем, из объяснений всезнающей Арианы, на которые она последний час не скупилась, я понял, что такие неприятности бывают тут редко и продолжаются недолго. И в самом деле Топси была уютной планетой.

Ариана выключила мотор, я шагнул за борт и, оказавшись по колено в теплой воде, распугав попутно мелких, с пятачок, крабов (во всяком случае, на Теллусе их назвали бы именно так), вытащил нос лодки на песок и протянул руки, предлагая Ариане перенести ее на сушу. Женщина покачала головой:

— Спасибо, не надо. Скоро тут поднимется такой накат, что разобьет в щепки. А так — успею еще попасть в местечко поудобнее, где смогу отстояться. Есть тут такая бухточка, тридцать миль на зюйд-ост, известная знатокам.

— Отчего же мы не пошли туда сразу же?

— Я думала, — сказала она, — что ты не спешишь объявить о своем прибытии кому бы то ни было. А там непременно кто-нибудь да окажется. Не знаю, как в глубине, но на побережье постоянно кто-нибудь вертится. В этих водах хороший лов.

— Жаль, — сказал я откровенно. — С тобой я чувствовал бы себя увереннее.

— Верю, красавчик, — сказала она. — Но ты сам понимаешь...

Я понимал. Но опасался — не столько за себя, сколько за нее.

— А если тебя возьмут?

— Ну и что они смогут мне навесить при всем желании? Как я умыкнула тебя с катера, не видел никто. Наша вчерашняя встреча? Господи, да на Аморе все себя так ведут. Кто угодно с кем угодно. Свобода нравов, милый.

— Что-то не нравится мне это твое настроение, — не стал скрывать я. Ариана засмеялась:

— Ну ты-то можешь не бояться... Кстати: передавай привет — тому, кто недавно гостил во мне.

— Фу, — сказал я и тоже засмеялся. — Так и быть, передам. Хотя он и сам слышит. Только пожалуйста, Мартина...

— Путаешь! — сердито прервала она. — Интересно, с кем? Я — Ариана, запомни раз навсегда. И не обмолвись, когда в следующий раз со мною встретишься.

Я знал, что она имела в виду. Мы успели уговориться: я тут кантуюсь до вечера. Она тем временем разбирается в обстановке и с наступлением темноты возвращается, забирает меня и везет туда, где можно будет с наименьшим риском погрузиться на что угодно, чтобы слинять из этого гостеприимного мира. Речь, конечно, могла идти все о том же космодроме; однако «старт-финиш» там был не один, как я думал — тот, на который я прилетел, — имелось два, поменьше и посекретнее: военный и, как ни странно, VIP — уж не знаю, каких таких персон они там принимали или надеялись принять. Вот одним из этих двух мне и надо было воспользоваться. Но у меня было странное ощущение: что здесь я ее больше не увижу. Я старался прогнать его, но в то же время понимал, что интуиции надо верить. Только говорить ей об этом было бы ошибкой: ее интуиция, как я успел уже убедиться, была посильнее моей.

— Прости. Больше не буду. Только прошу тебя: будь осторожна.

— Буду, — кивнула она. — И тебе того же. Держи свою сумку. — Она передала мне мой постоянный багаж. — А теперь — столкни на воду.

Лодка перевалилась с борта на борт на заметно усилившейся волне. Ариана включила мотор. Помахала мне рукой. Я ответил тем же, постоял еще с минуту, провожая уходившую в море лодку взглядом. Когда она легла на новый курс — к юго-востоку, — я тоже повернулся и пошел по ленточке пляжа, отыскивая место, где можно было бы взобраться наверх с наименьшими усилиями.

Мне удалось без приключений подняться на плато по сухой расщелине, по которой, вероятно, сверху стекала вода в сезон дождей. Преодолев склон и отряхнув пыль с коленок и локтей (местами подниматься пришлось на четвереньках), я внимательно огляделся. Не было никаких признаков обитаемости — если говорить о людях: насчет прочей жизни я не мог бы сказать ничего, поскольку общаться с ее представителями в естественной обстановке мне никогда не приходилось, если не считать раза-другого в заповедниках — но там и звери были достаточно цивилизованными в отличие от людей. Я понимал, что тут — в густом лесу, подступавшем почти вплотную к самому обрыву, — какой-нибудь хищник мог таиться в трех метрах от меня — и я его не заметил бы. Может быть, так оно и обстояло в действительности, но напасть на меня никто не спешил, и это меня успокоило.

Лес явно был неухоженным; незнакомые мне по именам и облику деревья необычной конструкции (стволы, поросшие густой и длинной шерстью, высотой метра в четыре; дальше — пучок расходящихся вверх и в стороны гладких сучьев, под-

держивающих — и это было самым неожиданным — один сплошной громадный лист в форме почти идеального круга) — деревья эти, похоже, находившиеся в расцвете сил, смыкали свои странные кроны высоко над телами собратьев, умерших своей смертью, над густым подростом — похоже, уже других пород. Наверняка тенелюбивые осуществляли здесь свой извечный заговор, чтобы со временем обогнать и задушить тех, кто властвовал тут сейчас. И человек вовсе не стремился внести в этот процесс свое регулирующее начало. Скорее всего потому, что человека в этих краях просто не было, как и писали об этом во всех официальных изданиях. Хотя у меня официальные издания всегда вызывали чувство сомнения.

Так или иначе, сейчас здесь было спокойно. То есть у меня была возможность не спеша подумать над тем, зачем я здесь оказался и что мне нужно было бы сразу же предпринять, чтобы продолжать погоню за уракарой и предотвратить катастрофу, в близости которой я теперь уже не сомневался.

Почему я оказался тут — совершенно ясно: и на Топсимаре, и на Аморе, и тем более на космодроме мне не удалось бы продержаться и двух дней; меня взяли бы, и уж на этот раз я не отделался бы так легко. Даже при наилучшем исходе мне, для того чтобы вновь обрести свободу действий, пришлось бы затратить немало времени — а мой запас его таял прямо на глазах. Здесь я был свободен. Но свобода если и нужна для чего-то человеку, то именно для того, чтобы осуществлять свои замыслы. А вот этой возможности я здесь никак не видел. Я был один; без средств транспорта; без оружия; и с минимальным запасом еды и питья: Ариана великодушно оставила мне то, что уцелело из припасов, захваченных мною на катере Акрида. Этого хватило бы на только что начавшийся день, ну еще дня три я прожил бы без еды — но не без воды, конечно. Однако выжить — не самоцель. Выжить. Выжить... О чем я, собственно? Странно путаются мысли. Такое впечатление, что мик выходит из повиновения. Настойчиво предлагает мне какую-то информацию. Что там у него? Ариана... Марианна... Да нет, Мартина. Она не придет. С ней плохо? Очень хорошо? Что — хорошо и что — плохо?.. Что еще? Надо уходить? Срочно уходить? Куда? Прямо в лес? А там что? В лес, в лес... Ну ладно, ладно, я иду, уже иду. Что с Арианой? И что будет со мной?..

Я и в самом деле шел. Размахивая сумкой, вламывался в чащу, не разбирая дороги. Хотя никакой дороги здесь и не было. Дикий лес. Джунгли. Тропическая тайга. Да иду я, иду! Что с моей головой? Она сейчас взорвется. Разлетится на осколки, поражая все вокруг... Это стихи? При чем тут стихи? Проза. Проза жизни... Жизнь. Что есть жизнь? Форма существования белковых тел? Что со мной? Кажется, бред. Это и в самом деле бред. Жизнь. Я перестаю жить. Прекращаю существовать. Я...

Что-то хлестнуло меня по лицу. И сильно ударило. Я упал? Не знаю. Я совсем ничего не знаю.:. Голова, голова! Ее больше нет!

На этом я перестал существовать.

Глава 6

Охота к перемене мест (дни событий двадцать третий — двадцать четвертый)

Прошла вечность, прежде чем я воскрес. Но не сразу поверил, что вернулся к жизни. Или она ко мне, все равно.

Голова была легкой, пустой, бездумной, звонкой. Боль исчезла вместе с мыслями и с привычным многомерным восприятием мира. Мир оказался простым и прекрасным. О нем не надо было думать. Только воспринимать его. Глазами, ушами, ноздрями, языком, кончиками пальцев. Не надо было говорить. Только смеяться, радуясь тому, что мир таков, каким я его сейчас увидел.

Каков же он? Я приподнялся на локте, чтобы побольше увидеть.

Я лежал на просторной веранде (слово вспомнилось не сразу), на чем-то вроде коврика, хотя и не мягком, но почему-то ласковом. Прямо передо мною был лес, позади (пришлось повернуться, чтобы увидеть; я выполнил это простое движение с радостью) — сложенная из бревен стена дома. Такие существовали только в старинных вариаблях и на картинах. В реальной жизни их давно уже не было. Быть может, я вернулся все-таки не в жизнь, а во что-то другое? Тоже в жизнь, конечно, но в какую-то иную ее стадию?.. Хотя моя сумка — она тут, рядом, на полу, — наверняка относится к обычному миру грубых материальных тел...

На веранду взошел некто. Не человек. Четвероногое. Я напрягся, чтобы вспомнить: собака. Она подошла ко мне и улыбнулась. Я хотел сказать ей что-нибудь приятное, но забыл, как пользоваться речью. Собака поглядела на меня, повернулась и ушла, негромко постукивая когтями по доскам пола.

Я почувствовал: необходимо понять, где я, почему и зачем. У меня не было ответов, но они должны были оказаться у мика.

Однако привычное обращение к нему ни к чему не привело. Мик впервые за долгие (показалось мне) прожитые годы безмолвствовал.

Это вызвало у меня острое чувство тревоги. Я испугался. Я не умел жить без мика. Никто в мире не умел. Только что наполнявшая меня радость исчезла. Ее место занял страх.

Я сел на коврике. От резкого движения закружилась голова. Но только на миг. Подобрав под себя ноги, я медленно начал вставать, опасаясь того, что ноги не станут повиновать-

ся, что снова засбоит вестибуляр. Но ничего не произошло; колени не дрожали, голова оставалась ясной. Ясной и пустой, как будто ее недавно тщательно промыли.

Захотелось войти в медитацию. Но, к своему ужасу, я убедился, что забыл, как это делается. Значит, дела мои совсем плохи.

За спиной возник звук. Я повернулся, инстинктивно приняв защитную позу, готовый к нападению неизвестного врага.

Звук — легкий скрип — шел от открывшейся двери дома. Сейчас в ней появился кто-то, похожий на меня. Не то, чтобы он был моим двойником; но у него были две руки, две ноги и все прочее — то есть он был человеком. Это меня обрадовало. Я понял, что только что был готов повстречаться с кем-то, совершенно чуждым. Все происшедшее со мной заставляло готовиться к самому необычному. А этот был привычным; и даже одет оказался совсем так же, как одевается большинство людей в Федерации.

Увидев меня стоящим, человек улыбнулся:

— Здравствуйте. Как себя чувствуете? Пришли в себя немного?

Я понял все; от первого слова до последнего. Потому что сказано все было на нормальном феделине — языке общения между мирами Федерации. Мне даже почудилось, что в речи его слышался слабый теллурианский акцент. Но в этом я мог и ошибиться.

Я хотел ответить обычным: «Со мною все в порядке», но язык по-прежнему отказывался подчиняться. Вместо членораздельной речи я издал какое-то мычание. Наверное, на моем лице возникла гримаса отчаяния, потому что человек сказал:

— Успокойтесь. Не волнуйтесь. Это всего лишь страх. Вы испугались. Ничего удивительного. Так бывает со всеми, кто попадает к нам так, как вы. Все восстановится очень быстро — как только вы сумеете справиться с растерянностью. Хотите — я помогу вам?

В ответ я смог лишь кивнуть.

— Вот и хорошо. Тогда расслабьтесь, насколько сможете. И постарайтесь как можно меньше сопротивляться. Готовы?

В следующее мгновение он вошел в меня. В мое сознание. Сенс, понял я. Не самый сильный. Но неплохой...

И сразу же ощутил, что мои способности возвращаются. Я вновь владею собой. Могу поставить мягкую защиту...

Он ощутил мое противодействие сразу же. Убрал свое поле. Снова улыбнулся:

— А вы, оказывается, собрат. Очень хорошо: тогда вам будет совсем легко восстановиться. Вы перестали бояться?

Я почувствовал, что обретаю дар речи. Однако...

— Мик! — Мне легко удалось выговорить это слово.

— Знаю. — Он кивнул. — С этим вам придется смириться. До тех пор пока вы здесь. Если захотите уйти — где-нибудь в других местах сможете восстановить его, вернее — заполнить. Сейчас ваш мик пуст, совершенно стерто все, что у вас в нем

было. И тут, у нас, вам ничего не удастся с ним сделать. Но все его схемы целы. Не волнуйтесь. А что же мы стоим? Хотите присесть? Вы голодны? Накормить вас? Мы тут едим нормальную пищу...

Наверное, я смог бы съесть что-нибудь. По пока мне было не до того. И когда мы уселись за круглый столик в углу веранды, я спросил:

— Зачем вы это сделали?

— О чем вы? Все, что мы сделали, это, подобрав вас в лесу, принесли сюда, в Прибрежный.

— Зачем стерли мой мик?

— Господи, — сказал он, — вечно я забываю... Нет, вы ошибаетесь: мы ничего не стирали и не стираем. Ни вам и никому другому.

— Но ведь...

Он поднял ладонь, прерывая:

— Это не мы. Это Гора.

— Гора? Это — кто-то? Или — что-то? Я не понял.

— Просто гора. Она находится довольно далеко отсюда, в центре материка — в трех тысячах километров. Это своего рода вулкан. Мы называем его просто Горой — потому что второй такой нет не только на этой планете, но, насколько нам известно, и ни в одном из обжитых миров.

— Не понимаю связи.

— Мы тоже поняли не сразу. Хотя мы здесь — уже четвертое поколение насельников. На материке. Мы называем его Матерь.

— Хорошее название. Но какое отношение эта ваша Гора, сколь бы мощным вулканом она ни была, имеет...

— К вашему мику — да и ко всем другим тоже? Как оказалось — самое непосредственное. Понимаете, название «вулкан» — достаточно условное. Гора извергает не лаву, пепел, кипяток или еще что-то в этом роде. По какой-то причине Гора генерирует поле, вернее — сложную комбинацию частот мощностью, как мы предполагаем, в петаватты — если только не в экзаватты. Поэтому, кстати, на Матери пригодно для жизни лишь побережье; я имею в виду животную жизнь. Да и там, где она еще существует — во внутренних районах, вдоль рубежа выживания — встречаются такие формы, что... Словом, мы туда не забираемся. Да это и не нужно. Нам прекрасно живется тут, близ воды. А вся средняя часть — пустыня. Во всяком случае, так говорят. Карт этих областей не существует; была, по слухам, одна попытка снять с высоты; полетевшая на съемку машина погибла. Дело в том, что и вся электроника, и не только она, но все, где работает электричество, моментально выходит из строя. А что может работать без электричества и электроники? — Отвечая на свой вопрос, он развел руками. — Вот вам и причина выхода из строя ваших миков. Такая уж здесь среда. А нормальные люди могут жить в Зоне Жизни без особых забот. Вот как мы, например.

— Вы хотите сказать, что...

— Да-да, именно то, что мы обходимся без миков и вовсе не чувствуем себя ущербными. Люди жили без биокомпьютеров тысячи лет, если не больше. Жили же! Вот и мы живем.

— То есть, попав сюда и лишившись всех записей, вы отказались от их восстановления?

Он усмехнулся:

— Ну не совсем так. Подобное произошло с нашими предками — мы называем их первым поколением. Мы, как я уже сказал, — четвертое. А все последующие рождались, без миков и всего такого, и нам их просто никто не имплантировал: мы в принципе против этого. Своего рода консерваторы. Ретрограды. Мы — бескоды, так мы себя называем. Расшифровывается легко: у нас нет миков, значит, нет и ЛК — личного кода, как это у вас называется. Мы живем как бы незаконно — нигде не зарегистрированы и так далее. Но мы никому не причиняем вреда, иногда помогаем — когда людей с островов заносит сюда стихия, случай или любопытство. Кстати, некоторые из них остаются у нас, дают начало новым родам. Но мы никого не заставляем, конечно. Вот вы, я чувствую, не захотите остаться у нас. Насколько я успел понять, ваша целеустремленность — иного рода...

Он не спрашивал, просто констатировал факт. Я кивнул:

— Вы не ошиблись. Во всяком случае, сейчас я себе не хозяин. Дело в том, что...

Он снова жестом прервал меня:

— Не надо. Интересы вашего мира — или миров — чужды нам, мы к ним безразличны, мы видим и любим в мире лишь конкретное, естественное... Надеюсь, я вас не обидел?

Он просто излучал доброжелательность, и я в ответ лишь улыбнулся:

— Ни в коем случае. Только...

— Вас что-то смущает? — безошибочно определил он.

— Скорее удивляет, — признал я. — Этот ваш вулкан... Это ведь уникальное явление, пожалуй, во всей известной части Галактики. Интерес науки к нему должен быть громадным! И не одной лишь науки: Гора может оказаться и, так сказать, рукотворным явлением — пусть и не наших рук делом. Но мне не попадалось ни клочка информации, которая бы...

— Ах, вот что! — протянул он, как мне показалось, с облегчением. — Ну, это объясняется очень просто. Те, кто правит на Топси, не заинтересованы в том, чтобы мир оккупировали службы Федерации — а так оно непременно произошло бы. Конечно, власти и на Армаге, и на Теллусе о нашей Горе осведомлены — однако эти материалы хранятся, видимо, достаточно надежно. Вначале их люди пытались исследовать это явление. И убедились, что подобраться к нему просто невозможно: оборудование, как я уже говорил, выходит из строя, люди лишаются своих миков, а если

продолжают движение к вулкану — гибнут. Даже попытки съемки с больших высот ничего не дали: без электроники такие съемки — простой оптикой — дают одну лишь засветку, а электроника... Ну, это вам уже ясно. Вот вам и ответ на ваши сомнения.

Я кивнул:

— Ваш рассказ очень интересен. И как знать — когда-нибудь потом... Ну а сейчас — вы сможете помочь мне выбраться отсюда?

Он откликнулся не сразу:

— Мы постараемся, конечно. Но... хотелось бы знать, как вы оказались здесь, в каких отношениях находитесь с властями внешнего мира, опасаетесь ли чего-либо — ну, вы понимаете. Нет, мы не выдаем преступников, хотя стараемся поскорее освободиться от них. Я спрашиваю потому, что есть способы помочь простые и сложные, и мы должны выбрать такой, который...

На этот раз пришлось прервать его мне — ради экономии времени:

— Простите: у вас здесь есть имена?

— У нас?.. А разве я не представился? Тысяча извинений. Меня зовут Селен, если угодно, я — мэр этого поселения...

— Селен, сейчас я вам все объясню.

— Не все, нет. Ровно столько, сколько мне нужно знать, чтобы обеспечить вашу безопасность. Как вы, наверное, знаете, многие знания дают многие печали...

Я рассказал ему, как он и просил, лишь самое основное. Селен ненадолго задумался. Потом кивнул:

— Думаю, у нас получится. Если только вам не помешают... Назовем это для простоты предрассудками.

— Ну, — усмехнулся я, — нечистой силы я не боюсь. Основами магии владею.

— В этом я уже убедился, — сказал он. — Но магия тут ни при чем. Я имел в виду другое: наше побережье, по всему периметру материка, используется очень многими. Оно считается как бы нейтральной зоной, где никто не пытается совать нос в чужие дела, все предпочитают жить спокойно и решать собственные проблемы. Тут есть, как мы их называем, станции и официальных властей, и многих Служб всех сколько-нибудь значительных миров, и тех, кто является второй реальной властью — или, может быть, на деле первой...

Он явно имел в виду «Т»-власть. Но это значило...

— ...Но с нею решаются иметь дело не все: характер этой власти кое-кого смущает. А вас?

...но это значило, что все складывается вовсе не самым плохим образом: мне в любом случае пришлось бы искать контакты с людьми «Т», ведь самая убедительная из моих версий как раз и основывалась на том, что похитителями семян уракары был именно кто-то из них. А тут встреча с ними произойдет как бы сама собой, по логике событий. Прекрасно.

Отвечая на вопрос мэра, я пожал плечами:

— Мне не раз приходилось иметь с ними дело.

Я мог бы сказать: «И с другими, еще похлеще». Но решил, что это ни к чему.

— То есть у вас нет претензий к ним. А у них к вам?

Я наскоро перебрал в памяти все случаи моего общения с «Т»-властью. Нет, между нами не возникало конфликтов. Я ведь принадлежал не к той Службе, чьей обязанностью было время от времени портить им жизнь.

— Думаю, что у них нет оснований не любить меня.

(Даже в случае, если они узнают мое настоящее имя, так подумал я, но снова оставил мысль при себе.)

— Очень хорошо. Потому что, откровенно говоря, все другие способы вывезти вас из этого мира кажутся мне более чем рискованными. А если они возьмутся за это дело, то... Правда, есть еще одно обстоятельство: они не любят делать что-либо даром. Но, пожалуй, могут открыть вам кредит. Впрочем, это уже ваша задача: убедить их помочь вам. Мы можем лишь создать возможность таких переговоров.

— Кажется, у меня найдется, чем убедить их, — заверил я.

— В таком случае, завтра отправимся в путь.

— Только завтра?

Он уловил разочарование, прозвучавшее в моем голосе.

— Если мы выйдем в море на рассвете, то прибудем к ним только к вечеру.

— О суше я не говорю, но если воздухом?

— Увы, таких возможностей у нас нет. Здесь невозможно сохранять энергию: все накопители садятся прямо на глазах. Гора, друг мой, даже здесь проявляет свой характер. Так что у вас еще есть время, чтобы пообедать, познакомиться с поселком — если это вас интересует...

— С удовольствием — раз уж приходится задержаться здесь. — Я почувствовал, что Селен слегка обиделся. — Поймите правильно: у меня катастрофа со временем, иначе я охотно провел бы у вас неделю-другую: все тут кажется мне очень интересным...

Он немного оттаял.

— Хорошо. Только старайтесь не очень отдаляться от берега. У вашего организма нет привычки к нашим фоновым полям; а во второй раз на вас могут и не наткнуться так удачно: лес велик и густ.

— Вы меня напугали. Обещаю оставаться на территории поселка.

— Так будет полезнее для вас.

Мы пообедали — тем, что мэр поселения назвал «натуральными продуктами». Не знаю, может быть, кому-то это кажется вкусным, мне же показалось слишком пресным; наверное, вкус мой — как и любого нормального жителя Федерации — за

века цивилизованного житья успел извратиться. Однако за столом я старался сохранять на лице выражение полного удовольствия, а голод, который я испытывал, был в этом деле хорошим помощником.

Прогулка по поселению и в самом деле оказалась небезлюбопытной. Казалось, я попал в учебник старой истории — когда люди жили в деревнях, тут же по соседству содержали животных и выращивали растения — в конечном итоге и то и другое служило едой. Похоже, о генетическом вмешательстве здесь ничего не знали — хотя скорее не хотели знать. Синтетической пищей и не пахло. Удивительно, что жители, невзирая на это, выглядели здоровыми и веселыми. Главным их занятием было, однако, рыболовство, а также (как я заключил после того, как заметил пару характерных сценок на берегу) контрабанда. В этой мысли я окончательно укрепился, заглянув в местный магазин; торговали там не домотканиной и лаптями, но тем, что можно было найти в любом городе любого из миров Федерации. И расплачивались покупатели нормальными деньгами; следовательно, невзирая на своеобразный способ жизни, люди эти, которых по федеральной статистике вовсе не существовало, принимали активное участие в экономической жизни мира. Небольшой консервный заводик на окраине только подтвердил такой вывод.

Как я и обещал, я не вышел за пределы поселения и, нагулявшись и насмотревшись, вернулся к домику мэра. Ужин был очень похож на обед — только порции были поменьше. За ужином распили и бутылочку крепкого местного пойла, вкусом напоминавшего виски. Я пытался отказаться, но мэр успокоил:

— Никаких последствий не будет. Проснетесь свеженьким, без малейших признаков похмелья.

Я поверил — и не пожалел об этом. Эта микстура позволила мне быстро и крепко уснуть в отведенной мне комнатке, предназначенной именно для гостей — во всяком случае, в этом уверил меня Селен. И еще добавил, что гарантирует мне отдых без сновидений.

В этом он, однако, оказался не прав.

Уж не знаю — случайно или нет, но сон я видел. И хороший. В нем мне удалось снова встретиться с Арианой. Мы с ней опять шли по Аморскому пляжу, а компания Вериги плелась за нами по пятам, и я на ходу размышлял вслух, недоумевая, каким же способом они меня засекли; я убеждал Ариану, что это получилось совсем случайно. Она же считала, что случай тут ни при чем: просто те, на кого работал Верига, получили какую-то новую информацию об Акриде и решили, что она никак не должна достаться мне; однако предотвратить этого не сумели. Оставалось только неясным — кем были его хозяева. Под конец Ариана утешила:

— Не грусти. Сейчас у них твоих следов и вовсе не осталось. Раз уж стерто все, что находилось в мике, то и по ЛК тебя не найти. Так что теперь можешь ходить рядом с ними, и никто даже не заподозрит твоего присутствия.

Ее слова меня обрадовали, хотя я и удивился тому, что сам не смог прийти к столь простому выводу. В благодарность я крепко поцеловал ее, пользуясь тем, что мы оказались только вдвоем — и пляж, и все, кто на нем находился, куда-то исчезли, естественно и необъяснимо, как и бывает во сне. Мы с Арианой занялись любовью, а в перерывах немало поговорили за жизнь, прошлую и будущую; во сне оказалось, что и в одной, и в другой мы всегда находились и так и останемся вместе — во сне это тоже никого из нас не удивило и доказательств не потребовалось; в общем, мы неплохо провели время. Только на какое-то время я затосковал потому, что у нее (не во сне, а в настоящей жизни) остались мои две кристеллы с шифрованными записями, которыми я надеялся еще воспользоваться при случае; третья (или скорее первая) осталась у Акрида. Я сказал, что будь записи у меня — я бы смог использовать их, чтобы заинтересовать тех, с кем мне только еще предстояло встретиться, в оказании мне всяческой помощи; восстановить же их я никак не мог: мой мик был пуст, как счет в банке. Ариана ответила, что вернет мне кристеллы — и в самом деле тут же вручила мне коробочки, посоветовав спрятать их под подушку. Я так и сделал. Тут мы вдруг решили, что уединение нам надоело, и снова вышли на пляж, послушно вернувшийся на свое место, — и принялись искать развлечений. И нашли их немало. Правда, такое времяпрепровождение привело к тому, что мои запасы наличности ощутимо поистощились. Однако, как известно, кто покупает дорого, покупает хорошо. Потом Ариана сказала, что ей пора, да и мне нужно хоть сколько-то отдохнуть перед завтрашним днем. Я удивился, как удалось ей возникнуть тут, на материке, и пронести записи, которым следовало стереться; Ариана объяснила, что ночами воздух тут ионизируется слабее, и поле действует не так активно, как в светлую пору. Я немного рассердился тому, что она не приехала вовремя, как договаривались; она же заявила, что выполнила все условия, и это я сам, под влиянием поля, не дождался ее, пошел бродить по лесу, и ей с большим трудом удалось выяснить, где я нахожусь. Показываться здешним робинзонам представилось ей излишним, и она, затаившись, дожидалась ночи. Пришлось признать, что прозвучало все это достаточно убедительно. Расстались мы с нею очень сердечно, выражая обоюдное желание, чтобы наша разлука не оказалась слишком уж долгой. Насколько мы оба в это верили — другой разговор. Однако я искренне огорчился, когда сразу же после этих слов она исчезла без следа, даже без прощального поцелуя. Но ничего уже не мог поделать: пора была и самому просыпаться и вставать на крыло, а если точно — уходить под парусом.

Проснувшись, я сунул руку под подушку — и обнаружил капсулы с кристеллами. Капсулы оказались тщательно заэкранированными, и была надежда, что некоторое время их содержимое будет защищено от стирания, а уж когда окажемся в море, такая опасность и вовсе исчезнет. Значит, Ариана была здесь не только во сне; впрочем, и до этого я интуитивно знал, что она была тут, рядом: и память тела свидетельствовала об этом, и вторая, смятая подушка — тоже. Я вздохнул и подумал, что робинзоново зелье все-таки было с секретом; будь мой мик в порядке — я сразу же обнаружил бы это, а без его помощи не сумел — очень уж ослабел от всех последних событий и передряг.

Сейчас, однако, я чувствовал себя в хорошей форме. И когда, после пресного завтрака, мы погрузились на шаланду, полагал себя уже готовым ко всяким событиям.

Намеченный путь мы, однако, проделали спокойно. Море было усеяно всяческими плавсредствами, и даже при большом желании выловить нас из этого множества было бы сложно. Но никто и не пытался, похоже, это сделать; и мы высадились на берег в намеченном месте, даже не очень устав. Не скажу, что море было совершенно спокойным; но, к счастью, я не подвержен морской болезни и считал себя совершенно готовым к разным встречам и серьезным разговорам. Я искренне надеялся, что подкреплять свою просьбу кулаками мне не придется.

Мое прибытие на «станцию «Т» прошло без всякой помпы, ни оркестра, ни почетного караула я не заметил — впрочем, я их и не ожидал. Кому-то, кто здесь был, видимо, старшим, заранее доложили о нашем появлении, которое, похоже, никого не застало врасплох: нас уже ждали. Я не стал удивляться, подумал только, что какая-то связь между станциями и поселениями побережья все же существовала; голубиная почта, на худой конец. Люди на станции выглядели самыми обычными гражданами Федерации; кого-нибудь это, может быть, и удивило бы, но не меня: в прошлом я встречался с представителями этой власти не раз, да и не десять тоже.

Меня встретили молодые, крепкие, подтянутые ребята, чьи глаза выражали спокойствие и равнодушие. На пристани, едва мы толкнулись кранцами о стенку, один, в десантной тельняшке и матросских штанах, с сериалом на ремне, вытянув руку, как семафор, спросил моего спутника из поселения: «Этот, что ли, на заброс?» «Этот самый», — последовало в ответ. «Вылазь», — сказали мне, никто не протянул руки, чтобы помочь. Впрочем, в помощи я уже не нуждался: отдохнул за целый день безделья. Оказавшись на суше, я приветствовал их, как полагалось по их обычаям. Обоим это явно понравилось. «С тобой все, отваливай», сказали на этот раз моряку из поселения, и он, прощально помахав мне, включил мотор, даже не попытавшись выйти

на берег. Порядки тут были строгие, видимо. Тот же парень сказал мне: «Ну, топай», — и первым двинулся вверх по крутой лестнице; я пошел за ним, а второй из встречавших замкнул процессию. Я ожидал каких-то вопросов; их не задали.

Пока мы поднимались и уже наверху неторопливо шли к стоявшим неподалеку строениям, большая часть которых — длинные, с немногочисленными форточками под самой крышей — напоминала товарные склады, мне очень хотелось заглянуть внутрь того парня, что шагал передо мною, и немного покопаться в его сознании; но я отказался от этого намерения, потому что не был уверен, что умения мои восстановились, а значит, он мог заметить мою попытку; реакция его вряд ли была бы благоприятной, а рисковать сейчас и здесь было более чем глупо. Миновав склады, мы остановились перед домом поменьше, жилым, или конторским, или же объединявшим и то, и другое назначение. Первый повернулся ко мне. «Без багажа, — сказал он не вопросительно, а просто констатировал факт. — А в карманах?» Я вытащил капсулы с кристеллами, возвращенные мне Арианой. «Это у тебя что?» Я ответил: «Для вас», — и с готовностью протянул ему запись. Он отрицательно качнул головой: «Отдашь там». Он не пояснил — где именно. «Пошли», — и мы поднялись по чисто подметенному крыльцу. Я решил было, что меня ведут в предназначенную мне комнату, чтобы я смог отдохнуть перед всем тем, что, по моему разумению, должно было последовать: представление здешнему начальству, переговоры на тему — чего я хочу от них и во что это встанет мне, и все прочее. Чтобы ускорить процесс, я сказал: «Ребята, мне отдых не нужен, я могу хоть сейчас». Не ответили ни слова, только замыкающий коротко хмыкнул — словно подавил смешок. Мы прошли по коридору и остановились перед дверью, рядом с которой стоял еще один, похожий на моих проводников, только этот был вооружен дистантоммиди. Он не сделал попытки остановить нас; видимо, такая процедура происходила тут не впервые и была хорошо отработана. Первый из моих проводников — или конвоиров — стукнул в дверь. В ответ три раза тонко пискнуло. «Джокер», — проговорил он. Щелкнуло, дверь отворилась. Мы прошли тесный тамбур и оказались в просторной и светлой, хотя и без единого окошка, комнате. Основную часть ее обстановки составлял большой пульт знакомого облика. За ним сидел средних лет мужик в такой же тельняшке, только брюки у него были армейского образца, а не флотские. Он кивнул в мою сторону: «Этот?» «Ну не мы же», — сказал на этот раз второй проводник. Тут только я начал догадываться. «Погодите, погодите, ребята...» — начал было я. Но дверца в боковой стене уже распахнулась, открывая глазам знакомую кабину вневремянки. «Вы даже не спросили, куда я хочу...» «Туда», — услышал я, в то время как двое взяли меня под локти, подвели к дверце и не очень деликатно втолкнули в ка-

бину. Я успел только подумать, что с вневремянкой мне фатально не везет последнее время, как дверца за мной защелкнулась и не осталось ничего другого, как терпеливо ждать — чем же все это завершится.

Впрочем, какие ожидания во вневремянке? Я не успел и глазом моргнуть, как дверца вновь распахнулась, сыграв положенные два такта приветственной песенки, и снаружи меня пригласили выйти.

Стандарт — великая вещь, но у меня он порой вызывает немалую досаду; вот и сейчас, оказавшись на той ВВ-станции, куда кому-то заблагорассудилось меня отправить, я испытал чувство крайнего недовольства, хотя и постарался никак не проявить его внешне. Мне очень хотелось понять, где же я оказался, — но обстановка тут была точно такой же, как и на любой подобной станции в Галактике; то есть я мог находиться все на той же Топси, или на Армаге, или на Симоне, предположим, или у черта на рогах. Будь здесь окна — можно было бы, увидев окружающий ландшафт, сделать хотя бы какие-то предположения; но окон, как и полагалось, тут не имелось, так что вынужденное ожидание должно было продлиться, пока кому-нибудь не придет в голову ввести меня в курс событий. Самое время было пожалеть, что я связался с «Т»-людьми; но я хорошо помнил, что другого выхода у меня просто не имелось, так что в любом случае следовало испытывать к ним благодарность. И еще — надежду на то, что они не окажутся слишком уж крутыми.

Поэтому я пробормотал несколько слов, выражавших мою признательность за оказанную помощь, человеку, ожидавшему меня в предкамернике. Он не отреагировал никак, просто жестом указал на выход. Я счел за благо повиноваться.

Я ожидал, что за дверью будет коридор; оказалось — лифт. Судя по шкале индикатора, он поднимался до сорок первого этажа; это уже говорило что-то об уровне цивилизации. Мы остановились на двадцать первом; я усмотрел в этом некий благоприятный знак. Вышли, пересекли площадку и оказались в приемной, какой не постеснялся бы и федеральный министр внутренних дел. Секретарша за пультом вполне могла бы выиграть в конкурсе «Мисс Галактика». Она выстрелила в нас очаровательной улыбкой (я почувствовал, что сердце дало легкий сбой) и проговорила — в микрофон, надо полагать, хотя он и не был заметен:

— Наш гость прибыл, президент.

Я ощутил, как начинаю стремительно вырастать в собственных глазах.

Откуда-то из пространства донеслось:

— Просите!

После чего последовали еще одна улыбка и изящный жест:

— Будьте любезны — вас ждут.

Я улыбнулся ей в ответ; боюсь только, что улыбка получилась не вполне симметричной, попросту говоря — кривой. Потому что меня охватило волнение, и все, на что я еще был способен, — это подойти к указанной двери, двигаясь более или менее прямолинейно, и войти в кабинет, выражая лицом спокойствие и достоинство.

Президент (чего только?) оказался седокудрым мужиком в отлично сшитом костюме. Усадив меня в кресло, осведомился, какая выпивка придется мне по вкусу после многих часов болтанки в океане (я попросил чего-нибудь теллурианского и не скрыл удивления, когда попробовал налитую жидкость: коньяк оказался не из худших, не какая-нибудь подделка), и попросил откровенно поделиться с ним моими заботами. Говорил он, как джентльмен, а не урка, и в этом не было ничего удивительного: во власти «Т» можно было при желании найти даже принцев крови — и побольше, чем в кадрах «О».

Я выложил ему все то, что счел нужным — то есть меньше половины информации. Но он, похоже, обрадовался и этому.

— Ладно, — сказал он, — чего-то в этом роде я и ожидал. С того самого часа, как мне сообщили с Топси, что туда прибыл любопытный — то ли искатель приключений, то ли еще кто. Нас это заинтересовало, так что если бы вы сами не обратились к нам, мы так или иначе нашли бы время и место для серьезного разговора с вами. Значит, вот что вас гложет: уракара. Мы тут краем уха слышали. Но настоящей информации не запрашивали: казалось, что это — вне наших интересов. Похоже, не так. По-вашему, получается, что этими семечками можно решать серьезные проблемы в масштабе миров?

— Именно так, — кивнул я.

— И Армаг собирается заварить крутую кашу в галактическом масштабе?

Собственно, об этом я не говорил ему ни слова. Насчет Армага у меня самого были только смутные догадки, да и те стерлись вместе с остальными записями мика. Он заметил мое удивление. Усмехнулся:

— Хотя и на отлете мы живем, но не без информации.

Я только кивнул. Собственно, удивляться было нечему: люди «Т» были везде, наверняка их хватало даже в Официальной власти. Так что информацию они черпали полными горстями.

— А кстати, — я счел момент удачным для такого вопроса: — На отлете, сказали вы, а нельзя ли точнее? Меня просто интересует: где я нахожусь?

Он весело рассмеялся, но тут же снова стал серьезным:

— Простите ради Создателя, ваши слова напомнили мне очень древний анекдот: «К черту подробности, какой это город?» А что касается вашего вопроса, то он достаточно

серьезен. Скажите: вам действительно необходимо знать, где вы находитесь?

— Ну, собственно... Мне кажется, естественное любопытство...

— Отлично понимаю вас. Но видите ли, если я и сообщу вам название этого мира — оно вам ничего не даст, поскольку он, наш мир, не входит в состав Федерации и не обозначен ни на одной из галактических карт. Попасть на него, как и покинуть его, можно лишь на наших кораблях или при помощи нашей собственной сети ВВ, по которой, собственно, вас сюда и доставили. Но это все — только для наших же людей. Узнать — значит, принять на себя определенные обязательства. Вы человек информированный и догадываетесь, что к нам можно войти, но выйти нельзя. Говоря «наших», я имею в виду людей, постоянно сотрудничающих с нами. Так что, может быть, сейчас нам лучше вернуться к теме разговора?

Кивком я признал его правоту. И сказал, начиная деловой разговор:

— О похищении зерен: похоже, многие полагают, что в этом деле не обошлось без вас.

Он ответил не сразу:

— Не думаю. Я бы знал... Так чего же вы хотите от нас?

— Помогите мне вернуться в миры Федерации.

— Куда именно?

Вопрос был не случайным, и я это понимал.

— Это имеет значение?

— Ну, ну, — сказал он, чуть улыбнувшись. — Не надо.

— Я понимаю, что всякая услуга вознаграждается. Но есть разные способы отблагодарить...

— Вы пришли сюда по доброй воле, не так ли?

— Безусловно. Однако же...

— Вы можете по доброй воле и уйти. Пока еще можете.

Он отлично знал, что мне некуда деваться. Но не мог отказать себе в маленьком удовольствии: поводить рыбку, уже заглотившую крючок.

— Хорошо, — сказал я. — Во что мне обойдется ваша помощь?

— Мы помогаем только своим.

— Иными словами — вы хотите, чтобы я стал вашим?

— Мы не собираемся покупать вашу душу. Сохраняйте ее на здоровье. Но мы наймем вас для выполнения некоторой работы.

— И работа будет заключаться в том, чтобы найти семена для вас.

— Рад, что вы сохранили ясность мышления.

— Но зачем они вам?

Он пожал плечами:

— Они представляют собою какую-то силу. Мы считаем, что всякая сила должна по возможности принадлежать

нам. Разве не логично? А как ее применить и когда — в этом уж разберемся мы сами. Вы ведь не считали, что, разыскав семена, сможете получить их в полную и безраздельную собственность? Они, видимо, представляют собою слишком большую ценность для этого. Значит, вам пришлось бы так или иначе продать их кому-то. Вот мы и станем вашими покупателями.

— Я бы согласился на это — но при одном условии.

Он усмехнулся:

— Полагаете, что ваше положение позволяет выдвигать условия?

— Оно будет не столь важным для вас, как для меня.

— Выслушаю с интересом.

Я в немногих словах высказал мое условие. Он раздумывал недолго:

— Для нас это выглядит приемлемым. Во всяком случае, сейчас. Хорошо, мы можем согласиться на это.

— В таком случае, я могу работать на вас. Только...

Слуга двух господ, подумал я. Да только ли двух? Сколько их уже набралось? Скоро дойдет до полудюжины...

— Только? — повторил он вслед за мной.

— Хотелось бы оговорить, в первую очередь, мое вознаграждение.

— В случае удачи...

— В обоих случаях. Сумма, конечно, будет отличаться. Но мое время стоит достаточно дорого.

— Без нас, — сказал он, — вы потеряли его немало — и еще потеряете.

В этом я не был уверен; но разубеждать президента не стал.

— Кроме того, мне нужна помощь в восстановлении моего мика.

— Нет проблем.

— И, возможно, время от времени будет требоваться содействие ваших людей — там, где без этого будет не обойтись.

— Наши люди есть везде. Что же касается вашего вознаграждения, то оно будет больше, чем вам представляется.

Интересно. Должен я радоваться или, наоборот, опасаться?

— Думается, что вы не швыряетесь деньгами просто так?..

— Ни в коем случае. Но если уж вы согласны работать на нас, мы прежде всего остального попросим вас выполнить для нас одно задание. Похоже, оно будет не самым легким в вашей практике.

— Почему вы хотите поручить его именно мне? Чтобы проверить, каков я в деле? Смею сказать...

— Ни в коем случае. Ваша репутация, Разитель, известна нам достаточно давно. Но это задание, похоже, вы сможете выполнить успешнее, чем кто-либо другой.

 — Почему?

— Потому, что оно лежит в русле того, чем вы сейчас заняты — и хотите заниматься дальше. Признаюсь: я только сейчас, беседуя с вами, понял, что может оказаться ключом к... Впрочем, лучше будет изложить вам суть дела в нормальной последовательности, не так ли?

— Совершенно с вами согласен, — сказал я.

— У нас тут сейчас утро, — сказал президент. — Надеюсь, вы не откажетесь от легкого завтрака?

— Я справлюсь и с тяжелым, — пообещал я.

— Прекрасно. Тем более что за завтраком часто принимаются наилучшие решения.

Завтраком меня накормили прекрасным — не то что на материке Топси. А задание и в самом деле оказалось не из тех, с какими сталкиваешься если не каждый день, то уж три раза на неделе — точно. И, выслушивая и потом обговаривая его, я так и не уяснил для себя до конца, как же к нему отнестись: как к лихой операции или считать его смертельным номером с одним шансом на благополучный исход из ста, а то и тысячи.

Оказалось, однако, что помимо той информации, что относилась целиком к проблемам власти «Т», имелось в этой куче и жемчужное зерно. Иными словами — дело действительно было связано с исчезновением семян уракары и, следовательно, имело прямое отношение к той задаче, которую я поставил перед собой и хотел решить во что бы то ни стало.

Я еще не вполне понимал это, когда президент протянул мне какую-то распечатку — всего несколько строк. Я быстро пробежал ее глазами. Написанным там оказалось вот что:

«Как сообщает «Серпинформаг», деловые круги Серпы чрезвычайно взволнованы внезапным прекращением добычи потуита на восьми самых продуктивных промыслах. В правлении компании «Серпен-П», которой принадлежат промыслы, мы не получили сколько-нибудь удовлетворительного объяснения этого факта. Обозреватели считают, что оно не вызвано экономическими причинами, поскольку конъюнктура на энергетическом рынке Федерации в настоящее время является весьма благоприятной и цены стоят на высоком уровне. Насколько нам известно, остановка промыслов не связана также с какими-либо авариями или другими чрезвычайными происшествиями. С промыслами поддерживается нормальная связь, все здоровы. Как сообщили нашему корреспонденту в Департаменте энергетики Серпы, уже сформирована авторитетная комиссия, которая в ближайшее время вылетит к месту происшествия, чтобы выяснить причины неожиданного сбоя, грозящего экономике этого мира серьезными отрицательными последствиями».

Дочитав до конца, я поднял глаза на президента:

— Ну и что? Какое отношение это имеет к вам?

Он ответил после демонстративной паузы, во время которой пытался, похоже, взглядом добраться до моей сущности; так юнец глазами раздевает женщину, не имея смелости сделать это руками. Он пытался взломать меня, чтобы ревизовать мое сознание и подсознание. Но у него это могло получиться лишь в той мере, в какой я позволял. Легче всего в таких случаях бывает вломиться в мик человека; но у меня он все еще оставался пустым, так что выудить из него хоть что-нибудь не удалось бы и мастеру посильнее. Обычно психозондаж на такой попытке и заканчивался: пси-хакеры полагали, что если уж мик не выдает никакой информации, то с таким человеком не стоит и возиться. Это свидетельствовало лишь об их уровне — заурядно среднем. Президент же, хотя и не смог взломать мой блок, понял, что встретился с человеком, профессионально владеющим и своими тонкими телами. Это заставило его уважать меня — хотя и означало, что я всегда буду оставаться у него — у всех них — на подозрении. Почему же они все-таки хотят привлечь меня к их работе — они, у которых людей в наше время было с избытком? Ответ у меня был лишь один: людей такого уровня к ним шло не слишком-то много, и они вынуждены были хвататься за каждого.

Видимо, это и заставило его ответить на мой вопрос, хотя согласно их табели о рангах он мог просто цыкнуть на меня и пригрозить; арсенал угроз у «Т»-власти был всегда богатым. Но президент не сделал этого.

— Вам ведь не надо объяснять, что такое потуит? — спросил он, и в голосе его прозвучала нотка сарказма.

Вопрос явно был излишним; даже дети заучивают это название с ранних лет — название вещества, без которого невозможно создавать современные энергонакопители и силохранители, иными словами — поддерживать экономику на нужном уровне. Серпа была одним из очень немногих поставщиков потуита во все миры Федерации.

— Этого из меня не вычистили, — сказал я, позволив себе улыбнуться.

— Это наши компании, — сказал он. — И наш потуит. Хотя официально это, разумеется, выглядит несколько иначе.

— Ясно, — сказал я. Действительно, причина их интереса оказалась простой и уважительной. — Чего же вы ждете от меня?

Вместо ответа он протянул мне капсулу с кристеллой — вроде той, что лежала в моем кармане.

— Прежде чем продолжить разговор — полистайте это досье. Думаю, тогда у вас не останется вопросов — или почти не останется.

— Боюсь, вы переоцениваете мои возможности, — скромно заявил я.

— Меня пугает скорее обратное, — усмехнулся он, — что я их катастрофически недооцениваю. Но какими бы ни

оказались ваши таланты — главное, чтобы вы не пытались употребить их во зло. Вам может сойти с рук многое — только не измена. Основное — чтобы вы помнили: где бы вы ни находились, вы всегда будете на предметном стеклышке под нашим микроскопом.

— В этом я убежден, — согласился я.

— Рад, что у вас нет иллюзий на этот счет, — проговорил президент. — Когда ознакомитесь с материалом — будем говорить дальше. А пока — у меня множество и других дел. Так что оставляю вас здесь, — он усмехнулся, — как бы в одиночестве.

— Боюсь, что без вас мне не обойтись, — сказал я. — Мои возможности сейчас и вправду невелики: я не смогу считать с кристеллы ни байта, вы не забыли, что мой мик выведен из игры?

Президент чертыхнулся так, что ему позавидовал бы и матерый гуляка.

— Ладно, — проговорил он затем. — В немногих словах: как мы выяснили, причина остановки работ на П-промыслах — простой саботаж. Люди бросают работу — и все. Мы испробовали уже и кнут, и пряник — без толку. Сама мысль о продолжении работ вызывает у них крайнее отвращение и даже, я бы сказал, непонимание. Искали организаторов, руководителей этого движения; не нашли. Их просто-напросто не оказалось. Никто не уговаривал, не агитировал, не подкупал. Все произошло и происходит как бы само собой.

Я кивнул:

— Это мне что-то напоминает...

— Ага! Слушайте дальше. Нам удалось установить лишь одну связь: все это началось вскорости после избрания там нового президента. Как вы помните, «после» — не значит «вследствие». И мы никак не могли доказать хотя бы самим себе, что между этими событиями существует связь. Но вот сейчас все вроде бы встало на свои места, вам не кажется?

— Скажите, а почему бы вам просто не разогнать лентяев и не набрать новых?

Президент усмехнулся:

— Вы не первый дошли до светлой мысли. Правители Серпы не поощряют иммиграции, но с ними-то мы справились. Привезли. Заменили всех, от первого до последнего. И что же? Через неделю все повторилось. И мало того: стали бросать работу и люди во многих — да что во многих, практически во всех отраслях, какие вообще существуют на том мире. Признаюсь, у нас тут просто животы заболели от досады и сознания своего бессилия. И только сейчас, когда вы рассказали о ваших проблемах, меня словно озарило: а что, если это уракара? То же самое, что произошло, по вашим данным, на Тернаре? Вы ведь говорили, что семена были отправлены именно на Серпу, верно?

Я медленно кивнул, пытаясь собраться с мыслями. Из того, что я только что услышал, следовало, что система «Т»

не была замешана в похищении семян. А ведь именно такой была одна из моих основных версий. И я рассчитывал, что уже здесь смогу добиться какой-то ясности. Выходило, что надеялся зря: версия рушилась, и надо было начинать с нуля. Но, может быть, «Т»-президент просто темнит, как принято говорить у них? Может, мне осторожненько пошарить в его сознании? Рискованно, конечно, но дело стоит риска.

Я попробовал мягко, почти неуловимо просканировать его мысли и память. Может быть, он и ощутил мою попытку, но препятствовать не стал. Впрочем, я не злоупотребил этой возможностью. Девяносто пять против пяти было за то, что он говорил правду: к исчезновению семян эта власть действительно не имела отношения.

— А я было подумал, что это вы... — проговорил я вслух, чтобы объяснить возникшую паузу.

— Вынужден вас разочаровать, — и он развел руками. — Сейчас мы знаем об этом куда меньше вашего. Давайте думать вместе.

— Да уж придется, видимо, — признал я. — Скажите, а кто конкурирует с вашим потуитом на галактическом рынке?

— М-м... Ну прежде главной была Тернара. Сейчас она не вывозит ни килограмма; вы помогли мне понять — почему. А кроме нее, Серпа и Кантра.

— Верный друг и союзник Армага.

— Несомненно. Да и сам Армаг тоже толкается локтями... Ага! Понимаю, понимаю...

— Кажется, сообразил и я, чего вы от меня захотите.

— Это же совершенно ясно. Если действительно на Серпе действует тернарский вариант с ураканой — пока ведь это только мое предположение, — то ваша задача решается очень просто, хотя не сказать, что успешно: семян вам не найти, потому что они уже использованы.

Я покачал головой:

— Маловероятно. Слишком мало времени прошло после похищения. Думаю, что семена должны сначала хотя бы прорасти, и только после этого растения начнут как-то влиять на людей, выделять этот самый «ураган». Конечно, если бы знать, каков механизм их воздействия, что именно является главным: семена, ростки, взрослые деревья... Но я пока ничего не знаю — да и вы, видимо, тоже?

— К сожалению. Но где еще вы сможете выяснить что-нибудь об их действии, если не на Серпе?

— Серпа тут наверняка ни при чем. Хотя... возможно, это тоже было испытанием? Своего рода репетицией перед каким-то действием, еще более масштабным?

— Вот и выясните все это. Установите: кто посадил в кресло нового президента. Чьими были деньги.

— Вы думаете, это президент...

— Тут долго думать не нужно. Серпа — мир небольшой, и режим там весьма строгий. Это у вас на Теллусе или на Армаге можно заложить какие угодно плантации и власти еще долго не будут знать о них ровно ничего. На Серпе сделать это невозможно без ведома и разрешения властей. Ввоз туда растений и животных вообще запрещен, на каждый случай нужно разрешение с самых верхов. При старом президенте такое бы не прошло. Он был честным и порядочным человеком... хотя особыми способностями и не выделялся.

(Я внутренне усмехнулся: эта характеристика означала, что бывший президент не брал денег ни у кого, кроме «Т», и перекупить его было нельзя.)

— Новый же не производит благоприятного впечатления.

(Понимай: он берет деньги у кого-то другого, и на этот раз перекупить его не удается уже власти «Т».)

— Простите. Но ведь при таком положении доходов лишаетесь не только вы, но и сама Серпа? Или я ошибаюсь?

Он хмуро усмехнулся:

— И да, и нет. Она лишается доходов от вывоза потуита — то есть тех налогов и пошлин, которые уплачивали мы. Но — и это последняя информация — они получили огромные кредиты на невиданно льготных условиях: смехотворный процент — и рассрочка, на сколько бы вы думали? На девятьсот девяносто девять конвенционных лет! Вам случалось слышать о таком?

— Никогда, — ответил я чистосердечно.

— То есть их закупили на корню, чтобы закрыть наше производство. Представляете, как попрут в гору доходы Кантры и Армага после того, как Тернара и Серпа выбывают из игры?

— Хотел бы я иметь половину разницы...

— Не мечтайте: у вас таких денег никогда не будет. — Президент несколько раз утвердительно кивнул. — Однако без дохода вы не останетесь: когда выполните задание, вам не придется на нас обижаться.

— Надеюсь, — согласился я. — Но я пока еще не понял, в чем же оно будет заключаться? Найти и уничтожить посадки уракары?

— Это лишь часть задания. И не самая тяжелая.

— В чем же состоит остальная?

Он откашлялся, выдержал паузу.

— Во-первых: установить, какие механизмы были пущены в ход, чтобы провести этого президента на выборах. Установить так, чтобы это можно было доказать: нужны не мнения, а факты и по возможности документы. Это дало бы нам — конечно, через независимых политиков Серпы, через тамошнюю оппозицию (я снова чуть не улыбнулся, когда он произнес «независимых») возможность оспорить последние выборы в Феде-

ральном Трибунале, и уж мы использовали бы этот шанс на сто процентов, даже на двести. И во-вторых: если это не представится возможным — нейтрализовать этого молодца. А уж остальное сделаем мы сами.

Второй вариант мне и вовсе не понравился. Как-никак, от таких дел я отошел давно.

— Скажите, Президент, почему я? У вас ведь множество весьма квалифицированных профессионалов...

— Да. И мы уже потеряли там двух человек. Если бы речь шла только об игре со Службами Серпы, мы бы обошлись, конечно. Но сейчас там работает Армаг. А им-то все наши люди известны. Вы же для них — лицо нейтральное, во всяком случае, не принадлежащее к нашим системам. А кроме того, я учитываю и то, что у вас на Серпе есть собственные интересы.

— Хотите послать меня на Серпу?

— Отсюда — на Симону. А оттуда через небольшое время — на Серпу, вы поняли меня правильно.

— Разве у вас нет прямого сообщения?

— Есть, конечно. Но здесь я не могу купить для вас место посла на Серпе. А именно находясь в такой позиции, вы сможете с наибольшим успехом сделать все, что будет нужно.

Место посла? Ему что, удалось все-таки прочитать мои мысли? Получив ранг посла, я смогу совершенно официально явиться на Рынок, и... Но тсс... Сейчас об этом не надо даже думать. Продолжим разговор.

— Значит, на Симоне...

— На Симоне — просто потому, что там место посла стоит дешевле, чем во всех других мирах, поддерживающих отношения с Серпой. Посол — лицо, иммунизированное от ответственности, так что вы будете подвергаться наименьшему риску при выполнении деликатных операций — а без них вряд ли обойдется. Оцените уровень моей заботы о вас.

— Прекрасно, — сказал я. — Все очень просто. За исключением одной малости: во-первых, я не дипломат и никогда им не был. И во-вторых, мне не приходилось покупать должности, да еще в незнакомых мирах. Вам не кажется, что...

— Не кажется. Я же не предлагаю вам стать, ну, скажем, первым секретарем посольства: там действительно от вас потребовались бы профессиональные навыки. Но послы как раз редко бывают дипломатами. Куда чаще это просто люди, которых правительству хочется либо вознаградить за услуги, либо услать подальше от своего мира, но ликвидация которых нежелательна потому, что вызовет слишком большой шум. Так что можете быть спокойны: от вас никто не потребует знания дипломатических ходов и выходов. Вот разведчиком вас будут считать наверняка и вести себя по отношению к вам станут соответственно. А относительно покупки — на Симоне обратитесь к

нашему тамошнему папе, он сделает всю черновую работу, так что вам придется только участвовать в окончательных переговорах. Но это, надеюсь, вас не очень смутит?

Я лишь кивнул, чувствуя себя убежденным.

— Вот и прекрасно. Так что готовьтесь. Деньги получите в чеках — государственных, а не трэвел-чеках, конечно. Сумма будет в галлярах, как вы понимаете. Если они на Симоне будут запрашивать — поторгуйтесь: больше мы дать все равно не сможем. Если сэкономите — не пытайтесь скрыть: мы все равно узнаем подлинную цену. Тем более что деньги эти останутся в вашем распоряжении — они облегчат вам выполнение задания.

— Но ведь на Серпе уже есть, наверное, посол Симоны?

— Конечно, — кивнул президент. — Это вас волнует?

— Вы не думаете, что два посла одного и того же мира — многовато?

— Двух не будет. Если на Симоне вы справитесь с делом быстро, то можете еще успеть на похороны предыдущего. Вернее — помашете ручкой, когда его останки будут отправлять на родину. И пусть ваша совесть остается спокойной: этот посол тоже был нашим человеком, но, как вы и сами поняли, не оправдал ожиданий, и потому мы его приговорили.

Круто, однако, подумал я. Но вслух предпочел этого не высказывать. Просто решил, что засиживаться в послах, пожалуй, не стоит: это может пагубно повлиять на мое здоровье, о котором я всегда старался заботиться — насколько это вообще было возможно.

Впрочем, жизнь успела уже приучить меня к тому, что все получается, как правило, не совсем так — или совсем не так, как ты предполагаешь и планируешь.

Президенту, похоже, показалось, что я загрустил; и он сказал в утешение:

— Ничего — успеете еще прийти в себя. Понимаю, конечно, все это для вас несколько неожиданно. Но там у вас хватит времени отдохнуть, оглядеться и в конце концов почувствовать себя одним из нас — членом единственной в Галактике серьезной команды.

«Вроде бы я еще не давал своего согласия?» — спросил я. Но только мысленно, и только себя самого.

— А что же вам еще остается? — услышал я в следующий миг.

Я невольно вздрогнул: оказывается, я даже не позаботился о том, чтобы поставить мало-мальски действенную защиту, и президент все-таки прочитал мою мысль без труда — хотя сенсом был слабоватым. Мне в самом деле еще многого не хватало до нормальной формы.

Я постарался улыбнуться как можно приятнее. И сказал:

— Но прежде всего мне хотелось бы по-настоящему восстановиться. В моем мике стерты все программы, не говоря уже о памяти... Я ведь вам говорил.

— Этим можете заняться прямо сейчас. Дам вам прямой выход в ВВ-сеть. Конечно, что касается вашей личной памяти — тут, как говорится, медицина бессильна.

— Придется какое-то время обходиться без нее, — вздохнул я. Хотя на самом деле так не думал: мне лишь бы выйти в сеть — а там найду способ восстановить и личные записи. Сейчас я не забыл поставить блок, так что эта моя мысль осталась неподслушанной.

— Впрочем, — сказал президент, — утрата мик-памяти вряд ли уменьшила ваши сенсорные возможности и умения. Они, насколько могу судить, у вас не пострадали.

Я приосанился — просто так, чтобы чуть повеселее стало на душе.

На Симоне поначалу все шло без сучка, без задоринки. Не успел я выйти из ВВ-камеры, как был встречен ребятами из «Т», усажен в представительский скользун и доставлен к «Т»-папе этого мира. Авторитет принял меня достаточно вежливо, хотя и без признаков восторга; видимо, он чувствовал себя достаточно независимым даже от «Т»-президента. Но, разумеется, о моем задании его успели предупредить, и отказываться от поручения он не собирался: он мог давить фасон передо мною, но не перед своей верховной властью. И, выслушав меня, сказал:

— Дело-то несложное, надо только подумать немного — в какие ворота войти.

И, заметив мой вопросительный взгляд, пояснил:

— У нас должностями торгуют две партии: президентская и парламентская. И конкурируют между собой. Так что переговоры придется вести с обеими, чтобы сбить цену, а то они в последнее время совсем оборзели. Ни стыда, ни совести. Переплачивать им я не собираюсь.

— Я ведь привез деньги... — напомнил я.

— Ну, то, что вам там отстегнули, — это только на раскрутку. Чтобы попасть к тем, от кого зависит.

— Я думал, с вами тут считаются... — попытался я расшевелить его честолюбие. Папа лишь усмехнулся:

— Ну ладно вам — как ребенок, в самом деле. Считаются. Но правила игры и нам приходится выполнять. Кому нужны лишние сложности? Да мы денег на представительство не жалеем: все равно потом они к нам возвращаются. В общем, так. Сейчас устроим вас на отдых — а пока будете мыться-бриться, договоримся с ними о встрече. Видимо, к президентским придется ехать в офис, а болтунам назначим «стрелку» в «Галаксе»... это, поясняю, у нас ресторан такой со всеми удобствами — там мы с ними обычно базарим. Начнете с парламентских: обычно они берут меньше. Да, для спокойствия мы подобрали вам спутника. Конечно, мир наш, не в пример другим, достаточно спокойный, но рисковать мы не хотим.

Мысль о собственном личном телохранителе меня позабавила: можно будет устроить с ним конференцию по обмену опытом. Однако плотный присмотр мне никогда не нравился, так что я попробовал возразить:

— А нужно ли? В случае чего я и сам за себя постою...

— Это вам лучше знать. Но без спутника нельзя: вас примут за мелочь, с которой и разговаривать зазорно. Уж поверьте: я знаю, как надо. Да и была такая команда насчет вас.

И крикнул в переговорник:

— Дюжан, зайди!

В дверь вошел человек. Я взглянул на него. Узнал. И насторожился.

Потому что в вошедшем телохранителе опознал того самого унтера, что был моим соседом в полете с Теллуса и, понеся от меня некоторые потери, сошел с корабля именно на Симоне. Об этом маленьком эпизоде я успел уже забыть, но сейчас он вновь возник в памяти.

Было это совпадением — или результатом какого-то умысла?

Это еще предстояло выяснить.

Во всяком случае, заслуживало внимания хотя бы то, что, завидев меня, унтер (в мыслях я продолжал называть его так) не очень-то удивился. Вернее, изобразил удивление, но это получилось у него не очень убедительно. Артистизма ему явно недоставало.

— Проводи гостя, — сказал ему папа.

Унтер жестом указал мне на выход.

Часа через три он же зашел за мной и сказал, что пора ехать. Унтер вел себя спокойно и сдержанно, и если бы я не был уверен в своей памяти, то наверняка решил бы, что обознался и это — совершенно другой человек. Но памяти я верил.

Начали мы, как и предполагалось, с ресторана, у дверей которого нас встретили целых два швейцара, наряженных не в привычные ливреи, но в вакуум-скафандры; то была имитация, конечно, но впечатление возникало достаточно внушительное. Холл и обеденный зал были выдержаны в том же духе: стены были украшены громадными, подсвеченными изнутри фотоснимками далеких галактик и шаровых скоплений; временами свет пригасал, а оркестр, игравший в дальнем конце зала, умолкал, и слышался низкий, уверенный гул стартовых двигателей, записанный скорее всего наверху, на космостарте. Но в отдельных кабинетах обстановка была нормальной — без фотографий и рева. В одном из таких кабинетов нас и ждали.

Ожидавших было двое. Средних лет, в дорогих костюмах, хотя ни у одного из них не было в петлице значка с эмблемой парламента этого мира, так что я не был уверен, что они являются депутатами. Скорее это были парламентские юристы или хозяйственники; мне, впрочем, было все равно, кто они, —

лишь бы у них хватило полномочий для того, чтобы решить мой вопрос.

Унтер, после того, как ввел меня в кабинет и представил мою персону ожидавшим, вышел, сказав, что пообедает в зале; видимо, был уверен, что мой разговор тут протянется достаточно долго. И в самом деле, одна лишь процедура заказа заняла не менее четверти часа; похоже, она являлась своего рода ритуалом, в ходе которого метрдотель, сопровождаемый двумя официантами, называл предлагаемые закуски, первые и вторые блюда, объяснял состав и технологию их приготовления, свою речь иллюстрировал отличными фотографиями блюд, уже при одном взгляде на которые начиналось бурное слюноотделение. Заказчики неторопливо обсуждали каждую рекомендацию и в конце концов объявляли свое решение. Возникало впечатление, что идет парламентская дискуссия по поводу важного законопроекта. Я в это время старался развлечься тем, что прикидывал — во что станет мне эта процедура: платить-то предстояло из моего кармана, и хотя деньги не были, собственно, моими, я все равно внутренне ужасался называемым ценам; жизнь приучила меня к умеренности.

Когда стороны пришли к окончательной договоренности и метрдотель величественно выплыл из зала, а официанты принялись снаряжать стол для предстоящего принятия пищи, мы затеяли легкий разговор на общие темы: в частности, о политике федерального центра по отношению к остальным мирам, о стремлении Армага окончательно перетащить одеяло на себя и о прочем, столь же для всех нас вроде бы неважном. Я тем временем проанализировал собственное состояние и с удовольствием понял, что почти в форме, так что мог вступать в игру с достаточной уверенностью в своих силах. Сделав такое заключение, я принялся разглядывать моих собеседников на просвет, ожидая найти в их головах какой-то замысел, обращенный против меня: люди эти могли оказаться и агентами любой Службы, местной или даже федеральной и в памяти своей держать задание, например, по захвату или даже полному устранению меня, грешного. Я испытал странную смесь разочарования и удовольствия, когда убедился в том, что ничего подобного их рассудок не содержит; оба они были настроены лишь на то, чтобы дать мне поменьше и содрать при этом побольше. Наконец, когда официанты, уставив стол напитками и закусками и налив бокалы, удалились, мы перешли собственно к делу.

— Итак, вас интересует некая государственная должность, — не успев прожевать балык симонианского квазиосетра, обратился ко мне один из них, отличавшийся тем, что был лыс, в то время как его коллега порос обильными кудрями тускло-серого цвета. — Боюсь, что это будет сложно...

— Даже очень, — присовокупил кудрявый.

Я ответил им лишь вопросительным взглядом.

— Не говорю уже о том, что этот пост в настоящее время занят, — продолжал лысый, — но даже в случае его освобождения на него уже претендует четверо кандидатов.

— Очень достойные люди, — прозвучала реплика второго члена дуэта. — Очень, очень.

— Совершенно верно. И при этом каждый из них готов понести расходы...

— Немалые расходы, очень немалые...

— Я бы сказал даже — очень большие, для того чтобы... Ну вы ведь понимаете, не так ли?

— Я уверен, что вы понимаете!..

Пока они распевали на два голоса, я тоже открывал рот — но только для того, чтобы положить в него еще один вкусный кусочек. Однако после этого воззвания к моей понятливости я решил, что пора вместо дуэта организовать трио.

— Ну а если я беру эти расходы на себя и вы получаете готовый факт без всяких забот и достаточно быстро? Или еще лучше: просто гарантирую вам, что проблем с освобождением поста у вас не возникнет?

Я выговорил это с той небрежной уверенностью, которая должна была внушить собеседникам, что стоит мне пальцем пошевелить, и сразу же начнут происходить серьезные события. А чтобы они прониклись этой мыслью до конца, добавил еще:

— Я не привык, чтобы мне отказывали.

Кажется, это возымело действие.

— У нас и в мыслях не было — отказать вам...

— Мы бы и не пришли вовсе, если бы намеревались...

— В этом я уверен, — успокоил их я. — Полагаю, что речь идет о цене, и более ни о чем?

— Н-ну... — глубокомысленно протянул лысый.

— Эмм... — Интонация кудряша выражала глубокую задумчивость.

— Я готов выслушать ваши мнения, — приободрил оппонентов я.

— При совершенном уважении к вам — очень сложно. Если бы дело было только в цене... — затянул лысый.

— О цене всегда можно договориться, ведь верно? — подхватил второй. — Вас ведь не напугает сумма в пятьсот тысяч?

Разумеется, названная сумма меня не испугала. Однако же удивила. Президент выдал мне миллион; именно такой была, по его сведениям, цена. Похоже, должности в этом мире сильно подешевели?

— Вполне приемлемо, — откликнулся я вслух. — И давно у вас держатся такие цены?

— Цены? Очень давно... Мы рады, что они вас устраивают, и у нас не возникло бы ни малейших сомнений, если бы не личности других претендентов...

— Люди с громадным весом, вы понимаете?

— С весом, да. И с неограниченными возможностями.

— С неограниченными? — выразил я сомнение.

— Ну пусть с почти неограниченными. Но в наших условиях мы вынуждены...

— Мы льстим себя надеждой, — речь кудрявого становилась похожей на его шевелюру, — что сможем найти компромисс с вами не только по финансовой стороне проблемы, но и...

— В самом ли деле вам нужна именно эта должность? — поставил вопрос ребром лысый.

— Понимаете ли, остальные претенденты хорошо известны и находятся в тесных дружеских отношениях со многими депутатами. Нет, мы ни на минуту не сомневаемся в ваших достоинствах и известности, может быть, даже славе...

— Несомненно, славе...

— Но в нашем мире о вас информированы неполно. Вот если бы вас удовлетворила, к примеру, должность министра процветания и перспективы в нашем правительстве...

— Поверьте — прекрасный старт для стремительной политической карьеры. Вот уже четыре министра процветания в нашей истории сделались...

— Стоп, стоп, — прервал их я, чувствуя, как от этой болтовни у меня начинает гудеть голова. — При чем тут министр чего бы там ни было? На какой пост, по-вашему, я претендую?

Лысый пожал плечами, второй, в локонах, слегка развел ладони, выражая удивление.

— На трон вице-короля Симоны, разумеется, — пробормотал лысый. — На какой же еще?

— Вице-короля? Какой же территорией я стал бы управлять?

— Вы не совсем в курсе, я полагаю, — проговорил кудрявый тоном, ясно показывавшим, что к чудачествам богачей принято относиться снисходительно, как к детским шалостям. — Симона — королевство, разумеется, но король у нас не наследственный, а выборный — и вице-король точно так же.

Я почувствовал, что начинаю злиться.

— Вам что — даже не сказали, что я хочу купить?

— Видите ли, — после краткой паузы, которой хватило им, чтобы переглянуться, сказал лысый: — Собственно, для переговоров с вами были назначены другие люди, но в последний момент...

— Словом, получилось так, что мы не успели как следует...

— Но если вы скажете, о чем, собственно, мы должны договориться...

«О господи! — подумал я. Неужели во всех мирах парламенты одинаковы?»

— Пожалуйста, — сказал я, пытаясь сдержать раздражение, — с удовольствием просвещу вас. Я не хочу быть

вице-королем. Меня интересует всего лишь пост посла вашего мира на Серпе. И ничто другое.

Я ожидал, что мои собеседники вздохнут с удовольствием. Однако результат был противоположным: они озадаченно уставились на меня.

— Посла... на Серпе? — пробормотал лысый.

— Но это... это невозможно! — жалобно проныл кудрявич.

— Что-о? — грозно вопросил я.

— Ну не то, чтобы совсем невозможно, — неуверенно сказал лысый, — но тут нужно время, чтобы найти верный путь...

— Послов парламент не назначает и не утверждает, — собравшись с духом, объяснил кудрявый. — Это прерогатива королевского правительства. Так что для того, чтобы договориться с людьми в правительстве, понадобится не день и не два. Но главное — они заломят такие деньги, что для нас просто не имеет смысла вступать в такие отношения с ними. Да и вам это обойдется дороже: триста — нам, и еще столько же — для них. Понимаете ли...

— Я все понял, — сказал я сухо. И в самом деле: чего тут было не понять?

Я встал. Вежливо поклонился:

— Произошло недоразумение, господа. Мне не нужно было встречаться с вами. Приятного аппетита!

И я направился к выходу.

— Постойте, как же?..

— А счет? — возопил второй.

— Нет товара — нет денег, — ответил я наставительно.

— Мы согласны дать вам любое место в правительстве! Оттуда вы сможете...

— Как-нибудь в другой раз, — пообещал я, аккуратно затворяя за собой белую с золотом дверь.

Папе извиняться передо мною не хотелось, и он лишь пробормотал несколько слов, из которых следовало, что в парламенте обстановка меняется ежедневно, выгодные дела там рвут друг у друга, так что порой бывает совершенно непонятно, к кому следует обращаться, а от кого нужно держаться подальше. В ответ я лишь спросил:

— Что, у вас там нет своих людей, что ли?

— Есть-то есть, — ответил он, и в голосе его прозвучала досада. — Но там они в два счета развращаются, так что мы им перестаем доверять...

Я выразил ему сочувствие по этому поводу. После чего он пообещал, несколько приободрившись:

— Ничего, в правительстве устойчивости больше, так что с королевской партией договориться будет проще. Правда, — он вздохнул, — дороже. Но тут уж ничего не поделаешь...

— Ну, — необдуманно проговорил я, — все равно, это будет куда меньше, чем полагает президент...

И тут же спохватился: не следовало этого говорить, вот уж не следовало! Не дал себе труда подумать... Но было поздно: слова прозвучали и никак не прошли мимо слуха папы. Внешне ничего не изменилось, но у меня возникло четкое ощущение: он внутренне напрягся, насторожился, словно готовясь к схватке.

— Когда можно будет встретиться с людьми из той партии? — спросил я, стараясь показать, что ничего не понял и не заметил.

Но это не помогло: папа оставался в напряжении. Однако тоже старался никак не проявить этого.

— К сожалению, только завтра, — ответил он. — Они избегают заниматься делами во внеслужебное время. Старая традиция...

Может быть, так оно и было в действительности, и вынужденная проволочка папу огорчила: моему присутствию здесь он почему-то не радовался более. Но могло существовать и другое объяснение, к сожалению, весьма правдоподобное: он наверняка понял, что мне стала известна разница между реальными ценами на должности на Симоне — и теми, что он сообщал в центр «Т», перед которым отчитывался в расходах, иными словами — который таким путем обворовывал. В организации «Т» признается воровство только за ее пределами, и за нарушение этого правила карают жестоко. Меня же папа теперь счел, похоже, доверенным лицом самого президента, присланным для выяснения истинной ситуации на рынке постов. Я невольно подумал, что следует быть настороже. Но когда это я не был начеку?

Прощаясь с папой, я спросил, как он посоветует скоротать вечер, оказавшийся в моем распоряжении. Он нехотя усмехнулся:

— Ну, для одинокого мужчины — не вижу проблем. Правда, посоветовать ничего не могу: у меня уже и возраст не тот, и вообще я человек семейный и ничего такого себе давно уже не позволяю. Но вы спросите у вашего спутника: он наверняка в курсе.

Однако проводить вечер в компании бывшего унтера мне вовсе не улыбалось. Конечно, можно было снова овладеть и его памятью, и намерениями, чтобы он накрепко забыл обо всем, что, быть может, увидит и услышит. Будь мы на ничьей земле, я так и сделал бы. Но сейчас мы находились на его территории, где он выступал не в одиночку; а среди людей папы наверняка имелись и сенсы, которым под силу оказалось бы восстановить его стертые воспоминания; я вовсе не хотел преувеличивать своих возможностей. С другой же стороны, на предстоящий вечер у меня были намечены некоторые действия, которые мне хотелось осуществить без свидетелей. И по дороге домой (если только можно было назвать домом отведенные мне покои в пригороде), отдыхая на заднем сиденье скользуна, я составил план действий на весь остаток дня — и на часть ночи тоже, если мне понадобится дополнительное время.

Приехав, мы прямо из гаража поднялись на жилой этаж. В комнате, которую можно было бы назвать гости-

ной, унтер, даже не испросив разрешения, развалился в одном из кресел, как бы показывая, кто здесь настоящий хозяин, и закрыл глаза — наверное, чтобы посмотреть по своему мику какой-нибудь вариабль со стрельбой и любовью. Мне захотелось выяснить, как отложилась в его памяти наша первая встреча — на корабле, помнит ли он меня вообще, а также как далеко простираются его нынешние полномочия, и я проговорил:

— Может, приготовишь что-нибудь на ужин?

— Я вам не повар, — ответил он, не поднимая век.

«Ну, ладно, — подумал я. — Придется заняться тобою всерьез, а то ты совсем обнаглел».

— В таком случае я пойду куда-нибудь — закусить и развлечься. А ты отдыхай спокойно.

— Вам выходить не велено, — откликнулся он, все так же не открывая глаз: наверное, действие, которое он сейчас смотрел, было увлекательным, и ему не хотелось отрываться от него.

— Я ухожу, — проговорил я, вставая. — И что ты мне сделаешь?

Тут он взглянул наконец на меня. И привычным движением выхватил из наплечника дистант:

— Сказано сидеть — значит, сиди!

— Что же ты — в меня стрелять будешь?

— И буду, — ответил он уверенно.

— А что тебе скажет папа?

— Скажет спасибо, — проговорил он, усмехнувшись.

Я уже воздействовал на него, освобождая его сознание и память от наложенных другими запретов. Он не сознавал этого: мое давление было постепенным и мягким.

— Если со мной хоть что-нибудь случится — начальство папу не поблагодарит. А уж он на тебе отыграется.

— Испугал! — фыркнул унтерюга. — Что ему кто сделает? Тебя тут вовсе и не было, так что и спроса никакого.

— Интересно. Где же я, по-твоему?

— Откуда нам знать? Потерялся где-то по дороге сюда. От нас уже ушла депеша: не прибывал, и ничего знать не знаем...

Я понял. Совершенно случайно я проник в дела папы, которые президент наверняка счел бы недозволительными — потому что центру от них ничего не перепадало. Папа ни за что не поверит, что это произошло без моего на то желания; для него я — ставленник президента, и если оставить меня в живых — непременно доложу шефу обо всем, что удалось вызнать. Следовательно, от меня надо избавиться. Просто и убедительно.

— Ну, — сказал я, — не может быть, чтобы ты решился так просто взять и убить меня...

Я говорил медленно, как бы мысленно взвешивая такую возможность; на самом же деле я лихорадочно искал в подсознании экс-унтера те зацепки, что были оставлены мною при

нашем первом знакомстве. Я видел, что с той поры в него — исправного исполнителя — было вложено много всякого другого, и если я не обнаружу своих следов, справиться с ним будет нелегко. Но пока он смеялся в ответ на мое только что высказанное сомнение, я обнаружил их и понял, что у меня еще есть шансы стать хозяином положения. Это были как бы клеммы, к которым я мог подключиться, чтобы взять управление им на себя; так я и сделал.

— Хватит болтать, унтер! — проговорил я резко, командно. — Теперь — молчать и слушать!

Его словно тряхнуло ударом тока.

— Я не унтер... — пробормотал он растерянно. — Я спутник..

— Здесь. А в армии Армага?

Это был выпад наудачу — словно в полной темноте. Но меня и сейчас продолжало интересовать: кто хотел пасти меня с самого начала?

— Я в отпуске... — Он произносил слова медленно, словно они не сразу приходили ему в голову.

— Зачем же тебя прислали сюда?

— Семена...

— Семена уракары?

— Да.

— Какое отношение имеют они к Симоне?

Он сильно наморщил лоб, словно вспоминая.

— Какое отношение... к Симоне... Тут надо было сделать... Что-то нужно было сделать... Вот. Найти людей и организовать... чтобы они, если их спросят, показали, что здесь, на Симоне, семена были перехвачены, когда их привезли, чтобы отправить в другое место, и чтобы они сказали, куда эти семена должны были отправить — и куда потом их увезли в действительности...

Интересно. Очень интересно. Мои подозрения подтверждались.

— Они должны были сказать, что семена следовало отправить — куда же?

— На Кантру.

— А куда их якобы увезли в действительности?

— Куда... Не помню, не могу вспомнить.

— Вспоминай!

Я видел, что он действительно напрягает свою память, подвергавшуюся уже стольким влияниям, что реальные события прошлого путались в ней со внушенными.

— На Серпу? — подсказал я, чтобы ускорить допрос.

— На Серпу? Да... но то были другие семена, их было меньше, я помню. А эти, большая часть... Кажется, на Лорик... Да, точно: на Лорик.

Что же, неплохо, подумал я. Лорик — это квазиинформация. Наведенная. Поверив в нее, мне пришлось бы мотаться, высунув язык, с одного конца Галактики на другой в напрасных поисках семян, которые тем временем в третьем месте начали бы

свою работу. Хорошо. Остается еще один вопрос — но ответа на него унтер наверняка не знает: не его уровень. Этот ответ придется искать где-то в другом месте — и делать это надо будет мне самому.

И все же я спросил:

— А куда должны были уйти семена в действительности? Куда они ушли на самом деле?

Экс-унтер беспомощно развел руками:

— Правда, не знаю. Никогда не слышал.

Ну что же: я спросил лишь для очистки совести — или, может быть, в надежде на неправдоподобную удачу. Удачи на сей раз не было. Но и то, что я уже узнал, было важно. Даже очень.

— Я тебе верю, — сказал я. — А сейчас — идем к машине. Надо ехать.

Он поднялся, даже не пытаясь возразить. Лишь выведя скользун из гаража, спросил:

— Куда ехать?

— С кем я должен был договориться из королевской партии?

— Сейчас вспомню, сейчас... Вот. С начальником королевской охраны. Все, что касается должностей, — на нем.

— Где его найти — знаешь?

— Знаю.

— Едем туда.

— Но попасть к нему сейчас...

— Это уж моя забота, — сказал я. — Прибавь газу.

Только ветерок засвистел за окошком.

Остальное пошло гладко, как хорошо отрепетированный спектакль.

Разумеется, допустить меня к генералу отказались. Но согласились (разумеется, не бескорыстно) потревожить его по иннерсвязи. Я услышал его хрипловатый голос:

— Ну, кому там неймется?..

Похоже, он был слегка расслаблен после трудового дня. Но мне было все равно.

— В вашу дверь стучатся пятьсот кусков, генерал.

— Наликом? — Он, кажется, не очень удивился.

— Чеками. Но без подвоха.

— Для дорогих гостей мой дом всегда открыт, — был ответ. — Дай там трубку старшому.

Я так и сделал. Тут же меня попросили вывернуть карманы. Проверили на оружие. Его, естественно, не оказалось. Пропустили. Генерал, плотный мужик в пижаме, встретил меня за столом, на котором стояла бутылка и один бокал. Он собственноручно вынул из бара второй. Налил.

— Мне не отказывают. Здоров!

Я подчинился. Напиток был хорош и крепок.

— Покажи, — потребовал он, поставив опустошенный бокал на столик.

Я беспрекословно предъявил ему чеки. Он рассмотрел их очень внимательно. Похоже, он встречался с такими не впервые. Удовлетворенный осмотром, сунул их в карман.

— Что нужно?

— Место посла на Серпе.

— Угу.

— По возможности скорее.

— Часом располагаешь?

— Вполне.

— Расслабься. Сейчас сделаем.

Он вызвал какого-то офицера, видимо, то был адъютант. Приказал смотаться в министерство иностранных дел и привезти оттуда, как он это назвал, «формы М-6, П-17 и К-04».

— Со всеми подписями и печатями, — сказал он. — Заполним тут мы сами. Помнишь, у кого они? Ну ясно, что он дома; вытащи его, и пусть все выдаст. Скажи: за беспокойство будет поощрен.

Адъютант исчез за дверью.

До его возвращения мы прикончили бутылку, и генерал начал уже приглядываться ко второй. Адъютант вернулся через пятьдесят минут и был отмечен бокалом. Заполнение трех бланков, включая верительные грамоты, заняло еще полчаса; вся нужная для этого техника имелась в генеральском особняке в подвале. Закончив, он торжественно вручил мне документы и поздравил с назначением от имени правительства и самого Его Величества, седьмого короля мира Симоны. Он не спросил, кто я и откуда и зачем мне понадобилась эта должность; предупредил только:

— Если будешь идти против начальства — тебе хана. На меня не рассчитывай.

— А за отдельную плату?

— Там видно будет. Ну — удачи.

Но у меня успела возникнуть новая мысль.

— Генерал, я смотрю, ваш дом оборудован по последнему слову.

— Приходится быть на уровне.

— Тогда у вас, наверное, есть тут и камера ВВ?

— Само собой, — усмехнулся он. Но тут же спохватился: — Это за особую плату. Но тариф обычный.

— Плачу наличными.

— Куда тебе?

— К новому месту работы. Люблю приезжать, когда меня не ждут.

— Правильно соображаешь. На Серпу, значит? Куда там? В отель?

— Да в посольство, наверное: я там никого не знаю.

— Нет. Закину тебя к моему дружку. А он уж доставит тебя к месту службы — со всем подобающим. Идет?

Вместо ответа я достал деньги. Он пересчитал их:

— Тут вдвое.

— Того парня, что меня привез, — объяснил я, — хочу взять с собой.

Эта мысль пришла мне в голову внезапно, и я не стал ей противиться.

— Твое дело. Пошли. Смотри только, не скатись с лестницы. Где этот твой парень?

— Ждет в приемной. По дороге заберем его.

Мы забрали унтера. И направились вниз.

Перед дверцей ВВ-камеры нам объяснили, какой маршрут набирать. Все было очень просто. Когда дверца отворилась, я увидел, что камера была на одного; пришлось приказать унтеру:

— Пойдешь первым. А то я уйду, а ты еще передумаешь.

Я так и не понимал толком, зачем он мне понадобился. Но упрямо не хотел выпускать его из пространства моего воздействия.

Унтер только кивнул, вздохнул и вошел в камеру. Дверца затворилась, чтобы через несколько секунд снова гостеприимно распахнуться.

Теперь была моя очередь.

Я загрузил на монитор карту южной оконечности материка Серпы. Остановил яркую точку искателя на столице этого мира. Если бы мне нужно было попасть в любой другой мир — пришлось бы вызвать схему Федерации, обозначить искомую планету — и на экране появилась бы ее карта. Но я не хотел упускать такую прекрасную возможность получить все необходимое для входа в Рынок. И заказал перебросить себя именно туда, куда власть «Т» и хотела меня послать.

И вошел в кабину.

Пост сработал автоматически. И вот я уже оказался...

Во всяком случае, не там, куда хотел попасть.

Вместо красивого (как я надеялся) города на амфитеатре горного склона, вместо океанского берега с успокоительным шорохом волн и приятным ветерком, вместо звездного неба над головой я увидел лишь металлические стены и такой же закругленный потолок. Под ногами — пол, тоже металлический. Слабо светящийся воздух. И все. И ни единого звука, ни намека на звук.

Я проверил содержимое карманов. Все оставалось на местах. Это было хорошо. Сказать то же самое обо всем остальном было никак нельзя. К каким чертям меня занесло и почему? Что за неумные шутки?

Нет, на Арбакан — столицу Серпы — это никак не было похоже. Там я должен был воплотиться в обширном помещении ВВ-станции. Но вместо ожидаемого простора оказался в какой-то консервной банке хотя и достаточно солидных размеров, но, похоже, наглухо запаянной.

Скорее это напоминало камеру строгой изоляции. Только тут даже сесть было не на что.

Я опустился на пол.

Как объяснить происшедшее? Что приключилось? Система разрегулировалась и зашвырнула меня куда-то к той бабушке? Маловероятно. При малейшей угрозе сбоя она выключается. В стартовую камеру тогда просто невозможно войти. Нет, похоже, техника тут ни при чем.

Ответ напрашивался сам собой.

Меня провели, понял я. Поймали. Как маленького мышонка. Самого заставили влезть в мышеловку. Заманили? Нет, пожалуй, есть другая возможность, куда более вероятная: меня перехватили. О таких случаях обычно умалчивают, но мне о них было известно. Хотя это и не так просто: требуется сложное и громоздкое оборудование, да и время на подготовку. Обычно такие операции бывают успешными только, если удалось заранее получить все данные о предстоящей ВВ-переброске. Тогда система заблаговременно твердо настраивается на определенный маршрут. Только и исключительно на него. Иными словами, какое бы место назначения ты ни выбирал и ни задавал аппарату, он все равно доставит тебя туда, куда ему приказали заранее, заблокировав любые другие варианты.

Зачем это сделали? А главное — кто? И еще: с ведома папы, а то и самого «Т»-президента — или перехватчикам удалось раздобыть информацию о моем маршруте без ведома отправителей — оперативным, как говорится, путем?

Впрочем, я не стал ломать над этими вопросами голову: если уж меня захватили, то о цели этой операции осведомят, надо полагать, достаточно быстро.

Однако же понятие «быстро» бывает достаточно растяжимым. Мне казалось, что я нахожусь тут уже довольно давно; но пока никто не выразил желания навестить меня. Я попытался увидеть — сквозь металл, — что же находилось за пределами камеры. И не разглядел ничего. Мои способности не сработали скорее всего потому, что место это было очень надежно заблокировано. Защищено от всех моих попыток. Оставалось только ждать — понимая, что события если и будут развиваться, то, во всяком случае, не в мою пользу.

Я лег на пол и постарался уснуть.

Но едва я закрыл глаза, как началось неожиданное. Хуже того: страшное. Я действительно испугался, хотя вообще это мне не очень свойственно. Во всяком случае, я испытывал испуг — пока вообще сохранял способность хоть как-то оценивать свои чувства. Потом остались только ощущения, названия которым я не знал.

Я совершенно утратил чувство реального. Я не был больше в круглой камере. Не был ни на Серпе, ни на Симоне. Вообще в Галактике. Где-то в другом пространстве. Я был там?

Был, но не я. То, что некогда было мною, но уже перестало быть чем-то единым. Целым. Человеком. Личностью. Я был разобран, разодран даже не в клочья, но на молекулы, на атомы. И каждый из их бесчисленного множества кто-то внимательно разглядывал со всех сторон. Оценивал. Чуть ли не взвешивал. И принимался за следующий.

Это требовало, наверное, бесконечного времени. А я и находился в бесконечности. Не я: то, что раньше было мною. И чего больше не осталось.

Или все-таки?..

Что-то еще старалось уцелеть. Спастись. Увертывалось от попыток расчленить, разобрать, вывернуть наизнанку, увидеть, оценить...

Что-то противилось. Но я боялся — оно боялось, — что старания эти ни к чему не приведут, и тот, кто завладел мною (или их было много?), в конце концов добьется своего.

Прошли миллионы лет — и ощущения начали таять. Рассеиваться. Их больше не оставалось. Как не оставалось и меня. Все кончилось. Кончился я. Кончился мир. Это было хорошо. Возникло ощущение небывалой легкости и покоя.

А еще позже — неизвестно, откуда все стало постепенно возвращаться. Атом к атому. Молекула к молекуле. Из ничего собиралось тело. И вот вернулись и тонкие субстанции. Все, что было у меня, во мне, раньше.

Нет, даже больше, чем раньше. На самое чуть, но больше.

Впрочем, сейчас мне было не до этого.

Я вернулся. Аминь.

Остальное не имело значения.

С такой мыслью я наконец уснул.

Следующий день оказался, быть может, самым скверным в моей жизни. Во всяком случае, профессиональной, или, если угодно, в моей карьере. Именно таким этот день сохранился в моей памяти. С самого утра.

Уже первые минуты его не обещали ничего хорошего. Я, впрочем, ничего такого и не ждал. В консервной банке, в которой я оказался, если говорить откровенно́, по собственной глупости, не было, естественно, ни туалета, ни завтрака. Но это, наверное, было далеко не самым страшным. Во всяком случае, я приготовился к самым крутым вариантам; хотя, может быть, это мне только казалось, что я готов уже ко всему на свете. И когда интуитивно почувствовал, что мою банку вот-вот вскроют, постарался принять самый независимый вид, на какой только был способен в этих условиях.

Камера, в которой я находился, вскрылась достаточно неожиданным образом. Начиная с самого верха, круглая, без единого угла стена начала просто-напросто исчезать — растворяться как бы по спирали, как срезают кожуру, чистя яблоко. И в

результате через неполную минуту я ощутил себя стоящим в середине не очень большого, неярко освещенного помещения. Я стоял на круглой площадке, еще только что служившей полом камеры, в которой меня сперва уничтожили, а потом и воскресили. Помещение было явно нежилым — застоявшийся сыроватый воздух свидетельствовал об отсутствии нормальной вентиляции — и совершенно пустым. Там находился, как мне вначале показалось, один только я. И лишь когда в темном углу возникло какое-то движение, я сообразил, что тут, кроме меня, присутствовал и другой человек.

Он неторопливо подходил ко мне, и с каждым его шагом я все более утверждался в мысли, что это не первая наша с ним встреча.

Однако лишь когда он остановился почти рядом со мною, метрах в полутора — я перестал сомневаться в том, что знаю его.

Снова Верига, подумал я. Пожалуй, он стал уже чересчур назойливым. В прошлый раз мне удалось ускользнуть. Но он нашел способ справиться с моим нежеланием общаться с ним. Ну что же: я на этот раз не могу избежать встречи; остается, по старому рецепту, только расслабиться и постараться получить от встречи как можно больше удовольствия.

Остановившись, он кивнул мне, как если бы мы с ним расстались лишь прошлым вечером, пребывая в самых лучших отношениях. На что я сказал:

— Токтор, фы преслетуеде меня, как хосяйка — тарагана.

Он ухмыльнулся:

— У вас лингвистическая память, Разитель.

На этот раз в его речи не осталось и следа пресловутого синерианского акцента.

— Вы и при первой встрече нажимали на акцент уж больно выразительно, — сказал я. — Жаль, что я тогда не успел сделать всех нужных выводов.

— Вы и сейчас ими не располагаете, — ответил он. — И вообще — мы просмотрели вас до последней молекулы и пришли к неутешительному выводу: ваша память оказалась даже более пустой, чем у годовалого ребенка. Знаете, в это не очень-то верится. Приходится предположить, что вы обладаете такими защитами, с которыми нам пока еще не удалось справиться. Я бы не сказал, что это — очко в вашу пользу: нужную информацию мы получим так или иначе, но для вас этот процесс установления истины может оказаться достаточно болезненным.

— Странно, — проговорил я и даже развел руками. — Помнится, вы наняли меня, мы заключили контракт; почему же вы считаете, что я стану утаивать от вас какую-то информацию? Не стал бы — будь она у меня. Правда, сперва потребовал бы весомых гарантий моей безопасности и немедленного освобождения.

Верига смотрел на меня очень внимательно, как бы стараясь понять, насколько я вру — или не вру, говоря об

отсутствии информации; разумеется, речь шла об уракаре. Но ведь у меня, если вдуматься, и до сих пор не было ничего серьезного: вся информация, которой я успел обзавестись, была совершенно открытой, сам Верига знал об уракаре, надо думать, куда больше. Так что я успешно выдержал бы любую проверку на истинность моего заявления.

— Но что-то же вы успели выяснить? Не думаю, что это время прошло для вас даром.

Я ответил, вздохнув совершенно естественно:

— Та информация, которую я за эти недели усвоил, заключается прежде всего в том, что вся эта история относится к межгосударственным отношениям. Следовательно, и действовать в ней должны силы государственные: синерианские, тернарские, федеральные, наконец. Дипломаты, парламенты, спецслужбы, войска... Я же всего лишь частное лицо, ни к одной из этих категорий не принадлежащее и никакими серьезными возможностями не располагающее. Каких же успехов вы можете ждать от меня? Если только ради того, чтобы услышать это признание в моем бессилии, вы помешали мне следовать по маршруту, то огорчу вас: овчинка выделки не стоила. Неужели вы не понимали этого, когда обращались ко мне за помощью? Хотя и сам вы, и другие ваши навещавшие меня люди не производили впечатления легкомысленных, способных стучаться в любую дверь, не оценив предварительно всех обстоятельств. Вы хотели дать мне дополнительные сведения по интересовавшему вас делу. Но даже их не дали. Нет, в таких условиях никто не принес бы вам нужных результатов. Да и, собственно, какой результат был вам нужен?

— Насколько я понимаю, — медленно проговорил он, — интерглобальные масштабы происходящего заставили вас усомниться в ваших возможностях. Я не ошибся?

— Именно так.

— Но мы же не пришли к вам с просьбой уладить межгосударственный конфликт. На то есть официальные инстанции, и к ним обращаются правительства. Мы же могли назвать себя группой таких же частных лиц, каким являетесь и вы. И к каким, кстати, принадлежат похитители семян.

Я кивнул; он избавил меня от необходимости задать еще один вопрос.

— Да.

— И дело, — продолжал он, — вовсе не в тех событиях, которые стали уже достоянием гласности. Это уже — прошлое. Исправлять минувшее — не в наших силах, и не в ваших тоже.

Пришлось снова согласиться: он был прав.

— Но вот поправлять будущее — в людских силах. Мы хотели именно этого. Целое исправляют путем изменения деталей. И вот влиять на детали вы в состоянии. Корректировать происходящее или могущее произойти. Ситуация Синера — Терна-

ра относится к уже совершившимся фактам. И если бы речь шла только об этом, мы и все наши единомышленники сейчас спокойно сидели бы дома и занимались своими обычными делами.

(Я не стал спрашивать его — какими делами он занимается обычно. Понадобится — узнаю, только теперь это вряд ли является важным. К тому же сейчас не следует прерывать его.)

— Тем более, — продолжал он, — что все мы — жители и граждане мира Синеры, хотя не все являемся ее уроженцами. В результате известных вам событий наш мир только выиграл, и мы оказались бы слишком плохими патриотами, если бы пытались нанести ему какой-то вред. Но в операции на Тернаре, о которой вам известно, было многое, что заставляло нас принимать меры — срочные и в чем-то достаточно рискованные — во всяком случае, для нас самих, как это едва не оказалось. Кстати, и для вас тоже. Но сейчас ситуация во многом изменилась. И в крутых действиях более нет необходимости.

Он сделал паузу, ожидая, что я тут же отвечу. Но я лишь поощрил его:

— Продолжайте.

— Да, конечно. Возможно, что-то из того, что я скажу, покажется вам не очень правдоподобным. Но тем не менее...

Я прервал его, чтобы сэкономить время: я чувствовал себя не очень-то уютно.

— Если можно, доктор, покороче. Я голоден, и меня знобит.

— Извините великодушно. Я упустил это из виду. Так вот: ваша кристелла — та, что мы обнаружили при вас, когда вы находились... м-м... в отключенном состоянии, заставила нас попотеть при расшифровке; сложный шифр, весьма профессиональный. Потому нам и пришлось продержать вас в столь некомфортабельных условиях несколько дольше, чем мы предполагали. Но мы добились успехов, и ваша кристелла помогла нам окончательно решить задачу.

Я не смог скрыть удивление, и оно было достаточно сильным:

— Вам удалось прочитать текст?

— Вот именно.

— И что же там оказалось?

— А вы что же: так и не прочитали ее?

— К сожалению, не имел ни времени, ни нужных условий.

— Вот как... Что же, порадую вас: теперь нам известно, где на самом деле находятся похищенные семена. И не только это. И все благодаря вам. У человека на катере мы позаимствовали кристеллу, которую вы забыли, видимо, у него отобрать. И нам удалось расшифровать текст.

— Я прямо краснею... Оставить там кристеллу — непростительный промах с моей стороны. — Я смущенно потупился, но тут же снова поднял на него взгляд, выражавший самый живой интерес: — Так где же они оказались в конце концов?

— Хотите знать это? Но к чему? Вы ведь понимаете: ваше участие в операции, по сути дела, можно считать законченным, и вы спокойно можете вернуться домой...

— Боюсь, что мне не хватит денег даже на дорогу.

— Мне кажется, мы тогда заплатили вам вполне достаточно.

— Да. Но власти Теллуса, похоже, пришли к выводу, что я получил даже слишком много. И когда у меня с ними возникли острые разногласия, они поспешили наложить на мой текущий счет свою когтистую лапу. Государство остается государством, вы же знаете.

— Ах, вот как? Конечно, это следовало предвидеть... Но сейчас вы, безусловно, получите от нас вознаграждение — пусть и не столь значительное, как тогда.

— Естественно, — ухмыльнулся я, — кристелла-то теперь у вас.

— Ну что делать — деньги счет любят, как говорят на вашем Теллусе. Кстати, туда мы вас отправим за наш счет, пусть эта проблема вас не волнует.

— Очень вам благодарен. Однако, раз уж вы признаете какие-то мои заслуги в решении задачи, считаю себя вправе обратиться к вам с просьбой.

— Да, разумеется — если, конечно, выполнить ее будет в наших силах.

— Безусловно. Я хочу довести свое участие в операции до конца, и для этого мне нужно отправиться вместе с вами туда, где эти семена находятся. Это ведь не слишком затруднит вас?

— М-м... Но к чему? Это ведь будет связано с опасностями.

— Разве я когда-нибудь старался избежать их в ущерб делу?

— Нет, но мы отлично справимся и без вас.

— Хотите сказать, что я вам помешаю?

— Нет-нет, ну что вы. Просто... Ну ладно, если уж вам так хочется... Мы отправим вас туда. Прилетите первым, дождетесь нас — и станем действовать сообща.

— Большое спасибо. Вы меня очень обрадовали. Где же все это состоится?

— Разве я не сказал еще? На Лорике, разумеется.

— Ах, вот где!

— Это вас удивило?

— Знаете — нет. Потому что у меня и раньше возникали интуитивные ощущения именно насчет этого мира. Что же: я согласен. Ну а еще что-нибудь было на кристелле? Удалось понять — кто же затеял всю эту катавасию?

Верига поджал губы:

— Вы имеете в виду, что операция на Тернаре задумана и реализована не властями Синеры? — Этого он, похоже, не ожидал. — Но каким образом вы?..

— Такой вывод напрашивался сам собой — если подумать.

Все время нашего достаточно длинного разговора я контролировал его состояние. И сейчас его секундная растерянность дала мне шанс хоть в какой-то степени нажать на него — хотя о полном овладении ситуацией не могло быть и речи: у него стояла неплохая защита, я же, после того что они со мною делали, чувствовал себя далеко не в лучшей форме. Но все же...

— Это и на самом деле так, — сказал он. — Тогда вам, вероятно, известны и подлинные авторы и исполнители?

— Предположительно, конечно. Армаг?

— Я вижу, вы целиком в курсе...

— Вовсе нет. Простая логика... и определенный опыт. Армаг. Но, возможно, не его власти. Во всяком случае, их участие сейчас недоказуемо. Следовательно, одно из двух: специальные службы — или частная организация. Кто же?

Я почувствовал, что Верига волнуется все больше и старается выйти из-под моего влияния. Но все же он еще отвечал:

— Гибрид.

— То есть спецслужба, организованная частным образом?

— Именно. Влияние государства не просматривается — но нет сомнения в том, что оно оказывается.

Это мне и так уже стало ясным.

— Теперь — подробнее, если вас не затруднит.

Похоже, это его все-таки затрудняло. Тем не менее он сказал, пусть и очень нехотя:

— Замысел возник и разработан целиком на Армаге.

— Есть следы?

— Не из тех, какие можно предъявить суду или хотя бы Федеральному парламенту. Думаю, нет нужды объяснять вам...

— Нет нужды. Дальше?

— Группа реализации создана на Синере, но во главе ее встали люди, прибывшие из Армага. Этнические синериане и такие же этнические тернаряне; их, правда, привлечено совсем немного, два или три человека.

— Ясно.

— Механизм операции вам, я уверен, стал понятным сразу же. Используя уникальные свойства уракары...

— Минутку. Чтобы потом не возвращаться: вы не могли бы сразу же объяснить, действительно ли эти свойства таковы, как они описывались в открытой информации? Мне многое неясно. Например: почему они не влияют, в частности, на вас — и так сильно воздействуют на других? И еще: означает ли происшедшее, что найдены способы акклиматизации уракары в других мирах — или только в тех, в которых природные условия совпадают или почти совпадают с синерианскими?

Но ответа на этот вопрос я не получил.

Вериге удалось наконец сбросить мое влияние; самое большее, чего мне удалось добиться, — это под конец дать

ему команду забыть об этом разговоре. Но боюсь, что она прошла не полностью. Что-то в его памяти осталось и сильно его беспокоило.

Вероятно, поэтому он и сказал мне:

— Значит, вы хотите лететь с нами на Лорик. Хорошо. Но до отлета нам придется несколько ограничить вашу... подвижность. Для нашего — да и вашего спокойствия. Поместим вас в уютном местечке. К сожалению, тут мы не дома и не обладаем всеми возможностями...

Я не удержался и спросил:

— Где же мы?

— А зачем... — начал было он, но тут же махнул рукой: — Ладно, все равно. На Лиане.

Это «все равно» прозвучало для меня достаточно угрожающе.

Я кивнул, с сожалением думая о том, что посольство Симоны на Серпе сегодня еще не встретит своего нового главу.

Глава 7

Темные дела в высшем свете (дни событий двадцать пятый — двадцать шестой)

Мое новое жилье не вызвало бы, пожалуй, никаких нареканий даже со стороны самого придирчивого сноба. Оно представляло собою обширную квадратную комнату на верхнем этаже длинного двухэтажного здания; похоже, оно считалось здесь общежитием. По комфорту непрошеное прибежище мало в чем уступало моему обиталищу на Теллусе, о котором я часто вспоминал со все большим сожалением. Чтобы не перечислять долго, скажу лишь, что здесь было все, что могло бы понадобиться человеку с моим характером для житья в любом варианте — одиночном или в небольшой компании. С собственной женой, к примеру, о которой я не вспоминал поминутно лишь потому, что ни на миг о ней не забывал. Крохотная, но весьма современная кухонька, ванная и неожиданно просторный балкон, откуда открывался вид на приятно зеленый кусочек планеты; сразу трудно было определить — сад это или просто лес, начинающийся тут же за домом. Балкон, как и выходившее на него единственное окно, были обращены в сторону, противоположную входу, так что наблюдать за входящими и выходящими из дома было невозможно; впрочем, я и не собирался заниматься здесь наблюдениями. Мне хотелось как следует выспаться, чтобы окончательно прийти в себя после той сборки-разборки, какой подверг меня Верига; другие проблемы сейчас казались очень далекими от изрядно измотанного всеми последними событиями организма. Ничего удивительного: такие встряски, когда их совер-

шенно не ждешь, не проходят бесследно даже для весьма устойчивой нервной системы. Так что становишься благодарным за всякую возможность отдыха — пусть и вынужденного.

Кстати, я не без основания полагал, что мне еще повезло: я оказался в нормальной комнате, а не в тюремной камере. Как я понял, Верига и его люди действовали в этом мире неофициально и у них тут ничего своего не было — кроме устройства ВВ-перехвата, которое и сделало возможной нашу встречу. Чтобы поместить меня в камеру, им пришлось бы сдать меня властям, придумав соответствующую мотивировку; но тогда они потеряли бы возможность как-то использовать меня — а все говорило о том, что такие замыслы у них имелись. Поэтому им пришлось усадить меня в едва двигавшийся, по всей вероятности, просто нанятый ими экипаж, водитель которого не должен был заподозрить, что я — пленник, а не просто один из компании. Меня везли, с великой осторожностью минуя каждый полицейский пост, по каким-то тряским дорогам, потом — по скверно освещенной улочке поселка (назвать это городом было никак нельзя) и в конце концов завели в номер этой гостинички, где даже часового ко мне нельзя было приставить, чтобы не вызвать подозрений. Все оказалось, повторяю, куда лучше, чем могло бы быть, если бы меня перехватили на планете, на которой у людей Вериги — кем бы они ни были — существовала бы своя база. На Лиане ее, к счастью, не было.

Так что, убедившись в том, что мой предельно легкий багаж, целиком умещавшийся в карманах и в моей вечной спутнице — маленькой походной сумке, уже доставлен сюда вроде бы в достаточной сохранности (за исключением, разумеется, той самой кристеллы, которую Верига, расшифровав, оставил у себя), я постарался потратить на омовение под душем самое короткое время, а затем, предвкушая блаженство, доступное только предельно уставшему человеку, отбросил покрывало и со счастливым вздохом рухнул на душистые простыни. Регулятор климатизатора находился тут же — на стене рядом с кроватью, так что оставалось лишь протянуть руку и установить режим, в котором мне хотелось бы спать. Я так и сделал, крохотный остаток сил потратил на то, чтобы погасить свет у изголовья, с наслаждением потянулся под простыней и закрыл глаза.

И тут же сон исчез — словно потухший свет унес его с собою туда, куда уходит все в мире, что уходит.

Первые пять минут я пытался утешить себя тем, что это — всего лишь шутки усталости, что стоит мне просто расслабиться, даже не входя в транс, — и сон вернется. Но не тут-то было. Минуты шли, усталость, естественно, не проходила, плоть взывала о пощаде — а сон (я просто физически ощущал это) с каждым мгновением уходил все дальше и дальше.

Это не могло случиться просто так: мой организм давно уже привык повиноваться приказам воли и воздействию

тонких тел. И если он сейчас так упорно сопротивлялся — значит, кто-то приказал ему действовать именно так.

Кто-то извне? Нет, маловероятно: чужое вторжение я всегда ощущаю очень четко. Но если это не чужой и не я сам, то сон могло прогнать лишь одно-единственное: мое собственное подсознание.

А оно всегда заслуживало не только уважения, но и внимания. Подсознание нередко удивляло меня даже теперь, когда я знал о нем намного больше, чем основная масса людей, предпочитающих пропускать его негромкие предупреждения мимо ушей. И, уж во всяком случае, мне было совершенно ясно одно: пренебрегать его сигналами значит идти на неоправданный риск и, больше того, совершать глупость. А глупость — наиболее распространенная причина смерти, вопреки мнению людей, обвиняющих сердечные или опухолевые заболевания (поскольку и в их основе и начале лежит та же самая глупость). Подсознание приказывало мне бодрствовать. Оно не указывало причин: оно не любит входить в детали. Когда ты поднимаешь ногу, чтобы сделать очередной шаг, а подсознание вдруг приказывает не опускать ее туда, куда ты вознамерился было, оно не объясняет тебе, что таится внизу: край замаскированной ямы, мина нажимного действия, туго натянутая нить настороженной ловушки, отравленный гвоздь или еще какая-нибудь пакость — разобраться в мелочах подсознание предоставляет тебе самому, твоему рассудку — на то он и существует. Подсознание — наша сторожевая собака, подающая сигнал лаем, но не умеющая объяснить словами, что заставило ее подать голос. Но к предупреждению пса не прислушается разве что слабоумный или вдребезги пьяный. Я пьяным не был и слабоумным, надеюсь, тоже. Так что осталось лишь принять команду к сведению и до остального додуматься самому.

Решив так, я не стал вскакивать с постели и поспешно одеваться. Если сейчас мне предстояло приступить к каким-то действиям (подсознание — не пустолайка), то никак нельзя было забывать, что я скорее всего находился под наблюдением. Разные комфортные штучки армагского производства, какими комната была набита под завязку, могли скрывать не одну-единственную камеру, и чтобы обнаружить их все, пришлось бы потратить кучу времени, а главное — дать понять наблюдающим, что тебе известно об их существовании. Этого делать не следовало, поэтому я, не открывая глаз, принялся неторопливо и въедливо анализировать ситуацию со всеми ее возможными аппендиксами.

Что именно, ускользнувшее от усталого сознания, могло так встревожить моего бдительного стража? И что я должен был сейчас сделать?

Когда не знаешь, что предпринять, остается одно: смотреть и слушать окружающий тебя мир. Не только тот, что в четырех стенах. И смотреть не только двумя глазами, и слушать не только ушами, но всем своим существом; чем больше ты

владеешь им — тем лучше. И если умеешь видеть и слышать, то увидишь и услышишь того, кому можно задать вопрос. И получишь ответ. Хотя он необязательно будет выражен словами.

Я так и сделал. Пытался увидеть и услышать. И спросить.

В ответ я не услышал ни слова.

Я услышал музыку.

Мелодичную и незатейливую. Давным-давно где-то слышанную.

Я впитал ее в себя, чтобы она пустила корни и проросла в моих телах, принося в них новую информацию.

Потом я начал видеть. Одноэтажное, ярко освещенное снаружи здание с темными окнами. Оно показалось мне знакомым. Да, я проезжал мимо него не далее чем час тому назад, в сопровождении Вериги и еще трех человек, мне не знакомых, не спускавших с меня глаз, хотя я и был надежно упакован и мог только дышать — ну и видеть, конечно, хотя глаза были завязаны. Там помещалось что-то вроде культурного центра захудалого поселка, заведение с ресторанчиком, баром, магазином, парикмахерской и прочими порождениями цивилизации. Сейчас мне чудилось, что музыка доносилась именно оттуда.

Вряд ли это было случайным капризом памяти. Тем более что я видел это строение при свете дня и никак не мог наблюдать его в вечернем освещении. Не память, нет.

Сигнал?

Не зажигая света, я поднялся. Тихо оделся. Вышел на балкон. На каменный пол его упала роса, звезды отражались в ней, и я шел осторожно, как бы боясь раздавить их хрупкие тельца. На самом же деле я просто старался двигаться бесшумно.

Перегнулся через балюстраду, чтобы увидеть балкон первого этажа. Там было темно, но это вовсе не означало, что там никого не было. Даже не прислушиваясь к интуиции, при помощи одного лишь третьего глаза я увидел человека. Раскинувшись в удобном кресле, он смотрел в темноту. У него были громадные, уродливые уши. Память подсказала: то были наушники. На круглом одноногом столике перед ним лежал предмет, с первого взгляда показавшийся мне дистантом. Всмотревшись, я понял, что ошибся: то была всего лишь инфракамера для ночной съемки. Если человек поджидал меня, то камера свидетельствовала о том, что меня не собирались убивать — во всяком случае, сразу. Проследить и зафиксировать, не более того.

Но я подумал, что для него это оказалось бы чрезмерной роскошью. Как и для тех, кто отдавал ему такое приказание.

На моем балконе тоже стояло кресло, точно такое же, как и внизу. Я устроился в нем поудобнее и попытался войти в сознание сидевшего как раз подо мною, чтобы внушить ему то, что мне было нужно. Заурядная операция, не требующая большой затраты энергии.

Однако с первого раза у меня ничего не вышло: оказалось, что объект был надежно заблокирован, и трудно было понять — сам он обладал такой способностью или блок был заранее поставлен кем-то другим.

Я попробовал еще раз. И еще. Результат оставался прежним.

Значит, дело обстояло серьезнее, чем я думал. Но тем необходимее было без помех пробраться туда, где меня явно ждали. Вряд ли посланный мне сигнал был вызван одним лишь желанием полюбоваться на мою неотразимую внешность. Тем более что она такой вовсе не была. В особенности сейчас.

Не понадобилось долго думать, чтобы понять: путь вниз для меня закрыт. Любой: и через дверь, и через балкон.

Однако оставалось еще направление вверх.

Мой балкон сверху был накрыт навесом. Карабкаться на него и не производить при этом никакого шума вряд ли удалось бы даже и более подготовленному к таким упражнениям человеку. Кстати, и прочность этой защиты от осадков не вызывала особого доверия — в этом я убедился, просканировав навес третьим глазом. Шиферные плитки на хлипкой деревянной конструкции.

Но наверху был еще и чердак. И наверняка существовала лестница, которой я мог бы воспользоваться, не привлекая ничьего любопытства. Если, конечно, она тоже не охранялась.

Через секунду-другую я был уже в коридоре. Пусто и тихо, светильники под потолком горят вполнакала. Пол здесь такой же, как и на балконе — каменная плитка, и не стоило опасаться, что он заскрипит в самый неподходящий момент.

Затворив дверь своей комнаты, я постоял несколько секунд, закрыв глаза, чтобы не мешать третьему глазу вглядываться через чужие двери и перегородки. Большинство помещений пустовало: их обитатели, надо полагать, находились в командировках, покупали и продавали. В трех комнатах спали, в одной бодрствовали, и очень активно, но ко мне занятия этой парочки не имели никакого отношения, и я мгновенно переключил взгляд на другие помещения. И почти сразу нашел то, что мне и требовалось. На чердак вел узкий вертикальный металлический трап, находившийся в торце коридора, налево от меня, рядом с окном.

Это было хорошо, а еще лучше — то, что вблизи трапа я не увидел ни одного человека, который мог бы если не помешать мне, то хотя бы сообщить куда следовало о том, что я все-таки покинул жилище — и притом приняв меры, чтобы остаться незамеченным.

Не мешкая я направился к трапу. Но с каждым шагом во мне крепло сомнение. Оно было вызвано простым соображением: если уж путь с балкона был подстрахован теми, кого интересовали мои действия, то и о чердаке они вряд ли забыли. И если здесь не было ни человека, ни, скажем, собаки, то это означало лишь, что для того, чтобы помешать мне, был использован какой-то другой способ.

Остановившись в шаге от трапа и сосредоточившись, я сразу же убедился в том, что так оно и было. Прием оказался до смешного простым: трап находился под током. Медленно приближая раскрытую ладонь к ступеньке на уровне моей груди, я определил, что напряжение было не смертельным, но вполне достаточным для того, чтобы вызвать крайне неприятные ощущения и отбить охоту лазить ночами по чердакам.

Иными словами, меня обложили достаточно крепко. И дело было не в самом электричестве: в конце концов, обувь на изолирующей подошве и обычные монтерские перчатки обеспечили бы безопасность любого, кто захотел бы уйти этим путем. Трап под током не был попыткой причинить мне вред, но всего лишь предупреждением, предостережением от попыток уйти незамеченным. Доберись я до чердачного люка — включилась бы сирена или случилось что-нибудь другое в этом же роде. Меня по-хорошему предупреждали: не вызывай к себе излишних подозрений, ты и так находишься в очень неустойчивом равновесии. Ложись в постель, отдыхай и жди, когда тебя вызовут.

Я так и сделал бы. Но меня ждали, и наверняка по важному делу.

Это могло быть, конечно, и провокацией со стороны Вериги и стоявших над ним: проверка того, легко ли я поддаюсь посторонним внушениям. Более того, это могло оказаться попыткой установить: а не жду ли я каких-то контактов с людьми, которых я мог привлечь к решению задачи? Если такие люди есть, то они могли обладать какой-то полученной от меня информацией; следовательно, их нужно было выявить и нейтрализовать или перевербовать. А как еще можно было найти их, если не наблюдая за мной? Так должен был рассуждать Верига и действовать соответственно. Однако выпускать меня они не собирались; следовательно, ожидали, что меня кто-то навестит. Я, со своей стороны, знал, что помощников у меня не было — ну или почти не было; но подставлять их я собирался меньше всего. И, как я полагал, полученный мною сигнал не мог исходить от кого-то, известного мне: для них я потерялся где-то в пространстве. От кого же?

Конечно, не исключалось, что Веригой было предпринято просто-напросто некое испытание: найду ли я выход из такой вот ситуации, или она окажется для меня слишком серьезной помехой? От результата могло зависеть: захотят ли они как-то использовать меня или решат просто устранить как помеху.

Могло, могло. Но интуиция упорно твердила: это — что-то важное, тебя с нетерпением ждут, чтобы дать необходимую информацию. А рассудок напоминал, что, в конце концов, такие люди действительно могли быть. Начиная с Короля пентаклей. Или унтера с Симоны, на которого могут взвалить ответственность за мое исчезновение. Или... Или на меня действительно выманили единственного человека, чьей помощью я

пользовался и подставлять которого не хотел даже ценой своей собственной шкуры.

Короче говоря — выбраться было необходимо. Тем более что если это всего лишь экзамен — то и его в конце концов следовало выдержать: свою репутацию всегда следует поддерживать на хорошем уровне.

Значит, будем выбираться вопреки всему.

Как?

А хотя бы через любой другой балкон. Через одну из тех комнат, чьи хозяева отсутствуют. Двери, конечно, заперты, но уж это — дело самой примитивной техники. Скорее всего они подстрахованы сигнализацией от посторонних вторжений. Но и это тоже не препятствие: в этой механике я разбираюсь достаточно хорошо. Надо только вернуться к себе и достать из сумки...

Я вернулся. Пошарил в сумке. Потом вывернул на кровать все ее содержимое и тщательно осмотрел. Налицо было все — за исключением того, что мне сейчас и было нужно. Похоже, доставляя мой багаж в комнату, с ним не преминули познакомиться вплотную — и изъять то, что, по мнению хозяев, являлось для меня излишним. Не было того микросканера, которым я пользовался для перегонки текстов с кристелл на мик и наоборот. И отсутствовал набор инструментов; именно он сейчас оказался бы как нельзя более кстати. Без него я не мог ни отключить сигнализацию (в этом я убедился, быстро обследовав сигнальное устройство в моей комнате, уповая на то, что все они — одного типа), ни даже отпереть замок. Следовательно, отпадал и этот вариант.

Сюрприз был из неприятных. Чертов Верига!

Не менее трех минут ушло у меня на размышления. Я отвлекся от них, когда в коридоре послышался негромкий, но все же шум. Я вслушался. Звуки шагов. Идут двое. Стараются ступать потише, но это у них не очень получается. Что это — визитеры по мою душу? Или со мной их появление никак не связано?

Я снова зажмурился, чтобы создать наилучшие условия для третьего глаза. И он не подвел.

То была та парочка, которую я секунду-другую наблюдал в одной из комнат. Видимо, сеанс любви закончился, и теперь кавалер галантно провожал даму к выходу.

Дама! Вот кто поможет мне.

Действовать нужно было за секунду. Но большего мне и не требовалось. Дама — впрочем, скорее девица — не относилась, как я мгновенно установил, заглянув в ее сознание, к персоналу Вериги, но всего лишь к сфере услуг. И была легко уязвима для моего воздействия, поскольку в профессиональную подготовку таких, как она, не входит постановка защиты от постороннего вторжения в психику.

Поэтому я вломился в нее беспрепятственно. И результат проявился немедленно.

Не дойдя до лестницы, что вела вниз, в холл, она остановилась:

— Постой...

— Ты вроде бы ничего не забыла? — Голос кавалера был не самым любезным.

— Не забыла. Но там внизу — дежурный...

— Он тебя выпустит. Я выведу.

— Не хочу, чтобы он меня заметил.

— Да ну, подумаешь...

— Нет! Это тебе — «подумаешь», а мне... Он раззвонит — моя старшая смены узнает, и будут неприятности.

— Ничего тебе не будет.

— Я лучше знаю. Были уже такие случаи — а нам это запрещено. И вам тоже, между прочим.

— О господи. Что же ты — до утра останешься?

Нужную мысль я внушил ей заранее:

— Нет, конечно. Но не через этот выход. Спусти меня с балкона. Тут невысоко.

— Сломаешь еще руку или ногу. Или шею.

— Не сломаю.

— Да послушай же...

— Скажи: ты хочешь, чтобы я еще к тебе приходила?..

Они препирались минуты две. За это время я успел снова уложить все в сумку и приготовиться к старту. Девица же наконец уговорила любовника, и это было вполне понятно: красотка и в самом деле выглядела соблазнительно, и ничего странного, что ему не хотелось портить отношения с нею. Так что вскоре они — стараясь по-прежнему ступать потише — вернулись в свою комнату, чей балкон выходил на ту же сторону, что и мой — был третьим справа от меня. Они еще не успели затворить за собой дверь, как я снова оказался на свежем воздухе и уселся, свесив ноги, на балюстраде, готовый соскользнуть вниз — как только возникнет нужная обстановка.

И она возникла почти тут же. Девушка спрыгнула не сразу; она свесилась сверху — наверное, мужчина держал ее за руки, — и при этом наделала шуму, прошуршав объемистым бюстом по балюстраде. Сидевший подо мною человек мгновенно насторожился — я четко воспринял всплеск его поля. Девица обрушилась — и он в один прыжок оказался в дальнем от меня углу балкона с инфракамерой на изготовку. Прильнул к объективу. И в тот же миг я отделился от балюстрады, группируясь на лету. Приземлился на четыре точки рядом с кустом, что рос там, надо думать, специально для того, чтобы послужить мне укрытием на первую секунду — и, не останавливаясь, пополз вдоль стены. Пол первого этажа был поднят над грунтом на метр с лишним, плюс еще сантиметров восемьдесят балюстрады — это означало, что, ползя вплотную к фундаменту, я оставался незамеченным для находящихся на нижних балконах — если только

кому-то из них не придет в голову перегнуться и глядеть прямо вниз. Но пока еще никто не догадался. Девушка внизу, ее мужчина — наверху, и мой топтун — на среднем уровне между ними вели оживленные переговоры, не ограничивая себя рамками вежливости. Но их обмен любезностями меня больше не интересовал. Однако этого нельзя было сказать о другом обмене мнениями, свидетелем которого мне пришлось стать, когда я проползал под очередным балконом. Голоса были очень знакомы, а содержание реплик показалось весьма интересным, так что я даже остановился, чтобы не пропустить ни словечка:

— Это дохлый номер. Нет у него никаких партнеров, и никто не станет рисковать. И ни на кого он нас не наведет. Так что ужин за тобой.

— Не спеши. Такие дела в одиночку не делаются. Будь уверен: он подстраховался. Если только он не сильно изменился с тех пор, как я его нанимал...

— Он же давно отошел от оперативки, а значит, и партнеров у него не могло остаться, согласен?

— На этот раз обожду соглашаться. Союзников у него, судя по нашим данным, всегда было в достатке. И вряд ли он порвал с ними раз и навсегда. А любителей поработать за хорошие деньги всегда хватало. Я не хочу, чтобы кто-то из них перебежал нам дорогу и мы оказались перед пустым хранилищем.

— Если они даже есть — как им было узнать, где мы его перехватили и куда упрятали?

— Если бы у них не было своих способов связи, к ним никто и не стал бы обращаться — тем более мы. Подожди — он быстро разберется в обстановке и позовет свою команду. Уверен — они появятся тут в самом скором времени.

— Но ведь в памяти его ты ничего не нашел.

— Это ничего не значит. Чтобы разобраться в его знаковой системе, нужно гонять машину месяц, а то и больше. А тут что у нас есть? Свои мики — вот и все...

Последние слова прозвучали ближе и яснее предыдущих и сопровождались звуком отодвигаемого кресла и неторопливых шагов; Верига (голос, несомненно, принадлежал ему) встал и приблизился к балюстраде. И выплеснул что-то на землю; блеснувшая в тусклом свете струя жидкости разбилась о грунт в метре от меня, несколько брызг попало на лицо и пришлось сделать усилие, чтобы не выругаться от неожиданности. Вериге оставалось лишь перегнуться через перила, чтобы увидеть меня буквально у себя под ногами. Но он, наверное, смотрел налево — туда, где перебранка медленно затухала. Может быть, Верига и посмотрел бы вниз — хотя бы чисто механическим движением, — но очередная реплика собеседника отвлекла его.

— Увидишь: через час он будет спокойно спать в своей постели, и ни одна собака его не потревожит.

Судя по голосу, Верига повернулся ко мне спиной.

— Пиво согрелось, — пробормотал он. — Как моча...

Его коллега тему о пиве не поддержал:

— А если он действительно одиночка — что скажешь тогда?

— Скажу, что ты был прав, и его можно использовать. Хотя... может быть, безопаснее будет просто устранить — раз и навсегда. Решать будем завтра. Мы ведь договорились ждать до утра, разве не так? Я более чем уверен: кто-то придет. А когда и второй окажется у нас, разговаривать с ними будет куда легче.

— Еще пива?

— Не откажусь...

Снова ножки кресла скрежетнули по полу. Я не стал ждать продолжения. Пополз, соображая на ходу. Значит, все-таки предполагают, что у меня есть партнер, но не знают, кто он. Все правильно. Хорошо, что предупредили. Повезло, что пиво не попало на меня: был бы весь в грязи, и меня обязательно запомнил бы любой встречный — а они наверняка будут. А сухую пыль стряхну с одежды, да в темноте она и не бросится в глаза никому...

На ноги я поднялся, когда дом остался уже далеко позади.

Окна «культурного центра» были по-прежнему темны. Но это совершенно ничего не означало. У входа два телесно одаренных мужика оглядели меня, но не сделали никакой попытки задержать. Дверь передо мною гостеприимно распахнулась, позволив музыкальной фразе вырваться изнутри на улицу; музыка была бравурной, я бы даже сказал — лихой, там, внутри, похоже, веселились вовсю: грустить или тихо размышлять под такой аккомпанемент не смог бы даже закаленный отшельник, будь он и совершенно глухим. В обширном холле я не увидел никого, если не считать парочек в темных углах, истово предававшихся древнему ритуалу сближения; все, впрочем, оставалось в пределах приличия. Я миновал холл, не задерживаясь; направление мне указывала все та же музыка, мало чем отличавшаяся от грохота, какой производит товарный поезд, груженный пустыми бочками и мчащийся под уклон. Сквозь камнепад ударных временами прорывались протяжные глиссандо духовых, больше ничего различить было нельзя, но ритм был задан четкий, убедительный, так что, еще не дойдя до зала, я начал уже пританцовывать и так — вприпляску вступил в центр веселья.

И сразу же остановился, приторможенный неожиданностью.

Неожиданностью для меня оказались глаза и рты.

Их было очень много, и они были единственным, что можно было видеть в кромешной мгле, заполнявшей зал. Множество круглых, светящихся фосфорическим зеленоватым светом глаз и губ — шевелящихся, возможно, даже издающих какие-то звуки, совершенно неразличимые в грохоте оркестра, наверняка на порядок усиленные мощной техникой. Я не сразу сообразил,

что это был всего лишь светящийся грим, модный макияж; я давненько уже не посещал подобных сборищ. Глаза и рты летели, вихрились, исчезали и вновь загорались, когда невидимые их обладатели, выполнив очередную фигуру, оказывались лицом ко мне. Светящиеся пятна вокруг глаз и губ были выполнены по-разному — у одних обозначали лишь узкую каемку, у других захватывали чуть ли не половину лица; но так или иначе — в такой обстановке опознать кого бы то ни было не взялся бы, думаю, даже классный ясновидец. Да я и не знал, кого мне искать; оставалось только надеяться, что тот, кто пригласил меня сюда, сам меня и найдет. Так что самым разумным оказывалось стоять тут, на месте, до востребования.

Легко сказать. Пробыть здесь, на выбранном мною местечке у двери, даже одну минуту было не так-то просто и требовало основательных усилий. Не берусь определить, сколько веселящихся находилось сейчас в этом помещении, но если чего-то тут не хватало, то свободного места. Толкотня шла неимоверная, и чаще всего люди налетали именно на меня — потому что у меня не светилось вообще ничего, я был тут в полном смысле слова темной личностью. Прислонившись к стене, я выставил кулаки, изобразив подобие боксерской стойки, и принялся обороняться. И делать это пришлось усердно и порой даже свирепо. Правда, почти никто не пытался дать сдачи: тут хотели веселиться, оставляя драку до лучшего времени. Яркие круги возникали и возникали прямо передо мной, тела натыкались, порой раздавалось женское «Ах!» — тогда я задерживал руку, не нанеся удара или не сделав хотя бы толчка. И тем не менее, как я ни защищался — уже минуты через две начал уставать и решил, что намеченных шестисот секунд тут, пожалуй, и не протерплю.

И не выдержал бы — если бы в миг, когда последние капли моего терпения проступили на коже соленым потом и испарились, очередные глаза — зеленые лучащиеся круги, — поравнявшись со мною, не поспешили отпрянуть, но остановились и уперлись в меня взглядом. Они смотрели осмысленно, не как на что-то непонятное, неожиданное и досадное, но так, словно увидели именно то, что хотели найти. Я невольно опустил руки.

Мне были знакомы эти глаза. И знаком изгиб светившихся под ними губ.

— Э... — начал было я. Но меня прервали:

— Тсс...

Я почувствовал, как меня берут под руку и увлекают за собою. Не к выходу, около которого я стоял, но прямо в беснующуюся, топочущую и, как я теперь понял, поющую что-то (а вернее, просто орущую) толпу. Толчки — локтями, плечами, задами — со всех сторон обрушились на меня — как доставали они и любого другого, и того человека, за которым я следовал, в том числе. Он шепнул мне на ухо — странно, что я разобрал эти слова в неутихающем громе:

— Потерпи, не обращай внимания...

Я последовал совету. И мы прошли еще несколько метров и остановились, как мне показалось, в самом центре сутолоки. Я только собрался возразить, как почувствовал, что в руку — ту, за которую меня придерживали, — суют что-то — маленькое, плоское, жесткое:

— Спрячь хорошо. Этого не должны найти.

— Что?..

— Просили передать от «Т». Они довольны. Теперь слушай...

Шепот в самое ухо я слушал примерно с минуту. Закончился же он словами:

— Теперь кричи!

— Что?

— Ори что попало. Тут надо, как все...

И я заорал. Пользуясь тем, что все равно никто не разберет, кричал я то, что никак нельзя услышать в приличном обществе. Может показаться странным, но я почувствовал, что на душе становится легче. Я уподобился толпе, и уже без обиды принимал толчки и пинки, пока мы, вновь двинувшись, пробирались к выходу. Но при этом я все еще ничего не понимал.

— Слушай, как ты...

— Что? Не слышу.

— Я говорю: как ты тут оказалась? И что ты знаешь о... Эй! Где ты?

Но она исчезла, и пытаться разыскать ее глаза и губы в этом столпотворении нечего было и надеяться. Да и времени у меня оставалось все меньше.

Единственное, что мне удалось тут найти, была дверь — не та, правда, через которую я вошел, но эта ведь и должна была вывести меня отсюда. Здесь, однако, выхода на улицу не оказалось — зато начиналась лестница, ведущая наверх. Так мне и было сказано. Я поднялся. Лестница привела в тесный коридорчик с несколькими дверями, на них были таблички — как в любой конторе. Я попробовал их одну за другой; все оказались запертыми. В том числе и та, что, по данному мне наставлению, была нужна. Пришлось применить силу; тонкая пластина не выдержала атаки. За ней оказалась тесная комнатка, два конторских стола с обычной оргтехникой, два стула, но, главное, что я и искал, — стандартная дверца давно знакомого облика. За ней должна была оказаться ВВ-кабина. Я всей душой надеялся, что так и будет: не для того же меня вытащили сюда, чтобы просто обмануть. Я распахнул дверцу; да, все было на месте, включая пульт и дисплей, на котором нужно было установить маршрут переноса. Куда?.. На мгновение мелькнула мысль: а не послать ли все куда подальше и не вернуться ли на Теллус — пусть тоже не совсем безопасный сейчас, но там мне куда лучше известны ходы и выходы... Я подбил эту мысль, как птицу на лету, и она сгинула. Нет, начатое будем доде-

лывать до конца. Серпа — вот что мне нужно и куда я намерен незамедлительно попасть. Тем более что там меня, надеюсь, еще не перестали ждать. Верительные грамоты, полученные мною на Симоне, разумеется, тоже остались у Вериги, но они были точно скопированы в мой мик, и восстановить их я смогу без труда, как только получу чистый лист бумаги. Итак...

Вэвэшник принял заказ без возражений. Я осторожно затворил за собой дверцу. Перевел дыхание. Помедлил секунду, сам не знаю, почему — наверное, по той причине, что мысленно вновь увидел ту, что только что помогла мне так кстати. Я послал ей импульс благодарности, и не только. Хотя она уже наверняка находилась далеко отсюда, и могла не принять моего послания.

После этого я нажал наконец кнопку старта.

В посольстве меня встретили без радости и без удивления; похоже, там успели привыкнуть к частой смене послов — да и не только их. Единственным, кто вроде бы искренне обрадовался моему прибытию, оказался унтер, переброшенный на Серпу без приключений, но никак не сумевший объяснить ни моего отсутствия, ни той роли, какую ему предстояло тут играть. Хорошо хоть, что ему не пришло в голову выдать себя за нового посла; однако он тем не менее находился под некоторым подозрением, а точнее — под негласным арестом до самого мгновения моего прибытия.

На меня вначале поглядывали с опаской. Это было понятно: от всякой новой метлы ожидают изменения существующих порядков, каких-то перемещений, реформ во всем на свете — всеобъемлющих и бессмысленных, какими они обычно и оказываются; одним словом — демонстрации характера, создания крутого облика. В этом смысле я их одновременно разочаровал и утешил: сотрясения основ не произошло. Первому секретарю я сразу же заявил — несколько туманно, зато весьма решительно:

— Всем протоколом и текучкой ведайте вы. Я не собираюсь размениваться на мелочи, моя область — решение серьезных политических проблем.

Это и его, и весь прочий аппарат утешило (как я вскоре выяснил), потому что такие же, почти слово в слово, заявления делал каждый новый Чрезвычайный и Полномочный, и на самом деле они означали, что посол гореть на работе не собирается, чтобы не дай бог и впрямь не погореть на ошибках, а намерен заниматься лишь представительством, сиречь — общаться с равными себе и вышестоящими, что в переводе на нормальный язык означало — жить в собственное удовольствие за казенный счет. Всякий новый посол — а их тут приходилось по одной целой и двадцати пяти сотых на календарный год — достаточно дорого платил за свое место и был, естественно, заинтересован в том, чтобы окупить расходы и возместить понесенный ущерб как можно скорее.

Мне хотелось произвести такое же впечатление, чтобы мои подлинные интересы оставались скрытыми; похоже, это мне удалось.

Вообще быть послом мне понравилось: не приходилось думать ни о хлебе насущном, ни о крыше над головой, и даже все передвижения в посольском лимузине с ливрейным шофером оплачивали симонианские налогоплательщики, хотя они меня никогда в глаза не видали, как и я их (поскольку ни одна «Т»-организация никогда никаких налогов не платила, и ни одно правительство не решалось их востребовать). Об этой — приятной — стороне государственной службы я как раз и размышлял, когда длинный скользун с государственным флажком Симоны на капоте нес меня по центральной улице серпенской столицы по направлению к посольству Армага, где в этот летний вечер устраивался большой прием в честь годовщины поднятия армагского флага, рисунком своим напоминавшего то ли матрац, то ли старомодную пижаму, — над новым миром, тогда еще необитаемой (если не говорить о немногочисленных аборигенах) планетой.

Когда скользун, сработав реверсом, завис, а затем мягко опустился на амортизаторы, дверцу распахнули, и я, стараясь держаться как можно величественнее (хотя Симона ни у кого не вызывала ни почтения, ни страха, но я просто обязан был делать вид, что об этом ничуть не догадываюсь), ступил на коврик и на секунду-другую задержался, оглядывая посольское здание. Оно и в самом деле стоило внимания, поскольку здешний президентский дворец, как и многоэтажная правительственная обитель, по сравнению с этим домиком смотрелись убого-провинциально. Армаг всегда остается Армагом, подумал я, и мне на мгновение сделалось не по себе — скорее всего от неосознанных предчувствий.

Впрочем, уже через несколько минут я о них забыл, вступив в яркий, пестрый, шумный и веселый мирок праздничного приема. Не потому забыл, что все это меня захватило. А потому, что сразу же ощутил множество уколов — легких, но несомненных; именно так я воспринимаю мгновенные и острые профессиональные взгляды, перехватить которые почти невозможно, хотя тренированная нервная система фиксирует их без всякого усилия. Ощутил я и с десяток попыток пошарить в моем сознании и даже подсознании; я понял, что люди здесь не любили терять время понапрасну и приступали к работе сразу же. Я пока ограничился лишь пассивной блокировкой, и пока поднимался по отлогой и широкой лестнице туда, где приглашенных встречал Ч. и П. Армага с супругой, почувствовал, как любопытство, вызванное моей персоной, стихает и место его занимает сдержанное уважение: профессионалы увидели себе подобного, и теперь им оставалось строить предположения и искать для меня место на схеме здешнего соотношения сил, задач и влияний; то гнездышко, которое занимал на этой виртуальной и в то же время более чем реальной карте мой приснопамятный предшественник, бы-

ло, видимо, признано не соответствующим моему уровню, который еще не успели определить окончательно, однако уже оценили как значительно более высокий. Весь этот кратковременный, но достаточно напряженный процесс не прошел, разумеется, мимо внимания хозяина дома, и когда я, наконец, добрался до него, ухитрившись никого даже не толкнуть — не говоря уже о том, чтобы наступить на ногу лакею с обязательными напитками, — улыбка посла оказалась более сердечной и рукопожатие — более крепким, чем можно было ожидать представителю малозначительного мира. Я тоже улыбнулся ему от всей души и при рукопожатии постарался передать то дружеское чувство, какое у меня возникло и которое не помешало бы ни мне, ни ему хорошенько прицелиться в случае, если бы между нами возникли недоразумения. Хотя ни одному из нас не хотелось бы, чтобы такое произошло. Но живешь и действуешь, в конце концов, по обстоятельствам, если ты не в силах изменить их.

После того, как мы столь сердечно приветствовали друг друга, он, произнеся положенные для таких случаев формулы, добавил сверх протокола:

— Надеюсь на добрые отношения с вами — как и с вашим миром.

— Со своей стороны, намерен делать все возможное для этого, — ответил я, успев тем временем поцеловать руку его супруге.

— Возможно, еще сегодня улучим минутку посидеть в тишине, — это было совершенно недвусмысленным предложением. — Дорогая, ты позаботишься об этом?

— До приезда президента или после? — Вопрос его супруги свидетельствовал о том, что она присутствовала тут вовсе не для мебели.

— Скорее после. Не исключаю, что Рас захочет побеседовать с нашим коллегой неофициально еще до вручения грамот. Так что мы, возможно, споем трио.

Она тут же знаком подозвала кого-то из персонала:

— Проследите, чтобы в музыкальной гостиной был порядок.

После чего мы снова обменялись улыбками, и я освободил место для очередного гостя и направился в гущу собравшихся — завязывать знакомства и собирать впечатления, чтобы потом, на досуге, привести их в систему, то есть оценить позицию на дипломатической доске и ценность фигур. Уже ясно было, что королем и ферзем в игре тут являются президент и посол Армага; не вполне понятным пока оставалось — кто есть кто; кто — символ, как король, и кто — главный игрок.

Я надеялся, впрочем, что уже сегодня это станет для меня ясным — как и многое другое. Конечно, в таких случаях суета противопоказана. Но мне приходилось спешить. Слишком мало времени оставалось у меня на решение главной задачи. Хотя мне и сейчас не было ясно — что именно так ограничи-

вало меня в сроках. Было, наверное, что-нибудь такое. Что? Этой информации мне не хватало больше всего. Я понимал, что здесь, на Серпе, вряд ли мне удастся получить ее; все надежды были на Рынок. Сейчас я уже встал на ведущую к Рынку тропу; но находился лишь в самом начале пути.

Да, времени не хватало. Но, как вскоре выяснилось, не только я страдал таким дефицитом, но и мои новые знакомцы тоже.

Это стало очевидным почти сразу после начала нашего разговора, неожиданно оказавшегося куда более серьезным, чем полагалось бы для первого знакомства.

В музыкальную гостиную меня пригласили не сразу; после прибытия президента Серпы и всех соответствовавших такому событию ритуальных действий. Глава этого мира, рассыпая доброжелательные улыбки, в сопровождении хозяина дома проследовал туда же, и дверь за ними затворилась. Видимо, оба они нуждались в уединенном разговоре перед тем, как я дополню их до пресловутого трио, и я полагал, что не ошибаюсь, считая, что предметом этого «тет-а-тет» был именно я. Последующее только убедило меня в этом.

Приглашенный наконец в музыкальную гостиную, после неофициального представления президенту Расу, я несколько секунд внимательно, хотя и ненавязчиво, разглядывал его — хотя любой наблюдатель показал бы под присягой, что я разглядываю не президента, а великолепный белый концертный рояль, стоявший у противоположной от двери стены. Мне и не надо было смотреть на него в упор, потому что я опознал его, как только он появился внизу в холле, в сопровождении посла Армага, выказывавшего все полагающиеся знаки почтения. Я лишь однажды видел его вживе, но прекрасно помнил все его изображения, а их мне в свое время пришлось насмотреться немало.

Потому, что нынешний президент Серпы Рас был некогда видным деятелем одной из ведущих Служб не где-нибудь, а именно на Теллусе. А изображения его были размножены и разосланы всей агентуре, когда он вдруг исчез, находясь на выезде, — и через пару недель всплыл в совсем ином мире; вряд ли нужно уточнять — в каком именно. Он унес с собой кучу информации — столько, сколько могла вместить его память, а она была у генерала (такое звание он носил) вовсе не слабым местом. Потом, проделав все необходимые телодвижения перед объективами, он снова скрылся из виду. У нас считали, что его там бросили на подготовку кадров; однако же ему, видимо, удалось доказать, что он заслуживает большего, — и, судя по нынешнему его положению, ему поверили.

Не берусь судить, кому там пришла в голову идея использовать его в большой политике; так или иначе — его сделали президентом независимой Серпы. Независимость таких

мирков обычно стоит не очень больших денег; ее не продают (принципы, видимо, не позволяют), но с охотой сдают в аренду. Серпа попыталась нарушить этот порядок: как только серпологи установили, что в недрах этого мира имеется ценнейшее ископаемое, и началась его добыча, возглавлявшим тогда этот мир людям показалось, что новые доходы способны гарантировать им большую самостоятельность, чем та, что существовала до той поры. К сожалению, вместо того, чтобы первые же большие деньги вложить в армию, они — идеалисты! — пустили их на повышение уровня жизни. Видимо, старая истина, гласящая, что всякое достояние нуждается прежде всего в надежной защите, то ли осталась неизвестна им, то ли не привлекла серьезного внимания. Совершающие подобные ошибки люди чаще всего ссылаются потом на времена: «Кто бы мог подумать, что в наши цивилизованные времена возможно такое!..» На самом деле цивилизованных времен не бывает — они такая же легенда, как и Золотой век, существовавший, как известно, в том виртуальном прошлом, в котором никто из людей никогда не жил. Чтобы навести должный порядок, Армаг не стал направлять на Серпу войска: как-никак, существовала Федерация, и всякий вооруженный конфликт неизбежно привлекал к себе излишнее внимание. Деньги легче всего победить другими деньгами; они и были отправлены на Серпу, а в придачу к ним — новый кандидат в президенты. Экс-генерал быстро отказался от предыдущего гражданства, законы Серпы не устанавливали никакого ценза проживания в этом мире; технология же — как сделать президента за два-три месяца — была известна издавна всем на свете. Предшествовавшему правителю предложили дилемму: уйти благородно — или с большим скандалом; поводов же для скандала любой крупный политик знает за собою множество. Президент предпочел благородный вариант и ушел в отставку; сожаление народа Серпы по поводу его убытия не было замечено даже самыми настырными наблюдателями. Его преемник был рекомендован им самим, Армаг вложил нужные средства — и дело пошло без сучка, без задоринки.

Однако даже самые черные пессимисты на Серпе полагали (хорошо, как сами они думали, разбираясь в причинах и следствиях), что влияние Армага скажется в основном в коррекции рынков и установлении цен на серпенское сырье; это было ошибкой. Армаг вовсе не хотел ограничить роль Серпы на рынке потуита; целью было — вообще изгнать ее из торговли, как это уже сделали с Тернарой совсем недавно. После этого Армаг становился, по сути, монополистом: запасы потуита на Лорике были невелики и на ситуацию никак не влияли, да и контроль Армага на Лорике был полным. И когда новый президент вступил во власть, введение моды на посадки армагской чинкойи было лишь безобидным действием по сравнению с предполагаемым применением уракары, которое должно было привести — и,

похоже, действительно начало приводить — к тем же последствиям, что и на достаточно далекой отсюда Тернаре.

Вот какой человек оказался передо мною в музыкальной гостиной в посольстве Армага в мире Серпы.

Я узнал его; и теперь меня больше всего интересовало — нет ли в его памяти чего-то, что касалось бы меня.

Нет, кажется, не было. Во всяком случае, он обратился ко мне весьма доброжелательно:

— Весьма рад познакомиться с вами, посол. Заранее убежден, что ваша деятельность здесь приведет к значительному улучшению и расширению отношений между нашими странами.

Я поспешил заверить его, что искренне уверен в том же самом. Произнося необходимые слова, я про себя констатировал: это все не просто так. Я им зачем-то нужен. Вот только зачем?

Ответа на этот вопрос мне не пришлось ждать долго. Посол и президент заговорили оба поочередно; не успевал умолкнуть один, как начинал свою партию другой — все шло так слаженно, словно не раз заблаговременно репетировалось. Мне пока что отводилась роль без слов — достаточно было одного лишь моего присутствия. Такое положение вещей меня устраивало.

Не удивляло меня и то, что первым голосом пел не президент, как можно было ожидать, но посол. Хотя, если вдуматься, в этом не было ничего странного: он был как бы дядькой при начинающем президенте, осуществлял его связь с хозяевами на Армаге и постоянно информировал их о том, как развивается операция. Я заметил, что порой посол, увлекшись, даже забывал соблюдать необходимые протокольные нормы по отношению к главе этого государства, а тот не то чтобы принимал это как должное, но заметить его неудовольствие можно было, разве что внимательно наблюдая за выражением его глаз и едва уловимыми движениями лицевых мускулов. Он уже всерьез ощутил себя президентом, и трудно было сказать, каким представлялось ему в самых тайных мыслях будущее мира Серпы и его собственное; однако, слушая посла, он лишь время от времени утвердительно кивал, как бы давая понять, что и сам придерживается точно такого же мнения.

— Должен сказать вам, дорогой посол (так оба они обращались ко мне), что с вашим предшественником на этом ответственном посту мы давно нашли общий язык и были вполне удовлетворены развитием отношений между прекрасным миром Симоны и Серпой. Мы искренне надеемся (тут президент кивнул), что смена руководства вашей миссией здесь явилась чисто вынужденной (тут оба они слаженно вздохнули, отдавая дань уважения памяти покойного) и никак не означает перемены в наших отношениях...

Посол как бы обозначил интонацией многоточие в своей тираде, и это, видимо, послужило знаком для президента, подхватившего с полуслова:

— Мы более чем уверены: правители вашего мира отлично понимают, что некоторые сбои в развитии нашего экспорта на Симону на самом деле нимало не затронут интересов ваших импортеров и вообще экономики: квоты поставок потуита на Симону останутся в существующих рамках, а неизбежные в таких случаях колебания цен не будут иметь, как мы совершенно уверены, сколько-нибудь серьезного значения. (Тут закивал уже посол.) Конечно, какие-то сложности возникнут; это, увы, неизбежно...

Посол: Однако вину в этом никак нельзя возлагать ни на Серпу, ни на иные миры, связанные с нею общими экономическими и политическими интересами...

Президент Рас: Ни в коем случае. Если кто и несет ответственность за складывающуюся ситуацию, то никак не мы, а те члены Федерации, которые, используя некоторые чисто формальные и, по существу, давно устаревшие положения Федерального законодательства, ведут политику, направленную на расшатывание экономических и политических связей между мирами, деятельность которых направлена исключительно на дальнейшее развитие прогресса и всеобщего мира и благоденствия.

Посол: Я думаю, что вы и сами без труда назовете имена тех, кого можно с полным основанием обвинить в подрывной деятельности в масштабе всей Галактики. И точно так же мы уверены в том, что вы целиком и полностью поддержите политику честных миров, направленную на сохранение существующей системы взаимоотношений в Федерации. Поддержите, самое малое, в тех областях, что находятся в вашем ведении как Чрезвычайного и Полномочного Посла на этой планете, — подобно тому, как это делает большинство дипломатического корпуса. А возможно — и не только в этих областях, поскольку мы видим в вас человека с широким кругом интересов...

Трудно было бы яснее сказать, что они под моей маской посла прекрасно видят физиономию не просто разведчика, но разрушителя — из тех, чьими руками устраиваются государственные перевороты. На самом деле я вовсе не принадлежал к этому сорту людей; но разубеждать их не стал, и не только потому, что от меня пока что не требовалось ответа; пусть себе считают, что я один из них — это приведет скорее всего к наибольшей возможной в такой обстановке откровенности. Впрочем, главное они уже успели сказать: мир Теллуса — вот цель, по которой каким-то способом собираются ударить. Мой мир! Сейчас — буквально через минуты, если не секунды — от меня потребуют подтверждения того, что я готов действовать заодно с ними. Они сочли меня серьезным деятелем в той же области, что и они; хотят наладить сотрудничество со мной, а если это не удастся — освободиться от меня любым способом: если я не друг — то неизбежно враг, и терпеть меня рядом они никак не согласятся.

— ...Надеюсь, наша точка зрения на положение дел в Федерации вас не шокировала?

Это и есть тот самый вопрос: ты с нами?

Причем заданный вовсе не только на словах. Я почувствовал, как вдруг усилились попытки вскрыть мое сознание, добраться до самых глубоких его слоев — попытки, начатые с первого мгновения этой встречи. Я ощущал и мягкие, вкрадчивые, как бы ласкающие прикосновения психощупалец посла, и совершенно другие — по-генеральски резкие, сильные толчки президента. Но и те, и другие увязали в блоке, выставленном мною, и способны были считать лишь то, что уже облекалось в слова, иными словами — то, что я собирался им сказать: с вами, с вами; как же иначе?

Я улыбнулся с той же доброжелательностью, с какой эти двое улыбались мне.

— Действительно, — сказал я, — круг моих интересов достаточно широк. Что же касается вашей точки зрения, то, откровенно говоря, вы не сказали мне ничего такого, что заставило бы меня удивиться.

Похоже, они были заранее почти уверены в таком ответе. Это было вполне логично: если предыдущий посол стоял на таких позициях, то вряд ли на его место пришлют обладателя противоположных воззрений. Видимо, информация о том, как делаются послами на Симоне, то ли не дошла до них, то ли ей не уделили достаточно серьезного внимания.

— Скажите, посол, — спросил Рас после непродолжительной паузы, во время которой они удовлетворенно переглянулись. — Можно ли понимать ваш ответ так, что вы при надобности согласитесь заниматься и делами, не входящими непосредственно в круг ваших обязанностей?

Меня вербовали совершенно откровенно — исходя, вероятно, из того, что между своими не должно быть никаких недоговоренностей.

— Только так и нужно понимать, — заверил я.

— В таком случае, — сказал посол, — мы с вами вскоре обсудим некоторые проблемы — совершенно конкретные.

— Если вы, конечно, найдете время для этого, — присовокупил Рас.

— Найду, — сказал я. — Хотя времени, надо сказать, у меня немного — да и у вас, похоже, точно так же.

Я не спрашивал, а утверждал. Они поняли это. Снова переглянулись.

— Времени, действительно, немного, — подтвердил посол.

«Меньше месяца», — чуть было не сказал я. Но вовремя удержался от столь неосторожного заявления.

Все-таки молчание — ограда мудрости.

Мне показалось, что на этом разговор и закончится, и я чуть было не стал откланиваться; но оказалось, что я не-

правильно истолковал взгляд, брошенный послом на меня и тут же переведенный на президента Раса. На деле взгляд этот означал, как вскоре выяснилось, лишь переход к следующей ступени — не разговора даже, но скорее посвящения в рыцари богато украшенного плаща и хорошо наточенного кинжала.

— Скажите, посол, — обратился ко мне Рас. — Вас ознакомили с мерами предосторожности, какие должен принимать каждый человек, заботящийся о своем здоровье?

Я истолковал этот вопрос неверно. И ответил, улыбнувшись:

— Я умею постоять за себя, ваше превосходительство. Да я и не выхожу без охраны — не могу, если бы даже и захотел.

На этот раз во взгляде президента промелькнула усмешка. Но в голосе прозвучала даже некоторая забота:

— Боюсь, что вы меня не поняли. Речь идет об урагане.

«Ураган»! Слово это прозвучало ключевым. Как если бы оно было паролем, без которого нельзя пройти в закрытый мир секретов. Если бы у меня были такие уши, как у лошади или волка, они сейчас наверняка крутнулись бы вокруг оси, настраиваясь на этот звук.

К счастью, внешне на мне это никак не отразилось. Да здравствует умение владеть своим лицом! Мне нельзя было показать, что это слово наполнено тем же вторым смыслом, какой был известен им обоим, а кроме них — наверняка лишь немногим людям и на Серпе, да и за ее пределами. Мне знать этого не полагалось — пока еще. И я лишь пренебрежительно усмехнулся: нашли, мол, чем пугать.

— Я привык к непогодам.

— Не к таким, — возразил посол. Слова эти упали неожиданно тяжело.

Я поднял брови: мне следовало ожидать объяснения. И оно последовало.

— Думаю, вам что-то известно о событиях на Тернаре, — проговорил посол. — Хотя с тех пор прошло уже некоторое время...

— Слышал, — подтвердил я кратко. — Но, признаться, не придал им особого значения.

— Судя по вашему жизнеописанию, вы тогда находились далеко оттуда, — кивнул Рас. — И ваши интересы лежали в другой космографической плоскости — да и политической тоже.

Конечно же, они успели не только ознакомиться с текстом моей биографии, присланной из «Т» на Серпу для получения агремана. Биография была, понятно, легендой; но скроена и сшита на совесть — белые нитки нигде не вылезали наружу. Так что и безусловно предпринятая ими проверка смогла только подтвердить профессионально сфабрикованные данные: в этом отношении власть «Т» имеет по сравнению с остальными большую фору. В тех местах и в те времена, что были указаны в легенде как координаты моего пребывания и действий, в самом де-

ле находились и действовали люди с Симоны; они носили, разумеется, другие имена и обладали иной внешностью. Но моих нынешних собеседников не нужно было убеждать в том, что и имя, и внешность, и даже ЛК такие люди изменяют в случае нужды без особых усилий. Им и самим наверняка не раз приходилось использовать такие средства маскировки.

— Вы не ошиблись, — кивнул я. — Я тогда обитал в другом конце Галактики.

Разговаривая с ними, я постоянно следил за тем, чтобы в моей речи временами проскальзывал симонианский акцент; впечатление должно было создаться таким, что я стараюсь пользоваться литературным феделином, но иногда забываюсь, и тогда мое происхождение дает о себе знать.

— Так что, — продолжал я, — может быть, вы просветите меня на сей счет?

— Охотно, — сказал посол. — С недавнего времени Серпа, увы, подвержена влиянию «урагана» — иными словами, особого субстрата уракары. Это имя носит дерево...

Я, изображая живейший интерес, выслушал то, что мне уже было известно, и терпеливо ожидал, когда же наконец посол перейдет к новой для меня информации.

— Мы не смогли бы пользоваться «ураганом», находясь здесь, — в конце концов добрался он до этой части, — если бы не имели возможности нейтрализовать его действие на нас самих и на тех людей, чьей помощью мы тут пользуемся — начиная хотя бы с персонала наших посольств, а также президентского аппарата. Иначе и нам самим казалось бы, что мы уже достигли нирваны и можем пребывать в блаженном бездействии, наслаждаясь самим процессом жизни. Поиски, так сказать, противоядия заняли немало времени. Вести эту работу пришлось именно там — на Синере и Тернаре, причем достаточно скрытно. В конце концов его удалось найти.

Я широко раскрыл глаза, что должно было означать удивление, граничащее с восторгом. Была надежда, что в ответ на такую мою реакцию его откровенность еще усилится; не тут-то было.

— Короче говоря, — внезапно оборвал он сам себя, — вам необходимо принять это средство, выражаясь старомодно — сделать прививку, чтобы, даже находясь в местах сильнейшего воздействия «урагана», вы не теряли головы. Как только мы закончим нашу приятную беседу, вас проведут в медицинскую часть. Это продолжится всего несколько минут и, могу обещать, никак не отразится на вашем самочувствии. Кстати, такую услугу мы оказываем всему дипломатическому корпусу на Серпе. Совершенно безвозмездно.

Я выразил обоим искреннюю благодарность. Хотя, откровенно говоря, на душе у меня было вовсе не так спокойно, как я старался показать.

В посольской медчасти, оборудованной, как я и ожидал, в соответствии с последними воплями медицинской моды, меня утешило, что я вовсе не оказался там в одиночестве. Несмотря на то, что посольский прием продолжался полным ходом, играли два оркестра и неустанно сновали официанты, разнося главным образом выпивку, у кабинета, где делали прививки, уже ожидало с полдюжины людей и в вечерних костюмах, и в военном (видимо, из охраны), и в рабочих комбинезонах: технари. Воистину Армаг все свое возил с собой, не полагаясь на квалификацию местных специалистов.

Я скромно занял место среди ожидавших, хотя проводивший меня сюда человек (кажется, то был кто-то из сотрудников атташата по здравоохранению) хотел было продавить меня в обход очереди; я вежливо отказался. В очередях и других местах ожидания добывается вовсе не самая малая часть информации. Так и здесь; я узнал, в частности, что прививка повторяется ежемесячно; следовало полагать, что найденное средство от «урагана» не было таким уж совершенным. Пребывание в очереди, кроме того, несколько успокоило меня по поводу намерений моих недавних собеседников: нетрудно было предположить, что, не сумев по-настоящему покопаться в моем рассудке, не говоря уже о подсознании, они захотят прибегнуть к более грубым, но и действенным средствам. Но тут, когда дело было поставлено на конвейер и никто не собирался особо представлять меня медикам, вряд ли ко мне могли применить особый порядок.

Наконец пришел и мой черед. Я старался проследить за всеми действиями врача и двух сестер, привычно делавших свое дело. Подключил даже третий глаз. Но без всякого эффекта: в моем присутствии зелье не только не готовилось, но и не набиралось в инъекторы — просто вскрывалась очередная упаковка с уже заряженным инструментом, инъектор извлекался, я к тому моменту успел уже до пояса обнажиться, инъектор прижали к точке, примерно соответствовавшей проекции четвертой чакры; тихое шипение, обработанное место зазудело, тут же приложили влажный тампон — через секунду-другую кожа перестала протестовать. Дело было сделано. Я настороженно ожидал — не будет ли еще какого-то воздействия: добавочной инъекции или предложения выпить какую-нибудь тинктуру; нет, ничего подобного не произошло. Я прикинул по времени; процедура заняла ровно столько же, что и у тех, кто прошел прививку передо мною. Похоже, причин для волнения не было. Я выслушал посланный мне вдогонку совет — если почувствую легкую слабость, на полчасика лечь в постель, — поблагодарил и вышел. Никакой слабости я не испытывал, но решил, что на сегодня сделано, пожалуй, достаточно, чтобы, не нарушая протокола, откланяться и отправиться восвояси. И уже в своих апартаментах проанализировать, что и как было сказано, что — не сказано, хотя и подразумева-

лось, что — и не говорилось, и не подразумевалось; далее — кто в какое мгновение и как смотрел, куда и зачем, и куда — избегал глядеть; как работали лицевые мускулы каждого, как — руки, как менялся цвет лица и в какие именно моменты — одним словом, извлечь максимум информации, содержавшейся во всем этом. Обычная работа. А потом, закончив — уйти в медитацию, достаточно надолго, и, может быть, даже — удостоиться другого разговора, не с этими сукиными детьми...

Размышляя так, я шагал по посольскому коридору, вовсе не отдавая себе отчета в том, что иду вовсе не к выходу, а в каком-то другом, совершенно неведомом мне направлении, поднимаюсь по боковой, пустой лестнице — вместо того чтобы спускаться по главной, парадной; иду уверенно — словно не раз уже проходил здесь и сейчас направляюсь к какой-то известной мне цели. По-прежнему не контролируя своих действий, я остановился у одной из дверей в этой, явно служебной, а не парадной части обширного здания, нажал на ручку — дверь отворилась. Я вошел в небольшую квадратную комнатку — метра три на три, где из обстановки имелась только кровать больничного типа, с механикой, позволявшей изменять положение лежащего, тумбочка и два табурета. Еще одна дверца в противоположной стене — поуже той, через которую я попал сюда. Окон не было, но стоило войти — под потолком засветился матовый плафон. В памяти осталось: при виде всего этого я лишь кивнул, словно ничего другого и не ожидал увидеть. Койка была застелена. Я сунул руку под подушку, вытащил аккуратно сложенную, даже слегка надушенную пижаму. Переоделся в нее. Отворил маленькую дверь — как я и был уверен, там оказалась ванная. Хорошо, — подумал я безмятежно, — прекрасно просто. С удовольствием постоял под душем. Знал, что сейчас улягусь — и усну и что сон — именно то, что мне сейчас нужно. Спать буду столько, сколько захочется: у меня ведь никаких дел, спешить некуда, беспокоиться совершенно не о чем...

Беспокоиться совершенно незачем; это и была мысль, с которой я уснул.

Мне приснилось, что я медитирую. Точно так же, как делал это в дни, когда не занимался этим ремеслом, когда видел и слышал тех Посвященных, что издавна больше не возвращаются в то, что мы называем жизнью, но беседуют с продвинутыми там, у себя. Сейчас такие встречи были мне запрещены: я занимался низким делом, пусть оно и было необходимым, и не был достоин таких разговоров. С этим я вынужденно смирился; но во сне снова вошел в это состояние и услышал знакомый голос, который на самом деле не был голосом:

— Ты попал в очень тяжелое положение. Не знаю, как выйдешь из него.

— Мне очень хорошо сейчас, — попробовал я возразить. — Тихо, спокойно. Я отдыхаю...

— Не время! Совсем не время. Но ты ослабел... Хорошо. Я помогу тебе, хотя ты еще не заслужил этого. Но иного пути не вижу. Сейчас ты обретешь свободу передвижения. Ненадолго. Но используй эту возможность как следует...

На этом сон кончился.

Сон? Или?..

Я поднялся с постели легко. Очень легко. Я был, казалось, невесом. Или — не только казалось?

Никогда еще не приходилось переживать такого состояния. Даже далеко продвинутым очень редко удается вызвать его по своему желанию.

Я немного задержался, чтобы поглядеть на лежавшее на кровати тело. Кровать уже приноровилась к нему, мягко обняла. Упокоила, чуть не подумалось. Но тело ровно дышало и, по всему судя, чувствовало себя вполне комфортно.

Убедившись в этом, я двинулся в путь.

Я знал, куда и зачем мне нужно было идти. Знание это пришло само собою; сейчас я впитывал информацию из тех сфер, которые обычно оставались для меня недоступными.

Я двигался по прямой, не пользуясь всякими коридорами и лестницами. Двери, стены, перекрытия — все то, что для обычного тела служило бы серьезными препятствиями, подчиняло бы себе, заставляя выбирать путь по их указке, — все это сейчас для меня просто не существовало.

Дорога заняла лишь минуту с небольшим. И я снова оказался в обществе моих недавних собеседников. На этот раз не в музыкальной гостиной, но в кабинете посла. Обычным путем я никак не смог бы попасть туда: подступы к кабинету для меня перекрыли бы наглухо четверо находившихся поблизости охранников.

Посол и президент Серпы не сидели в креслах у столика, на котором помещалась целая выставка очень доброкачественных напитков в хрустальных графинчиках и фирменных бутылках. Они находились в другом конце помещения — стояли, склонившись к экрану стоявшего на отдельном столике устройства. Раньше я видел его только на картинках; то была последняя армагская модель декриптора: машины, предназначенной для разгадывания даже самых сложных шифров. На экране возникали, сновали туда и сюда, сочетаясь в самых разных комбинациях, буквы, слова, какие-то обрывки фраз... Посуетившись секунду-другую, они исчезали, машина чуть подвывала и тут же принималась выбрасывать новые варианты, каждый из которых обозначался очередным номером. Эти же номера возникали в окошке счетчика. Судя по ним, сейчас шла двести шестьдесят седьмая попытка.

Эти люди не заметили меня. И не только потому, что были увлечены наблюдением за борьбой двух машинных разумов. Если бы даже они были настороже, оглядывались, нервно вздрагивая, на каждый шорох, они меня все равно не увидели бы. Это было мне известно заранее, и я чувствовал себя в совершенной безопасности.

Такое ощущение позволило мне подойти поближе и, как и они, вглядеться в экран. В его левом верхнем углу, отгороженные рамочкой от активной части, оставались неподвижными группы цифр, чей облик знаком каждому, когда-либо встречавшемуся с шифровальным делом. Так же как ему известно, что не сами цифры важны, а те действия, в результате которых они получаются, и те многократные нарушения логики этих операций, которые делают практически невозможным разгадку шифра путем одних лишь логических выкладок.

Колонки с группами цифр показались мне знакомыми. Конечно, это они. Те самые, что были записаны на кристелле, которую я всегда имел при себе, чтобы уберечь ее от постороннего любопытства. И те самые, которые однажды уже удалось разгадать Вериге.

Правда, та кристелла так и осталась у Вериги; расставаясь с ним, я ее при нем не обнаружил. Он успел где-то спрятать ее. Как же она попала сюда? По моим представлениям, Верига никак не мог находиться в союзе с этими двумя; скорее наоборот. Еще раньше я отдал подобную же запись президенту «Т», за что он передал мне свою благодарность — через женщину со светящимися губами. Значит, это уже третья, предпоследняя — та, что была при мне. Ее заполучить президенту Серпы или послу Армага было очень просто: уложив меня спать, просто обшарить мои карманы. Я не сомневался, что так и было сделано. Интересно, а как они потом станут объяснять свои действия против меня?

Счетчик показывал уже двести восемьдесят девятую попытку. Я улыбнулся бы, будь сейчас при мне то, чем улыбаются. Интересно, сколько еще им придется повозиться и когда они откажутся наконец от своей попытки?

Однако они были упрямы, а их машинка с честью оправдала высокую репутацию армагской атомтроники: на моих глазах (название условное) на экране начал возникать связный текст.

Оба встрепенулись, пригнулись, почти закрывая от меня экран. Но я в теперешнем состоянии отлично видел сквозь них — надо было только чуть изменить фокусировку.

Я прочитал:

«Мир Кармелы, военно-пространственная база «Астра-16», штабное укрытие, седьмой ярус, подробности неизвестны».

Президент ухмыльнулся. Посол потер руки:

— Все-таки мы его раскололи!

— Чья это база — не помните?

— Отчего же: помню, конечно. Когда-то ее построил Теллус, а после его ухода база перешла к туземцам.

— Кармела? Это нидеряне, если не ошибаюсь?

— Они самые.

— Надеюсь, у нас не затянут с организацией визита вежливости этим ребятам?

— Да уж надо полагать.

— Ну вот и все. Суп сварен. Поздравляю.

— Взаимно. Давайте прикинем: для согласования визита по правительственным каналам уйдет не меньше недели. Переход... двое суток?

— Здесь вы ошибаетесь. По существующим соглашениям, при визитах такого рода на Кармелу делается предварительная остановка для окончательного согласования протокола на Шинаде. Значит, плюс один выход, остановка, еще один разгон. На Шинаде их продержат не менее суток. Общее время: от пяти до шести конвенционных суток.

— С этими чиновниками просто беда. Ладно, пусть шесть суток; все равно, семена будут у нас в срок. Они еще сохранят все свои качества.

— Да, — согласился второй. — Кстати, он тоже знает о сроке.

— Сукин сын, — отозвался посол. — Пожалуй, его лучше всего устранить. Тихо и спокойно.

— Я согласился бы; но так сразу — после того как с предыдущим их послом приключился этот странный несчастный случай? Это было бы подозрительным совпадением, вам не кажется?

— Пожалуй, да. Лишнее внимание ни к чему. Ну а что еще?

— Собственно, он уже и так окажется замазанным. Обрисовать ему обстановку — и он поймет, он, похоже, человек неглупый...

— И пусть поработает на нас. Ну а как только возьмем семена — там видно будет...

— Все правильно.

Сам я так не считал. Но оставил свое мнение при себе. Да и вообще пора была возвращаться. Семена на Кармеле? Интересно. Ничего не скажешь — хороший у них декриптор. Пусть ищут, пока не надоест. Но я туда, пожалуй, не поеду...

Я проводил его взглядом и, когда дверь за ним затворилась, уткнулся в экран. Я располагал еще примерно получасом; после этого времени Повидж скорее всего двинется на поиски. Получаса. Что же мы тут имеем? Поглядим внимательно. На какую букву искать? На «С»? «Т»? Или еще какую-нибудь?

«С» — Синера. Так. Тут на нее — целый столбец. Но, похоже, все не то. Конечно, названия материалов не дают полного представления о содержании. Но тех двух недель, о которых я мечтал, никто мне не даст. Придется искать дальше. Ну а «Т»? Что у них есть по Тернаре?

Нашлось тоже достаточно, хотя и меньше, чем по Синере. Ничего удивительного: мирок поменьше и победнее. Тем не менее свои секреты есть, конечно, и на ней. Но все заголовки не производят впечатления. Некоторые вообще неизвестно почему причислены к секретам. Вот непонятное название: «Доклад Совместной Комиссии отделений Фитофизиологии, Биохимии и Наркологии Федеральной Академии Естественных наук и отделений Социологии и Психологии Академии Общественных наук ГФ от 26 августа 2676 года». Тема: «К вопросу о влиянии фитонцидов, продуцируемых видом «Уракара обыкновенная», на поведение лиц и сообществ, находящихся в ареале воздействия указанного фактора».

Влияние уракары на людей и сообщества? Может быть, както прояснится наконец что-то относительно ценности украденных семечек?

Жаль только — времени остается все меньше.

Я начал читать. Дело пошло туго — не в последнюю очередь, наверное, из-за сверхнаукообразного стиля, в каком текст был выполнен, но наверняка еще и потому, что так и не приходило ощущение, что это — мое дело. Подсознание молчало, а без его одобрения я избегаю брать на себя какие-либо обязательства. Возникло даже желание отложить эту литературу на потом, а сейчас для прояснения мозгов — ну посмотреть вариабль хотя бы. Пришлось взять самого себя за шиворот и ткнуть мордой в монитор. Применить силу, так сказать. Я пробивался сквозь текст, словно сквозь джунгли, с мачете в руках, вынужденный то и дело останавливаться, чтобы перевести изложенное с академического воляпюка на доступный простым смертным — то есть мне — язык.

Но в конце концов результат оправдал усилия, и приобретенная информация, как я решил, стоила всех литров пота, что я пролил в процессе ее получения.

Из доклада мне удалось уяснить, что:

а) эта самая чертова уракара со второго года жизни начинает выделять в атмосферу некий субстрат, способный оказывать определенное влияние на психику, а следовательно, и на поведение людей, независимо от их численности, находящихся в сфере воздействия этого самого субстрата (наблюдения проводились над местным населением Тернары);

б) четкие границы этой сферы воздействия установить пока не представилось возможным; есть, однако, веские основания предполагать, что таких границ вообще не существует;

в) биологическую, химическую, физическую сущность субстрата, а равно механизм его распространения на весьма значительные расстояния до сих пор определить не удалось, поскольку в месте произрастания уракары не были созданы необходимые условия для успешной деятельности комиссии (надо полагать, их туда просто и близко не подпустили); в отдаленных

же местах факта присутствия субстрата установить при помощи любых известных методов не удалось, хотя, несомненно, констатировалось его влияние на население. Не исключено, что мы имеем дело со сверхфильтрующимся вирусом, хотя, разумеется, могут быть предложены и другие гипотезы;

г) тем не менее удалось установить, что выраженное воздействие субстрата на людское население заключается в выработке у людей непреходящего эйфорического восприятия жизни независимо от социальных и физических условий. Такое мировосприятие в кратчайший срок приводит к полному отказу от любого производительного труда, чему в немалой степени способствуют благоприятные природные условия обследованного мира.

Не увенчались успехом попытки выяснить, сохраняется ли действие субстрата и после устранения его продуцентов (поскольку уничтожению деревьев уракары активно препятствуют не только представители местного населения, но и — даже в большей степени — вооруженные группы иммигрантов). Тем не менее есть основания предполагать, что изъятие самих продуцентов из процесса оказало бы благоприятное влияние на поведение жителей Тернары, поскольку, как удалось установить при анализе предоставленных эмигрантским правительством документов, распространение воздействия субстрата занимало определенное время, хотя скорость его нарастала в геометрической прогрессии как 1—3—9... и т.д. и, следовательно, имело место постоянное увеличение количества субстрата примерно в такой же пропорции; не исключено также, что субстрат обладает способностью размножаться (если это вирус) или вызывать явление резонанса (если мы имеем дело с неким полем);

д) особый интерес вызывает то обстоятельство, что на жителей Синеры, независимо от мира обитания, и на их потомство на Тернаре исследуемый субстрат подобного влияния не оказывает. Весьма возможно, что в процессе акклиматизации при заселении Синеры, места естественного произрастания уракары, у людей выработался иммунитет к воздействию субстрата, пока условно названного комиссией «ураганом» — просто для удобства изложения...

Думать над новой информацией сейчас было некогда; главным было — усвоить ее, хорошо закрепить в памяти, потому что копировать никак не получалось.

Я вернулся к собственному телу. Вошел. И продолжал спать, как и собирался — в свое удовольствие. И вроде бы без всяких сновидений. Во всяком случае, проснувшись, я их не помнил.

Проснувшись, я обнаружил себя вовсе не там, где засыпал.

Я лежал в роскошной посольской постели в доме, являющемся суверенной территорией Симоны в серпенской

столице. Иными словами, в посольстве, главой которого сам я и являлся. Первым, что попалось мне на глаза, когда я смог наконец открыть их, был все тот же симонианский унтер. Склонившись ко мне, он протягивал стакан с жидкостью, в которой поднимались мелкие пузырики.

— Что за дьявол? — кажется, пробормотал я.

— Это от похмелья, — ответил унтер. — Чтобы головка не бо-бо.

— Это... таблетки? — почему-то решил я уточнить.

Он искренне удивился:

— Разве мужики таблетками лечатся?

Спросить — что же там такое, просто не было сил. Я взял стакан, понюхал. Зажмурился. Выпил. Опознал. Родное пойло с Теллуса. Хорошей очистки. Давным-давно не пробовал. Я вернул стакан:

— Набрызгай еще полстолька. Да не разбавляй!

Бутылка оказалась тут же, на столике. Я употребил. Закрыв глаза, немного подышал — и решил, что пришел в порядок.

— Как я здесь оказался? Докладывай.

Унтер отрапортовал не без удовольствия:

— Вас доставили ночью в два шестнадцать по местному. Без признаков сознания. Вы шумели. Выражались по автомату. Красиво.

— Да кто доставил?

— Полицейский патруль. Подобрали на улице. Вы вроде бы даже пытались сопротивляться...

Только этого мне не хватало! Но я же...

— А наша машина? Водитель? Охрана?

— Говорят — вы лично отправили их по домам. Сказали, что останетесь у армагов до утра. Они так и поняли, что будет хорошая пьянка.

Ничего похожего я не помнил. Остались в памяти только два разговора в том посольстве: тот, в котором я участвовал, и второй, незримым свидетелем которого был.

— Наверное, — фантазировал унтер вслух, — вы когда дошли до кондиции, решили все же вернуться домой, а остальные уже уснули, так что никто вас не отговорил. Только пошли вы совсем в другую сторону — ну и обессилели...

Я перестал слушать его: то, что он рассказывал, мне не доставляло удовольствия, да и никакой информации в себе не несло. В голове яснело, и я все лучше представлял себе, как все произошло на самом деле. Схема известная и простейшая. Ввести в организм нужное количество алкоголя, лучше всего прямо в кровеносную систему — для создания убедительной картины. На самом же деле они все-таки ухитрились провести меня еще на прививке: состав, который мне впрыснули, наверняка сильно отличался от того, что они прививали своим. Какая-

нибудь новинка армагской химии; во всяком случае, там я не смог навскидку определить ее; правда, в памяти мика ее состав должен сохраниться; но это уже — для развлечения на досуге. Под действием этого зелья я добровольно, своими ногами пришел в ту самую келью, где позже они и проделали со мной все прочее перед тем, как вывезти и уложить на улице — по маршруту следования полицейского патруля. Хотя и патруль мог быть заранее предупрежден. Это все понятно. Неясно другое: почему я позволил проделать с собой все это? Почему не сработало подсознание, не заставило меня сопротивляться? Почему наконец память не сохранила ничего, так что приходится догадываться?

Ответ мог быть лишь один: весь запас энергии, имевшийся у меня в начале этого вечера, я израсходовал на ту самую пробежку сквозь стены и перекрытия к кабинету посла, на достаточно долгое пребывание там и возвращение на койку. Будь я в нормальном состоянии, ничего подобного, разумеется, не случилось бы: когда расход энергии приближается к критической отметке, подсознание дает сигнал, который ни с чем не спутаешь и который является, по сути дела, приказанием: «Заканчивай расходовать энергию, необходимо пополнить запас». Совсем как та лампочка в машине, что начинает мигать, когда в расход идет последний резерв топлива; когда она начинает гореть устойчиво — самое время искать заправку. Будь я в норме — я так и сделал бы: вовсе не обязательно было торчать там у них до конца, нужное я понял куда раньше. Да, но подсознание не сработало — скорее всего потому, что эта их хреновая прививка подействовала каким-то образом именно на него. Что же, впредь будем считаться и с такой возможностью.

Дальнейшее тоже будет развиваться по наезженной схеме: дружеский разговор, предложение ознакомиться с полицейским протоколом, наверное, и с фотографиями — в непотребном состоянии на улице, а скорее всего — и не только на улице, но еще и в самом посольстве Армага. Я бью что-то — посуду или там зеркала, хватаю дам за разные сладкие места, въезжаю кому-то в рыло... Ну и так далее. При нынешнем уровне техники нет даже надобности ставить такие инсценировки: все будет нарисовано так, что и десять обычных экспертов не заметят разницы. Мне будут предъявлять все это, краснея от стыда — за меня, разумеется, только за меня! Потом открытым текстом доведут до моего сведения, что президент Рас и министерство иностранных дел возмущены до крайности и намерены объявить меня персоной «нон грата». Однако посол Армага, считая себя в какой-то, пусть и очень небольшой мере ответственным за происшедшее («Ну кто же мог знать, дорогой коллега, что вы до такой степени подвержены влиянию алкоголя: остальные ведь ничего даже не почувствовали, да и что у нас подают: шампанское, легкие коктейли, больше ничего!»), — так вот, посол согласен употребить все свое влияние («Вы же

понимаете, коллега, что оно достаточно велико, не так ли?») для того, чтобы замять скандал и сделать так, что о происшедшем не будет знать никто, кроме тех, кто о нем уже, к сожалению, информирован, — но будьте спокойны, в полиции об этом забудут мгновенно, как только им прикажут; но, как говорится в наши дни, — услуга за услугу. Верно? Нет, мы не ожидаем от вас ничего сверхъестественного, однако же...

Дальше пойдет уже сухое и деловое изложение условий моей капитуляции. Чего они захотят? Какой-то информации о делах Симоны от меня не потребуют: там у Армага наверняка собственная густая сеть. Нет, вопросы будут на тему: что мне известно о делах с уракарой? Откуда у меня кристелла с записью, указывающей, как показала дешифровка, на место, где укрывают краденые семена? Что я знаю о самом похищении и его организаторах и исполнителях? И так далее — в таком вот духе.

Это все — в случае, если о моем действительном лице они не догадываются и искренне считают меня человеком симонианской Службы, посланным делать карьеру на поприще легальной дипломатии. Традиционный отстойник для агентов среднего ранга и выше, начавших терять хватку и чутье. Но никогда не следует считать противника более глупым, чем ты сам. Всегда надо допускать, что он, пусть и на самую малость, но умнее. Сильнее. Информированнее. Тем более что речь идет как-никак об Армаге.

А при таком допущении можно исходить и из такой данности, что они знают обо мне, во всяком случае, не меньше, чем я о них. А то и больше. И тогда разговор пойдет совсем в иной плоскости. Тогда возможно, что он даже и не понадобится. Меня будут держать в качестве кандидата на уничтожение — как только приличия позволят. Ну да, об этом ведь они и разговаривали там. Слишком недавно погиб мой предшественник. Постой, а чьей реакции на мою слишком скорую гибель они опасаются? Симоны? Ни в коем случае. Что Армагу — Симона? Так. Бородавка, не более. Нет, конечно. Они опасаются реакции тех подлинных сил, что меня послали. С их точки зрения, это вполне может быть мир «Т». А с ним портить отношения не хочет никто. Сейчас между «О» и «Т» перемирие; и никто в «О» не заинтересован в том, чтобы на сцену снова выходили киллеры и подрывники... Но они могут предполагать и другое: что меня послали на операцию Службы Теллуса. Конечно, с их точки зрения, Теллус — стареющий лев; но зубы в пасти у него еще целы, и никто не хочет на своей шкуре испробовать, насколько они еще сохранили остроту.

Таким образом, выжидая, пока пройдет некоторый срок, нужный для того, чтобы гибель нового посла Симоны можно было объяснить просто трагическим стечением случайностей (никто не поверит, конечно, но это и не нужно, если правила соблюдены), меня запрут здесь, в посольстве, где я смогу формально выполнять все свои обязанности, появляться там и тогда,

когда требует протокол, и ни на миг не буду забывать, что шаг в сторону вызовет огонь без предупреждения. А как только время истечет...

Стоп, стоп. Но ведь для того, чтобы вывести меня из той игры, в которую играют они сами, нельзя и придумать ничего лучшего, чем то, что они со мной уже сделали! Позволить скандалу состояться, засветить меня на всю Федерацию, вымазать отнюдь не кремом для загара... Может быть, я слишком рано построил схему предстоящих событий, и гром все-таки грянет?

Тогда — почему я все-таки на своей территории, а не в участке? Конфетка: посла выпускают из камеры под шелест камер — прямо в чащу микрофонов. И — на все белые светы...

А если нет — то почему?

Ответ не пришлось искать далеко: он напрашивался сам собой.

Да просто потому, что они сами еще не решили — какой вариант предпочтительнее. Выгоднее. Убойнее.

Как только они придут к общему знаменателю — я это почувствую незамедлительно. Конечно, в случае...

Вот-вот. В случае, если я буду сидеть и ждать их приговора.

В седой древности была на Теллусе, как раз в тех местах, откуда я родом, такая песенка: «А мы сами не сидели, того дожидалися...»

Соблюдем теллурианскую традицию: не будем сидеть и ждать, когда понадобится перекреститься.

Если действовать быстро — что я могу унести отсюда? Имеется в виду нечто, пригодное для вступительного взноса в корпорацию Рынка. Я ведь не успел еще почти ничего...

«Ну, почему же «ничего»? — тут же осадил я сам себя. — Кое-что у меня уже имеется».

Во-первых, статус: какой-никакой, но все же Чрезвычайный и Полномочный. Вполне достойно.

А во-вторых... Ну, во-вторых, уже то, что я могу сообщить о новом президенте Серпы, о его отношениях с Армагом и послом этого мира на Серпе: разве это не тянет на государственную тайну — пусть и хиловатую, но все же?

Я решил, что тянет.

Вот и прекрасно. Значит, оставаться здесь нет смысла. Серпа в качестве трамплина, можно считать, использована.

А что вынесу я отсюда для себя самого? Для моего дела?

Очень немногое, но все же. Представление о том, как используется ураканра в политико-экономических операциях федерального масштаба.

Я теперь более или менее понимаю — как.

Знаю и примерный срок: остается менее месяца.

Неизвестным остается другое, еще более важное: где?

Вот это и надо будет выяснить на Рынке.

Осталось уложить чемоданы. И — самая малость — найти способ исчезнуть с Серпы, не особенно рискуя и не оставляя слишком уж видимых следов.

Пойду предупредить унтера. Его я захвачу с собой. Пригодится — хотя бы как тягловая сила. А может быть, и не только.

Я настроился на восприятие унтера и пошел искать его туда, где помещается здешний низший персонал.

Его комнату я нашел без труда. Перед дверью остановился, чтобы заглянуть, не вызывая у него беспокойства. Третьим глазом, конечно.

Заглянул.

Унтера я там не увидел.

Не то чтобы в комнатке было пусто. Человек в ней находился. Но он не был унтером. Не был тем в меру хитрым, в меру туповатым, воспитанным в армейском понимании добродетелей и грехов, с прекрасной выправкой и пренебрежительным взглядом, которым он награждал любого человека, не имеющего счастья носить военную форму и отдавать честь с особым, унтерофицерским шиком, выстреливая пальцами из уже поднятого к виску кулака, — не был тем, к которому я успел привыкнуть и роль которого в предстоящих мне действиях была мне, в общем, ясна. Нет, его я в комнате не застал.

Вместо него на аккуратно заправленной коечке сидел человек, бывший явно на несколько лет старше моего знакомца, с совершенно другими чертами лица, выражавшими, насколько я мог судить, немалый ум и еще больший опыт, ответственность и привычку командовать многими, судя по его глазам, чуть нахмуренному лбу и изгибу губ, даже отдаленно не напоминавших всегда чуть приоткрытый и какой-то безвольный рот моего охранителя.

Пятнистая форма моего унтера чинно висела на плечиках, а сам обитатель комнаты был в пижаме и сидел расслабленно, словно обмякнув, а вовсе не в той собранной позе, которая была унтеру свойственна и выражала постоянную готовность броситься выполнять любое приказание в любой миг дня и ночи.

Иными словами, то был не он. Не тот человек, к которому я направлялся. Чьими услугами собирался воспользоваться. А совсем другой. И единственным, что было у него общего с лихим носителем унтерских знаков различия, являлось то, что он, как и унтер, был мне знаком. Правда, знал я его в иное время и в других координатах Простора. И, честно говоря, никак не ожидал встретить его здесь и сейчас.

Я любовался им, полагаю, никак не больше двух, от силы трех секунд. Хотя мне показалось, что смотрю на него долго-долго. Восхищаюсь. Испытываю стыд. Сержусь — на него и на себя, больше всего — на себя. Впору было покраснеть. Потому что передо мною был мастер, а я только сейчас понял

это, хотя должен был расставить все по своим местам еще при самой первой встрече — когда я только пришел в Службу. Мне он тогда показался просто чиновником. Правда, это было очень давно. Я тогда еще многого не понимал.

Но долго стоять тут было нельзя: меня могли и увидеть, а в этом я никак не был заинтересован. Я поднял руку и деликатно постучал костяшками пальцев в дверь. Сейчас я уже не мог просто распахнуть ее и предстать перед ним, как его старший начальник. Потому что больше себя таким не чувствовал.

Тем не менее я продолжал наблюдать за ним. И видел, как он, едва услышав стук, встрепенулся и почти мгновенно начал превращаться в того, кого я ожидал увидеть еще несколько минут тому назад.

Но конца метаморфозы я дожидаться не стал. Я видел, что дверь изнутри была заперта на задвижку, но для меня не составило труда ударом сконцентрированной воли отодвинуть ее, перешагнуть порог и остановиться перед ним, находившимся как раз в процессе преображения.

Он на мгновение застыл. Губы его уже обмякли, брови чуть приподнялись, приняв то положение постоянного удивления, к какому я привык; но глаза оставались еще прежними: зеркалом его подлинной души, а не того ее муляжа, какой он выставлял на всеобщее обозрение. Это мгновение неподвижности было ему необходимо для того, чтобы решить — какую линию поведения сейчас избрать.

Я, со своей стороны, был готов к любой реакции, к немедленному ответу на всякое его действие. Единственное, что я поспешил сделать, — послал ему информацию о том, что я его увидел и узнал. Я знал, что он ее примет без усилий. Так и получилось.

Когда это мгновение миновало, он расслабился снова. Вновь стал самим собой. И улыбнулся — не той хитроватой и в то же время слегка недоумевающей улыбкой, какая редко сходила с унтерских губ, но той, которую я знал когда-то: понимающей и чуть усталой, и еще самую малость извиняющейся.

— Сукин ты сын, — сказал он. — Подловил все-таки.

— Ну и ты хорош, — ответил я и покачал головой. — Столько времени водить меня за нос!

— Ладно, извини, — сказал он. — Служба, сам понимаешь. Да, садись, — спохватился он. — Что воздвигся как памятник самому себе.

Я сел на единственный в комнате стул, перед тем сняв с него лихую унтерскую фуражку.

— Давай, — сказал я. — Излагай обстоятельства дела.

Он покачал головой:

— Не имею права: не получал такого разрешения. Да ты и сам, в общем, соображаешь — что к чему. Ты в неплохой форме.

Выспрашивать дальше не имело смысла. Если уж Иванос молчал, то он не раскололся бы и при любом воздействии. А влезть в него силой было не в моих возможностях. Как сенс, он всегда был мощнее меня, и в свое время я немало перенял от него.

— Понятно, — сказал я. — Но все же мне необходимо знать хотя бы одно: ты на чьей половине играешь?

Он чуть усмехнулся:

— На твоей. Или, чтоб уж быть совсем точным, ты играешь за мою команду.

Это означало, что мне не придется принимать к нему крутые меры, и что он, в свою очередь, здесь не затем, чтобы совать мне палки в колеса. Но все же я нуждался в некоторых уточнениях.

— Значит, тебе известно, что я делаю и зачем?

Он утвердительно кивнул:

— Можешь не сомневаться.

— Хорошо. Значит, не придется тебе объяснять. Ну, что дальше будем делать? Предупреждаю: в денщиках держать тебя больше не смогу. — Я развел руками. — Понимаю, что неразумно, но совесть не позволит. Слишком многим я тебе обязан.

— Ну, — он прищурился, — тогда я ведь и приказать могу.

Это был пробный шар. Но я не собирался терять свою независимость. Даже и ради союза с Иваносом.

— Не выйдет. Не забудь: я не в Службе. Я легол.

«Летучий голландец», легол — так у нас издавна назывались те, кто ушел со Службы, но продолжал работать за свой страх и риск.

— Неужели же я не знаю, — сказал он. — Ладно. Останемся при своих. За тобой дальше — в таком виде — не последую. Но сейчас посодействую. Потому что ты, паренек, уже в прицеле и так просто тебе отсюда не исчезнуть. Как ты, собственно, рассчитывал?

— С чего ты взял, что я?..

— Ну, ну, — произнес он укоризненно. — Ты полчаса тому назад там у себя, наверху, был совершенно раскрыт. Иногда небрежничаешь с защитой. Так что заглянуть в тебя труда не составило. Но полчаса назад у тебя решения еще не было.

— Я и не затруднялся особенно, — признался я. — Рассчитывал на вневремянку — убыть легально, только в другом облике...

— Милый мой! — Иванос только покачал головой. — Ты что, даже не осмотрелся как следует после происшествия? Тебя же пометили. Поставили маячок. Ты что, еще не проверился? Зря. Тебя сейчас ни одна камера ВВ не примет.

Я что-то пробормотал, чувствуя, что еще немного — и я покраснею. В самом деле, я разболтался что-то...

— Ну? — не отставал Иванос. — Что теперь?

Я и в самом деле целиком рассчитывал на ВВ и еще не успел подумать о запасных вариантах. А ведь их должно было быть у меня никак не менее двух. Но я не хотел терять лица.

— Не забудь, что у «Т»-властей тоже есть ВВ — независимая...

— Я бы на твоем месте на это не рассчитывал.

— Да? Почему же?

— Потому, что мы на Серпе. И «ураган» здесь уже работает в полную силу. Ты что думаешь — он только на законопослушных влияет, а на кримиков — нет? Разочарую: достает и их, сверху донизу. А вот прививками кримы еще не успели обзавестись: не спохватились вовремя. Не оценили опасности. Так что сейчас на них вряд ли можно рассчитывать: как и все прочие граждане, кроме привитых властей, они сейчас кейфуют на свой лад. Может, в их вэвэшник ты и попадешь; но вот где из него выйдешь — этого тебе ни один ясновидец не предскажет. Темна вода во облацех. Еще что у тебя в запасе?

— Сейчас соображу, — проворчал я. — Раз вневремянка перекрыта, то корабли и вовсе отменяются...

— Суждение корректное.

— Тогда остается только поднять «Веселый Роджер»...

— Вот даже как!

— ...завладеть каким-нибудь скоростничком, команду подчинить себе — вряд ли у них там в головах стоят такие уж мощные блоки, чтобы мы с тобой не справились, — и прыгнуть на Топси. Другой лазейки не вижу.

— Браво, браво, — одобрил Иванос, весело улыбаясь. — Ты еще не потерял вкуса к авантюрам, как я погляжу. А пороху хватит?

— Есть еще. Ну а если еще и ты подсобишь...

Он помолчал секунду-другую.

— Вообще-то, — сказал он, — на такие дела я не уполномочен. Но обстановка диктует новые решения. Ладно, помогу. Поскольку, кроме меня, здесь нет никого, кто мог бы это сделать.

Я понял, на что он намекает; видимо, он так и не выпускал меня из поля зрения, а если и терял из виду, то ненадолго. Все-таки Служба — могучий инструмент.

— Спасибо, — поблагодарил я искренне.

— Только не так, как ты только что нарисовал, — предупредил он. — Вернее, не совсем так.

— Объясни, если можешь.

— Ну это-то не секрет. Воспользуешься, как ты и задумал, кораблем с хорошей скоростью и прыгучестью. Только брать его на абордаж тебе не придется.

И, не отвечая на мой вопросительный взгляд, он глянул на часы. У него были часы на руке — старая традиция, большинством давно уже не соблюдавшаяся: внутренние были точнее и безотказнее.

— У тебя все собрано?

— В общем, все. А...

— Через час двадцать мы должны быть на военном космостарте. А пути туда, могу сказать точно — пятьдесят пять минут.

— На военном? Ты в уме?

— Надеюсь.

— Ну а там? Кто нас возьмет?

— Есть и кроме тебя летучие голландцы, — ухмыльнулся Иванос. — Ну, хватай свои бебехи, и помчались.

— Постой. А маячок?

— Машина экранирована, — сказал он, — как и полагается транспорту Ч. и П. А когда они сообразят, что ты уже в Просторе, — будет поздно. Только помашешь им ручкой.

— Ну а ты?

— Я? А что — я? Маленький человек на скромном местечке... Ладно, окончательно решу у трапа, по обстановке. Да ты едешь или будем тут еще толочь воду в ступе?!

Наверное, мои противники все-таки расслабились, уверовав, что вывели меня из игры; только этим могу объяснить, что до военной площадки мы доехали без всяких приключений. На улицах все было спокойно, шпалеры армагских чинкой чуть пошевеливали листьями, прохожих виднелось немного, и все они выглядели умиротворенно-веселыми, безмятежными; никакие тяжкие мысли не мешали им жить. Синерианский «ураган» потихоньку делал свое дело, и похоже было, что очередные грузовики с трюмами, набитыми потуитом под завязку, в обозримом будущем не покинут обширного торгового космодрома Серпы либо же уйдут в балласте — искать новые фрахты.

Сейчас их еще стояло там достаточно много, чуть ли не десяток; видимо, размер экономической катастрофы, разразившейся на Серпе, остальные миры Федерации еще не были готовы оценить. Я глядел, пока мы проезжали мимо, на громадные, неуклюжие на вид цилиндры, понизу усаженные воронками антигравов, чье кольцо окружало громадную опрокинутую чашу разгонщика. Здесь тишина и отсутствие движения воспринимались как что-то противоестественное; я повидал в жизни немало таких космопортов, и везде жизнь бурлила, выплескиваясь на прилегающие дороги и районы. Такая обстановка была сейчас для меня невыгодной: на пустой дороге одинокая машина привлекает больше внимания, чем когда движется в колонне. Но нами никто так и не заинтересовался, не попытался выяснить — кто и зачем спешит по дороге, которая вела только к одному объекту: к тому самому военному космодрому. Уж сами военные должны были озаботиться, во всяком случае. Я не сразу сообразил, что и они подвержены действию «урагана» и потому больше не в состоянии нести службу так, как положено. На этот раз «ураган» срабатывал в нашу пользу; но мне только сейчас стало по-настоящему ясно, что на самом деле значит «тернарский метод»: мир можно брать голыми руками, никому даже в голову не придет сделать хоть что-нибудь для его защиты: вся активность любого жителя ограничивается лишь

своим домом и двумя-тремя самыми близкими людьми. Когда все цели будут достигнуты, хвойная уракара — там, где она высажена, — познакомится с остротой топора, перестанет выделять в воздух свой субстрат — и операция закончится. Люди придут в себя — но уже не в том мире, в котором жили все минувшие годы и в котором собирались обитать и дальше.

Невеселая перспектива. Только кому она грозит в ближайшем же будущем?

Этого я еще не знал. Хотя пора было бы уже.

Вся надежда оставалась на Рынок. Хотя как я буду там действовать, где искать нужное — до сих пор оставалось для меня совершенно непонятным. Сейчас надо было хотя бы попасть туда. А я был все еще на Серпе — глаза бы мои ее не видели...

Глаза между тем продолжали наблюдать за окружающей обстановкой и не пропустили мимо внимания того мига, когда мы подкатили к неприлично распахнутым настежь воротам военной базы и, никем не остановленные, въехали в них и заскользили дальше — насколько я мог судить, прямо к старт-финишу. Я знал: сейчас третья часть позиций должна была быть свободной, кораблям, которым эти позиции принадлежали, полагалось находиться наверху, в прилегающем пространстве, на боевом дежурстве; но «ураган» и здесь сделал свое, и все они, одинаковые, как пуговицы на мундире, торчали, не оставив незанятым ни одного пятачка. Подкатив к самой границе поля, Иванос дал реверс, завис, опустил скользун на лапы, поднял дверь со своей стороны, вышел, огляделся. Произнес пару непочтительных слов и продолжил:

— Тут и сесть-то некуда — как раз загонишь шило в задницу.

Я промолчал: посоветовать ничего не мог, а зря трясти воздух не хотелось. Иванос снова обратился к своим часам:

— Вообще-то еще не вечер; у него еще пятнадцать минут в запасе, мы доехали с опережением.

Он все еще смотрел вверх, я же, по привычке, вокруг и поэтому первым разобрался в обстановке:

— Осторожно. Кто-то приближается. Солист.

— Один? Тогда не страшно.

На всякий случай мы все же приготовились к неприятностям. Человек подходил все ближе. Остановился в трех шагах. Кашлянул. Мне он был незнаком. А вот Иванос, похоже, опознал его сразу.

— Привет, — сказал Иванос спокойно. — А мы уже гадали, где ты тут сможешь приткнуться. Что так рано?

— Предполагал трудности, — ответил подошедший. — Сделал запас времени. Обошлось, однако.

— Я боялся — не найдешь свободной позиции.

— Нашел же, — после недолгого молчания последовал ответ. — Ладно, как сказано — жизнь есть движение, движение есть жизнь. Пошли, что ли?

— В этот раз без меня, — сказал Иванос. — Тут обстановка несколько искривилась, так что задержусь. А вот его, — он дотронулся до моего плеча, — сбрось на Топси. И чтобы без почетного караула, ладно?

— А он кто таков? — спросил собеседник, не стесняясь моего присутствия.

— Хороший человек, — ответил Иванос. — Временами. Но за спину свою можешь не опасаться.

— Вопрос ясен, — сказал корабельщик. — Пошли, хороший мой. Я тут стою, рядом.

— Всех благ, легол, — пожелал мне Иванос, прощаясь. — Вова, а ты сразу после — на базу, и жди.

— Ай-ай, — сказал Вова не по-теллурианski.

— Спасибо за помощь, двоечник, — сказал я Иваносу. — И — до свидания.

— Троечник уже, — не удержался он, чтобы не поправить. Это означало, что он уже получил следующее звание: третью звезду на зигзаге.

— Буду рассказывать, кто мне сапоги ваксил, — так не поверят ведь, — откликнулся я уже на ходу.

— Не советую, — грозно напутствовал он меня. — Привлеку за разглашение государственной тайны.

— Можно уже бояться? — хотел было продолжить я. Но Иваноса уже не было, и посольский скользун бесшумно вобрал в себя стояночные опоры. Да и отошли мы достаточно далеко.

— Пойду первым, — предупредил пилот, когда люк его машины бесшумно раскрылся и легкий трап выскользнул и остановился, чуть подрагивая.

Я последовал за ним, безмолвно прощаясь с миром Серпы и с неудовольствием думая о том, что не успел даже и одним глазком посмотреть на посадки уракары — чтобы знать хотя бы, как это чертово дерево выглядит. Даже и места, где ее высадили, не успел определить: так стремительно принялись за меня армаги. Вообще к удачам этот эпизод никак нельзя было отнести.

Но какие-то шансы у меня еще оставались впереди. Главное, внушал я себе перед тем, как уснуть на жестковатой койке корабля, что остается мало времени. Поэтому сейчас основное — не торопиться. Поспешность приводит к сбою. Вести себя так, словно в запасе у меня еще вечность и маленькая тележка. А торопятся пусть они. Торопятся и делают ошибки. Хоть маленькие. Хоть крошечные; из них все равно можно будет составить картинку... Такую маленькую, миленькую картиночку...

Похоже, я все-таки уснул, потому что вдруг проснулся: гремел колокол громкого боя. Пора была перебираться в компенсатор: предстоял прыжок к Топси.

Какой-то она окажется на этот раз и кого я там увижу вновь? С этой мыслью я заснул окончательно.

Глава 8

Три неслышных звонка (с двадцать седьмого по тридцатый день событий)

Топси зависла перед нами, как круглый поднос, на котором еще неизвестно, что тебе подадут. Мы шли от Фламы — так называлось светило Синеры и Тернары — к освещенной половине планеты, и пилот голосом скомандовал финиш-цикл. Компдублер команду принял. Я остановил водилу:

— Ты куда собрался?

— На военную площадку; меня уже ведут.

Но это меня не устраивало.

— Отстройся, — попросил я, — и уйди в тень.

— Что вдруг так?

— Знаешь, береженого бог бережет.

— Пережженного бог пережжет, — повторил он с усмешкой, искажая. — Где же тебя ждут?

— Мне надо туда, где не ждут, — пояснил я. — И где потемнее.

Я уже успел понять, что в полушарии, где находился Топсимар, сейчас начиналась ночь, и это меня вполне устраивало.

— Ты интересный индивид, — сказал он. — А где я там сяду — подумал?

— Тут думать положено тебе, за это деньги получаешь, — высказал я мою точку зрения. — Ты что — не можешь уронить меня хотя бы в воду — там, где я укажу?

Он помолчал, но я легко прочитал те слова, что возникали сейчас в его сознании, и едва не покраснел. Когда эта безмолвная тирада закончилась, он нарушил тишину:

— Ладно — покажи, куда тебе.

Это я успел решить заранее. Конечно, сейчас я мог выступать и как лицо официальное: посол Симоны на Серпе, подтверждения у меня были с собой, да и если бы кто-нибудь захотел запросить Федеральный реестр, ему ответили бы то же самое: по конвенционному времени еще и полсуток не минуло с тех пор, как я покинул посольство — слишком мало для кадровых реформ. Это если говорить об официальной стороне дела. А что касается оперативной — вневремянка все равно оставалась самой быстрой, так что на всех трех площадках Топси меня могли уже поджидать, держа в руках вовсе не белые лилии. Я, как человек скромный, был против всякой помпы, а больше всего — против приветственных салютов, когда стреляют не в небо, а в тебя. И решил появиться на Топси так же незаметно, как и исчез с нее.

— Вот, — показал я место на дисплее ориентации. — Остров Топсимар. Там сейчас как раз собаки воют на звезды.

У него уже успел сложиться план:

— Плаваешь хорошо?

— На милю-другую хватает. Но мне и багаж нужно сберечь.

Багажа у меня было немного; главное в нем составляла моя неизменная сумка, хотя и понесшая после Вериги некоторые потери. Я мог достаточно долго проплыть сам; с сумкой это было бы куда сложнее. Я объяснил это пилоту, пока кораблик, прервав связь с диспетчерской на Топси, плавно огибал планету на высоте примерно тысячи метров и уже приближался к длинному конусу топсийской тени.

Он пожал плечами:

— Ладно, пожертвую капсулой — авось не потребуют возмещения стоимости.

— В случае чего, — утешил я, — найдешь меня на Теллусе — возмещу убыток.

— Когда я еще попаду туда, — проворчал он. — Ладно, иди, упаковывайся. На все про все — десять минут, потом меня начнут искать в визиры и принудительно сажать — а этого я никогда не любил.

Я выразил полное с ним согласие.

В кабельтове от берега я затопил капсулу и остальной путь проплыл, таща сумку на буксире; она была герметичной и держалась на поверхности уверенно. Вышел на берег, внимательно оглядел прилегающее пространство. Впечатление было благоприятным. Разделся, выжал тряпки, снова надел, включил подогрев. Пока обсыхал — успел сориентироваться. До Абердоха было примерно с час ходьбы по берегу; однако подсознание просигналило мне, что туда сейчас идти не надо. Впрочем, я и сам полагал так: чем меньше народу будет знать о моем присутствии на Топсимаре, тем спокойнее проживу. А войти в Рынок ни схимник, ни кто-нибудь еще мне помочь никак не мог. Вся надежда оставалась на себя, любимого.

Я решил: несколько часов отдохну, оценю перспективу, настроюсь на работу. Ближе к утру — подберусь плотнее к городу и на зорьке войду — в час, когда на улицах должно уже появиться некоторое количество народа и я не буду привлекать внимание заканчивающих смену ночных патрулей. На Серпе, в те немногие часы, которыми я мог там располагать в своих интересах, я успел хорошо загрузить мой мик, и теперь без труда вытащил план города Топсимара. Нашел на нем Рынок. Изображение оказалось со странностями: четко был обозначен периметр объекта, но что находилось внутри очерченной, достаточно большой площади, оставалось совершенно непроработанным. Просто белое пятно. Однако я и не ожидал, откровенно говоря, что мне поднесут все на блюдечке; а если бы так случилось — у меня непременно возникли бы подозрения насчет бесплатного сыра и того устройства, в котором только и можно на него рассчитывать.

Иными словами, все было в порядке — насколько вообще могло быть.

Я ушел с берега в заросли, никем здесь, похоже, и никогда не культивировавшиеся. Нашел местечко поудобнее и поукромнее. Багаж распаковывать не стал, просто подстелил веток — они, к счастью, были без шипов, — лег и, перед тем как уснуть, принялся набирать энергию из великого Простора, уверенный в том, что завтра вся она мне понадобится — и хорошо еще, если ее хватит.

Топсимар оказался небольшим островом, и наутро, свежий и бодрый, я пешком без труда добрался до тракта, что соединял городскую заставу с портом, куда причаливали катера с космодрома, и спокойно прошел внешний контроль. У меня не было с собой ничего недозволенного, а выглядел я так же, как и большинство обитателей острова, живших за пределами города. А я и не должен был смотреться приезжим.

Я шагал и, не поворачивая головы, с любопытством разглядывал открывавшуюся передо мной картину.

Можно было сразу же прийти к важному выводу: наши хронофизики — и теоретики, и прикладники — совершенно зря тратят время и деньги на создание аппаратов, способных улетать в прошлое. Достаточно взять билет до Топсимара — и сотни лет как не бывало, а может, даже и полутораста. Минимальный расход и полный эффект.

При взгляде на улицу, на которой я оказался, ничего другого и нельзя было подумать. Неширокий асфальтированный проезд, с обеих сторон обставленный домами, построенными, без сомнения, в одно и то же время и по одним и тем же проектам — фасадами к проезжей части, с застекленными окнами (похоже, о силовой пленке — энергетическом экране, незримом, непроницаемом и невзламываемом, уже сотню лет как заменившем стекла в домах всех цивилизованных миров, здесь и не слыхивали), с покатыми крышами, на которые не сесть никакому агралету, даже миниатюрной «двойке»; приподнятые тротуары; столбы с фонарями: верный признак того, что светящийся воздух сюда еще не добрался — а ведь на Теллусе казалось, что он был всегда, многие думали даже, что это — природное свойство воздуха: светиться в темноте, хотя на деле то была чистая технология. Вперемежку со столбами, через неравные промежутки, в узких загородках поднимались пыльные деревья — то завезенные тополя и липы, то туземные — те самые, с нетопырьими крыльями голубоватого оттенка. Да, наверное, лет полтораста тому назад и земные городки (не столицы, конечно) выглядели так, точнее — новопостроенные городки, потому что у старых была своя история, отраженная в архитектуре. Здесь же все началось, по историческим меркам, только сегодня утром. У меня возникло даже сомнение: в самом ли деле в таком захолустье найдется то,

за чем я прилетел? Однако все, что я видел, было скорее всего лишь мимикрией, так что разочаровываться, пожалуй, пока не стоило. Тем более что напряженность пси-поля была тут куда выше, чем следовало бы в таком вот полусонном городке. Нет, похоже, я прибыл все-таки по назначению.

Оставалось лишь добраться до пресловутого Рынка. Разработать маршрут во всех подробностях мне помог накануне мой обновленный мик; маршрут был весьма простым, и можно было двигаться совершенно уверенно, без расспросов; они наверняка привлекли бы излишнее внимание. Мимо проехал скользобус, на лобовом стекле его я увидел таблицу: «Гавань — Рынок». Пассажиров в нем было немного. Но останавливать его я не стал, лишь двинулся в том же направлении. На самом деле город был не таким уж большим, скорее маленьким, а если хочешь подойти к цели, не очень бросаясь в глаза, то лучшего транспорта, чем своя пара ног, придумать просто нельзя.

То, что называлось здесь (и на самом деле было) Рынком, можно было заметить уже издалека. Миновать его, не обратив внимания, не удалось бы и самому ненаблюдательному путнику.

На первый взгляд это никак не могло быть обычным рынком, таким, как те, что действовали на Теллусе и по сей день: привозной рынок — самая, наверное, консервативная структура в экономике любой эпохи. Но тот, перед которым я сейчас оказался, отличался от продуктового или вещевого торжища столь же разительно, как рознится звездный корабль от двухвесельной прогулочной лодочки. Вместо ларьков, где за прилавками восседают торговцы, вместо предлагающихся вниманию покупателей товаров дорога привела меня к непроницаемому не только для взгляда, высокому — метров шести — металлическому, тускло отблескивавшему забору, за которым увидеть нельзя было совершенно ничего. Конечно, возвышайся за ним современной архитектуры офисные башни, над которыми реяли бы государственные флаги разных миров Федерации, я бы их увидел; именно так мне Рынок и представлялся, когда я думал о нем. Но на деле подробности наверняка можно будет увидеть, лишь пройдя в ворота, чьи створки даже своим видом вызывали представление о непреодолимости. Створки были сейчас наглухо закрыты, и даже подъезд к ним перегораживался шлагбаумом, возле которого дежурили два охранника в серой униформе, вовсе не скрывавшие, но, напротив, как бы с удовольствием демонстрировавшие свое вооружение. Таким вот оказалось то, что на плане обозначалось, как периметр, заключавший в себе неизвестно что.

Для пешеходов рядом с воротами виднелась дверца, что вела не прямо во двор (хотя назвать это двором язык как-то не поворачивался), а в небольшое строение — то была, надо полагать, проходная. Перед дверцей охраны не было, но я не сомне-

вался, что внутри окажется более чем достаточно. Нет, просочиться тут если и было возможно, то лишь после тщательной подготовки, требовавшей времени. Я же был ограничен не только в деньгах, но и в том, что является в цивилизованном мире их эквивалентом.

Может быть, я еще помешкал бы в поисках самого спокойного способа проникнуть внутрь, не поднимая лишнего шума. Но стоило мне замедлить шаг, как тут же зачесалось между лопатками и застучало в затылке; вот, значит, как. Глянул третьим глазом; так и есть. На пустынной улочке виднелся сперва только один человек — метрах в тридцати от меня, он все быстрее переставлял ноги, сокращая расстояние между нами. Я видел, как правая рука его скользнула в карман мешковатого пиджака. Может быть, в поисках курева, конечно, — но я в это не поверил. Тут же из подворотни на противоположной стороне улицы вывернулся еще один, они обменялись мгновенными взглядами. Интересно, что предпримут привратники, если я через пару секунд упаду тут, перед ними, на пыльные плиты, получив в спину одну, а то и две стрелы? Да ничего не станут делать: это еще не территория их ответственности. Хотя... Нет, стрелять тут, пожалуй, в меня не будут: хотят, похоже, взять теплым. Так я заключил, увидев, что впереди, очень недалеко, возникло еще двое и двинулись ко мне. Все четверо были чем-то похожи друг на друга: примерно одного возраста, телосложения, с одним и тем же выражением на лицах: немного азарта и бесконечная уверенность в себе. Очень знакомо, очень. Если возникнет схватка, даже в самом лучшем случае мне без потерь не выйти. А сейчас, на пороге цели, всякая потеря была бы и вовсе обидной. На раздумья не осталось ни секунды. Если уж схватка — то пусть она случится в ограниченном пространстве, в узости, где численность будет скорее мешать им, чем помогать; да к тому же на территории Рынка его люди вынуждены будут вмешаться...

Я распахнул дверь в проходную не рывком, но и не робко, сантиметр за сантиметром, а совершенно естественным движением — как вы входите в свою квартиру. Шагнул и, совершенно естественно остановившись на мгновение, нашарил за спиной задвижку, на чью помощь рассчитывал заранее. Она сработала бесшумно. Теперь сюда можно ворваться, лишь взломав дверь — а это требует времени и сопровождается шумом. Очень хорошо.

Согласно давнему прогнозу Абердоха сейчас меня должны были задержать и подвергнуть всяческим расспросам и анализам. Я полагал, что готов пройти любые проверки, и приготовил уже тот документ, подтверждающий мой статус — личную карточку с соответствующими записями, — который считал самой большой ценностью, приобретенной на Серпе. Но на деле пришлось действовать совершенно иначе.

Охранники тут если и были, то, во всяком случае, не в том помещении, в котором я оказался. Передо мной была

лишь стойка, как в самом заурядном присутственном месте, горизонтальная доска, пусть и хорошо отполированная, часть которой могла откидываться на петлях, открывая проход к двери в задней стене, сплошь прозрачной (хотя вряд ли то было простое стекло), что была позади и вела во внутреннее пространство. В тот самый миг, когда я входил в помещение, через ту — противоположную — дверцу какой-то человек уже вступил на территорию Рынка. Задержавшись на полсекунды, я проводил взглядом его удалявшуюся спину. Двигался он странно: вытянув перед собой руки, делал маленькие, осторожные шажки, словно пробирался в полной темноте по совершенно незнакомой местности; к тому же он вертел головой так, словно старался уловить направление на источник какого-то звука, который, видимо, до него доносился, хотя тут не было слышно ничего. Странным был и характер его движения: сделав два-три шага, он вдруг останавливался, делал шаг в сторону, поворачивался и шел в новом направлении, но через очередную пару шажков снова делал шаг-другой в сторону, словно исполнял танец со сложным рисунком. Больше сквозь стену не удалось увидеть ровно ничего, кроме другого забора, не столь, правда, высокого, как внешний. Я понял, что свой товар на Рынке оберегали очень серьезно. Человек же, заключил я, был почему-то немного не в себе; думать о его состоянии дальше было некогда.

Чтобы и мне пройти туда, где только что оказался увиденный мною человек, нужно было получить согласие молодой дамы в форме того же цвета, что и у привратников. Выражение лица дамы было неприступно-строгим. На нем так и читалось: «Нет, только через мой труп!..»

Однако голос ее, когда она заговорила, оказался спокойным и даже приятно-мелодичным:

— Вы хотите пройти на территорию Рынка?

— Иначе я не оказался бы здесь, — ответил я, стараясь улыбнуться как можно очаровательнее. Однако моя улыбка на нее, похоже, ничуть не подействовала.

— Но у вас нет пропуска.

Это был не вопрос, а всего лишь признание факта.

— Увы.

— Вас кто-нибудь ожидает? Вас приглашали? Или вы пришли по собственному почину? У вас есть нечто, что может заинтересовать Рынок?

— Вот именно. По собственному. И у меня есть.

Вообще разговаривать с нею надо было совершенно не так, не сухо и отрывисто. Я бы смог и иначе; но беда была в том, что все мое внимание с задачи проникновения непроизвольно переключилось на другую. А именно — на того человека, который только что исчез из поля моего зрения где-то на территории Рынка.

Причиной оказалось то, что я узнал его. Несомненно и точно. Я узнал бы его днем и ночью, под любым углом зрения, если бы даже мне показали всего лишь его ступни.

Потому, что это был все тот же Верига. И его появление здесь не сулило мне ничего доброго.

Конечно, очень приятно было бы подумать, что он возник тут случайно. По какой-то причине, не имеющей ни малейшего отношения к моим делам.

Но опыт давно уже приучил меня к мысли: вера в случайности — один из способов достаточно быстро нарваться на неприятности, в том числе самые большие.

Он оказался здесь потому, что тут же был — должен был быть — и я.

Мало того. Когда я входил, он как раз покидал проходную. Но, приближаясь к калитке, я не видел, чтобы он входил. Следовательно — находился здесь. Что было ему тут делать, если не разговаривать о чем-то с этой милой дамой?

Конечно, разговор их — теоретически — мог и не иметь никакого отношения ко мне. Но я не имел права так думать.

Значит, она так или иначе работает — или будет работать на него. Сама, может быть, того не предполагая. Да и в самом деле: что такого, если она пообещала, допустим, сообщить, к кому и с чем таким я направился.

Для этого он должен был, находясь здесь, следить за подходом к Рынку. И лишь увидев меня, мог сказать: ему нужно знать о том человеке, который вот сейчас войдет и попросит пропустить его внутрь.

Верига мог даже представиться работником какой-то из Служб, чьи просьбы считаются обязательными для выполнения. Я не сомневался в том, что он мог располагать любыми документами, какие оказались бы нужными.

Все это приводило к одному выводу: я не могу быть откровенным с этой женщиной за стойкой, несмотря на то что сама она могла оказаться самым порядочным человеком на острове.

— В таком случае — с какой целью?.. — продолжала свой допрос она.

Я не стал скрывать:

— Хочу устроиться здесь на работу.

В ее голосе прозвучали неприязненные нотки:

— Это делается не так. Свои услуги предлагают нам по связи. И если ваши предложения заинтересуют администрацию, вас пригласят на собеседование. Запишете номер?

— Непременно. Однако, кроме того, у меня есть и кое-что, что может оказаться полезным...

— Базар начинается в полдень. А сейчас...

— Только девять. Понимаю, слишком рано.

— Приходите в полдень. Тогда вы найдете здесь консультанта. Он сделает предварительную оценку... — Глядя на меня, она улыбнулась: — У нас не торгуют чем попало. Отбор необходим. Иначе базар захватил бы весь остров, и то места не хватило бы. Всего доброго.

Такое пренебрежение меня даже обидело. Что я, в самом деле, — первый встречный? Уличный мальчишка?

Но с обидой я уж как-нибудь справился бы. Сейчас главным было не мое самолюбие, но вещь, куда более важная: моя безопасность.

Я мог, конечно, выйти и к полудню заявиться снова. Но до этого полудня могло произойти какое-то количество событий, очень неприятных для меня.

Все упиралось опять-таки в Веригу. Он ждет меня где-то тут, на рыночной территории. Но здесь я буду находиться в большей безопасности, чем в любом другом месте острова. Если тут установлена вполне достойная уважения внешняя охрана, то внутри за порядком наверняка следят еще более внимательно. Верига тут — я был уверен в этом — такой же чужой, как и я, — иначе ему не пришлось бы караулить меня у входа. У Рынка ко мне пока еще не могло быть никаких претензий. Как только я войду, я окажусь как бы под его защитой. А стоит мне выйти на улицу — и в следующее же мгновение я смогу подвергнуться самой неожиданной атаке. В том, что арсенал Вериги — или тех, кто им командовал, — достаточно богат, я уже нимало не сомневался.

Итак, нужно было любым способом зацепиться за Рынок.

— Минутку, — сказал я. — Тут у вас есть человек, который хотя и не приглашал меня, но, думаю, не откажется принять, если узнает, что я нахожусь здесь.

Я ожидал, что она удивится. Но на Рынке, похоже, ко всему привыкли.

— Может быть, и не откажется. Это легко проверить. Если вы назовете его имя...

— Нет ничего легче. Повидж.

— Повидж, так. Под каким он флагом — вам известно?

Под флагом. Что бы это могло означать? Ляпну наугад, будь что будет.

— Под флагом Теллуса.

— Прекрасно, — сказала она таким тоном, какой куда больше подошел бы к «Как неприлично!».

На клавиатуре перед собой она набрала номер.

— Мистер Повидж? К вам посетитель, который полагает...

Она умолкла: видимо, ее прервали. Подняла взгляд на меня.

— Как вам угодно назваться?

Ответ был у меня готов заранее:

— Теллурианин — Чрезвычайный и Полномочный Посол мира Симоны в мире Серпы.

Она нимало не удивилась. Повторила услышанное в микрофон. Выключила связь и сказала мне:

— Вас примут.

— Я могу пройти?

— Да. Нет-нет, не сюда. Левая дверь. Там вас зафиксируют. А затем дадут маршрут. После этого сможете увидеться с вашим знакомым.

Ага, понятно. Фиксация: ЛК, дакто, глаза, рост, вес, группа крови, голосовая карта и еще сорок бочек арестантов...

— Это что — для всех такой порядок? Или только для прибывших с Теллуса?

— Нет, не для всех. Только для тех, у кого нет пропусков.

— Ну что же: надо — значит, надо...

А она, похоже, мягкая. Податливая. Легко внушаемая. С их стороны это — недосмотр. На контроле должен сидеть человек с отличной защитой и прочими способностями. Однако если подумать — человек с такими возможностями не пойдет сидеть на проходной. Найдет им лучшее применение.

Ты поддалась. Ты моя. У меня все в порядке, сейчас ты пропустишь меня и не сделаешь никакой отметки об этом. И сразу же забудешь. Ни слова не скажешь тому, кто только что спрашивал обо мне. Ты меня не знаешь, никогда не видела и не слышала...

— Проходите же, — сказала она устало. — Чего вы еще ждете?

Я прошел.

И сразу же остановился. Потому что идти — показалось мне — было некуда.

Я растерялся.

Дело было в том, что, выйдя и позволив двери затвориться за моей спиной, я сразу полностью утратил способность что-либо видеть.

Я оказался в густом, плотном, непроницаемом для взгляда тумане, вмиг окружившем меня со всех сторон. Я испытал мгновенное головокружение, а когда оно прошло — почувствовал, что больше не знаю, с какой стороны я пришел и куда надо мне направляться.

Теперь стало понятно, зачем нужен был маршрут, которым меня должны были снабдить после регистрации. Я пренебрег их помощью и был наказан.

Ясным стало и то, почему Верига, выйдя из проходной, двигался так странно. Тогда я подумал было, что он то ли болен, то ли крепко выпил. Но сейчас понял: выйдя, он оказался в таком же тумане, в каком находился я в эти мгновения. Понятно было, что туман этот существовал только для меня — как раньше для него: из проходной я наверняка был виден сейчас так же ясно, как сам я оттуда видел Веригу; наверное, и за мной кто-то наблюдал сейчас с немалым интересом.

Но я брести наугад не собирался. Предпочел остаться в неподвижности ровно столько, сколько понадобилось для приведения в действие третьего глаза, абсолютного зрения.

Когда он заработал, туман перестал быть видимым. Но от этого мне стало ничуть не легче. Потому что вместо него я увидел нечто другое. А именно — стены. Но вовсе не тот внутренний забор, какой наблюдался из проходной. Я оказался вдруг в каком-то коридоре, узком и низком, который в трех шагах впереди упирался в стену — и оттуда отходили (как я убедился, сделав эти три шага) два новых точно таких же коридора: направо и налево. Ыщы его мать, подумал я, вот еще новости. Вероятно, в этом же месте оказался и Верига несколькими минутами раньше, в этом же лабиринте; он тогда двинулся, помнилось, вправо: пойду налево, чтобы не натолкнуться на него в столь непонятной обстановке. Я свернул налево и сделал еще три медленных шага, тем временем соображая: стены были наверняка виртуальными, иначе я видел бы их, разговаривая с девицей на проходной. Если так — то существовал способ передвигаться в этом пространстве, не следуя за всеми изгибами квазилабиринта, но по реальной прямой. Нужно было только понять, каким способом разрушить эту виртуальность, то есть не ее, конечно, но мое восприятие ее как реальности. Виртуальность... Но воспринимать виртуальность можно лишь одним способом: через мой мик. И только влияя на него каким-то образом, заставляя подменять мое восприятие мира компьютерным, можно поставить меня в такое вот положение. Ничего не поделать: всякое преимущество, какое у тебя возникает, непременно компенсируется повышением твоей же уязвимости — если только не принять своевременных мер по защите от чужой воли.

Я не принял своевременно; однако это не означало, что не надо сделать этого хотя бы сию минуту. Я сделал: приказал мику на какое-то время засохнуть. Было опасение, что он вообще не захочет мне подчиниться; но связь моя с ним оказалась достаточно крепкой. Мик выключился — и стены вокруг меня растаяли мгновенно, как будто их никогда и не существовало. И я смог наконец осмотреться по-настоящему, чтобы вновь почувствовать себя обитающим в реальном мире — сколь бы неприятным он ни бывал иногда.

Я обнаружил себя почему-то уже внутри второй, внутренней стены. И передо мною (а равным образом справа, слева и сзади) не оказалось ничего, что заслуживало бы хоть малейшего внимания. Никакого Рынка. Хотя бы самой заурядной барахолки. Никаких дорог. Ни одного строения. Словом — ни малейшего намека на то, что же делать и куда двигаться дальше.

Очень весело, слов нет.

Но я уже понимал, что и это — всего лишь видимость. Пусть и не виртуальная. Этот громадный пустырь передо

мною, поросший высокой жесткой желтеющей травой неизвестных названий, — всего только маска, за — или под которой скрывается подлинное лицо этого места, называемого просто Рынок.

На моем уровне, как уже сказано, не было ничего. Наверху — в этом я убедился очень быстро — одно лишь небо с некоторой добавкой облаков, плававших в нем, как мухи в супе. Вывод мог быть лишь один: то, что я искал, помещалось где-то внизу.

Пришлось снова прибегнуть к помощи третьего глаза.

Он очень быстро подсказал мне, в каком направлении нужно двигаться. И я пошел.

Больше никаких помех не возникало. Я подошел к точке, указанной мне третьим глазом и ничем не отличавшейся от окружающего меня унылого пространства. Остановился, готовый ждать.

Но не пришлось. Земля, на которой я стоял, — точнее, круглая, диаметром метра в два, часть ее поверхности без всякого предупреждения стала уходить вниз, унося меня туда, куда я и стремился попасть — хотя и не без некоторого страха перед предстоящим. Я опустился метра на три, площадка остановилась, предоставляя мне возможность войти в кабину, ничем не отличавшуюся от нормального лифта. Кнопок было десятка три, но часть из них показалась мне странной: стрелки на них указывали не вниз-вверх, а в стороны. Похоже, здесь любили заставлять людей сворачивать туда-сюда. Мне они, однако, не понадобились: я не успел еще решить, какой же из них воспользоваться, как дверца скользнула на место и сразу же кабина ухнула вниз.

Спускаясь, я отсчитывал секунды; скорость снижения определил сразу же — она соответствовала скоростному лифту. Замедление началось через четыре двадцать пять, когда кабина остановилась, я успел отсчитать четыре сорок. Дверца распахнулась, и я шагнул в неизвестность.

Неизвестность оказалась круглой, с невысоким — метра два с половиной — потолком, скрытым достаточно ярким освещением и полукруглым барьером, который ограждал не двух парней в форме и с дистантами на боку от меня, но скорее меня от них: барьер охватывал небольшую площадку, на которую попадал любой, вышедший из лифта. Он был совершенно прозрачен, верх его упирался в потолок, так что барьером его можно было назвать чисто условно. Кроме охраны, в круглом помещении не было никого и ничего — только уходившие в четырех направлениях коридоры, широкие и тоже светлые. Я остановился, ожидая какого-то продолжения.

Оно последовало немедленно. Один из парней спокойно смотрел на меня, ожидая, пока закончится сканирование на предмет обнаружения оружия и других свидетельств дурных намерений. У меня ни инструментов для убийства, ни даже самих дурных намерений не было, так что я выказывал не мень-

шее спокойствие, чем постовой. Другой парень, внимательно глядевший на дисплей, кивнул и шевельнул губами — наверное, произнес что-то вроде «Порядок» или «Чисто»: за барьер звуки не проникали. После этого наблюдавший меня в свою очередь кивнул. К тому времени я успел уже просмотреть скрытую от поверхностного взгляда механику загородки — и, получив разрешение, приложил ладонь туда, куда и надо было, чтобы преграда разделилась на две половины, разъехавшиеся ровно настолько, чтобы я мог пройти, не поворачиваясь боком. Я не замедлил воспользоваться открывшейся возможностью.

Когда я оказался прямо перед вооруженной парочкой, тот из них, что смотрел на дисплей, движением руки остановил меня и сказал в пространство, а вернее — в невидимый мне микрофон:

— Фиксируется вход. Прибыл субэмиссар с Теллуса. Наш номер: шестнадцать — восемь троек — два.

Видимо, в ответ ему что-то сказали, судя по тому, что он помолчал секунду-другую, потом обратился уже ко мне:

— К кому?

У меня мог быть единственный ответ:

— Повидж.

— Повидж, — повторил он и опять послушал. Подтвердил:

— Понял.

И вновь адресовался ко мне:

— Чего же ты через анус лезешь?

Ответил не я, а второй охранник:

— День же не начался еще — куда же ему? Гремучка еще выключена.

— А, верно. Третий коридор (он указал пальцем, хотя над входом и так виднелась большая и яркая цифра), сотню метров на восток, за вторым мостом — круто направо, и читай рекламу. Читать там у вас еще учат?

— Только особо выдающихся, — ответил я. — Вот как я, например.

И нырнул в указанный мне коридор, стремясь побыстрее скрыться с глаз.

Исчезнуть поскорее заставило меня четкое понимание того, что со мной что-то было не так. Произошла какая-то накладка. В мою пользу. Пока. Меня приняли за кого-то, кем я, по моему глубокому убеждению, не был. За какого-то субэмиссара с Теллуса; с Теллуса я действительно был, но все прочее относилось к кому-то другому. Благодаря этой ошибке меня впустили без малейших осложнений — а ведь они непременно должны были быть. Конечно, полагал я, я бы из них выпутался, и тогда у меня возникло бы приятное ощущение того, что все в порядке. Но их не было; а подобные удачи (подсказывал опыт) достаточно быстро превращаются в свою противоположность, и уж

тогда выкручиваться бывает куда труднее. Однако выхода у меня не было: не сообщать же вахтенным, приятно улыбаясь: «Ребята, вы ошиблись и приняли меня за кого-то другого, на самом деле я вовсе не ваш, я только собираюсь записаться в мушкетеры». Это было бы уже крайним проявлением идиотизма, я же полагал, что такого уровня еще не достиг — хотя все чаще стало казаться, что нахожусь где-то, совсем уже недалеко от этой вершины. Так или иначе, мне нужно было определиться в этой среде как можно быстрее: сейчас рабочее время еще не началось, людей не видно было, а если и были немногие, то они сидели где-то в своих норках. Постовой, как я подумал, скорее всего докладывал о моем прибытии не какому-то действующему лицу, но просто компьютеру — для статистики, недаром он сказал, что визит фиксируется. Но вот персонал приступит к работе, записи просмотрят — и кто-то быстро докопается до ошибки, потому что субэмиссара ли, или кого угодно другого с моей антропометрией у них нет и быть не может. И к той минуте было бы хорошо найти здесь какую-то зацепку посерьезнее.

Конечно, прибудь я сюда, как все люди, желающие предложить свои услуги, мое положение оказалось бы по меньшей мере хотя бы легальным. Да я ведь и хотел войти в Рынок именно так. Но я испугался Вериги. Перед собой мне нечего было стыдиться: я именно испугался. Не только потому, что он вцепился в меня, как клещ, но и потому главным образом, что для меня оставалось непонятным — каким образом он отслеживает меня, безошибочно переносится за мной из одного мира в другой — даже тогда, когда я и сам не знаю, где окажусь через день или через минуту. Это пахло какой-то чертовщиной. А чертовщины я не люблю. Я понимал, что, уж коли он оказался здесь и преследует меня уже по-зрячему, то прекрасно понимает, каким путем я собираюсь воспользоваться, чтобы попасть на Рынок: легальным, разумеется. Но этот путь для меня закрылся, когда я не пошел на регистрацию, но применил на проходной насилие и пустился, как говорится, во все тяжкие...

Размышления такого рода не мешали мне, идя по коридору, внимательно разглядывать все, что попадалось по дороге, и аккуратно укладывать увиденное на полочки памяти. Попадалось не так уж много, но кое-что все же было. Коридоры поуже этого, отходившие в стороны через каждые десять, иногда и пятнадцать метров; узкие дверцы (я насчитал их три) с кнопками и стрелками вверх-вниз: видимо, какие-то лифты местного значения. Возле входов в коридоры (хотя и не во все) попадались поясняющие таблички, некоторые показались мне интересными. «Отдел заказов нейтрализации», например, или «Сектор сбыта инфоутиля».

Меня это, откровенно говоря, не очень интересовало. Важнее показалось другое: уровень напряженности тонких полей был тут не выше, чем в городе за пределами Рынка. А это, я

уверен, свидетельствовало о том, что товары, служившие тут предметом купли-продажи, на самом деле находились где-то в другом месте. Товары эти, по самой своей сущности, должны были быть настолько богаты энергией, неизбежно тратившейся на их создание и сохранение, что даже через десятки лет продолжали мощно излучать в тонком диапазоне. А я не ощущал ничего подобного. Ну что же: чего-то такого следовало ожидать, доступ к товарам такого рода и должен был оказаться достаточно затрудненным.

...Потом поперечные коридоры кончились, почти сразу начались двери — без табличек, но с небольшими изображениями государственных флагов и гербов некоторых миров Федерации — не самых значительных, впрочем, — а также с номерами. С последними была какая-то несуразица: после номера 1016 следовал почему-то 617-й, а напротив оказалось помещение под номером 234. Кажется, все было задумано для того, чтобы сбить новичка с толку. Я шагал, ожидая, когда начнутся обещанные мне мосты; когда сотня метров, которые мне надлежало пройти, кончилась, коридор уперся в невысокую — о двенадцати ступенях — лестницу; пришлось подняться. Наверху оказался еще один поперечный коридор — широкий, и по его полу, к моему удивлению, шли рельсы, ширина колеи была сантиметров пятьдесят. Затем начался спуск, двадцать ступенек, и коридор продолжился. Надо полагать, я преодолел первый мост.

Пришлось идти дальше. Не помешало бы обзавестись коридорным скользунчиком (один такой я заметил вдалеке в одном из поперечных коридоров, но быстро справился с искушением воспользоваться им), но мне такого не полагалось. Пока, во всяком случае. Возникали и другие соблазны: например, пользуясь отсутствием персонала, свернуть с предписанного маршрута, пробежаться направо и налево, а может, еще и вверх-вниз. Но и это я отверг, покосившись на перископы соглядатаев; слегка выступая из стены под самым потолком, они, плавно поворачиваясь, исправно передавали меня друг другу, так что каждый мой шаг запечатлевался для потомства. Не нужно лишнего риска, уговаривал я себя; здесь и неизбежного наверняка будет больше, чем мне хотелось бы.

Я уже миновал входы в архивный отдел, в сектор завещаний, еще в один сектор — неликвидной информации, когда передо мною возник и второй мостик и снова пришлось преодолевать ступеньки. На этот раз наверху рельсов не оказалось; колея пролегала по нижнему коридору, над которым мостик и был перекинут. В общем, хозяйство тут было, судя по всему, серьезным и весьма разветвленным, так что я начал уже сомневаться: смогу ли разобраться в нем за то небольшое время, какое у меня еще оставалось, если даже никто не попытается помешать мне; но на это я надеялся меньше всего.

Сойдя с мостика, я, как и было велено, свернул круто направо. Круто — потому что в этом месте начинались сразу два коридора, удалявшиеся под разными углами. В этом коридоре двери располагались теснее друг к другу, чем в начале моего пути, а кроме того, на них были и таблички с именами; вероятно, их и имел в виду охранник, говоря о рекламе, которую надо было читать. Я шел, читая, пока не почувствовал, что пришла наконец пора остановиться. И очень кстати: похоже, что рабочий день начался, и коридоры, только что пустые, вдруг как-то сразу заполнились людьми. Защелкали двери, зазвучали приветствия, где-то уже заверещала аппаратура связи, кто-то промчался по коридору на минисколе — закрутилась жизнь.

Но почему-то у меня Рынок даже в этот час, как ни странно, пробудил скорее мысли об упадке и бедности, чем о коммерческом успехе. Незаметно было никакого наплыва покупателей, вот, вероятно, в чем была причина: судя по табличкам, все покупали и продавали — но кому же? Обширная комната, вывеска у которой говорила о том, что предназначена та была для ожидающих приглашения покупателей, оставалась пустой, если не считать единственного затерявшегося на ее просторе человека, возраст которого показался мне перевалившим за сотню лет; именно в прошлом веке на Теллусе, да и не только, были в моде такие бороды. И хотя он уселся на длинный диван только что, на моих глазах, вид у него был такой, словно он и ждал тут уже не менее столетия. Возможно, потому, что глаза его источали, казалось, устойчивую тоску старины. Впрочем, здесь был другой монастырь с другим, своим уставом; как знать — может быть, здесь царила мода на вымирающие поколения.

Вот таким неуместным размышлениям я предавался, пока шагал по этому коридору, разглядывая здания и вывески, да и, остановившись перед нужной дверью, не сразу загнал их в задние чуланы рассудка. Поднимаясь по ступенькам, я безошибочно ощущал, что меня внимательно рассматривают, хотя как раз тут никакого видеожучка не было заметно, да и взгляд, который я чувствовал на себе, был специфическим: то было сканирование третьим глазом. Но и к этому следовало быть готовым заранее; я был.

На стене, рядом с дверью, была укреплена белая металлическая табличка, на которой литерами кириллицы было начертано:

М. Х. ПОВИДЖ
Покупка. Продажа

То же самое (впрочем, это скорее догадка) было повторено еще на нескольких языках с использованием латинского, еврейского и арабского алфавитов. Похоже, дело у моего земляка было поставлено на широкую ногу.

Остановившись и передохнув секунду-другую, я без колебаний протянул руку, чтобы нажать на кнопку звонка или чего-то другого, докладывающего о посетителе. Прошла секунда, другая; потом прозвучало несколько звонких щелчков, дверь растворилась и я сразу же шагнул в открывшийся проем.

Мы сидели за круглым столиком друг против друга; Повидж оказался постарше меня лет на двадцать, очень крепкого сложения и, судя по облику, завидного здоровья. Похоже, его заботы о поддержании формы не ограничивались бегом трусцой, он явно проводил многие часы в тренировочном зале, мускулы распирали его белоснежную рубашку, синий блайзер висел на спинке стула; строго служебный наряд, без всяких признаков легкомыслия. На столе стояли кофейник, чашки и все прочее, помогающее наладить общение с клиентом, установить ту духовную связь, что способствует заключению удачной сделки. Настоящий разговор еще не начался; мы пока лишь обменивались любезностями и говорили на общие темы, в то время как обе стороны лихорадочно пытались забраться в собеседника поглубже, проникнуть в мысли, в чувства и подсознание...

— Ну, как там на старой родине — порядок?

— Как всегда — полный.

— А на Серпе — там вроде бы какие-то неурядицы?

— Да, в общем, ничего особенного...

И тому подобные реплики, ни к чему не обязывающие. Политес. У меня было ощущение, что я пытаюсь вскрыть танк при помощи перочинного ножика: защита у Повиджа была поставлена прекрасно. Со своей стороны, я тоже делал все возможное, чтобы он не нашел в моем блоке ни малейшей щели — а уж он пытался, я понял это, когда он машинальным движением вытер проступивший на лбу пот. Я похвалил здешнюю архитектуру, имея в виду сложную систему переходов; хозяин, слегка поморщившись, ответил:

— Надоело это все до чертиков. Коридоры, лестницы, еще коридоры и еще лестницы, лифты, минисколи — глазу отдохнуть не на чем, стервенеешь быстро — потихоньку начинаешь мечтать о каком-нибудь штормяге, о снежных зарядах, лавинах, оползнях...

— Да, — сказал я сочувственно. — Теллус во всех нас сидит глубоко. — То была тень намека на то, что он был урожденный Попович, и армагский загар покрыл его фамилию, когда он был уже в зрелом возрасте.

— Суматошная система, — проворчал он, не очень, впрочем, сердито.

— По-моему, здесь тихо...

— Здесь? Я о Теллусе. Здесь-то жить, конечно, можно. Правда, торговля, прямо сказать, никудышная.

Его слова меня не смутили: обычай жаловаться на плохие дела возник в деловых кругах давно и был самой невинной формой дезинформации; другие были куда опаснее.

— Ну, — сказал я, — думаю, если тут удается провернуть одну сделку в год, то потом можно еще пару лет вообще ничего не делать.

Он поднял глаза на меня; во взгляде было что угодно, кроме ласки.

— Какая самая страшная болезнь в Галактике? — спросил он и сам тут же ответил: — Излишнее любопытство. Летальный исход гарантирован. Особенно в здешнем климате. Как у тебя — голова не болит?

— Не жалуюсь, — сказал я спокойно. — А вот у тебя с памятью не все в порядке. Есть, говорят, какие-то таблетки для укрепления памяти, как они там называются?

Он покривил губы; возможно, то была улыбка в его трактовке.

— Двадцать восьмой год, десант на Стрелу-Вторую, ты был во втором взводе, носил звание младшего капрала и тащил ручник.

— Ладно, — сказал я, — обойдешься без аптеки. Чего же ты темнишь, раз вспомнил меня?

— Вот потому, что на память не жалуюсь. Ты в десанте был младшим капралом, да. Однако...

Я поднял руку, останавливая его монолог.

— В мире две смертельные болезни, — поделился я с ним возникшей мыслью. — Вторая — излишнее красноречие. Не то и я вспомнил бы, кто, когда и где носил звездочки, и сколько.

Он кивнул и даже засмеялся — словно хряк захрюкал. Но это продолжалось считаные секунды.

— Ладно, — сказал он, посерьезнев. — Так какой же зуд погнал тебя в такую даль? Колись.

Схема разговора — шема, как сказал бы Абердох, — у меня уже успела сложиться. Если бы я сразу раскрыл свои карты, Повидж просто перестал бы меня уважать. Ритуал прощупывания и нового признания или непризнания одним другого и наоборот далеко еще не завершился. Так что искать ответ не пришлось.

— В общем, я тут случайно, — сказал я, очень натурально вздохнув. — Пришлось уносить ноги. Подвернулось — сюда. Дружок посоветовал. Но мне сели на хвост. На какое-то время надо затаиться. Даже в город не вылезать. Так что — помоги по возможности.

— Так, так, — сказал он, веря мне (чувствовалось) только на четверть; да иного я и не ожидал. — Чем же это ты занимаешься в миру, что вызываешь такой интерес? Покупаешь, продаешь?

— И то, и другое. Смотря по условиям.

— Каков же товар?

— Беспроблемный в перевозке.

Он чуть приподнял брови: понял, о чем речь.

— А образцы случайно не при тебе?

— Рассчитываю на долгую жизнь, — разочаровал его я.

Он кивнул, словно того и ожидал.

— Жаль. А то, может, возник бы обоюдный интерес. Так чего же ты хочешь?

— Залезть в норку. И пересидеть.

— Легко сказать. Тут у нас крутой режим. И к чужим относятся недобро.

— Это я понимаю. Но ведь приезжают к вам люди: и покупатели, и те, кто хотел бы войти в дело...

Выражение его лица не изменилось, только веки опустились на самую малость.

— Не без этого. Ты покупатель? Или действительно хочешь быть кандидатом? Но для этого твой статус вряд ли подойдет.

— Какой мой статус ты имеешь в виду?

— Ты сам только что сказал: человека, ищущего укрытия.

— Это не статус. Это обстоятельства. А если хочешь официально — перед тобой Чрезвычайный и Полномочный посол мира Симоны в мире Серпы. Можешь не вставать, я не очень обижусь.

Вставать он, кстати сказать, и не собирался. Только приотворил губы в усмешке:

— Хорош, хорош. Ну что же: тогда есть повод для разговора. Но это была только половина условий. Если уж ты наслышан о наших порядках, то должен иметь при себе нечто для взноса.

— Вполне могу предъявить.

— Да? — Он прищурился еще больше. — А обрисовать в общих чертах способен?

— Косноязычием не страдаю.

— Давай, сыпь орехов.

— Говорим официально?

— В рабочее время и на служебной территории только такие разговоры и могут вестись. Учти: ведется запись.

— И вот сейчас тоже?

— Начиная со следующего слова. Включаю. Все.

Я постарался изложить ситуацию на Серпе сухо, по-деловоу, с учетом того, что запись будут слушать и другие люди, которых я совершенно не знаю. Но повел рассказ так, что ни намека на уракару с ее семенами не проскользнуло, и само слово это, конечно же, ни разу не оказалось упомянутым. Он слушал внимательно, глядя мне в глаза; я ни разу не отвел взгляда. Когда я закончил, он сказал:

— Полезные вести. Пожалуй, можешь претендовать. Но сразу же хочу предупредить: рассчитывать на какой-то заметный пост тебе еще долго не придется, даже если примут. Будешь ходить в ассистентах, выполнять частные поручения, присматриваться, привыкать, входить в курс... В общем — на подхвате.

Я кивнул:

— Службу я понимаю.

— Да, было у тебя время понять. Ну а еще перед тем тебя как следует протестируют, если будут пробелы в каче-

ствах — чему-то обучат; хотя я думаю, что этого не потребуется. Опыта тебе не занимать. Ладно, приятно было выслушать. А то тут порой такую дребедень приносят — уши вянут. Тебе разрешается пребывание здесь, пока твой вопрос будет проходить по начальству. Буду тебя рекомендовать как моего ассистента. Есть и такая должность тут. Не бойся, сапоги чистить не придется.

— Пребывать здесь — это где же? У тебя в кабинете?

— Зачем же. Есть жилые этажи. Можешь устроиться весьма комфортабельно — если, конечно, имеешь на то средства. Халявы тут нет. Денег-то с собой много?

— Прости, — сказал я очень серьезно. — Собирался, сам понимаешь, впопыхах, забыл бумажник под подушкой.

Повидж снова похрюкал.

— Я так и подумал, знаешь ли. Богатым ты не выглядишь.

— Да, — согласился я. — У меня всегда все на лице написано. Хотя устроиться хотелось бы получше. Если бы мне открыли кредит.

— И не мечтай, — заявил он категорически.

— Тогда подскажи другой способ. Вразуми.

— Подумаю. Ладно, давай свою регистрационную карту...

Я внимательно оглядел комнату.

— Теперь тут уже глухо?

— Ты маленький? — сказал он. — Все крутится, усвоил?

Он встал, и со своей рабочей стойки принес большой блокнот и кулограф. Им можно смело писать, не опасаясь, что на нижних листах окажутся отпечатки.

Я кивнул и написал только:

«Прошел сюда без регистрации. Неофициально».

По огоньку, что зажегся в его глазах, я понял, что написанное заинтересовало его куда больше, чем сообщенная мною информация.

— Душновато тут, тебе не кажется? — сказал он вслух.

— Кажется — это слабо сказано. Сейчас бы где-нибудь около воды, на песочке...

— Песка здесь немерено, — откликнулся он. — Воды — океан. Но только пить ее нельзя. Имеем время до полудня. Пошли?

— Жалко, что океан не пивной.

— Были бы деньги, — усмехнулся он. — Ладно, ты гость с родины, как-никак. Поехали.

Путь, по которому мы проследовали, чтобы выйти из Рынка, был совершенно не похож на тот, каким я сюда явился. На ближайшем лифте мы поднялись почти на самый верх и вышли ярусах в двух от поверхности. Там оказался обширный гараж, скользунов и колясок в нем стояло видимо-невидимо; судя по их количеству, народу тут работало никак не меньше дивизии. Мы уселись в одну из колясок, весьма породистую. Повидж

включил автомат, и мы покатили. Проехали по широкому коридору, въехали в туннель, и в самом деле гремевший от множества машин, летевших навстречу, и лишь через пять с лишним километров, миновав три контрольных поста, оказались на поверхности — где-то за городом, на природе, которая на первый взгляд казалась совершенно нетронутой.

Похоже, пива в этом мире было больше, чем воды — судя по тому, что пивом мы запаслись сразу же, а до воды же пришлось добираться довольно долго. Правда, даже на этой классной коляске по такой дороге пришлось бы долго добираться куда угодно: при полном напряжении сил невозможно было двигаться быстрее гуляющего пенсионера. Скучая, я поглядывал направо и налево, любуясь красивыми особняками, отстоявшими далеко друг от друга в глубине садов. Да, похоже, люди здесь не очень нуждались, во всяком случае, некоторая их часть. Как и во всей Федерации, впрочем.

— Ты не здесь обитаешь? — на всякий случай поинтересовался я, когда мы проезжали мимо какой-то особенно вызывающей виллы.

— Я — по другой дороге, — откликнулся он. — Здесь — середнячки, несолидный народ. Брокеры, секретари, кое-кто из разъездных агентов — не выше. Вот и ты через годик-другой...

Больше я спрашивать не стал. Как-то сразу почувствовал, что тут рассуждают по-своему, здесь я — вообще никто, пустое место, мнимое число. Ощущение мне не понравилось, и я решил в дальнейшем быть как можно более сдержанным — для пользы дела и чтобы окончательно не утратить уважения к самому себе.

Наконец мы выехали к побережью. Берег был пустынным. Мы оставили машину на забетонированном пятачке. Повидж повел меня прямо сквозь остро пахнущий кустарник. Продирались с усилием. И вышли наконец к крохотному заливчику, где растительность на несколько метров отступала от воды, образуя подобие пляжа с тонким песком, обильно усыпанным мелкими ракушками. Я подумал было, что сейчас прилив и вода покрыла весь пляж; не сразу сообразил: если нет луны, то какие же могут быть приливы.

— Ты все переговоры здесь ведешь? — поинтересовался я.

Он усмехнулся:

— А разве мы ведем переговоры? Просто празднуем встречу после долгой разлуки. Садись или ложись — как угодно, песочек здесь чистый.

Я последовал совету. Ящик с пивом, который мы с великими усилиями дотащили сюда от машины, он осторожно опустил в воду, вынув лишь по банке — для начала. Кивнул мне:

— Промочи горло.

Я промочил.

— Теперь говори. — Повидж пошевелил губами вхолостую, покачал головой. — Каким же это образом тебе уда-

лось попасть в наш центр, не пройдя даже первичной регистрации? И почему, если можно было войти вполне легально? Наверное, тебе очень не хотелось там засветиться; в чем причина? Что ты такого натворил, что тебе даже тут страшно? Только откровенно, потому что иначе никакого содействия от меня не дождешься. Земляки мы там или нет, но я работаю в Рынке и на Рынок и мараться ни в чем не стану. Ты ведь не утащил с собой посольскую кассу? Не прикончил там кого-нибудь из-за пустяков? Только не молчи: видишь, я просто сгораю от любопытства. Что же ты, друг милый, не смысля ни уха, ни рыла в наших играх, суешься в такие дела? Жить скучно? Или ты стал такой уж рисковый? Даже если тебя занесло сюда случайно, не надо было связываться с Рынком. Это, парень, та еще корпорация. Чтобы от нее не пострадать, надо в нее входить. Ладно, что внести — у тебя есть. Но как только отдашь свою информацию как взнос, то потеряешь на нее всякие права. Разрабатывать дело станет кто-то другой — от Рынка. Тот, кого сочтут самым пригодным. Тебе это никак не светит. И прибыль, если она появится, пойдет Рынку, иными словами — в общак, если тебе так понятнее. Ты, конечно, при этом получишь право вести дела в системе Рынка. Но, если я правильно понял, ничего другого у тебя за душой нет. Тебе дадут право разрабатывать — но работать тебе не с чем. Так? Значит, одиночное плавание — не твой удел. Раз уж ты нашел меня, я тебя, конечно, без помощи не оставлю. Возьму к себе — как и обещал, ассистентом. Твой Проект будет числиться за мной, а тебе достанутся отдельные задачи. Всю информацию, что у тебя есть, сразу отдашь мне. И это — единственное, на чем ты сможешь еще как-то выкарабкаться, не потеряв последних штанов — а то и вообще не оставив здесь собственной шкуры. Только не думай, что ты сильно крутой. Такими здесь улицы мостят. Скушай это без соли и усвой раз и навсегда. Тогда, может быть, что-то и получится. Но при твоем согласии на жесткие условия — и при безусловном их соблюдении. Шаг влево, шаг вправо — и огонь откроют без предупреждения.

Я немного подумал, прежде чем ответить:

— Такой шанс бывает раз в жизни — попасть сюда. Страха во мне нет, но остерегаться научился. Не тащу за собой никакой уголовщины, поверь. Но кто-то, похоже, считает, что я знаю о чем-то больше, чем на самом деле. И видит во мне опасность. Вот и весь рассказ. А ты на моем месте упустил бы такую возможность?

— Я! — сказал он. — Я — другое дело. Варюсь в этом котле уже столько — и счет годам потерял. Наработал такой опыт, что...

— Что же тебе твой опыт подсказывает?

Он поморщился.

— Что вернее всего с тобою не связываться. Риска больше, чем выгоды. Ты еще и начать не успел — и уже наделал ошибок.

Это замечание мне не понравилось.

— Каких же, например?

— То, что прилетел сюда и притащил за собой «хвост».

— Я же тебе объяснил: это случайно получилось. У меня планы были совсем другие...

— Противоречишь. То — единственный шанс, то — ты тут вообще случайно. Где правда?

— И в том, и в другом. О шансе таком мечтал давно: на Теллусе сейчас занудно. Но, зная, что меня пасут, не собирался сюда по прямой, хотел сперва попетлять, сделать скидку — и тогда уже..

— Куда же ты собирался махнуть для начала?

— Ну для начала — на Синеру...

Я тут же пожалел, что слово это вырвалось — как-то само собой, помимо желания; подсознание подсунуло его, положило на язык. Но уже поздно было. Я ощутил, как Повидж внутренне напрягся:

— Вот как. Что же у тебя на Синере — браты, сваты?

— Нет ничего и никого. Просто ближайший борт был туда.

Похоже, у него отлегло.

— Я же говорю, — сказал он. — Ты в этих делах не смыслишь.

— Как прикажешь это понимать? — Я почувствовал, что начинаю злиться, и не без труда заставил себя вернуться к спокойному деловому тону. — Ты что же — заложишь меня своему начальству? Расскажешь о моих обстоятельствах, сложностях?

— А ты думал — как? Я же один из них, разве еще не ясно? Тут очень непростая система взаимоотношений, приоритетов, иерархии. Я годы пахал, чтобы оказаться на таком уровне. Что же, по-твоему, я пущу все это по ветру, только чтобы помочь тебе уберечь свою задницу?

— Каким же ты стал...

— Будь я не таким, то и обитал бы где-нибудь в другом месте и занимался бы чем-нибудь этаким — воспитывал бы детишек в садике или в этом роде.

Я поспешил отработать назад:

— Постой, постой. Я ведь с Рынком ни в какие отношения пока еще не вступил. Так что все, что ты тут сулишь, ко мне вроде бы и не относится.

Он усмехнулся моей непонятливости.

— Мальчик ты, мальчик. Воображаешь неизвестно что. Как это — не вступил в отношения с Рынком? Как только ты вошел на нашу территорию, ты оказался в игре. К нам сюда просто так не заходят. Ты вошел в мой офис — это второе; после этого ты уже в фокусе. А главное: ты вошел незаконно — и значит, уже совершил действие против Рынка. Кто знает, чего ты там успел увидеть и услышать, а то и утащить, где плохо лежало. Что же тебя — похвалить за это и отпустить на все четыре стороны? Такого не бывает. Вот так-то.

Я почувствовал, что вот-вот серьезно сорвусь. Бывает такое: на меня накатывает, из подсознания вырываются самые древние, самые разрушительные инстинкты, и я начинаю действовать непредсказуемо для других.

— Ну, — сказал я сквозь зубы, — ты-то меня не продашь. Я уж об этом порадею. Изо всех сил.

Я почувствовал, как он на меня обрушил всю имевшуюся у него силу, чтобы подавить, подчинить, зажать в кулак мою психику. Он умел кое-что в этой области. Но не учел, что тут все козыри были у меня на руках: я был моложе, энергии у меня было больше — успел поднабрать, а главное — я был продвинут куда дальше, чем он, потому что он занимался этим на бытовом уровне, любительском, его жизнь не зависела от этого искусства, я же был профессионалом, при моем роде деятельности иначе выжить было нельзя. Так что моя защита выдержала, а вот его — стала уступать под моим натиском. И он это почувствовал. Понял, что в ближайшие минуты, даже секунды я убью его, вовсе не думая о последствиях. И если даже они окажутся для меня печальными — ему самому от этого легче никак уже не станет.

Он выставил ладони, как бы защищаясь, хотя я не сделал еще ни движения.

— Ладно, ладно, — сказал он примирительно. — Силен, ничего не скажешь. Но взрываться нет нужды. Я ведь тебе никакого зла не желаю. Если бы желал — не стал бы вводить тебя в обстановку, так? Ну может, я тебя слегка огорошил. Но ведь затем тебя сюда и вытащил, чтобы в спокойной обстановке поразмыслить — что можно еще повернуть и каким способом. Давай-ка примем еще по глотку — для охлаждения. Возьми там, в воде.

Он не сам пошел за пивом, попросил меня — чтобы я понял, что он не так уж и испуган и не собирается менять свою первую роль на вторую.

Внутренне усмехнувшись, я подал ему банку и выпил сам. Пиво на Топси было неплохим, хотя с лучшими земными сортами, конечно, не сравнить.

— Значит, так, — сказал он, когда банка опустела. — Положение действительно непростое, но выход найти можно. Только договоримся сразу же: ты мне доверяешь. Даже если какие-то мои поступки или команды покажутся тебе непонятными или даже опасными для тебя. Приемлемо?

— Собираешься все же мною командовать? — ощетинился я.

— Не придирайся к словам. Ну пусть не команды, а советы. Суть от этого не изменится: в имеющихся обстоятельствах я разбираюсь вдесятеро лучше твоего. Когда ты выйдешь на такой уровень — если выйдешь вообще, тогда я буду слушать твои приказания. Но сейчас ситуация такова: я — мастер, ты — ученик. Логично?

Я решил, что это разумно.

— Давай попробуем.

Он удовлетворенно кивнул.

— Значит, так. Всю теорию — имею в виду Рынок и все, с ним связанное, — оставим до лучших времен. Займемся практикой. Вижу сейчас две линии, по которым придется действовать.

Он сделал паузу — похоже, ждал, что я снова прерву его. Но я решил, что не место и не время качать права, и только кивнул. Его это удовлетворило.

— Обстановку я вижу вот какой. Ты хочешь свой взнос — информацию о делах на Серпе — заявить, но оставить для своего пользования, взять разработку на себя. Свой смысл в этом есть: на Серпе у тебя все же есть официальная позиция, достаточно выгодная. Послов мы вообще-то любим... Предположим, я пойду на такой вариант — самое малое, из пятидесяти процентов.

Я не смолчал:

— Ты какую половину имеешь в виду: от номинала — или от того, что останется после всех расходов? Меня ведь один барыга профинансировал — своих для начала у меня не было.

— Ну-у, — протянул он, — это несерьезно. Что он получит? Я думаю, ничего. Ты ему что-нибудь должен?

— Он меня профинансировал, я же сказал...

— Значит, в лучшем случае столько и получит — с общепринятыми процентами. И не более того. А начнет махать костями — останется вообще при пиковом интересе. Да я думаю, ты и сам точно так же думаешь — и с самого начала думал.

Я усмехнулся в знак согласия.

— Слава богу, — сказал он, — а то я перестал бы тебя уважать. Хорошо. Значит, вопрос: как не сдать Проект Рынку и при этом не вызвать неприятностей? Вижу один способ: вместо Проекта сдаем Рынку что-то другое, что может оправдать твой приезд и обращение к нам. Какую-нибудь государственную тайну среднего уровня, лучше даже — чуть выше среднего. Самотеком к нам чаще всего попадают именно такие. Тайны высших уровней чаще приходится заказывать, это работа долгая и сложная, хотя и выгодная в конце концов. Ну-ка, покопайся в памяти: может, там у тебя найдется что-нибудь?

Я мотнул головой, заранее зная, что ничего подобного у меня нет.

— Ладно, пусть не государственная. Что-нибудь из жизни трансгалактических концернов, или компры на лиц категории «А», или — ну, короче, в таком вот духе?

— Ты пойми, — сказал я ему. — Я же в этих делах — человек случайный, возник просто по стечению обстоятельств — ты сам это сразу же определил. Откуда у меня?..

Он удовлетворенно кивнул:

— Так я и думал. Прекрасно. Идем дальше. Ты понял, что ты в одиночку тут бессилен? Не сможешь сделать ничего?

— Прочувствовал.

— А коли так — предлагаю учредить акционерное общество закрытого типа. Пайщики — ты да я. Цель общества — эксплуатация Проекта. Стороны вкладывают: ты — Проект, я — отвлекающий материал.

— А если яснее?

— Есть у меня один секретик — такой, какой и требуется, чтобы Рынок нам поверил. Я его держал в резерве, о нем коллеги не знают. Вот его мы и сдадим — от твоего имени. Тогда все красиво выстраивается: и твое появление, и то, что я — старый знакомый — дам тебе возможность работать под моим руководством. Элегантно, а?

Пришлось признать, что его версия выглядит правдоподобной.

— А пока ты будешь разрабатывать мой секретик, — сказал он, — я тихо и серьезно буду заниматься подготовкой к эксплуатации твоего — теперь уже нашего — Проекта.

— Интересно, — сказал я, — во что мне станет твой взнос.

— Ну, — сказал он, — твои потери будут минимальными. Что-нибудь в десять процентов стоимости Проекта. Остальные девяносто — пополам.

— Ты случайно не практиковал на большой дороге? — поинтересовался я.

— Вижу, что ты согласен, — заявил Повидж. — Да тебе ничего другого и не остается. Ты ведь меня ввел в курс; кстати, то была твоя новая ошибка. Что поделать: за науку приходится платить, хорошее образование всегда стоило немалых денег.

— Ладно, профессор, — согласился я, хотя это было нелегкое согласие. — Будь по-твоему. Значит, это была первая линия действий. А вторая?

— Вторая — собственно разработка Проекта. Она, надо сказать, куда сложнее, так что мне придется потеть побольше твоего. Как вообще можно хорошо заработать на твоей информации? Есть два способа. Первый: дать понять Армагу, что их игра раскрыта и, если они хотят, чтобы все было тихо, пусть заплатят. Другой вариант: предложить информацию тем, кто от реализации дел на Серпе получит самые большие убытки, покупая потуит втридорога. Пахоты по любой версии, сам видишь, — край немереный.

— Думаешь?

— На данный момент я вижу тут только уравнения с полудюжиной неизвестных, и все под радикалом. Это, парень, такая высшая математика... Работы, скажу прямо, вагон и маленькая тележка. Так что пусть у тебя душа не болит: то, что я получу, будет заработано в поте лица, каждый галлар.

— Убедил, — вздохнул я. — Ладно. Договорились.

И протянул ему руку. Он с готовностью пожал ее. Крепко.

— Твоя очередь идти за пивом, — сказал я. — Нельзя не обмыть такое событие.

— Понятно, — согласился он. — Не тащить же пиво назад: дурная примета. Ничего, пока вернемся — все успеет выветриться. У нас на работе не очень принято звенеть бокалами — если, конечно, загул не связан с обработкой тех, кто предлагает товар. А сегодня как раз присутственный день: аукцион, да и на бирже некоторое оживление. Похоже, что впрыснули какую-то свежую информацию. Так что — забудь о праздности. Тут тебе, парень, не наверситет. Тут думать надо!.. Да ты что — спать намылился?!

Но спать я не собирался. Глаза, правда, закрыл. Так мне было легче осмотреть окрестности третьим глазом. Потому что только что я почувствовал: наше одиночество нарушено. Невдалеке появились люди. Четверо, как и недавно перед Рынком. Правда, лица их казались смазанными, и я не мог понять: те ли это самые или кто-то новый вступил в игру. Не сразу я понял: маски, и позволил себе усмехнуться: романтика плаща и кинжала — в наш-то практический век!.. Они приближались редкой цепью, безошибочно установив место нашего пикничка. И были вооружены. Сериалы-миди — определил я без труда. Четверо пробирались через кустарник почти бесшумно. Хорошая выучка, значит.

— Да проснись, партнер! — и Повидж тряхнул меня за плечо. — Окосел? С двух банок? Слабак...

— Тсс! — Я открыл глаза. — Четверо. С сериалами. Прямо на нас. Минуты через три окажутся тут.

— Случайно забрели, — сказал он полувопросительно. — Или?..

— Не похоже. Больно уж целеустремленные дяди. Скорее всего за мною.

— С-сукины дети...

— У тебя есть что-нибудь?

— Все серьезное — в багажнике. — Из кармана Повидж вытащил дистант-мини. — Вот все, что с собой.

— Мало. А у меня и вовсе ничего.

— Что предлагаешь?

— Спеть им «баюшки-баю». Как ты — в состоянии?

Он полузакрыл глаза:

— Если бы не пиво, то наверняка. Но выпили-то мы всего ничего. Может, хотя бы притормозим их — чтобы в обход добраться до коляски?

— Делать, так по-большому. Видишь их?

Он сжал веки:

— Смутно. Но достаточно.

— Тогда твои — двое слева. Правые — мои. Начали.

— Поплыли.

Я снова закрыл глаза. Четверо успели приблизиться к нам довольно основательно, если бы не чащоба — могли

бы уже открыть прицельный огонь. Я уверен был, что хотя бы у одного из них серия была именной — на меня. Только вот на какого? На того, каким я был на Теллусе? Если так, то ничего страшного: тут я прочитываюсь совершенно иначе. А если они получили все параметры на Рынке? Но откуда им быть на Рынке? Ах да: я ведь прошел там фиксацию. Ладно, все равно.

Я сконцентрировался на том, что шел с краю. И начал посылать ему сигнал:

«Ты мой друг, я люблю тебя. Но ты устал, очень устал искать меня. Тебе нужно отдохнуть. Ты хочешь спать. Спать. Ты очень хочешь спать. Твое тело тяжелеет. Ноги наливаются свинцом. А между кустами очень мягкая трава. Теплая земля. Тебе обязательно нужно поспать, хоть немного. Ты поспишь часок — и тогда сделаешь все, что нужно: вернешься к себе и расскажешь, что никого не нашел, здесь никого не было. Твои ноги подгибаются. Ты больше не можешь идти. Не можешь сделать ни шагу. Ты мягко опускаешься на траву. Как приятно пахнут кусты!.. Они так и зовут — усни, усни! Спи спокойно, мой друг, мой хороший. Крепко-крепко спи...»

Так. Он спит, грудью прижимая к земле сериал. Лежит ничком. Его правый сосед оборачивается. Торопливо, шурша кустами, приближается к лежащему. Переворачивает на спину, ищет рану — и не находит, естественно. А сам уже слышит мой ласковый призыв: спи и ты, спи, спи...

Уснул. Что там у Повиджа? Помощь нужна?

Но противник Повиджа — последний, остававшийся на ногах, — не проявлял никакого желания утихомириться. Показывая неплохую выучку, он вскакивал, перебегал, падал, перекатывался по траве — и вел огонь. В отличие от остальных он был вооружен дистантом, а не сериалом; микровзрывы вспыхивали в воздухе все ближе к Повиджу — видимо, стрелявший успевал еще и скорректировать дистанцию. И похоже, что Повиджу эта игра начала надоедать; я увидел, что рука его протянулась в сторону нападавшего: рука, теперь тоже вооруженная дистантом. В старину Попович был отменным стрелком, так что...

— Не надо!! — изо всех сил крикнул я, вскочив на ноги.

Повидж услышал, и тот, нападавший, тоже; он на миг повернул закрытое маской лицо ко мне. Повидж услышал, да, но отреагировать не успел. Палец его на спуске жил в эти мгновения своей самостоятельной жизнью, он не подчинялся больше никому и ничему — и закончил начатое движение. А с определением нужной дистанции у Повиджа проблем не существовало. В животе нападавшего на мгновение возникла дыра, в которую тут же выпало содержимое его брюшной полости; и это было все для него.

Мы позволили себе расслабиться на минуту-другую, чтобы прийти в себя: расход энергии был немалым. Потом подошли к каждому из усыпленных троих по очереди. Я стаскивал с них маски, а Повидж ставил рядом с каждым банку пива:

— Пусть порадуются, проснувшись, — пояснил он мне.

Потом мы медленно, словно кто-то удерживал нас, приблизились к убитому. Верхняя половина тела, включая грудную клетку и голову с лицом, выглядела нормально; ниже лучше было не смотреть.

Я снял с убитого маску и взглянул ему в лицо. Мне даже необязательно было делать это: я знал, кем он был, еще до того, как он тогда на мгновение повернулся ко мне. То был Верига.

— Знакомый? — поинтересовался Повидж после краткой паузы.

— Да. Потом расскажу. А сейчас — давай-ка посмотрим, что у него там за пазухой.

Повидж понял меня без объяснений. Вдвоем мы быстро ознакомились с содержимым его карманов. Повидж повертел в пальцах иденкарту покойного и нахмурился:

— Постой, постой. Да это же...

— Известен тебе?

— В этом роде, — пробормотал он и как-то странно взглянул на меня. — Говоришь, ты его знал?

Я ответил не сразу. Медленно поднялся с колен, закончив проверку карманов убитого, держа на ладони овальную, чуть выпуклую пластинку размером четыре на шесть. Визион. Трехмерное изображение женщины, настолько естественное, что она казалась живой: вот она подняла глаза на меня, вот улыбнулась и снова отвела взгляд. Электроника, давно пришедшая на смену старинной фотографии. Привычная технология, и не она заинтересовала меня, а сама женщина. Я встречал ее дважды, из них лишь один раз — живой. Значит, они не были врагами: она и Верига. Наоборот...

— Ты что, уснул? Я спрашиваю: ты раньше с ним встречался?

Я засунул визион в мой нагрудный кармашек.

— Так и было.

— Уж не тот ли это, кто за тобой охотился?

Я даже немного обиделся:

— А ты что думаешь: что он с этими детками шел сюда, чтобы передать мне привет и наилучшие пожелания?

— Очень интересно, — проговорил он не мне, а куда-то в пространство. — Ладно, судя по всему, наш пикник подошел к концу.

Я кивнул в сторону спящих:

— Ну что теперь? Что у вас делают в таких случаях?

— Метят. Но у меня с собой ничего такого: кто же мог знать, что понадобится. В другой ситуации я их не задумываясь пристрелил бы. Но Рынок не любит мокрых разборок. Черт с ними — пусть живут. Пока.

Я с ним согласился, и мы покинули поле боя, унося с собой остатки пива.

Их скользун оказался на той же площадке, что и наша коляска. На всякий случай я его обездвижил, закоротив реактор. И мы пустились в обратный путь к Рынку.

По дороге я сказал Повиджу:

— Значит, так. Твою диспозицию я в общем принимаю. Но ты уж введи меня побыстрее в свет. Базар, биржа, библиотека...

— Сразу, как только приедем в офис, — пообещал он. — Но до полудня еще время есть. Сейчас заедем ко мне — приведем себя в порядок, тебе бы ванна не помешала, а то выглядишь, словно вылез из мусорника. У нас любят, когда все — комильфо. Учти на будущее.

— Учту, — охотно пообещал я.

— Просвети меня насчет Рынка и всего прочего, — попросил я. — Это ведь не совершенно секретная информация?

Мы сидели уже не на берегу, а снова в его офисе, который он из скромности называл «Моя норка». Выпили для расслабления, и тут-то я и обратился к нему с этой просьбой — вполне естественной, по-моему.

Мой друг Повидж выглядел несколько мрачноватым, и в его голосе не было ни грамма веселья, когда он молвил:

— Вообще-то не следовало бы. Ты еще не принят, даже не представлен. Да уж ладно — все равно, тебе придется во всем этом разбираться, раз собираешься на нас работать. Думаю, начальство возражать не станет. Но все же порядок остается порядком, и разрешение нам нужно. А посему — прямо сейчас отправимся к нему, а уж потом поглядим и на Рынок.

И добавил вдруг нечто совершенно неожиданное:

— Не скажу, что рад всему этому. Но суп сварен, и поваром был ты сам. Как у тебя с завещанием — все в порядке?

Мне стоило бы вдуматься в этот несколько неожиданный и, уж во всяком случае, неприятный вопрос. И оценить его как первый звонок, предупреждающий о грядущих осложнениях. Но я в тот миг пытался понять, какие у меня шансы понравиться начальству и завоевать его доверие и все прочее, и ответил лишь:

— Что ты все обо мне волнуешься? Беспокойся за себя!

Безусловно, ответ был, может быть, достаточно бестактным. Но ведь и вопрос его не относился к самым деликатным.

Как ни странно, он не обиделся. Пробормотал только:

— Как знаешь. Мое дело было — предупредить. Ну готов? Тогда пошли. Предъявлю тебя начальству — молодого и красивого.

Только тут я догадался сделать попытку втянуть его в разговор, чтобы хоть немного прояснить перспективу, которая вдруг (показалось мне) резко сменила окраску и из розовой превратилась в почти совершенно черную:

— Просто смешно. Я совершенно случайно оставил сумку в твоей машине — а в ней и все мои посольские достоинства. Лучше я сперва сбегаю за ними, а?

Но Повидж глянул на меня так, что всякая охота продолжать у меня тут же исчезла. Как и надежда на сколько-нибудь приемлемое развитие событий. С очень неприятным чувством я подумал, что, пожалуй, слишком понадеялся на принцип землячества, а кроме того — и это было главным, — чего-то не понял, что-то упустил, какое-то обстоятельство, из-за которого мой статус здесь скатился на самое дно. Похоже, и второй звонок прозвенел — и снова я не услышал его вовремя. Что же, однако, могло стать таким обстоятельством?

— Слушай, Повидж...

— Пошли, — повторил Повидж кратко. И вместо восклицательного знака приставил к моей спине нечто. Даже не имей я богатого опыта в подобных обстоятельствах, я просто лопатками ощутил бы дульный срез дистанта.

— Ну что же, — проговорил я, чтобы сохранить собственное достоинство. — Раз уж ты приглашаешь...

Итак, второй звонок уже прозвенел; третий же я обязан был услышать, когда встретился со взглядом человека, от которого зависела моя дальнейшая судьба — если она вообще еще существовала. Но, к сожалению, звонок долетел до меня очень не сразу. Дело в том, что когда Повидж провел меня по опустевшим в жаркий рабочий час этажам и коридорам Рынка и подвел к двери с неброской табличкой «Д-р Б.Дж. Зенден. Начальник отдела безопасности»; когда он, деликатно постучав, распахнул передо мною дверь, все еще не опуская оружия, — я без труда опознал в сидевшем за столом человеке того, кто считаные дни тому назад оказал мне услугу в терминале Топси, когда мне нужно было без помех пронести мимо мздоимца-пограничника кристеллы с таинственной записью. Мне в те минуты казалось, что я провел очень лихое и удачное воздействие: почти мгновенно удалось подчинить его моей воле. Вот и сейчас почудилось, что мне по-прежнему везет. Но затеплившаяся было надежда тут же погасла, оставив после себя лишь хилую струйку дыма.

Причина в том, что я по старой привычке попытался сразу же заглянуть ему в нутро и произвести на скорую руку инвентаризацию его мыслей и чувств. В первую очередь, конечно, имевших отношение ко мне — но не только. Всегда ведь приятно чувствовать, что владеешь ситуацией.

Но на сей раз оказалось, что с таким же успехом я мог бы пытаться пролететь на скользуне сквозь железобетонную стену метровой толщины. Уже первая попытка коснуться его моим полем закончилась полным поражением. Наоборот: я почувствовал, что чужое поле — его — ворвалось в меня, и по-

требовалось крайнее напряжение, чтобы не допустить его слишком глубоко.

При этом ни лицо его, ни взгляд не выразили совершенно ничего. Ни намека на улыбку и ни тени раздражения или гнева. Он выглядел так, словно не помнил той нашей встречи и не заметил моей нынешней попытки. И сказал только:

— Приятный молодой человек. Присаживайтесь. Хотите что-нибудь сказать? Как прошло первое знакомство с нашей системой после столь удачного, хотя, увы, незаконного проникновения в Рынок? Успешно?

Повидж под столом толкнул меня коленом. Пришлось говорить, хотя, если быть откровенным, сейчас я с удовольствием бы помолчал, чтобы как следует вдуматься в новую обстановку. Все еще казалось, что я смогу вывернуться. Но я уже начал испытывать к сидевшему напротив меня человеку непроизвольное почтение.

Поэтому я, стараясь как можно натуральнее выразить лицом и голосом наивную обиду, изложил все, что на скорую руку успел придумать. Основой моей конструкции были ссылки на неуемное, хотя и не вполне приличное любопытство, а также на горячее желание работать в Рынке и как можно скорее разобраться для этого во всех особенностях этой службы.

Закончив, я ожидал вопросов. Будь я на месте Зендена, у меня нашлось бы их не менее полудюжины, потому что в моем отчете (поскольку, как вы понимаете, самое интересное я предпочел не оглашать) возникло несколько зияний, или белых пятен, не все из которых удалось замазать и подкрасить так, чтобы не вызвать никаких сомнений. Однако все, похоже, прошло гладко — судя, во всяком случае, по тому, что за разъяснениями ко мне никто не стал обращаться.

Я облегченно вздохнул. Как оказалось — преждевременно.

— Ну, что ты скажешь? — обратился д-р Зенден к моему новому нанимателю. — Что с ним сделаем? Твой вывод?

— Какие могут быть сомнения: немедленное уничтожение, — ответил мой земляк, и голос его при этом ничуть не дрогнул.

— Пожалуй, я с этим соглашусь, — все так же не меняясь в лице, заявил Зенден. — Кто у нас там сегодня дежурный исполнитель?

— Зачем же упускать заработок? — удивился Повидж. — Мне самому деньги нужны. И потом, это же меня он хотел надуть, как маленького. Вот я с ним и разочтусь.

И в первый раз за все эти минуты (мне они показались ненормально длинными) гостеприимный земляк повернулся ко мне:

— Ну, пошли? Все, представление окончено.

Я ощутил, что силы совершенно оставили меня; их не хватило даже на то, чтобы встать со стула.

— Ничего, — подбодрил меня Зенден. — Вы не первый, кто пытается проникнуть к нам, чтобы порыться в на-

ших архивах. И, естественно, лишь один из многих, решивших, что мы плохо охраняем свои интересы. Пусть даже вы действовали более квалифицированно по сравнению с другими. Так что ведите себя достойно. Единственное, чем мы можем вам помочь, — это не затягивать процедуры.

Только в этот миг я почувствовал, что ко мне вернулась хотя бы способность разговаривать.

— Подождите! — Это прозвучало хрипло, но уже при следующих словах мой голос очистился: — Вы что — серьезно? Да это цирк какой-то! В чем я виноват? Что такого сделал — или не сделал? Совершенно ничего не понимаю! Объясните хоть что-нибудь!

— Да что уж, землячок, — подвел итоги Повидж. — Да ты поставь себя на наше место и скажи: как бы ты сам разобрался с человеком, которому доверился и который решил провести тебя? Мало того, что собирался скрыть обещанную информацию от Рынка, но еще и утаил очень много вещей, куда более важных. А тут, у нас, ты хотел, понятное дело, провернуть свою операцию за нашей спиной — и этим нанес бы Рынку убыток. Такой, какого и представить себе не можешь. Если бы это тебя собирались вот так — дважды — кинуть, как ты сам поступил бы с таким прохвостом?

Ответ я дал, не задумываясь:

— Как я разобрался бы? Зависит от того, какие качества проявил бы этот человек в деле. Если бы я увидел, что работать он способен, — выругал бы его как следует, а он и сам бы понял уже, что со мною шутить не стоит. И постарался бы использовать его наилучшим образом — исходя из его возможностей. А что до твоих обвинений, то я просто не понимаю, о чем идет речь. Какая еще «операция»? Ни сном, ни духом...

«Т»-люди заложили? — Мысли летели в эти мгновения со скоростью света в пустоте. — Или с Серпы? Нет, вряд ли. И те, и другие потеряли бы на этом немало — а они не из тех, кто любит убытки. Что еще? Взяли и раскололи ее? Если бы взяли — я бы почувствовал, да и расколоть ее даже мне было бы не под силу. Кто еще мог быть в курсе? Да никто; они просто блефуют».

— Ты подумай получше, — продолжал я вслух. — Может, ты меня с кем-то спутал? Или кто-то заложил тебе в мик такую программку — насчет меня? Да что вы тут, в конце концов, тронулись, что ли?

— Врешь, — сказал Повидж, хотя (показалось мне) не очень уверенно.

— Я же говорил тебе, что он нахал, — сообщил Зенден моему земляку.

— Пошли, земляк, — поторопил меня Повидж. — Раз ты говоришь, что не виноват, — значит, и вопросов к тебе больше не может быть никаких. Умирай спокойно. А то мы болтаем, а время уходит. А оно больших денег стоит.

Время! Это он просто так — к слову пришлось, или имеет в виду то самое время, отсчет которого велся и во мне и которого оставалось уже меньше месяца?

Пришлось сделать громадное усилие, чтобы хоть как-то прийти в себя. Неожиданность заставила меня все эти минуты вести себя так, словно я был совершенно беспомощным теленком. Но ведь чего-то я все-таки стоил! А мысль об уходящем времени подхлестнула меня и заставила с медленного шага перейти на галоп.

Я успел уже понять, что воздействовать на Зендена не стоило и пытаться: своими возможностями он явно превосходил меня. Но ведь с земляком я справлялся! Значит, надо ударить по его сознанию, по подкорке, по тонким телам... Я ведь силен и хорошо обучен. Только не бояться, не спасовать перед этими двумя, для которых уничтожить человека, похоже, ничего не стоит...

Все это промелькнуло в голове, пока я медленно поднимался со стула. Не оставалось времени на постепенное проникновение; пришлось таранить его защиту (слабоватую для меня) и обрушиться всеми силами, какие я только успел собрать. Впрочем, инстинкт самосохранения — прекрасный катализатор для мобилизации всех ресурсов человека.

Видимо, мой запас энергии оказался все же достаточным. И когда я остановился рядом с Повиджем, он проговорил — похоже, неожиданно для самого себя:

— Может, все же объясните ему, шеф? Просто для того, чтобы он там — по ту сторону — не держал на нас лишнего зла?

— Все жалеешь? — проговорил Зенден недовольно.

— Он мне земляк все-таки...

Зенден задумался — или сделал вид, что размышляет; подозреваю, что решение у них было готово заранее, еще до нашей встречи. И все же я ощутил некоторое волнение. Как-никак, дело шло о моей шкуре. И хотя я давно знал, что эта жизнь — всего лишь одна из многих, мне не очень хотелось расставаться с нею столь скоропалительно. Я еще не сделал в ней всего, на что рассчитывал.

— Да он сам все отлично знает, — скучливо проговорил Зенден. — Что ж тут еще объяснять? Он сам сделал все возможное, чтобы подписать себе приговор. Нам оставалось только огласить его. Хотя, с другой стороны...

Он снова надолго умолк — сидел, не шевелясь, не сводя с меня глаз, с легкостью проникая внутрь и разбираясь в моей начинке. Я даже не пытался противодействовать ему: и потому, что вряд ли нашел бы для этого силы, но еще и по той причине, что сейчас в моих интересах было выглядеть наилучшим образом, не скрывать многих своих возможностей. До главного моего секрета, до уракары, он — я надеялся — не доберется. Или все же?.. Зенден молчал минуту, две, три...

— Ну что же. — Зенден разжал наконец плотно стиснутые губы. — Он вроде бы парень неглупый. Ведь только дурак стал бы отдавать нам всю информацию, что смог поднабрать по пути сюда — не зная, что его проблематика и нас тоже интересует, и весьма. Это означало бы, что он вовсе не думает о себе, а это, согласись, не признак большого ума...

Повидж кивнул.

— ...вот и поступим с ним так, как он советует. Пусть живет — условно, до первого прегрешения.

Он повернул голову ко мне. И молвил лишь одно слово:

— Уракара.

Можно было сдаваться. Но я решил стоять до конца. И состроил мину самого наивного удивления:

— Ура... как?

Он только покачал головой, словно упрекая нашалившего мальчишку.

— Ведите себя солидно. Да, уракара. Поясню кое-что. Когда вы проникли сюда, вниз, охрана не задержала вас — почему, по-вашему? Думаете, тут у нас проходной двор? Как вы объяснили себе это обстоятельство; вы ведь должны были над ним задуматься?

Я пожал плечами:

— Решил, что меня приняли за кого-то другого. За какого-то субэмиссара с Теллуса.

— Совершенно верно. Только вас не приняли за другого; вас просто точно определили. Потому что вы и есть тот самый субэмиссар.

Я позволил себе усмехнуться:

— У нас это называется — без меня меня женили. Полагаю, что я-то должен был бы знать что-то о таком моем статусе?

Пришла его очередь на усмешку:

— Вы просто не дали себе труда подумать над этим. Субэмиссар, да. А знаете, кто был тем эмиссаром, при котором вам следовало состоять?

В это мгновение я понял. И произнес полувопросительно:

— Альфред...

— Именно. Когда вы поступали к нему на службу — разве вам не делали прививку?

— Да; комплексную — от всего, кроме смерти.

— В ее составе был и наш маячок, который до сих пор благополучно сидит в вас. И не он один, кстати. Вы трижды помечены, так что заметны издалека.

Похоже, на меня накатило озарение, и я стал делать одно открытие за другим.

— Другой — это армаги на Серпе, это я знаю. А третий?.. Постойте, я понял: это маяк Вериги?

— Да. Уж не знаю, когда он ухитрился...

— Я знаю, — сказал я мрачно. — При первом знакомстве. Не сам он, один из его свиты.

— Кстати, о Вериге. Его мы знаем давно и старались не терять из поля зрения — хотя временами он все-таки исчезал. Мы заметили, что в последнее время основным объектом его интересов стали вы. Но так же точно мы знали, что главный-то интерес для него составляла уракара. Значит, вы с нею как-то связаны. Из одного лишь спортивного интереса он не стал бы мотаться за вами по всей Федерации. Но когда выяснилось, что вы были человеком Альфреда, — все встало на свои места. Мы поняли, у кого следует требовать запись, которую покойный эмиссар постоянно имел при себе: у вас. Достаточно аргументов или продолжить?

— Пожалуй, хватит, — пришлось согласиться мне.

— Прелестно. В таком случае вам осталось только передать запись нам — и ваши грехи будут прощены.

— Кристелла — в сумке, а сумка...

— Мы ее возьмем. Но, чтобы не откладывать в долгий ящик, мы снимем запись прямо с вашего мика. Я думаю, вы не станете противиться такому действию?

Я вздохнул.

— Собственно, я могу скачать ее и сам; но если вы хотите сделать это своими руками...

— Вот именно.

— Согласен. Ну а потом?

— Потом — как вы и хотели, мы возьмем вас на работу — после того, как пройдете соответственную подготовку. Возможно даже, мы используем вас и в операции по обнаружению семян. Только учтите (это было сказано очень строго): будете постоянно у нас на глазах — если даже окажетесь на другом конце Галактики. Вы у нас по-прежнему остаетесь помеченным. И при малейшей пакости с вашей стороны — предупреждать больше не станем. Исчезнете, даже не успев понять, что с вами происходит. Хорошо усвоили?

Я судорожно проглотил стоявший в горле комок, очень мешавший дышать.

— Все ясно, хозяин.

— Ну и ладушки.

Шеф помедлил, вроде бы еще сомневаясь в разумности решения. Что-то пробормотал под нос. Наконец мрачно выговорил, обращаясь на этот раз к Повиджу:

— Но чтобы это в последний раз! И при условии, что будет толк. Чтобы он не утаил ни бита информации.

— А у меня здесь земляков больше и нет... И все, что касается уракары, он сам нам выложит на блюдечке. Иначе мы сможем быстро передумать! Садись, покойник.

Последние слова были обращены ко мне. Интересно, сколько раз за последние дни меня называли этим неприятным словечком?

— Готов разговаривать откровенно?

Я только покачал головой, сам толком не понимая, что именно хотел выразить этим движением.

— Ему не хочется, — сказал Зенден, внимательно за мною наблюдавший, — он еще не привык к мысли, что вся операция с уракарой и ее семенами уходит из его рук, — хотя на деле он в ней никогда не был главным участником. Но ведь вас, — обратился он уже прямо ко мне, — никто не собирается выводить из этого дела — наоборот, именно в нем мы вас и используем. И заработаете вы очень прилично. Главное — не участники, а то направление, в котором операция должна — и будет развиваться. Я понятно объяснил?

Я кивнул. И в самом деле все было очень ясно.

— Ну вот. А для того, чтобы мы больше не сомневались в вашей честности, вы расскажете кое-какие детали тех эпизодов, в которых принимали участие. А уж прочитать запись мы как-нибудь постараемся сами. На это у нас куда больше возможностей.

Он сделал паузу; я уже чувствовал: они во время этого разговора проанализировали меня до предела, вынули все, до чего смогли добраться в моей памяти и мике. Брр, неприятный процесс... Ничего другого сейчас не остается, как согласиться — категорически и бесповоротно. Я раскрыл рот, чтобы произнести все, что в таких случаях полагается, но Зенден движением ладони остановил меня.

— Погодите, успеете еще выговориться. Смысл всей операции, с нашей точки зрения, заключается вот в чем: не суть важно, кто украл семена и каким способом. Главное — где они сейчас находятся. Это нам даст расшифровка. Но потом надо будет их еще достать. Вот этим вы и будете заниматься. — Зенден улыбнулся. — Удивляетесь — отчего вдруг такое доверие? Но из-под колпака вам уже не улизнуть. А сами вы — мы успели установить — считаетесь одним из самых опытных поисковиков в Федерации, хотя и предполагалось, что отошли от дел. Ну опыт ведь никуда не девается, не так ли? Итак: будете добывать семена. На этом ваша часть работы будет выполнена. Кому и куда направить их дальше — уже не ваша забота. Но за потраченное время и труд будет заплачено хорошо. Очень хорошо.

Слово «очень» Зенден произнес со смаком, как бы ласково оглаживая его языком и губами и неохотно выпуская изо рта.

— И кроме того — на всю вашу будущую жизнь в этом теле вам будет гарантирована безопасность. И поверьте — она вам будет весьма кстати. Потому что те, кто ищет семена, тоже достаточно длинноруки. Но мы сильнее. Вот то, что мы предлагаем. Только не спешите кивать. Прежде подумайте: дело предстоит серьезное. Рискованное. Так что имеете право отказаться: насильно посылать не станем. Если не уверены — найдем что-нибудь полегче. Но тогда с отпущением грехов придется потерпеть, а из операции с уракарой выпадете навсегда. Так что решайте.

Ходить все время по краю обрыва, сознавать, что тебя постоянно держат в перекрестии, — нет, такая перспектива меня вовсе не прельщала. И как только он умолк, я от чистого сердца заявил:

— Не станем мелочиться. Согласен.

— Браво, браво. Только теперь сделаем все по форме. Сперва принесете присягу на верность Рынку. И подпишете, чтобы у нас остался документ — законное в случае чего основание поступить с вами по всей строгости. А то вот ваш приятель (он кивнул на Повиджа) привел тебя в Рынок без присяги и всего прочего — выходит, юридически незаконно...

Интересно! Значит, кроме моих аргументов, их от расправы удержало еще и то, что — даже по их собственным представлениям — у них не было права наказывать меня: я ведь еще не принял на себя никаких обязательств перед Рынком. А впрочем, так ли? Слишком много неясностей еще оставалось в этом деле. Но об этом поразмыслим потом — если уж остались живы...

— Давайте, — сказал я решительно. — Что надо говорить и где подписывать?

— Скажем, когда надо будет. В каком вы сейчас состоянии? Откровенно, без пижонства.

Он и так прекрасно знал, в каком я состоянии, так что кривить душой не было ни возможности, ни смысла.

— Бывало лучше.

Зенден усмехнулся — впервые за весь разговор.

— Да, мы над вами поработали — в поте лица. Ничего, это пройдет. Дадим отдохнуть вам до завтра.

Я покосился на Повиджа. От Зендена это не укрылось:

— Нет, он вас в свой дом не пустит, и я с ним согласен. Он для вас сейчас — большой начальник, не забудьте. Но помогать будет, как земляку. На улице не останетесь. Устроим с удобствами. А завтра начнете подготовку. Так что скучать будет некогда. Но никаких хлопот у вас не будет.

— Мне же легче, — я позволил себе пожать плечами. — Так куда мне сейчас деваться?

— Не волнуйтесь. Отвезем.

Оставалось только согласиться: выбирать пока было не из чего.

Глава 9

Базар, биржа, аукцион
(тридцать первый — тридцать девятый дни событий)

Время из спокойной реки превратилось в водопад; стремглав утекало, огибая меня, как торчащий на самом стрежне камень. А я все еще находился на Рынке и ничуть не ближе к решению задачи, чем в день памятных трех звонков.

Конечно, дни проходили не в безделье. Как и обещал Зенден, меня готовили к нормальной работе в системе Рынка, и оставалось только верить, что и другой свой посул — включить меня в работу по выемке семян уракары — шеф выполнит столь же пунктуально. Но пока никаких признаков этого не было; скорее всего (догадывался я) им еще не удалось расшифровать текст, полученный от меня. Я же не собирался сообщать им, что у меня расшифровка, собственно, была, а если быть точным, то даже две: сделанная Веригой, а вторая — на Серпе. Третья же, как я понимал, была сделана в «Т»-центре, но какой текст у них получился, мне не сообщали. У меня были свои причины не облегчать задачу никому из соискателей ключа.

Так что пока мне приходилось изображать прилежного студента, с великим тщанием усваивавшего преподаваемые ему знания.

Первым моим профессором был Повидж, старый приятель, с трудом удержавшийся от удовольствия расстрелять меня. Это ничуть не испортило наших отношений: мы оба понимали, что при работе в таких системах, как Службы или Рынок (который был, по сути, частной сверхслужбой галактического масштаба), всякий поступок диктуется не дружбой или враждой, но исключительно целесообразностью в существующей обстановке. И если целесообразность порою может заставить человека даже покончить с собой, то уж насчет других людей и вовсе не возникает сомнений. Та обстановка прошла, и Повидж с явным удовольствием наставлял меня:

— Мы нашу систему называем Рынком двух нулей. Почему «двух нулей», догадываешься, конечно?

Я кивнул:

— Старая традиция. Номера совершенно секретных документов в свое время начинались с двух нулей.

— В десятку. Ну вряд ли нужно тебе пояснять, что секреты, тайны существуют столько, сколько и само человечество. И столько времени, сколько они существуют, они являются товаром. Может быть, самым дорогим в Федерации. Ими мы и торгуем. Сперва на продажу шли тайны личные, частные, с развитием общества и государства — общественные и государственные. Мы делим их на разряды и категории. По разрядам: тайны прошлого, или исторические, затем — настоящего, они, как правило, самые актуальные; ну и тайны будущего, то есть планирование и направления развития. В каждом разряде — категории: тайны внутриполитические с двумя особыми ответвлениями: секретов кадровых и отношенческих — поскольку, как ты знаешь, подлинные взаимоотношения лиц, организаций, систем чаще бывают вовсе не такими, какими выглядят или какими их стараются представить. Сюда же входят и секреты политических и общественных организаций — партий, профессиональных союзов и т. д., а также состояние рынка влиятельных постов в государст-

венных и других учреждениях и организациях, цена их — начиная со стоимости престола или президентского кресла — и по нисходящей; движение этих цен. За этой категорией идут тайны экономические: финансовые, торговые. Тайны промышленные. Тайны резервов: имеющиеся и вновь разведанные месторождения сырья, важного и даже не очень важного: завтра оно может неожиданно стать номером первым. Военные тайны — вооружение, расположение и движение войск, тактические идеи и так далее. Тайны дипломатические или внешнеполитические, то есть обстановка в существующих союзах или блоках, варьирование их внутренней иерархии, возникновение новых групп, изменение целей и тому подобное. Тайны личностные: деятели и прочие значительные лица, их слабые места, цена каждого деятеля — от и до, а также составы команд каждого такого деятеля, иерархия и движение в них. — Повидж усмехнулся: — Внушительно, правда?

— Безусловно. Но ведь всем этим занимаются разведки. Значит, вы...

— Правильно: мы — разведка. Прекрасно отлаженная. Но — и это главное — не государственная, понял? Если обычные разведки работают каждая на своего хозяина — правительство, штаб или корпорацию, то у нас хозяев нет. Мы не работаем ни на кого в частности — и в то же время на всех. А точнее — на того, кто в каждом отдельном случае предложит за наш товар лучшую цену.

— Ты хочешь сказать, что всем этим вы торгуете?

— Совершенно естественно. Если информация, тем более о вещах скрытых, представляет собою самую большую ценность в наше время, да и не только в наше, потому что при ее помощи можно приобрести все на свете, то согласись — было бы просто грешно ею не торговать и не зарабатывать на этом. Торговля, как известно — благороднейшее из занятий. Мы продаем такую информацию; а чтобы было, что продать, — мы ее, естественно, покупаем.

— И делаете это совершенно открыто! Если уж даже до меня дошли слухи об этом вашем Рынке...

— Слушай, а почему мы должны это скрывать? Разве ювелир, допустим, укрывает свою деятельность от чужих глаз? То, что он продает и покупает драгоценности? Нет, конечно, наоборот — он себя широко рекламирует: ему, как и нам, нужна клиентура. Торговля не может быть запрещена. Другое дело — если его уличат в том, что он скупает краденое и торгует им; тогда у него возникнут проблемы. Отсюда вывод: можешь торговать чем угодно, но товар должен быть чистым, а если он замаран — его надо отмыть. Но нам сделать это куда легче, чем тому же ювелиру: дорогой камень, тем более известный, нельзя сдублировать — подделка стоит гроши или вообще ничего. Так что ему приходится оперировать оригиналами. Информация же даже не обязательно должна быть где-то зафиксирована: она может

быть и устной, а записанная может оказаться до такой степени видоизмененной, что добраться до ее первоисточника будет просто невозможно. И еще вот какая разница: драгоценности — или, допустим, картины, старинные рукописи и прочее — приобретают для того, чтобы их показывать: иначе какой в них смысл? Тайны — наоборот. Их добывают не для демонстрации, а для использования. В этом смысле тайна похожа скорее на оружие; только определить, из этого ли ствола вылетела пуля, куда легче, чем найти ту щелку, через которую вытек секрет. А ведь тайны сродни воде: если есть хоть крохотная дырочка, они ее обязательно найдут. Ну и еще общее с оружием: когда оно сработало, ты можешь искать и найти того, кто это оружие раздобыл и кто выстрелил, ты можешь покарать его — но это не отменит случившегося.

— Но если все-таки выйдут на вас как на добытчиков и продавцов тайн...

— Пытались. Поэтому, кстати, мы обосновались достаточно далеко от центров Федерации; с местными властями мы, как ты понимаешь, ладим: исправно платим налоги, так что все они существуют, по сути дела, на наши деньги. И не только власть. Применить к нам силу тут, на Топси, практически невозможно: нас только задень — мы сразу вбросим в открытую информацию столько душистого дерьма, что и в самом вроде бы благополучном мире начнутся беспорядки, вплоть до войны. А кто в наше время хочет воевать? А что вбросить, у нас есть: политика и большая экономика всегда стоят по колено, по пояс, а то и по горло в грязи — только грязь эта сверху присыпана цветочками.

— И все же...

— До этого просто не доходит. Пробовали как-то у нас что-то найти. Но у нас нет ничего. Понимаешь? У нас нет склада тайн. Ни единой записи на жестких дисках: только легальные материалы. Никаких секретов ни на Рынке, ни на бирже секретов. И даже если бы к нам нагрянули во время аукциона, где мы сбываем просроченный товар, начинающий уже портиться, все равно не смогли бы уличить никого в какой-либо противозаконной деятельности.

— Как же вы объясняете свои доходы? Вы ведь не скрываете их?

— Зачем? Мы совершенно легально — и, кстати, успешно — зарабатываем, консультируя клиентов по научным, техническим, юридическим, политическим вопросам. Наши консультации и советы, кстати, очень высоко котируются среди специалистов во всей Федерации. И за них нам очень неплохо платят. Так что в нашей бухгалтерии ни один аудитор не найдет ни малейших неточностей. Пытались, как я уже сказал. Но без толку.

— А то, что вы зарабатываете на продаже секретов?

— Ну это наши, так сказать, безгрешные доходы. Это уже совсем другая опера. Они, кстати, не так уж велики,

как может показаться. Потому что расходы бывают прямо непомерными.

В это я готов был поверить.

— Да, — сказал я. — Системка у вас — без пол-литра не осилишь.

— А пожалуйста. Этого — сколько угодно.

— Ты же сказал, что у вас не очень одобряют?

— А мы перед тем примем по таблетке. Просто разговор пошел такой — без рюмки никак не обойтись, без нее во рту становится противно.

— Есть мнение — согласиться, — сказал я.

— Попробуй вот это: местный продукт, но могу поручиться — не уступит самым выдержанным сортам не только на Теллусе, но и на Анторе. Об Армаге и не говорю: у них все — второй сорт, массовое производство...

Я протянул ему бокал. Минуту-другую мы смаковали вино — и в самом деле прекрасное.

— Из-за одного этого захочешь тут остаться, — сказал я.

— Это — самое малое благо. Вот увидишь... если останешься.

— Разве вопрос еще не решен? — насторожился я.

— Решен, — кивнул он. — Но мало того, чтобы согласился Зенден. Надо еще пройти тестирование на пригодность — а в это понятие входит все на свете. У нас отбор очень строг — сам понимаешь, почему. Приготовься заранее: тебя будут испытывать и на излом, и на разрыв, на сжатие — на все что угодно.

Я развел руками:

— Профессионально я за последнее время полностью восстановился. И вроде бы никаких грехов за мною нет — если только не считать той ошибки, за которую вы меня чуть не нейтрализовали. Но откуда мне было знать, что уракара и вас интересует?

— Об этом пока что — никому ни полсловечка, — сказал он очень серьезно. — Но вот если ты каким-то боком имеешь отношение к специальным службам...

Я мотнул головой, но он все-таки продолжил:

— То тебе не выжить. Говорю совершенно откровенно.

— Хочешь, чтобы я ночью исчез? Сбежал?

Вот тут он улыбнулся:

— Ни в каком разе. Не советую даже пытаться. Из этого хозяйства ты или выйдешь со мною вместе, или...

— Или? — подбодрил его я, когда он затянул паузу. — Что, меня вынесут ногами вперед?

— Ну зачем же так, — сказал он. — Вынесут горсточку пепла. Да и ее развеют по ветру. Чтобы травка лучше росла. Заметил, какая здесь у нас трава?

— Прекрасная трава, — сказал я, стараясь остаться невозмутимым. — Просто жалко, что я не лошадь.

— Это бы еще не самое страшное, — утешил он меня. — Лошадь — животное нервное, а тебе в ближайшем будущем понадобится самообладание.

— Интересно, когда? — рискнул спросить я.

— Не спеши, как голый в баню: как договорились, пока что у тебя — только ознакомление с Рынком, со всеми основными службами. Но сперва, как уже сказано, — тесты. Тобою займутся с завтрашнего утра.

— Куда мне явиться?

— За тобой придут.

Уж не знаю — почему, но когда Повидж заговорил о тестировании, на меня повеяло каким-то теплым ветерком из далекого — исторического — прошлого. Я представил себе, как вхожу в кабинет, где восседает комиссия ученых-психологов при ухоженных бороденках и телескопических очках. Как меня усаживают за стол, на котором лежит чистая бумага и парочка карандашей, и предлагают изобразить на листочках дом, дерево и человека, а потом, может быть, и несуществующее в природе животное — в меру своей фантазии. Я заранее знал, как и что нужно будет нарисовать, чтобы мудрецы сделали нужный для меня вывод относительно моей личности. Начну с дома: это должно будет, по их представлениям, означать, что меня весьма интересуют проблемы собственной безопасности, а также успеха. Линии, какими я буду обозначать стены, будут яркими, толстыми: мне свойственно сознательное стремление сохранять контроль над собой и ситуацией. При этом линии задней стены окажутся ярче остальных: стремление сохранить контакт с реальностью. Сами же стены сделаю прозрачными: признак желания организовывать ситуацию по собственным усмотрениям. На дверь повешу здоровенный замок — это укажет на скрытность характера и защитные реакции. Окна закрою ставнями, из чего комиссия сделает вывод о моей способности к приспособлению в отношениях с людьми. Ясно прорисованные водосточные трубы засвидетельствуют наличие у меня хорошей защиты. К дому будет вести приятная дорожка; принято полагать, что это говорит о такте и самоконтроле в моих отношениях с людьми. Место рисунка на листке тоже выберу правее центра, чтобы помочь комиссии сделать вывод о моей устремленности в будущее. Ну и дальше все, как полагается для хорошего результата.

Потом примусь за человека. Он у меня выйдет большеголовым (признаю значение мышления в моей жизни и работе), плечи изображу мощными, торс — квадратным: мужественность и ощущение силы. Особо подчеркну подбородок, что засвидетельствует мою потребность доминировать в ситуации. Размах рук будет широким — сильное стремление к действию. Линии этого рисунка будут уверенными, твердыми — это скажет им о моих амбициях и служебном рвении.

И в заключение займусь деревом. Земля, на которой оно будет расти, у меня окажется поднимающейся к правому краю листка, что будет означать, что я исполнен задора и стремлюсь работать с энтузиазмом. Корни дерева будут равны стволу: свидетельство моего достаточно сильного любопытства. Листву изображу, как густую сетку, что скажет о моей способности избегать проблемных ситуаций в работе.

Комиссия оценит все это и одобрительно помашет бородами. Да что комиссия: я и сам охотно принял бы на работу такого достойного мужика, каким я себя изображу.

Так что, полагал я, зря меня Повидж пугает тестами. Мы и не через такое проходили!..

В таком вот настроении я высадился на нужном ярусе и легкой походкой приближался (как я думал) к тому месту, где мне должны были учинить экзамен. А именно — к помещению шестнадцать — двадцать шесть в секторе восемь-пять: «Персонал». За минувшие два дня я успел уже уловить ритм, которому подчинялась нумерация помещений: понял, что (уж не знаю, по чьей фантазии) начинался отсчет с последнего восточного помещения верхнего, восемнадцатого яруса, и шел не горизонтально по этому коридору, как предположил бы любой нормальный человек, но по диагонали вниз, через всю толщу Рынка — к последней западной комнате нижнего яруса, считавшегося первым. Диагональ эта являлась как бы осью, на которую и были насажены номера, так что помещение номер два нуля — ноль два следовало искать именно в самом низу на западе, номер ноль три — на востоке семнадцатого яруса, но не под первым, а на одно помещение западнее, и так далее. Второй такой же магистральной осью была север-юг; параллельно этим главным осям шли производные, начинавшиеся на верхнем востоке каждого яруса и кончавшиеся на нижнем западе. Одним словом, не система это была, а зубная боль. Если вам заранее не рисовали маршрут, вы могли целый день промотаться по коридорам и ярусам в поисках нужного места — и перенести поиски на следующий день. Я с помощью моего мика разобрался в этом ребусе еще накануне, и поэтому приближался к нужному месту весьма непринужденно.

И вдруг остановился. Сработало подсознание, наверное. Оно подсказало: что-то не так.

Я размышлял не меньше минуты, пока не сообразил, в чем дело.

Подсознание заставило меня сделать стойку, потому что, следуя по намеченному маршруту, я автоматически фиксировал номера, мимо которых проходил. Зная систему, я заблаговременно разобрался в том, какие номера будут попадаться мне в этом коридоре. И вот оказалось, что на дверях светились совершенно другие индексы. Ничего похожего на то, что было мною расчислено.

Вот сукины дети, молвил я беззвучно. Как только сообразил, что это уже было тестом. Испытанием на сообразительность, что ли?

Изменить номер на любой двери несложно: сделать переключение — и на табличках вспыхнут другие цифры, только и всего. Это можно сделать в любой комнате изнутри. А можно ли одним движением сменить все номера, с первого до последнего? Наверное, да: подобные системы должны обладать и централизованным управлением. Так что достаточно набрать нужную команду — и в долю секунды все меняется. На минуту. На час. Или навсегда.

Ясно. Расчет таков: если мне удалось каким-то образом заранее выяснить, где располагается нужный номер и я вовремя доберусь до него, то обнаружу, что располагается тут нечто совсем иное. Что я предприму? Войду и начну выяснять, что и почему? Или сразу брошусь искать нужное помещение — незнамо где? В любом случае — потеряю время. А ведь они включат отсчет времени точно в секунду, когда я должен был бы появиться на пороге. И о моих качествах будут судить по величине опоздания.

Еще посмотрим, однако!

Интуиция не зря подсказала мне, что выйти надо с упреждением времени: запас, как сказано, не тяготит. И сейчас небольшой резерв у меня был. Но я еще не до конца разобрался в задаче.

Потому что номер — номером, но в конце концов мне нужна не комбинация цифр, но та служба, что находится в этом помещении. И если я сейчас же поверну назад, а потом окажется, что контора никуда не переезжала, то сообразительность моя удостоится самой низкой оценки из всех возможных.

Так что действовать надо соответственно.

Добежать до той двери, номер которой еще недавно был нужным мне. Проверить — что там находится. И если меня там не ждут — или ждут с другой целью, чем тестирование, — сразу же поспешить туда, куда искомый номер переместился.

Где искать его? Ну уж если система известна, то и для всеобщей смены номеров должна существовать своя схема, которую можно вычислить. Надо только дать команду на мик.

Я так и сделал — уже направляясь бегом к помещению, которое собирался проверить.

Похоже, здесь оно было — или есть и сейчас, надев только маску другого номера. Как называется это учреждение сейчас?

«Служба проверки». Понимай как хочешь. Вроде бы не совсем то, что нужно, но может оказаться и тем самым.

Ладно, потеряю еще с полминуты времени — ничего, наверстаю по дороге.

Дверь была, конечно, заперта: здесь вообще не бывает отпертых дверей, никуда нельзя войти незваным. Хочешь попасть внутрь — попроси разрешения. Я нажал кнопку возле двери.

И услышал:

— Кто?

— Скажите, пожалуйста...

Мне не дали договорить:

— Войдите.

Ну да: здесь не принято разговаривать в коридорах. Секретность, секретность...

Дверь распахнулась. Я вошел.

Дверь за спиной защелкнулась.

В помещении не было никого. И ничего. Кроме неяркого света.

Капкан.

Я повернулся к двери, уже зная, что я увижу или, вернее, чего не увижу. Так и есть: гладкая металлическая пластина. Никаких признаков замка. То есть он, конечно, есть в толще двери. Но изнутри комнаты воздействовать на него никак нельзя.

И тем не менее какой-то способ открыть дверь существует. Надо только пошевелить мозгами.

А еще лучше — просмотреть дверь насквозь. Разобраться в конструкции запора. И попытаться открыть его телекинетически.

Переключение на третий глаз потребует, как всегда, времени. Не менее трех минут. Это исчерпает мой резерв времени. Пойдут штрафные секунды, минуты...

Ну а что еще?

На всякий случай я все-таки толкнул плечом дверь. Вообще она отворялась внутрь, но могло быть и двойное раскрытие — в обе стороны. Нет, дверь не поддалась.

Ладно. Думаем быстро. Меня пригласили войти. Кто? Ищем. Ага: едва заметная круглая сеточка в стене рядом с дверью, на уровне головы человека среднего роста. Под ней может быть скорее всего маленький динамик и машинка с записанным приглашением войти. А может быть, запись где-то в другом месте. Что это мне дает? Да ничего. Или все же? Но думать некогда: надо действовать. Рискнуть и либо все проиграть, либо одержать над здешними хитроумцами верх.

Никакого снаряжения у меня с собой не было. Здесь не любили, когда люди разгуливали по коридорам с лишним металлом в карманах. Только десять пальцев. Из них мне сейчас понадобятся для начала два больших...

Ими я надавил на сетку. Как и предполагалось, она оказалась хлипкой и продавилась внутрь. Настолько, что можно стало сбоку засунуть под нее указательный и вытащить сетку наружу.

Под нею, в углублении — маленькая капсула динамика. Никакой кристеллы или ленты с записью звука. Маленькая пластинка с четырьмя клеммами. К двум подключены проводки капсулы. Ясно, ясненько...

Капсула обратимая? Надо полагать, да.

Быстро, быстро. Отключить провода. Присоединить ко второй паре контактов. Там было воспроизведение. А здесь...

Если я соображаю правильно, сейчас система сработает как микрофон. То, что я скажу, будет услышано, или записано, или — скорее — и то, и другое.

А что я, собственно, скажу?

Могу попросить: выпустите на волю. Могу просто облаять их так, как принято у нас на Теллусе.

Но этим проблемы не решить. Скорее всего система работает без участия человека. Но она откликнется на какой-то пароль, в нее заложенный. Пароль я должен найти. Угадать. Увидеть во сне. Придумать. Родить. Но чтобы он был в течение — скольких? — пятнадцати секунд.

А мне столько и не нужно...

Я придвинул рот поближе к капсуле. И произнес — ясно, четко:

— Уракара!

Победный марш не прозвучал. Но дверь почти беззвучно растворилась.

Такие вот дела.

В коридоре я остановился лишь на мгновение: чтобы, опустив веки, посмотреть — что там нарисовал мой мик.

Пока я возился с дверью, он, понятно, успел разобраться с системой изменения номеров. Она оказалась примитивной: просто номера оси восток-запад менялись на север-юг, а отсчет сверху вниз — на противоположный. Система перевертывалась вверх ногами и поворачивалась на девяносто градусов, и соответственно менялась вся индикация.

Где же теперь нужный мне номер?

Представьте себе: не так уж далеко. Через два яруса и по другому коридору.

Сильно опоздаю?

Если не мешкать — то вообще могу успеть к сроку.

Где ближайший лифт?

Довольно далеко. И к тому же он наверняка окажется так или иначе заблокированным.

А вот лестница совсем близко.

Хотя и там скорее всего без сюрпризов не обойдется.

Привыкать нам, что ли?

На лестнице оказалось совершенно темно. Но вовсе не пусто. Скорее тесно.

Не успел я оказаться на площадке, как кто-то сзади сноровисто ухватил меня за руки.

Я усмотрел в этом явное неуважение к моей репутации. Правда, им она скорее всего не была известна. Однако Повидж мог бы и подсуетиться...

Я не стал даже вырываться. Просто подал себе на кожу хороший заряд. Это я умею с ранней юности. Как и ставить самозащиту.

Моего обидчика тряхнуло так, что он ссыпался по ступенькам, сшибая по дороге своих коллег. Мне осталось только обойти кучу малу, возникшую на нижней площадке.

Перед дверью с нужным номером я оказался за двадцать секунд до назначенного мгновения. Ожидал новых сюрпризов. Но их не последовало.

— Старая гвардия — это вам не хрен собачий, — сказал Повидж, встретив меня в комнате персонала и обращаясь неизвестно к кому.

Я с ним согласился. А Зенден пробормотал:

— Ну это еще цветочки...

Я так и не понял: остался он доволен мною — или, наоборот, испытал разочарование. А он продолжил:

— Теперь можете знакомиться с Рынком самостоятельно. Только ведите себя пристойно.

— Зачем это ему? — возразил Повидж. — Если он будет работать на выезде, то...

— Человек должен знать, — не согласился с ним Зенден, — на кого он работает. Да и к нему пусть попривыкнут. Не бойся: он тут не заблудится. Доказал уже.

— Ну, ты — начальник, тебе и решать, — пожал плечами Повидж.

— Кому же еще! — подтвердил Зенден.

Все было весьма естественно; но интуиция подсказывала, что передо мною была лишь разыграна сценка, смысл которой пока оставался мне неясным.

— Идите отдохните пока, — велел мне Зенден. — Через час будете приносить присягу Рынку. Он (кивок в сторону Повиджа) зайдет за вами. Смотрите, чтобы голова была ясной: дело-то нешуточное.

Это мне и самому было понятно.

Повидж зашел не через час, как я ждал, но минут за двадцать до срока. И сразу заговорил о делах.

— Станешь работать под моей командой — как и уговаривались, — заявил он. — Конечно, если согласится начальство. А то ведь они могут тебя для начала посадить в какой-нибудь архив или в этом роде. Сразу в оперативники — это, приятель, исключение, скажи спасибо мне. Формально вопрос еще не решен, примешь присягу — и я официально заявлю, что прошу прикомандировать тебя ко мне. Вообще своих помощников я подбираю сам, как и все мы — старший состав, но решает все же руководство. Не сразу, а после проверки.

— Вроде бы я уже прошел ее...

Повидж усмехнулся:

— Если говорить серьезно — мы тут проходим ее всю жизнь. На разных уровнях, конечно, но проверка продол-

жается всегда. Знакомство с Рынком — тоже один из видов, да ты и сам это понимаешь.

Я и в самом деле понимал.

— Но чтобы я предложил тебя, мне, парень, потребуются гарантии. Очень серьезные.

— Гарантии чего? — не понял я. — Вроде бы вы из меня все уже вынули, до последнего бита.

— Мне нужен залог, ясно? Залог твоей верности. Того, что в один прекрасный миг ты не захочешь кинуть меня — и очень серьезно. Например — нарушить наше с тобой соглашение.

— А оно еще в силе?

— А ты думал? Даже больше, чем раньше.

— Как же интересы Рынка?

— Ни черта ты еще не понимаешь. Рынок в любом случае свое получит. Это — святое. И распоряжаться результатами будет тоже он независимо от того — кто эти результаты получит: я, ты, Зенден, черт, дьявол... Рынку все равно, кто добьется результата. Но вот нам это вовсе не безразлично. Потому что процент, настоящий процент идет именно тому — или тем, — кто своими руками сделал дело, остальным достается мелочь. А от реализации уракары процент светит такой, что ой-ой. Получить — и хоть завтра в отставку, если придет такая блажь. Зенден будет добиваться, чтобы куратором поиска назначили его. Скорее всего так и сделают. Но сам он таскать каштаны из огня не станет: давно уже не занимался оперативкой. Это он оставит нам. Но как только настанет момент истины, он каким-то финтом — на это он великий мастер — в лучшем случае ототрет нас в сторону, а в худшем...

— В худшем — потратится на веночек на нашу с тобой двухспальную могилу, — закончил за Повиджа я.

— Да, конечно. Вот чтобы этого не случилось, мы и должны держаться вместе до конца. А чтобы я был в тебе уверен, мне и нужна надежная гарантия.

— Гарантия чего?

— Ну хотя бы того, что ты не сбежишь, прихватив то, что тебе удастся тут раздобыть. И то, что мы пока еще из тебя не вытащили. Ну не поднимай брови: уверен, что у тебя еще немало осталось в разных загашниках твоей памяти. Нутром чую. Да нет, я не в обиде: всякий нормальный человек старается оставить себе побольше...

Я почувствовал, что начинаю злиться.

— Да я и так весь в твоих руках; какую тебе еще гарантию дать?

— Ну своей жизнью рисковать мы давно привыкли, — усмехнулся Повидж. — Нас ни одна компания не станет страховать, это уже проверено. Мне нужно что-то посолиднее.

— Прикажешь завещание составить в твою пользу?

От этого предложения он просто отмахнулся:

— Нет. Мне не это нужно.

— Что же? — Уже поняв, каким будет ответ, уже внутренне свирепея, я все же задал этот вопрос.

— Брось, брось. Ты уже понял. Не тугодум.

Я только и смог, что развести руками:

— Денег у меня, как ты знаешь, нет, ребенка, чтобы оставить в заложниках, — тоже... Жена, правда, имеется, но она далеко-далеко, даже не знаю — в каком углу Галактики...

— Справедливо. И тем не менее — твоя жена, паренек; вот чего я хочу в залог.

Так и есть; но я еще попробовал свести все к шутке, показать, что никак не могу принять его слова всерьез:

— Ты не в ее вкусе, Повидж. Тебе там не светит.

— Только не притворяйся идиотом. Ты все прекрасно понял. И не надо изображать ревность. Просто я навел справки. У нас это, сам понимаешь, особых проблем не составляет. И по этой информации, ты относишься к ней очень серьезно — как ни к кому другому. Свою шкуру ты готов поставить на кон, но не ее. И мне нужно, чтобы ты был твердо уверен: начнешь хитрить — нет, даже еще только подумаешь о том, чтобы начать, — и первой пострадает она. Серьезно и необратимо.

В этом я ему поверил сразу. И хмуро проговорил:

— Да не собираюсь я кидать тебя — да и всю фирму тоже. Она ведь теперь и моя — разве не так?

— Вот и докажи.

— Я же тебе сказал: не знаю, где жена. У нее — свои дела. Мы разделились, когда я отошел от дел — ну а она не захотела...

— Твоя биография мне сейчас ни к чему. Неизвестно, где она? Возможно. Но не говори, что не знаешь, как ее найти. Конечно, у вас есть способы связи. Не могут не быть. Вот и передай их нам. А уж мы найдем способ воспользоваться ими.

— Да какие способы, какие? — Я чувствовал, что теряю контроль над собой. — Она в операции. Значит — и ЛК ее, и вообще все персоналии изменены, включая и внешность; связь с нею есть только у тех, кто эту операцию ведет — а я и понятия не имею, что это за люди, даже — к какой системе они относятся: к официалам, «теням» или еще к кому-нибудь.

Но Повидж оставался непробиваемым:

— Это все твои проблемы, только твои. Словом, так: ты сейчас же сообщаешь мне все пути ее поиска, а уж мы за сутки наверняка сможем не только отыскать ее, но и доставить сюда. Ты и не представляешь, какие у нас есть для этого способы. При этом обещаю: ей не причинят ни малейшего вреда. Только когда она окажется тут, тебя допустят к настоящим делам. А больше с тебя и вправду взять нечего.

— Круто. А если откажусь?

— Я ведь тебе сказал уже: выхода у тебя нет — только вынос.

Я вздохнул. Даже и сейчас я не испытывал к Повиджу особого доверия.

Я понял, что идея взять мою жену в заложники показалась привлекательной не только Повиджу, а скорее всего и принадлежала не ему. Впервые я серьезно пожалел, что связался с Рынком: система была защищена лучше, чем я полагал. Однако постарался внешне никак не проявить охвативших меня чувств.

— Ладно, — сказал я. — Чума на оба ваших дома; я дам путь. Хотя ты сам понимаешь: шансов почти нет. А уж за одни сутки — вообще бред. Но не хочу, чтобы вы думали, что я держу что-то за пазухой. Но тогда и мне следует попросить определенных гарантий в отношении меня самого.

— По-моему, все, что тебе полагается, мы уже обещали.

— Обещание — не гарантия. А я хочу быть уверен в том, что останусь в операции «Уракара» до самого конца. Что меня не сбросят с поезда.

— И чем же мы можем тебя успокоить?

— Я хочу присутствовать при расшифровке кристеллы.

— Только-то?

— Для меня это важно.

— Скажу и об этом, — неожиданно легко согласился Повидж. — Быть посему. Доложу незамедлительно.

— А мне чем пока заняться?

— Да просто поброди по Рынку, тебе ведь уже сказали.

— Ага, — сказал я, кончиками пальцев погладив двухсантиметровый матовый диск, с недавнего времени прикрепленный к моей груди: рыночное удостоверение личности и пропуск — с достаточно низким, впрочем, уровнем допуска. Но рассчитывать на большее с самого начала было бы наивным. — Поброжу. А то как бы вообще не разучиться ходить.

— Ну обо всем договорились? Давай: маршрут поиска, коды — промежуточные и конечный, возможные варианты — все на свете. А уж при нашей технике...

— Будь по-твоему. Открой свой мик: сбрасываю.

Несколько секунд прошло в молчании, пока он бегло просмотрел полученную от меня информацию. Потом усмехнулся. Кажется, Повидж поверил в то, что одержал окончательную победу.

— Вот и молодец. Понимаешь правила игры. Теперь можем приступить к делу. — Он глянул на часы. — Как раз успеешь добраться до Рынка к открытию. Будешь ходить, смотреть, слушать — привыкать, одним словом. Но не влезай ни в какие дела, разговоры, не пробуй что-то прихватить для личного пользования. Как понимаешь, я имею в виду информацию. Иначе сгоришь сразу же, и я тебе помочь ничем не смогу. Никто не сможет.

Я немного подумал: не обидеться ли на это предупреждение. И решил, что не стоит: оно было сделано вроде бы из лучших побуждений.

— Можешь быть уверен, — пообещал я почти искренне. — С чего мне там начать?

— Я всегда приступаю к обходу с базара, — сказал Повидж. — Туда и направляйся — он, кстати, ближе всего. Ну а дальше — сам решишь, что смотреть. Хотя вернее всего — я тебя где-нибудь там найду, чтобы сообщить, согласно ли начальство на твою просьбу.

Оказавшись на базаре, я впервые за все последнее время поверил в то, что Рынок не напрасно носит такое название.

Базар оказался громадным — чуть ли не с футбольное поле величиной — залом, в котором маленькие ларьки и киоски составляли длиннейшие ряды. Проходя мимо, я убедился в том, что ларьки эти были хорошо оборудованы средствами связи — линейными и сетевыми, хотя коробочки ВВ-связи имелись далеко не в каждом. На прилавках виднелись таблички с именами продавцов (наверняка условными) и названиями миров; я не понял только — тех, чьими подданными торговцы являлись и откуда прибыли, или же названия эти говорили лишь о том, чьими секретами в этой точке торгуют. Предполагаемый покупатель мог, подойдя к любому прилавку, воспользоваться услугами настольного информатора и загрузить на монитор список предлагаемых товаров и самую суть продававшейся информации, вернее, не суть, но тему, а также запрошенную цену. Это было все, что клиент мог получить бесплатно. Остальное стоило денег. Народу вдоль рядов шаталось ни мало и ни много, лишь меньшая часть серьезно приценивалась к товарам — однако в конечном итоге продавцы, видимо, внакладе не оставались. Похоже, что именно сюда, на базар, приезжала большая часть тех людей, которые (я помнил это еще по первому моему визиту на Топси) грузились на катера на космодроме и отправлялись на Топсимар.

Меня интересовал ассортимент. Я подошел наудачу к одному из киосков, у которого в ту минуту никого не было. Продавец глянул на меня, как смотрит собака на человека, приближающегося к ней с полной миской в руках.

— Что господин желает?

— Что можете предложить?

Он перегнулся ко мне через прилавок, таинственно полуприкрыл глаза, вытянул губы:

— Только для господина — именно то, что нужно: новые, никому еще не известные детали гибели графини Фуфф де Поло во время стычки с бандой похитителей. Информация из первоисточника. Гарантия истинности — пятьсот процентов. Сведения получены при посредстве серых сил. Любая информфирма заплатит втрое!..

— Спасибо, — поблагодарил я. — Желаю удачи.

Он жалобно воззвал:

— Господин даже не спросил — сколько товар стоит! За такие деньги здесь больше никто и ничего не продаст! Господин теряет свой шанс...

— Меня интересует политическая информация, — бросил я, отходя.

— Что же это, по-вашему, если не политика?.. — донеслось вслед. Но я уже шел дальше.

Предлагалось самое разное. Предполагаемый расклад мандатов в Ливерский парламент на предстоящих через конвенционные полгода выборах. Степень разработки проекта сверхсовременного ВВ-терминала на Сомерсете, разработку ведет фирма «Легонк Си», Армаг: обстоятельства, вследствие которых успех проекта весьма сомнителен. Истинные причины отставки директора Службы экономической разведки мира Лорик, тайного советника Стуса Гармовица. На самом ли деле причиной отставки премьер-министра Гермионы послужили нарушения им кодекса политической морали? И так далее; в общем информационный хлам, дешевка. Позабавило меня одно предложение: продавец настойчиво советовал купить информацию о таинственном исчезновении посла Симоны на Серпе: кто и почему организовал и осуществил похищение дипломата, а также последние сведения о его нынешнем местонахождении. Будь у меня лишние деньги, я бы, пожалуй, приобрел этот материал — для коллекции анекдотов, если бы собирал такую. Но не нашлось ни денег, ни желания. Эту мою пробежку по торговым рядам можно было, пожалуй, считать развлечением; но на самом деле были у меня и другие цели, а ситуации там возникали не только веселые.

В частности, меня вовсе не обрадовало, когда кто-то сзади неожиданно положил руку мне на плечо. Такое прикосновение всегда вызывает у меня определенную реакцию. Я круто обернулся, готовый к действиям. На меня глядела ухмыляющаяся рожа, формой и цветом напоминающая здоровенный кекс с двумя изюминками, излучавшими дружелюбие.

— Салют, Сагамор! — услышал я. — Сто лет, сто зим! Какими судьбами?

Сагамор; так я назывался достаточно давно — только в одной точке пространства и очень непродолжительное время. Это помогло мне разобраться в обстановке практически мгновенно. Лор Амиш из мира Плоск, тогда он был там начальником одного из подразделений политической разведки. Время изменило его, конечно; но не до неузнаваемости. А вот то, что он так легко опознал меня, было нехорошим признаком: видимо я, незаметно для себя самого, возвращаюсь к своему основному — природному, если угодно, — облику и могу поэтому оказаться узнанным не только им... Оставалось лишь наде-

яться, что эта встреча — чистая случайность, от которых не застрахован никто.

— Привет, Лор. Что — ударился в коммерцию с годами?

Начало его ответа было совершенно нецензурным; в этом отношении он ничуть не изменился. Значащая часть последовала несколько позже:

— Разведка (ее мать) совершенно деградировала, Сагамор (твою мать). Не осталось ну абсолютно ничего: ни профессионалов (их мать), ни чести, ни совести (мать, мать, мать), ни даже денег (мать, мать, мать и мать!). А информацию между тем вынь да положь. Если нет — становись омаром, и тебя станут это самое в это самое. Что остается? Вот и летишь сюда, стараешься укупить подешевле какую-нибудь мелочь (мать ее) для отчетности, а еще лучше — поменять на такое же дерьмо из собственного сортира. И какой черт дернул меня идти в разведку? Умирающая специальность, этот самый Рынок (так его и туда) уже вытеснил нас отовсюду, а ведь когда мы окончательно подохнем — даже веночка не положит, так его и этак и еще раз...

Я позволил ему изливаться так еще минуту-другую, и даже искренне ему посочувствовал. За это он, кажется, был мне благодарен. Я же мысленно поблагодарил его за то, что он мне попался тут: как говорится, если бы его не оказалось — его надо было бы выдумать. Я наклонился к его уху и прошептал:

— Ты тут зря теряешь время. Одна тухлятина. Советую, как коллега коллеге: сейчас исчезни отсюда, потому что идет негласное наблюдение: ищут и фиксируют как раз ребят из разведок, считают их конкурентами, и последствия могут быть серьезными. Здесь бывает чисто после шести вечера, да и цены к тому времени падают, так что управишься без риска и еще сэкономишь...

Он сделал большие глаза и — тоже шепотом — спросил:

— А сам-то ты?..

— Я как раз один из тех, кто ищет. Но тебя, по старой дружбе, я не видел — усек? Но если будешь еще маячить...

— Исчезаю, — сообщил он. — Твой должник!..

И в самом деле тут же исчез — вполне профессионально. Я следил, не поворачивая головы; после мгновенного колебания топтун из местных, сидевший у меня на хвосте с того мгновения, как я появился на базаре, кинулся за Амишем: видимо, ему приказано было устанавливать мои связи. А я смог наконец подойти к тому киоску неподалеку, на котором остановил свой выбор еще несколько минут тому назад.

У меня не было ни малейшего представления о том, какой товар предложат мне в этом ларьке. Выбрал я его потому лишь, что торговала там женщина — первая, кого я увидел здесь в такой роли. Это показалось мне интересным — не более того.

Я подошел, улыбаясь весьма галантерейно:

— Позвольте приветствовать единственную розу в этих зарослях лопухов!..

Она, кажется, почувствовала себя польщенной:

— Итак, хоть один бычок нашелся в этом воловьем стаде... Ну, Телец, что будем покупать?

— Для начала хотел бы — вас, очаровательница...

— Ну уж нет! Меня можно получить только в премию за хорошую покупку. Так что — не скупитесь, рыцарь. Или успели уже крепко поиздержаться, перепархивая с острова на остров, из мира в мир?

— Не без того, конечно, милая, бывают в нашем деле и потери. Но я умею быстро их восстанавливать. Так что же мы предлагаем? Для начала, может быть, подскажете, как к вам обращаться?

— Назовите Сабиной — не ошибетесь.

— Красивое имя. Как и вы сами. Итак, Сабина, мне хотелось бы приобрести какую-нибудь легкую, веселенькую информацию. Какая помогла бы развеять печаль.

— Какие могут быть поводы для печали у такого видного мужчины? Просто не верится.

— Есть, к сожалению. Любимая жена исчезла куда-то, растворилась на просторах Галактики; правда, тут обещали мне поискать ее, но не верю, что они смогут ее найти. Вот и тоскую. Так найдется у вас что-нибудь такое?..

Она выслушала меня очень внимательно и, кажется, сочувственно. И попыталась утешить, как могла:

— Очень уж веселой информации у меня в запасе нет. Скорее наоборот: есть материалы об открытом и всеобщем розыске, но ничего об успехах. Ищут, но получают лишь печальные известия. Так что не знаю, смогут ли тут вам помочь. Но вы, судя по настроению, и не собираетесь тут надолго задерживаться, верно?

— Похоже на то, — согласился я мрачно. — Постараюсь закончить свои дела дня за два-три — тогда смогу сам пуститься на поиски. Не знаю, правда, как тут с транспортом...

— Хотите — я поинтересуюсь этим? Соберу, что удастся, насчет средств передвижения.

— О, я был бы очень благодарен!

— Решено. Жаль, что сейчас ничем не смогла...

— Ну что вы: вы меня так приободрили. Пригласил бы вас пообедать, но, к сожалению, стеснен в средствах. Не могу даже купить никакой мелочи, если бы и очень захотел.

Сабина внимательно посмотрела на меня.

— Могу ссудить вам — если не очень большую сумму...

Я улыбнулся — чтобы можно было обратить разговор в шутку:

— Ну, думаю, ста тысяч мне хватило бы.

Я ожидал, что и она улыбнется, чтобы сказать: «Лет через пятьдесят, наверное, смогу» — или в этом роде. Сабина, однако, ответила, сохраняя выражение серьезности:

— Столько я, пожалуй, смогу — если не очень надолго.

— Правда?

— Я деловая женщина, и по таким поводам не шучу.

— На месяц.

— Это меня устроит.

— Какой процент?

— Обычный: двенадцать годовых.

— Просто невероятно. Расписку?

И снова она меня удивила: вместо ожидаемого «Если вас не затруднит» Сабина ответила:

— Я еще не окончательно разочаровалась в людях — по крайней мере, в некоторых.

И откуда-то из-под прилавка извлекла десять аккуратных банкирок-десятитысячников. Я бережно уложил их в карман.

— Банкоматы тут на каждом ярусе, — предупредила она. — И в деловых точках.

— Благодарю вас, я знаю. Где мне найти вас через месяц?

Сабина улыбнулась, но голос остался серьезным:

— Я найду вас сама.

Я сказал неожиданно для самого себя:

— В таком случае у меня к вам просьба.

Она лишь вопросительно подняла брови.

— Если мне вдруг придется уехать налегке... у меня в камере хранения лежит моя сумка. Нет-нет, никакой контрабанды. Но если уж вы собираетесь найти меня, то, пожалуйста, прихватите ее с собой.

— Однако! — произнесла она не без иронии.

— Я вас очень прошу.

Она вздохнула:

— Что делать; вы мне так понравились... Хорошо.

Я смог выговорить только:

— Позвольте... позвольте поцеловать вас.

— Фу! — поморщилась она. — С каких пор об этом спрашивают?

— Да, конечно. Извини... те.

И я откланялся. Больше мне делать на базаре было нечего, и я покинул его, не дожидаясь возвращения моего мателота. И отправился разыскивать Повиджа.

Он встретил меня хмуро:

— Прошли мы по твоему маршруту. Пока — зря.

— Не нашли? — встревожился я. — Честное слово, я тебе дал настоящий путь, другого просто нет.

— Знаю: следы ее везде найдены. Но следы, сам понимаешь, в залог не возьмешь. Ничего, не грусти: продолжаем искать. Найдем, вот увидишь.

— Да пора бы, — вздохнул я. — А то уже беспокойно как-то. Может, мне самому подключиться?

— Надо будет — скажем. Что ты успел?

— Пошастал по базару.

— Чувствую: разочаровался. Но от него и не следовало ничего ждать. Если не устал — сходи на биржу. Там будет поинтереснее.

— Спасибо за совет. Схожу обязательно.

Чтобы попасть в операционный зал биржи, пришлось пройти через несколько контрольных постов с просвечиванием и скрупулезным досмотром. Я миновал их успешно. На последнем контроле на меня посмотрели внимательнее, чем на предыдущих. И спросили:

— Новичок?

— Совершенно верно.

— Советуем взять гида. Стоит недорого, а без него вы рискуете потратить время, так ничего и не поняв.

Конечно, это своего рода издевка, подумалось мне: заставлять меня оплачивать «хвост», который они все равно за мной пустили бы. Но, в конце концов, будем соблюдать их правила — пока они не станут совершенно уж неприемлемыми.

— Беру гида, — согласился я. — Какая оплата?

— Двадцать пять за час. Аванс — один час.

— Подходит.

Гид оказался совсем еще молодым человеком, выглядевшим как мелкий жучок; наверное, таким он и был.

— Прошу следовать за мной, — сказал он с легким поклоном.

Я ожидал чего-то совершенно необычайного. Вроде того, что люди здесь будут сидеть под бетонными колпаками и переговариваться через амбразуры. Однако биржа оказалась и на самом деле биржей — с табло во всю стену, где высвечивались и менялись курсы, с мониторами на каждом столике и со множеством очень занятых людей — похоже, то были брокеры. Над их и нашими головами по обширному залу то и дело раскатывалось:

— Я восемнадцатый. Продаю: «Мирель, ВТ, предстоящая реорганизация Флота защиты, полный текст с картами и перечнем сил, отставки и назначения, старт — через шестнадцать конвенционных суток, двадцать три — сорок пять!

И немедленный ответ:

— Тридцать восьмой, покупаю Мирель ВТ на двадцать четвертое!

— Я двадцать второй, куплю любой товар серий ПТ, ЭТ по Илоне за период двух последних УМ...

— Понимаете что-нибудь? — поинтересовался мой новый экскурсовод, повысив голос, чтобы его можно было услышать.

— Не больно-то. ВТ, ПТ — что это такое? Или двадцать три — сорок пять: это время суток? Или что-то другое?

— Тут никаких загадок. Двадцать три — сорок пять — это цена за байт информации. В галларах, понятно.

— Однако!..

— Уважаемый, тут не картошкой торгуют! Ну, а ВТ и прочее — просто обозначения разрядов: военные тайны, промышленные, экономические, — таких разрядов множество. Это только сначала кажется непонятным. Ничего, вы тут за неделю натаскаетесь так, что сможете работать самостоятельно. А пока — смотрите, слушайте, привыкайте.

Я последовал совету. Мы потолкались там еще полчаса. Мне хотелось увидеть, кроме брокеров, еще и тех людей, чьи поручения они выполняли. Заказчиков, однако, не было — они наверняка находились далеко, в других мирах, и распоряжения отдавали по ВВ-связи; недаром аппараты вневременного общения я увидел на рабочем месте каждого здешнего деятеля. Во что это обходилось — можно было только догадываться. Я только принялся прикидывать порядок величины, как мой гид, покачав головой, проговорил:

— Нет, сегодня тут ничего интересного.

— А что было бы нужно для интереса?

— Тут нынче — только готовая информация. А брать на бирже нужно сырье. Хороший, солидный полуфабрикат, из которого можно будет приготовить смачное блюдо.

— Например?

Он огляделся — быстро и точно, как профессиональный карманник.

— Примеры из реальной жизни — за особую плату. Но неофициально.

— Беру, — ответил я, не раздумывая. — Сколько?

— Полста.

— Не дорого ли?

— Официально вам этого и за миллион не продали бы. Строго служебное.

Пришлось отдать деньги.

— Значит, так, — сказал он. — Предположим, мы получаем информацию класса А\а — то есть федерального значения. Ну, например: один из миров разработал и уже начал осуществлять операцию, цель которой — вывести из игры другой мир — конкурирующий. Все равно — на политической арене, экономической, мало ли какой еще. Операция закрытая, иными словами — проводится на глубине, так что на поверхности не возникает никаких ее признаков: нет вооруженного вмешательства, незаметно какое-то политическое давление, не обостряется даже экономическая конкуренция, одним словом, внешне — тишь да гладь. Открытые разногласия между оператором и объектом не превышают обычного уровня — естественного, так сказать. А между тем операция идет успешно. То есть, вместо того чтобы

наброситься на противника с ножом или дистантом, вы медленно, но отравляете его — нашли способ систематически вводить ему яд, так что противник заболевает и недуг его прогрессирует — но причина остается для него непонятной, поскольку яд этот раньше или вообще не применялся, или применялся достаточно далеко и не был обнаружен. Как я уже сказал — мы получаем эту информацию, включая и характер отравы, и способ ее введения. Возникает возможность хорошо заработать, но при этом необходимо, чтобы Рынок нельзя было обвинить в соучастии: он не может выступать ни на одной стороне, он нейтрален, он над схваткой. Это требование исключает возможность переговоров ни с оператором, ни с объектом, потому что и тот, и другой достаточно сильны, чтобы наделать Рынку множество неприятностей. Однако существует способ участвовать в этой игре совершенно реально и в то же время не вызвать никаких нареканий в свой адрес. Но я вижу, вы уже догадались, что я имею в виду.

Я кивнул:

— Естественно. Выставить на продажу. Кто купил — тот и получает информацию, и при этом — никаких пристрастий, никакой политики.

— Мозги у вас на месте, — признал гид. — Но просто так выставить эту информацию на продажу было бы преждевременным. В таком случае у оператора возникнет искушение применить к Рынку достаточно крутые методы, чтобы, мягко выражаясь, заставить его замолчать. Ведь по отношению к оператору поведение Рынка является всего лишь шантажом: заплати мне, и я не стану передавать важные сведения твоему противнику — объекту. А по отношению к шантажисту первой реакцией всегда бывает — уничтожить его и тем самым предотвратить нежелательные осложнения, верно? Дешево и сердито.

Пришлось признать, что так оно и есть.

— С другой стороны — за что заплатит деньги объект? Всего лишь за предупреждение об опасности? Это не те деньги, которые Рынок хочет выручить. Чтобы получить хорошо, нужно, чтобы продавались, кроме предупреждения, еще и указания, как предотвратить нависшую опасность. Практический, точный рецепт. Вот это уже стоит многих нулей, согласны?

— Трудно было бы не согласиться.

— Вот именно. Значит, перед тем как выставить товар на продажу, необходимо провести то, что называется предпродажной подготовкой.

Я позволил себе пожать плечами:

— Не вижу способа...

Гид усмехнулся:

— Если бы видели — весь замысел не стоил бы ни гроша. Но представьте себе такую ситуацию: кого-то собираются — ну, хотя бы просто устранить. Скажем, застрелить из заса-

ды. Есть исполнитель, есть серия с заложенной информацией, так что промахнуться нет ни малейшей вероятности. Стрелок уже на позиции. Некое третье лицо каким-то образом получает сведения об этом замысле. И хочет на этом заработать. Что оно должно предпринять? Сказать стрелку: немедленно заплати — или я крикну жертве, что ей нужно скрыться, пока еще есть время? Но стрелок выхватит свой дистант — и наш коммерсант будет убит на месте. Перехватить жертву на дороге и сказать: ни шагу дальше — или в тебя всадят длинную серию? Но если жертва тут же кинется бежать — серия догонит: пули летят быстрее. Что остается?

Гид взглянул на меня. Я покачал головой:

— Ничего серьезного не приходит в голову. Извините.

Он победоносно усмехнулся:

— А между тем выход есть, и достаточно простой. В последний миг третье лицо — само или через посредников — выкрадывает у стрелка обойму с подготовленной серией. Пора уже открывать огонь — и вдруг оказывается, что нечем. Суета, время уходит... И тут от третьего лица поступает предложéние: ему, мол, случайно стало известно, где именно находятся похищенные боеприпасы. И оно готово дать нужный адрес — но не даром, конечно же, а в обмен на сумму, составляющую, скажем, десять, а то и двадцать процентов той прибыли, которую стрелок (или его хозяева) собираются получить в результате операции. И такое же предложение может быть сделано и жертве: если она перехватит украденные заряды, то получит немалый выигрыш во времени — чтобы принять меры предосторожности или даже провести какую-то контратаку. При таком раскладе нет смысла производить какие-то действия против третьего лица: его, конечно, можно устранить — но вместе с ним исчезнут и сведения о местонахождении подготовленной серии. С ним можно только договориться, других способов нет. Чтобы сохранить нейтралитет и все приличия, третье лицо ведет переговоры с обеими сторонами, а когда принципиальное соглашение достигнуто — выставляет товар на продажу, причем об истинной сути товара не имеет представления никто — кроме всех трех заинтересованных сторон. И кто бы ни купил информацию — продавец остается как бы в стороне: он — в рамках закона. Нужно только, чтобы не было никаких признаков его участия в похищении пуль.

— Браво, — сказал я. — Просто и, я бы сказал, гениально. Но вам не кажется, что и в этом варианте возможны осложнения?

— Ну, — сказал он, — откровенно говоря, не вижу такой возможности...

— То, что было однажды украдено, — разве не может быть переукрадено еще раз? И тогда, кроме третьего лица, возникнет еще и какое-то четвертое. Ситуация становится на порядок сложнее, а возможность хорошего заработка — проблематичной. Нет?

Гид посмотрел на меня очень хмуро и, я бы сказал, обиженно. И после паузы проговорил уже совсем другим тоном:

— Вы, оказывается, в курсе — зачем же заставили меня распинаться...

— Не обижайтесь. Мне и в самом деле было очень интересно слушать. И я не собираюсь требовать назад ваш гонорар.

— Я надеюсь, что это останется между нами? Понимаете, заработать что-то сверх нормы всегда приятно. Здесь сам воздух такой.

— Будьте спокойны, — заверил его я.

Я не стал говорить ему, что все, рассказанное им, имело для меня куда большую ценность, чем те полста галларов, которые я ему заплатил.

— Благодарю... — пробормотал он.

— К тому же вы ничего такого мне и не сказали. Например — не назвали участвующие стороны их именами. Вот это было бы уже действительно серьезным проступком против морали Рынка.

— Да, я не назвал, — согласился он. — И если бы вы даже спросили о них...

Я знал, что он и в этом случае не сказал бы — по той простой причине, что имена эти ему не были известны. Я выяснил это, пока он разглагольствовал, — покопаться в его сознании было делом простым. Да и то, что он рассказал, не было его служебной информацией по должности; подслушал где-то или услышал случайно — и захотел блеснуть перед простаком.

— К тому же, — продолжал я, — вы пробудили во мне интерес к этому самому аукциону. Может быть, направимся туда? Возможно, там что-нибудь стоящее всплывет? Мне ведь тоже хочется заработать.

Ему не осталось ничего другого, как повиноваться.

На обратном пути пришлось пройти через тот же самый контроль, не менее тщательный, чем при входе.

— Здесь-то зачем? — не удержался я от вопроса. — Ну, на входе — понятно: чтобы не проносили оружие, взрывчатку, мало ли что. А сейчас?

— Не только оружие, не только. Там и в мыслях ваших покопались — странно, что вы этого не заметили. Найди они у вас замысел — и вместо биржи оказались бы вы совсем в другом месте...

Что они прощупывали меня в тонких полях, я понятно, чувствовал — иначе грош цена была бы мне как профессионалу. Однако они не смогли углубиться, но пошли, сами того не сознавая, по тому обходному канальцу, который я им предоставил точно так же, как совсем недавно — Зендену с Повиджем, и в котором найти — кроме того, что я сам выставлял напоказ, — нельзя было совершенно ничего. Однако говорить об этом я, понятно, не стал.

— А теперь, — сказал гид наставительно, снова входя в роль, — должен предупредить вас, чтобы вы не пробовали вынести с аукциона совершенно ничего, не заплатив и не оформив, как следует. Ни в карманах, ни в памяти. Потому что и сам ассортимент того, что продается и покупается, — top secret.

— Но тут же вроде бы только свои...

— Так-то так, — пробормотал он невесело. — Вы, однако же, сами понимаете: все мы тут от святых очень далеки, добывать секреты и торговать ими — занятие не для ангелов. Мы здесь ходим по водоразделу добра и зла, по сути — мы та же специальная служба, разведка — вот работаем, правда, куда продуктивнее. Ну, а когда ходишь по скользкой дорожке над обрывом, недолго и сорваться. Да вы и сами, я думаю, немногим лучше, а?

— Пожалуй, — не стал я лукавить. — Что же, все правильно. Так где же пресловутый аукцион?

Здесь тоже был пристальный контроль, который я прошел благополучно, внутри же все оказалось, как у людей: небольшой зал с рядами стульев, кафедра, аукционист с молотком. Только предлагаемые лоты не выносились для показа возможным покупателям, а высвечивались на экранах — одно лишь название и краткое содержание, сам же материал оставался тайной — пока ты его не купил. Ничего удивительного: этот товар — такого рода, что украсть его — не обязательно значит вынести; часто бывает достаточно просто увидеть.

Торги уже шли. Сперва я не увидел большой разницы между этим заведением и биржей — если не считать, конечно, антуража. Но после двух-трех лотов различие сделалось ясным. Если на бирже предлагали товар, так сказать, готовый к употреблению, то есть купил — и можешь продавать в газеты, на телевидение, разведке своего мира, а может быть, и не своего, или же самому построить на этом интригу, если ты занимаешься политикой, — есть много путей реализации закрытой информации, — то здесь продавали действительно полуфабрикаты, иными словами — не тайны, а лишь пути к их получению. Вы могли купить, например, информацию о человеке, располагающем сведениями, которые вас заинтересовали, о самых удобных подступах к нему, получить его исчерпывающую биографию, круг людей, через которых можно на него воздействовать, и прочее, и прочее. Или же — обзавестись точными данными: в каком мире, городе, улице, доме и сейфе находится интересующий вас материал, как он защищен, каким способом удобнее проникнуть в хранилище, кто владеет шифром замка — так что для создания плана действий потребуются лишь незначительные уточнения. Совершенно ясно, что этот товар стоил куда дешевле: покупателю основную работу предстояло проделать самому. Но — может быть, по причине цены, а возможно, еще и потому, что такой товар, как ни странно, в мирах продать

было легче, потому что (как вполголоса объяснил мне мой гид) везде в Федерации существовали сильные организации посредников, пользовавшихся наводкой и — в случае успеха — продававших информацию уже на бирже, задорого. Так или иначе, народу, явно не принадлежавшего к персоналу Рынка, на аукционе было куда больше, чем на бирже. Так что наше появление осталось незамеченным. Я послушно следовал за моим гидом, а он проворно пробрался к первым рядам, где виднелись свободные стулья.

Первые лоты прошли без нас; мой гид позаимствовал у соседа список лотов и внимательно изучал его, поминутно бросая взгляд на табло. Потом покосился на меня и поморщился:

— Похоже, что не везет. Тут везде — много черной работы. А хотелось бы показать вам что-нибудь поделикатнее... чтобы перчика побольше — и черного, и красного, и чтобы пахло... (он зажмурился и втянул носом воздух с такой силой, что сосед недовольно оглянулся), чтобы от одного запаха голова кружилась. Вот что нам требуется. А выставляют сами видите, что: убрать, взломать, удрать... Несолидно. С вашей-то квалификацией...

Я подозревал, что о моей квалификации представления у него имелись самые смутные; но разочаровывать его не стал и кивнул. Тем более что он, в общем, был совершенно прав — только сам не знал, насколько.

— Тогда чего же мы здесь сидим? — спросил я.

— Терпение — первая добродетель охотника за тайнами, — наставительно изрек он. — Тут, понимаете ли, народ тоже хитренький: иногда под серењким ярлыком у них оказывается такое, что облизнуться можно.

— Зачем это им?

— Ну, скажем — кто-то попросил. И не даром, конечно. Потому что заинтересован это купить, но, конечно, не хочет, чтобы цены взвинчивали до соседней Галактики. Везде свои хитрости. Так что — повременим с уходом.

Пришлось ждать. Торговля шла не ахти как: продавался в среднем каждый третий лот, и часто — по объявленной цене. Видимо, народ здесь собрался тертый. Да другие сюда и не сунулись бы. Я не упустил возможности повысить уровень знаний:

— Слушайте, а то, что здесь не купят, — куда денется?

— Раз в неделю — распродажа. Будут отдавать задешево.

— А если и там?..

— Остатки пойдут в систему подготовки. Для практических занятий, тренировок. Мы же не только самотеком получаем товар, это — прогарное дело. Лучший товар добываем сами. Ну, а для этого, как вы понимаете, нужны кадры. Хорошо подготовленные. Вот, например...

Но примера он так и не привел: объявили очередной лот, и я сразу же насторожился:

— Ага: вот это, пожалуй, то, что мне пригодится в моей многотрудной жизни... Не зря мы с вами теряли тут время.

Я прочитал название лота на экране:

«Секретные материалы Синеро-Тернарского судебного процесса».

Действительно, эти сведения могли представлять для нас — для меня — интерес.

— Покупайте, — шепнул я ему.

И он сразу же, взбросив руку, громко объявил:

— Пятнадцать!..

Больше дать никто не захотел. Я заплатил деньги, так вовремя ссуженные мне дамой с базара, и получил коробочку с кристеллой и длинным рядом цифр на крышке.

Сделанная покупка была, наверное, действительно выгодной — не для меня (это еще предстояло понять), но для моего гида — судя по тому, что настроение его поднялось сразу на десяток градусов. Я предположил, что он — да и не только он, наверное — получал определенный процент с продаж, совершавшихся при его участии. Мне он удовлетворенно заявил:

— Ну, можете считать, что день прошел с пользой. Теперь стоит чуть расслабиться. Не против?

— Сначала хочу посмотреть, за что же я отдал свои деньги.

— Это не сам материал, — негромко пояснил мне гид. — Тут всего лишь допуск и адрес.

— Вот новости! Где же мне найти сам текст?

— В либрарии — библиотеке Рынка.

— Что же мы стоим? Ведите! Не терпится посмотреть, насколько успешной оказалась моя первая покупка здесь.

Он чуть поморщился; похоже, считал визит в библиотеку потерей времени, когда ему хотелось обмыть аукционную сделку.

— Ну, ладно, — все же уступил он. — Отведу вас туда. Только извините — сам не останусь: мне там почему-то делается тоскливо, как на погосте. То, что там хранится, — в основном давно отработанные операции, секреты, которые сто лет как перестали составлять хоть какую-то тайну. Я тем временем, с вашего позволения, схожу вниз купить что-нибудь из пищи телесной, твердой и жидкой. Чтобы на покупке не прогадать. Святой ритуал, понимаете ли.

Уже выходя, я краем глаза заметил, как в аукционный зал с противоположной стороны — с той, где, по моим расчетам, помещался оперативный центр Рынка — вошел, а вернее даже — вбежал Повидж. И кинулся прямо к аукционисту.

Я решил, что встречаться с Повиджем сейчас мне не следует. И поспешил выскользнуть в коридор вслед за моим проводником.

Он провел меня сквозь контроль у дверей библиотеки и тут же ушел, предупредив лишь, чтобы я не очень задерживался: он, мол, не любит праздновать в одиночку.

— Может, и дамы подойдут, — сказал он в заключение — для того, наверное, чтобы я и в самом деле не застрял тут.

Библиотека, похоже, оказалась самым тихим местом в Рынке: ее услугами, видимо, мало кто пользовался. Сейчас, во всяком случае, тут было пустынно — если не считать дежурного библиотекаря за ВВ-сетевиком в самом конце обширного зала. Стены этого помещения больше всего напоминали банковский подвал с множеством арендуемых сейфов — выдвижных ящичков разной высоты. В этих вместилищах и содержались, надо полагать, отжившие свое, но до сих пор сохраняющие свою таинственность секреты. А может быть — и не только отжившие, и даже скорее всего именно так. Я бы с удовольствием поселился здесь на недельку-другую при условии полного одиночества; однако нереальность такого пожелания была ясна заранее. Так что не оставалось ничего другого, как приблизиться к дежурному, чей внимательно-доброжелательный взгляд уже издали уперся в меня.

— Чем могу вам помочь?

Я уже знал, о чем спрошу его.

— Я новичок в этой системе, так что для начала просто помогите сориентироваться. У вас ведь есть каталог или что-то, что его заменяет?

Возможно, проще было бы сказать ему: я сделал покупку и теперь хочу как следует посмотреть на нее. Я бы и сказал это, если бы не поспешный визит Повиджа на аукцион; я заподозрил, что приобретенный мною материал был заказан именно моим земляком, который просто не успел выкупить его (возможно, именно потому, что был слишком занят моими делами), и материал был передан на торги. Не найдя материала там, Повидж, очень возможно, кинется сюда — в место его хранения. Лучше пусть библиотекарь успокоит его, сказав, что никто за этим текстом не приходил.

Библиотекарь же, выслушав меня, закивал головой:

— О, да, разумеется. Пойдемте, я покажу вам.

Казалось, ему доставило удовольствие — подняться с места и неторопливо зашагать рядом со мною по залу. И в самом деле, часами просиживать здесь — удовольствие небольшое. Мы по диагонали пересекли зал, библиотекарь, зайдя вперед, отворил передо мною дверь; замок ее он отпер при помощи карточки, которую сразу же спрятал глубоко во внутренний карман пиджака. Это движение позволило мне увидеть рукоятку оружия, удобно устроившегося в нагрудной кобуре. Не пулевое и не дистант, определил я, не задумываясь. Газовик; парализующего действия, наверное. Правильно; в таком месте я и сам предпочел бы что-нибудь такое, не грозящее ни разрушениями, ни пожаром.

— Прошу вас! — Приглашение он сопроводил плавным жестом. Похоже, каждое движение доставляло ему удо-

вольствие. Оно и понятно: он вовсе не выглядел книжным червем и наверняка проводил свободное время в тренировочном зале.

Я изобразил благодарную улыбку и вошел в небольшую комнату, всю обстановку которой составляло восемь ВВ-сетевиков: в два ряда по четыре столика в каждом.

— Можете воспользоваться любым из них, — пояснил мой проводник, — в зависимости от того, какая именно тематика вас интересует и откуда вы собираетесь снять информацию.

— Предположим, — сказал я, симулируя легкую задумчивость, — что-нибудь, связанное с... ну, хотя бы с заказными убийствами в мире Земля за последнее десятилетие. Это возможно?

— О, конечно же. Сетевик номер два. Просто садитесь и...

— Прошу извинения, — прервал я его. — Я передумал. Я хотел бы посмотреть названия материалов, связанных с Синеро-Тернарскими судебными делами. То, чего не было в открытой информации.

Его улыбка осталась неизменной — чего нельзя было сказать о его сознании; легкий стресс — пожалуй, такое определение соответствовало реальности. И хороший вброс адреналина. Однако внешне он по-прежнему был олицетворением любезности:

— Сделайте одолжение. Пост номер семь.

Я подошел к названному сетевику и уселся.

— Что я должен делать дальше?

— Сначала просто вызовите меню...

— Нет проблемы, — пробормотал я, нажимая нужную клавишу.

Оказалось, однако, что проблемы есть: вместо обещанного каталога мне подсунули табличку:

ВВЕДИТЕ ВАШ № ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ

Я повернулся к библиотекарю, высоко поднял брови:

— Почему вы меня не предупредили?

В свою очередь, и он изобразил крайнее удивление:

— О чем? Разве у вас нет разрешительного номера?

— Я же сказал вам сразу: я тут новичок.

— Если вы еще не получили номера, значит, права на пользование нашими материалами у вас нет. Как только получите его — милости прошу.

Я понял, что придется все-таки рассказать о своей покупке. Но ведь я, если сказать честно, и не собирался ограничиться лишь знакомством с нею: времени у меня почти не оставалось, а узнать следовало еще достаточно много. Хотелось тут похозяйничать. А чтобы информация не пошла дальше него — принять меры.

— Ах, простите: я вспомнил, что номер у меня имеется. Да вот же он!..

И я извлек коробочку с кристеллой.

— Да вы весельчак! — сказал он, кисло усмехнувшись.

Я встал и послал ему сигнал полного подчинения моим командам. Видно было, как напряглись его мускулы, правая рука дернулась было к газушнику. Но психика его оказалась очень податливой, а защита — просто-таки ученической, никуда не годной. Так что уже через секунду он сдался.

— Назови свой номер!

Он-то должен был обладать доступом ко всем материалам — и самым горячим в том числе. Так и оказалось; он назвал номер.

— Еще раз! Медленно, цифру за цифрой!..

Он принялся диктовать; я набирал нужные знаки на клавиатуре. И как только закончил — каталог послушно загрузился на демонстратор.

— Теперь иди на свое место! — продолжал командовать я. — И если кто-то спросит — отвечай, что здесь никого нет и лабиринт закрыт до завтра. Пошел!

Он беспрекословно выполнил указание. Смешно, но на лице его все еще виднелась та самая кисловато-любезная улыбка.

Начал я все-таки с просмотра покупки. И сразу же понял, что деньги были отданы не совсем зря.

Купленный мною документ содержал протоколы с грифом по большей части «Строго служебное», а несколько и «Секретно». В публиковавшийся текст отчетов о Синеро-Тернарском процессе, который у меня уже был, эти протоколы не включались. И люди, допрошенные по делу (в качестве не свидетелей, а экспертов), в том документе ни разу не упоминались.

Сразу стало ясно, что здесь, в либрарии, я не успею даже бегло просмотреть содержание документов. Конечно, теперь они принадлежали мне — однако надеяться только лишь на право собственности в этом случае было бы чересчур легкомысленно: Службы при надобности не склонны считаться с чьими бы то ни было правами — кроме своих собственных. Так что, оставив записи там, где они сейчас были, в следующий раз я мог бы просто не найти их. Используй право, пока горячо, — такой моралью я руководствовался с давних пор. Я имею право унести информацию с собой. Вот только каким образом?

Самым естественным было бы — скачать все на кристеллу — или несколько — и затем оригинал стереть. Но здесь не было видно ни одной знакомой коробочки: видимо, такая услуга не предусматривалась правилами пользования ВВ-сетью в Рынке. Вообще-то вполне разумная предосторожность. Но мне от этого понимания легче не становилось.

Я выругал себя: не догадался купить и сунуть в карман хотя бы пару кристелл. Впрочем, дело не в догадливости, я просто поостерегся: кристеллы могли обнаружить на любом контроле. Да и кроме того... Внимательный осмотр сетевика привел к простому заключению вот какого содержания: даже будь у меня кристелла, ее некуда было бы вложить: аппарат был ли-

шен даже намека на такое приспособление или устройство. Воистину не просто библиотека, но всего лишь читальный зал: знакомься на месте, а вынести — ни-ни! Сукины дети. Однако же всякий нормальный человек носит в голове свой мик...

Нормальный человек, правда, все равно не сумел бы воспользоваться своим микробиокомпьютером: сетевики не обладали и устройством для подключения человека. Однако это уже относилось к числу преодолимых препятствий — во всяком случае, для меня. Нужно только снять правую боковую панель... вот так... большой и указательный пальцы руки наложить... куда? Ага, вот сюда... и можно начинать запись. Остается только — загребать пошире и писать, писать, в надежде потом, на досуге, разобраться. Хватило бы только свободной памяти: после той проклятой чистки мик еще не оправился до конца. Пожалуй, придется писать не все подряд, а с разбором.

Что тут? Бюрократия верна себе: к протоколам приложен и список допрошенных деятелей. Ни одного знакомого имени; ничего удивительного — это в основном люди науки, а в академических кругах я до сих пор как-то не вращался. А что — тут только яйцеголовые? Вряд ли: экспертами по делам такого рода всегда привлекается и энное количество профессионалов моего профиля. Их официальная миссия — охрана, сохранение секретности. А кроме этого — великое множество дополнительных деликатных задач. Но их тематика меня сейчас интересует меньше всего. Как выделить этих участников, не совершая грубых ошибок? Пойду самым простым путем: запомню тех, чьи имена не тащат за собой длинный хвост научных титулов и званий. Каждого, кто обозначен просто как «д-р» и не отягощен названием научного учреждения, которое имеет честь представлять. В списке семнадцать таких имен. Для страховки добавлю к ним еще двух, чьему имени предшествует «полковник» — хотя это может быть, разумеется, всего лишь данью традиции: во многих мирах по-прежнему любят налеплять на имена всякие яркие ярлычки. Семнадцать плюс два — девятнадцать. Это вселяет некоторые надежды: если бы их была сотня с лишним, я просто не успел бы разобраться, что к чему...

Я записывал, опустив веки, следя за внутренними экранами, стараясь ни о чем не думать, чтобы не мешать процессу: когда мик занят серьезной работой, его обладатель должен по возможности сохранять полное спокойствие. Все получалось нормально.

И вдруг — все мое спокойствие полетело в тартарары. Застучало в висках. Адреналин хлынул в кровь. И я едва не вскочил и с трудом удержался от крика.

А причиной была всего лишь очередная фамилия эксперта, чей протокол допроса только что начал усваивать мик.

Экспертом был д-р ботаники Альфред. Место обитания — мир Теллус.

Альфред. Мой ныне покойный работодатель. Тело.

Я просто не мог не раскрыть этот текст немедленно же. Иначе просто умер бы от любопытства.

Ну-ну, о чем же поведал следствию д-р ботаники Альфред?

«Судебный следователь: Господин доктор Альфред, действительно ли вы являетесь крупным специалистом в области ботаники семейства уракары — так это, кажется, называется?

Д-р Альфред: Если меня так характеризуют коллеги, то, полагаю, у них есть для этого определенные основания. Я действительно посвятил немало времени изучению растений, принадлежащих к названному вами, надо сказать, достаточно своеобразному семейству.

С.: Занимались ли вы в числе прочих также Райским деревом?

А.: Занимался и продолжаю заниматься сейчас — пожалуй, больше, чем остальными. Дело в том, что «Uracara uracara» — таково научное название этого вида — обладает некоторыми особенностями, которые нельзя определить иначе как весьма необычные.

С.: Не могли бы вы подробнее остановиться на этом обстоятельстве?

А.: Разумеется; для этого я и согласился на беседу с вами.

С.: Ну, я не назвал бы это беседой: идет судебное заседание, и вы приглашены сюда в качестве эксперта. Так что правильнее будет назвать это допросом.

А.: Да, разумеется. Конечно, это вопрос терминологии.

С.: В таком случае, вернемся к теме. Какие необычные свойства уракары вы имели в виду?

А.: Прежде всего тут следует остановиться вот на чем: уракара является единственным известным нам растением, которое может существовать в двух, так сказать, ипостасях: в лиственном подвиде и хвойном. Все прочие известные нам деревья являются либо только лиственными, либо хвойными, здесь же мы имеем дело именно с одним растением в двух его формах.

С.: Скажите, доктор, а не проще ли предположить, что это два разных дерева?

А.: Скажите, советник, вы женаты? У вас есть дети?

С.: Старший советник, с вашего позволения. Да, двое детей и, разумеется, жена, но... какое это имеет отношение...

А.: Сейчас это станет ясным. Вы знаете, конечно, что вы, с точки зрения биологической классификации, относитесь к виду Homo Sapiens?

С.: Льщу себя надеждой, что дело обстоит именно так.

А.: И ваша супруга тоже?

С.: Во всяком случае, так принято считать. Но...

А.: Ваши дети — одного пола?

С.: Сын и дочь.

А.: Теперь скажите: нет ли неких принципиальных различий между вами — и вашей супругой, сыном — и дочерью?

С.: Что, собственно, вы имеете в виду? Конечно, между мужчиной и женщиной существуют принципиальные, как вы выразились, различия. Думаю, что это всем известно.

А.: И тем не менее вы относитесь к одному и тому же виду, не так ли? Вы не являетесь представителями разных биологических видов?

С.: Я понял вашу мысль, доктор.

А.: Вот и отлично. В таком случае вам ясно, что речь идет о внутривидовых различиях. Тем не менее если бы вы с семьей оказались вдруг в мире однополых существ, они могли бы счесть вас представителями разных видов, вы согласны?

С.: Звучит достаточно убедительно. Не смогли бы вы сделать разницу между этими разновидностями уракары не менее ясной, чем различие между мужчиной и женщиной? В последнем мы более или менее разбираемся.

А.: С удовольствием. Так вот, причиной существования двух форм в пределах одного вида явились, видимо, резкие колебания климатических условий в мире Синеры, а именно — температуры, освещенности, влажности и, вероятно, также уровня космического излучения, имевшие место в давние геологические периоды. Но этими проблемами занимаются астрономы, палеогеологи и климатологи, если вам нужны более детальные пояснения, вам следует обратиться к ним и поставить вопросы...

С.: Мы непременно так и сделаем. Но сейчас получаем, поверьте, истинное удовольствие от разговора с вами.

А.: Вы назвали это допросом, но это меня не смущает. Суть дела вот в чем: в среднем каждые пятнадцать лет (тут срабатывает, видимо, генетическая память) из семян обычной лиственной уракары вырастают деревья, вместо листвы обладающие хвоей. Они не менее жизнеспособны, чем лиственная форма, способны к размножению и тоже приносят семена. Опыление их происходит при помощи одного вида насекомых, существующих только на Синере, — жуков...

С.: Доктор, эти жуки, видимо, способны летать?

А.: Несомненно.

С.: Вы не опасаетесь, что они унесут нас слишком далеко от темы?

А.: Не опасаюсь. Потому что при наличии этих жуков уракара хвойная приносит семена, из которых вырастает следующее поколение — совершенно обычное: лиственное. Но вот если жуки улетели, как вы изволили предположить, слишком далеко, или если хвойная уракара почему-либо выросла в таких местах, где этих жуков-опылителей не существует — скажем, была вывезена в другой мир, — то вот в этих условиях она и начинает проявлять свои необычные качества.

С.: Так-так. Вот об этом, пожалуйста, подробнее.

А.: Без жуков это дерево, как легко понять, не дает потомства и вымирает. Если только не соблюдается одно условие.

С.: Очень интересно, Какое же условие?

А.: Собственно, их два. Это предшественники и соседи.

С.: То есть?

А.: Неужели непонятно? Предшественники — это те виды растений, которые занимали ареал перед тем, как туда попали семена уракары.

С.: Можете ли вы назвать этих предшественников?

А.: Нет ничего легче. Это — южноармагская секрида.

С.: Тоже дерево?

А.: Нет, кустарник. Видите ли, его корневая система, а точнее — та бактериальная флора, которая обитает на его корнях, взаимодействуя с почвой, приводит ее в состояние, очень благоприятное именно для произрастания уракары хвойной. Правда, уракаре для полноценного развития этого мало. Расти-то она будет, но если не окажется нужных соседей — точно так же будет обречена на вымирание. Зато если соседи окажутся на месте...

С.: Это, видимо, может быть результатом случайности? Или...

А.: Или. Вот именно — или. Конечно, если целенаправленное вмешательство человека считать случайностью... Но я так не думаю, да и вы, я полагаю, тоже.

С.: Не будем отвлекаться, прошу вас. Итак, если наличествует нужный сосед, то?

А.: То уракара хвойная — а она, должен вам сказать, относится к весьма быстрорастущим — уже через два месяца после появления ростков, достигнув полуметровой высоты, начинает выделять в атмосферу некий субстрат, получивший название «ураган»... Однако, как мне помнится, еще на вчерашнем слушании профессор доктор Исигава из университета Охида, мир Цуру, сделал исчерпывающий доклад о свойствах этого субстрата и том влиянии, какое он оказывает на психическое состояние населения...

С.: Мы все помним весьма содержательные показания доктора Исигавы. Можете быть уверены: они запротоколированы во всей полноте.

А.: Это очень хорошо, потому что в этой области я не могу считать себя сколько-нибудь авторитетным специалистом.

С.: Тем не менее вы можете сказать еще нечто, очень существенное — и не только для суда.

А.: Я что-то упустил? Что же?

С.: Название этого пресловутого соседа.

А.: И в самом деле. Извините. Это чинкойя, армагская чинкойя — дерево, за последние годы получившее известность во многих мирах Федерации. Если хотите получить «ураган» — достаточно высеять рядом с каждой чинкойей одно или — для надежности — два семечка уракары — и через два месяца...»

Чинкойя. Армагская чинкойя.
Дальше я не стал читать. Главное я понял.

Из большого зала до меня донеслись голоса. Знакомые.
— Тут к вам не заходил человек — час тому назад?
Это Повидж. И в ответ ему — полусонное:
— Здесь никого не осталось.
— Он ушел? Давно?
— Ушел. Давно, — послушно повторил библиотекарь.
— С-сукин сын...
Это — уже на выходе. Звук захлопнувшейся двери.

Я задержался, ничего не скажешь. Пора идти. Даже бежать. А жаль: неплохо было бы отправить кое-куда срочное сообщение, и весьма важное. А тут, в библиотеке, наверняка не обходятся одними лишь сетевиками, но где-то по соседству есть и установки ВВ-связи, и можно было бы в два счета... Но не получится: слишком рискованно. Остается только надеяться, что в бунгало Повиджа, среди прочих удобств, тоже найдется ВВ-фон. Постой, постой: я же видел на крыше его резиденции, когда мы возвращались с берега, ВВ-антенну — ее ни с чем другим не спутаешь. Есть у него связь! А впереди — длинная топсийская ночь, за которую можно успеть сделать многое. Очень.

Я выключил сетевик. Вышел. Приблизился к дежурному:
— Ты обо всем забыл. И меня не вспомнишь.

Библиотекарь никак не откликнулся. Кажется, я даже передавил его немного. Ладно. Убегаем.

Наверху было все еще многолюдно. Я вмешался в толпу и беспрепятственно вышел из здания, опасаясь, что разозленный Повидж уже уехал. Однако его скользун стоял там, куда он его поставил днем. Хозяина не было видно. Я прислонился к машине и принялся ждать. Он появился минут через десять. Я ожидал большой выволочки, но — странно — он ни словом не заикнулся о том, что искал меня, как и о том, что нарушил предписание: ничего не покупать. Впрочем, это никак нельзя было счесть хорошим признаком. Скорее наоборот.

Я подумал, что за те часы, что мы с ним не виделись, что-то произошло — нечто, улегшееся на его душу увесистым камнем. Но решил не рисковать — не пытаться заглянуть в его сознание: Повидж мог бы поймать меня за этим занятием и, самое малое, обидеться.

— Плохие вести, — сказал он хмуро. — Нет ее больше, твоей жены. Вечная память. Погибла.

— То есть... как?

— Ну как люди гибнут? — пожал он плечами. — Особенно в нашем деле. Где-то ошиблась. Мы ведь тоже ошибаемся только один раз.

Я не сказал больше ничего. Повернулся и пошел неизвестно куда. Не хотел, чтобы он в этот миг видел мое лицо, мои глаза. При всей моей привычке к сдержанности я на этот раз мог и не сдержать своих чувств.

Он догнал меня. Взял за плечо:

— Ладно, держись, мужик. Сейчас поедем в мое бунгало, посидим вдвоем. Залезай в машину.

«Его бунгало». Оно оказалось трехэтажным особнячком комнат на тридцать; бытовая автоматика его была на уровне не то что королей и президентов миров, но повыше: такою пользуются, по моим представлениям, разве что держатели контрольных пакетов акций интергалактических концернов, а что касается защитной техники, то подобной, могу поручиться, не бывает даже и у них. Да, похоже, заработки здесь держались на очень высокой отметке. Мы развалились в креслах, подстраивавшихся под принятую позу; когда мы сели, хозяин дома включил механику, и круглая площадка, на которой и стояли кресла, поднялась и прошла сквозь круглое отверстие в потолке, соответствующее ее размеру, так что мы оказались совершенно в другом помещении, напоминавшем ходовую рубку звездолета обилием приборов и мониторов. Из нормальных вещей здесь виднелся только бар, до которого было далеко и самому шикарному заведению на самом Теллусе, да и на Армаге, я думаю, тоже.

Мы уселись за стойкой. Повидж, не теряя времени, налил обоим по изрядной дозе крепкого питья. Невесело сказал:

— Ну, помянем твою подругу дней суровых, капрал!

Я качнул головой:

— Прости: не поверю, пока не увижу своими глазами. Давай просто — за удачу.

Он поджал губы:

— Ну, как знаешь...

Мы выпили и почти сразу повторили. Затем Повидж сказал:

— Ну, коли не веришь — поговорим о деле. Что ты там выудил на аукционе? Разве я не говорил — не лезь не в свои дела.

— Ну, извини, — ответил я миролюбиво. — Не удержался. Сам же и пожалел: только зря выбросил деньги.

— Откуда они у тебя, кстати? Ты же плакался, что ни гроша не осталось...

— Одолжил, — сказал я. — Встретил тут бывшего коллегу из занюханной провинциальной разведки — приехал сюда покупать информацию. Я у него и перехватил, для бодрости.

Я был совершенно уверен в том, что о моем контакте с Амишем моему куратору было уже доложено.

— Откуда только у провинциалов деньги берутся... — проворчал Повидж. — А из чего отдавать думаешь?

— Вы же обещали дать мне заработать.

— Дадим, дадим... — протянул он. — Но все же — похвались покупкой.

— Я ее даже брать не стал. Оставил на месте. Полная лажа — а я-то думал, что у вас здесь все по-честному...

— Век живи — век учись, — усмехнулся он. — А за науку приходится платить, это уж точно. Ладно, это все — твои проблемы. Теперь о наших совместных. Эту твою криптограмму мы раскололи. Не простая была задачка, но у нас тут техника — супер. Так что теперь картина ясна. Где бы, ты думал, они прячут семена?

Я только пожал плечами:

— Мир велик, и миров — множество. Даже не стану угадывать. Надо будет — сам скажешь.

Конечно, какие-то догадки я мог бы высказать ему и сейчас. Например — что в их расшифровке наверняка не названы ни Лорик, ни Кармела, а какой-нибудь совершенно другой мир. Эта догадка была кое на чем основана, но Повиджу знать об этом было ни к чему.

— В общем, так, — сказал он. — Хреновое у тебя чутье, капрал уважаемый. Ты сделался послом Симоны — и, находясь там, не учуял, что оттуда никуда и не надо было уезжать: там они, там и нигде больше.

— Да не может быть!

— Что — тоже не поверишь, пока не увидишь?

— Пока своими руками не пощупаю.

— А вот это, земляк, не получится. Придется тебя из группы обнаружения и взятия исключить. Сам понимаешь, почему: на Симоне ты наследил, и возникать там тебе больше никак нельзя: уберут в два счета — решат, что ты, находясь там, все разнюхал и навел нас на семечки. Сочувствую тебе, но ничего не поделаешь.

— Постой, постой: что же получается? Что на всем этом деле с ураканой я вообще ничего не заработаю? Я, который это дело, по сути, начал и почти довел до результата?! Несправедливо. Как хочешь, а это не по-людски.

— Ну, ладно-ладно, — попытался он урезонить меня. — Конечно, без ничего не останешься, твой вклад в деле и вправду есть — только не такой большой, как тебе кажется. Да, кристеллу Альфредову взял ты, но что с нею сделал? Без толку таскал с собой чуть ли не по всей Галактике; но прочли-то запись все-таки мы — и потому куш делим мы с Зенденом. А тебе достанется, так сказать, поощрительная премия. Да не грусти: на Рынке ты оперишься быстро, зашуршит и у тебя в кармане...

Меня это, разумеется, утешить не могло. Поэтому веселья не получилось, разговаривать больше ни о чем не хотелось, и еще через часок, прикончив всего лишь одну бутылку, мы со взаимным облегчением пошли спать.

— Денек завтра будет напряженным, — предупредил он меня перед тем, как уйти в ванную. — Мы тут оставим тебе кое-какие дела — чтобы не скучно было нас дожидаться.

У меня, однако, были свои предположения по поводу того, что напряжения уже этой ночью будет более чем достаточно. Ему, понятно, я говорить этого не стал.

В указанной мне спальне я улегся в постель и, выключив свет, около часа лежал неподвижно, закрыв глаза, мерно дыша и одновременно сканируя комнату при помощи третьего глаза и так называемого «звездного чувства», которое на деле является всего лишь способностью улавливать без помощи приборов электромагнитные колебания. Чувство это заложено в каждого человека, но у большинства находится в зачаточном состоянии, наиболее одаренные в этом отношении улавливают волны, но не умеют настроиться на нужную частоту и принимают поэтому лишь шум, который стараются загнать поглубже: он им только мешает. Чтобы овладеть способностью настройки, нужно усердно заниматься достаточно долгое время; мне, например, пришлось потратить на это около трех лет. Жаль, что человек не овладел пока еще способностью непосредственно воспринимать вневременное поле; тогда для умеющих отпала бы всякая надобность в технике ВВ-связи. Ничего, через два-три поколения люди овладеют и этим; предпосылки для этого у нас наверняка имеются изначально. Вот только сейчас мне от этого не легче.

Тем не менее комнату я просмотрел без затруднений и легко нашел все три скрытые точки наблюдения и съемки. Потом построил вокруг себя зеркальную защиту, одновременно создав в постели фантом, как две капли воды похожий на меня. Теперь можно было встать без всякой опаски: съемка продолжает фиксировать, что я спокойно сплю. Теперь я занялся дверью. Прошелся по вероятным частотам и без труда нашел линию, по которой, стоит мне хотя бы приоткрыть створку, пойдет тревожный сигнал. Безусловно, Повиджу очень хотелось постоянно держать меня, как говорится, в центре внимания или, точнее, в перекрестии прицела. Ну-ну. Точно так же должны быть подстрахованы и окна; их тут целых два. Просто прелестно: ведущие к ним линии проходят совсем рядом с дверной. Остальное требует минимального умения: все три линии работают на одной частоте. Соединим дверную и оконную. Будь это архаичные проводные линии, пришлось бы действовать инструментами, которых у меня нет. Но здесь все — по последнему слову, вместо проводов высокочастотные каналы. Ионизируя, создаем мостик... так... а теперь старое русло перекрываем. Все в порядке.

Фу, немного устал: работа требует энергетических затрат, это не дрова колоть. Зато теперь можно выйти спокойно... Конечно, только сперва справиться с замком. Ну и ну. Можно

подумать, что он поселил меня в банковском сейфе. Но приходилось не раз решать задачки куда сложнее...

Дверь отворилась беспрекословно. Еще немного времени ушло на то, чтобы просканировать коридор. Точки наблюдения есть, но не работают. Повидж решил, что достаточно спальни. Недооценил меня. Вот и всегда бы так. Теперь давай разберемся — что куда ведет. Чтобы не забраться ненароком куда не следует. Мне нужна только ВВ-связь. Полагаю, она не заблокирована: по ней ведь в любой час может прийти срочное сообщение. Надеюсь, что оно не придет, пока я буду ею пользоваться. Мне нужен час, от силы — полтора. Повидж перед сном нагрузился, по-моему, весьма основательно, и если и вскочит среди ночи, то не для того, чтобы бежать на ВВ, — поспешит совсем в другом направлении. ВВ-связь. К ней должны подходить: во-первых — мощный силовой фидер, и во-вторых — канал от антенны на крыше. На этом этаже их нет. Выше? Черт, отсюда почти ничего не видно: этаж явно заэкранирован. Поднимемся осторожно...

Поднялся. Просмотрел коридор; спокойно. Где же?.. Ага, вот они, любезные. Оба. И ведут — куда же? В эту вот дверь. Заперто? Нет. Да и в самом деле, от кого запирать у себя дома — от самого себя, что ли? Запер гостя — и достаточно. Войдем.

Вошел. Осмотрелся, не включая света. Аппаратура знакомая. Не придется действовать наугад. Сигнализация? Нет, система обходится без защиты. Объявляю благодарность. Ну, что же — с песней шагом — марш?

Песня, впрочем, откладывается до более спокойного времени.

Но до того я должен был получить тут и еще кое-что: так сказать, премию за активность. А именно — ту массу информации о деле уракары, которая содержалась в базовом компьютере Рынка. Мне никак не хотелось оставлять ее здесь: все, что имело отношение к делу уракары, я продолжал считать моей собственностью. В особенности теперь — после того, что стало для меня ясным в библиотеке. Так что совесть не должна была упрекнуть меня в том, что я намеревался сделать в ближайшие минуты.

Код, который мог открыть мне доступ в память компьютера, я накрепко запомнил, когда час тому назад наносил прощальный визит в мик расслабившегося на мгновение Повиджа. Осечки не произошло. Целая коробка, до половины наполненная чистыми кристеллами, находилась тут же рядом, на полке. Я хотел было зарядить одну из них, но вовремя передумал. Мне никто не гарантирует безопасности, а эта информация ни в коем случае не должна исчезнуть. Куда предпочтительнее мне показалось воспользоваться вэвэшником и сбросить все туда, где она не только уж точно окажется в сохранности, но и будет использована по назначению. Я настроил ВВ на известный мне адрес в

одном хорошо знакомом мире. Дал старт. Информация пошла. Она оказалась неожиданно обильной. Сейчас знакомиться с нею было некогда, и я постарался лишь обезопасить ее от постороннего вмешательства в случае перехвата — пусть его вероятность и была исчезающе мала; мои коды были куда хитрее, чем те, что применялись здесь, они были разработаны мною самим, я потратил на это немало времени и никогда не жалел об этом. Наконец и с этим было покончено. Можно было уходить.

Я выключил ВВ. Пожалел мимоходом о том, что, кроме связи, Повидж не обзавелся и кабиной вневремянки — я имел в виду на этот раз перемещение не информации, а самого себя.

Стоп, стоп. А почему это я так уверен, что в доме нет такой кабины? Потому что он ее мне не продемонстрировал? Так Повидж много чего мне не показывал и еще о большем — не упоминал. Дом ведь большой. А они тут себе ни в чем не отказывают. Тем более что при такой работе им без вневремянки просто нельзя: скорость их передвижения в пространстве должна быть соизмеримой со скоростью распространения самой информации. Должна быть у него станция вневремянки, обязательно должна! Остается только найти ее и использовать. Но такой пост — не иголка, спрятать его просто невозможно. Тут нужно вот что: проследить за силовым кабелем. Где-то в доме он должен соединяться с главным силовым, еще более мощным: переброска человека требует куда больше энергии, чем передача сообщений.

Пойдем искать.

Я вышел. Осмотрелся во всех диапазонах и прислушался. Все было совершенно спокойно. Еле слышно работал кондиционер. Больше ничто не издавало никаких звуков. Хорошо. До сих пор мои действия не привлекли ничьего внимания. Пусть и дальше так. Ладно. Вот силовой фидер ВВ-фона, я его ясно вижу. Двинемся за ним — к его истоку. Осторожно и беззвучно.

Чтобы найти исток, понадобилось спуститься с третьего этажа на первый. Но он здесь не кончался, уходил вниз. В подвал? Видимо. О подвале Повидж тоже не упоминал. Интересно, где же вход в него? Ищи, ищи...

Поиски этой неприметной дверцы заняли чуть ли не полчаса. И она оказалась запертой, что, впрочем, полностью соответствовало правилам эксплуатации вневремянки. Еще десять минут ушло на аккуратное, бесшумное вскрытие замка, для чего пришлось прежде найти и отключить сигнализацию. Хорош бы я был, если бы она взвыла среди ночи. Ну наконец-то. Осторожно спускаемся. И вот она передо мною: вожделенная дверца голубоватого металла, а рядом с нею — знакомый пульт настройки.

Однако, глянув на него, я испытал глубокое разочарование.

ВВ-транспорт Повиджа был лишь местного значения — то есть действовал лишь в пределах Топси. Так что в исполнении моего желания оказаться совершенно в ином мире он

мне никак не мог помочь. Самое большее, что он мог для меня сделать, — это вывести за пределы Рынка.

Впрочем, и это уже было кое-что. Во всяком случае, лучше, чем ничего.

Придется, ничего не поделаешь, снова добавить забот Абердоху в его скромной обители. Пусть найдет способ переправить меня туда, куда мне требуется. Ничего, за мной долги не пропадают; придет время — верну Абердоху все с лихвой. Пусть только выручит меня сейчас... Правда, интуиция смутно подсказывала мне, что получить от него нужные услуги на сей раз будет сложнее, чем представлялось мне прежде. Однако другого выхода я просто не видел. Иногда приходится переходить реку и по единственному и тонкому бревнышку. Надо только умело держать равновесие.

Я загрузил на монитор карту северного побережья острова. И заказал перебросить себя в единственную там ВВ-точку, а именно — в ту, что располагалась на подворье Абердоха. На карте эта станция не была обозначена, я просто задал ее координаты с достаточной точностью; при столь малом расстоянии разброс должен был оказаться практически нулевым.

Все было готово, и тогда за моей спиной кто-то деликатно кашлянул.

Повидж.

Я мгновенно повернулся на пятке, готовый ударить.

Но Повидж стоял слишком далеко. И, кажется, не собирался атаковать.

Он смотрел на меня очень серьезно. Потом чуть прищурил глаз. Приподнял правую руку — и помахал мне ладонью.

Это было непонятно. Но я не стал терять времени на раздумья. И нажал на клавишу.

Дверца кабины гостеприимно распахнулась, и я вошел. Дверца затворилась, и я включил старт.

Глава 10

Кольцо уракары
(день событий сороковой и последний)

Абердох, однако, оказался вроде бы совершенно не против моего нового появления. Кажется, оно его даже обрадовало. Хотя внешне он не проявил ни малейшего доброжелательства. Скорее наоборот.

— Ты что, меня на службу к себе зачислил? — поинтересовался он, когда мы снова уселись в его халупе. — Какое же положишь жалованье? Мог бы уже и задаток выплатить.

Я предпочел воспринять эти слова как шутку.

— За мной не заржавеет. И мало не покажется.

— Ну-ну, — только и пробормотал он. — Я тебя, откровенно говоря, не ждал так скоро. Что: припекло?

— Да нет, — сказал я бодро. — Просто удалось разобраться скорее, чем рассчитывал.

— Значит, искомое получил?

— А ты сомневался?

— Ну что ты... Ладно, прими поздравления. А чего ты от меня хочешь?

— Чтобы ты меня перебросил отсюда — куда подальше.

— В космопорт? Улететь хочешь?

— Ни в каком разе. На Теллус.

— Ого! — сказал он, усмехаясь. — Решил возвратиться на круги своя, бзинкшт? Что же, одобряю. Но я бы на твоем месте выбрал другой способ. Потому что я тебе вряд ли смогу помочь.

Я насторожился:

— С чего бы вдруг? Помнится, твой вэвэшник действовал без ограничений. Личная карточка у меня в порядке, как настоящая...

Он постарался улыбнуться как можно печальнее:

— Это все — прошлогодний снег. Бывали дни веселые... да все вышли. Так что не взыщи.

— Что же стряслось? Изложи членораздельно.

— Мог бы и сам догадаться. В прошлый раз ты, если не забыл, слинял отсюда в довольно нервной обстановке, верно?

— Ты, однако же, жив и здоров, и хозяйство твое, насколько могу судить, в полном порядке.

— Видимость, бзинкшт. Оптическая иллюзия. Всего лишь. На самом деле они меня тогда крепенько взяли за жабры. И не выпускают до сих пор. Я у них под очень прозрачным колпаком. Будь уверен: даже то, что ты тут появился, будет замечено. Или уже замечено, и они вскоре снова пожалуют. А я рисковать не хочу. У меня тут много дел, и не собираюсь бросать их. Нет, я уже сказал: ищи другой способ.

— Сперва объясни: что это за «они», такие ужасные? Может, ты зря испугался?

— Тебе-то какая разница — кто? Посильнее меня, да и тебя, наверное, тоже — вот и весь сказ.

— Тогда выброс меня побыстрее. И не будет поводов бояться.

— Легко сказать. А если тебя перехватят? Это, конечно, твой риск, но и меня по головке не погладят...

— Постой, постой. Они что же — нацелены именно на меня?

— А ты еще не понял? Туго у тебя стало с сообразительностью. Нет уж, послушай доброго совета: исчезай сразу и больше тут не показывайся. Выкручивайся дальше, как знаешь.

— Это обсуждению не подлежит, — сказал я таким тоном, что он понял.

— Ты что — тоже мне грозить собираешься? Дохлый

Я усмехнулся:

— Это Армаг, верно? И они тебя вовсе не напугали. Просто купили. Почем продал душу?

Доброжелательность его как ветром сдуло. Он вскочил; сделал два шага, чтобы оказаться между мною и дверью. Из-за спины неуловимым движением выхватил дистант. Направил на меня:

— С-сука!..

Примерно такого развития событий я и ожидал, хотя некоторые детали не совпадали: например, по моим предположениям, он должен был воспользоваться ножом, которым владел мастерски. Стрелком же был посредственным; но на расстоянии трех шагов из дистанта цель поразит и слепой, и даже стоя к ней спиною. Вообще-то я полагал, что стрелять он не станет до последней возможности: я требовался ему живым и словоохотливым. Собственно, в расчете на это я и спровоцировал его вспышку. Иначе пришлось бы долго ходить вокруг да около. Может быть, я и доставил бы себе такое удовольствие — раскрутить его постепенно, вытягивая истину сантиметр за сантиметром и глядя, как он опадает, выпуская воздух; но не в таком цейтноте, в котором я находился сейчас. Время следовало экономить.

Поэтому я не стал ждать, что возобладает в его миллисекундных колебаниях: эмоциональное желание уложить меня на месте или разумное стремление овладеть ситуацией и сделать то, что ему было поручено. И поспешно поднял руки, выражая полную покорность обстоятельствам и рассчитывая, что он мне в этом поверит.

Абердох, однако, проявил разумную осторожность. Он не отвел оружия и не стал приближаться ко мне. Лишь проворчал удовлетворенно:

— Вот так-то лучше...

И скомандовал:

— Лицом к стене! Руки на стену! Расставь ноги пошире!..

Ну, и все такое прочее, что полагается в таких случаях: рутинный ритуал. Я был совершенно послушен. Но чувствовал, что мне не верят. Он даже не подошел, чтобы обыскать меня; впрочем, мог убедиться в моей безоружности и на расстоянии — для этого у него хватало способностей. Он, похоже, высоко ценил себя как сенсора; я всей душой надеялся, что это так и есть. И не ошибся. Продолжая оставаться на месте и не опуская руки с дистантом, он принялся делать мне внушение, собираясь, видимо, поступить со мною так же, как днем раньше я сам обошелся с рыночным библиотекарем. Но (подумал я) с куда меньшими шансами на успех.

Я бы на его месте начал со внушения мне уверенности в том, что он меня горячо любит и желает мне только добра. И что я, в свою очередь, горячо люблю его и просто неспособен причинить ему хоть какой-то вред. Абердох этим пренебрег.

Зря, самоуверенность никого еще не доводила до добра. Он же решил сразу ухватить быка за рога:

— Ты измучен. Ты устал. Твои руки и ноги тяжелеют. Наливаются свинцом. Ты очень хочешь отдохнуть. Спать. Засыпаешь. Засыпаешь...

Господи, сколько веков назад ему ставили гипноз? И с этим-то багажом он вступает в схватку?..

— Ноги больше не держат тебя. Ты опускаешься на пол. Сползаешь по стене. Медленно... Осторожно...

Я так и поступил. Старался только не очень прижимать ладони к стене, чтобы не занозить руки. Мне удалось очень естественно опуститься на колени. И мягко повалиться набок, закрыв глаза.

— Ты уже спишь... Ты уснул. Но ты слышишь меня. Отвечай: ты меня слышишь?

— Слышу... — отрапортовал я тем потусторонним голосом, какой он наверняка и рассчитывал услышать.

— Сейчас я буду задавать тебе вопросы, а ты будешь отвечать на них. Скажи: ты будешь отвечать мне?

— Буду... — издал я в той же тональности.

— И будешь говорить правду. Только правду. Одну только...

— Одну только правду.

— Молодец. Вопрос первый: где ты собираешься искать семена уракары?

— На Синере.

Он чуть опешил: ожидал чего-то другого.

— Почему на Синере?

— Потому, что они там.

— Ты уверен? Откуда ты знаешь?

— Нашел информацию на Рынке.

Я помнил, что ему на Рынок вход был закрыт: видимо, когда-то он попытался что-то урвать там, но засветился. Поэтому ему и приходилось отсиживаться вне города и опасаться каждого патруля.

— Где именно?

— На аукционе. Купил.

— Почем?

А это еще зачем ему? А, понятно: этот расход он припишет себе и деньги положит в карман. То есть так он планирует. Но вряд ли это у него получится, вряд ли...

— По семнадцати галлов за бит.

— Назови сумму.

Я назвал. Сумма его обрадовала.

— Где семена хранятся на Синере?

Черт, приходится выдумывать сказки на ходу. Нет бы мне приготовиться заблаговременно. Хотя, надо сказать, в Абердохе я ведь меньше всего сомневался.

— У теневого папы. Он все и организовал. По заказу их главной квартиры.

(Господи, ну можно ли так безбожно врать?! Но дело стоит того. А Абердох именно в такое вранье и поверит: в совершенно беспардонное и наглое.)

— Как выйти на него?

— Надо лететь на Синеру.

— Это ясно. Там, на Синере?

— Связаться с ним по местной связи. Сказать пароль...

— Какой? Ну??

— «Хочу купить щенка синерианского шпица».

Мне просто лень было придумать что-нибудь позамысловатее.

— Врешь. — Но он тут же опомнился: — Нет-нет, это я так. Ты ведь говоришь мне только правду?

— Одну только правду.

— Вот и молодец... Постой. А номер? Как ему позвонить?

— Не помню. Записан на карточке. У меня в кармане. Внутреннем...

Я слабел, что называется, прямо у него на глазах, и он понимал, что допрос пора заканчивать. Впрочем, то, что его интересовало, он уже узнал.

— Хорошо. Спи. Ты крепко, спокойно спишь...

Теперь я больше не был ему нужен. Самое время для него было — воспользоваться дистантом, чтобы навсегда вывести меня из игры. Но я твердо знал: прежде чем выстрелить, он засунет мне руку за пазуху, чтобы извлечь карточку, и только потом станет расправляться со мной. Он не захочет рисковать записью: недаром я все последние минуты внушал ему именно эту мысль.

Так и вышло. Правда, он не утратил инстинкта самосохранения и приблизился ко мне, не выпуская оружия из пальцев. Нагнулся. Запустил левую руку мне за пазуху. Карман там и правда был. Но карточки Абердох там не нашел. Второй карман, правый, был прижат моей грудью к полу. Ему пришлось воспользоваться и другой рукой, чтобы перевернуть меня на спину.

Он сделал это — и обстановка мгновенно изменилась. Почти незаметное движение — и его шея оказалась зажатой между моими чреслами, а обе руки — крепко схваченными за запястья. Дистант теперь упирался уже в его живот. Я посоветовал ему:

— Только без лишних движений.

И для убедительности сжал его шею своими бедрами так, что он начал хрипеть, выкатывая глаза.

— Сломать тебе шею — раз плюнуть, — объяснил я ему. — Верно?

Он только моргнул: говорить уже не мог. Он задыхался, и я даже встревожился: удушить его, может быть, и стоило — за эту вот попытку сдать меня. Но это была бы уступка

эмоциям, а не необходимости. Пусть еще попортит воздух, хрен с ним.

— Выпусти из руки оружие. А то не дай бог случайно нажму..

Он выполнил команду с похвальной быстротой.

— Хороший мальчик. А сейчас ты получишь хоть какое-то представление о том, что такое современная гипнотехника. Учиться, говорят, никогда не поздно.

Через минуту с небольшим он уже спал у меня, как новорожденный. А еще через одну — покорно отвечал на вопросы.

— На кого ты теперь работаешь?

— На разведку Армага.

— Назови имена тех, кто с тобой в контакте. Где они. Способы связи с ними. Ключи, пароли...

Я тщательно запоминал ответы. Записывать было некогда.

— Код для пользования вневремянкой изменился после того раза?

— Да. Теперь: семь-семь. Скобка. Икс-квадрат — альфа. Скобка. Один-девять-два-девять.

— То, что я скажу тебе сейчас, запомнишь. Все, что я рассказал тебе, — правда. Передай ее своим. Объясни, как это тебе удалось. Меня после этого ты убил. Тело — с грузом в океане. Так что никаких следов. Все остальное — забудешь накрепко и навсегда.

— Забыл.

— Теперь спи спокойно.

Я поймал себя на том, что испытываю какое-то неудобство, чуть ли не угрызения совести — потому, наверное, что не очень вежливо обошелся с человеком, с которым когда-то, как-никак, работал плечом к плечу. Хотя — какие уж угрызения, он ведь сам первым начал! Ну да, но я-то шел к нему с заранее обдуманным намерением обойтись с ним не совсем честно. Верно, верно. Но уж очень большая ставка на кону...

Я не стал перетаскивать его в спальню: сойдет и так. Рядом с ним оставил дистант. Все равно через вневремянку мне его было бы не протащить. Именно поэтому я недолюбливаю этот вид транспорта. Но сейчас выбирать было не из чего. Теллус был все еще достаточно далеко.

Я вышел из домика и неторопливо направился к сараю. Чего доброго, подумал я, кое-кто на Теллусе меня заждался — хотя, наверное, и представления не имеет о том, как сейчас повернулось дело. Ну жизнь пошла — перевести дух некогда. Ничего, вот сделаем работу — и закатимся с женой куда-нибудь для безмятежного существования хотя бы на полгодика.

На этот же Амор, допустим. Не исключено, что в отсутствие Орлана и еще более — Вериги мне там понравится.

Я набрал код пользования ВВ-транспортом. Установил точку назначения: мир Теллус. Столица. Но не центральный терминал, а наш муниципальный. Поближе к дому.

Интуиция подсказывала, что меня будут ждать именно там. Но прорисовывался и другой сигнал; он обещал, что и на этот раз я попаду не совсем туда — или совсем не туда, куда мне хотелось бы.

Оставалось только пожать плечами и включить старт. Что я и не замедлил сделать.

Второе предчувствие оказалось более точным.

Строго говоря, не случилось ничего неожиданного. Когда переброска произошла и я материализовался в кабине назначения и вышел из нее — я не увидел чего-либо, что не было бы знакомо мне и восемь лет тому назад, когда я уходил отсюда в последний раз, оставив на столе моего начальника заявление об отставке. Служба Теллурианской разведки — организация очень консервативная, и единственно новым, что появилось тут за ушедшие годы, были несколько фамилий на дверях; но их было меньшинство. Остальное оказалось до зевоты привычным; даже протертое до основы ковровое покрытие на полу коридора было, похоже, тем же самым, так что при желании на нем наверняка можно было найти и мои старые следы — если, конечно, усердно поработать аппаратурой.

Все уцелело. Поэтому я никак не мог заблудиться, направляясь давно нахоженным маршрутом в кабинет заместителя директора Службы по внешним угрозам. Но кто-то, похоже, усомнился в устойчивости моей памяти. И когда я, постояв с минуту на площадке, куда выходили двери ВВ-кабин, двинулся в нужную сторону — по обе стороны от меня и чуть сзади оказались два неизвестно откуда возникших молодых лейтенанта, одетых строго по форме, что вообще-то для Службы нехарактерно. Я, например, за много лет службы надевал мундир не более двадцати раз — только по самым большим праздникам. Лейтенанты шагали в том же ритме, что и я, ни один из них ни разу даже не покосился в мою сторону, как если бы меня здесь вообще не было; все те же старые порядки. Таким образом они проводили меня до самой приемной; я гадал — войдут ли и туда или нет; не вошли. Это должно было означать, что я еще не совсем лишен доверия в этой конторе. Я вошел в приемную и не успел даже остановиться перед столом секретаря, как он, привстав и всячески стараясь никак не выразить любопытства (он-то был из молодых и меня никогда в жизни не видел), указал мне рукой на двустворчатую дверь (мне она почему-то показалась уменьшившейся по сравнению с давним отпечатком ее в памяти) и прошелестел, едва шевельнув губами:

— Генерал-майор ждет вас...

Я сделал намек на движение головой и без стука распахнул правую створку.

Кроме Иваноса, в кабинете оказались еще двое, оба в штатском и примерно нашего с ним возраста; значит — не из этой Службы. Бегло скользнув моим полем по их сознанию, 353

я установил, что оба они были федералами, то есть — формально — принадлежали к старшей инстанции. Видимо, разговору со мной и там придавалось немалое значение. Или, может быть, Иванос пригласил их, не вполне рассчитывая на свой авторитет: все-таки совсем недавно он ходил у меня в денщиках — пусть и не в своем натуральном качестве; так или иначе — такое не забывается так скоро.

— Здравствуй, — сказал Иванос с одной из его самых дружеских интонаций (я все их помнил наперечет). — Представлять тебя особо не буду: коллеги в курсе. И у нас возникло к тебе несколько вопросов. Ах да, извини: садись...

Он указал на кресло, но к этому мгновению я успел уже поместить свою поясницу в другом, показавшемся мне более удобным.

— С удовольствием отвечу, — сказал я столь же бархатным тоном. — Если, конечно, ответы вообще существуют и известны мне.

Один из федералов — чуть потолще и поморщинистее второго — внушительно кашлянул, как бы давая понять, кто здесь будет заказывать музыку.

— Первый вопрос: на кого ты работаешь?

— А разве вам не известно? — удивился я почти совсем натурально. И внутренне усмехнулся, ожидая услышать в ответ что-нибудь глупое, вроде: «Мы-то знаем, конечно, просто хотим проверить, насколько ты намерен сотрудничать...» Но прозвучало другое:

— Пытались понять, но к твердому выводу не пришли. Так что — видишь — просим твоей помощи.

— Любопытно: какие у вас возникали предположения по этому поводу? — не удержался я. Иванос хмыкнул:

— Слушай, мы не в оперетте. И спрашиваешь тут не ты.

— Это право всегда за мной, — ответил я, — поскольку я уже восемь лет не принадлежу к Службе — а значит, стою вне субординации. Спросил же я не ради комедии, а потому, что мне и в самом деле очень интересно. Вы пасли — или пытались пасти меня по всей Федерации; значит, у вас возникло представление — или даже появилась информация, — что я занялся чем-то таким, а не просто совершаю круиз. Значит, вы должны были попытаться сами ответить на вопрос о моих хозяевах, прежде чем задать его мне. Но я не прошу вас сказать мне, кто вбросил вам такую информацию. Потому что почти уверен, что знаю: аналогичная Служба Армага.

Ни один из троих не кивнул и не сказал ни «да», ни «нет». Но они обменялись мгновенными взглядами, а мне большего и не нужно было.

— Армаг, — повторил я уверенно. — Именно их Служба сообщила вам, что я, работая как свободный художник, по чьему-то заданию, но, может быть, даже по своей собст-

венной инициативе похитил некое, принадлежащее Армагу имущество, а именно — семена уракары, с тем чтобы на этом очень крупно заработать. Когда они стали подбираться ко мне здесь, на Теллусе, я скоропостижно сбежал, направляясь вернее всего на Топси, чтобы подороже продать похищенное. Известно ведь, что цены там — самые высокие, зато и качество информации, купленной или проданной там, вне конкуренции. По дороге к Рынку я сделал несколько скидок, чтобы сбить их со следа. В конце концов, они меня окончательно потеряли. И обратились за помощью к вам. Вы не могли отказать, разумеется, — и потому, что я теллурианец, и по той причине, что между мирами существует соглашение на эту тему. Вот моя схема. Ну что — много промахов?

— Накрытие, — проворчал старший федерал. А Иванос молвил:

— А как мы могли отказаться? В общем-то это обычное взаимодействие — в порядке Отдельного поручения.

— Ну конечно. Поэтому вы скорее всего даже не попытались всерьез проанализировать эту их легенду.

— Знаешь ли, однако, если мы по каждому такому обращению станем проводить глубокую проверку, у нас ни на что другое и времени не останется...

— Но ведь тут белые нитки прямо в глаза лезут! — не выдержав, я даже чуть повысил голос — правда, всего на миг. — Ну вот, с самого начала: я похитил семена уракары. Где? Видимо, на Теллусе? Больше нигде я не мог бы: я уже три года как не покидал нашей планеты, и проверить это — раз плюнуть.

— Это нам известно.

— Значит, тут, у нас. Тогда скажите: как это самое имущество Армага могло оказаться на Теллусе? Мы что: попросили их вынести, показать?

Федерал поморщился:

— Ну вряд ли стоит обвинять нас в такой неграмотности. Конечно, мы об этом спросили.

— Слава богу. Что же вам ответили?

— Ответ был достаточно убедительным. Имущество — эти самые семена — было закуплено Армагом в другом мире, а доставить его на Армаг решили не напрямую — именно потому, что у них имелись подозрения, что в пути будут попытки перехвата, — но окольным путем, транзитом через Теллус. Сюда семена были доставлены в дипломатической почте, и отсюда должны были уйти тем же способом и ушли бы — если бы их здесь не украли. Они назвали тебя — а мы хорошо знаем, что тебе-то такая операция была бы по силам.

— Похитить из армагского посольства?

— Ну, знаешь, о твоих сенсорных способностях разговоры идут давно. Кстати, посольство было другое: Синеры. Они этот груз получили, и они же должны были отправить его дальше, на Армаг.

— Допустим; а заявление о краже было сделано?

— Мы его получили от синерианских представителей — одновременно с просьбой Армага подключиться к твоему розыску. Все это произошло где-то в течение двух дней. Для дипломатов — достаточно оперативно.

— Ну что же, — пришлось признать мне. — Как говорится, для экспромта — недурно. Скажите, а вы не интересовались, что это за семена такие, для чего они предназначались, в чем их важность — а она должна быть немалой, если уж кто-то собирался перехватить этот груз по дороге на Армаг.

— Мы спросили, конечно, хотя и без нажима.

— И вам, разумеется, с извинениями ответили, что это — государственная тайна Армага, которой они никак не могут с вами поделиться?

— На этот раз ты не угадал. Они пояснили, что близкое соседство деревьев, которые вырастают из этих семян, очень благотворно влияют на урожайность колосовых; и поскольку сельское хозяйство на Армаге в последние годы переживает некоторый упадок — таким способом они хотели решить одну из продовольственных проблем.

— Ага. А заинтересованными в провале этого проекта были, конечно, производители хлеба на больших аграрных мирах?

— Называлась конкретно Серпа. Поскольку добыча и экспорт потуита там приходит в упадок, правительство этого мира решило интенсивно развивать сельское хозяйство и само хотело осуществить этот же самый проект.

— Лихо, лихо, — признал я. — Правдоподобно — на первый взгляд. Особенно если учесть, что вся эта операция проходила у них под названием «Межгосударственный проект 00485».

Как я и ожидал, всех троих словно тряхнуло током:

— Эта?!

— Не может быть!

— Откуда ты узнал?

Достойным ответа я счел только последний вопрос.

— Прочитал своими глазами. На той самой кристелле, что подобрал после гибели одного знакомого.

— Альфреда, конечно, — произнес Иванос.

— Не исключено.

— Ты прочитал ее?

— Только собираюсь.

И пояснил:

— Достать ключ было не так-то легко.

Иванос усмехнулся:

— Нам получить его было куда легче. Только вот текста не было. И если бы ты сразу, как только завладел кристеллой, доставил ее к нам, обошлось бы без потери времени и без лишнего риска. Для тебя.

— Может быть, — ответил я неопределенно. — Хотя и не уверен. Пусть текст и зашифрован, но даже при этом там вряд ли вещи называются своими именами. Так что поймет лишь человек, с которым такая система иносказаний заранее условлена. Да и не нужна нам эта запись: все, что нужно, уже известно. Мне, во всяком случае.

— А вот мне в это не очень верится, — изрек старший федерал.

— Ладно, вскоре будет возможность убедиться в том, кто прав. А сейчас пойдем дальше: что вы предприняли, начав меня разыскивать по всему свету?

— Когда мы выяснили, что и ты побывал на Серпе, мы приняли их версию целиком: все концы сходились. И почти уже накрыли тебя там...

Я перехватил мгновенный взгляд Иваноса. И понял, что о нашей с ним встрече там и ее результатах сейчас упоминать не стоит.

— ...но ты в очередной раз исчез. Потом они сообщили, что засекли тебя уже на Рынке и попытались взять. Но ты отбился. С их стороны были даже потери. Это верно?

— Тут они соврали. На Рынке меня брали не они. Они пытались на Серпе. Но не вышло.

— Только в этом они соврали?

— Да и в остальном, — сказал я, стараясь, чтобы слова прозвучали не очень обидно, — они славно поводили вас за нос.

— Это пока лишь твое заявление, — сказал Иванос. — Но против тебя говорили — и говорят — и другие факты, существующие независимо от армагской версии.

Я повернулся к нему:

— Буду рад услышать.

— Ничего нет легче. Первый: когда я предложил тебе взять задание, ты отказался. А у меня была для тебя интересная работа. Раз ты отказался — это я прикинул уже после армагской просьбы, — значит, кто-то тебя уже нанял, и на хороших, очень хороших условиях: ты ведь даже не спросил, сколько я мог бы тебе заплатить — значит, тебе нарисовали число со многими нулями справа...

— Факт признаю, да и объяснение его — тоже. А еще?

— Вот тебе дальше. Наши люди, как ты помнишь, помогли тебе устроиться к Альфреду. Там я рассчитывал возобновить контакты с тобой, объяснить ситуацию. Но Альфред погиб, ты исчез, а мы получили просьбу Армага. Мы — потом уже, задним числом — проследили твою траекторию здесь, прежде чем ты покинул Теллус. И вышли, между прочим, на личность по прозвищу Антиквар. Полагаю, тебе он известен?

— Встречался. Надеюсь, вы не обошлись с ним слишком круто?

— Мы поработали с ним, и в конце концов он рассказал нам историю вашего знакомства.

— Захватывающая эпопея, — усмехнулся я.

— Кстати: мы изъяли у него кристеллу, ту, что ты оставил на сохранение.

— Ну, не совсем так. Что же вы с нею сделали?

— Мы работали с нею очень внимательно. Учитывая все предостережения и прочее. Но ведь и мы, в конце концов, не первый день замужем. Короче, мы ее прочитали.

Право же, они сработали почти так хорошо, как я от них ожидал. Воистину, Теллурианская служба заслуживала всяческих похвал.

— Вы сэкономили мне немало времени. Но если вы ее прочитали, то все дело должно быть для вас уже совершенно ясным?

— Ты уверен? — прищурился Иванос.

— Не вполне: в отличие от вас я ее не читал.

— Брось, брось. Когда мы ее расшифровали, то окончательно поверили, что армагские парни в отношении тебя правы: ты подсунул нам эту кристеллу просто, чтобы поиздеваться над Службой — ну и, конечно, заставить нас потерять время зря.

— Не понимаю.

— А если принимать ее содержание всерьез — то единственное, что мы смогли установить, прочитав ее, — это что Альфред, тебе хорошо известный, был по уши влюблен в какую-то дамочку по имени Маргарита, и этот текст — всего лишь его объяснение в любви, тонна соплей в сахаре, вот что там оказалось. А кроме того — законное завещание, которым он объявил Маргариту своей единственной наследницей. В общем, сюжет для душещипательного романа, не более. Так что никакого отношения к Проекту и уракаре этот текст не имел.

— Так, так, — пробормотал я, поспешно соображая. — Объяснение в любви? Завещание? Значит, он тогда ошибся... А с Маргаритой вы уже встречались? Установили ее?

— Может, объяснишь — зачем она нам? Альфред-то убит; кстати, при странных обстоятельствах. Мы не удивились, узнав, что и там не обошлось без твоего присутствия. Это хорошо ложилось в армагскую версию.

— Это делает честь вашей проницательности, — кивнул я. — Что же касается того — зачем вам эта дама, — расскажу, конечно. Но в разумной последовательности. Спасибо за то, что вы не поленились изложить мне вашу версию. Наверное, теперь пришла моя очередь излагать факты.

— Мы были бы очень благодарны, — усмехнулся толстый федерал.

— Я так и сделаю. Но полагаю, что пора объявить перерыв. Потому что я голоден. А главное — потому, что дома меня, как я чувствую, с нетерпением ждет жена, которую я не видел уже некоторое время.

— В этом я тебе сочувствую, — сказал Иванос. — Насколько нам известно, ты даже не смог попрощаться с нею, улетая с Теллуса: ее тогда ведь не было на планете?

— Святая истина, — вздохнул я. — Правда, с тех пор мы с ней встречались раза три-четыре — в разных мирах. Но вы же понимаете: такие мимолетные встречи — вовсе не то, что дома, когда спешить некуда и никто не дышит в затылок, а впереди не маячит еще какое-то приключение.

Федералы уперлись в меня глазами, а Иванос захохотал и сказал, ни к кому, в частности, из них не обращаясь:

— Говорил же я вам, что они всегда работают в паре — а вы только пожимали плечами!

— Я не верю в воскрешение мертвых, — пробормотал, не сдержавшись, тот федерал, что помоложе. — Нам же сообщали...

— Не всякому слову верь, — наставительно молвил Иванос, я же подумал лишь:

«Повидж. Ага: многое теперь становится понятным. В том числе и откуда у них взялся ключ. А также — как он попал к ним».

Старший федерал первым вернулся к делу:

— Я против перерывов. Слишком много неясностей в деле; да к тому же — я тебе не верю (эти слова были адресованы именно мне). И не могу допустить, чтобы тебе была предоставлена свобода действий. (К Иваносу:) Его необходимо арестовать и провести нормальное расследование.

Я ответил раньше, чем генерал собрался с мыслями:

— Против ареста не возражаю. И против нормального следствия — тоже. Но предлагаю некоторые изменения. Давайте сперва закроем дело о семенах уракары, а потом уже займемся моей персоной. Право же, уракара кажется мне важнее.

Три головы резко повернулись ко мне:

— Думаю, это долгая песня (это Иванос).

— Хочешь, чтобы мы повезли тебя на Серпу? Ни к чему: там уже есть наши люди (старший федерал).

— Хитришь, хитришь. Но мы тебя насквозь видим (его спутник)! И больше ты нас не проведешь.

На что я ответил:

— Предлагаю почтить память вашей тихо скончавшейся версии минутой молчания. Думаю, что за эту минуту смогу в конце концов растолковать вам, что к чему.

— Ты нахал! — только и смог заявить старший федерал. То было не просто заявление, но крик души.

— Дело в том, — я постарался объяснить им ситуацию как можно доходчивее, — что на Серпе семян нет. Там было некоторое количество их — и все они были запущены в дело, так что сейчас тамошним властям придется устранять последствия. Но это не те семена, за которыми идет охота: эти были заброшены туда раньше, и их никто никогда не похищал. А те семена, что объявлены в розыск, на Серпе никогда не находились.

— Где же они? — Эта фраза была спета хором.

— Достаточно долгое время они находились тут, на Теллусе.

— И ты знаешь, где?

— Теперь знаю. Только сейчас их там больше нет.

— Где же они?

— Нигде. Их просто больше не существует.

— Очередное вранье, — буркнул старший. — Думаю, пора вызвать конвой, и...

— Вызвать лучше всего не конвой, — поправил его я, — а саперную роту с шанцевым инструментом. Потребуются прежде всего большие лопаты и топоры. И я покажу им, что нужно делать.

— Боюсь, что ты не совсем в порядке, — не вытерпел даже Иванос.

— Я приустал, конечно. И рассчитываю на отдых. Но сперва хочу поставить в деле уракары точку. Большую и черную. Потому что у нас тут, как и на Серпе, а еще раньше — на Тернаре, семян нет, но существуют последствия. У нас они начнут проявляться, я думаю, через день-два. Вернее — начали бы проявляться. Но с вашей ценной помощью мы это предотвратим. Так что будьте добры — вызовите тех, кого я только что назвал. Пусть грузятся на агрики и летят... дай клочок бумаги, генерал...

Я несколькими штрихами изобразил маршрут, обозначил координаты.

— А мы, раз уж вы против перерыва, направимся туда сейчас же на самом скоростном средстве, какое только есть сейчас в твоем, генерал, распоряжении. Можете считать, что я арестован; но категорически возражаю против наручников. Моя гордость протестует.

Федералы, похоже, и на это хотели что-то возразить, но Иванос вовремя вмешался, сказав:

— Под мою ответственность.

Это на них подействовало, и старший ответил только:

— Наш агрик тут на крыше; ничего лучшего вы сейчас не найдете.

— Мне это будет даже приятно, — заверил я. — А пока войска будут собираться в дорогу — распорядитесь найти ту женщину, которой предназначалось послание Альфреда — то самое, что вашим криптографам удалось расшифровать. И пусть Маргариту привезут вместе с саперами.

— Зачем она тебе? — поинтересовался на всякий случай Иванос. — Думаешь, без нее нас туда не впустят? Или хочешь с ее участием помянуть покойного?

Он уже понял, куда мы полетим.

— Можно, конечно, и помянуть. Но главное в том, что у нее имеется то, что вам так не терпится расшифровать: кристелла с отчетом Альфреда о выполнении операции «Межгосударственный проект 00485».

— Как текст оказался у нее? — не удержался от вопроса старший федерал.

— Тайна сия велика есть, — ответил я достаточно туманно. — Но вы и это узнаете.

До поместья покойного Альфреда мы добрались без приключений.

Там было спокойно и безлюдно. Чувствовалось даже некоторое запустение: похоже было, что наследница Тела не спешила воспользоваться своими правами и вступить во владение загородной резиденцией. А может, у нее просто не было денег для уплаты налога на наследство. Так предположили мои спутники. Я знал, однако, что подлинная причина была совсем другой. Но растительности, за которой так усердно ухаживал Альфред при жизни, на смену собственников было, казалось, наплевать: пользуясь хорошей погодой, она развивалась вовсю и готова уже была к цветению. Как и множество хлыстов армагской чинкойи, заменивших на моих глазах безжалостно выкорчеванные и сожженные кусты секриды, занимавшие эти площади раньше — до нашего с хозяином последнего визита сюда.

Растения, которые на первый взгляд можно было бы принять за елочки — только с не совсем обычным, не зеленым и не голубым, но очень близким к фиолетовому цветом, в какой были окрашены их иголки, достигали в высоту уже сантиметров до сорока; я, правда, опасался, что они будут еще выше. Значит, до выброса в атмосферу субстрата «ураган» оставалось не два дня, как я предполагал, но чуть ли не неделя.

— Вот это и есть уракара хвойная, — сказал я спутникам, чтобы им было не так скучно ждать. — Сейчас пока еще — совершенно безвредные деревца. Они не взрываются и не обрызгивают людей ядовитым соком. Но самое позднее через неделю они начнут неуклонно уничтожать наше общество. Не людей, нет, а именно общество. Все мы станем ленивыми, туповатыми, не захотим больше работать, только предаваться простым радостям бытия: выпить, закусить, совокупиться, сплясать, слушать тот визг и вой, который мы будем принимать за музыку, — ну и так далее. Через год здесь появятся другие люди, из других миров. Они возьмут все в свои руки: политику, экономику, науку, управление. Тогда поступит приказ уничтожить эти посадки; и люди волей-неволей снова примутся за работу — но уже не на себя, а на тех, кто все это затеял и осуществил. Не стану называть их; захотите — поймете и без меня. Учтите только: и на Тернаре, и на Серпе проводились лишь маневры в обстановке, приближенной к боевой. А настоящая операция — здесь, и настоящая цель — Теллус, традиционный центр Федерации и извечный соперник Армага. Вот в чем заключается «Межгосударственный проект 00485».

Против моего ожидания, никто из троих не стал сомневаться и возражать. Видимо, какие-то подозрения у них и до того уже возникли, но до правильных выводов им было еще не близко.

— Что будут делать саперы? — только и спросил Иванос.

— Им придется выкорчевать все эти елочки. И сжечь.

— А эти... чинкойи?

— Тоже. Хотя сами по себе они безвредны. Но среди их корней могут остаться еще не взошедшие семена, и если чинкойи сохранить, семена еще смогут пойти в рост. Впрочем, эти места придется еще не раз проверять — через каждые две недели, скажем.

— А вот и войска, — сказал старший федерал, задрав голову. — Что мы станем делать с этой Маргаритой?

— Она — фактически ныне единственный владелец этой усадьбы. Уже только поэтому ее присутствие здесь желательно с точки зрения соблюдения закона.

— Вы полагаете, ее нельзя обвинить в соучастии? — спросил Старший.

Вот какой прогресс: мое мнение уже стало интересовать их!

— Насколько могу судить, единственное, что мы еще способны сделать, — это попросить, чтобы она передала нам кристеллу с текстом Альфреда. Дело в том, что при записи сам Альфред перепутал тексты посланий. Частное письмо записал на кристеллу с грифом «Проект». И поручил мне отправить его. Увы, я не оправдал его доверия: на ходу прочитал гриф и решил, что сохраню это послание для себя. Так что женщина тогда ничего не получила. Поэтому ко мне, а потом и к вам попало то, что было адресовано ей. Но когда я понял, что мне нужно бежать с Теллуса, то подумал, что таскать текст с собой будет слишком уж рискованно. И решил, что у этой женщины кристелла будет в наибольшей сохранности — потому что она в деле никак не фигурировала. И еще потому, что Маргарита не пойдет с нею никуда, поскольку для нее это будет знаком памяти о любимом человеке.

— Очень хорошо. Мы непременно расшифруем и ту запись.

— Ради бога. Правда, я уже сказал вам: сейчас она вряд ли сохраняет значение для нас: все обстоятельства ясны, нужные действия предприняты. Полагаю, опасность можно считать устраненной, а в деле — поставить ту самую точку, о которой я говорил.

— Может быть, вам все и ясно, — возразил старший федерал, — но о нас этого никак нельзя сказать. А ведь нам тоже придется отчитываться перед нашим руководством. Так что если вы не против — вам придется поделиться с нами всей информацией, какую вы сумели набрать во время ваших путешествий.

Иванос, не вмешиваясь в разговор, тем временем что-то чертил прутиком на мягкой земле, на которой мы стояли.

— Забавным получился твой маршрут, — сказал он. — Смотри: Теллус — Топси — Центр «Т» — он, по нашим

сведениям, находится примерно вот здесь, — Симона — Лиана, куда тебя вытащил Верига — Серпа — снова Топси и, наконец, снова Теллус. Полное замкнутое кольцо с Теллусом в центре.

— Действительно, — согласился я. — Кольцо уракары.

Но федералам, похоже, было не до космографии.

— Так как же насчет информации? — повторил старший.

— Я не возражаю, — сказал я. — Но есть некоторые тонкости, в которых прежде хотелось бы разобраться.

Он глянул на меня исподлобья, ожидая подвоха:

— Что за тонкости?

Я охотно объяснил:

— Видите ли, в этой операции я работал в первую очередь на самого себя. Проще говоря — ради заработка. Но вышло так, что я не только ничего не заработал, но вынужден был вложить немалую толику своих средств; не говоря уже о том, что в ходе действий сильно пострадало мое жилище — а ремонт сейчас стоит очень недешево...

— Короче: вы хотите, чтобы вам заплатили?

— Мне это кажется совершенно естественным.

— Генерал! — повернулся он к Иваносу. — Это же ваш оперативник; вправе ли он требовать...

— Он уже восемь лет не мой, — сказал Иванос. — Частное лицо.

— Но вы же предлагали ему принять участие...

— Он отказался. Но если бы дал согласие — мы бы заплатили ему. И неплохо.

— Вот как? Позвольте спросить — сколько же именно?

— Ну, учитывая все обстоятельства — не менее пятисот тысяч.

— Рулей, я надеюсь?

— Мы — как и ваша контора — ведем расчеты только в галларах. Хотя не исключаем, что в будущем...

— Пятьсот тысяч галларов!

— Полагаете, Теллус стоит дешевле? И возможность вести на нем нормальную жизнь? Впрочем, вы и сами располагаетесь в этом мире, так что он уберег от больших неприятностей и вас тоже. Я на вашем месте не стал бы торговаться.

Старший федерал вздохнул, глубоко и искренне.

— Хорошо. Думаю, мне удастся уговорить мое начальство.

— Я вам помогу, — заверил его Иванос.

— Считайте, что ваши условия приняты, — повернулся федерал ко мне. — Теперь рассказывайте.

— Утром деньги — вечером стулья, — ответил я.

— Какие стулья? При чем тут стулья? Это что — ваш жаргон?

В Федеральной разведке мало интересовались теллурианской классикой.

Прежде чем ответить, я огляделся. Саперы успели уже не только приземлиться, но получили указания и выстроились вдоль посадок чинкойи-уракары. Еще команда — и сверкнули лопаты.

— Похоже, здесь все в порядке, — сказал я. — Давайте вернемся в контору; оттуда вы свяжетесь с вашим офисом. И как только получите их официальное согласие — сделаем перевод денег на мой счет, и я расскажу вам всю историю.

Он немножко помялся, но ему ничего не оставалось, как согласиться. Он понимал, что для того, чтобы их участие в операции выглядело достаточно убедительно, ему надо обладать информацией. Деньги же в конце концов шли не из его кармана...

— Что же, полетим, — наконец снизошел он.

Они двинулись к агрику. Я удержал Иваноса, чтобы сказать ему на ухо:

— Полагаю, что и у тебя не останется причин держать под арестом ту сумму, что получил я от синериан?

— Ну знаешь!.. — только и ответил он.

— Забывчивость стоит дорого, — объяснил я ему. — И если ты хочешь, чтобы какой-то эпизод испарился из моей памяти, то...

— Ладно уж, — вздохнул он. — Получишь свои сребреники.

— Ладно, тогда иди, садись, — сказал я.

— А ты что же?

— Хочу перекинуться парой слов с Маргаритой. Сказать ей, что она может получить у вас текст завещания, чтобы законно все оформить, а взамен ей придется отдать ту кристеллу, что я ей послал перед тем, как улететь с Теллуса.

Иванос только развел руками.

Женщина стояла поодаль от усердно работавших солдат и смотрела на них, как мне показалось, с грустью. Я подошел к ней. Она перевела на меня спокойный взгляд. Я поклонился.

— Я однажды послал вам кристеллу с просьбой сохранить ее, — сказал я. — Теперь пришло время вернуть ее мне.

Она не удивилась; только отрицательно качнула головой:

— Это невозможно.

— Я понимаю, — сказал я терпеливо, — это память о вашем... об Альфреде. Но поверьте мне: взамен вы получите другую, адресованную именно вам. Она вам куда нужнее. Кроме того, там содержится и его завещание — целиком в вашу пользу.

— Я знаю, — ответила она спокойно. — Он говорил мне об этом. Последнее время у него были плохие предчувствия. С удовольствием возьму от вас это письмо — если оно таково, как вы говорите. Но отдать вам ту кристеллу никак не смогу.

— Но почему же?

— Потому что ее не существует. Я ее уничтожила.

— Когда? Почему?

— Как только получила. Почему? Потому, что я всегда была против его авантюр. А та запись, судя по предосторожностям, относилась именно к ним. К тому, что убило его. Такая память мне не была нужна — даже если бы ничего другого после него не осталось.

— Это действительно так?

— Клянусь его памятью.

После этого я мог сказать только:

— Хотите, чтобы мы отвезли вас в город?

— Не надо. Я еще побуду здесь. И мне известно, как выбраться отсюда в любое время суток.

Я поклонился и отошел, думая о том, что предсказать поступки женщины подчас не под силу даже и неплохому сенсу.

Мы вернулись в Службу. Иванос, поколебавшись немного, открыл хорошо замаскированный бар, вытащил пару бутылок, какие не каждый день приходится видеть. Федералы восприняли это как должное. Выпили по рюмке — за удачу. Потом все воззрились на меня, ожидая обещанного изложения событий.

Впрочем, начал я не с рассказа, а с вопроса.

— Есть одна неясность. — Я повернулся к Иваносу. — На какую работу ты хотел тогда меня подрядить?

Он усмехнулся:

— Думаю, ты и сам уже давно догадался. На эту же самую: искать семена уракары.

— Почему у тебя возникли такие подозрения?

— Да видишь ли... Диппочта, конечно, дело секретное, но ведь абсолютных тайн не бывает. Скажем, так: выяснили оперативным путем, что прибыл в некое посольство такой вот нетрадиционный груз. Обратили на него внимание потому, что затревожилась собачка — из тех, что натасканы на наркоту. Пришлось ознакомиться с содержимым, но никакого криминала там не нашли — только семечки какие-то. Адресован он был посольству Синеры, а отвезли его, как мы установили, совсем в другое: в армагское. Сначала мы особого значения этому не придали: мало ли что хотят люди посадить у себя в садике — такое, чтобы напоминало родину. А что касается получения, то известно было, что Армаг и раньше использовал такой способ: адресовалось другим, а получал для них Армаг по договоренности с этими посольствами: у Армага посольство большое, народу много, включая свою службу доставки, а у мелких мирков и штаты куцые. Так что мы переживать не стали: посадят они эти семечки — и дело с концом. Но никаких новых посадок так и не сделали ни в том посольстве, ни в другом; тогда мы стали думать. И уж не помню, кому пришло в голову соотнести этот факт с тернарской историей. После этого пришлось заинтересоваться всерьез. Потом выяснилось, что из посольства груз исчез, этот момент мы, откровенно говоря, прозевали, но на вывозе ничего подобного

замечено не было; следовательно, семена остались на Теллусе. Для спокойствия нам надо было их найти, чтобы в дальнейшем уже не терять контроля. Вот мне и пришло в голову, что это дело как будто специально для тебя: я вспомнил, как ты в пятьдесят восьмом году ухитрился разыскать дневники Зарицкого, которые считались безвозвратно пропавшими. Но ты отказался — сказал, что тебя уже наняли. Мы решили, что есть смысл побеседовать с тобой серьезно на тему — кто нанял и для чего и не можешь ли ты отказаться. И тут ты исчез: наши ребята тебя навестили, но нашли только — ну ты сам помнишь, в каком состоянии осталось тогда твое жилье. Мы тебя потеряли и нашли только, когда ты тихо попросил помочь тебе устроиться в свите Альфреда. Тогда я начал кое-что соображать, и решено было тебя там временно не беспокоить, а просто внимательно присматривать...

— То есть Альфред уже был в поле вашего зрения?

— Он был с самого начала — не один, конечно, а все люди, имевшие отношение к практической ботанике; ну а он был одним из главных в этом деле. Тем более что время от времени у него были совершенно официальные контакты с людьми из армагского посольства, его туда приглашали на всякие официальные мероприятия, и он приезжал; а в таких условиях загрузить в его машину что угодно было бы, как говорится, делом техники. Но тут вдруг выяснилось, что семена исчезли, украдены. Посольство Синеры обратилось к нашим властям с формальной просьбой оказать содействие в расследовании похищения; пришлось заняться кражей — и это отвлекло наше внимание совсем в другую сторону. Мы потеряли время, в результате Альфреда кто-то убрал, мы так и не поняли — кто, а когда спохватились — ты успел исчезнуть. Не без следа, конечно; мы прицепили тебе «хвост» — но я с самого начала не верил, что он продержится долго: настолько-то я тебя знал. Кстати, возникла и версия, по которой ты потому и сбежал после гибели Альфреда, что мог быть в этом деле замешан и твое задание было — изъять у него семена и увезти их куда-то; куда именно — вот это мы и хотели выяснить. Мы то находили тебя на минутку, то снова теряли, в конце концов я не выдержал и решил заняться тобою сам; некоторое время мне везло, когда мы убрали твоего унтера и я занял его место; но чем дальше, тем лучше я понимал, что ты не увозил семян, а наоборот — искал их.

— Но вам-то зачем было их искать? Если уж они увезены с Теллуса...

— Получи мы доказательства того, что они не на Теллусе, — и в тот же миг перестали бы заниматься этим делом. Мы надеялись, что ты их найдешь — и тем самым снимешь с нас эту заботу. Вот, собственно, и все, что я могу рассказать о нашем участии в поисках семян уракары. Вообще-то чем дальше, тем больше мы успокаивались: верили, что в нашем мире их не ос-

талось, значит, и угрозы не существует. Выходит, мы ошиблись тогда?

Мне пришлось огорчить его, подтвердив:

— Так получается. И все потому, что вы придавали слишком большое значение моей персоне; противник на это и ставил — и расчет его оправдался.

— Изложи популярнее, — потребовал Иванос.

— Как я сейчас понимаю, их схема была такой: они заметили — или почувствовали хотя бы, — что ваша Служба забеспокоилась по этому поводу, что в их посольстве произошла утечка, и вы стали искать семена. А тут еще в дело вмешалась третья сторона: Синера. До них ведь семена так и не дошли...

— А должны были?

— Безусловно. Тут ведь какая история: семена были закуплены на Синере Армагом, и — по контракту — должны были быть доставлены на Армаг продавцом. Армаг настойчиво посоветовал, чтобы груз шел окольным путем — через Теллус, потому что при прямой перевозке Синера — Армаг возникала якобы угроза перехвата. Армаг получил эту почту для синерианского посольства и должен был туда и передать, — но машину по дороге якобы перехватили, курьера оглушили и груз похитили. Синера забеспокоилась не на шутку: до тех пор они получили только аванс, окончательная оплата — очень немалые деньги — должна была произойти уже на Армаге, при доставке, теперь же не было ни семян, ни денег — а ведь груз этот собирали несколько лет, семена эти вызревают редко и не помногу. Синера обратилась к нашим властям, но и само их посольство приняло меры: наняли где-то частную опергруппу Вериги, а он уже подрядил меня — для их розыска. Но Синера, искренне веря и в похищение, и в добропорядочность Армага, постоянно держала их в курсе своих начинаний. Узнав о том, что к работе привлекли меня — а с их Службами мы были давно знакомы, — они решили меня обезвредить и поставили в условия, в которых я должен был бежать с Теллуса — и увести за собою и ваш интерес. Так оно, в общем, и получилось.

— Хочешь сказать, что они и за Альфредом охотились и ликвидировали его, только чтобы замарать тебя?

— Нет, конечно. Не только. Альфред все равно был приговорен: он был у них исполнителем, а в следующую же минуту после того, как семена попали в землю, стал опасным свидетелем. Если бы их действие начиналось, скажем, на следующий день — он мог бы и остаться в живых. Но срок в два месяца — пока елочки подрастут и начнут работать — все решил: за это время он мог и передумать, и явиться с повинной, и вы сделали бы то, что делаете сегодня: уничтожили бы посадки и сорвали бы всю их операцию, а она ведь — стратегического значения. Так что тут они одним ударом убивали двух зайцев: устраняли свидетеля — и направляли вас по ложному следу. И не только

вас, но и Веригу, то есть Синеру. Верига ведь был тем, кто навел меня на Альфреда: у них уже были данные о том, что он участвует в истории с семенами, хотя они, естественно, не знали, что он исполнитель, а не передаточная инстанция. Активность Вериги с группой встревожила Армаг; было решено его уничтожить. Свободный разведчик в команде Вериги, близкая ему женщина, скрытно работала и на Армаг. Узнав о предстоящей атаке на Веригу, она попыталась предупредить его, застав у меня; кстати, о его намерении нанять меня Армаг узнал именно от нее. Она не успела, но и атака на Веригу удалась лишь частично: он спасся. Она же об этом не знала — да, похоже, и Армаг считал, что Верига погиб вместе с его людьми. Женщине не оставалось ничего другого, как продолжать работать в армагской упряжке. Но ее успели уже заподозрить в том, что она — двойник; ей поручили принять участие в ликвидации Альфреда. Маршрут его был известен, наметили, где его атакуют и собьют, а на случай, если он при этом выживет, операцию решили подстраховать и на земле.

— Что — они не были уверены в своем оружии?

— Задача воздушной атаки была лишь — посадить его, а окончательно разделаться с ним должна была именно машина с женщиной и ее спутниками. Будь они у себя дома — сожгли бы его еще в воздухе вместе с агриком, но тут они не могли так явно засветиться. Поэтому нас всего лишь подбили — так что вынужденную посадку легко можно было бы объяснить сбоем в работе антиграва, а что его кто-то подстрелил на поверхности — об этом никто уже не мог бы рассказать, доказательств их участия не было, в самом худшем случае они свалили бы все на Синеру — технично вложили бы вам такую идею...

— Это они и сделали, кстати, — вставил Иванос.

— Я так и думал. Поэтому в сериале той женщины не оказалось серии для меня: меня им было выгоднее сохранить — пустить вас по моему следу.

— Выглядит достаточно логично.

— Но тут есть и смешной элемент, — продолжал я. — Альфреда-то они уничтожили. Но сразу же после этого стали сомневаться: впрямь ли он выполнил всю работу? Не решил ли под конец нагреть руки и не перепродал ли доверенные ему семена кому-то еще с какого-то третьего мира? Армаг есть Армаг, в любом деле они привыкли искать прежде всего денежный интерес. Возможно также, что им что-то стало известно о его давних связях с Рынком, и они решили, что семена уйдут именно туда. Я уже потом понял, что этого произойти не могло: Рынку нужны были не семена, а точная информация о месте и времени их использования — это они и собирались выставить на продажу. Однако Альфред не успел сообщить им это. Так или иначе, ответ на свои сомнения Армаг мог только получить из письменного сообщения Альфреда с указанием места посева и всего проче-

го: той самой кристеллы, что была в его кейсе, потом оказалась у меня, а в конце концов — у женщины, которая сейчас привезет ее сюда. На месте происшествия они ее не нашли и поняли, что я унес ее с собой. К тому времени частная кристелла оказалась уже у Антиквара; им не пришлось долго искать ее: он сам поставил их в известность. Они прочитали текст без труда: шифры Альфреда были им известны — он от них и получил часть своих кодов, другие были даны ему Рынком. Завещание же вообще не шифровалось. И они прочли там — вы сами знаете, что. Тогда у них выстроилась цепочка: Альфред заручился моей помощью в деле продажи семян, а когда он погиб — я продолжил дело на свой страх и риск, чтобы забрать весь навар.

— Кстати: почему, ты думаешь, Альфред пошел на это дело? Деньги, компра, еще что-то?

— Полагаю, деньги были не главным. Для него, видимо, это был прежде всего научный эксперимент: выяснить, действительно ли влияние субстрата уракары хвойной таково, как о нем рассказывали; скорее всего он рассчитывал в случае подтверждения этих данных заняться изучением структуры «урагана», механизма его воздействия на психику, а затем и — не исключено — поисками противоядия. Ему наверняка ни слова не сказали о том, что такой препарат уже создан и применяется. Его интерес был, я почти уверен, чисто научным.

— То есть ты считаешь, что он мог ради эксперимента рисковать целым миром?

— Что удивительного? Вспомни историю: когда собирались испытывать первые термоядерные заряды, высказывались предположения, что результатом может стать неуправляемая цепная реакция глобального масштаба: конец света, иными словами. Что же — это остановило кого-нибудь? Да нет, конечно. Научная одержимость — вещь более действенная, чем деньги или страх. Это уже своего рода фанатизм, а против него логика бессильна.

— В таком случае, зачем было его убивать?

— Потому что существовали эти два месяца. Время, когда ничего больше не нужно делать — только ждать. Самая опасная пора, потому что именно в таких обстоятельствах человек начинает размышлять, анализировать, оценивать и переоценивать. И в любой день этих двух месяцев он мог до конца понять, на что обрекал свой мир, — и прекратить эксперимент; я уже говорил — как. Даже необязательно было являться с повинной: просто уничтожить посадки — и дело с концом. И его даже нельзя было привлечь к ответственности за попытку глобальной диверсии: добровольный отказ от реализации преступного замысла, как известно, снимает вопрос о судебной ответственности.

— А не может ли быть, что он, считая армагское мировоззрение и политику более выигрышными для Федерации, чем политика Теллуса, пошел на это дело совершенно сознательно?

— Возможно, такие мысли у него могли существовать; но вряд ли они являлись убеждением: в таком случае и в самом деле не было бы причин для уничтожения Альфреда. Хотя могло, конечно, быть и так: он рассчитывал — или даже требовал — за свое участие в покорении Теллуса такого вознаграждения, какое нанимателям показалось слишком уж чрезмерным. Например, мог потребовать для себя президентское кресло на Теллусе, в то время как у Армага на этот счет наверняка были другие представления и кандидаты. Да, совершенно исключать и такую вероятность нельзя. Но я все же думаю: главным была боязнь, что он не выдержит двух месяцев угрызений совести — и провалит операцию.

— Ладно, — сказал Иванос. — Это уже представляет интерес в основном для историков. Вернемся к твоим похождениям.

— Ну, в них основным было одно: отсутствие у меня какой бы то ни было информации относительно уракары и возможностей ее использования. Мне сказали: ищите семена, остальное — не ваше дело. Так что осмысливать задачу приходилось уже по ходу поисков. Нанявшие меня, собственно, этого и не хотели: для них важным было — удалить меня с Теллуса и пустить вас по моему следу, чтобы вы перестали шарить в своем мире. Когда это удалось, они решили было, что я свое дело сделал и от меня тоже нужно отделаться — но так, чтобы моя судьба осталась неясной и вы занялись бы моими поисками, желая одновременно найти семена — и закрыть дело. Но тут возникла у них версия, о которой я уже говорил: что я не только по их легенде, но и в самом деле знаю, где эти семена находятся, и за мной надо следить всерьез, а не только для отвода глаз. Они поставили такую задачу перед своими представительствами во всех мирах Федерации. С другой стороны, меня не менее настойчиво искал и уцелевший Верига. У него была и своя причина разделаться со мной: он считал, что это я убил ту женщину, и этого простить мне не мог. Правда, позже мне удалось при встрече поколебать его уверенность в моей вине — он решил проверить мою версию и не стал убивать меня сразу же; потому я и сейчас жив. Таким образом, семена теперь искало множество народу: люди Синеры, Армага, люди Рынка, ну и я сам, конечно...

— При чем же тут Рынок?

— Разве не ясно? С подачи того Антиквара я с самого начала был ориентирован на проникновение на Рынок, где можно было рассчитывать на максимум информации. Подозреваю, что Антиквар сделал это по совету его армагских друзей: Рынок, по сути — закрытая территория и там было не так уж трудно контролировать меня или уничтожить, как только потребуется. Кроме того, они дали Рынку информацию о семенах, пообещав хороший куш за точную информацию о них. Так что у Зендена и прочих возник свой интерес, и какую-то часть информации они уже

успели собрать — ею я и воспользовался. Верига же постоянно держал меня на прицеле и быстро обнаружил меня на Топси. Я теперь думаю, что тот унтер был его человеком, хотя долгое время считал, что он — отсюда, из нашей Службы. Если бы я решился проникнуть на Рынок сразу же, как попал на Топси, меня уничтожили бы — или, во всяком случае, попытались сразу же; я ведь был помечен маячком уже при первом визите Вериги ко мне, им удалось сделать это так, что я не почувствовал вторжения в мой организм, да и позже ничто во мне не свидетельствовало о постороннем вмешательстве. Позже, когда я узнал о маячке, то понял, что Верига с его командой в принципе принадлежал к людям «Т»: такие маячки пока имеются только у них и только для нужд их собственных людей. И не случайно: на власть «Т» работают, хотя и неофициально, лучшие технологи Федерации. Благодаря этой штуке Верига мог держать меня в поле зрения постоянно или почти постоянно. Я появился у Абердоха — и туда немедленно налетел якобы патруль; на деле то был Верига со своей командой. Мне удалось тогда ускользнуть на материк, а оттуда — к деятелям «Т». Если бы Верига в тот раз выполнял их поручение, то для меня этот шаг оказался бы последним в жизни; однако то было его частное предприятие, и власть «Т» оказалась не в курсе, так что этот бросок мне сошел с рук. Там Верига потерял меня из виду: защитная технология «Т» не уступает армагской, а в чем-то ее и превосходит. Верига снова засек меня на Симоне, где вновь приставил ко мне унтера. Вериге удалось перехватить меня — но он, как я уже говорил, чуть промедлил, и мне посчастливилось в очередной раз уйти от него. Однако, прибыв на Серпу, я попал из огня в полымя: оказался в прицеле людей Армага и практически в их полном распоряжении. Думаю, что я не должен был проснуться уже в их посольстве; они не учли некоторых моих способностей и возможностей организма. Однако если бы не помог генерал (я вежливо поклонился Иваносу), то не знаю, каким путем я смог бы выбраться оттуда. Так или иначе, мне удалось все-таки оказаться на Рынке.

— Не понимаю, — прервал меня старший федерал. — Зачем вам все это было нужно, если вы знали, что семена по-прежнему находятся на Теллусе?

— А я знал? Если бы!.. Меня ведь предупредили, что кража семян грозит катастрофой одному из миров; и я искал этот мир. То, что я своего рода подсадная утка, стало мне ясно только после того, как я собрал воедино всю информацию и понял, где они, вероятнее всего, могут находиться и какому миру грозит опасность: моему.

— Вернемся к Рынку.

— Там было интересно: возникло впечатление, что Рынок серьезно заинтересован в уракаре и хочет на ней хорошо заработать теми способами, о которых они мне говорили. Похоже, что эта деза была вброшена туда — возможно, через того же Зендена, но скорее по каким-то обычным каналам: им про-

сто продали якобы ценную информацию. Цель — еще более убедить вас в том, что семена действительно находятся где угодно в Галактике, только не на Теллусе. Они ведь прекрасно понимали, что у вас не может не быть там своего человека, постоянно держащего вас в курсе новостей.

— Полагаю, ты его вычислил?

— Уже в самом конце; вначале мне казалось, что Повидж — только деятель Рынка. Я понял, что он — ваш, когда он позволил мне воспользоваться его ВВ-транспортом, чтобы вернуться на Теллус.

— Что-нибудь еще интересного?

— Ну разве что с этими кристеллами. Я ведь не только оборонялся, но и делал дезинформационные вылазки. Все три группы охотников за уракарой интересовались, как вы знаете, кристеллой с последней записью Альфреда, рассчитывая узнать из нее место, где семена находились сейчас. Каждая из сторон очень хотела получить у меня эту кристеллу. И я не обманул ожиданий: каждый охотник получил свой трофей. И Верига, то есть Синера; и Армаг через своего посла на Серпе вместе с тамошним президентом; и, наконец, сам Рынок.

— Интересно, — проворчал старший федерал, — как это тебе удалось размножить текст, если он был закрыт от всякой попытки взлома? Где ты нашел такого специалиста? Мы сразу же пригласили бы его на работу. Поделишься?

— Нет, — разочаровал я его. — Просто потому, что его не существует. И никакой текст на самом деле не был размножен.

— Что же ты отдавал всем заинтересованным?

— Я бы назвал это куклой. У меня было четыре кристеллы, на каждой из которых были записаны цифры, полученные от генератора случайных чисел; я просто сгруппировал их, так что выглядело это как шифрограмма, и снабдил кристеллы защитным механизмом — но таким, чтобы вскрыть его все-таки можно было: для более сложного у меня не было ни времени, ни аппаратуры.

— Что же они ухитрились там прочитать, если никакого осмысленного текста там не содержалось?

— Ну, вы просто недооцениваете современную криптотехнику, — возразил я. — Если есть уверенность, что перед вами зашифрованный текст, то ваши машины раньше или позже, но докопаются до него, а проще говоря — сочинят. Это старое искусство; уже сотни лет тому назад литературоведы и критики, например, ухитрялись выискивать в произведениях очень многое, что авторам и не снилось даже в самых крутых кошмарах. Чем же нынешние компьютеры хуже, если с ними работают люди, ничем не отличающиеся от критиков? Вот они и прочли — и в каждом случае содержание оказалось другим; но они, как вы понимаете, не сравнивали результатов: каждый был уверен, что именно он обладает абсолютной истиной.

— Это к вечному вопросу: что же такое — истина, — глубокомысленно молвил старший федерал.

— Давным-давно один мудрец сказал: истина — это то, что работает, — ответил я. — И потому сейчас для меня — да и для вас тоже — истина заключается в том, что я оставлю вас здесь погруженными в размышления и поеду наконец домой, потому что и так уже я по вашей милости задержался чуть ли не на день и рискую встретить не самый ласковый прием.

— Я скажу, чтобы тебя отвезли, — сказал Иванос.

— Сэкономлю деньги, — согласился я. — Жена будет довольна.

Лючана, кажется, и не заметила, что я опоздал: она, одетая в самое ничего, пыталась навести в нашем жилище порядок, но без видимого успеха. Там работы было, я полагаю, не меньше чем на неделю. Зато Вратарь приветствовал меня, как мне показалось, с оттенком радости в голосе — хотя это была, разумеется, чистой воды иллюзия. Только услышав его голос, жена выглянула в предбанник. В руке она держала мокрую тряпку, так что сердце у меня екнуло; но оказалось, что тряпка не была орудием наказания: она тут же полетела в угол.

— Не приближайся! — заявила женщина строго: — Я вся в грязи и пыли. Чем это они тебя травили?

Я даже обиделся.

— Это был прекрасный арманьяк, подлинный...

— А, так ты еще и выпил? Я тут разрываюсь на части...

— Послушай, Мартина! — сказал я урезонивающе. — То есть я хотел сказать — Ариана. Клара? Да нет, Сабина! Я думал, ты обрадуешься — услышав, что мне в конце концов заплатили за работу и я смогу отдать тебе должок: те сто штук, что ты ссудила мне на базаре...

— Сто? — возмутилась она. — А проценты? И кроме того — как насчет особой платы за то, что я тащила твою сумку с самой Топси?

— Проценты получишь натурой.

Она оглядела меня с ног до головы, как будто видела впервые в жизни.

— Ты полагаешь, что еще способен на это?

— Испытай.

— Непременно. Давай в ванну — быстро!

— Ненавижу одиночество. В той лодке мы были вдвоем...

— Ну и память у тебя! — сказала она. — Ладно уж. Надо ведь как-то отметить твое появление — живым и здоровым...

Мы отмечали нашу встречу достаточно долго. Все-таки дома — это вовсе не то, что в ресторанном погребе, рыбацкой каморке и даже на постели в поселке, официально вовсе не

существующем. И только потом начали разговаривать. Хотя это и разговором назвать было нельзя.

— Трудно было мотаться за мной по Галактике? И как ты ухитрялась поспевать вовремя?

— Я как раз успела закончить работу, когда ты мне сказал, во что ввязался. Ну, когда в последний раз вышел на связь отсюда.

— Да помню я. И что же?

— Я скостила им половину договорной платы и вместо нее потребовала экстра-карту на ВВ. То есть транспорт и связь по любому каналу. Иначе мне и впрямь было бы не поспеть за тобой. Жалко было денег, конечно. Но...

— Не грусти. Мне в конце концов заплатили. И неплохо.

— Это хорошо... — сказала она уже совсем сонно. — И почему это денег всегда не хватает? Куда они деваются?

— Я попытаюсь увидеть ответ во сне, — сказал я и стал подниматься с поля битвы.

— Ты куда?

— Спи. А мне сейчас не помешает хорошая медитация. Думаю, я снова имею право говорить — с теми, кто откликается.

— Ага, — согласилась она уже сквозь сон. — Имеешь, наверное.

И вот я снова...

Поднимаюсь по крутому склону, не щадя локтей и коленок. Во плоти никогда бы не отважился на такое. Первый слой облаков остался далеко внизу, сейчас предстоит пробиться через второй сквозь густой туман, в котором не различаешь даже собственных пальцев, судорожно вцепляющихся в малейшие неровности стены, теперь уже почти вертикальной. Но миную второй слой неожиданно быстро. Вот и вершина. Пятачок, на котором устоять можно, но растянуться, чтобы отдохнуть, никак не удастся; но сюда поднимаются не для отдыха. Над головой — густая, темная синева и пристальные, немерцающие звезды. Как и тогда — нет ветра, штилевой воздух кажется непроницаемым, как сама скала. Но это меня радует: благоприятный признак. Намек на то, что я, возможно, добирался сюда и не зря. Потому что перед тем, как начать этот подъем, я ведь постарался вернуться к себе — тому, каким был перед началом путешествия по кольцу уракары; к себе — не убегающему, не убивающему, не обманывающему, не стремящемуся побольше заработать...

Теперь — последний этап: полет.

Облака, пик, сама планета — все остается далеко. Уношусь ввысь. Хотя теперь это уже не высь; неопределенное направление.

— А, ты вернулся наконец?

— Прости, — смиренно отвечаю я. — Мне снова стало необходимо если не увидеть тебя, то хотя бы услышать. И сказать: я выполнил то, что ты поручал мне.

— Это ты прости меня. Потому что этим я нанес тебе немалый урон. За это время ты не продвинулся ни на шаг. Но, поверь, просто не было другого выхода. Иначе откатился бы назад и весь твой мир.

— Я понимаю. И я не в...

Но он, как это иногда с ним бывает, меня не слушал:

— Что ждало бы вас? Снова, как это уже бывало, — потеря ценностей истинных и погоня за мишурой. Забвение духа. Внешний лоск — и внутренняя дикость. Бегом за Армагом. Но их уже ни один, даже самый продвинутый, спасти не возьмется, Теллус же уже встал, казалось, на верный путь — и снова такая угроза... Я виноват перед тобой, но перед миром — прав. И ты тоже прав. Чего ты хочешь просить у меня?

— Ничего. Просто — услышать... то, что ты сказал.

— Тогда помолчи.

А я и сам не решился бы сказать еще что-нибудь.

— Говорят о вечности, — слышу через какое-то время (тут его течение не ощущается). — И о конце света. Он будет, будет. Очередной. Но и после него возникнет цивилизация; и сейчас, может быть, решается — кто положит ей начало. Однако до этого, может быть, еще очень долго. По счету жизни.

Я не решаюсь спросить. Но после паузы он говорит и сам:

— Это не первое творение. Но еще неясно — будет ли последнее. Возможности множатся, я вижу все больше...

Снова пауза. И наконец:

— Не забываю об отмеченных. Но двигайтесь, двигайтесь. Смысл этого творения — в развитии. А я увижу. Мы — те, кто тут, — все увидим. Что еще? Хорошо, что ты не очень переходил границы...

Так и не закончив, совсем как в предыдущий раз, он ушел — я сразу почувствовал, что он оказался вне моего восприятия.

Пора возвращаться. Наверное, на этом все. Пока.

ПОСТОЯННАЯ КРАТА

1. Разитель, для своих — просто Ра

И вдруг я скис. Мне оставалось дописать две, ну от силы три страницы, чтобы закончить отчет. И тут я почувствовал, что больше не в состоянии выжать из себя ни слова, связать самую простую мысль, сделать элементарнейший вывод. Все. Конец. Вместо головы на моих плечах оказался воздушный шарик, к тому же надутый не гелием и даже не воздухом, каким все привыкли дышать, но какой-то дрянной газовой смесью, дурно пахнущей к тому же. Как на свалке.

Я еще посидел за столом, опустив голову на грудь и уронив руки. Кажется, ожидал, что пройдет минута-другая — и все опять придет в норму. Не приходило. Мозг завис, как это бывает с компьютерами. Но перезагрузить его было куда труднее. Потому что и мой мик, микробиокомпьютер, занимающий в голове очень мало места и приносящий очень большую пользу, отказал вместе со всей прочей начинкой черепной полости. Похоже было, что с коры больших полушарий разом исчезли все извилины и поверхностью они стали похожи на подготовленный к игре футбольный мяч. К счастью (или наоборот), поблизости не оставалось никого, кто мог бы наподдать ему бутсой. Но это служило слабым утешением.

Я взглянул на прерванный на полуслове текст, что светился на дисплее большой железки, на которой я стряпал свой опус. Не знаю, какую цель это движение преследовало: закрыть? стереть? Сработал, однако, привычный рефлекс, и я скомандовал сохранение. Ну, прекрасно. А дальше что?

Встал. Подошел к распахнутой стеклянной двери, за которой сразу же начинался лес. Так принято строить и жить на Стрелe-Третьей — в мире, в котором я сейчас и находился. Коттеджи были разбросаны в зеленом массиве, производившем впечатление совершенно дикого, хотя на деле это было не так. Просто люди тут умели, приспосабливая природу к своим понятиям, вовремя остановиться. Когда я был еще способен думать, то почти сразу понял: пока что малоизвестная среди жаждущих отдыха планета эта в недалеком будущем сделается конкурентом номер один знаменитой Топси. Слава богу, что еще не стала: за деньги, за которые я снял этот дом на конвенционный месяц, на топсийском Аморе удалось бы получить разве что гамак в густой тени линии высокого напряжения. Цивилизации, как и всему на свете, свойственны свои недостатки.

Но, как я уже говорил, пока об этом мало кто знал: к большой раскрутке Трешки (такую кличку получил этот мир у рекламщиков) еще только готовились. Я же был в курсе. Не так уж и давно при проведении неожиданной и довольно лихой операции мне пришлось познакомиться с характеристиками многих миров, Трешки в том числе. Еще тогда подумалось: вот прелестное местечко для того, чтобы на какое-то время укрыться от слишком пристального внимания тех, кто не захочет простить мне моей активности в деле с уракарой. Однако самомнение мое было по заслугам наказано: об этом деле забыли очень быстро, и теперь Теллус с Армагом считались лучшими друзьями. Так что уезжать именно по этой причине мне не понадобилось. Можно было спокойно припухать в родном мире, наслаждаясь обществом собственной супруги, — тем более что за ту операцию мне все-таки заплатили (хотя я рассчитывал на большее) и беспокоиться о хлебе с маслом не приходилось. Чего же тебе еще, человече?

И все же уехать пришлось. И даже не просто уехать, а сбежать.

Не от врагов. И не от родной некогда Службы. Но от того, от чего человек, как правило, бывает менее всего защищен: от семейных неурядиц.

Я повздорил с женой. С Лючаной. Раз, и другой, и третий. Из-за ерунды. Если разобраться — из-за ничего.

Дело заключалось в том, что и она, и я — вдруг, ни с того ни с сего — стали ревновать друг друга.

В операции, о которой я, наверное, не раз еще вспомню, мы с Лючаной работали, как и обычно, парой — при общей цели у каждого были свои задачи и свои маршруты. Я вел поиск, а это всегда связано с риском куда выше нормального, так что ни одна страховая компания не стала бы заключать со мною контракт; но именно жена прикрывала меня и выручала в напряженные мгновения. За время этой работы мы с нею пересекались несколько раз, в самых неожиданных обстоятельствах, и нам удавалось провести вместе — и даже в уединении — иногда часы, иногда всего лишь минуты. Это время мы использовали, кроме прочего, и для реализации наших супружеских отношений. Ну что делать: это нам всегда нравилось. И когда мы снова встретились наконец у себя дома и стали приводить семейное гнездо, изрядно разгромленное незваными гостями, в более или менее пристойное состояние, у нас, естественно, не было ни желания, ни повода прерывать такие отношения. Наоборот.

И вот они-то, похоже, нас и подвели.

Когда мы встречались на считаные минуты и под угрозой близкой опасности, было не до деталей и еще менее — до подозрений. Сама по себе близость казалась (и была) настолько ценной, поскольку каждый раз могла оказаться последней, что мы бросались в нее, как пришедший из пустыни — в воду:

не пробуя пальчиком, насколько она холодна. И все было — как теперь вспоминалось — прекрасно.

Но сейчас, дома, не было никаких опасностей. И все без остатка время находилось в нашем распоряжении, потому что мы позволили себе расслабиться и ничем серьезным не заниматься.

А в таких случаях неизбежно возникают мысли. Точнее — придури. Человеку не на что обратить свою энергию и способности; они не получают пищи извне — и начинается процесс самопереваривания.

Думаю, излишне говорить, что за годы семейной близости — а не так уж мало накапало этих лет — мы вроде бы успели изучить друг друга достаточно хорошо. И в работе, и дома, и в любой другой обстановке. Девять раз из десяти могли точно определить ход мыслей друг друга, а значит — и слова, что будут сказаны, и действия, которые последуют. Без усилий, без напряжений. Днем и ночью.

Вот ночью все и началось. И как раз в минуты близости.

Собственно, мне не стоило бы вводить вас в курс наших семейных дел. Однако если этого не объяснить, то вы не поймете причин дальнейшего, а без знания причин трудно бывает разобраться в последствиях.

Мне что-то почудилось, и я сказал:

— Слушай, а вот этому ты где научилась?

— Этому — чему? — не сразу поняла она.

— Ну, вот...

И я без слов показал ей, что имел в виду.

— Сама придумала, наверное, — откликнулась Лючана както рассеянно.

— Раньше ты так не делала...

Тут она, похоже, стала сердиться. Да и то, если подумать — время и место были не самыми подходящими для подобного разбирательства.

— Значит, нашла, — проговорила она с иронией. — Под деревом. Шла — и нашла. Устраивает? Если тебе так не нравится — могу не делать. Я хотела как лучше.

И вместо ожидаемого продолжения повернулась ко мне спиной. Я попробовал вернуть ее к повторению пройденного. В ответ получил тычок локтем. И такое вот заявление:

— Я же не спрашиваю, где и у кого ты нахватался всяких приемчиков, которых раньше не было. Мне еще тогда, в лодке, показалось... А еще больше — там, на Топси, на материке, после того как ты вырубился...

Я совершенно точно знал, что никогда ничего такого себе не позволял. И рассердился в свою очередь:

— Что же, по-твоему, я там по девочкам гулял?

— Ну а я? — Ее голос стал как только что вынутый из морозильника. — Что, по чужим постелям там елозила? Или все-таки тебя, бедняжку, вытаскивала из дерьма?

Тут я решил, чтобы не заводить дела слишком далеко, спустить все на тормозах:

— А я ничего такого и не говорил. Хотя (тут я не смог удержаться) там, в Топсимаре на Рынке, где ты мне еще деньжат подкинула, там около твоего киоска разве не терся такой тип — мурластый, на кобеля похожий? Да ты мне, кстати, рассказала, откуда та сотня штук взялась?

— Ты! — даже не произнесла, а прошипела в ответ моя благоверная. — Пош-шел вон отсюда! Чтобы тобой в этой комнате и не пахло!

Я почувствовал себя глубоко оскорбленным. Собственно, я ведь ничего такого... Но уж раз ты так...

Не сказав более ни слова, я взял подушку, подобрал с пола свое одеяло и пошел досыпать на диване в моей рабочей комнате.

Вот с чего все началось.

У меня еще сохранялись надежды, что с утра все вернется к нормальному состоянию.

Однако не тут-то было. Беда, скорее всего, в том, что у меня очень богатое воображение. Иначе на такой работе и нельзя: не запуская воображение на полную мощность, невозможно представить все варианты развития событий, начиная с реальной минуты, в которой ты находишься, а не видя вариантов, лишаешься возможности проанализировать их и остановиться, если не на истинном раскладе, то во всяком случае на самом близком к нему — и действовать соответственно. Но на этот раз моя фантазия вышла из-под контроля и галопом помчалась в том направлении, где дорога обрывалась в пропасть.

Ворочаясь на диване, я до самого рассвета представлял — и притом очень убедительно, — как на том месте рядом с Лючаной, которое всегда по праву занимал я сам, находится некто другой (лицо его не различалось в темноте) и позволяет себе все то, на что имел право только я, и даже то, чего и мне не позволялось. Я пытался удрать от своего воображения привычным способом: уйти в медитацию. Ничего не получалось: для этого нужно прежде всего войти в нужное состояние, отстраниться от всего, связанного с повседневными заботами, приглушить собственное воображение и позволить управлять им другим силам — но на сей раз воображение оказалось сильнее и демонстрировало мне такие картинки, по сравнению с которыми известная «Камасутра» показалась бы учебником для начальной школы.

Одним словом, уснуть мне не удалось, и на рассвете я сорвался с дивана в настроении хуже некуда и заторопился на кухню — хлебнуть кофе и выскочить из дому куда-нибудь на природу; это обычно помогало привести себя в более или менее пристойный порядок.

Замысел был неплох и, наверное, сработал бы — не наткнись я на кухне на собственную супругу. Беглого взгляда

оказалось достаточно, чтобы понять: и она ночью не сомкнула глаз, и ей тоже показывали картинки в том же духе, что и мне, — только главным сукиным сыном и подонком в них был я.

Оказавшись лицом к лицу, мы секунду-другую простояли без слов и телодвижений. Похоже, каждый из нас хотел что-то сказать — уже набирал побольше воздуха в грудь и раскрывал рот, — но через мгновение делал медленный выдох, так и не издав ни звука. Наверное, потому, что каждый боялся начать разговор, чтобы не вызвать ответного камнепада. А когда эти секунды истекли, мы — совершенно одновременно, как по команде, — повернулись друг к другу спиной и исчезли: Лючана — в жилых комнатах, мне же не оставалось ничего другого, как броситься к выходу. Похоже, мы тогда уподобились двум субкритическим массам плутония или другой подобной же пакости: стоило нам сблизиться — и весь мир разнесло бы в мелкие дребезги, не оставляя ни малейшей надежды на какое-то восстановление.

Единственным, что я еще успел сделать, было, проносясь по коридору к выходу, захватить из стенного шкафа одежду и оперативный кейс, который всегда стоял там в полной готовности, рядышком с другим таким же, но принадлежавшим Лючане; так у нас повелось еще с тех времен, когда можно было в любой час суток и в любой день каждого месяца ожидать вызова по категории «Анни» — высшей срочности. На бегу я пробормотал Вратарю: «Убываю на «Эн», буду держать в курсе» — и был таков.

Я ожидал, наверное, что на улице мне станет легче, и я смогу разобраться в происходящем, решить, что я должен теперь предпринять, а чего ни в коем случае делать не следовало. Однако оживший во мне вулкан продолжал извергать — в основном грязь. Привкус этой грязи я различал и в кофе, который мне подали в забегаловке за углом, здесь я обычно столовался в те дни, когда Лючана солировала в каких-то операциях, где обходились без меня; и в жареной грудинке, и в салате — одним словом, везде. И почему-то чем дальше, тем больше мне казалось, что это Лючана окунула меня в эту грязь. Это она довела меня до такого состояния! Это она, она, она!..

Нет, довольно! Я для нее плох — пусть ловит свое счастье без меня. А мне сейчас нужно только одно: убраться куда-нибудь подальше, сменить все декорации сверху донизу, зажить спокойной, одинокой жизнью, а чему быть дальше — пусть решает время — и те, разумеется, кто этим временем владеет и управляет.

Вот в таких размышлениях я прямо из кафе направился к ближайшей станции ВВ — вневремянки, мгновенного транспорта, если кто забыл, — и без долгих размышлений выбрал Стрелу Третью, Трешку, — потому что она была, во-первых, очень далеко (хотя в век ВВ-транспорта это, скажем прямо, аргумент несостоятельный — и все же он играет свою роль, всякой

логике вопреки), и во-вторых, совершенно не похожа ни на Теллус, ни на Армаг, ни даже на Топси. А мне нужны были именно новые переживания, чтобы попытаться избавиться от старых.

Когда я вышел из ВВ-кабины в месте назначения и, оказавшись на городской площади, осмотрелся, то прежде всего похвалил себя за то, что все угадал правильно. С первого взгляда мне тут понравилось. Это была единственная площадь единственного в этом мире города, объединявшего в себе статус столицы с глубоко провинциальным обликом. Город выглядел олицетворением тишины, покоя и достаточного благополучия, а с другой стороны, он никак не был мертвым местечком, в нем даже велось новое строительство — во всяком случае, тут, в центре, по соседству с особнячком правительства, станцией местного транспорта и центром ВВ, заканчивали воздвигать еще нечто, по внешнему виду сугубо современное; собственно, оставалось лишь приколотить вывеску, сам павильон был уже готов. Вывеска была прислонена к стене, и на ней легко можно было прочитать: «Вербовочный пункт мира Улар». Начертаны эти слова были на фоне горного хребта, с которым по высоте едва ли не соперничали башни и корпуса весьма современной архитектуры. И горы, и корпуса были как раз тем, что сейчас никак не соответствовало моему настроению; так что я мысленно послал им воздушный поцелуй и зашагал через площадь к правительству — потому что там мне следовало отметиться и снять какое-нибудь жилье: здешняя верховная власть, как я успел узнать, занималась и такими — главным образом такими — вопросами.

Единственное, что нужно человеку нашего времени, чтобы с комфортом устроиться в любом обитаемом мире Федерации, это деньги. Ну, и еще, разумеется, ВВ-услуги: транспорт и связь. Остальное вам обеспечат на месте. Так получилось и на Трешке: я снял коттедж без хлопот и за смешные (по теллурским понятиям) деньги. На неопределенный срок, с обязательством предупредить о прекращении аренды за две конвенционных недели. И уплатил за полгода вперед: я рассчитывал, что за такой срок успею восстановиться до нормы — и (надеялся я) Лючана успеет тоже. Хотя в этом полной уверенности у меня не было: женщина остается женщиной, даже став классным оперативником, и к каким выводам и решениям она придет — ты можешь представить только, когда речь идет о работе, и никак не в состоянии, если дело относится к личной жизни. Нет, кто-то, может быть, и способен на такое — но, во всяком случае, не я.

Первые две недели на С-три я занимался только двумя делами: спал и бродил по лесу. И с каждым днем все больше хвалил себя за правильно сделанный выбор. Все, что растет на этой планете — деревья, кусты, травы, — имеет с теллурианской флорой лишь одну общую черту: у них тоже преобладает зеленый цвет. Все же прочее, начиная от структуры, отстоит от на-

ших достаточно далеко. Во всяком случае, за эти две недели мне не удалось увидеть ни одного дерева и ни единого цветка, которые своим строением, формой и так далее ассоциировались с чем-нибудь привычным. Ни разу я не смог сказать себе: «Вот это сильно смахивает на нашу березу (дуб, клен, пальму, баобаб и так далее)». Зато не раз широко распахивал рот от удивления, пораженный той фантазией и хитроумием, какими обладает природа. Во всяком случае, так обстояло дело в средних широтах Трешки, которые я выбрал для проживания. Что же касается беспокойства со стороны соседей, то его не было — потому что не было и самих соседей; во всяком случае, в том смысле, какой вкладывается в это слово у нас. Не то чтобы этот край был вовсе необитаемым: еще в правительстве меня предупредили, что совсем недавно тут поселилась довольно многочисленная компания вроде бы военнавтов — наверное, прибыли, чтобы на покое провести отпуск после очередной смены. Однако от них меня отделяло что-то около тридцати километров — навты забрались почему-то в самую глушь, — а сокращать это расстояние у меня не было никакой охоты. Думаю, что и у них тоже — поскольку им, я полагаю, вполне хватало собственного общества, если учесть, что военные космические экипажи комплектуются военнавтами обоих полов на паритетных началах. Я искренне пожелал им всяческих утех и больше о них не вспоминал.

Но все-таки время от времени человеку бывает нужно пообщаться с кем-нибудь вслух — хотя бы для того, чтобы оценить всю прелесть безмолвного диалога с самым умным и приятным человеком во Вселенной — с самим собой, как вы понимаете. Язык, бывает, устает от молчания. Но это — дело поправимое.

Чтобы выйти из положения, я слегка напряг мой мик, объединив его усилия с возможностями здешнего компа, который, естественно, имелся в коттедже в числе прочих полагающихся удобств, и, немного попотев, за три дня сварганил виртуального собеседника, ничем вроде бы не походившего на меня самого; сочинил ему биографию, характер и все такое, чтобы было, с кем поругаться или, наоборот, совместно с чем-то согласиться, гуляя по окрестностям. Гулял он, конечно, в моем мике: для создания нормального фантомного тела пришлось бы вспотеть куда больше, а я все-таки хотел отдохнуть.

Собеседник — я дал ему имя и фамилию, и то и другое на букву «П» — сам не знаю, почему именно так, Приличный Парень, может быть, — так вот, этот ПП оказался не в меру любопытным и уже через пару дней стал надоедать мне сверх допустимого. Пришлось ухлопать еще три дня, чтобы спрограммировать еще одного мужичка — собеседника на этот раз для ПП, а не для меня. Этого я назвал ТЧ — Тихий Человек, допустим. Я замкнул их друг на друга, после чего смог по достоинству оценить наступившее спокойствие.

Когда пошла третья неделя, я решил, что процесс ознакомления с новым миром закончен и пора заняться каким-нибудь делом посерьезнее. Мысль мне понравилась. Единственным препятствием к ее осуществлению было то, что никаких настоящих, серьезных дел у меня здесь так и не нашлось. Ну ни единого.

Человек, как известно, отличается от прочего живого мира тем, что если всякое иное живое существо стремится приспособиться к окружающим условиям, к среде обитания, то человек, едва до него доходит, что он в иерархии творения является изделием номер один, начинает приспосабливать окружающую среду к своим представлениям о том, какой она для его блага должна стать. И, кстати, довольно скоро понимает, что совершает ошибку, может быть, даже роковую, — но уже не в силах отказаться от замысла. Я тоже, как я полагаю, человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Если среда не приспособлена ко мне — в смысле, она не предоставляет мне никаких стоящих дел, чтобы я мог ими заняться, — значит, я создам такие дела сам. Только и всего.

Я немножко подумал — и засел за сочинение подробного отчета о той операции, которая в архиве Службы носит невразумительное (как и все кодовые) название «Кольцо уракары». Я составлял доклад, стараясь восстановить в памяти до мелочей каждое событие и его участников, свои замыслы и результаты их воплощения — и тому подобное. И сразу почувствовал себя занятым человеком, раз и навсегда запретившим и ПП, и его собеседнику обращаться ко мне, пока я сам их о чем-нибудь не попрошу. Поскольку об уракаре они вообще ничего не знали.

Работая, сотворяя новый текст и возвращаясь к уже написанным разделам, я старался не думать о том, о чем размышлять было бы неприятно: что этот мой отчет никому не нужен, никто его не заказывал, никто не ждал и, если я так никогда его и не закончу, никто не почешется, потому что вообще даже не узнает о том, что такой отчет когда-то писался. То есть работа моя на самом деле представляла собой лишь довольно элегантную форму безделья; не зря бездельники, как правило, стараются выглядеть предельно занятыми людьми. Наоборот, мне удалось внушить себе, что на Теллусе, в Службе, не кто иной, как сам Иванос, барабаня пальцами по столу, в двадцать пятый раз нетерпеливо вопрошает: «Что, отчет еще не получен? Ну почему Разитель так копается?!». Таким способом я пришпоривал самого себя. И к середине третьего месяца жизни на Стреле Третьей почувствовал, что дело близится к финалу. При этом написанное мне даже нравилось. Я начал уже подумывать, что его можно будет использовать в качестве учебного пособия при подготовке молодых кадров в Службе. Оставалось дописать еще две-три страни-

цы — или, как давным-давно сказал поэт, «Еще одно последнее сказанье»...

И вот тут-то я и скис. Совершенно неожиданно для самого себя.

Исчезли вдруг и желание, и умение эти две страницы написать. И не только написать, но даже и думать обо всем этом.

Не надо было долго соображать, чтобы понять почему.

Излагая события прошлой операции, я никак не мог обойтись без Лючаны, которая, как я уже упоминал, в те дни страховала меня и всегда появлялась на месте действия как раз тогда, когда было нужно, чтобы оказать мне необходимую помощь, а временами даже просто спасти мою жизнь.

И всякий раз, вспоминая и заново переживая минувшее, я видел и ощущал ее — и с каждым днем все меньше понимал, что же, в конце концов, произошло между нами и почему я здесь — без нее, а она там — я был уверен — без меня. Что за идиотизм!

Объяснение у меня было лишь одно: операция с уракарой обоим нам обошлась недешево в смысле потраченных нервов, вообще здоровья, основательно разгромленного семейного гнезда... Мы вовремя не поняли: не нужно было браться за восстановление и приведение в порядок жилья, сделать следовало совершенно другое, а именно то, что сделал я один: мы должны были сбежать в незнакомую и совершенно спокойную обстановку, хотя бы на эту же Трешку — вдвоем, только вдвоем! — и тут жить, ожидая, пока оба не придем в норму. И уж тогда начинать думать о своих теллурианских заботах.

Теперь ясно стало, что мы оба были на пределе. Но главная вина, конечно, лежала на мне: я сорвался первым. Хотя — теперь я видел это совершенно ясно — у меня не было никаких оснований подозревать ее. И еще больше: если даже где-то когда-то с кем-то у нее что-то и произошло — ну и что? Все мы минутами проявляем слабость, а порою это вообще может оказаться необходимым для того, чтобы... ну, в общем, нужно. Но это же не повод для разрушения такого прекрасного союза, каким был наш.

Тем более что... гм. Ну, ладно.

Короче говоря — виноват был я. Выходит, мне и следовало сделать первый шаг к примирению.

Я был очень благодарен Стреле Третьей за то, что она помогла мне прийти в себя. Но чувствовал, что больше не в силах пробыть здесь ни единого дня.

Не размышляя далее, я уложил свой скудный багаж, оповещать об отъезде никого не стал, поскольку дом еще на три с лишним месяца оставался за мной и я рассчитывал, покаявшись и заключив мир, вернуться сюда уже с Лючаной и тут завершить процесс возвращения к нормальной жизни.

* * *

Вот таким образом я очертя голову вновь кинулся в тот мир, где меня три месяца не было; туда, где за это время успели произойти самые разные события, о которых у меня не имелось ни малейшего представления — потому что все это время я совершенно намеренно не получал извне — и не желал получать — ни бита информации. Не так уж редко мы, обидевшись на близкого человека, бессознательно переносим эту обиду и на весь мир — просто потому, что есть некое мазохистское удовольствие в ощущении себя самым обиженным из всех, кого когда-либо обижали.

И зря.

2. Шестая эскадра, адмирал Сигор

Крейсеры Шестой эскадры Федерального флота, главная база — Теллус, получив приказ, не потратили на сборы и лишней минуты. Хотя приказ, да и вся поставленная задача, вполне заслуживал определения «неожиданный», но для людей военных такого понятия вообще не существует: по определению, они должны во всякий миг быть готовыми к выполнению любого приказа. Поэтому адмирал Сигор, державший свой флаг на «Ярославе», даже бровью не повел, уяснив задание, но немедленно отдал необходимые команды — и уже через двадцать минут все пять кораблей вышли на исходные позиции для разгона и прыжка.

Корабли Шестой эскадры были самыми современными в космическом флоте Теллуса, во всей Федерации подобные крейсеры имелись только на Армаге. Смонтированные на орбитальных верфях за последние десять лет, они были снаряжены и вооружены с использованием всех новейших достижений науки и техники, в том числе и ВВ-информации и ВВ-транспортировки. Это не означало, конечно, что сами корабли могли передвигаться вне времени: большие массы металла, по какому-то капризу природы, ВВ-транспортировке не поддавались; зато производить хотя бы замену экипажа можно было в любой точке пространства (но не сопространства, разумеется). И то, что на выполнение внезапно возникшего задания были посланы именно эти корабли, означало одно: перед властями Федерации возникла какая-то серьезная проблема.

Впрочем, флагман эскадры адмирал Сигор, откровенно говоря, не видел в поставленной перед ним задаче совершенно ничего, что требовало бы подобной поспешности. Вылет, по его мнению, можно было бы и отложить на неделю, а то и на две. Не потому, разумеется, что корабли не были готовы к походу: они были на «товьсь» в любой миг — если говорить о кораблях как механизмах. Однако если обратиться к человеческой

составляющей, то тут могли возникнуть сомнения — и у адмирала они действительно возникли.

Опять-таки не в том было дело, что кто-то из экипажа крейсеров не соответствовал своему месту — по здоровью ли, выучке, морально-волевым качествам и так далее. Все соответствовали. Но люди остаются людьми, а порядок всегда должен оставаться порядком. Потому что отклонения в людях неизбежно ведут к нарушению порядка — и наоборот, отступления от порядка ведут к нарушениям в поведении людей. Порядок же, до сих пор ни разу не нарушавшийся на эскадре, заключался, кроме всего прочего, и в том, что для каждого из этих кораблей, по давней традиции, существовало два полных комплекта экипажей, начиная с капитана и до камбузного юнги (если бы такой числился в судовом расписании). И замена одного экипажа другим производилась через каждые сто восемьдесят конвенционных, то есть теллурианских, суток независимо от того, где находились корабли. Благодаря ВВ-транспортировке процесс этот можно было соблюдать, и он действительно соблюдался — с точностью если не до минуты, то уж до нескольких часов — все годы, с самого сформирования эскадры. Отступление от этого порядка могло быть вызвано лишь одной причиной: войной.

Но сейчас войны не было, и эскадра ушла в поход для выполнения операций, которые, строго говоря, не были военными действиями, скорее их можно было назвать мерами по пресечению нарушений законности. А это означало, что смена экипажей должна произойти, как все и ожидали, день в день.

Сомнения же адмирала были вызваны тем, что от момента получения приказа о начале операции до этой смены оставалось всего лишь одиннадцать дней. И по мнению флагмана, вполне обоснованному, мир не рухнул бы, если бы крейсеры ушли в поход двумя неделями позже; зато экипажи успели бы спокойно смениться на базе и у второго состава осталось бы еще несколько дней для вживания в обстановку — за полгода даже хороший специалист успевает отвыкнуть от многого. Теперь же придется производить замену на ходу — принимая дублеров по ВВ и таким же путем отправляя домой отработавший состав. Единственным, кто останется на борту «Ярослава», будет он сам — поскольку командующему эскадрой дублера не полагалось. «И значит, — думал адмирал, невольно морщась, — в течение нескольких дней эскадра будет располагать, в лучшем случае, половиной своей боеспособности — пока не восстановятся полностью все связи членов экипажа — друг с другом и всего экипажа в целом — с материальной частью. Только после этого можно будет говорить о начале выполнения поставленной задачи. Отложить же смену экипажей совершенно невозможно: и потому, что сейчас никому не было и не могло быть известно, когда эта операция закончится, и еще по той причине, что сам экипаж воспримет это как произвольное и ничем не оправданное нарушение их прав и

условий контракта, в котором пункт о замене через каждые сто восемьдесят суток был прописан совершенно четко. Так что оставаться с возмущенным экипажем было бы, пожалуй, еще хуже, чем начинать поход с растренированной командой...»

Вот так размышлял адмирал Сигор, но, разумеется, держал все эти мысли при себе, справедливо считая любое проявление своих сомнений — хотя бы простым поднятием бровей — в данной обстановке совершенно невозможным.

Так что до дня смены все шло совершенно спокойно. Крейсеры эскадры без помех разогнались и ушли в прыжок, беспрепятственно локализовались в заранее выбранном сопространственном узле, проложили новый курс и через положенное время вынырнули в нормальном Просторе, в пяти сутках пути до того мира, который и являлся целью похода и пространство вокруг которого им надлежало с этого мига контролировать строжайшим образом.

В задачу эскадры входило также установление связи с теми, кто в этом мире находился, сообщение этой стороне определенных условий и дальнейшие действия — в зависимости от реакции противной стороны.

Однако с установлением связи адмирал решил несколько помедлить — до того, как замена экипажей наконец состоится и он поймет, на каком уровне готовности находится полгода отдыхавший второй состав.

Команду на проведение замены адмирал подал час в час, без задержки. И сразу же первая группа ушла по ВВ на Теллурианскую базу. Именно таким был порядок: сперва на борту освобождались места, затем их занимали вновь прибывшие, уходила новая группа — и прибывало еще столько же сменщиков... Благодаря мощности бортовых ВВ-установок вся смена производилась в три таких приема и занимала один час двадцать минут.

Люди убывали, люди прибывали; в самом начале адмирал по трансляции попрощался со всеми и поблагодарил за службу, и вот уже в его каюту вошел убывающий последним капитан, как и полагалось, для прощания, а через двадцать минут на этом же месте будет стоять новый капитан с полагающимся рапортом, на который адмирал даст свое «добро», — и служба, на миг застывшая, тронется дальше, постепенно набирая скорость.

И через двадцать минут во флагманскую каюту действительно вошел человек. Но не тот, кого ждал адмирал; хотя и этот был во флотской форме, но такого капитана на службе Теллуса не было никогда. И рапорт его оказался несколько необычным:

— Адмирал, корабли эскадры покинуты вашими экипажами, которые теперь заменены моими людьми. Вы арестованы и будете содержаться на планете.

— Бред, — ответил адмирал. — Откуда ты взялся, паяц? — Он нажал на кнопку вызова. — Дежурный офицер, ко мне!

— Напрасно, — сказал «паяц». — Ни одного человека из вашего первого экипажа на борту, как вы знаете, не осталось, — но они не на Теллусе, они доставлены совсем в другой мир, откуда могут попасть куда угодно — только не сюда. А что касается второго экипажа, сменного, — он перехвачен при ВВ-транспортировке, и сейчас эти люди находятся на нашей планете. Так что вам не из чего выбирать и не на что рассчитывать.

— Чей приказ вы выполняете?!

— Это, адмирал, вы сможете узнать в самом скором будущем.

3. Нужны еще пять Ра?

На Трешке каждый отдельно стоящий и сдающийся внаем коттедж снабжен, естественно, ВВ-установкой — правда, лишь местного действия. Но и это неплохо. С ее помощью я мигом добрался до той самой городской станции — уже федерального масштаба, — на которую я и прибыл три месяца тому назад.

Площадь находилась в том состоянии, в каком я оставил ее в день прилета; разве что вербовочная вывеска теперь не прислонялась к стене пункта, но висела над входом в павильон. Похоже, идея вербовки на Улар, и вообще куда угодно, здесь успехом не пользовалась: ни около пункта, ни (это было видно сквозь широкое окно) в нем самом не было заметно ни единого кандидата в клиенты. Что было ясно с самого начала.

Сообщение этой планеты с другими мирами было достаточно вялым; я уже говорил, что среди убежденных курортников Федерации Трешка не пользовалась уважением, поскольку не успела еще понастроить у себя ни казино, ни бассейнов с кабинками и массажистками, ни кабаков, где кормили и поили бы чем-то сугубо местным, чего ни в каком другом мире не подавали; такие блюда ценятся высоко, хотя если бы что-то подобное подала вам дома к обеду жена, вы устроили бы ей сцену. ВВ-порт, попросту говоря, пустовал — и я уверенно направился к ближайшей кабине, над дверцей которой гостеприимно светился зеленый индикатор. Я вставил карточку в прорезь, чтобы оплатить перенос. На дисплее засветилось: «Добро пожаловать в систему ВВ ХТСинус». Все нормально.

Нажал клавишу входа. Дверца распахнулась. Я вошел в кабину. Нажал клавишу «Старт».

И ничего не произошло. Дверца даже не потрудилась затвориться. Словно бы меня и не было и у меня не существовало желания уехать.

Ох, провинция...

Именно так подумал я, прежде чем нажать стартовую клавишу еще раз — причем с таким же результатом.

Неисправность?

Ладно, соседняя кабина тоже свободна. Как и все прочие.

Но и в этой кабине повторилось то же самое. И в третьей тоже.

Дальше я и пробовать не стал. Из третьей вышел, размахивая кейсом и взглядом отыскивая — кому бы выложить то, что бурлило сейчас в моей душе.

Искать пришлось недолго: дяденька в аккуратной форме служащего «ВВ ХТСинус» в самой середине зала утолял жажду из питьевого фонтанчика. Стараясь усмирить свои чувства, я подождал, пока он пил и потом вытирал губы пестрым платочком. Лишь после этого он перевел на меня спокойный взгляд. И не позволил мне даже начать, проговорив:

— На табло над входом смотрели?

— А чего я там не видал? — поинтересовался я крайне вежливо.

— А того, что там написано еще два, да почти уже три месяца назад. Давно не пользовались?

— Так каких там чудес наобъявляли? — хмуро поинтересовался я.

— Вот таких, что с указанного там дня кабины стартуют только при полной загрузке. Десятую неделю уже. Вот шестеро пассажиров соберутся — она и сработает.

— Кому это во сне приснилось? В честь чего такие порядки?

Он медленно пожал плечами, едва не коснувшись ими ушей.

— Да что-то там такое где-то пошло вразнобой. Пропадают люди по дороге, особенно если в кабине один-двое. Вроде перехвата, я так понимаю. А полная кабина, понятно, на промежуточную остановку не откликается — места все заняты.

— Какая-то хреновина с морковиной. Кто-то перед тем, как придумать такое, сильно принял на грудь. Или от богатства голова вскружилась: сколько ни гребут, все мало. И долго мне этих пятерых ждать?

Он снова выразительно подвигал плечами:

— Ну, может, к вечеру...

— Да что тут у вас — люди в землю вросли? Передвигаться перестали? Ладно, грабители. Ваша взяла. Плачу за все шесть мест! Запускай вагон.

— Денег у тебя не хватит, — ответил местный «коллежский регистратор, вэвэшной станции диктатор» (прости уж, князь Петр Иванович!). Обнаглел.

— Ты теперь как берешь — на министерском уровне?

Странно — он почти не обиделся. Хотя и насупился, говоря:

— Ну и мысли у вас, приезжих. У вас там что — все берут? (Я ухмыльнулся.) Мы еще не так высоко летаем. Но если я тебя одного отправлю — а мимо регистрации у нас не пройдешь, — то меня выгонят на веки вечные. А мне еще лет двадцать тут работать. Ставка растет с выслугой, премии, подарки по праздникам — сможешь мне все это возместить? Кишка тонка.

Так что хоть бы ты за двенадцать мест платил — ничего не выйдет. Расслабься.

— Едва собрался, — ответил я, — расслабляться мне не в цвет. Да что, в конце концов, происходит: война, что ли, началась? Кто с кем? Или Простор штормит? Но людям же надо передвигаться! И как же они теперь это делают?

— Ну, по-разному. У кого не горит — кучкуются по шестеро, даже списки составляют — дня за два-три. А те, кому приспичило до последнего, сейчас больше идут на корабли. Надежнее все же. Хотя, конечно, скорость не та.

— Сумасшедший дом наша Федерация. Корабли-то хоть летают? Или тоже стали сбиваться в караваны?

— Да вроде бы пока по расписанию.

После этого собеседования со специалистом я задержался на станции ровно на столько, сколько требовалось времени, чтобы получить назад свои деньги. Вышел, остановил скользун и велел везти меня на космодром. Благо он был недалеко от единственного в этом мире города.

4. Игры в Просторе

Кораблик оказался маленьким, от «Астракара». На Трешке гигантам, таким, например, какими располагал «Транскерн», делать было бы совершенно нечего: необходимое количество пассажиров им пришлось бы набирать полгода, а загрузить полные трюмы каким-нибудь оплачиваемым грузом удалось бы вскоре после конца света — ни минутой раньше. Тем не менее маленькие и юркие «астракары» по скорости даже превосходили великанов, и я надеялся, что собиравшийся принять меня на борт «Стриж» оправдает это название. С каждой минутой мне все больше хотелось оказаться на Теллусе побыстрее, обнять Лючану, даже если она будет отбиваться по всем правилам боевой науки, и сказать ей...

Что это происходит?

А, вот что. Я и раньше знал, что в Просторе легче настраиваться на чужие психочастоты, воспринимать чьи-то мысли и слова. На этот раз получилось не намеренно — просто совпали чувства и обстоятельства. И я услышал чье-то, неизвестно где звучащее:

— ...Тина, я люблю тебя.

Такими словами Астин Крат начинал каждый свой день. И те же слышал в ответ от своей жены.

— Ну, как тебе здесь — на новом месте, в новом мире? Не скучно? Не тоскуешь по старым местам?

— Мне хорошо везде, где есть ты, Астин. Ты ведь знаешь. И, кстати, устроили нас прекрасно. Даже с зимним

садом — иначе эти места казались бы мрачноватыми, правда? О нас заботятся. Хорошо, что мы остались. И будет еще лучше.

— Иначе и быть не может: они должны дорожить тобой, верно? Ну, иди: знаю, как тебе не терпится продолжить работу над расчетами. А я сразу же начну ждать твоего возвращения. Ступай. Люблю тебя.

— А я еще сильнее...

Это где-то очень далеко от Стрелы Третьей.

Вот такое я услышал и еще больше затосковал.

Ну, заранее сочинять речь я не стал, надеясь, что вдохновение само посетит меня в нужный миг. Нетерпение заставило меня переминаться с ноги на ногу, так что другой пассажир, один из двух дюжин народа, собиравшегося покинуть Стрелу Третью одновременно со мною, неправильно истолковал мои движения и любезно указал на то помещение, которым мне, по его мнению, следовало воспользоваться. В ответ я глянул на него так, что он поторопился занять позицию в противоположном углу накопительного зала и не высовывал оттуда носа, пока не объявили наконец посадку — с опозданием, по-моему, никак не менее, чем на полторы минуты. Ну совершенно никакого порядка не было ни на Трешке, ни в «Астракаре», и вообще где бы то ни было в этой занюханной, идиотской Вселенной, в которой мне пришлось жить. Самое время пожалеть, что она у нас — единственная, существование которой можно считать доказанным. И я уже собирался высказать свои соображения по этому поводу во весь голос, но мне помешали, указав на капсулу, в которой мне и следовало провести большую часть полета.

Ну, наконец-то стартовали. Разгон и вход в прыжок прошли, по-моему, нормально; вообще-то, откровенно говоря, я за ними не следил, потому что в уме сами собой все-таки стали вдруг складываться слова моего манифеста, с которым я собирался обратиться к Лючане в первые же секунды встречи, и я подумал, что стоило бы записать их для памяти — в мик, разумеется, куда же еще. Поэтому мне было уже не до корабельных эволюций, поскольку капсулы (моя, во всяком случае) на этой скорлупе были в исправности и неизбежные перегрузки почти не ощущались пассажирами — при условии, конечно, соблюдения правил.

Речь моя (позже мне показалось, что она была в два раза многословнее и вчетверо эмоциональнее, чем следовало бы для сохранения собственного достоинства) была уже почти завершена, когда какая-то дежурная часть моего мозга просигналила, что корабль по ее, этой частицы, ощущениям ведет себя не так, как ему сейчас следовало бы.

Пришлось прервать творческий процесс и сориентироваться в реальной обстановке.

И в самом деле, что-то было не так.

На внутреннее табло капсулы, в которое невольно упирается взгляд каждого пассажира, как только он занимает

место в этом гнездышке, обычно подается текущая информация, связанная с полетом: где мы, что мы, когда и куда именно намерены прибыть — и так далее. И вот сейчас на матовой пластинке светилось:

«Узел смены курса. Пассажиров убедительно просят не покидать капсул, поскольку пребывание здесь весьма кратковременно и разгон возобновится без дополнительного предупреждения и на повышенных ускорениях».

В этом ничего необычного не было. Я имею в виду предупреждение. Находясь в прыжке, иными словами — в сопространстве, ни один корабль не может маневрировать, курс там — прямая и только прямая, без всяких посторонних влияний, поскольку ни гравитация, ни другие известные нам поля в этих дименсиях хождения не имеют, что же касается неизвестных, то они нас не трогают и мы их тоже — если только не считать тех силовых линий, которыми сопространство пронизано и по которым там только и можно перемещаться. Так что курс любого корабля состоит из нескольких частей, поскольку его приходится создавать из отрезков этих силовых линий, от двух до — уж не помню, сколько таких отрезков насчитывали самые сложные и оттого не любимые капитанами маршруты. Так или иначе, для перехода с одной линии на другую необходимо оказаться в точке, называемой «узлом», и там, находясь в неподвижности (так принято говорить; сам я никогда не понимал, относительно чего мы там были или не были неподвижны, но звездоплавание — не моя специальность) и лишь поворачиваясь вокруг своих осей, продольной и поперечной (или килевой и бортовой, как любят говорить самые юные и форсистые мичманы), настраиваться на линию нужного направления и разгоняться снова. У опытных шкиперов с хорошо отлаженной автоматикой это занимало минуту-другую; пассажиры по большей части и вовсе ничего не замечали, предпочитая все время полета отсыпаться в капсулах за былые недосыпы и в предвидении предстоящих, тем более что судовые компании предоставляли пользователям неплохие подборки снов. Ну ладно, я не спал, но что же послужило причиной возникшего внезапно беспокойства?

Понадобилось на миг сосредоточиться, чтобы понять: часы!

Я имею в виду те часы, что видны были в капсуле на том же табло и показывали два времени: собственно часы — конвенционные дату и время, и секундомер, отмерявший только время выполняемого в этот миг маневра, а когда маневров не было, на этой шкале виднелись одни нули. Так вот, сейчас секундомер работал и — если только он не перебрал лишнего накануне, во что я никак не мог поверить, — недвусмысленно показывал, что вместо обычных двух, от силы трех минут «Стриж» висел в узле все десять, и уже вприпрыжку бежали секунды одиннадцатой.

И тут мое терпение, самому мне казавшееся бесконечным, окончательно иссякло, и показалось его сухое дно.

Ну, на то у него были основания. Все, ну буквально все на свете сговорилось задержать мое возвращение домой как раз тогда, когда мне так хотелось оказаться там, как еще никогда в жизни. Никому не нужный отчет. Чертовы капризы владельцев ВВ. И даже тут, в Просторе, они настигли меня — и заставили корабль терять время. Пусть бы они теряли свое время, меня это не тронуло бы; но они расходовали, крали, теряли МОЁ!

Ну ладно, недоноски. Держитесь. Я разъярен. Я страшен!

Не желая терять более ни мгновения, я отпер капсулу. Откинул крышку. Ступил на палубу. И направился прямиком в рубку. Никто не смог остановить меня; вернее — не смог бы, если бы попытался. Но никто и не пробовал: пассажиры спали, а команда располагалась по своим местам.

Перед самым входом в запретное для любого пассажира корабельное святилище я все же умерил шаг: мне не хотелось, чтобы мое вторжение — окажись оно слишком стремительным — было принято за бунт на корабле. Я не желал бунтовать. Я просто хотел домой! И имел на это все права!

Но, похоже, войди я даже с шумом и грохотом, на это никто не обратил бы серьезного внимания. Потому что все оно было отдано тому, что рисовалось на обширном ходовом экране — чуть повыше пульта. А те частицы внимания, какие еще оставались у пятерых занимавших свои места судоводителей, были разбросаны по приборам. И второй пилот справа за пультом негромко, но четко произносил в миг моего появления:

— Плюс восемнадцать — девять. Семнадцать — девять. Семнадцать — восемь. Шестнадцать — восемь...

— Нет, ты посмотри, что он делает!

Этот едва ли не вопль был исторгнут из шкиперских уст не отсчетом штурмана, но тем, что каждый из них, — а также и я — мог видеть и действительно видел на экране.

То был не более и не менее как военный корабль. Украшенный всеми знаками и символами Военного Космофлота Федерации.

Он находился почти точно на курсе «Стрижа». А поскольку наше транспортное средство продолжало медленно доворачиваться до места, а улиткой ползущая по координатной сетке силовых линий красная фигурка «Стрижа» соответственно приближалась к белому кружку со стрелкой на этой же сетке, означавшему именно то место и направление, откуда и куда нам и предстояло разогнаться для выхода на второй (и последний) маршрутный отрезок, то получалось так, что крейсер, в свою очередь понемногу перемещаясь в том же самом направлении, намеренно или нет создавал препятствие для продолжения «Стрижом» полета.

— Шкипер! — послышалось со стороны крайнего слева поста. — Принят ответ с крейсера.

Ага: проблема, выходит, уже обсуждается. И на том спасибо.

— Огласи.

— «Требуем сообщить миры старта и назначения, состав груза, количество и список пассажиров, а также судовую роль. Капитан».

— Просто «капитан»?! Без имени?

— Именно так.

— Ответь: «Следую Стрела Третья — Теллус, груз генеральный, пассажиров двадцать. Предоставление списков возможно лишь по обоснованному требованию представителя Космобеза. Вторично требую освободить линию для маневра». Подпись моя.

Я подумал, что пришла пора вмешаться.

— Капитан, — проговорил я негромко. Эффект, однако, был таким, как если бы я рявкнул во все горло.

— Вы кто? — Шкипер резко повернулся ко мне. — Пассажир?? Немедленно выйдите вон! Вернитесь в капсулу! Вон отсюда, я сказал!

И, видя, что я не собираюсь тут же выполнять команду, добавил:

— При неповиновении применю оружие!

— Если только крейсер не сделает этого раньше, — ответил я и подчеркнуто медленно повернул голову к экрану.

Потому что я успел уже заметить то, чего они еще просто не могли увидеть: четыре носовых стационарных дистанта, чей синхронный импульс был в состоянии испарить астероид — хотя и не из крупных, конечно. И сейчас два из них уже заканчивали накачку. Через считаные секунды они будут готовы к бою. Простым зрением увидеть это отсюда даже очень опытный человек сможет только когда оружие примет полный заряд. Но третий глаз способен наблюдать весь процесс — как и многое другое.

Шкипер собирался сказать мне еще что-то и даже сделал движение, словно собираясь выхватить оружие — впрочем, всего лишь пистолет, офицеры торгового флота не вооружались чем-нибудь более современным; но, в конце концов, и пулей, пусть и несерийной, можно вывести противника из строя и даже убить. Не знаю, всерьез ли он собирался открыть огонь; вообще-то вряд ли, но возникшая ситуация, похоже, уже успела вывести его из равновесия. Однако еще один возглас парня, сидевшего на связи, помешал капитану осуществить подобное намерение:

— Шкипер, ответ!

И прочел, не дожидаясь команды:

«Примите десант для проведения досмотра пассажиров и груза. Отказ будет сочтен враждебным действием».

Шкипер выругался. А я сказал, не дожидаясь, пока он сам вновь обратит на меня внимание:

— Капитан, два его дистанта вышли в рабочий режим, и мы под прицелом.

Шкипер недоверчиво поднял брови, но вмешался штурман, тоже наконец увидевший опасность:

— Шкип, и правда: оба нижних у крейсера разогреты.

— Он не имеет права... — начал было штурман.

— Капитан, — рискнул я прервать его. — У него есть право сильного. Вы что, не понимаете, это пират!

— Да бросьте! Это корабль федерального флота, но почему он...

Да, это был военный корабль Федерации. Но какое-то время тому назад он — клянусь своим везением — перестал быть таковым. Я мог бы прочесть этим ребятам длинную лекцию по Уставу дозорно-космической службы, где был, кроме всего прочего, детально разработан ритуал досмотра, начиная с текста первого предупреждения и кончая применением оружия. А прочитав — доказать, что устав не был соблюден ни в единой его букве, чего никогда не позволил бы себе офицер военного космофлота: все они, как известно, великие любители и хранители ритуалов и почитатели всех уставов, сколько бы их на флоте ни существовало. Я мог бы, да; только не оставалось времени на общее образование торгашей.

— Если промедлите еще секунду, — вот все, что я мог сказать, — то в два счета сможете убедиться, что я прав.

— Шкип, крейсер выпустил катер в нашем направлении.

— Сукин сын... — только так и отреагировал капитан. — Ну ладно... Всем по местам стоять!

Вернее, конечно, сидеть в удобных противоперегрузочных креслах. Только для меня, к сожалению, в рубке такого не оказалось: экипаж был в полном составе..

— К срочному выбросу!..

Дальше слушать я не стал. Мой мик поспешил подсказать мне, что выполнение этого действия, то есть срочного выхода из сопространства в нормальный Простор, маневра рискованного, но порой необходимого, требовало трехсекундных подготовительных действий. Успею я за три секунды?..

Я мчался к своей капсуле в пассажирском отсеке с такой скоростью, с какой никогда в жизни не бегал — и, наверное, никогда уже не буду. Ноги работали сами собой, а мик бесстрастно ронял:

— Одна... две... три...

Еще полсекунды, ну!

— Четыре...

Я прыгнул, влетел в капсулу, захлопнул крышку.

— Пять...

Что они, передумали, что ли?..

Нет, на табло светится: «Срочный выход!».

Ага, поехали!

Можно было облегченно вздохнуть. И пропеть славу ленивцам, сачкам и филонам. Собственно, только на это я и мог рассчитывать: экипаж маленького «торгаша» вряд ли был тренирован на военном уровне. Этот маневр предпринимался крайне редко, и с самого начала ясно было, что в положенные три секунды

ребятам не уложиться; хорошо, если в шесть. Так и получилось. Иначе меня размазало бы по палубе и экипажу пришлось бы устраивать большую приборку в неурочное время. В эти самые шесть секунд крейсер мог бы понаделать из нас кварков; но то ли вояки пожалели нас, то ли пренебрегли, а может, у них что-то в нужный миг не сработало — бывает и такое. Ну и слава богу, что так.

Остальное представлялось мне более или менее ясным: в нормальном пространстве придется, выбрав предпочтительное направление, уйти в новый, сверхплановый разгон и нырок, отыскать другой узел в сопространстве и уже оттуда брать курс на Теллус. С этим экипаж, как я надеялся, справится без особых трудностей, потому что подобное было его повседневной работой.

Так оно в конце концов и получилось. Но снова было потеряно время. И мое стремление поскорее оказаться дома уже пылало, раскаленное добела.

«Стриж» сел на Африканской платформе. Но на Теллусе, похоже, внутренняя ВВ-транспортировка работала без сбоев. Я дружески попрощался с экипажем; прочие пассажиры были недовольны опозданием, не понимая его причин — поскольку все приключение (сейчас это уже казалось мне приключением, чуть ли не забавным) они мирно проспали в капсулах.

Еще несколько минут — и я вышел из той самой кабины, в которую входил, совершая побег на Стрелу Три, — на Теллусе, в двух шагах от дома.

Сам собою вырвался облегченный вздох: тут все было в порядке, и это успокаивало и обнадеживало, подсказывало, что старая и добрая жизнь вернется и ко мне — с Лючаной, конечно. Все урегулируется.

Я еще поглядел вокруг, чтобы окончательно убедиться. Да, все в порядке — разве что какие-то из рекламных табло успели смениться, но это происходит каждую неделю. Что нового предлагают? Да всякую всячину. И в том числе — иммиграцию в мир Улар. Оставалось только пожать плечами. Кто слышал когда-нибудь о таком мире? А в общем — мне-то какое дело? Я мигрирую к себе домой. И только. И никуда больше.

5. Старуха в углу

Старуха сидела на полу в самом углу, подобрав под себя ноги, низко уронив голову, так что подбородок упирался в высохшую грудь. Казалось, она никак не воспринимала окружающее ни зрением, ни слухом, но ощущала себя в каком-то другом мире, виртуальном, в котором с кем-то, наверное, общалась, что-то видела и что-то слышала. Во всяком случае, так можно было бы подумать, понаблюдав за нею некоторое время и заметив, как начинают шевелиться ее губы, словно произнося что-

то, но совершенно беззвучно. Через минуту-другую губы останавливались, какое-то время проходило без единого движения, а затем губы снова начинали повторять те же самые действия — и точно так же без какого-либо видимого успеха. Без успеха — потому что если бы какой-то результат был, то в следующий раз губы стали бы артикулировать что-то другое, иные комбинации, — на деле же повторялось все то же самое. Похоже было, что старуха намеревалась заниматься этим до бесконечности; она не отрывалась от этого занятия и не меняла позы даже ради того, чтобы съесть что-нибудь или выпить, хотя и металлическая миска, и такая же кружка находились в двух шагах, на столе, стоило только (если не хватало уже сил встать на ноги) хотя бы на коленях приблизиться к столу и протянуть руку. Старуха, однако, то ли пренебрегала этим, то ли в ее мире не было ни белого лабораторного стола, ни всего того, что на нем располагалось (кроме еды и питья, два странных инструмента, более всего смахивавших на обычные медицинские инъекторы, только не прозрачные, а сплошь металлические, без разметки доз, зато с круглой шкалой на торце; три стрелки на ней, разной длины и цветов, были сейчас неподвижны; и еще — обычный электронный хронограф, подключенный к разъему на стене, у которой стол и стоял). Возможно, всего этого помещения, походившего на простенькую, едва ли не школьную или же принадлежащую провинциальной больничке лабораторию, в сознании старухи просто не существовало, оно было вытеснено чем-то другим. При условии, разумеется, что существовало само сознание.

Пауза кончилась, губы снова начали выполнять свою программу...

— Все сигналит, — сказал человек в комнате этажом выше, в очередной раз поглядев на монитор. — Пора бы уже понять, что нет смысла. А то мне, откровенно говоря, она уже начинает действовать на нервы.

— Я думаю, — ответил второй присутствующий, — она просто молится. В ее ситуации в голову вряд ли пришло бы что-то другое.

— В принципе я готов с этим согласиться — если она еще способна мыслить здраво. Но как раз в этом я сомневаюсь. Сколько там сейчас?

— Восемьдесят семь, — прозвучал ответ после того, как второй присутствующий бросил беглый взгляд на хронограф.

Первый только покачал головой:

— Цепкость воистину неимоверная. Сколько мы ей там оставляли?

— Выкачано было... Да практически все — у нее должны были остаться считаные дни. Но ведь вы лучше меня знаете, доктор: выкачать досуха пока не удается, да и емкость мы определяем еще с недостаточной точностью. Ничего, научимся и

этому — кстати, техники сейчас как раз занимаются этой приборной группой.

— Пока они еще чего-то добьются... Надо еще раз подключить ее — и качать до тех пор, пока она не протянет ноги. Там же работы осталось если не на какие-то минуты, то самое большее на час-два. Займитесь-ка этим, Сегот.

Второй, после недолгой паузы, проговорил медленно:

— С вашего письменного распоряжения, кан.

Первый удивленно повернулся:

— Что такое? С каких это пор...

— Она не под смертным приговором. И вообще — никакого приговора нет.

— Друг Сегот! Что делают с лабораторным животным, когда его роль в эксперименте сыграна? Как правило, усыпляют. И тут речь идет о том же самом. Она и не почувствует, как навеки уснет — вследствие полного исчерпания ресурса. Найдите-ка, в чем я ошибаюсь. Ни в чем.

— Если только считать, что человек равнозначен животному. О животных давно существует свод правил, определяющий, что можно и чего нельзя. А что касается людей, кан Тазон... А кроме того, у нас же нет заказа на результат.

Названный таким именем вздохнул:

— Честное слово, развеять ваши сомнения — задача примитивная настолько, что мне жаль тратить на нее время. Ладно, не хотите — обработаю ее сам. А что до ваших слов относительно заказа — результат пока не столь велик, чтобы о нем следовало специально докладывать. Мы и не станем. Просто-напросто воспользуемся полученным сами. И мне, да и вам, это не помешает. — И Тазон не без усилия поднялся со стула. — А вы понаблюдайте отсюда — дабы убедиться в том, что я сделаю это совершенно спокойно и аккуратно. И чтобы в будущем вы не затевали дискуссий по пустяковым поводам.

— Разумеется, кан Тазон. Я буду очень внимателен. Собственно, я могу даже проассистировать вам, поскольку это находится в пределах моих обязанностей...

— Отсюда вам будет виднее. Вы что, всерьез считаете, что мне там понадобится помощь — пусть и такая ценная, как ваша?

Сказав это, доктор Тазон повернулся и вышел из комнаты решительными, хотя и тяжеловатыми шагами.

На звук шагов вошедшего старуха даже не повернула головы. Тазон остановился в метре от нее.

— Мадам! — произнес он четко и громко, как обращаются к людям с нарушенным слухом или вообще восприятием. — Перестаньте бормотать. Пора бы уже понять: в каких бы полях вы ни пытались работать, ни единый квант излучения не

пробьется сквозь эти своды: у нас великолепная защита. Никто и никогда вас не услышит.

Не увидев никакой реакции на свои слова — впрочем, доктор Тазон на нее и не рассчитывал, — он повернулся, подошел к столу, взял прибор, напоминающий инъектор, и стал внимательно его осматривать, нажимая на кнопки, проверяя работу на холостом ходу. И продолжал, не умолкая — может быть, потому, что при всей его кажущейся уверенности чувствовал себя немного не в своей тарелке и непрестанная речь была нужна для успокоения самого себя, а вовсе не старухи, скорчившейся в углу.

— ...А потому бесполезно ожидать, что в вашу судьбу вмешается сказочный благородный рыцарь, одолеет всех и освободит вас. Да если бы такое и приключилось — что бы он стал делать с вами, красавица? Конечно, если он геронтоман... Тогда вам крупно повезло бы... хотя скорее ему следует быть некромантом, поскольку в самое ближайшее время...

Сделав три шага, доктор Тазон, держа инструмент в руке, приблизился к старухе вплотную.

— Ну, вот и я, прелестная. Пришла, как говорится, пора. При всем нашем восхищении вашей цепкостью и, так сказать, волей к жизни...

Надо было, чтобы руки перестали мелко дрожать. Да ну же!.. Хотя промахнуться было бы сложно: точка отъема на ней поставлена несмываемой краской. Ну вот, кажется, можно начинать. Только уж очень неудобно она уселась.

— Поднимите головку, драгоценная. Вы слышите? Голову, я говорю! Никакого терпения не хватит, честное слово! Ты, карга старая, я с тобой разговариваю! Подними голову!

Реакция оставалась прежней, вернее — полное ее отсутствие.

— Ну, не хочешь по-хорошему — пеняй на себя!

Доктор Тазон нагнулся. Схватил старуху за волосы. Рванул вверх...

— А-а-а-а... Оо!

Наверху Сегот, ассистент доктора Тазона, встрепенулся.

— Ну и ну... — только и смог пробормотать он, не в силах оторваться от монитора, словно надеясь, что изображение сейчас же даст задний ход, вернется к своему началу — и дальше пойдет уже совсем другая картинка. — Куда же это она ему угодила, а?..

На самом деле он отлично видел куда: в самое уязвимое у мужчины место. Эх, хорошо было Ахиллу: у него таким местом была пятка, а у доктора Тазона, как и у любого другого, повыше, и она ухитрилась попасть ногой именно туда, куда следовало, — то есть, конечно, куда не следовало, черт бы побрал!.. Ох, как он корчится, бедняга! Откуда только у нее взялось столько силы для такого удара — прямо скажем, профессионального? Хотя от женщины в любом возрасте всегда можно ожидать чего угодно...

Только когда все эти обрывки мыслей — в колонну по одной — прошагали в расстроившемся сознании ассистента, он спохватился и пулей вылетел из комнаты — оказать своему шефу первую помощь. Однако по дороге подумал, что такой же прием, чего доброго, может ожидать и его самого; поэтому он остановился, вернулся в ту комнату, откуда только что выбежал, и срочно вызвал охрану и медика.

Впрочем, Сегот опасался напрасно: когда помощь ворвалась в лабораторную камеру (наверное, такое название этого помещения будет самым правильным), старая дама снова сидела в своем уголке в той же позе, и губы ее все так же беззвучно шевелились. На вновь появившихся она не обратила совершенно никакого внимания. Поэтому ее трогать не стали. Охранники погрузили на принесенные носилки медленно приходившего в себя доктора Тазона и немедленно убыли, направляясь в медицинское отделение.

Только когда за ними захлопнулась тяжелая дверь, в камере возник новый, неожиданный звук. Он скорее всего напоминал каркающий, злорадный смех. Кроме старухи, тут никого не оставалось, так что приходится предположить, что смеялась именно она.

6. Вратарь-заика

Ровно три месяца назад я вышел из этого подъезда. Долгое отсутствие? Да нет, пожалуй, не очень.

Может быть, мне следовало как-то предупредить Лючану о том, что я спешу к ней, исполненный раскаяния, посыпая голову пеплом? Получить соединение по ВВ-информу было парой пустяков даже на Трешке, а уж тут, на нашей станции, можно было воспользоваться любым видом связи. «Да, скорее всего, надо было известить ее, — так размышлял я, шагая к дому, и чем ближе он становился, тем медленнее становились мои шаги. — Но я этого не сделал. Почему?»

Ответ был мне ясен еще до того, как я сформулировал вопрос. Да потому, что я боялся. Я мог поступить двояко: послать сообщение — или просто позвонить и поставить ее перед фактом. У каждого способа были свои достоинства и недостатки. На письменное сообщение она могла обидеться или, во всяком случае, истолковать неправильно: решила бы, что я до сих пор не желаю с ней разговаривать, — и сама настроилась бы соответственно. А если предпочесть голосовую связь — как знать, какое воздействие оказал бы на нее мой неожиданно прорезавшийся голос? Могло ведь получиться и так, что она захотела бы продолжить разговор с того самого места, на каком он прервался три месяца тому назад? Я отлично помнил, что в тот раз наше общение завершилось свинцово-тяжелым молчанием; вот и сейчас — что бы я стал делать, если бы Лючана, услышав ме-

ня, просто дала бы отбой? Да я не решился бы после этого показаться в дверях! Снова кинулся бы к ВВ — и опять на Стрелу Третью. Нет уж: лучше появлюсь неожиданно; пусть увидит меня — и по моему облику сразу поймет, что я пришел с повинной: настолько-то уж она меня знает. Итак...

Это «итак» означало, что я уже стою перед собственной дверью, почему-то вцепившись в свой непременный кейс, словно утопающий в спасательный круг, и безбожно медлю перед тем, как приложить ладонь к замочной пластине и предъявить глаза крохотным стеклянным зрачкам на внешнем выходе Вратаря. Набираясь храбрости, я сделал три полных вдоха и лишь после этого выполнил необходимые операции. Мгновение — и дверь передо мной распахнулась.

В прихожей царила мертвая тишина — во всяком случае, на протяжении той пары секунд, что требовались Вратарю для полной моей идентификации; то была процедура, неизбежная после любой более чем месячной отлучки. Потом прозвучало привычное, все так же невыразительное, да еще и с запинкой:

— Привет, хозя...

Его слова сразу же заставили меня насторожиться. Вратарь начал заикаться после той схватки, что произошла здесь в самом начале прошлой операции, о которой я уже не раз упоминал — и, наверное, еще буду. Мы обнаружили это, вернувшись в родные стены после завершения дела. Но ведь это было давно! Ну ладно, тогда мы начали восстановление семейного гнездышка с других работ; но ведь за три месяца, что меня здесь не было, могла же Лючана наладить у Вратаря акустический блок, вернуть ему нормальное произношение, чтобы он не проглатывал звуки.

Могла — но не сделала. А это уже вызывало если еще и не беспокойство, то во всяком случае некоторое недоумение. Потому что на Лючану такое действие, а вернее — бездействие, никак не походило. Она всегда чувствовала себя хозяйкой, а любая нормальная хозяйка не терпит беспорядка и неисправностей в своих владениях и старается устранить их как можно скорее. Нет, что-то не так было в нашем доме.

— Привет, Вратарь. Где хозяйка?

— Хозя... на ...ходе.

Иди теперь пойми его: на выходе? На подходе?

— Уточняю вопрос. Она дома?

— Хозя... не...ма.

Что скорее всего следовало реконструировать так: «Хозяйки нет дома».

Что же, это, наверное, не так уж плохо. До ее прихода я должен освоиться — почувствовать, что я действительно у себя дома и тут я — хозяин положения. И когда она придет — я встречу ее, а не она меня; в этом есть немало плюсов.

— Хорошо. Спасибо за информацию.

И я вошел в жилую часть. Двинулся, заглядывая во все двери подряд — чтобы убедиться, что все в порядке и мне не грозит обнаружить в ванной чужую бритву или в спальне — мужские пантуфли неизвестного происхождения. Могло ведь и такое предположение быть, верно?

Вещей неизвестного происхождения я не обнаружил и почувствовал, как основательный валун скатился с души. Но только один. А еще сколько-то их продолжало громоздиться на моей психике.

Потому что с каждым шагом и взглядом я все более приходил к невеселому выводу: здесь, в нашем с Лючаной доме, уже некоторое время никто не жил. Никто — иными словами, тут не жила она.

Начать с того, что уровень порядка, а вернее, беспорядка, против ожидания все еще царившего здесь, не изменился. Во всяком случае, практически. А это означало, что за минувшие три месяца Лючана и пальцем не пошевелила, чтобы сделать наше обиталище пригодным для нормальной жизни — такой, к какой мы привыкли.

Но трудно было представить, что она могла столько времени прожить в такой непотребной обстановке, ничего не сделав для того, чтобы восстановить, хотя бы в основном, обычный уют. Нет, не могла. Ну, пусть не все, не до мелочей, но хотя бы...

Хотя бы выкинула то, что более или менее обгорело, когда по мне тут пытались вести огонь. Мы тогда успели ликвидировать только то, что просто резало глаза, но оставалось еще достаточно. Хотя бы избавилась от осколков битой посуды: они еще при моем участии — как раз вечером накануне нашей ссоры — были приготовлены к эвакуации и так и остались лежать около мусоропровода. Хотя бы... Ох, да тут без конца было всяких «хотя бы»!

Вывод: она так или иначе перестала жить здесь почти сразу после того, как сбежал я. Не захотела — или не смогла? Или?..

Может быть, после случившегося тогда разлада стены стали давить на нее с такой силой, что ей было трудно здесь оставаться. То есть она решила сменить обстановку точно так же, как сделал это я, и, быть может, таким же способом? Так выглядел первый из выстроенных мною вариантов.

Второй был не лучше: она заболела. Причин для этого имелось более чем достаточно: участвуя в операции, она устала не меньше, а может быть, даже больше моего. И когда к этому прибавился неизбежный стресс, результат нашей с ней... нет, размолвкой это не назовешь, нашей ссоры, скандала... здоровье не выдержало. И она свалилась.

Никогда, никогда не прощу себе этого!

И, наконец, третья гипотеза: кто-то хотел отыграться на ней за провал замысла «Уракары». Вернее, отыгрываться-то следовало прежде всего на мне, но меня тут не оказалось, а

ее участие в операции вряд ли оставалось секретом для тех, кто серьезно интересовался той историей. Нагрянули, схватили, похитили и...

Я еще раз прогулялся по нашему жилью, на сей раз уделяя все внимание тем вещам, которыми в нормальной жизни пользовалась — преимущественно или исключительно — только она.

Ее половина гардеробной; вообще-то, конечно, ее «половина» занимала более двух третей места, но это и естественно. Собираясь куда-то, человек, в зависимости от цели своего выхода, берет с собою разные, достаточно определенные наборы. Отдохнуть — одно, гульнуть — другое, делать, скажем, закупки — третье, а уходя навсегда — все подчистую. Как же собралась она сейчас?

Одежда: все вечернее — здесь, вряд ли в мое отсутствие она стала всерьез обновлять свои наряды. Хотя, конечно, могло быть и так. Вырвать память с корнем! Но... но вот это платье она не оставила бы ни за что. Потому что в нем она была, когда... Это уже не просто тряпка, это часть биографии. Нет, взяла бы, точно. Тем более что его можно просто засунуть в карман.

Как и этот вот пеньюар — ее любимый, в котором она выглядела просто потрясающе; даже сейчас при одном виде его у меня началось шевеление в организме. Нет, без него она не тронулась бы с места, если только...

Если только не собиралась возникнуть где-то не в своем естественном, а в каком-то другом облике. На что была мастерицей.

Обувь? Чего не хватает из того, что я помнил? Я всмотрелся и просканировал пару за парой, загибая пальцы для верности. Выходная — здесь. Спортивная, домашняя — тут. Теплая — на месте? Нет, не хватает зимних сапог. Нет и дорожных туфель — глухих, на низком каблуке. Так.

Ну а косметика, побрякушки — все такое?

Взято — насколько я могу судить — только самое необходимое — с точки зрения женщины, конечно. Малый набор леди.

С одной стороны, это вряд ли говорит о похищении. Хотя...

Во всяком случае, однозначного решения я пока не увидел.

Я быстро, почти бегом, достиг своего кабинета. Окликнул Вратаря:

— Когда ушла хозяйка? Не отвечай голосом, выведи на дисплей.

«За 2136 часов до текущего» — таким оказался ответ.

Я прикинул. Получалось, она исчезла в тот же день, что и я, — возможно, лишь несколькими часами позже.

Так. Ладно — будем искать.

Я задал поиск по больницам. По всем. И, после колебания, по моргам.

Даже для нашей техники это требовало времени. И пока компьютер работал, я открыл свою нелегальную установку ВВ-связи и запустил поиск ее ЛК — личного кода — по всей планете.

После этого я попытался найти что-нибудь для утоления голода: внезапно оказалось, что я хочу есть. Но уже заранее ощущалось, что в доме ничего не обнаружу. Так и получилось. То немногое, что оставалось в холодильнике, вряд ли стал бы пробовать даже умирающий с голоду. Придется делать заказ, его доставят через полчаса — если транспортная линия работает. Хотя она на кухне, а до кухни тогда военные действия не докатились.

Я уже приготовился было набрать нужный код, но в это время стали появляться результаты поисков.

В больницы — не поступала.

В морги — не поступала.

«Неопознанные», — скомандовал я. Голод как-то сам собою утих. Потому что все во мне сконцентрировалось на просмотре изображений. После первой сотни я понял, что эта работа не по мне. И задал сравнение по заложенной в компьютер тридиграфии Лючаны.

Пока компьютер трудился, я получил ответ по ЛК.

Ответ гласил: на Теллусе заданный номер не обнаружен.

«Ну-ну, — только и подумал я. — Все-таки как мы с нею похожи друг на друга! Даже когда делаем глупости».

У меня к тому мгновению уже полегчало на душе, потому что компьютер сообщил: среди неопознанных в больницах искомое лицо не обнаружено и не поступало. Среди неопознанных тел в моргах не обнаружено и в запрашиваемый период времени не поступало.

Значит — жива? Ну слава тебе, господи! Просто удрала с планеты, как и я. И наверняка — на другой конец Галактики, инстинктом угадав, в какую сторону кинусь я. Хотя и удрала как-то уж очень налегке.

Пришлось задавать поиск ЛК по всей Федерации. А время шло. Текло. Улетало безвозвратно. Я ждал. И мне стало уже всерьез казаться, что Лючана где-то терпит бедствие, ей нужна моя помощь — а я даже не имею представления, в какую сторону кинуться...

Надо использовать все возможности, — эта мысль настойчиво стучала в виски. Но разве я делаю не все? Осталось еще что-то? О господи, да, конечно! Вот уж не думал, что могу настолько отвыкнуть от собственного дома!..

Я снова — уже во второй раз сегодня — кинулся к древнему секретеру, под крышкой которого, позади полки с коллекционными изданиями, проделав необходимые действия, то есть раскрыв нужный том на... Черт, опять вылетело из головы — какое сегодня число? Шестое? Значит, на шестой странице, как и полчаса тому назад, приложил большой палец к красной,

готических очертаний буквице. Полка послушно уехала вниз, и передо мною опять оказался пульт ВВ-информа. Но на этот раз я не стал отправлять никаких сообщений и не сделал ни одного заказа. Сейчас мне требовалось другое.

«Хорошо, — думал я. — Уходя из дому, разобиженная Лючана не оставила ни строчки, ни слова для меня; что же, это можно понять: все ведь происходило впопыхах, под сильнейшим давлением глубоко оскорбленного чувства, но никак не здравого смысла. Но это ведь вовсе не значит, что она не переговорила, прежде чем исчезнуть, с кем-то другим: попросила помощи, убежища или хотя бы совета. Вот мы сейчас и попытаемся установить — с кем же ей пришло в голову переговорить?»

Все, что проходило у меня по ВВ — и входящие, и исходящие сообщения и разговоры, — аккуратно записывалось. Поскольку, когда мы были в делах и, значит, часто отсутствовали, — необходимо было держаться в курсе того, кто и почему интересовался нами — вместе или по отдельности, все равно. Ну-с, так какие же сюрпризы приготовил мне неодушевленный клерк?

Я установил ту дату, то проклятое число, когда все полетело вверх тормашками и я сбежал. Искали ли меня таким способом? А главное — искали ли Лючану, и еще важнее — искала ли, и кого именно, она сама?

Предчувствие не обмануло: сюрпризы и в самом деле были.

И относились они прежде всего к тому самому дню.

Почти через полтора часа после моего ухода кто-то открывал мой канал. Меня не было, и вызывавший отключился, не назвавшись и не изложив своего дела. Кто же это был? Определитель... Вот так раз: никакого следа. Хорошо закрытая линия. Таких не так уж много в нашем мире. Возьмем на заметку и пойдем дальше.

Кстати: а почему не воспользовались связью, чтобы найти меня? Тогда я ведь еще не успел принять никаких мер предосторожности.

Объяснение простое: я кому-то понадобился — срочно и здесь. Раз меня тут не оказалось, искавший наверняка (если его дело было действительно серьезным) запустил поиск, но как раз в это время я мог находиться вне регистрации: уже на Трешке, но еще не успел вступить в контакт с тамошними властями даже и местного уровня. Мог существовать и другой вариант: просто на Стреле Третьей я не был им нужен, вот и все.

Так-с. Что же произошло потом?

Опять интересно. Через полчаса — повторение того же вызова — и снова отбой. Выходит, тогда я всерьез кому-то понадобился. И с чего это я так страшно заторопился? Ну ладно, что сделано, то...

Стоп. Новая запись. Что там?

Нет. Это не меня ищут. На этот раз связь идет отсюда. Иными словами — действительно, Лючана обратилась к... к кому же? Уж этот-то код никуда не девался?

Он и в самом деле сохранился. Теперь можно было бы запросить его принадлежность. Если бы...

Если бы в этом была хоть малейшая надобность. А ее не было. Потому что этот код я знал уже давно — и не хуже, чем свой собственный.

Во-от, значит, как...

Лючане ответили. И разговор начал разматываться.

Я слушал, не пропуская ни слова и, на всякий случай, записывая его в память моего мика.

Мне больше и в голову не приходило — заказать еду. Я понял: пока не выясню, что и как за этим разговором последовало, — кусок в горло не пойдет.

А тут наконец и Федеральный поиск закончился. Ответ был по меньшей мере странным, хотя я уже заподозрил, что именно таким он и окажется:

«Искомый ЛК не погашен, однако установить местонахождение сейчас не представляется возможным».

Ага. Вот, значит, какие пироги.

Ну, что же. Кое-что я уже понял и еще что-нибудь пойму в ближайшее время: остается лишь найти хоть какие-то подтверждения своей гипотезы.

Я вышел в коридор. Открыл стенной шкаф, чтобы водворить на место мой оперативный кейс прежде, чем выйти на улицу: не столько потому, что сейчас он мне вряд ли понадобится, но главным образом по той причине, что с ним меня просто не впустили бы туда, куда я вознамерился попасть.

И только тогда мне пришло в голову то, что должно было возникнуть в самом начале. То самое подтверждение гипотезы.

В этом отделении шкафа наши оперкейсы всегда стояли рядом. И когда я хватал свой, убегая из дому, ее кейс оставался на своем месте — в соседнем гнезде.

Сейчас я водворил свой на место. И тут только до меня дошло, что ее снаряжения на месте нет.

Значит, уходя, она взяла его с собой.

А это могло — должно было — иметь определенное значение. Иными словами, услышанный мною разговор трехмесячной давности получил дальнейшее развитие.

— Вратарь!

Он не ответил. Просто не услышал: микрофон связи — тот, что был в коридоре, — тоже остался незамененным со дня начала той операции. Пришлось спросить уже из прихожей:

— Кто сейчас ведет дом? Текстом!

Он нарисовал незамедлительно (хоть эти его узлы остались невредимыми, и на том спасибо!):

«Хозяйка передала управление мне».

— Сколько раз она выходила в тот день?

«Два раза. В двенадцать семнадцать, вернулась в тринадцать пятьдесят пять. И второй раз в четырнадцать тридцать. Еще не вернулась».

Это я и сам видел — что не вернулась...

Вот и последнее доказательство — того, что Лючана ушла, покинула свой дом по собственной воле и в здравом уме. А то, что не оставила мне никакой весточки — ни на бумаге, ни в записи, ни у Вратаря для передачи мне, говорило лишь об одном: после состоявшегося разговора она продолжала думать обо мне все так же, как и в предыдущую ночь и ранним утром, закрывая за собою дверь.

Хотя — только ли по этой причине?..

Сейчас я окончательно понял, куда пойду и с кем и как буду разговаривать.

— Стереги дом! — сказал я Вратарю на прощание.

— Да, хозя, — послал вдогонку мне косноязычный бедняга.

Я выскочил на улицу. Вместо стволов армагской чинкойи вдоль тротуаров сейчас стояли какие-то другие деревья. Но на это мне было уже наплевать.

На рекламном щите, нависавшем над проезжей частью, картинка сменилась; теперь горнолыжник в полном снаряжении и с улыбкой от уха до уха призывал: «Вас ждет Улар! Чудесная природа, высокие заработки, спокойная жизнь! Почему вы еще не там? Время уходит!» На это мне было тем более наплевать.

Так я в тот миг подумал.

7. Старый друг — лучше новых двух?

Генерал Иванос, первый заместитель директора Службы и человек, с которым мне приходилось не раз работать плечом к плечу в очень непростых условиях, не отрывал глаз от пластинки моего разового пропуска (который мне согласились выдать далеко не сразу; три месяца — срок пусть и не очень большой, но каждая новая задача невольно оттесняет все предыдущие, уже решенные, на все более дальние рубежи памяти, так что меня вспомнили только с большим усилием). Иванос вроде бы выискивал на глянцевых поверхностях карточки что-то, впечатанное, может быть, невидимой краской и способное помочь ему найти нужный тон — или уровень откровенности в разговоре со мною.

Это продолжалось уже больше минуты — после того, как я изложил ситуацию и спросил прямо: что ему известно о Лючане, ее местопребывании и вообще обо всем, что могло быть с нею связано, а если и неизвестно ничего, то что он может предположить? И вот он молчал и пытался вычитать нужный ответ с моего пропуска; так, во всяком случае, это выглядело.

— Да нет там ничего! — произнес я намеренно резко, чтобы заставить его сказать хоть что-нибудь. — Посмотри на меня! Прояви хотя бы чуть-чуть официальной вежливости, если уж на большее тебя не хватает!

Как бы повинуясь, он перевел взгляд на меня. Чуть поднял брови. Это, насколько я его знал, означало, что генерал колеблется, делая какой-то выбор. Уж и не помню, когда такое приключалось с ним в последний раз. Давно. Он вздохнул и заявил:

— Слушай, Ра, я вроде не давал согласия стать поверенным в части твоих семейных проблем...

Он употребил «Ра» — сокращенное от «Разитель» — кодового прозвища во времена моего пребывания в кадрах Службы. Вероятно, это должно было означать, что Иванос хочет быть со мною предельно откровенным, как со своим, — хотя и в тех рамках, разумеется, какие возникали неизбежно именно потому, что своим я все-таки уже не был. Нет, ни в коем случае я не стал «чужим», но «не чужой» это одно, «свой» же — совершенно другое, и уровни их допуска разнятся на порядки.

— Не коловращай турнюром, генерал (я так изысканно выразился, хотя мог бы сказать просто «не верти задницей», потому что Иванос никогда не любил «красивых слов», они вызывали у него чуть ли не аллергический приступ). Свои семейные проблемы мы с Лючей решим как-нибудь сами. Но для этого нужно сперва найти ее. Все общегражданские пути я уже испробовал. По нулям. Вот я и пришел к тебе.

— Что, по-твоему, тут бюро розыска пропавших без вести? Многое же ты успел позабыть о нашей конторе!

— А вот сейчас проверим, — сказал я, стараясь не обращать внимания на нотку пренебрежения, проскользнувшую в его голосе не случайно, а совершенно намеренно: чтобы вызвать у меня всплеск нежелательных для меня же эмоций и помешать спокойному и логическому ведению разговора. Но если так — значит, было у него за душой что-то, что относилось к делу, но чего он не хотел — или не мог — сообщить мне. Во всяком случае, открытым текстом. Вернее всего — не имел права. Мои самые серьезные допуски давно перестали действовать, не получив возобновления, потому что они предназначались лишь для людей Службы без приставки «экс» — ну и для разных больших политических шишек, которые по скудости ума считают, что Службы работают на них — в то время, как на деле они работают на Мир Теллуса, — ну и на себя самих, безусловно.

— Как это ты проверишь, интересно? — чуть усмехнулся Иванос. — Может, начнешь меня допрашивать, предупредив об ответственности за ложные показания?

— Допрашивать не имею права, — признал я. — И насчет ложных показаний — тоже. Но это и не нужно, *мне* ты врать не станешь. Тем более что мне твои федеральные и

прочие секреты до лампочки. Я хочу только, чтобы ты сказал: где Лючана?

— Да откуда я...

— Стоп! Ты на грани лжи.

— Не понимаю: с чего ты взял, что мы должны знать о ней хоть что-нибудь и, в частности, куда она подевалась? Наверное — куда захотела...

— Может, она и захотела. Но забросили ее вы. Куда?

— Кто это придумал — что мы?..

— Никто. Тут придумывать нечего. Все яснее очевидного. Во всяком случае, для любого, кто способен замечать факты и делать выводы. Здраво рассуждать.

— Прямо-таки любопытно — насколько твой рассудок еще сохранил здоровье.

— Сейчас увидишь. Вот факты. Первое: уходя, она знала, что уходит надолго. И взяла с собою оперкейс. Его берут, когда отправляются на задание или, в крайнем случае, когда рассчитывают какое-то задание получить. Ты скажешь, конечно: «Ну да, раз она уходила надолго, то взяла с собой то, что понадобится ей для заработка, чтобы жить, ей тоже нужны деньги, не тебе одному». Так оно и было бы, если бы с деньгами был напряг. Но ты и сам понимаешь: наперекор обычаю, как раз тогда ни у нее, ни у меня этой проблемы не было. Ты целиком в курсе, поскольку немалую толику мы получили от вас — хотя были и другие источники. Она могла годами жить, пальцем о палец не ударив и сохраняя привычный уровень, а то и повыше. У нас раздельные счета, и у каждого — завещательное распоряжение в пользу супруга. Я проверил ее счет. Она сняла очень немного — примерно столько, сколько и я. Тогда же. И больше не трогала.

— По твоей логике получается, что и тебя тоже мы забросили на Трешку. Почему же я об этом ничего не знаю?

Я лишь отмахнулся от насмешки:

— Слушай дальше. С одной стороны: человек уходит быстро и надолго, оставив дом в беспорядке и взяв денег, как говорится, на карманные расходы.

Берет с собой оперативное снаряжение. Человек только что отработал большую операцию. Следовательно, внутренне он — еще на боевом взводе, не было времени расслабиться, он еще горит, дух его беспокоен, а тело успело уже в какой-то мере восстановиться. Это состояние и мне знакомо, и тебе самому, пожалуй, даже лучше.

Иванос слушал внимательно, не кивая головой утвердительно, но и не покачивая отрицательно, лишь время от времени шевелил губами, как бы пробовал на язык разумность и последовательность моих предположений; впрочем, это были уже не предположения, а уверенность.

— Человеку надо отключиться, — продолжал я, — от неожиданных и неприятных переживаний, касающихся его

семейной жизни. Что выручает таких людей, как мы, в подобных обстоятельствах? Только одно: дело, серьезная работа. У нас с Лючаной никаких очередных дел не было, мы их и не искали — намеревались как следует отдохнуть. Но вот дело внезапно и настоятельно понадобилось. К кому она обратилась бы за содействием такого рода, если не к вам? И даже лично именно к тебе — потому что ты знаешь нас лучше, чем твои коллеги, с ними, с молодежью, мы не работали, а с тобой — да; и мы по той же причине знаем тебя и, значит, доверяем тебе больше, чем любому другому...

Тут Иванос перебил меня:

— Это все правильно. Но ты верно сказал — «обратилась бы». Вот в этом «бы» и все дело. Сослагательное наклонение. Оно никак не свидетельствует о факте.

— Ладно, — сказал я, — попробуем обойтись без «быканья». Вернемся к фактам. Номер первый: она позвонила тебе по закрытой связи и договорилась о встрече.

— Вот те раз! Откуда ты это взял?

— Ну, генерал! Скажи, откуда она тебе звонила? Ты, конечно, не преминул установить аппарат, с которого... Иначе было бы непрофессионально. И увидел, что она воспользовалась не домашней, поскольку у нас ее быть не должно, но обычной уличной установкой связи — потому что именно на такую установку показали твои приборы. И ты ее пригласил прийти для серьезного разговора.

— Сколько я тебя знаю, Ра — никогда еще ты не фантазировал в таких масштабах и столь безудержно. Давай дальше в том же духе. Как звали старушку, которую я — топориком?.. За что? Чтобы не рассказывала тебе страшных сказок?

— Ива, милый! Ты все-таки основательно отвык от нас. Ладно, внесу ясность, но с условием: моя откровенность не поведет к нежелательным для меня — и для Лючаны — последствиям.

— Ну сажать тебя под арест до выяснения или нет — я еще не решил... Хорошо, обещаю.

— Так вот. Люча не пользовалась никакой городской точкой — поскольку у нас дома существует своя, я ее сохранил с лучших времен, уцелевшие еще наши допуски дают нам право иметь такую аппаратуру, а из регистрационных списков она по какой-то странной случайности (тут он иронически усмехнулся) выпала. Оттуда, из моего кабинета, она и разговаривала с тобой, а как отвести твой поиск источника, перевести его на любой другой аппарат — этому нас учить не надо. На моей же установке, дорогой генерал, все разговоры пишутся по автомату и сохраняются вплоть до команды на стирание. Хочешь, чтобы я воспроизвел тебе весь ваш разговор? Он у меня в мике — для верности.

— Сукин ты сын, — проворчал Иванос. — Нарушаешь

 закон.

— Слушай, — сказал я, — а разве для нас когда-то существовали законы? Мы живем — и ты, и я, и любой такой же — не по законам, а по правилам игры. И я их ни в чем не нарушил. Или ты считаешь иначе? Тогда будем спорить. Только время-то уходит.

— Но это был, как ты говоришь, первый факт. А второй? Хочу быть в курсе всех твоих аргументов.

— Сделай одолжение. Второй заключается вот в чем: она просто не могла бы уйти, так и не оставив ни словечка — ну, хотя бы у Вратаря для передачи мне. Скорее всего, это были бы очень крутые и неприятные слова — но уж такова она: ей нужно, чтобы последнее слово всегда оставалось за нею. И она не преминула бы сделать это, если бы не та единственная причина, которая могла ее от этого удержать. Причина называется «Уровень секретности». То есть ее подключили к операции настолько закрытой, что даже сам факт ее ухода не должен был нигде фиксироваться. Потому что она отлично знала — да и ты, приятель, тоже, — что я уже по одной ее интонации понял бы достаточно много, это могло оказаться тем концом ниточки, ухватившись за который я стал бы разматывать весь клубок. А это ты считал недопустимым — поскольку я в деле не участвую. Она ничего не оставила потому, что ей запретили. А из всех, кто мог наложить такое табу — и кого она бы послушалась, — ты у меня идешь под номером первым.

— Да, — уронил он невесело. — Спасибо за высокое мнение. Ну ладно, был такой разговор. И приходила она сюда. Лично я ее и пригласил. У нее тогда была одна мысль: найти тебя. И она почему-то решила, что я в курсе дела, где ты можешь находиться. Ну, я помог ей — навел справки по ВВ-станциям и космопортам, а также и по внутренней сети. И доискался: выяснили, что ты удрал на Трешку. Она кинулась на ВВ. Оперкейс был с нею, да — это я теперь понял, когда ты мне сказал, а тогда я подумал — ну, нормально, бельишко там, косметика, зубная щетка... Мне тогда, откровенно говоря, не до того было — хватало другой зубной боли. Ну, вот, она поблагодарила и убежала. На ВВ-станцию, как я полагаю. И исчезла. Так что все твои идеи насчет закрытых операций и всего подобного на сей раз не соответствуют.

— Исчезла... Может, объяснишь подробнее? И о зубной боли тоже?

Иванос глянул на меня искоса:

— Да уж придется, наверное...

8. Доктор Тазон в затруднении

— Нет, — сказал доктор Тазон ассистенту Сеготу, — с этой чертовой бабой я больше связываться не стану. Немыслимое дело — нападать на ученого! Да и она уже, по сути дела, пустая — помрет и без нашего вмешательства. Ах ты, гос-

поди, как эта дрянь ухитрилась меня... Ну уж дудки — без охраны я к таким больше не ходок.

— Врач сказал — вам повезло. Если бы...

— Сегот! Об этом нигде ни слова — приказываю! Не хватает только, чтобы о подобном казусе стали болтать в научных кругах и тем более — в руководящих. Воистину — беда приходит оттуда, откуда ее меньше всего ждешь.

— Может быть, просто не кормить ее, кан? Тогда она протянет совсем недолго.

— М-м... Мысль хорошая, однако... Все же это было бы неэтично, вам не кажется? Доверимся природе — и тому, что наши расчеты достаточно точны и счет у нее пошел на часы, не более. Хотя, конечно, когда имеешь дело с женщиной...

— С очень старой женщиной, доктор. Как говорится, люди столько не живут.

— Вероятно, это было сказано о порядочных людях, не так ли?

Доктор Тазон вздохнул. Пальцами осторожно потрогал место, где все еще болело. Поморщился. И решительно тряхнул головой:

— Однако же работа прежде всего. Интересы науки. И Фирмы, разумеется. — Он полуприкрыл глаза. — Еще немного, и я смогу доложить кану Элюру об успехе, о небывалом успехе. И тогда...

О том, что будет тогда, Тазон помечтал молча и совсем недолго. После чего проговорил уже совсем другим тоном:

— Ладно. Давайте займемся следующим. Его доставили?

— Он в приемной, кан.

— В каком он состоянии? Впрочем, это я сам увижу. Полагаю, вы распорядились, чтобы его лишили возможности... поступать неожиданно?

— Его подвижность предельно ограничена.

— И ноги тоже?

— По-моему, опасности на этот раз никакой.

— Каков его возраст? Ага, двадцать восемь. Очень хорошо. Где результаты анализов?

— Лежат справа от вас, кан.

— Ах да. Ну-с, что там с его ресурсом? О-о! Совсем недурно, совсем. Теперь так: условия мы изменяем. Если у старухи брали по одной десятой, то на этот раз увеличим отбор до одной седьмой. Вы же знаете: в идеале было бы добиться полного отбора за один сеанс, тогда можно будет говорить о промышленном применении. Но подходить к этому будем постепенно, методично. Не забывайте о съемке: все должно быть зафиксировано, до последней мелочи.

— Позвольте спросить, доктор, вы и в самом деле считаете, что дело дойдет до промышленного применения вашей методики?

Доктор Тазон ответил, вздохнув:

— Боюсь, Сегот, что этого не избежать. Меня это, конечно, устраивает, да и вас тоже должно, не зря же мы работаем. Но в целом... Доктор Крат только вчера сказал мне — неофициально, разумеется, — что Аномалия ведет себя не лучшим образом. И чем дальше — тем хуже. Так что... мы должны быть к этому готовы. — Он снова осторожно потрогал больное место. — Мы могли бы завершить все намного раньше намеченного, но нет материала. Сегот, вы же знаете это не хуже меня! Вот и приходится возиться со всякими отбросами, вроде этой бабы. А будь у нас полноценные объекты для отработки технологии и будь их достаточно много...

— Могу я высказать одну мысль, доктор?

— Странный вопрос. Для чего же еще вы здесь?

— Благодарю вас. Я хотел как раз по этому поводу. Материал. Сырье, так сказать. Оно же поступает на планету каждый день — и в немалых количествах. Не говоря уже о навтах с эскадры — их ведь не меньше сотни там, в дальнем корпусе, под охраной. Отчего бы вам не воспользоваться этими — ну, скажем, пленными и приезжими?

Тазон печально усмехнулся:

— Сегот, захваченные навты — это, так сказать, заложники. Мы ведь еще думаем о переговорах с Федерацией, даже пытаемся вести их — и будем так делать, пока не завершим программу «Пигмей». Это можно понять. А что касается иммигрантов и прочих — их же привозят не для нас.

— Ну и что?

— Никто не разрешит мне...

— Нет, конечно. Но зачем спрашивать?

— Не совсем понимаю.

— А ведь все так просто, доктор! Прибывшие проходят через столько формальностей и по разным ведомствам: медицина, кадры, группа безопасности Второго отдела, служба быта и прочее... Если одной процедурой станет больше, кто это заметит? Уж не сами иммигранты, во всяком случае.

— Да, процесс сложный. Постойте, что вы, собственно, имеете в виду?

— Всего лишь то, что и мы можем включиться в него. Для пробы — в одном из каналов всего лишь. Лучше, по-моему, в канал завербованных — они сюда летят по своей воле и воспринимают все спокойнее, в отличие от тех, кого доставляют с корабельных и ВВ-перехватов.

— Включиться? Каким же образом?

— Да каким угодно. Например, еще один медосмотр. И по ходу этого осмотра отбирать — понемногу у каждого, но ведь их немало!

Доктор Тазон покачал головой:

— Медики обязательно пронюхают. И поднимут страшный скандал! А нам после этого станет практически невозможно выступать с предложениями... Пробиваться наверх всегда трудно, вы же знаете. Вам самому разве легко было — из фельдшера группы безопасности сделаться моим ассистентом?

— Нелегко, хотя сложности оказались преодолимыми. Хорошо, доктор, пусть не осмотр. Вот другая возможность: там вокруг них кормятся всякие лавочки — открыть свою, посадить двух-трех человек, таких я найду. Продавать что-то привлекательное. Для работника — ну, скажем, хороший инструмент. За мелочь. Но — тоже с осмотром, без которого якобы инструмент купить он не может, как оружие, например. Главное — усадить его в кресло, а уж там появлюсь я...

— Вы? Ну да, никто другой и не сумеет... М-да. С одной стороны, конечно, тут могут быть всякие осложнения — однако больно уж заманчивую комбинацию вы придумали. Очень хорошо. Кстати, к перехваченным это применять еще проще. Их ведь доставляют спящими: просто не будят в капсулах, вы разве не знали? У них, спящих, зондируют сознание — чтобы вовремя отловить опасных типов. Всякие разведки не дремлют, как вы сами понимаете. А нам у спящего отобрать куда проще, он и не спохватится. Смело можно брать десять процентов...

Тазон прервал сам себя:

— Но мы теряем время, Сегот. Включайте экстракцию. И сажайте этого кролика — назовем его так — в кресло. Понимаете, пока мы не поднимем КПД экстрактора хотя бы до семидесяти процентов, не имеет смысла выходить с моей идеей в директорат. Ну-с...

Он включил диктофон:

— Проводится эксперимент два — одиннадцать — ноль один. Объект эксперимента: возраст — двадцать восемь конвенционных лет, имя — Купст, происхождение — вероятно, мир Теллус, ресурс согласно анализу — от восьмидесяти пяти до восьмидесяти семи. Начало — в восемнадцать часов тридцать семь минут по местному времени. Сегот, готовы? Включайте!

9. Два с минусом за ответ

— Это уже потом, — сказал Иванос, внимательно разглядывая свои ногти и лишь время от времени поднимая взгляд на меня, — у меня возникла мысль, что исчезновение твоей жены, может быть, и связано с этой самой зубной болью, которая тогда только начиналась, зато теперь уже дергает так, что дальше некуда. Дело это, откровенно говоря, какое-то странное. Я бы даже сказал, иррациональное. Понимаешь — есть некоторое количество фактов, неприятных фактов. Событий, если угодно, происшествий, тенденций. Но они вроде бы не укладываются в одну корзину,

понимаешь? Не прослеживается между ними вроде бы никакой связи. А в то же время моя интуиция поисковика — и не только моя — прямо-таки громким голосом кричит, что все происшедшее — следствия одной и той же причины. Только мы — как в той древней байке — в положении слепых, старающихся представить себе слона и ощупывающих его с разных сторон. У нас — занимающихся этим делом — так и получается: один обшаривает ухо, другой ухватился за хобот, третий — за ногу, но представления о слоне как едином целом у них, понятно, не возникает: слишком уж он, так сказать, многогранен.

— Ива, — прервал его я, начиная испытывать нетерпение. — У меня все еще есть допуск, пусть не весьма высокий, — но давай говорить по делу хотя бы в рамках этого допуска. Баек я и сам могу тебе порассказать немало, но лучше отложим красноречие до спокойных времен.

— Постой, Ра. Не бывает оперы без увертюры — так что сиди и слушай; петь начнут, когда положено, не раньше, но и не позже. Скажи: что ты помнишь о Вневременной теории и практике? Когда возникли, кто это сотворил и так далее. Если твоя оперпамять этого не сохранила — пользуйся миком. Я должен знать степень твоей подготовленности — или ее отсутствия, — чтобы не тратить лишнего времени на объяснение того, что тебе и так известно. Приступай.

Честно говоря, вопрос показался мне не очень понятным. Точнее — он был как-то не к месту. Однако я давно уже привык к тому, что всякая мозаика складывается из множества исходных кусочков и что эти элементы смальты порою могут показаться не имеющими никакого отношения к делу — пока не поразмыслишь как следует.

— Ну, что же... — заговорил я медленно. — Теория Вневременного перемещения возникла — во всяком случае, первое сообщение о ней, предварительное, без детализации, было сделано ее автором на Восьмом Всемирном Конгрессе хронофизиков в Аделаиде, Австралия (по тогдашней географии), и было это через четыре года после возникновения ВВ-связи и через два — после запуска службы ВВ-информ, то есть в году... в году...

— Хронология известна. Но у тебя неточность. Сообщение на самом деле было сделано не автором, но от имени коллектива авторов — его руководителем. Так он, во всяком случае, был представлен. Дальше?

— Обожди, тут уже нужна справка. — Пришлось обратиться к помощи мика. — Сообщение было встречено с некоторым интересом, но без помпы, скорее всего, потому, что математический аппарат новой теории не оглашался. Суть дела поняли — как в древности было и с теорией относительности — сначала лишь единицы. Сенсации не возникло. Далее...

— А имя тогдашнего докладчика — от коллектива авторов — помнишь?

— Имя... Сейчас... Эр... Эрлик Синус, точно. Доктор Синус. Хронофизик. Заведовал в то время кафедрой по этой специальности в университете Васэда... нет, вру... В университете Фурукава, город Китакюсю, остров Кюсю. До того вел аналогичную кафедру в Кениата-колледже в...

— Достаточно. Развитие событий?

— Ну... там же, в Японии, через три года после этого сообщения, была создана первая в мире ВВ-транслаборатория, возникли попытки приложения новой теории к решению практических проблем космической вневременной транспортировки. Сперва грузов, потом и людей. Директором лаборатории стал все тот же Эрлик Синус.

— Соответствует. И?

— Первый удачный лабораторный эксперимент датирован десятью годами позже. Возглавлял лабораторию уже другой... доктор Прево Синус.

— Старший сын тогда уже покойного Эрлика. А затем?

— Первое испытание ВВ-связи в промышленных масштабах — через пять с половиной лет на линии Земля — Титан, по тогдашней топонимике. Признано удачным, хотя и с оговорками. Еще через год — уже без оговорок. В том же году возникла корпорация «ХроноТСинус», была зарегистрирована как семейное предприятие Синусов. Расширение сети ВВ-информа, затем универсализация, и, наконец, еще через три года корпорации удалось переманить к себе Астина Крата из «Кернэнерго», — человека, уже известного к тому времени среди энергетиков, хотя по образованию он хронофизик. А хронофизикам всегда было трудновато с трудоустройством: глубокая теория. Этот ученый использовал принцип Синуса, но вроде бы пытался применить его уже не к связи, а к телепортации. В корпорации «ХроноТСинус» это ему удалось, потому что к тому времени там возникли наилучшие условия для фундаментальных исследований. Потом, я слышал, он целиком ушел в теорию. Но его успех явился детонатором для взрыва — ускоренного разбегания человечества по всей Галактике. Не сразу, конечно, год-два новый вид транспорта использовали в ближнем космосе, потом — на поверхности планеты, но, наконец, шагнули и на Простор. Сейчас фирму возглавляет Элюр Синус — младший сын основателя. Старший погиб при столкновении его скользуна с...

— Очень неплохо. Ты только не отметил интересного факта: теория существует, но до сих пор, так сказать, не прописана в науке: вся суть ее остается закрытой. Странно, правда?

— Погоди, сейчас закончу. Насколько известно по публикуемым данным, дальнейшего развития или углубления теории Синуса не велось и не ведется — или же велось и ведется на таком уровне секретности, что ни одна Служба ни одного мира не имеет об этом никакой информации. Вот теперь все.

Иванос вежливо поаплодировал.

— В твоем присутствии я начинаю чувствовать себя недоучкой, — проговорил он серьезно, только в глазах виднелась усмешка. — Но все-таки: не ведется — или не разглашается?

— Насколько я знаю (прежде, чем дать ответ, я позволил себе немного подумать), за все последние годы о такой работе не возникало ни малейшего слуха — ни на каком уровне.

— Верно. Следовательно?

— Девяносто против десяти — за то, что работа ведется. И кто-то внимательно следит за уровнем слухов — и пресекает их в момент зарождения. Потому что предоставленные сами себе слухи рождаются постоянно и обо всем на свете — пусть и на самых низких уровнях.

— Браво. — На этот раз обошлось без усмешки. — Перехожу ко второй серии. — Я открыл было рот, но он покачал головой: — Это нужно, Ра, действительно нужно — иначе ты ни черта не поймешь. Хотя, может быть, все равно не поймешь — но так у нас будет хоть право надеяться. Итак, что такое ИТПВВФ? Не приходилось сталкиваться?

Поиск в моем мике занял несколько секунд.

— Отвечаю: Институт Теоретической и Прикладной Вневременной Физики. Вырос из лаборатории, о которой мы уже говорили. Принадлежит корпорации «ХроноТСинус», ею же, естественно, финансируется. Руководитель — тот же Крат.

— Пять с плюсом. Основные темы, разрабатываемые Институтом?

Я даже не стал задумываться:

— Тут я пас. Не имею представления, никогда не интересовался. А свои предположения только что изложил. Могу еще только добавить: помню, что разработка «Мгновенной бомбы», о которой одно время пошли всякие слухи, Федерацией была в законодательном порядке запрещена раз и навсегда кому бы то ни было. Но история, по-моему, доказывает: запрещай или не запрещай такие замыслы — все равно они будут реализовываться — открыто или подпольно.

— Вот и мы так думаем... — Иванос вздохнул. — И последний вопрос: местонахождение фирмы? Ее правления, Института, основных предприятий?

— Производят они, насколько помню, главным образом ВВ-технику — и информационную, и транспортную. А располагались вначале на Армаге, естественно. Там же, где обосновалось правление только что возникшего «ХроноТСинуса».

— Или ХТС, теперь его чаще называют так.

— Один черт. Дальше: в ноль восьмом году фирма переместилась в мир Милена — вероятнее всего, чтобы не платить сумасшедшие армагские налоги. Там находится и по сей день.

— А вот за это тебе влепили бы два с минусом.

— Это еще почему? — вопросил я тоном оскорбленной невинности.

— Потому что ответ неправилен. Ну, это понятно: твои дела никогда с этой корпорацией не пересекались — ты был рядовым ее пользователем, как и миллиарды других обитателей Федерации. И твоего внимания избежал тот факт, что и правление корпорации ХТС, и все ее дочерние предприятия, включая этот самый Институт, в очередной раз сменили местожительство.

— Снова бегство от налогов?

— Твердого мнения у нас нет. Но — сомнительно. Потому что вряд ли можно найти мир с более щадящей налоговой политикой, чем Милена; тем более что этот мир не связан ни с системой Армага, ни с нашей — он настолько независим, насколько вообще это может быть в рамках Федерации. Потому, вероятно, что до появления там ХТС эта планетка ни для кого не представляла интереса, ввиду своей бедности и бесперспективности как в сырьевом, так и в космографическом отношении. Она на окраине, для кораблей прыжки туда и обратно обходятся дорого, а толку практически никакого. Есть множество миров, в которые стоит вкладывать средства.

— Почему же ХТС опять сделала ноги?

— По-моему, ответ на поверхности. Но лучше будет, если найдешь его сам.

Думать и в самом деле долго не пришлось:

— Если некто покидает место, где ему было хорошо и откуда его никто не выталкивал и не устраивал каких-либо неприятностей, — причину я вижу лишь одну: отыскалось другое место — такое, где ему будет еще лучше — если не во всех отношениях, то, во всяком случае, в осуществлении его главных интересов. У них на Милене стали возникать сложности?

— Отвечу осторожно: нам об этом ничего не было известно. Следовательно, и никому другому тоже.

— Значит, «лучшее — враг хорошего». Где же они нашли это лучшее?

— Если ты сейчас не удивишься, значит, отупел окончательно и привлекать тебя к работе бессмысленно. Они переметнулись на Улар.

— Куда-куда?

— Ага! Проняло?

Я только покачал головой:

— Спасибо, что не заставил меня угадывать. Потому что в перечне обитаемых миров я бы не назвал его даже самым последним. Да он, по-моему, никогда и не был обитаемым. Во всяком случае, не считался. У нас ведь не дают статус обитаемого мира, если планету населяют каких-нибудь полдюжины отшельников! И если этот мир в последние месяцы не стал демографической Сверхновой, то Улар и посейчас...

Но тут я сам схватил себя за язык:

— Постой... Совсем вылетело из головы. Улар! Вербовка... Реклама... Значит, это их стали вдруг так раскручивать? Когда все это началось, ты говоришь? Ты ведь не зря учинил мне экзамен; ты что — теперь ведешь их? Там что-то не так?

Иванос ответил не сразу:

— Меня к этому подключили позже: этот их скачок произошел тогда, когда мы с тобой по уши увязли в уракаре и прочем. Так что мне пришлось вскакивать в дело уже на ходу. Но сперва это была просто обычная надзорная операция. А всерьез мы стали задумываться кое над чем незадолго до твоего исчезновения.

— Я вовсе не исчезал! Я совершенно легально... Ладно, сейчас это не важно. По-моему, ты путаешь со сроками. Я бы знал. И тогда, может быть, полетел бы не на Трешку, а на Улар. Но тут все было тихо.

— Знали только те, кому полагалось. Потому что эта акция «ХроноТСинуса» с самого начала была воспринята вовсе не как частное дело компании. Хотя, казалось бы, какое дело властям до перемены адреса фирмой — пусть даже и одной из крупнейших?

— Ты прав. — Я исправно изображал недотепу, чтобы подбить Иваноса на большую откровенность. — Что в этом страшного? Ну, переехали на другую планету. Вроде бы ничьи интересы не пострадали?

Иванос усмехнулся:

— Ладно, ладно. Ты не хуже моего знаешь, что властям не нравится, когда какие-то действия заметных лиц и тем более компаний не получают логического объяснения. Всякая неясность подозрительна, всякая подозрительность побуждает к действиям. А тут как раз ясности и не было. И тем не менее они, как бы вопреки здравому смыслу, оказались именно там. И этот мирок из богом забытого уголка Галактики превратился вдруг в центр самой, пожалуй, могучей корпорации в известной нам части Вселенной.

— Большая куча поводов для размышлений.

— Это тебе кажется, что куча. На самом деле это айсберг, девяти десятых которого мы еще даже и не видим. Ладно, задавай вопросы — я вижу, что у тебя язык чешется.

— Спасибо за любезное разрешение. Я бы и без него спросил. Перед тем как помахать Милене ручкой, они дали хоть какие-нибудь объяснения? Как-никак и куда менее значительные корпорации и системы перед тем, как внести в свою деятельность серьезные перемены, хотя бы ставят власти в известность, а киты, подобные ХТС, нуждаются в согласии на федеральном уровне, поскольку от деятельности этой компании зависят все и каждый. Значит, они должны были дать хотя бы формальные объяснения, типа, скажем, поголовной аллергии персонала на укусы миленских комаров. Независимо от их желания их спросили бы,

потому что это ведь заметный процесс: подготовить к эвакуации такую массу людей и оборудования... Так что же они сказали?

— А ничего. Потому что их и не спрашивали. Не спрашивали же по той причине, что никакой подготовки и не было. Милениоты легли спать, когда корпорация (а ведь это был целый город — правление ХТС) крутилась на полных оборотах, как каждый день с тех пор, когда она там возникла. А проснулись они в мире, где этой корпорации и след простыл. То есть следов, конечно, нашлось предостаточно, городок-то остался на месте, здания, дороги, службы... Но ни единого человека, аппарата, транспортного средства — ничего.

— Постой... Но ведь там у них находился и Федеральный центр ВВ-услуг; выходит, на какое-то время Галактика оставалась без ВВ? И никто этого не заметил? Не спохватился? Не затрубил тревогу?

— Удивись еще раз: никто и нигде не заметил ни единого сбоя. Все работало безотказно. Уж с этой стороны к ХТС никогда претензий не возникало, они всегда были на высочайшем уровне.

— Удивляюсь согласно указанию. И продолжаю спрашивать. Когда же Федерация осознала свершившийся факт? И потребовала ли власть объяснений хотя бы задним числом? Как-никак, для властей это вопрос престижа!

— Требовать не пришлось: post factum они сообщили сами. Как говорится, поставили в известность.

— И как объяснили?..

— А никак. Не сочли нужным. И только на второе настойчивое требование ответили весьма раздраженным тоном: дело, мол, в том, что дальнейшее развитие ВВ-науки и техники, в чем ХТС достигла, по их словам, успехов эпохального значения — без каких-либо подробностей, — требует проведения в ближайшем будущем целого ряда серьезных экспериментов, чьи последствия могут, в случае неудачи, хотя бы частичной, отрицательно сказаться на условиях жизни окружающего населения. Потому, мол, они и приняли решение переместиться туда, где этого населения, по сути, и не было.

— Что за эксперименты? — насторожился я. — Хоть что-нибудь у вас об этом есть?

— Я ведь сказал уже: ни полслова.

Тут настало самое время выдержать паузу.

10. Доктор Астин Крат, тот самый

Между тем, если бы этот самый вопрос был задан доктору Астину Крату, главному хроноэнергетику, а точнее, главному энергетику и главному хронофизику все той же фирмы «ХроноТСинус», он, конечно, смог бы удовлетворить любопытство спрашивавших без всякого труда. Если бы захотел, конечно.

Однако, скорее всего, ни с кем из посторонних Крат на эту тему разговаривать бы не стал. Как и на многие другие. А если бы кому-нибудь уж очень захотелось бы завести с ним разговор, спрашивать следовало бы совсем о другом.

Вот если бы доктор Крат услышал такое: «Астин, ты доволен жизнью?»

То уже одного взгляда, полученного в ответ, оказалось бы достаточно, чтобы понять: нет. И еще раз — нет. Тысячу раз — нет!

Хотя причин для такого отношения к своей жизни вроде бы у него не было.

Оба занимаемых Кратом поста принадлежали к высшим должностям на фирме; но, похоже, это обстоятельство не очень-то радовало хронофизика, не тешило его самолюбия. Потому ли, что необходимость координировать деятельность обоих отделов отнимала все больше времени от работы по его собственной тематике? А работа эта, безусловно, с каждым днем приобретала все большее значение не только для науки (которую, даже при самом горячем желании, нельзя было счесть его личным делом), но и для самой фирмы, и всего Улара в целом. Того самого Улара, который еще не так уж давно казался ему — и Тине, его жене — просто подарком благосклонной судьбы, даром небес, если угодно. Или у него были и другие причины предъявлять претензии к судьбе?

Если бы вопрошавший, не удовлетворившись взглядом, попросил бы более конкретных объяснений, он, возможно, услышал бы вместо ответа встречный вопрос:

«Как по-вашему, был бы сэр Айзек доволен, если бы направления и программы его исследований определялись и направлялись, скажем, ост-индской компанией? Или великий Альберт — если бы судьбой «частной теории относительности» распоряжался тот банк, в котором он во время ее создания работал клерком?»

Именно так и назвал бы он и Ньютона, и Эйнштейна: запросто, по именам. Что позволяет предполагать, что себя доктор Крат тоже причислял к фигурам именно такого масштаба — и не только в физике, но и в судьбе человечества. Имея в виду, возможно, именно то, что, не подпиши Эйнштейн письмо, направленное учеными Франклину Рузвельту, неизвестно, возник ли бы «Манхэттенский проект», приведший к созданию атомной бомбы.

Будь у него хотя бы тот уровень независимости, какой и Ньютону, и Эйнштейну давали их имена, может быть, Крат и не возражал бы против применения полученных им результатов даже и в военной области.

Но — увы! — имя его, хотя и было известно и пользовалось уважением, — но лишь в пределах фирмы; а покинуть эти пределы (ни лично, ни хотя бы в виде некоей информации) он не мог по причинам, которые вряд ли стал бы объяснять не только первому встречному, но и второму, и третьему, и энному.

Хотя, вполне вероятно, Крат и счел бы возможным намекнуть, что фирма «ХроноТСинус» — это вам не британская торговая компания и тем более не какой-то швейцарский банк двадцатого века.

Но после этого хронофизик наверняка прервал бы разговор и вернулся к своим размышлениям и повседневным делам, заставляя себя вновь стать человеком, живущим лишь интересами фирмы.

Поэтому сейчас, в начале рабочего дня, Крат лишь бегло просмотрел последние сводки — копии тех, что получали глава фирмы Элюр Синус и другие пять руководящих лиц — узкий круг. В сводках Крата интересовало главным образом участие отделов Института в промышленной и строительной деятельности, а также в поддержании уровня безопасности. Пока, кажется, все обстояло более или менее нормально. Подчиненная непосредственно ему самому группа хронофизиков, работавшая в программе «Пигмей», шла даже с некоторым опережением; строительство Второго Энергоцентра (так в обиходе называли «Метаморф ТЕ-2» держалось в графике, строящиеся заводы — Восьмой и Девятый — тоже. Выработка необходимой для жизнедеятельности фирмы энергии вроде бы росла...

Поджав и без того тонкие губы, Крат закрыл сводки и отвернулся от дисплея. Ожидать какой-то помощи от компьютера, даже такого мощного, каким был уларский «QS» — «Quasi Sapiens», — в волновавшем его деле не приходилось; думать и делать выводы необходимо было самому.

Дело же, дававшее ему все меньше покоя, заключалось в том, что выработка энергии в действительности не росла. Наоборот — падала. Пока не очень заметно для, так сказать, невооруженного глаза; но у Крата-энергетика было достаточно опыта и интуиции, чтобы почувствовать: это лишь начало процесса, и развиваться он будет достаточно быстро.

Почему?

Такой вопрос Крат-энергетик задал Крату-хронофизику. А тот, в свою очередь, переадресовал его Аномалии и теперь пытался получить от нее ответ, выраженный в цифрах и формулах, то есть на универсальном языке Вселенной. Ответ — если только это не простое «да» или «нет», — должен представлять собою связную фразу, состоящую из некоторого количества слов. И вот сейчас какие-то слова у Крата уже были. Но — он чувствовал — меньшая их часть. А остальные предстояло еще найти. А отыскав — построить из них ту самую фразу, которая и окажется искомой. Что тоже не просто, потому что из одних и тех же слов можно, как известно, построить фразы совершенно противоположного смысла — если неправильно расставить запятые и иные «перпиньяны», как Крат называл про себя знаки препинания.

Какие слова ответа он уже знал и что из них можно было сложить?

Прежде всего то, что причина неприятности находилась не на Уларе. Все звенья технологической цепочки по преобразованию сырья в энергию он уже проверил не раз и не два — и сам, и (что было надежнее) в сообществе с QS — и убедился в их полной исправности и надежности. Начиная с Глаза и кончая линиями электропередач. Причина таилась в источнике сырья: в Аномалии.

Она, попросту говоря, затухала.

Не было еще найдено слово, которое отвечало бы на вопрос: почему?

И не было другого, которое объяснило бы: затухала временно? Или навсегда? Колебательный процесс? Или окончательный?

Учитывая неимоверную сложность самого явления Аномалии, двоякую природу того, что она генерировала, полное незнание тех процессов, которыми вообще можно было бы объяснить ее существование, отсутствие соответствующей математики, заставляющее создавать эту математику на ходу (для чего следовало быть именно математиком, Крат же был всего лишь хронофизиком, то есть в математической Вселенной ему было знакомо не так уж много звезд), он не мог надеяться, что недостающие ключевые слова удастся найти быстро. Их придется отгадывать по буквам, создавая несколько вариантов сразу.

Это могло бы стать задачей всей жизни. Но интуиция подсказывала, что ответ необходимо получить не в годы и месяцы и даже не в недели, но буквально в считаные дни.

Иначе жизни не хватит — потому что она окажется слишком короткой.

Вот если бы найти другой источник сырья — хотя бы на время погони за ответом! Но это невозможно даже теоретически.

А впрочем... Кажется, о чем-то таком как-то заметил вскользь Тазон, хроногенетик?

Кажется, да...

Интересно. Что генетику делать в физических проблемах? Надо найти время, полюбопытствовать.

Пока же он нашел лишь минуту для обязательного, первого из трех, звонка Тине, жене. Каждый рабочий день он звонил ей трижды; это нужно было ему для спокойствия, для поддержания рабочего состояния.

— У тебя все в порядке?

— Все хорошо, Аст.

— Я люблю тебя.

— Я — тебя.

— Целую. До следующего.

— Ну, что же, — сказал я Иванису, когда пауза, во время которой мы собирались с мыслями, истекла. — Фирма сделала заявление, формально — протокол соблюден. И что же?

— Да все бы ничего, если бы только к этому сообщению не было одного маленького примечания.

— Ну, не тяни кота!..

— Примечание в таком духе: поскольку и подготовка экспериментов, и само перемещение в новый мир потребовало весьма существенных затрат и истощило финансовые резервы компании «ХроноТСинус», никакие налоговые отчисления в текущем финансовом году, а также, видимо, и в несколько последующих лет производиться не будут. Точка.

— Ничего себе, — сказал я. — Для Федерации это уже не вопрос только престижа. Это удар ниже пояса. Ведь, как я прикидываю, даже на Милене, при ее нежном налогообложении, они платили в казну, сравнительно с другими, чертову уйму звонкой монеты. Что же теперь остается властям? Постой, я подумаю сам. Ну да. Или повышать налоги в других мирах — но попробуй-ка заикнись об этом хотя бы на Армаге: половина Федерации, если не больше, сразу же пойдет в отрыв, — или официальный центр Обитаемых Миров придется наконец перенести на Армаг, чего наши теллуряне ох как не хотят. И вторая возможность: привести руководство ХТС в сознание — показать большой кулак и скомандовать: «Гони монету!». Как-никак, кроме ВВ, существует до сих пор и корабельная составляющая галактического транспорта — и Военный Космофлот в том числе. Вот его и попросить навести там порядок.

Иванос потер руки — но не от удовольствия, скорее наоборот, словно стараясь что-то стереть с ладоней.

— Пошли, конечно, по второму варианту, — произнес он каким-то бесцветным голосом.

— Что, и в самом деле послали ударную эскадру?

— Сперва просто прикрикнули. Потому что сила вроде бы была на стороне власти. Улар потому и пустовал, что ни черта пригодного там не обнаружилось. Для промышленности надо завозить и технику, и сырье — кому это нужно? Ну, дышать там можно, вода есть, хотя и не бог весть сколько, а вот жрать нечего, потому что жизни на планете вообще не было даже на уровне одноклеточных. И посеять ничего нельзя: почвы не успели образоваться, а уж пригодные для сельского хозяйства — и подавно: органики-то нет! Камень, вулканические породы, местами — песочек, чистый кремний — вот и весь набор условий. В недрах, конечно, что-то есть, но это надо еще найти и добыть! А пока все надо ввозить. Годами! И вот Федерация пригрозила этот кран им перекрыть. А чтобы в серьезность угрозы поверили — на все счета «ХроноТСинуса» в банках всех миров наложили

арест. Может, хотели скомпенсировать убыток федеральной налоговой службы.

— Судя по твоим интонациям — гром победы не раздался? Значит, реквием?

— Ну, чтобы не показаться голословными, в подкрепление угрозам послали Шестую эскадру. Командующий эскадрой адмирал Сигор, державший флаг на «Ярославе», был уполномочен, если ХТС сразу же не откажется от своих закидонов, предъявить им правительственный ультиматум, в котором санкция была — полная товарно-энергетическая блокада, и Шестая эскадра незамедлительно стала бы ее осуществлять.

Я кивнул:

— Нормальный замысел. Поскольку ни энергоносители, ни металлы по ВВ не передаются — во всяком случае, так было. Может, они нашли способ? И могут обойтись вовсе без корабельного транспорта? Или же все нужное на несколько лет успели запасти на самом Уларе? А контрабанда? Федерация обширна, за всеми не уследишь, а?

— Это я не хуже твоего знаю. — Иванос скривил губы, словно хлебнул горькой. — Только, как тебе известно, контрабанда ничего не производит, она лишь переправляет. Конечно, история подсказывает: производя в массовом масштабе те же наркотики, можно создать свою транспортную службу или же прибрать к рукам уже имеющуюся. Но если речь не о наркотиках, а в первую очередь о производстве, доставке и монтаже ядерной станции с запасом топлива для нее — а начать можно только с этого, без энергии мы беспомощны, — то это в кустарных условиях не делается. Задачей властей, и прежде всего Службы, стало не спускать глаз с производства именно этой продукции, ну, и затем подумать о возможных путях их контрабанды. Производителей такой техники в Федерации не так уж много, из них шестьдесят пять процентов — на Армаге и Теллусе, не в джунглях каких-нибудь, производство это — штучное, контроль и учет и сырья, начиная с добычи, и выхода продукции на уровне, поверь мне. Так что блокада — это угроза серьезная и реальная, она должна была заставить их там призадуматься...

— Призадумались они, — сказал я, — еще до того, как осуществили свое переселение. Потому что все это лежит на поверхности. И раз они на это пошли — значит, нашли какой-то выход. Такой канал, который мы перекрыть не можем.

Он пожал плечами:

— Ты все понял правильно — в рамках той информации, какой обладаешь. Но пока ты загорал где-то в приятном удалении от наших проблем, произошло чертово количество чертовых событий и возникло не меньше чертовых явлений. Эскадра вышла для блокирования Улара — то есть чтобы ни один корабль, даже самый крохотный транспорт, не мог добраться до по-

верхности планеты. Три с небольшим дня мы поддерживали с эскадрой устойчивую связь. Потом она прервалась — и не восстановилась до сих пор. Связь по ВВ, разумеется. А еще через пару дней после этого в Просторе начали происходить нападения на транспортные корабли. Пиратские нападения — иначе назвать это нельзя. Атакованные корабли поначалу успевали послать хотя бы краткое сообщение. Потом и такие сигналы исчезли. Ничего удивительного, если помнить о том, что ВВ-институт — ИТПВВФ — переместился на Улар вместе со всей фирмой и наверняка продолжает там свои теоретические и прикладные поиски, как мы уже говорили, при полном соблюдении секретности. Это, кстати, тоже может быть причиной переселения. Выяснить, что у них и как, на Уларе, где, кроме них, никого нет, намного сложнее, чем на той же Милене. Так или иначе во всех проблемах, связанных с ВВ-пространством, Синусы разбираются на порядок лучше нашего. Поэтому я не удивлюсь, если окажется, что они нашли способ блокировать хотя бы локальные источники ВВ-активности, то есть заткнуть рот любой передающей установке. Но из того, что мы успели получить, стало ясно — нападения производились военными кораблями. Чьими? Ни один мир, естественно, не признался в таком использовании своего флота; да к тому же почти все они — лишь пользователи ВВ, неспособные как-то влиять на саму систему. А влияние, как почти сразу выяснилось, производилось не только на ВВ-связь, но и на транспорт: люди стали исчезать в миг ВВ-переброски, бесследно растворяться в пространстве — или не знаю где. По этим причинам всю Федерацию начало лихорадить: без непрерывного обмена информацией, без беспрепятственного перемещения по Галактике цивилизация в два счета распадется на множество изолированных миров и мирков, следствием чего станет неизбежный и все ускоряющийся регресс. Конечно, оставался еще корабельный транспорт; но когда слухи о пиратстве разошлись достаточно широко, в рейсы стало уходить все меньше транспортов — никто не хотел рисковать ни кораблями, ни людьми, — а из тех, что выходили, все меньше стало достигать миров назначения. Иными словами — пожар в борделе во время наводнения.

Иванос сделал паузу, даже закрыл на несколько мгновений глаза, как будто собирался с мыслями. И заговорил совсем другим тоном — словно сам не был уверен в своих словах:

— Ну ладно, все то, о чем я говорил, может быть, неожиданно, однако же объяснимо: и захват территорий, и пиратство — дела старые, давно знакомые. А вот дальше стали происходить такие события, аналогов которым мы в истории не находим. А именно: вдруг — как снег на голову — на рынках многих миров, сначала самых далеких и слаборазвитых, стала появляться продукция, изготовленная на Уларе. На Уларе! Где еще вчера ничего, кроме камней, не было!

— Вот как. Какая же продукция?

— Да самая обычная. Прежде всего — потребительская техника. Домашняя, уличная... Электроника. Сначала достаточно простая, но буквально с каждым днем все сложнее, на мировых уровнях. И недорого. Дешевле, чем предлагает любой уважающий себя мир. Конечно, количественно они пока еще в серьезные конкуренты не выходят. Но тут важен сам факт. Откуда что? Предприятия, сырье, рабочая сила... Не из воздуха же все это. Да там и воздуха нормального нет, человек еще пользуется, а уж тонкая механика — она, знаешь, разборчива...

Он прервал сам себя, покосился на меня с подозрением:

— Но я что-то не вижу, чтобы мой рассказ тебя очень удивил.

Я кивнул:

— Не удивляет — потому что, во-первых, второе вытекает из первого: откуда сырье и люди? Скорее всего, с захваченных кораблей. Заводы? Ну, если они смогли перебросить свою фирму, то почему же не прихватить и какие-нибудь сопутствующие предприятия?

— Да просто потому, что у «ХроноТСинуса» их никогда не было! Они если и производили, то лишь кваркотронику, связанную с ВВ. Даже сами установки, кроме них, теперь делают и другие фирмы — по их лицензиям. И к тому же они всю свою инфраструктуру оставили здесь, корпуса, как я уже тебе сказал, ни на каких кораблях не перетащишь, их надо строить на месте. Так что если даже они увезли с собой чертову уйму рабочих, то все равно на такое строительство понадобились бы годы. А тут — пара месяцев. Ну а почему еще ты решил не удивляться?

— Потому что ты говорил о пиратстве, исчезновении людей в процессе ВВ-переброски, о неизвестно откуда взявшихся кораблях — а вот мне пришлось уже столкнуться и с тем, и, пожалуй, с другим.

— Ну-ка, дай волю языку...

Я рассказал ему о моих приключениях. Слушая меня, Иванос хмурился все больше. Потом медленно проговорил:

— И это был «Ярослав»? Ты уверен?

— Как в том, что вижу тебя.

— Ты становишься важнейшим свидетелем — хотя бы потому, что тебе единственному удалось увидеть пирата — и вернуться живым и здоровым. Вообще вернуться.

Я покачал головой:

— Думаю, ты слишком низко меня ценишь. Таких, как я, свидетелей есть еще пять — экипаж «Стрижа», на котором я летел. А я могу рассчитывать на роль и посложнее. Причем — независимо от мнения твоей конторы.

Иванос усмехнулся:

— Не станем ссориться раньше времени, это всегда успеется. Но, раз уж ты сейчас здесь, а ту пятерку надо еще

найти и доставить, ответь хотя бы на такой вопрос: что это за корабль? Написать «Ярослав» можно на какой угодно посудине...

Конечно, спрашивал он не случайно.

— Ты ведь знаешь: во флотских делах я не специалист...

— Ну ладно, ладно!

— Это крейсер первого класса. Четыре носовых топ-дистанта, предполагаю, что и кормовых столько же. Дальше: пояс из шестнадцати контейнеров — похоже, ракеты автономного действия; как я понимаю — на случай, если противник снабжен зеркальной защитой. Теперь еще...

Иванос только кивал, пока я выцеживал информацию из мика; я и сам не подозревал, что мне удалось так много увидеть в те краткие секунды. Когда я выложил ему все, что имел за душой, он сказал:

— Ты говоришь, тексты с крейсера были анонимными?

— Да, конечно. Но зацепка для опознания все же есть.

— Интересно. Какая же?

— Ты помнишь, конечно, что в каждом случае выхода на связь корабельный передатчик в начале и в конце текста автоматически ставит свою метку, заключающую в себе и название, и бортовой номер. Чтобы этого не произошло, его надо отключить, но об этом знает и может сделать только специалист по военной связи. А там, возможно, специалиста и не было. Или же — он был, но решил метку сохранить. А поскольку «Стриж» сейчас на Теллусе и его команда тоже, то вряд ли для вас составит проблему получить и изучить записи текстов с крейсера.

— Хороший совет. Спасибо. Ну а по-твоему — чьим может быть этот корсар?

У меня не было желания огорчать его, но дело оставалось главным.

— Я думаю, что это действительно флагманский корабль нашей эскадры, Ива. Если только на Армаге все крейсеры этого класса налицо. Потому что только у этих двух миров такой класс вообще имеется.

Генерал хмуро кивнул. И развил мою мысль:

— А если это наш корабль и эскадра находилась возле Улара, значит — это их рук дело. А?

— По логике — так. Я уверен, что на «Ярославе» не было нашего экипажа. Во-первых, потому, что профессионалы не дали бы «Стрижу» ускользнуть: времени для задержания было с лихвой. И во-вторых, будь у них такая возможность, тексты подписали бы именем капитана, но для этого нужно знать капитанский кодовый номер, а похоже, он им неизвестен.

— Даже не капитанский, а адмиральский: «Ярослав» — флагман. Но каким способом можно захватить целую эскадру, вполне боеспособную, даже не повредив кораблей? И к тому же — так молниеносно, что они не успели сообщить о происхо-

дившем — или еще только угрожавшем — ни слова, ни звука никому на свете: ни своему командованию, ни... да кому угодно!

Я кивнул.. Потому что всем — и мне в том числе — было прекрасно известно: ХТС являлась крупнейшей и единственной частной ВВ-системой, держателем всех, или почти всех, патентов, и так далее. Но еще в пору становления ВВ-связи право безвозмездного и бессрочного пользования патентами было передано Федерации, что же касается ВВ-транспорта, то он, хотя об этом говорить не любят, вырос из союза с военной промышленностью, в основе своей принадлежавшей государству. Так что помимо общегражданских ВВ-систем, принадлежавших ХТС, существовали еще и федеральная правительственная, и федеральная военная ВВ-структуры, не говоря уже о локальных ВВ-сетях отдельных миров. Поэтому отключить эскадру от связи с Федерацией Улар никак не мог — во всяком случае, насколько это было нам известно. Разве что какой-то из тайных экспериментов дал корпорации новые возможности в таких делах?

— Да, — согласился я. — Как и что могло помешать их выходу на связь?

— Вот это мы очень хотели бы понять. А твои предположения?

— Знаешь, я с детства был недоразвитым ребенком...

— Слышать такое от тебя — по меньшей мере странно.

Я невольно провел ладонью по лбу, по глазам.

— Прости. Я и в самом деле сморозил глупость. Если говорить прямо — я не знаю такого способа. Там же не любители были, я имею в виду — на эскадре, и так просто с ними никто бы не справился. Но это не главное. Если бы сейчас я мог спокойно думать, я бы в первую очередь стал размышлять о другом. Можно — пусть с какими-то натяжками — объяснить, откуда взялись люди, сырье, даже первоначальное оборудование. Но не вижу пока возможности объяснить: каким образом они нашли время для такого стремительного развития? Время нельзя награбить, пиратствуя, и невозможно обнаружить в перехваченных ВВ-перебросках. Вот действительно повод для серьезных раздумий или хотя бы догадок. Но извини (я развел руками для выразительности) — на меня не рассчитывай. Я сейчас не в том состоянии. Сам понимаешь почему. Для тебя сейчас, естественно, существует лишь одна проблема. А у меня их две. И Лючана — первая из них и главная.

— Да, — кивнул он. — Так ты считаешь. На самом деле это одна и та же проблема — только с разных точек зрения. Я сказал тебе, что Лючана исчезла, когда бросилась вдогонку за тобой. И если бы даже все происходило именно так, она все равно оказалась бы привязанной к Улару. Просто была бы перехвачена при ВВ-транспортировке — как и многие другие. Но — ты уж прости — в действительности все обстояло несколько иначе.

— Я так и думал, — сказал я, — что ты врешь. Слишком уж надежно ты заблокировал свои извилины от моего

вторжения. У тебя кора гладкая, как глобус, чуть ли не отполирована.

— Я ведь не знал, как повернется разговор.

— Теперь-то ты спокоен?

— Думаешь, с тобою это вообще возможно? Даже когда ты спишь...

— Ива, время идет.

— Да. Ей действительно нужно было отвлечься. Не хочу гадать, что вы там друг с другом сотворили, но состояние у нее было, прямо сказать... Если бы такое возникло у моей жены — не знаю, чего не сделал бы, чтобы только ее из него вывести. Она очень просила (я, правда, этим словам Иваноса не поверил: «очень просить» было не в характере Лючаны. Хотя, конечно, люди меняются вместе с обстоятельствами...). А у нас как раз возникла ситуация, когда нужен был хороший, даже очень хороший оперативник для серьезной работы. Да-да, не скрою: связанной со всеми чудесами, о которых мы тут с тобой рассуждали. Скажу откровенно: сперва подумали о тебе. Искали. Но не нашли. Действительно, имелись данные, что ты улетел на Трешку. Странно: оттуда не подтвердили...

— Что, поучить тебя, как уходить от поиска?

— Об этом я сам в свое время написал учебник; просто мы не подумали, что у тебя вдруг возникнет потребность в полном исчезновении. Как обычно в таких случаях, решили, что виноват очередной фортель ВВ-транспорта. Вот тут и возникла твоя жена.

— Спасибо, Ива. Не утерпел, чтобы не воспользоваться женой ближнего своего — пусть и не в постели...Твой должник на всю жизнь..

Он не обиделся. Сказал лишь:

— Для нее это было лучшим выходом. Она все равно бы кинулась — не знаю куда. И что бы из этого получилось?

— Мог бы удержать...

— Разве что за решеткой. Да и то она сбежала бы.

Я понимал, что он прав. Но все равно было обидно.

— Ладно. Так куда вы ее закинули? Давай адрес.

Но Иванос молчал. Достаточно долго, прежде чем ответить:

— Ра, я ведь говорил уже, да и сам ты понял: уровень секретности — не твой. Извини, но...

— Я же не прошу изложить суть операции, вообще никакие ваши хреновы тайны меня не интересуют. Но ведь вы наверняка дали ей один из блуждающих номеров — по которому местопребывание засечь нельзя. Мне этого достаточно. Я хочу услышать ее голос, понимаешь — ее живой голос. И сказать ей — в немногих словах — очень многое. То, что поможет ей вернуться в норму куда быстрее, чем самые головокружительные ваши задания. Есть ведь блуждающий номер?

— Ну есть, — признал Иванос нехотя.

— Давай сюда!

— Это ни к чему, — проговорил он хмуро после небольшой паузы. Проговорил так, что мне сделалось не по себе.

— Что ты хочешь сказать?

— Да есть номер. А вот Лючаны — нет. Не откликается, понял? Что-то у нее там не заладилось. И мы не можем понять — что именно.

— Постой, постой. Но можно ведь запросить резидентуру, навести перекрестные справки...

— Если бы! Но нельзя.

— Да почему!..

— Просто потому, что там никого, кроме нее, и не было. Ни резидента. Ни сети. Белое пятно. Сплошное белое пятно.

— Куда же это ты загнал ее, ты...

Через полминуты он остановил мое словоизвержение, подняв руку.

— Ладно, Ра. Видно, никак иначе не получится.

Полуобернувшись назад, он извлек из сейфа несколько бланков.

— Заполняй.

Я глянул на бумаги. Перевел глаза на него.

— Да, — кивнул он. — Оформим на тебя допуск «Анни». И введем в курс дела. А уж дальше — решать будешь сам. Но: жена — твоя, а результаты работы — наши. Все до последней точки. Нарушение — ну, ты понимаешь.

— Спасибо, генерал! — выпалил я, хватаясь за перо.

В наше время ВВ и кваркотроники все обязательства такого рода продолжают отбирать по старинке: собственноручно, на вечной бумаге вечной тушью, с подписью, которая тут же заверяется. Писать от руки — тягомотное занятие. Но чтобы хоть как-то приблизиться к Лючане, допуск «Анни» — наивысший из существующих — был необходим; и чтобы получить его, я готов был не то что нацарапать несколько фраз на листке бумаги; если бы мне предложили ради этого написать маслом полотно размером — ну, хотя бы с «Явление Христа народу» — я, не колеблясь, ухватился бы за кисти.

Процедура оформления, в отличие от заполнения документов, была предельно компьютеризована и заняла считаные минуты. Я получил два варианта допуска: карточку с кваркотронной схемой и маленький файл в мой мик — в качестве резервного, недоступного для посторонних воздействий, защищенного от проникновения и стирания кем угодно — кроме тех, кто мне его подсадил.

— Вот так, — этими невыразительными словами Иванос подвел итог наших переговоров. — Теперь можно и заняться делом. Слушай очень внимательно...

— Я вроде бы и так ворон не считаю.

— Ты все думаешь о ней. А надо — забыть. На время. В подсознании, конечно, и тогда останется главной она —

пока не возникнет ясность. Но ты старайся все-таки целиком войти в тему, потому что тебе и придется эту ясность искать. Не выпадай из мира, как вот сейчас.

— Выкладывай: что дальше?

Иванос невесело усмехнулся:

— Дальше — как всегда в подобных случаях. Мы попытались свести все новости вместе, сделать первичный анализ и, естественно, проинформировали самый верх. Там удивились, огорчились, разгневались и потребовали от нас разобраться во всем и навести должный порядок. Иначе, мол, зачем мы вообще существуем.

— Из области бессмертных мелодий. Знакомо.

— Но мы успели приступить к действиям еще до окрика. И наш оперативник был уже в пути. Купст. Ты ведь знал его?

Я кивнул:

— Приходилось работать вместе. По двум делам. Хороший профессионал. Добрался?

— Да. Получили сообщение о прибытии на место.

— И все, — произнеся полувопросительно, полуутверждая.

— Именно так и случилось.

— Послали второго. Кого?

— Омара. Все дальнейшее — один к одному.

Больше спрашивать я не стал: уже знал, что последует дальше. Но Иванос продолжил, без моих понуканий:

— Третьим пошел Канус. Вызвался сам. Мы разработали ему неплохой маршрут. Нестандартный. Собственно, так и нужно было делать с самого начала, но нам все время дышало в затылок большое начальство. А тут уж мы решили действовать по своему разумению. Учитывая обстановку, его забросили обходным путем. Из мира в мир. По местным сетям.

— И добрался? Я с ним два раза работал — паренек настырный.

— Благополучно перебросился отсюда на — только не смейся — на ту самую твою Трешку. У него было попутное задание: найти, если получится, тебя. И оттуда он вышел на связь. Но на этом везение кончилось. До сих пор сидит там. Какие-то сложности с ВВ.

— Я же тебе говорил. Это может тянуться и два, и три дня... А с теми, первыми, связи так и не возникало? С Купстом — он мастер был устанавливать связь.

Иванос махнул рукой и умолк.

— Знаешь, как это называется? — спросил я сердито. — Прерванный половой акт. Начал — кончи!

Он вздохнул:

— Ждешь оргазма? Не выйдет. Потому что в конце концов на связь он вышел; но в том, что он тогда нам наговорил, мы и посейчас не можем разобраться.

— Давай попробуем еще разок.

— Одна попробовала... — буркнул он в несвойственной ему уличной манере.

— Все-таки что передал Купст? Это была туфта? Или тоже — его ЛК прислал соболезнования и навсегда выключился?

— Омар погиб, это точно. Его живым и нельзя было взять, не тот был мужик. А Купст... О его гибели пока данных нет: ЛК дышит. Но в его сообщении было... а вернее, не было ничего, что мы могли бы счесть достоверным. Выглядело, по его словам, так, словно он попал в другую вселенную. С другими законами существования материи. Энергия якобы возникает из ничего. Какие-то устройства связи — то ли с другими галактиками, то ли новыми измерениями — словом, всевозможная неправдоподобица. Громадные заводы, появляющиеся за одну ночь. Мгновенный и бескровный захват нашей эскадры, оказавшейся почему-то совершенно без людей. В таком вот духе. Затем настал перерыв — неделя без связи. А потом, под конец, в его сообщении не осталось ни единого разумного слова. Старческий маразматический бред. И все прочее соответственно: и голос, и манеры, полное отсутствие смысла — он даже не понимал, с кем говорит и о чем, где он сам находится... Если верить ему — он в конце концов оказался в каком-то доме престарелых, чуть ли не в тюрьме... В таком вот духе.

— А лет ему сколько?

— Купсту? Двадцать восемь. Рановато для маразма, верно?

— Вроде бы, — согласился я. — Хотя... Ты вот не маразматик вроде бы, но то, что рассказываешь, — очень сильно смахивает на бред.

— Это и был бред. Единственным, что мы смогли разобрать, оказалось заявление об уходе в отставку и прошение о пенсии. Остальное — вообще ни слова. Скорее белый шум. Ну, как ты можешь истолковать подобную информацию?

Я пожал плечами:

— Так сразу не оценишь. А сам ты как расцениваешь?

— Если бы я знал! — проронил Иванос с какой-то неожиданной, несвойственной ему усталостью. — Вот и скажи теперь: как можно все это интерпретировать? Ты сейчас — свежие мозги, проницательный взгляд со стороны, вот и вразуми нас, уже уставших ломать головы...

— Ну, — произнес я уверенно, — вы-то слабоумием не заразились. А значит, не только ломали головы, но и принимали меры. Не слабые, наверное? Изложи, а тогда и я отвечу.

— Кое-что, понятно, делалось. Начиная с высшего руководства. Но об этом я тебе, по сути, уже все рассказал раньше. Разве что отдельные подробности. — Иванос усмехнулся. — Но и в них ничего не почерпнешь. Чтобы закончить изложение: с тех пор никакой новой информации — и ни одной сколько-нибудь приемлемой гипотезы.

— Ну, создать ее нелегко — если к ним не подступишься. Закрытый мир. Черный ящик. Глухо. И как же у тебя хватило совести...

Он знал, в чем я его сейчас стану обвинять. И перебил:

— Да ничего подобного! Никакого черного ящика! Наоборот, они по всей своей ВВ-сети — а она у них все-таки самая широкая в Галактике — рекламируют себя, приглашают людей, всячески поощряют иммиграцию из любого мира. Мы тут, конечно, ничего такого не поощряем, наоборот... Хотя запретить официально закон не позволяет. И люди едут. Немногие, но едут.

— А возвращаются?

— Пока такие случаи не фиксировались.

— На связь оттуда выходят? Говорят с родными, друзьями, любимыми, оставшимися в их прежних мирах?

— Знаешь — не так уж редко. И ни на что не жалуются. Наоборот, довольны. Приглашают других. Ни разу ни слова — во всяком случае, в тех сообщениях и разговорах, что нам удавалось проконтролировать, — ни малейших жалоб на, скажем, продовольственные трудности или на бытовые, какие неизбежно возникают при недостатке энергии. Ну, понятно, народ туда едет в основном такой, у которого в родных мирах что-то не сложилось: нет карьеры, роста, хорошей работы, прежде всего — денег. Но ХТС, кстати, никого не призывает делать в Улар инвестиции. Похоже, отказавшись платить налоги, они свои финансовые проблемы решили.

— Ага, — сказал я скорее самому себе. — Въезд, значит, открыт. Для всех желающих. Но если этот желающий оказывается агентом Службы — то с ним происходят нежелательные события. Значит, его как-то засвечивают.

— Ну, что касается наших — они могли быть известны и раньше. У ХТС, как у любой корпорации такого размаха, своя разведка и контрразведка, классом не ниже наших. Потому мы и решили: своих профессионалов посылать больше нельзя.

Иванос взял паузу, я же не стал заполнять ее: пусть скажет сам, интересно — как это у него получится.

— Тогда — я уже говорил — мы стали искать тебя. Не нашли.

— Это я и сам знаю, — ввернул я.

— Ну — и как раз в это время ко мне и обратилась твоя... Ну, Лючана.

— А ты и обрадовался.

— Слушай, но ведь тут, собственно, никакого риска и не было. Приезжает женщина, на официальной службе никогда не состоявшая, трудоспособная, здоровая, прибывает не с Теллуса, Армага или другого сильного мира, а из провинции — я же говорил тебе, что мы ее послали обходным путем и снабдили всем, что нужно, — чистыми номерами, кодами... ну, этого тебе объяснять не надо.

— Не надо. И она пропала.

— Да, — сказал Иванос. — И она пропала.

— Вот с этого места, — заявил я, — давай во всех деталях. Раз уж у меня полный допуск — открывай все шлюзы. Даже те, которые не положено.

Я сказал это неслучайно: даже и высшие допуски бывают очень разными. Одни есть у трехсот человек, другие у тридцати, но есть и те, которыми обладают лишь трое. И на этот раз я должен был стать четвертым.

Иванос кивнул. Он понимал, что тут не до буквы закона. А дух его (дух любого закона заключается в достижении целей, ради которых он и принят) генерал ощущал прекрасно.

— Ладно, — согласился он неожиданно легко. — Поехали. Но только не жди, что я выдам такую информацию, после которой тебе останется только нажать на кнопку — и твоя жена войдет в эту вот дверь, держа в охапке ответы на все задачи. Скажу все, что знаю сверх уже изложенного; но это меньше, чем ты надеешься.

— Ну, хоть шерсти клок, — сказал я невесело. — Все же станет теплее.

Насчет «паршивой овцы» я промолчал, помня, что с любым генералом следует обращаться, соблюдая все предосторожности.

12. Доктор Крат — немного о себе

«Наверное, нужно хотя бы отказаться от одного из постов, — так думал доктор Астин Крат, вместо того чтобы по уши, вернее, не по уши, а с головой уйти в необходимые и сложные расчеты. — Потому что положение все усложняется, а чем оно становится сложнее, тем меньше остается даже не возможностей выхода, но направлений, в которых эти выходы можно искать. Никто другой этого не сделает, хотя бы потому, что ни у кого не хватит времени, чтобы понять обстановку до конца. Отказываться надо от должности главного энергетика, потому что от хронофизики я уйти никак не могу, да и не отпустят. Меня никогда не отпустят, проклятая судьба! Так, может быть, пусть все происходит так, как и должно происходить? Не ломать голову, но дожить оставшееся тихо и спокойно. Гибели никто, наверное, и не почувствует.

Но ведь погибнет и Тина! А это никак не должно произойти. Она достойна лучшей и долгой, самой лучшей и самой долгой жизни. Когда она выходила за меня — господи, кажется, века уже прошли с тех пор! — я обещал ей столько всего... И вот оказывается, что проблемой становится даже дать ей возможность выйти живой оттуда, куда сам же я ее и завел...

А ведь как прекрасно все начиналось! В молодости я шел по жизни, как грибник, вступивший в лес, где трудно

было сделать шаг, не наступив на гриб, и были они — один другого лучше, породистее, крупнее, и можно было выбирать: вот за этим я нагнусь, чтобы аккуратно срезать его, и за тем, пожалуй, тоже, а вон за теми даже наклоняться не стоит — пусть подбирают их те, кто пройдет этими местами после меня. Грибами были идеи, весь мир состоял из новых идей, нелепым казалось, что другие не видят этого, потому что нельзя было представить, что уж настолько ленивы были эти люди, чтобы не нагнуться и не сорвать! А я уже в самом начале набрал их столько, что должно было хватить на всю долгую жизнь — тогда представлялось, что она обязательно будет долгой. Неожиданное приглашение на работу в молодую и перспективнейшую компанию «ХроноТСинус», где мне предоставили такие условия для работы, о которых начинающий ученый мог только мечтать; и встреча с Тиной, и любовь казались мне тогда естественными, неизбежными и обязательными составляющими жизни — такой, какой она тогда мне представлялась. А среди собранных идей уже мерещилась, рисовалась, приобретая все более четкие очертания, та, главная, ради которой и стоило жить, работать не уставая, чтобы в конце концов увидеть написанную собственной рукой — я не мог доверить этого компьютерной клавиатуре, — неповторимую по красоте формулу: $E = X^3Y$, где Y — постоянная Крата...

Я это сделал, да! И стал ждать всего, что за этим должно было последовать. Известности, славы, приглашений на самые славные кафедры университетов Федерации.

Ждал — сперва даже с удовольствием, заранее наслаждаясь переживанием всего предстоящего; потом — уже с некоторой обидой, дальше — с нетерпением и в заключение — едва ли не с отчаянием. Не знаю, чем бы это закончилось, если бы не Тина: только ей удалось как-то утешить меня, примирить с ужасной несправедливостью жизни, с ее ничем не объяснимым пренебрежением мною и всем тем, что сделал я для науки, для человечества, для всего мира. Именно непонятность происходящего была ужаснее всего: почему? Неужели мир настолько поглупел, что не представляет себе всего великолепия тех последствий, какие непосредственно вытекали из открытых мною закономерностей? Но как иначе можно было объяснить то, что меня даже не пригласили на съезд хронофизиков, где я мог бы — и хотел — сделать хотя бы сообщение о созданной мною теории ХТ? Не пригласили! Почему, за что я был подвергнут такому остракизму?!

И лишь постепенно я начал с ужасом понимать всю механику происходящего.

Не состоялось ничего из ожидавшегося мною только потому, что для мира, для множества людей всего, созданного мною, просто не существовало. Они ничего об этом не знали. Ничто из достигнутого мною не вышло за пределы фирмы, а еще вернее — узкого круга «ХроноТСинуса» и Института, в котором

я работал. Все было до последней степени засекречено. О, династия Синусов прекрасно поняла и по достоинству оценила те последствия, к каким могло и должно было привести приложение моей теории к решению практических проблем. Причем то, что под случайно найденную возможность вневременных сообщений мои выводы позволили подвести несокрушимый теоретический фундамент, было отнюдь не самым главным. И сделанные уже не мною расчеты применения моей формулы для создания сверхоружия — тоже, хотя многим тут казалось, что именно это и является крупнейшим открытием. На самом деле основным для человечества было кардинальное, раз и навсегда, решение энергетической проблемы. Энергию отныне можно было черпать из воистину неиссякаемого источника.

Но фирма решила: сперва она почерпнет сама. Для своего роста и развития. А уж когда-нибудь потом... может быть... поделится и с другими. До тех же пор — никому ни слова, ни знака.

Поняв это, я, вопреки собственному характеру, поднял скандал. Наверное, в моем поведении тогда было нечто истерическое. Не знаю. В те дни я вряд ли мог контролировать свое поведение во всех деталях.

Меня пытались утихомирить. Мне объяснили: такая политика фирмы вызвана лишь высокогуманными интересами. Фирма, внушали мне, прежде всего намерена отработать всю технологию, связанную с прикладной стороной моей теории, убедиться в отсутствии каких-либо угрожающих людям последствий, и лишь когда возникнет полная уверенность их отсутствии — ну, тогда, разумеется... Но это, сказали мне, требует времени, быть может, многих лет, так что мне надо набраться терпения.

Но именно тогда мне удалось найти закономерность соотношения давления и скорости — как эти две величины интерпретируются в хронофизике. И в ответ я предложил фирме воспользоваться ускорением процессов. Я уже закончил разработку методики, и появилась возможность проверить ее на практике. Руководство так и сделало; процесс нашел практическое применение. Но опять-таки — только в пределах фирмы.

Тогда я решил бежать. Нет, не ради славы: это я успел уже пережить. И не ради своего благополучия: платить больше, чем здесь, и создать такие условия для жизни и работы, какими я пользовался на фирме, вряд ли смог бы — или захотел — кто-либо другой; по сути, единственным, чего у меня здесь не было, это — возможности выезжать за пределы «ХроноТСинуса». Но об этом я думал, наверное, меньше всего: слишком много было работы, да и по натуре я — домосед; Тина была со мною, работа — тоже, казалось бы, чего еще?

Не хватало одного: сознания, что я работаю для всего человечества, а не для одной лишь фирмы, составляющей ничтожнейшую его часть.

Да, я решил: лучше прыжок в неизвестность, чем это вот... по сути дела, лишение свободы — так стал я воспринимать свою жизнь.

Тина и в этом поддержала меня — хотя первоначально не без колебаний. Но она привыкла во всем доверять мне.

Все это происходило на Милене. И нам было достаточно оказаться за пределами территории фирмы и обратиться к местной власти, чтобы сделаться хозяевами своей судьбы.

Но судьба была против этого. Потому что именно тогда мы получили сообщение об открытии того, что потом получило название ХТ-Аномалии. Мне с первого же взгляда стали ясны колоссальные перспективы, открывающиеся для развития технологий, основанных на моей теории, пусть еще и неизвестной человечеству. Я не смог преодолеть искушения и решил остаться еще на некоторое время — чтобы просчитать все, что вытекало из самого существования Аномалии и ее характеристик.

Потому что уже тогда я пришел к выводу о взаимодействии Времени и Пространства — понял, что пространство есть не что иное, как отработавшее время; чем больше времени проходит через «линию метаморфоза» (так я назвал то, что является просто нынешним квантом времени, работающим сейчас, — и вот уже нет его, проходит следующий), тем больше пространства возникает — в этом заключена причина и механизм «расширяющейся Вселенной». Для описания процесса пришлось составить и решить сложнейшую систему уравнений — а ведь тогда я не только не догадывался о возможности «Второго метаморфоза», но и в эти уравнения не вводил ни скорости времени, ни его давления, так что они на самом деле были достаточно приближенными. Но и в таком виде решать их можно было, только используя ту технику, какую мне предоставляли Синусы, верившие в мои возможности. Кроме прочего, не хотелось проявить неблагодарность по отношению к ним.

А когда я разобрался с проблемой Времени-Пространства, тем самым значительно увеличив количество багажа, чисто научного, конечно же, который хотел забрать с собой в Большой мир, то снова начал готовиться к перемене места жительства. Однако тут передо мной уже замаячили контуры Второго метаморфоза, или Преобразования, и у меня просто захватило дух от величия открывшейся панорамы, так что я просто вынужден был отложить побег; Тина со мной согласилась безоговорочно.

А переселение все-таки состоялось, но, к сожалению, не так, как планировалось мною.

Произошел бросок на Улар.

С чисто деловой точки зрения я не мог не оценить по достоинству и не одобрить этого решения фирмы. С моей же лично — понял, что скрыться отсюда намного сложнее, чем из го-

 родка на Милене. Отсюда был один путь: только по ВВ. Но

каждая станция, каждая кабина здесь контролировалась со всей строгостью. Ничего удивительного: охранялась, по сути, государственная граница, а не территория предприятия. Пусть фирма еще не объявила себя независимым миром; мне — да и любому — было ясно, что это лишь вопрос, если не дней, то недель, не более того. Я был уверен в том, что провозглашение состоится в тот день, когда будет завершен проект «Пигмей».

Я продолжал искать выход. Но возникли сложности с Аномалией. И я понял, что нельзя уходить, пока не выяснено — в чем причины осложнений и к каким результатам они могут привести.

Положительно, судьба была против меня. И, видимо, максимум свободы, какого я еще мог тут добиться, — это отказаться от энергетики и отдать все силы только Аномалии. Потому что мои уравнения не описывали ни ее поведения, ни даже не намекали на саму возможность ее существования — а это было очень обидно и еще более интересно.

И вот, пользуясь все возрастающей информацией о ее эволюции, я...

Звонок. О создатель, еще кому-то понадобился хронофизик доктор Астин Крат!»

13. И самые долгие разговоры приходят к концу

— И это все? — спросил я через четверть часа, когда Иванос умолк.

— До последнего бита.

Он не темнил. Пока он выворачивал карманы своей памяти — включая и его мик, — я на всякий случай, одолев блок, все-таки забрался в него и следил: как сказано, доверяя — проверяй. Конечно, у него наверняка была какая-то информация, защищенная так, что я не мог к ней подступиться; но тогда я, во всяком случае, должен был почувствовать сверхзащиту. Но ее, по моим ощущениям, не было. Похоже, Иванос был действительно откровенен. И не потому, вернее, не только потому, что и Лючана, и я не были ему безразличны и наша судьба — а я даже в уме не делил ее надвое — его затрагивала не только как судьба не самых плохих разведчиков, но и просто как достаточно близких ему людей. Но еще и по той причине, конечно, что работа делалась нами всегда в интересах и его Службы, а не только нашей личной.

Он рассказал все; но в этом «всем» не заключалось почти ничего такого, что могло бы мне пригодиться.

— Скудно живешь, брат, — сказал я ему.

Он не стал возражать — да и нечем было. Вместо этого заявил:

— Так или иначе, теперь ты знаешь все о том, что мы собираемся делать и чего не собираемся. К сожалению, первое относится ко второму, как единица к... ну, скажем, к десяти тысячам. — Он слегка развел руками, словно извиняясь за отсутствие достижений. Я даже пожалел его: ведь то же самое ему пришлось — или еще придется — докладывать и высокому, даже — высочайшему начальству, а оно не любит, когда перед ним лишь разводят руками.

— Не скажу, чтобы я тебе завидовал, — проговорил я.

— Взаимно. Во всем есть свои хорошие и плохие стороны. Моя семья хоть сидит дома. Только не пытайся сожалением закончить разговор. Поскольку долг платежом красен — теперь моя очередь слушать.

Я и без этого приглашения понимал, что мне тоже придется проявить откровенность.

— Слушаюсь, аксакал. Мои первоначальные предположения: это атака. Нормальная психическая атака. Мы ведь только что разобрались с одной такой: подчинение психики личностей и масс при помощи семян уракары. Сорвалось. Теперь похожая попытка предпринимается с использованием какого-то другого метода.

— То есть ты полагаешь...

— Полагаю, — кивнул я, — что на самом деле люди, попавшие туда даже по доброй воле, сообщают оттуда своим ближним не о том, что действительно происходит, а то, что им внушают. Не забудь: если не все мы, то большинство из нас воспринимает окружающий мир только через собственные ощущения. А повлиять на наши ощущения, подменить их другими — дело, известное и тысячелетия назад. Откуда мы знаем, как все там выглядит? От твоего агента. Если в его психику вторглись и заставили видеть не то, что есть на самом деле, но то, что им нужно, — он и увидит, и честно доложит обо всем, что он — как он полагает — видит.

— Ты что думаешь, Ра, мы послали бы людей без установки в них самой серьезной защиты?

— Конечно, такое мне и в голову не пришло бы. Но только уровень серьезности защиты — понятие весьма относительное. Уж поверь мне: в этих делах я не одну собаку съел, а самое малое — свору. «ХроноТСинус» — контора более чем серьезная, на нее пашут не какие-нибудь мозги второй свежести, но элитные. С самым серым веществом в Галактике. И вполне допускаю, что — в определенном месте и времени — нападение смогло оказаться сильнее защиты. Не впервой.

— Допустим, — согласился Иванос. — Но это — наш человек. Пусть — наши люди. Но все остальные?

— А я имею в виду не индивидуальную атаку. Не впрыскивание чего-нибудь в вену. Атака массовая. О способе пока соображений нет, разобраться в этом можно будет только на месте.

— Ладно. Пусть они это делают. А смысл? Зачем им это?

— Об этом тоже знаю не больше твоего. Ясно только, что какой-то смысл есть — во всяком случае, с их точки зрения. Допустим, в порядке бреда — им захотелось или потребовалось срочно заселить планетку, создать из ничего нормальный обитаемый мирок, чтобы «ХроноТСинус» мог официально объявить себя государством, членом Федерации... Опять-таки: зачем — не знаю. Сидя тут, ничего не могу сказать. Кроме одного: у человека, стремящегося к подчинению и использованию чужой психики, с собственной не все в порядке, и даже очень. И цели его — или их — могут настолько выходить за пределы нормальной логики, что угадывать тут — дело бесполезное.

— Скажи, Ра: а как обстояло с защитами у Лючаны? От наших она отказалась — заверила, что закрыта наглухо.

— Мог бы и не спрашивать.

— Иными словами — на твоем уровне, так? Но это значит, что если смогли пробить или обойти ее блоки, то и тебя может постигнуть то же самое?

— Неуязвим только господь, — ответил я, — и еще, может быть, избранные — единицы за всю нашу историю. Наверняка атакуют и меня. Но, как ты догадываешься, я буду рыпаться. Можно предположить, что твоих людей просчитали еще до их появления на планете; значит, метод ХТС обладает дальнодействием. А это уже дает мне кое-какие шансы — во всяком случае, на этапе проникновения туда.

— То есть ты окончательно решился идти на прорыв?

— Смешной вопрос, — пожал я плечами. — Разве Лючана уже вернулась?

— А ты уверен, что она захочет тебя видеть? Уезжая, она этого не говорила.

— В это я поверю, только услышав от нее самой, — и то не сразу, а сперва установлю, что она не находится под чьим-то влиянием.

— Тебе виднее. Нам нужно оговорить необходимое обстоятельство: ты идешь на это по своей инициативе и как частное лицо (я кивнул). Поэтому мы не вправе и не в силах давать тебе конкретные задания. Но поскольку ты используешь нашу поддержку, не крути головой, допуск-то ты принял, а это уже немалая помощь тебе, да и кто знает, из какой сутолоки придется тебя вытаскивать именно нам. Потому что Лючана сейчас тебя страховать не может. А мы постараемся не мозолить тебе глаза. Так вот, напоминаю, чтобы ты не запамятовал: поскольку мы тебя поддерживаем, вся информация, не относящаяся целиком и полностью к твоим семейным делам, принадлежит Службе — и будет доставляться нам при первой же возможности — в реальном времени, а не в виде постоперационного отчета.

— До него еще дожить бы, — проговорил я потому, что именно так в тот миг подумал.

— Безусловно. Поэтому прими добрый совет: не добирайся туда путями Лючаны. Не исключено ведь, что использованные однажды трассы эти Синусы больше не выпускают из-под контроля.

— Подумаю. За совет спасибо, но я еще поверчу это в голове.

— Верти. Далее: новые коды, имена, все прочее...

— Благодарю. Только ничего этого мне не нужно.

— То есть как? Пойдешь с голыми руками? Ну, знаешь ли...

— Я не сказал, что с голыми. Пока еще не знаю с чем. Но мне ясно одно: события, о которых мы говорили, прецедентов не имеют. Что и как делают люди на Уларе — видимо, тоже. В ХТС не идут проторенными путями. Значит, и я должен действовать таким же образом: так, как никто из наших коллег еще не работал. Как именно — ну, кое-какие предварительные наметки, конечно, есть, надо только пошлифовать детали — в них ведь, как известно, и укрывается дьявол. Так или иначе — буду ее искать. И найду. Обязан. Должен же я хоть однажды вытащить Лючану — после того, как меня она выручала столько раз. И вытащу. Даже если сразу после этого она пошлет меня ко всем чертям и еще подальше. Это семейное дело, ты прав, генерал. Но и принципиальное: нельзя позволять всякому отребью, даже сверхбогатому, такому, как Элюр Синус, вмешиваться в наши семейные отношения — а ведь он именно так и поступил. Что же касается информации — будь уверен: поделюсь всем, до последней запятой.

— Значит, снабжать тебя ничем не надо?

— Спасибо, нет. Что нужно — у меня, думаю, есть, а чего нет — значит, без него смогу обойтись. И последнее: связь лично с тобой?

— В пределах возможности.

— Имеешь в виду, что люди умирают не только находясь в поле?

— И это тоже. Поэтому — не лично мне, а вот ему. — Он коснулся пальцем аппарата сверхзащищенной ведомственной ВВ-связи, которую Синус не контролировал.

— Ага, — сказал я. — Ну, конечно...

И еще несколько ничего не значащих слов проговорил я — очень медленно, в то время как рассудок мой в эти секунды заработал на полную мощность.

Связь через ВВ-сеть Службы. Это может означать лишь одно: что генерал не собирается ближайшее время проводить в своем кабинете. А если не здесь, то — в поле.

Ему поручено разобраться со всей этой линией. Командовать всеми работами, связанными с Уларом. Командовать можно и сидя за столом. Но он, как и я, всю жизнь исповедует такой принцип: за столом хорошо разрабатывать операцию. А когда

приходит час осуществлять ее — лучше быть на месте, в центре событий, потому что неизбежно придется корректировать старые и принимать новые решения, и делать это нужно быстро, полностью владея обстановкой. Нет сомнений: он тоже собрался куда-то в те края. Ну а в таком случае... Пусть наши цели не вполне совпадают, но путь к достижению их, похоже, один и тот же.

— Понял, — закончил я тянуть время. — В таком случае позволь дать совет. Каким бы глупым он тебе ни показался.

— Ну, рискни.

— Я выскажу просьбу, а ты — это и есть мой совет — выполни ее.

— Брось, брось. Ты, я уверен, вернешься благополучно, и не один...

— Ты, должно быть, решил, что я попрошу тебя стать моим душеприказчиком? Как говорится — не дождетесь! А прошу я вот чего: возьми эту вот штучку...

И я протянул ему обойму с полудюжиной кристаллов — кое-что из того, чем я развлекался на Трешке. И принялся объяснять, что к чему.

Он слушал меня — сперва серьезно, затем стал иронически усмехаться, потом снова посерьезнел, сдвинул брови, глядя мне в глаза. Когда я умолк, Иванос еще подумал и лишь потом медленно кивнул:

— Ладно. В конце концов — почему бы и нет? Как говорится, в жизни нужно испытать все. Пусть будет по-твоему. Я все запомнил, да и, — он усмехнулся, — записал тоже, для верности. Может, и вправду пригодится.

— Риска практически никакого, — подхватил я охотно. — Тем более что твоя аппаратура не слабее моей. Вот и спасибо. Счастливо оставаться, капрал, или кем ты там был тогда...

— Успехов, посол, — улыбнулся Иванос в ответ. — Постараюсь не спускать с тебя глаз. Благоприятных тебе встреч.

Я подумал, что лучшего пожелания он не смог бы найти.

14. Пора снова в дорогу

Пожалуй, больше на Теллусе делать мне нечего. Правда, очень хотелось, как всегда перед совершением какого-то серьезного шага в жизни, обратиться туда: наверх. Уйти в медитацию, преодолеть нелегкий путь (а нелегким он бывал тогда, когда дух мой отягощался интересами земного бытия, более или менее примитивными и низменными) и — если меня сочтут заслужившим — еще раз услышать в ответ нечто, от чего сразу прибавится и сил, и уверенности, и можно будет рассчитывать на высшую помощь, на то, что обычно не совсем верно называют удачей. Но сейчас я, поразмыслив, решил ничего подобного не предпринимать. Пре-

жде всего потому, что ответы не всегда бывали одобрительными; собеседник мог сказать и такое, что заставило бы меня самое малое усомниться в правильности того, что я готовился и был просто обязан сделать. К сожалению, наши представления насчет обязательного и необязательного не всегда совпадают — хотя бы потому, что и мыслят ОНИ иначе, куда шире, и мир видят не таким, как мы, — не узенькую полоску перед собой, как водитель ночью видит лишь ту часть дороги, что попадает в свет его фар. Перед высшими собеседниками мир предстает во всей широте и глубине, и время, в отличие от нас, они измеряют бесконечностью. Вот почему я и решил не рисковать, иными словами — застраховаться от нежелательной оценки моих намерений.

Все это я продумал медленно и четко, слово за словом. Не потому, что мне самому нужно было все точно сформулировать, но только для того, чтобы там, куда я на сей раз решил не обращаться, правильно поняли: это не пренебрежение с моей стороны, это — стремление взять всю ответственность на себя. В конце концов, это моя жена, а не чья-нибудь еще. Во всяком случае, я надеялся, что и сейчас дело обстояло именно так.

Поэтому, вернувшись домой и услышав от Вратаря, что никаких новостей нет, ни плохих, ни хороших, я потратил не более получаса на обычную медитацию по чакрам, под негромкий распев тибетских мантр, и еще столько же времени — на закачку в себя космической энергии. Ощутил спокойствие и уверенность. И лишь после этого начал готовиться к выходу.

Обстановку я более или менее представлял. Она подсказывала, что, во-первых, пользоваться надо нехоженым путем (об этом я уже говорил Иваносу), а во-вторых, этой тропой должен идти человек никому не ведомый, не опознаваемый, не читаемый и не просчитываемый — короче говоря, существо до сей поры нигде и ни под каким видом не существовавшее. Разве что глубоко в моем мике — и еще в виде записи.

Я считал, что только таким способом можно будет добраться до места, где удастся нащупать хотя бы конец ниточки, хвостик весьма запутанного — как мне представлялось — клубка. То, что уже произошло с отправлявшимися в те края людьми Иваноса — а по оперативной выучке они вряд ли уступали мне, — заставляло думать, что службы «ХроноТСинуса» искали — и находили нежелательных визитеров, не дожидаясь, пока они ступят на грунт Улара, но брали их под колпак еще на дальних подступах к этому мирку. Не исключалось, что обнаружение производилось даже и не на подступах, а еще раньше: начиная с момента, когда принималось решение о заброске. И это вовсе не говорило об утечке информации, о намеренном или случайном предательстве внутри Службы или в Федеральных властных кругах.

Нет. Тут могла применяться острая методика контроля полей и тонких тел отдельных людей, почему-либо интере-

сующих силы охраны интересов ХТС. Даже не острая, но острейшая. Процесс был достаточно сложным и представлял собою своеобразный сплав суперсенсорных способностей и высочайших технологий. Еще одно, самое, пожалуй, современное сращение живого организма и последнего слова техники. В принципе — вещь давно знакомая, поскольку таким сращением является хотя бы человек с пистолетом в руке, просто тут речь шла о неизмеримо более высоких уровнях и действий, и результатов.

Иначе говоря, речь шла о проникновении в чужое сознание, в просторечии — чтение мыслей. Новым было, как я предполагал, то, что, во-первых, теперь этот процесс мог осуществляться на практически неограниченных расстояниях — но не на этом ли основана и вся ВВ-система? И во-вторых, что точность выбора цели (лучше — объекта) возросла, по сравнению с давно известными показателями, не менее чем на два, а то и на три порядка. Сложно? Неимоверно. Реально? Ну, при научном, техническом и кадровом уровне соответствующих отраслей «ХроноТСинуса», каким на фирме обладали еще до Улара, было бы просто странно, если бы они не нашли такой возможности, а найдя — не постарались использовать. Их задача облегчалась тем, что не надо было шарить где попало, по всей Федерации и даже по всей планете. Круг людей, от которых могли исходить опасные для Синуса замыслы и действия, на Теллусе или Армаге был достаточно узким, не говоря уже о других мирах и мирках. По моим прикидкам, они могли оперировать с тысячами, ну — с десятками тысяч человек, но уж никак не с сотнями тысяч и миллионами. Им ведь нужно было держать в поле зрения только тех, кто способен замыслить или выполнить что-либо, а в кадрах любой Службы, да и вообще в какой угодно организации, таких всегда меньшинство.

Значит — и Омар, и Купст, и, наконец, Лючана были раскрыты, когда они еще собирались выйти в поле. И едва они становились физически досягаемыми — их даже не хватали, их, вероятно, просто атаковали и таким путем не только выводили из строя, но и заставляли руководителей Службы ломать головы в попытках понять — что же, собственно, происходит. Фактически — наших использовали даже без вербовки, втемную. «Хитроумные сукины дети», — с невольным уважением подумал я о тех, кто на Уларе продумал и слепил этакое.

Мои размышления показались мне очень полезными. Потому что из них, кроме уже сказанного, проистекало:

первое — что под постоянным наблюдением такого рода непременно находились не только официальные центры разного рода Служб, но и все — в лучшем случае почти все — конспиративные прибежища, секретные центры и базы по подготовке конкретных операций и все такое прочее;

второе — что, следовательно, мой визит в центр Иваноса никак не остался незамеченным и что с момента появле-

ния там я попал, так сказать, в картотеку или компьютер; впрочем, присущая мне скромность не помешала предположить, что я и до того был занесен во все списки ХТС — просто до нынешнего дня я их не волновал, поскольку вообще не был в курсе событий и занимался персональными переживаниями. А вот теперь, скорее всего, начал тревожить. Уже по самому факту визита; даже в случае, если им не удалось пошарить у меня в черепе и полюбоваться аурой моих тонких тел.

По поводу этого последнего у меня были сомнения. С одной стороны, все эти часы я не ощущал никакого вторжения в мое сознание, значит, надо полагать, и в подсознание тоже. Защиты у меня были, может быть, лучшими в мире; но я знал и то, что даже они не всегда могут уберечь от посторонних влияний — особенно если атака внезапна и ты никак не ожидал ее. Так что совершенно исключать, что во мне «погостили», я не мог. А вот воздействовать на меня им явно не удалось: иначе разве мне позволили бы, рассуждая вполне логически, построить такую, достаточно непротиворечивую гипотезу?..

Но тут, как я и предполагал, откуда-то из темного чулана моего сознания выглянул скептик, чтобы не без ехидства спросить:

«А ты уверен, что это не они транслируют тебе все твои посылки и выводы — чтобы увести подальше от настоящего направления, в котором только и нужно работать? Полагаешь, что только своим умом дошел до всего?»

Нет, признал я, полной уверенности в этом у меня нет.

«Кстати, — продолжал брюзжать мой критик, — с чего это ты взял, что на тебя обратили внимание тогда, когда ты появился у Иваноса? Если Лючана у них, неужели ее постоянную, так сказать, базу — ваш дом — оставили без внимания? И ты оказался в прицеле, как только появился на пороге? Скажи еще спасибо, что твой Вратарь в некотором раздрызге; иначе он, может быть, уже начал бы работать на них. Перепрограммировать такую систему даже на расстоянии — куда проще, чем человеческую психику!..»

Пришлось согласиться и с этим. Тем более что логика в этом была: если и существовало время, когда я, вернувшись на Теллус, не ожидал никакого нападения и не очень думал об уровне защиты, то это были именно минуты и часы до прихода к Иваносу. Активировать свою защиту я начал только там, чтобы не позволить генералу вывернуть меня наизнанку. А до того я был раскрыт, как новорожденный, поскольку волновало меня исчезновение Лючаны, моей же собственной судьбе (так казалось тогда) ничто не угрожало.

Ладно. Поблагодарю критика за своевременное и полезное вмешательство в мой мыслительный процесс. Оно лишь подтвердило необходимость выполнения того, что я задумал и против чего даже мой скептик не нашел ни слова возражения.

То, что мне нужно было сейчас выполнить, я называл преобразованием. А может быть, точнее было бы — преображением. Когда-то я добивался в этом неплохих успехов. И моя начальная кодовая кличка была вовсе не Разитель, но Преобразитель, хотя грамматика требовала более длинного Преобразователь. Первые пять звуков отпали со временем, когда работа заставляла куда чаще разить, чем преображать. Тем более потому, что разишь других, преображать же приходилось самого себя, а с собой работать всегда сложнее: к себе относишься как-то бережнее, чем к тем, кого видишь в прицеле.

В последний раз — частично — я воспользовался этим моим умением перед входом в операцию «Уракара«, преобразив тогдашнего себя, успевшего уже отойти от дел, в былого охранителя высокого класса. Примерно тогда надо мной работали и другие — или думали, что работают, удивляясь прекрасным результатам; им и в голову не приходило, что работал над собой я сам, им же только позволял не мешать мне. Я делал так потому, что подобные свойства и умения должны сохраняться в тайне. Что толку, если о тебе заранее знают, что ты способен появиться совершенно в другом облике — причем речь идет не только о внешности, но — и это главное — и о начинке, о психике, о строе мыслей, о характере и иерархии эмоций — обо всем том, что, собственно, и делает человека неповторимой личностью.

Вот это я и должен был проделать с собой сейчас.

Однако теперь, после комментариев меня-скептика, надо было еще раз продумать все этапы предстоящего.

Я не сомневался в своей способности стать совершенно другим. Но это будет иметь хоть какой-то смысл только в том случае, если меня не видно оттуда — с Улара, или где там находится их ближайшая к Теллусу наблюдательная база. Может быть — тут же, в соседнем доме...

Необходимо было скрыть не только результат процесса преображения, но и сам процесс. Даже не технологию его, но в первую очередь именно то, что такой процесс нашел применение и осуществляется.

Для этого...

Стоп.

Если твои мысли прочитываются...

Да. Никаких мыслей об этом. Ни единой.

А вообще — это дело очень рискованное. Каждый раз приводило к осложнениям и в физиологической, и в нервной деятельности. А ведь я уже не мальчик, и чем дальше — тем тяжелее будет переносить воздействие преображения. Причем надо еще сохранять себя в форме. Иначе нет смысла вообще что-то начинать.

— Давай откажемся от этой попытки, а?

— Постой: ну а что же делать тогда?

— Да придумаем; неужели не найдем более надежного хода?

— Надо найти.

— Отыщем! Но сперва необходимо передохнуть. Слишком много волнений и переживаний выпало на нынешний день. Устал, черти бы взяли... Ляг и усни — на час хотя бы. А лучше — на два...

— Правильное решение.

...Так потекли мои мысли. А поскольку они не исключали действий, я использовал это время на то, чтобы всю, с первого до последнего байта, программу преображения, со всеми выбранными мною параметрами, скачать из моего мика в главное домашнее железо.

Потому что если прочитывают мое сознание, то и содержание мика тоже. А вот в домашнее хозяйство они вряд ли вторгнутся. Наверняка попробовали, начиная с Вратаря, убедились, что с ним каши не сваришь, поскольку он нуждается в серьезной настройке, и отстали. Получается, даже хорошо, что Люча не успела или не захотела возвращать его в состояние полной исправности...

Работать надо мной, и в самом деле спящим, Вратарь тем не менее будет. Потому что сейчас, перед тем как погрузиться в сон, я приведу его в порядок — сохраняя, на всякий случай, внешние признаки разлаженности. Потом заряжу его горсточкой кристаллов с недавней записью. Программой. И проснусь уже не собою. Без единой мысли по этому поводу. Потому что тогда я — новый — просто не буду помнить, что был когда-то другим. И если даже кто-нибудь мне расскажет об этом — ни за что не поверю. У меня на это просто не хватит воображения.

Перед тем как включить программу и лечь, нужно сделать только одно: назначить миг возврата. То есть день, час, минуту, когда я снова стану таким, каким был всю жизнь, за малыми исключениями.

Сам я это сделать не смогу. Просто ничего не буду знать об этом. Поэтому команду ре-преображения даст все тот же Вратарь. Даст в два адреса: на мой мик и в подсознание. И пусть он делает это каждые сутки — на полчаса... нет, мало: на час. На эти шестьдесят минут я вновь буду становиться самим собой, смогу думать, чувствовать и действовать осознанно и целесообразно. Возьми эту программу, приятель, скушай ее с аппетитом — и смотри не подведи!

Но мой дом со всей его начинкой уязвим. Он может пострадать от стихийного бедствия или — что куда вероятнее — от чьего-то злого умысла.

Поэтому сейчас мы эту программу сдублируем — сбросим ее в...

Молчать!

Молчу.

Вернувшись домой, я потратил довольно много времени, тестируя и налаживая, где требовалось, моего умного Вратаря, а затем — вводя в его емкие недра новую про-

грамму, от которой теперь будет зависеть все: Лючана, проблемы, я сам...

И еще — некто, кого я пока, конспирации ради, даже в собственных мыслях называю только ПП.

На нормальном языке программа в общих чертах выглядела бы так:

«Сними копию моей личности. Сознания, подсознания, мика с его памятью. Сохрани. Затем убери все это из моего организма до полного исчезновения признаков и введи в меня приоритетную программу «ПП». Далее: введи в мой мик программу, по которой через каждые двадцать три конвенционных часа моя личность будет возвращаться в тело — на один час, отключая на это время Номен. Буду вызывать тебя по ВВ-связи».

Взбодрившийся Вратарь счел своим долгом предупредить:

«Предупреждаю: твоя копия лишится выхода к Высоким Силам, поскольку тонкие тела останутся в организме».

«Придется обойтись своими силами».

Мне почудилось, что он вздохнул прежде, чем заверить:

«Программа принята».

Чушь, конечно. Вздохи — только людская слабость.

...Все это заняло немало времени. Но даже долгие сроки приходят к концу. А мешкать не по делу я никак не мог себе позволить. Потому что где-то там ждала меня Лючана...

— Вратарь!

— Слушаю, хозя...

— Я отдыхаю. Ни с кем не соединять... кроме хозяйки.

(А вдруг она действительно появится на пороге? Ладно, пусть думают, что чудес не бывает, — но я-то знаю, что они есть!)

— На вопросы отвечать только: хозяев дома нет, когда вернутся — нет информации.

— Да, хозя... шшш...

— Меня не будить. Проснусь сам.

— Да, хххх...

Просто беда с Вратарем. Ничего. Вот вернемся...

Спать. Господи, до чего хочется спать. До чего...

Пожалуй, больше на Теллусе делать мне нечего.

15. Пат Пахтор

«Трехдюймовый болт им в задницу! Ну полный бардак: человек уже не может спокойно доехать туда, куда хочет, куда ему нужно, хотя заплатил, между прочим, свои кровные, в трудах заработанные, и не так уж мало отдал, три язвы всем им на передний хвост! Я думал, только у нас на Кантре такой

беспредел, а выходит, что и везде то же самое. Где же хваленый «Транскерновский» порядок, а может, и вообще не стоило с места трогаться — жил ведь, в конце концов, не хуже людей, даже получше некоторых...»

Именно такие, а может, еще и другие, похлеще, мысли стали приходить в голову Пату Пахтору, как только он — как и прочие третьего класса пассажиры, да, наверное, и не только третьего — понял, что происходит что-то не то, завезли их куда-то не туда и принимают не должным образом. Пат в своей жизни поездил немало и давно уже научился понимать, что к чему. Явно произошла какая-то накладка, и ничего доброго от этого ожидать не приходится.

Понял, конечно, не он один; но у него первого хватило характера, чтобы подойти уверенным шагом, пошевеливая плечами, к корабельщику, спустившемуся на эту палубу, самую нижнюю, да и не в одиночку, а еще с каким-то типом, у которого на морде было выбито четко, как заводской номер на изделии, что парень этот даже не из таможенной полиции, а откуда-то еще покруче. И если корабельщик выглядел каким-то удивленным, скорее даже растерянным (а на кораблях проявлять такие чувства не полагается, что бы там ни творилось у тебя внутри), то этот пучеглазый — ему словно бы два бильярдных шара вколотили в глазницы, настолько в них отсутствовало всякое выражение — смотрелся так, словно ему не терпелось услышать хоть одно словечко от кого угодно — и он сразу полезет за дистантом, который болтался в кобуре у него на поясе. Никак не компанейским парнем выглядел этот мужик, и, повторим, только у Пата Пахтора хватило характера сделать вид, что он этого второго вовсе и не замечает, но официально обращается именно и только к представителю экипажа того грузопассажирского, на котором и вместе с которым все они сейчас находились в какой-то неизвестной точке пространства, но уж точно не в космопорте. Об этом человеку понимающему докладывало хотя бы полное отсутствие какой-либо информации на табло, а еще больше — то, что панорамный обзорный экран, имевшийся, как и полагается, на потолке в середине палубы, не давал никакой картинки, а был выключен.

И вот Пат Пахтор остановился перед этой парочкой и поспешил задать вопрос, пока те еще не сподобились рта открыть; Пат давно знал, что вести игру самому — куда выигрышнее, чем отбиваться:

— Лейтенант, пассажиры выражают недовольство: почему нас подняли из капсул не после финиша, как полагается, а неизвестно где? Почему нет никакой информации? График полета написан на каждом билете, и любой из нас видит, что он грубо нарушается и этим нам наносится прямой ущерб. Пассажиры хотят и имеют право знать: что происходит?

В глубине души он уже понял, конечно, что именно происходит, да и самое малое восемь из каждого десятка

пассажиров тоже успели сообразить. Потому что в последние два, а то и три месяца все больше разговоров было о том, что в Просторе завелись какие-то пираты, ну совсем как в древние времена, перехватывают корабли с людьми и грузами, и все это куда-то исчезает. Разговоры были, да; но никто не знал случая, чтобы объявился хоть кто-то, кто попадал бы в такое приключение. Конечно, время от времени корабли исчезали, но так было всегда, и не только в космосе, но и в любом мире, и не только космические корабли, но и морские суда (там, где существовали моря), и атмосферные самолеты, и даже простые дорожные коляски или скользуны тоже, бывало, не доезжали до места. Так что из людей, у которых возникала надобность перемахнуть из одного мира в другой, только единицы пугались подобных слухов. Тем более потому, что все-таки приходило вовремя туда, куда им полагалось, куда больше кораблей, чем исчезало. Лично же Пат Пахтор, например, к этому относился так: знаю, что помру, — так что же, мне и не жить из-за этого?

Да, уже знал он — вот теперь, только что, — понял, что слухи не были пустым трепом. Но решил, что разумнее будет вести себя так, словно никогда и ни словечка о таких делах не слышал, а просто ничего не понимает и хочет разобраться. И, закончив излагать претензию, широко открытыми глазами уставился на того, кого назвал лейтенантом, всячески показывая, что ждет ответа.

Тот же, к кому Пат обращался, вместо того, чтобы ответить сразу, четко, понятно и уверенно, поморгал белыми ресницами, облизнул языком губы и лишь после этого сподобился выговорить:

— Это, м-м... непредвиденная задержка в пути. Временная. Мы находимся в узле смены курсов, встречены тут крейсером Федеральной эскадры «Олег» и получили от него предупреждение о том, что цель нашего следования — планета Астрея — из-за неблагоприятной космической обстановки сейчас бортов не принимает. Поэтому нам предложено следовать в другой порт, где можно будет дождаться более благоприятной обстановки. Что же касается того, почему вас разбудили, то... э... вот инспектор сможет объяснить вам лучше.

И он кивнул в сторону лупоглазого, который словно только и дожидался, чтобы ему дали высказаться.

— Кроме космической обстановки, — заявил он голосом, неожиданно высоким и режущим слух, — имеет место еще одно обстоятельство. А именно: по данным, полученным нами, в числе пассажиров этого корабля находится опасный преступник, объявленный в федеральный розыск. Необходимо его обнаружить, задержать и обезвредить, пока корабль не пришел в порт, потому что отсюда ему сбежать некуда, да и затаиться нет возможности. Вот по этой важной причине мы всех вас и подняли. Прежде чем продолжить следование — на Астрею или куда-либо еще, — наши работники проведут с каждым из вас краткое собесе-

дование, чтобы установить, кто является не тем, за кого себя выдает. Вопросы есть?

«Дурак должен оставаться дураком, иначе возникнут лишние хлопоты...»

Так подумал Пахтор, одновременно спрашивая:

— Ну а кормить нас покормят? Остановка же, хоть и непредвиденная, все равно остановка, а по правилам на остановках положено пассажиров кормить.

Легкий гул показал, что и прочие пассажиры эту идею всячески поддерживают.

— Раз положено, значит, что-нибудь придумаем, пока с вами поговорят, — заявил инспектор и даже позволил себе улыбнуться. Похоже, такой мирный исход его вполне устраивал.

И Пат тоже испытал чувство удовлетворения. Хотя и не мог сказать, чем оно вызвано. Не от какой-то мысли шло оно, а просто — возникло само по себе.

16. Охота — спорт для избранных

Генерал Иванос обратился к своему старшему помощнику (заместителей ему не полагалось, поскольку он сам был заместителем):

— Жаловаться не приучен, поэтому и сейчас не стану. Но как частное лицо позволю себе пару ласковых в адрес нашей медкомиссии...

На лице помощника возникло сочувственное выражение. Иванос внутренне усмехнулся: не зря он всю жизнь считал, что врачебная тайна всегда остается тайной только для самих врачей, но никак не для всех остальных.

— Конечно, — согласился помощник. — На нашей службе...

Иванос прервал его тоном мудрого наставника:

— Какая бы они ни была — но это *наша Служба*.

— Так точно, — ответил помощник незамедлительно.

— Для которой нам и здоровья не жаль. Тем более приходится его беречь.

После этих слов он перешел уже на тон официальный:

— С сего дня, согласно докладу медкомиссии и приказу Директора, убываю в отпуск для прохождения оздоровительного курса в мир Стрелы Третьей. Мне рекомендовано быть на природе, а там, говорят, прекрасная охота. Вот и Разитель подтвердил — он только что оттуда. Предложили выбрать между охотой и гольфом — охота мне больше по сердцу. Срок установлен — две недели, далее — по заключению врачей. Вас оставляю за себя. Примите текущие дела...

Принять текущие дела помощник (как и всякий помощник) был готов уже давно. Конечно, за две недели себя особенно не покажешь. Но все же, все же, все же...

— Связь со мной — лишь в самых крайних случаях. Только по нашим линиям. Коды найдете в компьютере. И вот еще, затвердите себе: канал 002-2 не занимать никогда и ни при каких условиях.

— Слушаюсь. Но разрешите доложить: Канус снова вышел на связь. Сказать ему, что вы уже убыли?

— Канус? Ладно, раз я еще тут... Переключи на меня. И — иди, иди, командуй.

Помощник повиновался. Иванос нажал две кнопки на пульте, делая предстоящий диалог недоступным ни для какого контроля и подслушивания.

— Канус! Ты все еще там?

Слышимость была прекрасной — как из соседней комнаты.

— Последние часы. Есть возможность продолжить маршрут. Вот хочу спросить: будут какие-то дополнительные указания? Изменения?

— Да нет, пожалуй. Все остается в прежних рамках. А хотя... есть кое-что. Пиши сейчас на свой мик — сброшу информацию, которая тебе поможет. Потом сам в ней разберешься, сейчас и тебе, и мне недосуг. Готов?

— Гоните.

Иванос покормил кристаллами и запустил машину — ту самую, которая была свидетелем его разговоров с Разителем, да и вообще — всего, что заслуживало такого же внимания. «Все же наша техника помощнее, чем твоя, Ра, Служба — это тебе не кустарь-одиночка...» — так думал генерал, чуть усмехаясь, пока шла передача. «И программы не ты один сочиняешь. Вот встретимся в следующий раз — и придется тебе с этим согласиться. Если встретимся, конечно...»

— Все принял. Еще информация?

— Больше ничего. Счастливого пути, Канус. Удачи. И — до встречи.

— Всех благ вам. Следующая связь — после маршрута. Конец.

— Вот, похоже, все, — проговорил Иванос негромко. Усмехнулся, подумав, как удивится кое-кто со временем. Если, конечно, все будут живы и здоровы. Ну, что же: сейчас тут осталось сделать только одно, чтобы не откладывать и не рисковать излишне. Внимательно, осторожно. Мик готов. Включаем...

Постучали в дверь:

— Разрешите?

Помощник. А теперь, собственно, уже и.о. генерала Иваноса. Не вовремя вернулся.

— Через три минуты, ровно! — рыкнул Иванос самым страшным своим рыком. — Переодеваюсь!

Через три минуты и в самом деле все было закончено. Теперь главное — продержаться до выхода из здания Службы. Чтобы никто...

— Да, войдите!

Вошедший одновременно с этими словами помощник поспешил произнести заготовленную заранее формулу прощания. Но уже чуть другим голосом, чем до сих пор, с каплей начальственной интонации:

— Желаю скорейшего излечения, Иван Афанасьич. И доброй охоты.

— Благодарю сердечно.

Помощник проводил его взглядом, невольно подняв брови.

Все-таки как меняет человека антураж! Словно бы и не генерал Иванос вышел только что из кабинета, а кто-то совсем другой. Да, искусство перевоплощения для Службы — великое дело!

17. Имя личное и семейное

— Назовитесь полностью: имя личное, имя семейное...

— Да, кан. Конечно, кан. Пат Пахтор, кан.

— Пат — личное имя?

— Ну а как же еще? Не Пахтор же. Пахтор — семейное имя. Пахторов много на Кантре. Как же Пахтор мог бы стать личным именем? Никак, кан.

«Глуп, — подумал контролер Четвертого отдела — департамента иммиграции — мира Улар, здесь, на грузопассажирском транспорте, перехваченном в сопространственном узле, ради скрытности именовавшийся просто инспектором. — Почему-то перехватываем мы в основном дураков, а своей волей приезжают и вовсе идиоты. Наверное, так и должно быть: они удобряют почву, делают ее пригодной для того, чтобы к нам захотели умные. И это хорошо: с дураками не возникает проблем сложнее обычного полицейского уровня...»

— Мир рождения?

— Кантра, я ведь говорил уже. Вот только что.

— Много болтаешь. Цель поездки?

— Это вы про что?

О небо! Туп, как слоновья нога.

— Зачем сел на корабль и полетел туда, на Астрею? Работать, жениться, рыбу ловить, банки грабить или просто — захотел и поехал? Теперь ясен вопрос?

— Ну... все едут кто куда, и я поехал. Вроде бы приглашали оттуда. На работу, понятно. А вовсе не жениться. Это же надо придумать: жениться на Астрее! С ума сойти. Да и не на Астрее... Работать позвали, усек? Иначе я и не поехал бы. У нас, Пахторов...

— Это в другой раз. Про Пахторов. Поехал на время или насовсем?

Спрашивая, контролер-инспектор даже не смотрел на отвечавшего иммигранта на Астрею — одного из пассажи-

ров третьего класса, — тридцать человек в обширном, по сути дела, трюме, теперь оборудованном пассажирскими капсулами такой древности, какие только на подобных лоханках еще и сохранились. Тридцать дураков на трех дежурных контролеров, на каждого лопуха не более двадцати минут. Так что не до физиономистики. Контролер смотрел на дисплей: главными были вовсе не те вопросы, какие надлежало задать, и не ответы, которые полагалось выслушать, а происходивший одновременно тонкий поиск в сознании и мике анализируемого вахлака: если есть у него не то что камешек, но хотя бы маковое зернышко за пазухой — на дисплее плавно струящиеся кривые сразу же выдадут лихой степ; тогда вахлаком (который может оказаться и вовсе не вахлаком) займутся другие специалисты. Бывало такое. Но... но не на этот раз. Все рутинно: четкие мысли первого ряда (о еде, о приюте, о бабе, о работе, о деньгах), мыслишки все как на подбор неразвернутые — из двух слов. Рутина. Да и трудно ожидать другого: те, кто чего-то стоят, едут не по вербовке, а по персональным приглашениям, и не в третьем классе, и разговаривают они совсем поиному... А вся история его жизни — вот она, на дисплее, надо только уметь прочесть. Родом — из глухого селения, пахал землю, потом отбывал воинскую... Действительно, глухомань какая — эта Кантра: в войска идут по обязанности, не по своей охоте. Прослужил — ого, шесть годиков... это их тамошние годы, значит, по конвенционному счету — сколько же? Восемь с половиной, вот как. Тут мы отметочку поставим, ярлычок: это может кого-то и заинтересовать. Столько времени в войсках, выходит, как-то пообтесали его там и это ему пришлось по вкусу. А почему бы и нет? Кормят, поят, одевают, чего еще? Ну а что же такое приключилось, что пришлось мужичку из армейской жизни уходить в гражданскую? Вряд ли по своей воле. Физически здоров, это на дисплее показано было в самую первую очередь. Может, сильно закладывал за воротник? Это бывает с людьми. Ну-ка, ну-ка? Вот тебе раз: и в этом не грешен. И по наркоте — ноль. За что же это его шуганули? В его памяти это наверняка застряло, если даже сам он этого и не понимает. Точнее наводочку, точнее...

— Ты чего затылок чешешь, Пахтор?

— Да зазудело чего-то, кан...

— Неприлично ведешь себя.

— Виноват.

Ага, вот она, причина! Ясно же, что сохранилась в памяти, уцелела формулировочка. Прелестная, надо сказать, причина: «Вследствие прекращения работ по его специальности». Блеск, а не статья! Кто и захочет, не сразу поймет. На самом же деле все очень просто. Пришла техника нового поколения, помощнее старой, но и посложнее, конечно. А у этого — и не у него одного, надо думать, — мозги уже задубели, и новые штучки ему оказались не по зубам. Может, даже успел сломать что-то,

но скорее — заранее поняли: обязательно наломает дров, если допустить до новинок. С ними легче разберутся молодые, у них мозги поизвилистее — пока что. А таким, как этот вот молодец, — выходное пособие в зубы, равнение на проходную, шагом марш! — и точка. Это раньше, да и не в таком мирке, как эта его Кантра, его запихнули бы в какой-нибудь дальний гарнизон — и кукуй там до полной выслуги. Но на таких мирах, как Кантра, и нету вовсе дальних гарнизонов, там и воевать не с кем, армия там лишь для участия в разных операциях федерального или субфедерального масштаба, то есть только космические войска, инженерные, флот и космопехота. В таких войсках содержать одного солдата или корабельщика стоит ого сколько. И потому всякий, кто уже не может полностью соответствовать требованиям, получает напутствие коленкой под зад. А уж на гражданке — одному повезет, другому нет; этому вот явно не посчастливилось.

С этим делом ясно. Ну-с, а какие тут рисуются его взаимоотношения с некоторого рода службами? Это ведь тоже кое-кого всегда заботит... Запустим-ка щуп еще разок в самую его потаенную память...

Ничего. Чисто. Да и трудно было ждать другого. Он тупарь. А Службам такие к чему? Да его нормальный ребенок вокруг пальца обведет. Трехлетний.

Ну, что: все ясно. Еще послушаем его на уровень откровенности — и хватит.

— В армии-то кем служил?

— Не «кем», а солдатом. А потом уже и капралом.

— Какая, ты говоришь, твоя специальность?

— Как?

— Специальность, я спрашиваю. Чем занимался в армии? Из чего стрелял? На чем летал? А может, не летал, а ползал? Или с неба прыгал? Род войск?

— Прямо так и спросил бы. Войска — инженерные. Двадцать второй монтажный батальон. Монтер-капрал Пат Пахтор.

— Не самый лучший монтер, наверное, если пришлось уйти?

— По генеральному сокращению. Все, что полагалось, построили. Не понимаешь — чего вякаешь?

— Опять грубишь. Ты и там так разговаривал? В армии?

— А я не в армии.

Твоя воля, Создатель! Тут никаких нервов не хватит. Терпение лопается.

— А на гражданке? Работал — где? Что строил?

Это вопрос на самооценку.

— А-а. Да... как бы сказать. То тут, то там. Делал, что скажут. То одно, то другое. На сборке и установке, значит. И на поверхности, и на подземных, два месяца — наверху, вешали спутник...

— Что приходилось монтировать?

— Ну, что прикажут, то и...

Просто тоска с ними. Но, хвала Всевышнему, его время вышло. Послать на последний тест — и пусть катится куда следует. Но сперва, как положено, ободрить.

— Ну, что же: можно сказать, тебе повезло. Специальность у тебя ценная. И работу долго искать не придется.

— Ну понятно. На Астрее дел много, иначе бы они и не...

— Далась тебе эта Астрея! Есть места, где платят побольше.

— Может, и есть, не знаю. А только я подрядился туда, и, значит...

— Патлох! — Не обращение, а окрик — сердитый, командный, даже угрожающий.

— Я самый, кан! Только Пахтор, а Патлох — это не я, эти жили как раз напротив, через улицу наискось, это кто-нибудь из них вам попадался, наверное...

— Молчать!!

Вот как подобрался сразу, подбородочек задрал, голосочек даже позвончел.

— Ты почему врешь? Темнишь? Не все говоришь? Противоречишь?

— Никак нет, кан!

— Если все рассказал о себе верно — вот тебе жетон — держи, не потеряй только! — и шагай вон в тот выход. Иди без страха. Но если что-то скрыл — кто таков на самом деле, зачем приехал и все прочее, — под той дугой тебе не пройти. Убьет током.

— Вот тебе. А что так? Другого выхода, что ли, нет?

Хорошо. Если бы он двинулся под арку строевым шагом — возник бы повод для сомнений. А спрашивает, нет ли выхода побезопаснее, — так не было еще такого вахлака, который не спрашивал бы о том же самом. Потому что сути дела он — как и все они — не понял, не его мозгов это уровень, но раз почуял какую-то опасность — сразу стал искать, а нельзя ли попроще и понадежнее. Ладно, лишним, скорее всего, не окажется — людей мало, начальство чуть ли не воет. Нужны люди на Уларе. И такие, и этакие. Всякие.

— Нет другого выхода! Шагом — марш! Иди, ложись в капсулу, проснешься уже на месте, безо всяких забот. Считай, что уже нашел себе работу. Такую, что выгоднее не бывает.

— Ладно, если так...

Пат Пахтор повернулся, подхватил свой баульчик (хорошо, хотя и почти незаметно проверенный, как и весь пассажирский багаж, еще до того, как стали будить спавших в капсулах) и пошел, куда было приказано; не то чтобы с радостью, но пошел. И правда: лечь да уснуть, пока голова не заболела от всяких «что?» да «почему?». Ох, сладко зевается...

И инспектору — тоже.

Господи, скорее бы конец смены!

А, вот и прекрасно! Наконец-то зазвучал сигнал, мелодически отвратительный, зато многообещающий: всем кончать работы, готовиться к движению, занимать места согласно правилам безопасности.

Что означает: трогаемся домой. На Улар. Теперь это — дом. И не с пустыми руками возвращаемся, никак не с пустыми. И с грузом, и с людским уловом.

В таком случае даже самый строгий инспектор может позволить себе улыбнуться.

18. Все хорошо — кроме того, что плохо

Хотя на Уларе сейчас вроде бы никто не собирается торжествовать. Еще один удачный маневр — это хорошо, конечно. Однако, к сожалению, проблемы, которых, откровенно говоря, никто не ожидал, вдруг стали нарастать быстрее, чем удается осуществлять меры по предотвращению их невеселых последствий.

Нет, никаких просчетов не было, никаких недоработок. Но когда имеешь дело с силами природы, да еще с силами такого характера и масштаба, в которых даже теория не смогла пока серьезно разобраться, когда действовать приходится буквально на ощупь, уповая только на инстинкт и везение, — не стоит особенно удивляться, если что-то вдруг начинает идти совершенно не так, как предполагалось. Как должно было бы идти.

Вот как сейчас, например.

Вот именно так — со всей осторожностью и деликатностью, глубоко внутрь загнав свои претензии и сомнения, — хронофизик и энергетик доктор Астин Крат докладывал обстановку самому большому человеку на Уларе — а потенциально и во всей Галактике, — кану Элюру Синусу.

А Элюр слушал, насупившись, воспринимал информацию, старался тут же, на ходу, оценить ее и хотя бы в самых общих чертах наметить — в каком направлении действовать и как именно.

Нет, претензий ни к кому быть не может. Математика на этом уровне не подвела: было точно рассчитано, какое количество сырья и произведенной из него энергии потребуется использовать на первом этапе Основания, при начальной метаморфизации, какое — на втором, для Исхода, третьем — для Закрепления, и на четвертом из рассчитанных — для Расширения. И столь же скрупулезно было вычислено — откуда эта энергия будет поступать. И ведь все оправдывалось совершенно точно — хоть считай до пятого знака после запятой.

И вот вам: именно теперь, когда Расширение пошло уже вширь и вглубь, когда на основных площадках Всефедерального, иными словами — Галактического рынка уже созданы серьезные плацдармы для стремительного наступления по всем на-

правлениям, когда попытка насилия со стороны федеральных властей успешно отражена, предоставив возможность обзавестись даже и собственным военным флотом, — именно в этих условиях, лучше которых и не придумать, природа вдруг начинает совершенно не к месту, не говоря уже о том, что никак не ко времени, демонстрировать скверные стороны своего характера.

А за природу доктор Крат не ответчик, не так ли?

Ну, не вся природа, конечно; не будем бросаться чрезмерными обвинениями. Но именно та часть ее, которая сейчас играла главную и жизнеопределяющую роль для Улара и людей на нем, а короче — для всемогущей компании «ХроноТСинус»: ХТ-Аномалия! На существовании и режиме которой только и были основаны все расчеты. И которая вела себя просто идеально все время, пока за ней проводилось наблюдение: фигурально выражаясь, все стрелки на шкалах стояли ровно, как прибитые. И продолжали все так же держать площадку, когда ею уже начали пользоваться, а все остальные миры и власти продолжали оставаться в неведении относительно даже самого существования этого природного отклонения от нормы.

Так, во всяком случае, докладывал ученый. Говорил только то, в чем уверен. И оставлял при себе то, чего утверждать еще не мог. Но уже подозревал. И от одного этого подозрения холодный пот проступал по всему телу.

Хозяин же, кан Элюр, чувствуя какую-то недоговоренность, конечно, думал дальше. Со своих позиций.

Ситуация, думал Кан, выглядит куда грустнее, чем он надеялся, когда возникли первые признаки сбоя. Нелепая ситуация. В самом деле: представьте себе, что на широкой, полноводной, от начала времен, наверное, текущей реке вы построили мощнейшую гидростанцию, на чьей энергии основывается все производство и даже само существование возникшего вокруг промышленно-жилого района. И в самом разгаре работ по достройке новых поселков и пуску новых заводов река вдруг перестает течь. Потому что вода уходит, и чем дальше — тем стремительнее куда-то вглубь. В недра планеты. То ли промыла себе путь к гигантской каверне, о которой никто ничего не знал и не знает, и теперь поток будет ниспадать туда, пока не заполнит эту полость, а это может случиться завтра, или через год, или через тысячу лет. А может быть, это и не подземное море, но просто русло глубоко под корой, по которому вода утекает, как ей и положено, в море-океан? Так или иначе, турбины обсохли, генераторы отключились, энергии нет. Конец мечтам. И вложенным деньгам тоже.

Эх, надо было ядерную строить!..

В случае с рекой — наверное, да. А с Аномалией — никак. Чтобы заменить ее, пожалуй, и тысячи ядерных не хватило бы. Тем более что расщепляющихся материалов на Уларе нет. Во всяком случае, не обнаружено до сих пор. Да их никто и

не искал. И оборудование для таких станций — на продажу — собирались производить только на одном из предстоящих этапов развития. А в нынешней обстановке никто не продаст «ХроноТ-Синусу» и килограмма ядерного топлива, и даже одного, пусть самого слабенького, синтез-реактора.

Без энергии жить нельзя. Производство ее падает. Причем с ускорением. Еще немного — и начнется обвал. Паника. Конец.

И это — в условиях, когда в руках находятся ключи к подлинному и небывалому могуществу, в масштабе, можно с уверенностью сказать, не одной только Галактики. И — гм... — не одной только видимой Вселенной...

Придется ударить в большой колокол...

— Кан Астин! Прерву вас на минуту. Сейчас я вызову сюда всех лиц узкого круга. Надеюсь, вас не затруднит повторить при них в общих чертах то, что вы доложили мне?

Доктор Крат подавил вздох. Только что он решился, наконец, закончив доклад, просить об освобождении от должности Главного энергетика. Но не при всех же!

— Разумеется, кан Элюр!

— Именно так обстоят наши дела сегодня, уважаемые каны! — этими словами, обращенными ко всем, кто был срочно приглашен для важного разговора, подвел итог своим размышлениям и прогнозам кан Элюр Синус, внук Открывателя, сын Основателя и нынешний владелец и вдохновитель «ХроноТСинуса» вместе со всеми дочерними компаниями и предприятиями. — Мы на краю пропасти. Поэтому с текущей минуты я запрещаю думать о чем-либо другом, кроме одного: где взять энергию, которой нам уже недостает и будет все более не хватать с каждым новым днем, часом, минутой. Этих минут у нас мало. Предупреждаю: если в течение максимум трех дней мы не найдем способ, позволяющий сразу же начать восполнение недостающей энергии хотя бы для сохранения уже достигнутого уровня, — наше будущее закончится, не успев начаться. И вопрос сохранения жизни каждого из нас и качества этой жизни, если сохранение окажется для кого-то возможным, — станет исключительно личным делом каждого в отдельности.

После совсем коротенькой паузы кан Элюр добавил:

— Кстати: я наложил запрет на всякий отъезд с планеты. И не только любого из нас, но и вообще. Есть ли у кого-нибудь вопросы?

Вопрос нашелся только у доктора Тазона, хроногенетика:

— Кан Элюр, будет ли запрещен также и въезд на Улар?

Хозяин чуть помедлил, прежде чем задать встречный вопрос:

— А вы полагаете, что его нужно закрыть?

— Я не полагаю так ни в коем случае, — прозвучал уверенный ответ. — Напротив.

— Я тоже пока не вижу такой необходимости, — согласился кан Элюр. — Поскольку верю всем вам и надеюсь, что в установленный мною срок выход будет найден. Нам ведь приходилось решать и более сложные задачи, не так ли?

Легкий гул прошел среди собравшихся.

— Тогда все свободны. Но не от мыслей. Желаю успехов каждому.

«Ну и хорошо, что не успел попросить, — подумал Крат. — Потому что он наверняка ответил бы мне: на переправе лошадей не меняют — или что-нибудь в этом роде. Я думаю, Тина будет даже рада — она боится всяких осложнений. А после этого запрета о бегстве не приходится и думать — пока положение не стабилизируется. Нет, спорить с судьбой — это плевать в небо, воистину».

19. Доктор Тазон по-прежнему в работе

После неожиданного совещания хроногенетик доктор Тазон вернулся в свой отдел не так, как всегда, не топ-топ ножками, но словно прилетел на крыльях. Широких. Орлиных.

— Сегот! Где вы там? Куда пропали?

— Да здесь я, кан... Что стряслось? Что-то плохое?

— И очень. Хотя на самом деле — хорошее.

— Расскажете?

— Зачем же еще я вас звал? Слушайте: производство энергии падает...

— Да, слушок уже пошел — будут свертываться...

— Чтобы этого не случилось, кан Элюр распорядился: всем искать другие источники сырья для сохранения, а затем и увеличения энергетических мощностей. Понимаете, что это значит для нас с вами?

— Похоже, мы в седле, кан Тазон!

— Да, Сегот! Да! Другие только начнут искать. А мы уже почти завершили поиск! И если бы сегодня у нас было достаточно подопытных объектов, то... Сегот, у нас сейчас одна задача: найти способ получить побольше... кроликов. Срочно. Давайте нажмем на все педали.

— Я думаю, доктор, вы могли бы уже просить кана Элюра о разрешении...

— Тсс, Сегот! При всех? Вы же знаете наши нравы! Сразу же куча остолопов выступит против моей методики — хотя бы из чистой зависти. Нет, хозяину нужно нести готовый продукт, решение задачи! Так что пока придется изворачиваться самим.

— В таком случае... Знаете что? Я еще раз попробую договориться со службой иммиграции. По-моему, учет прибывающих у них достаточно дырявый. Может быть, уговорю — что-то нам и перепадет.

— Хорошая идея. Мы смогли бы предоставить им часть нашей аппаратуры... экстракторы... Надо только найти способ получать извлеченное прямо сюда.

— А зачем? Это слишком сложно. Лучше попросим у них хотя бы один кабинет и часть работы будем делать прямо там.

— Возможно, мы так и сделаем. Я со своей стороны тоже что-нибудь придумаю. Ведь если... Если можно просить у службы иммиграции, то почему бы не наладить такие отношения и с нашим военным флотом?

— Гордо звучит, кан Тазон: «Военный флот Улара»!

— Да, просто прекрасно. Так я и сделаю. Итак — за дело, Сегот, за дело!

20. Наконец-то хоть один!

Поскольку въезд на Улар остался открытым, вербовочные пункты этого мира на множестве планет продолжали действовать — хотя нельзя сказать, что с большим успехом. Большинство народов все-таки тяжеловато на подъем. Вот если бы вербовали на Армаг... Но там вроде и своих хватало, и квота на иммиграцию у них с каждым годом все съеживалась. Но сеть Улара была раскинута достаточно широко, форпосты вербовщиков добрались даже до такой провинции, как, например, Стрела Третья, о чем мы уже знаем. И, похоже, добирались в такую даль зря: тут и вообще населения было раз-два и обчелся, да и из тех половину составляли люди, приехавшие сюда ради спокойной и безмятежной жизни; какого же, спрашивается, рожна им вдруг срываться с места и лететь куда-то к черту на рога? Каких пирогов ради?

Правда, однажды — а именно с неделю тому назад по местному отсчету — и сам вербовщик, и оба его помощника обрадовались было: ВВ-станция стала вдруг выбрасывать пассажиров большими и частыми группами, так что к обеду народонаселение Трешки выросло сразу человек на сто, никак не меньше. Сперва вербовщики изрядно струхнули, да и не только они: все прибывшие почему-то оказались военными, навтами с Федерального Космофлота, матросами и офицерами. Местные решили было, что происходит оккупация. Однако эти страхи вскоре рассеялись, потому что все гости выглядели словно пыльным мешком трахнутые и просто не знали, с чего начать и куда деваться. Никто их, как выяснилось, сюда не звал и не встречал; это вскоре вынюхал пошнырявший среди флотских помощник вербовщика. Вообще-то он хотел сразу же предложить прибывшим завербоваться на Улар, прельщая хорошими заработками. Но, к огорчению всех трех работников пункта, само название предлагаемого мира произвело на приезжих столь отрицательное действие, что вербовщикам с трудом удалось спастись от грубого физиче-

ского на них воздействия. Хорошо еще, что запоры в пункте были очень надежными, потому что в нем ведь и деньги хранились — для выдачи подъемных завербованным, если они все же найдутся. В этот день пункт более не открывался. Но наутро, осторожно выглянув и убедившись в том, что все навты с городской площади исчезли, трое снова принялись за работу.

И на этот раз повезло: к ним и в самом деле пришел человек, всерьез желающий завербоваться. Один человек всего лишь. Но на Трешке — им уже стало ясным — и это следовало считать хорошим уловом. Прямо перед ним заглянул, правда, и другой, но не успели в конторе обрадоваться, как выяснилось, что то был всего лишь какой-то небольшой чин из местной Службы, из отдела Порядка, находившийся на дежурстве и совершавший очередной обход главной городской площади. Убедившись, что все тихо-спокойно, он, не задерживаясь, повернул к выходу. Тут как раз и возник этот второй. Долгожданный.

Почему-то новый посетитель по большой кривой обогнул представителя Закона, приближаясь, чтобы занять место у стола вербовщика. И даже головкой этак нервно дернул, отворачиваясь. А тот оглянулся очень неласково, замедлил было шаг, но, видно, передумал и ушел все-таки. Похоже, успели уже где-то по дороге сюда заметить друг друга. И оценить соответственно.

Правда — тут и не захочешь, а начнешь подозревать. Ну и рыло у этого — долгожданного. Все наперекос. Глаза, скулы, уши... Дивны дела ваши, господи и мать-природа! Тут не то что дергаться станешь, тут стошнить может от такого мордопейзажа! Неужели на Уларе порадуются, узрев такую уродину? А руки-ноги у него не кривые? Да нет. Просто удивительно! А говорить он умеет?

— Личное имя? Фамильное имя?

— Какое?

— Да семейное. Семейное!

— Ну да. Тон, значит, Чугар.

— Гражданин этого мира? Трешки?

— Да ты что! С какой такой?.. С Синеры я. Не видно, что ли? Тут на Трешке они все уроды, смотреть тошно. Вон как тот. И весь их мир такой. Не люблю их. Нет, я тут случайно оказался. Ветром занесло, не ту кнопку нажал. А тут работы нет.

— Понятно, понятно... Ну что же, правильно решил, что самое время лететь на Улар. Там всяких дел невпроворот. И (тут вербовщик многозначительно прищурил глаза) если даже тебя на Синере или еще где-нибудь кому-то не терпится увидеть и руками потрогать, то будь спокоен: на Уларе на такие дела не смотрят, наш мир — сам по себе и никому не подчиняется.

— А то я не знаю! Не первый день на свете живу.

— Ну, что же. Вот: читай контракт, подпишешь — и мы тебя сразу отправим, обедать.

Тон Чугар читал долго — то ли про себя прикидывал и анализировал, то ли просто чтение было делом, не очень для мужика привычным. Да и ставя наконец подпись, вспотел (так, во всяком случае, показалось вербовщикам) от усилия. Зато выданные ему подъемные пересчитал быстро и сноровисто. Правда, и не такие были деньги, чтобы долго их мусолить.

И тут же, без всяких проволочек, его только что не в обнимку подвели к своей ВВ-кабине — Улар, то есть «ХроноТСинус», не жалел затрат, — посадили, помахали ручкой и нажали нужную кнопку.

И вот он, обещанный Улар, ожидаемый — и все равно внезапный, как туз из рукава.

Тон Чугар об оказанном ему приеме ничего плохого не думал. И дома с такими, как он, тоже так разговаривали. Ну, значит, угодно было богу, чтобы ты родился бедным и бестолковым, а не богатым и образованным.

Выйдя из приемного зала, он не раздумывал, куда теперь податься: было заранее сказано, что все, прибывшие по вербовке, кто пройдет контроль, пока так и останутся вместе; где, что, как — им скажут, куда надо — отведут, а потом уже станут понемногу приспосабливать к делу, подберут всякому свое. Те, кто проверился еще до него, уже стояли недалеко от крыльца — кучкой, словно так им было уверенней в чужом и, на первый хотя бы взгляд, суровом мире.

Улар и в самом деле не радовал. Там — во многих мирах, откуда эта людская пена сплыла сюда, — было как-то уютнее. Были города и сельские поселения; были дороги; было — да, в общем, все то, что постепенно возникает, когда люди достаточно долго живут оседло и стараются жизнь эту сделать пусть хоть немного, но лучше, безопаснее, увереннее.

Здесь, в мире Улар, все выглядело иначе. И трудно было поверить, что он и есть то самое место, о котором там, в старых обиталищах, и плакаты, и газеты, и все говорящие и показывающие устройства в один голос твердили: Улар — мир будущего, здесь все — новее, все — лучше, и перед каждым, кто сюда приедет, откроется небывало прекрасное будущее. Начиная прямо с первого же дня.

Ну, целиком в это, понятно, никто не верил — и Тон тоже был не глупее других. Всякий с детства знает, что любое слово сверху, сказано ли оно или написано, всегда врет, самое малое, наполовину. А то и целиком. Так что никому и в голову не приходило, что доставят их прямо в земной рай. И однако же какая-то надежда сохранялась, чувствовал ли ее человек или нет, на то, что пусть хоть немного, но будет все-таки лучше, чем у себя дома, где и дома-то, собственно, не было.

Но сейчас, когда впервые появилась возможность по-

 стоять в покое и оглядеться, такие надежды как-то сразу

скукоживались, желтели и никли, как зерновой уруп в долгую засуху. Потому что даже и того, что уже стало привычным в старом мире, здесь и близко не было.

Начать с того, что тут, где они оказались, не было ни города, ни даже плюгавенькой деревеньки, хутора хотя бы. В обширной как бы чаше, окаймленной черного цвета горами, на таком же черном каменном ровном местечке только и было, что одно-единственное строение, в котором они очутились, прошли контроль и вышли на этот пятачок. Пустое место и бесплодное. На рай никак не походившее, но скорее на преисподнюю — для тех, кто в нее еще верил. Дом — два подъезда. Второй — левее, почти в самом конце строения. Люди заходят, выходят. Никто их не приглашает, значит, хочешь — иди, не хочешь — не надо. Спокойнее будет оставаться на месте: когда суешься, куда не просят, нарываешься на неприятности. Надо будет — крикнут. И где жить покажут, и где работать.

Какая здесь может быть работа — не очень представлялось. Не зря Тон Чугар успел в своей не такой уж короткой жизни позаниматься разными делами — пусть и не очень сложными. Он точно знал, что для любой работы нужно, чтобы было что работать и чем, а тут ни того, ни другого не наблюдалось. Была бы хоть нормальная земля и сказали бы: «Начинайте вот на этом месте рыть траншею — руками, потому что лопат то ли не достали, то ли завезли в какое-то другое место» — ну и что: поворчали бы, понятно, но стали бы копать пальцами, относить в горстях. Но тут и этого нельзя: камень, сплошной камень.

«А хотя, — подумал Тон, усаживаясь на свой выносливый баул, — кто сюда звал, пусть у тех голова и болит. Зачем-то привезли нас — значит, есть в таких, как я, нужда.

Наверное, вот закончат проверять последнего — тогда и пойдут дела дальше. А пока можно посидеть спокойно, будем сидеть спокойно. А кто-то вон даже и подремать пристроился — прямо на голом камне. Он, правда, теплый, этот камень. Вообще тепло. И на том спасибо и слава богу.

Главное — никогда не тревожиться о чем-то, чего не знаешь. Не сокращать себе жизнь и не мешать жить другим...»

Вот так — медленно, зато обстоятельно — рассуждал от нечего делать Тон Чугар, свеженький иммигрант по призыву мира Улар.

«Что ли, прилечь, пока никуда не дергают? Только не на голый камень, это полным дураком надо быть, чтобы... Нет, мы сейчас достанем из ранца коврик надувной, не сданный при увольнении с последнего места работы — по забывчивости, конечно же, никак не по злому умыслу. (И коврик, и ранец, и еще всякая всячина уцелела у него с прежних времен.) Надуем слегка. Подстелим. И уж тогда со всем удовольствием...»

— Тон Чугар — ты?

Ну, вот тебе. Только возмечтал было...

— Так точно.

— Что время теряешь? Скоро в путь. Паек получил? Инструмент — малый общий набор?

— Куда еще в путь? Не здесь разве?..

— Разве, разве. Развякался. Вон в ту дверь — усвоил? И — в темпе, бегом.

«Ладно, дело привычное... Вот она, значит, для чего — та, вторая дверь. Ну, сказано — идти, значит, надо идти. Тем более за хорошим делом. Паек. И инструмент. И — даром. Если тут все время так будет — считай, хорошо устроился. Еще и платить должны пожирнее, чем в тех, старых мирах. Нет, не может быть, чтобы за мелочь вкалывать. Дураков нет.

Сюда, значит, мне нужно. Ну — с песней вперед...»

Тон Чугар решительно поднялся по трем ступенькам. Шагнул через порог. Остановился, оглядываясь.

«Магазин? Нет. Склад? Да, склад. Нет, а это там к чему? Не понять. Не госпиталь ведь. А похоже. Все разом. Ну да — места не хватает, дом-то один-единственный...»

— Ну, чего застрял? Испугался? Давай сюда быстро.

Это окликнул мужик от как бы прилавка. За его спиной стеллажи по всей стене. Сундучки поменьше и побольше. Ну, это дело знакомое: инструментальные наборы, малые и большие. А пайки где же? Ага, это уже по другой стене.

— Уснул, земляк?

— Да нет. Ну, давай.

— Вот молодец. Что давать-то?

— Сказано мне — малый набор.

Мужик, что за прилавком, повернулся, снял один сундучок, откинул крышку. Все было без обмана: отсек столярный, отсек слесарный, отсек монтерский. Все новенькое, в смазке.

Тон протянул было руки, чтобы снять сундучок с прилавка.

— Эй-эй! Разогнался!

— Чего еще?

— А того. Доктору показываться твоя тетя будет?

— Какому такому доктору?!

— Во! А ты подумал — такие вещи кому попало раздают? А может, ты псих? А такой инструмент, как тут у нас, — вещь в дурных руках опасная.

— Нам об этом никто не говорил. А у вас тут только и делаешь, что одеваешься-раздеваешься. Как в бане. Но, между прочим, в бане тепло. А здесь — как в погребе.

— Тут раздеваться не надо.

— Чего ж тогда? В зубы станете смотреть?

— В зубы, если понадобится, мы не только посмотреть можем, но и пересчитать все. Те, что останутся. Давай-давай, время теряешь, свое и наше. А тут, как и везде на свете, время — деньги. А деньги опять же — время. Усек?

— Шутишь ты, я так понимаю.

— С тобой шутить себе в убыток. Ну? Иди в тот угол. Шагай, шагай.

И показал мужик туда, где был как бы больничный угол. Похоже было на кабинет зубного врача. Кресло совсем такое же. Но вокруг вроде бы какая-то другая техника. Тоже все блестит, а местами сияет, прямо как чистое золото. Ну одни загадки вокруг. Однако же раз так устроено, значит, нужно.

Пат направился к креслу — не очень бодро, правда, но послушно. А там уже появился другой мужичок. Похоже, и правда доктор; халат, во всяком случае, был точно таким. Хотя и тесноватым. Улыбался приветливо. Сказал негромко, вежливо:

— Садитесь, пожалуйста. Не волнуйтесь: не будет совершенно никакой боли или других неприятных ощущений.

— Колоть, наверное, будете... — скорее самому себе пробормотал Тон Чугар. Доктора это даже развеселило:

— Представьте себе — не будем. Нет никакой надобности. Откиньтесь на спинку... Руки сюда, пожалуйста... Ноги на подножку, вот так. Глаза можете закрыть, а можете и не закрывать — как вам будет угодно...

Приговаривая так, доктор налеплял Тону на голову — посредине лба и где-то на затылке, потом — на самой макушке — какие-то причиндалы.

— Какой там поставлен съем? — спросил громко.

— Восемь тридцать, — донеслось от прилавка.

— Восемь... и... тридцать. Введено. Включено. Канал свободен. Пошел отсчет!

Что-то тихо загудело — сперва низким, бархатистым звуком, потом все выше, выше, выше... резче... Но все равно приятно. Только спать вдруг так захотелось! «Усну, не выдержу... — подумалось каким-то обрывком. — Усну...»

И в самом деле уснул.

21. Куда ты попал, Ра?

Что за черт!..

Именно такая мысль пришла мне в голову прежде всех остальных. Как-то выделилась из тумана, которым было наполнено мое сознание. Обычно я просыпаюсь с ясными мозгами, но только не на этот раз. И прошло, пожалуй, не менее минуты, прежде чем я понял — вдруг, сразу что к чему. Словно кто-то где-то нажал нужную кнопку.

Значит, работает. Где бы я в этот миг ни находился, во всяком случае, это не корабельная капсула. Но и не камера изолятора. Не арестантское помещение. Следовательно — я не задержан. Прошел. Проскочил! Пролетел все барьеры.

«Полной уверенности нет, — тут же одернул я свое слишком уж возрадовавшееся сознание. — А сам ты разве обязательно сразу схватил бы заподозренного? Скорее наоборот — установил бы наблюдение, и... и так далее. Азы ремесла».

Проверим самого себя. Быстро и тщательно. Быстро — потому что, как я совершенно ясно помню, в моем распоряжении — один час. Теперь уже меньше. И я снова перестану существовать почти на целые сутки.

Нет, похоже, во мне — никакой подсадки. Я не под чьим-то контролем. Тогда — за дело.

Вопрос первый: куда это меня занесло? Вернее — завезло. Забросило.

Оглянуться — медленно, чтобы не привлечь резким движением и явным любопытством ничьего внимания. Даже людей неопасных.

По правилам начнем слева. Медленно, плавно. Позевывая, поеживаясь и даже почесываясь под обносками, в которые оказался наряжен.

Место незнакомое. Тем не менее определить его нетрудно. Контрольно-перевалочный пункт. Проверка и отсев. На Улар допустят не всякого. А только тех, кто заведомо безвреден. Кто не выше, а ниже всяких подозрений.

Интересно почему...

Нет, размышления — потом. Сейчас — информация.

Что наблюдается? Одно строение — типовая контрольно-пропускная станция ВВ. Такими же, или почти такими, пользуются и в армейских ВВ-сетях.

Размещаются они, как правило, на небольших небесных телах — естественно, с заранее смонтированной гравиустановкой, создающей нормальную силу тяжести и позволяющей удержаться у поверхности атмосферы — тоже, конечно, созданной искусственно. И, как правило, не очень далеко от мира назначения. В системе той же звезды. Той самой, что я вижу сейчас на небе — не голубом, а зеленоватом. Надеюсь, мой мик уже вернул себе всю начинку? Проверю догадку. Да, это она. Однако... по имеющимся данным, никакой контрольной станции в этой системе нет. Тем не менее она существует. Создать ее (тут пришлось изрядно поработать, чтобы расчистить в горах такую ровную площадку, построить это здание, смонтировать гравиген, а смонтировав его — снабдить этот камень пригодной для жизни атмосферой) требует многих месяцев работы многих людей и машин, да нет — если прикинуть в цифрах, никак не менее года, а данные моего мика я обновил в последний раз накануне входа в эту операцию. Очередная загадка.

Кстати, время, по федеральным правилам, на таких вот необитаемых телах должно соответствовать конвенционному, а не отсчитываться по местным параметрам. Значит, сейчас

часы должны показывать здесь столько же, как на Теллусе. Часы — вот они, на фасаде строения, согласно типовому проекту. Сколько на них? Так. А что показывают мои внутренние? То же самое. Соответствует. Но тогда...

Что — «но тогда»?

А вот что: моя система сработала — вернула меня в реальность — не тогда, когда ей было задано, а раньше. По моей установке это должно было произойти на... на восемь... с половиной часов позже. Ну, естественно: к тому времени мне следовало находиться уже на Уларе, чтобы этот час использовать для ознакомления с обстановкой и составления — в первом приближении — плана действий. Почему так получилось? Жаль, что у меня нет ни малейшего представления, что происходило, пока меня не было. Ясно только, что восемь часов тридцать минут куда-то девались из моей жизни. Вот и еще одна задачка. Но с ее решением торопиться не будем. Сейчас куда важнее другое. Видимо, контроль пройден; это хорошо. Хорошо, если он единственный. А если контролируют дважды? После прибытия сюда — и перед вторым броском, на Улар? А если тут этого и не делают, то уж на планете назначения все повторится заново — и наверняка по куда более серьезной программе. И если это произойдет в ближайшие... в ближайшие сорок пять минут, то контрольная система вскроет меня с такой же легкостью, как сваренное всмятку яичко. Не то чтобы они смогли залезть в мое сознание, это вряд ли у них получится; но им достаточно будет констатировать наличие серьезной защиты, чтобы сделать вывод. И операция закончится, не успев начаться.

Нужно, чтобы вторая переброска не началась — ну, хотя бы в продолжение часа. Давай прикинем. Здесь я вижу... двадцать семь человек, считая со мной. Вот вышел двадцать восьмой. Технология групповых ВВ-переброс известна, она стандартна: капсула на тридцать два места, тридцать пассажиров и двое сопровождающих. Значит, там осталось еще двое доставленных — один сейчас проходит, второй ждет очереди. Обычная процедура скрытого зондирования с традиционным открытым опросом — не более двадцати минут. Вывод: в моем распоряжении менее сорока минут, тридцать пять, допустим, чтобы решить проблему благоприятным для себя образом.

Какие возможны решения?

Первое: идти ва-банк, то есть допустить — и даже превысить — допустимый уровень риска. Каким-то образом помешать ходу проверки оставшихся двоих. Куда надежнее было бы немножко подпортить ВВ-установку. Но для этого нужно до нее добраться. А она, конечно, в самом защищенном месте станции — в заглубленном этаже, где ее и полагается размещать. И, разумеется, под охраной. Самое малое — двое. Вот таких, как этот, — я повел взглядом вдогонку вышедшему из дальней двери и

направившемуся к центральной мужичку в комбинезоне ВВ-техника — и с хорошо знакомым предметом на поясе: с минидистантом. Нет, голыми руками такого не возьмешь.

Почему голыми, а вот это у меня что такое? Ну да — он же специалист, летел устраиваться на работу со своим инструментом. Монтажник, да.

Нормальный инструментальный набор — понемногу от всех скорбей. А ведь инструменты не дешевка, качественные. Чье производство? Где тут клеймо? Вот оно: «ХС ТЕКН УЛАР». Интересно. Впервые слышу, чтобы такие вещи производились на Уларе, а купить их можно было... откуда это он летел? Медленно восстанавливается память, надо быстрее... Для этого нужно не слабые заводы построить. Ввозить металл, которого ВВ-транспортировка в промышленных количествах не принимает по какому-то капризу природы, или добывать его — на Уларе, где никаких рудных залежей вроде бы нет, три раза исследовали в разные времена. Постой, мы об этом уже говорили — с кем? С Иваносом, конечно. Там, дома. Да ладно, все это вспомнится, но не сейчас. Получаса осталось. Хороший инструмент, но против дистанта, хотя бы и мини, рыпаться с ним не стоит и пытаться.

Есть другой выход: попробовать связаться с моим домом на Теллусе, с Вратарем, и дать срочную команду на возврат в предыдущее состояние немедленно, до истечения заданного мною по программе часа.

Теоретически — вроде бы препятствий нет. Если, конечно, мне, только что очухавшемуся, удастся пробиться своим лучом к дому. Но существует все-таки один аргумент против. Один, но серьезный. Глыба эта, на которой мы сейчас сидим, вне всякого сомнения, непрерывно — пока мы тут — и очень внимательно прослушивается. Именно на предмет перехвата любой попытки кого бы то ни было — кроме своего персонала, разумеется, — выйти на какую-то связь, передать любую информацию. Едва уловив — забьют сперва сигнал, а уж потом доберутся и до его источника. Для этого старт, может быть, и отложат, но мое положение станет не легче, а совсем наоборот.

Отпадает.

Но и это не последний способ. Еще двадцать пять минут в запасе. Да, любое излучение, направленное в пространство, будет перехвачено. Но тут-то, на поверхности, на этом пятачке со станцией посредине, вряд ли ведется контроль за полевой деятельностью каждого человека. Все ведь только что прошли серьезную проверку. А на этих-то расстояниях я оперировать смогу даже в нынешнем своем, не самом лучшем состоянии. Для этого нужно только внутренним зрением увидеть контролера за его пультом зондирования, сидящий напротив него проверяемый — последний! — мне ни к чему, разве что как ориентир. Войти в сознание контролера...

— Не разбредаться, всем — приготовиться! Через пятнадцать минут начнем посадку в транспорт для убытия к месту назначения!

Громко и уверенно провозгласив это через усилитель, вышедший на крыльцо человек из станционного персонала повернулся, чтобы возвратиться в рабочие помещения.

Пока он поворачивался — солидно, неторопливо, — я понял: некогда мне искать контролера. Пока наберет силу третий глаз — все закончится, и работать с контролером не останется никакого смысла.

Брать этого — пока он еще не скрылся внутри, пока хорошо виден!

Собрав все силы, я вошел в достаточно простое сознание удалявшегося — мягко и без усилий, как нож в кашу.

Он этого не ожидал и потому не почувствовал. Защита у него была примитивной: слабенький зеркальный блок, всего и делов. И он ничего не смог, не попытался даже, сделать с внезапно возникшей в его сознании потребностью.

Да нет, ничего особенного. Просто подойти к контролеру (расселся тут, понимаешь, как наседка на яйцах — только на своих собственных, да!) — и что-нибудь такое, — да просто дать ему в рыло, вот что! А то на душе как-то тяжело.

Мне удалось довести его до самого места.

Он подошел к контролеру. И врезал так, что я своим сознанием ощутил отдачу. Как если бы это я сам...

Какой-то шум донесся из глубины здания. Вроде бы крики. Вроде бы ругань. Вроде бы...

Но тут я почувствовал, что мир отдаляется от меня. Размывается. Исчезает. Вместе со всем видимым, слышимым, ощутимым...

Последней моей мыслью было, кажется: «Получилось...»

22. Пахтор наконец добрался

«Вот это город! Всем городам город. И не представить раньше, что такие бывают на свете...»

Так размышлял Пат Пахтор, шагая вместе со всеми, разом с ним прибывшими в мир Улар. Повинуясь команде, они вышли из округлого, похожего на половину яйца ЦентрВВтранса и теперь направлялись куда-то, куда их вели. Старались держаться потеснее вместе, чтобы не потеряться: народ был, судя по всему, провинциальный, к городской суете непривычный. Пат тоже то и дело косил глазом на соседей — тут ли они? — а в остальное время любовался улицей, по которой они продвигались. Нет, на Кантре такого не было. В родном мире и на трехэтажный дворец все с почтением задирали головы, а тут... Высоченные дома, не дома, а прямо домища, возвышались по обеим сто-

ронам улицы, достигая — некоторые — даже и до... точно, до двенадцати этажей! И как только они держались, не падали? Пожалуй, опасным делом было — гулять у их подножий: а если вдруг сильный ветер? Стоит ведь одному не устоять — и, падая, он ударит по соседнему, тот — по третьему, и такая начнется катавасия, что и не выживет никто. Сначала эта мысль заставила Пата съежиться, захотелось даже стать поменьше ростом, хотя опыт подсказывал: все равно не уцелеешь... Но минуты проходили, чужие люди — и обгонявшие, и те, что шли навстречу, — ничуть, похоже, не опасались такой вот угрозы, значит — понял Пат Пахтор, — подобное если тут и бывает, то не каждый день — авось и сейчас ничего не приключится, пока не заведут их снова под какую-нибудь надежную крышу.

Еще один страх навалился, когда пришлось с одной стороны этой улицы переходить на другую — пересечь ту ее широченную часть, по которой все перли и перли бессчетные коляски, скользуны, большие и малые, с людьми и какими-то грузами. Среди них Пат заприметил и две платформы с солдатами; хотя форма и не совсем такая была, как та, что он сам носил в свое время на Кантре, но солдатскую сбрую любой хоть сколько-нибудь понимающий ни с чем прочим не спутает. Пат невольно вздохнул: служба, солдатская лямка... Счастливые, беззаботные были годы, вспомнишь — и сразу легче становится на душе — оттого, что они были, — и тяжелей: потому что прошли. Ну, что делать: жизнь не по заказу шьют, получаешь такую, какую дали, выбирать не приходится.

К этой мысли он всегда приходил, с чего бы ни начинались его раздумья и к чему бы ни относились. И сейчас, когда их довели, наконец, до того места, куда требовалось, и они снова оказались под крышей, облегченно вздыхая, Пат совсем успокоился. Хотя тут и было вроде бы самое время начать волноваться: сразу пошло распределение по специальностям. Некоторые из приехавших стали суетиться, нахваливать себя, просить работу, какую им хотелось. С иными соглашались, но редко. Пат помалкивал в тряпочку: знал, что твоя работа тебя отыщет, хочешь ты того или нет.

Впрочем, он не был совершенно уверен в том, что его работа — это именно монтаж какого-то там специального оборудования в чем-то; название этого «чего-то», из нескольких длинных и непонятных слов, на первый слух не запомнилось, но в этом беды не было: не самому ведь придется эту фирму отыскивать, те, кому он понадобился, уж доведут как-нибудь, не пожалеют времени. Единственно, о чем Пат тогда подумал, было: вроде бы он не говорил, что когда-то приходилось ему работать и на монтаже всякого серьезного оборудования — энергетического, так оно называлось; но они как-то об этом узнали — не случайно же получил он именно такое назначение, а ведь могли поставить и мусор вывозить, была и такая пора в его гражданской

жизни... И еще пришло в голову: значит, не очень-то квалифицированный народ идет сюда, если вот он сошел за специалиста. И то сказать: а что хороший мастер станет искать тут, на краю света, — пусть он на вид таким и не кажется? Мастера сидят в своих мирах, живут в почете и уважении.

...До места назначения его не довели, а даже довезли — на скользуне, прокатили с ветерком, правда не одного — там еще трое было из прибывшей компании. Ехать пришлось довольно долго; улицу проезжали за улицей, дома становились пониже и пореже, потом вдруг прекратились совсем, как отрезало, пошли пустыри, где по большей части ничего не росло — голый камень, но местами уже виднелась какая-то зелень; значит, хозяева решили обосноваться в этом мире всерьез, иначе насаждениями заниматься вряд ли стали бы: дело долгое и не дешевое. Хотя... вдруг среди этих зеленых островков — невысокими были насаждения, кустарник, скорее всего, — не близ дороги, а подальше стали появляться этакие — ну, рощей не назовешь, но как бы купы больших деревьев — не подрост какой-нибудь, а мощные, высокие стволы, пышные кроны, язык так и чесался сказать «вековые» — только, как Пат соображал, счет на века тут ну никак не мог идти; даже не на десятилетия: в рекламе вербовщиков не зря ведь говорилось, что всего лишь несколько месяцев всей этой жизни.

Что же — значит, деревья тут и до людей росли, вот и вся причина.

Так или иначе — их берегут: если вглядеться — ясно различишь проволочную сетку на высоких, наклоняющихся внутрь столбах, а в каждой купе — похоже, в самой середине — мачта повыше, и на ее верхушке что-то вроде — ага, вспомнил, — точно, вроде антенны, какая была на Кантре в столице, чтобы принимать передачи из пространства откуда-то из других миров. Та была, правда, побольше, но одна на весь мир; а тут — небольшие, зато их много.

Все больше становилось таких лесных островков, дальше они уже стали сливаться друг с другом, так что можно было всерьез назвать это лесом. Сейчас, похоже, въедем в тенек...

Нет, не въехали. Дорога свернула круто вправо — и стало видно совсем другое, то, куда, скорее всего, их и везли.

Другое — ни на город не похожее, какой они недавно прошли-проехали, ни на вообще что-либо, виденное Патом в жизни; хотя навидаться он успел всякого.

На первый взгляд — отсюда, издали, сверху — то, что открылось перед ним, более всего походило на древний кратер метеоритного происхождения, среднюю — и самую глубокую, понятно, — часть его занимало озеро. Только, в отличие от других озер, не однажды виданных в самых разных мирах, на берегу, — широком кольце черного, как и все склоны, песка — не было совершенно ничего из того набора, которому полагается

быть близ водоема, пусть не морских масштабов, но все-таки имевшего метров, пожалуй, более двухсот в поперечнике. Ни человека с удочкой, ни лодочки на плаву или хотя бы на берегу, ни мосточков, ни ларьков, в которых торговали бы легкой выпивкой и закуской, купальными принадлежностями или сувенирами. Полная безжизненность царила на этом черном кольце, имевшем ширину (прикинул Пат на глазок) не менее пятидесяти метров.

Зато дальше было много.

Чего много?

Ну, прежде всего — строений. Разных. Странных. Они как бы охватывали озеро с его мертвой зоной несколькими кольцами. И чем выше по склону, тем больше этажей насчитывали эти кольца.

Первое кольцо составляли длинные и даже (или так только казалось с такой дистанции?) чуть вогнутые по фасадам — дома не дома, даже не промышленные корпуса, а строения без единого окошка и, казалось, без хотя бы маленькой дверцы. Так что на самом деле нельзя было определить, где здесь фасад, а где тыльная сторона, — практически они были одинаково сплошными. Непонятно было, как человек может попасть внутрь: разве что сверху? Нет, кровли, слегка выпуклые, тоже были глухими, даже без вентиляционных отверстий (опытный монтажник Пат Пахтор непременно заметил бы); тогда только снизу, из-под грунта? Или, возможно, людям туда заходить вовсе и не следовало? И еще Пат чисто механически, как говорится, по автомату заметил вот что: над двумя корпусами из этих четырех воздух слегка колебался, дрожал, как бы смазывая вид на то, что находилось за ними; остальные же два на окружающее никак не влияли. Следовательно, так же непроизвольно подумал Пат, два работают (пусть и непонятно — как и что там делается), остальные — то ли в простое, то ли еще не начали действовать. Таких строений Пат действительно не встречал нигде. Но ломать над ними голову не стал: понадобится — скажут, а нет — то и не нужно, значит. И перенес взгляд на сооружения второго кольца, пошире, отстоявшего от слепых зданий метров на тридцать.

Второе кольцо было словно намечено пунктиром — такое впечатление возникало оттого, что сами строения там были короче и в плане они выглядели круглыми; распределены по кольцу были неравномерно: каждому зданию первого кольца соответствовало три круглых, так что получалось, что второе кольцо состояло из четырех многоточий.

Эти два кольца образовывали как бы ступицу колеса, от которой отходили четыре спицы, три из них были одинаковыми, четвертая же чуть отличалась, нарушая симметрию, к которой, похоже, стремились люди, проектировавшие этот центр (другого названия для увиденного Пат не нашел, да и не искал, по правде говоря).

Все спицы состояли прежде всего из сооружений, в назначении которых Пат вряд ли мог ошибиться: то были наверняка трансформаторные понижающие подстанции, в свое время ему случалось участвовать в монтаже таких; от них отходили уже совершенно несомненные линии высокого напряжения на привычных глазу опорах, короткие, соединявшие понижающие подстанции с другими, почти такими же, чьим назначением, похоже, было низводить напряжение тока до промышленного и еще ниже — до бытового. И замыкалась каждая из трех спиц уже совершенно обычными домами, с дверями и окнами. А что касается четвертой спицы, то ее завершением можно было считать самое высокое здесь здание — круглую башню, увенчанную антеннами дальней связи, хотя большой поперечник башни наводил на мысль, что назначение ее вряд ли может ограничиться лишь задачами приема и передачи информации.

Вот что увидел Пат Пахтор, как и те его попутчики, кому не лень было глазеть по сторонам, пока их транспорт медленно переваливал через гребень кратера и так же медленно спускался вниз по плавно снижавшемуся серпантину.

И лишь когда они оказались почти в пределах центра, Пахтору пришла вдруг в голову странная мысль, которую в первое мгновение он начисто отверг, но уже в следующую секунду понял, что она заслуживает серьезного внимания.

Потому что он вдруг понял: нижнюю часть кратера заполняла, образуя то, что показалось ему озером, вовсе не вода. Пат напрягся, но так и не нашел слова, которым можно было бы сколько-нибудь точно обозначить субстанцию, с какой ему до сих пор не приходилось встречаться и о какой он никогда ничего даже не слыхал.

Прежде всего, по мере приближения ему все более казалось, что поверхность того, что представлялось ему бассейном, была ощутимо вогнута, как если бы это было параболическое зеркало. Ни одна жидкость не могла бы сохранять такую форму, разве что если бы весь этот бассейн достаточно быстро вращался. Значит, это было твердым телом? Настоящим зеркалом? Громадным астрономическим рефлектором, допустим?

Нет, вряд ли. Потому что не видно было никакого устройства, при помощи которого можно было бы наблюдать то, что это зеркало могло отражать. Это во-первых.

А во-вторых, когда он увидел поверхность еще ближе, в очередной открывшийся просвет между «спицами», то понял, что и твердым телом, пусть даже абсолютно черным, то, что заполняло нижнюю часть кратера, быть никак не могло. На самый краткий миг поверхность представилась Пату вовсе не зеркальной, хотя вроде бы и отблескивала и по ней то и дело пробегала мелкая рябь, создавая игру отражаемых одновременно в разные стороны лучей неяркого уларского светила, заурядной звезды на

самой окраине этого витка Галактики. Твердое тело могло бы вести себя так, лишь находясь в расплаве. Но тогда оно опять-таки не сохраняло бы такую форму.

А там, где дорога — в одном лишь месте это было — приблизилась к бассейну почти вплотную и он открылся взгляду с десятиметровой примерно высоты, Пат, невольно содрогнувшись, не увидел там, внизу, *ничего*. Или — можно и так сказать — *увидел ничто*. Он сам не мог бы объяснить эти непроизвольно пришедшие на ум слова, но уверен был, что там действительно *ничего не было*, даже пустоты; просто нельзя оказалось хоть как-нибудь сосредоточить взгляд на том, что было внизу. Не то чтобы наступала слепота, но взгляд как бы упорно огибал это место, что ли... Ну не знал Пат, как объяснить это словами; понял только, что тот, кто не был тут сам, никогда этого не поймет и не представит себе.

Нет, никакого разумного объяснения увиденному Пат не нашел.

Но это его, откровенно говоря, не огорчило. Никто и не поручал ему разгадывать такие загадки. Если ему надо будет знать, что это такое, — ему объяснят. А если не надо, то и не стоит ломать над этим голову. В мире всегда того, что мы не знаем, останется больше того, что нам известно, — в этом он был твердо уверен издавна. Значит, так и должно быть.

Зато его живо интересовало — что произойдет с ним, да и со всеми, кто оказался его попутчиками, в этом мире, куда никто из них не направлялся и где тем не менее оказался. Потому что путешествие, похоже, заканчивалось. Прокатив по витку спиральной дороги, машина еще уменьшила скорость, приближаясь к местам, которые Пат определил как жилые и входившие в конструкцию той спицы — четвертой, — завершением коей служила башня.

По соседству стояли два корпуса. А не один, как казалось издали. Большой и маленький. Словно отец с сынком.

Большой — сразу видно, жилой. Или конторский. Или и то и другое. Во всяком случае, обитаемый. Для людей. А вон и люди около него — человек пять, похоже. Стоят, смотрят сюда. Ждут приезжающих, скорее всего.

Все ближе здания, совсем уже рядом.

Стоп. Остановились близ малого дома. Приехали.

— Выходите все!

Выйдем. Дело простое.

— К той двери, что крайняя справа. Вещи вот сюда, на эту площадку. Потом разберете, после контроля.

«И тут еще контроль! Ну, мать их за ногу!..»

Это Пат подумал, конечно, только про себя: давно уже усвоил, что чем меньше звуков издаешь, тем меньше будет у тебя и неприятностей: три четверти, если не больше, всех жизненных сложностей происходит именно от недержания речи. Это очень просто и наглядно. Непонятно только — почему на

свете так много людей, до зрелого возраста, а то и до старости неспособных усвоить такую простую истину. Где ни окажись, такие обязательно найдутся, и от них следует держаться подальше.

Вот и тут то же самое.

— Эй, я сюда вербовался не контроли проходить, а дело делать, работой заниматься! Или нам за каждый контроль отдельно платить станут? Что-то не помню я такой статьи в контракте...

Пат искоса, не в упор глянул на говоруна, оказавшегося, как назло, совсем близко. Ну и видок у мужика — как будто его рожу пекарь долго месил перед тем, как в печь поставить. Наказал господь. Ну, ничего удивительного, что с таким обликом человек с начала и до конца будет чувствовать себя сильно обиженным жизнью — оттого и станет заявлять претензии по всякому поводу.

Сейчас надо спокойно, без резких движений, отойти подальше: обычно такие обиженные, сделав заявление, сразу же принимаются искать поддержку у окружающих. И всякий, даже если ни словом не откликнется, тут же попадет на заметку. А никакое начальство не любит и никогда не полюбит тех, кто вносит беспокойство в нормальную обстановку.

Ну да, вот тебе пожалуйста!

— Эй ты, горластый! Как тебя там?..

Это кто-то из тех, кто тут командует.

— Ну, Тон Чугар, если интересуешься.

— Ты бы рот так широко не разевал — не то язык простудишь, тут у нас не жарко. И будешь жить с забинтованным языком. Большие неудобства почувствуешь.

— Это ты меня напугать решил?..

Но Пат Пахтор отошел уже достаточно далеко. Ну, еще один контроль, значит, еще один, такие уж тут порядки. Если судьба занесла сюда, а не туда, куда хотел, будем приноравливаться к новой жизни... Покосился направо, налево, прежде чем выпустить из рук баул и инструменты. Опасался, как бы кто-нибудь не приделал им ноги, пока его, в который уже раз, станут спрашивать, что да как.

— Да не моргайте: у нас тут не воруют. Если что и свистнешь — не спрячешь и не продашь. А разборка будет крутой. Так что сопите спокойно в две дырки.

Ну, ладно. Раз говорят — значит, так и надо.

К указанной двери Пат успел первым. Быстрее пройдешь — раньше и вернешься к вещичкам. Может, сразу и покажут, где жить, куда барахло положить. Дальше никуда не повезут, это уж точно.

Да, хорошо бы коечку указали поскорее. И позволили бы выбрать, пока остальных станут тягать. Где-нибудь к окошку поближе. Интересно, по сколько тут селят в комнате? Хорошо бы не более пяти. Иначе — уже толпа. Не будет того уюта.

Поскорее бы, а? Вроде бы и спал — но вот сон чего-то накатывает.

...— Садитесь. Назовите ваше личное имя. Семейное имя.

— Пат Пахтор.

— Пат — это личное имя?..

— Вот тут будешь квартировать, земляк.

Пат Пахтор осмотрелся недоуменно.

— Это... сколько же тут нас будет?

В ответ — с усмешкой:

— Ты да ты — выходит, двое.

— То есть как это: я один, что ли?

— Сам один. Такие у нас, земляк, порядки. Не к дикарям приехал. В этом мире человека уважают. Да положи ты свои бебехи! Потом разложишь. — Проводник распахнул дверцу. — Твой шкаф. — Другую: — С этим сам разберешься. В твоем мире канализация-то есть? А мыть тебя не надо — сам умеешь?

Пат только кивал: ни слова не мог выговорить — такие чувства накатили.

— Теперь, значит, столовка — ниже, на первом этаже, от лестницы — по коридору до конца. Мимо не пробежишь: запах не позволит. Если сразу пойдешь — может, еще успеешь на ужин.

На ужин успеть очень хотелось. Но еще сильнее было желание — лечь и уснуть.

— Да ладно... Устал я чего-то...

— Тогда вырубайся сразу. Потому что с утра у тебя уже рабочий день. Подъем у нас в пять утра; не бойся, не проспишь — тут и покойник вскочил бы по нашему сигналу.

— Этот вот сигнал?

Над кроватью — назвать ее койкой было как-то неудобно — в головах на гибкой чешуйчатой ножке виднелась круглая решеточка. Как при тех деревьях, только совсем крохотная.

— Нет, земеля, сирена — вон там, справа от двери, где все прочее, — но это так, для порядка, приборы установлены: сколько градусов, какая влажность, как вентиляция действует — и всякое такое. Не для тебя, для нас. А то, что ты спросил, — это просто чтобы спалось тебе хорошо и спокойно. Ну, все. Пошел я. Вас теперь разводить придется до самой ночи — этакая орава. И еще ведь не последние...

Пат едва дотерпел до конца. Проводник не успел еще выйти, как он сорвал с себя одежду и даже мыться не стал: глаза сами закрывались, сознание уходило. Хватило еще сил откинуть одеяло, но порадоваться чистому белью он уже не успел. Вырубился.

23. Проблемы возникают по мере решения предыдущих

Хронофизик доктор Крат, после разговора у Элюра решивший на время снова забыть о желаемом отъезде с Улара, достаточно быстро понял, что постичь физику ТХ-Аномалии — сверх того, что он уже успел, — ему если и удастся, то ни-

как не в ближайшие дни и даже, пожалуй, годы. Не из тех крепостей она была, которые берутся приступом с ходу. А на серьезную осаду сейчас не хватило бы ни сил, ни времени.

Да, именно времени, так подумал он, усмехнувшись не без грустной иронии. А может быть, к этому и не нужно стремиться? Того, что он сделал, и так хватит на две, а то и три нормальных научных жизни.

Потому что проблему Второго Метаморфа решить удалось опять-таки ему. А не сделай он этого — фирма и по сей день ютилась бы на Милене. Вот не стал бы он ее решать — и, наверное, был бы уже свободен, как ветер. Но — если видишь, где лежит решение, ты просто не заставишь себя пройти мимо: это сильнее тебя. Легче умереть, чем отказаться. Можно, конечно, все сделать — и до поры до времени молчать. Можно — только не в «ХроноТСинусе». Хотя бы по той простой причине, что решать такие задачи без мощнейшего компьютерного обеспечения просто невозможно — трех жизней не хватит, чтобы просчитать, — а компьютер на фирме — QS — один на всех. Правда, мощность его такова, что можно грузить и в два раза больше, один только выделенный в пользование Крату сектор стоит, пожалуй, тысячи обычных персоналок; но все, что в него попадает, сразу же ставится под контроль первых лиц, так что промолчать никак не удастся. Вот поэтому они и оказались здесь. И стоит и работает уже корпус Метаморфа, первый по счету, и достраивается второй. А «Глаз Бытия» (так назвал он ТХ-приемник) заработал с первой же попытки, что было похоже на чудо. Хотя на самом деле чудом было то, что удалось верно его рассчитать. Тогда возникало множество частных проблем. Одна-две еще оставались...

Но эти проблемы, по сути, уже перестали волновать его, потому что их нельзя было более относить к актуальным. Важным, и даже жизненно важным, оказалось другое.

Ему удалось все-таки решить несколько принципиальных вопросов, связанных с функционированием системы «Улар — Аномалия». И пусть корни природы этих взаимодействий оставались неясными, но обосновать некоторые аспекты поведения Улара, в зависимости от процессов, происходивших на Аномалии, оказалось в принципе возможным с удовлетворительной точностью. Для этих расчетов вполне достаточно было того математического аппарата, которым он владел, подкрепленного великолепным быстродействием все того же QS.

Выполненные расчеты привели Крата к таким выводам, каких он, откровенно говоря, не предвидел. Потому, может быть, что по природе своей хронофизик был скорее оптимистом, чем наоборот. Но возникающая ситуация не давала для оптимизма никаких оснований. Наоборот: чем глубже пытался заглянуть Крат, тем более мрачной открывающаяся картина ему казалась.

Он искал опровержений — и не находил их. Старался обнаружить ошибку и в своей логике, и в логике машины — и не мог увидеть ни единой.

И впервые, может быть, за все последние годы, с самого начала работы над проблематикой Аномалии, даже точнее — с самого ее обнаружения, чисто случайного, происшедшего в ходе расширения ВВ-транспортной сети по всей Галактике, когда фирмой было решено иметь хотя бы одну маленькую станцию на любой обнаруженной планете, которая была (пусть даже только могла быть в перспективе) пригодна для использования как жизненное пространство либо источник сырья; именно при установке такой стандартной станции на безжизненном Уларе впервые было зафиксировано то, что вскоре назвали «Парадоксами ХТ» и сразу же наглухо засекретили. Чтобы повторить открытие не смог никто другой, работа установленной на Уларе ВВ-станции была взята под строгий контроль фирмы, и попасть туда можно было только с ее разрешения.

Сам же «ХроноТСинус» немедленно взялся за исследование как обнаруженной Аномалии, так и возможностей практического ее использования. Не жалея средств на фундаментальные исследования, фирма все же была в первую и главную очередь коммерческим предприятием и — до той поры — не преследовала в своей деятельности почти никаких политических целей.

Хронофизик старался не вспоминать о том, что о самом переселении, как ни обидно это было, решение приняли без его ведома. Не означало ли это, что его мысли о побеге не остались для первых лиц фирмы тайной? И не в этом ли плане надо было понимать слова, как бы невзначай брошенные однажды Сакростом, ведавшим всеми проблемами безопасности на фирме: «Актин, мы все так обожаем вашу женушку, что никогда не сможем с нею расстаться хоть ненадолго». Не следовало ли расшифровать это так: «Твоя жена — заложница, поэтому не делай резких движений»? Крат отбросил эти мысли подальше, потому что иначе пришлось бы возмутиться всерьез: это после всего того, что он сделал для «ХроноТСинуса»?! Хотя все сделанное казалось самому Крату лишь маленькими шажками на том пути, какой — представлялось ему — фирме предстояло еще пройти. Вот сейчас возникла возможность сделать еще больше — и уж тогда потребовать в качестве награды лишь одного: свободы, за которой, разумеется, последовали бы всегалактическая известность, слава и прочее с ними связанное.

Но, выбросив из головы все, кроме возникшей задачи (к Тине это не относилось, она была частью его самого), Крат понемногу стал приближаться к неожиданному даже для него выводу.

Дело в том, что до последнего времени существование Улара и Аномалии представлялось ему как два факта, совпавшие по своему пространственному соседству случайно и не за-

висящие друг от друга — подобно тому, как, скажем, существование в природе Теллуса не зависело физически от существования Армага — и наоборот, — не зависело, невзирая на все политические, экономические, культурные и прочие взаимоотношения между этими мирами. Разумеется, Аномалия с самого начала была источником энергии — а точнее, сырья, из которого нужная энергия добывалась, дававшим Улару возможность независимости и стремительного развития многих направлений в технике. Но — не более того.

А вот теперь ученый пришел к выводу, который поначалу показался Крату совершенно невероятным, но после проверок и перепроверок был признан единственно правильным.

Вывод этот заключался в том, что в случае, если энергетика (точнее было бы сказать «хроноэнергетика») Аномалии опустится ниже определенного уровня, планету Улар будут ожидать очень большие неприятности; возможно, речь пойдет о самом существовании этого мира — в том физическом состоянии, в каком он находился сейчас. И, во всяком случае, пребывание людей на нем закончится раз и навсегда — закончится трагически, если только они не успеют вовремя спастись бегством.

При этом более не играло роли, окажется ли падение уровня деятельности Аномалии временным или необратимым, является ли этот процесс периодическим или нет. Погибнув, Улар не воскреснет.

Крат еще не разобрался до конца в механизме, возможно, предстоящей гибели этого мира. Но сейчас он уже начал сомневаться в том, нужно ли это вообще делать: на исход событий это вряд ли повлияет.

Однако привычное стремление осмыслить до конца все, что ему приходилось исследовать, свойственное мужу науки, а также и понимание того, что при докладе на самом верху от него потребуют точного и доказательного обоснования выводов, заставили его все-таки заняться этой работой. Впрочем, был и другой мотив: не вполне даже осознанная надежда найти какой-то выход, возможность спасения, сохранения этого мирка, для возникновения которого он сделал так много.

А до того, как он поставит в своих исследованиях точку, прежде, чем убедится в том, что ничего более он не в силах ни понять, ни совершить, он не скажет никому ни слова, не сделает ни намека. Такой информацией нельзя бросаться, слишком уж она убийственна для людей.

Надо только определить рубеж во времени, дальше которого заходить нельзя. Независимо от того, удастся или не удастся к этому сроку осуществить намеченное.

Этот срок — неделя. Если за это время не откроется никакого выхода... **481**

Вот если Тазон действительно найдет альтернативный источник энергии... Он должен быть достаточно глубоким, этот источник. Может быть, хроногенетику и в самом деле повезет больше, чем самому Крату.

Может быть...

А хорошо бы все-таки отыскать причину угасания Аномалии — и чтобы причина эта оказалась устранимой!

Искать, искать, искать!..

Но тут как раз доктор Тазон и позвонил по внутреннему. Сказал негромко, хотя ликование так и звенело в голосе:

— Можешь нас поздравить, Астин. Я договорился неофициально с Четвертым отделом — иммиграции, — и они обещали дать мне десятка полтора человек — из последних иммигрантов, только что доставленных. Так что дела у меня сейчас просто полетят на крыльях. Их разместят отдельно — там, куда большие начальники, вроде нас с тобой, никогда не заглядывают. Так что...

Доктор Крат ответил несколько удивленно:

— Не понимаю, зачем тебе еще какие-то люди. Вряд ли большие шаги в науке делаются толпой — наоборот, она создает неблагоприятный информационный фон, мешает вычленить мысль в чистом виде. Хотя, может быть, у вас, в хроногенетике, эти процессы протекают иначе?

— Вот именно, — подтвердил Тазон все с тем же ликованием в голосе. — Ты просто не в курсе. Я же не сотрудников набираю. Люди нужны мне совершенно для другого использования. Ты будешь просто потрясен, когда узнаешь. Но это — только при встрече, разумеется.

— Очень интересно, — произнес доктор Крат без особого, однако, восторга. — Да, надо как-нибудь посидеть, поболтать.

— Вот как только я получу людей...

— Думаю, что получишь, если они тебе действительно нужны. Но не сразу: где бы их ни прятали, от медиков и Первого отдела им не укрыться. Какой-никакой, но карантин обязательно назначат.

— По-моему, это никогда не было непреложным.

— Тебе просто не приходилось обращать на это внимание. Иначе знал бы, что существует группа миров, для прибывающих из которых карантин обязателен. А в последней сводке указано, что последние иммигранты в большинстве с Серпы, а она там стоит под третьим номером. Если и есть среди них кто-то из других миров — все равно в карантин пойдут все.

— Все-то ты знаешь, — недовольно пробормотал Тазон. — И сколько их будут держать?

— Обычный срок — три дня. Но ты ведь мастер уговаривать; если постараешься, срок сократят хоть на сколько-нибудь. Так что не теряй времени!

— Проклятие, они мне нужны сегодня!
— Поищи еще где-нибудь.
— Непременно. И найду, будь уверен!

24. Пат Пахтор осваивается, и возникает Ра

Как было Пату Пахтору сказано, столовая для работников — на первом этаже, сам же он, следовательно, на втором. Даже и тупому понятно.

Так, да не совсем. Нет, был, конечно, первый этаж, в этом — никаких сомнений. А еще ниже — нулевой, как его тут называли, на самом же деле просто большой подвал, ничем таким особенным не занятый. Просто разгороженный на небольшие клетушки, метра два на три, в которых, однако, пока никто еще не жил — судя по тому, что вход туда, вниз, был заперт (Пат просто так, из вечного своего любопытства, попробовал отворить — не получилось, и тут же на него цыкнул какой-то служивый: не лезь, мол, куда не просят). В общем, ничего интересного тут не было — и хорошо, значит, не придется ни над чем ломать голову. Хотя Пат Пахтор и не знал, собственно: а зачем ему пришлось бы ломать голову? По какой надобности? Наверное, просто характер такой стал с годами. Раньше-то вроде он полегче был?.. Но об этом вспоминалось как-то — ну, туманно, что ли.

Может, больше смысла было бы рассуждать о той самой непонятной штуке, мимо которой они проезжали, той самой, которую никак не увидеть, хотя и лежала она как бы на самом виду; место, где, по определению Пата, не было ничего, а было — ничто. Это место можно увидеть и отсюда — если бы было что увидеть; но глаза упорно обтекали его, а если упрямиться, то просто закрывались от возникавшей нестерпимой рези. Ну а если чего-то нельзя увидеть, то и думать о нем нет смысла, верно?

Зато на Башню — высоченную, круглую, поднимавшуюся совсем недалеко от того корпусенка, в котором их поселили, — можно было глазеть, пока не надоест: никто не мешал и не запрещал. И слушать то, что вокруг нет-нет да и говорилось, тоже никто не препятствовал.

Было в этой башне, если прикинуть, с полсотни этажей (Пат пробовал сосчитать от скуки, но каждый раз сбивался). Ну, и под ними — если полагаться на услышанные в столовой обрывки разговоров (за едой люди любят поболтать, чтобы зубы отдохнули от жевания) — располагалось еще десять этажей, о которых многие знали, но туда мало кого впускали. Помещалась в Башне Главная контора семейной фирмы «ХроноТСинус», то есть дирекция, апартаменты самого хозяина и четырех его родичей, занимавших места в Совете директоров, а также возглавлявших основные направления деятельности. Там же распола-

гались и главные штабы, этой четверке подчинявшиеся: Главный штаб-один — научных разработок, Главный штаб-два — строительства, Главный штаб-три — надежности, с двумя отделами: Первым — внутренним и Вторым — внешним; и, наконец, Главный штаб-четыре — обеспечения, делившийся на два отдела: Третий — снабжения и Четвертый — иммиграции. Так что тот же Пат Пахтор, допустим, до прибытия на Улар и прохождения последнего контроля находился в ведении Четвертого отдела, а теперь должен был перейти уже в распоряжение Главштаба-два — если, разумеется, не возникнет возражений ни у Первого отдела, ни у Второго. Если же он оправдает ожидания, получит нормальное рабочее место и станет зарабатывать деньги, то придется ему, пусть и не лицом к лицу, соприкоснуться и с еще одним элементом здешней управляющей структуры, который носил простое, привычное и исполненное высокого смысла название: «Синусбанк». Уже из названия ясно, что на долю этого подразделения выпали финансы — деньги, денежки, черт бы их побрал, те самые, которых вечно не хватает, — и все операции с ними, приходы и расходы, прибыли и убытки. Правда, сейчас имя Пахтора еще ни в каких ведомостях не фигурировало. Однако монтажника, или «монтаря», как сами они обычно себя называли, как бы показывая, что они-де люди особенные и даже язык у них свой, особый, — это ничуть не волновало просто потому, что он об этом ровно ничего не знал; а и знал бы — ну и что же? Мужиком он был честным и открытым, так что опасаться ему было нечего. Пусть себе живет — работает, ест, а ночью спит спокойно до самого подъема.

Но это никак не означало, что и все прочие по ночам будут спать вот так — без тревог и забот. У некоторых серьезная работа в ночные часы только начинается.

Вот как, например, у меня. В полном смысле слова — пришедшего в себя. Уже во второй раз. Пусть и снова лишь на небольшое время.

Первой моей мыслью было: молодец Вратарь! Выполняет программу, оставленную ему, в точности, как бы он там ни заикался. Снова направил меня в тело, все получилось и по месту, и по времени.

Ну, теперь начнем вникать в обстоятельства.

Стояла ночь, но светлая, «белая», как говорят у нас в северных широтах Теллуса; в южных, наверное, тоже. Что это именно ночь, а не рассвет и не сумерки, можно было понять только по часам — моим внутренним, потому что были ли здесь какие-нибудь другие, я еще не знал. И вообще я очень мало знал. Почти ничего. А может, и без «почти».

Нет, все-таки мне было известно, самое малое, одно. Что у меня впереди — шестьдесят нормальных конвенци-

онных минут. Не более того. И нужно их использовать по максимуму.

Это вовсе не означало, что я должен немедленно вскочить, куда-то бежать и что-то делать. Нет. Никакой суеты. Ни малейшей. Наоборот. Сначала оценим обстановку — насколько это сейчас в моих возможностях.

Прежде всего: где я? Под крышей. В небольшой комнате, напоминающей одиночный номер в провинциальной гостинице. Одиночный — в этом я убедился, слегка разомкнув веки. Здесь имеется все то, что необходимо для гостиничного, весьма условного комфорта. Ну-ка, попробуем разобраться подетальнее...

Я активировал третий глаз и, пока он не пришел в рабочее состояние, сохранял полную неподвижность, дышал размеренно и достаточно глубоко и пытался выстроить возникающие мысли в какое-то подобие логической системы.

Итак, я под крышей, а крыша — где? В конечной точке моего путешествия или все еще где-то на маршруте?

В последний раз я ощущал себя на перевалочном пункте; там происходила контрольная проверка, после которой должна была состояться новая ВВ-переброска. Видимо, так и произошло. Но я не знал, была ли предыдущая переброска первой и будет ли предстоящая последней. Я ничего не знал о том, что происходило в продолжение двадцати трех часов каждых суток. Хотя сам же я и запрограммировал по необходимости такой образ действий, признать это положение нормальным никак нельзя было. Поэтому сейчас мне предстояло принять важное решение. Очень важное: от него могла зависеть и моя собственная судьба, и (я полагал) жизнь Лючаны, а кроме того, быть может, — и будущее всей Федерации. А это означало, что я имею право найти только правильное решение. Чтобы исправить возможную ошибку, у меня не будет ни времени, ни, скорее всего, самой жизни. Так что остающиеся у меня минуты — не исключено — были вообще последними в моем — в данной форме — бытии.

Решить надо было единственный вопрос. И заключался он именно в безошибочном определении того, где же я сейчас: в конечной точке маршрута — или все еще на пути к ней.

Потому что я знал — раньше по информациям, теперь же и по собственному свежему опыту: при перемещении более или менее случайно возникших групп, особенно когда предназначены эти люди для работы на объектах с высокой степенью секретности (а на Уларе, как было известно, секретным являлось все, кроме названия этого мира), перед всякой переброской и после нее проводится контроль каждой личности. Полная ее развертка и глубокий анализ. Я никогда не был склонен недооценивать возможности любой Службы, в том числе и такой профессиональной, как Служба Внутренней Обстановки «ХроноТСинуса», входившая в Первый отдел Главштаба-три. Поэтому в че-

ловеке, которого они проверяли, не было ничего от меня, во мне же — ничего, принадлежавшего ему. Он был незатейлив, прозрачен, чист. Поэтому должен был пройти все контрольные просмотры. И прошел — поскольку я нахожусь здесь, а не в камере и не в могиле. Но вот *все* ли? Это был вопрос вопросов.

Если это — Улар, то все проверки уже позади. Проверки такого уровня. Конечно, контроль за каждым вновь прибывшим — да и наверняка за всеми, кто был нанят, а не принадлежал к собственно ХТС, — будет вестись повседневно, если только не ежечасно. Но это — дело привычное, и у меня хватит средств защиты, чтобы обезопасить себя от рутинных и не очень серьезных (если только сам не подам повода) вторжений в мое сознание и мик. А это, в свою очередь, означало, что первую часть моей программы можно считать законченной успешно. И начиная прямо с этого часа — нет, не целиком заместить ни о чем не подозревающего Пата Пахтора, это было бы слишком опасно, потому что именно его параметры записаны тут и всякое расхождение с ними может оказаться роковым; не заместить, но оставить ему (без его разрешения и ведома) кое-что из моего полевого арсенала. В частности — мой мик, на который будет отныне писаться все то, что станет происходить с Патом, — и во время таких, как сейчас, шестидесятиминутных визитов я смогу просматривать записи от начала до конца, пусть и в ускоренном режиме, анализировать, делать выводы и намечать дальнейшие действия. А кроме мика — кое-какие защиты, которых у него сейчас нет, даже представление о них у него отсутствует. Впредь он сможет ими пользоваться в случае надобности — сам об этом не подозревая, действуя, как говорится, по автомату. Таким образом, я смогу разобраться не только в обстановке вообще, но и во многих деталях. А реализация любого замысла всегда зависит именно от знания и использования деталей.

И все пойдет нормально.

При условии, что это — Улар.

Но если я сейчас ошибусь и приму за конечный пункт что-то другое — скажем, нечто типа карантина, где вновь привезенных станут держать некоторое время в медицинских (и других) целях, то впереди останутся еще, самое малое, две контрольных проверки — и возникшие в Пате Пахторе изменения от них никак не ускользнут. И это будет означать наш с ним общий провал и конец всей операции с печальными последствиями для... но об этом я уже говорил.

Вот какой вопрос мне предстояло решить не откладывая.

Ну, что же, приступим. Мой третий глаз уже полностью вошел в рабочее состояние.

Я все еще лежу под одеялом в той же позе. Но для того, чтобы оперировать третьим глазом, вовсе и не нужно вертеть головой.

Итак, медленно сканируем комнату...

Начнем с кровати, на которой я лежу. Чем оснащена она, кроме необходимых, вернее, желательных, для нормального сна вещей?

Ничего серьезного. Ну, два датчика нагрузки — это естественно: вес каждого человека установлен точно и записан в его файле, где уже обозначены, надо полагать, и его вариации: вес утренний, рабочий, пред- и послеобеденный и так далее. Если же он вознамерится спрятать под матрас, предположим, оружие, дистант, или сериал, или унесенный с работы инструмент, или... мало ли что — датчики сразу просигнализируют, что нагрузка изменилась, — и дело с концом. Что еще в постели? Ага, нечто в подушке. Жестковатая, кстати, подушка, неудобная. Ну, тут ведь не курорт... Ну-ка, глазик, разгляди внимательно... Нет, ничего страшного — чуткий микрофон. У некоторых есть привычка разговаривать во сне. При этом на такие темы, которых наяву они избегают. Да, полный комплект: микрофон, передатчик, батарейка с просяное зернышко. В общем — детские игры.

Пошли дальше. Стена. Картинка в рамочке. Пейзажик. Группа роскошных лесных великанов, лениво пошевеливающих ветвями под слабым, очень приятным, наверное, ветерком. И луна — здешняя, быть может, или придуманная автором — в полнолуние. Все очень современно: теперешняя живопись — это не стопкадры, а динамика. В изображении — никаких сюрпризов. Кроме разве что луны: это нормальный объектив. Вряд ли, конечно, тут идет постоянный видеоконтроль или хотя бы запись. Но пока окончательно не убедились в отсутствии у человека нежелательных намерений или хотя бы привычек — могут и строго приглядывать. Ну, это ожидалось заранее; если бы такого не было — пришлось бы задуматься куда серьезнее.

Дальше по комнате. Приборная панель. Ничего странного: контроль над помещением. Противопожарные. Температура, влажность, состав воздуха... Если человек употребит внутрь что-нибудь этакое, анализатор немедленно откликнется на изменение атмосферы — и будут сделаны выводы. Если даже человек любит выпивать по ночам в одиночку. Вряд ли тут сухой закон во всей полноте, но, вероятно, для таких развлечений существует определенное время и место. Порядок, во всем должен быть порядок. Но это нам не страшно. А что это рядом с ним? Ага, уже теплее. Полевой контроль. Комната пронизана полями, как и любой уголок мироздания. Это естественно и неизбежно. Всевозможные приборы, частоты, конфигурации, мощности. А каковы возможности прибора? Минутку... Ну, не фонтан. Такому вряд ли под силу выудить из всего существующего многообразия слабенький — на этом расстоянии — луч моего теллурского центра, того же Вратаря, который меня ведет. Да, маловероятно. А вот если источник передачи будет находиться здесь — если, напри-

мер, я захочу выйти на прямую связь с Вратарем, — такая попытка будет зафиксирована сразу. Передачу запишут. Проанализируют. Расшифруют, если понадобится. И вытащат раба божьего за ушко да на солнышко.

Мне же пока желательно оставаться в тени.

Что еще в этих апартаментах заслуживает внимания?

Вот эта штука над головой. Маленькая антенна словно бы. Но она ничего не излучает. Ни с чем не резонирует. Она мертва. Но это не значит, что неисправна — она или та система, к которой она может относиться. Не похоже, чтобы здесь держали вышедшую из строя аппаратуру. Нет, конечно, может быть — случайность и с утра пораньше придут, чтобы починить ее или заменить. А скорее все-таки — не выход из строя, а что-то другое.

Во всяком случае, за остающиеся полчаса можно хотя бы попытаться проследить: а с чем же это таким она соединяется, куда должна слать — если это приемная антенна, и откуда получать — если передающая что-то, нацелившись прямо в голову спящего под нею человека?

Нет, оставшиеся полчаса употребим для более важных дел. Разумеется, с соблюдением всех необходимых предосторожностей.

Конечно, я расслабился в бездействии за последние дни. Ну-ка, принять боевую стойку, такой-этакий по прозвищу Ра!

Первое: создаем фантом. Грубо-приблизительно, потому что от него будет требоваться только — лежать под одеялом, пошевеливая его в области грудной клетки, и издавать равномерные звуки: вдох — выдох, вдох — выдох...

Со скрипом, но действие подготовлено.

Теперь: на секундочку наводим помехи на видеоштучку. Скажем, на картинке возникнет плотное облако. И, летя своим путем, на секунду эту самую перекроет объектив. За это время некто выскользнет из-под одеяла и окажется в мертвом для камеры пространстве — рядом с дверью. А место в постели займет фантом. И будет мирно похрапывать. Датчики веса мы на полчасика заклинили, чтобы они не подняли шума. Это под силу любому школьнику. На Теллусе, во всяком случае.

Тут, возле двери, можно и выпрямиться. И попросить третий глаз внимательно исследовать пространство по ту сторону двери — уж не знаю, что там: коридор, тамбур какой-нибудь или, скажем, зал?

Коридор. И в нем пусто. Ничего удивительного: ночь, люди спят, набираются сил.

Затем переносим взгляд на дверь. Заперта? Нет. Датчики какой-нибудь сигнальной системы, призванные трубить тревогу всякий раз, когда жилец захочет в неурочный час покинуть свое обиталище? Их нет, этим хозяева пренебрегли. Да, в общем, и правильно: если человек решил отсюда сбежать, это у него не получится ни днем ни ночью. А если вдруг взбрело в

голову прогуляться ночью, то почему бы и нет? Давно ведь известно: чем больше маленьких свобод, тем меньше человек думает об отсутствии главной свободы. Настоящей.

А нет ли у этой двери скверной привычки противно скрипеть, когда ее отворяют?

Плохо, когда опыт Пата Пахтора остается для тебя закрытой книгой. Он-то наверняка знает это. А мне тут придется положиться на свое зрение.

Смотри, глаз, смотри. Ага, тут никаких петель нет, дверь не распахивается, а укатывается в стенку. Смотрим внимательно на ролики. Так. Теперь на верхние. Они вроде бы ничем не угрожают.

Ну-ка — подвинем на миллиметр...

Тишина. Никто нигде никак не отреагировал.

Двигаем дальше.

Все.

Как я одет для ночного выхода? Н-ну... Не то чтобы совсем прилично, но и не так, чтобы было совсем уж стыдно.

Шаг в коридор. Теперь можно воспользоваться и обычным зрением. Взгляд налево. Направо.

Длинный коридор. Моя каюта — ближе к правому концу: до него три двери. До левого — восемь.

В обоих торцах коридора — двери побольше. Застекленные. Если кто-нибудь выглянет оттуда — увидит меня сразу же. Коридор освещен ярко, не по-ночному. И в торцах, за теми дверьми, тоже все сияет в полный накал.

За левой торцовой дверью — никого и ничего. Никаких признаков жизни.

А вот за ближней, правой, людей не видно, но видны их тени на противоположной стене. Две тени. Два человека. Дежурство? Наверное. Судя по расположению теней — двое сидят друг против друга. За столом, скорее всего. Не надо особо прислушиваться, чтобы услышать звуки голосов. Разговаривают. Слов отсюда не различить. А хорошо бы.

Пожалуй, я приближусь. Не крадучись, словно делаю что-то незаконное. А без шума, но свободно. В конце концов, сколько я тут нахожусь? Не более нескольких часов. И даже если тут не принято по ночам ходить по коридору — я этого просто не успел узнать. Я, Пат Пахтор, вновь прибывший. Может, конечно, всех новичков об этом и предупреждали. Но я просто забыл — спросонок не сразу соберешься с мыслями. Или, может быть, я — лунатик? Брожу по ночам, сам нимало этого не сознавая?

Нет, Пат — человек совершенно здоровый и потому пригодный для использования на любой работе. Мысль о его лунатизме подержим пока в резерве...

Я приблизился к стеклянной двери настолько, что третий глаз сам запросился в работу. Коридор оставался пустым и безмолвным; только если основательно настроить свой слух,

можно было уловить фоновый шелест, доносившийся, казалось, со всех сторон: то было дыхание спящих за каждой дверью людей, иногда даже с легким похрапыванием. Пока что с этой стороны никакой угрозы не возникало. Ну а что там, за стеклом? Туманно... нужно больше четкости... Легкое ощущение боли позади лобной кости: третий глаз немного отвык от серьезной работы — ничего не поделаешь, придется повторять пройденное. Ну, еще чуть-чуть... Стоп! Теперь хорошо.

25. Ночные разговоры

Нет, эта дверь вела, похоже, не к выходу из дома, и за нею помещалась вовсе не дежурка. Небольшая — метров пять на пять — комната, обстановкой своею наводившая на мысли о баре или в этом роде: вдоль стены, что была справа от двери, располагалась стойка, за которой, как и полагалось, виднелись зеркальные полки с неплохим ассортиментом бутылок. Похоже (мелькнула у меня мысль), что сухой закон тут и вправду применения не находит и места для приема внутрь разных напитков действительно существуют. Не только обладающих крепостью: стойка была оснащена еще и кофеваркой явно астрейского происхождения (в мире Астреи умеют готовить такой кофе, каким тебя не угостят больше нигде в населенной Галактике), рядом с кофейной механикой — пузатый сосуд родного, теллурского происхождения, с крышкой и краником, разве что без трубы; в таком на Теллуре принято кипятить воду для чая; и, наконец, триаду замыкал высокий и узкий сосуд, очертаниями напоминавший (всякому, кто хоть раз видел это древнее теллурианское сооружение) некую башню, названную именем ее конструктора и строителя. В наше время это название вспомнит один, может быть, из тысячи граждан Федерации, а может, и из миллиона; зато каждый второй уверенно скажет, что это — чуфан, сосуд для приготовления бодрящего напитка чуфы, давно уже ставшего популярным во всей Федерации, хотя родиной его является далекая Инара. Чего за стойкой не было, так это бармена; тем не менее один из шести столиков, умещавшихся здесь, был занят: за ним сидели, как оказалось, не двое — тех самых, чьи тени падали на стену напротив моей двери и чей разговор я смог услышать — хотя и не различал отдельных слов. Не двое, а трое; просто третий до сих пор помалкивал, а тень от его хилой фигуры из коридора не просматривалась.

Сейчас самое время прислушаться. Хотя и оставалось его не более пятнадцати минут — ну, от силы восемнадцать, чтобы успеть вернуться в свою, третью отсюда спальню и занять законное место Пата Пахтора под одеялом. Так о чем это они там? Что не дает людям спокойно спать в разгар ночи? И каким людям? Свежим иммигрантам вроде Пата? Или?..

Скорее — или. Сейчас разглядим их получше. Переместим точку зрения, чтобы видеть двоих сбоку, в профиль, а третьего, молчуна, — анфас. Итак: нет, это не вновь прибывшие. Об этом говорит, во-первых, возраст: все уже где-то на середине своего жизненного пути, разброс между ними — лет пять от силы, а в таком возрасте уже не вербуют. Хотя могут пригласить на работу по персональному контракту, если ты того заслуживаешь, но тогда и привезут не в толпе. Во-вторых, — их лица: на них так и написано то, что где-то называют интеллигентностью, а в других местах — яйцеголовостью: знания, ум и умение применять то и другое для выполнения поставленной — самим собою или другими — задачи. В-третьих — одежда: вряд ли завербованные иммигранты привозят такой гардероб в своих сундучках и сидорах. В четвертых — едва уловимая даже отсюда, но несомненно существующая в этом пространстве музыка — запись, конечно: люди, которых сюда привезли, вряд ли стали бы терпеть, даже в качестве фона, вторую часть семнадцатой симфонии Изота «Верди, голос вечности», они — Пат Пахтор в том числе — поставили бы «Моя рыбка утонула как-то раз» или, в лучшем случае, «Лишь дураки не знают — я лучше всех на свете, Кретина Обругайте!..» И, наконец, в-пятых — тема их разговора, который я могу, наконец, слышать слово за словом, отстроившись от ночного фона:

— ...Не будем спорить, шеф-монтер, на самом деле тут вообще нет предмета для дискуссии. Я не могу использовать все те аргументы, какими обладаю, просто потому, что еще не имею на это права. Порядки тебе известны не хуже моего: когда возникает серьезная информация — ее докладывают сперва Элюру, потом, если он сочтет нужным, — на дирекции, и только после этого информация становится достоянием Узкого круга. Но, Эрб, ты меня знаешь не первый день и не первый год, я, говоря словами классика, гипотез не измышляю и говорю что-то лишь тогда, когда совершенно в этом уверен. Ты знаешь, что мне можно верить на слово. И я просто хочу тебя предупредить: положение — вот Астин подтвердит — даже серьезнее, чем можно было заключить после того собеседования наверху. И тебе вскоре придется пересматривать свои планы и графики.

— Я не говорил, что не верю тебе. Но согласись, Тазон, в таких случаях решает не вера, а твердое знание. Я тебе верю — в чем? В том, что ты искренне убежден в правильности своих предположений, хотя и отказываешься конкретизировать их содержание...

— Я только что объяснил тебе, почему не могу.

— И тем не менее это пока — лишь на уровне слов. А ты хочешь, чтобы я сделал нечто куда более страшное, чем то разглашение информации, какого ты не допускаешь для себя: ты просишь, чтобы я, ни более ни менее, снял людей с монтажа Второго метаморфа, с выполнения официально поставлен-

ной передо мною задачи — и бросил их на создание какой-то... прости, какой-то утопии, вот именно, которой нет ни в одном плане, о которой никогда нигде не говорилось вообще ни слова, смысл которой совершенно непонятен, — да ты представляешь, что произойдет, как только это станет известно? А ждать не придется — уже через десять, от силы пятнадцать минут сверху меня спросят: что происходит? Я сошел с ума или стал саботажником? И вернут бригады на прежнее место, но уже без меня. Ты предлагаешь мне не лучшую форму самоубийства, доктор Тазон. Принеси мне распоряжение Сакроста, и я со всем усердием его выполню.

— Эрб, ну... Ты, безусловно, не страдаешь предрасположенностью к суициду, я тоже, и доктор Крат любит жить не меньше, чем мы с тобой. Но если я пригласил тебя для такого разговора, понимая, что ты не только вправе, но и обязан отказаться от моего предложения и доложить на самый верх, вплоть до Элюра лично, обо всем происходящем, — если я все-таки начал разговор, то лишь потому, что угроза намного страшнее, чем тот крах карьеры, который, как ты считаешь, может грозить нам всем в наказание за наше самовольство — назовем это так. Угроза катастрофы, Эрб...

— Прости, Тазон, пока я не вижу никакой угрозы. Я только слышу слова. И совершенно не понимаю, что нужно тебе и чего ты от меня хочешь. Объясни — и я либо соглашусь, либо... сделаю то, о чем ты только что сказал.

— Доктор Крат, и в самом деле! Ну, объясни же ты ему... да и мне, кстати, тоже: до сих пор я и сам говорю об угрозе вслепую — просто из доверия тебе.

Тут в разговор вступил наконец тот, кто до сих пор хранил молчание:

— Доктор Эрб, вы слишком заняты своими делами — согласен, их у вас чрезвычайно много — и вряд ли просматриваете даже те сводки, что ежедневно загружаются на ваш дисплей; а если и заглядываете в них, то лишь для соблюдения формы. (Эрб откинул голову, хотел было что-то возразить — Астин жестом остановил его.) На том совещании я хотя и не ознакомил вас с цифрами, но тем не менее заставил всех всерьез задуматься — для начала. И то же самое приказал сам Элюр. Сейчас, когда мы тут втроем, я думаю, что некоторые цифры назвать могу — чтобы ты, Эрб, понял, что дело даже более чем серьезное. А когда вы поймете, что у нас — у меня и Тазона — есть все основания...

— Что за цифры?

— Крат, покажи ему.

— Не волнуйтесь, Эрб: на нашем уровне они не секретны, все это действительно взято из открытых для нас и вас сводок — только там они разбросаны, а я свел их воедино и проанализировал. Вам хватит нескольких минут, чтобы...

* * *

«Им-то, может быть, и хватит, — подумал я, — но вот у меня этих минут остается все меньше. Мне пора в постельку, если только я не хочу... А с другой стороны, разговор по ту сторону двери становится настолько интересным, что, кажется, стоит рискнуть, чтобы дослушать если не до конца, то хотя бы узнать как можно больше. Пожалуй, еще десятью минутами я могу рискнуть...»

Тут снова заговорил Эрб:

— Эта тенденция мне не нравится. Но до сих пор я не замечал...

— Процесс развивается по экспоненте, Эрб. Понимаете, почему мы так волнуемся? Если оставить все так, как есть, мы в скором будущем вообще останемся без энергии — так что вам все равно не удастся завершить Второй метаморф...

— Хорошо, но станет ли лучше от того, что я прекращу его монтаж и...

— Тазон сказал мне и сейчас, я думаю, повторит тебе, что уже, по сути дела, нашел альтернативный источник энергетического сырья. Я так и не догадался, как, где и что ему удалось найти, но все знают, что Тазон не бросает слов на ветер.

— Я намерен, — вновь вступил в разговор Тазон, — войти наверх с докладом самое позднее через два дня — мне осталось провести лишь пару экспериментов для полной уверенности. И как только меня там выслушают, ты, Эрб, получишь тот самый приказ, который так нужен тебе для спокойствия. Поэтому вам, монтажникам, все равно придется заниматься тем, что я предлагаю сейчас. Но тогда, к моменту получения приказа, ты не только будешь на исходных позициях — ты успеешь уже начать хотя бы нулевой цикл! Ты станешь в глазах руководства просто героем, Эрб!

— И все же... У меня ведь ничего нет! Где проект? Оборудование? Площадка, наконец? Я не могу работать вслепую!

— Открою тебе маленькую тайну: я уже сделал частный заказ, и проектировщики сидят за работой. Проект несложен. Корпус, маленький «Глаз», времеводы, места для размещения первичного сырья... Да я тебе все это объясню в деталях, как только ты присоединишься ко мне... к нам.

— Кстати, это мне показалось, что большой «Глаз» несколько сокращается в размерах?

— Увы, так и есть, — не сразу ответил уже Крат. — Не пройдет и недели, как его уменьшение заметит каждый. Представляете, что тогда начнется, если выход не будет найден заблаговременно?

— О черт... Действительно. Но если я должен уже с утра прекратить работы на метаморфе, а начальство — тот же Сакрост — еще не будет в курсе...

— Вовсе не понадобится там ничего прекращать. На Четвертом сам корпус еще не завершен, не так ли? Вот его и надо будет использовать для реализации моего замысла. В планировке это потребует минимальных изменений. Нужное оборудование я уже заказал на Шестом заводе — они делают его с предельным ускорением — двенадцатикратным. Так что самое позднее послезавтра ты всю свою команду поставишь на монтаж якобы оборудования подстанции, на деле же — малого «Глаза». По-моему, это наиболее логичный выход, и я уверен — сам Элюр согласится с этим. Если ты сейчас здраво оценишь обстановку, то не станешь возражать.

Я даже третьим глазом никак не мог разглядеть цифры, которые так быстро смогли убедить Эрба, и оставалось только разглядывать заговорщиков — или кто они там были. Тот, кого называли Астином Кратом, был плотного телосложения, с малой толикой волос на голове, гладким лицом, небольшими, но зоркими глазами и неожиданно мощными кистями рук; такой кулак пригодился бы супертяжу на ринге. То, что он говорил, звучало серьезно, однако на губах угадывался бутон улыбки, готовой вот-вот распахнуть все свои лепестки.

Крат? Уж не его ли излияния я нечаянно перехватил — там, на корабле?.. Но это неважно...

Его собеседник — Эрб, — повыше ростом, сухопарый, темные волосы с проседью, кажется, еще и не начинали редеть, с узкими, длинными пальцами, от каких не отказался бы гинеколог. Перед тем как ответить, он вздохнул; то был вздох человека, уставшего в который уже раз повторять прописные истины.

Третий же, по имени Тазон, был и вовсе плюгавым человечком, и только глаза его, холодные, с пронзительным взглядом, заставляли, наверное, окружающих относиться к нему серьезно. А впрочем, внешность нередко бывает обманчивой... Что они там еще?

— В принципе, я понимаю ситуацию, — сказал наконец Эрб. — Ну, а если Элюр не согласится?

— Когда наступит время докладывать ему — очень скоро, — я смогу доказать ему то, что ближе всего его сердцу: объяснить, что проект «Пигмей» от перевода монтажников на другую работу никак не пострадает — там же работает особая, неприкосновенная команда.

— Да, — подтвердил Эрб. — Она выведена из моей компетенции.

В этот момент собеседники, все трое, совершенно синхронно оглянулись, словно опасаясь, что мог оказаться кто-то четвертый, кто услышит их разговор; меня они не заметили, конечно, поскольку я все еще стоял за дверью, в коридоре.

— Что касается специальных программ, и в особенности «Пигмея», — сказал Крат, — тут, боюсь, и в самом деле

у нас есть поводы для волнения. Ты не понял, на чем основаны мои тревоги? Да все очень просто. Пока Тазон не развернется полностью со своими альтернативными источниками сырья, нам придется ограничивать потребление энергии. Но Элюр ни за что не допустит, чтобы подачу на проект «Пигмей» уменьшили хотя бы на ватт.

— Но ты же убедил его, изложив суть проблем!

— Применительно к его уровню понимания. Печально, однако в руководстве, если не считать нас троих, ни один человек, ни из последнего поколения, ни из предыдущих, никогда в жизни не сталкивался с техникой метаморфа, они не понимают — не могут понять — самой основы ее действия.

— Руководство — ладно, — вздохнув, проговорил Эрб, — в конце концов, не они монтируют все это хозяйство и не они на нем работают. Я сейчас подумал о моих монтарях. В частности, о последнем пополнении, без которого нам никак не обойтись. С обычной энергетикой им — хотя бы некоторым — приходилось сталкиваться. Но по твоему проекту они будут вынуждены работать словно с завязанными глазами, на ощупь. Мой многолетний опыт монтажа вообще говорит: в такой обстановке все придется переделывать с самого начала самое малое три, а то и четыре раза: первые попытки будут лишь обучением, пока весь процесс не окажется вызубренным наизусть каждым, кто останется в монтажной команде, — потому что, ручаюсь, две трети их, если только не три четверти, придется отсеять уже после первой попытки из-за профессиональной непригодности. Как в таких условиях мы сможем безошибочно сделать то, что вы предлагаете? Насколько я понял, времени на ошибку у нас просто не останется?

— Тех, кто будет ошибаться, — сказал Тазон, усмехнувшись, — я стану сразу же забирать, как только ты от них откажешься: они мне очень пригодятся.

— Друг Эрб, — проговорил Крат, — я уже и счет потерял тому, сколько раз ты мне излагал все твои трудности. Но разве я столько же раз не доказывал тебе, что преодолеть все эти сложности легче легкого? Ты боишься, что не хватит времени. Но пока еще мы, все мы, им располагаем. Пока еще. Или, выражаясь красиво, еще стоим на берегу его океана. Так вот, надо только нагнуться, зачерпнуть и залить это время в каждого твоего работника, во всю твою систему — и все помчится с такой скоростью, что ты справишься с делом даже раньше всех прочих, и меня в том числе.

— Ты и в самом деле полагаешь, что подобное не приходило мне в голову задолго до того, как ты начал говорить об этом? Если ты действительно так думаешь, ты просто обязан с самого утра заявить Сакросту, что шеф-монтер Эрб не соответствует занимаемой должности и его следует немедленно отстра-

нить! Астин, я не только думал об этом, но и обращался с подобным предложением к Самому.

— И, как я понимаю, он отверг эту идею.

— К сожалению. Он сказал... буквально не помню, но по смыслу вот как: по воле Основателей, ни капли времени не будет израсходовано на местные потребности до тех пор, пока накопители «Пигмея» не покажут полного заряда.

— Слушай, но это же... неразумно: нам ведь нужно получить больше времени — второй его формы, — для того чтобы быстрее все закончить во времени-первом. Неужели ты не смог растолковать это Элюру?

— Этого делать и не нужно было: он все прекрасно понимает. Он не против того, чтобы мы пользовались добавочным временем-два; он так и сказал: залейтесь им хоть по самые уши — но только не из ресурсов ХТС. Ищите его где хотите и где сможете — и действуйте. А ко мне впредь с такими идеями не приходите.

— М-да. Печальная картина... — вздохнул Крат. — Слушай, а зачем, в конце концов, накапливать столько... Нет, я понимаю, мне только непонятна конечная цель. В чем вершина всего замысла «ХроноТСинуса»?

Шеф-монтер Эрб, помолчав, ответил:

— Если бы мы должны были об этом знать — нам сказали бы, разве не так?

Собеседники только вздохнули. Им, похоже, все-таки хотелось узнать, в чем заключался самый главный замысел, на реализацию которого все они работали.

Я же не работал на это дело, но узнать хотел, пожалуй, даже сильнее, чем сидевшие за столиком с бокалами (к которым они ни разу не притронулись, видимо, это была декорация на случай, если кто-нибудь вдруг заглянет в неурочный час). И я рискнул: в конце концов, отсюда можно было попытаться войти в сознание хотя бы одного из них. Крат казался более уязвимым, но Эрб, монтажник, представлялся куда более интересным. Попробуем — не теряя нити их разговора...

— Слушай, Эрб, но ведь мы и в самом деле можем...

Эрб поднял руку, словно предостерегая.

— Что?

— Тсс...

И после паузы:

— Такое ощущение, словно кто-то пытается просмотреть меня.

— Не показалось?

— Я не маленький...

Он засек мою попытку, вот как. Это не есть хорошо. Но и выйти сразу я не должен: это будет признаком того, что его слова услышаны и, значит, пытающийся находится где-то совсем рядом. Ну-ка, вгоним в него малость какой-нибудь совер-

шенной ерунды... для отвлечения. И — отступим на исходные позиции. Тихо, спокойно...

Последним, что я смог услышать, было:

— Фу ты, что за глупость!

— Что?

— Вдруг привиделась голая женщина. В такой, как бы сказать, ситуации...

— Наверное, ты просто перехватил чужой сон — частоты на миг совпали. Их же тут спят десятки...

— Голых женщин?

— Озабоченных мужиков.

Послышавшийся после этого смех я воспринял уже на пределе слышимости.

Подальше от возможного обнаружения. Спешить в кровать? Разумно. Однако время мое еще не совсем истекло. А что, если...

Эй, Ра, давай-ка без лихачества, а?

Давай-ка лучше пороемся в памяти Пата Пахтора. Он, в отличие от меня, видел все своими глазами, пусть лишь снаружи: что тут вообще есть, как выглядит, как охраняется — и так далее. Его дело — видеть, мое — делать выводы. Но выход в его память сейчас очень сложен. Программой предусматривалось, но, может быть, тут — просто так, на всякий случай — блокируют память новых работников — хотя бы на какой-то испытательный срок? Это подобие антенны над кроватью... Очень похоже.

Вижу, к сожалению, смутно и только в общих чертах, почти без деталей: вот городская улица — дома на фоне мрачного пейзажа: горы, горы, черный камень... Обычная улица, привычный транспорт. Ничего, что вызывало бы интерес. Жаль. А вот он уже едет. Их везут. Привезли. Нечто вроде промышленного района. Корпуса; много. Часть — явно производственные. Заводские. И несколько, о назначении которых можно лишь гадать. А в середине этого промышленного кратера — нет, не знаю, как это назвать. Кажется, там вообще ничего нет. Или в башке Пахтора, когда он смотрел на это, что-то не сработало. Вот если бы своими гла... то есть глаза-то были мои, это восприятие принадлежало Пату. Ладно. Зато вот что запечатлелось очень четко — башня. Такие мне приходилось видеть. Административный центр? Великоват. Кроме управленцев, там должно быть и еще что-то. Конечно, Главный компьютер. Но он, разумеется, где-то в подземных этажах: так надежнее. А может быть, и еще что-нибудь. Все это надо увидеть самому. Не «своими глазами» — они и так были моими. Нет: своим восприятием.

Было бы очень интересно уже сегодня посетить это здание — чтобы в следующий раз можно было начинать действовать.

Но за оставшиеся полчаса этого не успеть.

Или?..

Вратарь, конечно, даст мне столько времени, сколько я потребую. Но придется выйти на связь с ним. А это —

риск. Зафиксируют. Значит, сигналить нужно не отсюда. А снаружи. Впрочем, об этом я уже подумал раньше.

До левой двери — восемь кают. Там — выход наружу. Заперт. Просмотрим замок. Туманно... нужно больше четкости... Легкое ощущение боли позади лобной кости: третий глаз немного отвык от серьезной работы — ничего не поделаешь, придется повторять пройденное. Ну, еще чуть-чуть... Стоп! Теперь порядок.

...Интересно, а если бы кто-то ухитрился подглядеть за этими моими превращениями и спросил бы: «Ра, а куда ты деваешься, где находишься те двадцать три часа в сутки, которые отданы Пату Пахтору?»

Я ответил бы очень просто: «А куда девается актер, когда он на сцене живет в роли? Да никуда; он здесь; но зритель видит не его, а героя, которого актер играет, и сам он себя ощущает этим героем, а не собой. Вот и весь секрет. Надо только сыграть хорошо. Не забывая, что обстановка, словами классика, «не читки требует с актера, но полной гибели — всерьез»...

26. Визит к верблюду

Так, замочек мы одолели. Осторожно выходим. Все тихо.

А башня, оказывается, совсем рядом. И выглядит куда внушительнее, чем в памяти Пата. Людей не видно. Ну, это ведь не город; бездельников, гуляк тут нет.

Тем не менее я иду осторожно. Бесшумно. И на ходу посылаю сигнал далеко-далеко. На Теллус. В мой дом. Вратарю. Приказ: отсрочить отзыв на два часа.

Сигнал принят. Квитанция получена. Можно спокойно двигаться дальше.

Только куда? К башне? Еще куда-нибудь?

Напрягая все чувства до предела, можно достаточно четко ощутить и оценить обстановку на подступах к башне. Грустная картина. Подступы защищены всеми известными — и, похоже, даже неизвестными мне средствами. Это не означает, что туда проникнуть нельзя. Можно, но только после специальной подготовки. Она требует времени. Время уходит. Отставить башню.

Правее, в отдалении, хотя и не очень большом, — корпуса без окон. Странные очертания. Очередной архитектурный супермодерн? Или содержание этих строений требует именно такой формы? Вроде трехгорбого и двухголового верблюда. Если так, то интересно взглянуть на это содержание. Хотя бы одним глазом. Пусть даже третьим.

А как там с защитой?

А защита там обычная. Ну, лазерные сетки. Ну, датчики емкости. Видеокамеры, конечно. Только и всего? Вперед.

Вход. Двое охраняют его. Не очень бдительно: похоже, никто не ждет серьезной угрозы.

Собственно, им ничто и не грозит. Ничто плохое. Я просто и легко, как мышка в кладовую, проникаю в сознание одного, потом другого. И они безотрывно всматриваются каждый в свою сторону — но не туда, где я спокойно прохожу в дверь.

Ну-ка — третьим глазом: где здесь служебные тропы — чтобы двигаться, не поднимая тревоги? Ясно вижу. Пересек неширокое пространство между входом и внутренней стеной. Здесь защита серьезнее. Десять минут, целых десять, ушли на то, чтобы понять ее и нейтрализовать на время, а потом и отпереть неширокую, но по ощущениям — неподъемного веса дверь.

Я остановился на пороге. Хотя никто меня не держал. Кроме разве что некоторых соображений, а еще больше — ощущений.

Подсознание внятно предупредило: дальше ни шагу. Там что-то не так.

Третий глаз показал: открывшийся ему длиннейший, переменной высоты и ширины зал защищен четырнадцатью различными системами. Каждую из них можно нейтрализовать. Но все вместе они потребуют не менее двух часов времени.

Придется ограничиться обозрением с порога. Попробуем разобраться.

Вход — со стороны «верблюжьего хвоста», по которому я и прошел. Дальше — первый сзади горб. В нем — на две трети высоты — вертикальные колонны, шесть или семь, как молекула бензола; каждая наверху имеет горловину с раструбом, уходящим в потолок. Ощущения не могут объяснить мне, из чего они сделаны. Это не металл. Не пластик. Не камень. Не бетон. Сплошные отрицания. Агрегат создан из отрицаний. Или — из какого-то поля? И потому приближаться к нему не рекомендуется?

Уже интересно. Жаль, что колонны почти целиком загораживают все, расположенное дальше. Третьему глазу приходится работать на пределе. Он давно слезился бы от рези — но его не снабдили нужными железками. Ну, хоть что-нибудь!

Достаточно ясно: внизу, под полом, — трубопровод от колонн ко второму горбу. Там — но уже смутно — видна полусфера. Нет, скорее половина эллипсоида. Бетон, металл, еще что-то. Внутрь, загляни внутрь!.. Что? В общих чертах это больше всего напоминает плазменный генератор — хотя сходство, конечно, ничего не значит. К третьему горбу уходит... ну, это знакомо: заглубленный электрокабель, рассчитанный на — не берусь сразу сказать, на какую мощность. На очень большую. Дальше трудно различить хоть что-то. Но электромагнитное поле можно ощутить даже здесь.

...Будильник в моей голове сигналит: приближается цейтнот.

Пора уносить ноги. Для первого раза получилось неплохо. Правда, далеко не вся информация понятна. Скорее

наоборот. Но дома, где моя копия пребывает сейчас в недрах Вратаря, у нее будет время обдумать и разобраться.

Охрана внизу по-прежнему не видит меня в упор.

Вышел на вольный воздух. Пройдя примерно половину расстояния до дома, вызвал Вратаря на связь — скинуть полученную информацию.

Не удалось: сигнал не прошел. Это бывает. Космос есть космос. Завтра.

Вот и здание, где место Пата Пахтора под одеялом занимает фантом.

Я вошел беспрепятственно.

Обратный процесс: медленное, осторожное откатывание двери...

Но главное-то я установил: это Улар. Конечная станция. Глубокие проверки позади. Значит — начнем медленное очеловечивание Пата Пахтора; так я называю этот процесс. Пусть ему останется на этот раз немного больше информации, какой обладаю я; немножко больше логики и сообразительности. Это не помешает ему жить своею жизнью...

(Снова черное облачко на секунду затмевает сияющий на картинке диск видеолуны.)

...зато это расширение способностей Пата позволит мне хоть час в сутки находиться в курсе событий и, возможно, предпринимать такие вот кратковременные вылазки.

Фантом растворяется, место под одеялом занимаю я, в самое последнее мгновение: сейчас я снова перестану существовать в открытой форме.

Что за чушь они там пороли: время в первой форме, во второй, третьей... Время есть время, всегда одно, подобное самому себе, а у них выходит...

Сон... сон... сон. Меня больше нет.

27. Будничный день

Пат проснулся с таким ощущением, как будто не только отоспался за все те недосыпы, что накопились за последние недели и месяцы, но даже немного устал от сонного бездействия. Хотелось поскорее вскочить, привести себя в порядок и начать что-нибудь делать. Все равно что. Что скажут.

Однако так вот взять и вскочить он поостерегся: кто знает, может, здесь порядки такие, что до общего сигнала подниматься нельзя; разные ведь бывают порядки, и не так уж редко — такие, что разумными их никак не назовешь. И все равно они остаются порядками. Совсем так, как плохая погода — все равно погода, а не пирожки с роленью, что нигде не пекут так, как на Кантре.

Вместо этого он стал вспоминать — что же ему такое снилось этой ночью.

Но только зря напрягался: мелькали в памяти какие-то обрывки непонятно чего, происходившего неизвестно где и когда. А пока вспоминал, подошло и время подъема. Сирена, которой его пугали, оказалась вовсе не такой уж неприятной. Совсем даже наоборот: просто кто-то как бы внутри него четко проговорил: «Ты выспался, вставай, день начался!» И теперь можно с облегчением откинуть одеяло.

Привычно помахал руками для разогрева тела. Мытье-бритье. Одеться. По старой привычке проверить: все ли на месте, не уволок ли ночью кто-нибудь что-то из имущества? Хорошо знал Пат, что нет у него ничего такого, на что польстился бы любитель чужого добра. Но все же проверил — для душевного спокойствия на весь предстоящий день.

Голос внутри вежливо произнес: «Просим не опаздывать на завтрак».

Вот еще! Пат и на работу не любил опаздывать, а уж на кормежку — да никогда в жизни!

Вышел в коридор, где уже были и другие люди. Пошел, куда все шли, на ходу узнавая вчерашних попутчиков, здороваясь — на жест отвечал жестом, на слово — словом. Слова все были, конечно, на феделине — федеральном языке общения. Иначе тут никто никого не мог бы понять: народу набралось — даже по виду ясно было — из самых разных галактических краев. Но все — свой брат, работяги.

В столовую Пат поторапливался, обгоняя одного и другого. Опыт напоминал: мест в таких заведениях обычно оказывается меньше, чем приходит проголодавшихся. Но спешил зря: стульев всем хватило. Даже странно, однако приятно. Три длинных стола, за каждым — пять против пяти. На раздачу идешь сам, там берешь посуду — и тебе накладывают. Иди на место и ешь.

Поел. Не сказать, чтобы какие-то разносолы были; какая-то каша — не каша, пальчики облизывать не станешь, зато сытно. И есть чем запить. Не сладкое, но приятное, хотя и непривычное. Ладно. Денег за это не стали брать — во всяком случае, в этот раз. А и захотели бы — откуда бы они взялись, деньги? Для того сюда и приехали, чтобы их заработать, как обещано; у кого деньги были, тот и сейчас сидит в родном доме, родном мире...

«Поел — отнеси посуду и иди по проходу направо, выйдешь из дома — жди новой команды». Это опять изнутри.

«Слушаюсь!» — так же беззвучно ответил былой солдат, военный монтажник Пат Пахтор. (Что ты усвоил в строю, потом уже никогда не уйдет, не забудется.) И все выполнил, как было сказано.

Снаружи могло быть и чуть потеплее, но ведь пока еще раннее утро, день еще разогреется. Постоять на солнышке было приятно, на сытый-то желудок. Через минуты вся команда снова скопилась на одном пятачке. Все, судя по рожам, до-

вольные, потому что сытые, но и встревоженные — сейчас ведь будет твоя участь определяться: пойдет назначение на работы, а какая работа — такая и жизнь, это давно известно.

Получилось, однако, не совсем так. Начальник — тот, что с группой был с самой первой посадки в вэвэшник, — распорядился:

— Теперь врачебный осмотр. Становись по одному!

«Ну, господи. Не насмотрелись еще на нас?»

Пат это только подумал. Зато тот самый, косорылый Тон Чугар (опять угораздило оказаться поблизости!), снова не утерпел — подал голос (похоже, характер у него действительно сварливый):

— Говорили же — будет развод на работы. Чего же врать-то было?

Пат подумал, что сейчас придире сделают большой укорот. Да нет, отнеслись к нему по-хорошему:

— Так предполагалось. Но поступило указание. Потому и изменения. Но осмотр легкий, пройдете быстро. А уж тогда сразу — развод.

Пат, по своему обычаю, втесался в голову колонны — не самым первым, но четвертым. А войдя и увидев сразу четырех врачей, обрадовался: и правда все пройдет раз-два. Но не вышло. Все четверо скопом наваливались на одного.

Ничего не спрашивали. Все приборчиками — гладили, тыкали, вгоняли куда надо и куда не надо. Нажимали кнопки. Щелкали рычажками. Кивали головами и покачивали. А на словах — только под самый конец одно-единственное:

— Направо.

Или же наоборот:

— Налево.

И рукой показывал один: вон туда, мол.

Пату Пахтору было сказано: направо.

А тому болтуну, Тону Чугару, — в другую сторону.

Где-то через час собралось: по правую сторону — двенадцать, напротив же все восемнадцать. А какая между теми и другими была разница, никто не объяснил, и сами тоже не могли догадаться.

Начальник команды подошел к ним — к двенадцати. Скомандовал:

— За мной, шагом марш!

И привел наконец-то туда, где раздавали работы. «В самое важное, — подумал Пат, — место в этом мире. Ну, господи, не подведи только!..»

— Пат Пахтор, вы подтверждаете, что вам приходилось работать на монтаже конструкций первой категории сложности? Не можете ли объяснить, чем именно вы там занимались и что это были за конструкции?

— Да всякие. В армии — орбитальная автоматика слежения и автоматической защиты. Только то была не первой

категории сложности техника, а высшей. Потом работал на сетях высокочастотных энерговодов — монтировал узлы полевых преобразователей, — на Лиане это было. Там два года проработал, дело было большое, всемирного размаха...

— Почему оттуда ушли?

— Да ниоткуда я не уходил. Просто работа вся закончилась, часть нашу расформировали, потом демобилизация, кого-то из ребят пригласили делать похожую работу на Солане, только поменьше размахом...

— Кого-то, значит, пригласили. А вас — нет?

— Почему же нет? Меня как раз очень звали. Но на Солану ехать я не захотел. Я же с Кантры, это — сами знаете — мир гористый, вроде этого, сухой, воды немного, атмосфера легкая, и все такое. А на Солане — мне растолковали — болото на болоте, планета гладкая, как плешь (один из сидевших провел ладонью по своему голому черепу — машинально, сам, видно, того не заметив). сила тяжести больше, значит, воздух погуще — чего же мне было туда ехать? Койки в больничках пролеживать? Вот я и не поехал. Но мне прямо там же предложили — давай, мол, пишись в группу на Стрелу Вторую, там природа почти как на Кантре, только давление чуть побольше, но вполне терпимо. Это земляк мне объяснил, который там уже побывал. На Стреле Второй пришлось снова заниматься преобразователями, только уже другого совсем типа, — там хотели, была у них такая задумка, перегонять скрытую энергию вакуума в пригодные для использования формы. Вроде бы в опытах, на малых моделях, у них все вытанцовывалось, вот и решили рискнуть — построить для начала одну промышленную установку. И построили. Только мне тамошний климат оказался без надобности: мне-то работать пришлось с начала до конца на космической площадке, потому как меня поставили на монтаж не приемной станции, на планете, а энергососа-передатчика. Ну а там благодать, в смысле — и состав дыхательной смеси, и давление, и влажность — все в своем скафандре устанавливаешь сам, по потребности...

— То есть действовать в скафандрах вам приходилось? Обращаться с ними...

— А как же иначе было там работать? Конечно, сперва две недели обучали, потом только допустили к монтажу.

— И там тоже ошибок не допускали?

— А меня там не подгоняли. Там не надо было так, как в армии, — всегда бегом, бегом... неизвестно зачем. Ну, мы смонтировали там все в точности как полагалось. Правда, пока мы там еще оставались, что-то у них не заладилось — но к нам претензий не было. Заплатили все, как было в контракте. Ну, я и решил вернуться хоть на времечко домой, передохнуть немного.

— И как — удалось?

— Да в общем все по-хорошему прошло.

— Но после этого вы к монтажным работам больше не возвращались? По каким причинам?

— Это почему же вы так считаете? Как раз вернулся, вот именно что.

— О, извините. И куда же?

— Так вот же я — тут перед вами стою. Я когда вербовался на Астрею, специально выяснял, и меня твердо заверили: будет работа по монтажу, и даже много. А тот, на корабле, обещал, что и тут дела будут те же самые.

— А, ну да, конечно. Действительно: такая работа есть. Правда, ее нужно сделать быстро. Однако, когда весь сложный монтаж будет завершен, вам не придется уезжать отсюда, если наш климат, как вы сказали, вам подходит. Будут другие монтажи, может быть, несколько проще, но зато по военной линии, а у вас такой опыт имеется...

— Снова — бегом, выходит?

— Ну, это совсем не обязательно. Подгонять вас не станем — если действительно после вас переделывать ничего не придется.

— Ну, я ведь и обидеться могу!..

— Это я пошутил, извините. Ну, коллеги, ваше мнение?

Снова все переглянулись. Но пожимать плечами никто не стал.

— Поздравляем вас, Пат Пахтор. Вы зачислены в команду монтажников, и вот перед вами ее руководитель, инженер доктор Эрб Сирон.

Второй за столом слева улыбнулся. Кивнул.

— Когда начинать? — только и спросил Пат.

Эрб протянул ему жетон из голубовато отсвечивавшего металла.

— Идите на монтажный склад — спросите снаружи, вам объяснят, где это. Там вас оденут и, так сказать, вооружат для работы. Предупреждаю: конструкции будут сложнейшие и вам никогда не встречавшиеся. Но вы справитесь.

— Понял, — кивнул Пат.

Хотя — как знать? Один господь всеведущ.

28. Маленькая хитрость

Этот же вопрос — какая работа достанется? — волновал, конечно, и того самого Тона Чугара; волновал с первой же минуты, когда всех вновь прибывших на медосмотре разделили на группы: левую и правую. И он, как и любой другой, с нетерпением ожидал: куда повезут и что велят делать; ему это не все равно было, потому что за разные работы и платят по-разному, а он, да и большинство других, сюда приехали не время проводить и не новый мир посмотреть, а прежде всего зашибить деньгу, и чем больше — тем лучше; а уж чтобы их с толком потратить, найдутся в Галактике местечки поинтереснее этого, с лю-

бой позиции поинтереснее, с какой ни посмотри. Так что уже сильно чесалось где-то в душе: ну, давайте поскорее, хозяева, в темпе, за простой вы ведь хрен что заплатите!

Но долго ждать и не пришлось. Потому что добираться до нужного места оказалось всего ничего: всех восемнадцать, ни на что не сажая, просто пешочком отвели к той высоченной и мрачной башне, что возвышалась не более чем в полукилометре от жилого строения. Запустили в проходную по одному. Тон, в отличие от Пата Пахтора, в таких случаях никогда не торопился, держался поближе к хвосту; видно, жизненный опыт говорил, что так оно безопаснее. Пришлось пройти под контрольной аркой, с обеих сторон которой стояло по охраннику, а подальше, в глубине обширного, с голыми стенами и почти свободного от мебели помещения располагалось еще с десяток солдатни — сидели на длиннейшем и жестком, похоже, диване, держа между коленями дистанты армейского образца. Из чего можно было заключить, что дела в этом корпусе творились уж точно секретные. А где секреты — там и платить должны больше: не только за работу, но и за молчание тоже, а оно порой дорогого стоит.

Приведенных восемнадцать повели было туда, куда нарисованные на полу стрелы указывали, надписью поясняя: «Лифты 1 — 4». Но не успели пройти и десятка шагов, как один из вояк всех остановил и сказал тому здешнему, что вел людей с осмотра: «Давай по лестнице!», и рукой, в которой был дистант, указал в нужную сторону. «Да ты что! — возмутился проводник. — Это почему еще?» — «Отключены, приказано сберегать энергию до нового распоряжения», — был ответ. Проводник только покачал головой, пробормотал что-то себе под нос и подчинился.

Пришлось переть аж на пятый этаж — только не вверх, а, к общему удовольствию, вниз. Так что дошли быстро. Снова арка и охрана. Длинный коридор с дверями и табличками возле них: «Начальник лаборатории ТХ-генетики», «Отделение экстраТХсенсорики» и ниже помельче: «Лаборатория исследований хроночакры», «ТХ-объект 1». Тут на пришедших прикрикнули слегка: «Вы что это — ногу за ногу заплетаете? Ну-ка — шире шаг, шире шаг!» Разглядывать вывески стало некогда.

Теперь удалось прочесть только надпись у той двери, перед которой им наконец скомандовали приставить ногу. Здесь все команды были почему-то на военный образец. Тут вот что помещалось, оказывается: «Индивидуальные Х-экстракторы. Операционная». Это не табличка была такая, а просто бумажная карточка — явно только что ее приляпали. Что бы это означало?..

Приказали разобраться по три. Разобрались. Тон Чугар определился не в последний, шестой ряд, а в пятый: последним так же несладко бывает, как и первым. Трое вошли. Оставшимся сказали: «Вольно. Через десять минут пойдут следующие». И в самом деле, ну, не через десять, а через двенадцать минут

скомандовали второй шеренге, и еще трое исчезли за дверью. Снова предупредили: «Через десять минут...»

И тут Тон Чугар почувствовал, что ему что-то в происходящем перестало нравиться.

Он вообще, при внешней разболтанности, был человеком осторожным, ставя ногу — смотрел, куда ставит, если в человеке чувствовалось что-то опасное — обходил подальше, когда чего-то в обстановке не понимал — старался из этой обстановки выйти туда, где понятнее. И вот сейчас его заставила насторожиться очень простая мысль: «А где же те, что вошли первыми?».

И в самом деле: если все просто, то сперва те, кто уже прошел через то, через что там надо пройти, должны выйти, и тогда уже смогут войти следующие. Может быть, конечно, небольшой разрыв: скажем, там надо раздеться; потом, пока первые одеваются, запускают вторых, для экономии времени. Пускай так. Но такое несовпадение может быть на минуту, от силы — на две, никаких сбоев в раздевании-одевании не ожидалось, волей-неволей каждый день в этом тренируешься, да и в одежке нашей никаких сложностей нет. А тут — сейчас уже вторая десятиминутка закончится... Нет, что-то не так.

Значит — что?

Вышагнуть из строя. Держа живот обеими руками и лицом изображая ну просто невыносимое страдание. И прямиком к охраннику:

— Слушай, земляк, где тут у вас... ну, это самое?

Тот, похоже, твердой инструкции на такой случай жизни не имел. Конечно, оставить свой пост он ну никак не мог — даже если бы этот, которого схватило, стал бы тут, на этом самом месте... тьфу! Четкого запрещения пользоваться туалетом находящимся на этаже людям тоже не было. Безразлично, были они сотрудниками, солдатами или, как вот сейчас, официально приведенными сюда людьми.

Но воин нашел наилучший выход:

— Эй, старший команды! Тут один твой на горшок просится!

— Ну, растолкуй ему — где тут что. А ты, — это уже относилось лично к Тону Чугару, — одна нога здесь, другая там! Из последнего ряда — займи пока его место.

— Давай направо по коридору, — тем временем объяснил охранник Тону, — первый ход направо, тут рядом — и там третья дверка. Надпись разберешь?

— Р-разберу... — уже не разжимая намертво стиснутых зубов вытолкнул Тон Чугар и в указанную сторону не пошел и не побежал, а заковылял, все еще держась за живот и опасаясь, похоже, что если сделает шаг пошире и побыстрее, то того и гляди что-нибудь потеряет, не донеся до места. Кто-то в строю фыркнул, но большинство отнеслось к делу серьезно: такое со всяким может приключиться, и ничего смешного.

Тон Чугар так и доковылял до поворота направо. Добрался наконец до нужной двери. Вошел. Но там, похоже, резь у него прошла либо что другое, недомогание как рукой сняло, и он не пошел даже к нужному прибору, на который садятся, а так и остался подле двери, притворив ее не до конца и внимательно глядя в оставленную щелку и прислушиваясь к звукам в коридоре, которых только что не было — а вот и появились.

Звуки шагов, но не таких, от которых воздух со звоном отскакивал от стен и потолка — так было, когда они, спустившись, шагали к той двери; совсем другие шаги были: шаркающие, медленные, как бы запинающиеся...

А вот стало можно и разглядеть через щелку, кто это там волокся.

Тон Чугар смотрел, и лицо его все более мрачнело.

Три человека там были. Древних. Сморщившихся, как гриб сморчок. И с ними — кто-то вроде бы нормальный, только незнакомый.

Только — потому, что этих троих Тон Чугар опознал сразу. У него память на лица была хорошая, как-то ухитрялся он с первого взгляда узнавать людей, даже с десяток лет не встречавшихся. Правда, этих он встречал, если судить по облику, лет сорок назад, а то и все пятьдесят. На самом же деле — девять минут с секундами прошло с той поры, как он видел их в последний раз.

То была вторая тройка из запущенных. Сейчас, значит, пошла уже третья. Вот как все просто: впускают в одну дверь, выводят в другую. И выпускают в таком вот виде.

Тон Чугар не стал задавать себе бесполезных вопросов: как такое вообще могло произойти, зачем и так далее. Он просто признал факт и сказал самому себе:

— Плохи дела, земляк. Но надо выкручиваться.

Он выждал несколько секунд и высунул в дверь голову, чтобы поглядеть вслед уходившим. Шли они, а вернее сказать, коекак перемещались — не в направлении большого коридора, из которого пришел сюда сам Тон, а в противоположном; похоже, выведут их на поверхность каким-то другим маршрутом, чтобы не напугать тех, кому подобное еще только предстояло. Хотя — может быть, их вовсе и не на выход ведут, а куда-нибудь еще. В какую-то неизвестность.

В какую — Тон Чугар не знал. Зато теперь представлял, что произойдет с ним, если он вернется туда, где все еще находилась половина его сотоварищей, ожидая приглашения.

Туда возвращаться он ни в коем случае не хотел. Оставаться тут тоже нельзя было: сейчас за ним наверняка придут, поскольку он отсутствовал уже достаточно долго. Придут — и против дистанта не выстоишь.

Оставалось только одно: идти вслед за стариками и их поводырем, сохраняя разумную дистанцию. А там дальше

видно будет — в зависимости от того, что впереди окажется — выход или, может быть, крематорий.

Сейчас Тон был готов поверить даже и в такое.

Может статься, он и еще какой-нибудь финт придумал бы, даже более удачный. А придумав — постарался бы выполнить. Но не получилось. Потому что в коридоре — а он оказался хорошим звукопроводом, акустика тут была, как в концертном зале, — возникли новые звуки. То были опять-таки шаги; но совсем не те, как у той группы старичья, за которой крался Тон Чугар. Люди, производившие этот новый шум, не шли, а бежали; и не оттуда, куда шел Чугар, а напротив, из тех мест, от которых он старался поскорее отдалиться. Бежали явно за ним: спохватились вовремя, ни дна им ни покрышки!.. И надо было срочно спасаться. Придумать какой-нибудь план не оставалось ни секунды, так что действовать надо было, полагаясь на интуицию, а не на рассудок, прислушиваться только к внутреннему голосу и выполнять исключительно его команды.

А внутренний голос приказал: не мудрствуя лукаво, нырнуть в первую же попавшуюся дверь, которая окажется незапертой. Невзирая на вывески, пусть там откроется даже комната отдыха для охранников, — на стороне Тона Чугара окажется хотя бы фактор внезапности. Конечно, чем там, за дверью, может завершиться его неожиданный визит — сказать пока нельзя, зато предстоящее тут, в коридоре, было ясно, даже чересчур ясно.

Тон рванул первую дверь слева; в памяти осталось, что двери тут отворялись наружу, в коридор, а не внутрь. Преграда и не шелохнулась; заперта, изнутри или снаружи — не имеет значения... Он тоже бежал теперь — бесшумно, мягко прикасаясь носками к пластику пола, но преследователи были быстрее, сейчас начало доноситься и их дыхание — судя по нему, бежали они, как на классической сотке, и это странно было: от того места, откуда удрал Тон, они не успели бы взять такой разгон. Да какая разница — откуда бы они ни перли, все равно он хотел в гробу их видеть! Четыре шага — дверь справа. Рвануть изо всей силы!

Дверь распахнулась неожиданно легко, так что Тон Чугар чуть не отлетел к противоположной стене. В последний миг удержался на ногах («Да ты что, земляк, — боишься, что ли?» — мысленно упрекнул он себя), одним прыжком влетел в открывшуюся комнату, закрыл дверь за собой (мягко, без стука) и сразу же, не глядя, нащупал широкую клавишу запора и всей ладонью нажал, преграждая доступ в это помещение для любого другого, становясь таким образом (как ему радостно подумалось) хоть на миг, но хозяином положения.

29. Свежая память

Когда Пат, нагруженный всяким нужным добром, как верблюд, вернулся из склада в отведенное ему жилье, там все оказалось вроде бы в порядке; ничего из имущества не исчезло, как он оставил, так и лежало или висело. Сбросив на кровать принесенное, среди которого главное место занимал рабочий спецкостюм — какой-то странный, раньше Пату пользоваться такими не приходилось, — он аккуратно разместил вещи в шкафу, глянул на часы — до времени, когда ему было назначено явиться к конторе, чтобы с группой таких же, как он, монтажников направиться к рабочему месту (пока лишь для ознакомления, настоящая работа начнется завтра с утра), оставался еще почти час; по старой привычке, еще солдатской, он решил использовать это время для отдыха впрок и, не раздеваясь, прилег на кровать.

Сейчас лучше всего — расслабиться и понемногу начать настройку на предстоящие дела.

Пат и занялся этим — даже, надо сказать, с удовольствием, его самого удивившим. Вообще, сегодня он как-то необычно хорошо чувствовал себя с самого подъема. Как-то по-новому бодро, собранно, какой-то прилив энергии накатил на него — даже не вспомнить было, когда он в последний раз ощущал себя таким. Память вдруг прояснела, хотя он и раньше на нее не жаловался. И еще новое: раньше ему если и приходилось думать, то о вещах наглядных, о сиюминутных делах: вот эта схема — вот она на синьке, а вот место, где ее надо разместить и подключить в натуре; вот и думай — каким углом куда, какие разъемы и в каком порядке включать, каким тестером воспользоваться для прозвонки — и дальше в таком же духе. А сейчас даже и мысли пошли какие-то, как бы их назвать, отвлеченные.

Например: почему-то незваным всплыл в памяти обрывок разговора, нечаянно услышанный им на монтаж-складе, когда десятник подбирал для него спецкостюм по размеру. Разговаривали двое незнакомых, которые непонятно что там вообще делали: вроде бы ничего не получали и не сдавали, просто стояли в уголке и разговаривали. На Пата, когда он вошел и представился десятнику, едва посмотрели, вроде бы и не заметили вовсе, как бы сквозь него прошли эти взгляды, — и продолжали разговаривать, ни на миг не прервавшись. Пат и не стал прислушиваться, он как раз стал влезать во второй уже костюм, предложенный для примерки; но вот сейчас почему-то услышанное поневоле и, как выясняется, запомненное, вдруг проявилось, так на фотопленке возникает скрытое до обработки изображение. Странный был разговор, оказывается...

«...удалось установить только вектор: и он с минимальной ошибкой был направлен на флагман эскадры — ну, той самой...»

С явной усмешкой: «Вряд ли там нашлось, кому принять, а если и приняли по автомату — то понять. Те, кто мог бы,

уже давно загорают где-то — куда там их закинули. И зря. А Сакросту надо было как следует поработать с теми, кто у нас в заложниках, припугнуть как следует — и с кораблями все было бы в порядке. Понадеялись на своих специалистов — а откуда было им у нас взяться? Кстати, кто, откуда и что же хотел туда сообщить? А главное — кому?»

«Кому — без понятия. С кодом еще не разобрались, да и сигнал был — слабее нельзя, как бы из последних уже сил подавался, временами вообще затухал, так что если и удастся восстановить на компьютере, то не сразу. Источник-то сигнала мы установили: это та самая... Ну, ты знаешь».

«Иди ты! Еще дышит, значит? Выносливее оказалась, чем думали. Постой, а как же это у нее могло получиться? Она ведь в такой заглушке — оттуда и мощному сигналу не пробиться! Разве охрану сняли?»

После паузы, хмуро: «Сняли. Только не так, как ты думаешь. Не приказанием, а дистантом. Так мне рассказывали».

«Ты серьезно?»

«Я по рабочим дням не шучу. В упор».

«Ого!.. Кто? Зачем? Хотели эту каргу украсть?»

«Да вряд ли: она сама и десятка метров не смогла бы пройти: развалина. Да и как только она вышла бы из охранной зоны, сразу поднялась бы тревога. Здесь другое: нашлись тут у нее союзники, вот ее и вытащили оттуда и каким-то способом помогли выйти на связь. Но наши не всегда спят. Едва только засекли несанкционированную передачу — сразу же закрыли планету. Так что у нее — или у них — ничего не вышло, я уже сказал. Но пытались».

«Какие тут могли быть способы?»

«Самый простой — пролезть в сердцевину башни, эта шахта ведь сама по себе волновод, а наверху — антенны, а сверху — там, где как раз охранный пост в будке, — можно сигналить на весь мир: должна же охрана иметь связь в любой миг».

«Ничего себе охрана. Что же это за вояка такой — позволил себя ликвидировать без всякого шума! Или пробовал?»

«Судя по обстановке — не предпринял никакой попытки защититься».

«Вот как. Нападавший из своих? Или кто-то все-таки завелся тут у нас?»

«Пока неясно. Ищут. Запустили частый гребень. Но сработано профессионально».

«Ты не в команде?»

«Там. Но не внизу. Сейчас вот возьму тут что нужно — и наверх. На тот самый флагман. Потому что если кто-то мог просочиться сюда, то ведь до кораблей им добраться легче, а мы, прямо сказать, как-то от них отвлеклись: сочли, что они совершенно обезврежены. Категорически и бесповоротно».

«А скажи...»

— Эй, парень — как тебя там...

— Пат Пахтор, десятник.

— Ты что — задремал там, в костюме? Время дорого, да и люди вон ждут!

И в самом деле — Пат поймал себя на том, что медлит. С чего это вдруг ему так захотелось дослушать чужой разговор? С детства ведь учили: подслушивать нельзя, не то можно и по шее получить.

— Виноват, десятник. Я вот не пойму: слева у меня на поясе — это что? Ну, справа — микродвижки, включение и управление, дело привычное, а вот под левой рукой — что за хреновина?

— На все, парень, есть свое время и место. Тут и сейчас — подогнать по росту. А что и зачем — это потом, когда будем знакомиться со стройкой, где идет монтаж. Давай вытряхивайся и укладывай робу в ранец.

— Это я в момент!..

Вот сейчас вся эта сценка ожила в памяти. Почему?

Может быть, просто потому, что интересно: сразу целый контейнер новостей. Какая-то эскадра. Та, что их захватывала? Нет, там только один корабль и был. А тут еще кого-то куда-то забросили. Кто-то сигналит. Еще кто-то убивает охранника. А ведь казалось, что тут все тихо-спокойно. Никогда не слышал ни о какой эскадре. И чтобы тут охранников убивали...

А может, что-то слышал все-таки?

Что-то крутилось, мелькало в глубине памяти. Но никак не удавалось ухватить. Все равно как рыбу ловить голыми руками: нужно особое умение. А Пату Пахтору оно по сей день и ни к чему было.

Есть у него, конечно, как у всякого нормального человека, свой мик в голове. И не то чтобы он не умел этой штукой пользоваться; наоборот, даже привык давно. Однако искал там и находил только то, что касалось дела: монтажных работ или, например, военной службы. Наверное, в мике и еще много чего было; но не умел Пат до этого добраться, потому что нужды такой не возникало.

Да и сейчас, если говорить серьезно, нет.

«А есть у нас с тобой, дорогой друг, настоятельная надобность встать, закинуть за спину ранец со спецкостюмом и поспешать на указанное место, откуда вся новая монтажная группа отправится на стройку — знакомиться с рабочими местами, привыкать к обстановке, выяснять — что может понадобиться для дела, чтобы уж завтра и потом не расходовать зря рабочее время. Тут время ценят. Только и слышишь: время, время!..»

Пат встал. Быстренько привел себя в порядок. Подхватил костюм. Окинул взглядом комнату: не оставил ли после себя беспорядка? Нет, вроде бы все на месте. И зашагал прочь, широко и уверенно.

Выйдя на крыльцо, ненадолго задержался. Сразу пройти помешала немалая — десятка в полтора — кучка всякого пестрого народа, помоложе и постарше, обоего, как говорится, пола, поразному одетых, и только одно, пожалуй, было у них общим: выражение глубокого недоумения, а кое у кого и просто страха. Люди эти, в сопровождении четырех здешних служивых, одетых в подобие формы — не военной, понятно, но вроде того, — как раз в этот миг медленно приближались к дому, и передние уже стали подниматься по нешироким ступенькам входа — все замедляя шаг, как бы сомневаясь — туда ли они идут, куда нужно. Пришлось ждать, прижавшись к стене подъезда, стараясь только, чтобы его не задевали; один все-таки зацепил Пата локтем, медленно поднял на него глаза, усмехнулся криво, пробормотал хмуро: «Извини, приятель». «Да ладно, бывает», — ответил Пат, невольно отводя взгляд. И сразу же удивился. По его понятию, все это были пассажиры с кораблей, таким же образом попавшие сюда, как и он сам; но повели их почему-то не туда, куда вчера направили его, а вниз, где оказалась уже отпертой дверь в подвал, вчера запертая. Но долго удивляться некогда было: работа ждала. «Бывает», — повторил Пат уже про себя, внутренне все же обидевшись: тоже, нашел приятеля! Приятелями он тут и вообще не обзавелся, некогда было, да и в лицо почти никого не помнил, кроме разве того болтуна — как его там? Тон, помнится, а дальше? Да, Чукар вроде... Или Чубар, а может, Чудар; да не все ли равно. Запомнился он потому лишь, что все время, когда собирались вместе, мужик этот сразу начинал нарываться на неприятности, непонятно почему. «Да это его дело», — подумал Пат Пахтор, сумевший наконец выйти из дома и, раз уж вспомнился ему этот самый Тон, мельком задался вопросом: интересно, какая же работа досталась тому? Ну, какая бы ни была, но уж не монтаж во всяком случае. И это хорошо: монтажники, по крайней мере на работе, должны вести себя достойно, не подначивать друг друга на разные выходки, это дело тонкое и серьезное, важна сработанность группы, команда должна быть. А какая же может быть команда с таким вот дерганым мужичком? С таким наплачешься...

«Ладно, пересечемся как-нибудь, в столовой или еще где, — тогда и можно будет спросить насчет его работы. А сейчас — самое время думать о своей. Что же такое, интересно, предстоит монтировать?»

И он невольно прибавил шагу.

30. Для Ра входа нет

«Интересно», — вертелось у меня в голове... Нет. К сожалению, в голове не вертелось. В моей, да. Не вертелось, нет.

Потому что голова моя, так же как тело, к которому она
 была давно и достаточно надежно приставлена, принадле-

жали сейчас Пату Пахтору и находились весьма и весьма далеко отсюда: в мире Улар, на окраине Галактики, а может, и еще чуть подальше. И если что в голове этой и вертелось, то разве только мысли, принадлежащие исключительно Пату и уж никак не мне. Не Разителю, для родных и друзей просто Ра. Для меня доступ в собственный организм — в полном согласии с программой, мною лично составленной и загруженной во Вратаря, — был возможен, напоминаю, только на один час каждые сутки — по теллурскому счету, он же — конвенционный для всей Федерации. Так должно было продолжаться до тех пор, пока я эту программу не отменю. И как раз теперь я это сделал бы с великим удовольствием. Но именно сейчас я оказался совершенно неспособным совершить что-либо подобное.

Чувствую, что кое-кто нуждается в объяснениях. Попытаюсь, хотя толку от этого не будет никакого.

Составленная и загруженная мною во Вратаря программа предусматривала — и в этом заключалось ее основное (во всяком случае, я так считал) достоинство, — что все во мне, что не являлось плотью, то есть — сознание, подсознание, память и прочее, загонялось в него, во все терабайты его памяти, и должно было прочно сидеть там вплоть до отмены. Раз в сутки Вратарь копировал меня и по закрытому казенному ВВ-каналу доставлял копию в тело Пата Пахтора — оно же и мое собственное. Там, на Уларе, Пат становился мною и обретал способность оценивать обстановку и принимать решения на моем уровне. То есть, строго говоря, такую способность получал здесь я, я электронный, потому что в остальные двадцать три часа я мог пользоваться только той информацией, что была получена во время последнего такого визита на Улар. Когда час истекал — моя копия там неукоснительно стиралась, Пат Пахтор вновь владел моим телом и своим собственным сознанием на следующие двадцать три часа, нимало не подозревая, что перед этим он целый час не существовал — на Уларе, я имею в виду. Я же, получив от копии всю последнюю информацию, мог тут, в ячейках памяти Вратаря, спокойно ее анализировать, делать выводы и составлять алгоритмы дальнейших своих действий. До той самой поры, пока обстановка не потребует появления на сцене стопроцентного меня — то есть отыщется след Лючаны и понадобятся мои необходимые и, как я надеялся, успешные действия.

Вот так все было задумано. И так продолжалось, ни много ни мало, целых два дня; по моему расчету времени, это была уже половина отведенного на всю операцию срока.

Два дня прошли. И вдруг оказалось, что третий никак не хочет наступать.

Подробнее: когда я был скопирован в третий раз и копия должна была доставить в сознание Пахтора мои последние указания, а от него мне — новую информацию, оказалось вдруг, что

копия не проходит. Канал, по которому она транслировалась, не достигал поверхности Улара. А поскольку Пат находился именно там, то я — моя копия — никак не мог внедриться в собственное тело хотя бы на этот час, на несчастные шестьдесят минут.

Хотя — не будем сразу включать колокола громкого боя. Мало ли что бывает...

— Вратарь, повтори!

Такую команду отдал я — в форме, конечно же, электронных импульсов.

Несколько мгновений протекло, прежде чем возник ответ:

— Соединения нет. Адресат не достигнут.

— Повтори!

И еще два раза — с тем же успехом, вернее — с его отсутствием.

Полагают, что электронным схемам чужды эмоции. Чушь. Пусть спросят у меня. Я сейчас был именно такой схемой. И от эмоций — испугался я — схема могла даже сгореть. Надо было побыстрее успокоиться. И трезво обдумать ситуацию.

— Вратарь, все программы — стоп. Мощность на меня.

Мой верный союзник засомневался было:

— И охрану, хозяин?

Электронная дикция его оставалась безупречной. Просто слушать приятно было.

— Да кто к нам сейчас полезет и зачем? Выполняй.

Ну вот. Теперь можно и вдуматься в обстановку.

Мой, вернее, вратарский, сигнал не проходит. Почему?

Возможность-один: Пата Пахтора нет в живых. То есть мое тело убили.

— Вратарь! Срочный запрос на Улар по ЛК, по общему каналу. В нашем списке это ЛК-4. Выполняй.

Ждать ответа пришлось совсем немного:

— Общий канал на Улар не проходит.

— По военному каналу!

Времени прошло чуть больше.

— Военный канал не проходит. Только на Эскадру, которая...

— Знаю. Эскадра отвечает?

— Эскадра сменила все коды и частоты. Сигналы не проходят. Люди не включаются.

— Отменяю запрос. Свяжись с комп-центром Службы. Потребуй на связь генерала Иваноса, его код у тебя есть. Буду разговаривать через тебя. Связь голосовая, перекодированная.

— Выполняю.

Уже через несколько мгновений — так мне казалось, потому что если ты существуешь в виде схемы, то ощущение времени нередко вообще пропадает, поскольку для тебя ничего не меняется, — я услышал, то есть перевел в нужные частоты ответ Службы:

— Ответственный дежурный полковник...

— Полковник, мой облик — на вашем дисплее. Срочная необходимость соединения лично с генералом Иваносом.

— Все в порядке, вы опознаны. Генерал в отпуске, убыл для отдыха и лечения, находится где-то в охотничьих угодьях, связь с ним односторонняя, только с его стороны, поэтому соединить вас с ним нет возможности.

Воистину, не везет так не везет. Не мог он найти другого времени, чтобы греть свои мозоли и гонять зайцев! Хотя, может быть, он все же воспользовался моим советом — и всем прочим? Интересно. Но на всякий случай сброшу ему сообщение.

(Кстати, Иванос в то время и в самом деле охотился. И уже выцелил будущую жертву. Не простым глазом, конечно, в наши дни охотнику не обойтись без кваркотронных приборов. Но, в конце концов, важен результат.)

— В таком случае, полковник, при малейшей возможности передайте ему следующее... Передаю его личным кодом, так что — никаких попыток взлома! Пишите...

И я продиктовал нужные группы. Применить даже и самый сложный шифр не так уж трудно — если сам находишься в том же компьютере, где квартирует и необходимая шифровальная программа:

«Улар наглухо закрылся. Еще можно рискнуть и воспользоваться служебным каналом «Анни». Сделай хоть что-нибудь!»

Но тут же подумал, что последняя фраза звучит как вопль отчаявшегося человека. Срочно отозвал ее и завершил свое послание (или доклад, если угодно) иначе:

«Попытайся использовать эту связь для контакта с известным тебе субъектом ради получения свежей информации. Ра».

Это выглядело, по-моему, куда достойнее. Хотя, конечно, приказывать генералу, даже просто требовать, у меня не было никаких прав. Но о правах хорошо раздумывать в спокойные минуты.

Ну вот, это сделано. Вернемся к ситуации.

Что мы имеем? Улар не принимает ни одного канала. Это не стихийные помехи: все испробованные каналы очень разбросаны по частотам, а обычно если такое и приключается, то в достаточно узкой полосе. Очень редко — всего два или три раза на моем веку — одновременно перекрывались два основных канала. А чтобы три сразу — такие случаи не зафиксированы. Я знал бы.

Вывод? Он таков: Пат Пахтор, надо думать, в добром здравии исправно вкалывает на благо того мира. А мир тот по каким-то своим соображениям целиком закрылся от получения внешней информации. И, естественно, от отправки внутренней. Полностью изолировался. Почему? То ли это какая-то часть их планов, нам пока совершенно не ясных, то ли...

Ну, какие еще могут быть «то ли»?

Я знал, что возможные причины есть — самое малое одна. И, хотя думать о ней мне не хотелось, все-таки пришлось. Поскольку она была самой нежелательной — и поэтому наиболее вероятной.

А заключалась эта причина в том, что если не первая, то вторая трансляция моей копии на Улар могла быть зафиксированной тамошней службой ВВ-контроля. Я знал, что для существующих у нас систем такого рода мой канал был не по зубам. А вот у фирмы «ХТСинус» вся моя защита могла оказаться недостаточно серьезным препятствием: как-никак, все исследования в области ВВ велись именно этой фирмой и все новые разработки и конструкции можно было купить только у нее. Разные миры производили то и се по лицензиям — но самые последние достижения, понятное дело, не только не лицензировались, но оставались совершенно секретными — до возникновения следующего, очередного поколения.

Итак, они могли засечь передачу. Записать. И расшифровать?

Нет. Это последнее — вряд ли. Потому что я почувствовал бы. Если они проследили канал, то пришлось бы уже войти с ними в соприкосновение — на компьютерном уровне хотя бы. Такой объем информации, лично мною закодированный, — это уравнение с пребольшой кучей неизвестных в энной степени, и все под радикалом. Следовательно, им неизвестен и адресат. Потому что если бы они его вычислили, то не стали бы закрывать доступ. Они бы сцапали его, посадили в клетку, позволили моей копии войти в него — и уж тогда принялись бы за расшифровку, ключом к которой стало бы мое собственное тело, подверженное ощущению боли не меньше любого другого. Провели бы допрос с пристрастием. И, не исключено, что-нибудь бы да узнали. А им ведь только ухватиться за кончик нити...

Как и мне самому, впрочем.

Но они — пока — адресата не знают. А отправителя?

Вот это они вполне могли установить. Хотя бы потому, что Теллус от обмена информацией не защищен — и не был, и не будет, поскольку открытость — основа нормальной жизнедеятельности всех и всего. А мой Вратарь пусть и защищен — но, возможно, этот уровень безопасности ими уже преодолен. Кстати, и то, что есть, я сам приказал отключить. Не лучшее решение.

— Вратарь! Включить всю защиту — информационную. И от проникновения тоже. Выполняй!

Он выполнил. Но похоже было, что мы с ним чуть-чуть запоздали.

31. У Тазона снова проблемы

— Сегот, это прямо несчастье: не с кем работать! В самый, я бы сказал, ключевой, кульминационный момент — опять не хватает сырья!

— Доктор, но у нас ведь еще оставался в резерве этот... адмирал. Он же никем не учтен, и можно...

— Уже нельзя, ассистент, в том-то и беда. Отдел Спокойствия спохватился, и его изъяли из нашего запасника — у них к нему возникли какие-то вопросы, кажется, насчет каких-то сигналов извне, которые приходили на Улар, — предположительно в его адрес, потому что кто еще мог находиться на связи с федеральными органами? Не этот же сброд!

— Доктор, но на планету ежедневно прибывает множество...

— Неужели вы не понимаете, что нам — пока — медики ничего не дадут? До истечения карантина. И так уже сократили на целый день. О большем и заикаться не стоит! Мы ведь с вами, по сути дела, ведем свои исследования подпольно — и так продолжится до тех пор, пока мы не объявим официально об их успешных результатах; но для этого нужно обязательно поставить *experimentum crucis**, хотя по сути это будет лишь *experimentum in corpore vili***. Для подобного опыта вот-вот наступит прекрасное стечение обстоятельств; я это чувствую, и если мы в тот миг не сможем показать результат — то обстановка изменится и все наши труды пойдут псу под хвост, а то и еще подальше. Нам нужно несколько часов...

— Доктор, я вынужден признаться: без вашего ведома я договорился с приятелями из Первого отдела, и они позволили воспользоваться почти двумя десятками новоприбывших. Сейчас как раз происходит экстрагирование...

— Голубчик, это прекрасно, выражаю вам похвалу — но вы сами понимаете: этим мы сможем воспользоваться не раньше, чем через пять-шесть часов: технология... А мне нужно сейчас! Сию минуту! Хоть немного!

— Ну, хотите, кан Тазон, — я сам лягу под отбор...

— Да! То есть нет, разумеется. Вы мне нужны в наилучшей форме. Ваш порыв благороден, но неразумен. Однако, если у вас созрела тяга к самопожертвованию, то... знаете что: идите и отберите последнее у сумасшедшей старухи. Пусть сдыхает, все равно у нее нет иного пути. Как мы с вами уже убедились, это опасно, хотя она и не вооружена. Но уж коли вы в таком настроении...

Ассистент Сегот усмехнулся:

— Простите, доктор, но она, кажется, произвела на вас чересчур сильное впечатление.

— Чересчур?! Побывали бы вы на моем месте! А что до старухи...

— Знаете, у меня возникла мысль относительно пресловутых сигналов: а не к ней ли они идут? С вашего позволения, я побеседую с нею и на эту тему. Мне всегда хотелось утереть нос Отделу Спокойствия...

---

* Опыт, имеющий решающее значение (*лат.*).

** Опыт на малоценном организме (*лат.*).

— Оригинальный замысел. Ну что же, Сегот, если это окажется вам по силам...

— Вы столь низкого мнения обо мне?

— Не я, Сегот, мои больные места! На всякий случай наденьте что-нибудь этакое... предохраняющее.

— Я сделаю все так, как нужно, доктор.

— Искренне желаю вам удачи!

Ассистент Сегот спустился на этаж ниже. Им владели азарт и веселье. И в самом деле, дошли до ручки: бояться полумертвой старухи — этого только не хватало. Позор.

Он отпер дверь и толчком отворил ее.

Странно: ему показалось, что старухи нет в камере.

Он сделал шаг...

Лишь позже, придя в сознание, он понял, что то была элементарная подсечка — прием, не требующий особых сил, но лишь умения сделать нужное движение в нужный миг.

Падая, он ухитрился удариться головой о край стола. И, как говорится, вырубился.

И вообще — что-то произошло в его сознании. Хотя проявилось и не сразу. Правда, никто — даже доктор Тазон — этого не заметил. Но работать ассистент Сегот от этого хуже не стал. Все его усердие осталось при нем. А это, наверное, главное.

Ну не везло хроногенетикам с этой старухой. Кто бы мог подумать. Вот от каких нелепостей зависит иногда судьба научных открытий.

32. С дамой надо быть галантным

— Не дрейфь, лапочка, — проговорил Тон Чугар голосом, который ему самому показался добрым, даже ласковым. — Сиди спокойно, пальчики на стол, ножками не шевелить, звуков не издавать — и здоровье будет в полном порядке. К тебе лично претензий нет.

Он не сводил глаз с дамочки, глазевшей на монитор в тот миг, когда Тон ворвался из коридора, — она, похоже, даже испугаться как следует не успела («Замедленная реакция», — подумал он). Сидела с полуоткрытым ртом и медленно хлопала глазами. Слух же Чугара в эти мгновения был целиком настроен на коридор, откуда, пусть и сильно приглушенные, доносились шаги его приближавшихся преследователей.

Если прогалопируют дальше — все нормально, будем жить.

Но если у них есть какой-то прибор для отслеживания — а таких существует множество, — то сейчас начнут выламывать дверь. Ситуация хорошая и плохая. Хорошо то, что

налицо, по крайней мере, одна заложница. Плохо потому, что нет оружия. Или есть?

(Топ-топ-топ-топ-топ! Уже совсем рядом.)

— Где оружие, красавица? В столе? Где еще?

Медленное отрицательное движение головы с красивой прической. И веки снова: хлоп-хлоп.

Они — в коридоре — рядом. А из оружия, похоже, имеется только стул — при рукопашном бое вещь полезная, только и он занят хозяйкой комнаты. Ее тыловыми округлостями. И некогда больше...

— Ну-ка — двинь монитор ко мне. Мигом!

Странно, но она поняла. И — хотя руки подрагивали — выполнила команду.

Монитор — метательное оружие для ближнего боя. Ударно-осколочного действия. Ну-ка — товьсь!

Тон уже готов был вырвать фидер. Но потерял десятую долю секунды, чтобы повернуть экран к себе. Скорее инстинктивно, чем с какой-то целью.

И невольно вздрогнул, поскольку его взгляд уперся в чьи-то глаза; лицо их обладателя занимало сейчас чуть не весь экран.

Звук шагов в коридоре достиг высшей отметки. Сейчас — или никогда!

Ворвутся — или пробегут мимо, так следовало понимать этот внутренний возглас.

Нет. Не сейчас.

Шаги, нестройно частившие, прокатились мимо.

Отче наш, иже еси...

Лицо на экране тоже исчезло — мелькнул коротко стриженный затылок, и — фоном — еще что-то чиркнуло по краю кадра и пропало.

Что видим? Да коридор. Уже опустевшую его часть — как раз напротив двери, в которую он вломился.

А перед тем что наблюдали? Морду одного из стайеров, проскакавших мимо. Просто случайно глянувшую в объектив камеры. Блеск. А еще что? Нечто неодушевленное, длинное и узкое, промелькнувшее по горизонтали примерно на высоте пояса. Оружие? Вроде бы нет. Но к чему гадать? Стоп. А что мы слышим? Странный звучок. Не снаружи, здесь. Не металл. Не стекло. Нажим на какую-то кнопку? Сигнала тревоги, например?

Взгляд убедил: пальчики по-прежнему покоятся, подрагивая, на толстенном стекле стола. И ножки дамочкины тоже на старом месте, хотя и вибрируют довольно сильно. Стол ведь насквозь прозрачный — последняя мода. И...

Опять тот же звук.

Господи! Да это она икает от страха. И издрожалась уже до последнего! Право же, никогда Тон Чугар не думал,

что способен одним видом своим вызывать такой ужас. У женщин, во всяком случае.

Зато сам он почувствовал себя куда спокойнее, чем за две секунды до этого.

Он подошел к ней вплотную. Встал рядом, по ту сторону стола. Хотел было похлопать по плечу — для успокоения. Но вовремя понял: она, чего доброго, от прикосновения упадет в обморок. И чего она так боится? Вон как коленки стискивает — того и гляди они расплющатся от такого усилия. Ну, понятно: она подумала...

— Дама, придите в себя: насиловать вас я не буду — и в мыслях не было...

Тут же подумал: а вдруг она обидится такому пренебрежению? Ведь если разобраться, она по всем статьям пригожа... Жаль — разбираться некогда.

— Во всяком случае, без вашего согласия не стал бы.

Колени чуть расслабились. И послышался тихонький голосок, почти шепот, да еще с запинкой:

— Что... Чего вы хотите?

— Это уже разговор, — сказал он. — Что у вас тут за кухня?

— Это не... Просто дежурство по этому уровню. Я...

— Ясно. Просматриваете помещения? Вот этим?

И Тон Чугар вытянул палец, указывая на панель с клавиатурой на столе перед нею.

— Да...

— Кабинет прослушивается?

— Нет... не думаю.

— Тогда говорите громче! Сказано же: бояться вам нечего. Давайте работать! Быстро!

— Как... работать?

— Как всегда. Вы можете проследить за теми, кто бежал по коридору? Найти их? А потом — тех, кто шел тут перед ними? Вот и давайте.

Она кивнула. Пробежала пальцами по клавиатуре. На экране — Тон снова развернул монитор, чтобы обоим было видно, — промелькнуло несколько картинок. Такая же клетушка, человек за компьютером, влез в экран по уши. Мимо. Кусок коридора — пустой. Дальше. Каморка еще потеснее этой. Стол с какой-то, вроде бы медицинской, фигней. В углу...

— Стоп! Здесь остановитесь!

...В углу — съежившаяся фигура человека. Угол дальний, свет плохой, разобрать детали трудно. Только глаза посверкивают. Глаза?.. Глаза!

Так, значит. Эй, а там — дальше? Что там?

— Камера управляется? Тогда чуть правее... и ниже, ниже! Стоп! Вот так держите.

Еще одна фигура. Видно лучше. Лежит на полу. Скорчившаяся. Сейчас поймем... Слабые движения. Пытается

повернуться на бок. Удалось. Хорошо, личиком к объективу. Мужик. Без признаков жизни. Хотя, если вглядеться, — дышит. И обеими руками схватился за подбородок; наверное, так он лежал бы на ринге, получив хорошо проведенный крюк в челюсть. Забавная была бы картинка, если бы...

Додумать Тон Чугар не успел. Потому что на экране распахнулась дверь и в каморку ворвались сразу несколько человек. Окружили лежащего, на глазастую фигуру пока — ноль внимания. Что это они там?.. А, вот что они тащили с собой: носилки! В свернутом виде. Мог бы и сам догадаться. Глупеешь, земляк Тон Чугар!

С великим бережением подняли беднягу, уложили, даже пристегнули. Подхватили. И — в обратный путь, наверное. С экрана, во всяком случае, исчезли. Нет, один задержался в дверях. Что-то говорит тем глазам, что в углу...

— Милая, а прослушивать вы можете?

Это, конечно, здесь было сказано, в дежурке.

— Да.

— Так что же вы?!. — Остальные слова он вовремя проглотил.

— Вы не просили...

А он вообще не просил. Он приказывал. Распоряжался. Да ладно, с этими тонкодушными вообще говорить надо с опаской.

— Дайте звук, будьте любезны!

(Знай наших! И мы обращение понимаем!)

— ...бесполезно! Ни один квант никакого излучения за пределы атмосферы не выйдет! И не войдет! А жить вам, кстати, осталось не так уж много. И вот вам добрый совет: доживайте спокойно!

Чугар с напряжением ожидал ответа. Он хотел услышать голос.

Но из угла не донеслось ни звука. Похоже, говорившего то ли не восприняли вообще, то ли слишком его презирали. И он ушел наконец. Щелкнул замок.

— Красавица, что это было за помещение?

— Три... тридцать восьмая камера.

На этом же уровне, понятно.

— Просмотрите соседние. Быстро!

— Тридцать седьмая... Сороковая... Сорок первая...

Такие же чуланы. Только не по одному человеку. В тридцать седьмой — два. Два старца. Древнее не бывает. В сороковой — трое. Ископаемых. Хотя... Да. Хотя и невероятно, однако... В сорок первой — то же, только другая тройка. Вторая. Ладно. Достаточно.

— Теперь отвечайте быстро: ваша идент-карта годится, чтобы туда войти?

Она, похоже, колебалась. Осмелела?

— Я спросил... (Очень зловещим голосом.)

— Да... подходит.

— Давайте ее сюда! Быстро! Ну?!

Медленным, как бы связанным движением женщина вынула карточку из жакетного кармашка. Положила на стол. Он схватил. Оглядел. То, что нужно.

— Теперь я огорчу вас уходом, мадам. Но перед тем хочу предупредить: вы сидите тут до конца смены. Никому — ни слова, иначе пострадаете первой. Карточку обронили. Ее и в самом деле найдут в мусоре... к концу дня. Вы все поняли?

Только кивок.

— Не слышу!

— Да... поняла.

— Счастливо оставаться, милая!

Оглядеть коридор, переключив на него монитор. Пусто. Вырвать из обоих гнезд фидер. Сложив, сунуть в карман. Отсюда больше ничего увидеть нельзя. Дверь. Аккуратно затворить за собой. И — карточкой — запереть. Теперь самой даме оттуда не выбраться.

Где она там, тридцать восьмая камера?

Не так близко, как подумалось. Но вот и она наконец.

Карта сработала исправно. Фигура все там же — на полу, в уголке. Даже не посмотрела на вошедшего. Но если произнести несколько слов...

Тон Чугар произнес их:

— Бабуля, чем могу помочь?

На него посмотрели. И он услышал:

— Надо делать ноги отсюда, дедуля. Иначе они меня прикончат.

Тут и он сказал еще слово-другое. Крепенькое. Не в ее адрес, конечно, а просто для облегчения души. Услыхав бодрые выражения, лежавшая с трудом поднялась, распрямилась. Старуха. Старая-престарая. Нельзя ее брать с собой: с нею далеко не уйти. Но... И оставить тоже никак нельзя.

— Идемте, — сказала она, словно командовала им.

Он, внутренне удивившись, все же повиновался без слов.

Вышли. Она с трудом, но все же передвигала ноги. Тон запер камеру. И повел пленницу в том направлении, которое показалось ему правильным. Он не ошибся. Вот лифты. Они не работают, помнил он. Но для своего-то персонала есть, наверное, хоть один?

Этим одним оказался шестой. Чугар вызвал его все той же карточкой. Вошли. И он нажал самую верхнюю кнопку.

33. Вот и день прошел

На ужин монтажная команда номер четыре возвращалась медленно; не потому, что не хотелось есть, голод-то ощущался, но, похоже, все силы до последней капли остались

там — в «ХТ Метаморф-2» — так официально называлось место их работы. Хотя, как ни называй, все равно понять что-либо было не то что трудно, но просто невозможно.

Именно так, во всяком случае, думал Пат Пахтор, вместе со всеми новыми сотоварищами бредя к строению, которое все они уже стали называть своим домом — хотя бы потому, что другого просто не было, а жить совсем без дома человеку нельзя. Но думал он не только об этом; главным среди тяжело ворочавшихся в голове мыслей и ощущений оказалось великое удивление, которое, как ни старайся, все никак не желало утихомириться.

Удивляло все. И прежде прочего — сам рабочий день. Пат не впервые работал на монтаже — и попроще, и посложнее. И достаточно хорошо представлял себе, что к чему: вот тебе количество работающих, вот — уровень механизации, вот — степень сложности, вот — организация процесса и, наконец, вот — затраченное время. И, как производное всего этого, — результат.

Выход, как говорится, готовой продукции.

Человеку, обладающему подобным опытом, не составляло большого труда мысленно выразить в цифрах все характеристики сегодняшнего, первого для этой команды рабочего дня. Заранее было ясно, что результат будет меньше того, какой могла бы дать хорошо слаженная бригада. Люди впервые стали работать вместе, у некоторых (это сразу почувствовалось) не хватало, а скорее — просто не было опыта монтажа конструкций такого масштаба, так что потери обычно возникали на каждом шагу: неверно прочитал схему, не так подошел, не так подал и наложил, приходится повторить действие сначала — ну, и все такое. Плюс еще невозможность не отвлекаться: слишком уж странным казалось все, что привелось здесь увидеть, и оглядка, а то и просто глазение широко распахнутыми очами было просто необходимым, потому что в рабочем пространстве человек должен чувствовать себя привычно спокойно. Ну, не так, как у себя дома, но как, скажем, в вагоне поезда: я в этом вагоне впервые в жизни, но заранее знаю — где, что и как, почему и зачем. Начальство, конечно, понимало, что без потерь не обойтись. Так что Пат Пахтор, с самого начала на глазок прикинув, был убежден, что сделают они от силы — ну, если ноль целых шесть десятых положенного, то это будет большой удачей и десятнику останется только потирать руки от удовольствия.

Это Пат так решил в самом начале. А потом произошло странное: работа так закрутилась и завертелась, что пропало всякое ощущение времени, а возникло что-то совершенно другое: похожее на чувство полета. Хмельное такое состояние, как в лихой пляске, когда ноги делают выкрутасы и у тех, кто в жизни никогда не танцевал даже что-нибудь медленное и простенькое. Типа «Шаг вперед и два назад».

Закрутило их так, что вот сейчас, медленно ступая, даже чуть подволакивая ноги, Пат Пахтор пытался и никак не

мог вспомнить: что же, собственно, они делали и в какой последовательности. И что же, черт бы взял, они монтировали? Что это такое было? Чем это *не* было, он сказал бы запросто — если бы оказался сейчас в состоянии вспомнить хотя бы — как это выглядело. Не успел запомнить? Или просто вылетело из головы?

И это при всем том, что вообще-то сегодня он, едва успев проснуться, почувствовал себя так хорошо, так собранно, как ему очень давно уже не доводилось. И главное — как раз память вроде бы прояснела, стали вдруг вспоминаться какие-то дела, то ли с ним, то ли не с ним и неведомо когда происходившие. Так или иначе, вплоть до сигнала к работе, все отложилось в голове, до последней мелочи. А вот остальное — туман туманом. Как с большого бодуна.

«Хотя, — думал Пат лениво, — все это, скорее всего, от усталости. И от голода. Выложились-то серьезно.

И все равно, — понимал он, даже не стараясь одеть мысль эту в какие-то слова, — все равно, сделали мы ну пусть не в десять раз больше, чем можно было предполагать даже и по самому большому счету; не в десять, но уж раз в пять-шесть — зуб даю. Такое сотворить (подтверждали мелькавшие в памяти картинки, беглые и сумбурные, как клипы) можно было хорошо если за нормальную рабочую неделю. А день на дворе все тот же — словно бы мы на работе совсем мало времени провели: часа полтора-два, всего-то. Непонятно.

Ну ничего, — успокаивал Пат сам себя, поудобнее усаживаясь за стол и проверяя ложку-вилку на чистоту, — вот поем досыта, передохну — тогда и думать станет легче. А то ведь что-то в голове свербит — навязчиво, как, скажем, муха летает, — вот жужжит здесь, вот — там, не выгнать и не поймать, потому что лень от усталости, но и не слышать никак не получается. Жужжит.

Интересно: а зачем мне вообще об этом думать? Голову ломать? Вон ребята, отвалившись от тарелок, уже куда-то намылились...»

— Эй, Пат! Уснешь за столом! Пошли с нами.

— Куда это?

— Да так просто — осмотреться, первый день же. Может, встретим земляков, а может, с кем-нибудь и познакомимся, тут ведь не одни мужики живут, вон и на кухне — поварихи, я сам видел. Пошли!

Пат чуть-чуть подумал:

— В другой раз, ребята. Что-то приустал.

— А мы — нет, что ли? Вот и хотим взбодриться. Ну, дело твое.

Ушли — медленно, враскачку. Да, всем досталось сегодня. Может, и правда нужно было с ними пойти размяться?

Пат тоже поднялся, упираясь ладонями в столешницу. Подумал, усмехнувшись: ребята, если вам поварихи и встре-

тятся, то толку им от вас нынче будет немного. Это вам только кажется сейчас, что вы такие бодрые. А на деле...

«Ложиться надо побыстрее. Костюм аккуратно повесить: вещь дорогая, и вряд ли тебе так просто выдадут новый, если с этим что случится. А без него много не наработаешь. Вообще ничего.

(Ну-ка, попрохладнее сделаем: натрескался так, что жарко стало от еды.)

Как же это время прошло?

Так. Значит, сперва объяснили, как в костюмах ловчее работать, для чего какой пульт и какое приспособление. Ну да, особо предупреждали следить за герметичностью: не дай бог если щелка или порвется материал — хотя рваться он не должен, но ведь не так уж редко бывает то, чего быть не должно. А кто-то из наших спросил: а зачем такая строгость — не в воде ведь работать и не в заатмосфере? Может, в агрессивной среде? Ответили: нет, среда будет как раз неагрессивная, но и не воздух, каким дышим: все здание герметично, и внутри, за тамбурами, гелий под небольшим давлением — чтобы никакой случайной химии там происходить не могло. Так что в случае чего из костюма воздух попрет наружу. Не смертельно, конечно, поскольку запас дыхания в костюме — на полный день, так что не задохнешься; однако же придется тебя эвакуировать, значит — прерывать процесс, проводить через тамбуры, хорошо, если ты от них недалеко. А если в другом конце как раз, а зал в длину триста пятьдесят метров? Ну, и всем стало ясно, зачем герметизация».

Пат улегся, устроился удобно. Спать пора. Вставать не поздно придется.

Только как тут уснешь, если память вдруг стала набирать обороты? Чуть ли не в разнос пошла.

«Ну а толку что? Сейчас я все-все вспомню — а потом, один черт, усну, а проснувшись — вспомню ли еще? Может, и вспомню, но скорее — нет».

— Эй, — Пат окликнул Пахтора, самого себя то есть. — Ну а мик-то тебе зачем в голову ввинчен? Вот ты вспоминай, а он пусть пишет. Даже если уснешь, не дослушав, — у него связь останется, и будет он с памятью работать автономно. Усек?

Усек. И тут сон набросился на Пата, словно из засады. И не встретил никакого сопротивления.

34. В доме Ра принимают гостей

Да, мы с Вратарем промедлили. Непростительно. И, похоже, нам этого действительно не простят. Поделом. Нельзя так расслабляться, тем более что ты сейчас по-прежнему не более чем комбинация (пусть и весьма непростая) слаботочных импульсов, и, пока Ворота не отключены от сети, никакой

надобности в расслаблении или другой форме отдыха не существует. Ладно, сейчас некогда проводить разбор ошибок. Прежде всего — войти в создавшуюся ситуацию, затем — овладеть ею... или, во всяком случае, совершить такую попытку.

— Вратарь, что там? Кто?

Может ведь быть, что это кто-то из своих. Скажем, Иванос таким способом откликнулся на мою попытку достучаться до него и нашел время явиться лично или прислать кого-то из ребят Службы...

— Четверо, хозяин.

— Можешь опознать хоть одного?

— Ни один не фиксирован нигде и никогда. Чужие.

Похоже, на Иваноса я понадеялся зря.

— Как эти люди сюда попали? Как могли пройти?

Если бы у Вратаря были плечи, он сейчас наверняка пожал бы ими.

— Нет информации. Не через меня. Стали видны только здесь.

Это уже интересно. Не через входную дверь и тамбур. Через одно из окон? Маловероятно: все окна подстрахованы, и об исправности этой системы мы с Лючаной, оказавшись дома, позаботились прежде всего. Тогда — как же?

Вывод можно было сделать только один, даже не загружая мое нынешнее обиталище лишней работой. Они вошли так, как выходил некогда я: через мой специализированный мусоропровод и кухню. Там подстраховки от проникновения не было. Потому что вроде бы только мы двое об этом ходе и знали. Если не считать, конечно, людей, которые этот лаз оборудовали. Но их ведь еще надо найти! Хотя, если только они живы, для серьезных спецов тут проблемы нет.

— Вратарь, чем они вооружены? Стой. Не надо. Подключи меня к камерам.

Видеть своими глазами (пусть даже они, как таковые, в данный момент находятся очень далеко отсюда) — ну, пусть камерами — куда лучше, чем выслушивать доклады Вратаря, у которого словарь вообще-то достаточно ограничен.

— Хозяин, но тогда я сам не смогу... у нас только один канал настроен. И мне запрещено...

— Запретил я, не кто-нибудь, и сам я запрет отменяю. Выполняй!

— Да, хозяин...

Весь этот диалог протекал доли мгновения: внутрикомпьютерное общение, без посредства такого тормозящего устройства, как человек с его инертной, неповоротливой нервно-мышечной системой, протекает в наносекунды.

Так. Что же за безобразие мы тут имеем?

Действительно четверо. Вратарю — пятерка по арифметике.

Хотя на первый взгляд может показаться, что тут на самом деле один человек и три его фантома, неплохо изготовленные копии: настолько они выглядят похожими друг на друга. Но вглядевшись — понимаешь, что это все-таки четыре разных индивида. Правда, сходства между ними действительно много: рост, наверное и вес, телосложение (весьма завидное), одежда (не отражающие света оперативные комбинезоны с масками — видны лишь глаза за очками и губы со связной мушкой в самом их уголке) — и, конечно, арсенал.

Он и на самом деле серьезен: кроме дистанта и сериала, каждый имеет при себе — кухонная камера показывает это исправно и совершенно бесстрастно — два десантных кинжала на поясе, третий — пристегнут к левой голени, четвертый — за спиной. На левом бедре — глубокий инструментальный карман, набитый под завязку. А на правом боку — немалого объема сумка из того же светопоглощающего материала. На сумке еще пара карманчиков. Задачка для малолетних: что находится в этой торбе и ее карманах? Взрослый ответ: в сумке — взрывчатка, в кармашках — детонаторы, тщательно упакованные. Ответ правилен, молодец. Но не полон. Потому что взрывчатка лишь у троих, у четвертого же сумка хоть немного, но не такая: это — приборная сумка, мальчик, пора бы знать. Вот если бы ты ответил так — было бы честных пять с плюсом.

Ясно почти все: и — зачем пришли, и — чем занялись сейчас, беспрепятственно проникнув за мои крепостные валы. Кто их послал — тоже не вызывает сомнений. Там, на Уларе, а может, и где-нибудь в другом месте, удалось, оседлав мой канал, установить источник передачи. С классной, надо признать, точностью. Видимо, работа этого канала вызвала у них беспокойство даже более сильное, чем я предполагал. И они вполне разумно решили: чем каждый раз перекрывать канал, изолируя всю планету, намного лучше, проще и дешевле уничтожить источник раз и навсегда. Решив же — стали действовать по принципу: сказано — сделано.

Ну, пока, правда, еще не сделано...

А кстати: чем это я им показался столь опасным? До такой степени, что уже сам факт передачи по моему каналу на Улар, с неизвестным содержанием, вызвал у них такую — можно даже сказать «паническую», и уж во всяком случае — нервозную реакцию?

При моем нынешнем быстродействии я мог бы, наверное, просчитать и эту проблему. Но не хотелось отвлекаться от реальности. Будь я сейчас в моем теле, я бы, пожалуй, просто захлебывался от избытка адреналина и настраивался бы на немедленные и крутые действия. Но не было ни тела, ни адреналина, и потому налицо были спокойствие и интерес.

Хотя совершенно ясно было: им сейчас разделаться со мной куда легче, чем если бы я противостоял им при своем нормальном организме и оружии.

Ладно. Вернемся к нашим — не баранам, назовем их шакалами, хотя реальные шакалы не бродят стаями, они — одиночки. Долго ли еще эти двуногие собираются сканировать кухню? Спросили бы у меня — я сказал бы, что там им искать нечего.

Чего я не сказал бы — это того, где же находится то, что им в конечном итоге понадобится, чтобы считать свою задачу выполненной. Но этого делать я не стану. Пусть еще потрудятся в поте лица и всего прочего.

Их, похоже, такая перспектива не пугает. Мне видно, как по всем правилам, с забеганием и готовым к бою оружием, они убеждаются, что в коридоре никого нет... в спальне... кабинетогостиностоловой нет... в ванной и прочих бытовых помещениях нет... и в прихожей, куда они входят не как это обычно делается, а изнутри, тоже никого нет. Убедившись в том, что входная дверь заперта (вот запоры мы с Лючаной успели поставить совершенно новые, так что желающие найдут, что взломать), они собираются кучкой в моем кабинете — вероятно, чтобы осмыслить обстановку. Похоже, они рассчитывали, что я сижу тут и поджидаю их. Это хорошо: если они считают, что я здесь, значит, уверены, что на Уларе я ни в коем случае не присутствую.

К сожалению, в этом они правы.

Сейчас им предстоит решить, как поступать дальше. Вероятнее всего, они примут такой план: сперва — найти доказательства того, что я действительно тут — если и не дома, то на планете и даже в городе. Что я просто отлучился — за минуту или за час до их прибытия — и, значит, вскоре вернусь.

Так и есть: осматривают все весьма тщательно, едва ли не обнюхивают. Снова вернулись на кухню. Интересуются грязной посудой (ее нет) и содержимым холодильника, каждой банкой, склянкой, кастрюлькой. Мусорным пакетом, еще недостаточно созревшим для эвакуации: в мусоропровод принято сбрасывать упакованный товар, а не россыпью. Я понимаю: найденное позволяет сделать различные выводы. Так это, похоже, и происходит. Но...

— Вратарь! Почему ты до сих пор не подключил меня к акустике?

— Потому что ты не приказывал. И в кухне микрофон не работает. Тебе полагалось заменить его. На исправный.

— Логика! Убийственная компьютерная логика. Включи мне все остальные. Что-нибудь да услышу.

— Выполняю, хозяин.

Теперь я воспринимаю и речь. Что они там?.. Я слышу их благодаря коридорной установке. Разговаривают негромко, и какие-то слова выпадают. Господи, почему я не сменил всю домашнюю акустику, когда можно было совершенно спокойно сделать это? Головотяп. Впрочем — до уракары на это не было денег, а после нее — времени. И никто не виноват. Да, итак?

— ...Засаду и взять его теплым.

— А зачем (неразборчиво)... Компьютер-то у него должен быть. Найдем. И допросим. Компьютеры говорливы — если найти общий язык. А мы найдем его в два счета...

Это я слышу, а вижу — как мужик с приборной сумкой легко прикасается к ней. Быстро-быстро пошевелив пальцами, отпирает замок, откидывает крышку.

— Где же он тут прячется, любезный?

Как мужик это произнес! Ласково-пренебрежительно-уверенно! Таким тоном обращаются к заведомо слабейшему, к обреченному.

Он внимательно сканирует кабинет. Сперва просто взглядом. Но искомый предмет — компьютер, а для меня — Вратарь, ему на глаза не попадается. Ничего удивительного: не для того он поставлен, чтобы каждый и всякий на него пялился.

— Прячется, — констатирует деятель с прибором. — Зря это он, зря...

Вслед за этим упреком тип переходит к действиям. Открывается один из кармашков сумки, из него извлекается небольшая — меньше ладони — округлая коробочка, вроде дистанционного пульта. Владелец прибора нажимает две кнопки на нем и держит его на ладони перед собой, как если бы это был компас и требовалось взять азимут. Медленно ведет перед собою на уровне груди. Поворачивается и сам. Замкнув окружность и ничего не обнаружив — произносит пару слов, обычных в такой ситуации. Меняет угол наклона: сейчас будет шарить на уровне колен. Потом задерет повыше — градусов на тридцать от горизонтали. А еще потом — на все шестьдесят. Доберется до потолка. Давай, паренек! Пляши, Еремей, не жалей лаптей! Боюсь только, что вся эта твоя гимнастика ни к чему. Скажи, а тебя разве не учили тому, что укрывать вещь надо там, где ее искать не станут? Нет? Выходит, ты и не профессионал вовсе? Или — спец по совсем другим делам?

Завершив свои фуэте, искатель на пару минут застывает в раздумьях. Это — бездна времени для нас с Вратарем. И я успеваю без всякой спешки распорядиться:

— Вратарь! Первое: переходи на резервное питание. Сразу! Второе: прекрати все активные действия. Только пассивные. Все камеры — стоп и обесточить. Буду смотреть сам. Третье: в секретере, где пульт ВВ-связи, включи активную защиту в режим-три. И передай управление в мою схему.

Вратарь, как и обычно, не выразил никаких сомнений. Я бы на его месте — хотя нет, не знаю, что бы я сделал на его месте, если бы у меня отбирали мои исконные права и обязанности. То же, что и он, наверное:

— Выполняю, хозяин.

Вовремя, и даже с хорошим опережением. Потому что прошло еще не менее минуты, пока четверка вторжения не

выстроила, наконец, приемлемый план действий. Хотя что там было думать — не понимаю.

— Второй!.. (Гляди-ка, они обращаются друг к другу по номерам! Уделаться, какой уровень конспирации! А может, просто забыли, как кого зовут?) Протестируй всю инсталляцию — от самого ввода. И фиксируй потребление. Куда идет максимальная мощность — там он и обнаружится.

Пример того, как из правильных предпосылок делаются ошибочные выводы. Хотя — ничего удивительного: они же думают, что имеют дело с обычным компьютером, пусть даже очень мощным. Но мы-то можем в продолжение шести часов работать на энергии, получаемой непосредственно из космоса — не от Солнца даже. А чтобы отследить этот путь, они мелко плавают — да и те, кто их послал, тоже. Потому что это уже даже не физика. Может, я и попытался бы объяснить это тем беднягам, что расползлись сейчас по моим комнатам, как неистребимые даже в нашу эпоху тараканы. Но мне не нравится, как этот их предводитель разговаривает. Ну к чему изрекать «инсталляция», «фиксируй», «максимально», если все это можно выразить нашими природными словами? Нет, не стану я их предупреждать. Раз такие умные — пусть и разбираются сами.

— Первый! Вот он где — потребитель!..

Эк он возликовал, двоечник! А указывает, как от него и требовалось, на антикварный секретер — тот самый, глубоко в недрах которого таится моя ВВ-связь. Нелегальная, но по-прежнему исправно действующая и только на Улар сегодня не сумевшая пробиться.

— Ага!

Похоже, первый с трудом удержался от того, чтобы пуститься в победный танец. Во всяком случае, именно такими — пританцовывающими — шагами приблизился он к обнаруженному наконец (как он полагал) объекту поисков.

Внимательно осмотрел замок. Хмыкнул:

— Я думал, тут будет что-нибудь похитрее...

Ничего. Не волнуйся: хитрости последуют. Они уже на пороге.

— Вратарь! Скопируй меня. Сразу!

Это «Сразу!» для него — сигнал высшей срочности. Как американское «Now!».

— Выполняю!

Нет, это просто показалось, что в ответе прозвучало какое-то чуть ли не чувство.

— Если решат воспользоваться ВВ — пиши все до последней точки.

Незваные гости все еще возятся с замочком. Не так уж он прост, как кажется с первого взгляда, да к тому же они опасаются сюрпризов и потому действуют очень осторожно, перед каждым движением взвешивая все «за» и «против». Молодцы. Хвалю. Потому что сюрпризы там, разумеется, действительно

есть; но сейчас мне нужно, чтобы они добрались до ВВ беспрепятственно.

Ну, наконец-то они открыли секретер. Интересно: а до самой аппаратуры они доберутся быстро? И каким способом? Станут ломать все подряд, пока не обнаружат? Или...

Или. Не такие уж они серые. Понимают, что если установка под током, то ее увидит даже простейший телетестер. Смотри-ка: уже пустили его в ход. Да, им бы поучиться еще лет с десяток — могли бы получиться не самые худшие в мире поисковики. Может, и получатся еще — если только...

Ага. Где аппаратура, им теперь ясно. Но они явно хотят потрогать ее пальчиками. Пока им ведь неизвестно — что там. Достаточно мощный потребитель энергии — и все. Они думают, что там и находится компьютер. Холодно, холодно! Но я рассчитываю, что и ВВ-станция их заинтересует, и, в частности, ее архив, где записано все принятое и переданное за последние дни. Во всяком случае, так они будут считать: вряд ли им придет на ум, что все, что они там обнаружат, сочинено и отредактировано лично мною (не стану скромничать), а то, что принималось и передавалось на самом деле, переписано совсем в другую память, а из ВВ начисто стерто. Так. Каким же способом они проложат себе путь к цели? Серым веществом — или просто фомкой? Во всяком случае, надеюсь, что обойдутся без взрывчатки. Ее применение сильно нарушило бы мои расчеты.

Нет, взрывчатка, похоже, пока осталась невостребованной. Вот так раз: они, оказывается, и думать умеют — пусть и в редких случаях. Иначе на свет не появился бы извлеченный из очередного кармашка искатель запахов. Судя по виду — из последних моделей. И, кажется, на его клавиатуре набирается код. Не иначе, как моя личная формула запаха. Где они ее выцарапали? Она имеется лишь в трех, от силы в четырех местах. Так или иначе — они эту формулу имеют. Все, набрали. Включили поиск. Теперь все будет разыгрываться как по нотам.

Прибор сработал на совесть. И привел их глаза, а затем и пальцы к нужному старинному тому из хранившейся в секретере коллекции. Книгу раскрыли. И стали листать. Не по страничке, конечно: том объемистый, а они не хотят задерживаться. Распахнули на середине. Определили, в какой половине источник запаха. Раскрыли на середине эту половину. И так далее. Искали менее трех минут; хватка, достойная поощрения.

Они его и получают: бесшумно срабатывает механизм — и мой блок всплывает из глубины этаким осовремененным городком Китежем — действующей моделью.

Они — в озадаченном восторге.

Восторг — от того, безусловно, что им удалось в конце концов обнаружить хоть что-то. А озадаченность по той причине, что обнаружено, как говорится, — типичное не то.

То есть с одной стороны — задача не решена. С другой же — и веревочка, в данном случае — мощный блок ВВ-связи, в хозяйстве, как известно, пригодится. И даже сию же минуту!

Ох. А я уже было испугался, что они не сообразят.

Сообразили. Но, конечно, в первую очередь занялись, как я и думал, архивом. Запустили просмотр, это у меня все стандартное. И уж вовсе пришли в восторг, обнаружив, что и криптограф, которому тут и положено быть, находится в полном порядке и, значит, в их руках оказались все коды, которыми найденные ими тексты, скорее всего, и зашифрованы. Это им так понравилось, что я стал даже тревожиться: уж не собираются ли они тут же, на месте, приниматься за дешифровку? Предположение обоснованное: ведь в моих передачах могло найтись и указание, где именно меня сейчас следует искать, раз уж дома я не обнаружен.

Правда, способ помешать им у меня есть. Так что пусть себе развлекаются. Но только после того, как сделают то, чего я от них ожидаю и ради чего, собственно, и выдал им такую ценность, как ВВ-блок.

А они уже совсем было разогнались. Но тут одному из них — по-моему, номеру четвертому (люди, обладающие какой-то тайной функцией, любят играть последних номеров, чтобы не светиться зря) — пришла в голову такая вот мысль:

— Первый, минутку внимания. А ты уверен, что у нас есть право заглядывать в эти тексты? Насколько помню, в задании такой статьи не заключалось.

Браво, парень, браво!

— Но, однако же, там может быть что-то важное, срочное...

— Так я же не против! Но перед тем как это делать, я запросил бы мнение начальства.

— Придумал! Где же я тебе возьму сейчас наше начальство?

— А эта штука зачем?

И кивок подбородком в направлении ВВ-блока.

— Код проникновения ведь у нас есть?

Какой все-таки молодец этот четвертый!

— Думаешь?..

— По-моему, это просто необходимо!

— Ну, что же... Если только эта штука работает.

— Кто тебе мешает проверить?

Но они все-таки сначала постарались убедиться в том, что включение аппаратуры ни к чему плохому не приведет, она не заминирована и не связана ни с каким сигналом тревоги.

Я подумал: ребята, все-таки жизнь вас до сих пор плохо учила. Вы даже не задумались над тем, что одно везение, второе, третье подряд — просто так не бывает. А плюс на минус меняется мгновенно и неожиданно. Так что чем больше везений, тем осторожнее надо ими пользоваться, а может, лучше вовремя отойти в сторонку. Но им это даже в голову не пришло.

— Вызываю Улар! — предупредил первый, устроившись поудобнее. — Ввожу код проникновения...

— Вратарь, пиши!

— Уже записано, хозяин.

— Мою копию — в оперативную память ВВ!

— Пошла... есть.

— Центр связи Хи-Тэ-Эс слушает!

Прекрасная слышимость.

— Вратарь, копию по ВВ-связи — на Улар! Срочно!

И тут вдруг:

— Хозяин, копия не проходит!

Вот собаки! Что они там придумали?

Но думать некогда — даже при нашем быстродействии.

— Загружай меня самого! А с этими — как в программе.

Не знаю уж — может, Вратарь и вздохнул бы, будь у него чем. Но отрапортовал он с задержкой в наносекунду:

— Выполняю, хозяин.

Что произойдет с этими четырьмя, первый из которых еще только разевает рот, чтобы заговорить с Уларом, мне известно заранее. Сейчас (по команде Вратаря) с достаточно громким звяком отопрется запор входной двери. Четверо услышат: кто-то вошел! Кто это может быть, кроме хозяина дома? Слышно, как отпирается второй замок. Секунда — и в дом войдет тот, кого им и нужно, очень нужно встретить...

И все четверо, подхватив оружие, кинутся в прихожую — чтобы не дать входящему времени опомниться, ошеломить его, схватить сразу, пока тот еще не успеет сообразить, что тут происходит. Вырубить хорошим ударом...

Дверь еще не успеет распахнуться, как все они окажутся на месте.

А Вратарь включит иглометы.

Всего вам, мужички. Есть у вас мелочь, чтобы заплатить Харону?

Вот судьба-индейка: возвращаясь домой, каждый раз находить там трупы. Сколько их было в тот раз? Тоже четверо? Уже не помню.

Хотя — домой надо еще вернуться. А чтобы вернуться, требуется его покинуть. В виде миллиардов электрических импульсов. По ВВ-связи. Прямо на Улар. Потому что другого способа попасть туда не нашлось. А оказаться там нужно во что бы то ни стало.

Конечно, мало ли что бывает с ВВ-связью. Но код проникновения позволяет надеяться, что уж на Уларе-то я окажусь. А дальше — будем действовать по обстановке.

— Хозяин, запускаю!

Я не успел даже сказать «спасибо». И заструился.

— Стой! Тсс!..

Старуха встретила внезапную команду с явным облегчением: передвигалась она с трудом, хотя старалась дышать потише (значит, достаточно хорошо понимала обстановку). Но все равно получалось громко, и Тон Чугар, выглянув осторожно из коридора первого, верхнего уровня, куда лифт их исправно доставил, и увидев в обширном холле все тех же охранников, что сидели и стояли тут, когда группу тогда еще вовсе не старых людей впустили и повели к лестнице, несколько обеспокоился. Настолько, что проговорил вслух, пусть и очень негромко:

— Тут не пройдем — с голыми-то руками.

И даже обернулся к старухе, словно ожидая от нее то ли согласия, то ли возражений вроде: «А если попробовать вон с того края?..» Может быть, он на подобное возражение даже надеялся. Но напрасно: старуха только кивнула.

Тон секунду помолчал — в поисках лучшего варианта. Нашел или нет — но тут, во всяком случае, делать им было нечего.

— Пошли назад!

Старуха только вздохнула — опять-таки без единого слова.

Повернули.

Но недаром говорится: прежде чем войти куда-нибудь, хорошо подумай: а как ты будешь оттуда выходить?

И вот здесь так получилось: когда выходили из лифта — никого не было вокруг; а сейчас, когда возвращались, около него вдруг оказался еще один из охраны. Принесла его нелегкая.

Тот, правда, в первый миг растерялся даже больше, чем беглецы. Но, надо отдать ему должное, все же не забыл выкрикнуть доведенное, пожалуй, до автоматизма:

— Кто такие? Стоять! Руки на затылок!

И сразу же потянулся правой рукой за спину, потому что дистант его был за спину закинут: здесь не ожидалось такой ситуации.

Все сделал охранник правильно. Но не успел закончить начатого движения. У Тона Чугара оказалась завидная реакция. Словно у чемпиона на ринге.

Рука охранника дернулась было обратно — выставить защиту, — но опоздала. И можно стало открывать счет — если бы тут оказался рефери.

Старуха пробормотала:

— Оружие не берите... Мало ли что: упал случайно, вряд ли вспомнит...

На что Тон ответил:

— Таких подарков я никому не делаю.

И начал высвобождать дистант из-под лежавшего. Но послышались шаги. Еще один? Начинать тут бой? Не лучшая позиция: все снизу на первый же выстрел кинутся сюда.

Створки лифта сошлись за миг до того, как приближавшийся показался из коридора.

Старуха нажала кнопку не глядя — в самом низу.

Однако Чугар тут же поправил ее, нажав другую.

— Куда вы хотите?..

— Есть один планчик, — ответил Тон, переводя дыхание.

Похоже было, что у него и в самом деле возник определенный план, а это возможно лишь тогда, когда привязываешь его к уже известной обстановке. Так что ничего удивительного не было в том, что вернулся беглый иммигрант к той самой двери, за которой уже нашел укрытие совсем недавно.

Снова пригодилась отобранная у дамы карточка. Запоры послушно разомкнулись. Тон взглянул в открывшуюся дежурку. Потом кивнул старухе:

— Заходи. Быстро!

«Быстро» было сказано для порядка. Возможности своей спутницы Тон уже успел оценить. Пришлось даже сзади чуть поднажать на старухину спину — без помощи она перемещалась не быстрее, чем плывет облако при полном штиле. Вошел сам, затворил дверь, снова привел в действие все замки. И только после этого уделил взгляд хозяйке помещения. Впечатление было таким, как будто она за время отсутствия Тона не сделала ни единого движения; все так же сидела за столом, упираясь глазами в противоположную стену, но не на дверь, а повыше. Но вошедшего это, кажется, нимало не удивило.

— Садитесь, тут пока спокойно, — повернулся он к старухе.

Она, не колеблясь, направилась в единственный угол помещения, ничем не занятый. Опустилась на пол, поджав, как было и в камере, ноги. И замерла. Дыхание ее становилось все тише.

— Ты, мадам! Встань. Иди, сядь рядом с нею. Да-да, на пол. Ничего, у вас тут чисто.

Можно было бы подумать, что дежурная не услышала его слов — если бы она не выполнила — хотя и медленно, словно во сне, — всего, Тоном сказанного.

— Хорошо. Теперь отвечай. Отсюда можно послать сообщение?

После небольшой паузы — как бы с усилием:

— Мож...но. Через узел — даль...ше.

— Какой код узла?

— Хи-тэ-дельта. Внутренний.

— А внешний?

— Хи-тэ-гамма.

— Спасибо.

На последнее она никак не отозвалась. Все так же смотрела вперед и вверх, редко моргая, — смотрела в одну точку, которой там вовсе и не было.

Тон Чугар снова повернулся к компьютеру. Опустив подбородок на ладони и поставив локти на стол, задумался. Может быть, потому, что недоставало в его опыте общения с таким инструментом?

Могло и так быть, конечно. Когда он начал все-таки работать, пальцы Тона передвигались по клавишам медленно, неуверенно. Но, кажется, все же безошибочно. Судя по тому, что картинки на мониторе менялись, подчиняясь какой-то логике. Хотя, может быть, на первый взгляд и хаотично. Но лишь на первый взгляд. На самом же деле то, что извлекал Тон Чугар из загруженного меню, нанизывалось на одну нитку. Надо было только ее увидеть.

Он пренебрег просмотром помещений этого корпуса, — возможно, они его не интересовали или же он оставил это на потом. В первую очередь Тон загрузил общий вид места, где они находились, — со всеми корпусами и коммуникациями; дававшая этот план камера находилась, надо полагать, на какой-то мачте или вышке, допускавшей возможность такого обзора.

— Мадам! Отвечайте: эта камера управляется?

Ответ — не сразу, словно она только что проснулась. Чугар от нетерпения даже хлопнул ладонью по столу.

— Через... узел.

Он пробормотал под нос нечто — вряд ли то были слова удовлетворения. Можно было ожидать, что он попытается сразу же соединиться с узлом. Но он предпочел другой вариант.

На сей раз картинка представляла собой внутренность обширного, явно нежилого помещения, в котором десятки людей, находившихся и работающих там, казались до смешного маленькими и неповоротливыми. Камера, помещавшаяся в этом корпусе, не оставалась неподвижной, но медленно панорамировала, совершая полный круг за семь с небольшим минут; при этом постоянно работал и трансфокатор, то переходя на общий план, то приближая какие-то детали почти вплотную. Когда на мониторе крупным планом возник приборный щит, Тон Чугар невольно подался всем телом вперед, чтобы получше рассмотреть медленно проплывающие перед глазами шкалы, на которых видны были показатели каких-то процессов.

Разглядев, он сперва кивнул головой, потом слегка покачал ею, как бы от удивления. Корпус, который только что удалось просмотреть (камера пошла уже на новый круг), представлял собой, судя по градуировке приборов, какой-то энергетический центр, но не по производству энергии, а скорее по ее сохранению и расходованию. Если и были где-то генераторы или иные источники электричества, то они находились в другом месте. А удивили Тона замеченные им на шкалах цифры: количество сберегаемой энергии удовлетворило бы потребности мира, куда более развитого и гуще населенного. Уже одно это заставляло искать дальше. И прежде всего — где и каким способом

вырабатывалось то, что здесь накапливалось, сохранялось и — как показывала третья группа приборов — расходовалось.

Вернувшись в меню, Тон с полминуты изучал его в поисках следующего по его замыслу объекта. Это было не так-то просто: в названиях преобладали сокращения и символы, часто ему совершенно незнакомые. Наверное, придется действовать наугад.

Вот это — что такое?

Это оказалось кухней. Большой и хорошо оборудованной. «Спасибо, — подумал Тон, — не ко времени. В другой раз. Ну... а это?»

Гараж. Тяжелые грузовики вездеходного типа. Ни к чему они. Уехать на таком, конечно, можно, только куда? Некуда. Пошли дальше.

Ага! Вот это уже интереснее, хотя сию минуту и ни к чему. Космопорт. Судя по оборудованию, принимает тяжелые грузовые корабли. И в самом деле принимает: сейчас на нем просто толчея какая-то, десятка полтора одних только грузовых прыгунов класса «Биг Бен». А там, подальше, похоже, пассажирские корабли. Хотя Улару — хозяину ВВ — они вроде бы и ни к чему. А грузовые — для больших масс металла и прочего — были необходимы. Интересно: корабли есть, а людей не видно — не только пассажиров, но и самих навтов. Сейчас — краем уха слышал еще у вербовщиков — блокада вроде бы, но с нею явно что-то не так. Иначе как все эти прорвались? И зачем, главное? Ох, как пригодилась бы ему возможность управлять камерой. Но, как говорится, полного счастья не бывает...

Постой, что-то тут не так. Все-таки есть какое-то движение. Посмотри: даже отсюда видно, что вот коляска-трейлер, того типа, что стояли в гараже, приближается к кораблю, а другой такой же — отходит. Так вот, проседает ниже не тот, что отъезжает, а другой. Получается, что не привезли что-то, а наоборот — вывозят?

«Что можно вывозить отсюда, кроме камней? — подумал не сам Тон Чугар, а как бы кто-то другой в нем. Невольно подумалось так. — Продукцию? Какую такую? С каких это пор на Уларе появилась промышленность в таких масштабах? На это требуются годы и десятки... Во всяком случае, требовались всем другим мирам.

Но это — Улар. Клубок недоумений... И, похоже, уже идет отсчет времени, начатый здесь, а не на Теллусе и не на Армаге. Это всегда означает одно: надо быстрее, быстрее, еще быстрее... А как?..»

— Ищи связь с Теллусом! — вороньим голосом проговорила старуха из своего угла. — Информация по «Анни». Для Службы.

— Да что ты понимаешь! — проворчал Тон Чугар, отвлекаясь от чужих мыслей, хотя вряд ли вообще стоило откликаться на такую бессмыслицу. — Где я тут возьму тебе связь?

— Я все понимаю, — послышалось в ответ.

— Ох, да помолчи ты хоть немного!

Эти последние слова вырвались у Тона Чугара, словно вопль отчаяния. И неслучайно.

Причиной же было то, что на дисплее, на который Тон только что попытался вытащить очередную — все так же наугад — картинку, вместо нее вдруг появилась — крупно — чья-то незнакомая морда, выражавшая крайнее неудовольствие. И сердитый голос проговорил:

— Дежурный-шесть, не слышу доклада. Уснули?

Дежурная дама и в самом деле спала, хотя и с открытыми глазами. Не по своей вине, но спрашивавший этого, конечно, не знал.

— Селина! — На этот раз в голосе прозвучала даже тревожная нотка. — Что с вами? Почему я вас не вижу? Ничего не вижу!

Тут он ошибся: видеть-то он видел — подкладку плотной куртки Тона Чугара, висевшей на следящей камере; здесь, в служебном помещении, камера не была ничем замаскирована, напротив — дежурный должен был помнить, что его постоянно контролируют сверху, — и нести службу добросовестно.

— Селина, отвечайте!

И только после этого послышался голос Селины — так, видимо, и звали дежурную, — донельзя расстроенный:

— Наверное, камера сломалась, сама не понимаю. А так — все в порядке.

Тон невольно вскочил со стула. Как смогла дама услышать обращенные к ней слова, и не только услышать, но даже и ответить? Что, одолела поставленный им блок, через который имели право проходить только его, Чугара, слова и только на них она могла откликаться?

Однако, вскочив и повернувшись, Тон сразу же убедился в том, что блок его по-прежнему надежно изолировал сознание дежурной от внешнего мира: глаза ее, все такие же пустые, ничего не выражавшие, были устремлены в бесконечность, а губы оставались совершенно неподвижными.

Голос же, несомненный голос Селины, исходил из уст старухи — как если бы она была всего лишь записывающим и воспроизводящим устройством.

Впору было удивиться — если бы на это оставалось время. Но после очередной реплики вызывавшего стало ясно, что времени — в обрез:

— Почему сразу не вызвали мастера? Я вас накажу! Посылаю ремонтника. Все остальное в порядке?

— Никаких происшествий.

— Ну-ну...

Интонация, с которой это было произнесено, свидетельствовала о том, что контролер — или кем он там был, начальником дежурной смены, может быть, — если и поверил в

полное благополучие, то во всяком случае не до конца. Что-то ему не понравилось. А если так, то он мог — даже должен был — сейчас направить сюда не одного только мастера, но и пару охранников с ближайшего поста.

— Жаль, но придется срочно уходить, — решил Тон Чугар. — Как вы там, отдохнули? Передвигаться сможете?

— Еще не время, — такой ответ показался Тону неожиданным.

— Что — ноги не ходят?

Старуха досадливо мотнула головой:

— Вы же слышали — сейчас сюда придут.

— Я-то слышал. А вы?

Она сердито фыркнула перед тем, как сказать:

— Придут. Одежда. Карточки. Оружие.

— Ага!.. — сообразил и он. — Но вы-то вряд ли сойдете за охранника, как вас ни одень. И за мастера тоже.

Впервые он увидел на ее губах нечто, что при сильном желании можно было бы принять за улыбку.

— А за женщину я еще могу сойти?

— Гм... — пробормотал Тон Чугар, не зная, что и ответить; только ни в коем случае не правду: тогда она, чего доброго, вообще перестанет цепляться за жизнь; до сих пор это у нее как-то получалось. — Ну, конечно... тем более при слабом освещении...

— Благодарю за комплимент. Ну, чего вы еще ждете?

— А что... Ну да, понятно.

И Тон скомандовал даме:

— Селина, раздевайтесь!

Видно, где-то в подсознании у Селины таилось ощущение, что к этому в конце концов все и придет; может быть, жизненный опыт ей подсказывал именно такое.

Так или иначе, она поднялась с пола и, все с тем же выражением лица, а вернее — с его отсутствием, принялась выполнять команду. Жакет, блузочка, юбка...

— Хватит, Селина, стоп!

Но что-то заклинило, видно, в ее реакции, и вслед за юбкой последовало все немногое, что на ней еще оставалось. Завершив обнажение, она повернулась к Тону, медленно провела ладонями по бедрам и снова застыла, как бы в ожидании следующей команды.

— Вот черт! — пробормотал Чугар.

— Хотите, чтобы я отвернулась? — поинтересовалась старуха не без яда в голосе. — Не стесняйтесь, дело житейское, а экстерьер у девушки вполне соблазнительный. Не воспользуетесь — будете жалеть.

— Да что вы, в самом деле!

— Ну, дело ваше. В таком случае я продолжу сеанс стриптиза. Для соблюдения приличий прошу не подглядывать.

Тон Чугар так и сделал, хотя и не очень быстро: раздумывал, на чем же сосредоточить взгляд, глаза явно проси-

лись — назад, к Селине, но так и в самом деле до греха недалеко — а грешить некогда... И, медленно отворачиваясь, он успел заметить (старуха как раз скинула капюшон), что она еще и лысеет: проплешина, сантиметров пять в диаметре, виднелась на самой макушке. Выпали волосы? Или?..

Додумать он не успел. Послышались шаги. Он кинулся, стараясь не задеть Селину, к монитору. Переключил на коридор. Приближался человек, камеры передавали его друг другу. Не охранник. С ремонтным чемоданчиком в руке. Мастер. Сейчас подойдет совсем близко. Охранника — или их будет несколько? — не видно. Но... уже слышно. С другой стороны. С той, откуда приходил он сам. Запоздали — им еще идти минуты две с половиной — три. Надо успеть. Как там старуха?

Он перевел взгляд от дисплея. Старуха уже успела переодеться и сейчас проделывала что-то странное: неторопливо укладывалась на пол поперек дверного проема — спиной вверх. Это что еще за... Ага, ясно. Ну и бабуся! Тон мигом подскочил к двери — так, чтобы входящий, отворяя ее, его не заметил; прижался к стене, изготовился. Дверь распахнулась без стука. Входящий не увидел распростершейся поперек пути старухи: было другое, на что сразу же накинулись его глаза, — голая женщина, молодая, красивая, прямо напротив двери, в трех шагах. Он невольно шагнул, не размышляя. Наткнулся. Потерял равновесие. Сзади ударили по голове — двумя руками, сплетенными в один кулак. Он не успел даже удивиться по-настоящему — сознание вырубилось, и он рухнул на пол.

— Селина, помоги мне! Бери его за руку!

Заблокированная женщина так и сделала — без удивления, спокойно, равнодушно. Ну да — переживать будет потом, когда действие блока кончится, — если, конечно, сможет вспомнить. Хотя этот блок — без последствий... Вдвоем они оттащили мастера, уложили позади стола — чтобы не бросался в глаза. Тон быстро проверил его карманы, вынул идент-карту и все прочее, что там нашлось. Оружия у мастера не оказалось. Вот чемоданчик придется прихватить с собой — мало ли... Шаги охранника стучали уже у самой двери.

— Стань туда, где стояла! Смотри прямо на дверь!

Подчинилась. Старуха все еще лежала поперек двери. Тон покачал головой:

— С охранником может и не сработать. Тренирован — скорее всего, глянет под ноги. Да и не глядя заметит.

Она встала неожиданно быстро, хотя дыхание снова отяжелело — от волнения, наверное. Таких старух беречь надо и уважать — даже лысеющих...

— Сюда, к двери. Как я. С той стороны.

Старуха выполнила. Теперь, в полувоенной униформе, какую носили на службе сотрудники башни — а может, и

всех остальных корпусов, — она выглядела и вовсе ничего — если только не смотреть на лицо. Ну, и подкормить немного, а то усохла. Хорошо, что по росту одежда пришлась почти впору. Тон Чугар сжал в пальцах ручку чемоданчика. Успел еще проговорить негромко:

— Пусть войдет. Бросится к ней. Мы — за его спиной без звука в дверь. И по коридору — к лифтам. Все.

Старухе так не показалось:

— А если он не такой кобель, как...

— Бросится.

И — уже Селине:

— На пороге появится человек. Увидев его, вы сразу потеряете сознание.

Она никак не откликнулась, но Тон знал: команда принята. Блок еще действовал исправно, иначе Селина стала бы уже ощущать неудобства: голая, как в бане, а здесь не то чтобы холодно, но уж никак не жарко, и если бы не блок, ее бы уже познабливало.

Шаги в коридоре смолкли. Дверь распахнулась. И за нею, посреди дежурного помещения — совсем голая, красивая, как на картинке, женщина медленно падала — во весь рост, как стояла — на пол.

Охранник кинулся. Успел подхватить на вытянутые руки в последний миг, иначе она могла бы головой об пол — даже подумать неприятно. Бережно опустил. Как учили, нащупал пульс — есть! приподнял веко — да, жива, но без сознания. Что же это тут происходит?

Огляделся. Дежурка вроде бы пуста. А за столом? «Ага, тут кто-то... Мужик. В спецовке техконтроля. Тоже в вырубленном состоянии. Больше никого. Какое-то тряпье на полу в самом углу — ну, это не горит. Картина вроде бы вырисовывается: она тут была, пришел мастер, то ли он раздел ее, то ли она сама — так или иначе, он явно стал приставать, и она его вырубила. А потом и сама — от волнения, или от страха, или... а тут и я подоспел.

Куда она всю свою одежку подевала? Не в этом же была, что там лежит. Но все равно — надо хоть это под голову подложить и сверху накрыть: и от простуды, и — люди ведь сейчас придут, неудобно ей так лежать перед всеми — словно в любовной постельке...»

Охранник проглотил набежавшую слюну, скомандовал своему телу, чтобы не фантазировало не ко времени, и подошел к компьютеру — вызвать начальство и доложить.

На дисплее был коридор — ближний участок. Охранник привычно-профессионально пробежался по коридорным камерам — сперва налево, потом направо. Везде тихо, мирно, пусто: рабочее-то время уже два часа как кончилось, только дежурные на постах и охрана.

Теперь можно и доложить по команде: все спокойно, но есть происшествие, нужны медики с носилками и подкрепление — для задержания мастера.

Вот пришла бы она в себя сейчас — можно бы и познакомиться.

Ничего, потом тоже не поздно будет.

36. А память не унимается

Вот и еще что-то начало возникать в памяти Пата Пахтора. Или — восстанавливаться? Скажем прямо — не ко времени: сейчас надо спать, набираться сил для следующей смены, наверняка не более легкой, чем минувшая, заполненная делами по самый край. Какими же делами? Вопрос этот, поначалу лишь промелькнувший в пригашенном усталостью сознании, не ушел, а вернулся, и уже не отогнать его было: зудел все громче и даже начал покусывать. Словно комар в темноте — и, надо сказать, немалых размеров кровосос. Нет, с таким сопровождением как ни старайся — сон и близко не подойдет...

Пат Пахтор медленно сел в кровати. Спустил ноги на пол. Подошвы ощутили приятную прохладу. Приятную, потому что у Пата — так показалось — даже температура поднялась от почему-то возникшего беспокойства.

Как человек опытный, он понял: раз не можешь осилить — надо поддаться. Может быть, что-то и прояснеет в голове и можно будет найти нужное мгновение, чтобы в свою очередь одолеть противника.

Тем более что усилий для этого пока никаких не требовалось: в памяти воспоминания пошли через край, словно из переполненного стакана. Да нет, скорее уж — из ведра.

Так. Значит, пришли на место работы. Там — шкафчики, костюмы, инструктаж...

— ...Ты, парень, не лови ворон. Слушай сюда и ни словечка не упускай из того, что я скажу, — иначе твоя работа сразу кончится и пойдешь куда-нибудь — камень ломать!

— Да что ты! — весьма правдоподобно удивился Пахтор. — Я очень внимательно слушаю.

— Это ко всем относится! — голос инструктора стал еще громче. — Сейчас с вами проведем коротенькую тренировку вхолостую. Запомните движения, которые каждому покажут, старайтесь, чтобы они побыстрее перешли в область автоматики. Потому что особенность предстоящей вам работы заключается вот в чем: ни один из вас не будет видеть, что и как делают остальные ваши партнеры. Вы будете находиться как бы во мраке. Хорошо, до самых мелочей, разглядите только ваше рабо-

чее место, ваши чертежи и те детали, которые будут подаваться вам сверху или справа...

Тут, конечно, нашелся среди монтарей любопытный, который не удержался, чтобы не выскочить с вопросом:

— Зачем это? И как это у нас получится?

На что ему ответили:

— Любое проявление чрезмерного любопытства здесь строго наказывается. Я вас предупреждаю вторично; еще один вопрос — и начнутся крупные неприятности. Очень крупные. Внимание! Все подошли сюда, где я стою. Каждый помнит свой номер в бригаде? Отлично. Теперь: берем в правую руку наконечник шланга, который, между прочим, называется «тэ-канализатор», здесь (инструктор похлопал ладонью по цилиндру высотой метра в два и столько же в поперечнике) находите гнездо со своим номером, подсоединяете шланг, запираете поворотом вправо до упора. И ждете, пока вас отведут на рабочее место. Стоять спокойно, ни шагу в сторону, не то запутаетесь и сделаете себе плохо. Все усвоили? Без суеты — подходим... Находим... Включаем... Заперли. Номер первый — за мной, глядя под ноги...

Ага, теперь понятно, почему никак не вспоминалось, что же, собственно, они там монтировали: просто по той причине, что он и не видел этого. Как и было обещано, он (наверное, и все другие), оказавшись на указанном ему рабочем месте, уже через несколько минут — сразу после повторения ряда движений (это, должно быть, и называлось тренировкой), услышал, как троекратно прозвучал звонок, служивший сигналом к началу работ, и вдруг остался в совершенном одиночестве. Все остальное пространство вокруг него занял плотный туман, сквозь который увидеть нельзя было ничего, да и услышать — очень немногое. Звуки глохли, смешивались в монолитный шум, из которого только изредка выделялось звяканье металла — быть может, при неосторожном соединении деталей. Сам же Пат, приказав себе ничему не удивляться, ни на что не отвлекаться и не обращать внимания — если только это не будет обращением к нему самому, — прежде всего разглядел во всех подробностях врученный ему небольшой рабочий чертеж, сравнил его с тем, что видел перед собой, и удовлетворенно кивнул: все совпадало.

Негромко прозвучал гонг — и сверху, из тумана, показалось то, чего Пат и ожидал: блестящий стержень с резьбой на конце, заваренный в прозрачный пластик. Мгновение ушло, чтобы вспомнить инструкцию: вот здесь пластик вскрывается, но не снимается целиком, потому что дотрагиваться до стержня рукой, пусть и в гладко облегающей пальцы перчатке, строго запрещалось. Сверить номер на упаковке с цифрой, нанесенной на пол рядом с гнездом. Тут и там — единица. Проверь еще раз. Аккуратно, но без промедления, ввинти стержень, потом —

какой же из ключей? Ага, восьмигранный — наложить на головку стержня, освободив ее от изоляции, и дослать до упора, глядя на индикатор усилия на рукоятке ключа: не доходя полделения до красной риски. Стоп. Гонг. Второй стержень пошел... Третий...

Чем дальше, тем, казалось ему, убыстрялся темп работы, каждый следующий этап был — по ощущениям — короче предыдущего, и конструкция под руками Пата вырастала на глазах, позже стало уже казаться, что она возникает сама собой, он же лишь сопровождает ее рост своими жестами, как бы пассами. Пат понимал, что это не так, но отделаться от странного ощущения не мог. Сейчас, сидя на кровати, Пат Пахтор только покачивал головой: да нет, никак не могло быть, чтобы за одну короткую смену они провернули такую чертову уйму работы. Во всяком случае, за свою он мог ручаться: сделано было раз в восемь, а то и во все десять больше, чем полагалось бы по общепринятым нормам. Сколько сделали другие, он сказать не мог, потому что не видел результата их трудов: даже когда неожиданно быстро прозвонили шабаш и все стали стекаться к подъемной площадке (по узкому проходу в тумане, который вдруг высветился перед каждым) и когда оказались наверху, в по-прежнему светлом зале, — внизу котлован остался как бы залитым туманом до самого верха, и что там теперь возникло, никто не мог бы сказать. Но, судя по виду сотоварищей, Пат мог бы поспорить на что угодно, утверждая, что и они выложились до последнего, и они удивляются и сделанной работе, и самим себе, эту работу сделавшим. Что-то тут озадачивало, казалось странным: как это хозяева ухитрились столько из них выжать? Но это не обижало, наоборот, хотелось гордиться собою.

Да, похоже, вспомнил все, что только можно было вспомнить. Сейчас, ночью вспомнил, сидя в одиночестве на кровати.

Вспомнил, но далеко не все понял. А вернее — ничего не понял.

Что же это они там такое устанавливали? И без всякого опыта столько успели сделать? Чудеса какие-то. Сколько ни думай — не поймешь.

Но почему-то кажется: где-то уже близко, совсем близко понимание и этого, и многого другого. Близко, а не ухватывается. Давай, брат, еще одно усилие, решающее — и...

Да только сон вдруг навалился — такой, что не одолеть. Спать, а то завтра как же работать?

Ну, наконец-то, слава тебе, господи!

37. Коридоры, коридоры...

Куда бежать?

Нет, план у Тона Чугара, конечно же, был. Однако на костях невыполненных планов стоит вся Вселенная — столь-

ко их накопилось. Очень возможно, что даже проекты самого Творца выполнились не совсем точно.

Впрочем, Тона проблемы Всевышнего сейчас интересовали менее всего. В первую очередь надо было решить свои.

План был достаточно прост, и потому можно было надеяться на его реализацию. Космодром Улара оказался до такой степени набит кораблями (чем было вызвано такое их скопление — сейчас Чугара ничуть не интересовало), что можно было всерьез рассчитывать на угон одного из них — то ли вместе с экипажем, то ли — в худшем случае — без людей. Тон не мог похвастаться богатым опытом судовождения в космосе, да и бедного опыта у него, правду говоря, не было. Он знал, однако, что на всяком корабле, большом или малом, неизбежно должна существовать — конечно же, она там есть! — стартовая автоматика и вся хитрость заключается лишь в том, чтобы ее включить и вовремя безопасно устроиться, чтобы не пострадать от перегрузки при разгоне. Исчезнуть с планеты, вот что, полагал он, было сейчас главным. Тон Чугар, разумеется, не переоценивал своих возможностей и прекрасно понимал, что проложить нужный курс к любому населенному миру — даже прямой, чтобы не понадобилось зависать в силовых узлах сопространства и там менять направление, — он не сможет, если даже никто не помешает. И поэтому на такое он не рассчитывал. Но очутиться вне Улара с его непроницаемой для связи полевой броней и звать, звать, звать, нахлестывая судовой передатчик, просить помощи у любого, кто отзовется, — это представлялось ему вполне достижимым. Какой могла бы стать эта помощь — казалось ему сейчас не столь уж важным: главное, чтобы она пришла. А о том, что первым подоспевшим вполне мог оказаться кто-то, принадлежащий к людям Улара или хотя бы работающий на них, — об этом удачливый беглец предпочитал просто не думать.

Не особенно занимал его также вопрос — как ему удастся произвести захват корабля, а может быть, и заставить его экипаж повиноваться командам пирата-одиночки. Обстановка сама покажет — таким правилом Тон Чугар руководствовался чаще всего в жизни. И до сих пор оно его вроде бы не подводило.

Как добраться до космодрома — эта задача тоже откладывалась им на потом. Не было никакого смысла думать о ней, пока он все еще находился в чертовой башне — центре могучей корпорации «ХроноТСинус». Сейчас главным было — выбраться отсюда. И все силы, и физические, и духовные, и опыт, и вообще все, чем он обладал, Тон Чугар направил на осуществление этого этапа освобождения. Именно так называл он про себя предстоявшую операцию.

Но похоже было на то, что именно эта — номер один — задача окажется и самой трудной для исполнения, а может быть — и вовсе невыполнимой. И с каждой попыткой Тон,

со все возраставшим гневом, вынужден был признать, что надежд оказаться где-то за пределами этого сооружения остается все меньше и меньше.

Хотя выходов из каждого уровня было достаточно. Шахты лифтов попадались — если идти по внешнему кольцевому коридору круглой башни, какой и являлся офисный корпус ХТС, — через каждые три десятка метров. Их было, по мнению Чугара, даже слишком много. И потому он рассчитывал на то, что благодаря позаимствованной у дежурной дамы карточке ему удастся воспользоваться если не любым, то хотя бы какой-то частью, пусть и не частью, но одним-единственным лифтом. На большее он не притязал. Оказаться на уровне земли, как ему однажды уже удалось. Сейчас ему представлялось, что уже тогда он напрасно отступил, остерегшись поднимать шум в схватке с охранниками. Надо было идти напролом, используя внезапность, овладеть оружием хотя бы одного из расположившихся там и не ожидавших ничего подобного людей, — а как воспользоваться оружием в такой ситуации, его учить не надо было: этим искусством Тон Чугар владел если и не в совершенстве, то, во всяком случае, несравнимо лучше, чем рядовой караульщик. Впрочем, если он и состорожничал тогда, то не из боязни за свое здоровье. Не будь с ним этой старухи...

И какого черта вообще он тащит ее с собой? Помощи от нее почти никакой, да и — при наилучшем исходе — жить ей оставалось явно немного. Эх, надо было оставить ее — ну, если не в той камере, то хотя бы у дежурной!.. Нет, там нельзя было: тогда на нее навесили бы все то, что на самом деле натворил он, — и не дали бы дожить даже и того, что ей еще оставалось. Лучше всего было бы оставить ее в каком-нибудь безопасном месте, где ничего бы с ней не случилось...

Размышляя так, Тон Чугар приблизился к двери очередного лифта. Вложил карточку в прорезь.

И снова — как и при всех предшествовавших попытках — без всякого эффекта.

Собственно, он уже знал, что так и будет. Не надо было оставлять того охранника в живых. Он, конечно, быстро во всем разобрался и поднял тревогу. А потом там более или менее точно восстановили происшедшее — и, убедившись в том, что карточка пострадавшей дамы исчезла, сразу же заблокировали ее. Так что сейчас этот кусочек пластика был, пожалуй, еще менее полезен, чем листок туалетной бумаги.

А между тем времени у них оставалось все меньше. И поскольку любой план в целом и каждая часть его выполнения както расположены во времени, оно же непрестанно утекает — всякий замысел уподобляется островку, размываемому штормовым прибоем. Не успеешь спастись вовремя — и последний клочок суши захлестнет вместе с тобой. Не оставалось сей-

час даже лишних секунд, чтобы сожалеть о сделанном или несделанном в те минуты, что сейчас были уже унесены в водопад прошлого. Или времепад?..

Карточка погашена. Но есть и другая: та, что изъята у выключенного из игры мастера-ремонтника. Нет, конечно, ее тоже спохватились, и ни один лифт на нее не отреагировал. Однако с нею Тон Чугар связывал еще одну надежду. Он даже в мыслях избегал слова «последнюю», однако по сути так оно и было.

Заключалась эта надежда в том, что карточка мастера была не совсем такой, как у дежурной дамы. Она была раза в полтора длиннее при одинаковой ширине. Этот дополнительный участок наверняка нес в себе какой-то код, открывавший доступ — куда? Простым зрением этого не различить, а другими возможностями Чугар не обладал — сейчас, во всяком случае. Он успел убедиться только в том, что ни лифты, ни запертые после окончания работы двери кабинетов на этот довесок никак не реагировали. Слабо жужжали, пытаясь прочитать код, но тут же умолкали без какого-либо последствия. Но существовало же нечто такое, что должно было, откликнувшись на карточку, что-то выполнить: открыться, закрыться, зажечься, погаснуть — ну, хоть что-нибудь!

И это «нечто» должно было существовать прежде всего в виде другой щели, прорези и, вероятно, рядом с какой-то дверью. Вторая прорезь — вот что искал Тон, все убыстряя свой и так почти бег по пологой дуге коридора. Он замедлил шаг, только услышав за спиной уже не голосом даже, но скорее шумным выдохом произнесенное:

— Больше не могу. Идите сами. Я... отдохну.

Ну да. Вот только этого ему и не хватало.

— Ерунда! Вы можете. Соберитесь с силами, мадам. Нам осталось пройти совсем немного...

Но невольно приостановился — чтобы взглядом оценить состояние непрошеной спутницы. Действительно, выглядела она далеко не лучшим образом. Скорее тень человека, чем живое существо во плоти. Даже остановившись, она покачивалась, придерживаясь за стену. Хорошо, что хоть ветра здесь нет, промелькнуло у него в мыслях. И однако даже в таком критическом состоянии (краше в гроб кладут — потому что их перед тем подгримировывают, снова мелькнуло незваное) старуха сохранила свой вздорный характер, что обнаружили уже следующие, с усилием вытолкнутые слова:

— Идиот! Что вы кружите, как на стадионе? Здесь этого нет!

Чугар даже растерялся:

— Чего — «этого»?

— У вас (секунды ушли на хриплое откашливание) карточка ремонтника.

Последнее слово старухе удалось выговорить в три приема.

— Вход в ремонтные шахты... в центре кольца. Туда идите!..

— Откуда вы...

Чугар не успел закончить непроизвольно возникший, совершенно естественный вопрос, потому что старуха, оглушительно (как ему показалось) шаркая по полу, обошла его и уверенно свернула в радиальный коридор.

И одновременно по кольцевому коридору разнесся негромкий, но отчетливый звук открывшейся дверцы бесшумно, как всегда здесь, подошедшего лифта. И послышались шаги. Самое малое — двух человек, если только не трех. Тяжелые, уверенные шаги людей, которым не нужно ни от кого прятаться. А еще через полсекунды такие же звуки донеслись уже и с другой стороны. Можно было подумать, что по всему периметру лифты одновременно доставили несколько групп захвата — так, во всяком случае, назвал их про себя Тон Чугар.

Это был явно не такой случай, когда следует показывать свою доблесть и боевые умения. Осталось лишь следовать за старухой, успевшей уже своим утиным шагом удалиться на десяток метров и оказаться на пересечении со вторым кольцевым коридором, чей радиус был, соответственно, меньше. Пока Чугар догонял ее, старуха успела пересечь и это кольцо, приближаясь все более к центру.

Тон Чугар нагнал ее, разумеется, в два счета. И решил не церемониться. Не испросив согласия, обхватил ее и взвалил себе на плечо. Он рассчитывал, что она окажется нетяжелой, но не ожидал, что до такой степени. Как если бы даже кости старой дамы были полыми, словно у птиц. К ее чести — брыкаться она не стала и даже ни словечка не вымолвила — словно так и полагалось с нею обходиться в подобной обстановке. Да, наверное, действительно это было самым уместным и разумным действием.

С грузом на плече Тон не только не сбавил скорость, но, напротив, с шага перешел на рысцу, стараясь только поменьше шуметь. Третий кольцевой коридор он пересек, еще ускорившись, чтобы даже если там, случайно или намеренно, кто-то окажется — не смог бы толком разобрать, что такое перед ним промелькнуло. Еще полторы дюжины шагов — и радиус уперся наконец в ощутимо выпуклую преграду. Это и была центральная шахта, окольцованная четвертым и последним коридором. Налево или направо? Ну, пусть направо...

Тон повернул направо. И одновременно старуха пробормотала так, что он с трудом разобрал:

— Не ищите лифтов — другие двери...

Тон уже не стал удивляться ее неожиданным советам. Тем более что пока он не видел ни единой двери или дверцы, на которой можно было бы испробовать ремонтную карточку. Правда, здесь и обзор был очень ограничен крутизной четвертого коридора. Впереди виднелся уже следующий радиальный,

всего их было — Тон помнил — восемь. Нужен был новый спурт, чтобы пересечь радиус за долю секунды на случай, если он просматривался с внешнего или внутренних колец. Тон напрягся. И тут же старуха осадила его:

— Стойте. Вот она — ну же!

Пришлось срочно тормозить. Ну, понятно: он ожидал увидеть примерно то же, что и в тех коридорах: ясно обозначенную дверь — с ручками, со следящей камерой над нею, — и потому не заметил в стене очерченного лишь тонкой линией прямоугольника, в самой середине которого, а вовсе не рядом, виднелась прорезь для карточки — то, что показалось ему сейчас самым необходимым в жизни.

— Спасибо, мадам, — не смог не поблагодарить он. — На ногах устоите?

Она сама сделала движение, пытаясь сползти с его плеча. Тон осторожно помог ей утвердиться на полу. Вытащил карточку. Вздохнул. Вложил.

Секунда. Другая. Третья. И — ничего.

Чугар глубоко вдохнул, чтобы полно и откровенно высказать свое отношение ко всему на свете — и ко всем дверям и карточкам в частности.

— Другой стороной, — сказала старуха, как ему показалось, совершенно спокойно.

— Что?

— Вложите карточку другой плоскостью вверх. Вы даже не посмотрели...

Чугар вложил, все просившиеся наружу слова он все-таки произнес при этом — но про себя. И еще не закончил тираду, как дверь — а вернее, кусок трубы — отступила внутрь и в сторону, открывая проход. Не размышляя, Тон кинулся вперед, таща старуху за руку — так, что она едва не взлетела в воздух от такого рывка. И все-таки (вот вредный характер! — поразился он) успела напомнить:

— Карточку не забудьте...

— Мадам, ну что вы, в самом деле!..

— Тс-с. Акустика...

И в самом деле. Труба, диаметром метров в десять, должна была служить прекрасным волноводом для акустических частот. А именно в ней они и оказались — на металлической площадке, примерно метровой ширины, охватывавшей изнутри все кольцо и огороженной барьером тоже примерно в метр высотой. Такие же кольцевые площадки виднелись и выше, и ниже — похоже, они были на выходе с каждого уровня. И таких входов, как тот, через который беглецы только что проникли, было на каждом уровне, кажется, по четыре. Кажется — потому, что воочию увидеть противоположную часть трубы мешала ее начинка: непостижимая на первый взгляд путаница кабелей — электриче-

ских силовых, волоконнооптических, антенных, электрических слаботочных, еще каких-то — неизвестного назначения, среди которых выделялся в особенности один, самый толстый и зеркальный — наружная его изоляция была то ли металлической, то ли пластиковой, а может быть, и действительно из зеркального стекла — так или иначе, она исправно отражала все, что было вокруг, искажая пропорции совсем как в «комнате смеха». Кабели, однако, занимали меньшую часть полости, пронизывавшей корпусную башню снизу доверху; главная доля этого пространства приходилась на трубы разных сечений и цветов, и их тоже имелось великое разнообразие — можно было различить водопроводные, канализационные, газовые — о них говорили разные цвета. Одна группа, с полдюжины труб, находилась чуть в сторонке и была дополнительно изолирована прозрачным пластиком. Скорее всего, эта группа предназначалась для кислот... Все это ярко освещалось с каждого уровня — так что укрыться здесь было бы трудновато. Но ничего лучшего на сей раз судьба Тону с его спутницей не предложила. А тут можно было хоть отдышаться и привести мысли в какое-то подобие порядка.

Старуха успела уже опуститься на шершавый металл площадки, поджав ноги; похоже, это была ее излюбленная поза. Тон Чугар покосился:

— Смотрите не застудите себе чего-нибудь этакого.

Старуха не сочла нужным ответить. Вместо этого поинтересовалась:

— Ну, и что дальше, по-вашему? Думаете, эти о нас забудут? Вряд ли.

На этот раз Тон ответил ей как равноправному собеседнику: старуха явно оказалась не из тех, кого берут голыми руками.

— Отсюда уйти можно только по трапам. — Он кивнул на крутые лестничные марши, тоже, разумеется, железные, соединявшие площадки с соседними уровнями. — Если бы располагать временем... Но, боюсь, его у нас маловато.

Старуха кивнула.

— Думаю, самым лучшим было бы, — продолжал Тон, — выйти из шахты на каком-то из уровней, где нас не ожидают или хотя бы ждут не так напряженно, как вблизи. Повыше или пониже.

— Повыше — это без меня, — сказала его собеседница спокойно.

Чугар не менее спокойно кивнул:

— Да, возможности подъема у нас ограничены. Значит — вниз. Это получится хотя бы быстрее.

Она пожала плечами:

— Да, наверное — но только в их распоряжении лифты — это еще скорее. Как по-вашему — камеры слежения тут есть?

Тон внимательно оглядел доступную взгляду часть трубы.

— Не вижу. Но думаю, что без них не обошлось. Все устроено на совесть. Для себя, а не на продажу.

— Почему же тогда преследователей еще нет здесь?

— Возможно, мы оказались в мертвом пространстве для камеры. Они ведь нужны прежде всего чтобы видеть все это, — он кивнул в сторону труб и кабелей, — а не входы-выходы: вряд ли рассчитывалось, что сюда могут проникнуть посторонние.

— Возможно. Однако, если мы начнем двигаться... Тут наверняка есть датчики, весь этот объем настроен на определенные параметры, и изменение их — например, появление двоих людей — сразу же изменит некоторые характеристики — о чем приборы немедленно известят кого следует.

— Почему в таком случае они еще не пришли за нами?

— Скорее всего, потому, что опасаются какого-то сопротивления с нашей стороны. Мы ведь можем быть вооружены: у страха, как говорится, глаза велики. А здесь, рядом со всем этим хозяйством, они постараются избежать даже малейшей угрозы целости всей начинки. Поэтому стрелять в нас не станут, даже если мы окажемся в прицеле: один рикошет — и кто знает, что за каша тут заварится. Нас можно взять только без выстрела. Схватить, или усыпить, или еще что-нибудь в этом роде...

— У вас неплохо варит котелок, мадам.

— Ну и лексика у вас — винегрет какой-то... Ладно, это я так. Но у меня возникли кое-какие мысли. Будете слушать?

— Прошу вас, мадам. Почту за счастье, мадам.

Старуха не улыбнулась. Сказала:

— Представьте себе, что мы — ремонтники. И что... ну, хотя бы на той вот трубе (она указала) предполагается некоторое нарушение — ну, не разрыв, но назревающая угроза его: тут же наверняка все под контролем. И мы пришли, чтобы усилить, дополнительно произолировать это место — применить временную меру до того, как этот участок трубы вообще будет заменен. Как по-вашему, каким способом мы — один из нас хотя бы — сможет добраться до нужного места в трубе? С площадки не дотянуться. А для работы надо оказаться вплотную к объекту. Каким же образом?

Тон Чугар нахмурился, размышляя.

— Способ один: должно быть средство передвижения уже не по стенкам трубы, как эти лестницы, но по всему ее внутреннему пространству. Да еще с возможностью маневрировать — и по горизонтали, и по вертикали, со всеми степенями свободы. Я вижу только один выход: свободно парящая платформа. Что-то в таком же роде... как...

Он вовремя спохватился: об этом говорить было никак нельзя.

— Ну, в общем, такие бывают.

— Охотно верю, — согласилась она, едва заметно усмехнувшись. — И как же, по-вашему, мы сможем получить к ней доступ?

— Ну, — сказал он, — над этим надо еще подумать.

— А мне это представляется ясным. Чемоданчик мастера. Я буду удивлена, если там не обнаружится пульт вызова и управления такой платформой.

— Черт, и в самом деле...

Он присел на корточки и раскрыл кейс.

— Ну, вот еще. Да тут их... раз, два... четыре штуки! Какой же?

Старуха подползла, заглянула ему через плечо.

— Второй слева.

— Уверены?

— Совершенно.

— Ну, терять нам все равно нечего... Может, вы знаете и то где тут на нем вызов?

— По-моему, это очевидно: верхний ряд, красный цвет.

— Будь по-вашему.

И Тон решительно нажал.

Ждать пришлось четыре секунды с небольшим.

— Извините, мадам, я перелезу первым. Не знаю, насколько она устойчива...

— Действуйте.

Тон перелез через барьер на всплывшую снизу и уравновесившуюся рядом с площадкой круглую, тоже с перилами платформу — ста двадцати сантиметров в поперечнике.

— Будет тесновато, мадам.

— Я занимаю немного места.

— Позвольте — я вам помогу... Вот так. Такси подано. Куда едем — вверх, вниз?

— Вниз, конечно же, — ответила она без колебаний.

— Это почему?

— Наверху нас ждут с большей уверенностью. И к тому же... внизу больше уровней, значит — больше пространства. Легче затеряться. Все это, — она кивнула на магистрали, — идет ведь сверху вниз, не наоборот, следовательно, внизу и находится жизненно важный центр этой системы, не знаю уж, как ее точнее назвать. Включая, может быть (тут голос ее стал едва ли не мечтательным), главный компьютер этого мира. Где-то в самом низу. Если попасть к нему — там все, ищущие нас, вынуждены будут вести себя очень-очень осторожно.

— Понимаю, мадам. А для нас эта осторожность необязательна.

— Верно. Вы сами сказали: терять нам нечего.

— Все. Экспресс отправляется. Держитесь крепче. Лучше снова сядьте. Я думаю, вот эта — со стрелкой вниз.

— Согласна.

Тон Чугар нажал кнопку. При этом он, сам того не сознавая, закрыл глаза. Но старая дама этого не заметила. Иначе наверняка не преминула бы выдать какую-нибудь колкость.

Когда он их открыл, то пришлось на миг снова зажмуриться: показалось, что он оказался внутри гигантского калейдоскопа и все цвета мира проносятся перед ним, меняясь местами, разыгрывая цветовую партитуру никем еще не написанной светомузыкальной симфонии. Платформа — по первому впечатлению — просто падала, да еще и вращалась при этом, и это показалось Тону опасным.

Он невольно перевел взгляд на пульт управления, который до сих пор сжимал в пальцах. Интересно, как тут регулируется скорость спуска или подъема? Ведь, чтобы разглядеть что-то, двигаться надо куда медленнее, почти ползком. А сейчас — хорошо еще, что нет ускорения, спуск идет равномерно, хотя и слишком быстро. На маленьком дисплее номера проносившихся мимо уровней кружились, как десятые доли на секундомере. Где тут замедление? Тут? Нет, замедлилось вращение, но не скорость, с какой платформа стремилась к центру Улара. Интересно, сколько же уровней врыто в грунт? В скалу, не в какие-нибудь осадочные породы... Может быть, вот эта кнопка? Ну, сразу... Ага! Дергаешься? А если подержать нажатой подольше? Все, оказывается, очень просто. Мог бы и сразу сообразить. Уровень какой? Сорок шестой. А внизу что? Все та же труба, но теперь, при медленном снижении, можно заметить: количество коммуникаций, заключенных в трубу, намного уменьшилось; вот и сейчас, на сорок шестом, несколько труб и кабелей уходят в сторону, в стенку трубы в нескольких направлениях. Да, больше половины уже разошлось. Но и осталось немало...

— Не так медленно, — прозвучало снизу, от сидевшей на платформе, подтянув колени к подбородку, старой дамы. — Иначе они заметят нас, когда будем проходить мимо очередной камеры.

— Вы не боитесь разбиться?

— Думаю, что платформа достаточно хорошо подстрахована на случай отказа каких-нибудь систем или человеческого фактора.

— Ничего не остается, как поверить вам...

Ускорение — надо полагать, вот оно. Нажали. Все правильно. Еще чуть быстрее...

— Так вас устроит?

— Почти. Но не может же эта труба быть бесконечной... Что это? Телефон?

— Я его не вижу. Нет, похоже — платформа предупреждает нас о чем-то. Звонком. Как в добрые старые времена.

— Зачем вы опять тормозите?

— Не я. Это она сама. Видимо, на подходе конечная станция.

— Ладно. Положимся на автоматику.

Последним оказался шестьдесят четвертый уровень. И на нем не было ничего. Даже выходов. Последние коммуникации — их осталось совсем немного — уползали в стены. Правда, вглядевшись, можно было различить лазы — дверцами на-

звать их было нельзя, — снабженные щелями для карточек — наверное, на тот маловероятный случай, если какая-то авария произойдет именно в этом, как мысленно назвал Тон, подвале. Пожалуй, они спустились чересчур низко.

— В наихудшем случае будем спасаться ползком.

— Мне кажется, — сказала старая дама вместо ответа, — что нам следует подняться на два этажа.

— Почему именно на два?

— По-моему, я заметила верно: именно там ушел самый большой пакет коммуникаций — и не в разные стороны, а компактно, в одном направлении. Я думаю, что там это и находится.

— Что — это?

— Войдем — увидим, — откликнулась она. — Давайте потихонечку.

«Она уже командует! — безмолвно удивился Тон Чугар, послушно выполняя высказанное пожелание. — А ведь одной ногой почти в... в упаковке, скажем так. Ну, женщина!»

— Шестьдесят второй, — проговорил он вслух. — Какие еще будут пожелания?

— Помогите перебраться туда.

Тон помог ей, потом перелез и сам. Постояли на площадке, пытаясь что-нибудь услышать. Звуков не было.

— Да и здесь тоже войти некуда.

— Пойдем вокруг, — сказала она. — Туда, где пакет уходит в стенку.

Двинулись по кольцевой площадке. Прошли треть окружности с лишним.

— Ну, вот и выход.

— Рискнем?

— А что остается?

Тон Чугар вложил карточку, предупредив:

— Держитесь поодаль — эта штука отходит внутрь.

Так и получилось. Они еще помедлили, прислушиваясь. Едва уловимое гудение было единственным, что доносилось до них. Ни шагов, ни дыхания...

Они переглянулись и одновременно кивнули друг другу. Вышли, стараясь двигаться бесшумно.

Структура здесь оказалась такой же, как наверху. Радиальный коридор. Первый кольцевой. Они сделали несколько шагов по нему.

— Смотрите: тут что-то не то...

Это было сказано Чугаром о дверях. О дверцах, точнее: они были выше и заметно поуже, чем нормальные, кабинетные — там, наверху.

— Интересно, что там?

И, не дожидаясь ответа, Тон попытался отворить одну из дверец. Он не встретил никакого сопротивления.

— О господи! — вырвалось у него.

За дверцей не оказалось ничего, кроме схем. Нормальных плат, усеянных крохотными кристалликами. Кваркотроника. Не раз виденная картина. Но — не в таком же количестве!

— Это какой-то суперпроцессор!

— Нет, — возразила старая дама. — Только частичка его. Так я и чувствовала: оно — здесь. Мозг всего этого хозяйства, в котором я, откровенно говоря, почти ничего не понимаю.

— А я — еще меньше. Но... тогда здесь должны быть и люди? Хотя бы оператор этой сверхмашины. А мы с вами говорим в полный голос...

— Думаю, что здесь никого и не должно быть. Операторы — где-нибудь повыше. Хотя бы потому, что находиться здесь часами опасно. Вы не ощущаете напряжения поля? А я вот его прекрасно чувствую — муж в свое время научил меня ощущать поля. Ну что же — поздравляю: тут, я полагаю, мы на какое-то время в безопасности: рисковать целостью этого устройства никто из них не решится. Что с вами?

Тон Чугар хмуро глянул на нее:

— То есть мы сами залезли в мышеловку. И остается лишь ждать, пока нас отсюда не извлекут — как только найдут способ сделать это без ущерба для своего хозяйства. Такая перспектива вас устраивает?

Старуха усмехнулась:

— Во всяком случае, тут спокойнее, чем в той камере, из которой вы меня вытащили. Здесь если я и мышь, то во всяком случае не лабораторная.

— Лучшее еще впереди, — проронил он сумрачно.

— А вот я уверена — нам помогут.

— Опомнитесь, любезная! Кто? Каким способом? Нет, выход придется искать нам самим. Ладно, используем передышку, чтобы продумать ситуацию как следует.

38. С новосельем!

— Эй, это ты, Ра? — спросил я самого себя. И сам же себе ответил: — Похоже, что я. Ну а дальше что?

Над этим следовало подумать. Если, конечно, я еще сохранил такую способность. Чувствовал я себя не лучшим образом: ощущал сильное головокружение, а что касается тела, то от него я не получал вообще никаких сигналов — словно бы его и не существовало.

Однако, когда мне удалось (наверное, далеко не сразу) создавать системы более чем из трех связных слов, я постепенно пришел к выводу, что так оно и должно было быть. То есть — мое тело молчало потому, что его просто не существовало.

Здесь, где обреталось мое «Я», тела не было; оно все еще находилось где-то в другом месте, и я по-прежнему не мог установить с ним никакой связи.

Хвала Силам за то, что хотя бы память при мне. Давай-ка попытаемся установить, насколько она сохранилась и что утратила в процессе моего перемещения в виде волнового пакета. Да-да, именно так я и попал куда-то сюда. Это в памяти уцелело. А еще что? Я попытался сделать усилие.

О господи!..

Будь у меня сейчас глаза, я непременно зажмурил бы их — от неожиданности. От небывалости. От... да не знаю, как еще можно было это назвать.

Мне открылось... Да нет, не может быть. Это не моя память, бросьте меня дурачить. Ничего подобного я помнить не мог хотя бы потому, что никогда этого не знал. Это... Это...

Какая-то паутина, розово светящаяся. Сложно переплетающиеся нити сходятся к одному центру. Интересно, как это я ухитряюсь воспринимать цвета? А впрочем — какая разница... Чем ближе к центру, тем нити становятся толще, мощнее, это уже не нити, это веревки, это канаты, и какая же сила исходит от них! Откуда-то я знаю, просто знаю: это электричество. Ярчайший центр — энергоисточник. Какая-то станция. Ядерная? Тепловая? Опять-таки что-то непонятное подсказывает: нет, ни то и ни другое. Энергия возникает в этой централи — из чего? Похоже, из ничего. Из пустоты. Или?..

Но вот вместе с этой паутиной — то ли поверх нее, то ли наоборот, под нею — просматривается какая-то другая сеть. Голубовато-зеленая. Это не нити. Скорее прозрачные трубы, по которым течет... ничто. Или нечто. Физически — там ничего нет. Нет вещества. Какое-то неведомое поле. Центр этой второй системы располагается... не знаю, как это должно выглядеть топографически, то, что доступно моему восприятию, новому восприятию, — всего лишь символы. Единственное, что я могу утверждать: этот голубой центр не совпадает с розовым. Но что-то течет из второго в первый. И я невольно спрашиваю неизвестно кого: что это такое?

В ответ на меня обрушивается такая математика, в которой я совершенно тону — тем более что идет она в двоичном исчислении, а это, даже в нынешнем моем состоянии, вовсе не является для меня привычным. Мне бы что-нибудь попроще...

Голубая сеть построена несколько иначе, чем розовая. Мощное русло и множество малых, утончающихся вплоть до капиллярных; но невидимый поток не растекается по ним; напротив, я каким-то образом ощущаю, что это из них непонятное ничто втекает в главное русло. Ага... ага: по ним течет зеленый цвет, а по главному руслу — голубой. Нет, они не смешиваются,

они так и достигают энергетического центра — порознь. Возможно, там две трубы — одна в другой, и по внешней течет одно, по внутренней — другое. Интенсивность свечения изменяется, и вся видимая совокупность обеих систем как бы размывается на миг...

Зачем? Каков физический смысл всего этого? Или это просто мой бред? Откровенно говоря, такое объяснение кажется самым правдоподобным. Но я сейчас — всего лишь комбинация слабых токов, я — программа. Может ли программа бредить?

А почему бы и нет? Компьютеры подвержены глюкам...

Стоп. Остановись вовремя. Иначе это информационное цунами разнесет тебя в клочья. Начни с самого начала. Думай медленно. И перед каждым новым мысленным шагом как следует ощупай почву перед собой. Чтобы не ухнуть в ту бездну, которая вот только что перед тобой приоткрылась — и чуть не засосала тебя, как засасывает глубина.

Итак: медленно, левой — правой, топ-топ...

Началось все с того, что я улетучился по ВВ из собственного жилья, воспользовавшись уларским кодом проникновения. Мне нужно было попасть на Улар, это я помню совершенно точно. Почему? Да: почему? Ага, вот: на нем должна находиться Лючана, которую я намерен выручить из какой-то беды. Да. Именно так.

Но были еще и другие причины. Сейчас установим их. Без особого труда: если здесь «Я», значит, и мой мик должен быть в сфере досягаемости. Это ведь не физическое тело, как обычно думают; самым точным будет сравнить его с чакрой, одной из тех, которые имеются в каждом от рождения, но о которых большинство людей даже не подозревает.

Итак, мик, — какие еще были у меня причины стремиться на Улар даже и таким, мягко говоря, нетривиальным способом — не по транспортному каналу, а по линии связи? Ответь, пожалуйста. Ми-ик!

Отвечает!

«Первопричиной твоего стремления явилось спорадическое ослабление ре-временного потока в ХиТэ-аномалии, резко уменьшившее возможности Т-Е метаморфизации, результатом чего явилось нарастающее до обвального падение выработки Е на Уларе, что в свою очередь заставило искать иные источники ре-времени, для чего были использованы...»

Будь у меня сейчас глаза, я непременно зажмурил бы их — от неожиданности. От небывалости. От... да не знаю, как еще можно это назвать.

Если бы мог, я спросил бы сейчас: «Кто ты?»

Отвечает!

«Я ощущаю себя как условно открытую систему по приему, обработке и выдаче информации, способную автономно действовать вплоть до использования полной мощности, согласно усвоенным мною программам или вопреки им — в случае,

если выполнение этих программ создаст угрозу моей работоспособности или выполнению других, иерархически более высоких программ».

Стой. Ради всего святого, погоди. Это ты, мик, или не ты? Если ты — то почему я ничего, ну совершенно ничегошеньки не понимаю в твоей абракадабре? А если не ты — тогда с кем я, собственно, общаюсь?

Нет. Это, конечно, не мой мик. Просто через него происходит мое общение с этим самым «условно открытым», а проще говоря — с суперкомпьютером этого мира. Того самого Улара, в который я стремился. Главный компьютер. ГК. Гек — так я буду звать его.

Он излагал что-то замысловатое. Я ни черта не понял. Но это нужно понять. Обязательно. Жизненно важно.

Главный компьютер. Центр центров. А я, следовательно, существую в нем как одна из программ, или скорее сразу две программы, воспринятые им одновременно благодаря коду проникновения. Программа первая — это я сам. А второй должна быть та самая, слепленная мною в самом начале, программа передачи моих копий Пату Пахтору, своего рода поручику Киже, чье сконструированное сознание вместе с биографией и опытом, заимствованными у множества людей, было подсажено в мое собственное тело. Ну да: потом я потерял с ним связь и вот сейчас хочу ее восстановить. Домой хочу — в свой родной организм! И полагаю, что Гек не найдет в выполнении этой крохотной для него программки ничего предосудительного.

Да, так-то оно так...

Что-то замысловатое он стал излагать по поводу причин, приведших меня сюда. Я ни черта не понял.

О! Там ведь речь шла не только о Лючане. Но и о какой-то угрозе, которую Улар стал создавать для прочих миров. Совершенно точно: теперь всплыло в памяти (все-таки мик продолжает действовать, хотя и сильно приглушен), что именно об этом был долгий разговор с Иваносом. Я прекрасно помню, кто такой Иванос.

А поэтому — как бы ни хотелось поскорее вернуться в самого себя — не будет ли полезнее на какое-то время задержаться здесь, в царстве процессоров и накопителей? Потому что Гек знает все, что мне нужно, и не только мне, но и всем людям, всем мирам, которым что-то грозит. Все это — здесь. Не имею понятия, конечно, в каком виде, какие коды действуют в каких случаях — но он-то знает! И если суметь разговорить его... Извне это, скорее всего, не удалось бы ни мне, ни кому угодно другому: даже сам доступ в эту систему наверняка закодирован так, что понадобились бы великие хакеры и куча времени, чтобы эти коды взломать. Но я-то уже здесь! Фигурально выражаясь — заброшен в тыл врага. Или, выражаясь современнее, — я сейчас играю роль внедренного вируса, которого не существует ни в

одной антивирусной программе Гека благодаря тому, что я вошел по коду и никак еще не проявлялся. Я — вирус, и моя задача — разговорить, если угодно — допросить это кристально чистое существо (уж наверняка в чипах нет и малой доли процента ненужных примесей) и, быть может, самому полазить по его программам, разобраться в них, а если потребуется — то и...

Стой. Ты, Ра, ведь и сам мыслишь сейчас, так сказать, по двоичной системе, хотя и не особо успешно. Не серым веществом. И твой, скажем так, старший собеседник может, скорее всего, тебя контролировать. Так что всякие «мокрые» мысли придуши в зародыше. Тогда он ничего не заподозрит. Не получит материала для нежелательных выводов.

Задачу ты ставишь перед собой, прямо сказать, неимоверного объема. Потому что исследовать начинку этой громадины — а я уже сейчас ощущаю колоссальный объем его возможностей — дело куда более сложное, чем пешком обойти планетку среднего размера.

А впрочем — что в этом страшного? Мы же тут живем по компьютерному времени, зависящему от быстродействия системы, а оно — это я чувствую как бы самим собой — просто неимоверно. И если мне придется тут разбираться во всем, ну, допустим, год — то за пределами этой системы пройдет всего лишь секунда-другая. Конечно, и это — срок серьезный: за это время пуля, вылетев из ствола, успевает поразить цель. Но — не надо думать о грустном.

И — как бы ни было быстролетно здешнее время, даже его не стоит терять понапрасну.

Что следует выяснить в первую очередь?

Таких вещей — несколько. Как Гек получает свежую информацию? Только ли обычными способами — от операторов и из сетей? Какими сетями он пользуется? И есть ли у него свои собственные датчики информации, которые он использует независимо от операторов? А если есть — где они? Тут ведь может существовать — при его-то мощности — множество вариантов — вплоть до того, что он держит в поле своего зрения каждого обитающего на Уларе человека, будь их даже миллионы. Кстати, учет этих людей наверняка ведется в любом случае, но следит ли он и за их перемещениями, контактами, действиями? Это очень важно. Для меня в частности. Тогда я сразу...

Да. Но еще важнее понять: что же здесь вообще происходит? Зачем «ХроноТСинус» переместился на это диковатое небесное тело? Как ему удалось во мгновение ока создать тут достаточно мощный — и, видимо, продолжающий расти — промышленный узел? Что заставило фирму заняться захватом кораблей — и просто людей, не играющих никакой заметной роли ни в политике, ни в войсках, ни в чем и нигде? Буквально: выйти на улицу и хватать всех, кто попадется под руку, — зачем?

Но есть и дело более важное. Найти и выручить Лючану. Потому что с государственными проблемами люди как-то справляются и без меня. А вот о ней кто другой позаботится, если не я? И надо уговорить Гека, чтобы он не отказал мне в помощи.

На это нельзя жалеть времени. Ни в коем случае. Но вот что: разговаривать с ним придется очень осторожно. Потому что его машинная логика должна быть весьма мощной и не допускающей осечек. Не надо наводить его на логические операции, которые у людей называются «подозрением». Пусть у него возникнет такая схема: я — не более чем его маленький дружок, комнатная собачка, с которой время от времени можно пообщаться, — и, поскольку она все равно в таких делах ничего не соображает, даже поделиться с нею какими-то своими мыслями и проблемами: собачка не способна разболтать ничего и никому.

Да, такой должна быть моя линия поведения. А в результате — может быть, удастся заглянуть в его меню. Уже названия каталогов могут дать материал для анализа. А если проникнуть в файлы, которые покажутся интересными...

И нужно для этого не обходиться крохотной, в сравнении с ним, мощностью своего рассудка. Нужно найти способ использовать его же силу. Вместо классической борьбы — применять уловки дзюдо.

Ну — господи, благослови...

39. Тонкости науки

Доктор Тазон не вошел, а просто ворвался к Астину Крату. Он еще не успел произнести ни слова, но уже по выражению его лица любой понял бы, что хроногенетик сейчас — на вершине счастья. Его прямо-таки распирало.

Крат поднял на него глаза. Взгляд был тяжелым, мрачным. И голос оказался таким же, когда хронофизик не спросил даже, но просто отметил:

— Итак, ты добился своего.

— Да! Да! Я провел заключительный эксперимент. Решающий. У меня было целых пятнадцать объектов — и полнейшая удача на каждом! Девяносто процентов ресурса! Считай, что энергетическая проблема решена. Ну! Обрадуйся же! Не ревнуй!

— Я искренне рад, — глухо откликнулся Крат. — Во второй половине дня Элюр собирает Круг — и там ты сможешь официально доложить обо всем и получить разрешение. Поздравляю. Ну, теперь, я надеюсь, ты можешь посвятить меня в суть твоей идеи? Я как-никак все еще Главный энергетик.

— Теперь это возможно, — ответил Тазон после недолгой заминки. — Но — только тебе. Не хочу, чтобы кто-либо из наших... Ты же знаешь — все мы страшно ревнивы.

— Будь спокоен, — кивнул Крат. — Я даже жене ничего не рассказываю — и о твоих секретах тоже промолчу. Клянусь ее здоровьем и счастьем.

— Этого вполне достаточно, — едва заметно улыбнулся Тазон. И уже другим голосом — почти шепотом — продолжил: — Тогда слушай...

Он рассказывал увлеченно, Крат слушал, и выражение его лица постепенно менялось — от большой заинтересованности к крайнему удивлению, и дальше — к ужасу, перемешанному чуть ли не с отвращением. Увлеченный собственным рассказом, Тазон не замечал этого и, лишь закончив, насторожился:

— Ты что — с чем-то не согласен?

— Почему? — Ответ был достаточно уклончивым. — Идея действительно оригинальна и продуктивна, согласен.

— Нет, — Тазон покачал головой. — Ты не рад. Что произошло, Астин?

— Да ничего такого. Просто нездоровится. Не обращай внимания. Ничего, пройдет. Я не сомневался в твоем успехе.

— Не хочешь ли отметить?..

Крат покачал головой:

— Хотел бы, но не в состоянии. Отложим, если ты не против. Может быть, после совещания почувствую себя лучше. Не обижайся.

— Нет, конечно. Только приди в себя поскорее. Ладно, я пошел — надо успокоиться, приготовиться к разговору с самим...

— Удачи тебе.

Проводив Тазона глазами, доктор Крат опустил лицо на ладони, закрыл глаза, чтобы совершенно отключиться от окружающего его мира. Не видеть, не слышать, не думать о нем.

Но не получалось.

«Приди в себя поскорее...». Вряд ли это получится.

Не только Тазон добивается результатов. Но бывают они разными. Одним можно радоваться. Другим же...

Крат потряс головой, как бы пытаясь отогнать мысли. Безуспешно.

Он тоже нашел то, что искал. Лучше бы не находил. Не искал бы вообще.

Но уж слишком интересовала его причина, по которой ХТ-Аномалия стала вдруг вести себя непредсказуемо плохо. Он ведь не думал, что этой причиной могло послужить... Могло — и послужило...

Деятельность людей — вот что оказалось причиной. Нарушение людьми равновесия, делавшего Аномалию устойчивой. Очень сложная система... А чем система сложнее, тем она уязвимее. Деятельность всей фирмы «ХроноТСинус», и в немалой степени — его собственная, Астина Крата.

Но беда — не в самой причине. Беда — в последствиях.

Если сейчас же, немедленно не прекратить использование Аномалии — планета Улар просто перестанет существовать. То есть, наверное, как некоторое количество вещества — сохранится, но где, в каком времени и пространстве она окажется — сказать невозможно, да и не нужно: люди на ней, во всяком случае, не уцелеют. Дело в том, что Улар вовсе не существует сам по себе. Он и Аномалия — две составляющие единого явления. Изменение одной из них неизбежно ведет к изменению другой. Изменение другой вызывает новые изменения в первой. Они как бы попадают в резонанс. А начальное изменение вызвали сами люди, воспользовавшись Аномалией как даровым источником энергии. Вернее — исходного материала для ее получения.

А если прекратить все? Оставить Аномалию в покое?

Есть какие-то шансы на то, что в таком случае процесс будет замедляться. Но, скорее всего, — необратимые изменения системы начнутся еще до этого. Собственно, они уже идут. Но все же — попытаться можно.

Однако удастся ли убедить Элюра и руководство фирмы в необходимости бросить все и бежать отсюда? Бежать куда глаза глядят. Это будет означать гибель фирмы. А для убеждения — всего лишь расчеты, которых никто из главных здесь людей не поймет. Им останется или верить Крату на слово, или счесть его просто свихнувшимся: фирма развивается так успешно, а Улар производит впечатление очень надежного мира.

Девяносто... девяносто девять процентов — за то, что они выберут второй вариант. Все до единого. Даже Тазон. Вряд ли можно будет втолковать ему, что найденный им источник энергии, может быть, и выручит в какой-то степени фирму, но никак не повлияет на судьбу системы «Аномалия — Улар». Где-нибудь в другом месте — да, наверное. А здесь обречено все.

Ни одного союзника не будет.

А тут еще Тазон со своей идеей. Страшной. Ужасной. Людоедской идеей. К тому же она, если просчитать, даже при полной ее реализации не поможет — не тот порядок величины. Но, безусловно, может отсрочить конец на какое-то время. Или, вернее, создать впечатление, что отсрочка возможна. Тазон предлагает ту самую соломинку, за которую хватается утопающий, когда не остается больше никаких шансов.

Ее наверняка примут на «ура». Будут реализовывать. И, кроме всего прочего, потеряют время, которое можно было бы использовать для спасения хотя бы людей; об остальном думать, пожалуй, уже не приходится.

Да, все будут за Тазона, сверху донизу.

Он, Крат, виноват во всем. Именно ему принадлежала идея — использовать Аномалию. Если бы не это...

Или почти во всем. Он ведь пытался тогда предупредить: спешка не нужна, лучше сперва углубиться в теорию, посчитать как следует, привлечь лучших математиков... Но перспектива показалась такой ослепительной, что с его предупреждениями никто не стал считаться.

Если он виноват, то он и должен спасти людей. Здесь сотни тысяч человек. Без союзника это невозможно. Но к кому же обратиться тут, на планете, которая даже информационно изолирована сейчас от всей Федерации?

Крат подумал еще. Вздохнул. По связи соединился с начальником Первого отдела Третьего штаба — Надежности.

— Это Астин Крат. Скажите, в вашем распоряжении находится этот... адмирал, бывший командующий эскадрой Федерации?

— Адмирал Сигор? У нас.

— Не могли бы вы доставить его ко мне — ненадолго?

— Собственно, зачем он вам?

— Он может располагать данными, нужными мне для работы.

— Знаете, он не очень-то разговорчив...

— Возможно, мне удастся подобрать к нему ключик.

На том конце канала помялись немножко: вообще-то такое не было принято. Однако доктор Крат был человеком весьма высокопоставленным...

— Вы хотите говорить с ним сейчас?

Крат посмотрел на часы.

— Нет. Скоро совещание наверху. После него. Я сообщу вам, когда вернусь.

— Так и сделайте, доктор.

— Непременно.

40. Еще об ощущениях кваркотронной схемы

— Гек! Не обидишься, если я буду обращаться к тебе так?

Ответа не последовало. Во всяком случае, такого, какой я ожидал. Но нечто произошло. Пользуясь старыми, телесными понятиями, я сказал бы, что ощутил легкую дрожь. И сразу понял: я сделал что-то не так. Видимо, каким-то подсистемам изнутри не следовало проявлять инициативу, пока их не спросили.

Я же проявил — и Гек на всякий случай проверил, в порядке ли я. Видимо, я целиком соответствовал программе, которая меня тут реализовала, поэтому никаких неприятных последствий для меня не последовало. Но если я повторю подобную попытку, он может принять меры — такие, что мне мало не покажется. Нет уж, я не сторонник чрезмерного риска. Спасибо моей программе, а еще — Вратарю, исправно отправившему ее вместе со мной, воспользовавшись тем же самым кодом проникновения...

Кстати: но на первый мой вопрос Гек ответил. Почему?

Видимо, вопрос оказался правильным. Заранее запрограммированным. Гек должен был, так сказать, представляться собеседнику. То есть — каждой новой программе, которую он признавал и принимал.

Вывод: с ним можно разговаривать только программами. Но от меня он никаких программ принимать не станет. Они должны поступать извне. И если даже он должен что-то совершать автономно, то и на это должна быть программа — условно говоря, типа «Разберись в том-то и сообщи результат». Или нечто в этом роде.

Черт, ну почему я не сообразил этого сразу? Я мог бы немедленно, слепив такую простенькую программу, передать ее, пользуясь все тем же кодом, домой, Вратарю, — а он вернул бы ее сюда, и Гек принял бы ее как данную извне — поскольку код проникновения содержит в себе, конечно же, и код, разрешающий Геку пользоваться этим материалом, и приказание выполнить новую программу. Сразу — это наверняка прошло бы. А сейчас — сколько времени потеряно! А ведь такие коды меняются не реже раза в сутки, а может быть — и через несколько часов, так что сейчас тот, которым я пользовался, наверняка уже...

Да почему, дурень этакий? Это ведь по здешнему, компьютерному понятию прошло время. А в медленном мире живых людей, пожалуй, полчаса назад я еще находился у себя дома, ожидая нападения. Так что стоит попытаться. Конечно, кто не рискует — того и не бьют, но другого пути я просто не вижу.

Значит, сейчас составляем программы первой необходимости. Какие?

Ну, первая совершенно ясна: вводить в меня...

(Кстати, как я у него называюсь? Скорее всего, так, как я озаглавил свою программу при составлении: «Разитель», полным своим служебным прозвищем. Не от большого ума, конечно. Это словечко уже сидит у Гека в меню и если попадет на глаза кому-то, с кем мне в прошлом приходилось хоть раз пересекаться по делам... а тут, надо полагать, народ собрался всякий, в том числе и такие человечки, — то, вернее всего, последует команда «Стереть!» — и с тобой, приятель Ра, покончено. А перед тем как стереть, меня тут вывернут наизнанку — и не в моих силах будет сопротивляться могучим схемам Гека. Да, глупо. Но всего не угадаешь. Как только я смогу им командовать, сразу же переименуюсь. Но сперва...)

Итак — создать в дирекции «Разитель» файл кода проникновения и всех других применяемых здесь кодов, обновляя информацию при каждой смене каждого кода. Это первое.

Второе...

Нет. Потом. Сначала пусть пройдет это первое. Странно: нет тут у меня никаких нервов, но состояние мысли такое, словно я нервничаю. Ладно, это неважно. Хорошо, что у

меня сохранился доступ к программе моего внедрения сюда; вернее — это у нее сохранилась связь со мной. Выполняем. Текст для Вратаря. Только бы с ним ничего не случилось за это время! Лишь бы он оказался в порядке и не отключился от ВВ-связи! И не дай бог, чтобы кто-то вывел его из строя! Тогда — конец, тогда — все.

Опять психуешь? Запомни: там никто еще не мог ничего сделать, потому что времени прошло слишком мало! Ну, поехали!

«Вратарь, это хозяин. Мой код... Задание: передать по каналу моей пересылки следующую программу...»

Она была короткой — короче некуда. Я уповал на то, что в ВВ-пространстве все спокойно и передача достигнет адресата. Ждать и повторять не придется. Должно же и мне когда-нибудь везти...

Повезло. Возникла информация:

«Выполняю, хозяин».

И с криком «Ура!» — в атаку, вперед.

Теперь можно и вторую программу, раз уж канал существует и Гек принял послание Вратаря как не подлежащее сомнениям. А я твердо знал, что он принял, поскольку все заказанные коды были уже во мне. А вторая программа будет куда важнее.

«Присвоить программе «Разитель» номер первый в иерархии действующих сейчас и тех программ, что будут поступать в будущем, и выполнять ее команды немедленно и полностью. Переименовать программу «Разитель» в...»

Какое же выбрать для нее имечко — чтобы оно не обращало на себя особого внимания и не вызывало подозрений у здешних пользователей, но могло бы что-то сказать тем немногим, кто сможет — при моей помощи, конечно, — проникнуть в Гека?

«Антивирус Уракара».

Пожалуй, подойдет. «Антивирус» — звучит успокоительно для каждого оператора. Что-то такое, что нужно сохранять. А слово «Уракара» — для своих: для Лючаны, Иваноса, Службы...

Прошло — судя по тому, что в моей программе возникли изменения. Такие, каких я и хотел.

Да, вот так, ребятки! Силен и могуч был Ахиллес, но и у него имелось слабое местечко. Пятка. Ты, Гек, защищен от взлома, наверное, как ни один компьютер в мире не был, у тебя — целая свора рьяных антивирусных псов, готовых накинуться и разодрать в клочья всякую инородную систему; но я-то не инороден, я вошел в тебя по всем правилам, отпер дверь не отмычкой и не ломиком, а самым настоящим ключом. Так что у тебя не может быть никаких возражений.

А я на вашем месте, ребята, не сообщал бы код проникновения своим взломщикам и убийцам. Я бы на такие дела посылал парнишек поумнее, а не таких, что нуждаются в советах и инструкциях, чтобы надеть собственные штаны.

Вот так-то. А теперь — попробуем выяснить: далеко ли можно пробраться через пятку. Долог ли путь от пяток до мозга и что мы увидим по дороге. Поведем себя уверенно и чуть нахально, как и полагается главной программе.

«Показать меню!»

О господи, что за сутолока в моих чипах! Сколько всего, и больше половины — такого, чего я совершенно не понимаю. Нет, такой просмотр мне ничего не даст. Надо сразу браться за конкретные вещи.

«Загрузить в «Антивирус Уракара» информацию о населении мира Улар — количество, имена, откуда прибыли, возраст, местонахождение, профессия».

Так. Что за шутки? Он предлагает мне выбор: «Статистика Правления или Лаборатории Хроногенетики?»

Интересно. Две статистики? Любопытство заставляет заглянуть в обе.

«Правления».

«1265243 человека».

«Теперь — генетиков».

«Население или сырье?».

У него что — крыша поехала? Глючит? Если у него глюки соответствуют мощности, то просто не по себе делается...

«Люди!!!».

«Потенциально: люди-население — 390814 единиц. Люди-сырье — 874229 единиц».

М-да. Не так чтобы очень ясно. Но такое деление мне определенно не нравится. Ладно. Дальше.

«Поиск. Имя: Лючана. Источник: Теллус. Время рождения: 312 год Федерации. Пол женский. Личный галакт-код: 18392771548662. Искать!»

Быстро же он справился...

«Искомый среди населения не обнаружен».

Коротко и ясно. Но плохо.

«Искать в прошлом. Среди убывших и умерших».

Отдавая эту команду, я стиснул несуществующие зубы.

«Искомый прибыл 29-07-349. Среди убывших и умерших не обнаружен».

Вот те раз. Прибыла; не уезжала. Но не числится ни среди живых, ни среди мертвых. Ну, что он там?

«Искать ли в группе «Сырье»?»

Ну, пусть поищет. Кстати, разберемся, что это за категория...

«Объект обнаружен. Экстрагирован трижды. Изъято суммарно 59 ХТ».

Что они там у нее изъяли? Ну, это потом.

«Местонахождение?»

«В настоящий момент неизвестно».

Ну ты даешь! Как же это тебе может быть неиз... Что?

«Загружаю программу «А». Сохранить ли программу «АВУ»?».

АВУ — это, видимо, я. Но я же номер первый в иерархии, какого же черта... Ну, понятно. Кроме цифровой иерархии, у него существует и литерная — и она, так получается, главнее. Мог бы и догадаться, Ра, проверить хотя бы. Но теперь уже ни к чему махать кулаками.

«Сохрани программу АВУ в действии».

Хотя бы посмотрю — что там будет делаться по этой сверхважной программе. Хорошая возможность: я присутствую, но меня не видно. Наверняка там есть индикатор, показывающий, что моя программа работает, но она же антивирусная, кто станет отключать ее? Наоборот...

«Вести запись. Код А-00».

Это была команда от оператора — Геку. Интересно, а такой код мне передан? А вот он, красавец. Все как в лучших домах. Начинайте, ребята, я весь — внимание.

41. Разговоры в верхах

Это было, как я сразу понял, чем-то вроде производственного совещания, с которого все — и звуки, и картинки — исправно подавались в Гека, а он аккуратно запечатлевал это в своей необъятной памяти. Не знаю уж, зачем был нужен такой протокол, не иначе, как для Истории: у многих бывает такая придурь, хотя как станут этим материалом распоряжаться разные Истории — а их всегда бывает больше одной, — никому не известно. Ну, это их проблемы, моя же задача сейчас — слушать; может быть, если еще раз повезет, я и соображу что-нибудь для пользы дела. Так о чем они там?..

Доктор Элюр Синус уже занял председательское место. Все собравшиеся, люди высоких постов и еще более высоких окладов, встали и почтительно наклонили головы, когда доктор Синус (на вид лет сорока пяти, среднего роста, подтянутый, явно не чуждый спорту, с холодными, редко мигающими серо-зелеными глазами и решительной складкой губ) появился, в сопровождении непременных двух телохранителей высшего класса (получали они, правда, лишь немногим больше, чем члены директората ХС), — вышел из двери, противоположной той, в какую входили все прочие, и решительными, упругими шагами проследовал к своему креслу. Окинул быстрым взглядом собравшихся, убедился в том, что ни один из вызванных не отсутствует (попробовал бы кто-нибудь пренебречь приглашением!) и начал сразу же, экономя, согласно первому принципу фирмы, время:

— Внеочередное совещание открыто. Без последствий (это означало, что и за самые неприятные, пусть даже рискованные критические заявления и выступления никакие санкции

применяться не будут, иными словами — требуется полная откровенность). Кан Сакрост, начинайте!

Неприятный голос: самоуверенный и с температурой ниже нуля.

— Да, кан Элюр. С вашего разрешения, выслушаем отчеты по основным направлениям о ситуации на сию минуту...

Второй голос тоже достаточно уверенный, однако почтение в нем переливается через край. Но вот кран почтения сразу закрылся — разве что капли падают изредка.

— Кан Эрб, доложите о состоянии монтажных работ.

— У меня есть прекрасная возможность быть кратким. Задания по монтажу выполнены по двум направлениям: полностью завершен и работает первый метаморф-реактор, монтаж второго ведется по мере сдачи площадей строителями. Проложены и опрессованы соответственные ХТ-каналы.

— Неплохо, кан Эрб, но что с третьим и четвертым направлениями? С промышленным монтажом и, главное, с проектом «Пигмей»?

— Кан Элюр, в третьем, промышленном, направлении монтажники еще не вышли на заданные рубежи по той лишь причине, что не хватает энергии и подача ее ослабевает ежеминутно. Это уже от нас не зависит. Как только появится энергия...

— Да, это всем нам известно. Кан Астин Крат, ваша очередь. Вы о чем-то задумались? Надеюсь, о деле? Можете сидеть, Астин. Максимально коротко. Итак?

В действительности он думал именно о деле. О главном. Может быть, встать сейчас и сказать совершенно откровенно: нам грозит гибель, и все, что будет предлагать вам доктор Тазон, приведет лишь к неоправданным жертвам, к ненужной жестокости — и к тому, что все человечество будет относиться к нам не как к содружеству промышленников и ученых, а как к банде, достойной лишь уничтожения. Нужно сосредоточить все силы на эвакуации планеты, а не на том, чтобы хоть ненадолго сохранить то, что кажется сейчас благополучием, таящим в себе ослепительные перспективы. Да, встать и сказать... Но достаточно посмотреть на присутствующих, чтобы стало ясно: никто не поймет, не захочет — а может быть, и не сумеет понять. Формулы для них — чужой язык, а вот Тазон будет говорить на общедоступном. Нет, надо искать другой путь. Рискнуть собой — о, это он сделал бы охотно. Но не Тиной, ни в коем случае не Тиной!..

— Мы ждем, доктор Крат!

— Прошу извинить, — откликнулся Главный хронофизик фирмы. — Я буду краток, кан Элюр, кан Сакрост. Накопители готовы к приему планировавшихся объемов ХиТэ, однако сейчас заполнены лишь частично. Все уже действующие мощности способны производить расчетное количество энергии.

Однако ее производство действительно падает все ниже и в настоящее время составляет едва четверть предполагавшегося на нынешнюю дату. Причина всем ясна: хотя монтажники действительно выполнили все от них зависевшее, но естественный поток сырья становится все менее интенсивным по причинам, от нас совершенно не зависящим, и метаморф-реактор вынужден работать на минимуме мощности. Поэтому энергетическая служба и оказалась не в состоянии обеспечить бесперебойное расширение промышленности...

На этом бы и закончить; но не удалось удержать слова, своевольно вырывающиеся из глубины сознания:

— Господа, я должен довести до вашего сведения, что ХТ-Аномалия, как показывают последние наблюдения, проявляет тенденцию значительного отклонения от предполагавшихся параметров ее деятельности. А именно: давление по параметру один — главному, как вы знаете, — уменьшается быстрее предвычисленного нами, и уменьшение это идет с нарастающей скоростью. Это заставляет предположить, что на обычном уровне, даже самом низком из наблюдавшихся ранее, падение не остановится и — не исключено — достигнет фонового изохрона. Существует даже опасение, что давление упадет ниже фонового. Это будет означать катастрофу, последствия которой предвидеть не трудно: стагнация и развал. Все наше дело, все замыслы рухнут, господа. Именно это я имею честь вам доложить. У меня все, кан.

Насторожились. Переглядываются. Что начнется теперь?

— У меня три вопроса, Астин. Первое: бывало ли уже такое — до того, как мы начали осваивать эту область пространства? Второе: по вашему мнению — это нормальное колебание, только непривычно крупного масштаба — или мы являемся свидетелями необратимого затухания деятельности Аномалии? И, наконец, третье: идет ли речь только о спаде деятельности фирмы — или последствия могут быть катастрофическими?

— Вопросы понятны, кан Элюр («*Странно: меня еще слушают?*»). Отвечаю: по первому — нами подобное не наблюдалось. Второе: мы на скорую руку просчитали вероятности. Необратимое затухание — десять процентов, необычно глубокое колебание — девяносто.

— Второй вопрос у меня: не могла ли послужить причиной такого колебания наша деятельность — то вмешательство в естественный процесс, который... ну, вы понимаете.

— Да, кан Элюр. Считаю, что ваши опасения оправданны. Наше вмешательство, по сравнению с мощностью самого явления, прежде казалось нам слишком незначительным, чтобы вызвать подобные последствия. Ведром воды никому еще не удавалось погасить вулкан. Но, похоже, у нас это получилось, к сожалению. Мы с коллегами в институте только что успели обменяться мнениями по поводу возможности куркового за-

пуска реакции и пришли к единому выводу: такое развитие событий представляется реальным.

— Астин, по вашим научным предвидениям: если это просто углубленное колебание, то как долго может продлиться пауза — иными словами, когда Аномалия снова сможет выйти на продуктивный уровень?

— Ну, если экстраполировать уже имеющийся опыт... Хотя понимаете, кан Элюр, большой точности тут требовать нельзя: Аномалия, со всем ее колебательным режимом, существует во времени, но она сама и есть — время, а это означает, что тут не исключен резонансный эффект — она сама будет раскачивать себя, но, чтобы разобраться в том, в какую сторону пойдет раскачивание, к восстановлению процесса или, напротив, к его дальнейшему ослаблению, — для этого, кан, нужна такая математика, которой у нас — я имею в виду человечество вообще, а не именно нас — просто еще не существует. К сожалению, никто не подумал своевременно о необходимости поисков и разработок новых математических методов, мы не пригласили к себе...

— Спасибо, Астин, достаточно. Но мы сейчас не на конференции по упущенным возможностям. А вы все еще не ответили. Ну, дайте хотя бы порядок величины. Это вы можете сделать?

— Н-ну, я бы сказал... в пределах от трех дней до недели. Да.

— Лучше — три дня, — очень серьезно проговорил Эрб. — На столько у нас хватит энергии и без свертывания идущих процессов. А если и отключим, то какие-нибудь третьестепенные лавочки. Это было бы оптимально.

— Да, — кивнул кан Элюр. — Но так не бывает. Хотя надеюсь, что нас покарают и не по максимуму. Давайте будем ориентироваться на пять суток без поступления новой энергии. То есть — начать разумное сокращение затрат уже сегодня. Но я еще не получил ответа на третий из заданных вопросов. А именно: грозит ли нам катастрофа? Лично я думаю, что нет. Впрочем, скажите сами.

Доктор Крат потупил глаза: *может быть, прямо сейчас сказать им, что угроза означает именно гибель физическую? Но не прозвучало ли в словах Элюра недвусмысленное предупреждение? И во взгляде, которым эти слова сопровождались, можно было прочесть то же самое: еще рано. Эта новость может вызвать у всех такой страх, что они перестанут быть управляемыми, решатся на... на сумасшедшие действия, противопоставят себя всему остальному человечеству. Речь пойдет уже не о неуплате налогов и не о торговой войне за рынки. Этого нельзя допускать. Нет, правильно, я пока промолчу. Это надо будет сказать Элюру с глазу на глаз, в спокойной обстановке, не в такой, как сейчас.*

— Если бы мне понадобилось доказать, что нам грозит катастрофа, я не смог бы сделать этого.

Прошелестел облегченный вздох.

— Благодарю, Астин. Да, Сакрост, хотите еще что-то сказать?

— С вашего позволения, кан Элюр. Если я правильно ухватил суть ситуации, то ее дальнейшее развитие представляется мне таким: учитывая интенсивность наших энергозатрат, мы самое позднее через неделю вынуждены будем не только остановить все строительство, а за ним и все производство; поскольку и само существование нормальной жизни в этом мире возможно только при расходе энергии не ниже существующего. Поэтому я хотел бы услышать: каковы запасы энергии в накопителях?

— Доктор Крат, сегодня вы главный ответчик. Прошу.

— Благодарю, кан Элюр. По состоянию на час открытия этого совещания суммарный запас в трех действующих накопителях составлял одиннадцать теравольт-ампер. Основные расходные направления...

— Астин, это всем известно. Вы хотите что-то сказать, доктор Тазон?

— У меня есть некоторые соображения по этой теме.

— Вот как? Мы вас внимательно слушаем.

— Перед этим, с вашего позволения, вопрос к начальнику Отдела-четыре: какова сейчас численность населения Улара?

— Мне ответить, кан Элюр?

— И побыстрее.

— Триста пятьдесят тысяч.

— А каков минимум, с которым можно было бы поддерживать основные производственные и строительные процессы в течение месяца?

— Так сразу ответить трудно. Но, по принятым нормативам... Такой срок мы могли бы выдержать и при половинной численности.

— Сто семьдесят пять тысяч. Прекрасно. Просто прекрасно.

— Тазон, если можно — без загадок.

— Их не будет. Но краткое предисловие необходимо. Полгода назад, как вы помните, по моим настойчивым просьбам еще на Милене в составе компании была создана генетическая лаборатория. Так ее обычно называли, хотя настоящее ее название и тогда, и тем более сейчас — Лаборатория хроногенетики. И там...

Тазон неожиданно умолк. Словно подавился еще не произнесенными словами.

— Доктор Тазон, продолжайте! Мы ждем.

— Разумеется, кан Элюр. — Это было сказано нерешительно, с запинкой, словно кто-то затормозил — и так и не убирал ногу с педали. — Но... — И дальше — решительно, словно бросаясь в холодную воду: — Я попросил бы разрешения продолжить доклад лично вам, кан. Тет-а-тет, как говорится.

Брови Элюра Синуса чуть не двинулись вверх, чтобы выразить крайнее изумление. Но, дрогнув было, остались на месте: удивляться было ниже достоинства владельца ХТС.

— Надеюсь, у вас имеются серьезные основания для столь необычной просьбы?

Хроногенетик доктор Тазон проглотил комок, прежде чем ответить:

— Очень серьезные, кан Элюр. Крайне серьезные.

— Ну, в таком случае...

(Внутри компьютера всякая пауза кажется бесконечно долгой: другая скорость процессов, ничего не поделаешь. Пока там стоит молчание, можно, кажется, успеть создать целый мир, развить его до предела и уничтожить без следа.

Ну, наконец-то!)

— Итак, доктор Тазон, теперь можете продолжать — никто, кроме меня, вас не услышит. Хотя я не понимаю: здесь у нас, насколько *я* могу судить (с громадным чувством собственного достоинства и явной иронией было произнесено это личное местоимение), все участники совещания в курсе даже и самых скрытых дел нашей фирмы.

— Но не работ нашей лаборатории, кан.

— В таком случае — поделитесь вашими секретами. В чем они, собственно, заключаются?

— Прежде всего в работе хроногенетиков, кан Элюр. Могу сказать вам — и это всегда будет предметом моей гордости, — что мне почти сразу удалось пригласить — или заманить, если угодно, благодаря вашей щедрости — на работу в нашу лабораторию лучших генетиков и генинженеров двух последних десятилетий. И установить постоянное и глубокое сотрудничество между ними — и самыми сильными хронофизиками фирмы. Таким образом, уже через два года после начала совместных исследований — не скрою, что велись они под моим руководством и в заданных мною направлениях, — появилась возможность говорить о возникновении новой отрасли науки — как и обычно в нашу эпоху, на стыке двух наук: хронофизики — и той области генетики, что занимается геномом человека. Что она возникла, нам стало ясно в тот миг, когда удалось расшифровать функцию одного из генов, чье назначение до того оставалось неизвестным. Речь идет о...

— Подробности потом, доктор Тазон. Объясните: почему я впервые слышу о таком достижении одной из моих лабораторий только сейчас?

— Потому, кан, что мы действовали — я лично — в полном соответствии с вашим распоряжением и научными традициями, согласно которым об открытии сообщается лишь после тщательной экспериментальной проверки, когда становится ясно, что подобные эксперименты могут быть поставлены и любыми другими специалистами — в соответствующей обстановке, разумеется.

— Н-ну... допустим. Почему же эти эксперименты не были своевременно проведены? Вы сказали — через два

года после начала... то есть около полутора лет тому назад? Чего вам не хватало для завершения работы?

— Только одного, кан Элюр: людей.

— Но если вы смогли привлечь к сотрудничеству, по вашим же словам, наилучших специалистов, то...

— Я имею в виду не специалистов, кан.

— Кого же?

— Тех, на ком можно было бы этот эксперимент поставить. Речь ведь шла о генетике человека, не кошки и не свиньи.

— Ваши слова заставляют думать, что эксперименты могли бы стать опасными... для тех, кто им подвергся бы?

— Не только могли, кан. *Должны* были.

— И по этой причине... проводить их на Милене было затруднительно, понимаю.

— Не только там, кан; в любом мире с более или менее устоявшейся жизнью, законодательством, охраной здоровья, порядка...

Элюр Синус моргнул. Но лишь единственный раз.

— А тут, следовательно, вы нашли все необходимые условия.

— Совершенно верно, кан. Могу уточнить...

— Нет нужды: я примерно представляю. Но вынужден заметить, что вы еще не сказали ни слова о сущности вашей новой науки и тех экспериментов, которых вам так не хватало для официального сообщения, оформления приоритета и так далее — всего того, чем вы, ученые, столь дорожите. Не заставляйте меня пришпоривать вас, доктор Тазон.

— Ни в коем случае. Но не обижайтесь, если я начну с общеизвестных истин. С того, например, что каждый родившийся человек проживает в этой жизни — или, формулируя несколько иначе, употребляет для своей жизни — некоторое количество времени. Обычного, того, что у нас принято называть фоновым.

— Да, можно назвать это и так. Или — временем-один.

— Существовало определенное количество гипотез и даже теорий, пытавшихся объяснить, что же именно является фактором, определяющим то количество времени, которое находится в распоряжении каждого индивидуума; попросту говоря — чем обусловлена продолжительность жизни любого человека.

Образом жизни? Тем, что он ест, что пьет и сколько, чем дышит, каким инфекциям подвергается, и так далее? Состоянием окружающей его среды, то есть местом его проживания? Устойчивостью нервной системы и характером высшей нервной деятельности? Волей к жизни? Наследственностью?..

— Последнее, кажется, считалось наиболее убедительным...

— И по праву, кан, по праву. Оставалось лишь неясным — что же именно передавалось по наследству, то есть генетическим путем. О существовании возрастного гена знали и до нас; но какая в нем программа и как эта программа действует, оставалось тайной за семью печатями. Уместно сравнение: бы-

ло выяснено, по какой дороге приехали, но оставалось совершенно неизвестным — кто именно приехал и что привез с собою. Не совсем исчерпывающие знания, согласитесь.

— Соглашаюсь.

— Ну а вот нам удалось выследить приехавшего, даже сфотографировать его, а затем и идентифицировать.

— Прямо научный детектив. Вы это не придумали на досуге?

— У меня не бывает досуга, особенно здесь, кан. А что касается детектива, то так оно и есть — поскольку детектив лежит в основе любой науки: розыск неизвестного, установление его примет, моделирование его поведения — и так далее. И в конце концов — изобличение.

— И кем же оказался разыскиваемый?

— Все тем же временем, кан Элюр.

— Гм. По-моему, это — масло масляное.

— Так показалось всем. На первый взгляд. Стоило усилий заставить себя копать дальше. Мы преодолели свое смущение и разочарование. Продолжили. И нашли. Но не сразу. Для этого сперва пришлось пересмотреть наши представления о времени. Издавна было принято считать, что все в мире изменяется во времени — само же оно движется, оставаясь неизменным, то есть сохраняет раз и навсегда заданную структуру...

— Ну, не совсем так. Если бы нам не было известно, что существует давление времени и что оно способно варьировать, — я не стал бы вообще затевать операцию с Уларом и мы бы с вами сидели не здесь, а на той же Милене, скорее всего. Это ведь еще мой дед знал — иначе нам не удалось бы создать никакого ВВ-пользования.

— Справедливо, кан. О давлении было известно. Но о структуре времени никто ничего не знал. Было известно, что оно квантуется; а дальше? О том, что его структура подобна атомной, а следовательно — возможны всяческие комбинации и, как результат, изменения свойств? Этого никто не знал, кан. И мы сегодня тоже не имели бы представления — если бы вам не удалось разыскать это местечко по соседству с хроноаномалией; ее наличие и дало нашим мозгам толчок в нужном направлении. Мы теперь знали — что искать. Уподобились геологам-разведчикам. Они ведь ищут залежи, скажем, железа, зная, что встретят его вовсе не в таком виде, в каком оно применяется в технике, а совсем в другом. Так и с нами. Короче говоря, кан: этот ген оказался не приемником времени извне, как мы были склонны думать. Он оказался на самом деле аккумулятором времени, а еще точнее — топливным баком.

— Так... Погодите, дайте сообразить. Да. Неожиданно. Только не аккумулятором, Тазон, скорей батареей. А если баком, то одноразовым, с одной-единственной заправкой. Очень интересно.

Очень. Но я не вижу, как вы можете увязать это с нашей сегодняшней ситуацией.

— Не видите? Но продолжите аналогию с баком. Она очень точна. Залитое топливо можно расходовать постепенно. А можно и выкачать разом — если имеется нужный насос. И выкачать может не обязательно владелец этой емкости; это ведь можно сделать и со стороны, не так ли? Перекачать в другую, уже свою канистру — и использовать по собственному усмотрению.

— Кажется, я понял. И суть вашего эксперимента, и связь вашей темы с нынешней ситуацией. Теперь скажите, Тазон: откуда вы взяли подопытных — здесь, на Уларе, где нет ни туземцев, ни вообще лишних людей — во всяком случае, так считалось до нынешнего дня?

— Я просто уговорил тех, от кого это зависело, передать в мое распоряжение обреченных. Вы ведь помните — были пойманы два федеральных, а точнее — теллурских шпиона.

— Праздный вопрос: а куда вы дели их тела?

— Кан Элюр, за кого вы меня принимаете?!

— То есть?

— Никаких тел нет. Есть живые люди. Я распорядился не выкачивать их время досуха, до последнего хронокванта. Они живы, правда, сильно состарились, как вы понимаете. Зато умрут естественной, своей смертью, когда их хроноресурс совершенно иссякнет.

— И вы полагаете, что если мы проведем подобную операцию с половиной сегодняшнего населения Улара...

— Это я могу утверждать твердо. Конечно, будут некоторые потери при переводе времени из того состояния, в каком оно концентрировалось в генах, в обычное фоновое, пригодное для дальнейшей работы. Но это всего лишь четыре-пять процентов, не более. Остальное же — ваше.

— Сколько времени потребует операция такого масштаба? И подготовка аппаратуры в нужных количествах?

— Техника тут достаточно примитивна, кан, и весь процесс уже хорошо отработан. Конечно, в целом это займет недели две. Но ведь поступление в метаморфы начнется буквально с первого же дня. Как только прикажете. Но для этого необходимо в самом срочном порядке начать монтаж устройства, получившего у нас в лаборатории название экстрактора. Лабораторная конструкция отработана до конца. Но нам нужен промышленный масштаб. И тогда мы сможем скомпенсировать тот недочет, перед которым нас поставила Аномалия. Если монтажникам Эрба будет приказано...

— Немедленно, Тазон. Я прикажу — немедленно. И с максимальным использованием ускорения. Восьмикратным. Если эта установка не чрезмерно сложна, ее можно будет собрать за календарный день.

— Такого решения я и ждал от вас, кан Элюр. Установка очень проста. Однако... в этом случае сырье пона-

добится нам уже завтра. А у нас его нет. Но... Мы — то есть Отдел-четыре — вчера и сегодня получал пополнение, которое целиком и полностью направлено на достройку и параллельный монтаж заводов — седьмого и восьмого. Если вместо этого отдать этих людей мне... Я еще месяц тому назад предупреждал Отдел-четыре о необходимости резкого стимулирования иммиграции, но они...

— Тазон, критика — потом. Я знаю то, о чем вы упомянули. Четвертый штаб входил ко мне с этим вопросом, но в тот миг все наши корабли были ориентированы на перехват в Пространстве судов с грузами металлов и той химии, которая у нас только создается, поскольку после начала блокады и ареста наших счетов в мирах это было единственным средством производить товары и получать денежную прибыль. Тут нет виновных. И ни у кого не должно возникать желания свалить что бы то ни было на кого-то другого. А кроме того, в те дни вы были еще достаточно далеки от решения проблемы, не так ли?

— Простите, кан Элюр...

— Ну-ну. Я был бы слишком плохим руководителем, если бы каждую минуту не знал обо всем, что происходит на фирме. Я постоянно был в курсе. А вы наивны, доктор. Но это хорошо. Тогда было не время поощрять вас. Сейчас — иное дело. Думаю, что примем все необходимые меры сразу же. Что касается вас: не стану сотрясать воздух хвалебными речами. Вы и сами понимаете, каков масштаб сделанного вами — и всей лабораторией. Но вы знаете: я люблю вознаграждать заслуги по достоинству.

— В этом никто не сомневается, кан Элюр: мы все вас знаем.

— Так что пока, Тазон, я просто благодарю. Но не только благодарю. С этого мгновения вы — Третье лицо на Уларе. С восьмой позиции — неплохой прыжок, а?

— Это даже не на вес золота, кан. Куда больше.

— Это на вес времени, доктор. А теперь вернемся в зал...

(Снова пауза. Но теперь она уже не кажется бесконечной: она заполнена моими размышлениями.

Вот сукины дети!..

Что же они еще придумают?)

— Кан Эрб, вы говорили, что в основном монтажные работы завершены?

— Да, кан, за исключением промышленности, как я уже докладывал; кроме того, продолжается монтаж на Метаморфе-два.

— Я в курсе того, что вы там делаете сейчас. Даю вам официальное разрешение — срочно монтировать и запустить аппаратуру доктора Тазона.

42. Пат занят делом

Начинался новый рабочий день с удовольствия. Заключалось оно в том, что как ни поздно вроде бы уснул накануне Пат из-за разыгравшейся не ко времени памяти, выспался он отлично — так, как давно уже не приходилось. Как если бы часов десять был в отключке, а не те сто двадцать минут, которые протекли, судя по цифрам на часах. А когда человек выспался — все кажется ему прекрасным: и погода, и дорога на работу, да и сама предстоящая работа, пусть даже выполнять ее придется в том же густом тумане, что стоял в корпусе вчера. Пожалуй, так даже интереснее.

Впрочем, никогда не угадаешь — что сегодня тебя ожидает. День нынешний часто оказывается совершенно не похожим на день вчерашний, на который ты только что его примерял. Вот и теперь вроде бы так получилось.

Хотя началось все нормально. После быстрого завтрака группа собралась перед домиком, старшой проверил — все ли тут, оказалось — все, после чего монтари тронулись тем же путем, что и вчера; не строем шагали, конечно, а гурьбой, неторопливо, с достоинством: все-таки специальность у них была не «поднять и бросить», а тонкая и ответственная.

И все же какие-то заминки начались еще по дороге туда, к недостроенному корпусу, где трудились вчера. Уже близ самого корпуса им — монтажной группе — встретились другие люди. Нет, не то чтобы встретились; скорее их дороги пересеклись. Монтари шли от рабочего поселка, и вели их к тому входу в корпус, который находился дальше от жилого дома. А с другой стороны — от места, где помещалось десятка три приземистых строений — вроде бараков, таких, в которых ютятся первопроходцы на новых планетах, пока не построят себе приличное жилье, шла целая толпа, а вернее — кое-как разобравшаяся в колонну по три куча людей, самых разных на взгляд — постарше и помоложе, мужчин и женщин, одетых кто получше, а кто и вовсе едва ли не в отрепья, с выражением хмурого недоумения на лицах. Не шли, можно сказать, а плелись, и чтобы они совсем не встали, их подгоняли охранники, несколько... пятеро? Нет, шестеро. И было этих удивленных людей, пожалуй (Пат Пахтор потер лоб) никак не менее сотни. Ну там плюс-минус. Гнали это население по дороге, пересекавшей ту, по которой шли рабочие, под острым углом, потому что вела она от бараков к этому же корпусу, но к другому входу — тому, что к монтажной смене поближе, но ей не нужен был. Их дорога, кстати, была поуже, плохо нахожена, да, точно. Они (пестрый сброд, как про себя — не без презрения — определил Пат) первые там шли. Собственно, дороги и не было там, просто тропинка. И эти люди оказались на перекрестке раньше их, почему им и скомандовали

остановиться, не доходя до скрещения метров с десяток. Вот тут и было время их разглядеть и даже подсчитать — без всякой надобности, а просто по привычке запоминать обстановку — непонятно только, откуда такая привычка у него вдруг взялась, однако же вот взялась, и он смотрел и считал. А из тех некоторые — далеко не все, правда, большинство просто смотрело себе под ноги — тоже глядели на рабочую группу, на монтажников, глядели както странно — без выражения. Ни страха, ни удивления, вообще никакого чувства не было в их глазах. Глядели, да, но видели ли — сказать трудно.

Двигаться дальше им разрешили не сразу, но лишь когда голова их колонны уже подошла к подъезду. Тут группа тронулась; кое-кто из монтарей стал еще, из чистого любопытства, оглядываться на тех, непонятных, но здешний старшой, который вел смену, прикрикнул, хотя и не сердито:

— Нечего глазеть — успеете еще насмотреться. Шире шаг!

Но любопытство — после голода и еще там одного-другого чувства — самое сильное, и, когда группа стала уже втягиваться в корпус, Пахтор не удержался и глянул направо — в сторону того подъезда. И увидел, успел на последнем шаге, уже переступая через порог, как из тех дверей стали выходить — выползать, может быть, точнее — опять-таки люди, но уже другие. Это стало сразу понятно, потому что (зрение у Пата было — дай бог всякому) эти были, если брать в среднем, лет на десять, а то и больше, постарше первой колонны. Плелись они как-то неуверенно, и Пат успел еще подумать, что у охранников будет немало хлопот, прежде чем этих доходяг организуют в какое-то подобие строя. И тут же, войдя в корпус, думать об этом перестал, потому что подступили новые впечатления и они касались уже Пата лично и потому были куда важнее.

А заключались эти новые впечатления прежде всего в том, что в корпусе многое успело измениться, пока смена Пахтора отдыхала. Наметанным глазом он оценил обстановку и понял: еще вчера собирались делать тут одно, а сегодня — что-то совсем другое, и та смена, что вкалывала, пока Пат отдыхал, успела уже провернуть большую кучу дел — только не тут, куда сейчас пришли монтари, а в другой половине корпуса, за прозрачной переборкой, где вчера (ну, если точно — не вчера, а каких-нибудь часа три тому назад) все выглядело совсем по-другому.

То, что там успело за эти часы возникнуть — ближе всего к переборке, — было видно хорошо, потому что находилось на чем-то вроде помоста. Как будто то были места для зрителей: словно в театре. Там стояли стулья — десять рядов по двенадцать мест, — и как раз сейчас по этим местам рассаживали тех людей, с которыми группа монтажников едва не столкнулась снаружи.

Но, похоже, им предстояло тут сыграть роль вовсе не

 зрителей?

Такое невольно приходит в голову, когда видишь, как на головы усевшимся надевают шлемы, напоминающие те, какими пользуются любители виртуальной компьютерной жизни, а кисти рук пристегивают к подлокотникам стульев. Что-то это напоминало Пату. Кажется, какой-то мужик с Теллуса рассказывал, что в старину был такой способ казни: усаживали вот так и пускали ток. Но тут, конечно, ничего подобного быть не могло.

А что же могло?

Может быть, Пат и об этом успел бы задуматься, глядя сквозь прозрачную переборку, но скомандовали одеваться, потом — слушать задание, указали каждому место (совсем не так, как вчера), дальше — подключить шланги и приниматься за дело.

Уже пока объясняли, Пат понял: монтировать им предстояло то, что по ту сторону прозрачной стены было уже сделано предыдущей сменой и начало действовать.

А когда прозвучал сигнал начинать, тут уже стало не до оглядывания. Хотя сама работа была куда проще вчерашней: половина бригады собирала такой же помост, какой был за переборкой, другая же — и Пат в ней — делала работу более сложную: устанавливала перед помостом колонну, подключала к ней гибкие бронированные трубы, тянула их, аккуратно разматывая, к помосту, на котором уже обозначили места для стульев, и напротив каждого ряда группа Пата ставила по совсем уже небольшой колонке, к которой и подключались отводы от гибкой трубы. А от каждой малой колонки шли уже совсем тонкие трубочки, каждая из них заканчивалась тремя ответвлениями с наконечниками, которые, как Пату сперва показалось, странно отблескивали, а когда он пригляделся, то понял, что они светились сами — свет словно тек по их поверхности, но не вытекая из трубок, а как бы втекая в них и возникая неизвестно откуда. Похоже, что каждая такая трехглавая трубка предназначалась отдельному стулу — и тому человеку, которому придется на нем сидеть.

Тумана на сей раз в корпусе не было — ни на одном рабочем месте. Но работа все ускорялась и ускорялась, так что вскоре времени на удовлетворение своего любопытства ни у кого больше не осталось.

А когда прозвучал сигнал шабашить, снова пришлось удивиться тому, какую уйму дел они успели переделать; да и по ощущениям полный рабочий день прошел, а по часам — какие-то два с минутами.

Оставалось только еще раз покачать головой в недоумении.

Перед тем как, выполняя команду, покинуть зал, Пат из любопытства снова кинул взгляд — через прозрачную переборку — в ту, первую, уже работавшую половину зала. Там тоже день завершился и люди, приведенные туда и занимавшие стулья, которые Пат принял было за зрительские, поднимались со стульев и выходили в проход. Господи, можно подумать,

что и они тут весь день вкалывали до седьмого пота, а не сидели себе на стульчиках неизвестно зачем: волокутся еле-еле, хватаясь за спинки стульев и друг за друга, прямо ноги у них подгибаются, а лица... Что за чертовщина: да это же не те люди вовсе! Что их там — сменили, что ли, пока монтажники работали?.. Пятясь, чтобы не задерживать других, Пат все таращился на инвалидную команду. Другие люди? Нет, кажется, те же самые; Пат тогда, при встрече, запомнил — не с какой-то целью, а просто он хорошо запоминал лица — лишь нескольких; но еще лучше, пожалуй, ему запоминалась одежда — и вот на этот счет он был совершенно уверен: и этот странный кафтан неизвестно из какого мира был в той встреченной толпе, и один... два... три форменных кителя Торгового флота компании «Астрокар», и вон то женское платье, какое было бы более уместным на каком-нибудь курорте. На Аморе, в мире Топси. Хотя откуда ему знать — он же там никогда не был. Ну, это не важно. Но люди все-таки те самые. Те, те. Вот только постарели они за эти несколько часов — ну, пожалуй, лет на десять. А если...

— Пахтор! Не лови ворон! Задерживаешь!

Ладно. Потом разберемся...

Да, и вот еще что случилось: когда монтажники, уже вымывшись, переодевшись и бережно упаковав робы в чехлы, выходили из корпуса, чтобы возвратиться к своему жилью — к тому, другому входу, от которого, ковыляя, удалялись те люди, им навстречу двигалась другая, такая же по численности, разношерстная толпа — помоложе тех, кто только что вышел. Похоже, хозяйство это работало круглосуточно.

А к тому подъезду, откуда только что вышел Пат и вся команда, тяжелые грузовики только что подвезли и начали разгружать — что там было? Да стулья, вот что. Значит, и здесь будет такое же, как в той половине...

«Да, странная тут была работа. Но ведь по первому разу все кажется странным, верно же? Привыкнется и к этому», — успокоил себя Пахтор. И сразу стал думать о другом: сколько это полных рабочих дней получается у них за одни только сутки?

Ладно, разберемся со временем...

43. Совещания не бывают короткими

(Все еще шло совещание, и я внимательно слушал, стараясь не пропустить ни слова из медленно, очень медленно тянувшихся разговоров.)

— Что еще у вас, доктор Эрб?

— Осталось доложить по объекту «Пигмей» — хотя там мои функции ограничиваются лишь наблюдением, как вы знаете. Работа ведется строго по графику, и даже при свертывании

ускорительной технологии до полного завершения остались считаные дни.

— Кан Эрб, очень хорошо, и об этом достаточно: тема, как вы помните, строго закрытая.

— Я хотел только сказать, что число монтажников на этом объекте весьма ограничено. А всех остальных, сейчас высвободившихся, я могу направить куда угодно — если будет надобность.

— Надобность возникла, Эрб. Направьте всех их в распоряжение Тазона.

— Боюсь, что я не совсем ясно понял...

— Что же тут такого, что нельзя было бы понять? Монтажники нам больше не нужны — во всяком случае, в существующей ситуации. А энергия — необходима. Хотя бы для того, чтобы успешно завершить объект «Пигмей». Вот и передайте их хроногенетикам, а по канцелярии переведите в разряд больных и спишите. А вы, Тазон, выкачивайте их сразу до нуля: тут не царство теней, и мы его создавать не собираемся. Это — то, что мы можем и должны сделать у себя дома, причем немедленно. Однако серьезных проблем, как вы понимаете, это не решит. И по этой причине мы должны найти более действенные варианты, которые смогут обеспечить достойный выход из наших непредвиденных трудностей. Вы уже поняли, о чем я говорю?

(«Я вот, например, пока мало что понял, — подумалось мне. — Никогда не любил точные науки. Надеюсь, что те мужики окажутся поумнее меня — или, во всяком случае, лучше информированными. Что же это все они приумолкли — торжественно, как на похоронах? Эй, ребята, расслабьтесь, молвите словечко хоть кто-нибудь! А то я просто начинаю скучать!..»)

— Но, кан Элюр, у нас столько работы впереди...

— Значит, вы еще не поняли, Эрб. Объясню популярно. Возникла угроза гибели фирмы — пусть даже не физической. Для того чтобы, самое малое, удержаться на достигнутом уровне, а если и отступить, то лишь на полшага, у нас есть, как я вижу, лишь две возможности. Первая: максимально использовать методику получения энергии из альтернативных источников, только что предложенную доктором Тазоном. И вторая: если этот выход окажется недостаточно эффективным — произвести очередное переселение. Все равно, если Аномалия затухает, не остается никаких причин предпочитать Улар другим, более удобным для жизни мирам. И мы снова сменим адрес.

Элюр откашлялся, вытер губы платочком.

— Вот мы и станем разрабатывать оба этих направления. И приступим немедленно. А сейчас — начинаем открытую дискуссию, как это принято у нас.

— Кан Элюр, если позволите...

— Конечно же, Эрб!

— Может быть, мы найдем способ обойтись без... без перевода моих монтажников в категорию сырья? Сложились, честное слово, неплохие группы, и ведь пусть не сегодня, но завтра для них снова найдется работа, где пригодятся их опыт и сработанность...

— Право же, Эрб, вы меня удивляете. Завтра? Завтра, в широком понимании, работа для них, скорее всего, и нашлась бы; но ведь до «завтра» нужно еще дожить, вам не кажется? А без ресурса, который они несут в себе — да ведь речь идет не только о них, мы прочешем всю планету, возьмем самый частый гребень, — до этого гипотетического дня мы можем и не дожить. Да поймите же, я говорю это всем вам: едва в мирах Федерации заподозрят, что мы пошатнулись, — на нас мгновенно набросится вся их оголтелая стая, как шакалы на заболевшего льва...

(«Хромает твоя эрудиция, Элюр, — подумал я мимоходом. — Шакалы стаями не собираются, они — одиночки. Лучше бы тебе сказать «гиены». А еще убедительнее — просто волки. А что касается льва, то он ведь падальщик куда больше, чем охотник; да и охотой занимается там женский пол. Такие вот дела».)

— ...И вот вам мой совет, Эрб: не привыкайте к людям и не сочувствуйте им. Высокие идеи — вот то единственное, что в этом мире заслуживает внимания. Однако, каны, я пока не услышал ни одного возражения или конструктивного предложения. Я ведь предупредил: можете высказываться без последствий. Нет корректив? Означает ли это, что вы безоговорочно соглашаетесь с моими предложениями?

После этого Гек не менее минуты записывал только неясный гул, который вполне можно было принять за полное одобрение. Затем Элюр Синус заговорил снова:

— Очень хорошо. Вы меня радуете. Перейдем к деталям. Первое. Доктор Эрб, доктор Крат: все внимание — проекту «Пигмей». Ни минуты промедления. Наоборот. Увеличьте ускорение: из восьмикратного поднимите до десяти, разрешаю попробовать даже двенадцатикратное, но осторожно. Изделие понадобится нам раньше, чем я рассчитывал. И — на этих работах не экономьте энергию, дадим вам все, что потребуется. Далее. Каков у нас сейчас реальный запас этой — преобразуемой... э... категории? Биосырья, как называет это доктор Тазон? Чем порадует нас начальник Штаба-четыре?

— Я... Да, конечно же, кан Элюр. Я как раз заканчивал суммировать вместе с Тазоном.. Отвечаю. Используя то количество людей... виноват, сырья, какое можно выделить немедленно без крайнего напряжения, — пять миллионов чистых секунд.

— Вот как. В переводе на мощность это даст нам...

— В круглых числах — ноль пять гигавольт-ампер — с учетом потерь при метаморф-процессе.

— Сделайте это незамедлительно, Тазон. Отберите все до последней гигасекунды. Освободимся хотя бы от необходимости содержать их. Продовольствие на планете тоже иссякает. Но идем дальше. Где сейчас корабли нашей эскадры? Сакрост?

(«Нашей»! Вот мерзавец! Это наша эскадра, теллурская, а не ваша! Надо только вам доказать это. Сейчас я уже кое-что начал понимать. И в частности — что приоритет моих задач изменяется. Даже когда я вытащу Лючану (*если*, подумал я невольно, но прогнал эту мысль), я не смогу сбежать с нею отсюда. У меня не остается другого пути, как ввязаться в серьезную драку с вами. Как — еще не знаю; но, кажется, мне удалось занять не самую плохую позицию для этого».)

— Корабли продолжают охоту в узлах сопространства, кан Элюр. Но пока порадовать ничем не могут: перевозка металла, да и химической продукции, практически прекратилась, так что...

— Немедленно скомандуйте: первое — сменить цели рейдерства. Не гнаться за металлом и прочим. Люди, только люди! Как можно больше! Набивать полные трюмы, чтобы не оставалось ни одного свободного местечка. И с полным грузом немедленно возвращаться на Улар. Прибыв сюда и сдав груз доктору Тазону, сразу же готовиться к боевому походу.

— К походу куда, кан Элюр?

— Я предлагаю избрать Симону. Мои аргументы: поскольку цель операции расширяется, то есть мы не только проводим полевое испытание «Пигмея», но и получаем возможность захватить и доставить на Улар значительное количество биологического сырья. Это количество будет зависеть только от мощности наших ВВ-служб, по чьим каналам пойдет первая очередь сырья, и от имеющихся в нашем распоряжении кораблей — включая и те, что окажутся под нашей командой уже в процессе операции. По моим подсчетам, Симона устраивает нас, во-первых, потому, что обладает населением, численность которого близка к нашим возможностям транспортировки, и, во-вторых, потому, что флот Симоны — один из самых развитых среди миров этого класса. Конечно, на Теллусе или Армаге куда больше и того и другого; однако для проведения операции в этих мирах нужно оружие еще более мощное; а его мы сможем создать, лишь использовав те ресурсы, что получим на Симоне. Разумеется, если бы мы предвидели, что Аномалия начнет выкидывать такие шутки, мы с самого начала бросили бы все именно на объект «Пигмей»; но никто из нас, включая и меня самого, не оказался столь прозорливым. Впрочем, нас, каны, извиняет то обстоятельство, что Аномалия стала нам доступной, и не только доступной, но и вообще известной впервые в истории человечества, так что никакой базы для серьезного анализа ее возможностей у нас не было; мы пробирались на ощупь, не так ли?

Легкий гул согласия.

— Дальше действуйте как полагается. По обоим направлениям. Всем ВВ-службам — я имею в виду транспортные — приготовиться к быстрому развертыванию на Симоне и к массовой эвакуации населения оттуда на Улар — в случае, если мы остаемся здесь. Начинайте подготовку мест для размещения больших количеств биосырья; условия — минимальные, располагаться они там будут недолго, поэтому на обустройство, главным образом на изоляцию от окружающей среды, вам хватит тех людей, что у вас останутся. Астин, Тазон: всю технологическую нить держать в полной готовности — начиная от экстракции и кончая съемом мощностей с реакторов. И не забудьте: «Пигмей» должен быть готов к началу похода, без него мы никак не докажем Симоне обоснованность наших притязаний. Сакрост: все, способное передвигаться в пространстве, все захваченные корабли готовить на случай необходимости эвакуации Улара — если пребывание здесь потеряет смысл и станет угрожающим.

— Кан Элюр, откуда же взять столько кораблей, чтобы...

— Вы что, собираетесь эвакуировать все население? Не думал, что вы так наивны. На тех, кого есть смысл сохранить, у вас места хватит. Возникли ли еще какие-либо вопросы? Нет? Прекрасно. В таком случае... Ах да, у меня еще один вопрос. Три часа назад Второй отдел доложил мне, что куда-то скрылись, выйдя из-под контроля, два человека, враждебно настроенных по отношению к нашей фирме. Надеюсь, эти сбежавшие уже обнаружены? Нет?? Каны, это никуда не годится: в своем хозяйстве мы не можем найти двух беспомощных, я полагаю даже — безоружных беглецов. Это при нашем уровне прослеживания! В чем дело? Удалось хоть установить, где они?

— Да, кан Элюр. Они находятся здесь.

— Что вы хотите этим сказать? Их схватили?

— Увы, еще нет. Я хотел сказать, что они все еще укрываются в главном корпусе.

— Так почему же вы их не берете? По гуманным соображениям?

— Вовсе нет. Дело в том, что тут нужна колоссальная осторожность: им удалось добраться до уровня дислокации QS. Иными словами — они проникли в объем, где находятся все схемы нашего супермозга. Пока они еще ничего там не натворили. Но если начать их преследовать, они, в поисках убежища, могут нанести устройству серьезный ущерб. Не говоря уже о том, что они могут наткнуться на нижний, дублирующий пост управления QS — как вы помните, мы его создали там на случай атаки со стороны Федерации. Ну а если они обнаружат его и захотят им воспользоваться...

— Все ясно. Никаких атак. Просто... Это ведь самый нижний уровень? Так вот, затопите его газом. Усыпляющим, а лучше — нервно-паралитическим. Насколько я помню, у нас

есть некоторое количество его — тоже на случай вражеского нападения. Вот и используйте.

— Кан Элюр, наш запас недостаточен для...

— Так срочно пополните его: это не очень энергоемкое производство, и нужное количество можно изготовить в лабораториях. Немедленно распорядитесь. Я хотел бы увидеть их тела еще до начала операции. Совещание закончено, каны. Немедленно принимайтесь за дело!

44. Ну и делишки!

«Похоже, это относится и ко мне», — подумал я.

И в самом деле: надо было немедленно предпринимать что-то; но что? Я услышал достаточно много, но понял — вот так, сразу — куда меньше. Кое над чем следовало бы еще подумать — если удастся. Сосредоточиться на чем-то, когда существуешь в виде кваркотронной схемы, оказывается, не так просто, как когда ты живешь сам по себе. А тут все время ждешь какого-то направляющего нажима извне. Это плохо. Нужно как-то обособиться, что ли.

Из всего, что мне удалось услышать, во всяком случае, одно стало ясным: захватившая Улар команда — или корпорация «ХроноТСинус», если угодно, — готова, или почти готова, совершить нападение на совершенно не угрожавший ни ей, ни кому-то другому мир Симоны. Не так уж давно мне приходилось общаться с людьми этого мира, и очень не хотелось, чтобы с ними произошло что-нибудь плохое.

Но именно это Симоне и грозило: насколько я понял, самое малое — переселение всех ее жителей — а их было немало — на Улар, а тут — использование каким-то таким образом, в котором я еще как следует не разобрался, хотя на совещании о нем говорили, но который явно не сулил людям ничего доброго. Да, несомненно так: недаром ведь глава здешних монтажников пытался защитить своих людей, с которыми, видимо, собирались поступить таким же образом. Этот человек, похоже, был не на шутку взволнован и огорчен.

Итак, следовало прежде всего установить: какая же угроза нависла над всеми теми, кого здесь обозначали давно известным, но в таком употреблении — крайне обидным и даже опасным термином «сырье». Во что, как и зачем их собираются превращать?

Дальше: кто-то откуда-то сбежал. Беглецов ищут. Это значит, что они представляют опасность для ХТС, но давно известно, что враги моих врагов — мои друзья. Поэтому, кем бы ни были эти люди, я должен принять меры, чтобы сохранить их жизни. Не из одного только альтруизма: мне, видимо, придется еще какое-то время оставаться здесь в виде компьютерной про-

граммы. Смогу ли я быстро разыскать в этом мире Пата Пахтора, то есть мое собственное тело, и снабдить его хотя бы моей копией — пока трудно сказать, но мне обязательно нужен кто-то, обладающий тем, чего у меня сейчас не было: руками, ногами, глазами, — чтобы при надобности проникнуть туда, куда я не могу, и сделать то, что я, в виде кваркотронной схемы, выполнить не в силах. Даже один человек мог бы оказать мне — да не только мне: и Симоне, и всей Федерации — громадную помощь. А уж двое — это было бы просто прекрасно.

Однако, как я понял, они находились сейчас в физическом теле Гека, хотя и не внутри его программ, разумеется. И может показаться странным, но именно здесь установить связь с ними будет труднее всего. Разумеется, Гек контролирует все, происходящее в нем, все его цепи многократно сдублированы и все такое — но вот само пространство, в котором вся его (а теперь — наша с ним общая) начинка, им, скорее всего, не контролировалось. Или все-таки? Вот если бы эти двое действительно нашли — или хотя бы наткнулись на запасной центр и смогли бы вступить в диалог с компьютером... Нет, на это рассчитывать не стоит; но тогда перед ними оказался бы монитор и я отсюда сумел бы загрузить на него что-то такое, что привлекло бы их внимание...

Рассуждаю я здесь куда быстрее, чем люди во плоти. Но даже их медленного времени не потребуется много, чтобы пустить в нижний уровень газ: надо полагать, все необходимое для этого у фирмы есть. Только газа маловато. Поэтому моя первая задача: помешать им пополнить запас отравляющего вещества. Попробую это сделать.

— Гек! Какие новые команды получены тобой от программы «А»?

— Передать сигнал на все мои корабли.

«Мои»! Ну да — он ведь должен отождествлять себя с Уларом. Для него этот мир — прежде всего он сам, а также кто-то, кто поставляет программы и запрашивает ответы.

— Прими информацию: установление связи с каждым кораблем ведет к его немедленной гибели. Всякий сигнал понесет в себе команду на взрыв.

— Усвоено. Программа связи не может быть выполнена.

— О'кей. Новая информация: химические лаборатории должны немедленно прекратить всякую деятельность. Грозит утечка ядовитых веществ.

Он заартачился было:

— Не поступало сигналов о возможной утечке. Все датчики показывают норму.

Чем бы смутить его? Ага, вот:

— Программа анализа поступающих оттуда данных заражена новым вирусом. Вирусом Ра. Я нейтрализую его и

сообщу. До этого прекратить деятельность лабораторий. Отключить мощности. Перекрыть каналы поступления составляющих.

— Команда не принята. Введите код.

Введу, конечно, — ты же сам всем этим меня и снабдил. Какой же из них?

Ага, восьмизначный... не такая уж большая группа, другие — подлиннее. Но все равно их слишком много, а Гек вряд ли даст мне больше трех попыток. Риск. Если промажу, то неизвестно еще, как он станет переоценивать мою программу. Будь у меня сейчас моя интуиция — но она связана с тонкими телами, а они находятся там же, где и моя плоть, — у Пата Пахтора. Однако... здесь у меня есть другие возможности, которых в теле не было. А мой приоритет пока вроде бы не вызывает никаких сомнений.

— Я не пользователь. Я твоя программа номер один. Код тебе известен. Выполняй.

Будь Гек человеком, он, скорее всего, послал бы меня подальше. Но при всем своем уме он не был наделен защитой от человеческой хитрости и наглости, в том случае, если владелец этого «оружия» находился не вовне, а внутри него.

— Выполняю.

Было приятно представить, как в лабораториях фирмы гаснут огни, останавливаются моторы, газы и жидкости перестают течь по трубам и, как бы ставя точку, взвывает сирена тревоги.

Впрочем, это выигрыш кратковременный. И даже опасный: я ведь сам поставил себя под удар. Там, в людском мире, быстро разберутся, что Гек действовал по собственной инициативе. Заподозрят сбой, глюк, вирус... Начнут проверять. И наткнутся на меня с моей программой. Вряд ли антивирусная вывеска надолго собьет их с толку. Последует команда на прочие антивирусные программы — или просто на стирание. И мне будет хана.

Мое нынешнее положение дает мне возможность вообще вывести всю эту махину из строя. И тем самым сорвать все их планы. Но пока я этого сделать не могу. Потому что вместе с Геком погибну и сам. Сначала нужно попасть в мое тело. Однако, оказавшись в теле, я лишусь возможности управлять Геком. Со мной останется лишь то, что я смогу унести в мике. Не так уж много. Поэтому пока что следует подстраховаться от обнаружения.

— Гек, новая команда: мою программу скрыть. Не загружать даже по командам программы «А». Убрать название из меню. Открывать только при введении кода...

И я продиктовал код. Достаточно простой. Мой ЛК плюс ЛК Лючаны вперемежку: цифра моя — цифра ее, снова моя — и так до конца. Только в обратном порядке, от конца к началу. И дополнил:

— Не выполнять никаких команд на расшифровку кода.

Теперь на какое-то время можно было считать себя в безопасности.

— Гек, ты можешь загрузить что-то на монитор в твоем запасном центре так, чтобы в рабочем центре это не было видно?

— Подобное не предусмотрено. Необходимо постороннее вмешательство. Запросить его?

— Нет. — Для того чтобы послать человека с отверткой на нижний уровень, фирме придется всерьез заняться укрывшимися там беглецами. Не хочу оказывать им медвежью услугу. — Гек, новое задание. Сделай без вывода на мониторы сравнение всех личных кодов людей, и населения, и сырья, прибывших на Улар за последние четыре месяца и живущих тут сейчас, определи их местонахождение и найди мне номера личных кодов тех двоих, что находятся тут, в твоем объеме.

Для него это было плевой задачкой, и он решил ее почти мгновенно. А закончив, показал мне оба кода.

И я сказал себе: «Так». Потому что один из них был мне знаком. Кажется, наконец получилось!

— Гек, в запасном центре есть способ вызова оператора, если он находится на том же уровне, но не сидит за пультом?

По моим соображениям, такое устройство должно было действовать: оператор — всего лишь человек, и во время вахты он время от времени должен отлучаться хотя бы на пару минут по понятным причинам. И Гек, если возникла срочная проблема, мог, наверное, как-то подозвать его.

— Голосом и светом — или одним из этих способов.

— Покажи мне текст для голоса.

Он повиновался без возражений.

— Сотри. Вместо него...

Но тут я невольно задумался. Обращение к тем, кто находится внизу, будет принято всею сетью, и в первую очередь — руководством. Значит, оно должно быть таким, чтобы его поняли те, кому оно будет адресовано (я искренне надеялся, что это именно те, кто мне нужен: вроде бы все совпало, пусть и не совсем!), но чтобы любой другой в нем не разобрался — во всяком случае, сразу. Текст должен быть с обращением и с подписью, понятными только избранным. Зато они должны сразу поверить в то, что обращаюсь к ним именно я. Ну, что же — есть такой способ!

— Гек! Пошлешь музыкальный сигнал. Записывай!

Я даже не стал спрашивать, способен ли он на это: уже не раз натыкался в ячейках его памяти на целые концерты; видимо, среди обитателей Улара хватало меломанов, а вот живых исполнителей еще не завезли.

В молодости у меня был едва ли не абсолютный слух; музыкантом я не стал, но петь любил. И соло, и в дуэте, и в хоре..

Дуэт. Великий моцартовский дуэт из «Дон Жуана» — тот, о котором даже суровый граф Лев Николаевич в свое время отзывался как о лучшей музыке в мире по ее естественности. Когда мы с Лючаной пребывали в хорошем настроении, то

иногда баловались этим дуэтом — разумеется, в отсутствие слушателей.

Теперь без аудитории не обойтись. Но если Люча услышит — она поймет.

И я запел:

Дай руку мне, красотка,
В замок с тобой пойдем.
Путь предстоит короткий.
Мы будем там вдвоем,
Мы будем там вдвоем!

Наверное, я был не совсем в голосе, да ведь голоса-то и не было — были цифры, музыкальную плоть которым придавал все тот же Гек. К моему удивлению, он сопроводил этот текст даже аккомпанементом оркестра. Хорошего оркестра, черт бы его взял!

— Задействуй немедленно и повторяй, пока оператор не займет свое место. Об этом тебе должно сообщаться автоматически?

— Да. Изменяется электрическая емкость помещения.

— А если войдет не оператор? Другой человек?

— Возникнет сигнал тревоги. В главном центре.

— Отключи этот сигнал.

— Сделано.

— Вызывай оператора.

— Делаю.

— После музыки загрузи на монитор следующий текст: «Вызови программу «Антивирус — наше предыдущее дело» при помощи известного тебе кода».

— Сделано.

45. На уровне QS

Прошло уже больше часа с тех пор, как Тон Чугар и его спутница, старая дама, оказались на нижнем уровне корпуса, — а они все еще находились недалеко от входа. Здравый смысл настойчиво советовал Тону забраться куда-нибудь подальше, потому что вряд ли этот уровень оставят в покое: легко было понять, что содержимое его, располагавшееся во множестве отсеков-шкафчиков, играло в деятельности всего этого хозяйства большую, может быть, даже главную роль. А если сюда нагрянут — что он один, безоружный к тому же, сможет им противопоставить? Надо было найти местечко, где их стали бы искать в последнюю очередь. Но старая дама, похоже, сдала окончательно и на все его просьбы, призывы и даже попытки приказать отвечала одним и тем же:

— Я не в состоянии.

А в последний раз, не выдержав, наверное:

— И уже больше никогда не буду в состоянии. Разве вы не видите? Не можете понять?

Да нет, понимал он отлично. Просто не в его правилах было бросать соратников (а к таким сейчас волей-неволей причислялась и старуха), в каком бы тяжелом положении они ни находились. Не так он был воспитан — хотя и не совсем понимал, откровенно говоря, каким образом, когда и откуда набились в него всякие подобные принципы. Правда, Тон Чугар вообще не очень затруднял себя воспоминаниями о прошлом, как и планами на будущее; его стихией было настоящее, а самым страшным, по его представлениям, грехом являлось бездействие, когда нужно, а если и не нужно, то во всяком случае можно что-то делать. Поэтому в ответ на последние слова старухи он, шмыгнув носом, произнес только (правда, другим уже, примирительным тоном):

— Ладно. Вы устали, ясно. Тогда сидите, отдыхайте, а я пойду на рекогносцировку (странно — слово это выговорилось без запинки, как бы само собой), в смысле — поразнюхаю, что здесь и как. Может быть, найдется местечко поукромнее, потому что наверняка ведь они придут. Но скоро вернусь и вас отнесу куда понадобится — не впервой...

Он был более чем уверен, что придут, — потому что знал то, о чем старухе докладывать не стал: когда он заглядывал в шкафчики, то его угораздило — совершенно нечаянно — задеть обшлагом куртки за какую-то из расположенных там плат, и, похоже, он нарушил какой-то контакт: даже слабенькая искорка, почудилось ему, проскочила. Если он действительно нарушил какую-то цепь — это не пройдет незамеченным, такая махина наверняка способна сама докладывать о собственной неисправности; пошлют ремонтника, а поскольку кое-какого опыта они сегодня успели поднабраться — то парень никак не придет в одиночку. Вся надежда была на то, что дальше аварийного места они не полезут, — поэтому нужно было как можно скорее обосноваться в самом дальнем из всех дальних уголков, какие могли оказаться в этом чертовом подземелье.

Он шел все дальше, автоматически фиксируя в памяти все повороты и длину каждого пройденного отрезка — иначе тут, пожалуй, можно было и заблудиться. Тон поставил своей задачей сперва пересечь пространство по радиусу, пока не наткнется на внешнюю стену, за которой лежит первозданная скала, — и потом уже повернуть, по часовой стрелке, до очередного радиального коридора, снова выйти к центральной трубе, посмотреть, как там старуха,— и нырнуть в следующий радиус. И так — столько, сколько позволит время и ожидаемые посетители, если, конечно, он не найдет приемлемого убежища до их визита.

Первое возвращение к трубе. Ничего тут не изменилось, кроме разве того, что старуха улеглась на пол, подло-

жив под голову инструментальный кейс, и дремала; но его шаги услышала, приоткрыла глаза и закрыла снова. Другой радиус. Внешняя стена — собственно, не сама стена, а все те же шкафчики, выстроившиеся по плавной дуге. Вправо — по большому кольцу. Назад к трубе. Старуха едва заметно дышала, других признаков жизни не было. Тон постоял с минуту, вслушиваясь: не доносятся ли из трубы какие-то звуки. Их не было — только слабый, постоянный, обычный фон, звуковой лом со всех уровней, ослабленный звукоизоляцией трубы. Пошли дальше. Схемы, схемы, схемы... Внешняя стена. Поворачиваем. Добираемся до другого прохода. Теперь — снова к центру.

«Что-то со мной не в порядке, — такая мысль вдруг зашевелилась. — Начинаю галлюцинировать. Наверное, эта тишина хренова действует, а может быть, тут какие-то поля, о которых я ни фига не знаю, хотя — не исключено, что это атака откуда-то сверху, хотят то ли нас выкурить отсюда, то ли усыпить, чтобы взять тепленькими...»

Потому что, если думать спокойно, — неоткуда было взяться здесь той музыке, которая вдруг ему померещилась. Нет тут ни оркестров, ни певцов, пусть даже с таким вот голосом — не первого класса, скажем прямо. Неоткуда. Этой атаке нужно противостоять. Как? Да очень просто: вести себя так, словно ничего такого он не слышит. Никакой музыки. Нет ее, и все. И спокойно идти дальше. Спокойно. Очень спокойно...

46. Возвращается адмирал Сигор

После совещания доктор Крат прежде всего привычно позвонил домой; даже самый короткий разговор с Тиной обычно успокаивал его, как бы подтверждая, что мир по-прежнему в порядке и в нем все еще существует то, что он считал необходимым и достаточным условием своей жизни. Обменявшись словами любви, которыми неизбежно завершался каждый их разговор, Крат еще с минуту сидел за столом, бессознательно улыбаясь и одновременно укрепляя себя в решимости сделать то, в необходимости чего был теперь совершенно уверен. Потом позвонил куда следовало:

— Доставьте ко мне, как договаривались, нашего пленника — адмирала, разумеется, кого же еще... Ну — час, быть может, полтора... Хорошо, заберете его через час. Жду.

Когда адмирала привели и сопровождавший его служитель безопасности вышел, Крат пригласил адмирала сесть, и с минуту оба молчали, внимательно разглядывая друг друга. При этом приведенный, естественно, пытался понять, зачем он мог понадобиться человеку, не имевшему, похоже, никакого каса-

тельства к военным делам, Крат же старался как можно точнее представить, до какой степени можно доверять этому человеку — его качествам и его способностям. Могло ведь случиться и так, что, выслушав ученого, пленник, руководствуясь какими-нибудь правилами, существующими у людей военных (Крат с сожалением подумал о том, что никогда не пытался разобраться в психологии этих людей, — хотя бы потому, что ему никогда не приходилось общаться с ними ни по делам, ни как-либо иначе); быть может, эти правила требовали от оказавшегося в плену военного сохранять лояльность по отношению к пленившим его людям — и в таком случае он мог, едва поняв, чего хочет от него хронофизик, донести об этом хозяевам положения. Это стало бы концом и для самого Крата, и для Тины, да и для всего Улара, если разобраться. А если такого правила не существовало и адмирал не станет предавать его, то важнейшим становилось: а способен ли он будет сделать то, на что доктор Крат собирался его подвигнуть? Сомнений было, таким образом, намного больше, чем хотелось бы.

Но ведь другого выхода просто не было?

Задав мысленно себе (в который уже раз) этот вопрос и получив на него (от себя же) утвердительный ответ, Крат наконец заговорил:

— Адмирал, я хочу обрисовать вам положение, в котором мы сейчас оказались, а потом задать вам несколько вопросов, на которые попрошу дать правдивые и исчерпывающие ответы. Готовы вы меня выслушать?

Донельзя удивленный таким вступлением — потому что на допрос это не очень-то походило, да и о чем его могли тут допрашивать? — адмирал Сигор внешне сохранил полную невозмутимость, даже и бровью не шевельнул. И ответил так кратко, как только мог:

— Готов.

И тут же, подумав, что это слово могло быть воспринято как согласие на любое предложение, добавил:

— Если только вы не собираетесь предложить мне нечто, несовместимое с моей честью и воинской присягой.

— Об этом лучше будет судить вам самому.

— Хорошо, — сказал Сигор.

— Если что-то покажется вам неясным — переспрашивайте. Важно, чтобы вы действительно поняли. Итак...

Когда Крат умолк, адмирал молвил:

— Полагаю, вы не стали бы тратить время, чтобы потешать меня сказками. Раз так, то обстановку, в которую вы меня ввели, могу назвать критической. Что, по-вашему, я могу сделать?

— Не знаю. В делах такого рода я ничего не смыслю. Но надеюсь, что вы найдете выход. По-моему, ваша профессия подразумевает умение выходить из сложных положений.

— Не совсем так, — возразил адмирал. — Скорее, управлять людьми и кораблями так, чтобы выйти из подобного положения. Но сейчас у меня нет ни того, ни другого. Мне не дали даже вестового — хотя по традиции он мне положен и в плену.

— Но ведь ваши люди здесь, на Уларе! Если вы...

Не давая Крату закончить, адмирал покачал головой:

— Я не знаю, где они содержатся. Во всяком случае, не там, где я. Вот если бы вы могли каким-то образом помочь мне установить контакт с ними — тогда можно было бы строить какие-то планы.

Крат помолчал, раздумывая.

— Знаете, мне не остается ничего другого, как попытаться сделать это. Хотя вероятность не представляется мне достаточно большой, но если ничего другого не остается, то... Или возможны и другие варианты?

— В любом случае необходима связь с Федерацией. С моим командованием. Потому что если возникнет, как вы говорили, необходимость в массовой эвакуации, то, чтобы вывезти людей, понадобится целый флот. Где его взять?

— Не могу сказать точно, однако у нас в порту сейчас очень много кораблей, захваченных при помощи вашей... бывшей вашей эскадры.

— Да, — произнес Сигор невесело. — Это не очень хорошо характеризует меня, верно?

— Не мне решать. Связь... Очень сложно. Планета сейчас наглухо изолирована от остального мира, невозможно ни принять информацию, ни передать хоть что-то кому-либо. Тем не менее я попробую.

— Как я узнаю, что удалось вам и что — нет?

— Я придумаю.

— Надеюсь.

— Теперь мне придется отправить вас туда, откуда вас привели.

— Безусловно. Буду ждать известий. Счастливо оставаться.

Когда вызванный страж увел адмирала, доктор Крат еще несколько секунд сидел, ничего не предпринимая. Потом протянул руку, чтобы, нажав нужную кнопку, снять изоляцию своего кабинета от просмотра и прослушивания. Иметь такое устройство было разрешено ему с самого начала — чтобы никто не мог, случайно или нет, заглянуть в его расчеты. Но пользоваться им можно было лишь в определенные часы. А на этот раз Крат включил его вне графика, надеясь, что...

Что такое?! Он же включил перед тем, как привели адмирала! Как же получилось, что изоляция оказалась не включенной? Он ведь, поговорив перед тем с Тиной...

Да, после разговора с Тиной он...

Он забыл. Мысли его были с нею, а потом сразу же перешли к предстоявшему разговору. Он забыл включить.

А это означало, что разговор исправно записан системой безопасности. Это делалось автоматически, но ежедневно прослушивалось Третьим штабом — Надежности. Вторым отделом.

Подписать себе приговор, вот как это называется. И себе, и адмиралу...

Положение, в котором лучше всего — покончить с собой, не дожидаясь, пока...

А Тина?

Нет. Он не бросит ее тут одну. Исключено.

Да он и не успел бы ничего сделать.

Крат понял это, вздрогнув от включившегося зуммера, означавшего, что его вызывают на связь через QS.

Значит, кто-то услышал разговор в реальном времени. И вот его уже вызывают, чтобы...

Замедленным движением Крат включил соединение.

— Доктор Крат. Я вас слушаю.

— Доктор Крат, — проговорил компьютерный, давно знакомый голос. — Вам необходимо сделать следующее...

— Да? — откликнулся Крат автоматически, ничего не понимая. — Кто это?

— Слушайте внимательно!

— Да, да. Я слушаю!

47. Все говорят, говорят...

Итак, сигнал ушел к людям, которым я надеялся помочь. К сожалению, текст этот появится и в верхнем центре. Но откуда им знать, какое дело было у нас последним? Сперва пусть идентифицируют каждого! Это несложно сделать по ЛК — но только с помощью Гека. А тут у них возникнут сложности. Я уж постараюсь. Да к тому же моего кода у них нет. Того, что я только что составил. А у людей внизу...

Я очень надеялся, что есть. Но размышлять об этом сейчас было недосуг. Я играл на опережение. Должен был упреждать фирму во всем.

— Гек! Я хочу слышать все идущие через тебя переговоры о газовой атаке, об использовании сырья. Как, кстати, оно используется?

— Переговоры не идут через меня. Я только фиксирую их в памяти...

— Значит, получаешь. Пропускай их через меня.

— ...Сырье используется программой «Экстракция».

— Раскроешь ее, когда дам команду. Сейчас дай переговоры.

Они обрушились на меня, как будто сошла лавина. Поистине надо было обладать всей мощью Гека, чтобы как-то разделять ее на отдельные русла и ручейки. Я же в первую се-

кунду просто растерялся, пытаясь осмыслить слышавшееся одновременно:

«...гружено табло с текстом: «Вызови программу, дальше неясно...»

«...зможности. Сейчас тестируем энергетическую цепь. Однако...»

«...блей не поступает ника...»

«...спользовать существующий запас газа...»

«...Группа контроля и ремонта! Группа. Вы меня...»

«...при помощи известного тебе кода...»

«...производство дополнительного количества газа не...»

«...связь не удается вос...»

И еще множество всякого такого.

Пока из услышанного ясно одно: они нервничают. И тем не менее какие-то меры принимаются. Например, беглецов все-таки атакуют. Чтобы затопить весь уровень, газа не хватает, но если использовать прицельно... Сбежавшим нужно немедленно покинуть этот уровень! Но чтобы понять это, они должны прежде установить связь со мной. Чего же они ждут? Сейчас для них промедление не «смерти подобно» — оно и есть смерть.

«...дозреваем наличие вируса большой слож...»

«...с объектом БВ? Необходимо ускорить...»

«...правляем группу с газом на уровень плюс один. Начата проверка компьютерных це...»

«...счастный случай. Но замена уже...»

«...ходящиеся на базе корабли не получают от эс-кью программ на...»

«Сделайте же хоть что-ни...»

«Адмирал, я хочу вкратце обрисовать вам положение, в котором мы сейчас оказались...»

Адмирал? Разве тут есть адмиралы? Кроме...

— Гек, дай это последнее целиком! Это важно!

Я слушал внимательно, постепенно понимая, что к чему. Дослушал до конца.

Вот, значит, как.

— Гек, немедленная связь с этим источником. Будет диалог. Через тебя.

— Выполняю. Готово.

— Передавай голосом: «Доктор Крат, вам необходимо сделать следующее...»

Он не понимал, как показалось мне, бесконечно долго. Но наконец и на него снизошла благодать. Господи, как тупы эти люди!

— Вы все поняли, доктор? Запомнили?

— Да, да! Я все понял! Но...

— Не волнуйтесь. Этот разговор, как и предыдущий, сейчас будут стерты. Так что действуйте спокойно и быстро.

Это, как говорится, приятный сюрприз. Но радоваться некогда. Дальше, дальше!

— Гек, предпринимаются ли попытки взломать мой код?

— Да. Ошибочные. По верхней линии.

Значит, не они. Это операторы фирмы пытаются сообразить, с чем же они столкнулись.

— Гек, а те, внизу, — они еще живы?

— Сигналы ЛК продолжают поступать.

Уснули они там, что ли? Хотя — ну конечно же. Я по-прежнему все измеряю компьютерным временем. А у людей все происходит гораздо медленнее. Это, кстати, и дает Геку возможность рассортировать весь поток разговоров, у него хватает на это времени. А для меня важно сейчас, что двое беглецов, даже услышав вызов к управлению компьютером, физически успели сделать не более двух-трех шагов. Никогда не думал, что компьютеру для работы с нами, людьми, необходимо столько терпения. Быстродействие пропадает зря. Плохо.

Надо использовать его с пользой..

— Дай мне программу «Экстра...» — нет, отмена. Что такое проект «Пигмей»?

— Сведения в программе «ХТ — эффект Пигмей».

— Открой эту программу.

— Не могу.

— Почему?

— Это закрытые файлы. Открываются только по команде руководства этим проектом. Закрытые диски. Каждый отдел Института имеет у меня свой диск. Территориально они у меня. Но я, тот «я», который может разговаривать с тобой, не оперирует этими дисками.

Несколько секунд лихорадочных раздумий.

— Гек, а контрольно-тестовая и ремонтно-наладочная службы у них тоже свои?

— Нет. Все общие службы мои.

— Введи меня в эту программу. Для проверки на вирус.

— Я только что проверял.

— Не той программой. Моя сильнее. Выполняй.

— Введи нужный код.

— Опять ты за свое? Он же есть у тебя.

— Чтобы ввести его, нужен предварительный код.

— А его что — нет, что ли?

— Есть. Нужна команда на его использование. Я могу получить ее только из «А»-программы.

— Открой мне эту программу.

— Не могу. Она выше тебя.

Ну, формалисты!

— Гек, а на твоей схеме эти закрытые диски обозначены? Откуда наладчик или ремонтник, если ему нужно вы-

полнить там работу, узнает, как подобраться к необходимым платам и прочему?

— У меня обозначено все.

— Покажи мне эту схему.

— Выполняю.

Ни малейшего недоумения — так и должно быть у компьютера. Как в армии: беспрекословно, точно и в срок. В наносекунды.

Ага, вот она — его география. По сути — план того уровня, на котором сейчас и находятся два так нужных мне человека. Что же, в этом способен разобраться даже самый тупой ремонтник. Если только дать ему команду. Все пронумеровано, все обозначено.

Но ни один ремонтник эту команду сейчас не получит. Зато нужно, чтобы она дошла до тех, кто уже находится там. Внизу. По соседству со всей этой кваркотроникой.

Пожалуй, пришла пора переходить в наступление. Притормозить процессы, какие сейчас собираются реализовать хозяева фирмы. Выиграть время, за которое я смогу понять, что тут к чему. Начиная с этого самого «Пигмея».

— Гек! Еще раз — ту же музыку! И после нее — вот этот текст.

Собственно, это даже не текст. Несколько цифр: координаты нужных мне отделов Гека. И лишь два слова: «Нарушить обратимо».

Вот сейчас и станет ясно: услышали ли меня двое внизу? Поняли ли? Не исключено ведь, что это все-таки какие-то другие люди.

48. А музыка играет

Потом он и не знал: то ли ругать себя, то ли, напротив, — хвалить.

Потому что, если бы он стал обходить уровень не по часовой стрелке, а в противоположном направлении, то на единственное место, которым можно было хоть как-то воспользоваться, наткнулся бы сразу: оно находилось в последнем (по его ходу) радиальном коридоре, за второй, считая от трубы, дверью.

И место это, судя по обстановке, являлось комнатой для работы на том самом компьютере, в котором он и старуха были сейчас, как червячки в яблоке.

Он намеревался вернуться, чтобы перенести старуху сюда: здесь было хоть на чем не только посидеть, но и прилечь — диванчик, небольшой, правда, но она на нем уместилась бы. И уже сделал шаг к двери, как раздавшийся вдруг звук заставил его вздрогнуть и на мгновение застыть. Громкое, низкое гудение, исходившее из-за двери в противоположной от него стене.

Чугар невольно шагнул к ней. Означал ли этот звук аварию? Нападение? Переговоры с уларской властью?

В тот миг, когда он распахнул дверь, гудение смолкло. И его сменило то, чего Тон Чугар мог ожидать меньше всего.

Музыка. И голос. Слова те же самые. Бред? Или и в самом деле?..

Здесь? Сейчас? Этот... романс? Или как его... ария?

В делах музыкальных Тон Чугар не был силен. Песни, правда, любил. И марши. Но не более.

А из акустической системы звучало, заполняя весь уровень:

Дай руку мне, красотка,
В замок с тобой пойдем...

Голос был действительно так себе. Оркестр, правда, подыгрывал хорошо.

Через несколько секунд этот звук в системе прервался. Но словно эхо возникло где-то за спиной Чугара. Какое-то недоделанное эхо. Скорее писклявое. Хриплое. С перерывами. И все же в нижнем уровне несомненно звучало:

Путь предстоит короткий,
Мы будем там вдвоем!

Чугар резко обернулся. Старуха, согнувшись крючком, придерживаясь за стену, приближалась к нему.

— Тут ерунда какая-то, — проговорил Тон озадаченно.

А система вновь заработала. На этот раз вместо музыки послышался голос. Технический, хотя и с какими-то интонациями:

«Оператор, к пульту! Оператор нижнего центра...»

Тон подошел. Монитор засветился. И возникла надпись...

— Вы поняли? — спросила старуха требовательно. — Поняли, чего от нас ждут?

— Вроде бы, — пробормотал Чугар, еще не придя в себя.

— Так выполняйте же! Ну!? Выньте в этих шкафах платы из зажимов!

Но Тон уже опомнился полностью.

— А вы не командуйте. Не маленький. Сам понимаю.

И уже мягче прибавил:

— Секундное дело.

49. Закрытая программа

— Ра! Возникли неисправности. Извне. Как раз в закрытых программах. Отделы: хроногенетики, хронофизики и «Пигмей». Необходимо вмешательство ремонтников.

— Нет. Сообщи: нарушения могут быть исправлены изнутри. Твоими силами. Что они не механического характера. Ты сейчас пошлешь туда программу наладки. И все будет восстановлено.

— Но у меня нет...

— Есть, есть. Пошлешь туда меня как ремонтно-наладочную программу. И я все сделаю. Только получи разрешение.

— Уже получено.

Завихрениями поля я протек по цепям самой закрытой программы ХТС, старательно упаковывая в свою память и мик то, что в ней содержалось. Чтобы понять физический смысл программы, потребовалось бы еще одно высшее образование, очень специальное; правда, существует Гек — такими науками, похоже, напичканный до предела. Но бытовой, так сказать, а точнее — военный смысл программы «Пигмей», будь он рассекречен, оказался бы понятным даже и человеку без всякого образования.

Велико было искушение — что-нибудь изменить в этой программе. Но я еще подумаю те самые семь раз. Чтобы разобраться. Сперва — домой. В смысле — в мои файлы. Чтобы понять хотя бы самое главное.

— Гек, мне нужно ознакомиться с работами Крата. Он ведь пользуется твоей помощью при расчетах?

— Крат имеет у меня свой диск. Но он тоже закрыт. Сейчас с ним как раз работает его пользователь.

— Очень хорошо. Запроси разрешения открыть диск для «недавнего собеседника».

— Выполняю. Разрешение дано.

— Открой. Поищи там тему «Время».

Нашел. Посмотрим, как здесь истолковывается эта всем известная категория. М-м. Любопытно.

Время — одна из фундаментальных форм существования Единого поля (см.). Существует в двух формах — плюс и минус. В зависимости от конфигурации пространственных измерений эти две формы в каждом данном пространстве (см.) сочетаются в различных пропорциях. Количественно преобладающая форма определяет вектор движения времени — прямого, от минуса к плюсу или наоборот, проявляющегося в данном пространстве, или диагонального, по которому происходит обмен с другими пространствами. Тенденции развития каждой формы противоположны: форма «минус — плюс» стремится к бесконечности, форма «плюс — минус» — или, согласно принятой у нас терминологии, ре-время, или время-два, — к нулю. В первом случае движение, или, иначе, расход времени, приводит к преобразованию его в пространство, то есть к расширению пространства; вероятно, та Вселенная, в которой мы существуем,

во всяком случае в основной части своего объема, принадлежит именно к таким конфигурациям. Во втором случае конечным результатом должен являться переход этой формы энергии в изолированные области пространства иной конфигурации, так называемые ХТ-аномалии, где она может в конечном итоге проявляться в возникновении новых масс вещества.

При равновеликости объема и напряжения обеих форм во всем данном пространстве или некоторой его изолированной части движение времени прекращается начиная с рубежа, на котором уравнивание форм произошло. В случае нарушения равновесия под влиянием каких-либо внешних причин движение времени возобновляется, направление его определяется тем, какая форма оказалась преобладающей. О существовании пространственных конфигураций, в которых была бы представлена исключительно одна из двух форм существования времени, до сих пор неизвестно, хотя теоретические запреты на это не вытекают из основ Теории Времени. Предположительно, однако, что в подобных пространствах весь объем существующего там в момент возникновения времени, напряжение и скорость движения которого оказались бы ничем не ограниченными, превратился бы в иные формы энергии, то есть пришел к своему пределу (см. выше) взрывообразным способом. Теория не исключает возможности создания искусственным путем крайне малых и должным образом изолированных мини-пространственных областей, в которых время представлено лишь одной своей формой в чистом виде; такой эффект может быть достигнут получением времепотока одной формы путем выжигания примесей другой формы, поскольку при их контакте равные количества той и другой формы как бы аннигилируют, выделяя колоссальные количества энергии, которую можно трансформировать в нужную форму. Остаток является лишь одной формой в чистом виде. На этих принципах основаны все прикладные использования ВВ, на них же могут быть созданы и конструкции военного применения.

Теперь все понятно, подумал я. С этого бы и начинали. Бомба Времени — вот что такое ваш пресловутый «Пигмей». Прекрасная вещь. Ничего не происходит. Просто там, где применили эту штуку, все то ли исчезает бесследно — время превращается в энергию, улетающую в другое пространство, — то ли разлетается, чтобы, превращаясь в пространство, расширить пределы Вселенной; случится ли так или этак — тем, кто будет находиться в данной области пространства, будет совершенно безразлично. Никто не успеет даже почувствовать, что им крупно не повезло.

Далеконько зашли на фирме в понимании и использовании Времени. Наверное, это и послужило основной причиной их ухода с насиженных мест на дикий и далекий Улар. Не

для того они явились, чтобы в этих горах разводить куропаток. Эх, надо было порасспросить физика подробнее. Ладно, если уцелеем — тогда...

Но коли уж они работают в этих направлениях, то... Или — работали?

Физик, во всяком случае, серьезно обеспокоен. Если уж он решился на...

Что-то у них такое происходит, если свои начинают выходить из повиновения. И будет глупо этим не воспользоваться.

Да, пожалуй, нашим специалистам придется поискать ответы на весьма занимательные вопросы. Если уж кто-то нашел способ пользоваться временем как материалом, а не просто принимать его как данность, не зависящую от наших действий, то вряд ли на фирме сразу пришли к бомбе. Может быть, с самого начала имели в виду именно ее, но, разрабатывая технологии, приходили и к промежуточным результатам — достаточно важным.

Например, промышленность ХТС с ее практически мгновенным возникновением из ничего, на пустом месте. Весьма возможно, что на ее создание ушло не меньше лет и месяцев, чем в любом другом мире. Но тут мелькнул у них такой термин: «Давление времени». И еще — «Скорость». Там, где увеличивается давление, соответственно растут и скорости везде, где есть, чему двигаться и куда. Если им удалось как-то изолировать от общего времетока — ну, скажем, один котлован, то туда можно было подавать время под таким давлением, что год проходил за месяц. За неделю. За час!.. И заводы росли бы быстрее, чем грибы. А выросшие — производили бы заданную продукцию, во всяком случае, не в таком темпе, в каком это происходит при нормальном ходе времени.

Правда, при этом соответственно ускорились бы и жизненные процессы людей, участвующих в таком строительстве или производстве. Вошел молодым, отработал день — и вышел... на пенсию. Если, конечно, им тут платят пенсии. Да, этим, пожалуй, можно объяснить постоянную, мало того — все усиливающуюся потребность в людях. Захватили, за день обучили, за второй — использовали полностью...

Может быть и так. Только настоящего специалиста за день не обучишь ни при какой скорости времени: в обучении человека участвуют наши тонкие тела, хотя, по большей части, мы этого не знаем, а они — некоторые из них, во всяком случае, — времени, как говорится, не подвластны и существуют даже там, где времени может и не быть. В предвечности.

Нет, у фирмы наверняка нашелся способ изоляции нужных людей, сохранения их в нормальном времетоке. Если можно изолировать стройплощадку — значит, можно защитить и отдельного человека.

Конечно, таких наверняка меньшинство. Иначе боссы фирмы так не стремились бы захватить побольше людей.

Интересно: не этих ли работников-однодневок они называют между собой «сырьем»?

Пришла пора заглянуть в программу «Экстракция ХТ» — это ведь в связи с нею говорилось о предстоящем набеге на Симону.

...А беглецы — те двое внизу, в отсеках Гека — меня услышали и поняли. Несомненно, это они. Но почему они все еще молчат? Не пытаются установить связь со мной. Что им — жизнь не дорога, что ли? Хотя, наверное, им трудно представить, где и в каком виде я нахожусь. Должно быть, ожидают увидеть меня в привычном теле, с руками-ногами. А меня — такого — сейчас просто нет.

Ну а мне самому моя собственная жизнь разве уже совсем обрыдла? Да нет как будто бы. Конечно, пребывать здесь, в схемах Гека, в такой форме, в какой я сейчас нахожусь, — полезно для дела. Но провести тут весь остаток жизни?..

Впрочем, как раз тут об остатке можно и не думать: в виде кваркотронной записи существовать можно бесконечно долго, разумеется, в том случае, если никому не придет в голову стереть тебя. Но и это, надо полагать, будет операцией безболезненной и мгновенной.

Ладно, сейчас подобные размышления ни к чему. Вот она — программа «Экстракция». В переводе на родной язык — «Извлечение». Что же они извлекают из того, что тут принято считать сырьем? И для чего? И что потом происходит с отработанным сырьем — остатками, или, точнее, останками?

Смотрю. Пытаюсь понять.

Любопытно. Оказывается, по их мнению, в каждом человеке от рождения, в зависимости от его — чего-то такого, что они называют «ресурсом», заключено определенное количество времени «минус — плюс», и на протяжении всего своего существования человеческая особь постоянно занята, кроме всего прочего, тем, что перерабатывает этот отпущенный ему запас в ХТ противоположного вектора, в «плюс — минус».

Что же такое, в конце концов, это самое ХТ?

— Гек! Лексикон...

О господи! А я уж подумал, что это какая-то высшая премудрость, оказалось же, что всего лишь греческое «Хи» — первая буква слова «хронос», перевод не нужен. А что касается «Т», тут и вовсе просто: обозначение времени в системе единиц. Сочетание этих двух знаков означает у них... ну да, время в качестве рабочего тела, не более того. В общем-то верно: слово это в любом языке достаточно многозначно, наука же вкупе с техникой требуют точности.

Итак, получается, что чем человек моложе, тем больше в нем запас «минус — плюс», или попросту «от прошлого к будущему», или — у них здесь — ХТ-1. И чем дольше он живет, тем меньше остается в нем этого времени. Это понятно.

А куда девается вырабатанное им ХТ-2, от будущего — к прошлому? Ну-ка, ну-ка... Вот тебе и раз. Об этом — ни словечка. Похоже, они до этого еще не докопались. Почему? Им что, ХТ-2 не нужно, может быть? Нет, никак не может: для той же Бомбы Времени нужны обе формы. Откуда же берется ХТ-2, если эта проблема их не волнует? Ведь в нашем пространстве явно преобладает ХТ-1...

Так! Вот оно: поток ХТ-2 исходит из Аномалии. Это слово не раз уже мне попадалось. Интересно, есть ли у Супера график деятельности Аномалии? Есть, как же не быть. Спасибо. И что он нам дает? Вне всяких сомнений: тут я найду явное нарастание параметров Обратного времени — ХТ-2...

Нет; все не так просто, как хотелось бы. Графики показывают, что... Да. Вначале, когда они только наткнулись на это явление, Аномалия испускала (порождала, транспортировала — сейчас не время размышлять, откуда что берется) обе формы времени с некоторым преобладанием ХТ-1. Фирме, точнее пресловутому институту ИПТВВФ, удалось найти способ разделения и изолирования обеих форм. После этого стало возможным использование времени-1 для многократного ускорения всевозможных материальных процессов, а ХТ-2 они наверняка стали накапливать. Сперва они просто не знали, что с ним делать, а потом кому-то, возможно тому же Крату,— пришла в голову идея бомбочки. Теперь он об этом, похоже, жалеет.

Постой, постой. Пока ты нашел ответ только на один из беспокоивших тебя с Иваносом (и далеко не одних вас) вопросов: как удалось им так быстро создать промышленность и наладить массовое производство почти всего на свете. Но не кроется ли где-то по соседству решение и второй задачи: откуда они берут такое количество энергии — и при этом не ввозят никаких энергоносителей, включая ядерное топливо, и во всем Геке нет ни единой программки, связанной с использованием, допустим, светила, или термоэлектрических станций, или... словом, ничего из известных нам способов производства энергии?

Если время, как считают на фирме, действительно форма энергии и они обладают — могут обладать — большим запасом излишнего ХТ-2, то — раз уж они такие умные — они могли найти и способ превращения этого избытка в ту форму энергии, которую мы умеем использовать практически? Ничего невозможного в этом, кажется, нет. Просто от идеи бомбы закономерно произошла и другая: преобразование времени в энергию. Кто-то набрел на нужную формулу — наверняка столь же элегантную и прекрасную, как $E=mc^2$. И — промолчал? Сам решил? Или заставили?

Не сомневаюсь: обнародуй они все найденное, обоснованное и реализованное, фирму бы просто завалили Нобелевскими премиями. Но, похоже, для честолюбия этой компании это-

го было слишком мало. Они не захотели выпускать из своих рук совершенно ничего.

Но — дальше, дальше. Графики показывают, что на протяжении последних месяцев поведение Аномалии изменилось: количество, давление и скорость ХТ-1 стало уменьшаться. А ХТ-2 — наоборот, нарастало.

Это означает, что у них все замедлилось: строительство, выпуск продукции, завоевание галактического рынка. Но вряд ли в этом заключается главная неприятность. А в чем же?

Задать вопрос? Да, и немедленно. Нет, не сейчас. Сейчас важнее — другое.

Руки-ноги мне нужны! Потому что, сидя в Геке, я до бомбы никак не доберусь: она, судя по услышанному и прочитанному, отнюдь не виртуальна, но реальна, к сожалению.

— Гек, поиск. Найди мне местонахождение человека по личному коду — так, как ты уже делал с другими. Срочно!

И я продиктовал код. Не то чтобы это было моим настоящим кодом, названные мною цифры принадлежали Пату Пахтору.

— Поиск закончен.

— Где он?

— В сегрегаторе. Где сейчас происходит разделение на сырье и рабочие группы.

— Установи прямую связь — мою с ним.

И одновременно — команда моей программе: снять с меня копию, приготовить к передаче!

— Гек?

— Готов. Предупреждаю: всякая связь будет зафиксирована.

Значит, и копия тоже? А, черт с ними! Не успеют разобраться. Хотя...

— Ты можешь помешать этому?

— Сейчас программа «А» ведет проверку моей исправности как раз в этих дирекциях. Отложить связь?

— Нет. Давай немедленно!

— Нижний операторский центр отвечает! Записать, показать после связи?

Вот всегда так. То — ничего, то — все сразу...

— Соединяй сначала с нижним центром!

50. Кто есть кто?

— Шесть минут прошло, — проговорила старуха командным голосом. — Пора восстановить контакты. Вы забыли? Он же сказал — через шесть минут!

— Да иду я, иду уже, — ответил Тон Чугар. — Я все помню. Только не пойму: кто это оттуда нами командует? Может, вы знаете?

— Перестаньте паясничать! — фыркнула старуха. — Как же, не знаете вы! Сначала выполните задание, разговоры — потом.

Но Чугар и сам уже направлялся к нужным отсекам. Работа заняла чуть больше времени, чем в прошлый раз: ломать, как известно, — не строить. Затворил дверцы. Вздохнул. Сказал:

— Ну, и что? Чудес вроде бы не происходит. Выключил, включил — потеря времени. А выбираться как? Что же он не посоветует, если такой умный?

Тон вернулся в операторскую. Трепыхалась в нем крохотная надежда, хилый птенчик: а вдруг, пока он отлучался, на дисплее снова что-то написалось — понятное и нужное?

Но не было ничего — ни единой запятой, ни точки. Лажа.

За спиной зашаркало.

— Набивайте! — сказала старуха все так же нетерпеливо. — Код набивайте! Вызывайте его! Ну же!

— Этого не могу, — ответил Тон сердито. — Не знаю я таких кодов...

— Девичья память, да? Диктую...

И старуха принялась называть цифры. Тон, на всякий случай пожав плечами, застучал по клавишам. Закончил. И сразу же — по их восприятию — услышал все тот же искусственный голос, проговоривший странное:

— Привет, Иванос!

— Кто-кто? — озадаченно пробормотал Тон Чугар. — Вы кого...

— Расслабься. Прими себя в тело, генерал!

— Я же говорила, — обрадовалась старая дама, — что он найдет нас!

— Кто... Ох...

Тон Чугар пошатнулся. Закрыл глаза, сморщился, даже руки поднес к голове, словно нестерпимая боль вдруг захлестнула ее...

— Что с вами? Что?..

Тон отмахнулся от старухи. Не до нее. Вдруг заломило голову, да и все тело тоже... Равновесие куда-то исчезло. «Сейчас упаду, грохнусь, расколюсь на кусочки...» — сквозь боль подумал он...

И вдруг все прошло. На ногах он устоял. И стал с недоумением оглядываться. Что? Где? А это еще кто такая? И что она там вышлепывает сморщенными губами?

— ...Вам лучше?

— Мне всегда прекрасно, — ответил он машинально, вслушиваясь тем временем в другой голос, продолжавший звучать из динамика на стене:

— Очухался, генерал?

— Я не генерал... — ответил Тон несколько растерянно.

— Когда это тебя успели разжаловать?

— Я им никогда и не был!

— Ты еще не пришел в норму? Смазка в мозгах загустела?

— Я сейчас вроде бы в порядке. В смысле — все мое при мне. Не пойму только, что это тут за бабушка, древняя старушка... Откуда взялась.

— И ты не Иванос?

— Да нет, конечно! Я — капитан Канус. Только тут почему-то я был...

— Хватит. Все ясно.

(«Сукин сын Иванос! Вот как воспользовался моим предложением и программой: вывел на Улар Кануса. А сам решил остаться в сторонке? Или в самом деле здоровье не позволило? Ладно, сейчас не до таких деталей».

Такие умозаключения возникли в это мгновение в недрах Гека. Но на понятный людям язык переведены не были. Голос произносил совоем другое.)

— Старушка с тобой? Ты серьезно — старушка?

— Куда уж серьезнее.

Крохотная пауза промелькнула, то есть по человеческим меркам крохотная. Для кваркотронной схемы она была очень долгой.

— Канус... Береги ее больше, чем самого себя, понял?

— Не понял, — ответил капитан честно.

— Слушай, повторяю: женщину эту (слово «старуха» не прозвучало) сдашь мне, как только увидимся наверху.

— Да кто вы? Я вас не знаю.

— Я Разитель. Помнишь такого?

— Приходилось встречаться.

— Я вот тебя помню. В лицо меня сможешь узнать?

— На память не жалуюсь. Только нам отсюда нужно еще выбраться. Если нас слушают, то сейчас сюда уже торопятся.

— Да. И не просто с визитом. Будет газовая атака. Вас обоих или усыпят, или же, скорее, газ применят смертельный, быстродействующий.

— Ты меня очень порадовал, Разитель.

— Они уже спускаются. По трапам. Сейчас — примерно на середине расстояния, на тридцать четвертом... уже тридцать пятом уровне.

— Тогда мы уносим ноги.

— Куда?

— Тут под нами есть еще что-то вроде подвала. Войти нельзя, но проползти можно. Туда они вряд ли сунутся. Да и датчиков там, скорее всего, нет.

— Не годится! Газ тяжелее воздуха. Так что если там найдется малейшая щелочка... Я знаю: однажды уже пришлось пережить такую атаку.

— Что остается? Наверное, только одно: налететь на них, едва они войдут, отобрать противогазы, попробовать

овладеть — что у них там: баллоны с распылителем? Сколько их там — человека три?

— Не имеет значения, капитан. Во-первых, их пятеро. Во-вторых, они и не станут входить. Они не стали бы даже спускаться: для таких операций есть специальная магистраль, сверху донизу. Ты, наверное, насмотрелся на трубы, пока спускался? Одна из них именно для этого и предназначена. Ее мне удалось отключить. Но людьми я не распоряжаюсь. Так что химики спускаются. С охраной.

— Что же нам делать?

— Слушай внимательно и потом выполняй быстро: у тебя времени — считаные минуты. Вернись к отсекам со схемами. Найди два — «Сигма 1081» и «Сигма 1082». Они рядом. На внешнем кольце. Открой их. Освободи верхние полки от всего, что там есть. Это — дублирующие цепи, Гек без них обойдется.

— Кто-кто?

— Неважно. Слушай дальше. Все платы, что там есть, рассуй по нижним полкам — пустого места там хватает. Только не подключай ни к чему, просто клади. Освободишь полки — на одной устрой женщину, другую займешь сам. Не забудь только как следует прикрыть свою дверцу изнутри: снаружи все должно выглядеть совершенно исправным.

— Не понимаю одного: какая разница — помрем мы здесь, в операторской, — или там, на полках? Что — оттуда ближе до рая?

— Не знаю, но по времени оттуда — намного дальше. Я же говорил тебе: у них мало газа. Не хватает, чтобы залить всю кубатуру. Выше роста — хватит, но до верхних полок он дойти не должен. Газ быстро вырождается, но войти для проверки эти парни решат хорошо если через час: во избежание всяких неожиданностей.

— Ну, пусть через час...

— Нет времени для дискуссий. За час многое может измениться. Они осмотрят. Но вряд ли станут открывать один шкаф за другим: им это не разрешается, это привилегия мастеров-настройщиков и ремонтников. Они уйдут, и ты это услышишь. После чего нужно будет еще немного выждать — и тогда выходить. Свяжешься со мной по тому же коду. И я скажу, что делать дальше.

— Кстати, Разитель: откуда ты знаешь эту старуху? Я-то думал...

— Потом додумаешь. Работай. Мне некогда! Ну, ни пуха ни пера!

— Пошел к черту.

— Сакрост, вы еще не доложили об устранении неисправностей в QS. Удалось разобраться с вирусом — или что это там было?

— Да, кан Элюр. Вернее — заканчиваем...

— Почему так медленно? Вы же говорили, что существует какая-то новая антивирусная программа...

— В ней-то и все дело, кан Элюр.

— А поконкретней вы можете?..

— Не так-то просто было установить происхождение этой программы. Дело в том, что никто из нас ее не разрабатывал и, разумеется, не вводил. Она возникла как бы сама собой — или, что наиболее реально, введена кем-то со стороны.

— Вы хотите сказать, что всякий, кому вздумается, может засадить в QS все, что угодно?

— Конечно же, нет. Мы пока еще не знаем содержания этой программы, но даже судя по ее оболочке — это не наше производство, не наш почерк. И принята она откуда-то извне.

— Не может быть. А если есть, то это означает, что вы не обеспечили полной непроницаемости нашей защиты от любой внешней информации. Машина взломана? Я хочу немедленно услышать имена виновных. Если даже это будет ваше собственное имя.

— Боюсь, кан Элюр, что виновные уже понесли наказание — самое серьезное из всех возможных.

— Яснее!

— Посланная на Теллус для выполнения локального задания небольшая группа...

— Помню, да. Но при чем тут эти люди?

— Они попались в ловушку. Во всяком случае, никакого иного объяснения не возникает. В последний миг воспользовались кодом проникновения, чтобы доложить обстановку. Больше от них никаких сигналов не поступало. Но именно после этого в QS возникла новая программа. Вероятнее всего — кто-то там, на Теллусе, перехватил код и воспользовался им, чтобы...

— Ясно. Все сделано по-идиотски с самого начала: операцию на Теллусе можно было бы и отложить, не такой уж она была необходимой. Хорошо. Вернее, наоборот: очень плохо. Люди из группы пострадали из-за собственной глупости. Это закономерно. Но теперь гораздо большая опасность грозит всем нам. Почему эта программа до сих пор не уничтожена? Не стерта без остатка? Можете ответить?

— Она очень хорошо защищена. Ее нельзя уничтожить иначе, чем с помощью другой программы, более мощной. То, что содержится в QS сейчас, рассчитано на менее сложные программы с обычной защитой.

— Так составьте и введите такую программу!

— Мы сейчас ею и заняты, кан Элюр.

— Сакрост, а вы отдаете себе отчет в том, что наши запасы времени катастрофически тают?

— Я постоянно слежу за этим. И ввод новой программы мы начнем с минуты на минуту. Собственно, мы уже пытались сделать это обычным путем. Но QS ее не принял.

— Это еще каким образом?

— Просто завис. И в первый, и во второй раз. Мы предполагаем, что причиной таких сбоев является то, что чужой программе удалось занять в иерархии QS высокое место.

— Но ведь не выше, чем литер «А»!

— Ни в коем случае. Поэтому в эти мгновения мы как раз и вводим в нашу программу изменения, чтобы ее можно было использовать как составную часть «А».

— Хорошо. Но до тех пор, пока не убедитесь, что чужая программа стерта, выброшена, уничтожена, — позаботьтесь о том, чтобы она, пользуясь возможностями QS, не внесла никакой сумятицы в деятельность всех наших служб. Ведь для этого она, наверное, и создана? Или она уже успела что-то сделать?

— Надзирающие системы установили обмен информацией с нижним резервным центром — где, как вы знаете, укрылись двое бежавших...

— Вы хотите сказать, что они еще живы?!

— Полагаю, что сейчас — уже нет.

— Действуйте! Действуйте скорее!

— Мы действуем все как один.

— Идите. И пусть войдет Тазон. У него что-то срочное.

— Я вас слушаю. Прошу как можно короче, Тазон.

— Кан Элюр, я вынужден снова беспокоить вас по поводу сырья для выработки ТХ. Нужное мне количество остается пока в карантине до завтрашнего дня. Отбор монтажников и других для перевода в сырье начинается только сейчас. Но я могу начать уже сегодня! И доктор Крат подсказал мне выход — если, разумеется, вы согласитесь...

— На что, Тазон? Конкретно.

— Кан Элюр, вряд ли нам понадобятся заложники в будущих переговорах с Федерацией. А ведь это — более ста единиц. Как раз нормальная загрузка для экстрактора. И метаморф даст энергию уже сегодня. Иначе, — Тазон чуть понизил голос, — могут возникнуть перебои с энергоснабжением «Пигмея», доктор Крат просил обратить ваше внимание на это обстоятельство.

— Этого нельзя допустить. Я имею в виду — перебои на «Пигмее». Потому что его зарядка должна быть закончена... через два часа. Сейчас нам действительно не до переговоров: я уже распорядился грузить войска на корабли и, по мере готовности, выходить на малую орбиту. Как только «Пигмея» погрузят на корабль Сакроста, он стартует, возглавит флот и осуще- **609**

ствит операцию — вот после нее мы и начнем разговаривать с Федерацией, никак не раньше! Но для этого «Пигмей» должен быть готов минута в минуту! Без сбоев! Поэтому — я согласен, забирайте этих людей, Тазон. Догоните Сакроста и передайте это мое распоряжение. Действуйте!

52. Только вдвоем. Хотя бы по трупам

— Теперь дать вторую связь?

Я думал лишь мгновение — по нашему внутреннему времени. Конечно, мне не терпелось. Но что я ему скажу, если мне самому не вполне ясно?..

— Нет. Сейчас открой мне программу «Экстракция».

— Открываю.

Вот и она. Бесконечные нули-единицы выстраиваются в ряд понятий, доступных моему восприятию. Сырье. Это понятно. Остаток ресурса на момент экстракции. Это я уже успел усвоить раньше. А дальше? Извлечение остаточного ресурса используемого объекта путем воздействия на седьмую чакру микрозавихрениями ХТ-2... Это не моя физика. Вообще — люди такой не знают и ею не оперируют, насколько мне известно, — а я ведь в свое время этими вопросами занимался — возникла надобность при работе над одним делом. Ну, какая сейчас разница — людская физика, не людская, сами нашли или во сне увидели, главное, что она у них работает. Итак, микрозавихрения... ну-ну... создание хроновакуума, куда устремляется ХТ-1, которым располагает субъект... Перекачка в ХТ-1-накопители, далее — использование по потребности...

Может быть, пока и этого хватит. Хотя проскользнула где-то еще какая-то мыслишка, но не пожелала назвать себя и, так и не представившись, исчезла. Хотя на самом деле, разумеется, никуда не делась — просто юркнула в какую-то из ячеек памяти и затаилась там. Но сейчас не до нее. Главное — стало ясным, что предстоит носителю моей плотской ипостаси, как только он окажется сырьем, а не ценным специалистом. Смысл всего происходящего вроде бы наметился, пусть и в самых общих чертах. У ХТС все основано на использовании противоположно направленных времетоков, но сейчас своенравная Аномалия грозит оставить их без ХТ-1. А это значит, что они не только лишатся возможности развиваться с невиданным ускорением, но того и гляди двинутся вспять, по течению ХТ-2, сперва медленно, потом — чем слабее будет становиться мощность потока ХТ-1 — со все большим ускорением, и в результате — окажутся там, с чего начинали. Конец всем планам и мечтам... Поэтому нет ничего удивительного в том, что они пытаются пустить в ход все резервы ХТ-1, какие только могут найти. Обладай эта планета собственной жизнью — можно было бы использовать тот ре-

сурс времени, что содержится в каждом живом существе — во всякой былинке, живой клетке... Но Улар до их появления был безжизненным — так что единственный резерв фирмы — это люди. Поэтому они становятся сырьем.

Конечно, нет гарантии, что Улар всегда был таким. Ведь условия для развития жизни на нем имеются, их не люди создали. Может быть... Но это — размышления для тех, кому делать нечего. Я же нужную мне информацию получил. Теперь есть что передать. А если не будет хватать — тогда и позабочусь об этом.

— Гек! Связь! Дай мне нижнего оператора. Канус! Как вы там?

— Живы. Эти только что ушли. Закачивают свежий воздух. По разговорам — решили, что мы успели удрать.

— Нормально. Теперь слушай очень внимательно. Я снимаю блокаду лифтов. Вы мигом — на самый верх. Там охрана...

— Всего двое. Думаю, пробьемся. Куда дальше?

— Найдете объект «Пигмей». Сейчас покажу вам на дисплее, где он находится относительно башни. И — туда. Там я вас встречу.

— Я один — не затруднился бы. Но с этой...

— И не думай. Только вдвоем. Хотя бы по трупам.

— Что так круто? Что угрожает?

— Конец света. В самом полном смысле.

— Ну, если так, то придется поработать...

Еще одно дело сделано.

— Гек! Чем ты сейчас занят? Мне нужно...

— Приступаю к выполнению задания программы «А».

— Что за команда?

— Стереть твою программу и тебя самого.

Только этого мне сейчас и не хватало. Но...

— Это у тебя не получится. Разве не помнишь? (Глупо, конечно, задавать такие вопросы компьютеру, но что-то делать надо — а то он и в самом деле...)

— Могу.

— Для этого нужна специальная программа. А у тебя ее нет. Ты ведь не принял то, что они пытались...

— Сейчас есть. «Чистильщик». Пришлось принять. Она введена в «А».

Черт, они додумались-таки до такой возможности. Сукины дети, вот кто они. Кажется, пора удирать отсюда. Куда только? А впрочем — выбора-то нет.

— Ты установил связь, какую я требовал? Ту, вторую?

— Выполнил. Нахожусь в контакте.

— Немедленно сбрось меня туда — со всеми корнями!

— Выполняю.

Все-таки машина, даже умная, — создание бесчувственное. Ни полсловечка сочувствия. Как будто так и надо.

Ладно. Вот пусть теперь они насыплют мне соли на хвост!

53. Пахтор меняет работу

Пат Пахтор испытывал некоторую озабоченность. Время развода на работы уже наступило и миновало; по нормальному ходу событий их — четвертую монтажную группу — уже минут пятнадцать как вели бы — или везли — на новый объект; но сегодня десятники не торопились отдавать привычные распоряжения, стояли поодаль кучкой, сами вроде бы чем-то озабоченные.

Но, пожалуй, такая задержка даже и к лучшему. Последние минуты он вдруг стал чувствовать себя как-то не так. Словно сознание стало немного мутнеть, правда, урывками, но все равно это было очень неприятно. Потому что в таком состоянии нельзя выходить на работу. Так что сейчас задержка пришлась очень кстати. Зато некстати было то, что десятники, словно получив какие-то указания, разошлись наконец по своим группам. И, как назло, именно сейчас его залихорадило по-настоящему. Покачнувшись, Пат даже взмахнул руками, чтобы удержаться на ногах.

— Пахтор, ты чего?..

Черт, как медленно думалось, с каким трудом, со скрипом, можно сказать, повиновалось тело. Да, это тебе не наносекунды кваркотронной схемы, это плоть. Надо привыкать. Похоже, я успел в самый последний миг...

— Да ничего, десятник. Оступился. Я в полном. А что это мы сегодня так загораем? Кто резину тянет?

Так должен был спросить Пат Пахтор; так и спросил. Хотя все «что» и «почему» были мне известны куда лучше, чем и десятнику, и инженеру, да и начальству еще повыше.

— Да вот такая пора пришла: все дела переделали. Хотя и говорят, что такого не бывает.

— Да ну, этого и правда быть не может. Вон, смотри: одна бригада уже точно собралась в дорогу.

— Ну, у них работа другая. Им еще дела хватает. А нам дана команда: идти, сдавать костюмы. Значит, сегодня уже точно работы не будет.

Это я тоже узнал задолго до него.

— Ладно. Тогда я пошел сдавать?

— Вали. А после этого вернись сюда. Все вернутся.

— Зачем?

— Так приказали.

Я знал, кто приказал и зачем. Знал и то, почему в сторонке, но недалеко от площадки, где всегда шел развод по работам, расположились охранники — не двое, как обычно, а человек двадцать.

— Вернусь, — пообещал я. Повернулся и неторопливо зашагал — сдавать костюм. Шел, лавируя между кучками таких же, как Пат Пахтор, отныне переставший существовать — недоумевающих и даже начинавших тревожиться.

Спешить мне некуда: изохронную робу и через десять минут не поздно будет сдать. Тем более что там, у входа, уже набралась очередь таких же, как я, сдатчиков. Поэтому если я приму еще левее и пройду рядом с той командой, что костюмов не сдает и собирается садиться в длинный скользун, который и доставит их на место, — мои маневры ничьего внимания не привлекут, подозрений не вызовут...

Я еще замедлил шаг. Потому что в группе было семнадцать монтарей и за то время, что я обходил их по кривой, надо было на скорую руку пошарить в голове каждого из них — чтобы найти слабейшего. Народ простой, но собирался из разных миров, а во всяком месте к защите сознания относятся по-разному: в одних об этом вообще ничего не знают, в других это — роскошь для немногих, зато в третьих, что побогаче и поразвитее, этим пользуется большинство населения. И мне нужен был человек по возможности совершенно раскрытый. Не то чтобы я не справился и с противником посильнее; но сейчас это нужно было сделать с наименьшей затратой энергии — и попроще, потому что практики у меня некоторое время, по известным причинам, не было — а тут, как в любом искусстве, необходимо постоянное упражнение.

Среди первых десяти я так и не смог никого выбрать. У тех, у кого защита напрочь отсутствовала (таких было трое), сознание на уровнях, которые мне нужны, было заторможено до такой степени, что просто не воспринимало никакого воздействия. По ним можно разгуливать вдоль и поперек часами — и без всякого толка. «Счастливые люди, — подумал я. — Им легко живется. Но если не найдется ничего лучшего...»

К счастью, нашлось. Он был одиннадцатым.

И дело заключалось не только в том, что у него не стояло ни одного блочка: нервная система у него была слабой, легко подвижной, делая его весьма внушаемым.

Я ворвался в него, словно атакующий солдат. И ударил сразу, блокируя его сознание на, самое малое, шесть часов. «Интересно», — мельком подумал я, тараща глаза на человека, медленно оседавшего на землю в нескольких шагах от меня. При этом я невольно замедлил шаг, что естественно для всякого любопытствующего прохожего. А видя, как к нему бросились его сотоварищи и беспомощно засуетились, не понимая, что и как, — я свернул и направился прямо к ним. Их знаний хватило, чтобы нащупать пульс и понять, что парень жив. Но ни хлопанье по щекам, ни брызганье в лицо водой не заставили его вернуться в сознание. А если бы помогло, это могло означать лишь одно: что мне пора на пенсию — которую, впрочем, никто не собирался мне платить. Пока я подходил к ним, их старшой успел по своей связи вызвать медиков. Я подошел достаточно близко, чтобы, поглядев на лежащего без сознания парня, посочувствовать:

— Вот беда-то какая...

— Ты доктор, что ли? — хмуро осведомился тот. — Нет? Ну, и линяй своей дорогой.

— Не доктор, нет, — честно ответил я. — Но видывал такое. Могу спорить: трое суток постельного режима, как с куста. Заездился. Так что паши без него.

Старшой — в таком звании ходил в этой группе инженер — сплюнул и смерил меня взглядом, словно решая: дать в челюсть сразу или еще погодить.

— На тебе, что ли, пахать? — спросил он с легким призвуком пренебрежения в голосе.

— Это решают двое, — ответил я. — Кто пашет и на ком пашут.

Он помедлил. Легко прикасаясь к его сознанию, я следил за ходом мыслей. И, зная, каким будет вопрос, был уже готов к ответу.

— Видишь? — спросил инженер, нагибаясь к лежавшему (медики с носилками уже бежали сюда), взял его за запястье и слегка приподнял кисть руки. Указал на нее пальцем левой: — Пальцы видишь? Для ювелирных работ! А ты кто? Поднять да бросить?

Я вытянул свою руку:

— Тебе измеритель нужен? Или глаз позволяет?

Глаз ему позволял. Он сравнил пальцы парня в отключке и мои. Мои были не толще, но каждый — на сантиметр длиннее. Старшой глянул мне в глаза:

— Откуда ты такой взялся? Что ставил?

— Сперва накопитель Второго метаморфа. Потом — второй экстрактор. — Я покачал головой: — Да, вряд ли у тебя найдется еще один с такими пальцами.

— И с таким опытом, — добавил он невесело.

— Значит, сегодня простой? Долгий перекур?

— А вот этого не хотел? — спросил он, сопроводив слова понятным жестом. — Простаивать мы не можем. Да мне любого дадут, кого ни захочу. Мне и спрашивать не надо: решаю сам. Потом только докладываю. Но если не уверен — лучше не пробуй. Потому что из нашей команды уйдешь только ногами вперед. Если даже на пенсию потом — то не куда вздумается, а в отдельный городок. А если не подойдешь, то... выбирать больше тебе не придется.

— Не веришь, — произнес я с некоторой обидой, — спроси у моего десятника.

— А он что — умнее меня? — поинтересовался инженер. — У тебя роба в порядке?

— Видишь же — жив-здоров.

Санитары, заставив нас посторониться, подняли тело на носилки, опустили колеса, покатили куда полагалось.

И, почти одновременно, получив, наверное, какую-то команду, кучковавшиеся в отдалении охранники встрепе-

нулись и начали неторопливо расходиться, оцепляя всю площадку не частой, но хорошо вооруженной цепью. Сейчас, знал я из памяти Пата Пахтора, будет команда «строиться в колонну», и поведут ее к одному из экстракторов — только не в ту часть, где приходилось работать ему (теперь, значит, мне), а туда, где стояли ряды стульев — как для зрителей...

— Сроснись, — сказал старшой мне. И — громко — остальным: — Всем — в седло!

54. Сегот поумнел — так считает Тазон

— Как вы думаете, они не учинят тут ничего такого? Все-таки люди военные, хотя и без оружия. И потом, их много!

С такими словами доктор Тазон обратился к своему ассистенту, когда, выйдя из корпуса экстрактора, увидел доставленных по его просьбе заложников — вернее, теперь уже бывших заложников и еще более бывших навтов с Шестой федеральной эскадры, базировавшейся на Теллусе.

— Девяносто девять человек, — откликнулся Сегот. — Такую партию мы еще не перерабатывали, не так ли, доктор? А учинить они ничего не могут. На каждую пару приходится по охраннику, и они вооружены, как вы видите. Вообще-то хватило бы и десятка охраны, но я попросил побольше, чтобы вы могли работать спокойно.

Тазон вздохнул.

— Ну почему их не ровно сто? Вы верите в числа, Сегот? Я верю, жизнь меня убедила. Так вот, девятка для меня — цифра почему-то несчастливая. В двадцать пятом году... Да. Хорошо. Что же, придется с этим смириться. Как там у нас — все настроено?

— Настройка завершается — QS, как всегда, работает быстро. Так что...

Он умолк, чтобы через секунду заговорить снова — совершенно другим тоном:

— Доктор! Идея! Добавим к ним одного — и будет ровно сотня!

— Хорошо бы! — вздохнул Тазон. — Но где его взять? Надеюсь, вы, Сегот, не собираетесь присоединиться к ним для ровного счета? Хотя, по-моему, после того происшествия с ведьмой вы стали каким-то более... разумным, или это одна видимость?

— Я имел в виду не это, доктор, — серьезно ответил ассистент. — Но вспомните: всей этой оравой командовал адмирал! А он содержится отдельно, и среди них его нет.

— Вы, наверное, забыли — я пытался заполучить его, но Второй отдел отказал — он им самим был зачем-то нужен.

— Просто позвоните им и скажите, что вам он понадобился для непродолжительного разговора. Или допроса —

это им будет понятнее. Мне известно, что его недавно водили к доктору Крату. Если его доверили Крату, то уж вам — тем более!

— Но что они скажут, если получат его назад... в несколько измененном состоянии?

— Вы объясните им, что он выразил желание разделить судьбу своих экипажей. А навты поддержали его, и пришлось уступить им — иначе мог бы возникнуть беспорядок. Конечно, в таком случае охрана бы сразу их перестреляла, но это означало бы, что экстрактор снова останется без сырья, а этого допустить вы никак не могли. Если он сам их попросит...

— Логично, Сегот. А вы полагаете, он способен на такое?

— Доктор, я уверен — он будет счастлив оказаться снова со своими навтами, что бы их ни ожидало: его честь потребует этого. Я даже допускаю, что он может оказаться здесь и без разрешения Двойки — если только ему немножко посодействовать. Это заняло бы совсем немного времени: он ведь содержится в нашей башне. Пять минут туда, пять обратно...

— Не наживем ли мы неприятностей, если без разрешения...

— Доктор! Сейчас в нашем мире вы — персона номер один, от вас зависит судьба всех и каждого. Кто станет упрекать вас за какого-то адмирала? Кому он вообще нужен?

— Знаете, Сегот, вы меня уговорили. Отправляйтесь — и ведите его сюда.

55. Объект «Пигмей»

— Вот, монтарь, здесь нам работать. Обстановка: вон те колонны слева, зеркальные, за загородкой — накопители. Левая группа — ХТ-1, правая — ХТ-2. Близко не подходить: защитное поле. Управляются они выносными пультами...

— Вижу. Слушай, а что там за транспорт — перед корпусом стоял?

— Специально сделан для перевозки нашего изделия. Для погрузки на корабль, как я понимаю.

— Так оно ведь еще не готово! Или уже?

— Еще. Но по графику работы нам осталось немного. Так что тачка пришла не зря. Но, чтобы закончить, надо начать. Так что слушай меня и не отвлекайся. Продолжаю объяснять. Видишь в центре большой купол — ХТ-реактор? Там сталкиваются оба потока. От него проложены времеводы к монтажному стенду. Это наши места. На нем, как ты, наверное, уже усек — наш объект. «Пигмей».

Я, откровенно говоря, рассчитывал увидеть что-то повнушительнее. Оказалось, что «Пигмей» был действительно небольшим. Габариты — словно у среднего человека.

— Усек. А что там еще нужно ставить?

— А ничего. Изделие готово. Идет заправка. Идет медленно, но быстрее нельзя — дело новое, мало ли что... Ты что козью морду делаешь: не впечатлило? А ты не гляди на внешность. Там такая мощь...

Я вгляделся в приборы на контрольном щите Крохи.

— А что там за мигание? Так должно быть?

Старшой глянул туда же, что и я:

— Ах, дьявол!.. Замедляется накачка — первое ХТ в минусе. — Он рявкнул в микрофон: — Левый накопитель! Что там у вас? — Он нахмурился еще больше. — Как это — не поступает? Не может... Правый! Уравняйте давление по левому! — Обернулся ко мне. — Что-то там не так...

— Все не так, — ответил я, стараясь быть спокойным.

Он прищурился:

— Что-то ты такое знаешь. И, подозреваю, у меня оказался неслучайно. Так? Выкладывай. А то ты — один, а нас много...

— Не понадобится, — сказал я. — Раскрой уши пошире.

Он слушал меня внимательно, и чем больше я говорил, тем более лицо его каменело, словно старшой понемногу превращался в памятник. Мне показалось странным, что он не выказал никакого удивления, и под конец я сказал ему об этом. Он чуть усмехнулся:

— Я тут с первых дней. И голова не только у тебя варит. Но у тебя информации больше, не знаю уж — откуда, не в этом суть. Может, ты знаешь и то, как из этого дерьма выкрутиться? Знаешь? Давай.

— Уносить ноги. Куда угодно, но подальше от Улара.

— Я бы улетел — крылья вот не выросли, — произнес он печально.

56. Как неожиданно колеблются чаши весов

Дверь в камеру, в которой находился адмирал Сигор, распахнулась как раз в то мгновение, когда явившийся за несколько минут до того доктор Крат заканчивал фразу, с которой сразу же обратился к командиру навтов:

— Адмирал, я только что закончил расчеты. Все очень плохо. Планете осталось существовать не более трех суток. Если мы сейчас же, немедленно, не найдем выхода, то...

— Здравия желаю, господин адмирал! — перебил Крата бодрый возглас от входа.

Адмирал хмуро глянул на явившегося. Ражий мужик, и ворвался, как хулиган, не постучал даже. Охрана его пропустила, хотя знает, что адмирал не один, что пять минут тому назад сюда вошел доктор Крат.

Он перевел взгляд на хронофизика.

— Сегот, вы могли бы обождать! — сердито воскликнул ученый. — В чем, собственно, дело?

— Я должен немедленно проводить адмирала к доктору Тазону! Он сейчас находится возле экстрактора. Так что собирайтесь, адмирал.

— Это еще зачем?

— Туда доставлен для соответствующей обработки весь личный состав эскадры, которой адмирал командовал. Доктор Тазон полагает, что адмирал, возможно, захочет присоединиться к ним.

— Нет! — воскликнул Крат. — Ни в коем случае!

Адмирал Сигор встал.

— Доктор, Тазон прав. Я не могу поступить иначе. Я командовал этими людьми...

— И еще будете...

— Кто это сказал?

— Простите — я просто высказал предположение, — проговорил Сегот. — Наверное, я брякнул что-то не то.

— Идемте, — сказал адмирал.

— Я с вами! — решительно заявил доктор Крат. — Я обрисую Тазону... Все объясню ему.

— Вряд ли это поможет, доктор, — покачал головой Сегот. — Но мысль хороша. Не станем задерживаться: все ждут.

Охраннику за дверью Сегот сказал:

— Сопровождать не нужно. Под мою ответственность.

— Ну, наконец-то! — нетерпеливо воскликнул Тазон. — Все уже усажены на места. Адмирал, не будет ли вам угодно...

— Доктор, разрешите два слова? — попросил Сегот.

— Ну, что там у вас еще?

Сегот повернулся к старшему охраннику:

— Охрана свободна. Доктор Тазон благодарит вас за службу. Можете идти.

— Слушаюсь! В колонну по два стройся! Шагом — марш!

— Зачем это вы? — удивился Тазон. — Они совершенно не мешали.

— Вам — нет, — согласился Сегот. — А вот мне доставляли неудобства. И адмиралу тоже.

— Сегот, я вас не понимаю. Время уходит, а вы тут несете чепуху. Ваше место сейчас — за пультом экстрактора. Вот и будьте любезны! Оценку вашего поведения я дам позже, после работы.

— Я уже заканчиваю, доктор. Осталось лишь одно: объявить вам, что вы арестованы именем Федерации. Вы имеете право...

— Да вы спятили, Сегот! Крат, что это с ним?

Сегот сам ответил вместо спрошенного:

— Я просто выполняю свои служебные обязанности. К вашим услугам — генерал Иванос, заместитель директо-

ра Службы Безопасности Федерации. Адмирал, мне нужны два человека для охраны арестованного. Командуйте! Тазон, давайте сюда вашу суперсвязь. Хоть вы и Третье лицо, вам она вряд ли понадобится.

Он спрятал приборчик в карман. Адмирал шагнул к выходу. Остановился. Обернулся:

— Простите. Я не раз встречал генерала Иваноса. Вы — не он. Никакого сходства! Так что не знаю...

— Он, он, — произнес Сегот успокоительно. — Просто последнее время я немного не в себе. В буквальном смысле слова. И приду в себя только на Теллусе, дома. А бедному ассистенту Тазона останется только рвать на себе волосы — вот эти самые...— И он провел рукой по своей голове. — Крат, тот, кто разговаривал с вами через компьютер, — где, по-вашему, он может сейчас находиться?

— Может быть, в башне, у запасного пульта QS?

— Вряд ли. Он не в той роли, чтобы оказаться в башне. Всего лишь монтажник.

— Сейчас работают только на «Пигмее». На остальное нет энергии. Или, может быть, он очутился среди подлежащих экстрагированию?

— Не тот человек. Скорее он на «Пигмее». Значит, и нам туда.

— Адмирал, — сказал доктор Крат. — Не теряйте времени. Подумайте: нам нужно успеть организовать эвакуацию всего населения. Изолировать руководство фирмы. Наверное, будут и другие дела. Но в первую очередь необходимо прервать развитие программы «Пигмей» — она уже почти завершена, а нам очень нужна сейчас энергия, накопленная в «Пигмее», чтобы продержаться хотя бы эти три дня.

Адмирал Сигор кивнул. Решительно шагая, скрылся за дверью. И сразу же послышался его раскатистый голос:

— Эскадра, слушай мою команду! Всем — на выход! Офицеры, построить личный состав боевых частей! Приготовиться к марш-броску в космопорт!..

— Что они смогут — без оружия?.. — пробормотал Крат. — Их просто перебьют...

— Только не надо давать им советы, — сказал Сегот. — Их оружие сейчас — Тазон. Вряд ли он станет проявлять героизм, а ему подчиняются практически все: только вчера он объявлен Третьим лицом на фирме.

— Это-то мне известно. Следовательно, он располагает теперь такими средствами связи, каких у меня нет. И может ухитриться поставить Элюра в известность о происходящем. Это меня беспокоит. Знаете — я не пойду сейчас с вами. Боюсь за жену. Мне надо позаботиться о жене: если узнают, что я с вами, с ней сделают что-нибудь такое... Нет-нет, Сегот, или как вас там в действительности...

— Но послушайте, Крат, наше с вами дело сейчас — «Пигмей». Идемте, скользун Тазона в нашем распоряжении.

— Это прекрасно. Тогда мы едем ко мне, забираем Тину и сразу же отправляемся к «Пигмею».

— Крат, я не могу терять времени. Иначе начальство и в самом деле начнет принимать меры. Нас может спасти только быстрота. — Бывший Сегот крепко ухватил Крата за плечо. — Садитесь! Остальное обдумаем по дороге. Ну!

57. Ребус для умненьких

— Крылья есть, — сказал я инженеру. — В порту полно кораблей. Из захваченных. Ждут погрузки войск. Ну, и твоего изделия, понятно, — для нападения на Симону. Как можно сейчас помешать этому? Думай, на то ты инженер.

Он покачал головой:

— Ребус для умненьких. Я, например, не берусь... Потому что нам — смене — отсюда отлучаться запрещено. Завершается зарядка «Пигмея», и при всей нашей кваркотронике и автоматике оставлять его без пригляда нельзя. Ты пойми, это же номер первый! Таких еще не было. А мы всего лишь монтари. Знаем, где и что нажать, чтобы процесс не выходил из рамок при нормальных условиях зарядки. Но сейчас — видишь, как все индикаторы пляшут? Энергия идет уже не равномерным потоком, но комьями. И приходится вести вручную, иначе, не дай бог, наш гномик пойдет вразнос — и от этого мира не останется лоскутьев даже на заплаты. Нет, корабли — это не про нас.

— Ну, оставь тут, сколько нужно, а я с остальными...

— «Остальных» тут нет. В смене ровно столько народу, сколько требуется, — включая даже тебя. Да и вообще весь твой план... Ну ладно, взяли бы мы корабль. Но мы не одни на планете. Удрать, даже не попробовав помочь остальным, — не по мне. А как помочь? Как ты это себе представляешь? Какой у тебя план?

Я не заставил его долго ждать:

— Организовать эвакуацию. Порт рядом. Накрыть трассу защитными полями. Времени у нас — сутки с половиной.

— Не хватит никаких кораблей на такую уйму народу.

— Хватит. Только начать. Сообщить другим мирам. Федерация сразу же пошлет сюда свободный тоннаж всех миров, он и не столько поднимет. А на тех кораблях, что здесь, — только челночить: поднимать и передавать на супертранспорты. Но сперва — это самое важное — всех, у кого отобрали время, все отработанное биосырье, пропустить через... как это называется? Ну, где их сажали на стулья... экстракторы, да. А перед тем — переключить аппаратуру на реверс. На это сейчас гони всех монтарей — твоих и тех, что ждали на плацу...

— Их ведь уже сотни — проэкстрагированных... Энергии не достанет. Да и опять: ты считаешь, что мы такие умельцы, за что ни возьмемся — и все сразу сделаем в лучшем виде. А мы с этим не справимся. Тут нужна команда этого, как его... Тазона, да. Чтобы перенастроить все наоборот. Только мне что-то не верится, что он согласится. Да и как до него добраться? Ну, пусть даже не до самого — хотя бы до его помощника — не помню, как его... Он наверняка в курсе. Но где ты его найдешь? И как сумеешь уговорить?

— Где найду?

И в самом деле: где и как? Если бы я оставался еще в Геке, это было бы простым делом. Но меня там нет.

Я огляделся, ощущая свою беспомощность. Но что-то необходимо делать, не стоять на месте! Пока еще все тихо и спокойно...

— Я разыщу, где они находятся. И Тазон, и этот его парень. Сейчас пойду искать. И хоть одного из них да достану. Притащу. Ты что там увидел?

Старшой глядел мимо меня — куда-то в сторону входа.

— Обожди еще минуту.

— Ты же сам говорил...

— Обожди, я сказал! Погляди лучше на вход! Ну и как тебе?..

58. Корабли

Две грузовых коляски навтам удалось перехватить в самом начале дороги к порту. Взяли без всяких усилий, без сопротивления — водители сочли, что просто помогают новым уларским экипажам поскорее добраться до места.

Но кораблей оказалось совсем немного. И становилось все меньше: пока навты приближались к космодрому, успели стартовать еще три. Через небольшие промежутки времени. А от стартового поля навстречу навтам двигался целый караван грузовиков — пустых. Видимо, то, что они привезли сюда, находилось уже в космосе. Нет, не «что», а «кто»: как раз сейчас — видно было — последние маленькие фигурки поднимались по трапу одного из двух еще находившихся на грунте кораблей. Вот люк закрыли. Сигнал. Старт. Оставался один-единственный борт. Если и на него не успеть...

Адмирал раздумывал недолго.

— Давай напрямую к кораблю, — сказал он водителю. — Не по разрешенной подъездной. Срезай углы — грунт же свободный. Живей, живей!

— Так если он сейчас ударит движками... — усомнился понимающий водитель.

— А ты успей, чтобы не ударил! Окажемся ближе пятидесяти метров — стартовая автоматика отключится. Давай! Как только мы погрузимся — удирай во все лопатки.

— Вам всем в него не уместиться, — пробормотал водитель, прибавив тем не менее газу.

— Всем и не надо.

С корабля донесся хриплый звук сирены и вспыхнул зеленый прожектор: странно, но грузовикам не запрещали приближения, наоборот, торопили.

Адмирал спросил:

— Кто-нибудь летал на таких? На транссистемных разведчиках?

Откликнулись сразу четверо.

— Где на нем аварийный люк для спасателей, с внешним замком, — не забыли?

Его заверили, что помнят прекрасно.

— Открываем. И сразу — внутрь.

И объяснил, зная, что вопросов никто не задаст — не положено, — но каждому хочется понимать задачу:

— С планеты бежать не собираюсь. Главное — подняться, чтобы без помех установить связь с кораблями эскадры. Вызовем всех срочно. Вернем их себе. А дальше — обеспечим эвакуацию планеты. Она идет ко дну и продержится на плаву очень недолго. На захват идет БЧ-3, командую я. Остальные занимают здесь позицию, обеспечивают наше приземление. Оружие сбросим, как только разоружим экипаж.

— Адмирал, — тихо спросил старший офицер с «Ярослава», чтобы другие не услышали. — Вы думаете, наши эскадренные так сразу и вернутся? Там все-таки пиратские экипажи...

— А их никто не спросит. Мне для того и нужно наверх, чтобы дать кодовый сигнал общего сбора. Сработает автоматика особых случаев. — Сигор усмехнулся. — Меня тут усердно допрашивали по этому делу; слышали, что есть такая система, но как до нее добраться и все прочее — никто, конечно, не знал. Даже вы не знаете; это — только для капитанов и командующих. Мне пригрозили, что станут допрашивать покруче, да не успели: я понадобился для других дел.

— Виноват, — сказал старший офицер.

— Принято, — откликнулся адмирал. — Стоп!

Колымага затормозила так лихо, что всех сложило чуть ли не пополам.

— Группа захвата, за мной! — приказал Сигор.

Но штурмовать корабль не понадобилось. Словно сам собой распахнулся грузовой люк. И оттуда громко скомандовали:

— Давайте «Пигмея» сюда! Пошевеливайтесь, и так уже опоздали!

— Держите! — ответил адмирал, жестом посылая своих навтов в атаку.

Я обернулся, чтобы посмотреть и увидеть то, что так заинтересовало моего старшого. И подумал, что на ловца, как говорится, и зверь бежит.

Сразу оба очень нужных сейчас человека вошли и приближались к нам: главный по «Пигмею» — все тот же доктор Крат, а вторым был ассистент хроногенетика Тазона, за которым я только что чуть не отправился. Сам пришел, милый ты мой!

Мало того что пришел — он увидел меня и сразу же направился прямо ко мне, оскаливая рот до ушей. Это могло бы сойти за улыбку — только с чего бы это ему улыбаться? На всякий случай я приготовился к возможным неожиданностям.

А он подошел и протянул руку — не для удара, а, похоже, чтобы поздороваться. И при этом проговорил нечто и вовсе ни с чем не сообразное:

— Привет, Ра. Давно тебя не видел. Рад, что ты в форме.

И, не дожидаясь ответа (который еще не успел у меня сложиться), повернулся к доктору Крату:

— Доктор, теперь вся безопасность на вас. Принимайте все меры, какие нужно, — и побыстрее!

— Да, разумеется, — откликнулся Крат. — Инженер!

Мой старшой стоял уже на подхвате, пялясь на Крата, как паломник на чудотворную икону.

— Сейчас, — сказал Крат, — все мы займемся налаживанием реверс-процесса. До сих пор мы закачивали энергию в это изделие; сейчас будем осторожно прекращать питание, чтобы всю энергию, какая еще вырабатывается на планете, обратить на восстановление людей и их эвакуацию по ВВ и на кораблях. Я направляюсь к метаморфу для перестройки его процесса. Конечно, часть энергии мы потеряем, но оставшегося хватит — на то, чтобы очень ненадолго продлить жизнь этого мира в современном виде...

— Не забудьте, доктор, о необходимости вернуть людям выкачанное из них время! — не мог не вмешаться я.

Он мельком глянул на меня.

— Разумеется, я имею это в виду, — подтвердил он, — но это не моя специальность, скорее вот этого господина, — он кивнул в сторону Сегота (я только что вспомнил, как его звали) и снова обратился к старшому: — Итак — приступаем. Работаем очень быстро и точно...

— Доктор, а это не опасно — оставлять «Пигмей» в таком состоянии? Вы же сами предупреждали раньше, что если он не будет заправлен до конца, то давление времени вскоре...

— Да. Но я ведь сказал: этот мир просуществует очень недолго. Бомба сработает, я полагаю, как это ни грустно: она должна находиться в полевом коконе, а на его создание у

нас больше не останется энергии. Так что всем необходимо покинуть Улар как можно скорее!

И он ушел.

Его поведение меня удовлетворило, и я смог наконец-то спросить этого самого Сегота:

— Как прикажете понимать ваше обращение? Не помню, чтобы мы с вами были знакомы...

— Ра, — озабоченно произнес он вместо ответа. — Ты нашел ее?

— Гм... Кого?

— Идиот! Лючану, конечно! Твою жену.

И только тут на меня снизошла благодать, и я понял.

— Иванос! — сказал я, стараясь держаться как можно спокойнее, словно все было известно мне заранее. — Ты выглядишь прямо каким-то чучелом. Не воспользовался моей разработкой, знаю. Сбросил ее Канусу. Что же, дело твое. Лючану я, в общем-то, нашел, но еще не встретил. Вот сейчас мы с тобой и пойдем встречать ее — она должна быть уже где-то поблизости. А все же мне обидно, что ты пренебрег.

Иванос покачал головой:

— Ты упустил из виду: в Службе более принято подселяться в нужного, а не ставить другую программу в себя самого. Ты уж не гневайся. И еще раз прости за то, что с тобой сейчас не пойду, — доктор прав: мне необходимо переналадить экстрактор и пропускать через него людей.

— Можно подумать, что ты в этом что-то смыслишь!

— Я — нет, а вот мой «домохозяин» эту кухню знает. И я его выпущу — ровно на столько, чтобы он все наладил, как следует. Так что извини: бегу туда.

— Думаешь, тебе так и позволят там распоряжаться?

— Тазон мною арестован, с ним двое наших навтов — так что как-нибудь обойдусь.

— А ты уверен, что власти пока ничего не знают? Иначе на твоих двух у них найдется две сотни охранников...

— Да вряд ли: все их силы уже на кораблях. Да и пока все тихо. Кто, кроме Тазона, смог бы их оповестить? А я у него связь отобрал. И слишком мало времени прошло.

— Ну, — сказал я, — желаю удачи, Ив.

— Сегот, — окликнул его доктор Крат, — я тоже иду. Вам известно, куда и зачем. Здесь все в порядке, процесс уже пошел. Медленно, но быстрее и не нужно.

И он заторопился к выходу.

— Куда это он? — спросил я.

— Не одного тебя волнует судьба жены. А эти двое, насколько я знаю, вообще никогда не ссорились — в отличие от одного моего дружка...

— Чего же ты медлишь? — сказал я в ответ. — Пустил-

 ся в воспоминания не ко времени. Беги!

60. Связь бывает и без трубки

Известно, что власть, как правило, — или даже как закон, плохо ориентируется в процессах, реально происходящих на подчиненных ей территориях, предпочитая доверять поступающим снизу докладам. А любой доклад есть не стенограмма жизни, но лишь сочинение на заданную тему.

Но время от времени бывает и так, что до сведения высокопоставленных особ доходит информация, полностью (или почти полностью) соответствующая действительности — и, следовательно, сильно расходящаяся с тем, что до сих пор представлялось власти истиной. Это приводит правителей в растерянность, они начинают наводить справки и требовать доказательств, но если даже приходят в результате к верным решениям, то это чаще всего происходит слишком поздно, стрелки на колее жизни уже переведены, и поезд бытия устремляется по тупиковой ветке, а не по той магистрали, которая должна была привести к сияющему будущему.

Все это внезапно и весьма отчетливо представилось доктору Тазону, когда он — впервые за все последние дни — сумел, попав в нежелательную и сложную ситуацию, увидеть обстановку как бы со стороны и соответственно оценить ее. Когда ему удалось оценить по достоинству не только свою беспомощность в новых условиях, беспомощность безоружного пленника перед двумя здоровенными и сердитыми навтами, не сводившими с него глаз, Тазон сразу же экстраполировал эту свою ситуацию и на всю фирму, которая еще за полчаса до этого казалась ему надежно защищенной от чего бы то ни было. Фирма, понял он, стоит на грани полного и необратимого краха. И он, доктор Тазон, ныне Третье лицо на Уларе, был единственным обладателем подлинной информации о положении вещей — и, следовательно, только он и мог предупредить тех, кто еще пользовался хоть какой-то свободой действий, о том, что происходит на Уларе в действительности, а также и о том — какие, по его мнению, меры следовало принять немедленно и твердо, чтобы мир вернулся в свое нормальное состояние.

Положение действительно было сложным. Потому что все, за малыми только исключениями, люди, которых можно было причислить к вооруженным силам фирмы, уже покинули планету и, упакованные в твердые оболочки кораблей, находились сейчас на внешних орбитах, ожидая только прибытия последнего или, точнее, первого фрегата с командующим Сакростом и, главное, с основным оружием на борту — с «Пигмеем», на этот час и минуту наверняка уже доведенным до кондиции. После этого весь десантный флот должен был совершить, как и предусматривалось, прыжок к Солане и ее захват. На Уларе оставалась сейчас лишь малочисленная охрана Дирекции; это создавало такую, давно знакомую из истории, обстановку, когда несколько

десятков хорошо организованных людей могли в считаные дни овладеть целым миром. Конечно, хорошо вооруженная охрана тоже являлась силой; но ей, чтобы проявиться, нужно было хотя бы знать — что именно сейчас происходит, что грозит и какие меры надо предпринять сразу же и с максимальной эффективностью. Овладеть снова «Пигмеем»; вернуть на планету корабли с десантом; схватить спятившего Крата — и, наконец, без малейших колебаний уничтожить тех, кто замыслил и осуществлял мятеж: грязного предателя Сегота, адмирала Сигора и всех, кто там еще с ними был.

И подумать только, что это он сам, доктор Тазон, виноват если и не во всем, может быть, то, во всяком случае, в основном: не раскусил вовремя, не угадал, не разоблачил мерзавца, так убедительно игравшего роль преданного ассистента. Да, напрасно он тогда не воспользовался случаем и не посадил Сегота под экстрактор, как тот вызвался было... Хотя вывернулся бы наверняка, предатели и шпионы хитры и умеют находить выход из любого положения.

Ощущение вины подсказывало Тазону, что сейчас он обязан идти на любой риск, ставя на карту даже собственную жизнь, чтобы каким-то способом выйти на связь с Элюром или Сакростом — если его корабль еще не стартовал — и без обиняков поставить их в известность о происходящем, не скрывая и самых мрачных перспектив. Большего он сделать не может. Но они — Элюр и Сакрост — еще в состоянии овладеть обстановкой и поставить все под контроль.

Связь! Но каким образом? Всю аппаратуру у него догадались отобрать — и карманный пульт, служивший для связи с QS из любой точки на планете, и мобил прямого выхода на Элюра и Сакроста, первых двух лиц этого мира. Больше воспользоваться было нечем. Кроме разве что...

Да. Кроме разве что собственного мика. Который можно попытаться использовать для прямой подсознательной связи с миком самого Элюра. Разумеется, мик любого Высшего лица надежно заблокирован от посторонних вторжений. Однако, став Третьей персоной, Тазон получил в свое распоряжение и код прямой, в обход компьютера, связи с первыми двумя. И если он сейчас сумеет этим воспользоваться... Жаль, что не успел попрактиковаться в такой связи, — он ведь только что получил ее, и кто мог бы подумать, что...

Сейчас же. Немедленно. Отстраниться от всего в мире. Ни о чем другом не думать. Собрать всю свою энергию. Отдать ее мику. Сформулировать кратко: «Крат и Сегот — предатели. Адмирал и навты — на свободе. Спасайте «Пигмей»!»

Тазон расслабился в кресле, в котором сидел. Закрыл глаза. Замедлил дыхание. Отключил свой слух. Последним до него донеслось:

— Что он — вырубился, что ли?
— Похоже на то. Ну-ка... Пульс есть, замедленный.
— Уснул со страху, похоже?
— Ну, пускай поспит. Это не опасно.
«Кан Элюр, кан Элюр, здесь Тазон, срочно, срочно!..»
Как в вату. Сперва. Но постепенно...
«Вы, Тазон?» Едва уловимо. «Что там у вас?»
«Докладываю...»

61. Спасибо, Ра

Они вошли в корпус и приближались к нам — хотя и не очень быстро, потому что женщину Канус тащил на плече: она, похоже, совсем обессилела, если только...

— Канус! Она что — без сознания?

— Да не знаю, — сказал он, опуская ее на пол и переводя дыхание. — Недавно была жива. А сейчас...

Я опустился на колени. Не сразу нашел слабенький, редкий пульс. Подняв голову, сказал инженеру:

— Будут искать меня — я вот с ним, понесем ее в бывший метаморф-два — на реэкстракцию.

Он только кивнул.

Моя головная боль усилилась до того, что я и сам мог потерять сознание. За все приходится платить, Ра, за все — за судьбу жены, за чужие секреты и за неимоверно разбухший мик, вобравший в себя все из Гека, что имело смысл сохранить для будущего. Хорошо, что корпус, где работал я — в бытность Пахтором, — почти рядом. Уф. Донесли. Где Крат? Показывает, куда ее и как. Что-то бормочет...

— Что ты говоришь?

— Подать-то мы можем, но режим я еще не рассчитал. А вдруг...

— Иначе — сам видишь — ей осталось несколько минут. Весь ресурс выкачан. А мы будем его возвращать. До исходного рубежа... Тебе чего?

Это Канус схватил меня за рукав:

— Ра, это что... Что ты говоришь: эта старуха — разве?..

— А ты не разглядел? За столько времени?

Впервые в жизни мне удалось увидеть, как краснеет опытный разведчик. Да и в последний раз, наверное.

— Ну, — сказал он, оправдываясь, — вообще-то не я, а Чугар. Как только они изолировали планету, я не смог...

— Это сохрани для вечернего чая. А сейчас...

Я умолк, глядя, как меняется, оживает, молодеет ее лицо под защитным полевым куполом. И вот со стенда до меня донеслось слабое:

— Эй...

Я повернулся. Увидел. И отключил защиту. Склонился к молодому лицу. Оно показалось мне прекрасным. Да не показалось: было.

— Люча, милая...

Она проговорила, уже более четко:

— Проси прощения за свое...

Да, характер моей жены не изменился.

— Прости, Люча. Сам не знаю, что тогда на меня напало...

— Прощаю. Теперь можешь меня поцеловать.

И только потом, когда губы оторвались от губ:

— Спасибо, Ра...

62. Отъезд надо отменить

Тина что-то читала, когда Крат вошел, замедлив перед домом шаги, чтобы она не встревожилась раньше времени. Наклонился к ней, поцеловал, прошептал обязательные слова и услышал такой же ответ, сопровождавшийся улыбкой — единственной в мире, по его твердому убеждению.

Не хотелось, очень не хотелось разрушать тот мир безмятежного покоя, в котором его жена пребывала — здесь, в прекрасном доме, в зимнем саду, где не нужно было вспоминать о черной каменной бесконечности снаружи. Но сейчас у него другого выхода не было. И он сказал:

— Тина, не волнуйся, жизнь моя, но...

Она чуть шевельнула дугами бровей.

— Что-то случилось, Ас?

Он глубоко вздохнул. Но резкий звук срочного вызова помешал ответить ей. Крат вынул мобил. Отозвался.

— Крат, это вы? Где вы сейчас?

Это Элюр.

— Я на минуту заехал домой, кан Элюр.

— Вы не сбежали?

— Кан Элюр!..

— Не обижайтесь, Крат. Только что со мной говорил Тазон; или он сошел с ума, или... Что там у нас с «Пигмеем»?

— Полагаю, сейчас его уже грузят в контейнер. Я отсюда поеду прямо в порт — прослежу за погрузкой на корабль. Сакрост уже там?

— Где же ему быть еще? Черт знает что такое: я чуть не поверил... Там нет никаких беспорядков?

— Все по программе, кан.

— Хорошо. И все же... Послушайте, дождитесь дома — я высылаю к вам охрану, она проводит вас в порт и обратно — ко мне, для полного доклада.

— Как прикажете. Хотя, уверяю вас, никакой опасности...

— Делайте, как я говорю.

— Разумеется.

Крат выключил аппарат.

— Тин, мы уезжаем немедленно. Покидаем наконец планету. Мы давно этого хотели, верно? Вот сейчас.

Она медленно покачала головой:

— Мы никуда не поедем, Ас. Или — если хочешь — ты один. Я — нет.

— Тин! Улару осталось существовать...

— Не объясняй, хороший мой. Я знаю все то, что известно тебе. Ты ведь не ставил блоков от меня, правда? Жена должна знать о своем муже все, потому что он ее сильная половина.

Крат растерялся лишь на мгновение.

— В таком случае — почему же?..

Она вздохнула.

— То, что ты открыл, — колоссально, правда?

— Ну... да, можно так назвать.

— И фирма воспользовалась тобой и всем этим — не для блага миров, да?

— Н-ну...

— Именно так. Фирма погибнет вместе с планетой, понимаю. И с нею — все зло, которое она совершила и еще собиралась. Я правильно поняла?

— Да. Но мы с тобой... Не наша вина...

— Ты этого не хотел, я знаю. Так сложилось.

— Поэтому я и хочу...

— Обожди еще секунду. Послушай меня. Я никогда не вмешивалась в твои дела. Но сейчас не могу иначе. Есть две причины. Может быть, даже три, по которым я не хочу уезжать — и не хочу, чтобы исчез ты. Первая: если ты сейчас сбежишь — все поймут, что мир и на самом деле гибнет, и успеют скрыться тоже. То, что хранится в их памяти, даст им возможность начать все сначала — где-нибудь в другом месте. Галактика велика, и Улар — не единственный такой ее уголок. Все повторится. Вторая причина: Астин, а ты уверен, что в Федерации не захотят воспользоваться твоим уравнением, чтобы сделать нечто подобное уже в масштабе всей Галактики? Начиная, понятно, с бомбы. Разве мы не знаем о внутренних противоречиях в Федерации, о противостоянии могучих миров в споре за власть? Разве ты сможешь помешать этому? Нет. Куда же ты хочешь бежать, Астин?

— Тин, но что я могу... Я никогда не соглашусь...

— Тебя не спросят. Из тебя выкачают все, что понадобится, и без твоего согласия. Не знаю, Ас, но почему-то человечество совершает великие открытия тогда, когда оно духовно еще не созрело для правильного их использования. Ас, твое уравнение должно быть найдено намного позже... Не знаю на

сколько, но не через год или десять лет или даже через век. Ты слишком опередил свое время. Пока, к счастью, постоянная Крата известна только тебе. И еще долго не должна быть доступна для других.

— Но наука...

— А наука — не самое главное в мироздании. Люди. Это ведь так ясно.

Крат промолчал.

— И третья причина, — сказала она после маленькой паузы. — Она личная, но для меня не менее важна. Ас, с тобой было так прекрасно! И, как ни странно, здесь лучше, чем в других мирах: тут мы могли по-настоящему быть вдвоем. Хотя бы время от времени. Поверь: в других местах снова будет хуже. А я этого не хочу. А здесь — сколько бы ни осталось...

— Я понял, — сказал Крат.

Он снова извлек мобил. Вызвал Элюра.

— Кан Элюр, я решил, что мне незачем провожать «Пигмея» в дорогу: там справятся без меня. Я буду дома, если понадоблюсь.

— Надо сказать, вы успокоили меня, Крат. Но не обижайтесь — охрана все же вот-вот будет у вас.

— Как вам угодно. Только пусть не входят в дом. Я свое выполнил и сейчас хочу немного отдохнуть без помех. Если не возражаете.

— Да, конечно же! Отдыхайте, доктор. Хотите, я передам с охраной бутылку хорошего вина — еще из миленских погребов?

— Спасибо, кан Элюр. У меня тоже сохранились остатки.

Выключив мобил, Крат сказал Тине:

— Я люблю тебя. Всегда.

— А иначе я не стала бы тебя удерживать, — проговорила она в ответ. — Потому что без меня у тебя все равно жизни бы не осталось. Мы можем быть только вдвоем.

— Только вдвоем, — согласился Крат. И, помолчав, добавил: — А что касается... Знаешь, мы этого даже не заметим.

— Но ведь это не будет концом? — сказала Тина.

— Разве что в этой форме. Всякий конец — всего лишь этап бесконечности.

63. Перехват

Вот и последний корабль присоединился к десантному флоту Улара на околопланетной орбите. Установил связь. Проверил распределение кораблей по сопространственным узлам — они должны были выходить к Солане с разных сторон, чтобы не возникало никакой толчеи, которая нередко приводит к авариям.

Прозвучала команда. Корабли, стремительно ускоряясь, пошли на разгон, вошли в прыжок. Исчезли из виду в этом

пространстве, чтобы на считаные минуты возникнуть в узлах, где сумеют изменить курс на тот, что выведет прямо к цели.

Возникнув в своем узле, каждый корабль десанта столкнулся, однако же, с неожиданностями.

Неожиданности выглядели совсем как военные корабли флота Федерации. И на каждый борт Улара их приходилось по три, а то и по четыре. Разогретые дистанты каждого из них были направлены в упор на только что возникшего гостя, которому сразу же передали приказ адмирала Сигора: принять катер с командой, сдать ей оружие и подчиняться всем ее распоряжениям.

Из семидесяти трех кораблей, стартовавших с Улара, только два рискнули не подчиниться. Через минуту их просто не стало.

Но орбиты, на которых они еще так недавно витали вокруг Улара, не остались пустыми. Тяжелые транспорты Федерации возникли на них, чтобы принять на борт эвакуируемое население мирка. Первыми грузились люди, только что прошедшие реэкстракцию возраста: они нуждались в наблюдении медиков, которых на Уларе для этого не хватало.

В бессознательном состоянии был погружен и доктор Тазон, так и не сумевший до сих пор прийти в себя после перенапряжения, испытанного им во время сеанса связи по мику с Элюром. И напрасно глава фирмы пытался сейчас еще раз переговорить с хроногенетиком, чтобы получить новую информацию: Тазон не откликался, поэтому Элюр даже заподозрил, что не Крат оказался прохвостом, а сам Тазон. Наверное, нашел у себя какую-то ошибку в расчетах — и скрылся, чтобы избежать кары.

Доктора Крата с его женой ждали до последнего. И успокоились только, когда он сам вышел на связь со старшим на «Пигмее», чтобы сказать:

— Нас не ждите. У нас есть свое средство, не волнуйтесь. Все будет в порядке.

Монтажники покинули планету последними — вместе с Разителем, Канусом, генералом Иваносом и, конечно же, с Лючаной, от которой Ра старался не отходить далеко — чтобы она снова не выкинула чего-нибудь такого. Только на корабле, когда все люки были задраены, он несколько успокоился. Надолго ли?

64. Дела семейные

Улар исчез из мироздания, когда корабль, на котором мы находились, последним из всех разгонялся, чтобы нырнуть в сопространство и взять курс на Теллус.

Я ожидал, что будет небывалый взрыв; но его не произошло. Просто планета перестала существовать. Видимо, все высвободившееся ХТ-2, запасенное в «Пигмее», унесло Улар в другое пространство, о котором мы не знаем совершенно ниче-

го — или же в то время, давным-давно минувшее, когда и планет еще не существовало.

Мне было не до Улара: я был занят тем, чтобы освободить свою голову от дикого объема информации — и от боли.

А когда чуть полегчало, сказал Лючане:

— Все же тебе надо было отладить речь Вратарю, прежде чем вот так взбрыкивать.

На что она, недобро усмехнувшись, ответила...

Но это уже наши семейные дела, и нечего вмешивать в них посторонних.

МЕДНЫЕ ТРУБЫ АРДИГА

Глава первая

1

«Все-таки не зря наши технари едят свой хлеб и запивают — интересно, чем они запивают вообще-то? Ну, наверное, тем же, чем и мы, грешные. Не зря. Каждый новый кораблик — штучная работа, все умнее и сноровистей становятся машины. Если уже и сейчас без нас могут обходиться, то завтра нашего брата вообще будут отправлять на пенсию сразу после рождения, чтобы своей суетой не мешали прогрессу. Вот к чему мы идем, братцы. Но не пришли еще. Так что ты уж не взыщи, вирт-кап, придется тебе некоторое время побездельничать, хотя это тебе, знаю, что нож вострый, но уж потерпи. Потому что ты у нас — существо законопослушное и нарушать что-либо себе не позволяющее. А тут мы таким методом ничего не добьемся. Придется преступать. Ты этого не умеешь. Зато я смогу. Потому что правила и установления, которых тебе вменено строго придерживаться, придуманы людьми, а они — мы — до сих пор для тебя высшая инстанция, хотя, думаю, и ненадолго уже. Я же и сам человек и цену нам знаю, а также знаю и то, что все придуманное одним человеком другой может, а иногда и просто должен обойти, поскольку обстановка того требует. Как вот сейчас, например. Так что еще раз приношу извинения — и на этом кончаю этот с тобою диалог, даже не диалог — говорю-то я один, а ты помалкиваешь в тряпочку. Все, отбой!»

Так рассуждал Генус Тавров, командир-пилот-механик-экипаж дальнего всестихийного разведчика класса «Триолет», а вернее, даже не рассуждал, а просто позволил струиться потоку сознания, мысленно обращаясь к виртуал-капитану «двойки», перед пультом которой лейтенант и сидел сейчас. Не потому, что это являлось частью какого-то ритуала: извинение перед кораблем за то, что выключаешь его из системы управления и берешь все на себя, — такого ритуала вовсе и не было, еще не придумали. А сейчас следовало просто выключить свое сознание из этого самого процесса управления и целиком положиться на рефлексы, выработанные годами операций и тренировок. Оценивать рассудком каждое свое действие на сей раз означало бы встать на верный путь к неудаче: сейчас все маневры были темповыми и задержка хоть на долю секунды привела бы к срыву. Так гимнаст на перекладине не может в верхней точке «солнца» задержаться, чтобы подумать над следующим действием:

оно либо продолжается по автомату, либо происходит падение, провал. Действовать не размышляя, а здравый смысл тем временем пусть занимается чем угодно — вспоминает давно читанные стихи хотя бы, разговаривает с компьютером, не рассчитывая на ответ, или пытается сообразить: а не забыл ли он полить цветы перед уходом из дома или, что скорее всего, опять забыл. А глаза, руки, ноги, а главное — твой микрокомпьютер, твой верный мик, работают в нужном темпе, выполняя задуманное действие.

А действием этим был лихой и правилами строго-настрого запрещенный маневр выхода из Простора не то что на минимальном расстоянии от намеченной к обследованию планеты, но буквально почти на ее поверхности, даже не в верхних слоях атмосферы, а в плотных, нижних, на такой высоте, на какой летательный аппарат уже начинает посадочный маневр. Но выход этот был нужен вовсе не для посадки: финишировать на этой планете Тавров вовсе не собирался, хотел лишь совершить один виток — и снова уйти в Простор, оставляя тех, кому придется стать свидетелями такого хулиганства, в глубокой досаде. Маневр этот был нужен лейтенанту по нескольким причинам.

Первой из них было, как ни странно, сохранение собственной безопасности: выйди он в обычное пространство, он был бы заблаговременно замечен, и сразу же были бы приняты меры для его уничтожения.

Думать так заставляла судьба одного корабля — «Инспектора трасс» с четырнадцатью членами экипажа, — о факте гибели которого (и, по всей вероятности, которых) при невыясненных обстоятельствах стало известно буквально вчера. Это, собственно, и заставило теллурианское начальство отправить разведчик в ту же область пространства — на сей раз лишь с одним человеком, для уменьшения риска.

Небесное тело, около которого — или на котором — погиб «Инспектор», было одним из множества мертвых, непригодных для жизни окраинных планет и вторым за короткое время, где стало происходить нечто непредусмотренное и необъяснимое, а именно — возникновение жизни, ничем вроде бы не оправданное. Изменения начались явно не без участия людей, более того — по некоторым признакам, именно людьми были инициированы благодаря каким-то новым возможностям. Эпохально! Но творцы чудесных преобразований явно не хотели не только вмешательства посторонних в начатый ими процесс, но даже их присутствия в пространстве, на расстоянии, с которого можно было бы вести наблюдение за происходящим. А в случае когда кто-нибудь пытался посягнуть на это стремление преобразователей к уединению, они шли на все, вплоть до уничтожения нарушителя границ, ими самими установленных.

При этом кем были эти «они», до сих пор оставалось неизвестным: никто не спешил объявить себя чудотворцем.

Но при таком маневре, к какому сейчас готовился, еще находясь в Просторе, Тавров, никто — ни люди, ни автоматика — не успел бы даже сообразить, что, собственно, происходит, и тем более — нацелить и использовать средства уничтожения. Так что у корабля-нарушителя были все шансы ускользнуть если не незамеченным, то во всяком случае непораженным.

Такой была первая причина. А вторая являлась, собственно, основной целью задуманного действия: во время облета — зафиксировать на видеокристаллах все, что попадет в поле зрения аппаратуры, в первую очередь — изменения, происходящие на поверхности, далее — технические средства, которые, несомненно, должны были там появиться для этого самого преображения и которые, как надеялись на Теллусе, можно будет потом идентифицировать, выходя таким путем на их изготовителя, а от него, по торговым каналам, в конце концов и на тех, кто применяет их в этих вот операциях. И наконец, поскольку погибший «Инспектор» успел сообщить о том, что на поверхности планеты находился в то время корабль, сейчас можно было надеяться если и не застать сам корабль, то хотя бы обнаружить место его посадки и взлета и снять его характеристики, по которым впоследствии станет возможным определить не только класс, но, если повезет, и название корабля, а также (уже вернувшись в Простор) выяснить его маршрут, поскольку в узлах сопространства (как до сих пор официально именовался Простор) каждый маневрирующий корабль определенным образом меняет физику этого узла и след этот сохраняется, хотя и не вечно, но на время, достаточное для его фиксации. Именно такими делами занимался обширный отдел Службы — Космическая разведка. А всестихийный разведчик принадлежал как раз этому отделу и был оборудован аппаратурой для анализа — если и не фундаментального, всестороннего, то, во всяком случае, позволял получить основные характеристики определяемого корабля в экспресс-режиме. Таким был смысл экспедиции.

...Тавров невольно вздохнул: последние секунды перед началом маневра, сумасшедшего выхода из Простора на грани катастрофы, истекали; их не хватило бы даже на то, чтобы еще раз проверить, хорошо ли включился его персональный мик, который, собственно, и будет вести операцию — потому что мик лучше знал о лейтенанте все, включая быстроту реакции и скорость выполнения нужных действий. Контроль за состоянием пилота осуществлялся им с предельной точностью, поскольку он как-никак был внутри этого пилота; и кроме того — мик знал все касающееся операции, вирт-кап же — нет, вводить в него всю информацию начальство не сочло нужным. Вообще доверять компьютерам тайны, полагали некоторые, в том числе и генерал Службы Иванос, было делом опасным и ненадежным. И вот...

Пять, четыре, три... Ноль.

Рука сама, без участия мозга, сработала. Поле! Незримое облако окутало корабль. Ход! Пробой!..

Туман в глазах. Головокружение. Мельчайшая вибрация не только тела, но и всего корабля. Привычно. И все равно страшно. Чернота на экранах — прорыв сквозь ничто. Ничего, все в порядке. Сейчас на мониторах возникнет чудесное звездное небо...

Никаких звезд. Их и не должно быть. Огненные струи. Гром — газовая волна, атмосферное цунами, вызванное внезапным появлением тела из ничего, мощным и мгновенным толчком швырнувшее воздух во все стороны. Скорость относительно планеты в это мгновение, к счастью, ноль — как и было задано. Иначе корабль сейчас и сам превратился бы в раскаленное облако. Нулевая скорость и полевая защита сработали честно. Первый опасный рубеж пройден. И — ускоряющийся разгон над самой поверхностью планеты, выбор заранее вычисленного курса, скорей, скорей, пока тебя еще не заметили, не поняли, не успели преодолеть растерянность, кинуться к оружию, поймать в прицелы...

Съемка идет? Идет. Прекрасно. Потому что своими глазами просто ничего не успеваешь увидеть.

Плавное изменение плоскости орбиты. Неравномерное. Чтобы не успели ее вычислить и там, впереди, встретить залпом.

Что-то промелькнуло. Зелень? Похоже, она. Еще немного ее. Но уже есть. Все правильно. Все оправдано.

Облачка разрывов вспухают впереди. На этом курсе мы лежали десять секунд тому назад. Но сейчас уже в стороне. Так и надо. Теперь осталось...

Ага. Вот он, финишно-стартовый круг. Здесь был корабль. Не черный круг, конечно, корабль садился и взлетал, естественно, на антигравах, без всякой химии, одна гравитоника. Круг простому глазу незаметен. Но приборы его взяли. В нем сохранилось, как и следовало, остаточное гравиизлучение, возникла небольшая, но все же определимая гравитационная аномалия. Ее и записали.

Больше ничего интересного здесь нет. Если и можно будет что-нибудь увидеть, то уже на снимках. А сейчас — давай бог ноги!

Изменение курса на максимуме ускорения. Вовремя включились антигравы, облегчая отрыв. Касательная к поверхности плавно переходит в вертикаль. Ускорение на пределе. Атмосфера уже позади. Разгон. Пробой. Простор.

Жив? Невероятно, но да.

— Виртуал-кап! Прими управление. Загрузи анализаторы. Выполняй!

«Выполняю».

Уфф!..

Позволим себе пять минут покоя.

Но не более того. Потому что уже пошел поиск следов, оставленных в Просторе тем кораблем, разгрузка которого

на пустынной, еще даже никак не нареченной планете была так надежно прикрыта батареями, работавшими на уничтожение.

Казалось бы, какие могут оставаться следы в пространстве? Даже в такой плотной среде, как вода, оставленный кораблем след уже через минуты исчезает с глаз долой; что уж тут говорить о пустоте Простора? Однако человек, сказавший в свое время, что «природа не терпит пустоты», даже и не подозревал, насколько был прав. То, что нашим несовершенным чувствам представляется пустотой, на самом деле заполнено множеством полей и излучений, а если кто-то полагает, что уж в сопространстве ничего подобного быть не может, то он глубоко заблуждается. Да, наш глаз не видит следов даже в воде, но пустите анализаторы — и они без особого труда обнаружат оставленные кораблем за собой микрочастицы краски, ржавчины, металла, засекут реакции ближней морской живности, выделят из общей массы воды крохотные центры происходивших кавитационных микровзрывов, в которых разбиваются молекулы, а если глубина не очень велика, то и на дне тонкий анализ способен обнаружить линию крохотных нарушений. Но в море такой анализ требуется достаточно редко, судно быстрее можно обнаружить спутниковым наблюдением; а в Просторе просто нет других способов, кроме определения нарушений конфигурации полей и опять-таки засорения окружающего пространства микрочастицами, неизбежно теряемыми кораблем. Словом, ничто в мире не исчезает бесследно — еще одна старая истина.

И вот сейчас, за те минуты, которые Тавров позволил себе использовать для отдыха, приемники анализаторов обшарили немалый объем сопространства, без труда обнаружили аномалии, выстроили их в ниточку и таким образом позволили установить курс, каким ушел отсюда разгружавшийся транспорт, и далее — тот узел, куда, видимо, и устремился разыскиваемый корабль. Вирт-капитан, выполняя полученную им программу, лег на тот же курс и, следуя по избранному вектору, вскоре оказался в нужном узле.

Тут предстояло найти новый вектор — тот, которым воспользовался преследуемый корабль, — и в свою очередь перейти на него. Определение заняло немного времени. Но перед тем как согласиться с предложенным курсом, лейтенанту пришлось задуматься.

Дело в том, что у него успело уже сложиться представление о том, куда неизвестный транспорт должен был направиться, скорее всего, для новой загрузки. Представление было совершенно логичным, и если бы лейтенанту сейчас предложили заключить пари, то он поставил бы и последние форменные штаны на то, что окажется прав. И проиграл бы. Потому что вектор, по которому ушел из этого узла корабль, уводил совершенно в другую сторону. В сторону, где находилось... Что же там

находилось? Ответ прост: ровным счетом ничего. В том смысле, что в этом направлении ни к какому не то что цивилизованному, но даже и находящемуся в процессе освоения или хотя бы пригодному для освоения миру выйти нельзя было; там лежал край молодых звезд, где разумному человеку делать было бы совершенно нечего. И тем не менее искомый корабль ушел именно туда. Не оставалось ничего другого, как следовать за ним, устроив своей гипотезе более или менее пристойные похороны.

Настроение Таврова во время этой процедуры упало если не до минусового уровня, то все же почти до нуля: все-таки был он человеком честолюбивым и потому ошибаться не любил, пусть даже свидетелей этих ошибок не возникало — или не сохранялось. Стыд перед другими людьми рано или поздно проходит, а перед самим собой — остается навсегда, он — одно из мучений, справедливо называемых адскими...

Столбик настроения дрогнул и робко двинулся по шкале вверх, когда разведчик уравновесился в том узле, куда привели оставленные транспортом следы, — и выяснилось, что новый, начинавшийся здесь участок пути в Просторе лежит уже по другой векторной линии, меридиональной, то есть практически под прямым углом к предыдущей — настолько, насколько здесь вообще были применимы понятия евклидовой геометрии. «Теплее, — с удовольствием подумал лейтенант, — куда теплее!»

Все начинало походить на обычную тактику запутывания следов, к которой прибегает заяц, стараясь обмануть преследующую его лису. Так что на движение по новому вектору Тавров согласился с легким сердцем, радуясь и тому, что в Просторе преодоление любого расстояния занимало не так уж много реального времени, хотя оно не было одинаковым для всех кораблей и зависело от их тоннажа, но прежде всего — от удельной мощности. В этом отношении у его «Триолета» соперников почти не было, разве что армагские перехватчики, но в разных мелочах и они проигрывали. Практически же это проявилось в том, что след уходящего транспорта становился все более четким, следовательно, расстояние между двумя кораблями неуклонно сокращалось. И когда разведчик вошел в очередной узел, то он едва не застал там преследуемого. Тавров искренне порадовался тому, что этого не случилось: вооруженное столкновение сейчас вовсе не входило в его планы. Он определил новый курс и вздохнул с облегчением — хотя при этом и возникло некоторое затруднение. Видимо, понимая, что след за ним все же остается и может быть обнаружен, пилот корабля пошел в этом узле на рискованный маневр: начал движение по одному вектору, оставляя след даже более четкий, чем до того, но вскоре сделал то, что хорошей практикой никак не рекомендуется: сдал назад, снова в узел, и уже, так сказать, на цыпочках, на пуантах, ушел в том направлении, в каком было необходимо. Лейтенант даже ус-

мехнулся: они там думают, что по их следам пошлют какого-нибудь кадета, который клюнет на такого червячка?

А после следующей, четвертой, смены вектора в очередном узле стало наконец совершенно ясно, куда направляется транспорт. Тавров и обрадовался этому, и огорчился. Обрадовался тому, что возникла наконец уверенность в том, где находится пункт погрузки. А огорчился по той причине, что в его гипотезе место назначения было совсем другим. Жаль. Но переть против фактов он не собирался. И всю уже добытую информацию упаковал, а затем вышвырнул волновой пакет в Простор, откуда тому следовало своим ходом добраться до адресата.

После чего уже с полной уверенностью скомандовал вирт-капитану:

— Начать подготовку к посадке в режиме «Суша» на планету, номер по базе данных 1402.

«Выполняю», — ответил вирт-капитан, исполнительный, как всегда, когда им управлял человек опытный.

И произвел посадку без сучка без задоринки.

Тавров запросил анализы, они оказались благоприятными. Просканировал окружающее пространство; оно было чистым — в смысле безжизненным. И, задав вирт-капитану соответствующую программу, включавшую и вход в режим незримости, вышел из корабля, поскольку заметил нечто, показавшееся ему достойным пристального исследования.

...И не вернулся. Вирт-капитан констатировал исчезновение канала связи между ними. Послал в эфир, согласно программе, запросы — трижды. Ответов не получил. Зато зафиксировал приближение к себе людей и механизмов. Программа самосохранения сработала, и «Триолет» без пилота на борту стартовал и отправился в обратный путь, поскольку маршрут был надежно записан в его памяти.

2

Генерал Иванос покосился на адъютанта:

— Вы уверены, что это им не померещилось? Простор горазд на шутки...

— Мы сперва тоже так подумали. Но они сбросили нам видеозаписи. Все соответствует. Это наши люди. И те четырнадцать, и Тавров.

— Где они? Есть какие-нибудь признаки?

— Никаких, шеф. Текст пришел как бы ниоткуда и отовсюду — вы знаете эту методику.

— Имею представление, — сказал Иванос, хмурясь. — Дайка то, что успел передать Тавров, посмотрю еще раз.

Адъютант снова вставил видеокристалл. Включил.

Планета, появившаяся в следующее мгновение на экране, вроде бы ничем не отличалась от сотен и тысяч других.

Мертвый камень — такое общее определение вполне соответствовало бы ей. Атмосфера достаточно мощная, но ядовитая, совершенно непригодная для жизни. В этом можно было убедиться, увидев результаты анализа в бегущей строке. Снимавший аппарат находился на круговой орбите и перемещался по ней достаточно быстро, рассмотреть детали было трудно, однако никакой нужды в этом и не возникало. Планета была безымянной, как и все остальные, непригодные для жизни, — им хватало и номеров в каталоге.

Иванос пожал плечами:

— Не понимаю. Точно такой же она была и год тому назад. Совершенно ясно помню: тогда ее только открыли и сделали обзорный снимок. Откуда же тревоги? Может быть, я чего-то не разглядел?

— Вы совершенно правы, шеф. В том смысле, что это и есть та обзорная запись. Просто их смонтировали вместе. А вот сейчас пойдет нынешняя.

И правда, на дисплее после краткого затемнения появилось новое изображение. А на бегущей строке стали возникать новые символы и цифры.

— Х-холера! — пробормотал генерал после продолжительной паузы.

— Простите, шеф?

— Ничего. Это я так.

Холеры на экране не было; на нем по-прежнему виднелась планета. Та же самая? Поверить в это было трудно. Хотя цифры утверждали: наблюдаемое небесное тело обреталось на той же орбите, обращалось вокруг того же светила и находилось в тех координатах, в которых ей и надлежало быть, — учитывая путь, пройденный звездой со всем ее семейством со времени предыдущей съемки, по астрономическим меркам — все там же. Приходилось верить.

Впрочем, какие-то признаки тождества обоих изображений можно было найти и здесь. Например, горная цепь, пересекавшая поверхность чуть ли не от полюса до полюса, почти не изменилась. Все те же плоскогорья и те же низины. Однако!

Однако плоскогорья, ранее представлявшие собой песчано-каменные пустыни, сейчас зеленели. А низины — во всяком случае, самые низменные из них — превратились в озера; пожалуй, одно-два можно было даже посчитать морями. И еще несколько обещало возникнуть. Если появившаяся ниоткуда вода будет подниматься все выше, соседствующие озера станут сливаться в более обширные водоемы. Чудеса, воистину чудеса происходили на этой планете. Хотя любое чудо есть всего лишь признание нашей неспособности дать событию объяснение, то есть — нашего незнания многих и многих вещей.

— Сколько же прошло времени? — вслух подумал Иванос.

— С первой съемки — пятьдесят лет, — не промедлил с ответом помощник. — Однако планета наблюдалась и десять лет назад — с борта дальнего разведчика. Съемка не делалась, поскольку никаких изменений не было замечено.

— А сейчас, надеюсь, кроме записи было сделано еще хоть что-нибудь? Зондирование, например?

— Зонд был сброшен сразу после съемки. Передал результаты экспресс-анализа атмосферы. Вы их видите.

Иванос и в самом деле видел. Это была почти совсем другая атмосфера. Содержание кислорода раньше было нулевым, сейчас оно уже достигло семи процентов. Дышать этим, понятно, еще нельзя, но если так пойдет и дальше...

— Передал — а потом?

— Замолчал. И до сих пор считалось, что судьба пилота неизвестна. Как и тех четырнадцати: то ли они погибли, то ли нет...

— Отчего же неизвестна? — проворчал Иванос скорее самому себе, чем помощнику. — Нас всех учили тому, что человеческая жизнь — самая большая ценность в мире. Так оно и есть. Тела выдают и даром, а вот живого могут оценить дорого, и даже весьма...

И он перевел взгляд на другой монитор, на котором продолжал светиться лишь несколько минут назад полученный текст. Вздохнул. Невольно покосился на видеосет, в котором все еще находился кристалл с изображением потрясающей чудесами планеты.

— Выйди, — сказал Иванос адъютанту. Оставшись в одиночестве, нажал клавишу прямой связи: — Генерал-полковник? Докладывает Иванос. Нами получен следующий текст...

Начальник перебил сразу же:

— В курсе. Слушай внимательно. Эти планетки — не твоя забота. Твоя заключается в том, чтобы этих пропавших, во-первых, найти и, во-вторых, вернуть. И сделать это за две, от силы за три недели. Потом будет поздно.

Генерал-полковник не объяснил — почему поздно. Видно, вопрос этот был вне компетенции генерала Иваноса. Ну что же, дело привычное. Значит, так: найти и вытащить. Прикинем — что можно сделать и как...

Эти мысли быстро вытеснили из сознания все остальное. Потому что именно они были сегодня главными — для Иваноса, во всяком случае.

С чего начать? Как всегда — с подбора исполнителей. Ну-ка...

Не ко времени ожил иннерком. Голосом адъютанта сообщил:

— Шеф, тут к вам прорывается визитер.

— Выбей в аут.

— Я бы... Но это старый ваш дружок — Разитель...

— Вот как. — Иванос две секунды молчал. — Ладно, проси.

3

Я забеспокоился: Лючана — так зовут мою жену — на этот раз слишком уж задержалась в ванной. Пошел четвертый час, как супруга уединилась там, то плещась, то замирая надолго, так что ни звука не доносилось, и впору было задуматься — а не собирается ли она учинить что-нибудь бестактное: вскрыть себе вены, например. Такое случается, и не только с женщинами, хотя с ними чаще. Была бы, как говорится, причина. А причин, при желании, можно найти неимоверное количество — тем более тогда, когда они и вправду существуют.

Я признавал, что у Лючаны их было в избытке — даже для человека с ее характером, а он у нее не из мягких. На нее всегда можно рассчитывать в серьезной обстановке; но когда все утрясается и можно облегченно вздохнуть и расслабиться, вот тут надо держать ухо востро. Все то, что во время работы (так мы с нею называем деятельность, которой занимаемся при возникновении спроса на наши услуги) загонялось глубоко внутрь и нещадно подавлялось, в пору расслабления, когда, казалось бы, самое время пребывать в приятной истоме и восстанавливать нормальное благостное мировосприятие, вдруг начинает подниматься, как содержимое выгребной ямы, в которую добрый сосед бросил щепотку дрожжей. И вот сейчас с Лючаной, похоже, происходило что-то подобное и она пыталась как-то справиться с пеной переживаний — но, кажется, у нее не очень-то получалось. Судя по тому, что...

Трах! Дверь ванной распахнулась настежь так, что едва не протаранила стену, и моя благоверная объявилась в комнате — распаренная, ароматная и донельзя злая. Она была в этот миг еще более привлекательной, чем обычно, и у меня шевельнулась нескромная мысль, но я тут же стер ее: имелся уже печальный опыт по этой части. Сейчас нельзя было задевать ее ни словом, ни делом — следовало ждать, когда она заговорит сама, и уже тогда что-то предпринимать, в зависимости от того, что и как скажет Лючана. Заранее предвидеть это было невозможно — во всяком случае, мне, как правило, не удавалось.

Так что примерно с минуту в комнате удерживалась тишина — слышно было только дыхание Лючи, хотя обычно оно такое легкое, что иногда начинаешь думать, что моя женушка обрела способность жить не дыша. Придерживая полы халата, она села в кресло напротив меня, глядя в сторону, закусила губу, как если бы хотела удержать в себе какие-то слова, потом перевела глаза на меня и проговорила так жалобно, что я даже испугался: а не подменили ли ее, пока она там бултыхалась?

— Нет, кажется, мне до самой смерти от этого не отмыться... Да?

Я понимал, о чем шла речь. О ее приключениях на Ула-

 ре — в мире, где ей пришлось провести некоторое время в

камере, да к тому же еще чуть ли не столетней старухой. Вот это последнее и терзало ее все время после нашего возвращения домой — ей казалось, что она продолжает оставаться старой, грязной, дурно пахнущей, и Люча ежедневно пыталась отмыться от этого, соскрести с себя все то, что ей мерещилось, но ничего не получалось, потому что оно оставалось внутри, в ее памяти, сознании и, наверное, даже в подсознании, — а тут не помогут ни мочалки со щетками, ни самые ароматные гели, мыла и пены. Тут требовались иные средства. И я, поскольку мне был задан вопрос, решил, что пришла пора поделиться с нею возникшей у меня идеей:

— Солнце, — сказал я. — Воздух. И вода, конечно.

Она высоко подняла брови, не понимая.

— Ну, и все такое. Тебе не кажется, что все тут у нас слишком уж похоже на то, что было на Уларе? Все тамошние ощущения сохранились. Мне вот тоже постоянно мерещится, что я, как там, сижу в компьютере в виде программы. Хотя тут у нас «Вратарь», а вовсе не «Гек», но они ведь в принципе похожи. Если мы хотим избавиться от таких ощущений, надо все сменить. — Я произнес это самым решительным тоном, на какой только был способен.

— Каким это образом? — проговорила она недоверчиво. — Вода — везде вода, в любом уголке мироздания, где она вообще существует. На что это ты собираешься ее сменить? На что-нибудь покрепче? Это можно сделать и без твоих хитростей.

— Когда это я позволял себе хитрить с тобою? — обиделся я почти искренне. — Говорю совершенно серьезно: если хочешь отмыться от всего, что было, нужна другая вода. Что называется, живая.

— А у нас тут — мертвая, по-твоему? Мы пьем мертвую воду, да? Лучше помолчи, не то меня сию минуту стошнит.

Ее интонация мне определенно не понравилась.

— Ну почему сразу крайности? Я ни слова не сказал о мертвой воде, это совсем другое; тяжелая вода — не для питья, да и мыться в ней вряд ли стоит. Я имею в виду, что наша водичка тут — нейтральна, она поддерживает жизнь, но не более того. А нам нужно, чтобы...

— Что мне нужно, я знаю, — перебила меня Лючана. — И, откровенно говоря, уже думала о том, что надо куда-то съездить. Что ты скажешь насчет Топси? По-моему, мы там проводили время очень неплохо. Что, если снова махнуть туда? В Амор. Океан, песочек, тепло...

Последние слова она произносила мечтательно, словно ласкала каждое из них язычком, как конфетку, прежде чем отдать мне. Идея о визите на Топси явно пользовалась у нее приоритетом.

Мне это понравилось. Не сама идея, а то, что Лючана почувствовала — обстановку надо сменить, пока мы, она в первую очередь, не придем в полный порядок. Только очень наивные люди могут думать, что операции, подобные тем, что прово-

дили мы, сходят участникам с рук без последствий. Их представления о риске сводятся к безбилетному проезду в общественном скользуне. На самом деле из таких схваток выходишь куда более вымотанным, чем чувствует себя боксер после двенадцати раундов с достойным противником. И с каждым разом восстановиться становится все труднее. Лючана же до последнего времени этого не признавала. Наверное, потому, что затруднения с реабилитацией указывали, пусть и косвенно, на возраст, а подобное для любой женщины старше тринадцати лет является больным вопросом. Значит, и ей пришлось это признать. Бедная, чудесная моя Люча...

Я совсем расчувствовался (впору было доставать носовой платочек) и потому не стал высказывать возражений против ее проекта — что вовсе не означало, будто у меня таких не было. Поскольку Топси прежде всего — не курорт. Это рынок секретов, а чем больше секретов — тем обильнее грязь. И я наследил там немало, да и она тоже. Вряд ли наше появление там пройдет без осложнений. Разве что обосноваться на материке, но и там никто не даст гарантий безопасности. Конечно, для Лючаны в том мире все складывалось куда благоприятнее, чем для меня, но на этот раз судьба может повернуться другим боком.

— ...Что?

— Я сказала: похоже, ты задумался над тем — не слишком ли велик риск? Но ведь мы не станем выполнять никакого задания. Будем просто жить, как растения, — тихо, никого не беспокоя...

Если позволят, усмехнулся я в душе. «Нас не трогай, мы не тронем» — этого правила там не придерживаются. Но вот сейчас я поведу себя именно так. Не выскажу ни единого возражения. Наоборот — поддержу. Раз уж в Лючане возродилась какая-то активность, важно позволить ей укрепиться, а о деталях можно будет подумать и потом. Да к тому же — клин клином вышибают, и, может быть, ощущение риска, которое там у нее неизбежно возникнет, напрочь вытеснит из сознания и подсознания моей красавицы все самое тяжелое, связанное с Уларом.

— Да нет, — произнес я как можно спокойнее, — риск там будет, скорее всего, на уровне бытового, мы его не очень-то и заметим.

— Значит, ты согласен?

— Целиком и полностью. Но если не возражаешь, для полной безмятежности я все же поставлю в известность Иваноса.

— Лапочка генерал, — сказала Лючана. — Ну, если это тебя успокоит... Только попроси его не устраивать за нами постоянного пригляда: мне вовсе не улыбается отдых под колпаком Службы. Потому что тогда я и в самом деле буду ощущать себя кем-то вроде беглой каторжницы.

— Полностью принято, — откликнулся я. — Ты знаешь, что я терпеть не могу казенной опеки — почему и расстался со Службой. Ну, прекрасно. Теперь, поскольку у нас полное

единомыслие, не станем терять времени. Я сейчас же одеваюсь и иду к вышеназванному. Надеюсь, он нас поймет правильно. О сроках говорить не станем: пробудем там сколько захочется, пока не почувствуем себя заново родившимися.

— Правильнее сказать — воскресшими.

— Нет. Когда ты воскресаешь, с тобою оживают и все воспоминания, какими ты обладал. А мы ведь хотим, наоборот, отбросить из-за ненадобностью. Я — сторонник нового рождения с совершенно чистой памятью, которую можно будет начать заполнять с начала.

— Пожалуй, ты прав. Ладно, иди. А я начну укладываться.

— Только самое необходимое, Люча.

— Возьму лишь пляжное. Ну, и одно вечернее платье... Самое большее — два. Они занимают так мало места и почти ничего не весят.

— Но не более двух, ладно? И знаешь что? Оперкейсы оставим дома.

— Мне и в голову не приходило тащить их туда! Как ты мог подумать?..

Это как-то само собой подумалось. Но ведь они там и в самом деле нам не потребуются?

— Уложи заодно и мои вещи. Думаю, вернусь к обеду, вряд ли Иванос станет меня задерживать — служебное время у него всегда заранее расфасовано по пакетикам.

— Горячий привет ему от меня. Жду к обеду.

Выходя в прихожую, я услышал, как Лючана что-то негромко запела. Это было прекрасным признаком: поет она только когда на душе у нее становится легко. Ура.

— «Вратарь»!

«Хозяин?»

Все-таки как приятно, когда все исправлено, отремонтировано, налажено. И даже голос нашего «Вратаря» стал вроде бы мелодичнее, богаче обертонами, живее, что ли.

— Я выхожу ненадолго. Хозяйка остается. Включи защиту по полной, пока я не вернусь.

«Сделано».

Собственно, а куда я?.. Нет, зря я валю все на Лючану: у меня и у самого психика после Улара еще не пришла в норму. Явный дефицит живой воды. Может быть, и не стоит беспокоить генерала? В конце концов, это наше частное дело. А у него, человека официального, всегда могут найтись какие-то возражения — потому что именно торможение, а никак не поощрение является основной направляющей деятельности каждого чиновника. И чем он выше сидит, тем тормозные колодки толще.

Ладно, вскоре увидим. Хотя Иванос хорошо знает, что разубеждать меня в чем-то — мартышкин труд. А уж когда мы с Лючей поем семейным дуэтом...

4

Направляясь к Иваносу, я пытался угадать: с кем же я встречусь на этот раз? Вовсе не бессмысленное занятие, потому что на самом деле Иваносов было много, и все они — от своего в доску парня, с которым одно удовольствие посидеть за хорошо накрытым столом, не ограничивая себя в количестве принимаемого пойла, до холодного и надменного чиновника в погонах, который и смотрит не на собеседника, а куда-то в сторону, и разговаривает одним только уголком рта, выцеживая слова по одному с долгими паузами, чтобы партнер успел прочувствовать, какой великой ценностью обладает каждый звук, прозвучавший из генеральских уст, — все эти Иваносы (а их между этими двумя полюсами умещалось немалое количество) как-то ухитрялись сожительствовать в одном теле.

Впрочем, и тело это выглядело каждый раз по-иному, я имею в виду прежде всего лицо; Иванос обладал не очень распространенной способностью делать свое лицо (ничуть не прибегая к гриму и очень редко — к маскам) совершенно неузнаваемым даже для людей, знакомых с генералом еще с кадетских времен и встречающихся с ним чуть ли не повседневно. Не знаю уж, как это у него получалось, однажды я попробовал спросить — в ответ он только пожал плечами и проговорил неопределенно: «Да я и сам не знаю, настраиваюсь, что ли, вхожу, как говорится, в образ, оно как-то само собой и получается». Я тогда подумал, что в нем погиб большой артист, хотя, возможно, и не погиб, как знать?

Так что перед каждой очередной встречей с ним вовсе не лишним было угадать, каким же он окажется на этот раз, и соответственно настроить самого себя, иначе никакого прока от встречи не будет. Тут можно было полагаться только на собственную интуицию, к которой я сейчас и пытался прислушаться, чтобы правильно расшифровать ее не всегда четкие сигналы.

Похоже, что мне удалось угадать верно. Это я понял, когда переступил порог генеральского кабинета. Сегодня это был, кажется, один из средних Иваносов, вполне узнаваемый, не очень веселый, но и не так чтобы надутый, не то чтобы свойский, но и не совсем забывший еще, что чуть ли не вчера мы с ним проводили совместную операцию на Уларе, не к ночи будь помянута; не совсем забывший — но и не то чтобы стремящийся об этом вспоминать. Короче, я увидел Иваноса делового, не обрадованного каким-либо успехом, но и не огорченного поражением, спокойно-занятого, как бывает при разработке операции, когда все происходит еще лишь в компьютере, а не в натуре. Увидел и подумал: «Не ко времени».

Для вящей уверенности я попробовал прозондировать его сознание; но, как и обычно, дальше порога не был допущен.

 Можно было бы, конечно, увеличить усилие и что-нибудь да

выудить, однако он почувствовал бы это и соответственно настроился, а мне вовсе ни к чему было сейчас обострять отношения с ним.

Генерал поднялся из-за стола мне навстречу, даже приобнял, похлопал по плечу и указал не на посетительский стул перед казенным рабочим комбайном, а в сторонку — туда, где в уголке стояли два глубоких кресла перед низким столиком. Усадил меня, уселся и сам и несколько секунд внимательно глядел на меня, не подавая сигнала к началу разговора. Закончив осмотр, слегка покачал головой и начал сам:

— Имею для тебя от силы десять минут. Так что излагай кратко. Еще не совсем пришел в себя, верно?

— Пожалуй, да, — признал я очевидный факт. — А вот ты выглядишь, словно и не покидал кабинета, могу только позавидовать. Что, вашего брата — генералов Службы — специально обучают быстро восстанавливаться?

Он усмехнулся:

— Для нашего брата каждый выход в поле мало чем отличается от курорта, потому что там нет начальства, а оно-то и является главным раздражителем, поскольку противника нейтрализовать можно, а начальство — нельзя. Так что там я отдохнул душой, а с телом справляться все мы обучены, верно? Вот и тебя сейчас наверняка беспокоят не боли в суставах, а нервы, нервочки, всякие ночные кошмарики. Так? Но это, как известно, дело поправимое.

Я кивнул, но внес корректив:

— Верно. Но в первую очередь не мои нервочки.

— Да, — сразу же согласился он. — Хорошо, когда жена — коллега, но, как сказал некогда великий поэт, «хорошо, да как когда». Переживает?

— Сильнее, чем ожидалось.

— Ясно. Зашел бы к вам, попробовал ее разговорить, но, сам понимаешь, как всегда после выхода тут накапливается столько всякого, что не сразу расхлебаешь. Ты ведь с этим пришел? Хотел пригласить в гости? Но, видишь ли...

Я покачал головой:

— Так далеко мои планы не заходили. Нет, я со скромной просьбой.

Похоже, мои слова его успокоили: он даже немного расслабился в кресле. Другой бы и не заметил этого, но я-то знаю его достаточно давно и хорошо.

— Ну, излагай. Все, что в моих силах...

Я постарался как можно короче объяснить наш с Лючаной замысел. И ожидал, что в ответ он, улыбнувшись, скажет: «Ладно, принимаю к сведению, в случае чего окажем тебе содействие...»

Получилось, однако, по-другому. Когда я умолк, он несколько секунд помолчал, потом встал и кивнул мне:

— Давай-ка перейдем в рабочую обстановку.

Это означало, что мне следовало занять клиентское место перед большим пультом. Сам он воссел на свою пятиногую вертушку напротив. И только после этого проговорил:

— Похоже, этот номер у вас не пройдет.

— Почему? Там же сейчас вроде бы все спокойно. Я слежу за информацией по общим каналам...

— А я — по специальным, — перебил Иванос. — И она, скажу тебе, сильно отличается от публикуемой. Сейчас загружу. Читай.

Он кивнул в сторону одного из мониторов. Я принялся читать один текст за другим и с каждой страницей понимал, что он прав. Иванос же попутно комментировал:

— Вот запрос на выдачу тебя, поскольку на Армаге — а Топси ведь формально область их интересов — на тебя заведено дело по обвинению в нарушениях тамошнего законодательства по статьям, предусматривающим фальсификацию документов, незаконное владение оружием, попытку похищения государственных секретов, а также связь с криминальными элементами, и прочее, и прочее. А помимо того, по Улару в отношении тебя начато преследование и вчинен гражданский иск, поскольку исчезновение Улара ставится тебе в вину как организатору действий, приведших к такому результату.

— Гм, — промычал я. — Просто удивительно, что я еще на свободе. Во сколько же они оценили ту планету?

— А ты не юродствуй. Дело-то официальное. Не приди ты сам, пришлось бы мне приглашать тебя. Хорошо еще, что это попало ко мне.

— Знал бы, — сказал я, — взял бы с собой хоть зубную щетку.

— Давай без шутовства. Некогда. Сам понимаешь, выдавать тебя им никто не собирается, и этот их запрос я замариную по высшей категории — просто время должно пройти. Но это еще не все. Смотри дальше.

Я посмотрел. И не только на то, на что он хотел обратить мое внимание. Но при помощи третьего глаза попытался разглядеть и еще что-нибудь интересное. Все было надежно заблокировано, так что увидеть удалось очень немногое — и оно для нас с Лючей никакого интереса не представляло. Поэтому я сдался:

— И до нее добрались? Неплохо работают, не ждал от них такой прыти, честное слово.

— Теперь понятно, да? И тебе, и Лючане показываться там, куда Армаг досягает — а уж на Топси они как дома, — скажу без преувеличения — самоубийственно. Так что этот ваш вариант не проходит ни с какой стороны. Плюньте и забудьте.

Ничего другого и не оставалось.

— Ладно, — сказал я, — спасибо за исчерпывающую информацию. Недаром у меня было такое ощущение, что надо тебя поставить в известность, вопреки моим привычкам.

Если позволишь, когда изобретем новый план, снова тебя побеспокою, а то, может, меня и еще где-нибудь объявили в розыск. А куда-то нам улететь нужно. Люче в первую очередь. Иначе мы ее потеряем как нормального человека.

— В этом никто и не сомневается. А что касается новых планов...

Тут Иванос умолк и молчал не менее двух минут — для него это было совершенно необычным. Настолько, что я не решился прервать это безмолвие и терпеливо ждал. Он не смотрел на меня, прикрыл глаза веками, наверное, чтобы мой несколько растерянный вид не мешал ему соображать. А когда снова посмотрел на меня, в его глазах ясно обозначилась мысль.

— Знаешь, Ра, — произнес он с той интонацией в голосе, которая должна была свидетельствовать о полной откровенности, задушевности и доброжелательстве, — пожалуй, ты пришел как раз вовремя: похоже, я смогу вам помочь. Поскольку давно известно, что лучший отдых — это смена занятий, я могу предложить вам кое-что хоть сейчас... Понимаешь, тут назревает одно, прямо скажем, необычное дело и с минимумом риска, чтобы не сказать вообще без риска, зато — незнакомые места, небывалые впечатления, бездна новой информации...

Может быть, он говорил бы еще долго, но я остановил его одним только словом:

— Нет.

И пока он еще не пришел в себя, добавил:

— Никаких операций. Никаких задач. Никакого подчинения. Разве я не с этого начал?

— Начать можно с чего угодно, важно — чем закончить.

— От нас обоих — сердечная благодарность за заботу. И полный отлуп.

— Не узнаю тебя. Ты бы хоть поинтересовался, в чем дело...

— И слышать не хочу. Я прекрасно понимаю: как всегда, людей не хватает, проблем куда больше, чем оперативников, и тому подобное. Но мы хотим отдохнуть — и ничего больше. Без приключений. Без нервотрепок. Без контактов. Наедине с природой, вот как. Извини, что потревожил тебя не вовремя. И желаю успехов. — Я встал с кресла. — Пока!

Однако он жестом удержал меня:

— Не дури. Ты обратился ко мне — и хочешь, чтобы я отпустил тебя без всякой помощи? Когда это я позволял себе такое? Скажи: какие условия вам нужны, чтобы восстановить форму как можно скорее? Сформулируй точно.

Я насторожился:

— Брось, Ив, ты не бываешь добреньким задаром. Хочешь все-таки держать нас на поводке?

— Не исключено, — признал он. — Сейчас об этом никакого разговора больше не будет — именно потому, что вы

не в том состоянии, чтобы заниматься делом. Однако в моих интересах, чтобы такая возможность возникла хотя бы в ближайшем будущем. А для этого, как я понимаю, надо найти местечко, наибольшим образом соответствующее вашим пожеланиям.

— Ну, наши потребности минимальны, — утешил я генерала. — Прежде всего — вода. Много воды. Как можно больше. Море. Лучше — океан. Для Лючи сейчас это было бы самым действенным лекарством — удалось бы наконец смыть с себя все то, что...

— Понял. Много воды. Еще?

— Поменьше людей вокруг. Тишина. Полное, по возможности, отсутствие звуков, издаваемых двуногими без перьев, а также их продукцией.

— Ты уверен? Может быть, как раз наоборот — побольше народу? Чтобы отвлечь ее от всего...

— Не сейчас. Пока она, в ее представлении, покрыта грязью, чужие взгляды для нее самое страшное.

— Итак, поменьше людей и звуков. Дальше что?

— Ну, желателен, конечно, пристойный климат. Курортный, так сказать. У нас ведь издавна сложился такой стереотип отдыха...

— Верно. Сложился. То есть, как я понял, поближе к дикой природе и подальше от общества?

— Вот именно.

— Так-так.

Иванос выдержал еще паузу, правда, не столь продолжительную. Пошевелил пальцами над столом, словно разыгрывая какой-то пассаж на невидимой клавиатуре.

— Что же, есть такой вариант. Могу рекомендовать. Сам собирался туда, но вот дела заели.

— Любопытно, — сказал я, и на самом деле заинтересовавшись. — Куда же посоветуешь нам устремить свой путь?

— Ты, по-моему, не бывал на Ардиге? Это по каталогу номер 1402.

Это название не было для меня новым, как и обозначение любого другого обитаемого или хотя бы посещаемого мира. Но я там никогда не отмечался. Да и лежала эта планета — а вернее, «Детская площадка», то есть та система, в которой Ардиг находился, — далеко на окраине и сильно в стороне от оживленных трасс. И ничего, что требовало бы моего с Лючаной оперативного участия, там вроде бы никогда не совершалось.

— Не приходилось еще.

— Ну вот, теперь как раз удобный случай соединить приятное с полезным.

— Полезное, как я понимаю, поправка здоровья. А что — приятное?

— Нет. Приятное как раз — ваша реабилитация. А полезное — ну, хотя бы устранение еще одного белого пятна в твоем знании миров Федерации. Будь у меня сейчас лишнее вре-

мя, порекламировал бы это местечко. Но ты и сам найдешь необходимое в справочниках...

— Никакой хитрости?

— Никто не вынуждает тебя согласиться, Ра. Я просто предложил вариант, который вроде бы должен вас устроить. Ты не согласен — ладно, ищи сам.

Это была явная подначка. Но я, похоже, действительно еще не прогнал ту усталость, которая жила во мне после Улара.

— Если Лючана согласится... — сказал я.

— А это уж как ты ей преподнесешь. В общем, так: сейчас иди к ней, обсудите обстоятельно, а завтра сообщишь мне результат.

— Забота о кадрах — долг любого руководителя, — глубокомысленно изрек я.

— Вы оба не мои кадры, брось. Но на дружеский поступок я имею право?

Мне хотелось поверить в это целиком и полностью. Хотя человеку Службы никогда не следует доверять безоговорочно. Мне, кстати, тоже.

— А что — там действительно курортные условия?

— Лучше не бывает. Да вот, глянь на карту.

Он вывел изображение на экран.

— Видишь, какая благодать? Вот тебе океан, а вот и суша, в экваториальной области средняя температура двадцать пять — тридцать по Цельсию, воздух и прочие физические условия схожи с нашими, так что — никакой адаптации. А главное — планета практически не заселена. Чего еще можно желать?

— Хочешь сказать, что там вообще нет людей?

— Ну, не могу гарантировать, что ни одного: могут быть анахореты вроде вас, нам о таких не докладывают. Но постоянного населения еще нет. Пока, во всяком случае.

Идея мне понравилась. Но я постарался вести себя как можно более сдержанно — чтобы Иванос не переоценивал свою услугу.

— Ну что же — недурственно. Но не знаю, что скажет Лючана. Сбрось мне эту карту, пожалуйста, чтобы было что ей показать.

— Увы, — сказал Иванос, слегка разведя руки и тем обозначая свое бессилие. — Ведомственный документ и засекреченный. Потому что съемка карты, откровенно говоря, производилась неофициально — без ведома Совета Миров. Снималось не с птичьего полета, а с очень удаленной орбиты — на пределе возможного. Туда еще не добрались федеральные картографы. Сам знаешь, чем дальше космотория от центра, тем меньше ею интересуются власти. Так что не обессудь, карту дать не могу.

— Ну что же, на нет и суда нет, — откликнулся я, заканчивая наш разговор. Поскольку о карте просил только для проформы: она уже надежно оттиснулась в памяти моего мика. Да Иванос и сам прекрасно понимал, что так и будет.

— Я готова! — Такими словами встретила меня Лючана, едва я появился на пороге. — Твое тоже уложила, не знала только, какую бритву ты захочешь взять. Вообще, у тебя их слишком много. Когда выезжаем? Обедать будем дома или уже там?

Я обнял ее и поцеловал — кроме прочего, еще и потому, что она в какой-то мере успела совладать с собой и выглядела сейчас почти нормальной — активной и даже веселой.

— А вот мы сейчас и решим, где и когда.

Она склонила голову к плечу, что должно было означать удивление.

— Разве мы еще не решили?

— Если бы решали мы одни...

— Не говори загадками!

Я доложил ей обстановку. И поспешил утешить:

— Только не огорчайся: Иванос предложил другой вариант. По-моему, даже лучше нашего.

— Знаю, — она махнула рукой. — Он и правда проявил заботу: я уже получила и приглашение, и все прочее. Только мне не кажется, что это хороший выход: об этих местах мне приходилось слышать, и говорят, что там тесно и климат не совсем тот, что мы хотим.

— Постой, постой, — насторожился я. — Какое приглашение? Иванос ждет нашего согласия — или отказа. И вряд ли он мог прислать...

— Однако именно это он сделал.

— Уже интересно. Покажи. В каком виде ты это получила?

— В нормальном — по сети. Пожалуйста, вот все.

Она загрузила полученное на дисплей. Я взглянул.

— Нет, Люча. Это совсем не то. Во всяком случае, отправитель не Иванос. Кто-то другой.

— Ты уверен? Кому еще пришло бы в голову заботиться о нас таким образом? И почему ты так уверен?

— Кто — это стоит выяснить. Почему уверен? Вот время отправки: четырнадцать ноль восемь. Так вот, в это время мы разговаривали с ним, и ручаюсь — он при этом ничего не отправлял и не давал поручений другим. Никаких и никому. Убеждает?

— Проверь адрес отправителя.

— Именно это я и... Вот нечистая сила!

— В чем дело?

— В адресе. Его просто нет.

— Но он же должен быть!

— Как говорится, должен, но не обязан. Похоже, что отправитель позаботился о том, чтобы не оставить следов. Занятно. Ну-с, а конкретно что нам предложили? — Я внимательно прочитал текст. — Ага. Совет Ветеранов Службы предлагает

месячное пребывание в Садах реабилитации в южном полушарии Серпы. Море, пляж, реликтовый лес, чистый воздух, натуральное питание на научной основе — и, плюс ко всем благам, избранное общество. Все — за счет Фонда Ветеранов. Мы с тобой, похоже, истосковались по избранному обществу? Интересно, что они понимают под этим определением? Отставников, забивающих «козла» от подъема до отбоя?

— Фу, — сказала она, — какого ты низкого мнения о них. Никакого «козла». Только пулька. С «бомбой», обязательно темной и всем прочим. По галлару за вист.

— Мы в восторге, не так ли?

Лючана выразилась как ветеран десанта, что вообще-то не входило в ее репертуар.

— Поддерживаю, — согласился я. — Думается мне, что в этих Садах кто-то разложил немалое количество бесплатного сыра. Ладно, теперь давай обратимся к тому, чем хочет прельстить нас генерал. Кстати, этот вариант с Серпой в нашем разговоре даже не всплывал. Однако вряд ли тут случайное совпадение. Каким-то способом некто узнал о нашем желании провести какое-то время вне Теллуса и предложил свои услуги. И не с целью заработать, но с какой-то другой. Утечка от Иваноса? Не верится. Отсюда? Тоже маловероятно. Хотя... проверка не повредит, как ты думаешь?

Получив ее согласие в виде кивка, я обратился к «Вратарю»:

— Проведи ревизию всех файлов. Не только названия, но и содержания. Это может быть вирус, замаскированный под программный файл или в этом роде. Полная проверка. И сразу доложишь. Выполняй.

«Выполняю, хозяин».

— Что же нам сулит Иванос? — спросила Лючана, и в голосе ее прозвучало нетерпение. Я чувствовал, что чем дальше, тем больше готова она оказаться где угодно, в любом другом месте, кроме собственного жилья, потому что именно к нему приводили все донимавшие ее сейчас воспоминания.

— Тебе такое название — Ардиг — говорит что-нибудь?

Она помолчала, стараясь вспомнить.

— Ни малейших ассоциаций. По-моему, я никогда даже не слышала о нем. Это что — мир?

— Из самых отдаленных и непопулярных — во всяком случае, не модный курорт, где стремится отметиться каждый, считающий себя светским человеком.

— Так, может быть, там ничего и...

— Судя по карте — генерал позволил заглянуть, — там вовсе не плохо. А вообще, поищем еще какую-нибудь информацию. «Вратарь», как дела у тебя?

«Идет проверка, хозяин. Пока ничего лишнего».

— Вытащи параллельно Федеральную Энциклопедию, все на букву А.

«Выполняю».

— Ну вот, давай познакомимся, — пригласил я Лючану через несколько секунд. — Арда... Арде... Ага, попался. Вот он, Ардиг. Черт, да здесь почти ничего...

И в самом деле, имевшаяся в энциклопедии информация словно перекликалась с древним ресторанным анекдотом: «Чем это вы тут кормите? Во-первых, дерьмо, а во-вторых, мало!»

Нет, все необходимые физические характеристики были налицо: радиус, масса, гравитационная постоянная, состав атмосферы, средняя температура, годичная норма осадков, радиация светила, расстояние от него, наличие естественных спутников (два), количество ясных дней, осадки, дифференцированно по климатическим поясам; продолжительность года и суток... И все это, в общем, было вполне приемлемо и даже более — привлекательно, поскольку не сулило теллурианину никаких осложнений при адаптации, как и говорил Иванос.

Однако на этом членораздельные сведения и заканчивались, дальше шли какие-то загадки.

Население мира: «Постоянное население отсутствует». Иными словами, мир необитаем! А почему? На планете, параметры которой сопоставимы с теллурианскими, а условия жизни куда лучше? По меньшей мере, странно.

Дальше еще интереснее. «Экономика: производство сельскохозяйственных удобрений, поставка их на...», дальше — перечень названий. Выходит, населения нет, а удобрения производятся. Автоматические заводы или что? Ага, вот: «Производство обслуживается периодически сменяющимися вахтами».

— Как это тебе, Люча?

Она пожала плечами:

— Значит, во всяком случае, не придется толкаться в толпе.

Ну что же, кто-то живой там все-таки есть — по крайней мере, помогут чем-нибудь при надобности. Может быть, не так уж и плохо для нас, одиночек.

— Без горячей воды, — проговорила Лючана недовольно. — При свечном, скорее всего, освещении. И, чего доброго, без канализации?

— Зато представь себе: мир без телевидения, телефонов, сетей, может быть, даже без газет. Без скользунов и колясок! Господи, какая благодать!

— Тебе виднее, — согласилась она не очень решительно.

Дальше. Совокупный планетарный продукт — удобрения. В галлярах: сведения позапрошлого года. Не очень, прямо скажем. Хотя — нам-то что? Это их проблемы.

Иммиграция за последнее десятилетие: сведений нет.

Эмиграция за тот же период: сведений нет.

А вот совсем уже интересно.

Флора планеты: проверенных сведений нет.

Фауна: достоверных данных не имеется.

И наконец.

Средства сообщения: ВВ — не используется.

Регулярные рейсы кораблей — не совершаются.

Чартерные полеты: вывоз удобрений танкерами получателей.

— Ты что-нибудь поняла? — спросил я Лючану, когда энциклопедия была исчерпана.

— Конечно! — ответила она неожиданно бодро.

— Интересно. Что же именно?

— Я хочу туда!

— Ты серьезно?

— Абсолютно! Ты пойми: это что-то совершенно новое! И никаким боком не связано ни с чем из нашего прошлого! О таком можно только мечтать!

— Ну, если ты решила твердо...

— Как алмаз.

— Будь по-твоему. Тогда я сообщаю Иваносу о нашем согласии. Только не представляю, как мы туда попадем — без ВВ и регулярных рейсов. Или тебе и это уже стало ясным?

— Безусловно. Иванос предложил — значит, он и обеспечит. Или он, по-твоему, болтун?

Нет, этого я не смог бы сказать о генерале даже в те минуты, когда готов был повесить на него всех собак, какие только существовали в Галактике.

«Хозяин! Задача выполнена. Проверка завершена».

— Что обнаружено?

«Никаких посторонних программ».

Еще одна загадка. Не слишком ли много? Хотя Люча, наверное, права: загадки и придают жизни необходимую остроту, без которой она — и не жизнь вовсе, а так. Морковный кофе, как сказал поэт в давние времена.

«Имеется неучтенная линия внешней односторонней связи».

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

— Отключи немедленно. Хотя — нет, лучше поставь на трансляцию какого-нибудь канала — рекламного.

«Выполнено».

Так. Ясно. Кто и когда всадил? Ну, понятно: когда делали тут ремонт. Для начала вовсе неплохо. И, надо полагать, продолжение последует?

— Удираем, Люча. Ардиг — так Ардиг. Лишь бы подальше.

6

На этот раз дозвониться до Иваноса удалось только после многих безуспешных попыток: всякий раз его кибер равнодушно объявлял: «Канал занят», «Канал занят». Наконец это мне надоело, и я прибегнул к запрещенному приему: сделал вызов под грифом «Анни». То есть «Аннигиляция» — сигнал смертель-

ной опасности, все летит вверх тормашками. Сработало, и я услышал тревожное: «Иванос. Докладывайте!» «Сейчас он меня убьет», — подумал я, вслух произнося самым безмятежным тоном, на какой только был способен:

— Привет, генерал, здесь Разитель. Докладываю: мы согласны. Ждем указаний.

Он, кажется, в первый миг даже не сообразил, о чем идет речь.

— Разитель? Каких указаний? В чем дело, сукин ты сын? Какого черта...

Разумнее всего было бы тут же дать отбой. Но я решил, что имею все основания обидеться.

— Я лишь выполняю твое распоряжение. Ты же сам сказал два часа тому назад...

Но он, похоже, уже вспомнил — сам или автоматика напомнила.

— А, ты вот о чем. Извини, немного закрутился. Так что там у вас?

— Мы согласны на Ардиг. Только не очень представляем, как туда попасть.

— Ну да, ну да. Не думал, откровенно говоря, что это вас устроит.

Видно, он уже успел с головой уйти в какое-то серьезное дело. В Службе такое не в диковинку: случается что-то неожиданное и важное, и все, менее значительное, вылетает из головы.

— Так что мы готовы последовать твоему совету — объясни только, как туда добраться. Судя по имеющейся информации, это — проблема: ни ВВ, ни рейсов. Я понимаю, что у тебя там что-то горит и мы оказались не ко времени, но тем не менее...

— Не вовремя, — проворчал он. Однако ему и самому было известно, что на уровне наших с ним отношений никак нельзя отступать от сказанного: это может, самое малое, очень неприятно отозваться в будущем, недаром говорится: не плюй в колодец. И он тут же продолжил: — Хорошо. С доставкой проблем не будет: туда как раз отправляется один наш кораблик по делам, я, собственно, этот вариант и имел в виду, когда предложил тебе. Раз уж вы настроились, то собирайте манатки.

— Уже собрали. Скажи только, куда ехать.

— Сделаем так: я подошлю скользун — из наших, с кем-нибудь из моих помощников, — и они вас доставят на борт и аккредитуют. Все, отбой. Счастливого пути, семейство.

— Спасибо, — сказал я уже в пустоту. Отключился. — Люча! — позвал. — На выход. «Вратарь»! Закрываю территорию, защита по полной программе, информировать будешь по моему запросу, постоянно отслеживай нас, предполагаемое местонахождение — мир Ардиг, проверь, как там у тебя с ним?

«Вратарь» взял довольно продолжительную паузу, и это свидетельствовало о том, что нашарить в мироздании

Ардиг оказалось для него не так уж просто. В конце концов, когда я уже собрался ускорить его процессы, он доложил:

«Ардиг найден. Связь возможна, хотя не вполне устойчивая. Сейчас там не работает ни один источник сигналов на стандартных частотах. Поэтому мой вывод является предварительным».

— И на том спасибо, — сказал я ему, хотя понимал, что для него имеет значение лишь последнее слово, означающее одобрение его действий. Все-таки не человеческий разум это был, ничего не поделаешь. И чтобы он не успокаивался чрезмерно, я добавил: — Проводи систематический поиск в областях нестандартных частот. Ищи нас там, если связь на стандартных не будет устанавливаться.

«Понял, хозяин», — откликнулся он.

— Все. Я отключаюсь. Ожидай следующего вызова.

По моим расчетам, скользун от Иваноса должен был ожидать внизу: машины Службы всегда пользуются правом преимущественного проезда, им автоматически открывается зеленая улица.

Я вышел в прихожую. Лючана была уже там. Багажа у нас оказалось не то чтобы совсем мало, но и немного, а именно — столько, сколько в случае необходимости можно унести на себе; это давно стало рефлексом: перед тем как войти куда угодно, прикидываешь, а как будешь оттуда выбираться. Лючана знала это не хуже меня самого. Я все же просканировал взглядом подготовленное для отъезда. Два чемодана среднего размера, два рюкзака. Приемлемо. С таким грузом можно некоторое время продвигаться даже и бегом. Я надеялся, конечно, что до этого не дойдет: мы как-никак собрались отправиться не в гущу событий, а наоборот — подальше от них, туда, где, похоже, никогда и ничего не происходит. То, что нам нужно. И все же...

Все же какое-то ощущение неудовлетворенности, недоделанности возникло у меня — я не сразу сообразил, отчего. Словно бы мы о чем-то не подумали, не учли, запамятовали...

— Люча! А мы ничего не забыли?

Она высоко подняла брови:

— Думаю, что нет.

— Я вот тоже не могу сообразить, однако же чувство такое, словно... Ага! Понял!

— Хочешь сказать, что я чего-то не учла?

— Не вижу наших оперкейсов.

— Здравствуйте! Разве мы не решили, что они нам не...

— Решили, решили. Но все же у меня без кейса состояние какое-то такое... как будто я забыл надеть брюки, вот какое. Может, прихватим с собой на всякий случай?

И, не дожидаясь ответа, я распахнул дверцы стенного шкафа, где хранились оперкейсы. Вернее, должны были храниться. Потому что их там не оказалось.

— Люча...

— Не волнуйся, штаны на тебе, и все остальное тоже в норме.

— Где же кейсы?

— В больших чемоданах. Там было достаточно места, и я подумала: ни к чему им бросаться в глаза всем и каждому.

— Значит, ты сама решила все-таки взять их?

— У меня тоже возникло ощущение, что без них я голая. Смешно, да?

— Никоим образом. Ты молодец.

— Ты только сейчас это понял?

— Понял давно — еще когда только собирался сделать тебе предложение. Помнишь, как и когда это случилось?

— Думаешь, женщина способна забыть такое? Мне тогда впервые пришлось страховать тебя в операции на...

— Тсс! Эта история и до сих пор не рассекречена.

— Ты маньяк секретности. Тут нас не подслушивают.

— Как знать? Кто-то все-таки пронюхал, что мы собираемся слинять с Теллуса.

— Наверное, ты прав. Умолкаю. Пошли?

— Пора. Там нас уже, наверное, заждались.

Закрытый скользун с поляризованными стеклами, без всяких эмблем, но с номером Службы и в самом деле ждал у подъезда, ухитрившись припарковаться между двумя тяжелыми колесниками, принадлежавшими, как я знал, жильцам нашего дома — со второго и верхнего этажей, верхняя квартира как раз над нами, и именно через нее мне пришлось в свое время выбираться на крышу, воспользовавшись реконструированным мусоропроводом. Я ожидал, что водитель выйдет навстречу, чтобы помочь разместить наш багаж, однако этого не произошло. Возможно, потому, что скользун втиснулся так, что пространства по бокам, чтобы поднять дверцы, вовсе не оставалось ни справа, ни слева. Придется, видно, самим выходить из положения — а вернее, войти в него.

— Секунду, Люча...

Я открыл пятую, заднюю, дверцу — она не была заперта. И убедился, что водителя на месте не было. Да нет, скорее всего, его вообще не было: это был скользун на киберпилоте, какими Служба пользовалась довольно часто. Ну что же, так даже спокойнее — до сих пор не было известно ни одного дорожно-транспортного происшествия, случившегося по вине кваркотроники.

— Забирайся, я подам чемоданы.

Разместились быстро. Я изнутри захлопнул дверцу, пробрался вперед, занял, как и полагалось, водительское кресло — хотя при автопилоте там может не быть вообще никого. Просто сработала привычка. Посмотрел на Лючану:

— В путь?

— С богом, — сказала она как обычно, когда мы отправлялись куда-то вместе. Не так уж много было в нашей жизни таких случаев. Тем приятнее было мне сейчас.

Единственное, что мне сейчас оставалось сделать, это нажать клавишу «Старт». Что я и сделал. Нужный маршрут был заложен в памяти автопилота. И можно было расслабиться хотя бы на несколько минут — в предвкушении того большого расслабления, какое ожидало нас на Ардиге.

Должно было ожидать, во всяком случае.

Пилот уже набрал скорость, когда я автоматически, боковым зрением отметил еще один скользун Службы, промелькнувший нам навстречу. «Да, — подумал я лениво, — что-то действительно заботит Службу, лихо раскатались они сегодня по городу. Но это не наше дело. Никак не наше».

Я чувствовал себя как-то необычно. Весело и расслабленно. Давно уже, очень давно не было у меня такого настроения. Источник его был ясен: впервые за уж не знаю сколько лет я покидал свой мир не ради выполнения какого-то задания, а по своей воле, и не из-за ссоры с Лючаной, а напротив — в полном согласии с нею и даже больше: вместе с нею. Вот она безмятежно сидит рядом, глядит вперед, полузакрыв глаза. Неплохо начинается отдых, моя хорошая... Я закрыл глаза, пытаясь представить себе то, что ожидало нас в самом скором будущем: теплое море, тончайший песок, мягкие солнечные лучи — благодать.

7

— Слушай, Ра...

В голосе Лючаны прозвучала, как мне почудилось, нотка тревожного недоумения.

— Я здесь, милая. Никуда не девался и не денусь.

— Проснись. Открой глаза.

Я повиновался.

— Уже смотрю в оба. Что тебя заботит?

— По-моему, мы едем куда-то не туда. До Иваноса рукой подать, а нас увезли уже достаточно далеко. Не понимаю...

Пришлось напрячься, чтобы от мечтаний о будущем вернуться к восприятию окружающей обстановки.

И в самом деле — скользун уносил нас вовсе не в направлении Службы. А куда? Сейчас выясним и внесем коррективы.

Протянув руку, я вывел на дисплей автопилота план города — той его части, где сейчас находились мы, светившиеся на экране в виде красной, медленно перемещавшейся точки.

— Ага, вот они мы. Проверим...

Я перевел взгляд на то, что мелькало за окошками скользуна. Прочесть название улицы, по которой нас везли, не удалось — мы скользили по скоростной, крайней левой полосе, и линию домов заслоняла в этот миг тяжелая грузовая коляска-фургон о шести осях. Зато впереди над проезжей частью нависал указатель, не прочесть который было просто невозможно.

— Похоже, нас решили доставить прямиком в космопорт.

— Это что-то новое, — нахмурилась она. Я поспешил успокоить:

— Иванос проявляет заботу и выполняет обещание: он ведь взялся нас туда препроводить — и, похоже, успел организовать. Ладно, поблагодарим, когда вернемся.

— Ты уверен, что это так?

— Проконтролируем, если хочешь.

Я нажал клавишу диалога с пилотом:

— Назови конечный пункт поездки.

Неживой голос ответил:

— Космовокзал дальних рейсов. Шестнадцатый портал.

— Ну а там что? — не унималась Лючана. — Он нас высадит, а у нас ни малейшего представления, куда идти, что делать...

— Надо полагать, нас встретят и проводят. Иванос обещал. Ты ведь знаешь: если он что-то делает, то учитывает все детали. Да в Службе и нельзя иначе.

— М-да, конечно, — согласилась она. Однако (подумалось мне) без должной уверенности. Такой, какую испытывал я.

Но получалось вроде бы по-моему. Во всяком случае, когда пилот затормозил, лег на грунт у шестнадцатого портала и услужливо распахнул дверцы, к машине сразу же подошло двое молодых людей — в цивильном, разумеется.

— Вы едва не опоздали, — упрекнул один из них. — Посадка на челнок уже идет. До старта четверть часа. Позвольте ваш багаж. Нужно торопиться.

— Вы уверены, что ждали именно нас? Кто вас прислал?

— Служба.

Ага, значит, все-таки я прав.

— Генерал Иванос?

— Видите, вы сами знаете — кто.

— Но у нас нет ничего — никаких документов на проезд, мы даже не знаем...

Говорить это приходилось в затылок парню — он, держа в каждой руке по чемодану, продвигался, пересекая зал, весьма прытко. Его коллега, отягощенный обоими рюкзаками, составлял арьергард, мы с Лючаной держались в середине процессии.

— Все у меня. Передам вам, пока багаж будет проходить досмотр.

Стойка была уже перед нами. Встречавший опустил чемоданы на ленту контролера и облегченно перевел дыхание, стараясь, чтобы это получилось не очень заметно. Из внутреннего кармана своей куртки извлек два продолговатых конверта, положил на стойку перед проверявшим.

И одновременно Лючана большим пальцем руки ткнула меня в бок. Как бы невзначай. Я не сказал ни слова. Но внутренне сразу же привел себя в состояние собранности. Боевой готовности.

Потому что такой двойной тычок был одним из вариантов сигнала тревоги. И, еще не поняв опасности, я уже был уверен в том, что она реальна: Лючана никогда не объявляет тревоги попусту. В этом я ей доверяю целиком и полностью.

Я повернул голову к ней. Поднял брови. Она взглядом указала наверх — туда, где над стойкой на табло светилась надпись:

«Рейс 16-48. «Чемпион Эры». Старт 18.10».

Только тут я понял.

Рейс. А на Ардиг рейсовые корабли не ходят.

— Все в порядке, — сказал контролер. — Можете идти на посадку.

— Спасибо, — проронил я. — А не скажете, когда мы прибудем на место?

— На Серпу? Ну, если...

Он не договорил, да в этом и не было нужды. Я перебил его единственным словом:

— Сразу!

Встречавший, тот, что нес чемоданы, стоял справа от меня. Так что вырубать его пришлось левой рукой, но надеюсь, что он этого даже не заметил. Во всяком случае, не успел взять защиту: скорее всего, расслабился раньше времени. Второй встречавший, что стоял позади, оказался на полу за мгновение до моего: Лючана успела занять позицию повыгоднее и смогла работать обеими руками.

— Уходим! — скомандовал я.

— Ну уж нет! — ответила она. — Я не стану бросать наши вещи. Инспектор, мы отказываемся от посадки и забираем багаж!

Но у инспектора были свои представления о том, что нам сейчас полагалось делать. Он успел нажать кнопку тревоги, и полицейские уже бежали сюда с трех сторон. Вступать с ними в схватку я не собирался. Но полицейских опередил вокзальный врач. Его, правда, занимали не мы, а оба распростертых на полу субъекта. Он склонился сперва над тем, что оказался на его пути первым, — над парнем, которого сработала Лючана. Нашел пульс, заглянул, подняв веко, в зрачок.

— Ты не пересолила? — спросил я жену, стараясь выглядеть совершенно спокойным.

— Ровно столько, сколько нужно, — ответила она. — Оказывается, еще не разучилась. Хотя имелись сомнения.

— Ты молодец, — снова не удержался я от похвалы.

Врач, прежде чем перейти ко второму, взглянул на Лючану и покачал головой:

— У вас тяжелая рука, мадам. Не хотел бы я быть вашим мужем.

— А кто вам позволил бы? — поинтересовался я.

Он не ответил и принялся разбираться с моим клиентом. Тем временем полицейская рука, тоже нелегкая, опустилась на мое плечо:

— Я арестую вас за нанесение побоев...

Я не дал ему закончить:

— Я повинуюсь. Но требую, чтобы оба потерпевших были также задержаны для выяснения их личностей. Они...

В свою очередь он перебил меня:

— Сам знаю, как мне действовать, — огрызнулся он. — А если вы намерены сопротивляться власти...

— Нимало. Но если вы позволите им ускользнуть...

— ...то уж мы не позволим.

Эти слова принадлежали уже не полицейскому, а одному из двух мужчин, подошедших к нам последними. Того из них, что был постарше, я узнал, и он меня тоже: пересекались в свое время. Я подмигнул ему, он — мне.

— Прошу не вмешиваться в действия власти! — предупредил его блюститель порядка.

— Служба! — услышал он в ответ и увидел хорошо известный значок. — Благодарю, капрал, дальше этим делом займемся мы. Вы свободны. Приятно видеть, что полиция реагирует столь быстро и решительно. Думаю, благодарность вашего начальства не задержится.

Полицейские почли за благо считать инцидент исчерпанным и разошлись, каждый в своем направлении. Мой клиент зашевелился, приходя в себя. Офицер Службы спросил своего напарника:

— Ты вызвал наш патруль?

— Они на подходе.

— Вы вовремя оказались здесь, ветеран, — сказал я ему. — Спасибо.

Он покачал головой:

— Напротив, полковник, опоздали. Подъехали к вашему дому, когда вас уже увезли. Правда, мы быстро сориентировались: машину эту засекли еще на подходе к дому, остальное вы уже поняли. Где ваш багаж? Ага. Берем. Идемте.

— Далеко ли? — спросил я на всякий случай.

— Ну... Вам лететь не отсюда, а со старта «Норд». Там ждет кораблик. Милая такая яхточка, называется «Триолет». Она вас доставит — генерал сказал, что вы знаете, куда и зачем.

Старт «Норд»? Милая яхточка в закрытом порту для военных и служебных кораблей. Кстати, и правительственных тоже. Высший уровень надежности.

— Видишь, — сказал я Лючане, — я же говорил, что генерал всегда продумывает все до деталей.

Она лишь покачала головой — что, скорее всего, означало неуверенность в том, что все уже обошлось.

8

— Странный, однако, кораблик, — заметил я, когда мы подошли к предназначенному нам транспортному средству. — Я-то думал, что знаком со всеми типами космической тех-

ники. С яхтами, во всяком случае. А тут что-то такое... Не очень, откровенно говоря, понятное.

И в самом деле, таких мне видеть еще не приходилось. Для прогулочника слишком, так сказать, поджарая — впрочем, до мини-крейсера не дотягивает, да и без видимых признаков вооружения. Хотя множество каких-то выступов, выростов непонятного назначения. Странная, как бы играющая окраска: зеленая? Нет, желтизна какая-то... Да нет же, скорее цвета морской волны? Отстал, отстал я от современности — в тех мирах, где я обитал последние месяцы, такими кораблями и не пахло. Ну что же, тем интереснее будет лететь.

— Что-то новое, — сказал я нашему провожающему. — Но, в принципе, может сойти и за яхту, и — для сведущего — за дальний разведчик. Всестихийный — так это, кажется, именуют? «Триолет» — ничего общего с поэзией, а просто работающий в трех средах, скорее всего так. Кваркотроники больше, чем людей. Верно?

— Почти угадали, — ответил подчиненный Иваноса. Похоже, знание моего славного прошлого позволяло ему быть откровенным — в установленных пределах, разумеется. — Но вы еще успеете во всем разобраться. А вообще-то эта модель не рекламируется. Используем для нестандартных случаев. Как, например, этот. Высочайшая надежность и адаптивность к любой обстановке. Класс!

Я подумал, что, наверное, мы с Лючаной и в самом деле теперь котируемся у Иваноса весьма высоко! Надо будет отблагодарить его как следует — когда вернемся, конечно. Хотя... вряд ли машину отправляют только ради нас.

— Много чести для нас. А кто еще летит? — задал я вопрос вскользь, словно из одной только вежливости, как если бы на самом деле это меня вовсе не интересовало.

— Вы — единственные пассажиры.

Вот как. Что значит — успешно провести операцию. Хотя, надо признать, она не всякому оказалась бы по зубам. Молодцы, мол, вы, Ра с Лючаной! Только не очень задавайтесь или хотя бы внешне не показывайте...

Но тут же у меня возникло и сомнение: если мы — такие уж важные персоны...

— Капитан, наверное, очень занят? — спросил я тоном, ясно показывающим, что я несколько уязвлен подобным невниманием: раз уж мы — единственные и столь важные пассажиры, то вправе рассчитывать на точное соблюдение протокола. — Хотелось бы познакомиться.

— Непременно, — заверил сопровождающий, а второй только улыбнулся — впрочем, не насмешливо, а как бы зная, что нам приготовлен приятный сюрприз.

— Ну что же, — я слегка пожал плечами. — Пора садиться, я думаю.

— Никаких препятствий, — согласился наш проводник. — Разрешите я пройду первым.

— Пожалуйста. Только...

Я хотел было спросить, как же он думает войти, если люк, перед которым мы стояли, до сих пор остается наглухо закрытым. Но не успел, потому что крышка тут же стала откидываться вниз, внутренней своей стороной образуя трап. Конструкция, пришедшая из давних-давних времен.

Мы поднялись. Я ожидал, что капитан встретит нас самое позднее сразу же за входным тамбуром, однако и там не оказалось ни его, ни хоть кого-нибудь из экипажа.

— Хотелось бы все-таки увидеть капитана, — проворчал я, следуя за провожатым. — А может быть, это вы и есть? У вас какой уровень секретности?

— Капитан в рубке. Нет, не подозревайте меня в таких вещах: я к флоту имею очень отдаленное отношение. Смотрите внимательно. Здесь — каюты. Одна двухместная и три одноместных, пользоваться можете по вашему усмотрению — любыми. Осмотрите сразу?

— Люча, может быть, ты устала? Не стоит ли прилечь?

Она покачала головой:

— Хочется поскорее увидеть капитана Немо — уж очень я заинтригована таинственностью. Ведите сразу в рубку.

И добавила очень тихо, уже только для меня:

— Он, по-моему, плохо воспитан.

— Похоже на то, — согласился я. Капитан чем дальше, тем меньше мне нравился, хотя неприязнь эта пока была лишь заочной.

Войдя в рубку, я окинул ее сперва беглым взглядом, затем — куда более внимательно. Перевел глаза на нашу свиту:

— Знаете, — сказал я, нахмурясь, — если нас привезли сюда, чтобы разыграть какую-то шутку, то напрасно: не на тех напали. Если только капитан не прячется где-то под столом или, чего доброго, в туалете, то его на борту вообще нет. А если так, то мы поищем другой способ добраться до цели.

— Смахивает на плохую комедию, — добавила Лючана, и по ее голосу я понял, что она уже где-то на грани взрыва. Наши спутники и не представляли, в какой опасности сейчас оказались. — И если вы немедленно не объясните нам смысл этого балагана...

Но тут наш провожающий поднял руку, как бы требуя тишины.

— Нет поводов для волнения, коллеги, — проговорил он спокойно. — Разве что некоторые детали вам еще не стали ясными, но с этим мы справимся за минуту, не более. Вы хотите видеть живого капитана? Но это ведь «Триолет»! Я полагал, вы в курсе: в этой серии экипаж виртуален. Капитан? Вот он, перед вами.

И он указал на большой ходовой экран в центре пульта, сейчас выключенный и темный, на сам пульт, разделенный на три сектора, не очень похожие друг на друга, на большие и

маленькие табло. И с очень небольшой клавиатурой для ручного управления.

— Вы хотите сказать, что эта машина — полный автомат? Но это же не такси!

— Полный. Как и все корабли этого поколения. Абсолютно надежен. Великолепно знает трассу: он уже бывал в той космотории. Общение — голосом и через клавиатуру. Впрочем, полный инструктаж вы сейчас получите — это займет четверть часа, запись на ваши мики. Но заранее скажу: вмешиваться в выполнение вирт-капитаном программы не рекомендуется. Да вы ведь не на задание летите...

— Уйдем отсюда, Ра, — проговорила Лючана решительно. — Доберемся до генерала и откровенно выскажем ему все, что мы об этой идиотской шутке думаем. «Заботится о нас!» — передразнила она меня. — Как же!

И она шагнула к выходу, где в дверях возвышался второй провожающий — здоровяк.

— Пропустите, вы! Я и не с такими справлялась!

Тот, однако, не шелохнулся. А первый сказал:

— Идея отправить вас на этом корабле принадлежит генералу Иваносу. Не знаю, что вы собираетесь предпринять, если откажетесь от этого варианта, однако генерал просил напомнить, что оставаться на Теллусе вам никак не рекомендуется: по самым последним сведениям, на вас начата серьезная охота, организованная, скорее всего, теми, кто хочет воздать вам должное за провал планов «Уракара» и «Улар». Вы и сами только что могли убедиться в том, что спокойной жизни здесь для вас не предвидится, а мы, вследствие возникшей обстановки, не можем заниматься вашей защитой, если бы даже это входило в планы Службы. Этот корабль и с ним возможность оказаться в безопасной части пространства предоставлен вам исключительно в порядке личной услуги, а никак не потому, что Служба берет на себя какие-то обязательства относительно вашей сохранности.

Пришлось задуматься. Что на нас открыта охота — в это я поверил еще раньше, слушая Иваноса. Конечно, мы с Лючаной не ученики приготовительного класса, однако если основным содержанием нашей жизни на неопределенное время станет игра в прятки с неизвестным количеством оппонентов, то назвать это отдыхом ни у кого не повернется язык.

— Люча, ты еще не высказала своего окончательного мнения.

Вместо ответа моя жена спросила:

— Что тут надо нажать, чтобы мы наконец полетели?

— Сесть. Получить инструктаж. Надеть вот эти браслеты. Включить страховку. И сказать — это может сделать любой из вас, корабль успел уже настроиться на ваши голоса и на все остальное, — сказать: «Триолет», мы готовы».

— Тогда уходите. Прочь с корабля. Быстро! Триолет, или как там тебя, мы готовы!

Глава вторая

1

«Первая срочность, строго конфиденциально. Командиру сектора безопасности «Системы». Докладываю, что установленный над группой «Двойка червей» контроль утрачен вследствие вмешательства сил Службы. «Двойка» вышла из-под наблюдения, ее местонахождение в настоящее время неизвестно. Принимаем срочные меры к восстановлению контроля и возможной изоляции поднадзорных. Остальные объекты внимания по-прежнему контролируются и находятся на обычных местах. Что касается «Двойки», то не исключено, что она покинула планету, но не одним из обычных рейсов; возможно, убыла по ВВ в пока не установленном направлении. О ходе поисков буду информировать по мере получения результатов. Возможно, сочтете нужным прислать людей, учитывая, что двое наших вышли из игры, и мы принимаем меры к их нейтрализации. Дальнейшая связь обычным порядком. Корень квадратный».

2

В корабле мы зажили, что называется, на широкую ногу: освоили сразу три каюты — пользовались двухместной, гостевой, когда было такое настроение, а когда хотелось побыть в одиночестве — расходились по отдельным. Как-то вдруг мы поняли, что, по сути дела, никогда еще не отдыхали так — вдвоем, не опасаясь, что кто-нибудь увидит, услышит, помешает, отнимет время, испортит настроение; никогда еще не говорили столько о жизни, о нас самих, о своем прошлом, настоящем и будущем; это стало как бы вторым нашим знакомством — это после стольких-то лет семейной жизни! Оказалось, что все минувшие годы, если не считать самого первого периода, мы говорили только о делах, потому, наверное, что их всегда хватало, хотели мы того или нет.

А ощущение, что впереди у нас — немереное время и что такой образ жизни мы сможем вести столько, сколько захотим, и к тому же в еще более привлекательной обстановке (потому что на корабле, при всех его удобствах, все же не было ни океана, ни пляжей, ни лесов — ну, словом, всего того, что в целом называется природой, естественной средой обитания), сохраняя все нынешние преимущества: отсутствие соседей в первую очередь, а также полную безмятежность своего существования, — ощущение это делало каждую минуту нашего бытия еще более приятной.

С каждым днем и часом (а их было не так уж мало, потому что разгонялись мы с минимальным ускорением, спешить не хотелось) мы все больше доверяли нашему обиталищу со всеми его системами и, совершенно обнаглев и распустившись (как сказал бы любой нормальный служака), лишь время от времени заглядывали в рубку — знали, что в случае надобности

«Триолет» нас вызовет, а контроль полета по приборам был возможен, благодаря репитерам, из любого корабельного закоулка.

Сначала я ждал было каких-то неожиданностей, потом перестал, поскольку и разгон, и вход в сопространство прошли без сучка без задоринки. И, сознавая, что всякое благо приходится в конце концов искупать, когда начинается полоса неприятностей, я поверил в то, что к этой полосе мы приблизимся лишь после того, как хорошо отдохнем, полностью восстановимся и таким образом окажемся готовыми к борьбе с невзгодами. Это, полагал я, было бы только справедливым, и гораздо логичнее думать, что, наоборот, — эти и все предстоящие светлые дни дарованы нам как воздаяние за все, что пришлось нам испытать и на Топси, и того пуще — на Уларе. Существует же в мире справедливость!

Именно так думал я в тот миг, когда «Триолет» своим неживым голосом (надо будет подсказать, что голосовую систему стоило бы улучшить, сделать голос выразительным, мужественным, пригласить актера, играющего героев, что ли, — такая мысль мгновенно промелькнула) заявил:

— Людям быть по местам. Узел второй локации. Смена вектора. Начинаю обратный отсчет...

И принялся отмерять числа.

Тут ничего не поделаешь. В такие минуты люди действительно должны занимать свои места и даже быть готовыми к самостоятельным действиям — что, правда, происходит весьма редко, только в тех случаях, когда тебя прихватывает сопространственный шторм и все силовые линии сопространства начинают вести себя как инструмент в руках лихого гармониста — сжиматься и растягиваться, да к тому же еще и менять ориентацию, — или же если в узле возможна встреча с другим кораблем, что тоже случается достаточно редко, хотя, безусловно, чаще, чем шторма. Хорошая космическая практика требует в таких случаях обменяться со встречным приветствиями и краткой информацией о себе: название корабля, мир приписки, точка старта, точка предполагаемого финиша; класс корабля называть не считается обязательным, поскольку встречный это и сам видит, но рекомендуется сообщить число членов экипажа, а если на борту есть пассажиры, то и их количество; кроме того — дать информацию о происшествиях, если они были, о любой нештатной ситуации, пусть и самой незначительной. Мы еще очень мало знаем о сопространстве, и в постоянном сборе сведений о нем всякое лыко, как говорится, ложится в строку. Контакт для обмена устанавливают между собой такие вот вирт-капитаны, но по традиции сразу же передают слово людям (при условии, что они есть). Если же в узле ваш корабль оказался единственным, то на долю людей выпадает лишь проконтролировать переориентацию на новый вектор и первые такты движения по нему. Движение в сопространстве измеряется именно в тактах, поскольку ника-

кие линейные меры здесь неприменимы, — это пояснение для тех, кто сам никогда еще в нем не бывал.

Не знаю, как это у нас получилось, но через уставные десять секунд мы уже сидели в своих креслах перед вторым сектором пульта — именно тем, который работает при нахождении в прыжке, и только там. Лючана, правда, нещадно зевала: она в эти дни помногу спала, это благотворно действует на нервную систему, так что сейчас «Триолет» разбудил ее. Что я могу отнести к недостаткам любой кваркотронной системы, это отсутствие всякой деликатности. Но, бросив второй взгляд на дисплей (первый, естественно, был устремлен в карманное зеркальце), она зевать перестала, а вместо этого промолвила:

— Ой, Ра, это что там такое?

— Я как раз пытаюсь понять, — ответил я. — По внешности вроде бы торгаш, но странноватый: вооруженный.

— Что же странного, — сказала Лючана. — Ты и сам мог бы кое-что рассказать о пиратах Простора.

— Ну, с теми-то мы разделались, — заметил я. — Хотя... лишняя предосторожность никогда не мешает.

— Кстати, а мы сами...

— Наша скорлупа — вроде бы не военный разведчик, хотя... и не транспорт с ценным грузом, а всего лишь мирная яхта. Так что волноваться не стоит.

Это я сказал уже в ту секунду, когда «Триолет» вывел на информационный дисплей сообщение о том, что мы уравновесились и начинаем переориентировку на новый вектор. Я только кивнул, хотя такой способ общения с компьютером не предусматривался; это вышло у меня автоматически, потому что сам я в это время наблюдал за маневром встречного, который тоже менял направление.

— А ведь он идет с тех румбов, куда мы как раз держим путь, — проговорил я. Лючана пожала плечами:

— Вектор не хуже любого другого. Какие миры вообще там находятся, кроме Ардига?

— Посмотрим потом. — Я этим как-то не интересовался, другие миры нам были ни к чему.

— Он уравновесился, — сообщила Лючана то, что я и без нее видел. — Будем выполнять ритуал?

— Проявлять невежливость — не лучший модус поведения в Просторе, — ответил я, потому что встречный уже запрашивал нас, оказавшись более сноровистым в полагающихся действиях:

«Транспорт «Барон Фонт» приветствует умелых и отчаянных и желает скорого достижения поставленных целей».

(Это вовсе не означало, что мы показались кому-то умелыми и тем более отчаянными: такая формула приветствия сохранилась с давних времен, когда каждый выход в сопространство расценивался как подвиг, и не зря, а встреча в узлах была случаем необычайно редким и требующим каких-то нестан-

дартных слов для приветствия. В наше время это стало как раз стандартом.)

— Письмом, — сказала Лючана с удивлением. — А не голосом. Почему?

— Наверное, привыкли, — пожал я плечами. — Многие так делают.

— Отвечай, что же ты? — поторопила меня жена.

— Да вот думаю: как отрекомендоваться? Вряд ли стоит докладывать: «Разведчик с мира Теллус и его супруга на отдыхе», а?

— Еще чего! Представься просто: «Увеселительная поездка». Не совсем понятно, но привлекательно. Может вызвать легкую зависть.

— Годится.

«Участники увеселительного круиза на борту яхты «Триолет» благодарят вас за теплые слова и желают «Барону Фонту» того же самого без ограничений».

Это тоже было ритуальной формулировкой. Ответ пришел незамедлительно:

«Примите визитную карточку. Фирма «Астрокар», мир приписки Солана, старт двадцать шестого ноль шестого, класс рейса — регулярный коммерческий, походная масса 15000 тонн, груз — продукты сельского хозяйства для миров шестнадцатого сектора Федерации, на борту экипаж в шестнадцать человек, пассажиров нет, мир назначения Милена, предполагаемый финиш пятого ноль седьмого. Простор спокойный, ситуаций не возникало. Капитан Ступ».

Все, как и полагается — кратко и исчерпывающе. Что же, и мы не ударим в грязь лицом.

«Управление аренды средств транспорта. Мир приписки Теллус, старт двадцать восьмого ноль шестого, класс рейса — прогулочный, груза не имеем, мир назначения — посадки не предусмотрены, на борту виртуальный экипаж и два пассажира, предполагаемый финиш второго ноль седьмого. Простор спокойный, происшествий не замечено. Капитан Триолет».

— По-моему, убедительно, — согласилась Лючана. — Постой, они еще что-то...

И в самом деле, новый текст уже возник на экране:

«Дружеский совет: не посещайте космоторию Ардига — пустой номер. Ардиг с двадцатого ноль шестого закрылся для кораблей. У нас был заход туда за грузом, но нас завернули».

Вот еще новости!

«Почему закрылся — не знаете? Триолет».

«Их объяснение: космопорт подвергается капитальному ремонту, предположительно откроется через четыре конвенционных месяца. Ступ».

Ну-ну.

«Сердечно благодарю за совет. Представлю на рассмотрение туристов. Им решать. Триолет».

— Мог и сказать, что сам решит. Он же капитан!

— Мог бы, однако... Чтобы обсудить проблему с бездельниками, ищущими острых ощущений, нужно время, верно? Хороший повод задержаться в узле и дать им уйти первыми.

— Чего ради? Они нам не мешают.

— Пусть остаются в неведении — какое же решение мы примем, — ответил я.

— Да почему?

— Скажем так: интуиция подсказывает.

Лючана только покачала головой — но не очень выразительно, а так, более для порядка. И мы помолчали, провожая глазами тронувшийся в путь по новому вектору транспорт «Барон Фонт».

3

Интуиция, конечно, имела место, однако были и более конкретные поводы для возникших у меня сомнений. И сейчас, не торопясь покинуть узел, я попытался выстроить их в некую систему.

Одно из сомнений, правда, сразу же, видимо, отпало. Заключалось оно в том, что вектор, по которому «Барон» пришел в узел, не использовался бы кораблем, стартовавшим с Соланы: было еще самое малое две силовых линии, пользуясь которыми, транспорт выиграл бы время, а время — и в Просторе деньги, а не только на тверди миров. Однако раз они заходили на Ардиг, этот крюк получал простое объяснение, и тот факт, что корабль пришел сюда, используя вектор Ардига, не должен был вызывать никаких подозрений.

И не вызвал бы, будь оно единственным. Но не тут-то было. Я для ясности мышления даже составил небольшую табличку:

«1. Космопорт Ардига закрыт, борта не принимаются».

Допустим. Предположим даже, что информация об этом задержалась — Ардиг все-таки настолько отдален от секторов, включающих в себя по нескольку миров, что там могли и не торопиться с рассылкой предупреждений, а другие миры, получив их, не стали бить в большие колокола, поскольку сообщения регулярного с Ардигом не было, да и чартером транспорты заходили туда нечасто — лишь по мере накопления того, чем они там промышляли: удобрения. Допустим. Но нас ведь отправлял с Теллуса не кто-нибудь, а высокое должностное лицо Службы. А уж если Служба не знает о закрытии космопорта пусть и отдаленного мира, значит, конец света уже наступил. Нет, Иванос знал бы. А если так, то не стал бы не только советовать нам воспользоваться для отдыха этим миром, но даже, строго говоря, не организовал бы эту экспедицию.

Но если так и если вспомнить, что еще на Теллусе некие не установленные лица хотели нас отправить в какое-нибудь другое место, то не вырисовывается ли тут уже определенная тенденция?

«2. Груз сельхозпродуктов в миры шестнадцатого сектора».

Это сильно смахивает на импровизацию. Капитан «Барона» не был готов отвечать на такие вопросы, потому что шел из мест со слабым движением, этот узел, в котором мы все еще висим, посещается редко и капитан не ожидал встречи. А уклониться от ритуала не мог: это вызвало бы подозрение у любого, расценивалось бы если и не как чрезвычайное происшествие, то, во всяком случае, как нештатная ситуация: корабельщики всегда формалисты в таких делах. А почему я так уверен в том, что это импровизация? Вот почему: сочиняя на ходу, капитан вынужден был пользоваться только своей памятью, и в ней сохранились такие вещи, как сельхозрейсы в шестнадцатый сектор. А на самом деле снабжение этих миров извне было закрыто восемь лет тому назад, когда последний из дотировавшихся миров этого сектора — Тернара — вышел на самообеспечение.

А из этого следует еще одно любопытное заключение. А именно: всякий капитан торгового космофлота — хоть разбуди его среди ночи после большой гулянки — не задумываясь скажет, что куда возят и что — не возят. Это у них всегда в оперативной памяти, поскольку борьба за фрахты между кораблями таких колоссов, как «Астрокар» и «Транскерн», не утихает ни на минуту, и не только суперкарго, но и самим капитанам приходится суетиться. Все они знают. А капитан Ступ, оказывается, не в курсе. Что же он, в таком случае, за торговый капитан? Ну, что капитан, это скорее всего соответствует, хотя гарантии и тут нет. А вот что торговый?..

Ну-ка, не поленимся...

— Люча, будь добра, вытащи у себя действующий «Кто есть кто среди звезд». И поищи там капитана Ступа. Раздел «Торговый флот», «Астрокар». Вообще любого Ступа, может, он не обязательно капитан.

— Ты думаешь, что...

— Думать не запрещается. И строить гипотезы, даже и сумасшедшие.

— Минутку...

Краем глаза я видел, как по дисплею информатора Лючаны скользили имена и звания.

— Ты не ошибся с фамилией? Как она правильно пишется?

— Как читается. Посмотри в их визитке.

— Уже попыталась, но... Куда ты ее загнал, умник этакий?

— И не трогал.

— В записи нет никакой визитки. Словно и не было.

— О господи! — только и пробормотал я. — Ты совсем разучилась. Ничего, это восстановится. Дай-ка я.

Потребовалось около двух минут, чтобы я убедился в правоте Лючаны: от полученных с «Барона» текстов не осталось ничего. Ни бита.

— Ну что, убедился?

— Ты права, — пришлось мне признать. — В очередной раз.

— Наконец-то ты понял. Что это, по-твоему, может значить? Сбой в нашей аппаратуре? Но в таком случае...

— У нас все в порядке. Тут возможно только одно: тексты были запрограммированы на самоуничтожение после определенного времени, установленного отправителем.

— Зачем?

— Мало ли может быть причин. Но, скорее всего, чтобы у адресата не оставалось никаких доказательств того, что был такой обмен посланиями и даже что встреча вообще состоялась.

— Ну, — сказала она, — в бортжурнале все зафиксировано.

— Вернее — должно быть записано. Однако если для них это почему-то имело такое значение... Да что гадать: проверим.

Я загрузил последнюю страницу журнала, который заполнялся не экипажем, а самим «Триолетом»; в него поступали и в нем хранились все сведения о рейсе — каждое изменение скорости и направления, все остановки и продолжения пути, отправленная и полученная любым способом информация — и все такое прочее.

— Полюбуйся, — сказал я ей, когда последние записи возникли на мониторе.

— Вот так раз! — молвила Лючана, даже не очень удивленно. — По записи, мы вошли в узел, уравновесились, перестроились на новый вектор — и продолжаем тут висеть. Все верно, но ни встречи, ни обмена, выходит, не было? Слушай, может, мы с тобой и в самом деле — того?..

И она покрутила пальцем у виска.

— Если бы, — сказал я. — Ну, так что там у тебя со Ступом?

— Извини. Я сейчас. Идет поиск. Ага! Найдено. Он... Да что это такое! Что за идиотский день сегодня!

— Чем тебя обрадовали?

— Был такой капитан — в космотории Инары, на внутрисистемных трассах. Да только он уже тридцать лет как помер. От старости. Место захоронения тебе нужно?

— Обойдусь. Зато место воскрешения могу назвать и сам: вот этот узел. И дата — сегодняшний день.

— Поняла.

— Ну, раз мы это выяснили, давай поищем в анналах транспорт «Барон Фонт» — «Астрокар», Солана; и когда мы его не обнаружим...

— А вот и нет! Нашла!

— Вот как! Приятно слышать. Ну, и что там о нем?

— Так. Только не Солана, а Армаг. Посадочный танкер, собран на орбите пятнадцать лет тому назад, дальнодействие — неограниченное, использовался на трассах — Первый-Шестой и Восьмой-Двенадцатый секторы Федерации... А, вот интересное: пропал без вести пять лет тому назад, совершая заказной рейс на... Слушай — на Ардиг! Розыски не дали результатов.

— Есть какие-нибудь подробности об этом последнем рейсе?

— Здесь — нет и не должно быть. Они могут найтись в годовом отчете «Астрокара» за тот год. Поискать?

— Сейчас не станем тратить время. Давай лучше обсудим ситуацию.

— А что тут обсуждать?

— Хотя бы то, почему мы остались целыми и невредимыми, хотя у встречного были все возможности уничтожить нас на месте?

— Интересно. А зачем им это? Из любви к искусству? Мне уже страшно: встреча даже не с пиратом, а с кораблем-маньяком, скитающимся в Просторе с единственной целью: уничтожать всех встречных и поперечных. Ничего себе! Даже дух захватывает! Слушай, что у тебя за всплеск фантазии? Из чего ты делаешь такие выводы?

— Из того, что встречный накормил нас липовой информацией. У нас все уши в лапше. И, кроме прочего, настоятельно рекомендовал не соваться на Ардиг, лучше вообще к нему не приближаться — так я понял его добрый совет. А это, если верить моему опыту, говорит о том, что там что-то не так.

— Ты считаешь? — поинтересовалась Люча вроде бы задумчиво.

— Больше того: уверен. И потому выношу на обсуждение вопрос: может быть, последовать его совету и в самом деле поискать подальше закоулок? Потому что отдых, как я его понимаю...

— Стоп, — прервала Лючана. — Лучшим отдыхом, как известно, является смена занятий. А мои соображения такие: Ардиг тут вовсе ни при чем. Занюханный окраинный мирок. Да если бы на его счет имелись какие-то подозрения, разве Иванос стал бы советовать нам...

— Твоя позиция ясна, — признал я. — Ты за то, чтобы продолжать движение запланированным курсом.

— Да. Хотя бы ради того, чтобы понять, как обстоят дела в действительности. Если их космопорт на самом деле закрыт, спокойно уйдем обратным курсом и примемся обсуждать — под каким солнышком и на каком песочке станем нежиться. А пока у нас — только предположения, которые могут и не оправдаться.

Слушая Лючану, я внимательно смотрел на нее, и от меня не ускользнул хорошо знакомый огонек, снова — после перерыва — загоревшийся в ее глазах. Когда она входит в такое состояние, дискутировать с ней себе дороже.

— Люча, — сказал я как можно спокойнее, — в конце концов, мы пустились в этот полет потому, что тебе — тебе, а не мне — нужно было сменить обстановку. Иными словами, ты заказала музыку. Ладно, давай ее послушаем — может быть, она окажется не самой плохой на свете.

— За что я люблю тебя, — заявила в ответ Лючана, — это за мягкость твоего характера. За сговорчивость. Давай, милый, разжигай керосинку.

— «Триолет»! Мы готовы к разгону! — доложил я, и наш виртуальный капитан подтвердил, что сообщение принято.

4

*«Простор **0189+ Генерал-максимату Системы «Сотворение».*

Докладываю: военный разведчик с Теллуса встал на вектор 00Х. Предполагаю несанкционированный визит. Принял меры к предотвращению. Остальное на ваше усмотрение. Продолжаю движение по схеме без коррекции. Уровень безопасности сохранен. Шкип 0 189».

*«Шкиперу **0 189 — Система «Сотворение».*

Сообщение принято к сведению. Принимаются меры предосторожности. Спокойного Простора. Генерал-максимат Системы».

5

«Триолет» подтвердил, что моя команда им принята, пообещал продолжение полета и умолк. За этой отмашкой должны были последовать действия. Их не произошло.

Вернее, не совсем так. Что-то случилось. Но вовсе не то, чего я ожидал и что должно было происходить, будь у нас все в порядке.

А случилось вот что: возник раздрай между обстановкой, в которой мы находились согласно показаниям всего приборного иконостаса, и той, какая напрашивалась, если верить собственным чувствам.

Все как один индикаторы указывали, что корабль выполняет заданный маневр, покинул узел и разгоняется по вектору с нормальным ускорением. Иными словами — что все в полном порядке. Все как один, похоже, врали хором и весьма согласованно.

А что они именно врут, проистекало из свидетельств, самое малое, двух органов чувств, подкрепленных показаниями пусть и немногих, но зато, так сказать, независимых очевидцев.

Первым оппонентом приборам выступил мой собственный организм. Его ощущения. У меня нет такого опыта жизни в Просторе, который позволял бы моему телу со всеми его системами не ощущать разгонного ускорения, даже будь оно достаточно мягким. Может быть, конечно, профессиональные Орлы Простора, но даже от них мне никогда не приходилось слышать о таком, наоборот — не раз они высказывались в том смысле, что было бы очень неплохо пересмотреть физику именно в той ее части, которая ведает инерцией. Но даже в сопространстве, то есть в Просторе, масса оставалась массой и воспринимала ускорение с таким же неудовольствием, как и в любом другом месте.

Так вот, если верить приборам, я должен был бы сейчас испытывать очень неприятные ощущения из-за все нарастающего ускорения; должен был бы — потому что пилотские кресла в значительной мере компенсируют влияние ускорения на организм, но уж никак его не отменяют, к сожалению. Я должен был — но не испытывал. Ни малейшего. А при расхождении показаний прибора и собственного ощущения я все-таки предпочитал всегда верить ощущению. Тем более что — я убедился в этом, легко повернув голову, — и Лючана испытывала, а вернее — не испытывала никакого неудобства и лишь, в свою очередь, смотрела на меня, высоко поднятыми бровями выражая удивление.

То была оппозиция приборам за номером первым. Вторая же — и не менее убедительная — заключалась в том, что выброшенный нашим капитаном «Триолетом», как это всегда делается в узле, репер (он нужен в первую очередь для того, чтобы легче было удерживать корабль в нужной точке, потому что порой какие-то еще как следует не объясненные силы вызывают здесь нечто вроде дрейфа, пусть и небольшого) по-прежнему висел там, куда был определен, убедиться в этом было легче легкого — стоило только взглянуть на экран. А ведь начни мы действительно движение, эта штука была бы втянута в ту нишу, где она и пребывает большую часть времени. Репер, или, как иногда его называют, якорек, — вещь достаточно дорогая, и сорить ими, оставляя в каждом узле, который посещаешь, слишком накладно. «Триолет» не подобрал его — и, значит, реальное движение и не начиналось, и даже подготовка к нему не была завершена, хотя «Триолет» через приборы старался, кажется, убедить нас в обратном.

— Похоже, у нас проблема? — не выдержала молчания Лючана. — Сбой?

— Скорее всего, так и есть, — ответил я.

— Зависли в узле?

— Можно назвать и так. Но лучше определить как временный отказ управляющей системы.

— Почему он возник? Плохо настроили?

— Не думаю. Это все-таки корабль Службы.

— Тогда что же?

— Выясним. Подозреваю, что наведенная дезинформация.

— Объясни членораздельно, — потребовала она.

— Ну, как тебе сказать... А вот сейчас покажу. Ты хорошо сидишь?

— Нормально, как полагается.

— Не меняй положения. Пожалуйста.

— А ты... Постой! Что ты собираешься делать?

— Всего лишь провести маленький опыт.

Говоря это, я расстегнул страхующую систему моего кресла. Выждал секунду-другую. У нас ничего не случилось, приборы продолжали показывать разгон по вектору. И все же

что-то стало не так. Ага, вот оно: якорек больше не виднелся в уголке экрана. Значит... Все правильно.

— Держись, — сказал я Лючане — просто так, чтобы приободрить ее. И, прочно утвердив ладони на подлокотниках моего кресла, стал медленно выжиматься, отрывая свое седалище от сиденья — а значит, и от всех расположенных в нем датчиков. Если мои предположения...

Дзеннн!..

Колокольным басом мое кресло отозвалось на последовавшие события. А именно — на то, что меня с немалой силой швырнуло на то место, от которого я только что оторвался. Хорошо, что я был к этому готов. Меня впечатало в спинку и в само сиденье, и это было то самое воздействие силы инерции, которого нам так не хватало. Машина прямо-таки рванулась вперед. И тут же движки отключились: это был лишь разовый импульс.

Я представил себе, как выглядел бы сейчас, если бы действительно встал с кресла, а не симулировал это вставание. Скорее всего, я сейчас стекал бы с задней переборки, в которую меня крепко, от души, впечатало бы.

— Все в порядке, — торопливо проговорил я, чтобы предотвратить возможные высказывания со стороны моей жены. — Просто надо было убедиться...

— В чем, олух ты этакий! Ты...

Свобода слова — великая вещь. Но все великое утомляет.

— Я ведь сказал: все в порядке. Надо же было выяснить — как далеко заходили их пожелания: только ли предупредить или поступать круто. Второй вариант выглядит более убедительным.

— Ну, и что теперь? Ты видишь какой-нибудь выход?

— Очень простой. Простой — не значит легкий.

— А именно?

— Спокойно обождать. У них было слишком мало времени и возможностей, чтобы засорить комп серьезно. Скорее всего, большая часть того, что они нам отправили, застряла в наших фильтрах. А прошла вот эта симулятивная программа и второе — быстрый старт в мгновение, когда кто-то из экипажа находится вне страховки. Но «Триолет» — сильная машина, судя по тому, что нам говорили. И наверняка уже копается в себе, ищет причины.

— Покушение на убийство! Ты это хотел сказать?

— Ну, можно сформулировать и по-другому: предупреждение, что играют они тут по-крупному. Ставки серьезные.

— Кто они?

— Наш встречный купчик во время обмена посланиями. На совершенно других частотах. С этим «Триолет» разберется.

— А если нет?

«Сбой устранен. Продолжаю движение. Все по местам!»

Нет, все-таки не такой уж плохой у него голос, честное слово.

6

События ближайших нескольких часов вряд ли заслуживают серьезного упоминания. В нашем с Лючаной полете больше никаких происшествий не наблюдалось, никто не повстречался по дороге — может быть, потому, что мы больше не проходили ни через какие узлы.

Расчет мой на компьютерный инстинкт самосохранения оказался верным. И когда мы, совершив выход, оказались в привычных трех измерениях, я (хотя и не сразу) с удовольствием услышал доклад «Триолета» о том, что он в полном порядке. Мне был даже представлен подробный перечень операций по обнаружению и удалению вирусов; я сохранил его, полагая, что после возвращения на Теллус этот материал сможет пригодиться Службе, — получится, что они гоняли свой кораблик не совсем из чистого человеколюбия.

«Триолет» восстановился очень кстати: собственно, самая замысловатая часть полета только сейчас и начиналась. После того как мы вывалились из Простора, удалось, пусть и не сразу, отыскать Ардиг, до которого оставалось еще примерно около пяти миллионов километров. Вирт-капитан не стал сразу же приближаться к нему, но лег на орбиту выжидания. Я было совсем обрадовался, решив, что он намерен просто совершить посадку, предварительно найдя соответственно приспособленное для финиша место (подразумевался космодром), избегая при этом сближения с другими телами, находящимися в припланетном пространстве (имелись в виду возможные спутники, другие корабли, космический мусор естественного и искусственного происхождения), и в процессе выполнения посадочного маневра обшаривать и анализировать эфир по всему диапазону частот, какие находились в широком обороте. С орбиты мы сошли очень плавно, потом «Триолет» изменил плоскость нашего обращения вокруг Ардига с экваториальной на почти полярную, обеспечивая таким образом минимальную вероятность встреч с телами, что могли бы представлять какую-то опасность. Прошли часы, прежде чем мы приблизились к планете на расстояние, с которого уже можно было рассчитать и выполнить посадочный маневр. Поверхность Ардига была примерно на три четверти закрыта облаками, а там, где их не было, просматривалась только вода. Похоже, ее в этом мире хватало, так что купальный сезон получится удачным — такая мысль промелькнула в голове, когда «Триолет» после восьмого витка на предпосадочной орбите доложил:

«Не обнаружено никаких признаков приемных сооружений».

То есть космодрома он не нашел. Скорее всего, это означало, что столь полезное хозяйство и на самом деле закрыто и потому не подает никаких сигналов, какие обычно дают возможность посадить корабль именно туда, куда следует. Полу-

чалось, что встреченный нами «Барон» не соврал, предупреждая? А как же...

Додумать я не успел, потому что последовал новый доклад:

«На всех общих частотах идет предупреждение: «Ввиду неблагоприятных погодных условий посадка кораблей запрещается вплоть до улучшения обстановки. Последствия предпринятых попыток квалифицируются как неоправданный риск».

Иными словами — за жизнь нарушителей планета ответственности не несет. Что же, все очень логично и законно. Разумеется, по хорошей космической практике мы должны были запросить разрешение. Но на сей раз получили отказ, так сказать авансом, и это освобождало нас от такой необходимости. Хотя, с другой стороны, и как бы ставило нас (если мы все же попытаемся снизиться) вне закона.

Наша высота над поверхностью пока еще была такой, что мы находились в открытом пространстве; граница между открытым и суверенным пространством пролегает на расстоянии тысячи километров от поверхности, так что мы могли крутиться здесь невозбранно — до посинения. И пока еще я не принял окончательного решения, что предпринять дальше: над этим следовало основательно пораздумать, потому что от него могло зависеть очень многое.

Однако мое мнение тут никому не было нужно.

«Людям занять места. Включить страховку. Приготовиться к посадке на планету. Начало маневра через тридцать секунд. Начинаю отсчет».

Тридцати секунд мне хватило, чтобы задать вопрос самым негодующим тоном:

— Эй, «Триолет», что это ты себе позволяешь? Без нашего согласия...

А ему их же хватило, чтобы ответить:

«Начинаю выполнение главной программы».

Дальше пошли мелькать надписи на нижнем табло:

«Источники видимого света убраны».

Это проще всего.

«Загружена подпрограмма «Незримость».

Что, черти бы всех их взяли, за сюрпризы?

— «Триолет», но мы еще не решили...

«Второй слой поглощения активизирован».

Пришлось напрячь память. Ага. Под внешним корпусом корабля лежит слой сложного высокомолекулярного полимера, способный после активизации полностью поглощать тепловое излучение, поскольку в нем начинается реакция, требующая для своей реализации очень много тепла. Реакция эта протекает не менее часа — и, значит, именно столько времени нас невозможно будет увидеть в инфракрасном диапазоне. На жаргоне Простора слой этот называется одеялом. О чем «Триолет» мне

и сообщил. А что касается нашего с Лючей решения — вирткапитан дал ясно понять, что оно здесь всем до лампочки.

Ну-ну. Очень весело. И захватывающе.

«Первый слой поглощения активизирован».

А это уже не одеяло, а покрывало. Этим веществом корпус обработан снаружи, и когда «покрывало» включается в работу, то начинает поглощать каждый квант видимого света, все равно — от далекой звезды или от бьющего в упор прожектора. А также — что весьма важно — и от радарных частот. Покрытие тоже выдерживает час даже очень сильного облучения, и на эти шестьдесят минут мы становимся абсолютно черным телом.

Но этими программами вовсе не исчерпывается набор, которым космическая разведка наделяет свои корабли. Сейчас, если я правильно помню, должен последовать... Ага, вот и он:

«Терц-защита приведена к бою».

Кому только пришло в голову назвать ее так? Какому-то поклоннику древних мушкетеров, не иначе. Терц — третья защита в фехтовании, а всего их там шесть. И на разведчиках эта защита тоже третья по счету. Она как раз ничего не поглощает, наоборот — отражает все. Но не как попало. Когда она начинает действовать, корабль окутывает себя еще одной оболочкой — мощным полем, заставляющим падающие на корпус лучи не отражаться и не поглощаться, но огибать его, как бы скользя по этой оболочке, а миновав ее — снова возвращаться на первоначальное направление. Просто черное тело было бы легко различимо на звездном или любом другом фоне; так что только терц делает корабль по-настоящему невидимым. Вообще-то применение терца практически делает «покрывало» ненужным, но третья защита принята на вооружение относительно недавно, бывает, что она по каким-то причинам начинает сбоить, и это создает эффект праздничного салюта, фейерверка, веселого, но только не для пилотов корабля. Поэтому до сих пор предписывается применять терц и покрывало параллельно — для страховки.

Теперь мы, кажется, подстраховались. И сейчас «Триолет» объявит еще о каком-нибудь волшебстве из его арсенала. Ну вот и оно:

«Двойник в стартовой готовности».

Я не сразу усек, что речь шла о фантомном двойнике нашего корабля, на самом деле являющемся лишь компактной схемой, а на жаргоне «кварковиной», способной, будучи выброшенной в пустоту, создать там очень реалистическое изображение оригинала, причем не только видимое, но и обладающее точно такими же характеристиками, включая и гравитационную, и магнитную. У нас же на борту включится антиграв — но только на минуту, иначе весь расчет посадки нарушится. Что же касается магнитного поля, то его полная компенсация связана с чрезмерным риском: бывает, хотя и не всегда, что включение магнитной

маскировки приводит к сбою в работе компьютеров, а остаться без их помощи в процессе посадки я не пожелал бы и врагу. Кварковина сможет создавать образ нашего корабля не более тридцати минут подряд — на большее ей не хватит энергии, понадобится время на подзарядку. Но мы за это время должны уже опуститься на поверхность, желательно в безопасном месте, по-прежнему невидимые ни глазами, ни приборами. Что там на табло?

«Препятствий к совершению посадки не установлено».

Ну, хоть на том спасибо.

«Четыре, — сказал «Триолет». — Три. Два. Один. Спуск».

На мгновение закружилась голова: включился антиграв. Где-то под ложечкой возникла тоска. Погасли все экраны, выключенные, как и положено при соблюдении режима скрытности: минимум излучаемых частот. Минута легкой вибрации. Приборы по-прежнему работают, и по ним можно понять, с какой скоростью мы сближаемся с поверхностью, как греется обшивка и надолго ли хватит защиты-два, а главное — подвергаемся ли мы преследованию. Но приборы дают только цифры, а мне хочется видеть своими глазами...

— «Триолет», экраны!

Экраны засветились. Но увидеть удалось не так уж много. Потому что мы садились на ночном полушарии и под нами никаких огней не было — как, собственно, и должно быть на планете, не имеющей населения. И лишь дальномер показывал, что мы уже совсем невысоко. «Триолет» включил торможение антигравом — бесшумное, беспламенное, скрытное. Доложил:

«Скорость снижается по расчету посадки на поверхность первой категории. До соприкосновения пятнадцать секунд. Четырнадцать. Тринадцать...»

— «Триолет», что такое «поверхность первой категории»?

«Девять. Восемь. Включаю страховку на максимум».

Ого! Основательно нас прижало. Компенсаторы кресла надулись. Никогда мне не нравились эти последние секунды: чувствуешь себя как спеленутый новорожденный, можешь только орать. Хорошо, что...

«Четыре. Три. Два. Один. Контакт! Просьба не покидать кресел до окончания анализов окружающей среды».

Даже не тряхнуло. Но мы послушно остались на местах, переводя дыхание, сбившееся, наверное, главным образом от волнения, неизбежного, когда завершается любое, пусть даже самое заурядное путешествие. А назвать таким наше язык не поворачивался. Анализаторы работали вовсю, программа «Незримость» закрылась — все равно, судя по экранам, вокруг была ночь, да и видеть нас вроде бы некому. Так что спешить нам некуда: вполне разумным было бы сейчас залечь в койку, а наружу выйти (если, конечно, не будет никаких препятствий) уже утром, при солнечном свете. Но мы оба понимали, что не утерпим, что

хоть на минуту-другую, но выйдем, чтобы ощутить себя вне замкнутого корабельного пространства, вдохнуть природный воздух, почувствовать, как пахнет эта планета, как звучит ее ночь, — кстати, мы ведь даже не знаем, какова тут жизнь, что растет, что бегает, ползает, летает...

«Исследование окружающей среды завершено. Препятствий для выхода за пределы корабля не имеется. Напоминаю о необходимости выполнения обычных правил безопасности и сохранения окружающей среды».

Люча среагировала быстрее моего. Отключила страховку. Вскочила.

— Ты что, уснул? Вставай скорее! Пошли!

Я тоже встал. И насторожился: палуба под ногами тонко, едва уловимо, но все же завибрировала.

— «Триолет», в чем причина вибрации?

«Производятся обычные работы по укреплению корабля на грунте».

А, ну это ладно. Ничего страшного или необычного. Что же, и в самом деле пришло время глянуть на мир, в котором мы еще никогда не бывали.

7

Люк открылся, одновременно выдвинув трап, и мы с Лючаной, самую малость помедлив в открывшемся тамбуре, спустились, чтобы оказаться под ардигскими звездами.

На них мы почему-то и посмотрели в первую очередь — как если бы хотели увидеть след, оставленный в воздухе нашим кораблем. Но следов — я имею в виду видимые — не осталось. Разумеется, чаша небосклона была черной, звездный узор, конечно, нимало не напоминал ни самый привычный, теллурианский, ни созвездия, виданные на других мирах, и взгляды наши напрасно старались прочертить в этой черноте знакомые линии. Возможно, ярких звезд было несколько меньше, чем на Теллусе, но были они крупнее.

Поверхность вокруг нас казалась ровной, а когда мы ступили на нее, под ногами что-то захрустело: какая-то растительность, трава, скорее всего, но непривычно ломкая, невысокая — сантиметров двадцати, пожалуй. Воздух был чистым, никаких промышленных запахов, хотя на вкус отличался от земного, в нем имелся какой-то нюанс, неопределимый просто потому, что не походил ни на один из знакомых нам запахов. Его нельзя было назвать приятным или неприятным, просто он был чужим, однако, судя по данным анализов, не представлял для человека никакой опасности. Было тепло и тихо, видимо, ночью все живое тут отдыхало — ни ночных птиц, ни насекомых, ни шелеста проползающего пресмыкающегося — не говоря уже об антропогенных шумах; долгожданный покой.

Слева, за далеким горизонтом, что-то едва заметно розовело, какой-то свет — скорее всего, лунный. Мы помнили, что Ардиг обладает двумя естественными спутниками, неожиданно крупными — дальний был размером с нашу Луну, ближний чуть побольше. Интересно было бы дождаться их восхода, но мы вдруг почувствовали усталость, ничуть не удивительную: все-таки какое расстояние большое отмахали! И даже не без приключений — которые, впрочем, вряд ли имели какое-то отношение к Ардигу: таким безмятежным представился нам этот мир. Пожалуй, не очень-то захочется улетать отсюда. Да, собственно, никто и нигде нас не будет ждать. Вот и «Триолет», похоже, решил осесть тут надолго; такая мысль возникла у меня, когда я, повернув голову, глянул на ближайший ко мне якорь — массивный архимедов винт, один из четырех одновременно ввинчивавшихся в не очень податливый, судя по звуку моторов, грунт.

Ну что же, с утра начнем переселяться на природу, раскинем свой лагерь, поищем, где тут ближайшая вода, помнится, что-то похожее промелькнуло на экране, когда мы садились. А если не найдем, придется «Триолету» вывинчиваться и перенести нас поближе к волнам, на морское побережье — то, которое ясно обозначалось на карте у Иваноса. Одним словом — солнце, воздух и вода. И любовь, конечно.

— Поздравляю с прибытием, Люча, — сказал я ей. Она обняла меня, и мы поцеловались. Одновременно повернулись, плечо к плечу поднялись по трапу, и люк затворился за нами, гарантируя неприкосновенность во время сна.

8

«Главная база Системы. Генерал-максимату Изоду.

Докладывает командир эскадрильи перехвата и защиты Первый медиат Ущорп. В соответствии с полученным предупреждением барражирование на границах суверенного пространства усилено вдвое. Появление неопознанного корабля класса «Всестихийный» зафиксировано в один час пятьдесят две минуты местного времени. Как вы и приказывали, наша эскадрилья себя не обнаруживала и лишь отслеживала движение объекта, что, однако, удалось лишь до его вхождения в средние слои атмосферы, после чего объект скрылся из виду, вероятно при помощи какого-то неизвестного нам способа. Вторично был обнаружен на значительно большей высоте, почти на границе суверенной космотории, и, по нашим наблюдениям покинув прилегающее к планете пространство, ушел, ускоряясь, вероятно, для перехода в Простор, что подтверждается видеозаписями и непосредственными наблюдениями участвовавших в маневре экипажей. Прошу поощрить участников успешной операции согласно прилагаемому списку. С вечным почтением 1-й м-т Ущорп».

«Генерал-максимат Системы «Сотворение» Изод. Всем.

Довожу до всеобщего сведения доклад эскадренного медиата Ущорпа по поводу обнаружения на приграничной орбите неизвестного пространственника класса «Всестихийный». Считаю, однако, своим долгом предупредить всех о том, что одновременно с проведением указанной операции внешней станцией слежения зафиксировано соприкосновение с поверхностью массивного тела. Астрономические службы не отметили сближения с Ардигом каких-либо небесных тел подобного класса, способных при падении вызвать волну с такими характеристиками, какие были станцией отмечены. Не исключается возможность того, что нарушитель все же совершил посадку, предварительно симулировав свое бегство. Поэтому рекомендую в ближайшие часы начать стандартную операцию «Поиск» как в координатах, в которых случилось происшествие, так и в соседних районах. Особую бдительность проявить эскадрилье перехвата и лично Первому медиату Ущорпу.

Подписал: Генерал-максимат Системы Изод».

Продиктовав это сообщение, генерал-максимат приказал:

— Лучшего агента внешней безопасности — ко мне! Кто у нас сейчас лучший?

— Медиат второго градуса Маха, несомненно.

— Ну да, я так и думал. Немедленно!

Когда женщина вошла и представилась, максимат позволил себе секунду-другую полюбоваться ею, прежде чем сказать:

— Вы — старшая группы?

— Старшая пары, генерал-максимат.

— Ваша пара получает специальное задание.

— Внимательно слушаю.

— С этой минуты... Простите.

Последнее слово было неожиданным и вызвано было тем, что зазуммерил иннерком. Маха сделала движение к двери, генерал-максимат покачал головой, как бы показывая, что от нее секретов нет.

«Генерал-максимат, заложники застигнуты при попытке выйти на связь при помощи самодельной схемы. Схема изъята. Какие будут распоряжения?»

— Охрану усилить, на три дня лишить горячего, предупредить о строгих мерах при новых попытках нарушения режима.

«Слушаюсь, генерал-максимат!»

— Еще раз извините, медиат!

На этот раз генерал-максимат вызвал нужную службу сам:

— Сектор связи? Приказываю: немедленно создать защитный кокон вокруг планеты. Чтобы ни единого бита не могло выйти из этого мира или попасть в него. Вопросы?

«Так точно, есть. Как в таком случае быть со связью с танкерами?»

— Навозники ходят по графику. Будете открывать канал в соответствии с ним.

«А относительно особых рейсов?»

— Вы же знаете: до прибытия особого — четверо суток. Откроете, как только он выйдет из Простора, вам будет сообщено точно.

«Слушаюсь, генерал-максимат!»

— Наконец-то можно поговорить, — сказал затем генерал-максимат. — Итак, вы, я полагаю, в курсе того, что к нам снова наведался чужой разведчик. Похоже, они там хотят увеличить число заложников — что же, милости просим. Задача: немедленно обнаружить место посадки, наличие людей, произвести их задержание, вызвав в случае надобности подкрепление. Все это выполнить сегодня. Есть вопросы?

— Вопросов нет, генерал-максимат.

— Выполняйте.

Глава третья

1

И в самом деле, пришла наконец пора увидеть новый для нас мир собственными глазами при дневном свете. И мы его увидели, выйдя из корабля уже опробованным ночью способом.

Однако, увидев, мы его не узнали. Он оказался — а точнее, стал — совсем другим.

Если ночью под нашими ногами слегка похрустывала трава — или что-то иное, занимающее тут эту нишу, — то сейчас затруднения возникли уже в самом начале: даже сойти с трапа оказалось делом не таким уж простым. Потому что вокруг встали непроходимой или почти непроходимой чащей совсем другие растения, по своим размерам вполне достойные того, чтобы называться деревьями. Они напоминали пальмы: имели голый ствол, и лишь на высоте метров полутора начиналась крона — множество тесно сидящих длинных и узких листьев, сильно смахивающих на удочки рыболовов. Гладкие, без всяких прожилок, настолько, видимо, тяжелые, что не устремлялись вверх, к свету, они как бы бессильно свисали, кончиками едва не касаясь грунта, а вернее, травы. Ночью тут ничего похожего не было — но рассудок отказывался допустить, что эта чаща, простиравшаяся сейчас на сколько хватал взгляд, возникла тут за считаные часы. Скорее уж можно было поверить в то, что «Триолету» вчерашняя точка посадки почему-то не понравилась и он, пока мы спали, перелетел на другое место, гораздо более выгодное с точки зрения маскировки. Да и растения эти давали прекрасную тень, а уже сейчас, утром, термометр обещал, что, когда день наберет силу, тень окажется здесь вовсе не лишней. Так или иначе, какая-то загадка тут была. В та-

ком лесу могли обитать самые неприятные для общения твари, появившиеся вместе с деревьями неизвестно откуда; да если даже их не было — растения порою и сами бывают хищными, а справляться с ними порой не легче, чем с самым зубастым зверьем.

Кроме того, был тут еще и ветер, который ночью не ощущался; не очень сильный, я бы даже сказал — ласковый ветерок, к тому же (приятный сюрприз!) явственно пахнущий морем. Это наверняка свидетельствовало о том, что та стихия, по которой мы оба истосковались, располагается достаточно близко к нам и затруднений в ее достижении вряд ли окажется много.

При виде происшедшей метаморфозы мы с Лючей задержались наверху несколько дольше, чем стоило бы, потому что это зрелище в первые мгновения нас даже несколько ну не то чтобы испугало, но, во всяком случае, смутило. Поскольку если ночная трава (она, кстати, никуда не делась, даже подросла примерно до полуметра и продолжала занимать все пространство, свободное от деревьев) и не наводила на мысли о необходимости вооружиться, то лес заставлял думать именно о таких мерах предосторожности. Однако, к нашей чести будь сказано, нам и в голову не пришло отказаться от мысли об устройстве лагеря — правда, не так далеко от корабля, как мы решили было ночью. И, наполнив, как говорится, новым зрелищем свои взоры, мы решили сразу же после завтрака перейти к делу.

— Выгружаемся, Люча. За работу, красавица моя: желанный отдых ожидает нас!

2

Она только кивнула, и следующие полчаса ушли у нас на выгрузку курортного снаряжения. В него входила хорошая надувная палатка с таким же полом и надежно закрывающимся (от кровососов) входом, пляжный ассортимент, включавший соответствующую одежду и спортивный инвентарь; на всякий случай (хищные звери, предположим) охотничьи иглометы с оптокварковой котроникой, походная аккумуляторная кухня — заряжать батареи можно было без проблем, пользуясь корабельной сетью, — посуда, стартовый запас еды (предполагалось, что в дальнейшем мы будем добывать пропитание при помощи удочек, которых тоже был полный набор, а при случае используем и игольную стрельбу), пляжная косметика для загара и против него, туалетные принадлежности, а также средства связи, наблюдения и еще легкий ВВ-приемничек. Мы не собирались слушать его постоянно, наоборот, нашим стремлением было как можно надежнее изолироваться от мира; но я решил, что время от времени все-таки придется прослушивать новости — хотя бы для того, чтобы своевременно услышать о конце света, когда он наконец наступит.

Далеко нести все это не пришлось хотя бы потому, что вода, предмет мечтаний, оказалась ближе, чем нам показа-

лось при первом взгляде сверху, с площадки. На самом деле берег располагался уже метрах в пятидесяти от нашего корабля, но был отделен от нас уже описанной зарослью, настолько плотной, что, казалось, углубиться в нее было возможно, только прорубая себе путь топорами. Я уже сказал, что и деревья здешние, и трава показались мне необычными, но с ними я решил разобраться позже — из чисто научного интереса. Кто знает, может быть, эти виды неизвестны в цивилизованном мире и я, назвав зелень своим именем, приобщусь к сонму бессмертных. Хотя, откровенно говоря, это меня не очень-то интересовало, в мире было полно более актуальных проблем, а забудут ли люди мое имя или нет — неважно: оно у меня не первое, как и сама эта жизнь, и не последнее, поскольку мне еще далеко до того уровня продвинутости, после которого уже не возвращаются. Остаться человеком — вот что главное в каждой жизни; а среди тех, чьи имена история заносит в свою базу данных, на самом деле очень много таких, кто нынешнюю свою жизнь проживает хорошо если собакой, а скорее — каким-нибудь жуком-навозником. Я понимаю, что множество людей в это не верит, я тоже не верю: вера не нужна знающему — а я знаю. Но это так, кстати.

Отложив исследование ардигской флоры до лучших времен, я разогнул спину, вытер пот, без которого не обошлось, потому что погода была воистину курортной, и сказал Лючане:

— Ну что — переходим на сухопутный образ жизни? По-моему, все необходимое взято и можно отправить «Триолета» на выжидание. Как думаешь?

Она с минуту помолчала, шевеля губами и загибая пальцы, и в результате ответила:

— Ты чувствуешь, какой здесь воздух?

Воздух и в самом деле был, как и ночью, прекрасный, на Теллусе такого наверняка не сохранилось нигде, а может, никогда и не было. Я имею в виду не его химический состав — этим занимался «Триолет» и дал вполне благоприятное заключение, — но какой-то растворенный в нем запах, лучше назвать это ароматом, ни на что известное нам не похожим. Теперь стало казаться, что был он тонким, одновременно бодрящим и расслабляющим, вызывающим желание обонять его еще и еще.

— Воздух упоительный, — продолжила Лючана. — Надо взять образцы для более полного анализа...

— Люча, такой практицизм! Фу!

— Разве плохо было бы создать такой воздух хотя бы у нас дома?

Дома. Впервые за все последнее время она выговорила это слово без горького призвука, и это означало, что моя ненаглядная уже приходит в себя. Начало положено.

— Будь по-твоему. Но для верности все-таки давай осмотримся как следует — по кодексу безопасности.

Вот эта чащоба может таить в себе мало ли что: змеи, клещи, пауки...

— Не уверена: с живностью здесь, похоже, не очень богато. Но, в принципе, ты прав. Только один вопрос: как же ты собираешься туда проникнуть? При помощи топора? Хорошо ли — не успев ступить на берег, сразу же ввязаться в схватку со здешней природой?

Но я успел уже свести знакомство с одним кустом — в такие кусты как-то незаметно превратилась недавняя трава, какая-то дикая сила прямо-таки гнала растительность из-под земли, — с тем, что оказался самым близким.

— Рубить не понадобится. Смотри: они ломаются чуть ли не сами собой, даже двумя пальцами можно расчистить тропку. — Я повертел отломанный отросток в руках. — Знаешь, это не древесина вообще. Зеленая масса, полная сока — или воды...

— Только не вздумай пробовать. И лучше не трогать это голыми руками, ладно? Я предлагаю другой способ: давай прогуляемся по берегу вдоль опушки. Если там, дальше от берега, кто-то обитает, мы увидим какие-то признаки жизни. Какие-нибудь проходы, примятости — даже след змеи можно заметить при тщательном наблюдении. О людях не говорю, их тут нет по определению.

— Ну что же, можем пофланировать, но не очень далеко: скажем, километр в одну сторону, потом столько же в другую. Но сперва я все же разбил бы лагерь; не помнишь из той хилой энциклопедии, сколько здесь длятся сутки?

— Помню. Двадцать часов с минутами.

— Ну вот. Поскольку мы поспали в свое удовольствие, не так уж много времени остается до заката — а ведь мы, судя по карте, в тропическом поясе, так что темнота может наступить сразу. Обустроим дом, а потом уже погуляем.

— Ну, что же, можно и так, — произнесла Лючана тоном, свидетельствующим, что она соглашается лишь ради сохранения семейного мира. Мне это не понравилось.

— Ладно, я передумал. Пошли гулять. Если не будем заходить слишком далеко, успеем засветло вернуться и сделать все необходимое. А ужинать можно и при лунном свете. Его тут должно быть в избытке. Согласна?

Мы скинули с себя полетное обмундирование и облачились в пляжное, сразу почувствовав облегчение.

— Обязательно будем купаться, — заметила Люча.

— Непременно. Вода в этом море, по-моему, теплая.

— Боюсь, что даже слишком. «Триолет» дал двадцать пять градусов. Но это у самого берега, наверное, на глубине будет прохладнее. Что берем с собой?

Вместо ответа я закинул за спину игломет и подпоясался ремнем, на котором висел охотничий нож.

— Не слишком ли?

— Запас мешка не тянет. Советую и тебе.

Поколебавшись, Лючана вооружилась таким же образом, заметив только:

— Шайка перестраховщиков.

— Пусть так — все равно никто не видит, а мне спокойнее.

— Может, ты еще и оперкейс прихватишь?

Я как раз собирался так и сделать, но вовремя удержался. Ох уж мне это женское ехидство!

— В следующий раз — обязательно, — заверил я ее, чтобы сохранить чувство собственного достоинства. — Ну что, робинзонша, тронулись?

И мы медленно зашагали вдоль опушки, стараясь не упустить ни одной детали, которая могла бы дать повод для размышлений.

3

— Стой!

На самом деле Лючана даже не выговорила это слово целиком. Получилось что-то змеиное: «Сссст...», но тем не менее вполне понятное, и я остановился сразу, как если бы наткнулся на стену. И даже не стал спрашивать — в чем дело, потому что увидел и сам. Но только вторым. Поскольку в тот миг смотрел не на заросли, а на воду; она медленно, я бы сказал — вкрадчиво подступала все ближе, и это означало, что идет прилив и, следовательно, мы очутились на берегу моря, а не какого-нибудь озера. Об этом я и думал, когда Люча окликнула меня.

Она, как всегда, оказалась на высоте. Надо было смотреть очень внимательно, чтобы не пропустить мимо сознания совсем небольшой промежуток между двумя кустами; небольшой, но все же выпадающий из того ритма, которому эта растительность как бы подчинялась, располагаясь вдоль береговой линии. Одного куста, пусть и небольшого, тут явно недоставало, и это могло что-то означать, с таким же, впрочем, успехом, как и не означать ровно ничего. И все же...

— Я погляжу, — произнес я одними губами, чтобы не нарушать тишины. — Жди здесь.

И очень осторожно, боком, протиснулся в брешь. Если дальше путь преградит еще одно такое же растение — значит, никакого значения это нарушение однообразия не имело. Если же...

Но первое предположение не оправдалось. Здесь действительно начиналось нечто вроде тропинки. Правда, уже метров через семь-восемь она упиралась в такую же зеленую стенку, какие стояли с обеих сторон. Однако, сделав несколько шагов, я понял, что это был всего лишь поворот, за которым путь уходил дальше. Конечно, это опять-таки было лишь предположением. Если это и был нахоженный путь, то никаких следов на нем, сколько я ни вглядывался, различить было невозможно. Но это меня не

удивило: мы с Лючаной успели здесь уже убедиться в том, что на этой поверхности никаких следов не оставалось, здесь мог пройти человек или целый десяток людей — и все равно тропа выглядела бы первозданно-нетронутой, просто полоска гладкой поверхности между двумя массивами хрупких кустов. И, однако, если что-то напоминает дорогу, то это и следует считать дорогой, пока не возникнут доказательства противного. Дорогой человека или зверя — это еще придется выяснять, как следует приготовившись.

Последняя мысль заставила меня не только сбросить игломет с плеча (это было довольно сложно, потому что не хотелось задевать окружающие кусты: если никто другой не оставил здесь следов, то и мне не стоит нарушать разумную традицию). Сняв игломет, я не поленился даже вложить игольник в магазин — медленно перевел рычаг, чтобы не вызывать лишних звуков. И, кажется, вовремя, потому что услышал хотя и очень негромкий, но все же несомненный шорох, не спереди, правда, а сзади, но это могло быть еще хуже. Пришлось крутнуться вокруг своей оси, одновременно готовясь выстрелить. Но это была всего лишь Лючана, как и следовало ожидать. Да еще и рассерженная.

— Если ты решил уйти от меня, — заявила она (спасибо, что не очень громко), — то мог бы сделать это и дома, не стоило лететь в такую даль.

Между тем я оставил ее на опушке каких-нибудь три минуты тому назад. Воистину долготерпение не относится к достоинствам моей супруги. Но я не стал качать права, а в свое оправдание сказал лишь:

— Хорошо, что ты подошла, я уже хотел позвать. Тут и в самом деле тропа, ты молодец, что вовремя ее заметила. И я думаю, что стоит пройти по ней дальше. Всякий путь куда-нибудь да приводит, верно?

— Здесь душновато, — сказала Лючана в ответ. — И запах сильнее.

И в самом деле, тот легкий ветерок, что непринужденно гулял вокруг нашего корабля, не имел никаких шансов пробиться сюда — тут был полный штиль, и, скорее всего, этим объяснялось и усиление аромата. Может быть, этот кустарник и был его источником? Но сейчас думать об этом мне не хотелось. И вообще ничего не хотелось — разве что... М-да. К тому же мы были в пляжном наряде, а Люча в столь уединенной обстановке всегда предпочитала топлесс. И это вызывало определенные эмоции. Не было необходимости сдерживаться: мы ведь, можно считать, были защищены от чьего угодно любопытства. Так что я положил свободную от игломета ладонь ей на бедро и сказал:

— Может быть, мы немного расслабимся?

— Что бы это ты имел в виду? — поинтересовалась она.

И тут, вместо того чтобы ответить ей, я с маху опустился на колени, затем растянулся на животе.

— Ра! Что с тобой?

— Тсс...

Я полежал так с полминуты. Потом медленно поднялся.

— Голова закружилась?

Я энергично крутанул головой — чтобы доказать, что она не кружится.

— По-моему, я кого-то увидел. Похоже, что тут, чтобы увидеть, надо смотреть низом, между стволами местность просматривается куда лучше, чем на уровне листвы...

— Вообще-то это не совсем листья. Это...

— Неважно. Подробности потом. Так вот, их было двое.

— На кого они были похожи? Млекопитающие? Рептилии?

— Ты будешь смеяться. На нас с тобой...

— Хочешь сказать, что это были люди? Как интересно. Первобытные?

— Ровно настолько, насколько и мы. Во всяком случае, судя по одежде и по тому дистанту, что почудился мне на боку у ближнего к нам парня. Пушка высокой мощности. Кстати, второй в этой паре была, по-моему, женщина. Я, правда, видел их только ниже пояса, но разница бросалась в глаза.

— Ну, конечно, — заявила моя жена неприятным голосом, — если есть хоть малейшая возможность увидеть женскую задницу, уж ты ее никак не упустишь. Найдешь даже на таком вот краю света...

Обмениваясь подобными репликами, мы продолжали осторожно продвигаться по извилистой тропе. Мне было совершенно непонятно, почему она не проложена по прямой: поверхность везде была одинаково ровной. Но, наверное, были какие-то причины...

Мысль не успела развернуться до конца: помешал послышавшийся звук. Я остановился так внезапно, что Лючана налетела на меня и даже зашипела было от гнева, но тут же стихла.

Потому что звук повторился. Несомненный и достаточно характерный звук, услышать который мы, откровенно говоря, не рассчитывали, во всяком случае до последних минут.

Это был не выстрел, как можно было бы подумать. Оба мы услышали громкий и явно мужской голос. В нем звучали раздражение и обида. А чтобы мы не сомневались, он повторился и в третий раз.

— Оружие к бою! — скомандовал я шепотом. — Это впереди. Продвигаемся без единого звука. Стреляем только в случае опасности для жизни. Вперед!

Мы снова тронулись длинными, скользящими шагами, беззвучно ставя ногу с носка на пятку, так что ни один стебелек не хрустнул. «Не надо было, — подумал я, сердясь на самого себя, — принимать во внимание Лючины насмешки, сейчас тут оперкейс вовсе не помешал бы — можно было бы сразу

взять пеленг на источник этого звука, и... Хотя тропа, скорее всего, туда и идет, со всеми ее выкрутасами».

Снова голос, судя по интонациям — не лингал, язык общения в пределах Федерации (то есть практически во всей известной нам части Галактики), но армаг, и, похоже, без акцента. Стали выделяться даже отдельные слова. А вот и второй голос — определенно женский. Диалог на повышенных нотах. Такие разговоры нередко кончаются дракой, может быть, даже нешуточной, с телесными повреждениями, а то и... Того и гляди придется оказывать первую помощь, но аптечка осталась там, в лагере, да и вообще мы не ищем общества и светиться нам ни к чему. Надо же иметь такое хреновое счастье: если на всей планете находится два или три десятка людей, — вахта! — то мы обязательно должны на них напороться!.. Что же там, в конце концов, между ними происходит? И что они тут вообще делают? Если верить имеющимся данным, здесь могут находиться только спецы, занятые на производстве удобрений, но в этом краю никакими предприятиями и не пахнет, девственная природа. А если они не с производства, то что они могут искать тут? Улиток на ужин? Или нас? Что мы предпримем, учитывая, что мы тут в общем-то незаконно, да еще, может быть, и в розыске? Но так или иначе, если там происходит какое-то насилие, мы не сможем не вмешаться...

— Медленно! — прошептал я. — Осторожно. Пригнувшись. По-моему, впереди последний поворот. Я наблюдаю, ты страхуешь.

Добравшись до этого поворота, я выглянул так, как и полагалось: опустившись на грунт и осторожно высунув голову, не поднимая ее. Увидел.

— Ну, что? Что там?

Господи, опять это ее нетерпение. Хотя у нее есть полное право. Я, не оглядываясь, сделал Лючане знак рукой, и через секунду она уже оказалась рядом и точно так же осторожно высунула голову. И чуть ли не расхохоталась, но вовремя придушила этот звук. С первого взгляда было ясно, что в нашем вмешательстве нет и не будет никакой потребности.

— Ра, — дуновением ветерка прошептала Лючана мне в ухо. — По-моему, мы подглядываем. Это нескромно и непорядочно.

Я ответил так же беззвучно:

— С моей стороны — чисто научный интерес. Полезно знать, как делают это люди в таком мире, как Ардиг.

— Ну, я бы сказала, у них все происходит так примитивно...

— Поглядим, как будут развиваться события. Он сейчас явно кинется в атаку — с пикой наперевес.

Снова раздавшиеся голоса, еще более громкие, чем до того, подтвердили мою мысль.

Ах да, я еще не объяснил, что мы увидели. Последний поворот тропинки открыл перед нами небольшую полянку, почти круглую, метров не более пяти в диаметре. И на ней, как

на арене, разыгрывалось действо. Нет, тут не было насилия, во всяком случае, пока, а была лишь вполне, по-моему, заурядная попытка мужчины склонить женщину к интимной близости — так, скорее всего, это выглядело бы в протоколе, который, конечно, вряд ли будет когда-нибудь составлен. Оба участника сцены в тропической полевой, военного типа форме, с некоторыми нарушениями: куртка у мужчины, жеребчика лет двадцати трех — двадцати пяти, распахнута, открывая неплохо развитые мускулы груди и пресса, и у женщины — она выглядит явно постарше, как говорится, в самом расцвете, на неполных тридцать, но интуиция подсказывает, что не менее тридцати пяти. Сладкая ягодка. Неудивительно, что этот ходок так распалился. И снова зазвучали голоса. Уже совсем рядом. Достаточно четко.

Женщина: Идо, неужели так трудно понять? Ничего у тебя не выйдет. Ты, по-моему, перетрахал уже всех баб в Системе, я хочу остаться исключением.

Мужчина, увещевающе: Маха, все из-за твоего упрямства. Все они — сброд, мне на дух не нужны, они сами раскладываются, а я только от обиды... Ну, пожалуйста. Это будет прекрасно, обещаю. Ты не знаешь, каким я могу быть нежным...

Женщина: И знать не хочу. Ты не забыл случайно, что мы на задании? И что до прилива осталось всего ничего? Меньше часа на поиск, а они ведь где-то тут — я их чувствую, только вот ты мешаешь...

Мужчина: Маха...

Женщина, резко: Руки!

Мужчина, видимо, по имени Идо: Ласковая!..

Женщина, она же Маха, повелительно: Минимат первого градуса Идо! Стоять смирно!

Идо: Маха, это же смешно! Убери дистант!

Маха: Невыполнение приказа при нахождении на задании...

Идо: Господи, какая глупость! Ладно, ладно. Но уж как-нибудь...

Маха: Как-нибудь я попрошу генерал-максимата отстранить тебя и с первым же танкером отправить куда подальше. Ну, успокоился? Прекрасно. Пожалуй, мы успеем еще прочесать это направление, потом придется ставить капсулу на ход...

Подслушивать дальше становилось опасно. Несомненно, они искали именно нас. То есть прежде всего корабль. Спасибо здешней флоре: зеленые стволы вымахали уже выше антенны. Казалось просто невероятным, что они могут еще сохранять вертикальное положение: для такого роста они были слишком уж тонкими.

— Ладно. Отходим... — прошептал я, и мы стали медленно отползать от своего наблюдательного пункта. Потому что просто невозможно было позволить, чтобы несостоявшиеся любовники хотя бы заподозрили, что кто-то наблюдает за их нештатным столкновением. Впрочем, на самом деле мы не имели

понятия, как к этому они отнеслись бы: может быть, напротив, им понравилось бы? Потому что не пришлось бы больше нас искать: вот они — мы, тепленькие...

Но, похоже, они все-таки принялись за работу. Поэтому я решил не задерживаться, а со всей допустимой скоростью возвратиться к нашему еще недооборудованному лагерю. Однако у Лючаны неожиданно возникло другое мнение.

— Ра, — сказала она. — Эта парочка ушла и вряд ли вернется.

— Надеюсь, что нет, — согласился я.

— Пусть отойдут подальше. Мы ведь не знаем, по прямой ли, зигзагом или еще как-нибудь они ходят. Обождем здесь, тут наверняка мы не наткнемся на них, а они — на нас.

— Гм... — изрек я задумчиво.

— И потом... тут такое хорошее местечко — уютное, даже, пожалуй, располагающее...

— К чему?

— К тому, — сказала она. — Думаешь, он случайно тут к ней полез?

«Временами, — подумал я, — Люча выражается слишком уж, так сказать, неделикатно. Полез! Могла бы сформулировать и помягче».

— И пахнет как сильно! — добавила она.

Я и сам почувствовал, каким сильным был здесь все тот же ардигский аромат, определенно каким-то образом влиявший на физиологию, если не на психику. И подумал: как бы ни выражалась моя милая, но, по сути, придумала хорошо. В конце концов, мы прилетели отдыхать и, станут нас искать или нет, собирались предаться именно этому занятию, если, конечно, ничто не помешает.

Впрочем, я был сейчас почти уверен, что беспокоить нас не станут. У наших возможных преследователей существовало, как я успел понять, какое-то ограничение во времени. Может быть, им надо было возвращаться на производство, становиться ко всяким станкам и машинам — хотя, скорее, садиться к ним, сейчас уже давно никто не правит вахту на ногах. Прогресс. Так или иначе, у них времени было в обрез, а у нас — хоть завались.

Так, во всяком случае, считал я в те минуты.

4

— Похоже, этот мальчик все-таки был прав, — пробормотала Лючана в полудреме. — Я его понимаю. Давно уже я так себя не чувствовала...

Так прекрасно — вот что она имела в виду. И была права. Вообще, если подумать, за достаточно долгие годы нашего брака таких дней, даже если не полагаться на естественную память, а порыться в летописи, что исправно вели наши мики, найдется в лучшем случае десятка полтора, и они разбросаны по разным годам и месяцам, умещаясь в коротеньких промежут-

ках между окончанием одной операции и началом следующей. Иными словами, из полагающегося вроде бы медового месяца мы не использовали и половины — и вот сейчас возникла возможность разом наверстать все упущенное. Во всяком случае, последний час, проведенный на полянке среди кустарника, на пятачке любви, как уже успела окрестить это местечко Люча, сулил именно такое развитие событий.

Мы лежали обнявшись, отдыхая, наслаждаясь послевкусием любви, теплой тенью от кустов, принимавших на себя удары прямых солнечных лучей, отсутствием кусачих насекомых, некусачих тоже и вообще всего, что могло бы помешать полному и давно желанному расслаблению. Радовавший нас аромат, которым был пропитан воздух, казалось, все усиливался, и я подумал, что вот так можно провести и целый месяц — и этого не покажется слишком много, а смысл жизни заключается именно в таком, отключенном от всего мира времяпрепровождении, когда это самое время даже не замечаешь, оно перестает существовать. Никакие заботы повседневности не отвлекают от простых и глубоких мыслей, которые ощущаешь, хотя и вряд ли можешь выразить словами; не мысли скорее и не просто чувства, а какое-то ощущение, которому нет имени — люди еще не сумели назвать его, а значит — овладеть им, и оно приходит лишь тогда, когда само захочет — как вот сейчас, например...

Словом, такая благодать была вокруг, что даже та частица моего «я», которой полагалось постоянно бдеть, чтобы при малейшем подозрении подать сигнал тревоги, даже эта частица задремала во мне, хотя мое состояние не было медиативным, а только при медитации можно позволить себе такую незащищенность, потому что тогда тебя охраняют другие, куда более могущественные. Но сейчас все вокруг так и источало волны мира и надежности, и я вслед за Лючей забылся в редком и чудесном ощущении счастья.

Забытье было невероятно сладким, какое возникает, наверное, лишь у детей, еще не научившихся разграничивать себя от остального мира, и мы были сейчас как дети, к тому же нас еще и стали покачивать (почудилось мне), медленно, плавно, усыпляя, как если бы мы оказались вдруг в колыбели. И это сопровождалось песней, колыбельной песней без слов, но с очень выразительной, ласковой мелодией. В таком состоянии наши тонкие тела могут покинуть плоть и пуститься в мгновенный облет Вселенной, наслаждаясь чувством полной свободы и единения со всем высоким, чем наполнен обычно не воспринимаемый нами мир...

...Комаров здесь, как уже сказано, не было, но что-то начало вдруг противно зудеть, колоть и помешало совершенно раствориться в качающемся мире. Лень было пошевелить рукой, чтобы отогнать это «что-то», к тому же руки мои обнимали Лючану и им очень не хотелось делать что-нибудь другое. Я все-

таки заставил одну оторваться от теплого и родного тела жены и изобразить пару вялых движений в воздухе. Зудеть, однако, не перестало; напротив, звук вместе с неприятным ощущением усилился, во мне возникла клеточка досады и тут же стала стремительно делиться, разрастаясь, заставляя вспомнить, что кроме нас двоих в мире существовало еще множество всяческих явлений...

Понимание возникло как взрыв, как падение в холодную воду, заставило рывком сесть и включить все свои рефлексы на полную мощность, чтобы понять: это неведомое существовало и в мире грубых физических тел и явлений.

Нас и в самом деле колыхало. Все то, что нас окружало и на чем мы лежали, а именно — толстый слой примятой еще до нас высокой травы. Медленными, широкими качками, все усиливающимися, так что почувствовалось даже легкое головокружение. И песня была, только теперь я не назвал бы ее колыбельной. То был боевой клич природы, самого Океана, голос ветра, низкий, но все повышающийся. Воздух над полянкой не пребывал более в истомной неподвижности, но засуетился, бросаясь из стороны в сторону, отражаясь от стены кустарника, теперь уже не уверенно-неподвижной, но объятой крупной дрожью, которая вряд ли идет на пользу этим хрупким растениям. И в самом деле: вот уже начали падать ветки, или то, что было похоже на ветки, и, значит...

Землетрясение?! Вот уж везет, как утопленникам...

— Ра! — донеслось снизу удивленно-озабоченное. — Тут вода! Мне мокро!

— Вставай! — и я протянул руку, чтобы помочь Лючане побыстрее принять вертикальное положение. Расставил ноги пошире, чтобы устоять: почва теперь ходила под ногами, словно палуба небольшого корабля при очень свежем ветре. Песня все более походила на вой. А вода, которой испугалась Лючана, уже покрыла всю полянку, и теперь мы уже стояли в ней по щиколотку.

— Бегом к лагерю!

Это пришлось прокричать ей в самое ухо, нормальный голос не был бы услышан: ветер выл теперь, как расположенная по соседству батарея сирен, стремящаяся своим воем подавить психику противника, его волю к сопротивлению.

— Держись за меня! — Я протянул ей руку, и Лючана крепко сжала мою ладонь. — Смотри под ноги!

Это было легче сказать, чем сделать, потому что небо с необычайной скоростью затягивали мрачнейшие тучи и с каждым мгновением наползающая темнота становилась все гуще. Ветер, как я понял, шел с оста и нес холодный воздух, я ощутил кожей прохладу. Но это сейчас казалось лишь мелкой неприятностью. Низко летевшие тучи обещали дождь, но и это не очень пугало — во всяком случае, пока он не начался. Все это были мелочи жизни.

Главное же мы увидели слишком поздно — тогда, когда оно уже нависло над нами и никакой возможности укрыться от него больше не оставалось. Да, собственно, ее, этой возможности, не было и раньше.

То, что нависло над нами, было волной. Однако слово это не дает никакого представления о том, что мы увидели, подобно тому, как характеристика «четвероногое млекопитающее» равно применима и к мыши, и к слону и никакой конкретной картины в воображении не вызывает. «Цунами» было бы значительно ближе к увиденному нами, но и это слово в тот миг показалось бы мне слишком мелким — если бы, конечно, я тогда был способен мыслить словами.

Думать, однако, было некогда ни о происхождении этой угрозы и вообще ни о чем, кроме одного: спастись! Но как?

Эта неимоверная вода — летящее море, так, может быть, следовало его именовать — гнала перед собой малую воду, не она сама, конечно, но вызванный ею ветер, масса воздуха, которую волна толкала, вытесняя из нужного ей пространства. И хотя волна фактически (это я понял только потом) была вовсе не так близко, как показалось из-за ее гигантской высоты, но эта предшествующая ей малая вода поднималась все выше и выше; таким вот странным образом удовлетворялось наше желание искупаться. Купание оказалось, так сказать, с доставкой на дом.

И еще я успел на мгновение вспомнить о потопе из Писания. Да, вот это больше всего подходит. Но от этого нам не легче.

Еще хуже оказалось то, что заросли кустарника, еще недавно казавшиеся чуть ли не высыхающими под жарким солнцем, с появлением воды стали прямо на глазах наливаться массой и больше не падали под все нарастающим ветром, но, наоборот, как бы встряхивались и шире и свободнее расправляли свои ветки, а стволы квази-деревьев, только что казавшиеся безнадежно высохшими, точно так же оживали и вовсе не собирались ломаться, падать, выдираться с корнями; наоборот, создавалось впечатление, что они только этой погодки и ждали. И это, как почудилось мне, давало какую-то надежду уцелеть: раз лес собирается выстоять, то, может быть, и нас укроет от удара все приближающегося, вставшего на дыбы океана? Если мы окажемся с ним лицом к лицу, вряд ли нам удастся действовать по своей воле. Он если не расплющит нас о стволы или о грунт (если деревья смогут хоть как-то смягчить удар), то, во всяком случае, понесет нас неизвестно куда. Единственным нашим укрытием мог оказаться корабль — и до него нужно было добраться во что бы то ни стало.

— Ох!

Кажется, мы с Лючей одновременно издали такой возглас, потому что одновременно оба оказались на земле. Мы упали не потому, что споткнулись о какое-то препятствие, на самом деле просто грунт под нашими ногами не был ровным, это

была не городская площадь, а природа любит кривые линии. И тут начался крутой, пусть и не очень протяженный склон, мы его не заметили, и удержаться на ногах не было никакой возможности, мы упали и тут же покатились вниз, плюхнулись в воду — ее изрядно прибавилось за последние мгновения, но она, к счастью, была еще по-дневному теплой, — и если бы грунт так и остался круто наклоненным, нас наверняка смыло бы в море. Но скат уперся в плоскость, и мы смогли подняться на ноги, оказавшись по колено в воде, хотя, собственно, не в воде, а в густом супе из накрошенных обломков кустарника. Вряд ли нужно пояснять, что тропы, по которой мы шли, уже не существовало и у нас исчезло представление о направлении, которого следовало придерживаться. Из всех чудес техники при нас еще оставались иглометы и ножи, но ни те, ни другие не могли указать верную дорогу к кораблю. Я попытался было определиться при помощи компаса, входившего в систему несъемного «браслета выживания»; стрелка его слабо светилась. Но она лихо исполняла хула-хуп; ветер с оста теперь, как мне показалось, заходил к норду. Сориентироваться по звездам было невозможно, потому что не было звезд — до ночи еще далеко, да и наступи она сейчас, небо все гуще закрывали тучи, и, быть может, увидеть звезды нам никогда больше не придется.

А впрочем, никогда не говори «никогда»...

— Идем! Только не стоять на месте!

— Ра, но куда же мы идем? Где мы оставили корабль? Где лагерь?

— А черт его знает.

— Слушай, может быть, мы как-нибудь... Идти больше нельзя. Только плыть.

И в самом деле — вода уже была нам по грудь.

— Выйдем на чистое местечко тогда. Тут нас задержат кусты.

— Что это: прилив такой? Или ветром нагнало столько воды?

— Разберемся. Все же придется вплавь. И надень маску уже сейчас. Готова? Потому что этот девяносто девятый вал нас вот-вот...

— Да. (Не очень четко, уже сквозь маску.)

Плыть в таких условиях и при этом держаться за руки, как понимает всякий, дело невозможное. Пришлось расцепить пальцы.

— Главное — быть рядом. Не потерять друг друга в такой темноте...

Все это по-прежнему приходилось орать: ветер сейчас гремел, как спятивший с ума большой симфонический оркестр, лишенный дирижера.

— А если что...

— Не слышу-у!

И в этот миг бешеный океан все-таки настиг нас. Закручиваясь, господним молотом навис. Сейчас ударит...

— Ныряй! Вцепляйся в ствол что есть сил! Иначе...

Договорить не хватило времени. Нас накрыло. Нет, это была не вода, хотя химики, может быть, со мною и не согласились бы. Это был жидкий камень, и я на долгие минуты был затянут в его середину, застыл в ней, как муха в янтаре. Вроде бы чем-то я получил по затылку, кажется и не единожды. Отключился не более чем на секунду-другую. Так, во всяком случае, мне показалось. Но когда очнулся, вокруг меня не было уже ни леса, ни... Вообще ничего, кроме воды, быстрой, несущейся, клубящейся воды.

Придя в себя, не очень надеясь, я все же позвал:

— Люча! Лю-у!

— У-у-у-у-у!..

Но это не она и не эхо. Это ветер. А может быть, все же Люча-на — одинокая, растерявшаяся, теряющая уверенность, испугавшаяся за меня больше, чем за самое себя, зовет из последних сил?

Черта с два услышишь в таком ветре. Кажется, он больше не усиливается. Но от этого не легче. Один в штормовом море. Но это полбеды. Все наше снаряжение, конечно, пропало. Это — четверть беды. Но вот Люча осталась одна в этой чертовщине — это самая большая беда. Надо найти ее! Я буду держаться по возможности здесь и орать, орать, пока... Пока не исчерпает свой ресурс маска и останется только пойти ко дну. Все равно ничего другого нельзя предпринять. Орать изо всей мочи.

— Люча-а-наа!

— У-у-у-у-у...

Глава четвертая

1

Наверное, я все же вырубился не на секунды, а болтался без сознания куда дольше, и меня тем временем швыряло и лупило, а если кто-нибудь думает, что ветер в союзе с волной не могут обработать человека похлеще, чем на ринге — чемпион мира по боксу, то он ни черта в таких делах не понимает. То есть сознание продолжало утверждать, что меня тут не было совсем недолго, но у мика был свой хронометр, работающий независимо от ощущений, и он утверждал, что меня мотало, как пробку, никак не менее получаса. А полчаса — это очень мало для счастья, но более чем достаточно для беды, которой порой хватает и мгновения, чтобы все пошло к чертям. Полчаса — это страшно много для несчастья.

Полчаса — это значит, что одна треть ресурса дыхательной маски уже израсходована без всякой пользы, если, конечно, не считать пользой то, что я остался в живых. Если кто-то не знает, напомню: наша дыхалка (это профессиональный сленг) больше всего напоминает медицинскую маску, какую надевают, скажем, хирурги во время операции. Этакий лоскутик с завязочками. Правда, у десантной маски сходство с докторской внешним

видом и исчерпывается; она сделана совсем из других материалов и, в принципе, работает, как рыбьи жабры: извлекает растворенный в воде кислород и позволяет, находясь на глубине, дышать им. Но не более полутора часов, на большее ее энергии не хватает. Значит, у меня остается еще час времени на все про все. Не знаю, много это или мало.

Но делать все надо быстро: пусть лучше останется резерв, чем ресурс исчерпается именно тогда, когда он больше всего будет нужен, а так оно, как правило, и бывает.

Начать с того, что нужно быстро и безошибочно думать.

Что главное сейчас? Лючана.

Что с нею случилось или могло случиться? Ветер и волны расшвыряли нас в разные стороны; может быть, расстояние между нами вначале и было совсем маленьким, но в обстановке, когда волны налетали, казалось, со всех сторон одновременно, ночной мрак не позволил бы увидеть ничего, даже будь море спокойным, а услышать можно было только завывание урагана — в такой обстановке мы не нашли бы друг друга даже на расстоянии вытянутой руки. То есть, думаю, я ощутил бы ее присутствие, но, как вы уже знаете, я был не в себе. Итак, что с ней могло произойти?

Самую плохую мысль я отбросил сразу же: у Лючи была при себе такая же маска, и она, конечно, не забыла ею воспользоваться. Многое зависело от того, успела ли она понять, что меня вырубило, или считала, что я действую осознанно и целеустремленно. Думаю, не успела. Если бы поняла, то сообразила бы и то, что раз я не могу двигаться самостоятельно, но лишь по воле стихий, то и ей нужно поступать так же: держаться по возможности на поверхности, ждать, пока не стихнет шторм, и уже после этого начинать разыскивать меня. Но она этого не знала, и ей пришлось тогда решать такую же задачу, какая сейчас встала передо мною: угадать — или вычислить, — куда я стану двигаться и с какой целью, и затем самой направиться туда же.

Но — куда именно?

Первым делом каждый из нас должен был найти в этой бушующей сумятице сил природы какую-то опору, более надежную, чем вода. Конечно, оба мы умели плавать достаточно хорошо; если и не на скорость, то, во всяком случае, в соревновании на продолжительность могли бы поспорить с профессионалами. Но каким бы ни было это умение, вода все-таки — не наша стихия. Пусть мы когда-то и вышли, как принято говорить, из океана, но возвращаться в него как-то не очень торопимся. Да, человек может держаться на поверхности, пока не наглотается воды: он обладает положительной плавучестью. Но, чтобы не наглотаться, он должен постоянно расходовать энергию — если только не лежит на спине в искусственном, укрытом от волн и ветров бассейне. А запас энергии конечен не только у маски, но и у самого человека. Для его пополнения человек должен

что-то съесть; но хотя мы уже можем — через маску — дышать водой, мы еще не научились питаться, подобно усатым китам, выцеженным из воды планктоном. Кстати, здесь по этой части было, похоже, не очень-то богато. А ловить в воде рыбу (если она вообще тут водится) голыми руками — если только она не валит толпой к своему нерестилищу — дело в общем-то безнадежное. Итак, нужна твердая почва под ногами хотя бы для того, чтобы спокойно продумать последующие шаги. Почва. Грунт. Основание. Где его следовало искать и Лючане, и мне самому?

(Обстоятельно я размышлял, правда? Но это иллюзия, на самом деле все это заняло считаные секунды. Потому что я не пытался облекать возникающие мысли в слова — что делаю сейчас только ради общения с вами, — а именно этот процесс, так сказать, оцифровки мыслей отнимает больше всего времени, тогда как самому думающему он не нужен, мысль свою он ощущает в ее первичной форме, всю целиком — крохотный элемент великого поля.)

Основанием мог стать только корабль. «Триолет». Он где-то тут был. Да весь вышел. Как и что можно сделать, чтобы хоть как-то сообщить кораблю о себе? Где вообще его искать? Скотина ты, «Триолет»: ты ведь заранее знал о предстоящем и потому так усердно ввинчивался в грунт, чтобы выстоять, не позволить налетающему океану сделать из тебя поплавок, швырять куда попало — хотя бы приложить о дно, да, теперь это уже дно — то, что мы с Лючей считали поверхностью... И это дает надежду. Во-первых, на то, что «Триолет» позаботился о спасении самого себя: это в нем заложено. И во-вторых, заложено и спасение связанных с кораблем людей, то есть нас с Лючей. Надо надеяться, что «Триолет» сообразил: искать нас нужно на поверхности. И как ввинтился, так, переждав волну, и вывинтился, всплыл и теперь плавает где-нибудь тут, надо надеяться, поблизости...

Каждый раз, поднимаясь на гребне очередной волны, я старался — теперь уже разбудив свой третий глаз, потому что два обычных пока еще ничем не могли мне помочь, — увидеть в воде хоть макушку корабля. Но ее не было. На поверхности, во всяком случае. Будь мы с Лючей разумными людьми (а сейчас я уже стал серьезно сомневаться в этом), мы не проявили бы такого пренебрежения старым правилом: перед тем как войти куда-нибудь, подумай, как ты будешь оттуда выходить. Мы эту норму поведения прекрасно знали. И то, что не проработали в мыслях всех возможных вариантов развития событий, свидетельствует только об одном: мы были немножко не в своем уме. Хотя, может быть, и множко. Сверх допустимой нормы, во всяком случае. Мы бросились в расслабление и отдых очертя голову, нам так давно хотелось всего этого, мы так к этому стремились, что полетели черт знает куда — а нормальный, профессиональный, здравый смысл упрятали на самое дно своих чемоданов. А ведь перед каждым таким поступком, сильно смахивающим на авантюру,

полагается просчитать все возможности, начиная с лежащих на поверхности и кончая совершенно невероятными. Следовало ли нам, к примеру, выработать схему действий при урагане? Безусловно, пусть никаким штормом вроде бы и не пахло, но мы ведь не знали законов и традиций этого мира — значит, обязаны были предположить и прокалькулировать такую возможность. Просчитать и такой вариант и наметить план спасения...

Словом, сами виноваты. Но сейчас от этого не легче. Мне, во всяком случае. И ей наверняка тоже. Конечно, если Люча жива...

«Жива, жива! — тут же гневно оборвал я себя. — Нет никаких причин ей погибнуть. Ты же вот жив!»

Размышляя на этот счет, я уже успел просканировать третьим глазом не менее четверти горизонта, по-прежнему взлетая на гребнях волн. При этом заметил, что ураган явно пошел на спад. Видимо, сверхволна ушла своей дорогой дальше, а вот вода осталась. Тем не менее сейчас, пожалуй, зов можно было бы услышать — только никаких криков не возникало. И волны уже теряли высоту и потому становились более плавными. Небо все более прояснялось, позволяя различать кое-что и простым глазом. Вот только различать было нечего. Разве что звезды в небе, но до них было очень далеко.

Я невольно покачал головой. Нет, не надо было нам лететь на этом чуде техники. Не имея опыта службы на таких кораблях вообще, не зная характера, привычек, слабых мест, придурей и проблесков гениальности именно этого экземпляра, очень трудно, почти невозможно точно предугадать его самостоятельные действия. Вот если бы...

Но, собственно, чего я зря ломаю голову? Не надо размышлять о корабле, надо просто найти его. Тем более что Лючана наверняка опередила меня и сейчас уже подплывает к нему... Не собираюсь же я уступить ей!

Чтобы найти, следует понять: где он.

А чтобы...

И вдруг я понял, это получилось как бы само собой, очень легко и просто.

То, что мы оставили корабль, предоставив ему возможность действовать по собственному усмотрению, могло иметь и другие последствия, и прежде всего то, что он не станет нас разыскивать, но будет ожидать, пока мы сами к нему не возвратимся. Дальше. Поскольку наступила ночь, он обязан включить навигационные огни, на это ему команда не нужна, это в него заложено, как безусловный рефлекс. И его топовую мигалку я уже мог бы увидеть. Поднятая достаточно высоко над уровнем моря, она должна быть заметной с расстояния в десяток миль, если не больше. Не могло ведь меня за прошедшие... сколько? Да почти за час — отнести дальше чем на десять миль от места, где находился корабль?

Исходная позиция всех корабельных разработок заключается в том, что его безопасность является и безопасностью людей на его борту. Он ведь создан для того, чтобы люди находились и действовали внутри него, а не по принципу «суп отдельно, мухи отдельно». Итак, будучи предоставлен своему разумению и не имея никаких запретов, в подобной обстановке он будет спасать самого себя.

Ну а что он сделает для этого? Вернее, что сделал?

Даже мне, не профессионалу в этом деле, ясно: уйдет на глубину. Вот смысл слова «всестихийный»: повстречается земля — сядет на землю, вода — на воду, морское дно — ну что же, сядет и на дно. И правильно. Это на поверхности разыгрывается конец света, а на тех же ста метрах глубины, после того как сверхволна миновала, тишь да благодать. Да и почему сто? Уже на пятидесяти...

Хотя, собственно, для нас велика ли разница — сто или пятьдесят? Ни Люче, ни мне на такую глубину не опуститься. Живыми, во всяком случае. Мы на это не тренированы. Остается надежда, что «Триолет» погрузился ровно настолько, чтобы находиться в спокойной воде, а по мере того как волнение на поверхности станет стихать, он будет подниматься все выше, и, может быть...

Стоп. Стоп!

У компьютера, значит, хватило ума уйти туда, где не таранят волны и не уносит ветер: укрыться на глубине. А мы оказались глупее, боязнь глубины сработала в нас, наверное, сильнее, чем здравый смысл. На самом-то деле мы можем дышать и под водой, но это как-то еще не сделалось рефлексом, не было у нас такой практики, вот и позволили стихиям играть нами, как воланчиками, почувствовали, что приходится терпеть теннисному мячику в разгар гейма...

Хотя почему это я злоупотребляю множественным числом? Да, ко мне все это относится целиком и полностью. Но не к Лючане! Она наверняка оказалась умнее: потеряв меня, сообразила, куда нужно бежать, и ушла на погружение, рассчитывая к тому же, что я окажусь не глупее нее. Похоже, что она меня переоценила. Мне это пришло в голову вот только сию минуту.

Нет никакого смысла искать ее там, где ее нет. Вниз, вниз! Правда, там сейчас еще темнее, чем тут; но корабль просто обязан обозначить себя какими-то сигналами, он станет нашей целью, и около него мы с Лючей и встретимся. Возле него или, скорее, уже в нем: верхним люком (вспомнил я усвоенное при инструктаже) можно пользоваться не только в космосе, но и в подводном положении, он оборудован тамбуром, в который ты входишь вместе с водой, потом она выдавливается наружу (в космосе, наоборот, нагнетается воздух), и ты...

Я работал руками и ногами со всей силой, какая у меня еще оставалась, и с восторгом ощущал, как с каждым греб-

ком вода вокруг меня становится все спокойнее, превращается из смертельного врага в то, чем представлялась всю жизнь: в дружественную, спокойную, ласковую среду... Я понимал, что глубина, на которой я смогу оставаться, пока работает маска, не столь и велика, да и ресурса маски осталось менее чем на полчаса. Но полчаса — это множество минут, а уж секунд прямо целый мешок, и все, что требуется, — это не потратить их зря, но постоянно искать тот сигнал, который «Триолет» подает для своего экипажа. Подает, обязательно подает, не может это оказаться не заложенным в его программу!

Подает, наверное, вот только я никак не могу его поймать. И затрудняюсь даже предположить, как он должен выглядеть. Световой? Акустический? Радио? Еще какой-нибудь?

2

Настроение у человека может меняться намного быстрее, чем окружающая обстановка. Ничего удивительного: оно же не материально, не обладает инерцией. И мое состояние изменилось мгновенно, как только в голове возникла одна-единственная, простая и убийственная мысль: корабль, который я пытаюсь найти — и нас с Лючей вместе с ним, — разыскивают те, кто несет тут какую-то службу — например, отрабатывает рабочие вахты. Значит, те сигналы, которые я сейчас пытаюсь уловить, будь они поданы, с таким же успехом может принять и противник, и «Триолету» это прекрасно известно. Так что таких сигналов — «Всем, всем» — он просто не имеет права подавать. И не подает. Выходит, сколько бы я ни искал, я их не увижу, не услышу, не почувствую. Значит — конец.

Конец мне. Ну, винить некого: сам себе устроил такое. Поступил как недоумок. Сунулся в воду, не поискав броду. Но ведь ты и Лючану втянул в эту авантюру, она-то в чем провинилась? Только в том, что чрезмерно понадеялась на меня, поверила в меня, а я оказался недоумком...

Ладно, пусть я получу, что заработал. Согласен погибнуть. Но! Слышишь, судьба, слышите, Высшие силы, но только после того, как буду уверен, что Люче удалось спастись, что она в безопасности и сможет в конце концов вернуться домой, вновь оказаться в том самом доме, от которого мы так стремились удрать и который сейчас представился мне если и не раем, то, во всяком случае, его филиалом, расположенным на Теллусе.

Так я кричал — мысленно, конечно, и не столько для того, чтобы меня действительно услышали, но прежде всего, наверное, чтобы испугать чувство, все более овладевавшее мною: чувство страха смерти, которое живет в каждом человеке и ждет только удобного момента, чтобы заявить о себе, дать понять, кто тут главный, повернуть все по-своему. Всю жизнь я побеждал его, а вот сейчас...

Ох, какой это сильный противник! Не могу даже вновь активировать третий глаз, для этого нужно спокойное состояние души — да как мне сейчас обрести его?

Я чувствовал, что окончательно теряю контроль над собой и вот-вот окажусь уже созревшим для того, чтобы сорвать маску, заключавшую в себе остаток моей жизни, и крикнуть этому страху: «Ну, на, жри меня!» Лишь в каком-то уголке сознания ютился еще здравый смысл, что-то такое нашептывавший мне, но так тихо, что ему, казалось, так и не удастся перекричать громогласие смертельного страха. Прислушайся, сказал я себе, пусть это хотя бы станет твоим последним усилием...

Насчет глубины — что-то такое было там, в инструктивной программе. Вот что он пытается мне вдолбить.

Ну, что-то, наверное, было. Но какой смысл мне сейчас...

«Мик! Твой мик!».

Бедный мой вживленный микрокомпьютер. Я совсем позабыл о нем — его сигналы, достаточно слабые, просто не могли пробиться сквозь ураган страха, несший меня сейчас. Позор. Если выживу, никогда и никому не расскажу о том, как я постыдно... Ни словечка. Конечно же, мик!

«Мик! Программу спасения! Срочно!»

Он-то не подвергнут страху, к счастью. Его логику не нарушить ужасу.

«Выполняю».

И уже в следующую секунду выдал мне из своей памяти то, что было в нее скачано полковником Службы при кратком предполетном инструктаже и на что мое сознание не обратило тогда никакого внимания — как, впрочем, и на все остальное:

«Ситуация одиннадцатая. Общение с кораблем при нахождении его в погруженном состоянии. Одиннадцать-один: экипаж находится на поверхности...» Не нужно: я не на поверхности. Дальше! «Одиннадцать-два: экипаж находится в погруженном состоянии в отдалении от корабля». Вот-вот. Давай!

«В ситуации одиннадцать-два связь с вирт-капом устанавливается при помощи портативного пульта...»

Господи! Пульт этот вместе со всем нашим пляжным снаряжением то ли уже лежит на дне, то ли находится на верном пути туда. Это не выход!

— Давай дальше!

«В случае отсутствия или повреждения пульта вирт-капу подается команда обозначить его местонахождение короткими импульсами сонарного маяка, чьи сигналы принимаются обязательным браслетом и показывают направление на корабль и расстояние до него...»

Браслет! Вседержитель, как это прекрасно, что он сделан несъемным! И захочешь потерять его, не сможешь.

Только вот как-же подать ему такую команду? Мелочь, но очень существенная! Что он там?

«Команда вирт-капу подается нажатием зеленой точки на браслете».

Ага! Жаль только, что в этой мгле все цвета одинаковы. Но уж с этим-то мы как-нибудь постараемся справиться. Да и должно же там быть еще что-то, инструкцию составляли умные люди, не мне чета.

«Подсветка точек осуществляется при необходимости двойным нажатием на прилегающую к руке плоскость корпуса браслета».

Все очень просто. Если только эта спасительная хреновина не повредилась, когда меня швыряло по морям, по волнам.

Представляете — не повредилась. Живут же люди!..

Нажим, еще нажим. Горит! Тускло, но горит. Жмем на нее. И смотрим, очень внимательно смотрим на браслет, на его индикаторную шкалу. Смотрим. Но без толку. Она молчит, как мертвенькая. Не показывает ну абсолютно ничего.

— Мик, это все, к чертям, не работает!

Он отозвался сразу же:

«Сигнал сонарного маяка является остронаправленным, после включения он приступает к скоростному сканированию окружающей среды, которое ведется до момента контакта с приемным устройством браслета, после чего последний высвечивает искомые направление и расстояние».

Ага: никакой паники. Ему нужно время, чтобы меня обнаружить. Надо спокойно обождать.

Спокойствие, оказывается, вовсе не всегда полезно. Сейчас страх смерти быстро уползает в свое всегдашнее убежище, какую-то каморку под лестницей.

А возвращающееся спокойствие дает сразу почувствовать и осознать, что здесь, на глубине, прохладно. И это еще мягко сказано. Дрожь уже пробегает по телу. Ничего удивительного: снаряжение мое — пляжное, для загорания и купания в теплом поверхностном, хорошо прогревшемся слое. Пока тут господствовал страх, такие пустяки, как холод, не чувствовались, зато теперь — пожалуйста. Словно обиженная женщина: ты позволил себе забыть обо мне? Вот и получай теперь за это...

Но это, скажем так, лишь одна треть неприятностей. А другие две трети заключаются в том, что моя чудесная маска, как говорится, дышит на ладан. Вообще-то у нее было право забастовать и раньше, мы уже где-то за пределами ее ресурса. Хорошо, что у нас стараются все сделать с запасом. Но сейчас и этот запас истекает. Лечу с сухими баками. Нет, возможность разбиться мне не грозит. Но и задохнуться — судьба не лучшая. Где ты там шаришь, корабль? В какой стороне, под какими углами? Поторопись, милый. Интересно, кстати: а если ты меня найдешь уже холодненьким — станешь втаскивать меня на борт или оставишь на

дне, куда я неизбежно опущусь, — только выполнишь установленные формальности? Нет, капитан «Триолет», Лючана тебе не позволит! Она теперь будет твоим адмиралом, она наверняка сейчас уже сидит в рубке — надеюсь только, что ей не придет в голову взять операцию моего спасения в свои руки: твоей программе я верю как-то больше. Слышишь, Люча, ни в коем случае...

Вот! Вот оно! Есть!

Загорелась на браслете тоненькая стрелочка. Это — направление. А сбоку высветились и цифирки: 326. Рассчитано на профессионалов, поэтому даже не обозначено, чего именно триста двадцать шесть: футов? метров? Надеюсь только, что не кабельтовых и уж подавно не миль. Но все равно — очень много, слишком много...

Дышится. Трудно. Кислородное. Голодание. Наступило. Пока не. Отключился. Возьми направление. Мик. Я плыву. Держи. Курс. Плыви. Мною...

Сознание ускользало, как воздух из разгерметизированного корабля. Через тонкую, как булавочный укол, дырочку. Это не больно.

...Давай, мик, действуй, не сачкуй...

3

Светло, тихо и сухо.

Таким был мир, в котором я очнулся: светлым, тихим и сухим.

Но, наверное, были у него и еще какие-то свойства. И для того чтобы разобраться в них, я с трудом поднял голову и стал поворачивать ее туда и сюда. Каждый предмет, попадавший в поле зрения, я как будто видел впервые; так, во всяком случае, мне казалось. Но, сосредоточив на нем все свое внимание, я через секунду-другую узнавал его. Ага, вот это — стена. Вернее, переборка, так полагается называть это здесь. А на это больно смотреть. Потолочный плафон. Освещение. В углу что-то, на чем сидят. Нет, нет. Другое. Что-то такое, в чем лежат. Но я лежу не там. Ничего, я вот-вот догадаюсь. Надо только сконцентрироваться. Да, понял, понял: это кокон — в нем полагается быть во время разгона человеку, не находящемуся на вахте. Ну понятно, я на корабле. Приятно ощущать, как плотная пелена забытья расползается, рвется на клочья и улетает куда-то, словно бы ее выгоняет мощным вентилятором. Я на корабле. Но я и должен здесь быть. Значит, все в порядке?

Мое сознание все еще находилось как бы в растворе, но кристаллизация шла все быстрее, я вспоминал все больше и был в состоянии уже восстановить в памяти события, происходившие совсем недавно, а затем и представить себе то, что состоялось уже тогда, когда я находился в отключке.

Картина представлялась ясной. Меня все-таки вытащили из воды. Спасли. Кто? Лючана, конечно; нас здесь толь-

ко двое, так что больше некому было совершить такой благородный поступок. Самое удивительное, я еще там, в воде, знал, что она успеет сюда раньше моего, не дожидаясь, пока маска израсходует последние эрги своего заряда. Молодец, Люча, мысленно похвалил я ее. Всегда знал, что на тебя можно положиться.

Но такие вещи лучше говорить не заочно, а глядя прямо в глаза того, кому адресована похвала. Да и вообще — я так давно не видел жену. Сто лет, никак не меньше. Хотя и не следует вроде бы отрывать ее от обязанностей по кораблю, но я ненадолго, совсем ненадолго, а как только окончательно приду в себя, то сразу же подменю ее за пультом...

И я позвал:

— Люча! Лю-у!

Нет, это и не зов вовсе, а так — смахивает на шелест сухих листьев...

— Люча!!

Уже более прилично. Это она должна услышать — если только... Ну да: если трансляция включена. Наверняка выключена, иначе я уже если бы и не увидел ее, то, во всяком случае, услышал шаги — быстрые, уверенные...

Но ничего подобного нет. Может, у меня что-то стряслось со слухом? После такого купания все возможно. Сам-то я свой голос слышу прекрасно, но звук этот проходит по костям черепа, а как с внешними сигналами?

Я чувствовал себя все лучше и смог наконец не только сесть на койке, но и подняться на ноги — не так уверенно, правда, как рассчитывал. Растопырив руки для баланса, приблизился к иконостасу репитеров на переборке. Зеленый огонек показывал, что голосовая связь с рубкой включена — собственно, в капитанской каюте она никогда и не должна выключаться, а я находился именно в этих апартаментах. Нет, Люча должна услышать. Может быть, с нею тоже не все в порядке? В конце концов, она не отдыхала тут, а прошла через то же, что и я, так что, вполне может быть, выудила меня — и расслабилась, забылась где-нибудь в пилотском кресле.

— Да Люча же! Откликнись! Спишь?

И, в очередной раз не получив ответа, я почувствовал: нет, тут что-то не так. Интуиция посылала тревожные сигналы. Все, хватит тебе бездельничать, горе-курортник!

— «Триолет»!

«Нахожусь в режиме выжидания. Обстановка спокойная. Внимательно слушаю».

— Где второй пассажир?

«Нет информации».

Вот еще новость! Может, и «Триолет» немножко того? Ни одно устройство не гарантировано от сбоев. Давай-ка ноги в руки — и побежали в рубку! Побежали — это было

слишком уж лихо сказано, поковыляли — куда точнее. К счастью, внутри корабля нет больших расстояний, не то что за бортом, где немереные мили. Считаные секунды — и ты на месте.

Рубка оказалась пустой. Выглядела такой, какой мы ее оставили, направляясь загорать на свежем воздухе. Да, позагорали... А уж выкупались! Никаких признаков того, что после этого здесь еще кто-то побывал. Кто-то, иными словами, — Лючана. Хотя это еще ничего не значит. Профессионал вообще не должен оставлять следов.

Что на шкалах? Мы в погруженном состоянии, глубина девяносто метров, среда спокойна, хода не имеем, впереди — двадцать восемь румбов по компасу — источник слабого постоянного излучения биологического характера, в пределах видимости при пассивном наблюдении другие корабли не фиксируются. Ну прямо благодать. Но сейчас это все мне до лампочки.

— «Триолет», выведи индикатор нахождения людей на борту!

Вывел: схема корабля в трех измерениях, все его отсеки и помещения. На этой схеме каждая живая душа обозначается голубым огоньком в той точке, где она сейчас находится. Индикатор работал, и единственный голубой огонек светился на схеме в помещении рубки. Это я, собственной персоной. Что же, выходит — я на борту единственный?

— Видеопросмотр по всей схеме!

Вирт-капитан не стал возражать, и на экране начали одно за другим возникать все помещения корабля. Те, где может находиться человек, и те, где он находиться не может и не должен — но все же...

Никого. Ни души и ни тела.

Ой, как плохо...

Отставить нытье: Работать. Искать!

Может быть, Лючана по каким-то соображениям, успокоившись за меня, вернулась в воду? Мало ли: сработал хозяйский инстинкт, она увидела в воде что-то из нашего утраченного при шторме имущества и вышла, чтобы вернуть потерю на место? Не очень вероятно, но все же шанс. Надеюсь, у нее хватило ума выйти в скафандре: хватит с нас путешествий с одной только масочкой.

— «Триолет», наличие скафандров?

«Количество в норме. Находятся в состоянии готовности».

Та-ак. Этот шанс, похоже, горит. Ладно, сейчас не время строить гипотезы. Сперва нужно разобраться с фактами.

— «Триолет»! Показать все записи видеожурнала с момента перехода в режим выжидания.

«Выполняю».

Вот сейчас и увидим все, что происходило с кораблем, внутри и вокруг него, в то время, когда нас здесь не было.

Показ начался с моих пяток, исчезающих в проеме верхнего люка. Крышка опускается. Быстро вращается ма-

ховичок ручного закрытия, хотя работает сейчас, естественно, автомат. Выключается освещение, кроме полагающегося в режиме выжидания именно для того, чтобы велась видеозапись. Система журнала позволяет, как и раньше, увидеть происходившее в любой точке корабля, но мне такая роскошь ни к чему, меня пока интересует только люк. А еще больше то, что происходило — могло происходить — за бортом.

— «Триолет», ускорить протяжку, замедлять только при каких-либо изменениях!

Умный «Триолет», осмыслив полученную команду, вообще выключил демонстрацию корабельных помещений, остались в уголке только изображения приборов. А основную часть экрана заняла та часть суши (тогда еще суши!), на которую мы высаживались с такой радостью. Изображения не статичны; зелень медленно вращается вокруг корабля то по часовой стрелке, то против; на самом деле, конечно, с ними ничего не происходило, а вращался нижний видеопояс, четыре румба вправо, четыре — обратно, чтобы просматривалось все пространство. То же делали и камеры верхнего пояса: вот мы с Лючей на нем, разбираемся с выгруженным добром, камеры панорамируют, вот мы собираемся, вот уходим и скрываемся из виду: нашли тропу и углубились в заросли. Все, что мы вытворяли затем, осталось для камер недоступным — и очень хорошо. Теперь можно перескочить через изрядный промежуток времени, потому что тут ничего не изменится до самого начала шторма. А вот тогда...

Я уже открыл рот, чтобы скомандовать «Дальше!». И тут же захлопнул его. Потому что «дальше» не последовало. Все исчезло. Чернота. Сбой? Сейчас надо... Стоп. Экраны понемногу светлеют. Но теперь весь экран занимает только вода, сперва бурлящая, словно кипяток, поднимающаяся выше, еще выше, вот уже закрывшая все поле зрения... А вот она становится спокойнее, а глубиномер показывает, как стремительно увеличивается расстояние до поверхности. Но это не корабль погружается, он крепко ввинчен в грунт; это поднимается вода, заливая все. Действительно потоп.

— «Триолет», интерпретируй!

«Наблюдаемое природное явление присуще данному миру изначально».

Обрадовал. Утешил. Все на свете растолковал, ничего не скажешь!

— «Триолет», полное объяснение!

Если оно у него есть, конечно. Хотя, вернее всего, он знает столько же, сколько и я. Или все-таки больше?

«Явление известно под названием Великого прилива. Данный мир не обладает выраженной сушей, поверхность покрыта водой, средняя глубина которой оценивается в пятьдесят метров. Однако существование двух массивных спутников на концентрических орбитах приводит к наличию двух постоянных при-

ливных волн, обегающих планету в соответствии с движением лун. Волны различаются как большая и малая приливные, движение их неравномерно, в силу того, что обращение самих спутников варьируется в зависимости от взаимного расположения трех тяготеющих тел системы. В моменты нахождения планеты и обоих спутников на одной прямой, вследствие наложения волн, возникает явление Великого прилива, которое и наблюдалось в описываемое время. В таких случаях приливная волна значительно выше, а обнажаемая отливом часть дна достигает 60% поверхности всей планеты. В иных случаях обнажается: при малом отливе 24%, при большом — до 40% дна. С началом отлива происходит бурное развитие растительности, продолжающееся и после затопления приливной волной. Конец открытой информации».

Иванос, ты сволочь, гад, урод несчастный, почему же ты не объяснил? Не намекнул хотя бы? В секреты играл? Ну, крокодил шестиногий...

Ладно, стоп. Это потом. Разберемся. Сперва надо из этого варенья выбраться. Что тут у нас было дальше?

А в записи подъем воды прекратился. Вокруг — спокойная глубина. Сколько? Сто двадцать метров. И — полный покой. И — та же растительность, что еще недавно находилась наверху. Теперь она целиком погружена на не такую уж малую глубину и чувствует себя, похоже, прекрасно. Жива и здорова. И то, что казалось мне зелеными веревками или удилищами, теперь развернулось в широкие полотнища. То есть растения предвидели предстоявшее. Знали.

Изображение подрагивает. И начинает уходить вниз. Понятно: «Триолет» отвинтился от дна и подвсплыл. Сработала какая-то программа — может быть, после обеспечения собственной безопасности пришла очередь искать людей?

Листья-то, наверное, на этой глубине выживают. А вот Лючана?

Нет. Не может быть. Не согласен. Не хочу! Те, кто нас ведет, должны были дать ей хотя бы такой же шанс, какой подарили мне. Нет, больше! Она заслужила самые лучшие шансы, какие только возможны.

И потом: все-таки кто-то ведь вытащил меня, сам я никак не мог оказаться на борту, да еще в койке в своей каюте! Если не Люча, то кто же?

— «Триолет», прошу начать погружение по вертикали вниз, скорость один метр в секунду. Включить активное наблюдение. Опознавать все замеченное и докладывать немедленно!

«Выполняется».

Погружаемся. Дно, бывшая поверхность. Деревья, кусты. Я невольно отвел глаза: испугался, что где-то между ними вдруг увижу неподвижное человеческое тело... Но не глядеть еще хуже: начинаешь невольно ждать тревожного сигнала, который

подаст «Триолет», едва в поле зрения окажется что-то подобное. Я снова стал смотреть. К счастью, ничего такого. Здесь ее нет.

А журнал тем временем продолжает развертывать свои картинки. Но на них — ничего нового. Хотя... Да! Вот оно.

«Оно» — это возникший в углу экрана сигнал: «Принят вызов от источника номер один».

Это — когда я нажал наконец на ту точку.

Запись оживает: приборы стремительно меняют свои показания, как подкупленные свидетели в суде. Корабль обретает ход. Уменьшает глубину погружения. Минута, другая... Включается инфрапрожектор и фиксирует тело, уже начавшее медленно подниматься. Это я, уже потерявший сознание. Корабль быстро догоняет меня. Сейчас он...

Но расстояние между нами вдруг перестало сокращаться. «Триолет» как бы остановился в задумчивости: а стоит ли вообще спасать этого дурака?

Но на самом деле причина явно оказалась другой. А именно: рядом с моим сигналом загорелся и другой. Куда более слабый, идущий издалека, чуть ли не на пределе возможностей браслета.

«Принят вызов от источника номер два».

Это Лючана! Догадалась, прелесть моя!

«Триолет», видно, размышлял: есть две цели, но работать одновременно можно только с одной. И в конце концов выбрал ту, что была ближе.

Нет, Лючана не участвовала в моем спасении. Меня втаскивают в люк — не в верхний, как я полагал, а в трюмный — при помощи выброшенной сетки. На корабле предусмотрены и такие случаи. Есть носилки на микрогравах. Меня укладывают на них прямо в сетке, доставляют в каюту и бережно вытряхивают в койку. Вот почему я оказался — все в тех же плавках, что были на мне в воде, — на покрывале, а не на простыне. Все предусмотрено.

Кроме одного: как спасти одновременно двух людей, находящихся на разных расстояниях от корабля.

А может быть, и такая программа есть, но что-то помешало вирт-капитану воспользоваться ею?

Давай-ка досмотрим журнальную запись по возможности спокойно. Только перед этим дадим «Триолету» еще одно задание. Приоритетное.

— Искать точку-два. Искать человека, даже если точка молчит. Сообщать каждые две минуты. Искать во всех измерениях, радиус поиска увеличивать с каждым витком на два метра.

«Триолет» отреагировал с едва заметной, но все же задержкой. Уж не потому ли (мелькнуло в голове), что искать надо женщину? Интересно, разбирается ли вообще вирт-капитан в проблеме полов?

«Выполняю».

Больше ничего я сейчас предпринять не мог. Разве что понять, почему «Триолет», вытащив меня, не бросился сразу

же в направлении точки-второй, чтобы отыскать и Лючану. Для того чтобы разобраться в этом, отгоним-ка запись назад — к тому мгновению, когда был принят сигнал Лючаны, — и будем следить за ним. Любоваться еще раз тем, как в трюм втаскивают мой вышедший из строя организм, я не стану. Только бередить рану, нанесенную моему самолюбию. Так что там было с сигналом?

Огонек — в записи, конечно, — мигает, но все тусклее. Я уже знаю: не потому, что иссякает энергия приборчика; вспомнил, что сигнал рассчитан на трое суток работы в таком вот — импульсном — режиме. Из других причин можно выбрать разве что одну: расстояние между кораблем и Лючаной увеличивается. И довольно быстро. Корабль практически не движется: он занят моей судьбой. У него свои правила поведения: точка-один — официально «капитанская» — предпочтительнее точки-два, «второго пилота». А теперь вот она удалялась от неподвижного корабля. Ошиблась направлением и вместо того, чтобы плыть к нам, легла на противоположный курс? Неубедительно: раз уж браслет зацепился за корабль, стрелка на нем, как и у меня, точно указала, куда надо грести. Не последовать указанию прибора Люча могла бы лишь в случае, если больше не контролировала свои действия сознанием. Плыла, как и я в последние осознанные мгновения, по автомату. Но не слишком ли быстро она уплывала? Кажется, такой прыткости не проявил бы даже и чемпион Галактики по плаванию. Выясним сейчас же.

— «Триолет», с какой скоростью точка-два в журнале удалялась от тебя?

«Скорость удаления неравномерна. Варьирует между значениями восемнадцать и двадцать два узла. Курс бейдевинд зюйд-вест к весту двадцать два по компасу».

То есть она плывет против ветра? И тем не менее плывет так быстро? Впрочем, ветер может влиять на скорость, только если ты на поверхности. Но на поверхности ее не было: я ведь смотрел, кричал — безрезультатно. Как знать, если бы меня тогда осенила благодать и я догадался воспользоваться браслетом, он, быть может, обнаружил бы своего двойника на Лючином запястье. Но я не родился умным, это факт. Может быть, хотя бы счастливым? Об этом думать не стану, пока не увижу Лючану живой и здоровой.

Но если она уже ушла на глубину, то такая скорость и вообще становится немыслимой. Разве что она не сама плывет, а какая-то тварь ухватила ее и уносит. Однако пока еще никаких монстров тут не замечалось. Это, конечно, слабый аргумент, но лучше, чем ничего. А огонек точки-два уже едва заметен, совсем потускнел, его вспышки теперь скорее угадываются, чем четко различаются... Вот сейчас он был еще или уже нет? Скорее — нет.

— «Триолет», каково расстояние до точки-два в момент прекращения сигнала?

 «Определенно в две мили».

— Сколько времени прошло с момента, когда сигнал точки-два перестал приниматься?

Впрочем, его ответ мне не нужен: время фиксируется журналом непрерывно. Сколько же там?.. Четыре часа? Это я столько времени провалялся без сознания? Ну ты даешь, Разитель. А о чем, собственно, думал наш чудесный космореплаватель?

— «Триолет», почему не привел меня в сознание раньше? У тебя что, нет экспресс-метода?

«Ускорение процесса грозило осложнениями и было опасно для здоровья. Кроме того, такие действия не были предусмотрены программой».

— Какой программой, черт бы...

«Выполняемой мною».

Все-таки он глуп. Все они дураки, эти компьютерные навигаторы. Им не понять, что бывают положения, в которых собственное здоровье отходит на самый последний план. В их сложнейших схемах и умнейших программах не нашлось местечка для такой логики — логики любящего человека.

Такие, значит, пироги с капустой.

4

Лючана перевела дыхание. Не сразу: нормальный дыхательный ритм был давно уже утрачен во время суматошной борьбы с волнами, ветром, обломками кустов. Дыхание чуть успокоилось, но тут же ее стало тошнить. С трудом извернувшись, она подняла голову над низким бортом. Потом, зачерпнув горстью воды, омыла лицо. И стала осматриваться.

Находилась она сейчас в странном суденышке, чьи борта лишь немного поднимались над водой, но когда она попала внутрь, оно оказалось куда просторнее, чем представлялось: неожиданно глубоко сидело в воде. И, видимо, обладало сильным мотором: скорости хватало, чтобы не позволить стихиям сбить суденышко с курса — против ветра и волны. Если позволить ветру с волнами хоть на миг развернуть лодку — или как это суденышко назвать — боком к волнам — моряки, кажется, говорят «лагом», — ее вмиг опрокинет, а тогда... Сама Лючана еще сколько-то продержится, у нее есть маска (Лючана, как хорошая хозяйка, отлично помнила, что у нее есть и чего нет), — но двое, находящиеся здесь, кроме нее самой, наверняка не выдержат долго. А за нею был долг благодарности: они как-никак вытащили ее из воды, помогли взобраться сюда, перевалиться грудью через борт как раз в миг самой большой растерянности: когда обрушилась эта дикая волна и Ра вдруг исчез из виду. Значит, теперь пришел ее черед выручить их — насколько это окажется в ее силах.

Но не только их. Ра. Он был где-то здесь, рядом, она чувствовала это всем существом, как и всегда, даже не видя и не слыша, ощущала его присутствие.

Лючана не могла видеть того, что находилось перед лодкой: — весь передний сектор обзора закрывала спина сбросившей куртку женщины, ее спасительницы, — загорелая, мускулистая, мокрая (все здесь было мокрым, и на дне суденышка плескалась вода, хотя и немного). Тем не менее Лючана была уверена, что они удаляются от того места, где ее подобрали, вовсе не в ту сторону, куда высокой волной швырнуло Ра, а почти в противоположную: не по ветру, а в полный бейдевинд; Лючана достаточно ходила под парусами, чтобы разбираться в таких вещах и без помощи мужа. И ей было понятно, что подобный курс далеко не самый выгодный, скорее наоборот. Наверное, у этих людей были причины держать именно такое направление, но ее это никак не устраивало. И она схватила женщину за плечо. Та повернула голову, лицо ее выражало гнев.

— Туда надо! Туда! — Лючана свободной рукой показала направление. — Человек гибнет!

Выкрикнула она это на теллуре, сразу же сообразила, что этот язык мог быть тут совершенно незнакомым, и повторила уже на линкосе.

— Сиди тихо! — крикнула женщина в ответ на том же языке.

Лючана упрямо покачала головой, но женщина уже отвернулась. Склонившись вперед, что-то проговорила в самое ухо сидевшему перед нею и управлявшему судном мужчине. Мысли Лючаны были сейчас не совсем в порядке, но все-таки ей показалось, что она узнала обоих: та самая пара, за которой они с Ра еще совсем недавно подсматривали. Они вытащили ее, да, но нужно ли ей, чтобы ее увезли куда-то далеко от места, где она и Ра потеряли друг друга?

Курс оставался прежним. Мгновение она колебалась: настоять на своем? Применить силу? Но выиграть — никаких шансов, одной ей в этих условиях не управиться. Ра умеет выживать и (ей очень хотелось верить в это) продержится до того времени, когда она сможет организовать помощь. Сейчас суденышко направлялось куда-то туда, где есть, надо надеяться, более надежное убежище и люди, и там ее поймут (в это тоже верилось), едва ветер уляжется, выйдут на поиски; судя по тому, что ее вот вытащили, здесь не было принято считать, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих. А раз так...

Вот такие мысли пробегали в голове Лючаны, и как-то не возникло вполне уместного вопроса: а как эти люди отнесутся к ней? Их ведь разыскивали, значит, считают в чем-то виноватыми? Почему-то Лючане казалось само собою разумеющимся, что их и искали только ради того, чтобы оказать помощь, приняв их посадку за вынужденную. Собственно, а какие могли быть причины для иного к ним отношения? Нет, видимо, сейчас следовало сидеть спокойно, можно было даже закрыть глаза, чтобы не пугаться каждой высокой волны, то и дело грозившей похоронить их.

Лючана так и сделала. И открыла глаза, лишь почувствовав, что скорость лодки заметно уменьшается. А открыв их, распахнула и рот — от удивления, хотя лишь на секунду.

Удивление было вызвано тем, что судно за эти несколько минут изменилось: если раньше ничто не защищало находившихся в нем от ветра и брызг, то теперь и капли воды, и несший их воздушный поток примерно в полуметре над головами сидевших в лодке словно бы налетали на что-то, на невидимую крышу, вернее — купол, взявшийся как бы неизвестно откуда. «Вероятнее всего, полевая защита», — спокойно, как о чем-то обычном и ожидаемом, подумала Лючана. Приходилось ей видывать такие лодочки с компьютерным шкипером, чей пульт и монитор обычно размещались на носу. Лючана угадала его по привычному голубоватому свету. Внутри стало не только суше, но и спокойнее: качка все уменьшалась, а вскоре и совсем прекратилась. Лючана глянула по сторонам — вокруг была только вода, и это говорило о том, что судно погрузилось уже целиком. Странно, и это тоже почему-то не удивило Лючану — может быть, ее способность удивляться на сегодня была исчерпана, слишком уж много новых впечатлений выпало на ее долю за нынешний день.

Мотор теперь звучал чуть громче и на более низких нотах, суденышко продолжало погружаться с ощутимым дифферентом на нос: уходило в глубину. Потом вдруг рокот смолк, но движение продолжалось, только теперь уже какая-то внешняя сила двигала судно-капсулу, вспомнила Лючана недавно услышанное от этих людей слово.

Вокруг по-прежнему виднелась только вода, она становилась все более темной — света оставалось меньше и меньше, как и полагалось на глубине. Это не казалось страшным. Но через несколько мгновений пришел и испуг, пусть и недолгий: парочка, находившаяся на передних сиденьях, вдруг исчезла, как и вся носовая часть лодки, словно суденышко уперлось в густейший туман и стало погружаться в него, чему купол нимало не препятствовал. Страх подсказал Лючане, что сейчас и она погрузится в эту субстанцию и там наверняка задохнется, потому что этим дышать нельзя. Сердце дало сбой, но лишь на секунду.

А потом туман разом исчез, словно его и не было, и снова стали видны и люди, и вся капсула целиком, и все, что открылось снаружи, до сих пор почему-то не замечавшееся, — странное, воистину неожиданное: обширный купол со множеством углублений и выступов, нарушавших плавную кривизну поверхности, озаренных огнями, окрашенных в разные цвета. Над куполом — еще две-три капсулы примерно таких же размеров, как та, в которой Лючана сейчас сидела. Там и еще какие-то странности были, но рассмотреть все просто не было времени: вода за иллюминаторами исчезла, они оказались в какой-то трубе или камере, где было темно, но уже через несколько секунд стены, вы-

зывавшие ощущение темноты, исчезли, стало светло, а затем и купол, накрывавший лодку, с негромким щелчком исчез, и Лючана с удовольствием встала во весь рост, как и те двое, чьей спутницей она оказалась.

Потянулась с удовольствием, разминая уставшие и затекшие мускулы. Глянула вокруг и поймала взгляд того парня, что управлял капсулой. Он смотрел на нее — не в лицо, а ниже, где пляжный наряд едва-едва и очень условно прикрывал то, что всегда вызывает у мужиков определенную реакцию. Взгляд был выразительным, в этом-то Лючана разбиралась. И сразу же невольно подумала, что без сложностей тут, пожалуй, не обойтись, потому что уже и женщина повернулась к ней и оценивающим взглядом охватила всю, с ног до головы, очень неласковым взглядом. Да, будут осложнения, утвердилась в первоначальном предположении Лючана, и в этот миг женщина подала команду: «Выходим».

Трое переступили невысокий борт и оказались в очень просторном, но невысоком помещении, где уже находилось множество таких же суденышек, как привезшая Лючану лодка, — десятка два, может быть, или еще больше. Негромко шумели какие-то механизмы — наверное, та система, что позволила им выйти из воды, миновать приемные устройства и, как говорится, обсохнуть здесь, уже под куполом. Лючана стояла спокойно, ожидая последующих событий, и почувствовала легкое прикосновение к бедру; ладонь парня была горячей — от работы, а может быть, и от возбуждения. Он успел погладить бедро, прежде чем она сделала шаг в сторону, так что женщина, его спутница, оказалась между ними. Откровенно выраженное намерение молодого атлета Лючане очень не понравилось. Но пока что деваться было некуда. «А впрочем, — подумала она достаточно легкомысленно, — и не таких приходилось обламывать. Справимся и с этим мальчиком».

Но лучше было бы, конечно, если бы и не пришлось справляться.

Женщина усмехнулась. Повернувшись к Лючане, жестом дала понять: иди за мной. Парень за ними не пошел, но сказал вдогонку:

— Скоро увидимся, красотка.

Лючана предпочла сделать вид, что ничего не услышала.

5

Четыре часа. Если бы Люча была в порядке, за это время она как-нибудь уж добралась бы до нас. Этого не случилось — значит, с нею что-то неладно. Иными словами — она не в состоянии выполнить нужные действия. Тому могут быть две причины: неблагополучна она сама (ранение, крайнее истощение сил, бессознательное состояние, как вот у меня) или неблагоприятна обстановка, в которую она попала. В любом варианте не время мне печься о своем здоровье. Вообще, это ее обязанность,

вот пусть Лючана этим и занимается. А для того чтобы она могла выполнять свою обязанность, просто нужно ее найти. Все ясно до предела.

Вот только как это сделать?

На связь она выйти не может — иначе сейчас без устали вызывала бы меня, а уж мой кваркотронный виртуал-дурачок ни единого сигнала не прозевал бы, воздадим ему должное: ограничен, но усерден. Но это не значит, что браслет Лючаны не работает. Просто этот приборчик имеет крупный недостаток: его сигнал принимается лишь в пределах прямой видимости. Обычно этого бывает достаточно. Но Люча сейчас может находиться слишком далеко: за четыре часа ее могли увезти за много миль, а что ее именно увезли — совершенно ясно уже по журналу. Для того чтобы поймать ее сигнал и определить координаты, нужно подняться над поверхностью достаточно высоко. Ну что же, «Триолет», сумел опуститься — сумеешь и подняться. Дело привычное.

— «Триолет»! Прошу приготовиться к выходу в атмосферу! Высота подъема...

«Команда не принимается».

Ничего себе уха! Это что еще за новости?

— Повторяю: приготовиться к выходу в атмосферу! Это приказ!

«Указанное действие в существующих условиях не предусмотрено программой».

— Закрыть программу! Немедленно!

«Программу может отменить или приостановить ее выполнение только ее установщик».

Ну бюрократы!..

— Назвать установщика!

«Отдел программирования Главного Управления Службы...»

Вот как! Спокойно, спокойно. Все в порядке. Сейчас мы...

— Установить связь с отделом.

«Указанное действие невозможно осуществить».

Опять за рыбу грош.

— Приказываю...

Хотя нет. Явно никакого смысла переругиваться с компьютером: он со своей позиции не слезет, и силой его не столкнешь. Я бы, конечно, залез в него, как делал это не так уж давно на Уларе, — а тамошний «Гек» был куда мощнее. Но для того чтобы превратить меня в программу и внедрить ее куда следует, нужен другой компьютер, независимый от этого. Тогда у меня был «Вратарь». Он и сейчас есть, но далеко, и раз мне не дают связи, то до него мне не добраться так же, как и до Службы.

Но ничего, еще не вечер. Не зря ведь этот корабль оснащен ВВ-кабиной. Не может дойти сообщение — доберусь я сам, собственной персоной. Пусть они передадут управление кораблем мне, все необходимые коды и пароли, поскольку я лучше знаю, что сейчас главное. И я выбью все нужное из Иваноса —

даже под угрозой применения оружия. Он, кстати, поймет и не обидится: он и сам очень не любит жертвовать людьми без толку.

— «Триолет»! Покидаю корабль на... на три часа. Оставаться в режиме выжидания.

«Выполняю».

Вот и чудесно. Мне осталось только натянуть на себя нормальную одежку, чтобы в Службе, увидев меня, не приняли за беглого психа. Отобьюсь, конечно, но время-то будет уходить.

Кабина ВВ-транспортировки оказалась намного просторнее, чем я предполагал. Ну что же, может быть, мне удастся даже притащить с Теллуса подкрепление? Искать группой и выручать группой — совсем не то, что действовать в одиночку. Ну-ка...

Я нажал клавишу предстарта. Кабина ожила. Но не совсем так, как мне хотелось. Дверца осталась наглухо затворенной. Зато заиграло табло на ней:

«В погруженном состоянии ВВ-пост блокирован».

Только и всего.

Я уже поднял кулаки над головой, чтобы дать выход тем чувствам, что в тот миг мною овладели. Но вовремя остановился. В каких бы отношениях ни находился я сейчас с кораблем, но наносить ему вред нехорошо — и не столько с моральной, сколько с деловой точки зрения. Все-таки, кроме него, у меня никого не было рядом в этом мире, а остальные миры так далеко. Я даже не стал произносить вслух те слова, которых у меня был полон рот. Просто повернулся и ушел. Но не в рубку. Говорить с «Триолетом» сейчас не хотелось, да и что я мог бы сказать ему, а он — мне? Разве что поговорить о погоде?

Помочь он мне сейчас не может — или не хочет, и потому я не могу добраться до тех, кто мог бы нужную помощь оказать. Ни до кого я сейчас не мог дотянуться. Ни до кого, кроме...

Но на это нужно было еще решиться.

6

Лючана шла по эллингу за своей спасительницей, пытаясь на ходу представить, что может сейчас ожидать ее и как надо вести себя, чтобы побыстрее хоть что-нибудь узнать о судьбе Ра и организовать ему помощь. Тут была важна каждая мелочь, и когда с открытой палубы они прошли через невысокую арку, густо перечеркнутую оранжевыми штрихами лазерной защиты (женщине, чтобы открыть проход, пришлось на миг вжаться лицом в укрепленную рядом со входом овальную, даже на взгляд мягкую, словно губка, маску), вспыхнул свет; там начинался длинный, плавно изгибавшийся коридор. Лючана испытала чуть ли не физическое наслаждение от того, что здесь уже не было ни ветра, ни брызг воды, но было спокойствие, нормальное освещение, пол, устланный ковром. Ей стало даже неудобно оставлять на коротком ворсе мокрые следы; немного утешало то, что и шед-

шая впереди женщина оставляла такие же, нимало этим не смущаясь. Женщина оглянулась, чтобы убедиться, что спасенная следует за ней; в глазах ее было спокойное равнодушие вместо того выражения неприязни, какое Лючана ожидала увидеть. Нет, пока еще рано делать какие-то выводы и строить планы.

Вышли в небольшое расширение коридора, здесь оказались лифты — и не один, а целых четыре, современные, промышленные, а не бытовые — то есть не кабины, а просто антигравшахты. Лючана только покачала головой, удивляясь. Шагнули в одну из них и плавно упали вниз. Миновали, судя по счетчику, пять этажей. Управление шахтами было, похоже, сенсорным, без кнопок и прочего. Вышли. Снова коридор, и тоже с ковром, только тут ворс был подлиннее. Хорошо, что ноги успели обсохнуть, пока они сюда добирались. Навстречу попадались люди, Лючана ловила на себе их любопытные взгляды. Одеты встреченные были в какое-то подобие формы, как и двое с поверхности. Лючана отметила про себя, что из восьми увиденных ею женщина лишь одна, хотя, возможно, это просто случайность.

Миновав пять дверей, остановились перед шестой, которая через мгновение отворилась сама по себе. Женщина кивком пригласила Лючану войти. Она вошла, женщина — за нею. Лючана остановилась: идти дальше помешало еще одно удивление: показалось, что она очутилась в магазине готового платья, оно тут висело и лежало вокруг, занимая все достаточно обширное помещение. А на свободном пятачке стояла еще одна женщина, тоже по-летнему одетая и — сразу видно — не чуждая макияжу и бижутерии, хотя и недорогим. Увидев вошедших, хозяйка салона не удивилась — скорее всего, ее успели предупредить заранее. Значит, и связь на этой — как ее назвать, кстати? станция? база? — была в порядке.

Женщины перебросились несколькими фразами на армаге. Затем хозяйка медленно прошлась вдоль фронта портновских изделий, сняла что-то с вешалки, другое вынула из объемистого ящика, затем скрылась где-то в тылах, оттуда появилась еще более нагруженной. Спасительница одобрительно кивнула. Хозяйка подошла к Лючане, протянула ей то, что выбрала.

— Это — мне? — спросила Лючана на всякий случай, хотя руки сами уже потянулись за обновками. Хозяйка что-то проговорила на непонятном наречии — видно, неверно определила происхождение доставленной; судя по интонации, сказано было успокаивающе-утвердительное. Хотя с интонациями в незнакомом языке можно и попасть впросак. Лючана забрала все в охапку, стараясь ничего не уронить. Повернулась к спасительнице:

— Теперь куда? Переодеться здесь? Или как?

Но спасительница уже повернулась к двери, и не оставалось ничего иного, как последовать за ней.

Снова коридор, но на этот раз лифт не понадобился: по довольно крутому винтовому пандусу в отдельной шахте с

облегченной гравитацией (энергию тут явно не экономили) поднялись всего на один этаж. Здесь ковра уже не было, пол покрывала циновка — видимо, уровень этот был категорией пониже. Остановились перед очередной дверью. Спасительница приложила ладонь к пластине, диафрагма послушно раскрылась, клинья ушли в переборку. Повинуясь приглашающему жесту, Лючана вошла, спасительница остановилась на пороге. Показала, опять-таки жестами, что тут можно умыться (в углу виднелась душевая кабинка), одеться, даже отдохнуть на нешироком, на вид жестком диванчике. У Лючаны было достаточно опыта, чтобы понять: это никак не гостиничный номер, скорее камера. Спасительница усмехнулась — не ласково, но и не враждебно, а как-то формально, — и отступила в коридор. Диафрагма сомкнула створки, замок в её центре пропел короткую песенку.

«Вот уж воистину везет, как утопленнице, — пришло Лючане в голову, — если и вытаскивают из воды, то для того только, чтобы запихнуть в камеру, а я-то думала, что на мою жизнь камер уже хватило...»

Странно, но ей даже в голову не пришла другая мысль, хотя это было бы вполне естественным: ничего себе отдых сообразил для них Иванос!.. Не появилось такой мысли, и само понятие «отдых» ушло как-то быстро и очень далеко. Сама собою возникла уверенность: это новая операция, только и всего. И теперь главное — привести себя в соответствующее состояние, физическое и — еще важнее — духовное. Войти в обычную роль страхующего агента. Для этого — успокоиться и составить хотя бы приблизительный план, что и как может она предпринять уже сейчас и что — в ближайшем будущем. Только человек, плохо знакомый с предметом, может подумать, что если тебя надежно заперли, то ты ничего не можешь предпринять. Можешь!

А что именно? Что сейчас самое главное и что — самое доступное?

Самое главное — Ра. Если он уцелел, то все в порядке, операция началась и будет продолжена. А он жив. В этом Лючана была уверена. И не просто потому, что ей так хотелось. Они уже так давно были вместе, что существовали как бы в общем поле — в том порождении тонких тел, для которого не существует расстояний и преград. Войдя в глубокую медитацию, совершенно отключившись от окружающего мира, сконцентрировав всю свою энергию, этим полем можно было воспользоваться, чтобы передать сообщение — не слова, скорее эмоцию, порой даже сопровождая ее изображением. И вот сейчас именно это поле — его ощущение — убеждало женщину в том, что ее муж жив. Если бы он погиб, то, независимо от его желания и возможностей, вся его энергия (а ее в человеке больше, чем обычно думают) реализовалась бы в последнем (в этой жизни) выбросе, и Лю-

чана никак не могла бы не ощутить его. Но подобных сигналов она не принимала, и это значило, что Ра все еще среди живых.

Но если так, то с ним можно было — в принципе можно — установить более объемную связь — обмен мыслями, словами, планами. Конечно, самым простым и надежным было бы использовать для этого нормальную аппаратуру. У нее множество достоинств, но есть и один существенный недостаток: ее не оказывается под рукой именно тогда, когда она больше всего нужна. Как вот сейчас, например. Так что придется искать другие способы.

Они были. Сейчас Лючана могла воспользоваться самое малое одним из них. Пока ее еще не лишили браслета: спасительница, похоже, приняла его за обычные часы. Вот и хорошо. Где тут наша зеленая кнопка? На месте. Нажать. Отправить сигнал кораблю: я здесь, я жива. Ра пусть и не сразу, но — живой доберется до корабля и там получит эту информацию. И не просто информацию, но даже пеленг на нее. А это уже почти то же, как если бы они вновь оказались вместе. Работай, кнопка, пока хватит питания, а к тому времени что-нибудь да прояснится...

И все же такой уровень информации Лючану не устраивал. Он был чересчур пассивен. А нужно было — нет, просто необходимо — выйти на связь активную. На диалог. И такая возможность есть. Пока еще есть. Они очень неплохо пользовались этой связью, например, на Топси. Вот пусть она и сейчас сослужит службу.

Компьютерная связь. А конкретнее — связь между миками. Правда, тут не обойтись без устойчивой несущей частоты. Воспользоваться тонким полем было бы очень удобно, однако — Лючана отлично понимала — сейчас это ей не удастся. Слишком много сил и энергии потрачено на борьбу с ураганом, а еще до того (она невольно улыбнулась, вспоминая, и даже легкая волна прошла по телу, волна послевкусия) не меньше было отдано любви, о чем она нисколько не жалела. Так или иначе, сейчас она была слишком слабой, а к тому же еще и голодной. Так что о передаче при помощи этого поля можно будет думать только после того, как уровень энергии будет восстановлен каким угодно образом.

Каким же? Подождать, пока накормят? Слишком рискованно: за этим может последовать допрос, а в ходе допроса наверняка попытаются забраться и в ее мик. Это в какой-то степени может у них получиться, даже наверняка получится, судя хотя бы по их кораблю: для его хозяев в современной технике нет секретов, а зондирование мика — давно уже никакой не секрет. Следовательно, перед допросом придется, как это ни печально, какие-то файлы стереть без возможности восстановления, заменить их всяким хламом — пусть в нем пороются. Значит, использовать этот способ связи нужно немедленно, пока за ней не пришли.

Нужно. И — не получается. Мало каши ела, вот в чем беда.

«Что же делать? Ра, что бы ты сделал на моем месте и в моем положении?

Он бы посоветовал, но он меня не слышит, вот в чем беда.

Вспомним: как он поступает в трудные минуты?

Очень просто: он медитирует. На невысоких уровнях эфира, в крайнем случае — астрала. Меня иногда это даже злило: предстоят серьезные дела, самое время еще раз сверить все планы, что надо — уточнить, еще что-то добавить или, наоборот, выбросить, а он вместо этого отключается от всего в жизни. Хорошо, если только на полчаса, а полчаса порой играют решающую роль, но у него ведь бывали отключки и на час... Он меня учил этому, но мне это казалось не моим, неинтересным, слишком далеким... Но, может быть, иногда это как раз и нужно — отключиться, чтобы увидеть проблему в ее чистом виде? Могу только гадать. Но если я вот сейчас возьму и попробую? Странно, мне словно бы именно этого и хочется.

А не может ли быть так, что это он пытается меня вытащить туда — не знаю даже, как это назвать; вытащить, чтобы встретиться там? Попробовать, вспомнив его уроки? Ну, пусть не удастся, ничего не потеряю: сейчас все равно ничего другого я предпринять не в состоянии. Кстати, когда он снова приходил в себя, то выглядел так, словно только что зарядился до предела. Может быть?..

Вспоминай, как он тебя учил. Принять позу. Закрыть глаза. Не думать, ни о чем не думать. Разве это возможно? «Гнать, — говорил он, — всякую мысль, едва только она собралась высунуться».

Так. Мыслей нет... Нет... Не...»

Глава пятая

1

Те, кто знаком со мной, возможно, помнят, что перед тем, как начать выполнение очередного задания, я ухожу в глубокую медитацию. Не для того, чтобы получать какие-то инструкции: те, кто ведет каждого из нас с вами (независимо от того, знаем ли мы, что нас ведут, или об этом и не подозреваем, или подозреваем, но никак не желаем признавать), никаких инструкций не дают. Но помогают перед началом действия разобраться в самом себе и сделать какие-то выводы. Потому что успех или неудача любого предприятия зависит в первую очередь не от точного расчета или стечения благоприятных обстоятельств, но от того, как ты сам относишься к предстоящему действу — а вернее, не то, что обычно кроется за словами «я сам», то есть не рассудок, не здравый смысл и даже не эмоции, но подсознание, которому всегда известно больше, чем тебе, и которое выражает свое отношение к задуманному не в словах, но в интуитивных

ощущениях, и ты невольно говоришь: «У меня такое чувство, что из этого ничего не выйдет» или, наоборот: «Чувствую, что все удастся как нельзя лучше». А подсознание делает свой вывод, сравнивая твой замысел с нормами Добра и Зла на схеме, доступной лишь Высоко Продвинутым. И если тебе повезет и во время медитации тот из них, в чьем круге внимания находишься ты, сочтет тебя достойным общения, он не только передаст тебе эту оценку, но и наполнит твое существо той энергией, при помощи которой только и достигается успех. Если же этого не происходит — никто не запретит тебе, разумеется, поступать по своему желанию, каждый человек обладает свободой воли; но если ты после этого даже и добьешься успеха, на деле он будет лишь кажущимся, иллюзорным, кратковременным и готовым вскоре обернуться к тебе своей тыльной стороной, и тогда никто тебе не позавидует. Сейчас я был уверен, что мое дело — самое достойное, но, может быть, так казалось только с моей точки, а с колокольни видно лучше?

Вот почему я направился не в рубку, а в каюту, и там прежде всего отключил всякую связь с «Триолетом»: сейчас никто не должен мне мешать. Записанные на кристалл мантры я всегда вожу с собой и сейчас был очень рад тому, что, собираясь на мнимую сушу, не взял их туда: они пропали бы, и пришлось бы восстанавливать их по мику, а я не мог поручиться за точность такой перезаписи. Я включил запись и начал, приняв позу, медленно выходить из связи с миром яви.

В первые мгновения мне — той части «меня», которая только и сохраняла активность, — сделалось не по себе. Если быть совершенно откровенным — я испугался. Потому что снова оказался в воде, только не в глубинах, а на поверхности. Шторма не было, дул умеренный ветер, но меня несло не по ветру, а в сторону, для чего сам я не делал никаких усилий: видимо, попал в течение. Волна была пологой, высотой до метра. Приподнятый ею в очередной раз, я огляделся. Неподалеку виднелся островок, заметно поднимавшийся над уровнем моря. Настоящая суша, и на ней, в самой высокой точке, я успел разглядеть башенку. На вершине ее дважды ярко блеснуло, но то не были выстрелы — работал проблесковый маяк. И это, и сама вода, в которой я плыл — светлее той, что была на Ардиге, и, как я успел почувствовать, не такая соленая, — все убеждало меня в том, что это другой мир, зачем-то именно сюда меня унесло, хотя мне хотелось почувствовать под ногами сушу, чтобы не тратить сил и внимания на необходимость держаться на поверхности. Ладно, суша, пусть ее и не так уж много, находилась в пределах досягаемого — надо было только до нее добраться. Плыть следовало почти точно по биссектрисе угла, образованного направлением ветра и течением; не самый лучший вариант, конечно, однако ничего не попишешь.

Я повернул и поплыл — брассом, на два гребка, неторопливо, чтобы экономить силы. Течение отпускало меня неохотно, а когда стало ослабевать, с курса сбивать принялся ветер. Не грубо, но настойчиво, ощутимо усиливаясь, свежея. Ничего, самое большее за час доберусь до берега, главное — чтобы там хотели меня увидеть и помочь, я редко прошу помощи, но на этот раз не вижу другого выхода. Какую-то надежду мне сейчас подают: если тебе приходится преодолевать какие-то препятствия, то это чаще всего бывает признаком того, что тебя хотя бы выслушают. Однако это вовсе не значит, что с тобой станут разговаривать. Моя — да и Лючаны — профессиональная деятельность никогда не вызывала у Продвинутых восторга, но им приходилось признать ее полезность — хотя бы в определенных случаях. Я надеялся, что сейчас отношение к этим делам будет более благоприятным, чем обычно: мы ведь не собирались делать ничего подобного, нас использовали втемную. Конечно, нас можно упрекнуть в том, что мы позволили так поступить с нами: при нашем опыте могли бы, серьезно поразмыслив, и просчитать ситуацию заранее. И все же...

Хорошо, что было над чем подумать сейчас: когда размышляешь в движении, оно происходит как-то незаметно, как бы само по себе, и когда ты снова оцениваешь обстановку, то с удивлением замечаешь, что продвинулся дальше, а устал меньше, чем предполагал. Так получилось и у меня сейчас: островок почти неожиданно оказался совсем рядом, дно здесь было очень пологим, и последнюю сотню метров я уже не плыл, а шел по приятному плотно-песчаному дну, вырастая из воды, на ходу обсыхая и воспринимая ветер теперь уже скорее с удовольствием, а не с досадой, как еще только что.

Конечно, мир, в котором оказываешься, погрузившись в медитацию, не настоящий в том смысле слова, как мы его обычно понимаем, то есть — не изменяющийся согласно нашим пожеланиям; чтобы изменить его, нужно произвести определенную работу. С нашей точки зрения, мир медитации виртуален, хотя те, кого мы там встречаем, уверены в обратном: для них виртуален как раз наш мир — или условен, если угодно. Так или иначе, если ты достаточно регулярно медитируешь, то этот, другой, мир становится почти таким же привычным для тебя, как тот, в котором ты родился и живешь, и законы, по которым этот, другой, мир существует, точно так же делаются привычными и уже не вызывают удивления. Поэтому я, взобравшись без особого труда наверх (ноги, правда, немного дрожали, но это просто потому, что я не успел еще, видимо, восстановиться после вынужденного купания в штормовую погоду), не стал удивляться тому, что никакого маяка там не увидел. Передо мной открылось обширное плато, оно казалось слишком большим для такого маленького островка, каким он выглядел с моря. Плато напоминало запущенный парк, в котором деревья росли вроде бы по какой-то системе, но за ними давно уже никто не

ухаживал, не формировал их кроны, не убирал валежник и опавшую листву; парк средних широт Теллуса, одним словом. В общем, это было естественно: тебя принимают в той обстановке, какая для тебя привычна, — если только ты не высказываешь каких-то особых пожеланий по этому поводу. Для меня сейчас обстановка не играла никакой роли, мне нужно было, чтобы меня выслушали и, может быть, помогли советом; на другую помощь я рассчитывать не мог, мне это давно дали понять: операции такого рода, какими мне приходилось заниматься, наверху (как я уже говорил) никогда не одобрялись. Но мне вполне могли подсказать, как найти и выручить Лючану; а взамен я был готов пообещать немедленно вместе с нею покинуть этот мир, предоставив Ардиг его собственным заботам. В конце концов, никакого контракта ни с кем я не подписывал и никаких обязательств на себя не брал. Итак...

Я шел по заросшей травкой тропе, петлявшей между деревьями; такие тропы прокладывают не для того, чтобы создать кратчайший путь между двумя точками, но ради самого процесса гуляния. Воздух был приятно сухим, хотя для островка это могло показаться странным; но в этом мире странность была нормальным явлением. Метры превращались в минуты; когда их набралось, по-моему, достаточно много, я слегка забеспокоился. Уже настало время, чтобы со мной заговорили, но ни единого импульса не возникало в мозгу, не говоря уже о звуках. Как правило, Продвинутые объясняются с нами, не сотрясая воздух, и это для них естественно. Однако на этот раз никто ко мне не обращался, звуки были всего лишь обычными звуками леса, а в голове суетились только мои собственные мысли.

Все бы ничего, если бы время, проходившее здесь, стояло на месте в реальном мире, но оно — и только оно — в обоих мирах было равно самому себе, а в том мире время меня поджимало. Так что я решил совершить определенную бестактность, а именно — заговорить первым. И для убедительности послал не только мысленный сигнал, но и вслух произнес громко и четко:

— Высший, я прошу только одного: хоть намека на то, где сейчас находится моя жена. Ей грозит беда, а она ни в чем не виновата, и вообще — да ты ведь знаешь все лучше, чем мы сами. Мы не собираемся сотворить здесь ничего плохого, вообще ничего, мы сразу же улетим домой — сразу же, как только я верну ее. Неужели в этом есть что-то, заслуживающее осуждения?

По-моему, сказано было достаточно. Но ответа не последовало. Никакого. Как я должен был понимать это? Полное недовольство? Почему?

Я даже остановился — от растерянности, наверное: таких случаев, когда тебя впускают, но с тобою не разговаривают, в моем опыте не было. Сейчас я был готов даже к самому крутому выговору, к какому-то наказанию — только не к такой вот равнодушной тишине. Есть ли смысл идти дальше? Похо-

же, что нет. Надо возвращаться в реальность и найти решение там. Поскольку тут мне не собирается помочь никто хотя бы потому, что здесь никого нет.

Или... кто-то есть?

Так я подумал, потому что впереди среди деревьев возникло какое-то движение.

То был человек. Я торопливо зашагал навстречу. Женщина. Лючана? Они прислали мне Лючану? Прости меня, Высший, я тут напустился на тебя совершенно напрасно, на самом деле ты совершил лучшее из всего, что мог. Я бегу, уже бегу!

И я действительно побежал к ней что было сил.

2

«Генерал-максимату Системы «Сотворение».

Докладываю: высланной поисковой парой номер шесть под моей командой, согласно Вашему приказанию, произведено задержание человека, предположительно члена экипажа корабля, чья неразрешенная посадка на планету была совершена минувшей ночью в районе нахождения Главной базы. Задержанный является женщиной, оружия или какого-либо специального снаряжения при ней не было. Возможно, при затоплении волной Великого прилива его смыло водой и оно затонуло. Всего нарушителей было замечено двое, второй разыскиваемый до сих пор не обнаружен. Не исключено, что он утонул или спасся в корабле, местонахождение которого до сих пор установить не удалось. Прошу разрешить дальнейшие поиски корабля, а также тела второго члена экипажа и, возможно, их спутников, если они существуют. В случае Вашего согласия прошу предоставить моей паре свободу действий и при необходимости — поддержку по моему запросу. Прошу также указаний относительно задержанной нарушительницы. В настоящее время она изолирована на Главной базе, никакой работы с нею до Вашего распоряжения не проводится. Ожидаю Вашего решения.

Подписала: начальник шестой пары Группы внешней безопасности, медиат второго градуса Маха».

3

Странно: где это я вдруг очутилась? Я думала, что окажусь где-то в пространстве, среди звезд и туманностей, буду видеть то, что обычно человеку недоступно — поля, потоки частиц, услышу голоса людей, которых давно уже нет в наших мирах, до меня будут доноситься мудрые слова, из которых я узнаю, как мне быть, что делать, где искать выход — ну, в этом роде.

Ничего подобного.

Мне кажется, я здесь уже бывала когда-то. Или в очень похожем месте. Это не город. Но место явно обжитое, не дикий лес, не бескрайняя степь и уж подавно не пустыня, ни песча-

ная, ни ледяная. Скорее похоже на дачный участок — хотя самой дачи не видно, сколько ни крути головой. Легкий-легкий ветерок, солнце, стрекозы — значит, вода тоже где-то недалеко. Я стою на тропке. И что-то беззвучно, но настойчиво велит: иди, иди по ней, иди туда, ни о чем не думай и не бойся ничего, только иди!

Иду. Не боюсь — бояться, собственно, пока нечего. Тропка виляет между деревьями, идет под уклон, достаточно пологий, но все же ощутимый. Скорее всего ведет к воде. Пойду к воде. Я люблю воду. Не боюсь воды. Может быть, даже выкупаюсь. Хотя... Никакого легкомыслия. Я ведь понимаю, что здесь я, как бы это сказать, не по-настоящему, на самом деле я совсем в другом месте и не в такой приятной ситуации. Я здесь для того, чтобы меня зарядили энергией, а может быть, подсказали, как выбраться из того варенья, в котором мы с мужем оказались...

Да! Главное-то в том, что здесь я надеялась встретиться с тобой, Ра! Это ведь ты все придумал. Где же ты? Почему заставляешь ждать?

Ну вот. Этого я и боялась: кто-то идет навстречу. Мелькнул между стволами сосен. И еще раз — уже ближе.

Нет, я совершенно не боюсь. Я умею постоять за себя в любой схватке. Но лучше бы обошлось без таких излишеств.

— Ау!

Каков нахал! Мало того, что идет сюда, еще и окликает!

4

«Начальнику шестой пары Группы внешней безопасности медиату второго градуса Махе. Выражаю благодарность за своевременные и успешные действия по задержанию нарушителя. Примите все меры к обнаружению и захвату совершившего несанкционированную посадку на Ардиг корабля. Находящихся на его борту людей желательно взять живыми — во всяком случае, некоторую их часть. Что касается задержанной нарушительницы, то полагаю, что вы сами, оба члена поисковой группы номер шесть, являетесь специалистами высокого класса, прошедшими всестороннюю подготовку, поэтому работу с задержанной будете проводить сами, а далее — в зависимости от полученных результатов. В случае новых задержаний к работе подключатся поисковые группы вторая и седьмая.

О ходе и результатах всех ваших действий оповещайте меня каждые три часа, если обстановка не потребует большей срочности.

Генерал-максимат Системы «Сотворение» Изод».

5

— Лючана! Люча! — заорал я дурным голосом. Тропа сделала очередной поворот, я сбежал с нее, чтобы сократить расстояние: когда цель видна, придерживаться дороги уже

вроде бы необязательно. Ни фига-с; неизвестно откуда возникла целая заросль кустов, причем злокачественных — с шипами, а я при всех своих достоинствах все же не носорог, и кожа у меня достаточно тонкая. Пришлось возвращаться, потеряв минуты две.

Женщина тем временем успела исчезнуть и снова появиться, уже ближе. И я подумал: ничего себе!

Я узнал эту даму, явленную мне в медитации. Но это не Лючана была. Нет. А узнал я ее потому, что совсем недавно видел ее — и не одну — в кустах на тогда еще сухой поверхности, в ситуации, так сказать, весьма пикантной и для моих — наших с Лючей — взглядов никак вроде бы не предназначавшейся. Ну ладно, там — это понять можно, мы на них наткнулись случайно, мы их не выслеживали. Но здесь, в другом, виртуальном мире, каким образом она оказалась? Мне ее прислали? А за каким — этим самым? Да я о ней и не думал совершенно, какого черта! Неужели подсознание подсыпало песочка в буксы?

Я остановился; но она если и заметила это, то отозвалась противоположным действием: пошла мне навстречу быстрее, чем до сих пор, словно боялась, что я в любой миг могу исчезнуть. Я действительно мог, но ей-то откуда это знать? Или она тоже медитирует? Но попасть в одно и то же медитационное пространство просто так нельзя — для этого нужно знать обо мне многое, слишком многое, столько нужно знать, что это просто невозможно! И тем не менее... Господи, тут крыша может поехать — только этого мне сейчас недостает.

А она, между тем, оказалась совсем уже близко, замедлила шаги, приближаясь, как будто та решимость, с какой она, завидев меня, устремилась вперед, вдруг у нее иссякла и вместо нее возникло сомнение, даже робость. Это было не очень понятно. Может быть, она собиралась встретиться здесь с кем-то другим? Со своим любовником, например? Тогда это просто случайное совпадение. Или ожидала именно меня, но в последнее мгновение увидела во мне что-то такое, что ее испугало? Так или иначе — мы встретились, и тому должны быть и причины, и следствия, пока мне совершенно неясные.

Конечно, я могу даже и сейчас уклониться от этой встречи: выход из медитации потребует лишь нескольких мгновений, и я окажусь для дамы вне досягаемости. Но хотелось верить: если бы предстоящее было слишком опасным для меня, то те силы, которые помогли мне оказаться здесь, как и всегда помогают, приняли бы меры, чтобы если и не отразить угрозу, то во всяком случае предупредить меня о ее существовании. А какая тут может быть угроза? Не в том же, что женщина продолжала приближаться и каждое движение ее становилось (во всяком случае, так мне казалось) все более вызывающим, наводившим на мысли, которые всегда определялись как греховные? «Вот интересно, — подумал я, словно больше думать было не о чем, — если

тут между нами что-то произойдет такое — будет ли это считаться изменой моей жене? Это ведь, если разобраться, всего лишь виртуальный мир, которого на самом деле не существует, а значит, и все, что в нем как бы происходит, в реальности не состоится. Хотя, может быть, именно для таких обстоятельств было сказано в свое время: кто согрешил хотя бы помыслом, уже целиком и полностью грешен — таким вот образом. Наверное, правильно: всякое действие начинается в сфере духа и лишь потом осуществляется телесно. А это значит...»

Дальнейшего продолжения эти благодатные рассуждения не получили, потому что женщина остановилась в шаге передо мной. На лице ее не было ни тени смущения. Скорее оно казалось деловым, и его никак нельзя было назвать веселым.

— Здравствуй, незнакомец, — сказала она, и ее голос оказался настолько привлекательным, что я даже не сразу сообразил: сказано это было на теллуре, на моем родном языке. Значит?.. Да нет, ничего не значит, тут же оборвал я себя, скорее всего, в медитационном пространстве человек наделяется и такими свойствами, какими не обладает в реальности. Сейчас ты в мире неограниченных возможностей, но, к сожалению, лишаешься их, как только покидаешь его.

— Что хорошего скажешь? — продолжала она. — Привез ли лестницу для дороги?

Пока она приближалась, я успел проиграть в уме несколько вариантов предстоящего общения. Но что она начнет с таких вот бессмысленных слов, мне никак не могло представиться. Я даже чуть-чуть растерялся.

— Ну... — пробормотал я, — честно говоря, не врубаюсь... — Похоже, женщина ожидала какого-то другого ответа; во всяком случае, она моргнула, и выражение глаз ее сразу же изменилось: из почти доброжелательного, каким оно показалось мне поначалу, стало совершенно официальным, то есть ничего не выражающим.

— Пустяки, у вас еще будет время врубиться, тут все в нашей власти, и это тоже, — она позволила себе улыбнуться. — Но, во всяком случае, это не главное, ради чего мы встретились, и не с этого мы начнем. Ты удивился, увидев здесь меня, а не кого-то другого?

Я подумал, что она явно хочет держать нити разговора в своих руках, а для этого один из лучших способов — задавать побольше вопросов, не давая собеседнику возможности задавать свои. Что ж — ответим взаимностью.

— Кого, по-твоему, я собирался здесь встретить?

Она снова улыбнулась — на этот раз снисходительно:

— Своего напарника, конечно. А вернее — напарницу. Но она не придет. Так что не жди напрасно.

— Почему же?

— Потому что она у нас. И ничего подобного мы ей не позволим.

— У вас — это у кого именно? У тебя и того мальчика?

Я не очень рассчитывал смутить ее этим вопросом — и правильно сделал. В ответ она лишь усмехнулась и лишь слегка изменила свою позу: чуть повела плечом, шевельнула бедром, и я ощутил, как меня заливает адреналин, или то, что здесь, в этом пространстве, его заменяло.

— Не старайся сбить меня с темы, таинственный пришелец. Пока еще мы с тобой встретились на нейтральной территории, но все равно — спрашивать буду я. И если ты будешь откровенен, — тут она усмехнулась, я бы сказал, совершенно бесстыдно, — я, может быть, позволю тебе оценить мои способности — после того, как мы договоримся о главном.

— Нет, сначала все же спрошу я: кто вы? И зачем вам моя напарница? Да и от меня что вам нужно? Зачем ты пришла сюда? И каким способом проникла?

Задавая несколько вопросов сразу, вы невольно заставляете собеседника промедлить: ему нужно время, чтобы выстроить вопросы в удобном для него порядке, и сформулировать ответы так, как ему выгодно. Для него нет смысла вместо ответа самому задать вопрос: я легко парирую это самой простой защитой: «Ты не ответила на мои вопросы. Сначала ответь!» Сам же я эту рассчитанную паузу использовал, чтобы подумать: «Все-таки кое-чему я Лючану научил, и пусть не сразу, но, во всяком случае, в медитацию войти она сможет. Единственный способ помешать ей — это не давать ни минуты покоя, но ведь я давно уже передал жене умение ускользать и в таких случаях. Правда, понадобится немало энергии. Однако и это ей знакомо. Главное, чтобы Люча не растерялась. Но этого, я надеюсь, с нею не произойдет. Не такая она девочка...»

— Пришелец, — тут дама положила руку мне на плечо, и я понял: атака начинается. Не промедли с защитой. И не ослабляй внимания. Похоже, она получила неплохую подготовку. Ну что ж, тем интереснее. Откуда на дикой планете такие вот профессиональные красотки? (Это было легче подумать, чем сделать, потому что она уже стояла вплотную ко мне, слегка касаясь грудью моего предплечья, а чем коснуться — у нее было, причем немало). — Я немного устала, — продолжала она. — Присядем? Разговор может оказаться не очень коротким.

И она кивком указала на мох, росший тут же по соседству. Как назло, я остановился рядом с этим местечком, так и манившим расслабиться. Первой мыслью было отказаться: «Садись, а я уж постою». Но это означало бы признание своей слабости, так что моя собеседница получила бы некоторое преимущество. Не дождется. Правда, энергии у меня осталось не так уж много, так что, скорее всего, придется не нападать, а обороняться. Но, надеюсь, хоть на это меня хватит.

— Сядем, — согласился я, и она сразу же опустилась на мох и слегка потянула меня за руку, приглашая занять место рядом с нею. Я тоже уселся, сохраняя между нами некоторую дистанцию, чтобы продолжать контролировать себя. Она не сделала попытки придвинуться поближе. Видимо, ответы в том объеме, в каком мне следовало их получить, были у нее уже готовы, потому что она начала сразу же:

— Похоже, здешний прилив оказался для вас неожиданностью. Почему?

— Да, прилив... — повторил я невольно и тут же потряс головой, чтобы не вернулись недавние переживания: сейчас они были бы совершенно ни к чему. — Что, у вас такое часто бывает? Нам обещали прекрасный климат, тишину и покой...

— А откуда ты пришел? Зачем? Незнакомец, для тебя и для твоей женщины будет лучше, если ты откровенно расскажешь мне все тут, где я не могу причинить тебе никакого зла, как и ты мне; лучше — потому что в следующий раз мы встретимся уже в условиях, когда я смогу причинить тебе многие неприятности...

— Ну да, — сказал я, — ты с мужчинами сурова — был тому невольным свидетелем.

— Ты о моем напарнике? — улыбнулась она. — Ну, он сейчас в том возрасте, когда обладание женщинами кажется главным, если только не единственным важным делом в этой жизни. Знаешь, в общении с такими жеребчиками бывают ситуации, когда проще уступить, чтобы отделаться, чем сопротивляться, тратя силы и душевное спокойствие, но я не поощряю нахалов. Кстати, сейчас твоей напарнице приходится решать именно эту задачу: он успел положить на нее глаз и не отстанет от нее, пока не добьется своего. А у него будут для этого все условия, потому что в мое отсутствие охранять ее должен именно он, мой напарник, точно так же, как задержанная — твоя.

«Моя жена!» — чуть было не выкрикнул я. Но вовремя успел подавить это желание. Надо признать — то, о чем она рассказала, неплохой способ помешать уходу в медитацию. Только ведь Лючана не маленькая девочка, так что...

Но тут у меня возникла новая мысль — надо сказать, совершенно не ко времени. Даже не мысль, а воспоминание о том, по какой причине я не так давно сбежал из дому на Стрелу-третью, с чего и началась наша последняя пока операция. Во мне взыграла ревность, и мне почудилось, что такого рода занятия Люча практиковала не только со мной; так подумать немудрено, если вы, действуя, находитесь порой в разных углах Галактики, а ей везде приходится играть роль одинокой и, значит, более или менее доступной женщины. Позже я, правда, убедил себя в том, что был не прав, подозревая ее. Убедил — потому что хотел так думать. Однако я ведь мог и ошибаться в этом? Люча летела

сюда за новыми впечатлениями, а такие эпизоды как раз относятся к новым переживаниям. Черт бы побрал эту девку!

Нет, последние слова относились не к Лючане. А к той, что сидела рядом со мной. И как бы всем телом говорила: «Перед тобой возможность ответить тем же — тебе ведь тоже новые впечатления сейчас не противопоказаны! Тем более что не придется преодолевать никаких антипатий: фемина хоть куда».

— Значит, напарник, — повторил я ее слова. — И в каком же ремесле, если не секрет?

— Теперь это ни к чему скрывать. Мы с ним — из Группы безопасности. Внешней. Поисковая пара.

— Вот как!

Это кое-что проясняло. И уровень ее подготовки. И даже...

— Значит, вы не случайно оказались вблизи от нас? Но что мы такого сделали, чтобы нас преследовать, задерживать, допрашивать? Что вам нужно?

— Взять вас. И ваш корабль тоже.

— Что же не взяли?

Она усмехнулась иронически:

— Из-за этого мальчугана. Его впервые дали мне в напарники, раньше я с ним не работала — он был во внутренней группе. Если бы он не попытался взобраться на меня, мы успели бы. А вы нас даже не увидели бы...

— Ты заметила?

— Чужие взгляды я чувствую безошибочно. И еще потому, что тогда мы успели бы до прилива. Но все же мы возвратились не с пустыми руками.

— Ладно, вернемся к нашим делам, — сказал я. — Не пойму, зачем мы вам понадобились? Мы прилетели с одним желанием: отдохнуть на безлюдье. Ардиг не закрыт для посещений. Мы ничего не нарушили. Вы так обходитесь со всеми гостями?

Она покачала головой:

— Не со всеми. Обычно мы не препятствуем туристам, даже если они заранее не предупреждают о своем визите. Но вы как-то не соответствуете образу безмятежных отдыхающих, ищущих тишины, покоя и незадавленной природы.

Начать хотя бы с того, что прибыли вы неким непонятным способом. Каким-то образом оказались на военном корабле, пусть и декорированном под яхту, возможно, ухитрились где-то захватить его, не исключено даже, что вы просто спасаетесь от преследования властями вашего мира. Судя по языку, вы с Теллуса? И не в ладах с законом?

— Ну и что же? По-твоему, таким людям, как мы, никогда не хочется отдохнуть, побыть в отдалении от больших событий?

— Отчего же: хочется, конечно. Но если они выбирают местом для отдыха мир, в котором мы работаем, то мы невольно принимаем во внимание все обстоятельства: и то, на

каком корабле они прибыли, и все предшествовавшие события, с этим связанные. И то, что ты каким-то образом оказался в этом вот пространстве — в нашем пространстве общения...

— Что-то я не понимаю, о чем ты. Объясни.

— С этим успеется, надеюсь, у нас впереди будет много времени для разговоров. Я думаю, что сказала тебе достаточно. И теперь тебе предстоит выбрать, как мы будем с тобой разговаривать: как офицер безопасности с арестованным или как равный с равным. Разумеется, ты понимаешь, что это будут разные разговоры. Речь идет о твоей судьбе.

— Знаешь, — я попытался усмехнуться поестественнее, — ты ведешь себя так, словно мы находимся в вашей допросной камере. Вспомни: мы совсем в другом пространстве, и ты даже при всем желании не смогла бы ни задержать меня здесь, ни вызвать кого-нибудь на помощь.

— А я и не хочу этого. Если ты согласишься с моим предложением...

— Я его еще не слышал, коллега.

— Разве? Ну, оно очень простое: там, в реальном мире, ты добровольно сдаешься нам, делишься той информацией, какой обладаешь, и становишься свободным человеком в прекрасном и свободном мире, жить в котором намного лучше, чем может показаться на первый взгляд. Скажи сразу, что согласен, — и я перестану донимать тебя угрозами.

— Надо еще подумать. А если я скажу «нет»?

— Мы очень скоро найдем тебя в реальности. Поскольку твоей партнерше придется рассказать — или уже пришлось — все, что ей известно, то есть, я думаю, столько же, сколько знаешь ты. А если этого окажется недостаточно, то мы просеем через сито весь океан, но выудим тебя вместе с твоим кораблем. На этот раз мы не позволим ему уйти, как...

Я невольно насторожился. «На этот раз не позволим» — значит, они однажды уже упустили его? Когда, где? Да здесь, наверное, где же еще. Интересный предмет для размышлений...

Но моя собеседница и сама, кажется, поняла, что последние слова ей говорить не следовало. Наверное, у нее и в самом деле был наработан немалый опыт, подсказывавший ей, что сказанное не прошло мимо моего внимания. И что разговор нужно срочно переводить в другую плоскость. Глубоко вздохнула, придвинулась ко мне так, что смогла склонить голову на мое плечо. И совсем другим тоном — тихо, как бы извиняясь — проговорила:

— Извини, но я страшно устала. Гоняться за тобой так трудно, да еще раньше пришлось выложиться до предела, чтобы дойти до базы, сам помнишь, в какую погодку. А ты сам разве не устал? Мне вот так и хочется прилечь и забыться — хоть ненадолго. Ты быстро восстанавливаешься?

Таким вот дружеским стал разговор — как бы ни с того ни с сего. Женщина и впрямь выглядела усталой, и если бы она не объявила открытым текстом, что является офицером безопасности, я, чего доброго, поверил бы ей. Но каждый из нас, кроме всего прочего, обязан быть еще и актером, чтобы сыграть без всяких репетиций любую роль во всякой, даже внезапно возникшей на пустом месте мизансцене. То есть я и сейчас не сомневался, что она устала, сам тоже находился не в лучшей форме, а прилив был один и тот же на всех. Правда, мне удалось в реальном мире хоть немного отдохнуть, валяясь без сознания. Однако еще лучше я понимал то, что с ее стороны это лишь чистой воды игра: все, что можно было сказать об усталости, относилось только к нашим физическим телам — а тут их на самом деле не было, нам обоим только представлялось, что мы здесь совсем такие же, как там; поэтому никакой усталости она не ощущала, нечему было уставать, просто в спектакле закончился первый акт и начался второй.

Акт, да. Словечко со многими значениями...

Подыграть ей? Или гнуть свою линию? Дзюдо или сумо?

Я выбрал дзюдо.

— Я тоже устал. Просто адски. Так и тянет прилечь. Только, боюсь, тут места для двоих маловато.

Она, уже лежа, полузакрыв глаза, пробормотала, как бы засыпая:

— Ложись вплотную, уместимся. Не бойся, не укушу...

Я улегся. Если между нами еще и оставались какие-то миллиметры, то они мгновенно исчезли после того, как дамочка сразу же придвинулась ко мне. И тут произошло нечто, чего я, откровенно говоря, совсем не ожидал: не думал, что она может работать и по такому классу. А суть заключалась в том, что после этого микродвижения я ощутил ее тело своим телом — не через мой гидрокостюм и ее снаряжение, но своей собственной кожей ее кожу. И уверенность в том, что наших реальных тел здесь нет и быть не может, стала испаряться мгновенно, словно капелька воды на языке раскаленной лавы. Наверное, я вздрогнул, она почувствовала это и тихонько усмехнулась:

— Только не говори, что так не лучше.

Это и на самом деле было бы чистым враньем. Ощущение было более чем приятным, и — странное дело — мысли о греховности помыслов почему-то не возникли именно тогда, когда могли бы, может быть, принести какую-то пользу. Возникло нечто другое — то, что проще всего назвать желанием. Желанием обладания. Желанием близости. Слабый все-таки народ мы, мужики. А плоть оказывается сильной — даже там, где ее, строго говоря, вовсе нет. Но ведь на самом деле все сосредоточено в тонких телах, без которых плоть — всего лишь человечина,

 пищевой продукт для плотоядных.

Проигрываю, понял я ясно, хотя она, собственно, вроде бы ничего не делает, ни пальцем не шевелит, и тем не менее воля моя и умение самоконтролироваться утекают, как вода из решета, меня уже можно брать голыми руками. Аттрактанты хреновы! Никогда не думал, что их можно и выделять, и воспринимать здесь, в этом пространстве. Выходит — можно? Собственно, их самих может и не быть, но есть нечто, вызывающее соответствующую реакцию. Прежде не приходилось об этом задумываться, потому что подобной медитации я не переживал еще ни разу. Если я сейчас же не найду никакой защиты, проиграю окончательно. Что же тут можно придумать?

То есть можно применить самый простой способ: бежать. Выйти из медитации и прийти в сознание на борту корабля, в отведенной мне каюте. И наплевать, что об этом подумает соблазнительница. Я бы сделал это хоть сейчас, но мне нужно получить от нее самое малое — все то, что ей известно о Лючане. Без этого я не уйду и не должен позволить уйти ей. А это значит, что нажимать серьезно нельзя. В реальном мире можно, а здесь — никак: не удержишь в пространстве медитации того, кто не хочет в нем остаться. Что?

— Ра! Ра, ау-у...

Почудилось, наверное: из дальнего далека едва слышный долетел голос Лючаны. Да, ее голос, без сомнения. Или иллюзия?

— Ра! Ра-а!..

Это она! Несомненно!

— Ра! Отзовись же!

Лежащая рядом со мной женщина ничего не слышит. Ей и не следует. Но на сей раз голос прозвучал совсем рядом.

Я невольно приподнялся на локте. Чтобы оглядеться: может быть, Люча и в самом деле где-то тут?

— Я... тебе не нравлюсь?

Это сказано с ноткой недоверия: разве она может не нравиться нормальному мужчине?

— Нравишься, еще как!

— Правда? Тогда хочешь — я тебе помогу?

Я и в самом деле этого хочу. Только не для того, что имеет в виду она. Если у меня получится задуманное — значит, мой класс все-таки повыше. Изрядно повыше.

— Сейчас я добавлю тебе силы...

На это я и рассчитываю. Сейчас она установит канал, это она может сделать лишь при помощи собственной энергии. Потом по каналу пойдет уже энергия окружающего нас пространства. Это азы. Но мне сейчас нужно не упустить момента и, как только канал установится, не позволить ей отключиться от него, но тянуть энергию из нее, сделаться лихим энергетическим вампиром. Я вообще не принадлежу к таковым, но технология мне знакома — обучение ей входило в курс моей подготовки.

— Да, пожалуйста...

Думаю, что мысленно она сейчас улыбается, хотя внешне лицо ее выражает лишь сосредоточенность. Я тоже улыбаюсь, лицом этого никак не показывая. И в самом деле чувствую: канал устанавливается. Встал прочно. Сейчас она отключится. А я этого не позволю. На самом деле энергии у меня и так достаточно. Больше, чем у нее, потому что я вообще от природы более энергоемок. Вот моя соседка нахмурилась: чувствует, что происходит что-то не так. Закрыв глаза, концентрируется на нужных действиях. Но я уже успел перекрыть ее путь отключения. Я уже ворвался в нее — не так, правда, как ей хотелось. Прости, красавица, мы все-таки не союзники и вряд ли когда-нибудь станем ими.

Ее сопротивление моему вторжению ощутимо слабеет. Мне стало даже как-то неудобно: все-таки я совершаю насилие, хотя в уголовном праве подобные действия еще не получили такого признания.

Я в упор смотрел ей в глаза, и ясно было видно, как менялось их выражение: от уверенности — к сомнению, вот появился и страх...

— Что ты?.. — Ей уже трудно стало говорить.

— Я выкачаю тебя досуха! — немного угрозы не помешает. — Там, у себя, ты и на ноги встать не сможешь — и долго. Если только вообще очнешься.

Она прекрасно понимала, что это не пустая похвальба.

— Отпусти меня!.. — Это уже вопль отчаяния. — Тут нельзя так поступать!

— Это мое пространство, ты в него вторглась — значит, на тебя правила не распространяются. Могу сделать с тобою, что захочу. Могу и отпустить.

— Отпусти...

— Если ответишь на вопросы.

— На... какие?

Неужели решила, что может еще выбирать, на что отвечать, на что — нет?

— Где моя напарница?

— Она... на Главной базе.

— Координаты! И — что происходит на Ардиге? Главное! Быстро!

Но больше я не услыхал от нее ни слова. Веки опустились, закрывая ее глаза от моего требовательного взгляда. Вырубилась, понял я. Нет, не потому, что исчерпала всю свою энергию: я ее контролировал и этого себе не позволил бы. Она отключилась потому, что сделала соответствующее усилие. Хорошо известный способ уйти от неприятных вопросов, от любознательности дознавателей. Подготовка на хорошем современном уровне.

Похоже, мне надо возвращаться в реальный мир. Информации я получил немного, но все же больше нуля. Знаю хоть, что нужно искать. Но вот Лючана: я ведь действительно

слышал ее. Но не видел и не вижу. А между тем голос ее мог донестись до меня только в случае, если она тоже оказалась в медитационном пространстве. Может быть, надо задержаться — и я найду ее сейчас же? А уж она объяснит мне, что нужно сделать, чтобы освободить ее и в настоящем мире. Введет в обстановку.

— Лючана! Люча-а!..

Молчание. Нет, искать ее придется все-таки там. Поэтому — ухожу.

Маха осталась в одиночестве. Думалось тяжело, в голове — вата. Пора возвращаться в реальность. Но что-то у нее оставалось тут несделанным. Хотя очень нужным. Именно тут.

Ах да. Ведь на это пространство защитный кокон не распространяется? Кажется, нет. Значит, можно попробовать сообщить... Обязательно нужно. И о том, что корабль захвачен неизвестными, и о том, что удалось неожиданно установить, где те пятнадцать человек...

6

«Генерал-максимату Системы «Сотворение».

Докладываю: мой начальник в паре, медиат второго градуса Маха, не сумела выполнить задание по задержанию нарушителя в его пространстве общения. Будучи заброшенной туда, она успешно вступила в контакт с разыскиваемым, однако в ходе единоборства не смогла одержать верх, растратила запас энергии и была вынуждена в последний момент аварийно эвакуироваться в реальность, так и не получив необходимой информации. В настоящее время нуждается во временном освобождении от работы для полного восстановления сил.

Таким образом, сейчас в нашем распоряжении остается единственный источник получения интересующих нас сведений — задержанная ранее женщина, напарница разыскиваемого нарушителя. Для ускорения процесса получения информации прошу разрешения использовать методику форсированного допроса.

В ожидании Вашего ответа — минимат первого градуса Идо Си».

«Минимату первого градуса Идо Си.

Лично, немедленно!

Разрешаю применить к задержанной те методики допроса, какие сочтете уместными и продуктивными. Желательно, однако, избежать необратимых последствий, поскольку эту фигуру возможно будет разыграть в дальнейшем.

Ваши успехи в получении интересующих нас данных будут способствовать успешному прохождению вами дальнейшей службы, в то время как неудачи произведут обратное действие.

С пожеланием успехов — Генерал-максимат Системы «Сотворение» Изод». **737**

7

Нет, это был не Ра. С каждым шагом Лючана убеждалась в этом все больше. Не та фигура: этот человек — крупнее, шире в плечах, длиннорукий, длинноволосый. Другая походка — более упругая, стремительная, можно даже сказать — он движется агрессивно, в любой миг готов напасть. Чужой. Но... не совсем. О нем нельзя сказать «впервые вижу». Где-то, совсем недавно...

Ах, вот кто это: тот, кто был в лесу, а потом и в капсуле. Да, он.

Лючана испытала мгновенный, подсознательный страх. И он заставил ее крикнуть, даже не просто крикнуть, а воззвать о помощи:

— Ра! Ра-а!

И еще, и еще раз.

Ей почудилось даже, что какое-то подобие ответа пришло. Шевельнулось в сознании, но так и не оформилось в слова. Значит, Ра сейчас далеко. Очень далеко.

А этот человек уже совсем рядом. Он улыбался. Но его улыбка не радовала. Скорее то был оскал. Оскал хищника, уже загнавшего добычу и готового к последнему, победному прыжку.

Лючана остановилась. Оглянулась. Повернуться и бежать, что есть сил мчаться куда глаза глядят, только подальше от него.

И, наверное, в следующий миг бросилась бы наутек. И напрасно, потому что он догнал бы ее в два счета: молодой, длинноногий, без малейшего признака усталости. Он оказался рядом и схватил ее за руку. Грубо схватил и сильно стиснул.

— Ну вот мы и встретились, красотка, — сказал он, голос чуточку дрожал, явно от возбуждения. — Я ведь предупреждал: от меня не уйдешь. Придется тебе с этим смириться. Только не надо бояться: ничего плохого я тебе не сделаю. Если, конечно, поведешь себя разумно... — Он говорил быстро, а его ладони уже вовсю шарили по ее телу и тоже говорили на своем языке, хорошо понятном ей. — Сейчас мы немножко поиграем в веселую игру, тебе будет приятно, а потом ты ответишь на все вопросы, какие я задам, и сохранишь здоровье, а может быть, и не только его...

Плотно притиснутая к нему, она своим телом чувствовала его плоть — если только это действительно было плотью, но сейчас не время было рассуждать на отвлеченные темы. Сильные удары его сердца передавались ей. И почему-то именно это вдруг помогло Лючане прийти в себя. Хотя, может быть, главным оказался все-таки стыд.

Стыдно стало оттого, что она растерялась в такой обстановке, в какой теряться никак не следовало — с ее опытом и умениями. Наверное, ее ослабила уверенность — или надежда — непременно встретить тут Ра и получить от него нужную помощь. И то, что вместо него оказался другой, невольно выбило Лючану из колеи. Но сейчас она поняла главное: то, что здесь очу-

тился этот мужик, могло означать, что Ра сам попал в сложное положение и не только не может прийти ей на помощь, но, наоборот, сам нуждается в ее содействии. Она вновь ощутила себя самостоятельной единицей, независимым агентом, с которым даже очень сильному противнику справиться будет не так-то просто, если вообще возможно.

А прижимавший ее к себе мужчина был, наверное, в эти мгновения слишком занят собственными переживаниями, предвкушением того, что должно было произойти в следующие секунды. Его руки уже насытились знакомством с ее спиной, ягодицами, бедрами и жаждали дальнейшей работы. Для того чтобы она стала возможной, надо было немного отстранить женщину от себя, создать пространство, в которое могли бы войти ладони. Не откладывая. Потому что он уже совершенно созрел для...

Он так и сделал. Создал пространство, достаточное для мгновенного удара, нанесенного ее коленом по ахиллесовой пяте любого мужчины, которая находится не в задней части стопы, как считали древние, но значительно выше.

Удар получился славным. Как на тренировке в зале. И был нанесен от души. Так что колено даже немного заболело. Но это ее не смутило.

— Сопляк, — сказала Лючана презрительно, глядя сверху вниз на невольно скорчившегося, упавшего на колени и прикрывающего ладонями больное, очень больное место. — Потренируйся на манекенах, ничтожество. А сейчас отдыхай, мне некогда тут проводить с тобой время.

Из всего связанного с умением медитировать она особенно запомнила одно: выход. Так что покинуть это пространство, оставив там незадачливого кавалера, не потребовало большого труда.

Ей не подумалось в тот миг, что выйти из медитации можно только туда, откуда ты в нее вошел. То есть — в запертую камеру. В первые мгновения, очутившись там, она испытала огорчение. Но одновременно ощутила, что чувствует себя намного лучше, чем перед путешествием в воображаемое пространство. Энергия словно прилила к ее телу. Помог ли ей каким-то способом Ра, или она сама ухитрилась воспринять энергию в процессе медитации, а может быть, отобрала у того кобеля — так или иначе, Лючана снова почувствовала себя в рабочей форме.

Похоже было, что эта форма понадобится ей в самом недалеком будущем.

8

Ограбил я ее, беднягу, дочиста, обобрал и бросил там, словно разбойник с большой дороги, — вот какой была первая мысль, возникшая у меня, как только я пришел в себя в каюте корабля. Это меня несколько удивило: не в моих правилах жалеть побежденных противников; но тут же я успокоил себя, ре-

шив, что все в совершенном порядке, просто на сей раз противник оказался женщиной, а женщин мне всегда становится жаль, когда им не удается достичь своей цели, женщинам я изначально сочувствую. Хотя это, быть может, лишь одно из проявлений мужского высокомерия, которое, кстати, не позволяет мне ставить победу над представительницей нежного пола себе в заслугу. «Нежного» — это подумалось не без ухмылки. Окажись тогда у хрупкого создания пистолет в руках — уж она проявила бы всю свою нежность, всю обойму в упор и наверняка — в живот: на самом деле они бывают очень жестокими.

Но вскоре мысли встали на правильный курс, пройдя по нормальной ассоциативной цепочке: пистолет — оружие — операция — поиски и освобождение Лючаны. Стоп. Подробности, как говорится, письмом.

Начнем с оружия. Его у меня просто нет. Единственное, чем мы располагали — охотничьи иглометы с оптикой, — упокоилось сейчас где-то на дне морском, на очень приличной глубине. Так что оружием можно было бы разжиться разве что в бою. А ввязываться в какой угодно бой с голыми руками мне не очень-то хотелось. Потому что если местные обитатели ухитрились перехватить меня даже в медитационном пространстве, моем собственном, куда без моего приглашения вроде бы никто не мог проникнуть, если это оказалось им по силам, то, надо полагать, в любом оружии они недостатка не испытывали. Впрочем, все это пока на уровне предположений. Факт существует лишь один, зато неоспоримый: я безоружен.

Хотя как сказать. Если утверждение относительно того, что знание является силой, справедливо, а сила сама по себе уже является оружием, — то я в какой-то степени вооружен. Потому что после романтической встречи в том пространстве какое-то знание у меня появилось. Правда, информации я сумел получить весьма немного. Тем не менее и ее можно было принять за конец нити, которая, если действовать правильно, сможет привести к самому клубку, затем и размотать его, а в его середине должна оказаться моя благоверная.

Я сразу же установил себе предел: никаких замыслов, никаких других задач, кроме этой, перед собой не ставить. Вот когда окажемся вместе, тогда и подумаем над тем, станем ли резвиться тут или постараемся исчезнуть как можно быстрее хотя бы для того, чтобы потом откровенно высказать Иваносу все, что мы думаем о его поведении относительно нас. Сейчас я полагал, что именно этот, второй, вариант окажется для нас наиболее приемлемым. Но начинать обычно рекомендуется с начала, не пытаясь сразу заглянуть в ответ.

Итак, что мне стало известно нового и достоверного? Видимо, название места, в котором держали Лючану. Как эта дама сказала? «Главная база», вот как. Координаты я получить

не успел: соблазнительница ускользнула. Но это и не столь важно. Эта самая база не может находиться далеко, наоборот, до нее должно быть всего ничего: достаточно оказалось вспомнить, с какой скоростью лодка, выудившая Лючану, двигалась и через какое время мне стало ясно, что ее куда-то привезли. Детская арифметика. А дальше пусть работает техника.

— «Триолет»! Прошу начать поиск. Предмет: сооружение на... на дне моря. Район поиска: площадь радиусом в двадцать миль, расширяя радиус в случае необнаружения. Результат сообщить немедленно.

«Программа запрещает понижать уровень демаскировки».

Я ответил не сразу: тут было над чем подумать, следовало выбрать наименьшее зло из всех возможных. Сейчас мы были неощутимы для наблюдения извне; конечно, в мире существовала техника, способная обнаружить нас и в режиме невидимости, но вряд ли она успела добраться до Ардига хотя бы потому, что платить за нее приходится совершенно дикие деньги. Так что, пока мы вели себя тихо и скромно, опасности для нас вроде бы не возникало. Но стоит нам проявить малейшую активность, скажем, начать прослушивание окружающей среды, как достаточно чуткие следящие устройства смогут зафиксировать нас хотя бы как неопознанный объект, поглощающий звуки, а для опытного специалиста этого будет достаточно, чтобы взять пеленг — ну, и так далее. Я уже не говорю о радарном поиске и прочих методиках. Однако ничего не делая, мы ничего и не добьемся, да?

— Твои предложения?

«Могу выпустить кикер-зонд».

Ага. Об этом я не подумал. Просто потому, что о нем забыл, а забыть — все равно что не знать. Быстро вспомним! Мик! Ага: ведет инструментальную разведку... Обладает свободой передвижения... Остронаправленная связь... информация аудио-видео... Радиус устойчивой связи в пределах двенадцати миль на поверхности и до тысячи метров по глубине... Управление импульсное, передается лишь номер программы, какую следует выполнить в данный момент. Скорость движения: при погружении 8 узлов, на поверхности моря 20 узлов, в воздухе 125 узлов. Запас хода: на глубине четыре часа, на поверхности семь часов, в воздухе три часа тридцать минут... Встроенная программа самоуничтожения... Ладно, годится. Даже в худшем случае — если зонд обнаружат — наше местонахождение останется неизвестным, а поскольку при попытке захвата он взорвется, то и следов не оставит. А что-нибудь да успеет сообщить мне.

— Добро. Запускай.

«Выполняю».

Вот и прелестно. С одной стороны. А с другой — я волей-неволей оказался в положении пассивного наблюдателя: могу только сидеть и ждать, пока зонд не зацепится за что-

то стоящее. Но я сейчас не в том состоянии, чтобы бездельничать. Все-таки беспокойство за Лючу — сильный, постоянно действующий раздражитель. Даже если этот их сексуальный маньяк... Стоп. Никаких мыслей об этом. Иначе ты, чего доброго, начнешь ломать мебель. Казенную. И станешь жалеть, что эту красотку отпустил целой и невредимой. Уймись. Отложи на время. Может быть, как-нибудь выйдешь и на него, тогда и дашь волю эмоциям — и рукам тоже. А сейчас...

«Докладываю: зонд выведен благополучно. Режим — высота над дном десять метров. Фиксирует удаленные объекты на NW. Взял курс на них».

Так. То есть мы начали обрабатывать полученную информацию. Вернее, часть ее. Потому что я ведь получил и еще кое-что. И, быть может, не менее интересное.

А именно: тогда та, с позволения сказать, недотрога сказала... Как там она сказала? Ну-ка... Ага: «На этот раз мы не позволим ему уйти». Тогда ты зацепился за эти слова, но размышлять о них не было времени. А вот сейчас, похоже, в самый раз.

Глава шестая

1

Ну вот, теперь пришла пора подумать всерьез. О чем? О тех словах?

Нет. Прежде всего о том, что генерал Иванос все-таки сукин сын, сукин сын и еще раз сукин сын.

Потому что теперь у меня не осталось уже ни миллиграмма сомнений: он не по доброте душевной загнал нас сюда, не для приятного времяпрепровождения. Он, может быть, не знал, что именно здесь надо искать, но уж точно имел информацию о том, что тут есть что-то, помимо сельскохозяйственных удобрений, в чем надо толком разобраться. И вбросил нас в операцию, как спящего швыряют в холодную воду — пока он еще не успел ровно ничего сообразить. Знал, чинодрал хренов, что сосватать нас, злых и усталых, на участие в серьезной операции ему не удастся, хоть бы он уговаривал и упрашивал нас до полного посинения и сулил бы все блага, какие только могли представиться его тощему воображению. Швырнул без малейшей подстраховки, без нормальной — и даже ненормальной — постановки задачи, без характеристики общей обстановки, короче говоря, все по старому рецепту: «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что...» Логично, как пожар в бардаке. Да нет, он не сукин сын, прости меня, собачка женского пола. Он просто...

Я запнулся в поисках наиболее точной и емкой характеристики былого дружка. И этой небольшой паузы оказалось достаточно, для того чтобы в контратаку перешли уже совсем

было задавленные мысли-оппоненты, оппозиционеры, и их оказалось неожиданно много.

Общая обстановка, да. О ней он не сказал ни слова, вообще даже не заикнулся о том, что существует какая-то конкретная обстановка, а это слово в профессиональных разговорах мы употребляем, только когда возникает ситуация, связанная не просто с серьезным нарушением закона, но с таким нарушением, которое может иметь глобальные в лучшем случае, а то и галактические последствия. Общая обстановка характеризуется, чтобы человек, привлеченный к операции, понял и оценил и свою роль в этой операции, и ее (а значит — и свое) значение для всего многомирового общества, для его нормальной жизни. Получив такую информацию, ты сразу начинаешь представлять и свою линию поведения, и тех, с кем понадобится сотрудничать или, наоборот, кого нужно изолировать от всякого сотрудничества — лучше всего в надежной камере, ну, и так далее. Иванос просто обязан был как следует проинформировать меня. Если что-то мешало ему сделать это прямо, в лоб, то он мог (на это он был мастером) вложить то, что было мне нужно, в такую упаковку, что никто и не придрался бы. Мы с ним давно научились понимать друг друга не столько по тому, что было сказано, сколько по тому, что осталось в умолчании. Со стороны такие наши разговоры казались несведущим какой-то игрой: один говорил несколько слов — и умолкал, не закончив фразу, собеседник же не спешил поддержать разговор, возникала достаточно продолжительная пауза. Только выдержав ее, Иванос произносил еще слово-другое — уже совсем вроде бы на новую тему, и снова следовала пауза, после которой что-то проговаривал и собеседник — я, предположим, — уже и вовсе без видимого смысла. На самом же деле разговор получался вполне связным и насыщенным информацией, просто твое мышление несколькими словами ориентировали в нужном направлении и давали время, чтобы ты мысленно отыскал и надлежащим образом расставил те слова, что остались непроизнесенными. Потом делалось уточнение — и снова пауза, а за нею ты давал понять, что усвоил суть сказанного или ни черта не понял, бывало и так, тогда разговор несколько затягивался. Да. Но на сей раз ничего подобного не было, напротив, у меня осталось впечатление, что Иванос после нашего отказа вообще не хотел говорить со мною и потому постарался побыстрее сбыть нас с рук — и с Теллуса вообще. Что это могло означать? Только ли заботу о нашей безопасности?

Я быстро пропустил через свои извилины возможные причины такого обращения со мной. Можно было, конечно, предположить, что где-то высоко-высоко возникло мнение: нечего Разителю, отставной козы барабанщику, совать нос в серьезные дела. Пока он ничего не учуял, загнать его куда-нибудь подальше, а чтобы его не очень тянуло домой, сплавить их вдвоем

с женой, пусть понаслаждаются жизнью вдалеке от «горячих точек». Могло так быть? Вариант имел право на существование, поскольку начальственную логику порою ничто не связывает с нормальной. Но то, чему я всегда верил больше, чем всему прочему в жизни — мое подсознательное ощущение, — говорило: нет, такого не было. Не в том дело, что ты кому-то там надоел или вышел из доверия. Не в том. И не ломай над этим голову. Ищи настоящую причину. А как одну из аксиом возьми вот какую формулировку: что бы там ни было, Иванос никогда тебя не закладывал, зато не раз приходил на помощь, даже когда ты его об этом не просил. Собственно, ты никогда и не просил выручить тебя. Лючану — да, но это совсем другое дело.

Он приходил. Почему? По старой дружбе? Да, но в меньшей степени. А в основном потому, что дело, которое ты делал, оказывалось и его делом, а в этом ничего удивительного нет, поскольку профессия у вас в общем-то одна и та же, как и интересы — главные, большие интересы, а не второстепенные, бытовые. И вот если бы события развивались по тому варианту, Иванос не стал бы избегать меня, но нашел бы способ сказать что-то большее, чем: «Знаешь, парень, погода здесь для вас такая, что линяйте куда-нибудь, чем дальше, тем лучше». Он должен был, кроме этого, сказать — пусть и не открытым текстом — еще вот что: «Мы сейчас ведем операцию галактического масштаба, ты в ней участвовать не захотел, но если вдруг окажется, что она вас каким-то образом заденет, пусть хоть самым краешком, то поспособствуйте нам по возможности, примените свои умения и квалификацию». Не обязательно такими словами, но я бы понял его в любой редакции. Однако он этого не сделал. И выходило, что, с одной стороны, я вроде бы ни от чего не отлучен, а с другой — в обстановку меня не ввели, а ведь когда кто-то из наших отправляется в космос хотя бы по чисто личным делам, его вводят в общую обстановку, чтобы он правильно ориентировался во времени и пространстве и не влетел ненароком в самую гущу событий, к которым не имеет никакого отношения. Иванос даже этой традиционной мелочи не сделал. Почему?

Я видел только один ответ: просто потому, что — применительно к местам, куда он нас отправлял, — у него сведений об этой обстановке вовсе и не было.

Ничего удивительного, если подумать. Не говоря уже об открытых данных, но если даже в информации, которой обладала Служба, об Ардиге были в основном лишь общие места и пустые слова насчет удобрений — откуда было взяться этим сведениям?

Так-так. Идем дальше. Что делает любой человек, причастный к делам вроде наших, если ему желательно иметь сведения, а их нет? Тут только одна возможность: человек принимает меры для того, чтобы информацию — получить, обстановку — представить.

А каким способом?

Если речь идет о планете с очень немногочисленным и к тому же сменным населением — посылают туда корабль. Сверху легче определить интересные места, чтобы затем направить туда тех, кто высадится на поверхность. А десанту удобнее будет разобраться в деталях на месте. И принять меры, если потребуется.

Но корабль послали не с группой, а с двумя людьми, не получившими никаких заданий.

Почему опять-таки?

Не знаю. Но попробую рассуждать от противного. Лично я послал бы такой кораблик в случае... ну-ну, думай... Уже горячо... Гм. Идиотская мысль. Да. И потому имеет шансы оказаться верной: послал бы в случае, если первая попытка — штатная, та самая, о которой я только что думал, — была предпринята еще раньше. Корабли Службы с такими вирт-капитанами, как «Триолет», способны садиться и взлетать, если даже на борту нет ни живой души. Была бы программа. Предположим, что корабль уже прилетал сюда. Что-то подозрительное зафиксировал. Взлетел, хотя ему наверняка старались помешать. И вернулся на Теллус.

Вот-вот. Что-то уже вырисовывается. Вернулся на Теллус. Там внимательно просмотрели и прослушали журнал. Кое-что, безусловно, извлечь из него удалось. Что же, правдоподобно. А потом?

Потом все просто, как в бане. Этот кораблик подлатали, там и сям чего-нибудь добавили, и...

Нет, что дополнили конструкцию — это несомненно. На таких корабликах по штату ВВ-установке быть не положено. Она там не нужна. Но возникла ситуация, надо полагать, когда она смогла бы понадобиться. И решили погнать его на Ардиг еще раз, поскольку «Триолет» успел, возможно, во время первого пребывания здесь наработать некоторое количество приемов самосохранения в этой конкретной обстановке. А погнать для того, чтобы он тут и остался в качестве мобильной ВВ-станции, по которой сюда могли бы попадать люди для выполнения разведывательных действий и, выполнив, убывать таким же путем. А мы с Лючей и в самом деле оказались просто попутчиками.

Кстати, это, конечно, лишь мое предположение — что именно «Триолет» был тем кораблем. Никаких конкретных фактов на этот счет у меня нет. Пока нет. Кроме разве что обмолвки здешней прельстительницы из службы розыска. Но интуиция говорит: он, он. А логика подсказывает: у этого корабля уже есть какой-то опыт действий на Ардиге; это не пустые слова — опыт корабля. Вирт-капитан — он же компьютер, он же мозг, называйте, как вам больше нравится, — машина аналитическая и самопрограммирующаяся, и поведению в возникающей здесь обстановке ей не надо обучаться с азов. Конечно, послали его. А что он до сих пор никак не дал мне понять, что он тут не впервые, так я его об этом и не спрашивал. Потому что ничего подобного не подозревал — по

врожденной глупости, наверное. Хотя если бы заподозрил, кое-что заметил бы и раньше, некие оттеночки его поведения.

Значит, проблемы корабля для Теллуса не было, а вот для Ардига она возникла уже во второй раз. Потому что корабль тут был, скорее всего, замечен в первый свой визит и опознан — во второй, нынешний. Но так подставить нас... Нет, генерал, какой ты все-таки...

2

Говорят, что когда кого-то вспоминают нехорошим словом, на него нападает икота. Наверное, из этого правила, как и из всех других, есть исключения — иначе трудно объяснить то, что когда Ра мысленно честил генерала Службы на все корки, Иванос ничего похожего не испытывал. Потому, быть может, что сознание его было занято совсем другими делами, с его точки зрения куда более важными. И в ту минуту, когда его пищевод должен был судорожно сокращаться, он только что выслушал очередной доклад своего адъютанта, думал об услышанном и задавал дополнительные вопросы.

— «Триолет» выходит на связь? Я ведь просил немедленно докладывать мне!

— Связисты докладывают, шеф. Но «Триолет» пропускает вот уже второй сеанс связи.

— Утешил, — проронил Иванос мрачно. — Что от резидента?

— То же самое: полное молчание.

— И вовсе весело. Вызывайте того и другого — непрерывно! И связистам передайте: пусть не боятся меня тревожить.

— Слушаюсь. Связисты говорят, что планета закрылась.

— Вот как! Ладно, свободен пока.

Генерал еще несколько секунд смотрел вслед адъютанту — даже тогда, когда тот затворил за собой дверь.

А на Ардиге, выходит, не все в порядке. Резидент молчит. Впрочем, это как раз может иметь простое объяснение: та связь, которой он обладает, даже не очень сильный колпак уже не пробивает, старая аппаратура. А вот «Триолет» такие штуки одолевает запросто. И уж если он молчит — значит, там приняли нешуточные меры. А может быть, и...

— Ну, что там еще?! (Совершенно не дают подумать!)

— Шеф, есть! Целый пакет информации — оттуда! Правда, приняли с трудом: мощные помехи, но кое-что разобрать можно.

— Это я и сам увижу. Итак, что же с Ардига?

Генерал включил секретарь, сразу же — декодер. На мониторе стал возникать текст. Рапорт за рапортом. «Триолет» докладывал, что он в порядке, обстановка спокойная, люди высадились на сушу, снаряженные для отдыха. Так. Это нормально. Что дальше?

Рапорт: обстановка угрожающая, необычайно сильный прилив... Что, что? Люди на борт не возвращались?

И они тоже? Но их-то за что? Хотя... Ну, погоди, рано тревожиться, это еще самое начало. Не успели вернуться. Что еще?

Рапорт третий: человек-один принят на борт в бессознательном состоянии. Информации о человеке-два на момент рапорта не имеется.

Наверное, в четвертом рапорте найдется и Лючана?

Четвертый, вот он: человек-один вернулся в нормальное состояние. О человеке-два информации не поступало.

Иванос оставалось только покачать головой и почесать в затылке по древней национальной привычке.

Отдых у друзей явно получался не таким, как было задумано. Генерал-то рассчитывал, что они там и в самом деле побездельничают, накупаются, подзагорят и начнут — как всегда это бывает — тосковать по работе. Лень — тоже талант, а его друзья и коллеги этим талантом, насколько он понимал, были обделены. И вот тут-то они и смогут кое в чем помочь.

А теперь надо думать над тем, можно ли как-то помочь им. Сразу не скажешь: они далеко, а серьезные заботы — близко. Пока непонятно даже, что там на самом деле: одни только шутки природы или же...

Ладно. Что хорошего сообщает резидент?

Да, тут качество совсем скверное. А новости — и того хуже.

«Захват корабля... Люди неизве... Кокон связи...»

А на закуску — самое главное:

«Тут пятнадцать залож...»

Так вот они где нашлись! Люди нашлись! Хотя другие — пропали. Пусть лишь один, но его — или ее — ты затолкал туда своими руками.

Вот тебе и новая задача, генерал: необходимо поскорее вытащить их оттуда. Исправить ошибку. Искупить вину. А каким способом? Если бы он мог отсюда управлять «Триолетом», но «Триолет» захвачен неизвестно кем. Наверняка так все и обстоит: резидент на Ардиге надежен, туфту не гонит. Конечно, пятнадцать пленников могли бы там навести шороху. Но для этого нужно сперва освободить их самих. А кто это сделает? Конечно, окажись там ты сам...

Мед с горчицей пополам. Блюдо на любителя.

И большая ложка, которой придется это есть, — и не кому-нибудь, а скорее всего тебе самому, генерал...

Иванос непроизвольно скривился, словно уже набрал этой смеси полный рот.

3

Маха, медиат второго градуса, пришла в себя не сразу: слишком много сил было потеряно во время схватки в воображаемом — или все же не только воображаемом? — пространстве да и после схватки тоже. Очнувшись, она обнаружила себя на том

самом месте, откуда отправилась выполнять задачу: в одном из кабинетов Внешней группы. Сидела в глубоком кресле, откинувшись на пологую спинку, почти лежа. Несколько мгновений понадобилось ей для того, чтобы установить: похоже, что все закончилось благополучно, и можно, пожалуй, вздохнуть облегченно.

Она так и сделала и только после этого позвала негромко:

— Партнер, ты далеко?

По ее соображениям, Идо должен был находиться в соседней, служебной каюте, а та, где сейчас она возвращалась в реальную жизнь, называлась рабочей и здесь располагалась вся приборная часть, аппаратура слежения и дальней связи, а также хранилось оружие — не табельное, а специфическое, каким нередко приходилось пользоваться в столь же специфических обстоятельствах. В эту каюту имели доступ только сами поисковики, поэтому ею пользовались и для медитаций, когда всякое постороннее вмешательство должно быть исключено. Да и в первой, служебной каюте мало кто имел право находиться. Вот почему Маха, услышав донесшийся оттуда звук шагов, решила, что там сейчас пребывает ее напарник, и позвала его.

Однако человек, переступивший через высокий комингс в следующее мгновение, оказался совсем не тем, кого она ждала; и, увидев его, она сразу же, сделав немалое усилие, поднялась на ноги и застыла в положенной стойке, хотя, правду говоря, ее еще немного пошатывало: вестибуляр не успел прийти в норму.

Генерал-максимат слегка помахал рукой:

— Сидите, сидите. Как самочувствие?

Маха пренебрегла разрешением: традиция требовала, чтобы она осталась стоять.

— В полном порядке, максимат.

Это было не так, конечно, и он это прекрасно видел. Но опять-таки иного ответа быть не могло: ищущие не жалуются. Тоже традиция. Как и то, что сиюминутное состояние здоровья не освобождает человека от причитающегося ему — все равно, поощрения или наказания. Женщину тоже: равноправие требует жертв.

— Рад слышать. И буду еще более рад услышать ваш рапорт о результатах поиска. В состоянии доложить?

— Я готова, максимат.

— Внимательно слушаю.

— Расчет был верен: я нашла его там, где и предполагалось. И действовала по разработке. Однако...

Маха запнулась лишь на мгновение, подыскивая самые подходящие слова для передачи того, что там произошло. Этого оказалось достаточно, чтобы генерал-максимат вмешался:

— Не надо обтекаемых формулировок. Уже по вашему состоянию понятно, что вы потерпели неудачу. Так?

— Так, — пришлось ей подтвердить.

— Вот теперь излагайте подробно. Как? Почему? В чем заключалась ошибка? Какова степень неудачи: полная? Частичная? Только правду, потому что от этого будут зависеть наши дальнейшие действия. Что вам удалось? Просканировали его сознание?

— Нет, — пришлось признать ей. — С его защитой я не справилась.

«Если бы справилась, то сейчас уже знала бы, что он за птица, откуда попал на этот корабль, каким способом завладел им. Пока поняла лишь, что к Службе Теллуса этот парень отношения не имеет. Но стоит ли сейчас говорить об этом максимату? Пока еще не знаю. Пожалуй, рановато...»

— Это предполагалось с самого начала, — продолжал между тем генерал-максимат. — Его подготовка, конечно же, выше, и осилить его на уровне сознания — задача не для вас и не для такой обстановки. Но ведь мы и рассчитывали вовсе не на это: вы должны были осилить его на эмоциональном уровне, на этом и строился расчет. Осилить — и как минимум, взять информацию. Именно поэтому вас и выбрали: в этом плане вы сильнее всех...

Она ожидала, что генерал скажет что-то подобное с легким намеком на улыбку. Но он не улыбнулся, и Маха поняла, что ее дела не то чтобы не очень хороши (это было ясно с самого начала), и даже не просто плохи, но очень плохи. Впрочем, подсознание успело подсказать ей это еще раньше: это было первым ощущением, какое она испытала, едва начав приходить в себя. Знакомое состояние, когда уже знаешь, что плохо, хотя еще не понимаешь, что же именно.

— Информация есть, но очень мало. Я выяснила, что сейчас он на корабле, откуда и ушел в медитацию...

— Это понял бы любой по тому, как он был одет.

— Да. И корабль его по-прежнему находится в том районе, где искомые были замечены перед Приливом.

— Он и не мог никуда уйти: движение мы обнаружили бы инструментально. Однако мы просеиваем полевым решетом всю воду, насколько хватает мощности, а результата нет. Его спасение не только в неподвижности, но и в активном сопротивлении обнаружению, и он мало того что прекрасно понимает это, но еще и обладает нужными средствами. Найти человека — значит найти корабль. Ради этой информации я и послал вас. Отвечайте ясно: почему вам не удалось расслабить его, самой повести игру?

«Найти корабль — не такая уж проблема, но максимату знать об этом никак не следует: заслуга признается лишь тогда, когда результат достигнут потом и кровью. Корабль я найду, но совсем не для него. Только попрошу подсказки...»

— Ошибки были в нашей разработке, — отвечала она тем временем.

— Интересно. В чем они заключались, по-вашему?

— Не следовало использовать сведения о его напарнице в качестве аргумента. Мы рассчитывали, что опасения за ее судьбу сделают его податливее и нарушат нормальную работу сознания, выдвинув эмоции на первый план. Но получилось не совсем так: эмоции, конечно, взыграли, но его партнерша оказалась сильнее... Если бы не это...

— Может быть. Но разработка тут ни при чем. Оценив обстановку, вы сами должны были решить, как именно поступать. То, что вы просто выполняли этот вариант, говорит лишь о том, что вы отнеслись к делу недостаточно серьезно. И в результате — поражение.

Маха только вздохнула. В общем, она и сама успела понять: там нужно было действовать иначе. Но об этом она сейчас говорить не станет.

— Может быть, не такое уж страшное поражение, — осторожно попыталась она возразить. — Так или иначе, я произвела впечатление, я ему запомнилась...

— Чушь. Он что, назначил вам свидание?

И в этот миг она пережила озарение.

— А разве я вам не сказала ничего об этом?

— Уж поверьте: ни слова.

— В том-то и дело, что назначил!

Она ощутила прилив сил, подлинное вдохновение. Теперь только не останавливаться! Раз уж начала врать — ври как можно больше и невероятнее: скорее поверят. Главное — дать начальству остыть. Потому что самые крутые решения оно принимает по горячим следам, когда и в нем чувство становится сильнее разума. Если позволить генерал-максимату вынести ей приговор сейчас, он будет самым суровым. Примеров имелось достаточно. Тогда останется только один способ спастись. Но им можно воспользоваться лишь в исключительном случае. Потому что тогда все уже сделанное пойдет прахом.

— Гм... Интересно, — проговорил максимат уже не столь яростным тоном. — Если, конечно, это вам там не приснилось. Ну, и смею ли я узнать — когда, где? Надеюсь, это не является достоянием одних только влюбленных?

— Конечно, нет. Я помню свои обязанности, генерал-максимат.

— Похвально. Тогда докладывайте.

Она выговорила все без запинки, как по писаному:

— Он, конечно, не предложил мне встретиться на корабле. Но сказал, что может увидеться со мною где-нибудь в спокойном месте — по моему усмотрению. Я сперва завела речь об этой базе. Он ответил, что еще не выжил из ума, чтобы добровольно лезть в мышеловку. «Нет, — сказал он, — где-нибудь на просторе». И тогда я предложила ему встретиться на дне — в том месте, где они высаживались при отливе.

— И он согласился? Постойте, не отвечайте. Выслушайте сперва то, что я скажу.

— Разумеется, максимат, — согласилась она.

— Когда говорит женщина, — произнес генерал-максимат медленно, как бы задумчиво, — всегда есть вероятность того, что она лишь выдает желаемое за действительность: женщины нередко смешивают фантазии с реальностью. Так вот, я хочу более или менее ясно обрисовать вам вашу нынешнюю ситуацию, чтобы стало понятным, что лежит сейчас на весах.

Маха кивнула, чувствуя, как все внутри резко и болезненно сжимается.

— На этот момент, — продолжал генерал-максимат, — вы кругом виноваты. И то, что вы не выполнили задания, не доставили нам не только самого разыскиваемого, но и сколько-нибудь полезной информации, — вовсе не главный ваш проступок.

— Но, генерал-максимат, честное слово, я не представляю...

Маха перебила начальника, как это позволяют себе женщины, уверенные в том, что их обаяние дает им право на такие вольности.

— Молчать!

Слово было как глыба льда, и Маха умолкла на полуслове.

— Главная ваша вина, и строго наказуемая, в том, что вы дали слишком много излишней информации ему! Важной информации! Основополагающей!

— Максимат, честное слово...

— Молчать, я сказал! Неужели вам самой не ясно? Нужны пояснения? Пожалуйста. Уже сам ваш визит туда наверняка дал ему понять, что он имеет дело с представителями великого мира: общества, в котором обитают люди с таким уровнем развития, каким обладаете вы, а не эмигранты с каких-нибудь окраинных мирков. Уже одно это насторожит его — и его хозяев. Но в этом я вас не виню: в конце концов, все мы понимали это, когда принимали решение. А вот дальнейшее целиком на вашей совести. Молчать! Вы сказали ему что-то о его партнерше — следовательно, упомянули и о базе, на которой все мы сейчас находимся? Отвечайте.

— Право же, я не помню...

— Значит, сказали. И еще раз вернулись к этому, назначая свидание. Верно?

— Н-ну...

— Ясно. А когда он отказался, предложили встретиться на дне, если я вас правильно понял?

— Ну да. Потому что иначе...

— А как по-вашему, люди имеют привычку устраивать прогулки на глубине самое малое в полтораста метров? Без современного снаряжения?

— Ну... Вообще-то это он сам намекнул на такой вариант.

— Но вы согласились?

— А что оставалось?

— Так вот. Любой мало-мальски опытный разведчик уже из того, что вы ему выложили, не затруднится сделать правильные выводы об истинном уровне развития Ардига. А ведь это и есть то, зачем его сюда забросили: не для оккупации же и не для диверсий: даже для этого прислали бы команду. Он прилетел за информацией. И он ее получил. Мы, конечно, приложим все усилия, чтобы он не смог довести ее до сведения своего начальства — ни по связи, ни тем более лично. Но полной гарантии никто дать не может. Если ее получат там, где не следует, для нас настанут весьма нелегкие времена, объяснить почему?

Маха покачала головой. Она и сама представляла, какие могут прийти времена.

— Обстановка, — продолжал максимат все таким же отчужденно-холодным тоном, — заставляет нас быть суровыми. Уже того, что вы натворили, достаточно, чтобы без дальнейшего разбирательства вынести вам приговор по Уставу нашей Системы. Вы понимаете, что это значит.

Это не было вопросом; и она отлично понимала смысл угрозы. Смертный приговор — вот о чем он предупреждал. Маха вдруг ощутила под ногами ту же неверную тропу, по которой не так давно ушли без возврата люди, проспавшие первую посадку на Ардиг чужого корабля. Этого самого корабля, кстати. Маха кивнула в знак того, что все понимает так, как и следует.

— Так вот, — сказал максимат. — Теперь подумайте, прежде чем ответить. Если все, что касается свидания, вы придумали — скажите это сейчас. Обещаю: вы будете в таком случае наказаны, но не столь строго, как я вам только что намекнул.

«Он называет это намеком!» — невольно подумала Маха.

— Если же это действительно так, — заявил в заключение генерал-максимат, — то мы, конечно, воспользуемся этим. При вашем участии, разумеется. И если все пройдет успешно, постараемся побыстрее забыть о ваших промахах. Как будто их и не было.

«Как же, как же, — вновь подумала она. — У нас ничего не забывают ни на миг. Память — наша сила, как любит повторять сам же максимат».

— Я все отлично поняла, генерал-максимат, — ответила Маха. — Нет, можете быть уверены: все обстоит именно так, как я вам только что доложила.

— Если вы договорились о встрече, то, надо полагать, условились и о времени?

«Куй железо, пока молот в твоих руках!»

— Разумеется.

— Где место встречи — далеко от Базы?

— В четырех милях. Вероятно, корабль, который мы ищем, тоже прячется где-то в том районе.

— Думаете? Почему же мы его не видим? Хотя... Когда же?

Маха посмотрела на часы. Нахмурилась:

— О, я и не думала, что уже... Мне пора собираться, максимат. Если выйду в воду не позже, чем через двадцать минут, то как раз успею.

— Что же вы медлите?

— Жду, за мною ведь наверняка пойдут люди?

Генерал-максимату хотелось сказать откровенно: «К сожалению, мы теперь не можем полагаться исключительно на ваши способности. Так что в вашу задачу входит только вытащить его. А брать будут люди, более в этом преуспевающие».

Однако он себе этого не позволил: перед выходом на задание никак не следует расхолаживать исполнителя. Наоборот.

— Я надеюсь прежде всего на вас лично.

— Очень хорошо, это облегчает мою задачу... Не поможете ли вы мне?

Маха в этот миг уже надевала глубинный костюм, а это всегда было достаточно сложной операцией, в одиночку приходилось возиться долго и не всегда получалось с первого раза. Но приходилось терпеть: с глубиной шутки плохи.

— Разумеется. Опустите плечи. Расслабьтесь... Ну, теперь рывком: раз, два!..

— Готово. Спасибо. Скажите, максимат...

— Пора надеть шлем, вам не кажется?

Разумеется, ей казалось; здесь она никак не могла избавиться от ощущения нависающей опасности, и она надеялась, что за пределами Базы будет чувствовать себя гораздо лучше — хотя крутиться там придется изрядно. Но к этому ей было не привыкать... Какой-нибудь выход она найдет. Да, по сути дела, уже нашла, осталось только воспользоваться им...

— Я готова.

— Идемте. На сей раз вашим выпускающим буду я сам. Полагаю, это поможет вам не забывать об ответственности. Кстати, встречающим тоже выйду я. Надеюсь, что встреча будет торжественной.

— Не сомневаюсь, максимат. На этот раз я его не упущу.

— Очень на это рассчитываю. Вы понимаете, что мне будет очень неприятно выполнить мой долг, если вы промахнетесь и во второй раз? Значит, так: сейчас, чтобы не опоздать на свидание, воспользуйтесь уборщиком. Он пришвартован к Базе.

— Его команда предупреждена обо мне?

— Он сейчас в авторежиме, но вы ведь умеете управлять им?

— Как и любым другим транспортом, максимат.

— Вот-вот. Я всегда считал вас прекрасным поисковиком.

«Сказано с иронией — или это мне только показалось? Возьми себя в руки, подруга! Ни малейшей неуверенности. Ситуация непростая, но тебе по силам».

— Максимат, смогу ли я пользоваться уборщиком до конца операции?

— Он останется поблизости, просто перед выходом включите его на нормальную работу: самое время начинать заготовку, график неумолим. На связь со мной выходите только в самом крайнем случае, поскольку она может оказаться перехваченной и вспугнет разыскиваемого. Например, если обнаружите корабль еще до встречи с разыскиваемым, докладывайте немедленно. Вопросы?

— Надеюсь, мне не придется овладевать кораблем в одиночку?

— Не волнуйтесь: люди поддержки будут на борту перехватчиков — я подключу к захвату всю эскадрилью.

Они были уже на верхнем уровне и остановились перед трапом.

— Мне все ясно, генерал-максимат.

— Вот и прекрасно, — сказал максимат. — Ну, успехов! Идите.

Перегнувшись через релинг, он сверху смотрел, как женщина поднималась, неуклюжая в тяжелом костюме. И еще раз проигрывал в уме только что завершившуюся сцену. «Насчет свидания — это вранье, конечно, неплохой экспромт, свидетельствует о том, что присутствие духа она не потеряла. Никто никакого свидания не назначал. Но очень достоверным представляется, что разыскиваемый действительно будет находиться именно в том районе дна. Почему? Очень просто: потому, что там проходит Главная трасса. А именно на нее, вернее всего, и ориентирован разыскиваемый. Не случайно они высадились именно тут. Далее: любому разведчику всегда нужна информация, следовательно, и ее носители, «языки». И вот если он увидит поблизости одинокого водолаза, то либо захочет взять его сразу же, либо — и это уж обязательно — начнет следить за ним, а значит, ослабит наблюдение за окружающим пространством. Тут-то и возникнет возможность захватить его, а люди с перехватчиков будут наготове. Ну что же — мы давно, с самого начала знали это, мы к этому готовились. Вот и все.

Конечно, при этом разыскиваемый будет сопротивляться. Возможны жертвы. И первой из них наверняка станет Маха: она будет находиться ближе всего к нему и, без сомнения, попытается удержать его, не позволить ему удрать. Он жалеть ее не станет. А ты? — спросил генерал-максимат самого себя. — Я, безусловно, пожалею. Во всяком случае, публично. Но, правду говоря, что ни происходит, все к лучшему».

Он обождал еще минуту-другую, пока придонный уборщик, отдав швартовы, не отошел. Потом максимат повернулся и направился в главный пост, сохраняя на лице полное спокойствие.

Но в походке его все же ощущалась напряженность. Потому что она оставалась еще и в мыслях.

«Если все пройдет так, как задумано, и будут взяты и теллурский разведчик, и корабль, осуществить задуманную операцию в полном объеме (а ради нее теллурскому кораблю и позволили сесть беспрепятственно; к сожалению, не учли, что на этот раз он будет оснащен контрпоисковой техникой до такой степени) — да, завершить операцию будет достаточно просто. Захваченному разведчику дадут поручение. И он его выполнит, потому что платой за это будет возврат его напарницы. А поручение будет заключаться в том, чтобы он вернулся в свой мир и передал уже не их Службе, но на самый верх наше мирное предложение такого содержания: вы раз и навсегда прекращаете всякие попытки засылать к нам своих людей — разве что мы сами кого-то пригласим, — а мы за это возвратим вам ваших пятнадцать человек, захваченных нами во время их неудавшейся вылазки на планету «Зелень-3». Вернем их, конечно, не всех чохом, а постепенно, по одному, через определенные промежутки времени, чтобы Теллус успел привыкнуть к мысли, что на Ардиге ему искать нечего. Если же наша мирная инициатива будет отвергнута, эти люди умрут. По всем законам цивилизации мы их будем судить, приговаривать и казнить. Тоже по одному, с долгими паузами. И сделаем это не тайно, а оповестим всю Федерацию, и Теллус в первую очередь. И с каждым судом, с каждой казнью ваше население будет негодовать все больше, так что — по нашим расчетам — где-то после пятой или шестой казни вы сами станете умолять нас возобновить переговоры, и мы, конечно же, пойдем на это, но из наших условий не уступим ни буквы, ни запятой.

Там, на Теллусе, все это отлично понимают. И свой корабль вновь прислали сюда именно для того, чтобы организовать освобождение пятнадцати пленников. Хотя и не очень понятно: как им удалось узнать, что пленники — или заложники, все равно — теперь содержатся именно здесь? Ладно, со временем выясним и это. Но главного они еще не знают: не знают, с кем имеют дело.

А этот их разведчик теперь уже если не установил, то, во всяком случае, стал предполагать и догадываться, каким миром в действительности является «самая большая мель в Галактике», как именуют Ардиг федеральные остряки. И он, естественно, введет в курс своих начальников. А это, в свою очередь, поможет им подойти к нашему предложению по меньшей мере разумно.

Мы будем освобождать заложников, вероятнее всего, по одному, самое большее — по два человека за раз. А когда пройдет Великая сессия Совета Миров, мы отдадим и последнего: наша задача будет выполнена, цель достигнута, и нам не будет угрожать больше ничто. Что и требуется — нет, не только доказать, но и выполнить.

А сейчас надо лишь мобилизовать все терпение и подождать. Совсем немного подождать».

— Разрешите войти?

Иванос встретил своего адъютанта неласковым взглядом. Можно даже назвать его злым, не рискуя впасть в ошибку.

— Ну, что там у тебя? Где горит?

— Вы поручали взять билеты в оперу...

— Ну?

— Там спрашивают: партер или ложа?

Вот так. Партер или ложа.

Эти слова оказались именно тем детонатором, которого только и не хватало для взрыва. И он произошел.

Иванос обоими кулаками грянул по столу. Потом, потрясая ими в воздухе, вскочил. Даже ногой топнул. И не проговорил, а прокричал каким-то дурным голосом:

— Ложа? Партер? И ты меня из-за этой...

Но вовремя увидел, что в глазах адъютанта промелькнуло нечто. Будь оно страхом, Иванос, может быть, раскрутился бы еще пуще. Но то был не страх, а, похоже, сочувствие. И это заставило генерала умолкнуть на полуслове. Опустить руки. А еще через секунду — сказать:

— Извини. Сорвался. Билеты? Возьми их себе. Мне не до оперы. Иди.

Подполковник четко повернулся и вышел.

Опера и в самом деле подвернулась некстати. Потому что как раз только что окончательно сформировались в сознании генерала два-три вопроса, на которые ответить он и самому себе не мог и от этого испытывал страдание, не то чтобы физическое, но психическое, куда более мучительное и опасное.

Он чего-то не понимал или чего-то не знал. И то и другое было плохо. Если не понимал — значит, пора идти в отставку. Но у него самого такого ощущения не возникало, работалось ему по-прежнему в охотку. Если же дело заключалось в отсутствии информации, значит, ее до него не доводило начальство. Намеренно. И это было бы еще хуже.

Где кончаются чудеса и начинается стратегия? Чудеса — это внезапная и вроде бы совершенно необъяснимая метаморфоза, когда тебе докладывают, что планета, издавна известная как совершенно безжизненное небесное тело, вдруг начинает зеленеть, словно весенняя роща. Изменяется состав ее атмосферы: там, где была вечная сушь, возникают водоемы, и так далее. Волшебство.

Но если ты не мистик, то невольно начинаешь искать подтверждения кое-каким своим идеям, которые ты никому не докладывал официально и которыми не делился даже с ближайшими друзьями. Предпринимаешь для этого некоторые действия — без санкции сверху, на свой страх и риск. Пусть даже официально ты занят лишь поисками пятнадцати пропавших соотечественников.

Само событие как бы напрашивается, чтобы его отнесли к великим достижениям человечества: кто-то нашел способ оживлять мертвые небесные тела, делать их пригодными для заселения людьми, а с ними и всякой прочей живностью, окультуривать Вселенную! Иными словами — выполнять ту задачу, для какой (как полагал Иванос) и был создан Творцом человек: для преобразования всего Универсума, для поднятия его на новый уровень. Человек — всего лишь инструмент Предвечного, не так ли?

Однако всякое событие, всякое действие оценивается не только по его, так сказать, абсолютной величине, но и по тем целям, для достижения которых оно совершается. А цели эти можно установить — или, во всяком, случае догадываться о них, — исходя из того, как эти действия совершаются.

По логике, такое достижение должно быть раскручено по всей Галактике. На деле же нечто обратное: нигде ни слова, ни намека, все держится в величайшем секрете. Ни единого имени, ни единого логотипа занимающихся этим фирм — а они неизбежно должны принадлежать к могучим; и ни один мир не заявляет о своей причастности к этим делам. А ведь всем должно было быть изначально понятно: такое событие сохранить в тайне можно лишь до первого пролетающего поблизости корабля. Слишком уж грандиозен масштаб. Как все на самом деле и произошло. Почему же?..

Такой анализ Иванос для себя проделал. Придя же к выводам, поспешил доложить по команде выше и факты, и свою версию.

Версия же заключалась в том, что два дела, две группы событий, казалось ничем между собою не связанные, в действительности являлись лишь двумя составляющими одного и того же замысла. И работать по ним нужно было не порознь, а вместе одним и тем же людям, с одним и тем же руководством.

Доложил. И — как в омут бросил. Сверху — ни ответа, ни привета.

Он ждал традиционные три дня. Добавил и четвертый. Сегодня шел пятый день. И генерал ясно понял, что находиться в подвешенном состоянии он более не может. Не не хочет, а именно — не может. Вот только что едва не напал с кулаками на ни в чем не повинного подполковника, в общем-то нормального парня, не холуя и не карьериста. Этак завтра он, чего доброго, станет бросаться на людей уже с дистантом.

Иванос взял трубку внутренней, закрытой связи.

— Генерал-полковника. Прошу принять немедленно. Нет. Ненадолго. Да. Слушаюсь. Иду.

Окинул взглядом стол. Чисто. Запер сейф, предварительно убрав в него свой штатный дистант. Ключи в карман. Вышел в приемную. Адъютант встал. Иванос взглянул ему в глаза. Подполковник выдержал взгляд спокойно. Без вопроса. Без обиды. Скорее — с пониманием.

— Буду у генерал-полковника. Дождись.

И пошел по коридору к лифту. К тому, что назывался генеральским и шел без промежуточных остановок.

5

«Господи боже, — невольно подумала Лючана. — Да он сам на себя не похож, неужели это я его так? Но ведь все было не по-настоящему! Или все-таки по-настоящему?»

Мысль эта была первой, возникшей у нее, как только проворковал замок.

Диафрагма разъехалась, и в комнате — или камере? — оказался тот самый молодой женолюб, с которым она так безжалостно поступила совсем недавно в неизвестном пространстве, скорее всего, по ее представлениям, физически вовсе и не существующем.

Вошедший и впрямь выглядел не то чтобы не лучшим образом, но просто скверно. Как будто находился в тяжком похмелье после большого загула: и цвет лица был соответственным, и осанка была совсем другой. Как побитая собака, возникло сравнение. «Неужели оттого, что я его так отделала? Или у него не заладилось еще и что-то другое? Ну что же, ты это заслужил, мальчик. От меня ты получил по заслугам, так что уж не взыщи».

Безусловно, он получил то, что ему причиталось, и все же Лючана поймала себя на мысли, что ей стало на миг жалко его — может быть, побитую собаку, пусть и кусачую, она тоже пожалела бы по своей отходчивости. Вообще Лючана любила, когда все вокруг были бодры и веселы, когда ни за кого не надо было переживать, тогда и она сама чувствовала себя наилучшим образом.

Внешне она тем не менее оставалась совершенно спокойной, не проявляя ни жалости, ни вновь возникшего, может быть, не совсем страха, но очень похожего на него ощущения. А оно возникло не на пустом месте. Как бы вошедший ни выглядел со стороны, но выражение его лица было жестким, а взгляд — угрожающим. И очевидно было, что пришел он не просто с каким-то служебным заданием, но, кроме того, и с твердым намерением взять реванш — хотя, может быть, и не тем способом, какой намеревался использовать тогда. Так что женщине было чего испугаться.

Однако именно эту тень страха ей удалось сейчас подавить неожиданно легко: ощущение было таким, что после медитации сил у нее стало куда больше, что энергией она зарядилась, как говорится, под самую завязку. Поэтому она готова была противостоять любым его действиям, даже самым агрессивным.

Их, однако, не последовало, он повел себя совершенно не так, как могла ожидать Лючана. Впору было подумать, что угроза в его взгляде относится вовсе не к ней. Войдя и выждав, пока диафрагма за ним закроется, он поздоровался с Лючаной медленным, подчеркнутым кивком, который при желании

можно было бы назвать даже поклоном. Это было неожиданно и внушало надежду на что-то... на что-то не самое плохое. И в ответ она, сама немало тому удивившись, одарила его светской улыбкой и сказала:

— Садитесь, пожалуйста... Простите, но не знаю, как мне вас называть. Может быть, представитесь?

Он помедлил; возможно, такой прием тоже несколько озадачил его, и после маленькой паузы произнес:

— Идо, если это вас устроит.

— О, вполне, — ответила она, стараясь, чтобы голос прозвучал достаточно легкомысленно, как бы противореча словам. — Мы, кажется, встречались, не так ли?

В ответ он усмехнулся одним уголком губ:

— Вы правы, мадам. И я прошу прощения за мое поведение — там. Я не насильник, уверяю вас. Но, увидев вас там, просто потерял голову. Поверьте: за это я достаточно наказан.

— Надеюсь, что я не нанесла вам... э-э... необратимых повреждений? Мне было бы очень жаль, окажись это так.

— О, — произнес он так, как говорят о мелочах, не заслуживающих внимания, — это было, конечно, неприятно, но от таких вещей оправляются быстро. И наказание исходило не от вас.

— Рада это слышать, но... если у вас возникли неприятности по службе, я надеюсь, они не связаны со мной?

— С вами? — спросил он, как бы недоумевая, помолчал секунду-другую и ответил: — Да, именно с вами. А вернее — с моим поведением тогда.

— Вы хотите сказать, что нас там кто-то видел?

Он покачал головой:

— Нет, разумеется. Это невозможно. Но я сам доложил обо всем.

— Может быть, вам не следовало докладывать... во всех деталях?

Он усмехнулся снова:

— У нас такое не поощряется. А способов проверки существует достаточно. Здесь лучше быть откровенным — сразу и до конца. Кстати, — только сейчас он впервые взглянул ей прямо в глаза, — это полностью относится и к вам.

— Ну, — проговорила Лючана, как о чем-то очевидном и маловажном, — я ведь у вас не служу, я тут человек случайный, даже не знаю, что я могу от вас скрывать, моя жизнь вас вряд ли интересует, а о чем еще я могу говорить?

— Не надо, — возразил назвавшийся Идо как бы укоризненно. — Поверьте, нам известно, кем вы являетесь.

«Забыть о том, кто я, обо всем, кроме того, что я — женщина и только женщина, существо легкомысленное, непоследовательное, порою вздорное, самовлюбленное, эмоциональное, не покоряющееся грубости и нажиму, но способное уступить

мягкой настойчивости, обожанию, восхищению... Надо сыграть это, потому что на самом деле все складывается очень серьезно и выкрутиться будет нелегко, тем более что нет представления о том, что с Ра: жив ли, где он, способен ли действовать активно? Вероятно, нет, иначе в медитации я встретилась бы именно с ним, а не с этим мальчиком. Смотри, а разговоры ему помогают: он приободрился немного, и краска в лице появилась... Гнуть свою линию наперекор всему!»

— Кем являюсь? Женщиной, конечно. Думаю, что это вы и сами понимаете. Кем же еще я могу быть? Никогда не ощущала себя никем другим.

— Память вас подводит, — тон его стал едва ли не покровительственным. — А вы уверены, что у вас с нею все в порядке?

— Да, — ответила Лючана. — Разумеется. Я помню все. Начиная с того, что когда я увидела вас там, то подумала невольно: такого атлета мне встречать еще не приходилось...

— Неужели? — произнес Идо с иронией.

«Ничего-ничего, можешь иронизировать сколько влезет, но на самом деле это уже вошло в тебя, как заноза, которую тебе не вырвать. Примитивно? А как еще обращаться с мужиками? Даже на Ра такие вещи действуют, а ведь он не самый глупый из вас».

— Понимаю, — сказала она, — конечно, женщина не должна говорить такие вещи. Извините. Больше не буду.

«Он не скажет, конечно: нет, отчего же, говорите, говорите... Но именно это подумал: читается в глазах».

— Говорить вам придется, — возразил он, — но на совершенно другие темы. Во всяком случае, в первую очередь — на другие.

«Не смог удержаться, намекнул все же, что и та тема не исключается. Нет, если мы и произошли от обезьяны, как одно время считали, то это лишь женщины, а мужчины — от крупного рогатого скота, и страшно этим гордятся».

— На какие же темы вы хотите, чтобы я говорила? Помогите понять.

— С удовольствием. Я стану задавать вопросы, так вам будет удобнее.

— Разговаривать с вами приятно, Идо. («Скушай и это. Возносись в собственных глазах. Становись великим!») Так что можете спрашивать.

— Вопрос: какова ваша цель на Ардиге?

— Странный вопрос. Не понимаю: какая тут вообще может быть цель? Тут же одна вода! — Лючана медленно покачала головой, как бы в недоумении.

— Хотите сыграть дурочку?

— Идо, вы снова начинаете грубить? Что за выражение! Это вы задаете глупые вопросы. Спросите так, чтобы я могла толком ответить. Вы же умный, вы все можете...

— Ну, хорошо, хорошо... Да не смотрите на меня так!

«Что, проняло? Нравится, когда на тебя глядят с восхищением, с обожанием...»

— Извините. Разве я как-то по-особенному смотрю? Это непроизвольно. Простите. Просто вы... Молчу, молчу.

— Зачем вы прилетели к нам?

— Здрасьте! Я к вам не прилетала. Я случайно попала сюда. Была буря...

— К нам, я имею в виду: в наш мир, на Ардиг.

— Поняла. Что значит — зачем? Потому что мой муж полетел сюда, а я не люблю оставлять его одного. Особенно, если там, куда он хочет попасть, есть женщины. Он, знаете, такой...

— Ваш муж? Да неужели! Послушайте... Вы прелестная женщина, но не считайте меня совершенным лопухом и не думайте, что ваши чары на меня так уж подействуют.

«Подействуют, милый; у тебя же голова коротко замкнута на то, что ниже пояса. Тем более что я вовсе не принуждаю себя к подобному кокетству: ты мне даже нравишься, так что все получается очень органично. Вот и не злись».

— Уясните себе несколько простых вещей. Во-первых: о вас и о вашем напарнике нам известно все. Задайте любой вопрос, касающийся вашей жизни, и мы на него ответим...

— Ловлю на слове.

— Ну? Ваш вопрос?

— С кем я изменила мужу на Топси, когда мы там были?

«И смотри на него победоносно!»

— Вы... э... ну...

— Вот и не знаете.

— Думаю, что вы не изменяете мужу. Если он у вас вообще есть.

— Конечно, не изменяю — потому что мы с ним такие вещи не считаем изменами. Мы с ним давно уже ведем свободный образ жизни. Это нас обоих устраивает.

«Вот так, милый. Я тебе приоткрыла калитку рая. И у тебя уже начала кружиться голова. И пошел адреналин. Что и требовалось доказать. Плохи у них тут дела, если таким мальчикам поручают допросы. Хотя, может быть, он тут считается специалистом по женской части?»

Но Идо, похоже, как-то справился с собой.

— Вопросы вашей нравственности нас интересуют в последнюю очередь. А что касается вашей деятельности, то мы знаем о ней в деталях.

«Неужели им и в самом деле что-то о нас известно? Или берет, как говорится, на арапа? Если и вправду знают, дело серьезное».

— Ну и знайте себе на здоровье. Не понимаю, зачем мы вообще об этом говорим.

— Мы будем разговаривать еще о многом.

Лючана только вздохнула, придав лицу выражение неправедно обиженной, ни в чем не повинной жертвы.

— Я уже сказала: разговаривать с вами приятно, хотя, конечно, все хорошо в меру. И я вынуждена буду выслушать все, что вы мне скажете.

— Хотел бы я сказать то же самое. Итак, я спрашиваю...

Глава седьмая

1

— Вот здесь я, пожалуй, и выйду, — сама себе сказала Маха, медиат второго градуса, агент безопасности Системы 001ПС, переведя двигатель придонного уборщика на самый малый, только чтобы лежать в дрейфе, противостоя глубинному течению, неизбежному при здешних приливах. Но, сказав так, не стала надевать шлем, как уже собралась было, а наоборот, поерзав в пилотском кресле, чтобы переменить позу, задумалась, пытаясь еще раз представить себе сложившееся положение в полном объеме.

Если говорить о задании, полученном от генерал-максимата, то выполнить его не так уж сложно. Пусть разыскиваемый и не назначал ей никакого свидания, но она знает, где найти его: на корабле, на котором он прилетел на Ардиг. А где отыскать корабль, вообще не задача: это можно сделать за считаные минуты. Хорошо, что максимат об этом не знает.

Человека действительно нужно найти и сдать ардигскому начальству. Но не потому, что он может нанести какой-то вред Системе. А потому, что он, вероятнее всего, опасен для тех, кто, собственно, и прислал Маху сюда. Очень опасен, судя хотя бы по тому, как он очутился в этом мире.

Хорошо, что его опознали — так же, как женщину — еще до посадки корабля, при встрече в сопространстве с транспортом «Барон Фонт». И вовремя предупредили, что на Ардиг собирается высадиться опытный агент Топсимара, известного рынка государственных секретов, вместе с его партнершей, также замеченной там в секретных операциях. Зная человека, можно без труда определить и его цель. В данном случае — разгадать, что такое Система «Сотворение», чтобы продать эту информацию за большие, очень большие деньги.

Ардигу, как и Системе и ее создателям, это совершенно невыгодно. Нет, не то слово: смертельно опасно, вот как. Вот почему за ним идет такая охота.

Ну и пусть они получают его. Потому что, как только он будет задержан, корабль «Триолет» снова вернется в распоряжение его подлинных хозяев и сможет выполнить ту задачу, ради которой его сюда и направили.

То есть ее, Махи, дело сейчас заключается в том, чтобы сдать человека — ни в коем случае не сдавая корабль, и не только не сдавая, но не позволить никому даже заподозрить, что у нее имеется об этом корабле весьма конкретная и обильная информация. Значит, нужно прежде всего выманить человека из корабля.

А перед тем убедиться, что он и в самом деле находится там. И уже затем сделать так, чтобы ему понадобилось покинуть борт и выйти в воду. И там его заберут. Зная генерал-максимата, Маха не поверила его словам о том, что за нею никто не будет наблюдать. Смотрят, конечно, и будут смотреть. Вот им-то и придется захватывать похитителя секретов и угонщика кораблей.

Так что сейчас на очереди — установить связь. Нет, не с максиматом, — не потому, что он ей запретил выход в эфир, но потому, что сейчас он Махе совершенно не нужен. Не с ним, нет. Вернее — не в первую очередь.

И не отсюда, не из рубки уборщика. Здесь нет таких частот, которые ей нужны. В скафандре они есть — об этом она позаботилась заранее. Итак — в воду.

Наконец она надела шлем. Перед этим, склонившись над пультом, ввела программу нормальной уборки, поставила таймер на пять минут и, не задерживаясь, покинула уборщик через люк, которым пользовался экипаж. Правда, люди появлялись на борту только тогда, когда уборщик использовался на внепрограммных работах. Как вот сейчас.

Она успела отплыть от уборщика, держась над самым дном, метров на двадцать, когда программа включилась, уборщик распахнул свои громадные челюсти и неторопливо двинулся к ближайшей заросли — теперь уже подводной. Приблизился. Помедлил мгновение — и решительно вгрызся в зелень.

Все в порядке. Теперь и ей можно заняться делами.

2

— Ну, заходи, — сказал генерал-полковник. — Вовремя явился. Я уже хотел было тебя пригласить. А ты и сам угадал. Соскучился?

Этот вопрос ответа не требовал. Он просто означал, что большой начальник находится в сложном настроении, видя перед собой какую-то проблему, но еще не разглядев ее решения. В таких случаях он начинал шутить, хотя шутки порой понимал по-своему.

— Разрешите доложить? — спросил Иванос в свою очередь.

— Если считаешь нужным, — ответил начальник.

Слушая, старший начальник не выказывал никаких признаков удивления; впрочем, Иванос их и не ожидал. Генерал-полковник, оставаясь внешне спокойным, только словно грустнел с каждой минутой доклада, а их потребовалось Иваносу не менее пятнадцати. Дослушав до конца, сразу отвечать не стал, помедлил, как бы решая — стоит ли вообще продолжать этот разговор. И в конце концов решил, наверное, что стоит.

— К этой проблематике я тебя не привлекал, — промолвил он наконец, — поскольку вообще-то это не твоя епархия. Тут дела в масштабе всей Федерации, а не только нашего мира, а ты занят поиском пятнадцати человек — дело тоже не последнее. Но раз уж ты дошел своим умом, то придется тебя ввести в курс, потому что положение и впрямь сложное. Корни сложностей — в самой структуре Федерации. Которая хотя и строилась якобы на принципах равенства, но в действительности, как мы знаем, живет по совершенно другим законам.

Иванос уже понял, о чем начальник собирается говорить дальше. О том, что с тех пор, как право голоса было, после отмены всяких цензов, предоставлено всем мирам, процесс принятия решений и законов, регулирующих жизнь громадной Федерации, приобрел довольно своеобразные очертания, вначале ему не свойственные. Теперь центр тяжести — то есть получение большинства голосов в Федеральном парламенте — как бы перемещался от больших и сильных, даже могучих планет в сторону миров слабых, малонаселенных, молодых. Такие миры, как известно являясь в большинстве своем формально независимыми, на деле всегда тяготели к одному из двух федеральных полюсов, какими, несомненно, могли быть и действительно были Армаг и Теллус, извечные конкуренты во всех областях человеческой деятельности. И до тех пор, пока действовала нынешняя, со всеми поправками, Конституция, большинство, а значит и принятие официальных, то есть законных, решений неизбежно работало в пользу того полюса, за которым в данный момент это большинство шло. Так что тот, за кем шло хотя бы на один мир больше, обеспечивал принятие выгодных для него решений. А уж выполнения их добивался при помощи собственной физической силы, получив на то все правовые основания.

Все это было известно давно. Но особую остроту ситуация стала принимать после того, как была узаконена последняя, девяносто восьмая поправка к Конституции. Суть ее заключалась в том, что право решающего (а не совещательного, как прежде) голоса принадлежало всем мирам, независимо от уровня развития, численности населения, времени освоения, — тогда-то и прекратили действие все цензы, существовавшие до тех пор.

— Теперь, — продолжал генерал-полковник, покачав головой как бы в осуждение такого порядка, — три человека могут высадиться на необитаемой планете, объявить о возникновении нового мира, представив — даже не для утверждения, но для сведения — название, герб, флаг, гимн и конституцию, которая может быть просто копией любой другой конституции, оригинальность в этих делах не поощряется, и количество миров — членов Федерации, а соответственно и голосов в Совете, ее законодательном органе, — увеличивается на единицу, а следовательно, крепнут шансы на достижение успеха у того полюса, который инициировал рождение нового мирка.

Иванису было известно единственное условие, которому всякий новый мир должен соответствовать, чтобы оказаться законно признанным: его пригодность для жизни людей. Планеты, на которых жить приходилось под куполами или в средах, изолированных иными способами, признавались лишь сырьевыми или технологическими придатками тех миров, что их осваивали, никак не более того. И поэтому ни голосов, ни малейшего права на влияние такие планеты не имели и в политической жизни Федерации непосредственного участия не принимали. Пригодность для обитания в природной среде — вот что стояло сегодня во главе угла.

— Именно теперь, — продолжил начальник, — потому что на горизонте уже маячат очередные выборы Президента и его Консилиума, а они, как известно, производятся именно голосами представителей миров, а никак не их населением. Подковерная борьба за большинство — с переменным успехом — до сих пор шла лишь в области переманивания миров из одного лагеря в другой. И вот вдруг оказалось, что существуют и иные, новые возможности...

И только теперь Иванос, как бы со стороны увидев все происходящее, понял — или ему показалось, что понял, — смысл возникших неожиданностей, их причины и возможные следствия. Потому что...

— Вижу, ты все понял, — сказал генерал-полковник. — В принципе. И, тоже в принципе, поломать этот начавшийся процесс как будто не составило бы большого труда. На самом деле как раз наоборот. Потому что ломать его силой нельзя. Тут понадобится, так сказать, непорочное зачатие: последствие, не имеющее причины. Не пуля, а вирус. А для создания такого вируса нужно как следует знать структуру того организма, который предстоит вывести из строя. А мы ни черта не знаем. И предпринять ничего не можем. А что-то делать тем не менее необходимо. Даже известно, что именно: на определенное время приостановить, прервать этот процесс сотворения новых обитаемых миров. Но как это сделать, пока не ясно. Официальных путей — никаких, нет ни одной причины для, скажем, создания полномочной комиссии, которая имела бы право... Ну, и так далее. Вот и приходится рассчитывать разве что на случайность. Какой-нибудь случайный турист или потерпевший крушение окажется в нужное время в нужном месте, что-то увидит, еще что-то сообразит — ну, и...

Генерал-полковник произнес последние слова таким тоном, словно и в самом деле ни на что другое, кроме случая, уже не надеялся.

— Да, — вздохнул Иванос. — Положение крутое. Но я к вам, собственно, совсем по другому делу, по личному. Что-то здоровье подводит в последние дни — видно, не восстановился как следует. Прошу разрешить отпуск для поправки. На... на две недели. С выездом за пределы Теллуса.

Генерал-полковник посмотрел на Иваноса очень внимательно, и тот ответил начальнику таким же взглядом. Прошла пауза.

— Две недели — не много ли? Быстрее не сможешь? Понимаешь ли...

— Постараюсь, конечно.

— Тогда — свободен. Отправляйся, лечись. Советов давать не стану: ты и сам с усам. Желаю успеха.

3

— Генерал-максимат, доклад о слежении за агентом!

— Давайте!

«Контролируемый агент покинул борт уборщика в 16.07 в точке с координатами...»

Слышно было не лучшим образом, но все же разобрать можно.

— Диктуйте медленно, четко.

Генерал-капитан включил запись — помимо того, что запись идет и в центре связи. Координаты дошли без потерь.

— Дальше?

«Уборщик в автоматическом режиме приступил к обычной работе».

Что же, так и должно быть. Пока она делает все как следует.

— Наблюдается ли что-либо необычное? Посторонние люди, суда?

«Пока не замечено ничего подобного».

— Как ведет себя агент?

«Медленно плывет над главной магистралью».

— Контролируете ли вы ее связь по максимальной широте диапазона?

«Контролируем непрерывно. Только что перехвачен ведущийся обмен. Начало, к сожалению, не зафиксировано. Частота может быть корабельной».

— Содержание обмена?

«Агент не пользуется клером. Пока ведем запись шифровки».

— Транслируйте сюда для декодирования. Переключаю на запись.

Сказав это, генерал-максимат задумался.

«Итак, она вышла на свидание, как и предполагалось, но одновременно ищет и корабль. Вообще-то в этом никакого криминала нет. Пока нет. Если не считать этого самого шифра: зачем? В надежде, что откликнется корабельная автоматика и можно будет засечь его? Маловероятно, хотя женщина может принять и такое решение. Или, может быть, она получила код от разыскиваемого при их встрече и теперь сообщает ему, что прибыла в точку рандеву? Ничего удивительного: человек, старающийся оправдаться, всегда сделает вдвое больше, чем тот, кто ни в чем не виноват. Да, она ищет корабль. И совершит то, что оказывается не под силу нашему гребешку: найдет по части —

целое, по человеку — корабль, который является опорным пунктом, базой засланных разведчиков. Лишить их этой базы — значит сделать половину дела, без корабля тому, кто остался пока на свободе, долго не продержаться. А если (что не исключено), кроме двух известных разведчиков, на борту находятся и другие люди — скажем, диверсанты, — при таком обороте событий они окажутся выведенными из игры. И из жизни, кстати.

Иными словами — обнаруженный корабль должен быть немедленно уничтожен.

Каким образом?

Действовать надо наверняка. Чем я располагаю для этого? К сожалению, не столь уж многим. Не раз уже предупреждал я Правление, что надо серьезно усилить защиту, но они жалеют денег, скопидомы. И все, что есть у меня на сегодня, — эскадрилья перехватчиков и мой личный корабль — единственное, что удалось недавно выбить у хозяев, и единственное, что соответствует нынешнему уровню морских вооружений. Так что выбор весьма скудный.

Перехватчиков — шесть единиц. Казалось бы, достаточно. Но это — корабли шестого класса, не корабли, а кораблики. Для действий в атмосфере они приспособлены куда лучше, чем для подводного боя, потому что и предназначаются, собственно, для перехвата и уничтожения чужих кораблей в прилегающем космосе и верхних слоях атмосферы; в воде же, и тем более на глубине, они менее маневренны: слабоваты двигатели. А чужой корабль — да что там «чужой», корабль с Теллуса, это совершенно ясно, — наверняка снаряжен по последнему слову. Нет, это был бы слишком неравный бой.

Остается личный корабль: двенадцатый класс, соответствующее вооружение. И некоторые качества, вошедшие в обиход лишь недавно. Для противника их наличие окажется неожиданностью, и это дает немалые надежды на быстрый и полный успех.

Единственный серьезный корабль, да. Но в такой игре необходимы крупные ставки. Риск, конечно. Но кто не рискует...»

Генерал-максимат Изод нажал клавишу:

— Командира «Уникума» ко мне. Немедленно!

4

Маха плыла медленно, следуя за неровностями донного рельефа. Плыла туда, куда несло течение, здесь, на глубине, не такое сильное, как на поверхности воды, но все же ощутимое. Так, волнующий максимата корабль остался, судя по приборам, уже достаточно далеко позади.

Правильно ли она сделала? Все-таки ведь корабль этот...

Этот, да. Но не в тех руках. Иначе он бы...

А если он попал не в те руки, то пусть лучше его совсем не будет.

Проверить? Если только получится. В этом скафандре связь, к сожалению, ограничена. А она не предвидела... Но попробовать можно. Вот на этой частоте, она ближе всего к...

— «Триолет»! «Триолет»! Код восемь! Ответь...

И еще вызов. И еще.

Ага!

«Код восемь, я «Триолет». Плохой прием. Повторяю...»

— С кем ты? Кто из наших с тобой?

«Из наших никого нет».

— А из посторонних?

«Один человек на борту».

— «Триолет», сделай так, чтобы он покинул борт. Заметь меня в воде и доложи ему. Так нужно. Дальше: обязательно передай наверх, скажи, что ты захвачен неустановленными людьми, операция под угрозой. И что я прошу инструкций... А лучше — помощи людьми. «Триолет»! Слышишь меня?

Слышимость никуда не годится, решето максимата и защита «Триолета» создают неимоверные помехи, сквозь которые с трудом угадывается:

«Люди... Наших... Поиски...»

Никакого смысла.

— «Триолет», передай обязательно: тут сильно суетятся, мне нужны четкие инструкции! «Триолет»! «Триолет», прием!

Но связь не восстанавливалась. Да и то, что она все-таки хоть на секунды установилась, можно было счесть чудом.

Жаль, конечно. Но нет, все правильно. Все сделано правильно.

5

Вернувшись к себе, Иванос полчаса сидел как бы в расслаблении, даже с закрытыми глазами: так ему лучше думалось.

Мысли были не очень веселыми. Совсем недавно ему казалось, что надо срочно вытаскивать с Ардига друзей, которых сам же он, ничего плохого не ожидая, туда загнал. А теперь получается совсем наоборот. И придется великому пророку идти к горе, если уж она...

Он вызвал адъютанта.

— Поживешь тут некоторое время без меня. А то я что-то устал.

— Простите, шеф? — адъютант сделал вид, что не понял.

— Разве я сказал по-лиански? Или на шинадском? Так ты и это обязан понимать. Отлучусь. Возникла потребность в отдыхе. Подальше от Теллуса.

Адъютант моргнул.

— А если запросит начальство?

— В самоволки не хожу, так что начальство в курсе. Заместителя проинформирую сам, не трудись. И пусть следов не ищут.

Адъютант знал, что следы остаются всегда и везде — даже в космосе, даже в Просторе. Надо только уметь их найти. Но не искать — значит не искать.

— Вас понял: понадобился отдых. За пределами Теллуса.

Иванос привел свое рабочее место в порядок, из стенного шкафа вынул походную сумку со всем необходимым, включая даже пищевой НЗ. Генералу иметь такую сумку не то чтобы не полагалось, но не было принято: это аксессуар исполнителя, генералу же положено отдавать приказания, а не выполнять их. Однако Иванос всегда чувствовал себя в чистом поле куда лучше, чем в небольшом, пусть и безопасном, объеме кабинета и всего Управления. А когда ему наверху в очередной раз мылили шею за безответственное и легкомысленное поведение (именно так его вылазки характеризовались), отвечал всегда одинаково: «Летчик, даже в генеральском чине, должен летать, иначе он не летчик; моряк, даже адмирал, — выходить в море, звездник в любом чине — прыгать в Простор. И нашему брату тоже полезно бывать на свежем воздухе».

Так что дверь кабинета затворил за собой без всякого сожаления.

Адъютант смотрел вслед генералу, удалявшемуся по коридору. Куда повернет? Налево — к выходу, направо — там только ВВ-транспортные кабины...

Иванос повернул направо.

6

«Докладываю результаты наблюдения».

— Ну, что там у тебя, «Триолет»?

«Первое обнаружение. Замечен человек в подводном снаряжении — глубина сто тридцать, курс вест, скорость движения два узла, расстояние в момент доклада триста сорок метров, пеленг на него — двадцать девять румбов...»

Человек на такой глубине... Это не Лючана — ее костюм здесь, на корабле, а без него на дно можно попасть только мертвым. А она жива, жива! Кем же этот человек может оказаться? Одно из двух: его появление здесь или связано с нами — со мной, с кораблем, — или же никакого отношения ко мне и Лючане не имеет и оказался здесь в связи с какими-то здешними делами, о которых нам пока ничего не известно. Если он тут просто по совпадению, то разумнее всего оставить его в покое, пусть идет — или плывет — своей дорогой, а я стану заниматься нашими делами. Но если он пытается, допустим, найти корабль или хотя бы одного меня, то дело меняется: в таком случае он — человек более или менее опасный. Так что в этом стоит разобраться. Для начала — просто рассуждая, а потом, в зависимости от выводов, предпринять и какие-то действия...

Итак, закрутим потуже наши мозговые извилины. Может ли этот человек оказаться здесь случайно?

Что вообще человеку искать на дне морском? Вариант первый: искать обломки потерпевших крушение судов, среди которых могут обнаружиться какие-то ценности. Не совсем ясно, что на Ардиге считается ценностью и что — нет, но поскольку и здесь живут люди и они поддерживают связь с другими мирами, то их представление о ценностях примерно совпадает с общепринятым в Федерации, в Галактике. Этакий искатель-одиночка, работающий на свой страх и риск. Возможно такое? Возможно.

Дальше: вариант второй. Раз тут существует какое-то технологичное производство, хотя бы тех же удобрений, то неизбежна потребность в том, что мы называем сырьем. Насколько известно Службе, Ардиг сырья — во всяком случае, в заметных количествах — не ввозит. Значит, добывает его на месте. А поскольку постоянной суши, как уже установлено, тут нет, единственное место, где можно искать, находить и разрабатывать нужное, — это дно. Батиаль и даже абиссаль. Следовательно, должны существовать океанологи-разведчики. И вполне возможно — этот человек один из них. Он может работать на фирму — значит, у него не возникает проблем со снаряжением и всем прочим. Конечно, простые ныряльщики таких глубин не достигают, зато пловец с техникой имеет не только необходимое снаряжение, но где-то поблизости и базу — на поверхности ли, в глубине ли, все равно «Триолет» ее засек бы. А может быть, и засек? Чем он там занят? Похоже, с кем-то общается? Болтает? С кем? Неужели Лючана?..

— «Триолет»! Почему не отвечаешь сразу? Что за бортом?

«Наблюдается объект в погруженном состоянии. По внешним признакам подводный корабль малого тоннажа, порядка пятисот тонн. Находится на расстоянии трех миль, глубина — восемьдесят, имеет малый ход курсом, совпадающим с курсом ранее замеченного водолаза, сохраняя дистанцию по горизонтали и вертикали. Связи не поддерживает».

Вот как? Очень интересно.

И тут я ощутил, как ярким пламенем разгорается во мне та искорка былого охотничьего азарта, что, оказывается, тлела еще где-то в подсознании, и ей достаточно было легкого ветерка, чтобы огонь зажегся, завихрился и стал жадно облизывать все, что с ним соседствовало. Ветерком, который его раздувал, стало стечение весьма благоприятных и, главное, своевременных обстоятельств.

Нет, конечно, мы с Лючаной прилетели сюда вовсе не для того, чтобы рисковать жизнью, выполняя задание, которое, строго говоря, перед нами никем не было поставлено. У нас, как известно, имелись свои замыслы. Но если вдруг представляется возможность без особого напряжения, просто так, мимоходом приблизиться к решению некоей задачи, а может быть, и того лучше: решить ее полностью, то надо быть уже совершенно отупевшим, потерявшим всякий интерес к жизни и работе инвалидом — это еще в лучшем случае, — чтобы отказаться

от такой возможности. А я себя к таким ни в коей мере не причислял. И если бы сейчас не постарался использовать просто-таки беспроигрышную ситуацию, то никогда впоследствии этого себе не простил бы, пусть даже никто, кроме меня самого, и не узнал бы о моей слабости. Человек, если он честен (в той мере, в какой это вообще возможно), является самым строгим своим судьей и критиком, от чьего суждения и приговора никуда не скроешься.

А весь этот сумбур в мыслях начался, как только возникла мысль о том, что человек на дне в каждом из просчитанных мною вариантов был мне нужен. И если он причастен к попытке захватить меня и корабль, и даже если не имеет к ней никакого отношения, а просто занят какими-то повседневными делами.

Если это преследователь — то из него можно будет вытащить (как — это уже, по старому присловью, дело техники) информацию прежде всего о том, кто, чем и зачем тут занимается, для чего ищет нас, какие силы для этого привлечены, что они предпринимают сейчас и что собираются делать в дальнейшем. И это послужит прекрасной основой для построения плана моих собственных действий, в первую очередь, конечно, направленных на освобождение Лючаны, ну а дальше будет видно.

Если же это просто, так сказать, случайный прохожий, первый встречный, то и от него я могу узнать большую кучу очень полезных вещей. А именно: что вообще происходит в этом мире? Чем он живет? Кто им управляет — не по официальным данным, но в действительности? С кем, с какими мирами и трансфирмами существуют связи — экономические, политические, всякие? Что ввозят сюда и что вывозят кроме пресловутых удобрений? Каким способом ухитряются делать это так, что Федерация пребывает не в курсе происходящего? Поскольку нельзя же всерьез поверить в то, что Ардиг всего-навсего торгует удобрениями, которые на федеральных рынках ценятся за пучок пятачок. Нет, конечно, было бы наивным предполагать, что случайный человек вдруг хранит в себе точные ответы на все эти вопросы и на многие другие, а их неизбежно возникнет множество. Он не знает, что в действительности происходит в этом мире, кроме той узкой области, в которой сам работает. Но он знает, что об этом говорят люди — сослуживцы, знакомые, собутыльники, соседи, продавцы, парикмахеры, врачи, таксисты... И знает, что обо всем говорят, пишут и показывают газеты, журналы, радио, ТВ. Пусть во всем этом не окажется ни слова правды, однако даже в таком случае это уже интересное сырье для аналитиков, психологов, сравнительных историков и, наконец, просто разведчиков. Поскольку выводы делаются не только из того, что есть, но и из того, чего нет, хотя по логике должно было бы быть. Всякая массовая дезинформация неизбежно имеет свою структуру, и в разных мирах структуры эти носят многие общие черты и таким образом помогают найти алгоритм, вывести формулу решения системы урав-

нений с неизвестными, потому что в других местах эти неизвестные уже известны, вычислены, проанализированы. Такие люди — средние обыватели — весьма, весьма полезны. И если я могу взять одного из них и спокойно поработать с ним, то, во всяком случае, перестану действовать вслепую.

Решено. Именно этим я сейчас и займусь. Что для этого нужно? Выйти за борт. Войти в режим незримости. Приблизиться. Неожиданно налететь. Сковать его движения, попытку сопротивляться, мой костюм наверняка сильнее, никаких сомнений: военная техника всегда преобладает над гражданской. Затем главное — втащить его в корабль, а тут немедленно взять в оборот, пока он еще не придет как следует в себя. Просто и красиво.

— «Триолет», обстановка в окружающей среде?

«Предполагаю возможную атаку со стороны противника».

7

Бред. Глюки. Кто может атаковать? Этот водолаз? Он нас и не замечает. Мы же в незримости! Кто же тогда? Тот придонный кораблик? Но до него еще... Сколько?

«Дистанция до второго объекта сохраняется прежней».

— Какого же тогда черта...

«Не понял сказанного».

Ну да, конечно. Словарь «Триолета» все же бедноват. Ладно, будет время, я его поднатаскаю.

— Кто собирается нас атаковать? Прошу подробно.

«Вижу воздух».

Нет, точно — глюки. Призвать его к порядку. Иначе... Сперва устно.

— Вашу мамашу!.. — деликатно начал я. Но «Триолет» позволил себе перебить меня:

«Свою, пожалуйста!»

Вот тебе на. Я-то решил, что «черт» для него — слишком грубо, оказалось — чересчур маловыразительно.

— Объясни подробнее.

«Просматриваю замкнутый объем воздуха, соответствующий населенному объему подводного корабля второго класса. Объем движется с норд-веста со скоростью тридцать узлов курсом прямо на нас. Предполагаю намерение атаковать».

— Нас же никто не может увидеть. Разве мы вышли из незримости?

«Нас не может. Видит наш воздух».

Я вовремя прикусил язык, и несколько непочтительных слов остались непроизнесенными. Потому что я сообразил наконец.

То есть, конечно, весь механизм действия программы «Незримость», как и раньше, оставался для меня черным ящиком. Но в самых общих чертах я все же составил себе некоторое представление о нем. При выполнении этой программы

структура внешнего, специального слоя оболочки — корабля или скафандра, все равно — под влиянием приложенного напряжения меняет свою структуру и становится чем-то вроде волновода в весьма широком диапазоне, то есть не отражает падающего луча — светового, лазерного и какого угодно другого, но транспортирует его внутри себя до точки, диаметрально противоположной точке вхождения луча, и там выпускает, сохраняя все его параметры: частоту, скорость, направление... Таким образом корабль перестает быть наблюдаемым, и человек в соответствующем костюме тоже. Однако есть и такие явления, на которые все это хитроумие никак не влияет, и это прежде всего нейтрино и гравитация.

Методика незримости, помимо Теллуса, была почти одновременно реализована и на Армаге. И в обоих мирах параллельно с ее разработкой занимались и проблемой обнаружения незримого и, естественно, пытались использовать для этого и нейтринные устройства, и гравитационные. С нейтрино, насколько я был в курсе, произошел полный облом, а вот с тяготением чего-то добились. Может, конечно, я тут что-нибудь и путаю, мне простительно, поскольку по работе мне с такими вещами до сих пор не доводилось соприкасаться, но, по-моему, тут дело было в остронаправленном гравитационном луче — своего рода гравитационном лазере, который каким-то способом научили, проходя через любую среду, сообщать своему источнику ее характеристики, и уже делом компьютера было преобразовать поступающую с датчиков информацию в видимое изображение. Вот такие чудеса.

И сейчас, глядя на отдельный, не очень большой и совершенно белый монитор «второго зрения» (так, я слышал, эту систему называли спецы), я не сразу, но стал различать некую светло-серую фигуру, которая вполне могла в общих чертах быть принятой за силуэт подводного корабля. Эта система не умела еще воспринимать металл и полимеры самих корпусов — и внешнего, и прочного, — поскольку хорошо отрегулированные антигравы уравнивали их в смысле массы с окружающей водой; но вот с воздухом это не выходило, и он воспринимался как своего рода дырка в воде, а вернее — воздушный пузырь сложной конфигурации, почему-то не стремящийся подняться на поверхность воды, как ему полагалось бы. Все, как видите, очень просто при всей своей сложности. И уже совсем простой задачкой было, видя эту воздушную начинку корабля, дорисовать то, что оставалось невидимым; для этого не нужно было даже напрягать фантазию: «Триолет» исправно делал это для меня, потому что сам он разбирался во всем и без картинки.

Так что можно было не сомневаться: в опасной близости от нас находится в режиме незримости другой подводный корабль. А главное — он явно обладал и установками контрнезримости и в этот миг, скорее всего, любовался на своих экранах изображением нашего корабля с удовольствием не меньшим, чем

смотрел на своего визави я. А если бы у меня возникли на этот счет какие-то сомнения, то достаточным было в течение двух минут следить за его маневрами, чтобы все сомнения растаяли, как сахар в утреннем кофе. Потому что на экране было ясно видно, как противник разворачивается так, чтобы задействовать против нас все четыре дистанта его передней полусферы. А это было крайне нежелательным, поскольку незримость вовсе не делает корабль неуязвимым. Наблюдая эту картинку, я, откровенно говоря, почувствовал себя далеко не лучшим образом, хотя бы потому, что мне никогда не приходилось участвовать в подводном бою невидимых кораблей. Так что я не выдержал и, теряя лицо, воззвал:

— «Триолет»! Делай что-нибудь!

На что мне было отвечено с обычным спокойствием:

«Действую по программе. Сейчас выполняю маневр уклонения от возможного обстрела, одновременно выхожу на позицию, удобную для атаки».

— С тебя ведь снято вооружение, разве не так? Как же ты собираешься атаковать? Идти на таран? Это недопустимо!

«Имитируя бегство, уничтожу противника, применив кормовую АГБ».

Стыдно признаваться в собственной безграмотности, но что в таком контексте могло означать это АГБ, у меня не было ни малейшего представления. Но сейчас — и я вовремя понял это — главное заключалось в другом.

«Триолет» собирался атаковать встреченного невидимку и, надо полагать, уничтожить его или, во всяком случае, вывести из строя. С военной точки зрения он был совершенно прав. Но мне-то приходилось рассматривать ситуацию не только с военной, но в первую очередь совершенно с другой точки зрения. С правовой. А с этой позиции замысел «Триолета» представлял собою абсолютное, дичайшее и непростительное нарушение всех юридических норм, какие регулируют отношения между мирами Федерации, независимо от их статуса и всего прочего.

С правовой точки зрения после первого же выстрела, даже предупредительного, мы превратились бы в злостного нарушителя и агрессора. И если наши — мои, в частности, — действия до сих пор можно было еще оправдывать стечением обстоятельств, недостатком информации и мало ли еще чем, вплоть до зубной боли, то первое же активное военное действие против местных сил ставило все с ног на голову. Мы были вправе обороняться, да. Любым способом — за исключением превентивного, упреждающего нападения на вероятного, даже весьма недвусмысленного противника.

А ведь на нас пока еще никто не нападал!

Не только враждебных, но и вообще никаких действий по отношению к нам не предпринималось. Захватили Лючану? Да нет, ее просто спасали, иначе она погибла бы в волнах,

шторм-то был нешуточным. Ее удерживают силой где-то у них там? Но при всем желании они не знали бы, куда можно ее доставить, а я даже и сейчас стараюсь не дать им этой информации. То есть никакой агрессии с их стороны, значит — никаких оснований для принятия мер самообороны. Их корабль преследует меня в режиме незримости? Возможно, он просто вышел на учения, отрабатывает действия по применению этой системы, имеет на это полное право. Вопрос — какими путями он приобрел эту систему, к данной ситуации никакого отношения не имеет. Нет, у меня не было даже и намека на право напасть первым, это могло бы привести — наверняка привело бы — к неслабому межмировому конфликту, где Теллус оказался бы в весьма незавидной роли агрессора. А так подводить собственную планету мне ни в коем случае не хотелось, хотя у меня порой и возникали претензии к миру моего обитания, как и у любого жителя любого мира Федерации, но это была область наших взаимоотношений, и переводить их в галактический масштаб у меня не было ни малейшего желания.

Все вышеизложенное я сообразил за пару очень маленьких секунд, потому что думал не словами, а готовыми блоками, издавна хранившимися в памяти. А через эти две секунды, видя, как продолжается игра невидимок — то есть наш преследователь пытается вновь и вновь занять нужную позицию, а «Триолет» непрерывно увертывается (и, надо сказать, он выполнял свои маневры красиво и точно, настраивали его и программировали, надо полагать, не самые плохие подводники в Галактике), — я сказал ему:

— «Триолет», задача: заставить его выстрелить первым — но так, чтобы нам остаться невредимыми. После этого — атаковать. И сделать это быстро. У нас мало времени.

«Задача выполнима в режиме автономного действия».

Автономного? Что за... Ага, понял. Он не хочет, чтобы я вмешивался в его действия.

— Так выполняй! Я не стану командовать.

«Автономные действия совершаются в режимах, представляющих опасность для сохранения экипажа».

Наконец-то до меня дошло.

— «Триолет», я покидаю корабль для выполнения другой задачи.

«Имеете пять минут для выхода».

И еще вдогонку, через какую-то секунду, как бы с крохотной запинкой:

«Берегите себя. Желаю успеха».

— И тебе того же.

8

Это я произнес уже в гардеробной. Мой костюм здесь — номер первый, не ошибусь. Одеваться самому оказалось не очень-то удобно, но я справился. Просто-таки взлетел на-

верх, к люку. Вошел в тамбур. Включил программу выхода. Еще недавно мне казалось, что в воду на глубине меня теперь и палкой не загонишь. Сейчас я об этом даже и не подумал. И едва открылся выход — кинулся в глубину, одолевая сопротивление ворвавшейся в тамбур вязкой, как пластилин, воды глубин.

Да, в унискафе — это вам не в одних только плавках. Сухо. Тепло. Внешнее давление костюм принимает на себя. Да еще и грести не нужно: подняв правое плечо, я включил движок. Тут у меня и отличная связь с «Триолетом».

— Дай направление на водолаза! Спасибо.

Я бы с удовольствием стал зрителем сражения на глубине, которое — я понимал — начнется уже в следующую минуту. Но, к сожалению, возможности видеть эту картину у меня не было: оба участника ее оставались невидимыми, а мой унискаф не был снабжен системой, позволяющей видеть незримое. И все-таки жалко было не полюбоваться этим: вот было бы о чем потом рассказывать!

Впрочем, уже в следующие секунды я понял, что схватка не останется для меня совершенно незамеченной. «Триолет» стремительно, с максимальной скоростью, какую позволяла развить среда, кинулся вверх; и пусть сам он не был виден, но вода, которую корабль пробивал при этом, словно вязкую броню, невольно волновалась, и волны эти, невидимые, но весьма ощутимые, побежали, как им и полагалось, во все стороны от центра; а еще через секунду-другую и преследователь, поняв маневр ускользающего корабля, кинулся за ним — и еще одна волна возникла и распространилась. Я при всем желании не мог бы не ощутить и первую, и — сразу же — вторую, потому что первая достаточно сильно толкнула меня в направлении дна, вторая же опрокинула вверх ногами, так что пришлось повозиться, восстанавливая нормальное положение. Дело простое, но я все же не был подводником, а водолазом — и того меньше. Я невольно взглянул наверх, не надеясь что-либо там увидеть, и ошибся: кое-что, оказывается, зрением все же воспринималось, а именно — эти самые кильватерные волны, потому что даже на такой глубине спокойная, как правило, вода ощутимо отличается от взволнованной, преломление того слабого света, который сюда все-таки доходит, в спокойной воде происходит по-другому. Так что — слегка раскрутив фантазию — я видел, как «Триолет» уходил все дальше к поверхности, трасса его все более приближалась к прямой, а преследователь в крутом вираже выходил на эту же самую прямую. Сердце у меня сжалось, потому что своим солдатским подсознанием я почувствовал: сейчас преследователь ударит, поскольку моему виртапитану удалось убедить противника в том, что он спасается бегством, хочет выскочить из воды и, увеличивая тягу, рвануть сквозь атмосферу в космос. Ну да, противник именно так и должен был расценить этот маневр, поскольку однажды «Триолету»

уже удалось спастись именно таким способом. С другой же стороны, сейчас даже я, лишенный нужных приборов, понимал, что по скорости «Триолет» намного превосходит догоняющего («Все-таки теллурская техника не пальцем делана», — невольно подумал я в тот миг, когда наше превосходство стало явным), и становилось совершенно ясным, что единственным средством помешать моему кораблю ускользнуть могло стать только его уничтожение или значительное повреждение. Так что залп преследователя должен был произойти в тот миг, когда ардигский корабль окажется точно в кильватере «Триолета». То есть через...

«Да нет, уже не через», — подумал я, потому что преследователь ударил.

Это было, надо сказать, эффектное зрелище. Именно зрелище, потому что если сами корабли и оставались все еще невидимыми, то выпущенные дистантами импульсы (более мощных мне не приходилось видеть, ну, я все-таки не артиллерист) вполне доступны зрению и представляются взгляду большими шаровыми молниями, испускающими свет и испаряющими на своем пути воду, — ну, просто световая феерия. Наверное, это и в самом деле было красиво, но мне в те мгновения было не до любования, я был весь целиком в другой мысли: увернется «Триолет»? Пора бы ему уже сойти с прямой, заложить крутой разворот и контратаковать. Теперь это уже можно сделать, нужно сделать — мы в своем праве, нас подвергли обстрелу без всяких к тому причин и поводов, что же он медлит? Ну, что он там копается? Что, у него чипы не срабатывают? Или скисли от перегрузки, перегрева, черт знает от чего еще? Давай, или будет поздно! Будет... Уже поздно. Поздно! Он не успеет уклониться...

Лишь несколько позже я понял: он и не собирался уклоняться. У него был другой расчет. И, как выяснилось, более верный, чем мой.

Расчет, как я задним числом сообразил, был основан на том, что импульсы дистантов, распространяясь в воде, неизбежно теряют энергию куда быстрее, чем в воздухе: другое сопротивление среды, другие энергопотери на ее испарение и так далее. То есть дистанция действенного выстрела в воде, да еще на такой глубине, чуть ли не на порядок меньше, чем в атмосфере, и уж подавно — в космосе. В данном случае примитивная торпеда могла бы оказаться более эффективной, хотя ее скорость была бы намного меньше и возможность уклонения преследуемого возросла. Не знаю, чего не хватило артиллеристам преследователя: то ли терпения — хотя оно теперь было ни к чему: сократить дистанцию им бы не удалось, — нет, не терпение оказалось в дефиците, просто залп этот являлся жестом отчаяния: пульнули вслед, чтобы хоть что-то сделать, или же надеясь на авось: вдруг убегающий замедлится, вдруг что-то ему помешает... А может, они просто неверно оценили расстояние между кораблями: в

этих условиях даже кваркотроника может подвести, потому что датчики не в состоянии дать точную картину.

Так или иначе, импульсы погасли, не долетев до нашего корабля. И еще на какие-то секунды и преследуемый, и преследователи остались на одной прямой, совпадающей с их продольными осями. Но, вероятно, экипаж ардигского корабля (хотя, может, и там работала только техника?) что-то смыслил в тактике и понял, что сейчас можно ожидать ответных действий преследуемого и надо как-то себя обезопасить; иными словами, пришла их очередь уклоняться, и я нутром почувствовал: в следующий миг они сойдут с курса...

Додумать я не успел — так же, как не успели сойти они.

«Триолет» сработал образцово. Но я понял это, лишь увидев результат. Сам процесс ответного удара оказался совершенно незаметным для глаза, потому что гравитационное поле органами чувств не воспринимается и даже приборы не делают его зримым. Мы ощущаем только результаты его воздействия. И вот сейчас корабль-преследователь почувствовал его в полной мере.

АГБ (наконец-то вспомнил я) — это антиграв-бомба. С тех пор как человек научился в определенной степени воздействовать на гравитационное поле, ослаблять его воздействие или усиливать, он дальше всего продвинулся в этих делах в двух направлениях. Первое — это транспорт. А второе, конечно же, военные применения. Наверное, даже транспорт стоит все-таки на второй позиции, а оружие — на первой. Старая людская традиция. И способ военного применения гравитации нашли очень скоро: он, по сути дела, лежал на поверхности. Как только возникла возможность конструировать генераторы гравиполя, работа сразу же пошла в направлении их миниатюризации, которая сделала эти устройства транспортабельными, то есть позволила сконструировать гравибомбу — так это назвали, опять-таки по традиции. Хотя ее не сбрасывали, а выстреливали из орудия или помещали в ракете, как старые добрые термоядерные заряды. Попадая в цель или же пролетев определенное расстояние (при дистанционной установке стартера), генератор врубался и на несколько мгновений вызывал локальное усиление гравиполя на три порядка. Только и всего. То есть в том, что служило мишенью, каждый килограмм массы становился тонной, и этого было достаточно, чтобы любая конструкция под новым собственным весом превратилась даже не в обломки, а в нечто двухмерное, да еще успело провалиться в той среде, в которой все происходило, достаточно глубоко: в открытом грунте — на десятки метров, а в воде — несколько меньше, но все равно достаточно глубоко уйти в дно, если только оно не представляло собой каменистую платформу, а состояло из каких-нибудь илов, глубоководной красной глины или еще чего-нибудь такого. Когда подобное случалось на относительно небольших глубинах, то на поверхности возникала сначала

солидная воронка, а потом — мощное цунами. Сейсмографы фиксировали не очень сильное подводное землетрясение, окружающий мир особого ущерба не претерпевал, а если глубина была достаточной, то и волна возникала послабее. Конечно, все это я выяснил потом, не надо думать, что я такой уж умник, чтобы быть ко всему готовым заранее.

А тогда я просто увидел (и в еще большей мере почувствовал собственными боками), как это оружие действует. Следует сразу сказать: можно было ожидать зрелища куда более эффектного. А последствий для окружающих — менее болезненных. Начать с того, что на этот раз средством доставки АГбомбы послужила обычная ракетная торпеда, вполне доступная не только приборам, но и невооруженному глазу. Двигалась она — для этой среды — быстро, но все же была замечена даже мною, а на корабле, служившем для нее целью, не только замечена, но и опознана (наверное, не без ехидных усмешек) и тут же атакована, а сама цель одновременно начала маневр — все то же уклонение. Однако «Триолет» знал, что делает. Контрторпеды ушли за молоком, потому что одновременно с пуском торпеды были выброшены и ложные цели, для кваркотроники куда более привлекательные. Они-то и привлекли к себе все четыре противоторпедных снаряда. А закончить начатый маневр противник не успел.

То есть рассчитано у них все было правильно. И, продолжай они начатую циркуляцию, скорее всего, им удалось бы разойтись со снарядом. Но у них случилась заминка, они как бы чуть притормозили — только на миг, но и этого оказалось достаточно. А причиной тому была, скорее всего, моя секундная растерянность: маневр того корабля оказался для меня неожиданным, потому что он изменил плоскость, в какой происходил его поворот, и волна, которую он гнал перед собою, устремилась прямо ко мне, в моем направлении. Во всяком случае, так мне в тот миг показалось. Я невольно, не успев еще как следует определить обстановку, дернулся и (потом мне за это было стыдно перед самим собой) сделал неверное движение. Хотел резко отработать в сторону, но вместо этого — все-таки маловато было у меня практики в таком скафандре — нажал не то и не там и остался на месте — но отменил режим незримости. И, естественно, сразу же был замечен. Наверное, не только они напугали меня, но и я — их: человек в чужом скафандре вполне мог — и даже скорее всего — оказаться диверсантом, способным, сблизившись, совершить какое-нибудь опасное действие — ну, хотя бы обстрелять корабль из обычного дистанта с минимального расстояния. Вреда такой обстрел не нанес бы никакого, за исключением одного: режим незримости — дело весьма тонкое, и даже небольшое повреждение внешней обшивки привело бы к его отключению; корабль оказался бы видимым для все еще незримого противника, и это сразу сделало бы их силы неравными. Наверное, тот, кто управлял тем кораблем, человек

или компьютер, мгновенно отреагировал на изменение обстановки и принял новое решение, принял почти сразу, но только почти. Это и стало причиной заминки, крохотной, но достаточной.

В результате торпеда «Триолета» поймала цель и с не очень громким звуком воткнулась в борт. Слышно было прекрасно: вода все-таки. Я невольно зажмурился, ожидая взрыва, и это было неразумно, но зато не стал бросаться на дно — и правильно. Взрыва не произошло, никакого пламени, никаких осколков и обломков. Там, где только что находился корабль, на какие-то мгновения возник черный, абсолютно непрозрачный шар и раздался, я бы сказал, короткий, но глубокий вздох или, быть может, кряканье. Наверное, и еще что-то было, но я успел заметить только, что шар этот стремительно кинулся на дно — и исчез в нем, оставив вместо себя лишь несколько превышавшее его размерами облако из донного материала (все-таки это был ил), — и тут же я пожалел, что даже квадрат моего расстояния от места происшествия оказался маловат: меня настигло волной, когда генератор и все вокруг него перестало существовать в первоначальном виде, и только что устремившаяся туда со всех сторон вода стала возвращаться на свои исходные рубежи. Крутя одно сальто за другим, я всерьез испугался, что унискаф такого обхождения не вытерпит, но он выдержал, и я в нем — тоже, хотя и ощущал, что синяков появится немало. В общем, когда я снова смог наблюдать окружающее без помех, смотреть оказалось не на что: преследовавшего нас корабля больше не было в природе. Когда-нибудь разведчики обнаружат в этом месте компактное, но очень незначительное залегание неглубоко под донной поверхностью разных металлов и других элементов, порой весьма экзотических, но вряд ли они догадаются, какому событию это месторождение обязано своим существованием.

Смотреть было не на что. Подумав так, я сразу же спохватился: стоп. А водолаз? Тот, замеченный неподалеку отсюда? Где он? Уцелел? Он ведь был нужен мне, этот человек. А теперь стал, кроме прочего, и важным свидетелем того, что мы действовали в полном соответствии с правом: первыми не нападали, а лишь ответили на враждебные действия против нас. Где же он?

Направление, в каком он двигался, мне известно, и если исходить из того, что он никуда не сворачивал — а зачем бы ему? — значит, и мне следует плыть по этому вектору. Но прежде...

— «Триолет»! Поздравляю с отличной операцией. Я остаюсь за бортом, веду поиск водолаза, замеченного ранее. Прием.

«Человек находится в двух милях от вас к юго-западу, в подводных зарослях. Движется со скоростью ноль пять узла. Описывает кривую радиусом — округленно — пять миль. На борту все в порядке. Сохраняю режим, веду зарядку батарей. Конец связи».

Лег на курс. Включил фару. Что-то там виднеется впе-

 реди. Да. Водолаз. И, кажется, не вырубленный, а в созна-

нии: отреагировал на изменившееся освещение и начал, сбавив скорость, поворачиваться ко мне.

И вдруг сумасшедшая мысль пронзила мое сознание и заставила не только ускорить движение, но и опять выйти из режима незримости: а вдруг это все-таки Лючана? Невероятно, конечно, но вдруг?..

Не могла она тут быть. А сумасшедшая мысль сверкнула потому, что я вдруг ощутил совсем рядом — не знаю, что именно, скорее всего какое-то из ее тонких тел — и совершенно четко воспринял неслышимый крик: «Ра, помоги мне, у меня больше нет сил...»

И я, собрав всю свою энергию в комок, излучил ее в пространство, испытав при этом такое ощущение, словно на мгновение сделался солнцем:

— Люча! Ты мне нужна! Не уступай! Выключи его, как я учил! И уходи!

Глава восьмая

1

Снова полный покой воцарился на глубине, где только что перестал существовать лучший из кораблей Ардига. Поднятое облако красного ила частью осело, припудривая небольшой кратер, возникший в том месте, где провалились останки раздавленного корабля, частью же уплыло по течению, которое все усиливалось понемногу, потому что пик прилива приближался к этим координатам. Победивший же «Триолет», управляемый виртканитаном, вернулся в ту точку, в которой начинал свой маневр, и остановился там, опустившись для верности на дно, чтобы не приходилось удерживаться на месте, расходуя энергию. По той же причине все огни внутри корабля были выключены — свет нужен только людям с их несовершенным зрительным устройством, компьютеры прекрасно чувствуют себя и в темноте. И время в корабле как бы остановилось.

Однако ненадолго. Не прошло и получаса, как свет словно сам по себе вспыхнул там, где располагалась тесная (по необходимости) кабинка транспортной ВВ. До сих пор не работавшая, она вдруг проявила признаки активности: открылась и впустила в корабль человека.

Это должно было привести и неизбежно привело к действиям со стороны самого «Триолета»: люк, ведущий из входного отсека в другие помещения корабля, запер свою крышку на надежный замок, а в самом отсеке прозвучал невыразительный голос виртканитана: «Прибывшего прошу представиться».

На что последовал ответ:

— Прошу опознания.

«Включаю».

Такой была процедура, хотя и без нее казалось ясным: постороннему в эту изолированную ВВ-систему не попасть. Однако же осторожность, как известно, — мать безопасности.

Пульт опознания засветился на стене. Проверил ДНК. Пальцы. Глаза. И, наконец, ауру. После чего «Триолет» сообщил:

«Опознание произведено. Прошу в рубку».

Прибывший на приглашение ответил:

— Спасибо, «Триолет», в другой раз. Нет времени.

После чего, не заходя в центральные отсеки, гость — а может, и не гость — направился в тот угол отсека, где в своих гнездах стояли унискафы — одного из них, правда, на месте не было. Человек кивнул, отворил дверцу за номером 0, извлек унискаф, облачился, покряхтывая, закончив, проговорил четко:

— «Триолет», выхожу в воду.

«Будет ли смена программы?»

— Продолжай выполнять действующую до моего распоряжения. Сейчас дай мне на костюм обстановку в окружающем пространстве.

«Выполняю. Следует ли докладывать находящимся на связи о вашем прибытии?»

— Нет. Сохрани отношения на установленном уровне.

«Принято».

Прибывший вошел в выходной тамбур. И уже через полторы минуты оказался в воде. Сверяясь с загруженной «Триолетом» картой, определился и двинулся, плывя над самым дном, в избранном им направлении.

2

Мораль и этика разведчика — явления своеобразные, человеку, плохо знакомому с предметом, может даже показаться, что их вообще нет, что разведчик если когда-то и слышал о них нечто, то давно забыл из-за полной их непригодности для его профессиональной деятельности, и отлично обходится без чести, совести и всего такого, целиком устремленный лишь на выполнение очередной задачи. Но это бред. Есть и мораль, и этика — только иерархия ценностей, определяющая границы между моральным и аморальным, этичным и неэтичным, у человека, работающего в разведке, выглядит несколько иначе, чем у того, кто далек от этого рода деятельности. Это неизбежно — хотя бы потому, что у нормального (хотя это, конечно, определение достаточно условное) человека во главе иерархии ценностей прежде всего стоит он сам и его собственные интересы — и материальные, и духовные; вслед за этим идут интересы его семьи, затем — друзей того коллектива, в котором он действует, и далее по убывающей. На этой шкале интересы своего народа и государства стоят в лучшем случае если в конце первого десятка, а то и вовсе возникают где-то во втором. Нормальный человек вообще вспоминает

о своем государстве чаще всего тогда, когда чувствует, что его собственные интересы каким-то образом ущемлены — внутри ли страны, или за ее пределами — и нужна какая-то сила, которая способна исправить допущенную несправедливость. А у разведчика (не только у него, но и, скажем, у профессионального дипломата, у военного, политиков мы тут намеренно не касаемся) иерархию ценностей возглавляют именно интересы государства, нередко совпадающие с интересами власти, но далеко не всегда, затем — своей корпорации, и лишь позади них занимают место интересы личные и семейные. Если такая иерархия у человека не выстраивается, ему приходится искать другую область приложения своих способностей. Нам тут важно отметить, что возникающее при этом смещение понятий, которое стороннему наблюдателю может показаться совершенно, даже возмутительно аморальным, для профессионала является естественным, хотя зачастую очень и очень неприятным, почти всегда нежелательным и, вопреки шкале ценностей, нередко оставляющим шрамы в памяти и психике. Но это уже потом, задним числом, когда можно позволить себе переживания, но ни в коем случае не во время операции, составной частью которой такое действие является.

Это рассуждение понадобилось нам потому, что оно, в самых общих чертах, конечно, дает нам представление о состоянии духа Лючаны как раз в те минуты, когда ее мужу подумалось, что это она оказалась на дне морском — неизвестно как, почему и зачем.

На самом деле ее там не было. А находилась она по-прежнему в той же камере, куда ее привели после спасения на водах, и все еще не в одиночестве, но в обществе молодого человека, пытавшегося получить у нее нужную ему информацию и от которого она, в свою очередь, пыталась узнать хоть что-нибудь, что могло бы ей пригодиться, чтобы — для начала — хотя бы высвободиться отсюда, ускользнуть, подать о себе сигнал, разыскать Ра — или скорее помочь ему найти ее.

Дальше ее мысли пока не заходили, однако направление их возможного развития было уже ясным: волей-неволей оба они оказались замешанными в операцию и, скорее всего, останутся в ней до ее завершения — не только и не столько из чувства долга, сколько потому, что другого выхода просто не было: пока они здесь, их в покое не оставят, это было уже совершенно ясно, а улететь отсюда тоже не дадут. Не имело больше смысла убеждать противника в том, что они и в самом деле очутились тут без всяких намерений и мыслей, связанных с профессией, а лишь для того, чтобы отдохнуть. Им никто не поверил бы, это был один из случаев, когда стечение обстоятельств работает против тебя, оказывается сильнее. Следовательно, дело оборачивалось весьма неприятной стороной, и действовать надо было всерьез, не надеясь на то, что недоразумение как-нибудь само собой рассосется.

Такое решение она приняла еще в самом начале нынешнего визита Идо — во всяком случае, так он назвал себя — и тогда же примерно очертила рамки, в которых ей следовало действовать и за которые выходить не стоило. До какого-то времени ей удавалось играть на равных. Но потом она почувствовала, что сохранить такое положение не удастся. Не сразу, но все же и не слишком поздно Лючана поняла, что Идо человек органично жестокий, то есть он даже не понимал, что жесток, это было его естественным образом действий. А следовательно, он готов применить самые неприятные средства и методы для получения от нее нужной информации. Лючана боялась боли, как боится ее каждый человек, хотя одни не скрывают этого страха, другие же умеют подавлять его, загонять вглубь, терпеть до предела, который, так или иначе, все же наступает. Лючана боялась и самой боли, и последствий применения крутых мер. Как и всякой женщине, ей хотелось оставаться привлекательной, красивой, она не собиралась умирать, полагала, что впереди еще достаточно долгая жизнь, и в этой жизни следовало оставаться такой, какой она была до сих пор. Может быть, другая женщина на ее месте боялась бы возможного уродства меньше, чем боли, но Лючане уже пришлось совсем недавно побыть, пусть и не очень долго, старой и уродливой, память об этом была болезненной, и на такой поворот судьбы она не могла и не хотела согласиться. То есть эту игру, очень серьезную, как и всякая большая игра, она проигрывать не собиралась.

Уже с самого начала, как бы непринужденно разговаривая с Идо, в меру кокетничая, она на самом деле пыталась поглубже прозондировать его сознание; этим умением она владела, хотя в достаточно умеренной, бытовой степени. Но здесь и этого было достаточно: Идо даже не пытался применить какую-то защиту, выставить хотя бы примитивные блоки, он весь был сконцентрирован на получении максимума информации при допросе и — этим пламенем словно озарялось все его сознание — был готов воспользоваться любыми методами, даже не задумываясь об их жестокости. Тут было чего испугаться. Остановить его она могла разве что физическим сопротивлением; там, в медитационном пространстве, ей это удалось, но там было куда бежать, увернувшись от ответного удара, а здесь все обстояло куда сложнее.

И все же возможность контригры у нее оставалась. Зондаж показал ей, что у него сейчас была и другая доминанта, и если первая — информационная — определялась служебными интересами, то вторая уже исключительно личными. Хотя они и граничили, и где-то даже пересекались со служебными.

Этой второй доминантой являлось желание реванша, питавшееся и от глубоко задетого самолюбия, и от той сексуальной потребности, инстинктивной, вполне естественной для его возраста и не контролируемой воспитанием, которого, похоже, ему так недоставало. И он был намерен это свое стремление

реализовать; он был настроен на насилие, и рядом нет никого и ничего, кто мог бы ему словом или делом помешать в осуществлении этого насилия. Кроме нее самой. Но в открытой, физической борьбе она неизбежно проиграет, это было совершенно ясно ей — да и ему, конечно, тоже.

На какое-то непродолжительное время странная двойственность овладела ею. Дух и плоть пытались найти соглашение, при котором потери будут наименьшими. Тело, в предвкушении предстоящего, уже испытывало легкую истому, которая обещала вскоре превратиться в основное ощущение; дух, сперва категорически отвергший такую возможность, вынужден был понемногу отступать под натиском и страха, и хитрости, и — да, и желания тоже, потому что этот парень физически вовсе не был неприятен ей.

А окончательно успокоить протестующий дух удалось при помощи именно тех размышлений, с которых мы тут начали: раз уж шла операция, то и действовать надо было по законам профессионализма, а не быта. С профессиональной же точки зрения в том, что ей предстояло, не было ничего грешного: женщина использует свое естественное оружие, только и всего. Лючана подозревала, что Ра, окажись он в таком же положении, постарался бы пустить в ход и свою мужественность, имея противником женщину. Значит, и она...

Собственно, эти размышления не занимали ее рассудок, шли они где-то фоном, скорее в подсознании. А всерьез она была занята тактикой предстоящей схватки, самой игрой и — главное — достижением результатов этой игры, которые должны быть обязательно выигрышными — иначе получилось бы, что она пошла на все и не получила в итоге ничего, и это было бы вдвойне, втройне постыдно.

Тактика же заключалась в том, чтобы — как это нередко делается — свою слабость обратить в силу. Не дать Идо повода для грубости и насилия, позволь она подобное — это послужило бы началом для всего дальнейшего, уже не только для удовлетворения похоти, но и для выбивания из нее всего, что она знала. Насилие, начавшись, растет с ужасающей быстротой, питаясь своими результатами, и порой кончается трагически для того, к кому сила применяется. И наоборот, встретив вместо сопротивления, обиды, презрения, всей гаммы отрицательных чувств — согласие, ласку, желание, удовольствие, человек, сам того не замечая, из категории насилуемого переводит жертву в партнеры и уже этим меняет свое отношение к ней и сам начинает испытывать чуть ли не нежность, и уж, во всяком случае, благодарность за полученное — переживание, назовем это так, — и за свою победу.

И она продолжила эту игру, на его глазах становясь все более слабой и доступной; когда он, еще не очень в это веря, все же решил проверить и на свои действия получил робкое, но все же одобрение, его до сих пор соблюдавшийся план как-

то сам собой перевернулся с ног на голову. Идо намерен был прежде всего провести допрос по всем правилам и уже потом, на десерт, так сказать, заставить ее удовлетворить его желание. Так было задумано. А сейчас он внезапно понял, что все было в корне неправильно. Нет, сперва нужно овладеть ею, показать, кто тут хозяин во всех смыслах, что выполняться будут его желания, а никак не ее, она в полном его распоряжении, она всего лишь подстилка, на которую он может возлечь, а захочет — и вытереть об нее ноги, одним словом, унизить до последнего, и вот тогда-то у нее не останется никаких сил для сопротивления и она ответит как миленькая на все вопросы — то есть он, как говорится, выпотрошит ее до конца. Ну а если она в постели чего-то стоит, он, пожалуй, постарается сохранить ее в таком качестве для себя самого. Сейчас Идо уже казалось, что он и в самом деле почти всесильный человек, чьи желания осуществляются сами собой. Вот он захотел ее — и сейчас получит...

Лючана не сопротивлялась, когда он начал не очень умело раздевать ее, только проговорила:

— Не обижай меня, пожалуйста. И не спеши...

Эти слова, как Лючана и рассчитывала, и вовсе выбили его из привычной колеи: она ему почудилась не врагом, а чуть ли не союзницей.

И все так и произошло бы (трудно сказать, как сама Лючана потом отнеслась бы к происходившему: простила бы себе, постаралась ли забыть, вычистить из памяти, выскоблить как нежеланный плод или вспоминала бы как о вовремя примененной хитрости, тактическом маневре, когда, отступая, заманивают противника туда, где на него обрушится надежно укрывавшийся засадный полк), если бы в последний миг, неизвестно откуда взявшись, не прозвучал в ее сознании баритон Ра — резко, пронзительно возгласивший:

— Люча! Ты мне нужна! Не уступай! Выключи его, как я учил! И уходи!

Пришел ли этот голос на самом деле или возник в ее подсознании, как последняя, может быть, защитная реакция, но вдруг возникла уверенность: нет, уступать нельзя, расчет неверен, уступив сейчас, она не сможет устоять и дальше, на самом деле этот Идо непрост, он знает, что делает, и вовсе не оргазма сейчас добивается...

Лючана — про себя, конечно, — крепко обругала свое тело, уже готовое от происходящего получить удовольствие и соответственно себя ведущее; внешне же — бессильно раскинула руки и даже тихо застонала, как бы признавая свое поражение. А когда Идо налег на нее, уверенный в ее покорности, обеими ладонями сразу — резко, изо всех сил — ударила его по ушам, словно клинья туда вгоняла — от всей души. И он наконец успокоился — обмяк на ней, лишившись и сознания, и агрессивности.

Чтобы высвободиться из-под него, времени ушло больше, чем она предполагала, зато, для верности, она «зарядила» Идо еще на четыре часа глубокого сна, а когда проснется, пусть у него не останется ни малейшего воспоминания о том, что здесь происходило. И вообще о ее существовании на свете. Она не была уверена, что все именно так и сработает. Но за четыре часа могла поручиться. Это время нужно было использовать, чтобы исчезнуть отсюда. И при этом постараться наилучшим образом снарядиться для дальнейших действий: для поисков корабля и, конечно, Ра, которому сейчас она наверняка была очень нужна — раз уж он так воззвал к ее помощи — в самое время...

«Бедный мой Ра, — подумала она, облачаясь в здешнюю форму, которую Идо снял для удобства действий. Эта идея возникла у нее, когда она поняла, что Идо если и был повыше нее, то ненамного, так что, если подогнуть рукава внутрь, то никому не бросится в глаза, что одежда ее — с чужого плеча. — Бедный Ра, я тебе, кажется, чуть не изменила. Хотя думаю, что нет, изменяет ведь не тело, изменяет дух, а душой я всегда была, и есть, и останусь твоею. Правда. Или почти правда...»

Последней она надела каскетку Идо, с большим козырьком, надвинула ее на лоб так, что лицо оказалось в тени, — небольшое зеркало на переборке подтвердило это. Перед диафрагмой постояла, размышляя. Входы тут, как Лючана поняла еще раньше, настраивались на биометрию здешних сотрудников. Сложности? Ну, разве что для неумех. На самом же деле все сводится к нормальной, не очень сложной кваркотронике, надо только немного поработать с датчиками, а ей приходилось этим заниматься не раз и не два. Инструменты? Сейчас сойдет и заколка для волос.

Через минуту с небольшим Лючана совладала с диафрагмой. Выглянула в коридор. Никого. Вышла, оставив выход с вконец разрегулированным замком, чтобы больше уже не возвращаться сюда.

«Где тут располагалась их каптерка? Там было, помнится, кое-что, что неплохо было бы получить в пользование. Мы шли... Ага, вспомнила. Все ясно».

Лючана пошла по коридору — нормальным шагом, уверенным, словно бы была тут хозяйкой. Странно — она больше не чувствовала себя усталой. Как и всегда, впрочем, после... Да. «Все к лучшему в этом лучшем из миров», — процитировала она мысленно. «Правда, это не об Ардиге. Но как знать, возможно, и его мы сделаем таким в конце концов?»

3

Человек, которого я намеревался захватить, оказался не в подводных зарослях, как докладывал мне «Триолет», а на чистом от растительности пространстве — это было что-то вроде просеки. Наверное, успел выбраться, пока я искал его.

Это была не Лючана. Ничего похожего.

Пожалуй, выше ростом. Почти с меня. И, наверное, массивнее: Люча даже в скафандре выглядела бы менее внушительно. Костюм на нем, правда, судя по внешнему виду, мог бы принадлежать и нашему кораблю, но такие унискафы были распространены в мирах достаточно широко, а главное — каким образом Лючана могла бы оказаться в скафандре, если до корабля она так и не добралась? Чужой человек. Значит, по первому определению — опасный.

Успел он меня увидеть?

Надеюсь, что нет. Потому что сработал ли рефлекс (вряд ли, все-таки я не настолько сросся со скафандром, чтобы — все равно, в воде или в пространстве — действовать в такие мгновения автоматически) или нужное действие подсказал мой мик, но еще прежде, чем я понял, что этот человек не Лючана, мой унискаф мгновенно вернулся в режим незримости.

И все же водолаз каким-то образом ощутил мое присутствие. Я решил так потому, что он вдруг обернулся. Не заметил, нет. Повернувшись и ничего не увидев, человек секунду-другую удерживался на месте, видимо пытаясь сообразить, действительно ли тут находится кто-то, кроме него самого, или просто подвела нервная система, на миг возникла иллюзия, только и всего; так случается — на глубине, как и в космосе, нервы иногда начинают чудить. Ничего удивительного: и тут, и там постоянно находишься в нервном напряжении, вокруг — смертельно опасная среда, от которой тебя отделяет пусть вроде бы и надежная, но такая тонкая оболочка — костюм, универсальный у меня и в этом же роде — у него. Чуть что — здесь тебя раздавит, в космосе — разорвет, но печальный результат так или иначе наступит. Наверное, такого рода сомнения шевелятся сейчас и в мозгу глубинного пловца. И, надеюсь, они возобладают над всеми прочими предположениями, хотя бы потому, что вряд ли он ожидает увидеть здесь еще кого-то.

Однако так ли уж не ожидает? Откуда у меня такая уверенность? Если вдуматься — было ли случайностью его появление здесь, совпадающее по времени и месту с недавней атакой теперь уже не существующего корабля? Наверняка тут был не случай, а расчет. Операция против нас продолжается — против и меня, и корабля, — медиативный вариант у них не прошел, теперь в ход пошла другая методика. А из этого следует, что человек этот почти наверняка мой противник и тем более он мне нужен. И уж если обстановка сложилась так, что он остался без поддержки, а я, наоборот, сохранил ее, то...

«Постой, — тут же возразил я сам себе. — Конечно, можно атаковать и пленить его сейчас. Но, похоже, его поведение не указывает на то, что он ищет именно меня. Он движется по прямой, плывет над самым дном, сохраняя все то же на-

правление, то есть достаточно целеустремленно; при этом путь его лежит не туда, где было бы естественно искать меня, но совершенно в другую сторону. Это заставляет думать, что у него совсем другая задача, иная цель. А в таком случае целесообразней не брать его немедленно, а просто проследить. Может быть, это окажется куда интереснее!»

— «Триолет»! Продолжаю следить за замеченным водолазом. Прошу следовать за мной, не обнаруживая себя, если обстоятельства не препятствуют. Доложите обстановку.

«Докладываю: в соответствии с действующей программой должен оставаться на месте. Обстановка: ранее замеченная субмарина ведет работы неясного назначения в растительности, следуя неровностям дна, курс ее сближается с вашим. Тип неизвестен, в справочнике не содержится. Признаков вооружения не обнаруживаю. Меня не воспринимает, воду решетом не носит».

Я невольно фыркнул. Все-таки общение с десантным народом наложило на «Триолета» заметный отпечаток — вплоть до того, что он усвоил кое-что из профессионального сленга, где «носить воду решетом» означает — зондировать среду всеми имеющимися средствами: акустическими, видео, радарными, химическими, гравитационными, магнитными...

— Наблюдай за ним. Докладывай о его действиях.

«Принято».

Теперь «Триолет», как говорится, воды не замутит и сохранит стопроцентную невидимость. А тут я, надо полагать, обойдусь и без его помощи. Что там мой подопечный?

Водолаз тем временем успокоился; уговорил себя, надо полагать, что вспышка света ему просто привиделась. И, снова показав мне спину, возобновил свое неторопливое движение. А я двинулся в его кильватере, постепенно сокращая расстояние до возможного предела; предел этот — дистанция, на какой волна, которую я невольно гоню перед собой, продвигаясь вперед, гаснет, не успев коснуться плывущего впереди, а вернее, датчиков его костюма. Желание получше разглядеть эту технику и заставило меня сократить дистанцию до рискованной.

Нет, это, конечно, не унискаф, во всяком случае, не совсем такой, как у меня. В Галактике существует не менее двух дюжин разных конструкций и модификаций этого полезного приспособления. Производят их в четырех мирах, технически самых развитых, и каждая модель имеет свой ареал распространения — в зависимости от торговых связей производящего мира с потребляющими. Если установить, чья это продукция, можно будет в первом приближении представить, кем он был куплен. Я не так давно пролистывал федеральный торговый справочник и помню, что Ардиг там не возникал ни на одной позиции. Значит, перекупил у кого-то. С кем же у него существует торговая связь — хотя бы только по импорту? А может, и не только по им-

порту? Это для разведчика всегда полезная информация, хотя пока я еще не вижу, как и зачем она смогла бы мне понадобиться. Запасать информацию впрок — дело далеко не лишнее.

Тем не менее куда больше костюма меня сейчас интересовало другое: что этот мужик (хотя, может, и дама) тут делает, чем занимается? Почему, так сказать, плывет пешком, если поблизости маневрирует какой-то здешний корабль? Разные ведомства? Несогласованность? Вполне возможно: в любом цивилизованном мире, даже на Теллусе, рассогласованности в действиях разных контор очень много и становится все больше, потому что чем выше цивилизация, тем больше в ней обособленных отраслей деятельности, а чем их больше, тем больше раздрая, тут зависимость может оказаться даже не линейной, а как минимум квадратичной. А на Ардиге несомненно существуют хотя бы некоторые признаки высокой цивилизации. Так что эта болезнь и здесь могла пустить корни...

Мыслишка, надо признать, достаточно нелепая, за уши притянутая. Но пока других нет, пусть будет эта. Хотя... не ищу ли я просто оправдания себе в том, что вместо активного поиска Лючи перешел на позиции заурядного топтуна? Не взыграл ли снова профессиональный борзой инстинкт: увидел бегущего зайчика и галопом припустил за ним?

Так или иначе, если дело начато, надо довести его до конца. Тем более что польза от этих моих действий будет в любом случае. Прежде всего надо обзавестись тем, чего на родном Теллусе не могла нам дать даже всеведущая Служба. А именно: попытаться выяснить, что же это за мир — Ардиг, с чем его, как говорится, едят и кого он сам ест, что тоже интересно.

Да, насчет поесть: неслучайно эти обороты пришли мне на ум, а потому, что сам я принимал пищу в последний раз — когда же? А вместе с Лючей еще перед высадкой на поверхность, тогда сухую. Организм мой уже начал подавать сердитые сигналы, поскольку все сроки регулярного питания давно прошли. Ладно, уважаемый тракт, придется потерпеть: я ведь объявил себе боевую тревогу, ты что — не усек вовремя? Вот и помалкивай в тряпочку.

Я все еще следовал за глубинником на выбранном расстоянии и наблюдал его, рассматривал, пользуясь то (изредка) третьим глазом, то термовизором. Пытался сообразить: первое — марку костюма, второе — что он несет в ранце, достаточно объемистом, но только это не сидор подводного туриста, а какое-то спецснаряжение, судя по некоторым особенностям рюкзака, какие я смог уже различить. Костюмчик... Мик, помнится, я закладывал в твою память среди моделей прочего снаряжения и данные о таких костюмах — даже с картинками. Когда это было? По-моему, перед вояжем на Топси, где тоже много воды, хотя и не столько, сколько ее здесь. Ну-ка, поройся в сусеках!

Мику я эту задачу поставил, конечно, не в такой форме, а в доступной его восприятию: компьютер остается компьютером, даже если он биологический и квартирует в твоей собственной голове. Ответ получил сразу же:

«Требуемая информация утрачена при проведении полного форматирования. Дата...»

Ладно, не надо, я и сам вспомнил. Это когда меня поймали и вычистили все на свете в ходе одной из былых операций. Позже я восстановил, но не все, этих сведений в тех местах не нашлось, а потом я просто забыл, да и не возникало потребности.

«Запросить сервер?»

Мик имеет в виду «Триолет». Так я и сделаю, но не сейчас, а когда снова окажусь на борту. Костюм подождет. А вот что у мужичка-глубинничка с собой? И, кстати, отчего он движется так лениво? Любой глубинный костюм, даже самый, по нынешним понятиям, примитивный, способен развивать скорость, независимо от типа движка, самое малое вдвое большую. А этот плывет вперевалочку, словно выплыл погулять. Может быть, конечно, и так, но тогда какого черта он так нагрузил свой ранец? И почему плывет, чуть ли не утыкаясь носом в дно? Ищет что-то? Купался и часики обронил? Вряд ли. Кто полезет за такой ерундой на глубину в шестьсот... Ну, это я в шутку. И вот еще: он ведь плывет не строго по прямой, как делал бы, будь его целью только лишь преодолеть какое-то расстояние. А его путь — очень плавная, но все же синусоида. Знаю точно, потому что и самому приходится вслед за ним повторять все пологие повороты. Да, он что-то ищет, но не просто ищет, а лишь на этой вот кривой, которую мы с ним описываем. Интересно. Пожалуй, надо и мне опуститься пониже, чтобы лучше фиксировать дно: до сих пор оно меня не интересовало, но, вероятно, надо расширить круг интересов.

Я снизился. Разумеется, включать фару, чтобы получше видеть дно, было недопустимо — и потому, что это снова привлекло бы внимание наблюдаемого, и еще потому, что фара вообще не включится, пока я нахожусь в режиме незримости. Термовизия тут вряд ли поможет: все дно обладает, в общем, одной и той же температурой. Ему-то хорошо: он подсвечивает себе нашлемным фонарем, хотя и не очень сильным. Ну что же: если мои средства не помогут — придется пристраиваться буквально за его плечом хотя бы ненадолго, пока не станет ясным, что он здесь потерял.

Но все же перед этим попытаю счастья — перенастрою свой термо.

Странно, я думал, что ничего не увижу в инфракрасном. А получилось вовсе не так. В визоре четко обозначилась та самая змеистая трасса, над которой мы плыли, — неширокая, уходящая в неразличимую даль и (я осторожно обернулся) из неразличимой же дали приходящая. Нет, она не все время виляет, отсюда видно, что местами она распрямляется и достаточно долго вы-

держивает прямую. Что это за змейка такая? И в чем смысл такого неторопливого проплыва над нею: проверка? Охрана? Еще что-нибудь? И чем вызвана такая, прямо скажем, не самая экономичная форма? Может быть, эта хреновина просто лежит на дне? Термокартинка лишена трехмерности, она ответа не дает. А между тем это очень любопытно, потому что сразу возникают всякие гипотезы. Но сперва надо все-таки выяснить: что это такое?

Я позволил водолазу удалиться еще на полтора десятка метров, остановившись и медленно, очень медленно преодолевая последние метры глубины. Встал на грунт в двух метрах от кривули, не выпуская ее из поля зрения. Приземлился, так сказать, на цыпочки, чтобы не нашуметь: что-что, а уж звук в воде разносится быстро и с минимальными потерями. И едва не потерял равновесия: дно оказалось очень неприятным — неровным и не песчаным, а усеянным разновеликими осколками, откуда они здесь взялись, пока непонятно. Осторожно шагнул, приближаясь к цели. И снова чуть не упал, выручила только вода, в ней падаешь медленно и хватает времени, чтобы восстановить равновесие — особенно когда основную работу берет на себя костюм. Ухабы и кочки — по такому дну я поостерегся бы передвигаться даже на скользуне, не говоря уже о коляске. А вот теплая линия вроде бы идет более или менее горизонтально, если и изгибается по вертикали, то столь же плавно, как и в горизонтальной плоскости. Вот она — рядом с моей ногой. Наступить на линию я не решился — и, как оказалось, сделал правильно. Вместо этого я нагнулся, чтобы потрогать ее рукой — в перчатке, разумеется, чьи датчики передают тактильные ощущения моей нервной системе.

Нагибаться в таком скафандре, как мой, задача, надо сказать, не из простых. Создатели этого аппарата, скорее всего, надеялись, что это действие понадобится ему — то есть собственно заключенному в него человеку — в последнюю очередь; все-таки унискаф был рассчитан прежде всего на использование в космическом пространстве, поскольку оно окружает любую планету, а вот глубокие водоемы — да и не очень глубокие тоже — встречаются только на избранных. В пространстве же нагибаться не нужно — в невесомости можно принять, не сгибаясь, любое положение, чтобы дотянуться до нужного места. Так что приходилось делать это медленно, скафандр просто не умел выполнять такие действия быстро. Надо будет сказать пару слов разработчикам, когда я... А вернее — если я вернусь домой.

Но вот наконец стало возможно осторожно протянуть руку и прикоснуться.

4

Лючана без особого труда восстановила в памяти несложный маршрут, каким ее провели уже, казалось, очень давно, хотя на самом деле прошло всего лишь несколько часов.

Внутреннее ощущение времени подсказывало, что семь с минутами. По коридору она шла спокойно, как будто бы даже неторопливо; есть такая манера ходьбы у людей, привыкших пешком преодолевать большие расстояния: вроде бы и неспешно передвигают ноги, однако оглянись через минутку, а встречный вон уже как далеко оказался! Шла, не вертя головой, хотя велико было искушение увидеть и запомнить каждую мелочь: чисто профессиональное желание. Но профессиональным было у нее и умение хорошо видеть боковым зрением, вроде бы ни на что не обращая внимания. Лифтом пользоваться не стала, потому что в трубе могли оказаться и другие люди и там она стала бы предметом пристального разглядывания и даже попыток заговорить, завязать знакомство. Что было бы совершенно естественно. Лючана помнила, что мужчин тут куда больше, чем женщин, во всяком случае, в коридорах. Но ей сейчас такие контакты были ни к чему. План, который уже почти сложился в ее голове, подобного не предусматривал, потому что союзников она здесь найти не могла и полагалась лишь на свои собственные силы и умение.

Первым местом, какое она собиралась посетить, было то помещение — то ли склад, то ли магазин, — где ее одели в сухое. Визит был нужен не для того, чтобы снова сменить наряд, хотя и это было бы нелишним. Лючана хотела попасть туда, чтобы вернуть себе то, что было у нее отобрано, и в первую очередь дыхательную маску, в которой еще оставался ресурс. Без нее трудно надеяться найти в бесконечном океане корабль и Ра, а не найти их было бы равноценно гибели: в мягкость здешних нравов она не верила, грехов на ней, по здешним представлениям, висело уже достаточно: кроме первого — неразрешенного появления здесь — к ним прибавилось и бегство, и нападение на здешнего служащего. Наверняка это будет расценено как нападение, а был человек выведен из строя ударом по голове или же гипнотическим воздействием — это уже второстепенные детали, вину определят по результату ее действий, а не по их характеру. Да и то, что произошло у нее с Идо («Идотик-идиотик», как с насмешкой обозначила его для себя Лючана), было бы вменено ей в вину: соблазнила, совратила наивного мальчика, как же! Так что вторично попадаться в руки здешним властям никак не следовало, другого такого случая, как сейчас, ей не представится. И поэтому действовать следовало осторожно, но и решительно, без колебаний.

Дверь в то, что она называла каптеркой (слово это сохранилось в памяти с тех времен, когда она, в ранней молодости, служила в войсках — правда, очень недолго, — где и познакомилась с Ра, который вскоре перетащил ее в свою Службу, а потом, уже семьей, оба они ушли в свободный полет), внешне не отличимую от других, Лючана нашла без труда. Когда она была уже в двух шагах, дверь отворилась и из каптерки вышел человек. Первым порывом Лючаны было пройти мимо с совершенно незаинте-

ресованным видом. Но она тут же передумала: человек выходил из проема пятясь. На вытянутых руках он держал немалый груз — аккуратно упакованная в несколько вязок одежда, комплектов десять-двенадцать. Один пакет, верхний, задел за косяк и уже готов был соскользнуть; Лючана тут же пришла на помощь — подхватила вовремя, нажала, возвращая пакет на место. Носильщик поблагодарил, не успев даже увидеть ее: Лючана за его спиной проскользнула в диафрагму. Остановилась, оценивая ситуацию.

Тетка — похоже, та же самая, что была здесь и при первом посещении, — стояла в углу, повернувшись к двери спиной. Встав на нижнюю ступеньку передвижной стремянки, наводила порядок на стеллаже.

Так и осталось неясным, поняла ли каптерша, что кто-то вошел, или нет. Но это уже не имело значения. Искусством бесшумного передвижения Лючана владела издавна и умением бесшумно вырубить, когда противник и не ожидает нападения тоже.

Тетку пришлось подхватить на руки, когда она, удивленно пискнув и закатив глаза, стала падать со стремянки навзничь. В какой карман она тогда клала ключ? В левый; еще тогда подумалось, что она левша. Вот он.

Нужное обнаружилось не сразу — прежде всего потому, что оно показалось взгляду каким-то подобием тряпицы. Впрочем, это только на первый взгляд. Но стоило Лючане взять ее в руки, как в пальцах возникло знакомое ощущение, легкое покалывание, похожее на щекотку: такой эффект возникал всегда, когда она прикасалась к своей дыхательной маске, если соприкосновение происходило не в воде. Здешние люди, надо полагать, то ли не смогли, то ли просто еще не успели как следует познакомиться с этим трофеем; не исключалось также, что подобная техника еще не была им известна. Лючана невольно улыбнулась, даже поцеловала маску, она словно получила весточку — не из дома, некому было слать приветы оттуда, но от мужа, которого ей сейчас очень не хватало. Потом аккуратно уложила маску в карман и принялась смотреть дальше. В шкафу оказалось много всякой всячины, на которую нельзя было не обратить внимания: там были и полезные в ее положении вещи. Например, целая полка с дистантами разных классов. Лючана с полминуты выбирала самый сподручный, наконец выбрала, и зарядник тоже. Потом вдруг испугалась, судорожно дернула рукой, на которую еще в камере надела часы Идо: ей показалось, что она слишком долго копается. Вполне возможно, что Идо на ее допрос было отведено какое-то определенное время и если он, когда срок истечет, не доложит, его станут искать, найдут и сразу же по всему сооружению начнут розыск сбежавшей, исходя из того, что никуда деваться отсюда она не могла.

Однако именно это она и собиралась сделать. И это было возможно лишь до мгновения, когда ее спохватятся.

А вот если ее захватят здесь, то шансов на побег не останется вовсе никаких. «Баба, — упрекнула себя Лючана. — Обязательно тебе все надо увидеть и потрогать. Барахольщица ты!»

И все же она не могла отказать себе еще в одном — нет, даже в двух вещах. Во-первых, на столе она увидела аккуратный пакетик, от которого исходил очень соблазнительный запах съестного. Аромат жареного мяса. Лючана схватила пакет, оглядела все вокруг прощальным взглядом и снова не выдержала: увидела на стеллаже и прихватила с собой еще комплект одежды — не желтой, как та, что сейчас была на ней, а синей, потому что помнила: именно в такую были одеты люди там, где она высадилась из капсулы вместе с привезшей ее парочкой. Наверное, это морская форма, а именно море ей сейчас и нужно. Терять времени на переодевание она не стала: потом найдет закуток, а если и нет — наверху сейчас, судя по часам, должно уже темнеть, и это очень кстати.

А пока она уложила все это в сумку — хорошую, объемистую, найденную тут же. Повесила через плечо. Сумка сразу придала ей вид человека делового, а не просто слоняющегося по коридорам. Вот теперь и в самом деле все. Пошли.

Она постояла около выхода из каптерки, прислушиваясь, даже не дыша. Никаких шагов, никакого другого шума вроде бы не было. Выглянула, опустившись на четвереньки, так что голова оказалась совсем невысоко над полом: это уменьшает вероятность, что тебя заметят. Было чисто: похоже, тут не любят шататься попусту, лишних людей нет, а нелишние занимаются своими делами.

Похвально. Закрыла дверцу, ключ от железного шкафа вернулся в карман законной владелицы; очнется — решит, скорее всего, что оступилась, слезая со стремянки, бытовое происшествие, только и всего.

Путь к капсулам Лючана помнила хорошо. И предстоящее казалось ей простым: скорее в воду, а в воде — все равно на веслах, под парусом или с мотором — она издавна чувствовала себя уверенно. Вперед, вперед!

5

Молодой человек, называвший себя Идо, очнулся в камере раньше, чем ему следовало бы по расчетам Лючаны. Огляделся и не увидел ни Лючаны, ни своей одежды — взамен ему было оставлено то, что он совсем недавно срывал с Лючаны.

Он встал с постели. Голова немного кружилась, но он знал, что это вскоре пройдет само собой. Медленно ступая, подошел к диафрагме выхода, на всякий случай нажал на ручку, хотя заранее был уверен, что замок более не работает. Хмуро подумал: «Хитрая баба. Ладно, все равно никуда не денется». Отошел к противоположной стене, на которой висело неболь-

шое зеркало с полочкой, осторожно снял его; за ним в неглубокой нише оказался обычный аппарат связи. Идо оживил его, приложив к маленькому окошку большой палец, затем набрал код доступа и нужный номер. Когда ему отозвались, проговорил:

— Докладываю: задержанная поступила точно по расчету примерно полчаса тому назад. Одета в мою форму — со всеми знаками различия...

— Видели. Ведем ее. Можете вернуться на ваше место. Вероятно, вскоре она покинет нашу территорию, и вы будете включены в состав группы слежения. Надеюсь, что она выведет вас на цель и на этот раз вы добьетесь успеха. Женщина хороша, когда нужно найти мужчину, тут она полезна, как гончая на охоте. А если их две — тем более. Пусть она сначала найдет его, остальное решится потом. Ваше дело — не упустить ее в очередной раз.

— Так точно, генерал-максимат, — пришлось ответить Идо. — Мы ее не упустим. На ней сейчас три маячка, так что...

— Это мы видим и сами. Минутку!

Генерал-максимат, похоже, отвлекся для разговора с кем-то другим — голоса звучали приглушенно, слов было не разобрать. Потом снова послышалось отчетливо:

— Сейчас вы пойдете не к вашему месту, а в капсульный отсек. Там соберется группа преследования. Бежавшая, судя по ее маршруту, тоже направляется туда. Пусть она беспрепятственно покинет базу; вероятнее всего, воспользуется одной из спасательных капсул, которая как бы случайно открыта и готова к выходу. Женщина будет искать связь с их кораблем. Поэтому вы должны следовать за ней вне пределов видимости до того момента, когда она приблизится к кораблю или он — к ней. И только тогда, когда их корабль окажется в зоне вашей видимости, возьмете ее, ни в коем случае не позволяя ей попасть на корабль: иначе придется начинать все сначала. Учитывая метод, при помощи которого вы с ней работали, я понимаю, что у вас могла возникнуть к ней некоторая симпатия: ваши слабости нам хорошо известны. Так вот, если не допустить беглянку на корабль можно будет, лишь уничтожив ее, так и поступайте. Ответственность за это возлагается именно на вас. Вы все поняли?

— Так точно, — отрапортовал Идо, стараясь, чтобы голос звучал как можно бодрее и бездумнее: он знал, что сейчас и голос его будет анализироваться, а по этому анализу станут судить о его искренности. — Все будет сделано.

— Действуйте.

И верх отключился. Идо сделал два шага к двери. Остановился. Вернулся, чтобы повесить зеркало на место. Поднял его, помедлил секунду, положил снова. Набрал другой номер. Номер Махи.

Он ждал целую минуту. Никто не отвечал.

Идо пожал плечами и на этот раз, приведя все в порядок, вышел из камеры и направился туда, куда было приказано.

Длинное и круглое — как по-вашему, что это такое? Верно: скорее всего — труба. Почти целиком заглубленная в донный грунт, над ним выступает лишь верхняя часть. С учетом ее кривизны можно предположить, что диаметр этой магистрали — метра два, плюс-минус. Конечно, нет гарантии, что это именно труба; теоретически штука может оказаться и сплошной шиной, и оптическим волноводом, и еще мало ли чем. Но все же девять из десяти шансов — за трубу. Кабель или шина такого сечения — нет, не верится. Ну-ка, костюмчик, приложи ладонь поплотнее. Что ощущаем? Очень мелкую дрожь, микровибрацию. Аргумент в пользу того, что это труба и по ней прокачивают жидкость. Какую? Откуда? Куда? С какой целью?

К сожалению, на ней этого не написано. Но это не значит, что информация так и останется недоступной. Труба не умеет говорить, зато человек — если с ним обойтись соответственно — может рассказать очень и очень многое. При этом его даже не придется долго искать: он где-то тут, неподалеку. Я его, правда, не вижу, он успел уже, пока я тут мешкал, уйти достаточно далеко, но труба, хочет она того или не хочет, неизбежно приведет меня к нему. Дальше все вроде бы ясно. Нейтрализовать, подозвать корабль поближе (ради такого случая «Триолет», я думаю, осмелится отступить от программы), взять языка на борт и там уже учинить ему допрос с пристрастием. Ну-ка, включим скорость!

Меня как-то не очень волновал в ту минуту вопрос — ладно, я возьму его, вытащу из него все, что меня интересует, а что стану с ним делать потом? Устроить ему тюрьму в корабле? Или таскать повсюду за собой? Или — вроде бы самое простое — окончательно нейтрализовать его, и дело с концом? Мне, откровенно говоря, никогда еще не случалось поступать подобным образом. Одно дело, когда ты совершаешь это в порядке самозащиты или тебе преграждают путь при помощи оружия, а тебе обязательно надо прорваться — и ты прибегаешь к такому же способу. Это — игра, хотя и суровая, игра на высшую ставку. А уничтожить безоружного — это работа для палача, но у того хоть есть официальное разрешение на такое дело, судебный приговор и распоряжение начальника. А у меня — ничего похожего. Будь я в нормальном состоянии духа, ситуация наверняка заставила бы меня задуматься, но сейчас опасность угрожала не мне, а (я был уверен) Лючане, и для меня это было важнее приговоров и приказов.

Так что, не думая об этом, я сам подал себе команду и стал приближаться к преследуемому, изготовившись к нападению. На моей стороне были внезапность и невидимость, так что я заранее был уверен в успехе. Но все же перед ускорением внимательно осмотрелся. В открытой воде не было никого и ничего, что могло бы мне помешать. Хотя эта открытая вода была всего

лишь достаточно широкой просекой в водорослевых дебрях, в которых увидеть что-нибудь было бы затруднительно. Но там вроде бы ничего и не должно было быть. Так что можно с криком «Ура!», как того требует устав, устремиться в атаку.

Универсальный скафандр вообще-то не является военной машиной и не имеет в своей конструкции никакого оружия. Зато снабжен достаточным количеством инструмента, который при случае может быть использован и таким образом. Так я и собирался поступить и, делая неторопливые и плавные движения без перерывов между ними, вытянул из правого набедренного кармана импульсный сварщик и, не отнимая от тела (чтобы он не сделался видимым раньше времени), установил на малую мощность и уже высмотрел на шлеме предполагаемой жертвы то местечко, куда надо будет направить разряд, чтобы водолаз на какое-то время вырубился. А когда он придет в себя, будет уже поздно. Единственным, что еще немного смущало меня, было следующее соображение: если он находится на постоянной связи с кем-то из своих и успеет хотя бы простонать в тот миг, когда получит разряд, — там, скорее всего, забеспокоятся. Значит, он не должен даже пикнуть. Подумав так, я чуть увеличил мощность; до водолаза оставалось три метра, я уже вытянул руку с прибором — и сам увидел ее. Меня это зрелище не смутило, но я представил себе состояние того человека, если он вдруг оглянется и увидит руку, вооруженную чем-то, отдельную руку без тела, подплывающую к нему и описывающую странную траекторию. Я прицелился и нашел головой клавишу хода, чтобы сделать мгновенный и неотразимый рывок.

И быстро убрал руку с орудием назад, прижал к телу, восстанавливая свою незримость. И так же поспешно выключил двигатель скафандра.

Потому что именно в тот миг «Триолет» невозмутимо, как и всегда, передал мне своим заунывным голосом:

«Предупреждение: замеченное ранее подводное плавсредство неопознанного типа продвигается, сохраняя малый ход, сквозь растительность, оставляя за собой широкую просеку, на норд-вест. Сближается с курсом точки-один. Расстояние: триста... Двести восемьдесят пять... Двести семьдесят...».

Точкой-один был по-прежнему я. Пришлось считать быстро, мысленно нарисовать схему в мике. Ага. Если чужой корабль не сменит курса, то уже через две-три минуты выберется из чащи прямо за моей спиной и сможет увидеть меня — стоит только мне выйти из режима незримости. Следовательно, сейчас никакая атака с моей стороны не была возможной: ее пришлось бы разыгрывать на глазах очень недоброжелательно настроенных зрителей. Оказывается, на Ардиге существует множество вещей, о которых никто и понятия не имел: ни я, ни «Триолет», ни даже

Где же это пресловутое плавсредство? Я перевернулся вокруг оси и стал сканировать водную толщу позади меня. Ага, что-то просматривается. Все яснее. Субмарина, конечно. Но «Триолет» прав: не совсем обычная. Во всяком случае, по очертаниям: какие-то выросты в нижней половине корпуса, ненормально раздутая кормовая часть и так же непривычно расширена и сплющена носовая, напоминая челюсти какого-то ископаемого гиганта. Нет, это не боевой корабль: такая груша не может развить хорошую скорость, не обладает нужной маневренностью и представляет слишком выгодную цель для удара. Да, то, что я вижу, больше напоминает какую-то вполне мирную и на чем-то специализированную машину. Что же собирается она делать на такой глубине? Торить дорогу? Зачем?

Пока я размышлял, подводная груша, скользя над самым дном, целиком выбралась на мою просеку. Раздвигаемая ею вода мягко нажала на меня, оттеснила в сторону; я не стал сопротивляться. Грушевидное судно пересекло просеку и остановилось, сработав реверсом. Словно бы оглядывалось, оценивая обстановку. Стало медленно разворачиваться вдоль просеки, за минуту преодолело те метры, что еще отделяли его от дна. Снова замерло. Минута прошла в полной неподвижности всего на свете: судна, меня, воды и самого грунта. Я успел еще подумать, что хорошо, если преследуемый мною водолаз тоже остановится — иначе, если ему вздумается вдруг юркнуть в заросли, как же я смогу найти его? Я уже начал было осторожно менять свое положение в воде, чтобы возобновить погоню — корабль-груша теперь казался мне совершенно безвредным, поскольку на мое присутствие он никак не отреагировал, — как вдруг вся тишина и благолепие разом взорвались, и это заставило меня остаться на месте.

Началось с возникновения звука — сперва низкого, рокочущего, но быстро повышающегося; то был, несомненно, голос мощного мотора — а вернее, нескольких моторов. Может быть, они работали и раньше, но звук затухал в чаще водорослей, теперь же возник во всей своей силе. И непонятный корабль начал преображаться на глазах: то, что походило на челюсти, действительно распахнулось, из них выдвинулось нечто, очень напоминающее ножи косилки, устройство приблизилось к ближайшей группе деревьев — нет, все-таки это были скорее водоросли — и врезалось в них, скашивая под корень. В общем спокойная до той поры, если не считать постоянного течения, безжизненная, как бы стеклянная вода вдруг оживилась и устремилась с обеих сторон судна в распахнувшуюся глотку металлического монстра. А что вода именно туда понеслась, стало видно сразу же, потому что всасывалась она вместе со скошенным материалом, и даже отсюда, снаружи, было видно, как стволы и длинные листья дробятся расположенными позади косилки клыками. Одновременно откуда-то со стороны кормы — точнее мне отсюда не было

видно — вода стала выбрасываться за борт, и я подумал, какие же мощные моторы должны стоять в этой коробке, чтобы выталкивать воду при таком-то давлении!

Итак, подводная груша оказалась — в принципе — обыкновенным уборщиком, судя по тому, что весь зеленый лом оставался внутри судна и, скорее всего, оседал в раздутой корме, куда можно было упаковать, как я прикинул, чертову уйму этой растительности. Производилась очистка дна — ясно, однако же непонятно. Кому эта растительность здесь мешала? Она никак не могла повредить заглубленному в дно трубопроводу, а какой еще мог быть смысл в такой работе? «Вопросы для разгадывания на досуге», — подумал я. На досуге, потому что к моим насущным проблемам это никакого отношения не имело.

Впрочем, размышления на эту тему прекратились — вынужденно и очень быстро.

А произошло это потому, что я почувствовал, как меня, помимо моего желания, влечет к усердно работающим челюстям...

Влечет вовсе не в том смысле, в каком говорят, например, о влечении к женщине, но в смысле грубо физическом. То есть судно, всасывая воду, создало течение, направленное именно в его раструб, а поскольку сейчас этот пылесос был обращен именно ко мне, то я оказался подхваченным этим течением и дрейфовал, направляясь в тот самый хищный раструб.

Это мне сильно не понравилось, и я включил свой движок и поставил рули так, чтобы подняться круто вверх и избавиться от нежелательного вмешательства судна в мои дела. Движок заработал, но уже через секунду-другую я понял, что на этот раз проигрываю единоборство: всасывающее устройство донного мусорщика оказалось настолько мощным, а я сообразил это с таким запозданием, что сейчас я, даже на полной мощности моего движка, не смог сопротивляться течению, которое становилось все сильнее с каждым метром дистанции, невольно пройденным мною. Можно было надеяться лишь на то, что пылесос начнет совершать очередной зигзаг и таким образом отведет свой раструб от меня. Но он и не собирался так поступить, и, на мгновение оглянувшись, я понял почему: я, ко всему прочему, оказался на одной линии с большой группой развесистых водорослей, на которую — а вовсе не на мою персону — и был, скорее всего, настроен мусорщик. Стало ясно, что он не отвернет, и оставалось лишь надеяться, что, попав в раструб и проскользнув мимо зубьев косилки, я найду там внутри что-нибудь такое, за что смогу уцепиться, чтобы продержаться до тех пор, как насос объявит перерыв на обед, и тогда уже пробовать выбраться в свободную воду.

Решив так и, на всякий случай, приведя в готовность мой сварщик, я перевел движок на малый ход — уже не для того, чтобы предотвратить захват меня, но чтобы сделать его относительно плавным и безопасным. А затем и вообще выключил,

поскольку длинные листья растений, находившихся позади меня, уже попали в струю и теперь надвигались на меня сзади, а я вовсе не был уверен, что я — а прежде всего унискаф — без вреда для нас перенесем бомбардировку сучьями: пусть они и мягкие, но были среди них и достаточно массивные, а струя разгоняла их все больше. Так что пришлось ускориться и мне, чтобы уравнять скорость со всей этой зеленью. Это казалось все же меньшим злом.

Но это было еще не все. В очередной раз изменив свое положение, чтобы взглянуть назад, я увидел, что вслед за мной устремился не только зеленый лом. Человек, которого я преследовал, тоже не смог увернуться и попал под воздействие дьявольского «пылесоса». И теперь уже не я его, а он преследовал меня, хотя вряд ли подобное входило в его планы. Оценив скорость движения водолаза, я понял, что его движок оказался намного слабее моего или он вообще не стал включать его, так что мне придется выдержать не только напор обломков, но и возможный удар другого человека — и совершенно не было ясным, к каким последствиям это могло привести.

«Вот так порой исполняются желания, — успел еще подумать я. — Хотел его захватить — как будто так и получилось, если не считать того, что и меня, в свою очередь, захватывает кто-то, куда более сильный. И никто не в состоянии помочь мне, даже «Триолет»: пусть я и позову его на выручку, он просто не успеет приблизиться, лучше уж пусть не волнуется (именно так, словно о человеке, подумал я). Не то он еще решит, чего доброго, атаковать «пылесос», а чем это может закончиться для меня — да и для другого человека тоже, — предвидеть невозможно. Надо было не звать его, но, напротив, успокоить». И я, находясь уже в нескольких метрах от раструба, успел крикнуть по связи, стараясь, чтобы это прозвучало как можно непринужденнее:

— «Триолет», я на некоторое время прерву связь в соответствии с обстановкой.

Что ответил он — я не успел услышать. Меня втянуло наконец в раструб, мне удалось проскользнуть поверх ножей косилки, но через секунду на меня обрушились обломки. Мне удалось прижаться к самой стенке, которая оказалась, как я заметил еще снаружи, действительно снабженной множеством здоровенных зубьев, скорее даже клыков, к счастью не очень острых. Я вовремя заметил это и ухватился за ближайший клык руками и сомкнул пальцы. Так я мог, наверное, провисеть достаточно долго. А обломки растительности, налетая на клыки, ломались — не с хрустом, а с каким-то чавканьем — и уже в таком полуизмельченном состоянии устремлялись дальше, туда, где раструб сужался, образуя горловину. Я прикинул — да, я бы туда пролетел, если бы не смог удержаться здесь. В следующий миг мой унискаф потряс весьма не слабый удар; я понял, что это другой человек влетел в раструб и ноги его попали прямо на мою спину, **801**

выдержавшую столкновение, хвала конструкторам и исполнителям! Хотя все равно такая манера общения со стороны неизвестного мне не понравилась. И ему, видимо, тоже, потому что он произнес несколько не весьма пристойных слов. На лингале. Я услышал их, поскольку звук от него шел по прямой — через шлем и воду, нас окружавшую, и расстояние было минимальным, так что даже рев моторов его не заглушал.

— Ну, привет, — только и смог сказать я в ответ.

7

В место, запомнившееся потому, что именно тут Лючана выбралась из капсулы после своего — все же спасения, наверное? — она предпочла подняться по внутреннему трапу, пренебрегая лифтом: этого требовала осторожность. Подняться ей следовало — она прекрасно это помнила — на три палубы выше. Тогда она снова окажется в эллинге, где стояли капсулы и где ей предстояло найти способ покинуть не очень гостеприимных хозяев этого (она не сразу нашла подходящее слово) объекта, не привлекая к себе ничьего внимания. На трапе — и выше нее, и ниже — не появилось, к счастью, ни души, пока она поднималась, размеренно дыша и ступая бесшумно по голым металлическим ступенькам. Наконец достигла нужного уровня. Дверь, выводившая в эллинг, оказалась закрытой. Приложив ухо к металлу, Лючана вслушалась; нет, никаких голосов не звучало поблизости, ни шагов, вообще ни единого звука не донеслось до напряженного слуха. Это несколько успокоило ее: задача оказывалась проще, чем она рассчитывала; вот и прекрасно.

Все было бы действительно прекрасно, если бы через мгновение-другое она смогла бы попасть в эллинг. Этого, однако, не произошло по простой причине: дверь, перед которой она стояла, была, как выяснилось, не просто затворена; она была задраена на совесть и никаким попыткам отворить ее так и не поддалась. Наверное, она, как и другие двери, была настроена на биометрию персонала и на данные Лючаны никак не реагировала; замок же находился, вернее всего, в толще двери. Заглянув в свой мик, Лючана вызвала воспоминание об этой двери; как и обычно, ее взгляд успевал заметить, а мик — записать большинство предметов и людей, находившихся близ нее хотя бы несколько мгновений, и это откладывалось в памяти без особых команд — необходимое свойство профессионала. И вот теперь она, словно на экране, увидела эту дверь такой, какой та выглядела, когда Лючана проходила через нее, едва успев выйти из капсулы, мокрая и полуголая. Металлическая пластина сантиметров десяти толщиной, окантованная то ли резиной, то ли пластиком, обладающим теми же качествами, и — да, замок внутри, так что до него голыми руками не добраться. Ходы между закрытыми помещениями обычно не оборудуются такими дверями. Что-то дейст-

вительно было не так. Что и почему — непременно следовало понять, прежде чем начинать что-то делать. Это было — она чувствовала — очень важно.

На всякий случай Лючана поднялась еще уровнем выше. Только что испытанное повторилось: опять наглухо задраенная дверь, которую можно было бы одолеть разве что хорошим зарядом взрывчатки. Взрывчатки у женщины не было, да и будь она — все равно такой глупости Лючана себе не позволила бы. В этой части ее план оказался несостоятельным: как говорится, без хозяина решенным. Пришлось повернуть назад.

Трап по-прежнему был пуст, хотя это ее не очень удивило: здесь люди, как Лючана успела заметить и раньше, не ходили туда-сюда, у каждого, наверное, хватало дел. Она спустилась на две палубы, попробовала дверь там. Результат остался прежним. Ну ладно, но ведь с той палубы, где она находилась взаперти, ей удалось попасть на трап без малейших усилий?.. На миг у нее возникла мысль, заставившая сердце дрогнуть: а что, если ее засекли и, позволив выйти на трап, заперли все двери, изолировав ее таким способом, и теперь... Возможных продолжений было множество, и ни одно из них не являлось приятным, да и сама мысль показалась глупой, так что Лючана решила об этом больше не думать.

Помня, что во всех действиях важнее всего разумная последовательность, беглянка и на следующей палубе подошла к двери, тоже закрытой. Как и раньше, прислушалась, приложив ухо к металлу. К металлу? Да нет, эта дверь оказалась пластиковой. И вовсе не столь мощной — во всяком случае, звуки через нее проходили беспрепятственно и почти без потерь. Она их услышала, мгновенно оценила и в тот же миг опустила руки, уже готовые нажать на ручку, а в следующий сделала, не поворачиваясь, шаг назад, а точнее — вниз. И невольно схватилась за дистант, лежавший в расстегнутой сумке поверх всего прочего. И услышала голос:

— Слушать сюда! Сейчас она уже должна быть в капсульном отсеке, она баба неглупая и соображает не туго. Наша задача: оказаться там раньше, проводить ее, пока не отвалит — всем замереть! А потом вести, не попадаясь на глаза.

Сказаны эти слова были человеком, которого Лючана не без оснований могла бы сейчас называть почти «близким». «Да уж, ближе не бывает», — подумала она с нехорошей усмешкой, одновременно отметив, что тело ее никак не отозвалось на эти звуки. Нет, все-таки это было всего лишь служебной необходимостью, ничем иным, думать так было успокоительно. Ловок же, однако, удалец: по ее расчетам, он должен был в это время все еще крепко спать в камере. Каким же образом он ухитрился не только прийти в себя так быстро, но и оказаться именно там, куда она направлялась?

Конечно, можно было объяснить все стечением случайностей, однако профессионалы в такие совпадения не очень-то верят, предполагая, что случай на самом деле является результатом целенаправленного действия, источник которого неизвестен, только и всего. Поэтому осторожно, по-прежнему спиной вперед поднимаясь по трапу, Лючана успела сделать вывод: что-то с нею все происходило вовсе не так, как ей казалось, и потому перед тем, как что-то предпринять, следовало спокойно и тщательно обдумать обстоятельства, которые сейчас стали хоть немного проясняться. Действовать наудачу больше нельзя.

Додумывала она все это, уже оказавшись на марш выше: могло ведь статься, что они захотели бы воспользоваться трапом, чтобы отправиться в тот капсульный отсек, куда сама она так стремилась, но попасть пока не смогла. Но дверь внизу так и не открылась, а слабая вибрация дала понять, что в шахте лифтов, проходившей рядом, возникло движение. Пошло движение вверх или вниз — этого Лючана определить не сумела. Она снова спустилась, прислушалась; за пластиковой дверью сейчас было тихо. Ушли. Ушли куда-то, где они намереваются ждать ее.

По мнению Идо, она должна была к этому времени успеть что-то сообразить, в чем-то разобраться и наметить для себя путь бегства. Конечно, было приятно слышать такое мнение о своих способностях, но пришлось признать, что ее возможности он явно переоценил. Решил, что она — человек всесторонне развитый? Она вновь невольно усмехнулась, тут же поморщилась: пора забыть, наконец, этот эпизод. Сейчас куда нужнее — постараться как можно более соответствовать его оценке. Подумать как следует, ни на что не отвлекаясь и не позволяя отвлечь себя ничему другому.

«Для этого нужно было найти подходящее местечко» — так подумала Лючана, но уже через несколько секунд пришла к выводу, что искать такое местечко никак не стоит, поскольку она в нем уже находилась. Возможно, будь она хорошо знакома с планом этого объекта, она отыскала бы убежище получше. Но плана не было, а ее собственный опыт исчерпывался коридорами и множеством диафрагм и просто дверей, из которых ни одна не была открытой, когда она проходила мимо. И о том, что находится за ними, можно было разве что строить гипотезы. Знакомы ей были камера и каптерка, но хозяйка барахла вряд ли встретит ее благожелательно, а в камеру — нет уж, спасибо! — ее никакой шоколадкой не заманишь.

Эта шахта с трапами, судя по тем минутам, что она здесь пребывала, сейчас не пользовалась у здешнего люда популярностью: никто так и не заглянул сюда, а судя по подслушанным ею словам, здесь и искать ее не станут: ждать будут в другом месте. Уже ждут. И Лючана мысленно посоветовала им набраться терпения.

Решив так, она снова поднялась повыше — к бронированным дверям, и уселась на верхнюю ступеньку трапа. От металла шел холод, и пришлось вынуть из сумки и подстелить под себя похищенный в каптерке комплект обмундирования. Теперь можно было как-то разобраться в происходящем — с нею и вокруг нее. Она и стала разбираться, развернув пакетик с ужином и принуждая себя откусывать понемногу и жевать подольше, потому что, когда удастся снова достать какое-нибудь съестное, было совершенно неясно.

Размышляя, Лючана должна была как-то систематизировать те обрывки информации, какие она получила за последние полчаса. Первое — что выхода на другие уровни не было. Почему? Чтобы помешать ей выйти к капсулам? На всякий случай она запросила свой мик, уже, кажется, уставший изнывать без серьезной работы, все о капсулах и их применении. А пока он там копался, Лючана занялась наконец своим браслетом: может быть, он покажет, что корабль — их корабль — находится в пределах досягаемости и можно будет подать ему сигнал о ее местонахождении? Это было бы просто чудесно!

Однако индикатор, показывавший, что корабль находится в пределах досягаемости сигнала, не горел. Лючана вздохнула, на всякий случай пощелкала по браслету — бывает же, что-то там застаивается, прибор капризничает. Не помогло. А может быть, просто окружавший ее металл экранировал сигналы и с той, и с другой стороны? Подумав немного, она перевела крохотный рычажок, переключавший режимы, в другую позицию — «анализ прилегающей среды». И сразу насторожилась.. Нахмурила брови.

Нет, браслетик был в полном порядке. И решительно заявил об этом, включив не один, а сразу три огонька. Ярких. Выразительных. Все они были желтыми, и это означало, что где-то поблизости имеются источники высокочастотной эмиссии. Три — на таком пятачке? Такого не должно быть. Возможно, источники находятся где-то снаружи — за дверью, за переборкой, под полом или потолком?

Проверить это было несложно. Вращая колечко, окружавшее шкалу, можно было уменьшить радиус определяемого пространства — только уменьшить, потому что сейчас дальность стояла на пределе. Лючана стала осторожно, по миллиметру поворачивать кольцо, не спуская глаз с огоньков; тестируемое пространство сжималось, а они горели как ни в чем не бывало. Пять метров — горят. Три. Два. Полтора. Горят? Нет, все-таки с прибором не все в порядке. Ладно, полметра. Без перемен. Лючана невольно обвела взглядом всю площадку. Ничего, совершенно ничего не было в полуметре от нее. Браслет врет, совершенно ясно. Плохо. Ладно, остается вернуться к началу размышлений.

Итак...

На этот раз ей помешал собственный мик, наконец-то достучавшийся до ее сознания. Он аккуратно, как и полагалось, выполнил задание и сейчас был готов представить полный отчет о капсулах. Он и представил. Обо всех. Начиная от капсулирующихся бактерий и желудочных паразитов, включая и те, в которых дается лекарство, — и еще, и еще — через капсульные гидроагрегаты ГЭС, капсюльные втулки, капсюли-детонаторы, капсулы спускаемых аппаратов древних, примитивных заатмосферных кораблей, через противоперегрузочные камеры кораблей современных, через их же капсулы для сбрасывания на планеты людей и портативных грузов с непосадочных кораблей — к аппаратам для передвижения и работы на сублиторальных и батиальных глубинах крупных водоемов. Больше мик ничем не смог порадовать. Лючана покачала головой: похоже, тут не было ничего, что могло бы сейчас представлять для нее интерес. И смысл услышанного ею так и оставался непонятным.

Или все-таки?..

«Вспомни все как следует! — велела она себе. — Что там он сказал? «Она пока закрыта и не наблюдается, но в конце концов придет к капсулам, а как только окажется в воде — мы сразу ее увидим». Да, именно так».

Значит, это все-таки капсулы, связанные с водой. Те самые, в одной из которых ее сюда привезли.

Мик, словно вспомнив, добавил еще информации: подводные капсулы изготовляются не из чистого металла, а из композиции, не мешающей прохождению частот, употребляющихся современными техническими средствами. «Не об этом ли говорят слова, что в воде они меня увидят?

Ну, это можно... да, можно проверить. Но перед этим доведем мысли до конца, благо до сих пор никто не мешает. Сделаем выводы.

А они, откровенно говоря, не очень-то утешительны. Сбежать из камеры удалось, видимо, только потому, что мне это позволили. Позволили выключить Идо — он к этому, скорее всего, был готов, и то ли притворялся, что крепко «уснул», то ли был защищен от внешних внушений достаточно крепко, чтобы прийти в себя уже через несколько минут. Позволили забрать его одежду. То есть с самого начала они знали, что сохранят возможность следить за мной. Пометили. Что же? Тело? Пока я блуждала в ином пространстве, мое тело вполне могли нашпиговать микродатчиками, загнать их и под кожу, и — да куда угодно, даже в кровеносную систему, поскольку размера они молекулярного. Правда, мощность их невелика — значит, где-то поблизости всегда должны находиться усилители, которые и станут переправлять микросигналы, основательно усиленные, в эфир. Где — поблизости? Что ближе всего к телу? Своя рубашка, как известно. Ага, ясно: усилители эти заранее были встроены в наряд Идо. То есть они не сомнева-

лись, что я воспользуюсь именно этой одеждой. Теперь понятно, почему он так грубо срывал все, что было на мне. Что же, в логике им не откажешь. И больше не нужно гадать, откуда идут эти три сигнала, находящиеся в полуметровой зоне. Наконец-то все вроде бы встало на свои места.

Не совсем, однако. Сделаем еще один вывод, — размышляла она, — если они собираются отслеживать меня в воде, значит, не будут препятствовать тому, чтобы я туда попала. Даже видя меня здесь, внутри объекта, задерживать меня не станут, может быть, даже ненавязчиво помогут, облегчат задачу — разумеется, так, чтобы я ничего не заподозрила. Ну что же, сыграть полное неведение не так уж трудно, тут главное — не переиграть, но на это моего умения должно хватить. Хватит, конечно же хватит.

Зачем они затеяли такую операцию, понять нетрудно. Предполагают, что у нас с Ра и с кораблем есть средства, помогающие обнаружить друг друга. В этом они правы. Но что таким средством является браслет — понять не успели. Иначе с этим прибором вышел бы в воду их человек. Впрочем, ничего не получилось бы: браслет жестко настроен только на мои параметры, на целую дюжину моих индивидуальных признаков, и даже на руке Ра он работать категорически откажется. Вот почему меня выпустят и поведут, стараясь оставаться незамеченными. Поведет, конечно, не один, а наверное, с полдюжины, и они будут плыть и выше, и ниже, по сторонам, позади — на относительно небольшом расстоянии, поскольку видимость в воде не очень-то хороша, а в темное время суток и вовсе никуда не годится. Они будут идти за мной, ориентируясь на сигналы этих вот маячков. И ждать, что я приведу их прямо к кораблю, к Ра...

Ну видишь — все оказалось достаточно просто, а когда все понятно и просто, то и не так уж страшно.

Однако засиделась я тут, — спохватилась Лючана. — Если я слишком долго не покажусь им, они начнут подозревать что-то неладное, станут придумывать что-то другое. Это опасно. Так что пора выходить. Но прежде — привести себя в порядок.

Нет, не зря я позаимствовала в каптерке комплект одежды. В нее-то не внедрена никакая кваркотроника — пакет взят даже не сверху, а из середины. Кстати: визит этот вряд ли был ими предусмотрен, они считали, наверное, что я, выйдя из камеры, сразу же кинусь наутек. Сейчас самое время сменить туалет. Похоже, так одевается тут низший, обслуживающий персонал. Ничего, твое самолюбие и этот удар перенесет», — сказала Лючана себе даже весело.

Переоделась и с удовольствием отметила, что эта одежда была почти точно по ней, не то что балахон Идо. Мелочь, но приятно. Она даже слегка освежилась, протерев лицо влажной ароматической салфеткой из сумки, «позаимствованной» в каптерке. И почувствовала себя готовой к работе.

Не очень ей нравилось то, что точного представления о том, где находится этот самый капсульный отсек, у нее не было. Помнила только, что где-то поблизости. Вероятно, ниже ватерлинии: чтобы запускать капсулы на глубину можно было и из надводного положения без лишних сложностей. Придется поискать. Ее будут видеть — ну, пусть любуются. То, что придется искать, в этом смысле даже хорошо, ее движения будут совершенно естественными для человека в такой ситуации, который то свернет не туда, то остановится на каком-нибудь перекрестке ходов, пытаясь найти признаки, которые подскажут — сворачивать ли и куда, подняться или спуститься и прочее в таком духе. Не забывать только почаще оглядываться. Тебя тут будут видеть не только как огонек на экране, но и визуально: ты успела уже заметить камеры слежения в коридоре, а в каптерке она тоже наверняка была, но, скорее всего, выключена хозяйкой — кому приятно все время находиться в кадре, без перерыва, когда даже какие-то непроизвольные твои движения и действия могут стать предметом и обсуждения, и насмешек, в особенности если тебя не очень любят. А людей, ведающих любыми ценностями, как правило, не любят, хотя ссориться с ними избегают.

Готово. Идовы шмотки — в сумку, вместе с их высокочастотной начинкой, они еще пригодятся. Спустимся к открывающей двери. Прислушаемся. Кто-то прошел по коридору мимо — звук шагов слабел и вовсе стих. Свободно. А тут замочек примитивный, создатели схалтурили... Отворяем дверь. Сперва ровно настолько, чтобы выглянуть, на сей раз не прижимаясь к полу, а нормально, на высоте роста, при этом выражая лицом крайнее волнение: сейчас она просто обязана бояться, она же и представления не имеет о том, что тут ее задерживать не собираются. Так. Сделано. Вышла. Оглянулась. Помедлила. Пошла, стараясь ступать бесшумно: где просмотр, там и подслушка, все должно соответствовать ситуации, какой она представляется противнику. Все время посматривать направо, налево — следует опасаться каждой двери, мимо которой проходишь, вдруг она отворится, оттуда выскочат, схватят...

Так Лючана прошла метров двадцать, стараясь не делать лишних движений, спина у нее прямо-таки чесалась, ощущая направленный на нее взгляд, пусть и неживой, но почесать не придется: не стоит доставлять им такого удовольствия. Только посматривать по сторонам. И...

Она остановилась резко, даже пошатнулась при этом. Потому что увидела на переборке схему, которой и следовало тут находиться и о которой Лючана почему-то ни разу не подумала — наверное, сказывалось отсутствие опыта. То была схема эвакуации в случае опасности — путь к спасательным средствам. И оказалась эта схема двойной. Ломаная линия сверху — дорога к выходу, обозначенному тут как «посадочный». Другая, в

нижней части, — маршрут к капсульному отсеку, на случай, если садиться будет больше не на что.

Она мысленно поблагодарила тех, от кого зависело соблюдение обязательных правил. Постаралась запомнить все повороты и спуски — их было немного и затруднений не возникло. И пошла дальше, все так же поглядывая по сторонам, временами оглядываясь назад, но только не поднимая глаз туда, где должна была находиться следящая камера. Наверняка они считали, что никаких камер она тут не предполагает. Женщина — что с нее взять. Баба, как сказал Идо.

«А вот мужик ли ты, Идо, — это еще вопрос, — не без ехидства подумала Лючана. — Ты думаешь, что — да, а вот у меня сомнения...»

И, перестав думать о грехах и воздаяниях, она принялась как можно точнее и рельефнее представлять свои будущие действия в их последовательности, действия, в результате которых она должна была оказаться если и не совсем дома, то уж, во всяком случае, почти дома. В этом раздумье чуть не прошла мимо нужного поворота — спохватилась в последний миг, крепко выругала себя и дальше шла, ни на что больше не отвлекаясь.

Глава девятая

1

— Привет! — повторил я, обращаясь к невольному соседу. Сказал на моем родном теллурианском, не задумываясь, просто, как говорится, на автомате, а может быть — и с подсознательной надеждой услышать ответ на том же самом языке. В том, что ответ будет, я не сомневался: звук здесь проходил вполне нормально, а обстановка заставит даже человека крайне необщительного поддержать разговор. Кем бы этот предполагаемый собеседник ни был, но сейчас у нас с ним одна и та же цель: выйти отсюда подобру-поздорову. А будет это — я уже хорошо понял — не так-то просто: клыки корабля, проглотившего нас, как кит — Иону, находились в угрожающей близости, а зеленый мусор сильно ограничивал свободу действий.

Хотя, откровенно говоря, сейчас я не очень понимал, какие действия я мог бы предпринять. Единственная успевшая возникнуть у меня идея — а возникла она, как только мусорщик прекратил всасывать воду вместе со всем, что в ней находилось, — заключалась в том, что надо бы удрать отсюда с такой же скоростью, с какой я сюда попал. Идея эта погасла уже через миг-другой, потому что сразу после выключения насоса всосавшая нас воронка с неприятным скрежетом закрылась — примерно так, как с наступлением темноты закрываются у нас на Теллусе некоторые цветы, — и побег стал совершенно невозмож-

ным. И не только побег, но вообще почти всякое движение: пространство, в каком мы находились, значительно сузилось, клыки сблизились, и, пожалуй, самым разумным сейчас было оставаться на месте в ожидании дальнейших событий.

Сосед, между тем, никак не отозвался на мое обращение. Однако он был, похоже, в порядке: об этом свидетельствовало хотя бы то, что после того, как воронка закрылась, он включил свою фару. Находилась она не на шлеме, как у меня, а на груди, и я смог наконец рассмотреть его более или менее успешно. Правда, легче от этого мне не стало.

Не стало потому, что в его внешнем виде не за что было уцепиться, чтобы определить происхождение — не человека, разумеется, но самого костюма; это могло бы оказаться той печкой, от которой я сумел бы начать танец. Могло бы — да не сделалось. Его глубинник — нет, все-таки это класс унискафов, — как я уверился сразу, не попадался мне на глаза нигде и никогда — ни в натуре, ни в каком-либо справочнике. Не ограничившись анализом собственной памяти, я запросил мик — но и он спасовал. Это можно было бы еще как-то понять, если бы костюм производил впечатление какой-то древности, давно вышедшей из цивилизованного оборота и потому не фигурировавшей ни в литературе, ни в практике. Ничего подобного, уже одного внимательного взгляда было достаточно, чтобы понять: это привет не из прошлого, но из недалекого будущего. Его можно было счесть следующим поколением после моего унискафа. Конечно, я не смог бы подтвердить это под присягой, но моя интуиция говорила именно так и основывалась, скорее всего, на том, что я узнавал в этом костюме главные черты моего, но видел и еще кое-что, отсутствующее в моем одеянии. Это было не скажу «загадочно», потому что не люблю этого слова, но, во всяком случае, не вполне понятно.

Как и то, впрочем, что ответа я до сих пор так и не получил.

Однако теперь, при свете, завязать отношения стало куда проще, во всяком случае, так я подумал. Костюм напротив — и сосед в нем, конечно, — медленно поворачивался, как бы знакомясь с помещением. И когда он повернулся ко мне фронтом, так что должен был неизбежно увидеть меня, я поднял руку и сделал движение, которое можно было принять за приветственный жест, да по сути дела таким и было.

И снова эффект оказался равным нулю. Сосед вел себя так, словно меня совершенно не видел.

О господи!

Только тут я сообразил, что он действительно не видел меня: в нервной обстановке последних минут я совершенно забыл о режиме незримости, в котором все еще находился. Это было нехорошим признаком: ослабление внимания в таких обстоятельствах — верный и короткий путь к грустному финалу. Тупеешь, Разитель!

Я немедленно велел унискафу выключить незримость — и не без волнения ожидал, что последует за этой командой: может быть, сотрясения и удары в нем что-то нарушили? Тогда... Но я не успел подумать, что будет тогда, потому что костюмчик доказал свою выносливость: уже через мгновение я стал видимым.

И тут же усомнился в том, что поступил разумно. Я просто не успел перед этим действием просмотреть его последствия с точки зрения оппонента, то есть представить, как бы повел себя я сам, если бы в такой вот обстановочке передо мной из ничего вдруг возник человек. Вернее всего — стал бы действовать так же, как он, хотя, впрочем, действовать, как он, я просто не смог бы. Потому что сосед мгновенно вытянул руку в моем направлении, а рука в его снаряжении была снабжена заметным утолщением примерно на уровне кисти, и одновременно с его движением из этой кисти вынырнули стволы сразу двух дистантов. Когда движение закончилось, оба ствола оказались направленными прямо на меня. Мне оставалось только поднять руки со всей быстротой, какую позволили теснота и обломки, и одновременно заорать:

— Эй, парень! Я уже сдался, убери свои пушки!

К счастью, на сей раз у меня хватило ума сделать это заявление не на теллуре, но на лингале, которым человек, обладающий таким костюмом и снаряжением, должен был, по моим представлениям, обязательно владеть. Мне повезло, так оно и оказалось, и вооруженная рука медленно опустилась, а до моего слуха донеслось:

— Ты кто: фокусник? Много себе позволяешь. Откуда ты взялся? А я уже решил, что начал слышать голоса, — даже испугался.

Это прозвучало тоже на лингале. Я напряженно вслушивался, пытаясь проанализировать произношение: лингал — язык, ни для кого не являющийся родным, не существует классического, нормативного его произношения, и потому в каждом мире он звучит несколько иначе, со своим акцентом, так сказать. Поэтому я и старался определить, на каком именно диалекте изъясняется сосед. Но хотя акцент и был, достаточно легко ощутимый, я не смог определить его происхождение. Хотя — спорю на что угодно, — где-то когда-то мне его приходилось слышать. Быть может, если бы я находился в спокойной обстановке и располагал временем, я вспомнил бы достаточно быстро. Но на этот раз пришлось смириться с тем, что идентификация не произошла. «Ладно, это не смертельно», — подумал я в утешение себе.

— Да я все время тут был, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее и непринужденнее. — Ты меня просто не заметил в темноте.

— Теллус, — сказал мой сосед. — Терпеть не могу это произношение. Как-то уж очень самоуверенно у вас звучат слова.

— Да? — спросил я несколько обиженно: до сих пор мне казалось, что у меня вообще нет никакого акцента —

во всяком случае, прежде никто не говорил мне ничего подобного. — А ты откуда?

Это не очень вежливое «ты» должно было сразу показать человеку, что я и на самом деле в себе уверен и ничуть не считаю его хоть в чем-то превосходящим меня. Он ведь не знал, что, в отличие от него, я сейчас безоружен.

— А я, — ответил он неторопливо, — оттуда, где меня больше нет. Любопытство — опасная болезнь, запомни.

Нет, скорее всего, его голос не был мне знаком. Напоминал кого-то, но никак не вспоминалось — кого именно.

— Только не лей мне воды в уши насчет «все время был». Тебя и на дне близко не было.

Ага. Вода в ушах — этот оборот был мне знаком. Симона, старая добрая Симона. Возможно, я все-таки пересекался там с ним? Если так, то он, скорее всего, не местный. И на Ардиге находится примерно по тем же причинам, что и я. Не в смысле отдыха, конечно. Должно быть — коллега, во всяком случае, манера держаться, отсутствие растерянности подсказывают, что человек опытный — тертый калач, что называется.

— Плохо смотрел. А я тебя видел отлично. Как ты плыл по линии. Над трубой.

Сказано было с расчетом, что он ответит: «Да какая труба! Это...» — и выложит, что это такое на самом деле. Но он на мой крючок не клюнул. Сказал:

— Значит, пользуешься незримкой. Зря. Обстановка этого не требовала, а пинс-батарея при этом садится быстро. И скиснет в самый крутой момент.

На Симоне, да. Но выговор у него не тамошний. Значит, и он тоже был там по делу. Не резидент. Полевой оператор. Хорошего класса. Незримку знает куда лучше моего. То есть ставит меня на место. Если он окажется противником, будет не очень приятно. Но сейчас совершенно незачем обострять отношения. Оба мы попали в одно и то же варенье и, пока не выберемся на волю, должны быть союзниками. А когда выберемся...

Сосед — хотя в данном случае скорее сокамерник — прервал мои размышления словами:

— Ну вот что, мужик. Не знаю, как тебе, но мне тут болтаться ни к чему. Ты как хочешь, а я собираюсь отсюда выйти.

— Присоединяюсь. Только надо еще придумать — как. Заглотили нас крепко.

— Думать некогда. У нас времени — не более десяти минут. Пока этот живоглот меняет режим.

— Ты уверен? — Этот оборот речи всегда приглашение к большей откровенности. Сосед коротко рассмеялся: понял мой нехитрый прием. Но не стал отмалчиваться:

— Вижу — ты тут новичок. Сейчас он набьет зоб тем, что скосил, и начнет пережевывать: не зря тут такие зуби-

щи. Все это пространство заполнится довольно плотной пастой. И шансов остаться неприкосновенными у нас будет меньше нуля. Уяснил ситуацию?

— Без усилий. Только выхода не вижу. Хотя... если, как только он остановит пилы, сразу рвануться на выход — на полной скорости...

— Мертвый вариант. Тут, внутри, скорость не разовьешь, а пока доберемся до выхода, он уже включит свою механику. Нам против нее не выгрести — это ты должен был уже понять. Наверное, ведь сопротивлялся, когда тебя втягивало?

Я кивнул.

— У него моторчик посильнее моего. Ладно, если не так — то как же?

— Естественным путем, — сказал он и снова коротко хохотнул. — Путем съеденных. Через анальный выход.

— Если он есть.

— Сейчас эта машина работает на автомате, потому что будь в рубке люди, они бы нас заметили и захотели познакомиться, а автоматы не так любопытны, они знают только свое дело. Но люди, когда возникает необходимость, входят внутрь не через челюсти, как ты думаешь?

— Но вряд ли они сообщаются: эта пасть, брюхо и дорога экипажа.

— Сообщаются. Я эти модели знаю. Между рубкой и механизмом есть ремонтный ход — там дальше, за крыльями насоса.

— Что там ремонтировать?

— Мужик, — сказал он, — я к тебе не нанимался и за тебя работать не собираюсь, хочешь знать — потей сам. И на этом все, я пошел, а ты — как угодно.

— Я с тобой. Хотя видит бог, как я сопротивлялся.

— Остряк, — заявил он. — И правильно: держи хвост морковкой, не куксись. Шагай за мной.

— Принято.

Сосед медленно, раздвигая руками обломки, двинулся в сторону, противоположную раструбу, углубляясь во все сужающееся пространство. Я следовал за ним, пропихивая обломки за спину.

2

Итак, два водолаза вляпались достаточно крепко. Но существовал еще и третий, до сих пор укрывавшийся в еще не скошенных зарослях и потому никем не замеченный. Он-то и стал свидетелем того, как донный уборщик проглотил человека, продвигавшегося вдоль белой линии. Одного человека; на самом деле это был уже второй, но первый оказался втянутым в челюсти, когда наблюдатель еще не успел выйти на открытое место. Человек этот, полагал третий, мог быть только тем самым Разителем, которого и следовало обнаружить, а затем вызвать

подкрепление, чтобы наконец задержать его. Сейчас нужда в подкреплении уже отпала: третий водолаз видел своими глазами — а правильнее будет сказать «видела», — как погиб личный корабль генерал-максимата со всей командой на его борту. Недоступный глазу до самого мгновения гибели, он оказался зримым в виде обломков на краткие секунды, пока погружался в донную породу. А затем Маха стала свидетелем того, как преследуемый теллурианин оказался арестованным на этот раз куда надежнее, чем если бы его задержали даже и очень опытные люди. Причем это произошло без всякого ее участия — а значит, и без какого-либо риска для нее. Сейчас оставалось только сообщить максимату о том, что задача выполнена, искомый не только обнаружен, но и задержан. При этом следовало подчеркнуть свою находчивость и самоотверженность, проявленные в этом эпизоде. Но чтобы так доложить, следовало сперва придумать, какое же участие она в этом принимала. Откровенно говоря, ее вклад сводился только к роли наблюдателя, но в таком случае ее не сочтут оправдавшейся за прежние промахи. Генерал-максимат — да и не он один — любил, когда возникали острые ситуации и проявлялись лучшие качества бойца. О таких делах принято было докладывать по команде, не забывая ненавязчиво напомнить и о своей заслуге в воспитании прекрасных профессионалов. Так что сейчас Махе предстояло, не теряя ни секунды, сочинить сценарий задержания, в котором ее партия оказалась бы ведущей; правдоподобный сценарий, который выдержал бы и неминуемую критику.

А времени для этого у нее было немного: его ограничивали сразу два обстоятельства. Первое заключалось в том, что гибель личного генеральского корабля с людьми не могла пройти не замеченной начальством. Ага, вот как следует поступить: о гибели корабля доложить сию секунду. Второе — Разитель уже в ловушке. А вот об этом пока умолчать. Сказать, что преследование продолжается и что она имеет возможность благодаря сложившимся обстоятельствам задержать его без дополнительной помощи. Как только дело будет сделано, она сразу же доложит и попросит последующих распоряжений. И вот таким образом она выйдет из положения с пользой для себя.

Так Маха и поступила: вышла на связь без промедления (там отозвались сразу: видимо, ее доклада ждали) и голосом, исполненным грусти, доложила о печальной судьбе корабля. На что сразу же последовал уточняющий вопрос:

«А откуда вы знаете, что погиб наш корабль?»

Ответ она искала недолго:

— Если бы уничтоженным оказался противник, у наших не было бы нужды и дальше соблюдать незримость — они сняли бы режим, и я бы их увидела. Но в видимости находится только уборщик. Думаю, вы уже получили информацию и с него.

«Уборщик, как обычно, в автоматическом режиме, людей там нет».

Ну да. Это она и сама знает, ведь на нем она и пришла в этот район.

— Извините. Начинаю захват преследуемого. Прерываю связь. Доложу после выполнения!

И решительно отключилась. Как раз вовремя, потому что в тот же миг уборщик прекратил медленное движение по горизонтали и начал медленно закрывать челюсти. Сейчас он прожует скошенное, сбросит в накопитель и снова начнет косить — и так до конца очередного цикла. Конечный продукт нужен, его ждут где-то там, далеко... Прожует все, заодно и водолаза. Жертва может кричать и сопротивляться сколько угодно — автомат на это никак не отреагирует, человек попадет в шнек, затем — в терку, и от него вместе с его снаряжением останется кровавая кашица...

Но этого допускать никак не следовало! Преследуемого лучше было заполучить живым, поскольку и личность, и еще более его цели интересовали не только командование Системы, но и лично ее, Маху. Пора действовать.

Она поплыла на высшей скорости, умело лавируя между стволами, идя на сближение с уборщиком, который и со своей стороны сокращал расстояние, разделявшее их. Уже через две минуты Маха оказалась во входном тамбуре — он же выходной. Нажала внутренний рычаг. Люк послушно закрылся. И густо зашипел воздух, понемногу одолевая внешнее давление, вытесняя воду из тесного предбанника. Не менее пяти минут, потом можно будет войти, сразу же взять управление на себя, остановить цикл и вместе с пленником направиться к базе. Но перед тем еще раз поговорить с ним, уже покруче, чем в прежней, виртуальной обстановке. Без всякого риска! «Вот как надо работать, — с удовольствием подумала она, наблюдая, как последняя вода уходит с палубы. — Еще несколько секунд, и на внутреннем люке загорится разрешающее табло. Она войдет. Все оказалось так просто — проще не бывает».

3

Даже и запомнив, казалось бы, до последнего штриха схему, указывавшую путь в капсульный отсек, Лючана сбилась с пути и раз, и другой. Схема была рассчитана на людей, давно и хорошо знакомых с объектом, а не на туристов, которых тут никогда не бывало, и уж подавно не на чужих разведчиков; поэтому прямые линии на чертеже где-то прерывались, переходили в пунктир, и казалось, что с этого пунктира совершенно некуда будет свернуть. На деле же какие-то входы и выходы на всем протяжении каждого хода были расположены достаточно часто, номера на них имелись, но подчинялись они какой-то непонятной системе, и определить по ним свое местоположение было

невозможно. Первую ошибку она совершила, когда повернула налево, предположив, что именно это направление указывала схема. Однако, как оказалось, то был не сквозной проход, а тупик, уже через десяток метров упершийся в глухую переборку с дверью, запертой кодовым замком. Лючана убедилась в этом, безуспешно попытавшись отворить ее, просто нажав на ручку. Нет, путь к капсулам пролегал явно не здесь.

Самым разумным было бы решительно повернуться, выйти в тот коридор, из которого она сюда и свернула, и идти дальше. Безусловно, так ей и следовало поступить. Лючана же вместо этого задержалась у двери, глядя на нее так упорно, словно хотела заставить препятствие повиноваться ее напряженному взгляду, на самом же деле думала о другом.

Нет, она не затем летела сюда, чтобы ввязываться в такие игры. Но ее не спросили. Каким-то образом ввязали. Обозначили как действующего агента, противника тех, кто тут обитает, кем бы они ни были и чем бы ни занимались, и стали соответственно обходиться с нею. Такое отношение могло бы напугать или хотя бы просто обеспокоить человека, не привыкшего к крутым поворотам. Но не Лючану, которая всегда стремилась действовать по принципу «Вы хотите войны? Вы ее получите!» при всяких коллизиях, начиная со ссоры с мужем и кончая выступлением против явно преобладающей силы — порой против целого государства.

Создавшееся положение заставило ее наконец ощутить себя тем, кем ее тут посчитали: действующим агентом, вышедшим в поле, то есть на задание. И в эту минуту перед запертой дверью как раз и происходила последняя фаза перевоплощения и соответствующая смена одного образа мыслей другим, для последнего времени — новым.

Этот новый (на самом же деле давний и хорошо знакомый) заставлял весь ее организм, и прежде всего психику, перейти в иное состояние, а именно — из преследуемого, каким она ощущала себя еще совсем недавно, прячась на лестнице, из человека, стремящегося как можно скорее избежать опасности, уйти от нее подальше, Лючана вошла в состояние бойца, перехватывающего инициативу, переходящего от пассивной защиты к нападению в лучших традициях Службы, пусть она и не состояла в ее кадрах, формально не состояла. Противники по-прежнему ждали от нее действий, продиктованных инстинктом самосохранения, и соответственно построили свою тактику: удлинить поводок, вести, не спуская глаз, и взять, исчерпав все возможности наблюдения, причем не одну, а все то и всех тех, на кого она выведет.

Ну, пусть ждут. Но раз ее посчитали человеком разведки, она и будет действовать соответственно, то есть — вопреки их ожиданиям. Они ждут ее близ капсул? Ладно, она там покажется, сделает им приятное. И посмотрит, как будут они реагировать на финты, на обманные движения. Сама же станет де-

лать то, что ей по новому ее статусу положено: набирать информацию и искать связь со своим центром, которым сейчас был корабль, и обязательно с Ра. А больше и не с кем было: чтобы докричаться напрямую до Теллуса, понадобилось бы оборудование, которого у нее не имелось. Но в будущем вовсе не исключалась и такая возможность.

Лючана была твердо уверена в одном: Ра не оставит ее, не улетит с планеты в одиночку — разве что в случае, если она погибнет и он сможет своими глазами убедиться в этом. Даже тело ее он тут не бросит, как не бросила бы его она, случись такое с ним. «Что хорошо в этой работе, — подумала Лючана с усмешкой, — никогда не знаешь, как повернутся дела через неделю, час или минуту, как ни старайся построить достоверную схему предстоящего». Так или иначе — она ощущала за собой надежный тыл, и это было главным.

Потратив минуту с лишним на подобные размышления, Лючана принялась действовать согласно своему новому состоянию. Которое подсказывало: входить в открытые двери легко, но малопродуктивно, скорее всего, ничего значительного там не найдешь. Вот запертая дверь наверняка скрывает за собой что-то интересное. Тем более такая.

Последняя мысль возникла неслучайно: двух минут ожидания у этой двери хватило, чтобы внимательно оглядеть не только ее, но и все, что находилось по соседству. То были приборы, которым вроде бы не полагалось находиться в таком месте. Во всяком случае, у тех дверей, мимо которых ей пришлось пройти, перед тем как свернуть сюда, ничего подобного не наблюдалось. Уже само по себе это было очень интересно. Что за приборы? Например, вот этот: манометр. Показывает, надо думать, давление воздуха в помещении за дверью? Необязательно: давление могло быть и в какой-то системе, действующей там, — в котле, например, или в каком-нибудь реакторе... Что же он показывает? Две с половиной атмосферы. Само по себе это еще ничего не говорит. Но уже любопытно.

Что еще тут есть? Термометры; их целых два... нет, даже три. Все с двойной шкалой: Цельсий — Фаренгейт. О чем они хотят поведать? Тридцать два по Цельсию — скорее всего, температура воздуха за дверью или того, что его там заменяет. Нет, конечно, воздуха: не видно никакого предупреждающего знака на двери, значит, входить можно без специальной защиты — без дыхательного аппарата или противогаза. Зато есть белое изображение комбинезона с капюшоном: значит, работать там полагается в соответствующем костюме. Ну, работать там Лючана не собиралась, только взглянуть — хоть одним глазком для начала...

Ладно, что нам дает второй термометр? Опа-на. Сто восемьдесят по Цельсию. Это уже не ртутный датчик и не спиртовой. Тут уже работает кваркотроника. Тогда что же на

третьем? Неожиданность: минус два. То есть нечто нагревается под относительно небольшим давлением, потом оно, — а может быть, как раз и что-то совсем другое — охлаждается ниже точки замерзания. Примечательно, что нет предупреждения о радиоактивности. Идет какой-то, надо полагать, чисто химический процесс. Или, скажем... Нет. Пока ничего говорить не станем. Но это просто необходимо увидеть своими глазами. Иначе можно просто лопнуть от любопытства.

«Ну что же, девушка? — мысленно спросила Лючана саму себя. — Вперед?» И сама себе ответила: конечно же, вперед и только вперед!

Она коротко вздохнула. Понимала, что переходит некую грань: до сих пор она имела лишь статус подозреваемого, а с этого мгновения станет уже активно действующим противником. И если раньше была достойна только слежки, то, как только окажется в этом помещении, к ней уже при обнаружении применят, быть может, и огонь на поражение. Не станешь же уверять, что ты хотела только посмотреть. Да, разумеется, все верно. И все же...

Все же — таким мыслям и эмоциям хорошо предаваться после того, как конкретная сиюминутная задача решена. В данном случае — когда дверь будет открыта. Но здешние хозяева позаботились о том, чтобы пользоваться проходами было не так уж просто. Правда, на сей раз добраться до платы замка было несложно, однако схема оказалась совсем другой, и несколько минут ушло на то, чтобы разобраться, где и что замкнуть, а где нарушить контакт. Дальше думать она не стала. Пальцы уже работали сами собой — былой опыт, казалось накрепко забытый, восстанавливался и преображался в действия как бы вовсе без участия сознания. Мысли же текли вяло, не то чтобы совсем посторонние, но имевшие к делу лишь косвенное отношение. «Этот Идо, наверное, мелкая сошка, иначе у него имелся бы универсальный ключ, начальство не сует свои физиономии в идентификаторы, а пользуется маленькими коробочками с какой-то немыслимой кварко-троникой, которая мигом отмыкает любой запор. Приходилось видеть такую у Иваноса, Ра не успел заслужить подобную привилегию. А вот была бы подобная коробочка у Идо, перешла бы ко мне вместе с его одеждой. Вообще-то странно: как-никак служба безопасности, а у этих ребят, как правило, есть допуски во все помещения объекта, охраняемого ими, в том числе и самые секретные. Но, похоже, здесь уровень секретности повыше — что же тут за кухня такая?»

Мысли прервались. Дверь коротко проворковала, а в следующую секунду послушно ушла в переборку. Лючана победно усмехнулась. Вот так мы с вами обходимся, мои милые!

Она шагнула вперед и оказалась в неярко освещенном тамбуре — примерно таком, как кабина лифта на четверых.

Напротив другая дверь, с теми же приборами и таким же запором. Еще раз — вперед!

Лючана прикрыла за собой дверь. Сразу потемнело, свет снаружи перестал попадать в тамбур. Так. Это действие первое. Сейчас будет и второе: внутренняя откатится, или поднимется, или...

Но никакого «или» не произошло. Вторая дверь отворяться не пожелала.

Лишь коротко недовольно хрюкала, давая понять, наверное, что попытки переупрямить ее затеяны с негодными средствами.

Пришлось показать второй двери спину, чтобы вернуться в коридор. Предпринять, так сказать, тактическое отступление.

Но и оно оказалось невозможным — просто потому, что с этой стороны, изнутри, в двери оказался второй замок, неожиданный. В темноте его было не то что не одолеть, но даже не найти. Отсюда дверь была гладкой пластиной. Не более того.

Мышеловка. И даже без признаков сыра.

Приплыли.

4

Пробираться по сужающейся горловине становилось все сложнее: обломки и обрывки мягких зеленых растений, еще недавно ловивших на поверхности солнечные лучи, чем дальше, тем более плотной массой забивали проход; вскоре протиснуться стало и вовсе невозможно, приходилось прорываться, отгребая, отпихивая зеленый лом себе за спину и стараясь при этом сохранить унискафы в целости и сохранности. Я подумал, что в случае какой-нибудь неприятной неожиданности ни быстро отступить, ни даже хоть как-то сманеврировать не удастся: свободного пространства вокруг просто не оставалось. Но сокамерник мой, этим обстоятельством, видимо, не смущенный или, во всяком случае, не показывавший вида, что обстановка его беспокоит, только и делал, что подгонял:

— Да не спи ты! Шевелись, шевелись! Надо успеть. Если из этой кишки не вылезем, пока он еще не начал молоть, то я за нашу жизнь не дам ни гроша. Так что вкалывай по полной и еще добавь!

Приходилось добавлять, поскольку что бы там ни говорил сосед, но мне и самому представлялись возможные варианты продолжения, и если в нашу пользу был только один, то против — самое малое с полдюжины. Не так-то просто было эти полдюжины нейтрализовать, и причина крылась не только в наших физических возможностях: силенок у наших костюмов хватало и энергии пока еще имелось в достатке, но ход этот менее всего напоминал проторенную, хорошо укатанную дорогу. Первым препятствием, у которого пришлось задержаться, оказалась довольно частая решетка, разумеется, крепкая, металлическая, предназначенная, скорее всего, для задержания камней или

каких-нибудь других обломков, которые случайно могли бы засосаться вместе с прочим мусором. Сосед проговорил, раз-другой тряхнув решетку, совершенно безрезультатно:

— Там дальше у них стоит измельчитель с ножами, а за ним — жернова. Поэтому и установлен этот фильтр.

Эта новость мне не понравилась: пробиваться сквозь ножи измельчителя показалось мне делом крайне рискованным, а уж проскользнуть между жерновами — и вовсе невозможным. Угадав мои сомнения, сосед успокоил меня, одновременно изготовив свой дистант:

— Нам они не помешают — мы свернем раньше. Если успеем, конечно. Подайся чуть назад, напарник.

И ударил импульсами, прорубая в решетке достаточно широкое отверстие. Вода вокруг решетки вскипела, стало сначала тепло, потом очень тепло и, наконец, просто жарко. Пришлось включить климатизатор унискафа на охлаждение, как если бы я болтался в пространстве под лучами близкого светила. Прорубать окно пришлось целых шесть минут, время я засек точно, потому что интуиция подсказала мне: если через десять минут мы не окажемся более или менее в безопасности, то мы — в нынешнем нашем виде — вообще больше нигде не окажемся. Сосед опустил наконец вырезанный кусок решетки вниз, убрал дистант на место и сказал мне:

— Давай ты первый.

— Почему это я? Ты вырезал, ты и...

— Давай! — повторил он нетерпеливо. — Я тебя подстрахую, чтобы не зацепился. Сам понимаешь...

Я действительно понял — и, не возражая более, осторожно вплыл в отверстие, жалея, что унискаф не умеет так скорчиваться в нужный миг, как способно на это человеческое тело. Странно, но проплыть мне удалось даже без добрососедской помощи. Оказавшись по ту сторону добра и зла, я встал на ноги и пригласил:

— Пошел, теперь я страхую.

Он проскользнул ловко, словно угорь, похоже, у него были хорошие навыки и вообще опыт в подобных делах, когда выкручиваешься из неприятных ситуаций. Мужик этот вызывал уважение независимо от того, кем он был и на кого работал. Чувствовалась в нем родственная душа, несмотря на его чуждый мне выговор. Я пропустил его вперед; за ним потянулись и обломки, часть которых успела уже свариться. «Интересно, насколько они съедобны», — подумал я, наверное, потому, что голод заявлял о себе все более решительно, а все скудные питательные ресурсы унискафа я как-то незаметно для самого себя успел высосать, еще находясь в воде.

Мы продвинулись метра на три, и луч света от моей нашлемной фары уже осветил впереди нечто, с чем мне не хотелось бы свести тесное знакомство: диски измельчителя с короткими, но от этого не менее грозными ножами. Но всерьез ис-

пугаться я не успел: напарник остановился, я наверняка налетел бы на него по инерции, не будь здесь такого давления. Он сказал:

— Если быстро откроем, то я кум королю да и ты тоже.

Его манера говорить показалась мне близкой к теллурской, у нас сейчас стало модным употреблять фольклорные обороты, мы переживали пору очередного интереса к своему прошлому. Я не утерпел:

— Похоже, ты бывал на Теллусе?

— А заметно? — удивился он. — Приходилось, знаешь ли. Хотя и не подолгу. Дела... Слушай-ка, у тебя, вижу, большой инструментальный карман, глянь, нет ли там ключа двадцать, глубина шесть, на пять штырей? Мне далеко лезть, не рассчитали...

— Сейчас.

Я расстегнул трехстворчатый карман, дал подсветку. Нашел ключ без труда. Он был из спецключей, в обычном хозяйстве никчемный. Вот так. Я вынул инструмент, подал ручкой вперед, как полагалось. Он сказал:

— Вот и славно. Сейчас...

И заработал ключом — только локоть мелькал. Я направил свою фару на крышку, с которой он возился: тут его нагрудный фонарь помогал плохо. Шесть фигурных болтов. Один — уже. Второй — наполовину. Тридцать секунд на болт. Я глянул на часы. Две с половиной минуты осталось — ну, еще несколько секунд, микрорезерв. Хотя, конечно, и десять минут, установленный мною срок, достаточно условен...

Я переводил взгляд с одного болта на другой, стараясь хоть взглядом помочь партнеру, — это не так бессмысленно, как некоторым, наверное, показалось. К счастью, работа у мужика спорилась, задержек не возникало.

Когда он заканчивал последний, шестой, болт, корабль слегка дрогнул; это означало остановку — требуемое количество зелени было, надо полагать, наломано и втянуто внутрь. Если сосед был прав, сейчас закрутится шнек, заработают ножи — и тут начнется черт знает что. Но он уже снял крышку, за которой находился тамбур. Забрались. И тут я задал вопрос, уже с минуту досаждавший мне:

— Нижнюю крышку мы сняли — значит, верхнюю хрен откроешь? Все зря? Или рассчитываешь тут отсидеться?

— Не мечтаю, — проворчал он. — Не трепещи, все будет полный ажур.

Он спустился, снова поднялся — на этот раз со снятой крышкой в руке; на ней изнутри были приварены две скобы. Партнер пояснил:

— Изнутри держим за скобы, прижимаем, включаем отсос воды. Крышка прилегает герметично, давление тут сразу уменьшается, а наружное ее держит не хуже болтов.

— Пахнет древностью, — оценил я.

— А это уже местные усовершенствования, — сказал он. — Такие глубинные уборщики сейчас не производятся, поскольку такого промысла в Федерации нигде нет — кроме

вот этого мирка. Так что приходится им изворачиваться. Ну, это их проблемы.

— А в чём твои? — спросил я напрямик, пока мы прилаживали крышку на место и крепко прижимали ее.

— Выбраться отсюда — это и есть моя проблема. — Он сделал вид, что не понял сути вопроса.

— А потом?

— Суп с котом, — ответил он опять-таки как завзятый теллурианин. — Уйми свое любопытство, парень. Бери пример с меня. Внимание — включаю отсос.

Внизу, под крышкой люка, уже бурлило. Вовремя мы убрались. Если бы...

Но обошлось без всяких «если бы». Внутренний ход открылся без приключений, и впервые за целую, как мне показалось, вечность вокруг меня больше не было воды.

А что было?

5

Лючаной овладело странное для нее ощущение пустоты. Не вокруг нее, а внутри. Словно из нее вынули все, что было нужно для жизни, что было самою жизнью, а то, что еще оставалось, разом помертвело, из живой плоти стало просто веществом, неспособным к каким-то действиям и даже к другим ощущениям, кроме этой самой пустоты. Неподвижность. Может быть, мелькнуло в голове, именно так чувствует себя умерший в первые мгновения не-жизни? Даже в недавнем прошлом, когда она была древней старухой, в ней еще оставалось главное: желание жить, действовать, бороться. Оставалась злость на тех, кто так поступил с ней, и стремление с ними рассчитаться по-крупному, хотя физических сил и не было. Сейчас было иначе.

Она понимала, что куда-то уже поступила информация о том, что пойман некий нарушитель, пытавшийся проникнуть туда, куда не полагалось, и за нею уже, наверное, идут, вот-вот будут здесь, и... Ей не хотелось думать о том, что будет после этого; это вдруг стало ей безразлично. Мелькнула, правда, на мгновение надежда: она ведь нужна была здешним людям для задуманной ими операции — выпустить и преследовать. И потому, может быть... Но тут же пришло понимание: это разные ветви деятельности, взять чужака с поличным — прекрасное доказательство хорошо поставленной работы, и те, кто этим тут ведает, не поленятся и выжмут из этой ситуации все до последней капли. Ни за что они не согласятся сделать вид, что ничего не было, отпустить ее на все четыре стороны, потому что так нужно внешней службе; внешняя и внутренняя всегда конкуренты. Ее схватят и не отпустят. Конечно, и тогда можно будет искать какие-то выходы, строить комбинации. Но это самое ощущение пустоты подсказывало: да махни ты на все рукой, не надо больше крутить-

ся, хитрить, расходовать силы... Все куда-то течет; отдаться на волю потока — и плыть туда, куда он тебя несет...

Но уже через несколько секунд какой-то другой голос ожил в ней, слабый голосок, но звучавший тем не менее с повелительной интонацией, хотя его едва слышно было. Исходя откуда-то изнутри, он упорно сверлил сознание, ввинчивался в него, не позволял окончательно смириться с происходящим. И говорил он очень неприятное: «Эй ты, девка, — явственно слышала она, — мало тебе того, что ты тут валялась с чужим мужиком, ты ведь в глубине души все равно понимаешь, что виновата, уж не решила ли ты, что если муж твой погибнет, то и вина твоя исчезнет, потому что не перед кем станет быть виноватой? И потому ты не хочешь больше ничего делать, что чувствуешь — без тебя отсюда ему не выкарабкаться, здесь ему конец, кранты, и если даже тебе придется тут погибнуть, то помрешь с легким сердцем, ни в чем ни перед кем не виноватой, а только так и можно умирать. Ну и сучка же ты!..»

Не так это было, совершенно не так! Не было таких мыслей и желаний! Просто так получилось...

Но она уже понимала: кому бы ни принадлежал тот голосок, словами ни перед кем не оправдаться. Только действием. Каким? Все равно. То, что этот голосок там болтает, все чушь; но частичка правды имеется в том, что есть, есть тут что-то от предательства. И нельзя уходить из жизни в таком качестве.

«А ты вовсе и не хочешь умирать, — продолжал тянуть свое голосок. — Ты просто расслабилась, потому что в подсознании твоем живет старая мыслишка: придут свои и спасут, как уже бывало, и все, что от тебя требуется, — это дождаться их. Так или иначе. Пустая мысль, девушка. На этот раз никто не придет, потому что им — а вернее, ему — сейчас впору самому уцелеть, ничего не поделаешь, бывают и такие обстоятельства даже у него. Так что пришла пора тебе ходить в спасателях, а не ему. И поступать тебе нужно соответственно».

И вот странно: она внутренне еще не согласилась с этим, еще искала возражения и оправдания, а тело уже начало оживать, уже пошли нерассудочные, подсознательные сигналы по нервной сети, уже зазвенели в крови первые капли адреналина — и вот взгляд стал другим, не смиренно погасшим, отказавшимся от сопротивления, но заострившимся, пытливо всматривающимся во все углы тесной каморки тамбура, привычно ищущим: а что тут можно использовать и как, чтобы оказать сопротивление? И подключившееся наконец сознание уже принялось рисовать возможные картинки: сюда придут не толпой, конечно, но и не в одиночку, вернее всего — два человека, самое большее — три.

Посланный куда-то сигнал наверняка содержал в себе и число задержанных: один человек всего-то. Значит, не больше трех. Войти одновременно сюда все они не смогут, даже двоим здесь будет слишком тесно, чтобы действовать активно. Здесь да-

же размахнуться негде, чтобы ударить, никакие приемы и навыки не помогут. Не помогут им — но и тебе тоже. Следовательно, рукопашная исключается. Оружия у тебя нет. А у них? Наверняка будет: они ведь заранее настроены на то, что встретят сопротивление... Лючана покачала головой: не возникало никакого хоть сколько-нибудь приемлемого плана действий, в результате которого можно было бы оказаться снова в коридоре, а противники не смогли бы сразу пуститься вдогонку. Нет, не возникало. Разве что... Она задумалась на секунду. Да, может быть. Если только выдержишь. Если сил хватит. Ну что же, гарантии, конечно, никто не даст. Скорее проиграешь, но есть и шансы на выигрыш. А, как говорится, пока остается хоть одна попытка — ты не проиграла. Все равно ничего другого... На пару минут тебя хватит. И этой пары минут должно хватить на все. Ну, если не на все, то хотя бы на главное...

Таким образом разогревая, раскручивая себя, Лючана чуть не прозевала четкие, подчеркнуто уверенные, приближающиеся по коридору шаги. Сколько же их? Ого, подарок: двое, никак не втроем идут, разве что третий летит по воздуху. Ну-ка, завязала себя узлом! Руки, ноги, пресс... Шаг ногами, шаг руками, и снова ноги. И руки. Не очень-то привычно. Однако и так приходилось — правда, только на тренировках, не думалось тогда, что эта комбинация сможет понадобиться и в жизни...

Шаги, что звучали в коридоре, замедлились. Перестали звучать: люди остановились. Несколько секунд прошло в тишине. Потом послышалось:

— Смотри: замок вскрыт.

Сказано было на армаге, этот язык Лючана понимала. Другой голос, пониже, ответил:

— Грубо сработано. Ну что — берем?

— А не доложим сперва?

— Сделаем — доложим все сразу. Давай. Прикрываю.

Дверь распахнулась — но не рывком, а опять спокойно уехала в сторону, как ей и полагалось. Два дистанта одновременно всунулись через проем.

— Брось оружие, руки за голову, повернись спиной!

На лингале, разумеется. Хотя и на весьма корявом.

Затем — молчание. И раздосадованное: «Что за черт!.. Никого?»

И тут же — другим голосом — резкая команда. Повинуясь ей, один из пришедших шагнул вперед, словно идя на буксире своего дистанта, и сразу оказался в середине тамбура, который — метр на метр. Как и полагалось, направил оружие в левый от себя угол. Никого. В правый. Все как положено, хотя и так ясно было: да нет тут никого! Начал поворачиваться вокруг своей оси. Осталось посмотреть еще в два угла и, ничего там не обнаружив, последним взором окинуть потолок.

Вот он начал поворот. Вот сейчас нужна точность до сотых долей секунды.

Лючана обрушилась на него, одновременно оторвав от стен руки и ноги, которыми из последних сил удерживалась наверху, — спасибо конструкторам за тесноту! И одной ногой — в лицо, стараясь попасть в переносицу. Не совсем точно: попала по зубам. Тоже неплохо, Ра за такое попадание не ругал бы. И пока человек падал — выпрямиться у него за спиной, сделав его защитой от оружия того, кто еще стоит перед дверью, вырвать из опускающейся руки падающего дистант и — не рассуждая, не жалея — в упор во второго, пока он не успел дать импульс...

Что хорошо в дистантах — они действуют практически бесшумно. Легкий такой треск. Тело в коридоре. Ухватив под мышки — втащить? Нет, тут просто некуда его девать. Пусть лежит там. Теперь, рискуя, высунуться на миг — вытолкнуть второго. Тяжелый боров, нажрал себе массу! Теперь быстро: что у них в карманах? У них-то будут, наконец, ключи или нет? Если и у них ничего не найдется, то... Но не станем думать о плохом.

Платок, кварк-блокнот, а вот и коробочка. Она? Ох, нет. Просто игрушка. Будто у ребенка. Чтобы было чем развлечься в карауле. Какие-то таблетки... Ну нет ключа. Что теперь?

И вдруг словно прозвучал сигнал к действию — и Лючана застыла на миг, удивленная открывшейся истиной. Нет, гарантии не было. Но вероятность — была, и немалая. Там, где всего много, может оказаться даже больше, чем тебе кажется.

Браслет. Микрокварконика. А вдруг он?..

Пробуем немедленно! Как? А очень просто. Приложим к двери. Ага, он через мгновение среагировал — зажег одну из множества крохотных искорок на таком же множестве кнопок. Теперь нажмем на нее...

Сработало! И внешняя дверь так же невозмутимо затворилась, внутренняя открыла проход — к новой информации, надо надеяться.

«Неужели я могла быть такой малодушной? Не верится. Давай решим сразу: об этом — никому и никогда. Иначе просто стыдно будет.

Шаг вперед. Вторая дверь должна через секунду затвориться сама собой. Так и есть. Все в порядке. Продолжается работа. А значит, и жизнь. Погоди, Ра, я еще доберусь до тебя! В смысле — в очередной раз тебя выручу...»

Глава десятая

1

— Давай за мной! — скомандовал сосед. — Быстро, пока никто не спохватился!

И, не дожидаясь моего ответа, кинулся по узкому, короткому проходу куда-то, где, по его мнению, наше присутствие сейчас было просто необходимым.

Это место оказалось командной рубкой — тоже достаточно тесной, рассчитанной на трех человек и оборудованной без претензий на роскошь. Уборщик все-таки остается уборщиком, начальство на нем не возят, поэтому то, что нужно для работы, тут имеется, а прочее было бы уже от лукавого.

Пока я оглядывался и делал такие выводы, мой сосед, сокамерник, напарник, а в общем человек не очень понятный и потому, подумал я, достаточно опасный, успел не только занять главное место за пультом, но и, что-то гудя под нос, одно нажать, другое повернуть — после чего вибрация прекратилась, потому что выключились и насос, и измельчитель, и жернова — словом, все, что вращалось. Перед этим он еще сыграл на клавиатуре какую-то комбинацию, после чего на информдисплее возникла надпись:

«Ручное управление».

До сих пор на нем светилось «Вирт-шкипер» — без всяких пояснений, которые и не нужны были.

После этого напарник повернулся ко мне вместе с креслом:

— Как думаешь, у него воронка закрывается чем? Тут два рычага рядом, оба похожие, и никакого объяснения.

— Слушай, — сказал я ему в ответ, — ты что, боишься простудиться?

— Не понял?

— Тут-то шлем можно и снять. Воздух нормальный.

— Боюсь — воздух ведь чужой.

— Бережешься от сглаза? Я же вот рискнул — и жив.

— Тебе можно, мне нельзя, — сказал напарник спокойно. — У нас состав воздуха другой, и у меня дыхательная смесь — тоже. Уяснил?

— У вас — где это? — не мог не спросить я, вопрос был очень естественным.

— Это там, где мы живем, — ответил он. — Устраивает?

— Не сказал бы.

— Ничем помочь не могу. Так ты можешь разобраться в этой механике?

— Какая разница? Жми тот, что тебе больше нравится. Жми так, как пишешь. Как там у вас пишут: слева направо или наоборот?

Мне все-таки не терпелось выяснить, откуда взялся этот типчик.

— Изнутри кнаружи, — ответил он спокойно. — Объясняю: тут ошибка нежелательна. Сейчас раструб открыт, и если я воспользуюсь тем рычагом, что его открывает, то сработает «защита от дурака» — вирт сразу вернет себе управление, и уже без возврата. А это мне ни к чему, да и тебе тоже. Потому что нас он наверняка повезет не туда, куда надо.

Знающий, куда надо, так и оставался в шлеме, я же снял свой сразу, как только анализатор унискафа показал, что среда пригодна для дыхания. Именно по этой причине я первым

услышал звук, который показался мне посторонним. И я скомандовал вполголоса:

— Стоп! Тсс!

И еще через секунду:

— К бою!

Потому что убедился в том, что звук этот мне не почудился, поскольку тут же раздался и второй, и оба они, вместе взятые, означали, по моему убеждению, только одно: открылась и закрылась крышка бокового люка, мимо которого мы прошли, направляясь сюда, — того, что предназначался для экипажа.

И как бы для того, чтобы у нас не осталось уже никаких сомнений, зазвучали шаги. Палуба здесь металлическая, ничем не покрытая, и каждый шаг вызывает чуть ли не раскат грома.

Поэтому мы, торопливо занимая места по обе стороны единственной двери, приблизились к ней на цыпочках, чтобы у нежданного гостя не возникло никаких сомнений насчет здешнего гостеприимства. Напарник на всякий случай изготовил дистант, а я в очередной раз пожалел об отсутствии у меня чего-нибудь в этом роде.

Шаги зазвучали совсем близко, и напарник пробормотал:

— Странно идет...

Я и сам успел это заметить. Но мне показалось, что я знаю причину.

— Женская походка. Шаги помельче и полегче, чем...

Он поднял руку, и я умолк: гость остановился по ту сторону двери. Секунда-другая ушли без звука. Потом ручка медленно, как бы нерешительно повернулась. Дверь послушно отворилась.

Гость успел освободиться от шлема еще в коридоре и едва переступил порог, как мой напарник, сделав шаг и оказавшись у него за спиной, схватил его за предплечья, а я одновременно сказал гостю — вернее, гостье:

— Ну привет, красавица! Вот и привелось опять увидеться!

Жаль, что в те мгновения никакая камера не снимала лицо Махи: вряд ли удастся каким-то способом воспроизвести ту вереницу выражений, которые почти мгновенно сменяли друг друга: страх, изумление, нерешительная улыбка, гнев, злость — и еще одна улыбка, на сей раз широкая и, надо сказать, мастерски сделанная:

— Незнакомец, наконец-то! Я так рада, что нашла тебя!..

Откровенно говоря, я хотя и считал себя готовым ко всяким выкрутасам, но тут на миг растерялся. А мой напарник (жаль, что его мимика была недоступна для созерцания) очень выразительно кашлянул и проговорил:

— М-да. Вы что же — знакомы вроде? Нашего полку прибыло? Приятное пополнение, скажу я вам.

— Знакомьтесь, — проговорил я, выполняя требования этикета. — Маха, офицер здешней службы безопасности.

А это — мой напарник, еще один незнакомец, куда более таинственный, чем я, и он хочет и впредь оставаться таким же.

Вообще-то врать, как считают некоторые, грешно, но в этих условиях моя небольшая ложь была, по-моему, простительна: надо было внушить Махе, что мы с ним — заодно, так что сопротивляться не стоит. Ей не следовало знать, что мы не только не участвуем в одной и той же операции, но и вообще ничего не знаем друг о друге. Он мог бы при желании опровергнуть меня, но промолчал.

— Обожаю незнакомцев, — проговорила Маха, и голос ее свидетельствовал, что дамочка уже овладела собой. Она повернулась к нему с улыбкой даже еще более радужной, чем адресованная мне. После чего он отпустил ее и вышел из-за ее спины. Маха поглядела на него с интересом и спросила не без иронии:

— Еще один пришелец. Вам не жарко, мой таинственный? Может, хоть чепчик снимете? Просто из вежливости, в присутствии дамы.

Мне понравилось ее самообладание; пожалуй, я в ее ситуации чувствовал бы себя не столь весело. Напарник ответил в том же ключе:

— Боюсь напугать вас: внешность моя, увы...

— Ну, — сказала она, — я не из пугливых.

— Он не может, — пояснил я. — Здешний воздух ему вреден.

Но напарник моей помощи не принял — наоборот, поставил меня в глупое положение, сказав:

— Ну, присутствие женщины делает живительной любую атмосферу. Но предупреждаю: ответственность за последствия ляжет на вас.

И снял шлем, так что я смог наконец его увидеть — и Маха тоже. Она невольно вскрикнула «Ох!», хотя и негромко.

Наверное, и в самом деле можно было испугаться. Мне сперва показалось, что из-под шлема появился шар, состоящий из одних только волос или, быть может, шерсти, торчащей во все стороны. Конечно, существо это было человекообразным, но не брилось и не стриглось оно если и не от самого рождения, то, во всяком случае, последний десяток лет — совершенно точно. Из спутанных косм посматривали два угольно-черных глаза; несколько ниже мелькнуло что-то красное — то были, скорее всего, губы, и они наверняка изображали улыбку. Должно быть, так выглядели бы все люди, происходи они от дикобразов.

— Откуда вы такой? — не удержалась от вопроса Маха. За ответом он не полез в карман:

— Оттуда, где все такие.

Но она, кажется, всерьез решила учинить ему нечто вроде допроса, словно это он, а не она очутился в плену:

— И зачем же вы к нам пожаловали? Тут у меня и без вас забот хватает — с одним арестованным, — при этом она кивнула на меня, — а теперь и вас придется задержать до выяснения...

— О, — произнес Дикобраз (такое имя я дал ему про себя), — в вашем присутствии я буду держать себя очень смирно.

Интонация его, однако, показывала, что сам он так не думает. Я сказал:

— А вот увидим. Маха, давай сперва разберемся: кто тут кого арестовал? Мне кажется, что мы тебя. В силу этого веди себя соответственно. А сейчас подойди, пожалуйста, к пульту. Как тут закрыть раструб?

— Кто кого арестовал? — переспросила она. — Ответ находится рядом, и его можно увидеть, включив обзорные экраны. Шесть перехватчиков, и их орудия направлены на этот кораблик, а экипажи в любой миг могут прийти мне на помощь. Хотите сразиться с ними? Или не верите мне?

Она подошла к пульту (Дикобраз следовал за нею шаг в шаг, на всякий случай) и сделала то, чего мы не успели — или не догадались, включила обзор.

— Я вижу только три, — сказал я, чтобы хоть что-то сказать.

— Остальные занимают вертикаль. Убедились?

— Ваша правдивость просто поражает, — вместо меня ответил Дикобраз. — Но не скажете ли, за что, собственно, арестован этот человек? Мой напарник, я уверен, субъект вполне достойный и не представляющий опасности. Просветите меня на сей счет.

— Он — агент, и нам надо узнать — чей; а кроме того — угонщик, он захватил чужой корабль. Может быть, даже пират. Сел на эту планету без разрешения...

— Только-то? Из-за таких мелочей вы хотите лишить его свободы, которая, как известно, является величайшим даром господним? Нет, я уверен, что вы не столь жестоки. Впрочем, мы еще поговорим об этом — после того, как вы его отпустите. Если вам необходимо кого-то задержать для отчета — берите меня, чем я хуже? А если это не обязательно — идите с миром к вашим перехватчикам.

Этого еще не хватало: ни в коем случае нельзя ее отпускать! Такая мысль мгновенно оформилась в моем сознании. Лихая девица набита информацией, которую следует вытряхнуть из нее поскорее.

И я раскрыл было рот, чтобы высказать свое возражение; напарник заметил мое движение и поднял руку, как бы прося дать ему закончить, не перебивая. Но я не дал: пора было брать инициативу в свои руки.

— Ваше положение, Маха, вовсе не так прочно, как вам кажется. И никакие перехватчики вам не помогут: расстреливать судно они не станут, пока вы тут находитесь, а мне ничего не стоит вызвать сюда тот самый корабль, который, как вы сказали, я захватил, и от ваших защитников останется... да ничего не останется! Думаю, вы уже видели, как он может работать.

Однако ваше положение станет совершенно безопасным, если вы дадите ответы на вопросы — мои и моего коллеги.

— На самом деле я знаю так мало... — и Маха вздохнула, как бы подчеркивая этим свое сожаление. — Я не более чем рядовой исполнитель; вы, безусловно, понимаете, что это значит. Таким, как я, всегда достаются лишь крохи информации.

— Ну, если крох достаточно много, из них можно испечь пирожок, — послышалось из заросли волос. — А то и большой пирог. Хорошо, коллега, право первого вопроса остается за вами. Но задавать их будете по ходу действия. Я не намерен оставаться здесь даже лишнюю секунду.

— Да. Маха, где моя жена?

Она улыбнулась, как мне показалось, снисходительно:

— Ах, значит — не просто напарница? Бедные мужчины, как вас заботит судьба каждой из нас, хотя это и не всегда нам нравится...

— Отвечай!

Похоже, мой голос убедил ее в том, что сейчас не время для иронии, да и не место тоже.

— Могу сказать только, что она — под замком на Главной базе, и сбежать оттуда просто невозможно. Там вы ее найдете... если получится.

Я хотел было продолжить эту тему, чтобы узнать, как мне проще всего проникнуть на эту базу, но помешал напарник:

— Внимание! Вижу на экране: перехватчики начинают какое-то движение. Время нам покинуть это судно. Срочно решаем: кто куда?

Я сказал, не задумываясь:

— Я — на эту базу, больше никуда. А тебя, девица, возьму с собой: поможешь мне проникнуть на нее, а там сориентироваться и попасть туда, куда мне понадобится.

— Вот еще! — ответила она, я бы сказал — нахально. — Я с тобой никуда не собираюсь, толку от тебя — никакого. Лучше я останусь с этим вот незнакомцем: обожаю тайны!

— Напарник! — обратился я к нему. — Объясни ей.

Ответ его оказался для меня совершенно неожиданным:

— Пожалуй, она права. Ты — паренек шустрый, разберешься и сам, что к чему. А мне она пригодится.

— Обведет она тебя вокруг пальца, — предупредил я. — Ты ее не знаешь...

— Вот и познакомлюсь поближе, — проговорил он уверенно.

Я понял, что нашему кратковременному союзу пришел конец. Теперь против меня двое; не очень ясно было, почему Дикобраз вдруг принял такое решение, возможно, «язык» нужен ему самому, думать об этом было некогда: теперь, когда у меня появилась сколько-нибудь конкретная информация о Лючане, я просто не имел права терять время на что-то, кроме ее освобо-

ждения. Так что мне осталось только признать пусть и небольшое, но поражение.

— Ну, будь по-вашему.

Я произнес это так, что легко угадывался настоящий смысл: «А черти бы вас всех побрали!»

2

Лючана задержалась подле затворившейся за нею двери, но потеряла при этом совсем немного времени: секунд пять-шесть. Это небольшое промедление было ей необходимо для хотя бы приблизительной, черновой ориентировки, чтобы понять, что нужно делать дальше, если идти — то куда, а если не идти — то что же предпринять?

Впрочем, вариантов было немного. Скорее мало. Даже — очень мало. И лишь правильная оценка обстановки могла подсказать верный путь.

Итак, она стояла на самом краю обширного пространства — именно так хотелось назвать это, не помещением, даже не залом — пространством. Хотя о размерах его оставалось лишь догадываться, поскольку оно никак не было пустым, но, наоборот, оказалось занятым множеством — чего? Наверное, оборудования, более точного слова Лючана найти не смогла, будучи не особенно сведущей в делах промышленных. До сих пор складывалось так, что работать ей приходилось в основном, как говорится, на лоне природы. И это неслучайно: большинство обитаемых миров Федерации пока еще оставались если не в первозданном, то, во всяком случае, близком к природе состоянии — освоение всегда начиналось с облагораживания атмосферы, с укоренением того, что могло расти и давать плоды, поскольку человек, даже замкнутый коротко на технику, без даров природы жить еще не научился. Так что некоторая однобокость в подготовке Лючаны как агента была вполне объяснимой. Тем не менее тут оказалась именно она, а не кто-либо, кто сумел бы расставить все по местам быстрее и лучше.

И все же она попыталась разобраться во всем, что открылось взгляду, как можно детальнее и сделать какие-то правдоподобные выводы.

Она стояла сейчас на тесной площадке, с двух сторон огороженной весьма условными перильцами, а с третьей, открытой, можно было только ступить на узкую и крутую лесенку, уходившую вниз, к другой площадке, более просторной, с которой уходили уже три лестницы: одна — дальше вниз, две другие возносились вверх; одна из них, как можно было увидеть с того места, где находилась Лючана, упиралась в неширокую горизонтальную галерею, которая шла вдоль стены и терялась из виду примерно в сотне метров отсюда. Освещалось это пространство достаточно скупо, и только на той средней площадке свет был,

как подумала Лючана, нормальным для работы человека — того самого, который там и находился в обществе пульта.

Пульт этот размерами напоминал контрольно-операционные установки больших силовых станций; Лючане лишь однажды довелось побывать на такой, потому это воспоминание сохранилось нетким, не разбавленным никакими подобными же. То была здоровенная подкова, окружавшая оператора с трех сторон и имевшая в высоту не менее трех метров. К Лючане пульт был обращен тыльной стороной, в которую входило — или из нее выходило? — множество толстых и тонких кабелей, а может — труб, сверху торчало еще и несколько антенн, подлиннее и покороче. Затем она увидела и самого человека.

Он показался наконец из-за своего укрытия — здоровенный мужик, одетый так же, как Идо и почти все встречавшиеся ей в коридорах люди, включая и тех двоих, с которыми ей удалось разделаться совсем недавно, — может быть, какая-то минута прошла, от силы две. Видимо, когда она входила, оператор услышал звук, вышел из-за пульта и стал оглядываться, чтобы убедиться: ничего не произошло, нет никакой опасности и он может спокойно продолжать вахту.

И вот именно это заставило Лючану отказаться от уже намеченного плана: спуститься вниз до пультовой площадки и там, попрежнему используя пульт как защиту, перейти на лесенку, ведущую дальше вниз, потому что там легче было скрыться, затеряться, и при этом постепенно продвигаться к противоположной стороне зала, попутно пытаясь найти еще какие-нибудь выходы отсюда. Внизу было легче, там возвышалось много — уже отсюда она насчитала девять — невысоких, не более полутора метров, но объемистых, судя по площади их выпуклых крышек, цистерн, или котлов, или реакторов. Каждый из них был окружен собственной микроструктурой, состоявшей из кожухов, под которыми ясно угадывались моторы, колонок повыше и пониже, толстых гофрированных, тоже металлических труб, соединявших отдельные реакторы между собою, но не непосредственно, а через эти самые колонки, служившие, возможно, распределительными центрами. Помимо этого, в микроструктуру входили электрические трансформаторы, ничем не прикрытые электропредохранительные устройства и достаточно мощные сундуки климатизаторов, а повыше — похожие на громадные цветки лилии приемники очистителей воздуха. «Вовсе не лишнее устройство», — невольно подумала Лючана, уже в первые секунды пребывания здесь ощутившая не то чтобы острый, но какой-то очень активный запах, заставляющий ее недовольно морщиться. Кажется, тот же аромат, что показался таким приятным на поверхности, однако усиленный настолько, что вызывал уже совершенно противоположное ощущение.

Между всеми этими устройствами и сооружениями оставались свободными только неширокие проходы и совсем

уж узкие тропки, по которым можно было петлять до бесконечности, потому что вести огонь там никто не осмелится: в противника еще попадешь ли, а вот в какое-то устройство — наверняка, тут промахнуться невозможно. Выведешь из строя что-нибудь — по головке не погладят, а к тому же еще и рикошетом перебьешь своих.

Вот почему Лючана вначале подумала, что спасение надо искать именно там. Увы, теперь ей стало ясно, что намеченный для этого путь вряд ли можно использовать.

Дело было не в том, что Лючана что-то такое увидела; напротив, вышедший из-за пульта оператор, постояв и поглазев по сторонам, снова вернулся на свое место и, надо полагать, занялся своим делом. А смутило Лючану и заставило критически взглянуть на свой первоначальный план именно его спокойствие. Так мог вести себя только человек, совершенно уверенный в том, что никто никакой опасности для него здесь представлять не может хотя бы потому, что не сумеет ни подобраться к нему, ни даже выйти на такую позицию, с ка́кой мог бы ему угрожать. Хотя все эти трапы и галереи предоставляли для этого, казалось бы, самые широкие возможности. Значит, все здесь было не столь гостеприимным, как показалось ей с первого взгляда.

И потому нельзя было следовать за первой мыслью подчиняться первому желанию. Если захотелось спуститься по начинавшемуся тут трапу — значит, делать нужно было что-то другое. Нагрузишь своим весом первую же ступеньку или вообще любую — и ударит луч давно настроенного дистанта, или вспыхнет дуга высокого напряжения, или хотя бы взвоет сирена, объявляя тревогу... Нельзя.

Но и оставаться тут не имеет смысла: отсчет времени уже пошел, маячки, которые она до сих пор таскает с собой, наверняка по-прежнему просматриваются Идо и его компанией. Эти ребята не то что подозревают или предполагают — они точно знают, что она сейчас находится именно здесь. И пока она тут теряет секунды и минуты, они уже засуетились; им, наверное, по-прежнему не улыбается прихватить ее здесь, они все еще надеются по ее следам выйти и на Ра, и на корабль — пресечь операцию (их ведь не убедишь, что это не спланированная операция, а всего лишь стечение обстоятельств) до конца, вырвать с корнем.

Но они не могут допустить и то, чтобы она осталась здесь вне их контроля: вдруг именно с таким заданием она и пришла — совершить диверсию, вывести из строя эту загадочную аппаратуру или, в крайнем случае, детально разобраться в том, что же здесь творится, какая чертова похлебка варится в котлах, что и откуда приходит по гофрированным трубам и куда отправляется. Они сейчас, разумеется, ставят посты у каждого возможного выхода отсюда и пытаются по огонькам на своих дисплеях определить, куда же она направится, что станет предпри-

нимать. Если двинется, ничего не задевая, искать выход — скорее всего, ей позволят выбраться, чтобы снова взять под контроль. Если же я задержусь возле какого-то агрегата дольше, чем на две-три секунды, заподозрят диверсию, и...

«Собственно, а что они смогут тогда? Для погони будет уже поздно, если я захотела бы, допустим, рвануть здесь что-нибудь, вывести из строя. Скажем, вон тот ясно видимый отсюда трансформатор, от которого, судя по кабелям, идет питание на пульт. Если заложить заряд с таймером или с радиозапалом...

Стой, — перебила она себя. — Но ведь нет у меня ни зарядов, ни запалов — совершенно ничего, чтобы такую диверсию осуществить. И они все, начиная с Идо, прекрасно знают, что у меня есть, вплоть до... вот именно, и чего нет. Если даже им стало известно о визите в каптерку — там никакой взрывчатки, естественно, нет, она хранится в специально отведенном месте, где я не появлялась. Значит, подозревать меня в таком намерении они не станут. Единственное, что я могу, по их мнению, сделать, — это попытаться овладеть пультом, разнести там все вдребезги, а это окажется куда хуже одиночного взрыва.

Ага, скорее всего, они предупредили оператора о возможности такого нападения... но не только. Вне всякого сомнения, тут установлено немало следящих камер — в здешнем центре безопасности наверняка все просматривается, а уж мостик с пультом — во всяком случае. Да и на этот самый пульт тоже выводятся те же самые картинки, чтобы и оператор мог взглядом контролировать происходящее во всех углах своего мирка. Да, наверное, так оно и есть.

Но сейчас меня, — продолжала Лючана торопливо разматывать клубок мыслей, — они, вероятно, не видят. Если бы я была в кадре — оператор, выйдя из-за пульта, хотя бы мгновенный взгляд бросил в мою сторону, не утерпел бы. А будь я видна на его экране — вообще не стал бы высовываться. Может быть, этот пятачок, на котором я стою, находится в мертвом, непросматриваемом пространстве, а может, именно эта камера барахлит или же я просто сливаюсь со стеной — тут, пожалуй, одно из самых темных мест. Конечно, его наверняка можно осветить, вон и слева, и справа наверху — целые гнезда прожекторов, словно на стадионе. Но почему-то ими никто не пользуется...»

3

На самом же деле оператору, о котором думала Лючана, в это время было не до нее. Он должен был быстро разобраться в только что возникшей, достаточно неприятной ситуации.

Пульт, за которым он находился и работал, кроме контроля и управления процессами, происходящими в реакторах и во всех ветвях Магистрали, ведал еще и деятельностью придонных уборщиков, когда они не управлялись людьми, а действовали автоматически, по заложенным в них программам. От убор-

щиков зависело количество сырья, поступающего в цех, подвергавшегося первичной обработке, затем окончательному доведению до кондиции и затем — отправке по основной Магистрали на ПЗБ — посадочно-загрузочную базу. Попав туда, продукт либо прямо грузился на прибывший за ним из какого-либо другого мира корабль — если это было удобрение, товар официальный и совершенно невинный; либо же непосредственно на ПЗБ проходил еще одну переработку, а именно — смешивался с элементом, везде обозначавшимся только одной буквой «З», после чего тоже грузился (но уже на другие корабли) и отправлялся по адресу, который тоже был известен лишь немногим; оператор, например, его не знал — да и не хотел узнать. Его делом было — обеспечивать постоянное и равномерное поступление сырья, своевременную и правильную его обработку и доставку на ПЗБ. Прочее не должно было его волновать — и действительно не волновало.

И вот сейчас именно в его ведомстве происходил сбой: один из заготавливавших сырье уборщиков по непонятной причине, едва начав работу, прекратил ее. Сразу же предпринятые попытки вернуть машину к выполнению программы пока ни к чему не привели. И оператор должен был исправить положение, пользуясь лишь теми возможностями, какие предоставляли ему расположенные тут приборы и механизмы.

Так что сейчас времени на то, чтобы разглядывать стены и углы, у него просто не оставалось. В конце концов, есть группа безопасности — вот они пусть этим и занимаются.

4

Пока я собирался выйти из уборщика, мой временный напарник уже начал действовать, тем самым подтверждая богатство своего опыта.

Он схватил Маху за плечо (чересчур крепко сжал: его костюм усиливал, наверное, приложенное усилие, так что женщина скривилась, но не издала ни звука) и проговорил тихо, но с напором:

— Подруга, связь отсюда с перехватчиками есть?

Она кивнула.

— Соединись с ними. Скажи: ты с арестованным сейчас выйдешь из уборщика, пусть приготовятся принять нас на борт. Арестованным, как уже решено, буду я.

— Напарник, — я счел своим долгом предупредить его, — крупно рискуешь. Они там тебя повяжут и понавесят на тебя все на свете. Подумай!

— Пусть тандык думает, — ответил он легкомысленно. И я невольно вспомнил, что так по-симонски называется обыкновенная лошадь.

— А потом? — спросила Маха, словно бы и не слышавшая моего предостережения.

— А потом, — произнес он неопределенно, — будем решать задачи по мере их возникновения.

— Но ведь корабль, о котором он говорил, он же и в самом деле может нас уничтожить! — Она кивнула в мою сторону. — Я для него останусь опасной, а теперь и ты тоже! Он непременно постарается...

— Он не будет рисковать, — уверенно ответил Дикобраз. — Хотя бы потому, что драться с шестью перехватчиками непросто, даже если этот корабль так силен, как он рассказывает. Исход боя предсказать трудно. А если он потерпит неудачу — что станет с его женой? Я понял так, что она и в самом деле его интересует. Верно, парень?

— Да ладно, — сказал я ему, хотя и не очень дружелюбно. — Мне будет не до вас. Живите дальше.

— Спасибо, благодетель, — поблагодарил он очень серьезно. — Но ты погоди исчезать. Сперва обеспечим всеобщую безопасность.

Моя преследовательница, поджав губы, покачала головой, осуждая то ли поведение напарника, то ли свое собственное, но сделала так, как было сказано: включила связь и настроилась на известную ей частоту. Мы оба внимательно следили за каждым ее движением.

«Страж-один на приеме».

— Группа внешней безопасности, медиат-два Маха. Объект операции мною захвачен, сейчас находится в придонном уборщике. Намерена перевести его на один из перехватчиков, по вашему указанию. Прошу разрешения. Затем доставите меня с ним на базу. Приказание у вас имеется.

«Нам только что сообщили об изменениях. Мы получили другой приказ».

— Вот новости! — очень недовольным голосом (это у нее получилось прекрасно) проговорила Маха. — С какой это стати? Он что, больше не нужен? Я могу и отпустить его — или пустить в размол... — Похоже было, что женщина действительно вошла в роль.

«Ни в коем случае. Мне приказано помочь вам завершить операцию, и сделать это быстро: я тоже должен присоединиться к эскадрилье, она уже уходит».

Одного взгляда на экран было достаточно, чтобы убедиться: пять кораблей уходили, развернувшись «все вдруг».

— Господи, — воскликнула Маха совершенно естественно, — что же там такое приключилось? Из-за чего такая суматоха?

«Кто-то ухитрился сбежать из-под ареста. Какая-то бабенка».

— Сбежать? С базы? Невероятно.

«Увела капсулу. Или собирается угнать. Оттого и суета: кто знает, что ей придет в голову. Рубанет сверху по большой трассе — и вся кухня застопорится. Или доберется до своего корабля и атакует транспорт, когда он станет садиться. Вот и

приказано найти ее и захватить — или, если будут сложности, уничтожить».

При этих последних словах мое настроение, только что поднявшееся чуть ли не до точки кипения (потому что сбежавшая могла быть только Лючаной, ее почерк узнавался в осуществлении этого действия, или, во всяком случае, так мне казалось, и уже чудилось, что до нашей встречи оставалось всего ничего), тут же упало до нуля и грозило опуститься еще ниже. Если разрешено ее уничтожить, то и переговоров никаких не будет, никаких попыток захвата, при которых всегда остаются шансы выкрутиться. Просто возьмут в прицелы — и все... Нет, этого никак нельзя допустить.

Центр связи отключился. Маха повернулась ко мне:

— Ну, будь здоров... до следующей встречи.

— Взаимно, — ответил я вежливо и шагнул к люку, что открывался в выходной тамбур. — И тебе, борода, хотя сильно сомневаюсь.

— А ты не волнуйся за меня, напарник, — откликнулся он. — Бывают, знаешь, ситуации, когда советы третьих лиц не нужны.

— И откуда только берутся такие мужчины? — поинтересовалась Маха медовым голоском. — Знала бы, взяла бы туда билет в один конец.

— Решено, — откликнулся напарник несколько рассеянно, шевеля пальцами над клавиатурой. — У меня как раз имеется знакомство в билетной кассе. Так. Все. К выходу! Шлемы надеть, проверить герметизацию.

— Я выйду первым, — сказал я. — Меня не увидят, не беспокойтесь.

Я давно уже исповедую скромность в поведении и не люблю мозолить глаза кому угодно, если только это не вызвано крайней необходимостью.

Как только тамбур заполнился водой и внешняя пластина стала отодвигаться, я ушел.

То есть физически я, понятно, никуда не девался. Просто включил режим незримости и перестал быть видимым. Теперь это стало для меня почти уже привычным делом.

Я уже удирал во все лопатки моего движка, но поддался искушению увидеть, чем же и как завершится вся эта забавная история, комедия встреч и расставаний, комедия, которая в мгновение ока могла превратиться в драму если не для всех, то кое для кого во всяком случае. И — признаюсь откровенно — мне в тот миг было все равно, кто там выиграет и кто проиграет: так или иначе, обойдутся без меня.

Сейчас Маха и ее спутник оказались уже перед люком ожидавшего их кораблика... Ого, кто-то из экипажа даже выплыл ей навстречу, господи, какая галантность!

— «Триолет»! Обозначь свое место. Приготовься принять меня на борт.

Но «Триолет» не ответил.

Что там возле перехватчика? Все в порядке, вышедший навстречу задержался с прибывшими лишь на какую-то минуту. Затем...

— ...«Триолет», повторяю: обозначь свое место. Включаю маяк. Иди ко мне. Срочно! Остановишься в пятидесяти метрах. Взойду на борт.

Я в последний раз взглянул на перехватчик. Расстояние уже не позволяло различать происходящее четко. Включил термовизор. Ага, вот они ушли в люк, оказались на борту. Ладно, остальное — их дело. Не мое.

Сейчас открыта охота на Лючану. И мое дело — постараться, чтобы охота эта осталась безуспешной. Остальное не имеет значения.

«Я «Триолет». Вижу вас. Останавливаюсь. Верхний люк готов к приему».

— Понял тебя. Приближаюсь. Открывай.

Техника сработала нормально. И я чуть ли не как обретенный рай воспринял свой корабль, где можно было, не ожидая никаких опасностей, хоть немного расслабиться, перевести дыхание — но очень, очень ненадолго: обстановка меняется быстро, и пока — не в нашу пользу, так что серьезную релаксацию придется отложить. И на медитацию времени сейчас нет.

Но какое наслаждение — освободиться от надежного, но тесного и громоздкого унискафа. Водворить его наконец на место.

Я ввел мой унискаф, «капитанский», в его шкафчик. Включил все подзарядки. И задумался: он будет заряжаться не менее часа, так что если вдруг понадобится срочный выход, этим костюмом я воспользоваться не смогу. А ведь может статься и такое. Впрочем, не беда: костюм тут не один. Понадобится — воспользуюсь тем, на чьем шкафчике пластинка с надписью: «Флагманский». Под цифрой «0». Он, надо полагать, полностью готов к работе. Но лучше убедиться в этом заранее.

Убедишься, как же, если шкафчик не желает открываться.

— «Триолет»! Открой доступ к флагманскому унискафу.

«Введите код доступа».

— Некогда мне возиться. Открой! Это приказ.

«Отказ».

Ух ты... Ты! Ты...

Ладно. Обойдемся без тебя. По-нашему.

Замок сопротивлялся секунд двадцать. Уступил. Ну-с...

М-да... Чем дальше в лес, тем глубже влез. Воистину.

Хранилище пусто. Флагманский унискаф исчез. Погулять пошел?

— «Триолет», куда девался флаг-унискаф?

«Вопрос непонятен».

Интересно, чего же тут непонятного? Что, вирт-капитан, глючим? Или как? Ладно, спросим иначе.

— Дай сводку о нахождении всех унискафов корабля.

«Данные закрыты».

— Кто же это их закрыл? Кто дал команду?

«Действия осуществляются согласно программе».

Мы поиграли в вопросы-ответы еще не менее трех минут. Потом я спохватился, что напрасно трачу время, которое можно использовать с большей пользой.

И направился (только сейчас почувствовал, что ноги подгибаются, и не в каком-то переносном смысле, а в самом прямом — хотя именно прямизны сейчас ногам и не хватало) в жилые отсеки корабля, где, по моим расчетам, даже родные переборки должны были мне помочь — и чем активней, тем лучше.

5

Наконец-то Лючана поняла или решила, что поняла: «Да они просто стараются меня не беспокоить, полагая, что мне неизвестно об их присмотре; я, по их мнению, считаю себя оторвавшейся от них, и они хотят, чтобы такое ощущение сохранялось у меня как можно дольше. Полное совпадение желаний: они не хотят беспокоить меня, и я тоже не хочу тревожить их сверх меры. Ну что же, сейчас главное — успокоить их окончательно, убедить в том, что их расчет верен, что я поступаю именно так, как ими и предусмотрено. Пусть радуются.

Но если я ни о чем не подозреваю, это вовсе не значит, что мне полагается действовать нагло, нахраписто, в уверенности, что меня трогать не станут. Наоборот: я уверена, что меня ищут, но еще не нашли, — и я не хочу, чтобы меня обнаружили в дальнейшем. Поэтому надо вести себя совершенно естественно для сложившихся обстоятельств: я всего боюсь, хочу оставаться невидимой и — и что же в таком случае делаю?

Трапом не пользуюсь: настолько я должна быть умной. В то, что я абсолютная дура, Идо не поверит. А что другое могу я тут придумать?

Спуститься вниз по веревке? С радостью, но только веревки нет и ничего на нее похожего. Спрыгнуть? Разве что с парашютом, но и его я не догадалась прихватить с собой. Как-то не предполагала, что он сможет мне пригодиться на курорте. Плавание с парашютом — таким спортом я не увлекаюсь. Да и все равно он остался бы на корабле...

Боишься, девушка! — прервала Лючана себя. — Тянешь время. Потому что на самом деле уже поняла, что тебе сейчас придется делать, и это тебя пугает, хотя таким вот спортом ты и вправду занималась и не прерывала тренировок как раз потому, что при действиях в природных условиях необходимость в нем появляется не так уж редко. Две среды, где ты чувствуешь себя более или менее привольно, — вода и горы. Здесь гор нет, до воды тебе еще только предстоит добраться. Но вот приемы и навыки

скалолазания могут сейчас сослужить тебе неплохую службу. Давай-ка, начинай настраиваться — и быстро, быстро!»

И Лючана принялась настраиваться на предстоящее действие, картина которого уже сложилась в уме. И она сама, и те, чье внимание было к ней приковано, понимали, что основная ее задача сейчас — спуститься вниз, чтобы искать и найти выход. И поэтому она двинется в противоположном направлении: вверх. С этой площадки туда не ведет никакая лестница, нет даже самого примитивного скобтрапа. И если бы стена представляла собой совершенно гладкую плоскость, то нечего было бы и думать взобраться по ней без магнитных или вакуумных присосок на руках и ногах. Их, конечно, нет, никто не позаботился случайно забыть здесь такой наборчик, какими, бывает, пользуются исследователи и десантники в подходящих условиях.

Но стена, к счастью, не столь идеальна. И, внимательно вглядываясь, ты замечаешь и прикидываешь: если ты встанешь на перила, то на расстоянии метра окажется вваренный в стену крюк; откуда он здесь? А он и должен был тут оказаться, потому что именно с его помощью монтировалась вот эта самая площадка. Она висела на тросах, пока ее не приварили наглухо, — тогда тросы убрали, а крюк остался, не к чему было терять время, срезая его, никому он тут не мешал.

А по другую сторону площадки на таком же расстоянии — второй крюк, и на нем уцелела даже петля троса с хвостом в метр с чем-то длиной. Так. Дальше. Если дотянуться до этого хвоста и как следует ухватиться за него, оттолкнуться ногами от перил посильнее и изобразить собою маятник, можно долететь до толстого, сантиметров пять в диаметре, кабеля, идущего снизу вверх по стене. Куда вверх? На третье гнездо прожекторов, которое находится почти под самым потолком. Да это просто проспект, иначе не назовешь.

Тут, конечно, возникнет искушение по этому кабелю и спуститься вниз, но этого делать не следует: слишком близко к месту, где тебя привыкли фиксировать. А вот если поверху удастся добраться до следующего такого гнезда, вот там можно будет таким кабелем и воспользоваться.

Правда, добираться придется уже не по проспекту, но какая-то дорожка есть и там: наплывы от сварки, оставшиеся при монтаже всей этой конструкции. Два из них можно будет использовать как точки опоры для одной ноги и одной руки, а оттуда, если не сделать ошибки, совершить еще один цирковой номер: снова выйти на пару крючьев; там, правда, нет никакой лестницы, но ее, наверное, собирались там установить, да почему-то раздумали. Так бывает. А оттуда...

Куда и как оттуда — пока сказать трудно: просто не разглядеть. Но что-нибудь да найдется, что-то даже вроде бы виднеется — только не определить, что это такое, но какая-

то точка опоры, во всяком случае. В общем, как сказал кто-то когда-то, надо ввязаться в драку, а там видно будет...

Ну, кажется, настроилась.

Еще один вопрос: что делать с сумкой? С ее содержимым?

Нужно разместить по карманам то, что может пригодиться в дальнейшем (если это дальнейшее будет, мелькнула мыслишка, но Лючана постаралась тут же отогнать ее подальше, так далеко, как только возможно). Здесь проблемы нет. Она в другом: что делать с напичканной датчиками робой Идо? У Лючаны был определенный план ее использования. Этот план требовал робу сохранить. Но она не вписывалась в новый, только что возникший расчет. Ну ладно, придется с нею расстаться. «С вечной памятью о тебе, дорогой мой неудачливый любовничек, кекс вонючий».

Лючана подняла сумку, вытащила все, что хотела. Очень немного всего было. А сумку с оставшимся там меченым тряпьем, взяв за ремень, крутнула над головой — и запустила вверх по такой траектории, чтобы улетела подальше, только не в том направлении, в каком собралась исчезнуть сама.

Сумка, описав параболу, угодила в одну из колонок, отскочила и упала на пол. Не то чтобы с грохотом, конечно, но и небезззвучно. Оператор все же оказался внимательным: услышал. Снова вышел из-за пульта и, слегка перегибаясь через релинг, стал вглядываться в том направлении, откуда пришел звук. Наверное, видно было плохо — через секунду вспыхнула прожекторная рампа, дававшая свет в том направлении. Очень хорошо. Сейчас оператор если и переведет взгляд в противоположном направлении, то мало что сможет увидеть, пока не адаптируются глаза после яркого света. Значит, пора.

А для тех, кто следил за маячками на своих экранах, это должно выглядеть так, словно Лючана очертя голову кинулась вниз — то ли решила покончить с собой от сознания безысходности, то ли рассчитывала удачно приземлиться на что-то. В общем, теперь, наверное, направятся сюда, чтобы проверить и убедиться лично.

А Лючана уже была на тропе. Редкий случай, но получалось все так, как было задумано, а по времени даже быстрее. Впрочем, это и надо было делать на одном дыхании, как говорится, не позволяя себе ни задержек, ни мыслей — одни только действия, к счастью уже давно доведенные до автоматизма.

До неопределенного, но несомненно существовавшего объекта на стене, на котором она рассчитывала сделать передышку и наметить следующую часть маршрута, она добралась без приключений. И, тяжело переводя дыхание, все же не удержалась от беззвучного «Ура!».

Потому что это и оказалось выходом. Резервным, как поняла Лючана. Эвакуационным — на случай беды. Издали, со своей площадки, она просто не разглядела, что именно сю-

да выводила часть галереи — с другой стороны. Снова появилась возможность ощутить под ногами прочную опору. А потом и открыть люк, воспользовавшись все той же карточкой. Осторожно приотворить. И увидеть то, что помещалось по ту сторону.

Ничего особенного там не было. Просто невысокое помещение, уставленное небольшими — метра три на полтора — капсулами. Каждая — на своем стартовом устройстве, на рельсах, ведущих к крышке выпускного люка.

Капсулы были разными — это даже при беглом взгляде становилось ясно. Поменьше и побольше. Шарообразные, яйцевидные и вытянутые, сигарообразные. Одни совершенно гладкие, другие с какими-то выступами, третьи были снабжены немалым количеством суставчатых рычагов, напоминавших манипуляторы, какими пользуются при работе в агрессивных средах. И располагались капсулы не как попало, а четко делились на группы. Сигарообразных с рычагами было меньше всего: только две. Яйцевидных — десятка полтора, а самых маленьких, круглых виднелось много, считать их сейчас было некогда.

Вот что она увидела, если не принимать во внимание человека, как раз в тот миг подбегавшего к двери метрах в пятнадцати от нее. Через мгновение он исчез за дверью, и она затворилась.

Значит, ее ждали. А сейчас, среагировав на сигналы маячков, бросились туда, чтобы своими глазами увидеть ее тело, убедиться в гибели и, наверное, закрыть дело, дальнейший поиск отменить...

А почему они не воспользовались люком, через который она только что выбралась?

Лючана тут же поняла почему: отсюда его не открыть. Только изнутри. Вот и спасибо. Пока вы там доберетесь до сумочки с тряпками и маячками, хватит времени, чтобы сказать вам: «Прощайте навеки!» Осталось только выбрать скорлупу понадежнее.

Она бесшумно подошла к ближайшей капсуле, круглой. Люк ее был закрыт. Зато в полутора метрах другая такая же приоткрытой крышкой гостеприимно приглашала: войди, воспользуйся!

Спасибо, как-нибудь в другой раз. Как-то слишком уж примитивно выглядит эта штука, словно мыльный пузырь. Так сказать, средство общего пользования. И, конечно, эта как бы случайно не запертая дверца означает, что этот шарик набит, кроме всего прочего, и множеством датчиков, по которым вести ее будет еще проще, чем здесь внутри, потому что в открытой воде нет закоулков и переборок.

Нет, слишком все это примитивно. Тем более что однажды она уже побывала в такой капсуле и отлично помнила: скорость у нее, прямо сказать, скромная. Это все — средства массового транспорта. Но ведь не может быть, чтобы тут не оказалось и других, более совершенных, предназначенных для начальства. Это было бы прямо-таки противоестественно. Здесь, в

большом эллинге, все они одинаковы. Ну а там, слева, где переборка с дверью? Ну-ка, заглянем туда...

Ну вот, попадание в десятку. Здесь они и стоят — всего-навсего две, но уже совсем другого облика, не очень даже и похожие на те, простые.

«Неужели я не заработала права убыть отсюда в первом классе, а не экономическом? Заработала, — убедила себя Лючана, — давно уже заслужила».

А первый класс тут — наверняка вот эти веретена. Они раза в два крупнее, обводы их явно указывают на способность развивать скорость побольше. Это очень важно. Хочется поскорее попасть к своим... к своему, точнее; немного расслабиться, обняться, может быть даже поплакать немного от радости, от облегчения.

Только вот захочет ли первый класс впустить ее? Он ведь наверняка не для любого желающего, а?

Снова браслет пошел в ход. Ах, спасибо!

В капсуле она, усевшись на единственное место, с минуту посидела, оглядывая маленький пульт управления, совсем небольшой экран, полдюжины рычагов справа и слева. Наверное, при их помощи управляют внешними инструментами. Никакого вооружения не видно, но хочется верить, что оно и не понадобится. В приборах на пульте разобраться сразу не удалось, только стартовая группа сразу заявила о себе, остальные должны были показывать неизвестно что. Даже компаса нет. Но он, собственно, ни к чему: все равно пока нет ни малейшего представления, где искать своих, а в открытой воде, как Лючана надеялась, браслет сработает, даст направление, позволит даже установить связь...

Протянула руку, чтобы начать процесс выхода. Со стартом она вряд ли могла ошибиться: в отличие от других приборных групп, где обозначены были только какие-то непонятные символы, тут все объяснения были общепринятыми, на линкосе; капсулы эти явно не тут создавались — как и все остальное тоже. Сомневаясь, убрала руку. Глупо было бы совершить какую-то ошибку теперь, когда, кажется, удалось выкрутиться из переделки. Здесь тоже наверняка есть какая-то система защиты — противоугонная, скажем так. Но ни намека на то, как отключить ее, как заставить ее поверить, что она — своя.

Да все тем же браслетом, тютя! Приложи! Работает. И — жми на старт. Быстро. Чтобы осталось еще время удрать, если не сработает.

Однако сработало. Приборы ожили. Пошли надписи по экрану. Лючана старательно выполняла каждое предписание. Это заняло с полминуты. С легким звоном захлопнулась входная дверца. «Вирт-пилот» — засветилась одна из центральных клавиш. Женщина полсекунды колебалась, но решила: очень хорошо, пусть и тут кваркотроника, она-то уж не ошибется по незнанию, и нажала.

На всестихийном перехватчике, как и на всяком военном корабле, лишнего места не было, экипажу пришлось потесниться — не всем, но только шестерым, седьмой сидел за пультом, и его стеснять нельзя было. Хотя он, похоже, этим не так уж был и доволен, зато остальные были очень обрадованы возможностью пообщаться с женщиной, достаточно молодой и красивой, — такими случаями служба на Ардиге никого не баловала. И Маха кокетничала с ними вовсю, а бородач тем временем приютился в уголке единственного обитаемого отсека и, сняв шлем, отдыхал, казалось, только пальцы двигались как бы сами по себе — что-то на унискафе нажимая, что-то покручивая... И через несколько минут вмешался в обмен любезными репликами между дамой и полудюжиной кавалеров — воспользовался мгновенной паузой, чтобы проговорить одно лишь слово:

— Накройсь!

То была команда, и подана она была на терране — языке, который здесь понимал, кроме говорившего, еще только один человек. И Маха мгновенно доказала это — пока ее собеседники оглянулись на непонятное слово, нырнула головой в шлем и защелкнула герметизатор. Лохмы и борода тоже скрылись в его головном уборе. А невидимое и ничем не пахнущее облачко, распознать которое могли бы лишь анализаторы, уже заполнило, выпорхнув из какого-то из скрытых резервуаров флагманского унискафа, весь отсек. Газ действовал мгновенно, одного вдоха было достаточно, чтобы человек впадал в полное беспамятство — не навсегда, но на десять-пятнадцать часов, в зависимости от особенностей организма.

Бородач вылез из своего угла, направился в ходовую рубку. Вытащил командира из его кресла, усадил во второе, свободное, тщательно пристегнул. Сел за пульт. Прошло пятнадцать минут — срок, за который газ вырождался; можно вновь освободиться от шлема. Окликнул Маху:

— Коллега, помоги, я тут не очень... У них ведь есть спасательная капсула на борту? Вместит всех?

— Как и полагается.

— Тогда за работу.

Вернув управление вирт-капитану, бородач и Маха вышли в соседний отсек. Усыпленных по одному перенесли в капсулу, усадили в глубокие кресла, пристегнули для безопасности. Никто не проснулся, только один что-то недовольно пробормотал себе под нос.

— Куда их направим — на Главную базу?

— Вот еще! — сказал бородач. — Направим вслед за приливом; с ними ничего не сделается — проснутся, сами решат, куда держать путь. Но до того пусть их коллеги за ними

погоняются в свое удовольствие. Нам важно попасть на ПЗБ первыми, как сама понимаешь. Настроила? Все. Закрываем и выпускаем. Жизнеобеспечение им включила?

— Я же не людоедка, — откликнулась женщина обиженно.

Вернулись в рубку, бородач включил выброс капсулы. На экране проследили, как крохотное суденышко со спящим экипажем бодро устремилось своей дорогой.

— Что же, — сказала Маха своему новому партнеру, — командуй дальше, борода. — Последнее слово она выговорила с явной иронией. — Или хотя бы обрисуй дальнейшие действия — в общих чертах. А то я не очень себе представляю, что теперь нужно делать.

— Позавтракать было бы кстати, — откликнулся он. — Или пообедать, или поужинать — называй как хочешь. Надеюсь, у экипажа этого крейсера имеется хотя бы какой-то НЗ? Или их кормят только на базе?

— Понятия не имею. Поищу, конечно. Но ты ведь знаешь, насколько мы, женщины, любопытны: сначала я все-таки хотела бы услышать, чтобы потом, за едой, было бы уже что-то, о чем можно поговорить. Если тебе трудно, могу начать я: у меня есть несколько вопросов.

— Кто тут старший? Вот то-то. Так что первым спрашиваю я. Где наши пятнадцать — выяснила?

— Смогла. Они не на Главной базе — там я отыскала бы их в два счета. Их держат на ПЗБ — это посадочно-загрузочная база с небольшим штатом и ограниченным доступом.

— Ясно. Твоя очередь. Только сперва давай установим курс.

— Куда?

— В ПЗБ, понятно, куда же еще?

Она мгновение подумала:

— Сделай восемнадцать на румбе, уточним потом.

— Спрашивать ты можешь и разыскивая холодильник, или что тут у них для хранения пищи. Итак?

— Генерал, первое: к чему маскарад? Боишься, что тебя здесь узнают? Вряд ли. И второе: мне не ясно, что это за человек, с которым ты оказался вместе на уборщике? Почему ты решил отпустить его? Он же пират! И снова завладеет кораблем, хотя, по-моему, корабль сейчас нам самим куда нужнее.

Иванос ответил не сразу: он в эти секунды как раз занялся своей внешностью — морщась, отрывал бороду, снимал парик.

— Все тайное, как сказано, становится явным — по прошествии времени. Терпение — достоинство женщины, тебе не кажется?

Он говорил с Махой как со старой доброй знакомой — так оно, впрочем, и было. Но продолжил уже другим тоном — старшего начальника:

— Но сперва по делу: надеюсь, схема этого вашего хозяйства у тебя имеется?

— Все мое ношу с собой, — Маха сопроводила это древнее изречение легким прикосновением пальца к своей голове — примерно к тому ее месту, под которым и помещается у людей мик.

— Делись. Грузи хотя бы на этот дисплей.

Маха повиновалась, объясняя:

— Главная база, так? Здесь — переработка сырья в удобрения. Труба идет к ПЗБ, там садятся танкеры, загружаются и улетают.

— Постой. А это что — в отдалении, и оттуда тоже вроде бы труба — или что это?

Маха пожала плечами:

— Знаю только название: «Цех зоэ», и все. Не думай, что нас тут держат в курсе всех дел...

— И в мыслях не было. Но хоть что-то...

— По слухам, там варится какая-то добавка, которая смешивается с основной массой на стыке малой и большой труб. Но не каждый раз, а... Ну да, как я раньше не сообразила... Лишь тогда, когда ожидается танкер вне расписания. Слушай, получается, что...

— Стоп. Общая картина ясна. Ты хотела спросить о чем-то? Давай быстро.

— Насчет этого человека. И по поводу твоего маскарада. Это проявление генеральского чувства юмора?

— Что же тут непонятного? По-моему, все совершенно ясно. Маскарад — чтобы не опознал как раз этот парень. Он-то меня знает давно.

— Он прибыл на известном тебе корабле. Нашем! Но как он в него попал?

— Ты же с ним встречалась. Он что, не объяснил тебе?

— Я сперва подумала, что это наш человек. Но он не ответил на пароль — насчет лестницы на дороге; значит, чужой. Он явно захватил корабль — так я поняла. Где, когда? И в таком случае почему все же ты его выпустил?

— Ого, сколько вопросов! Отвечу так: человек наш, но не в курсе происходящего. И здесь у него свои дела. Он очутился тут вместе с женой... Они должны были получить задачу, уже оказавшись здесь. Но, как ты знаешь, Ардиг закрыли для связи. Так что пришлось лететь мне самому...

— Это мне известно.

— Когда он направлялся сюда, я и не думал, что дела станут поворачиваться таким образом: информация, заставившая нас изменить планы, дошла до меня уже после того, как эти двое были отправлены. Тогда мне еще казалось, что до этого мира наш интерес дойдет значительно позже.

— Значит, надо этого мужика подключить к делу.

— Сейчас ничего не получится. Его жена попала к вам, и пока он не сможет выручить ее, я опасаюсь даже встречаться с ним: человеком он бывает крутым, и не только в словах, но и в поступках.

— Тогда давай поможем ему в его деле — и пусть потом оба поработают на нас.

— Такая мысль у меня была. Но тут обстановка изменилась — причем не в нашу пользу. Потому что мы не можем предпринять ничего, пока пятнадцать заложников в их руках, иначе поднимется шумиха на всю Федерацию: мы ведь здесь и в самом деле не совсем легально, и внешне это выглядит так, что мы мешаем мирному частному производству — люди варят удобрение, нужное многим мирам, а мы тормозим...

— Но ведь так и есть — это правда. Танкеры регулярно садятся и увозят...

— Правда, но меньшая ее половина. Ты можешь мне объяснить — а что грузят и увозят нерегулярные танкеры? «Триолет» — я успел заглянуть в его журнал — по пути сюда как раз встретился с таким. То есть, кроме этого химического навоза, вы тут гоните и что-то другое, кажется, в нем-то и кроется все дело. Ты и сама только что это поняла. Но чтобы окончательно разобраться, нужно заполучить то, что варят на этой кухне.

— Что же ты задумал? Объясни.

— Тут, собственно, объяснять особо нечего. Замысел был такой: прежде всего освободить наших. С их помощью, когда приближающийся нерегулярный танкер сядет, захватить его, загрузить и отправить — уже по новому, нашему, адресу. На этом, собственно, наша операция и закончилась бы — во всяком случае, начальный ее этап. Дальше эстафету перехватили бы ученые, за ними — политики...

— По-моему, разумная диспозиция. Что же изменилось?

— Расчет времени. И, скорее всего, мы сами все испортили: уходя с уборщика, не вернули его в режим автоматики. И вот мы здесь, а он болтается, бездельничая. Следовательно, процесс нарушился, танкер вовремя не будет загружен, из-за сокращения того, что тут называется площадкой: то есть периода спокойной и ровной воды на пике прилива. Танкер вынужден будет задержаться до полного отлива. Дело для них, видимо, очень серьезное, они заподозрят, что кто-то вмешался, и сразу объявят тревогу. Тем более что и наша дама ухитрилась сбежать... Одним словом, тихо-мирно уже не получится.

— Ну и пусть.

— Маха! Подумай. Если мы к тому времени уже завладеем ПЗБ, никто не помешает Главной базе запросить вышестоящих о помощи — и помощь эта успеет прийти, когда транспорт будет еще стоять на грунте. Помощь будет прислана весьма ощутимая, против которой нам с тобой не выстоять — даже и с нашими пятнадцатью молодцами. И, в лучшем случае, мы сможем разве что унести ноги, но не получим ни транспорта, ни его груза, ни, следовательно, ничего из дальнейших результатов, на какие рассчитывает наш мир — и не только он один.

— Что мы сейчас должны делать? Или ничего не можем?

— Обязаны. И будем. Хотя бы потому, что такая ситуация не повторится: для того чтобы не допустить чужого проникновения, тут быстренько создадут военную базу, и даже такие вроде бы невинные акции, как неразрешенная посадка одного кораблика, станут невозможными без вооруженного конфликта. Не говоря уже о том, что после некоего политического события такие операции просто утратят свой смысл. Слушай, все-таки как там насчет поесть?

— Ты вовсе задурил мне голову. Я начинаю думать, что вообще никакого выхода из ситуации нет...

— Он существует.

— Какой же? В чем он?

— Не знаю. Но он есть. И мы найдем его. Обязаны найти.

— А сейчас — сейчас что делать? Учти: я хочу, чтобы у нас все получилось. Хочу домой. Мне здесь надоело — ты не представляешь, до какой степени. Так что давай начнем что-то делать. Пожалуйста!

— Что-то делать, конечно, мы можем уже сейчас. В частности, транспорт надо брать, как только он сядет. В любом случае в наших руках это будет едва ли не козырным тузом. В данный момент эскадрилья перехватчиков гоняется за сбежавшей женщиной; к сожалению, они быстро отыщут ее и сразу же направятся к ПЗБ для обеспечения благополучной посадки и защиты транспорта от каких-либо неприятностей с нашей стороны. Следовательно, эскадрилья будет находиться на ПЗБ — и это может помешать нам овладеть этой базой, освободить наших, и так далее. Значит, главная задача: не позволить эскадрилье занять позиции на ПЗБ. И это нам по силам. Это мы и начнем делать прямо сейчас.

Ты немедленно установишь связь с эскадрильей и будешь постоянно прослушивать обмен в эфире. Наведем перехватчики на якобы удирающую капсулу: им вряд ли известно, что в ней находится вовсе не сбежавшая женщина. Думаю, они потратят какое-то время на то, чтобы догнать, захватить и разобраться. Надо только убедить их в том, что именно эта капсула им нужна. Вот это время и есть наш резерв, и мы должны его использовать до последней секунды. Сейчас срочно возвращаемся к уборщику, включим его автоматику — пусть себе стрижет флору, пусть процесс идет нормально, в полном спокойствии.

— Меняю курс на обратный.

— А поесть ты дашь, в конце концов?

— Господи, как все-таки примитивны мужчины — даже лучшие из них...

Глава одиннадцатая

1

«Транспорт «Маркиз Пит» — генерал-максимату Системы.

Вышли в нормальное пространство. Через восемь часов ляжем на кольцевую орбиту вокруг планеты. У меня имеется приказ в случае малейшей неуверенности посадку отменить и под погрузку не становиться. Однако указано, что некоторые изменения обстановки делают крайне желательным срочное завершение текущей операции и переход к следующей.

Если в течение конвенционных суток мною не будет получено сообщений о полной безопасности посадки и погрузки, вынужден буду возвратиться в Простор и запросить Штаб Системы о дальнейших действиях. Могу лишь добавить, что нормальному развитию операции такой задержкой будет нанесен серьезный ущерб.

Конец официального сообщения.

Неофициально: эй, ребята! Не верится, что у вас там могут быть какие-то серьезные проблемы. Уверен, что дадите «добро» на посадку и прочее. Кстати, посидим с приятностью — я прихватил с собой кое-что специально для такого случая. Не роняйте слюни!

Капитан Узер Мо».

«Капитану Узеру Мо, борт танкера «Маркиз Пит».

Имело место несанкционированное проникновение на поверхность планеты, помимо тех, о которых мы сообщали перед последним вашим визитом, еще двух разведчиков, предположительно с Теллуса, в настоящее время завершается операция по их ликвидации. Сомнений в ее успехе нет.

Поэтому, если на орбите вы не получите от нас запрещения, смело садитесь. Продукта достаточно, чтобы закачать его по самые горловины. Во всяком случае, безопасность пребывания и рестарта вашего корабля будет стопроцентно обеспечена.

Если возьмем разведчиков живыми, покажем их вам перед тем, как выпить за наши общие успехи.

Итак, мягкой посадки! Генерал-максимат Изод».

2

Лючана, в общем, представляла себе, что сейчас произойдет. Сперва крышка наверху уйдет в сторону. Платформа с капсулой поднимется и остановится лишь тогда, когда собою закроет наглухо входное отверстие. Тогда медленно, пройдя через тормозящие устройства, узкий стакан, в котором капсула окажется, станет заливать вода, вытесняя воздух. Откроется внешняя крышка. Платформа снова двинется, выдвигая капсулу из стартового стакана. Капсула отделится, всплывая. Под ней крышка люка

встанет на место. Платформа, играющая роль поршня, выжмет воду, возвращая на место вытесненный воздух. Найдя нужную клавишу — да вот она! — нужно будет нажать ее, отправляя автопилот в отставку, затем мягко, словно лаская, обнять пальцами ручку управления, осторожно подать вперед сектор скорости — вот он, никуда не делся! — и капсула двинется, стремясь увеличить расстояние между собою и базой. Потому что ждать погони придется недолго — в этом Лючана была уверена. Подальше. И повыше. А куда потом — ну, скорее всего, сама драка покажет — та, в которую все они (подумала она) ухитрились, сами того не желая, ввязаться по самые уши...

Все это она как бы увидела уже происходящим, даже происшедшим. Но получилось совершенно не так.

Крышка стартового люка наверху так и осталась неподвижной, отказываясь открыть Лючане путь на волю.

Но капсула не осталась на месте. Подхваченная сверху грейфером, она приподнялась над опорной площадкой и, едва заметно колыхаясь, поплыла в воздухе куда-то в сторону.

— Да не туда! — невольно вскрикнула Лючана. — Не так!..

Система «Грейфер — капсула» осталась безучастна к ее возгласу. Все так же равномерно смещалась в сторону непонятно зачем. Неужели все-таки ловушка? Они и это рассчитали? Тогда... Тогда...

Лючана нажала клавишу автопилота, надеясь, что спятивший прибор отключится и она сможет хотя бы высвободиться из негостеприимного кораблика. Но автопилот на это действие никак не отреагировал — видимо, начав какую-то операцию, обязан был и завершить ее, независимо от желания водителя или, скорее всего, лишь пассажира, каким почувствовала себя Лючана.

Что же, по старинному присловью остается расслабиться и получить максимум удовольствия? Нет, черта с два! Действовать быстро и решительно! Навязать тупоумному устройству свою разумную волю...

Неизвестно, что предприняла бы Лючана, начни она действовать по такой программе. Но она не успела. В переднем иллюминаторе — он в этой капсуле заменял привычный экран — как-то вдруг возникла переборка, быстро приближающаяся. Что этот идиот — собирается разбиться вместе с нею, ударившись об стенку?

Нет, идиот не собирался. Переборка распахнулась вдруг, выдвинулась площадка, размеры которой как раз соответствовали габаритам капсулы. Грейфер мягко и точно уложил капсулу, перед тем ухитрившись перевести ее в горизонтальное положение. Уложил вроде бы на кильблоки. Площадка вместе с капсулой вползла обратно в стену. Остановилась, а капсула вместе с Лючаной продолжала движение — похоже, включился транспортер. Засветился правый экран: «Контроль трассы включен». Лючана сидела неподвижно, на всякий случай ухватившись за подлокотники

кресла, ожидая возможных толчков, ударов — мало ли чего. Происходящее чем дальше, тем становилось менее понятным. Движение пошло под уклон, заметно убыстряясь. Потом резко замедлилось. Правый экран сообщил: «Вход в трассу. Отмена?» — «Да, да, — закричала Лючана, — отмени, пожалуйста, вернемся в отсек!». Но, наверное, следовало сказать или сделать что-то другое, а на ее просьбу никто и никак не отозвался, надпись погасла, возникла другая: «Вход открыт». И еще через секунду: «Инспектор-система включена. Обратная связь?» Одновременно одна из левой группы клавиш засветилась. Сдаваясь, Лючана нажала ее. Раз не получилось побороть систему, следовало к ней приспосабливаться, налаживать дружеские отношения вплоть до момента, когда возникнет шанс — а он ведь обязательно возникнет, правда?..

Капсула между тем снова двинулась, сползая все ниже. «Ох!» — только и выкрикнула Лючана. Через иллюминатор она увидела впереди нечто странное: что-то зеленое, текущее, густое, куда капсула, похоже, собиралась нырнуть. И в следующий миг действительно нырнула. Лючана невольно поежилась, словно это она сама, без всякой защиты, плюхнулась в кисель. Но, к счастью, внутрь не проникло ни капли.

Ну что же, куда-то ее везут, пусть и непонятно куда, но, во всяком случае, все дальше от того места, где ее искали и, наверное, все еще ищут. «Ау, мальчик Идо! Тебе полезно побегать, донжуан провинциальный, чтобы понять, что не ты тут самый умный...

Интересно, а эта субстанция снаружи — съедобна? Стоило чуточку расслабиться, как сразу захотелось есть. А нечего. Ладно, вот доберусь до корабля — и устроим мы с Ра пир на весь мир. На первое я вскрою, пожалуй, крабовый салат..: Интересно, а здесь крабы водятся? Такой океан — обидно будет, если их не окажется, столько воды пропадает зря: живности в ней немного. Интересно почему?

Что же будет дальше? Во что же это меня угораздило вляпаться? Приборная доска; полдюжины разных окошек — что же это они показывают? Надо разобраться, пока есть такая возможность. А то как-то тревожно. Даже есть расхотелось...»

3

Дежурный оператор был очень встревожен.

— Соединение с генерал-максиматом, срочно! По тревоге!

Отклик последовал мгновенно:

«Что там у вас произошло, оператор?»

— Докладываю: в то время, когда уборщик возобновил нормальную заготовку сырья, произошел самопроизвольный запуск в Магистраль контрольно-ремонтной капсулы. Это грозит новыми значительными нарушениями процесса заготовки, самое малое — его длительной приостановкой.

«Надеюсь, вы уже приняли меры?»

— Генерал-максимат, я сейчас не могу ничего предпринять: капсула в потоке, следовательно, вход в трубу заблокирован — и блокировка сохранится, пока капсула не пройдет по всей Магистрали и не будет принята на ПЗБ. Только после этого...

«Это мне известно. Оператор, ничего хуже вы не могли придумать. Транспорт на подходе, необходимо срочно завершить выпуск продукта, любая помеха может сломать наш график — вы ведь представляете, как мы ограничены по времени из-за этого чертова двойного прилива: время спокойной воды сокращается чуть ли не втрое, счет на минуты и секунды, а вы тут...»

— Генерал-максимат, позвольте напомнить: я никоим образом не причастен к этому выходу капсулы, его предприняли, пользуясь автоматикой самой капсулы, как делается при аварийных ситуациях. Так что...

«Пустой разговор! Вы... Минуту, обождите».

— Жду.

«Да, вот последняя информация: в капсуле — человек. Теперь все ясно. Это диверсант, которого мы упустили. Вы действительно в этом не виноваты. Но положение надо спасать. Немедленно, чтобы успеть закончить производство продукта, довести до нужного количества. Что тут можно предпринять, оператор?»

— Есть возможность: остановить производство, осушить трубу путем ее продувки; если подать нужное давление, то капсулу быстро пронесет по всей Магистрали и выбросит в приемную систему ПЗБ. После этого — возобновить работу.

«Сколько времени это может занять?»

— Возможно, часа три — три с половиной. Если только...

«Долго, очень долго. Если — что?»

— Если только в капсуле находится достаточно опытный пилот. Потому что при продувке Магистрали капсула практически перестанет слушаться руля. Чтобы она не перекосилась и не застряла, нужно обладать высоким пилотским мастерством — отсюда ведь она не управляется...

«Не думаю, что там сидит именно такой пилот. А если она застрянет — как скоро можно будет ее извлечь?»

— Сложно сказать, генерал-максимат. Во всяком случае, значительно больше трех часов.

«Не годится. Найдите другой способ. Чтобы не прекращать производство, в крайнем случае несколько замедлить скорость прокачки, не более того. Слушайте, на ПЗБ ведь тоже есть какие-то ремонтные средства, в том числе и своя капсула, не так ли? Если использовать ее...»

— В принципе, можно. Но риск представляется мне неоправданно большим. Предположим, там, в Магистрали, произойдет столкновение этих капсул — тогда закупорка Магистрали будет практически полной, и...

«Понял. Отставить капсулу. Чем еще можно воспользоваться?»

— Ну, пожалуй... Там, на ПЗБ, кроме капсулы, есть ремонтный костюм — пользуясь им, можно находиться в потоке продукта. Так что если одеть человека вооруженного и выпустить навстречу капсуле, то он сможет, я думаю, справиться с одним диверсантом. Затем займет пилотское место и даст капсуле задний ход, чтобы она возвратилась сюда, к нам. А уж тут мы ее без особой сложности извлечем из Магистрали. Хотя...

«Быстрее, соображайте быстрее!»

— Если это действительно диверсант, то что именно он собирался — или собирается — предпринять? Вывести из строя Магистраль? Каким способом? Если путем взрыва, то он должен быть самоубийцей. Я вижу только один способ сорвать производство и уцелеть самому: заложить заряд не в главную Магистраль, а в специальную, закрепить его там, а самому уходить по главной на самой высокой скорости в любую сторону: вперед, назад... Спецмагистраль достаточно узка, потребуется не так много взрывчатки, и в большой трубе вполне возможно будет уцелеть. Если я прав, то капсулу надо перехватывать, пока она еще не добралась до тройника. Если не медлить, можно успеть.

«Перекрыть зоэген? Хотел бы я знать, кто тут посмеет медлить!»

4

Итак, я снова оказался на борту, освободился от порядком утомившего меня, хотя и более чем полезного, унискафа, распахнул камбузный холодильник (смешно, право же, таскать в космос свой холодильник, когда за бортом этого холода немерено; но тот холод слишком уж крут, да и устраивать систему его использования сложнее и дороже, чем поставить самый обычный рефрижератор) и стал глотать все подряд, что попадало под руку. Но даже усердно ворочая челюстями, я не отвлекался от дела.

— «Триолет»! Приготовься к созданию новой программы для решения тактической задачи.

«В полной готовности».

— Даю обстановку. Необходимо: первое — найти в радиусе...

Тут я на несколько мгновений умолк, еще раз прикидывая. После всех приключений состоявшихся и в предчувствии тех, что еще только предстояло пережить, я не был уверен в математической точности моего мика. Он все-таки устройство в основном биологическое, и состояние моей нервной системы, так же как общий тонус, может повлиять на его не только оперативные, но и просто арифметические способности. Лучше перестрахуюсь. «Триолет» тут все это время, фигурально выражаясь, поплевывал в потолок — вот пусть теперь потрудится в поте своих кваркотронных микрочипов.

— Отставить. Задача первая: вычислить, на каком расстоянии от нас находится плавсредство одиннадцатого

класса — спасательная капсула. Время старта (я прикинул) около двух часов тому назад, плюс минус тридцать... нет, двадцать минут, максимальная скорость...

Черт его знает вообще, что тут у них за капсулы, их во Вселенной существует множество моделей, и скорость их варьируется от пяти до пятидесяти узлов. Мне бы подумать об этом чуть раньше — и я без труда получил бы нужные цифры у Махи: не бог весть какой секрет. Но что было, то прошло. Наверное, взять среднее значение будет самым правильным.

— Скорость до тридцати узлов. Курс неизвестен.

Он думал недолго. Точнее, вообще не думал, а сразу, мгновенно, и, кажется, даже с радостью выдал мне такой ответец:

«Данный мир не располагает кораблями одиннадцатого класса со скоростью до тридцати узлов».

— Да ты-то откуда знаешь?! — не выдержал я — спросил, словно спорил с человеком. «Триолет» мог бы и не понять вопроса. Однако пояснил:

«Информация имеется в моей общей программе действий».

«Вот те раз, — подумал я. — Кто же тот светлый ум, который заранее понял, что здесь придется сталкиваться с капсулами? А что он еще понял? Может, он знает даже, куда мы сейчас должны взять курс, чтобы оказаться в нужное время в нужном месте?»

— Кем, когда и где введена твоя общая программа действий?

«Информация секретна. Введите код допуска».

«Все играем в секреты? М-мать... Ну нет у меня сейчас времени, чтобы тебя взламывать. Да я и не такой уж специалист в этом деле. Ладно».

— Какова максимальная скорость капсул в этом мире?

«Двадцать два узла».

Вот как. Как? И хорошо, и плохо. Хорошо — потому что она успела в любом случае уйти не так уж далеко — ближе, чем я предполагал. Быстрее доберемся. А плохо, что и перехватчики — три, потом еще два и, наконец, тот, последний, на котором должны находиться мой Дикобраз и его, с позволения сказать, дама сердца, — все они тоже настигнут ее быстрее, чем хотелось бы. Их окажется шесть против одного. Ну, пусть даже пять: нигде не сказано, что знакомая мне парочка намерена присоединиться к группе, у бывшего напарника есть ведь какая-то собственная задача, ее он и бросился сейчас решать, Маха ему не помеха, а Лючана — вообще звук пустой, я потому и не просил у него помощи, что прекрасно понимал: получу отказ — прямой или, в лучшем случае, слегка причесанный: мол, как только обделаю свои дела, буду в твоем распоряжении, а до тех пор — извини, но сам понимаешь, не мальчик... Не мальчик, да. И понимаю. Тем быстрее надо работать.

— «Триолет», задача вторая: в пространстве с радиусом, равным наиболее возможному расстоянию до капсулы,

обнаружить ее, а также группу перехватчиков — кораблей шестого класса, ведущих поиск капсулы или уже держащих курс на нее. Определить курс и скорость шестерок. Сразу после обнаружения капсулы взять курс на нее и идти на сближение с нею с максимальной скоростью. Все выводить на большой дисплей, а также информировать меня голосом. Выполнять!

«Докладываю: в радиусе пяти миль ни одна из заданных целей не обнаружена».

Он что — издевается?

— «Триолет», кто ограничил поиск пятью милями?

«Находясь в существующем режиме наибольшей скрытности, не имею возможности вести поиск более удаленных объектов».

Господи, ну конечно же. Слаб я стал головой, он тут ни при чем.

— «Триолет», приказываю: все ограничения снять. Из незримости выйти. Использовать любые средства поиска для выполнения поставленной задачи!

«Выполняю в допускаемых программой пределах».

Ну, и на том спасибо. Жаль, нет времени добраться до этой самой программы и разобраться с нею. Сейчас дела поважнее. Рискую, конечно. Теперь нас будет видно, слышно и — следовательно — возрастает риск. Но другого выхода нет.

«Докладываю: обнаружен одиночный корабль шестого класса, идентифицирован как всестихийный перехватчик. Скорость сорок, идет контркурсом. Преследовать?».

А на фига он нам сдался? Это напарник с Махой спешат куда-то по его делам, не по нашим. Но «Триолет», похоже, взялся за ум: подчиняется беспрекословно, не то что раньше.

— Сохранять место. Продолжить поиск.

«Выполняю. Вижу плавсредство одиннадцатого класса, соответствующее разыскиваемому. Идет двадцатиузловым ходом, курс — восемнадцать. Наблюдаю также группу из пяти кораблей шестого класса, однотипных с предыдущим. Курс в данное время меняется с двадцати четырех на двадцать три... два... двадцать... установился на восемнадцати румбах».

Но я и сам уже увидел на левом экране что-то, кроме темного фона. Увидел не в оптических частотах, понятно, а в радарных. Но и на том спасибо. Так. Вот она — капсула с Лючей. А вот и преследователи. Они идут уступом, метров на семьдесят... нет, на семьдесят пять выше, и плавно, плавно выбирают глубину, приближаются к поверхности. Зачем? По-моему, причина может быть лишь одна: сами ли увидели или то звено, первое, обнаружило и сообщило по связи — но им известно, где находится капсула, и они взяли курс прямо на нее. Однако она, к счастью, куда ближе к нам, чем перехватчики. Да и ход у нас побыстрее. Ну и прекрасно — это облегчает нашу задачу. Люча, считай, что ты уже в безопасности...

— «Триолет», вычисли точку пересечения с курсом капсулы и полным ходом к ней.

«Изменяю курс для сближения с обнаруженной капсулой».

— Не упусти ее из виду. И продолжай наблюдать остальных.

«Выполняю».

Так. Одна задача вроде бы решается. Но лишь наполовину. Потому что шестерки — не очень-то значительная сила, но — вооруженная. И если они приблизятся на расстояние действенного огня, боя не избежать. А у нас — что есть у нас, кроме горячего желания выиграть схватку? Антиграв-бомбы? Они всем бы хороши, только слишком широко захватывают, и в зреющей обстановке погибнут и правые, и виноватые. Не годится.

А без схватки никак не обойтись. Ну ладно, предположим, мы вновь возвратились в режим незримости, затем, невидимые и неслышимые, нагнали их, обошли, максимально приблизились к Лючане. По ней ведется огонь. Значит, становится неимоверно большой возможность попадания в нас — ведь все пространство вокруг нее неизбежно окажется поражаемым. Шестерочники, конечно, будут немало удивлены, когда вроде бы из ничего возникнут обломки «Триолета» и фрагменты моей бренной плоти. Но удивление их будет приятным, а Лючана окажется окончательно обреченной: больше некому будет вступиться за нее...

«Докладываю: предполагаемая точка пересечения курсов и плоскостей движения находится в пятнадцати милях от нас, двадцати двух от них».

Отлично! Однако есть и риск. Никто ведь не обещает, что капсула Лючаны будет сохранять взятый курс. Она, конечно, понимает, что ее будут преследовать, догадывается, что преследование будет вестись оттуда, откуда стартовала она сама. Но не совсем понятно вот что: куда она может бежать с базы? У Лючаны тут есть лишь одно убежище: «Триолет». Почему же она не держит курс туда, где находимся мы с кораблем, а, наоборот, идет почти в противоположном направлении? Не смогла обнаружить нас? Но должны же быть на капсуле нужные устройства! Скорее можно предположить, что она, зная о погоне, пытается увести ее куда-то подальше от возможного места нашей встречи, а потом каким-то хитрым финтом стряхнуть преследователей с хвоста и тогда уже повернуть к нам. Но у нее это не получится: их шесть, и они, конечно, гонятся за нею не колонной, так что куда бы она ни кинулась — хоть один, да не упустит ее. И скорость у них выше, чем у нее. Нет, ее необходимо встретить как можно скорее, втащить в корабль, а там видно будет: уходить или принять бой.

— «Триолет», держи скорость на пределе. Продолжай наблюдение. И внимательно слушай. Капсула должна выйти на связь на нашей частоте.

«Выполняю. Капсула в эфир не выходит».

«Страж-первый — Стражу-шестому. Почему до сих пор не заняли место в строю? Сообщите свое местонахождение и немедленно подключайтесь к преследованию угнанной капсулы. Комэск».

— Что ответим, генерал?

— Отбей: «Задерживаемся по причине отказа рулей глубины, заняты ремонтом, об окончании работы доложим. Страж-шесть». Думаю, хватит с них этого.

Маха вышла в эфир, передала.

Пять перехватчиков уже не виднелись впереди — на предельно допустимой скорости они устремились вдогонку обнаруженной капсуле.

— Ну, как самочувствие, боевая подруга?

— Давно мне не было так весело, — ответила Маха спокойно. — А то я уже стала закисать от скуки.

— Скоро будет еще веселее. Ладно, беремся за дело. Смотри: кто-то снова занял частоту. Послушай, что там и как.

«Командиру эскадрильи перехватчиков.

Отставить преследование капсулы. Совершившая побег женщина на самом деле находится в контрольно-ремонтной капсуле в системе Магистрали. Немедленно направляйтесь к Посадочно-заправочной базе и готовьтесь к сопровождению и охране приближающегося специального танкера. Генерал-максимат системы «Сотворение».

— Ничего себе!

— Да. Чем дальше в лес...

— Это нам сильно портит картину, генерал?

— То, что супружница нашего мужика оказалась в Магистрали? Еще как!

— А что такого? Пусть себе...

— Если бы. Беда в том, что — схема ясно показывает — капсула в трубе неизбежно приведет к сбою в производстве загадочного продукта, а он-то нам и не нужен. Стоит ей хотя бы случайно перекрыть малую трубу — им придется прервать процесс, пока они будут вытаскивать ее оттуда и восстанавливать проходимость трубы. Теперь вообще трудно сказать, на какое время затормозится производство...

— Зоэгена.

— Так он называется?

— Выходит, эта дамочка испортила нам всю музыку?

— Ни она, ни Разитель не в курсе здешнего производства, так что винить их не в чем — скорее уж меня, но и я все сообразил вот только что, на ходу. Честно говоря, никогда не

приходилось видеть операцию, подготовленную хуже этой, не говоря уже о том, чтобы в ней участвовать. Хотя Ра с Лючаной наверняка именно так считают. Придется менять планы. Я рассчитывал в ближайшее время — как только танкер сядет — использовать наш корабль для его захвата, но после этого поворота пока оставляю «Триолет» в их распоряжении — до тех пор, пока мы сможем хоть как-то обходиться без него. Будем перекраивать.

— Готова. Давай пройдем задачу поосновательней, — предложила Маха.

— Задачка остается прежней, — произнес ее собеседник с некоторой задумчивостью в голосе. — Подождать, пока они тут спокойно посадят танкер, прилетевший за зоэгеном. Позволить закачать в него груз. После этого перехватить его — нейтрализовать экипаж, посадить наших ребят и улететь — разумеется, не туда, где его с нетерпением ждут, а куда нужно нам.

— Задача и правда пустяковая, — согласилась Маха. — А можно было бы и еще проще: столкнуть всю эту паршивую планетку с орбиты и отбуксировать туда, куда захотим. Вместе с танкером, с продуктом и всем прочим. Как тебе такой вариант?

— Чувствую, — сказал он, — что тебе и правда весело.

— Куда уж веселее, — согласилась Маха. — Потому что возможности наши что для одного варианта, что для другого практически равны нулю.

— Откуда такая грусть?

— Ты тут человек новый, — напомнила она, — а я давно обжилась. И знаю: для того чтобы осуществить твой план, или как его еще назвать, нужно всего ничего: во-первых, как мы с тобой возьмем ПЗБ — приступом? Ты да я? Да еще без «Триолета»? В пешем строю? Не очень-то верится: танкер еще не успеет сесть, как все перехватчики займут позиции вокруг него — каким же образом ты собираешься его штурмовать? Брать на абордаж? Перехватчики расстреляют нас, едва мы высунемся из-под купола. Слушай, ты что, действительно не видишь, насколько это все нелепо? Невероятно? Наивно? Уязвимо во всех пунктах? Видишь, конечно. И любой увидит. Скажи, пожалуйста: ну к чему такая срочность? Почему надо угонять именно этот танкер? Почему не следующий? У кого там, наверху, свербит до такой степени? Ясно же: это все кончится ничем — нас перебьют, вот и весь результат. Хочешь совершить самоубийство? Это можно сделать куда проще...

Генерал Иванос выдержала паузу, прежде чем ответить:

— Что же, есть и такой вариант: в крайнем случае танкер уничтожить. Так или иначе, не позволить ему уйти по их адресу. Именно этому кораблю, а не следующему. Почему? Есть на то серьезные причины, когда-нибудь ты их узнаешь. А пока нам известно вот что: шансы наши действительно не лучшие в мире. Но другого пути нет. Ну все. Пора делать так, как я сказал. То есть успеть на ПЗБ раньше, чем туда попадет эскадрилья. А там,

если понадобятся коррективы, будем решать по ходу действия. Не маленькая девочка, опыта у тебя достаточно. У меня тоже.

Маха лишь пожала плечами:

— Сделаю все, что смогу.

— Напоминаю еще раз. Пришвартовались. Вышли. Вошли в базу. Твои допуски, надеюсь, продолжают действовать?

— Пока — да.

— То, что нужно. Значит, войти ты можешь своими силами, без всякой помощи изнутри. Я верно понимаю?

— Такая возможность есть у каждого человека группы.

— Итак, вошли. И притихли до самого прибытия танкера. Найдется на этой базе такой закоулок?

— Есть помещение охраны. Войдя легально, сможем там и переждать. У нас ведь будет объяснение: прибыли для усиления охраны при посадке и заправке танкера. На ПЗБ постоянных охранников всего двое, я их знаю.

— Ты — начальник, я — подчиненный. Все ясно, годится. Дальше — несем службу, пока танкер не загрузят под завязку. И только тогда идем к пятнадцати заложникам. Освобождаем их. С ними обеспечиваем захват танкера и старт.

— Слушай, — уже другим тоном проговорила Маха после паузы, — а что будет с этими, как их... ну, с этим твоим напарником и его женой? Ты не собираешься выручать их? Раз уж они, как ты сказал, наши...

— Оставим это ее мужу. Иначе она смертельно обидится на него, а он — на нас с тобой...

— А ему по силам вытащить ее? Ты уверен?

— Если не сможет — это будет первой его неудачей во всей карьере, — ответил генерал.

— И все же, — заявила Маха решительно, — помощь ему нужна. Хоть какая-то. Понимаешь, я перед ними обоими вроде бы виновата. Так что постараюсь облегчить его задачу. Не бойся: это займет пару минут, не больше.

И она нажала клавишу на пульте связи. Но вскоре признала:

— Ничего не получается. Он где-то в других частотах, общее прослушивание выключено.

— Поставь вызов на автомат. И не рыскай на курсе: у эскадрильи мы выигрываем от силы полчаса, не больше.

— Идем на пределе скорости, — откликнулась Маха. — Успеть-то мы успеем. А там?

— А там, как всегда, игра покажет. Я надеюсь, эта посудина оснащена вирт-капитаном? Ты должна это знать.

— Я и знаю. Не забудь: я хорошо подготовленный офицер безопасности Системы. Только зачем тебе автоматика?

— Попадем на базу — надо будет дать ему программку, чтобы отошел в сторонку и ждал вызова по коду — по нашему, конечно. Можешь сочинить?

— Само собой, это ведь не генеральское дело — лепить программы, а наше, мелкой сошки.

— Лейтенант, я ведь могу и обидеться...

6

Мои попытки как-то установить связь с капсулой, в которой была Люча, ни к чему не привели: то ли ее аппаратура выключена, то ли вышла из строя. Но я надеялся, что она вот-вот заметит меня, поскольку, приблизившись на расстояние полукабельтова, я попросил «Триолет» выйти из режима незримости, так что не увидеть корабль мог разве что слепой. Я, естественно, ожидал, что сразу же после этого Люча уменьшит скорость или хотя бы помигает огнями; ничего похожего не произошло, и я серьезно забеспокоился: может быть, она потеряла сознание и этим объясняются все странности — и курс, и молчание? В самом деле, никто ведь не сообщал, в каком состоянии ей удалось ускользнуть с базы, она могла быть ослабевшей после допросов с пристрастием, могла даже получить ранения... Так или иначе, видимо, рассчитывать на нее не приходилось, надо было действовать самому.

— «Триолет», можешь ты принять эту капсулу на борт? У тебя ведь имеется соответствующее приспособление?

«Данное приспособление занято моей спасательной капсулой. Запасными камерами не оснащен».

Жаль, но ничего не поделаешь. Придется снова влезать в унискаф, тащить с собой второй костюм — для Лючаны, поскольку переходника к здешней капсуле у меня нет, там она оденется или я сам как-нибудь ее одену, вытащу, переправлю на корабль...

«Преследуемая капсула на траверзе».

— «Триолет», сближайся и осторожно примагнить капсулу к себе. Я выйду, чтобы перевести оттуда человека к тебе на борт.

«Выполняю».

Пока я одевался и вытаскивал унискаф для Лючи, «Триолет» приблизился к капсуле, уравнял скорости и соприкоснулся с нею так осторожно, словно она была куриным яйцом. Умница «Триолет»! Я так и сказал ему, прежде чем шагнуть в выходной тамбур.

Медленно подплыл к люку. Подрейфовал с минуту около него. И, злой до невозможности, вернулся на борт. Потому что слишком поздно сообразил: спасательная капсула не приспособлена для входа-выхода в погруженном состоянии. На крохотном суденышке нет входного тамбура, в него можно войти или из него выйти только в атмосфере!

— «Триолет», выпусти за борт твою капсулу и вместо нее прими ту, что мы догнали. Это приказ!

«Запрещено программой. Отказ».

Ну просто идиотизм. Глупее быть не может: теперь, когда я наконец догнал ее...

 А хотя...

— «Триолет»! Поднимайся на поверхность. И не отпускай пришвартованную капсулу.

Я боялся, что он и тут заартачится. Странно, однако он согласился:

«Выполняю».

Включил антигравы и пошел на всплытие. Слава богу. Уж там-то я Лючу как-нибудь перетащу.

7

Главный портал ПЗБ — Посадочно-загрузочной базы — выдвинул большой рукав, и одинокий перехватчик подошел к пока еще закрытому зеву переходника.

Высадка прошла без происшествий; появившаяся под куполом женщина — второй медиат группы безопасности — и сопровождавший ее охранник оказались единственными людьми, покинувшими перехватчик. Она тут же объяснила несколько удивленному минимату-три, начальнику безопасности ПЗБ:

— Экипаж обождет подхода всей эскадрильи.

Минимат не только согласно кивнул, но и высказал предположение:

— Вы, наверное, прибыли для усиления охраны при посадке и загрузке? Очень кстати. А то тут идут разговоры о диверсантах, я уж и не знал, как быть. Нас ведь двое всего, везде не успеть.

Женщина ответила не моргнув и глазом — быстрота реакции у нее была отменной, как и полагается профессионалу:

— Именно для этого. Не тревожьтесь: поможем. С диверсантами сейчас разбирается эскадрилья, потом придет сюда, и будет полный порядок.

— Хорошо бы они подошли побыстрее, — сказал местный минимат. — До посадки остается всего ничего, а с нынешним приливом шутки плохи. Пойдемте, я вас познакомлю со схемой охраны.

— Подойдут, — заверила его Маха. — Пошли.

Агент безопасности успокоился: контролеры с Главной базы (именно такими и являлись, по его твердому убеждению, оба прибывших, разговоры насчет усиления и прочего — обычная вежливость, не более того) убедились, что в зоне его ответственности все в лучшем виде — о чем и доложат наверх. Надо надеяться, что и внутри базы люди не подведут, если там что-нибудь окажется не так.

А доставивший двух агентов безопасности перехватчик, высадив их, сразу же отстыковался от базы и отошел, направляясь, как подумал местный служака, на соединение с эскадрильей, но это его не касалось и потому не заботило.

8

Мне показалось, что я уже самое малое лет сто не видел неба; пусть на самом деле и двух суток еще не прошло с начала вынужденного погружения, а может быть, и того меньше

(похоже, я совсем сбился со счета времени), но за эти часы произошло столько всякого, что все прочие ощущения и воспоминания отодвинулись в какое-то очень, очень далекое прошлое. И потому, оказавшись наконец на поверхности воды, открыв верхний люк и выйдя на смотровую площадку, я первым делом убедился в том, что капсула остается надежно связанной с «Триолетом», и, вместо того чтобы сразу же кинуться открывать ее люк и выводить или выносить Лючану на свежий воздух, а потом и внутрь корабля, вместо этого минуту-другую смотрел на светло-голубое небо с редкими облачками, жмурился от игры бликов света на поверхности воды, ее пологих, ленивых волнах, смотрел — и дышал глубоко и медленно, наслаждаясь вкусом воздуха, совсем не похожим на стерильную атмосферу в отсеках «Триолета». И лишь с немалым усилием заставил себя взяться за дело, подумав, что в миллион раз приятнее будет вот так смотреть, дышать, слушать песенку ветерка не в одиночку, а вместе с Лючаной, самым дорогим моим человеком в мире — во всех мирах.

Я вытащил из люка заранее найденный и приготовленный к действию штормтрап, закрепил верхний конец его на площадке и спустил вниз по борту рядом с капсулой, до которой с места, где я стоял, было метра три, не более. Убедившись, что закрепил надежно, спустился, разложив перед тем по карманам инструменты из моего оперкейса, которые могли бы мне понадобиться. К счастью, не понадобились: спасательная капсула имела рычаг, которым люк открывался извне. Люди, которых она должна была спасать, не обязательно будут находиться в добром здравии — у них может не оставаться сил для самостоятельного выхода. Как вот, похоже, сейчас у Лючаны. Так что освободить крышку люка и откинуть ее не составило ровно никакого труда.

Я сделал это. И от неожиданности чуть не сорвался со штормтрапа. Обе руки непроизвольно рванулись к лицу — зажать рот и нос: настолько неприятным (это очень деликатное определение) запахом, точнее было бы сказать — смрадом пахнуло на меня из открывшейся капсулы. А кроме того — и странными, хриплыми звуками, словно человек задыхался, уже прощаясь с жизнью. Неужели...

Не раздумывая дальше и стараясь не дышать, я нырнул в темную глубину кораблика. Скомандовал: «Свет!» И застыл в полной недоумения растерянности.

Я ожидал, что Лючана окажется здесь в одиночестве. Но занятыми оказались все места. Шесть человек были пристегнуты к креслам. Они спали, храпя каждый на свой лад. Шестеро — в однообразной форме, какую в этом мире, похоже, носили все. Не военной, но очень похожей.

Что же касалось Лючаны, то ее среди них не было. Вообще ее в капсуле не оказалось — я убедился в этом, заглянув в лицо каждому и обшарив все единственное и достаточно тесное помещение капсулы, заглянув даже под каждое кресло.

Вот так. Не было.

И это означало, что я шел по ложному следу.

В первые секунды после того, как я пришел к такому выводу, мне показалось, что все рухнуло. Лючаны нет, и где искать ее — совершенно непонятно.

Я собрался с силами, чтобы заставить себя рассуждать более или менее спокойно. Попытался причесать совершенно растрепавшиеся мысли.

Для начала пришлось признать, что капсула оказалась не той. Что это за люди, как попали они в нее, почему спят, вроде бы и не собираясь просыпаться, интересовало меня сейчас меньше всего. Их проблемы. Не знаю, откуда они спаслись, но спаслись же, остальное не столь важно: выспятся и сами решат, что им делать дальше. Суденышко это меня больше не волнует, я отцеплю его — то есть не я сам, конечно, а «Триолет», — и пусть себе досыпают, колышась на волнах и дыша свежим воздухом. Я даже люк закрывать не стану: если погода на поверхности изменится к худшему — автоматика капсулы (а она обязана тут быть), даже без участия людей, примет все необходимые меры. Все с ними. Аминь.

А что буду делать я? Собственно, какой у меня выбор? Надо снова идти на погружение. И всеми средствами — моими и «Триолета» — искать, слушать, может быть даже — кричать... Кричать на весь этот мир, так громко, как...

Как раздался сейчас вот этот звук. Странный. Чем-то знакомый. Высокий.

Медленно нараставший и теперь вот так же постепенно опадающий...

Это корабль! И находится он на орбите торможения — гасит скорость, перед тем как совершить посадку.

Не знаю — чей. Не знаю — зачем прилетел. Знаю одно: мне сейчас не нужны никакие встречи. Никакие осложнения. Я никого не вызывал на помощь. А потому любой вновь прибывший будет мне скорее мешать, чем способствовать поискам.

Додумывал я уже внизу: отцепил и втащил штормтрап и закрыл за собою люк чисто механически, без участия сознания. Оно уже успело сформулировать команду:

— «Триолет»! Срочное погружение! Капсулу отцепить, оставить на поверхности. И включить все средства наблюдения! Докладывать немедленно!

«Выполняю», — с великим облегчением услышал я в ответ.

9

«Минимат Идо!»

— Слушаю вас, генерал-максимат!

«Вам доверяется выполнение важнейшего задания. Немедленно направляйтесь на ПЗБ. Надев магистрально-ремонтный костюм и хорошо вооружившись, войдете в

Магистраль с той стороны. Задача: продвинуться по Магистрали — это будет нелегко, плыть придется против течения, — перехватить ремонтную капсулу, что движется отсюда, схватить или уничтожить пилота, а затем по усмотрению: если будет быстрее провести капсулу до конца, отведите ее в ПЗБ, если быстрее окажется вернуть ее сюда — возвращайте. Я прикажу, чтобы вас доставили на ПЗБ на одном из перехватчиков, так вы выиграете время».

— Разрешите спросить: что там за пилот?

«Та самая женщина, минимат, которая ускользнула от вас».

— Разрешите выполнять?

«Как, вы еще здесь?»

10

Я прослушал этот перехват, с трудом заставляя себя оставаться в кресле, — такое воздействие оказали обрушившиеся вдруг на меня мысли и чувства. Среди них было и удовлетворение собой (вовремя дал команду на прослушивание), и торжество (наконец-то я узнал, где сейчас находится Лючана!), и беспокойство (ей грозили серьезные неприятности, очень серьезные), и некоторая растерянность (надо было немедленно выручать ее, но я еще не знал, каким образом смогу это сделать). Когда разговор наконец закончился, я, не теряя ни минуты, принялся искать такой способ. Было ясно, что составить сколько-нибудь удовлетворительный план вызволения Лючи из трубы, в которой она оказалась, просто невозможно, не имея никакого представления о том, что такое эта Магистраль, как в нее войти и как выйти, что из себя представляет ремонтная капсула, — тут был достаточно широкий спектр назначений, конструкций, оборудования, жизнеобеспечения и вообще чего угодно, и так далее. Однако с таким раскладом мне приходилось встречаться и раньше, и с давних пор возник алгоритм решения подобных ситуаций: если не можешь составить всю последовательность необходимых действий, то постарайся как можно более полно представить то действие, с которого надо все начать, которое ближе всего и для которого у тебя есть хотя бы какие-то посылки: место, где ты находишься, и средства, которыми обладаешь. По мере того как станешь продвигаться в этом направлении, к тебе будет поступать новая информация и все более обоснованным сделается второй шаг. То есть — старый способ: решать проблемы по мере их возникновения.

Кое-что у меня имелось уже сейчас. Знание исходной точки: корабль. Понимание цели, которую следовало достичь в результате первого этапа: Главная база, потому что, видимо, только оттуда и можно более или менее свободно подобраться ко входу в пресловутую трубу, или Магистраль, и даже при необходимости войти в нее. С противоположной стороны, судя по перехвату, пойдет другой человек, и он никак не будет моим союз-

ником. Средства: корабль, унискаф. Возможности: я мог максимально сократить этот первый шаг, приблизив и даже почти совместив место моего пребывания с местом назначения, то есть подогнать «Триолет» как можно ближе к Главной базе и, может быть, даже воспользоваться кораблем для проникновения в нее. Ну что же, для начала вовсе не так уж мало.

Правда, кроме уже имеющегося, мне не помешало бы и еще кое-что. Прежде всего как можно более точное представление о Главной базе — ее устройстве, охране, вооружении (если оно есть), уязвимых местах, возможностях связи, помимо местной. Конечно же, такое хозяйство на далекой и почти необитаемой планете не может существовать само по себе, но является частью какой-то более обширной системы, центр которой находится где-то в другом мире. Далее, мне никак не повредило бы какое-нибудь оружие: с давних пор я привык чувствовать себя лучше, имея при себе хоть самый маленький дистант. И, наконец, очень пригодились бы союзники — пусть даже временные, чьи намерения и цели будут совпадать с моими лишь на определенном этапе. Имело смысл потратить хотя бы несколько минут, чтобы поискать и одно, и другое, и третье; больше времени для этого и не понадобится, потому что возможность у меня была всего лишь одна.

Нужно срочно выяснить, где находится та странная, на моих глазах образовавшаяся парочка — не совсем понятный Дикобраз и (как я полагал) совершенно ясная Маха? Я видел, что они проникли в один из перехватчиков, и, скорее всего, они и сейчас остаются в нем. У Махи я наверняка мог бы получить нужные сведения относительно Главной базы, Магистрали и еще много о чем. Я бы и получил их, если бы не то сообщение о побеге Лючаны... Что же касается человека, на краткое время оказавшегося моим партнером, то он производил впечатление бывалого мужика и мог бы оказать мне помощь при проникновении в Главную базу, а может быть, если удастся уговорить его, и далее, внутри нее. Не зная, в чем заключается его цель и каков смысл (и способ) его появления на Ардиге, я тем не менее не сомневался, что его намерения, так же как и мои собственные, не совпадали с целями здешнего руководства (властей, командования, администрации — все равно, как их называть). И это могло объединить еще раз, поскольку однажды мы уже выступили вместе, оказавшись в железном пищеводе уборщика.

Дело оставалось за малым: найти эту парочку. Я с минуту сидел, уставившись в потолок и пытаясь выискать на нем то место, где я мог бы сейчас увидеть их. Но там не нашлось ни единого указания на это. Зато в голове у меня забрезжила мысль, как подойти к этой проблеме, мысль, заставившая меня вновь обратиться к «Триолету»:

— «Триолет», придется заговорить нам самим. А именно: запустить в открытый эфир такое послание: «Бороде. **865**

Просьба подать голос на частоте...» — тут надо указать нашу частоту приема. Обращение повторять в разных диапазонах.

«Это откроет нас для пеленгации».

— Возможно. Но, насколько я могу судить, у них не так много сил, чтобы создать для нас серьезную угрозу. К тому же мы не станем продолжать этот курс, наоборот — незамедлительно изменим его. А если нам откликнутся...

«Выполняю».

Я решил, что буду ждать ответа никак не более десяти минут. Но это время прошло без какого-либо результата. И я совсем махнул рукой на все мысли о союзниках, когда зазвучал новый перехват.

11

Впрочем, это был не перехват, мне только поначалу так показалось. Это был разговор с «Триолетом», не предназначавшийся для моих ушей; просто трансляция оставалась включенной, и я услышал голос, мне уже знакомый:

— «Триолет»! Это Маха.

«Привет, Маха», — ответил «Триолет» своим тусклым голосом.

— Наконец-то! Слушай меня. Первое: запиши текст для передачи твоему пассажиру. Второе... Ты защищен?

«Я? Да... Нет».

— Прими меры.

И все. Трансляция отключилась, больше я не услышал ни слова.

— «Триолет»! — воззвал я, зная, что вирт-капитан мог одновременно вести дюжину разговоров. — Что получено тобою для меня?

«Подробная схема Главной базы. И пеленг на нее».

— Это все?

«Еще текст: «Оказать другую помощь сейчас не в состоянии. Объяснения потом. Желаем удачи».

— «Триолет»! Восстанови связь: я еще не все выяснил! Маха! Маха, откликнись немедленно! Очень важно!

Ответом было молчание. Но канал связи продолжал существовать, аппаратура уверенно свидетельствовала об этом. Почему она молчит? Может быть, продолжать разговор со мной ей не позволяет этот Дикобраз, бородач, как еще его назвать?

И тут в голове у меня словно что-то щелкнуло. Стало совершенно ясным то, что я должен был понять уже давно. И обязательно понял бы, если бы все мои мысли не были заняты Лючаной.

Совершенно ясным.

Миг я колебался. А потом произнес с ощущением, что прыгаю в холодную воду:

— Иванос, не валяй дурака! Отвечайте — если не она, то ты!

Была секунда промедления. А затем в моем шлеме зазвучал все тот же голос — женский:

«Привет, приятель».

— Как мне попасть в Главную базу без лишнего шума? В ту самую, где ты служишь — или теперь следует сказать «служила»?

«Боюсь, что это у тебя не получится. На всех входах — очень надежные системы опознания. И для любой из них ты — чужой. А стоит им заподозрить в тебе чужака, как... Ну, ты и сам понимаешь».

И вот тут ее голос наконец сменился другим — голосом Дикобраза, но на сей раз уже без всякого акцента — голосом Иваноса:

«Браслет, коллега. Где-нибудь да сработает. Пробуй!»

И связь прервалась. Я понял: разговор шел на открытой частоте, и услышать его мог любой, а услышав — заинтересоваться. Ну что же — спасибо за совет. И за то, что помогли убедиться — кто есть кто.

— «Триолет», передай мою благодарность.

«Выполняю».

— Возьми направление на базу, как нам было указано.

До базы оставалось менее мили, когда я попросил «Триолет» остановиться. К самой базе ему приближаться не следовало: мало ли что — засекут, ударят, не может же быть так, что там не окажется серьезного оружия.

Последние мысли проскальзывали в голове, пока я снова влезал в мой унискаф, предварительно заправив его до полного по всем статьям — по энергетике, химии и прочему. Жаль, что он все-таки не просох как следует. Затем я постарался понадежнее укрепить на костюме мой верный оперкейс в расчете на то, что он сможет пригодиться в операции, уже начинавшей брезжить в моем сознании. И, наконец, сообщил вирт-капитану:

— Выхожу в открытую воду. Возможен перерыв в связи, поэтому искать меня только по моему запросу.

«Лючa, приближаюсь к тебе. Жди и береги себя. Ладно? Договорились».

Глава двенадцатая

1

Капсула уходила по Магистрали все дальше от Главной базы, управлять ею Лючане не приходилось — трасса сама вела кораблик, непрерывно замеряя параметры и выводя результаты на дисплей. Беглянка не обращала внимания на мелькавшие слова и числа: «Плотность... Скорость... Температура... Давление продукта... Давление газов...» — и что-то там еще. Лючана думала сейчас о другом: ладно, из первой базы она вроде бы ускользнула успешно. Но что там — впереди? Никакой информа-

ции. Безусловно, масса, в которой она плывет, куда-то в конце концов дотечет и во что-то выльется — только вот во что? Хорошо, если в какую-то емкость вроде пруда или даже озера; еще лучше — если оттуда удастся выбраться в нормальную обстановку, нормальную — в смысле что там можно будет хотя бы дышать и за пределами капсулы. Тот газ, что заполнял в Магистрали свободное от «киселя» пространство, судя по результатам анализов, для дыхания никак не годился. А если такого выхода там не найдется? Тогда конец...

Мысли с каждым пройденным десятком метров становились все более мрачными, и впору было уже пожалеть, что выбрала именно это средство передвижения. Не всегда стоит хвататься за то, что выглядит предпочтительнее прочих, эта разумная мысль пришла, безусловно, с большим запозданием. Но, может быть, продолжало сознание нагнетать страх, даже замкнутая емкость в конце пути — не самое плохое? Не исключено ведь, что и раньше будут возникать сложности: скажем, если в какой-то части трубы, по которой ее несло, зеленая масса должна проходить через зону нагрева — что-нибудь вроде пастеризации, что ли, такого повышения температуры, которое человек выдержать не может? Или впереди окажется зона мощного облучения? «Да перестань паниковать, — убеждала Лючана сама себя, — ведь если капсула рассчитана на присутствие в ней пилота, то, конечно же, предусматривалось, что он после такого путешествия останется живым и здоровеньким...» Однако проклятый здравый смысл тут же находил возражения: нигде ведь не сказано, что пилот должен садиться в капсулу одетый кое-как; наверняка для этого существуют специальные костюмы, которые обеспечат сохранность человека в неблагоприятных условиях. А если внутри трубы возникнет необходимость в каком-то ремонте, человек должен иметь возможность выйти прямо в эту среду — и не только выживать там, но и свободно действовать. Но внутри капсулы такого костюма не было, видимо, пилот должен был садиться в нее уже в полном снаряжении. Лючана, к сожалению, ничем подобным не обладала.

Да, если подумать, на базе способов выживания было куда больше. А нельзя ли вернуться назад, пока обстановка в трубе остается хотя бы такой, какой была с самого начала? Не может быть, чтобы кораблик не был снабжен устройством заднего хода. Надо поскорее разобраться в пульте управления, найти возможность переключить его, и тогда... В принципе, оно не должно сильно отличаться от корабельного, разве что быть более простым, потому что задачи этой капсулы намного проще функций даже и маленького корабля, а основные данные корабельного пульта хранились, к счастью, в ее мике; давай, имплантат, приди на помощь!..

Мик, как и обычно, сработал безотказно и вывесил перед глазами Лючаны схему корабельного пульта; теперь можно стало сравнивать схему с тем, что она видела перед собой.

Прошло не менее двух минут, прежде чем она сердито приказала мику:

— Убери это к...

Потому что между схемой пульта, показанной ей, и реальным, находившимся перед нею, не было практически ничего общего. По сути дела все, чем она могла здесь распоряжаться, была клавиша, которая при нажиме подавала сигнал к началу действия. Все остальное шло, наверное, по введенной в компьютер капсулы программе. И (слишком поздно пришло Лючане в голову) если с этим компьютером и можно вести диалог, то, видимо, при помощи аппаратуры, встроенной в специальный костюм ремонтника — тот самый, которого у нее не было.

Оставалось только надеяться, что вся эта система создана не для уничтожения находящихся в капсуле и путешествующих по Магистрали людей. Так что в конце концов она как-нибудь да выпутается. А пока...

2

Пять перехватчиков, кораблей шестого класса, достигли ПЗБ за какие-то сорок минут. Не так быстро, как предполагалось, однако нормально, если учитывать, что после получения последнего приказания пришлось сделать крюк, чтобы взять на борт агента безопасности, минимата Идо, которого следовало доставить на ПЗБ. Зато потом развили полную скорость. Доложив о своем прибытии в указанное место и в ответ услышав, что на базе полный порядок, никаких сбоев и ни одной посторонней личности, командир перехватчиков обратился к минимату:

— Изнутри, похоже, ничего не грозит. Если ты не против, мы повнимательнее осмотримся на погрузочной площадке: самое удобное место для всяких пакостей.

Идо после краткой паузы покачал головой:

— Только сначала высади меня на базе, моя работа — там, внутри.

— Это обязательно? Неохота задерживаться.

— Уж будь добр.

Разговор этот вряд ли можно было назвать официальным, но оба офицера знали друг друга давно и находились в одинаковом звании, так что могли общаться попросту и достаточно откровенно.

— Ладно, — согласился корабельщик и скомандовал: — Швартуемся к базе, второй портал. Все по местам!

Идо встал, перехватчик уравновесился, едва не касаясь бортом короткой толстой трубы, лишь метра на полтора выступавшей из обширного приплюснутого купола — обитаемой части ПЗБ.

— Спасибо, что подбросил. Успешного патрулирования.

— Благополучия.

— Взаимно.

Командир перехватчика смотрел на экран, ожидая, пока Идо войдет в базу и крышка технического входа затворится наглухо. Все прошло благополучно. Командир приказал:

— Отваливаем от базы. Полная боеготовность.

Для последней команды оснований как будто и не было: если бы хоть какая-то малость показалась подозрительной в открытой воде и особенно на подступах к базе, любой перехватчик сразу подал бы сигнал общей тревоги. Но все было тихо, спокойно, ни посторонних судов, ни одиноких водолазов не возникало, во всяком случае в пределах видимости. Да, наверное, если что-то и начнется, то не здесь, а в каком-то другом мире, в плотнее населенной области Галактики, где есть и кому нападать, и кому защищаться, а причина там всегда отыщется...

Тем не менее командир эскадрильи все положенные действия выполнял на совесть. Точно вывел корабль к центру посадочно-загрузочного комплекса. Единственным, что ему сейчас не нравилось, была задержка, ничем не оправданное опоздание шестого перехватчика, которому было приказано принять на борт и сдать на Главную базу офицера безопасности вместе с задержанным нарушителем, а затем вернуться в строй. «Да нет, — думал командир, отгоняя неизвестно откуда взявшиеся нехорошие предчувствия, — ничего не случится, скорее всего, закопались с заменой платы — до нее действительно трудно добраться, надо половину блока вытаскивать. Нет, все будет в порядке у нас да и внутри базы тоже: не зря ведь прислали этого парня — Идо, он свое дело туго знает, его на мякине не проведешь...»

— Всем: доложить готовность к старту в атмосферу для встречи и сопровождения транспорта, совершающего посадку на ПЗБ!

Доклады прозвучали мгновенно.

— Старт!

И перехватчики устремились к поверхности — в другую стихию.

3

Все-таки техническое преимущество — великая вещь, думалось мне, пока я, включив движок унискафа, скользил над самым дном, повторяя плавные изгибы белой линии. Изредка я, протянув руку, касался этой линии и ощущал все ту же мелкую вибрацию. Это означало, наверное, что труба находится под нагрузкой и по ней что-то течет откуда-то куда-то. Откуда? Оттуда, где находилась сейчас Лючана, и это волновало меня больше, чем все трубы, вместе взятые. Мне трудно было сейчас думать об интересах службы, тем более что ни на какой службе я по-прежнему не состоял, заданий не получал и никому ничего не обещал. Это давало мне полную свободу действий, и я намеревался использовать ее до конца.

Продвигаясь все дальше, я пытался прослушивать среду — унискаф обладал для этого неплохими возможностями.

Хотя они и были рассчитаны прежде всего на частоты, наиболее употребимые в пространстве, но и здесь, на глубине, позволяли услышать не так уж мало. А главное — поддерживать связь с кораблем, который мог снова понадобиться мне в любую минуту.

Придя к такому заключению, я даже вздохнул облегченно: теперь можно было все внимание и силы сконцентрировать в одной точке и, как уже не раз бывало, уподобиться дятлу: долбить и долбить в одно место, пока не пробьешь наконец дыру. Главное теперь заключалось в том, чтобы найти стенку, в которой эту самую дыру следовало продолбить. Чем я, собственно, и занимался.

Стенку я увидел далеко не сразу. Труба, вернее, та небольшая ее часть, что возвышалась над дном, привела меня к чему-то, что сперва показалось мне молочным облаком. Я продолжал движение, замедлив его до предела, потому что приходилось плыть, не отрывая руки от трубы, иначе тут недолго было бы и потерять направление: вся приборная часть унискафа отказалась показывать что-либо, как только я вплыл в это облако. Так я преодолел не знаю сколько метров, знаю только, что это заняло у меня двенадцать минут. И только после этого я снова оказался в нормальной воде и увидел цель.

Сначала мне показал ее локатор, а потом она нарисовалась и в оптическом режиме. Я сразу же ушел в незримость. Медленно, сохраняя расстояние метров в тридцать, поплыл вдоль сооружения. Оно оказалось даже больше, чем я рассчитывал, так что мне удалось замкнуть кольцо вокруг него лишь через сорок минут. После чего я остановился. Самое время было почесать в затылке, что, как известно, стимулирует процесс мышления. К сожалению, в унискафе не было приспособления для этого — вернувшись, придется подать конструкторам соответствующую идею. А предметом размышлений стало вот что: я пришел, я увидел, но вот как победить — приемлемого способа пока не находил.

Не потому, чтобы некуда было долбить; наоборот, сложность заключалась в том, что таких мест было много, даже слишком много. В приплюснутом полушарии я насчитал по меньшей мере дюжину всяких входов-выходов, больших и малых, на разных уровнях и разной конфигурации. Наверное, в моих силах (и в возможностях моего оперкейса) было открыть хотя бы один из них; беда, однако, заключалась в том, что за любым из этих выходов могло находиться что угодно — вплоть до центра безопасности, попав в который мне оставалось бы лишь поднять руки вверх. Недаром говорится: раньше, чем войти, подумай, как ты будешь выходить; и вот этого я никак не знал. Судя даже по видимой части базы — а я был уверен, что основной ее объем расположен ниже уровня морского дна, — внутри находится немалое число уровней, помещений, ходов и переходов, постов безопасности и всего прочего. Переиначивая старую поговорку, я вынужден был сказать себе: «Не зная броду, не высовывайся из воды». Кто же

подскажет мне, где тот брод, по которому я доберусь до Лючаны? Искать иголку в стоге сена — задача сама по себе не из простых, однако принципиально выполнимая, если вы не ограничены во времени, но если времени у вас менее чем в обрез, а стог плотно населен змеями, скорпионами и всяческими тарантулами — тем более.

Но другого выхода у меня просто не было. Да и входа пока тоже. Метод тыка и ляпа тут никак не годился. Я попытался услышать тихий голос интуиции. Но она, похоже, на сей раз находилась в некоторой растерянности. Может быть, со временем она что-нибудь и почувствовала бы, но время стремительно истекало, и я подумал, что если я загнусь в этой операции, то диагноз будет уникальным: погиб от острой времяпотери, вследствие времяизлияния. Хороший шанс попасть в историю медицины.

Но туда меня совершенно не тянуло.

Ну что же, давай работать браслетом. Только как? Он у меня на руке, а рука надежно упакована в рукав и перчатку унискафа. Однако Иванос, сукин сын, явно знал, как можно им воспользоваться. Господи, я не считаю себя технически настолько безграмотным, однако же так получается...

Тем не менее неспособность решить задачу вовсе не отменяет ее постановки. Существуют ведь и другие способы, для меня — более привычные, так сказать традиционные. Остается лишь найти их. Но когда знаешь, что искать, это уже становится делом техники. Так что — приступим...

Только теперь я ощутил, что моя операция действительно началась.

4

Едва дождавшись, пока система входных люков закончит свою неторопливую работу, Идо, кивком отвечая на приветствия немногих попадавшихся на его пути обитателей ПЗБ, направился на пост капитана базы. Местный агент безопасности встретил его на полдороге, хотя по правилам должен был ожидать прибывшего уже у самого входа.

— Извини — задержался с вашими, объяснял им, что к чему...

— Нашими? — насторожился Идо и даже остановился. — Кто такие?

— Да ты знаешь наверняка: дамочка — медиат-два, с нею еще один. Сейчас сам увидишь. Прислана для усиления...

— Дама?

Только одна женщина была в системе безопасности — Маха, его напарница и командир, формально, во всяком случае. Интересно! Для усиления? Детский лепет. Она просто хочет еще раз перебежать ему дорогу — как старшей в звании ей нетрудно будет опять-таки приписать себе заслугу задержания сбежавшей.

«Нет, милая, на этот раз не получится — справлюсь и без твоего присутствия!»

— Что же мы стоим? — не понял местный кадр.

— Знаешь, — сказал Идо решительно, — к тебе зайду позже, сейчас нет времени. У меня особая задача. Ты иди к ним, но обо мне — ни слова. Внял?

— Как угодно, — местный лишь пожал плечами. — Ну, давай...

После краткого — не более пяти минут со всеми полагающимися официальными процедурами — разговора с капитаном базы Идо стремительно — почти бегом — бросился к производственному отсеку.

Быстро достигнув тамбура, через который только и можно было попасть в терминал, Идо переоделся в положенный для работ внутри потока костюм, по надежности не уступающий космическому, скорее наоборот, даже более надежный, поскольку среда, для которой такие костюмы предназначались, была более агрессивной, чем пустота. Затем, уже через двадцать минут после своего появления на ПЗБ, агент был — опять-таки через систему шлюзов — впущен в собственно терминал. Минуту-другую помедлил, решая, какой из возможностей воспользоваться, для того чтобы попасть в магистральную трубу, и выбрал, как и следовало ожидать, первый способ — через бассейн номер один, предназначенный для удобрений и сейчас уже заполненный готовым продуктом до краев. В него более ничто не поступало, и поэтому зеленый кисель — именно таково было удобрение на вид — находился в покое, в то время как во второй бассейн продолжал поступать вырабатывавшийся сейчас зоэген, и состав в этом бассейне бурлил и волновался; видимо, там продолжала работать какая-то химия. Не говоря уже о том, что сейчас уровень продукта во втором бассейне был примерно на полметра ниже входа в трубу и попасть в нее из него было бы труднее. Так что с любой точки зрения войти в Магистраль было удобнее и надежнее из первой емкости.

Идо передал по связи условленный сигнал, оператор на пульте ответил: «Вход разрешен», после чего минимат, подойдя к лесенке, от края бассейна спускавшейся в его глубину, осторожно спускаясь со скользкой ступеньки на ступеньку, постепенно погрузился в кисель с головой, спустился до самого дна, разглядел на нем белую стрелу, указывающую направление на трубу, и, после мгновенного колебания, отпустив поручень лесенки, двинулся вперед. Достигнув устья трубы, еще помешкал, уточняя, что эта труба являлась именно впускной, а не той, через которую продукт должен был уходить на погрузку: попади Идо в эту выпускную, он потерял бы кучу времени, выбираясь из нее задним ходом, — повернуться там было бы невозможно.

Идо осторожно поднялся в трубу — эта часть ее до места раздвоения Магистрали была пуста — и добрался до заслонки, за которой, негромко шурша, масса продукта текла

ко второму выходу. Снова вызвал оператора и сказал, откашлявшись (от волнения даже немного охрип):

— Открывай — только осторожно...

А когда заслонка, дрогнув, стала отползать в сторону и навстречу ему хлынул тугой зеленый поток, пригнувшись, кинулся вперед, загребая руками; через мгновение включил движок. Проскочил. Слышно было, как заслонка за спиной встала на место. Идо постарался противостоять течению, удержаться на месте, работая самым малым ходом. Потом, переведя дыхание, увеличил скорость и двинулся вперед сквозь жидкую зеленую кашу. Медленно, очень медленно, казалось Идо, в то время как угнанная капсула приближалась по Магистрали, а ее следовало перехватить на достаточном расстоянии от ПЗБ, чтобы оставалось время выловить из потока обломки, которые неизбежно возникнут в результате его встречи с капсулой.

В том, что это будут обломки капсулы, а не его останки, Идо был уверен. Ну, почти уверен. И ему не терпелось убедиться в этом. Увидеть своими глазами. Расквитаться за обиды. Сейчас он чувствовал себя до самого дна своей души обиженным, оскорбленным: женщина, отданная ему в подчинение, осмелилась не только выступить против него, но и дважды ставила его в неприятное положение, ухитряясь ускользнуть! Ну, на этот раз результат будет совсем иным...

5

Резкий звонок заставил нервы Лючаны задрожать, как настроенные в унисон струны. Уже сам звук этот вызывал тревогу — короткие, хлесткие, звонкие удары. А еще больше встревожиться, даже по-настоящему испугаться заставила ее возникшая на табло надпись. К счастью, на более или менее знакомом ей армаге:

«Впереди движущееся препятствие. Скорость сближения 12 км/ч. На предупредительные сигналы не реагирует. Разъезд невозможен. Мною получена команда встречного передать управление ему. Прошу выразить согласие\несогласие».

— Нет! — крикнула Лючана в полный голос. — Ни за что! Дай задний ход! Назад! Быстро!

Но, видимо, таких команд здешнее устройство не понимало и не принимало. Или просто армагские звуки в произношении женщины переставали быть похожими на самих себя. А с этим Лючана не могла ничего поделать.

«Ответ не получен. Запрашиваю базу».

— Базу... — механически повторила Лючана, понимая, что ничего хорошего от базы ждать не приходится. Если они там до сих пор и не знали, куда она делась, как смогла ускользнуть, то теперь наверняка спохватятся, что капсулы нет, а сложить один и один они там как-нибудь да смогут.

Ну что же, она будет держаться до конца. То, что движется по трассе навстречу, наверняка возникло тут не случайно. Можно представить себе: они там впереди установили, что по Магистрали к ним приближается капсула, и сделали вывод: или она пуста, или в ней чужак. В любом случае это для них опасно: если капсула ушла сама по себе, значит, у нее поехала ее компьютерная крыша и ничего приятного от нее ждать не приходится. Вариант слона в посудной лавке. А если враг — объяснения излишни. И в том и в другом случае уместен простой и радикальный выход: расстрелять, подорвать, в любом случае превратить в обломки, прежде чем капсула, добравшись до места, начнет крушить все на своем пути. От таких действий противника у нее защиты нет. Но если они решат захватить ее живой, так просто это у них не получится. Все-таки она не безоружна. И... Хотя что толку в оружии, если ей грозит столкновение, неприятность простая, но может оказаться роковой, когда вокруг тебя какая-то непонятная, но наверняка непригодная для жизни среда. От этой неприятности дистант не спасет.

«Господи, я вся в поту. Хорошо, что никто не видит. Пришлось бы стыдиться — до чего перетрусила. Больше не буду. Похоже, все запасы страха иссякли. Надо думать быстро и спокойно. Что-то движется навстречу. Независимо от размера встречного предмета, капсула перекрывает почти весь диаметр трубы, так что разминуться невозможно. Вот если бы тут нашелся какой-то разъезд, хотя бы простое расширение, чтобы можно было, прижавшись к стенке поплотнее, пропустить встречного мимо себя... Ого!..»

Последнее слово она произнесла, даже выкрикнула, вслух. Потому что изображение на дисплее той части трубы, в которой она сейчас находилась, сменилось. И, словно по заказу, впереди возникло что-то новое. Нет, не совсем расширение, о котором она просила, но все же нечто похожее... Ага: там, впереди, от этой трубы отходит другая — почти под прямым углом. Если верить изображению, поперечник этой трубы чуть меньше, капсула туда то ли войдет, то ли нет, но, во всяком случае, передняя часть — узкая — туда влезет, и если так поступить, то здесь откроется просвет, которого, может быть, окажется достаточно для прохода того, встречного. Надо только успеть добраться до этой развилки и выполнить маневр. Течение в трубе слишком медленное, значит, нужно увеличить скорость. Ага, вот этот сектор и должен управлять движением, гарантии нет, но не рисковать сейчас просто нельзя.

Капсула рванула вперед как подхлестнутая, стремясь поскорее попасть в эту самую развилку, пока встречный еще не приблизился настолько, чтобы вести действенный огонь или тем более идти на таран, если такое возможно. Потому что вряд ли он появился тут случайно, охота продолжается, но если даже не так — лучше быть готовой к худшему. Ладно. Изготовим

оружие на всякий случай — установим дистант на минимальное расстояние и максимальный импульс. Хотя не очень ясно, как тут вообще можно будет его применить. Теперь остается только ждать событий.

6

Интересной штукой оказалась Главная база — во всяком случае, такое представление возникло и все более укреплялось, пока я всматривался в план сооружения, рядом с которым находился. Первым, что по меньшей мере удивляло, были ее размеры: чуть ли не целый городок, оказывается, был сооружен даже не на дне, а под ним; над поверхностью дна выступал лишь купол, и я раньше подумал, что диаметр этого купола — метров полтораста — соответствует поперечнику находящегося под ним помещения, которое насчитывает (почему-то мне так казалось) не более двух уровней. Схема разнесла эти мои представления вдребезги. Два уровня? А восемь не хочешь? Диаметр сто пятьдесят? Детский лепет: план ясно показывал, что поперечник заглубленного сооружения был вчетверо больше. И делилось оно на множество самых различных отсеков: от громадного по площади и уходящего на целых три яруса вверх зала, обозначенного на схеме как «операционный», а также нескольких машинных залов, помеченных надписями: «Вода», «Кислород», «Очистка», до тесных кабинетов с табличками: «Инженеры», «Механики», а выше, прямо над оперативным залом, — «Капсулы», еще выше, под самым куполом, «Сухой док», а в самом низу, как бы для равновесия, — «Энергетика» и, наконец, «Магистраль» — вероятно, там и помещался вход в нее, соединенный чем-то вроде вертикальной шахты с караульным отсеком.

Множество всяких других клетушек и обозначений. Но они казались не заслуживающими внимания; мне нужно было прежде всего найти одно-единственное, и я его наконец отыскал — недалеко от поверхности, хотя и не под самым куполом, среднего размера помещение, в плане — шестигранное, как пчелиный сот, окруженное соответственно шестью примыкавшими к нему сооружениями, трапециевидными по очертаниям. Все это было окружено коридором, более широким, чем все остальные, а тут их было немало. Я про себя определил это как командный комплекс. Одна из этих трапеций, судя по значкам, была чем-то вроде тамбура: из него шли вверх и вниз трапы и шахты лифтов. Переворачивая перед глазами план так и этак, я проследил, куда ведут эти коммуникации, и нашел ту, что и была мне нужна прежде остальных: лестницу, обвивавшуюся вокруг шахты для одного-единственного лифта, и все они в трогательном единогласии восходили к одному и тому же выходу.

Что в первую очередь обеспечивается всякого рода коммуникациями? Правильно: место, где пребывает высшее начальство. Начальство же в любой системе является той болевой

точкой, на которую надо воздействовать, если хочешь добиться хороших результатов.

На этом я решил прервать изучение схемы, полагая, что план этот теперь от меня никуда не денется, а сейчас пора наконец переходить от теории к вечнозеленому древу жизни. А точнее — к той его веточке, которая здесь, на поверхности купола, и должна соответствовать этому самому выходу.

Разобраться во всем этом удалось не очень быстро, потому что не вдруг получилось привязать чертеж к реальности. Как выяснилось, я неверно определил свое место и не сразу смог отыскать на изображении ту точку близ купола, в которой сейчас находился. После привязки все пошло легче и быстрее, и еще через какую-нибудь четверть часа я оказался именно у этого выхода. Выглядел он настолько непритязательно, что, не будь у меня плана, я вряд ли вообще обратил бы на него внимание. Потому что с первого взгляда это была просто часть поверхности без какого-либо выступа или возвышения. И надо было быть совершенно уверенным в том, что этот выход находится именно на этой паре квадратных метров, чтобы очень внимательно просканировать это место взглядом и в конце концов заметить тонкую линию — окружность, — отделявшую крышку люка от окружающего массива. Без всяких признаков какого-то открывающего устройства. Однако я был уверен, что раз уж этот выход сделан настолько незаметным, чтобы не вызывать ничьего интереса, то он должен быть доступен для открывания не только изнутри, но и снаружи: такие выходы делаются для того, чтобы можно было незаметно покинуть базу и столь же скрытно на нее вернуться. Ну а раз такое устройство существует, значит, я его найду, чуть раньше или чуть позже.

Вообще, если говорить откровенно, отыскав этот люк, я несколько расслабился — скорее всего, потому, что тело требовало отдыха. Все-таки пребывание внутри унискафа само по себе утомляет, если даже вам не приходится расходовать силы на какие-то действия. А продолжительное общение с миком утомляет голову и в особенности зрение, когда вы всматриваетесь в квазиэкран, висящий перед самыми глазами. И я решил немного отдохнуть — просто повисеть в воде, не касаясь купола, расслабив мышцы и выйдя из диалога с миком. Опыт подсказывал, что даже четверть часа в таком состоянии способны восстановить силы до вполне приемлемого уровня.

Так я и поступил; к сожалению, не учел одного: приняв за аксиому то, что на этой глубине сейчас никакого течения быть не должно (существуй оно, я бы его ощутил если не непосредственно, то по показаниям унискафа, который следит за окружающей средой постоянно и тщательно), я перестал о нем, то есть о течении, думать и, отдыхая, целиком ушел в размышления: кто, когда и каким образом ухитрился создать это сооружение, какое и

на предельно технологизированной планете не считалось бы заурядным. Зачем оно было создано — этот вопрос я оставил на ужин, поскольку какие-то соображения на этот счет в мозгу уже закопошились, но выглядели пока крайне приблизительными. Хотя, развивая тему «каким образом», я быстро понял, что привозить на Ардиг большую кучу строительных материалов вовсе не требовалось: недаром эта база была вырублена в толще дна, и даже та труба, что уходила от нее, наверняка являлась траншеей, которую требовалось лишь закрыть сверху. Для таких работ, правда, требовалась чертова уйма энергии, но в наше время как раз ее ввозить не приходится, она добывается на месте, даже если не перегонять время в энергию, как кое-кто недавно пытался — и не без успехов. Тащить сюда, безусловно, требовалось самую сложную технику, но для этого хватило бы и пары-тройки транспортов даже не самого высшего класса. Вот так: то, что сперва кажется необъяснимым, становится, если как следует подумать, достаточно простым. Ну не молодец ли я? Нет, я умница, это уж точно.

Но как только я добрался до столь приятного вывода, стали происходить некие явления, с ним явно не согласующиеся.

А точнее — именно в исполненный приятности момент увенчания самого себя лавровым венком я вдруг ощутил довольно крепкий толчок, или, скорее, даже удар, и не по какой-нибудь второстепенной части организма, а именно по голове. То есть по шлему, разумеется, но он уж позаботился о том, чтобы передать его собственные ощущения мне с наименьшими потерями.

Пришлось срочно распахнуть веки и, еще ничего не поняв, сменить расслабленность на полную боевую готовность.

И в тот же миг понять, что я очутился вовсе не там, где вроде бы должен был пребывать. Не около потайного люка, но в двух десятках метров от него. Хотя, находясь в расслаблении, ни я сам, ни мой унискаф не сделали ни единого движения, но сохраняли полную неподвижность.

Слишком поздно я сообразил: все-таки течение! Слабое, но несомненное. Если бы я заранее дал себе труд поразмыслить над ситуацией, то сразу понял бы: несмотря на отсутствие движения всей водной массы, здесь, в непосредственной близости от купола, вода должна была двигаться — слабо, почти неуловимо, но все же обязана. Потому что купол неизбежно испускал тепло, иначе он просто не мог бы существовать, достаточно быстро перегревшись. Так что в нем наверняка имеется система охлаждения, сбрасывающая лишнее тепло за пределы сооружения — то есть в воду; а поскольку конвекция на глубине происходит с не меньшим успехом, чем в поверхностных слоях, то течения — пусть слабые, локальные — неизбежно возникали, причем достаточно запутанные, прихотливые. Медленно поднимающиеся струи отражались от входов и прочих выступов на поверхности купола, сливались одна с другой, а затем разветвлялись... Вот один из таких

вялотекущих потоков и подхватил меня, ни на что не опиравшегося, и очень деликатно, мягко понес в направлении ближайшего возвышения. Перед ним течение чуть отвернуло в сторонку, но поскольку я обрел уже определенную инерцию, то и продолжил движение по прямой и налетел на препятствие шлемом. Ну, налетел, может быть, не совсем то слово, но, во всяком случае, наткнулся, что и привело меня в нормальное состояние.

Все это я увидел и сообразил в первую же секунду после столкновения. Но пришлось увидеть и понять и кое-что другое. А именно — раструб дистанта, направленный прямо на меня, а также — человека в скафандре, чья рука сжимала рукоятку оружия, а палец в пласталловой перчатке уже лежал на кнопке импульса.

Не пожелаю никому из вас хоть когда-либо оказаться в такой ситуации.

7

«Дежурный оператор!»

— Дежурный оператор Регнет слушает вас, генерал-максимат.

«Дайте обстановку в главной Магистрали. Подробно».

— Слушаюсь. Докладываю: угнанная капсула остановилась в месте впадения малой Магистрали в главную и удерживается там при помощи своего двигателя. Находясь там, она почти полностью перекрыла выход специального компонента, и по этой причине я вынужден прервать перекачку зоэгена. Возможно, генерал-максимат, вы сочтете нужным предупредить приближающийся транспорт...

«Это мое дело — решать вопросы с транспортом, а вы занимайтесь своим. И прежде всего — восстановите скорость потока. Мы не можем замедлить выход продукта. Как идет атака на нарушителя?»

— Наш человек сближается с капсулой. Для того чтобы уничтожить находящегося в капсуле нарушителя, достаточно будет и небольшого отверстия: давление в Магистрали все же остается больше нормального, да и состав нашего продукта, как известно, содержит едкие вещества, перенести которые человек не может. Пилот угнанной капсулы не располагает защитным костюмом, позволяющим автономно находиться в потоке.

Я не сомневаюсь в результате принятых мер, генерал-максимат.

«Хорошо. Сколько, по вашему мнению, потребуется времени для наведения полного порядка в Магистрали?»

— Агенту нужно еще двадцать минут, чтобы добраться до расширения и вскрыть угнанную капсулу. Еще минут тридцать-сорок уйдет на то, чтобы взять пораженную кап-

сулу на буксир и доставить ее сюда, в предварительный отстойник. Из него ее вытащат минут за двадцать.

«Н-ну... это более или менее приемлемо».

8

В первое мгновение у меня сформировалась одна-единственная, но зато совершенно четкая мысль: «Ну все. Допрыгался». И окрашена эта мысль была в добротный черный цвет.

Следующей мыслью было: «Ну чего же он медлит? Ловит кайф от ситуации? Садист!»

И в самом деле: прошла секунда, другая, а противник все еще не стрелял. Противник? А кем еще он мог быть?

Я медленно, очень медленно стал менять позу с горизонтальной на вертикальную и одновременно протянул вперед правую руку с растопыренными пальцами. Движение было чисто инстинктивным, потому что от дистантного импульса такая защита помогла бы не более, чем, например, листок туалетной бумаги для обороны от обычной пули.

Мой визави никак на это не отреагировал. Едва заметные движения его шлема и куда лучше видимые руки с дистантом выглядели так, словно он оглядывал окрестность в поисках то ли подкрепления, то ли чего-то еще. Мою руку он совершенно проигнорировал, словно ее вовсе не видел.

Не видел?

Не видел. Точно так же, как и я сам, пожелав убедиться, что рука моя никуда не делась, не смог ее обнаружить. И все сразу стало понятным.

Не прилагая к тому никаких усилий, я — а вернее, унискаф — перешел в режим незримости. И, надо сказать, в самое время.

Задним числом возникло понимание: повезло. Дико повезло. Именно в том, что на выступ на поверхности я наткнулся шлемом. По инерции я боднул его изнутри собственной головой, а ведь именно этим движением в моем костюме включалась незримка. И она, получив такую команду, сработала нормально. Так что мой противник, еще за несколько секунд до этого совершенно ясно видевший меня, приблизившийся и приготовившийся к действиям, вдруг потерял меня из виду и сейчас беспомощно оглядывался, пытаясь сообразить, что же произошло. А может быть, стараясь убедить себя в том, что я ему лишь почудился. Во всяком случае, он сейчас балансировал на грани между недоумением и тревогой. В то время как мои сомнения успели совершенно исчезнуть. Да, мне повезло. И если я немедленно это везение не использую, то всю жизнь буду жалеть об этом, хотя времени на жалость останется очень немного.

Вот именно — немедленно. Потому что обстановка уже в ближайшие секунды могла измениться круто — и не в мою пользу. Поскольку хотя сам-то я продолжал оставаться не-

видимым, этого никак нельзя было сказать о моем неразлучном спутнике — верном оперкейсе, который я собирался пустить в ход уже через минуту-другую. Взгляд человека с дистантом в любую секунду мог опуститься ниже и даже в здешнем скудном освещении увидеть под ногами нечто, никак не походившее на деталь ни морского дна, ни суши, какой оно периодически становилось. Сейчас, сейчас он увидит...

Увидел. И это на какой-то миг снова лишило его спокойствия. Я поспешил воспользоваться этим. Надо было двигаться очень медленно, не вызывая никаких завихрений воды, не оставляя следов. Интересно, долго ли еще этот парень станет удивляться, а когда прекратит — что предпримет? Ну что, выбор у него невелик, одно из двух: или двинется дальше — куда-то ведь он направлялся, когда я попался ему на глаза, — или, если он не выходил куда-то, но, напротив, откуда-то возвращался, то путь его лежит внутрь, в базу. Интересно, каким из нескольких входов он воспользуется? Хорошо бы — тем, который хотелось открыть мне. Но, пожалуй, слишком привередничать я не стану. Положусь на его выбор...

За это время я успел уже обойти мужика по довольно плавной кривой и оказался у него за спиной. И даже расстегнул карман унискафа — тот, наружный, в котором, как я ухитрился вспомнить, находился один из инструментов, одинаково нужных и в космосе, и на воздухе, и в воде, — плазменный резак. Другого оружия у меня не было, зато появился шанс им обзавестись.

Однако мысли насчет возможности попасть вовнутрь заставили меня прервать это движение. И очень кстати: человек передо мной вдруг быстро, насколько позволяли среда и его скафандр, нагнулся, схватил мой кейс и так же мгновенно обернулся, может быть интуитивно почувствовав еще что-то неладное. Успей я вытащить резак, человек не мог бы не увидеть и его: инструменты незримостью не обладали. А увидев, рефлекторно выпустил бы импульс и, пожалуй, мог бы задеть меня, а здесь, на глубине, достаточно проделать в скафандре маленькую дырочку — давление воды довершит дело. Я все сделал правильно.

Противник же, обернувшись и по-прежнему ничего не увидев, похоже, стал успокаиваться, решив, скорее всего, что фигура в нештатном скафандре ему все-таки померещилась. Так или иначе, он двинулся наконец с места, помахивая моей собственностью; я позволил ему удалиться на три шага и поплыл за ним; моторчик едва слышно шуршал у меня за спиной. Парень подвсплыл, и я понял, что он не собирается воспользоваться тем люком, что я облюбовал для себя. Ладно, не все происходит так, как хотелось бы. Я тоже приподнялся, чтобы оказаться на его высоте. Он поднимался, пока не поравнялся с верхушкой того выступа, о который меня приложило. То был один из входов, предварительно мною забракованных, куда он ведет — я сейчас не помнил, да это и не столь важно. Я поднялся чуть повыше, что-

бы сверху увидеть, как будет отворяться этот люк. Но, вероятно, проникнуть через него в базу можно было, только связавшись с кем-то внутри, то ли назваться ему, то ли произнести пароль, — я, к сожалению, не слышал, говорил ли он что-то или просто нажал нужную кнопку; так или иначе, он завис над крышкой, прошло немного времени — секунд пятнадцать, я думаю, — и две четырехугольные створки лениво распахнулись, открывая путь в шлюз.

«Прости, парень, — проговорил я мысленно. — Ничего личного...»

На этот раз резак был уже у меня в руке: больше ждать нечего. Голубой факел вспыхнул, когда человек наполовину вплыл в шлюз. Спина его скафандра через долю секунды прогнулась внутрь: разрез едва начал возникать, как вода рванулась в него всеми своими атмосферами; одновременно раздался негромкий, но какой-то жуткий звук вроде чавканья пополам с хрустом — тело, насколько я мог видеть, сжалось почти мгновенно до размеров мумии ребенка, несколько пузырей воздуха, каждый больше футбольного мяча, рванулись вверх, словно радуясь освобождению. И его душа, наверное, с ними. Я подумал, что она не успела ничего понять и теперь какое-то время будет приходить в себя. Но так или иначе, в наших опасных играх больше участия не примет.

Я ухватил его скафандр за ногу, вытянул из шлюза, поспешил вынуть из перчаточных пальцев одной его руки ручку моего кейса, а из другой — оружие и сразу почувствовал себя намного бодрее. Вплыл в шлюз. Сориентировался. Ничего непонятного тут не было: как и обычно, внутренний люк управлялся отсюда, из шлюза, только внешняя крышка подчинялась командам откуда-то — из группы безопасности, скорее всего. Я помедлил секунду-другую, убедился, что со мной все в порядке, и нажал светившийся салатным светом грибок на переборке подле выхода. Вода с громким чмоканьем всосалась куда-то, куда ей и полагалось, еще секунды — и внутренняя крышка растворилась, я шагнул и очутился в коридоре, роняя на пол капли воды с костюма. Глянул налево, направо. Никого. Чудесно. Куда же это я попал?

Вновь воспользовавшись планом, я установил это без особого труда. Нужный мне ход находился совсем рядом, но, к сожалению, из этого коридора попасть туда было никак нельзя. Ладно, почешем левое ухо правой рукой, раз иначе не получается. Итак — куда я могу попасть отсюда, не проламывая переборок?

Возможностей, как свидетельствовала схема, было несколько. Ближе всего находилось одно из жилых помещений, но вряд ли Лючана стала искать убежища там. Отвергается. Дальше? Буфет. Может, зайти выпить чашку кофе, слопать пару сэндвичей, или чем они здесь кормят? Хорошо бы, но, боюсь, нечем будет расплатиться: не сообразил позаимствовать у того парня и его кошелек, если такой, конечно, был. Кантину отставить. Дальше? Дальше интереснее: поперечный коридор, который вскоре

разветвляется на два рукава; один из них, правый, ведет — ого! — не куда-нибудь, а в отсек капсул; отметим это: может статься, и придется воспользоваться какой-то из них. Но не сейчас, будет просто невежливо — едва успев пожаловать в гости, сразу же коситься на выход.

А левый рукав — так-так. Он может привести меня не куда-нибудь, но в оперативный зал — тот самый, что в высоту занимает целых три уровня, а по площади превышает остальные помещения. Это — серьезное место. И, пожалуй, если оказаться там, то, при известном везении, можно будет положить руку на пульс всего здешнего хозяйства и даже вступить в переговоры с начальством: отдайте мне жену, и я не стану ломать ваши игрушки. Мысль вообще-то достаточно сумасбродная, ну а вся наша жизнь — какая?

Есть, правда, одно затруднение. Я до сих пор остаюсь облаченным все в тот же унискаф; на глубине и в космосе без него — никак, но здесь он вызывает множество неудобств: он тяжел, движок его тут ни к чему, а защитить от серьезного оружия он никак не в состоянии. Незримость? Во-первых, ее батареи уже просят подзарядки, которая тут вряд ли возможна, а во-вторых, он еще некоторое время будет оставлять мокрые следы, а ждать, пока унискаф просохнет, можно только в каком-нибудь надежном укрытии. Ведь тот парень, который должен был войти в базу и которому я помешал это сделать, — он наверняка должен был куда-то явиться и о чем-то доложить; его подождут еще несколько минут, затем станут вызывать — а он не ответит. Тут его приятели могут и серьезно встревожиться, во всяком случае — заподозрить неладное. И придут, естественно, сюда — именно тут он должен был оказаться.

Итак, программа-минимум: первое — поскорее слинять отсюда. Второе: перед этим — освободиться от унискафа. Но ни в коем случае не бросать его на произвол судьбы, он наверняка еще понадобится, да и вообще — казенное добро. Третье — незамедлительно найти способ такого сохранения.

Впрочем, для человека, успевшего хотя бы поверхностно ознакомиться с унискафом, тут не должно было возникнуть сложностей. И не возникло. Я быстро высвободился из костюмного нутра, закрывать унискаф не стал, левой рукой крепко ухватил его за перчатку, уподобляясь ребенку, вцепившемуся в отцовские пальцы, а правую кисть засунул внутрь и очень осторожно повернул регулятор антиграва градуса на два, не более. Получилось так, как я и ожидал, — костюм подвсплыл, как воздушный шарик. Теперь можно было не тащить его на себе, а лишь буксировать, что почти не требовало усилий.

За это время я успел дойти до коридорного перекрестка и свернуть в поперечный. С собой я захватил только мой вечный оперкейс, а позаимствованный у парня, которому не повезло, дистант засунул за пояс под курткой слева, чтобы в слу-

чае чего извлечь, не теряя времени. Вот так я одним махом решил все проблемы и двинулся по коридору дальше с гораздо более легким сердцем.

Коридор, не обманув моих ожиданий, вскоре закончился, уткнувшись в переборку, даже с виду почему-то производившую впечатление несокрушимости — может быть, причиной была ее окраска; такой краской покрывают обычно корпуса тяжелых кораблей. Меня это, впрочем, не смутило: пробивать стену я и не собирался, поскольку оперкейс был при мне. Оглядевшись и никого не заметив, я раскрыл чемоданчик, из соответствующего гнезда извлек коробочку, приложил к двери, имевшей место в самой середине переборки, включил сперва магнитную присоску, потом анализатор. Штука эта на профессиональном жаргоне называлась попросту отмычкой, хотя в официальных документах у нее было длинное и замысловатое название. Две крохотные лампочки согласно засветились, а через мгновение и крохотное табло, на котором запрыгали, заструились цифирки. Через двадцать две секунды нужное число нарисовалось. Я нажал кнопочку «Нейтрализация» — на случай, если работает сигнализация против вскрытия. Отмычка ответила: «Чисто». Я ткнул пальцем в «Подтверждение», получил согласие прибора и включил «Действие».

«Открыто», — смог я прочитать на табло еще через несколько секунд. Все было проделано без единого звука, как и должен был сработать прибор: не насилием, а уговором. Я отключил отмычку, убрал на место, нажал на ручку — и дверь отворилась неожиданно легко. Поспешно влез снова в унискаф и только после этого прошел в открывшийся проем, затворил дверь за собой и набрал код запирания, на этот раз вручную. И стал обозревать открывшуюся мне картину.

9

«Транспорт «Маркиз Пит» — Главной базе Системы.

Завершаем последний тормозной виток. Просим сообщить о полной готовности к приему корабля и его загрузке, а также о том, нейтрализованы ли проникшие на планету предполагаемые агенты. Время нашего пребывания на планете ограничено, поскольку темп всей операции ускорен. Я должен стартовать с Ардига точно в рассчитанное ранее время, это дает возможность достичь точки выгрузки по самой короткой трассе. Капитан транспорта Узер Мо».

«Капитану транспорта «Маркиз Пит» Узеру Мо.

ПСБаза полностью готова к приему вашего корабля. О сокращении сроков мне известно. Эскадрилья перехватчиков поднята для вашего сопровождения. Отправляем вам точный расчет для входа в воду на пике прилива и траекторию последующего погружения, чтобы приливное течение доставило вас к финишу кратчайшим путем. Просим максимально при-

держиваться этой траектории. Формирование груза полностью завершено, и заливка будет произведена без задержек. Нахождение высаженных разведчиков нам известно, и они лишены возможности предпринимать какие-либо активные действия. Поэтому ваш рестарт сможет беспрепятственно осуществиться вовремя — до появления приливной воды. Желаем вам мягкой посадки. Генерал-максимат Ардига».

Эскадрилья — за исключением шестого корабля — действительно успела покинуть плотные слои атмосферы, и теперь перехватчики заняли места на орбите выжидания, контролируя пространство, в котором вот-вот предстояло появиться ожидаемому с таким нетерпением танкеру. То есть все было в полном порядке.

10

Открывшаяся мне картина не таила в себе ничего загадочного. Нормальный цех... нет, пожалуй, все-таки не цех, а завод по переработке растительного сырья. Переработки во что? Да во что угодно: в пищу для скота, может быть даже и для людей; в органическое удобрение; в сырье для извлечения тех химических элементов, которые при современных технологиях выгоднее извлекать из морской воды, чем добывать из земли; даже в топливо для некоторых видов двигателей; и еще, наверное, во многое другое, о чем у меня и представления не было. Но в общем, как я уже сказал, — никаких тайн. От предприятий такого рода, которые мне приходилось видеть раньше, это отличалось разве что размерами: если мощность его соответствовала величине реакторов, то можно было представить, что его продукции хватит для удовлетворения потребности десятков планет: процесс обработки такого сырья протекает быстро, так что за какой-нибудь месяц готовая масса может выражаться в тысячах тонн. Ну что же, это, в общем, соответствовало тем предположениям, какие успели зародиться у меня еще раньше. Хотя для полного их подтверждения нужно было бы сначала разобраться в составе массы, а отсюда — с галереи почти под самым потолком, на которой я сейчас стоял, затворив за собою дверь из коридора, — понять это было невозможно. Впрочем, выяснение состава массы вовсе не было главной целью моего появления здесь. Собственно, первоначально я собирался попасть вовсе не сюда, однако, раз уж так получилось, стоило использовать сложившуюся обстановку до конца.

Обычно, оказавшись на новом месте, я прежде всего стараюсь снять информацию с его стен и со всего, что в этом объеме находится. Я имею в виду, как вы уже поняли, те следы, что оставляют тонкие тела каждого человека на всем, что находится поблизости от места его пребывания. Затрудняюсь объяснить, как этот съем происходит, потому что и сам не знаю, мне известно только, что такое свойство либо присуще человеку от рождения, либо нет. Если оно слабо, его можно развить, но ес-

ли его нет совсем — то и не будет, сколько ни старайся. Я владел этим свойством столько, сколько помню себя, и вот сейчас оно снова пригодилось. Задача оказалась несложной, потому что с самого начала здесь побывало не так уж много людей, так что не приходилось разгребать слой за слоем. Следы эти строго индивидуальны, как отпечатки пальцев или персональный геном; и среди почти трех десятков в разное время побывавших тут лиц я уверенно опознал лишь самый свежий.

Потому что след этот оставила Лючана. И, значит, не зря судьба забросила меня именно в этот цех, а не туда, куда я намечал попасть: не в апартаменты здешнего начальства. Значит, удалось все-таки ухватить за конец ниточки. В какую же сторону укатился клубок?

Так и этак прикидывая свои возможности, я спокойно (что вовсе не означает «медленно»), включив незримку, прошел по галерее, деля внимание между путем, которым я двигался, и единственным увиденным мною здесь живым человеком — он находился пока еще достаточно далеко от меня, примерно на полтора уровня ниже, на отдельной площадке, занятой в основном средствами управления этим предприятием: главным пультом и некоторыми вспомогательными.

Человек — он явно был оператором — располагался ко мне спиной и потому меня не только не видел (что естественно), но и не слышал, хотя не потому, чтобы я скользил совершенно бесшумно — для этого я чувствовал себя слишком усталым, — но главным образом по той причине, что он и в тот миг, когда я появился на галерее, и несколько последовавших затем минут был очень занят разговором по связи, из которого я уловил лишь несколько отдельных слов.

Их было достаточно, чтобы понять, что разговор велся на армаге, и это меня не удивило. Все услышанные слова я на ходу сбросил в мик, поручив ему найти между ними какую-то смысловую связь, построить варианты разговора, хотя заранее был уверен в том, что это не получится, да и получившись вряд ли пригодится мне в деле. Однако нечего мику бездельничать, когда мне приходится трудиться в поте не только лица, но и всяких других составляющих организма. А пока оператор разговаривал, а мик прокручивал варианты слов по сотне в минуту, я добрался до трапа, спустился с верхнего на средний уровень, прошел по узким мосткам над крышкой одного из реакторов, на секунду остановился, чтобы выбрать свой дальнейший маршрут, а к моменту, когда оператор закончил наконец свой разговор (а вернее, когда кончили говорить с ним; чем ближе я был, тем больше слов доносилось до меня в целости, и было уже совершенно ясно, что говорил с ним не равный по статусу, а начальник, и, похоже, самый главный здесь), к этому самому моменту я уже, сделав крюк, ступил на мостик, как и хотел, с тыла и даже обождал секунду, пока оператор выключил связь.

Я позволил ему вынуть из нагрудного кармашка платок, вытереть пот со лба и перевести дыхание: всякий разговор с начальством вызывает у человека более или менее стрессовое состояние, так что я даже пожалел его немного еще и потому, что ожидавший его стресс обещал быть куда более сильным. Оператор аккуратно сложил платочек, водворил его в карман, и я решил, что свои ресурсы он исчерпал.

Я вежливо, без тычка приложил к его затылку раструб дистанта и заявил самым обычным, вовсе не угрожающим и не командным голосом:

— Руки на голову, пальцы врозь, сидеть смирно.

Вообще-то в таких случаях чаще командуют: «Руки на стол!» Но сейчас перед ним была слегка наклонная поверхность пульта со множеством кнопок и двумя клавиатурами, в которых мне еще предстояло разобраться. Так что имелась опасность, что, кладя руки перед собой, он невзначай — или не невзначай — заденет клавишу тревоги или что-нибудь еще похуже.

Оператор на мой миролюбивый призыв ответил звуком и действием: от неожиданности икнул, но руки поднял аккуратно, медленно и уместил ладони на лысине так, как и полагалось.

— Умница, — поощрил я его, одновременно вытаскивая дистант из его кобуры, свой же продолжая держать у операторского затылка. — Сейчас мы быстренько подпишем протокол о намерениях: ты обязуешься сотрудничать со мной по мере возможного, а я — не посягать на твою жизнь и здоровье. Тоже в пределах возможного. Я изложил ясно?

Я ощутил, как голова его дрогнула: видимо, у него была привычка выражать согласие кивком, но он вовремя понял, что такое движение мой дистант мог бы истолковать в печальную для него сторону. И он сдублировал голосом:

— Я... ясно.

— Надеюсь, возражений нет?

— Нет-нет, — проговорил он с готовностью.

Мне это не очень понравилось: человек, так быстро соглашающийся, с такой же быстротой может при первой возможности и отказаться от обещаний. По моему убеждению, всякое согласие должно быть выношено и выстрадано — если, конечно, тебе предлагают не то, о чем ты и сам мечтал долгие часы и годы. А в том, что он издавна мечтал посидеть вот так со смертью у затылка, я очень сильно сомневался. Но решил пока этих сомнений не выказывать.

— Вот и прелестно, — одобрил я его согласие. — Перейдем к конкретным делам. Здесь, как я понимаю, сосредоточено управление всей этой техникой. Так?

Вместо ответа он попросил:

— Не могли бы вы не прижимать оружие к моему затылку? Нет-нет, не то чтобы вы его совсем убрали; при-

жмите его хотя бы к спине — затылок у меня слабое место, сразу начинается мигрень, очень сильная. Тогда я перестаю понимать что-либо.

«А тебе ничего и не надо понимать кроме того, что тебе уже стало ясно». Такая мысль сразу сложилась у меня, но я столь же быстро отверг ее. Не то чтобы мне стало жалко его головы, но я предположил — и сразу же в это поверил, — что состояние такого работника, как оператор производства, находится под постоянным контролем соответствующей аппаратуры и где-то фиксируется, для того чтобы в случае, если он вдруг почувствует себя плохо, можно было сразу же принять меры — прежде всего заменить его. При этом нельзя полагаться на то, что он сам подаст такой сигнал: может ведь и потерять сознание. Так что просьбу оператора я решил удовлетворить и медленно, не отрывая от него, переместил дистант ниже и левее — к области сердца. Перед тем, однако, убедился в том, что сердце у него слева, как должно быть у порядочного человека; однажды в моей практике случилось, что у моего оппонента сердце было правосторонним, и это едва не позволило ему сделать финт ушами. Закончив перемещение, я сказал оператору:

— Теперь за дело. Я спрашиваю — ты отвечаешь. Только правду и всю правду. Как на исповеди.

На этот раз он смог наконец кивнуть без вредных последствий.

— Да, отсюда управляется все производство, начиная с поступления сырья и кончая отправкой его по Магистрали.

— А самой Магистралью?

— Ну... В общем, да. Регулировка скорости потока, значит — и давления. Контрольными и ремонтными операциями. Хотя сами операции проводят другие люди, я обеспечиваю только их вызов и запуск.

— Хорошо. Теперь скажи: а контроль за внутренностью базы?

— Я не вполне понял...

— Чего тут не понять? В таких хозяйствах обычно контролируется все, включая сиюминутное местоположение каждого человека на базе. Своего и чужого. Контрольная схема. Где она у тебя?

— Вы что, смеетесь? — заявил он возмущенно и чуть ли не агрессивно. — Тут и так едва успеваешь за всем следить, не хватает только, чтобы...

— Так. А где же это?

— Мне кажется, на центральном посту — у помощника генерал-максимата. И дублируется в группе внутренней безопасности.

Нечто подобное я предполагал: недаром по первоначальному замыслу хотел попасть именно на центральный пост; не получилось. Но все же следовало убедиться. Да, тут такой схемы действительно не было. Но, может быть, что-то он все-таки знает?

— Скажи: а чужой, если он попадает на базу, на этой схеме как-то отличается от своих? Только не говори, что не знаешь. Это тут должно быть известно каждому.

— Ну да, — проговорил он не очень охотно. — Тут и сейчас ловят кого-то чужого, какую-то даже бабу вроде бы. Она была уже схвачена, но тетка оказалась, похоже, с яйцами — слиняла, хотя и не по-умному: вместо того чтобы, угнав капсулу, уйти в воду, она юркнула в Магистраль, откуда никуда не денешься, кроме ПЗБ, и там ее сцапают как миленькую. Не ту капсулу угнала, вот в чем дело. А там уже выслали встречного. Постараются, конечно, взять ее без драки: чтобы еще больше не нарушить работу Магистрали. Но, в крайнем случае, просто протаранят ее, проделают дырку — и наш продукт растворит красавицу, как кусочек сахара. Мы ведь не воду перегоняем с места на место...

Дама была не с яйцами, но, безусловно, с характером. Однако я не стал просвещать собеседника на этот счет, а сказал:

— Значит, так. Ты все прекрасно объяснил. А сейчас так же точно растолкуешь мне, каким способом ее можно оттуда вытащить. Вернуть сюда целой и сохранной. Только не рассказывай, что у капсулы, мол, нет заднего хода, что отсюда можно только запускать, а принимать нельзя, и все прочее.

— Наверное, плохо объяснил, — оператор даже позволил себе ухмыльнуться. — Раз уж ты не понял, что сделать ничего не сможешь. Не успеешь. У нас, видишь ли, есть группа внутренней безопасности...

— Это само собой, — согласился я. — А у тебя тут имеется способ заблокировать все входы и выходы из этого хозяйства. Нет-нет, только не надо врать. Я точно знаю — есть. Будь любезен, включи блокировку. Пока я только прошу. Но если ты заупрямишься...

— Включу, — он пожал плечами. — Но они тебя возьмут — не так, так этак.

— Как сказать, — не согласился я. — Даже если они ворвутся сюда, стрелять не станут. Не потому, что побоятся тебя угробить, это они уж как-нибудь переживут, но чтобы не расколошматить вот эту твою кухню. Два-три импульса попадут в пульт — и стоп, машина. Но только меня им не увидеть. Как и ты сейчас не видишь.

Произнося это, я уже действовал. Продолжая держать дистант на изготовку, левой рукой поставил оперкейс на свободный от причиндалов край пульта, извлек из чемоданчика наручники, скомандовал:

— Руки за спину! Ну?

Он повиновался, и я защелкнул браслеты, обмотав цепочку одним витком вокруг подлокотника. Оператор сказал:

— Идешь на самоубийство? Твое дело.

Я невольно похвалил его за выдержку — мысленно, конечно. Вслух же поспешил разочаровать его:

— Не дождешься.

Теперь можно стало сунуть дистант в кобуру унискафа, поболтать рукой в воздухе, расслабляя ее. Потом я извлек из кейса предмет, который до сих пор мне ни разу не пришлось пускать в ход, так что я уже стал считать его бесполезным грузом: небольшую, но весьма выразительную адскую машинку двойного действия — с таймером и радиозапалом. Поместил ее на свободное местечко под главным иконостасом приборов, контролирующих, как я уже понял раньше, наблюдая за ними, ход транспортировки в Магистрали. И сказал — на случай, если мой пленник чего-то еще не понял:

— Разнесет все вдребезги — и пульт, и тебя. Проверял много раз. Так что в любом случае уцелеть тебе или нет — зависит от меня, а не от ваших ребят там, за дверьми. Вывод сделал? Или надо тебе помочь?

Он внимательно следил за тем, как мина, словно сама собой, перемещалась над пультом. Потом ответил — и впервые в его голосе прозвучали нотки раздражения:

— Да чего ты, в конце концов, хочешь, не пойму.

— Любви, — ответил я, — никак не менее.

— Вряд ли получится. Я нормально ориентирован.

— Иди ты! — удивился я. — Вот уж не сказал бы...

Кажется, мне удалось в конце концов расшатать фундамент его невозмутимости. Он был, видно, из тех людей, что согласны скорее умереть достойно, чем жить в качестве объекта насмешек или хотя бы иронии. Я плеснул на раскаляющиеся камни еще ковшик:

— Ох, извини, я не сразу понял. Ты же импотент, я вспомнил — на такую работу других не ставят. Верно?

— Дерьмо ты, — пробормотал он и даже попытался высвободить руки — так ему хотелось въехать мне в челюсть, даже не заботясь о последствиях. Он разозлился до того, что перестал на какие-то секунды думать о защите; только это мне и было нужно. Наконец-то я смог войти в его сознание так же легко, как входит инструмент хирурга в обнаженную кору мозга. Остальное было уже, как говорится, делом техники, которой я владел издавна. Тем более что, как оказалось, у него только и было что защита — никаких средств активного противодействия.

— Спокойно, Эрик, — сказал я ему, чтобы окончательно укорениться в его сознании; имя при этом играет серьезную роль. — Вот теперь можем начать работу. Ты чувствуешь себя прекрасно. Ты настроен очень мирно. Все хорошо. Я твой друг, а ты — мой. Вместе мы сделаем очень хорошее дело: спасем человека. Ты ведь хочешь спасти человека, Эрик? Хорошего человека, очень хорошего.

— Я... хочу. — Кажется, сказать это стоило ему немалых усилий: в его сознании все еще шла борьба. Надежнее, ко-

 нечно, было бы воздействовать на его подсознание, но вре-

мя уходило, и заниматься этим уже некогда. — Хочу спасти хорошего человека.

— Молодец. Я в тебе и не сомневался. Ты мастер своего дела. Поэтому скажи: что мы сейчас должны и можем сделать, чтобы спасти человека, который находится в угнанной капсуле в Магистрали? Как только скажешь — я поверю тебе окончательно и сниму наручники — они, наверное, тебе уже надоели?

— Очень, — согласился он. — Очень надоели.

— Ты сказал правду. Чистую правду. Говори и дальше только правду. Только то, что знаешь. В чем уверен. И все будет очень хорошо. Я тоже говорю тебе правду. Одну только правду. Итак? Что нам нужно сделать?

Сделав два шага в сторону, я встал так, чтобы видеть его лицо. Сейчас нельзя было отрывать от него взгляд: какое-то подсознательное сопротивление в нем еще ощущалось. Оператор несколько секунд сидел молча, словно соображая. Наконец губы его шевельнулись:

— Надо переговорить.

— Ты кого имеешь в виду?

— Генерал-максимата. Команды идут от него.

— Вызови его. Что ты хочешь сказать ему?

— Чтобы нам... мне позволили нарушить технологию. Направление потока и напор. Иначе мы не сможем спасти хорошего человека.

— Ты думаешь, он согласится?

— Если убедить его, что мы не станем наносить никакого вреда процессу. Что нам нужен только тот человек.

— Это правда, Эрик. Нам нужен только тот человек. Хорошо. Вызывай его. И говори ему только правду. Что бы он ни спросил. А если понадобится — я подскажу тебе нужные слова. Но только если понадобится. На самом деле ты и сам все отлично знаешь.

— Я знаю, — на сей раз он смог наконец беспрепятственно кивнуть, и это, кажется, успокоило его больше, чем все мои убеждения. Во всяком случае, рука его, когда он вытянул ее, чтобы включить связь, нимало не дрожала. — Дежурный оператор вызывает генерал-максимата. Срочное сообщение...

Ответ последовал так быстро, как будто начальство давно уже ожидало этой связи.

«Оператор, здесь центральный пост. Генерал-максимат. Слушаю вас».

— Максимат, разрешите доложить. Управление процессом захвачено под угрозой оружия неизвестным мне невидимым человеком. Не с базы. Он разрешил мне обратиться к вам, чтобы передать условия, на которых он согласится не причинять ни производству, ни чему-либо другому на базе ни малейшего вреда. В противном случае угрожает взорвать главный пульт. Он

установил взрывное устройство. Хотите ли говорить непосредственно с ним?..

Я, пока он говорил, внимательно просматривал его сознание третьим глазом. И оно мне не нравилось. Сознание медленно затухало. Медленно, но неотвратимо. И это начало уже проявляться в его речи:

— Гене... максимат, я не су... не лу... слушаю... не слышу вас...

Но высокий начальник молчал. Оператор выходил из-под моего контроля самым простым образом: он засыпал. И я успел уже понять почему. Они начинают атаку. Я, собственно, ожидал, что они предпримут этот шаг еще раньше. И был готов. Включил фильтры унискафа. И сразу же в шлеме зажегся индикатор, подтверждающий все возрастающее наличие в воздухе постороннего вещества. Газ. Может быть, усыпляющий, а может, и что-нибудь похуже. Они все-таки пошли на риск оставить процесс без контроля и управления. Надеются, вероятно, что это — на считаные минуты. Ну, господа. Наивность порой бывает хуже прямой угрозы!

В моем распоряжении было очень мало времени, для того чтобы как можно лучше использовать возникшие условия. Выполнить только что, буквально на ходу возникший план. Его рождению помогли те, кто пустил газ. Потому что в ином случае мне пришлось бы самому усыплять оператора, и на это ушло бы по меньшей мере несколько минут, которых и так оставалось слишком немного. Но эту работу они выполнили за меня, кроме времени сэкономив и мою энергию. Так что я мог приступить прямо к делу.

Задача была не из самых сложных: надо было всего лишь своим сознанием занять место выключенного операторского сознания и таким образом на какое-то время вступить во владение всем, что в этом сознании имелось, то есть знаниями, умениями, опытом... И сразу же почувствовать всю многоэтажную подкову пульта как бы частью самого себя и пользоваться им так же, как пользуешься собственными руками или ногами — не задумываясь ни на мгновение. Я мог сохранять такое состояние примерно с полчаса, на большее у меня просто не хватило бы сил. Но за три десятка минут можно сделать много, очень много — если, во-первых, не ошибаться в действиях и, во-вторых, все предстоящие действия считать всего лишь одной, пусть и длинной фразой, не делить ее на отрезки, между которыми неизбежно возникают пробелы, то есть теряется время. Это было делом достаточно привычным.

Теперь я, профессиональный, хотя и кратковременный оператор всей этой непростой системы, совершенно ясно знал, что тут, на моем пульте, существует система одновременного блокирования всех входов и выходов. Она и должна была тут иметься, поскольку уже при создании всей этой станции, или базы, если угодно, предусматривалась задача обороны предприятия от нападения противника. Почему? Да потому, что строители

базы с самого начала знали, что затея их по каким-то причинам есть или будет незаконной, что сам характер их предстоящей деятельности почему-то покажется другим настолько опасным, что будут предприниматься серьезные усилия, чтобы ее пресечь. Теперь я знал не только то, что система блокировки существует, но и совершенно ясно представлял, каким образом она управляется — включается и выключается полностью или частично, работает только в пассивном режиме или переходит в актив — ну, и все такое прочее. Так что размышлять не пришлось: руки спящего оператора совершенно независимо от его спящего сознания вознеслись над пультом, и каждый палец нашел свое место прикосновения на экране. Тут же вспыхнули зловеще-багровые надписи: «ОСАДНЫЙ РЕЖИМ», «КОНТРМЕРЫ», «ПОЯС 1», «ПОЯС 2», «МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ»... Я-Разитель в этом разбирался бы, наверное, часами, если только не днями; однако мне-оператору задумываться не приходилось: всю эту кухню я знал до последней точки. И как только — с полусекундным запозданием — зажглось отдельное табло: «ВКЛЮЧЕНО», на время перестал думать об этом и перешел к следующим действиям.

А заключались они в том, что, предоставив режиму защищать меня от возможного вторжения, я целиком занялся тем сектором пульта, который ведал Магистралью; не производством продукта, а его транспортировкой. Логичнее было бы, конечно, сперва разобраться в том зелье, которое тут варилось; но я сделал так, как сделал, по совершенно понятной, я думаю, причине.

На соответствующем мониторе крохотными искорками светились, как я сразу понял при помощи оператора, два предмета: инспекционно-ремонтная капсула, она — сейчас неподвижная — помещалась в месте слияния большой и малой труб, а второй предмет, поменьше, двигался в направлении этого слияния от базы. И мне не надо было объяснять, что первая, неподвижная, искорка была Лючаной, а вторая, медленно (на схеме) приближавшаяся к ней, несла в себе угрозу уничтожения первой капсулы вместе с человеком, чья жизнь была для меня не менее важной, чем моя собственная. Таким образом, долго размышлять над тем, что сейчас становится для меня основной задачей, не приходилось. Любой ценой сохранить капсулу и вывести из игры встречного было первым, главным, единственным делом, которым сейчас следовало заниматься всерьез.

Поэтому я не с удовлетворением, а скорее с досадой воспринял необходимость отвлечься от этой задачи, чтобы откликнуться на приглашение к переговорам, которое получил по связи. С моей стороны она была отключена, однако центральный пост базы, вероятно, обладал возможностями включать ее без моего согласия. Можно было, конечно, на вызов никак не реагировать, однако ко мне обратились вежливо, а мне не хотелось, чтобы обо мне создалось впечатление как о невоспитанном вахлаке.

— Человеку, захватившему оперативный центр, — генерал-максимат Системы.

— Я слушаю. По возможности прошу быть кратким.

— Охотно. Предлагаю вам сдаться. Жизнь гарантирую.

Стандартное предложение, правда?

— Какова альтернатива?

Мне послышалось что-то, очень похожее на усмешку.

— Альтернатива не в вашу пользу. В атмосфере закачанного в помещение газа вы можете продержаться еще не более тридцати минут. Вашей маски хватит ровно на столько. Не стоит возражать: как вы понимаете, мы вас прекрасно видим. Я понимаю, что вы человек разумный и потому не попытаетесь нанести вред нашему производству. Это, кстати, непременное условие вашего выживания. Через полчаса вы уснете крепко — так же, как спит сейчас наш оператор.

— Я бы и не против, — сказал я. — Уж и не помню, когда мне удавалось как следует выспаться. Но вам-то от этого что? Режим будет действовать по-прежнему, и вы сюда не попадете еще очень долго. Отключить энергию вы не можете: тогда вы сами нарушите процесс, о котором заботитесь. А тут — мина с таймером. Объяснять дальше?

Снова усмешка, означающая чувство превосходства:

— Уважаемый незваный гость, вы неверно оцениваете ситуацию. Процесс идет к концу, и если не через полчаса, то минут через сорок он завершится сам собой. И перед началом нового цикла мы сможем позволить себе сделать паузу, обесточить завод, спокойно войти и овладеть положением, попутно захватив вас во сне. Вам же то, что вы засели в производственном центре, никаких выгод не даст. Вы должны понять, что если уж мы приняли меры от возможного нападения на завод, то позаботились и о том, чтобы снабдить производство надежной «защитой от дурака», а также и от злоумышленника. От вас. Так что у вас нет ни малейшей возможности ни прибегнуть к какому-либо шантажу, ни...

Он слишком уж разговорился, подумал я. А я ведь просил его быть лаконичным. Похоже, ему нравится слушать самого себя...

— Максимат, — прервал я его. — Почему и зачем я пришел и засел здесь — это мое личное дело, и говорить вам о моих целях я не собираюсь. А что у меня нет возможности угрожать вам чем-либо серьезным — огорчу вас: тут вы допускаете ошибку. Объясню какую: вы исходите из того, как действует ваша система сейчас, а я рассчитываю на то, чего ей недостает, но что я ей в ближайшие минуты дам. А именно — некоторые способности, которых у нее сейчас нет. Это достаточно просто. Ничего не надо заменять или переконструировать, достаточно поменять местами две пары кабелей — а с такой работой справился бы даже простой монтер...

— Ну и что? Чего вы этим добьетесь?!

Это был уже крик; похоже, генерал-максимат занервничал.

— Того, что мне и нужно. Например — ваши турбины, которые создают давление в Магистрали, заставлю работать в обратном направлении — не гнать смесь туда, а высасывать ее обратно. Сюда, сначала в накопитель вашей базы, а когда он переполнится...

Договаривать я не стал, понимая, что начальник уже представил себе все последствия такого демарша. И, похоже, ужаснулся. Во всяком случае, я на его месте непременно схватился бы за голову.

— Вы не сделаете этого! — проговорил он наконец. — Хотя бы потому... Потому, что затоплен продуктом прежде всего будет сам завод. И вы сами. А наш продукт, если не знаете, это не молочная река. Вы превратитесь в эмульсию...

— Но и ваше удовольствие от этого будет непродолжительным, — ответил я. — И, кстати сказать, я такую возможность предвидел и с нею смирился, а вы — нет, вам к такой мысли надо еще привыкнуть, а это очень трудно, говорю по своему опыту. Но некая истина в ваших словах все же имеется. А именно: я и в самом деле могу этого не делать. Конечно, на определенных условиях.

— На каких же? — спросил он после паузы уже более спокойно.

— Мои условия просты и для вас легко выполнимы. У вас ведь есть собственная связь с ПЗБ, не так ли?

— Несомненно.

— В таком случае, для вас не составит труда связаться с ними, приказать или попросить, уж не знаю, чтобы их — или ваш — убийца был отозван из Магистрали, где сейчас находится. Это первое. Второе: позвольте той капсуле, которую вы считаете угнанной — ну да, конечно, так оно и есть, но она никуда, как вы понимаете, не денется, — позвольте ей беспрепятственно выйти из Магистрали на ПЗБ, а ее пилота, после того как он покинет капсулу, срочно доставите сюда целым и невредимым, а я впущу его в зал, где нахожусь сам. Третье: вы даете мне слово, что не станете препятствовать нам обоим покинуть вашу базу и даже предоставите для этого средство передвижения, которое затем тоже будет вам возвращено. Вот и все.

Я понимал, что будь Лючана сейчас рядом со мною, она непременно дернула бы меня за рукав и тихо, но решительно объяснила бы мне, каким непроходимым дураком я стал, если намереваюсь положиться на любые заверения противника. Но я бы лишь подмигнул ей — и она сразу поняла бы, что это третье условие я выдвинул разве что для кудрявости, а на самом деле намерен сделать что-то совсем другое. Но ее здесь не было. Пока.

— Разумеется, я готов дать вам такое слово. Даю его вам. Конечно, при условии, что вы напоследок не захотите хлопнуть дверью.

— Ни в коем случае, генерал: тогда вы сочли бы себя свободным от обещаний... Можете быть уверены.

— Хорошо. Скажите, с нашим оператором не произошло ничего... серьезного?

«Заботится о своих людях? — подумал я. — А я-то полагал, что ни в ком здесь не осталось ничего человеческого».

— Не беспокойтесь, генерал. Он жив, не испытывает никаких неудобств и чувствует себя, полагаю, лучше, чем мы с вами.

Давая ему такое заверение, я не сводил глаз с табло со схемой Магистрали. Если только они попрqбуют как-нибудь схитрить...

Но похоже было, что мой оппонент вознамерился играть честно. На табло я увидел, что искорка, обозначавшая карателя, замедлила свое движение по линии. Остановилась. И медленно, очень медленно, но все же двинулась назад. Освобождая таким образом свободный проход для капсулы. Приближая Лючану к выходу. К освобождению. Ко встрече со мной. И в конце концов — к дому...

— Вы меня слышите, уважаемый противник?

Это снова генерал-максимат. Что он, передумал? Или хочет еще каких-то гарантий с моей стороны?

— Разумеется, я вас внимательно слушаю.

— Поскольку в ваших интересах ускорить этот процесс, не так ли?..

— А вы сомневаетесь?

— ...то будьте любезны принять участие в деле.

— Чего вы хотите?

— Увеличьте скорость потока сразу в обеих трубах — оператор поможет вам разобраться. Тогда давление в малой трубе возрастет настолько, что выдавит капсулу в Магистраль.

— Разумно, — согласился я. — А зачем ускорять поток в главной трубе?

— Чем выше оно будет — тем скорее наш человек покинет Магистраль, а капсула приблизится к выходу, как вы и хотите.

— Понятно. Увеличиваю.

На самом деле я понял не только это. Ему, скорее всего, нужно было сохранить нужное соотношение компонентов продукта, чтобы ни литра не пошло в брак.

— Только будьте внимательны — ничего не напутайте! — озабоченно добавил генерал-максимат.

— Такое предположение может меня обидеть! — ответил я, в то время как руки спящего оператора, повинуясь моей команде, уже выполняли нужные действия. Столбики индикаторов скорости и давления в Магистрали и малой трубе уверенно поползли вверх.

— Я вижу, у вас неплохо получается!

— Стараюсь, генерал. Изо всех сил.

«Ради тебя, Люча, — подумал я, — стараюсь. И выполню все в наилучшем виде. Как мне и свойственно».

Раздался странный звук. Я не сразу понял, что это я сам негромко напеваю песенку, чья мелодия не имела ничего общего с похоронным маршем.

И тут же умолк. Потому что услышал еще нечто, уж и совершенно неожиданное.

Глава тринадцатая

1

«Господи, — думала Лючана с тревогой, — они там, похоже, все посходили с ума. Мне так не удержаться на этом пятачке, никак не удержаться. Хоть бы они снабдили свои капсулы якорями, а то ведь уцепиться не за что и нечем. А сорваться в этот поток — все равно что прыгать в водопад: занятие для сумасшедших, для совершенно спятивших...»

И в самом деле. Если до сих пор капсула ее достаточно уверенно удерживалась на месте, наполовину спрятав носовую часть в узкой трубе, в которой и застрять было недолго, если попробовать еще продвигаться в ней, — удерживалась благодаря движку, работавшему средним ходом, то теперь поток массы, что вытекал из узкой трубы-притока, ускорился и давление ее на капсулу с каждой секундой возрастало. Приходилось увеличивать обороты, сейчас они были уже близки к пределу — а скорость массы все нарастала. Похоже было, что не удастся более удерживаться в этом относительно безопасном месте. Нет, не удастся, никак не...

Не удалось. Снова давление поднялось, на этот раз — рывком, сразу, и узкая труба выстрелила капсулой, как бутылка шампанского — пробкой. Хорошо, что компьютер точно оценил возникшую опасность и автомат успел переложить рули — иначе капсула кормой врубилась бы в стенку большой магистральной трубы, сминая всю свою заднюю часть в гармошку. Эта опасность миновала. А как будет с теми, что еще ожидают впереди?

Первая волна страха схлынула, Лючана вновь обрела способность читать показатели приборов и экранов, оценивать ситуацию. И в первую очередь — положение того встречного, то есть противника, который ей угрожал. Как-то он справляется с обстановкой?

Ответить на это было трудно, хотя встречная фигура ясно виднелась на переднем экране. Судя по шкале расстояния, она приближалась, но крайне медленно. Вот разделяющая их дистанция и вовсе перестала сокращаться. Значит, его движок против такого течения не выгребает, очень хорошо, драка отменяется. О, вот разрыв между ними стал расти, все быстрее и быстрее. Видно, тот понял, что сопротивляться нет смысла, так или иначе поток вынесет его туда, откуда он появился. Судя по схеме на экране, довольно большое пространство, и там масса нака-

пливается, но места явно хватит для каких-то маневров. Так, расстояние опять перестало изменяться — вероятно, это значит, что теперь они оба продвигаются со скоростью течения. Он там окажется раньше ее — на сколько же? Не так уж и много: на десять минут, во всяком случае такую цифру дал компьютер. Но и за десять минут можно что-нибудь придумать. Обязательно можно, нет — нужно что-то придумать. Потому что противник знает, откуда она появится, и знает — когда. И у него хватит времени, чтобы приготовиться к соответствующей встрече. «А мне, — думала Лючана, — там готовиться будет некогда. Я должна все придумать сейчас. Чтобы сразу, как только меня вышвырнет туда...

Постой, вроде бы возникает идея...»

2

На посадочно-загрузочной базе все было готово к приему долгожданного транспорта. Посадочная платформа очищена от того мусора — обломков, камней, — что неизбежно приносит с собой Большая волна. Вокруг становилось все светлее: вода пусть и медленно, но уходила, приближался отлив — время, когда то, что сейчас еще было морским дном, станет на определенные часы сушей и из этой суши снова буйно полезет странная здешняя зелень. До следующего прилива она превратится в настоящий лес, потом ее, как и все предыдущие поколения, затопит, в воде она достигнет нужных кондиций — тогда выйдут уборщики, скосят, раздробят, перекачают в отстойник Главной базы — и начнется очередной цикл производства удобрения — или же секретного продукта под названием «Зоэген». К тому времени все емкости ПЗБ должны быть готовы к приему новой массы, то есть до дна вычерпаны, промыты водой и паром — и так далее, а корабль, которому предназначена нынешняя порция продукта, уже стартует с поверхности в космос.

Но до того, как стартовать, транспорту «Маркиз Пит» еще предстояло опуститься на платформу, принять груз, а во время заливки продукта проверить механизмы и системы, начиная с жизнеобеспечения и кончая пространственной ориентацией, и если что-то окажется не в порядке — устранить неисправности. Как уже говорилось, посадка транспортов происходила на пике прилива, то есть, пройдя через атмосферу, корабль попадал в воду, чья роль здесь была двоякой: тормоза и охладителя. Таким образом, можно было изрядно экономить на антигравах, поскольку ничто не требует такого количества энергии, как инверсия гравитации, и ее предпочитают использовать только тогда, когда без этого обойтись просто нельзя: в частности, когда приходится сажать корабль с многотысячетонной массой на планету, где водяной оболочки нет, а подчас и атмосферы тоже, так что тормозиться можно лишь за счет внутренних ресурсов. Поэто-

му на Ардиг, где есть и то и другое, садятся именно таким образом. Это, безусловно, выгодно, хотя и довольно рискованно.

Люди летающие знают, что в каждом полете есть два наиболее опасных этапа: старт и финиш, взлет и посадка. На Ардиге посадка большого корабля куда опаснее, чем старт с него. И прежде всего потому, что скорость, которую корабль еще сохраняет в момент перехода из атмосферы в водную среду, должна быть выдержана буквально до сантиметров в секунду: окажется она чуть больше — и удар о воду может привести к самым печальным последствиям. Как сказал один летчик древних времен: «Вода мягка, пока вы сильно об нее не ударитесь». А если скорость погашена излишне — кораблю будет очень трудно, а то и невозможно справиться с водой.

Потому что на Ардиге садиться приходится не на спокойное водное зеркало: такого тут не бывает. Приливная волна обегает Ардиг, почти не встречая препятствий, с немалой скоростью, то есть представляет собою течение такой мощности, какого вы не встретите ни на одной другой планете. Оно подхватит корабль, сорвет его с рассчитанной траектории, и ему не удастся прорезать водную толщу так, чтобы безошибочно попасть на посадочно-загрузочную плиту, а только там и существуют устройства для укрепления корабля на все время стоянки.

Еще одной сложностью для финиширующего корабля является точный выбор точки входа в гидросферу. А это трудно уже потому, что на стремительно мчащейся воде никаких постоянных признаков не имеется и не может быть. Корабль идет по лучу, но не исключается, что в воде, а в особенности — при переходе в атмосферу, луч может исказиться и корабль, следуя по нему, в результате окажется вовсе не там, где хотелось бы. Одним словом, вести корабль на такую посадку способен только пилот экстра-класса, даже при том, что всю расчетную нагрузку берут на себя компьютеры. Вот по сумме всех этих причин и обстоятельств посадка на Ардиг всегда заставляет крепко поволноваться и людей на корабле, и тех, кто ожидает его посадки внизу, под толщей стремительной воды. Именно так все обстояло и сейчас.

Но — вопреки волнениям, а может быть, наоборот, именно благодаря им — транспорт и в атмосферу, и в волну вошел нормально, ведущий луч не исказился, корабельные компьютеры не глючили, устройства не отказывали, внизу, когда скорость была уже погашена, подруливать пришлось разве что чуть-чуть — и наконец здоровенная туша встала на свои восемь лап. То был миг, когда включение гравигена, пусть и на самую малую мощность, сделалось неизбежным — правда, очень ненадолго: ровно на ту минуту, что потребовалась страхующей технике посадочной платформы, для того чтобы наложить на амортизаторы свои тяжелые лапы и таким образом предохранить корабль от сноса течением, которое у дна было хотя и слабее, чем на

поверхности, но все же могло при случае наломать железных дров. Иными словами — все обошлось как нельзя лучше и дышаться всем стало легко и весело. Тем более что и шестерка перехватчиков вслед за охраняемым танкером благополучно опустилась на дно, расположившись кольцом вокруг гостя. Начался обмен поздравлениями и улаживание самых первых проблем.

— Перешли в режим спокойного ожидания, — доложил капитан Узер Мо, выслушав все полагающиеся приветствия. — Готовы принять груз. Прошу, как положено, официально гарантировать полную безопасность.

Требование такой официальной гарантии было установлено под сильным нажимом страховых компаний: речь шла об очень серьезных деньгах, и страховщики вовсе не хотели нести убытки из-за того, что в подобных ситуациях бывает очень трудно, а то и невозможно найти виноватого.

— Заливочная система в полной готовности, — ответили ему. — Что касается гарантии, то на этот раз процедура будет несколько иной. А именно: одновременно с нашим документом вы даете нам письменное заверение в том, что вполне удовлетворены принятыми нами мерами безопасности.

— С чего бы это? — Капитан, похоже, этим не был очень обрадован. — Наши правила не предусматривают таких действий. У вас что — не все в порядке?

Последние слова могли относиться равным образом и к обстановке на планете, и к умственной деятельности генерал-максимата. Тот предпочел первое истолкование. И поспешил успокоить корабельщика:

— У нас, как обычно, полный порядок. Что же касается нашей просьбы — мы раньше ничего такого не просили, не собираемся и впредь, но этот ваш приход совпал по времени с Великим приливом, явлением достаточно редким, но целиком природным; мы никогда еще не принимали и не отправляли транспорты в таких условиях, поэтому и хотим... Дело в том, что мы намерены применить системы жесткой фиксации корабля и загружать вас станем не как обычно, не через бронешланг, а снизу, через аварийную трубу, так, чтобы не помешало течение: оно, как понимаете, на этот раз сильнее обычного. В остальном же...

Капитан Узер, выслушивая это, кивал головой, все более успокаиваясь. И этот маленький эпизод, вероятнее всего, не получил бы никакого продолжения, если бы (совпадение, не более, но у кого в жизни не случалось таких вот неприятных совпадений?) в этот самый миг в капитанский центр ПЗБ не вошел секретарь капитана, чтобы встревоженно доложить:

— Максимат-три, поток в Магистрали снова замедлен Главной базой — вероятно, из-за этой бабы в капсуле. Ликвидатор обещает управиться с нею в полчаса, но потом придется вытаскивать капсулу — считайте, еще не меньше часа...

— Тише вы! Не орите!

Но что случилось, то случилось: максимат, застигнутый этим докладом врасплох, не успел отключить микрофон связи с танкером, и потому капитан Узер Мо услышал все от первого до последнего слова. А поскольку он был человеком опытным, то сразу же сообразил, что причины нештатного поведения начальника базы были вызваны вовсе не только приливом.

— Добро, — сказал он, едва наступила пауза. — Картинку я усвоил. Груз у вас еще не полон, значит, начать закачку вы не можете. Вы там не забыли — в случае непогрузки по вашей вине будете платить крутые штрафы. И за мой простой — тоже. Вот зачем вам понадобилось письмо: чтобы доказать, что вина за задержку лежит на мне, а вы все делали наилучшим образом. Не получится, капитан-максимат. Я включаю счетчик.

— Ну, — проговорил максимат, — какие-нибудь полтора часа — неужели вы не нагоните их в полете?

— Это иногда получается, а иногда и нет, — ответил капитан. — Простор, знаете ли, это такая материя — там никто гарантий не дает.

— Но вы ведь постараетесь, правда? А я, со своей стороны...

Тут максимат сделал паузу, и она была воспринята совершенно правильно.

— Ну, мы всегда стараемся, — ответил капитан. — Когда есть смысл.

— Будет смысл, будет! — заверил его максимат.

— Добро. Но вы все-таки не тяните резину.

— Да мы уже, собственно...

3

Что возникшему замыслу не суждено будет осуществиться, Лючана поняла не сразу, но только тогда, когда поток, в последние минуты все быстрее уносивший капсулу навстречу противнику, как-то внезапно иссяк и капсула, проскрежетав днищем по металлу трубы, остановилась. Женщину, не ожидавшую такого поворота событий, бросило грудью на пульт, заставив несколько секунд судорожно хватать ртом воздух, восстанавливая дыхание. Но и возникшая боль, и сбой дыхания показались ей делом пустяковым по сравнению с тем, что она лишилась всякой возможности как-то двигаться, маневрировать и даже вести бой с противником, который — Лючана отлично понимала это — в любом случае не оставит своего замысла если не уничтожить ее, то, во всяком случае, снова захватить; но, однажды вырвавшись на свободу, пусть и весьма ограниченную, она не собиралась больше попадать в плен, независимо от возможных последствий.

А что противник намерен по-прежнему добиваться этой цели, Лючана поняла, еще не успев даже как следует прийти в себя. Потому что остановка капсулы в трубе никак не по-

влияла на работу приборов и локатор исправно показывал, что человек, собравшийся уничтожить ее, никуда не исчез и находится совсем недалеко отсюда. Он, разумеется, тоже лишился возможности плыть, но Лючана отлично понимала, что они оказались вовсе не в равном положении хотя бы потому, что она могла только, оставаясь в капсуле, ждать каких-то действий противной стороны, а эта самая сторона обладала возможностью передвигаться по обсохшей трубе самостоятельно, приблизиться вплотную и атаковать, а у нее, Лючаны, такой возможности не было.

Она лишь на считаные секунды поверила, что сможет оставить капсулу, ставшую для нее то ли убежищем, то ли тюрьмой; но, вглядевшись в результаты внешнего анализа среды — а прибор этот продолжал работать непрерывно, — поняла, что это невозможно: за бортом труба была сейчас заполнена вовсе не воздухом, пригодным для дыхания, но аргоном, совершенно, при всем его благородстве, для дыхания не годящимся и к тому же еще и перемешанным с не успевшими выветриться испарениями массы, только что заполнявшей трубу, в составе которой, если верить тому же анализатору, присутствовало немало свободного хлора, то есть откровенно отравляющего вещества. Оказаться в такой среде без прямой угрозы жизни можно было только в специальном костюме и с запасом дыхательной смеси в баллонах; однако судьба, предоставив в распоряжение Лючаны капсулу, как-то не позаботилась о прочем снаряжении, и все, что пригодилось бы при выходе в трубу, осталось где-то в другом месте.

Так что не было возможности, если противник, соответственно одетый, снаряженный и вооруженный, приблизится к капсуле по трубе, встретить его достойно, хотя бы схватившись врукопашную. Оставалось лишь надеяться на то, что он, может быть, все же не рискнет выйти в трубу. Ведь каким бы надежным ни был костюм, но даже малейшее нарушение его герметичности привело бы человека к быстрой гибели — и это ему прекрасно известно. И может быть, по этой причине тот, кто охотится за нею, тоже предпочтет активному варианту выжидательный, уступая ей право первого хода, потому что и Лючане, и врагу было одинаково ясно: деваться отсюда ей некуда, время пребывания ее в капсуле не могло быть не только бесконечным, но даже сколько-нибудь протяженным — оно определялось все той же дыхательной смесью, которой с каждым вдохом становилось все меньше, о чем свидетельствовал соответствующий манометр. Несложный анализ его показаний убеждал в том, что полный заряд воздуха для одного человека обеспечивал его пребывание в капсуле в течение трех часов, иными словами — времени, достаточного для того, чтобы малым ходом пройти всю трубу туда и обратно, а кроме того, потратить час на какой-то возможный ремонт. Сейчас два часа уже миновали, и, значит, она могла отсиживаться в капсуле, если не помешают, еще час, а потом...

Что будет с нею после этого, Лючана предпочитала не думать, но мысль о том, что умирать таким образом ей очень не хочется, неотступно маячила в подсознании, где-то на границе здравого смысла. Нет, если даже гибнуть, то не задыхаясь, беспомощной белой мышкой, но в каком-то действии, активно, не жертвой, а атакующим бойцом — пусть даже надежды на успех не будет никакой, но останется до последнего мига хотя бы надежда захватить с собою в гибель и врага...

Но это могло бы случиться, только если противник начнет действовать первым. Потому что у нее возможности движения больше не было, а у него, безусловно, была. Однако враг, кажется, решил не спешить. Понял, скотина, что время работает на него. Осталось уже меньше часа... Сорок семь минут — неужели это все, что ей отмерено?

«Ра, — подумала Лючана, — черт бы тебя взял, неужели ты позволишь мне уйти вот так и ничего не сделаешь, чтобы мне помочь, вытащить меня отсюда? Ты где-то рядом, я чувствую, что ты что-то пытаешься сделать, — так сделай же! Ведь если я... Ты же никогда себе не простишь, весь остаток жизни будешь этим казниться. Давай, Ра, помоги мне, напрягись — и ты наверняка найдешь возможность разобраться с обстановкой...»

Думая так, Лючана не сводила глаз с табло, на котором ярким огоньком по-прежнему обозначался противник; смотрела так напряженно, словно именно оттуда должно было прийти какое-то известие от Ра, о его действиях — конечно же, успешных, победоносных.

И известие действительно пришло. Но не такое, какого она ожидала, на которое надеялась, вопреки здравому смыслу.

Похоже, противник не выдержал бездействия. А может быть, его подстегнул кто-то из начальства: всякий начальник любит, когда все подчиненные постоянно пребывают в движении, когда все крутится-вертится, чем быстрее, тем лучше, чтобы головы кружились от лихости...

Он приближался. И это означало, что можно больше не следить за часами.

Пройдет значительно меньше времени до того, как он подойдет вплотную. И все решится раз и навсегда.

«Ра, — подумала Лючана напоследок, — тебе и в самом деле грозит опасность потерять меня. Если ты ничего не придумаешь и не сделаешь в ближайшие полчаса...»

4

За посадкой прибывшего танкера наблюдал не только штатный персонал ПЗБ, но — с не меньшим интересом — и два служителя безопасности, лишь недавно прибывшие на эту базу.

— Сели благополучно. Все в полном порядке, — сказала Маха и даже вздохнула — то ли с облегчением, то ли,

напротив, потому, что только сейчас и должны были начаться решительные действия.

Она ожидала подтверждения, которое вроде бы само собою подразумевалось. Но его не услышала. Оглянулась в недоумении. Иванос напряженно смотрел на один из дисплеев — на тот, что непрерывно давал сведения о выходе готового продукта и тут же — о перекачивании зоэгена в корабельные танки. Цифры, которым следовало бы бегло меняться, сейчас незыблемо стояли на месте, а там, где они показывали ход загрузки корабля, виднелись и вовсе одни нули. Это, по всей вероятности, означало, что заливка готового продукта еще и не начиналась. Между тем ей следовало идти полным ходом. Причина задержки была пока неясной, однако уже сейчас понятно было, что она нарушает все планы — и хозяев предприятия, и тех, кто пытался овладеть им.

— Что случилось? — спросила Маха таким тоном, словно это по вине Иваноса начались непредвиденные события.

— Постой, разбираюсь... Ага! Пошли вопросы...

Это было сказано достаточно сердито. Иванос сразу же нажал на пульте связи клавишу «Прослушивание».

«Оператор, в чем дело? Мы не получаем продукта. Срывается загрузка танкера! Уснули вы там, что ли?»

«Помехи в Магистрали, — был ответ. — Посторонний предмет перекрыл доступ в Магистраль компонента ЖВ. Принимаем срочные меры по устранению препятствия. Потерпите. Рассчитываем управиться за час».

— Ему там легко говорить, — пробормотал Иванос, отключив микрофон. — А у нас все было рассчитано по минутам: через полчаса тут окажутся все перехватчики — и нам отсюда и носа не высунуть, не то что брать танкер на абордаж.

— Шеф, — проговорила Маха, — а ты не подумал о том, что это за препятствие, затыкающее трубу? Хотя — ты человек нездешний, тебе простительно... А я, например, знаю, что в Магистраль просто так ничего попасть не может.

— Не понял. Давай быстро.

— Известно, что эта женщина — ну, жена того человека...

— Ее зовут Лючана, и ты это знаешь. И что?

— Она сбежала, не так ли? Но в воде не обнаружена. А вот в трубе возник посторонний предмет, а именно — капсула... Кто может в ней быть, кроме?..

— А, черт, — буркнул Иванос. — Нечистая сила.

— А по времени выходит, что кто-то вышел отсюда в Магистраль еще до того, как капсула создала затор. То есть не для устранения затора он туда направился: тогда никто не мог знать, что капсула влезет в малую трубу и нарушит процесс, а с ним и загрузку. Зачем он вышел, по-твоему?

— Ты права, — признал Иванос. — Надо лезть в Магистраль и наводить там порядок. Значит, так: я иду в трубу —

унискаф это позволяет. А тебе с ребятами не остается пока ничего другого, как ждать. Танкер нужен нам со всем грузом. Пустой ни к чему.

— Тебе лучше знать. Ну, беги. Буду ждать твоих команд.

5

Я смотрел на табло — схему Магистрали. На два огонька, обозначавшие оба замерших как бы в противостоянии объекта: капсулу и охотника на нее. Голова работала на расплав подшипников. Но сколько-нибудь приемлемого выхода я все еще не нашел. Я чувствовал, что он есть. Существует. Где-то даже не очень далеко. Но невидимо для меня. Тоже ушел как бы в незримку. Плохо. Очень скверно. В смысле — беспомощно я думаю. Раз выход существует, его нужно найти. А если его нет в природе, значит, нужно его создать. Только и всего.

Ну а что же Люча? Не станет же она покорно ожидать, пока охотник не подойдет, чтобы с нею разделаться? Люча, не спи! Тут нельзя сидеть в осаде. Нужен встречный бой! Пусть даже у тебя плоховато с оружием, но умение-то никуда не девалось — если только ты не совершенно деморализована. Ты же боец! Ты...

На этом я свой внутренний монолог прервал. Одного взгляда на анализатор среды в трубе оказалось достаточно, чтобы понять — почему она не выходит и не выйдет. Не потому, что не хочет. Она хочет — она не может. Поскольку не умеет обходиться без дыхания. А дышать в трубе нечем. Вышел — и тебе кранты.

Сползаются огоньки — все ближе. Хотя какое-то время у нее — у нас — еще есть. Минут... сколько? Двадцать пять еще наверняка. За это время надо создать выход из положения. Трудно? Пустой вопрос. Возможно? Это главное.

Искать!

Вернемся в извилины оператора. Честное слово, сейчас я готов ему позавидовать. Дрыхнет без всяких забот и видит, наверное, сладкие сны. Совершенно не думает о том, как спасти застрявшего в трубе человека. Совершенно не...

Стоп. Что-то мелькнуло рациональное. Что же? Как спасти застрявшего...

Верно. Создавая любую систему, связанную с пребыванием в ней человека, хотя бы и разовым, кратковременным, конструкторы не могут не позаботиться о его безопасности, в случае если возникнут какие-то нештатные ситуации. Во всяком деле должна быть какая-то подушка безопасности. А в трубе? Допустим, посланная туда ремонтная капсула потерпела аварию. Человек, может быть, ранен. Обездвижен. Его надо как-то вытащить, не дать ему погибнуть. Так что должен быть комплекс таких мероприятий. Пусть эту систему создали те, кого я сейчас причисляю к нашим противникам, но себе-то они не враги! И обязаны были позаботиться сами о себе. Тем более что тут, похоже,

каждый человек при деле, лишних вроде бы нет: все-таки не жилой это мир, а лишь производственный.

А раз такие меры возможны, то мой спящий красавец должен быть целиком и полностью в их курсе. Потому что все, что имеет отношение к трубе, относится к его хозяйству, идет через него.

Значит, так. Есть труба. Она сейчас не работает, поскольку последнее время капсула не позволяла поступать в трубу компоненту из малой трубы, и автоматика, отключающая процесс, сработала, а после того, как капсулу удалось вытолкнуть в большую трубу, она почти полностью перекрыла поперечник Магистрали и продукт по-прежнему практически не проходил. Пришлось выключить компрессоры — иначе капсулу просто разбило бы в конце Магистрали, ударив суденышком в торец большой трубы. Я сейчас — оператор. И знаю, что когда поток остановлен, трубу заполняет непригодная для человека газовая смесь. Почему такая смесь, оператор? Ага, ясно: чтобы не подвергать внутренность трубы окислению. Но вот произошло несчастье — авария капсулы (естественно ведь, что капсула производит инспекцию именно тогда, когда продукт через Магистраль не прокачивается) — и возникает угроза жизни человека: пилота, инспектора, ремонтника — так или иначе ценного, нужного специалиста. Оператор, есть программа по спасению человека? Должна быть. Ну-ка, скажи мне...

«Программа в компьютере. Дирекция ЧП».

Господи, что же я сам сразу не сообразил? Склероз? Или просто глупость?

Так. Ищем... Вот она. Меню? «Пробой»... «Пожар»... мимо. «Закупорка»... Не то, не то. Ага, вот: «Капсула: авария». Давай сюда. Что там? Неужели не найдется ничего, что можно было бы использовать?

Минут пять ушло у меня на внимательное чтение. Отнюдь не бесполезное. Так. Умники. Браво. Если только...

Вот эта спецклавиатура, эк они ее запрятали — сразу и не найдешь. Видно, не очень допускали реальную возможность таких происшествий. Как переключаем на нее? Ага, ясно. Молодец, ожила. Загружаем программу. Первое — продувка трубы. Второе — одно лишь слово: «дыхание». Очень емкое слово, хотя обычно об этом как-то не думаешь. Остальное пока не нужно вроде бы? Не... Отставить! Вот оно, тоже очень нужное: «Аварийная связь»! Ах, молодцы, сукины дети... И последнее: «Эвакуация».

Включили. Взгляд — на эту группу приборов. Пошло?

Пошло! Ей-богу пошло!

Ну...

6

Весь мир сейчас сузился до невероятно малых размеров: он целиком умещался в тесных рамках табло и состоял всего-навсего из крохотных огоньков на серо-зеленом фоне. И рас-

стояние между красным движущимся огоньком и неподвижным — Лючаной в капсуле — медленно, но неуклонно сокращалось; сколько оставалось расстояния — столько же было и жизни.

Подвижность могла бы еще если не спасти ее, то немного оттянуть конец — Люча сумела бы хоть, включив двигатель на полную мощность, отступать, не позволяя дистанции между нею и преследователем сокращаться так быстро, если бы капсула могла передвигаться по сухому дну. Но она могла только плыть... Лючана поняла, что не сможет противопоставить противнику ничего, потому что применить оружие — тот самый дистант, который у нее все еще был, — можно было бы лишь оказавшись лицом к лицу с врагом, то есть выйдя из капсулы в трубу; но это означало бы немедленную гибель от удушья. Впрочем, если не выходить — придет тот же самый конец.

Это, безусловно, понимает и противник, и, приблизившись, он не станет затевать дуэль, но просто продырявит капсулу в каком-то месте и спокойно обождет, наблюдая за агонией беглянки, если ему удастся подключиться к ее внутренней фиксирующей камере. Умереть задохнувшись — не самая приятная смерть; да бывает ли вообще приятная? Возможно, самое время было подумать об этом, потому что все остальное для Лючаны уже как бы и не существовало, никакого продолжения жизни. Но мысль о смерти никак не желала возникать сейчас в ее сознании — и, может быть, это говорило о том, что на самом деле смерть не так уж близка, не так уж неизбежна, как представлялось?

Эта ли мысль, едва успевшая оформиться, заставила Лючану встрепенуться, поднять голову, стряхнуть то состояние расслабленности, которое уже успело вкрадчиво овладеть ею, не для того, чтобы сдаться, конечно, но наоборот — чтобы сохранить остаток сил, чтобы достойно продержаться до самых последних мгновений, умереть гордо, а не позорно, в полном сознании, а не в беспамятстве, а может быть, эта мысль оказалась лишь реакцией на какое-то изменение, только что совершившееся тут, внутри капсулы? Лючана еще не отдала себе отчета в том, что именно изменилось, но подсознанием почувствовала: что-то стало не так, как было еще несколько секунд тому назад. Он уже здесь? Нет, угрожающий огонек еще достаточно далеко. Но что-то ведь...

Связь!

И в самом деле: если бы она не таращилась так упорно на проклятое табло (именно так подумала она о своих действиях), то заметила бы мигающий индикатор связи на секунду-другую раньше. Связь она отключила еще в самом начале своего путешествия по трубе, потому что не ожидала услышать ничего ободряющего. Ра с ней связаться никак не мог, поскольку эта система связи использовала трубу в качестве волновода, за пределы которого ни один сигнал не проходил, а никого другого она слышать не желала.

Ей ничего не могли бы сказать, кроме угроз и дурацких

предложений вроде безоговорочной капитуляции. Тогда ей еще казалось, что у нее есть какие-то перспективы. Сейчас положение выглядело иначе и, во всяком случае, даже поругаться с кем-то стало бы развлечением, отвлекло от самых тяжелых мыслей. Интересно, кто это пробивается к ней? Капитан базы? Оператор? Или, может быть, тот, кто приближается к ней, решил, что следует напугать ее, еще не успев приблизиться? Ну ладно, у нее тоже найдется, что сказать ему...

Она включила связь. И услышала:

— ...Да ты что, спишь, что ли? Лю!

Господи! Что это — померещилось ей или...

— Эй! — произнесла она осторожно. — Ты мне снишься? Если нет, то где ты?

— Где надо, — ответил он, и ворчливая манера, в которой это было сказано, лучше любой логики убедила Лючану в том, что это действительно он.

— А ты — загорал где-нибудь? Обо мне позабыл?

С запозданием она подумала, что он мог бы и обидеться на такой не очень любезный прием. Хотя на самом деле Лючана, конечно же, обрадовалась чуть ли не бесконечно: впереди снова возникал просвет. Но высоких слов она всегда избегала. Они все куда-то пропадали в самый нужный миг.

Он, однако, обижаться не стал или, возможно, отложил до более спокойного времени. Вместо этого быстро проговорил:

— Слушай, не перебивай, вопросы потом. Пристегнись как следует. Сейчас попробую вытащить тебя. Снова заполню трубу. Не продуктом: промывочной водой. Как только волна дойдет до тебя — включай полный задний, ввинчивайся в нее — станешь продвигаться туда, откуда пустилась в путь и где я сейчас. Если будет мотать, подруливай немного, чтобы не било о стенки. Остальное — мое дело. Что неясно?

— Тут же сухо, Ра...

— Я говорю: волна уже идет. Держись. Оставайся на связи.

— Какая вол...

Она не стала даже договаривать: новый звук возник вокруг нее: словно ветер засвистел, завыл за бортом. Взгляд невольно метнулся к кормовому экрану, на котором просматривалась большая труба. Цвет ее менялся — где-то в глубине что-то пенилось, густело, приближалось, за кормой ветер уже просто рычал...

— Ты молодец, Ра, — не выдержала Лючана.

— Да ладно, — сказал он таким тоном, словно такие штуки проделывал ежедневно. — Держись! Волна рядом!

Ее тряхнуло. Но слабее, чем она ожидала, вцепившись в подлокотники, чтобы не вылететь из сиденья. Капсулу только чуть шевельнуло — и все. Лючана включила реверс на полный. Вода обтекала ее, корма глухо звенела от напора, но запас крепости у нее был, похоже, достаточным. А где там противник?

Ого, как отодвинулся назад: не смог выстоять против ветра, надо думать, а ведь это еще цветочки, волна его еще не достала...

Противник — было видно по суете его огонька — вовремя оценил обстановку, повернулся головой к волне и, когда она уже наваливалась на него, нырнул под ее основание, чтобы избежать удара. Наверное, в какой-то степени это ему удалось, судя по тому, что огонек остался почти на месте. Не растерялся, гадина. Только это еще не все...

Волна домчалась до торца трубы, с грохотом обрушилась на заслонку, отразилась. Жидкость крутилась спиралью, остановленная в своем стремлении, искала выхода, уровень ее все повышался, а Лючана с тревогой заметила, что оказалась ближе к преследователю, чем была раньше. «Вот вцепился, — подумала она невольно, — как бульдог... Ему бы спасаться, а он все рвется ко мне...»

— Лю, — услыхала она с трудом: в капсуле было шумно. — Если вырвалась, включай движок, уходи от него. Уже идет отсос, и тебе нужно не отставать от волны, не то снова застрянешь. Он поблизости!

— Вижу. Иду полным. Но ничего не могу сделать: реверс тут слабый. О господи! Перекосило! Снова сижу.

— Пробуй вырваться! Раскачивай...

Лючана принялась гонять мотор — вперед — назад... Капсула дрожала, но не двигалась. А преследователь не дремал. Он был уже совсем близко.

— Ра... Винт полетел, наверное, зацепил стенку. Конец, Ра...

— Все вижу. Включаю отсос. Может быть...

И тут в их разговор ворвался третий голос:

— Разитель! Быстро: эта вода — нормальная?

— Вполне. Морская. Как ты и обещал, скотина. Доволен?

Похоже было, что Ра не очень удивился, услышав знакомый голос. Хотя до удивлений ли было сейчас?

— Выключи отсос. Быстро!

— Что ты хочешь...

— То, что нужно. Иначе ничего не получится. Останови воду, чтобы мне не обсохнуть! И ей тоже! У нее должна быть маска!.. Лючана, он будет стрелять по капсуле — успей выйти и отплыви подальше... Я уже на подходе — разберусь с ним!

— Понял. Лю, уяснила?

«И дурак бы усек, — подумала Лючана, отцепляясь от кресла. — Вода остановилась. Хорошо. — Она вынула из кармана маску. — В воде мы будем равны. Я даже подвижнее — без костюма. Маски еще на полчаса хватит. А за полчаса мы с ним как-нибудь разберемся. Только не жди, генерал, что я его тебе оставлю. Он — мой должник, не твой!»

Где этот тип сейчас? Ага, уже почти на дистанции импульса, но с его места люк не виден. Люк на аварийное от-

крывание. Хорошо, что он не в корме, а то и не вылезти бы. Дистант на изготовку. Раз, два... Пошла!

Лючана вырвалась из-за торчащей кормы неожиданно для Идо: такого он предположить не мог. Он отреагировал быстро, но она-то была готова заранее.

— Плыви, мой челн... — пробормотала она, всаживая в него импульс, и второй для верности, и третий — на всякий случай. — Прости и прощай.

Клочья костюма и тела вперемешку опускались на дно трубы.

Лючана вернулась в капсулу. Внутри была вода, воздуха оставалось чуть-чуть — на самом верху. Но все было залито, даже порадовать Ра своей победой она не могла.

Но он, похоже, все видел. Потому что выключил отсос — и больше уже не включал. Лючана поплыла, стараясь грести побыстрее. Хотя, в крайнем случае, она и пешком пойдет. Доползет. Хватило бы маски. Должно хватить. Должно. Иначе будет просто обидно. А главное — Ра себе не простит. Никак нельзя доставить ему такое огорчение...

Кто-то прикоснулся к ее спине, и она резко повернулась, выполняя уклонение. Кто-то в унискафе оказался рядом. Из шлема донеслось:

— Цепляйся за меня — и не сорвись: дам самый полный!

И перевернулся на спину. Лючана, не задумываясь, обхватила его за нижнюю часть шлема, сцепила руки в замок, и только вода забурлила позади.

Глава четырнадцатая

1

— Генерал-максимат, вызывает капитан Узер Мо. Как слышите меня?

«Слышу удовлетворительно. Говорите».

— Думаю, вы в курсе того, что заливка моих танков еще даже не начата. А время уходит, условия для старта становятся все менее благоприятными.

«Разумеется, я в курсе. К сожалению, в Магистрали возник сбой. Но в самом скором времени препятствие будет устранено, и вы получите полный груз».

— Давайте назовем вещи их именами. Не сбой, а диверсия — так, во всяком случае, сообщили мне из заливочного поста.

«Это всего лишь один из вариантов. Хотя совершенно исключить его мы не можем».

— Насколько серьезны повреждения?

«Я узнаю это, как только из трубы вернется посланный. Но об этом вас сможет более успешно информировать капитан ПЗБ».

— Я потому и обращаюсь непосредственно к вам, что ПЗБ лишь пытается меня успокоить, но по существу не сообщает ни слова. Возможно, они сами еще не знают, что же там произошло на самом деле. Это не делает чести никому из вас, генерал-максимат.

«Капитан, попрошу вас ваше мнение оставить при себе».

— Принимаю ваше замечание. Но полагаю, что обязан сообщить вам о моих дальнейших намерениях. Они заключаются в следующем: если самое большое через два часа я не получу груза, буду вынужден стартовать порожняком, поскольку если я этого не сделаю, то придется сидеть здесь до следующего прилива...

«Не вижу в этом ничего плохого: тогда вы уж наверняка получите полные танки».

— Ничего плохого для вас — вы это имеете в виду? Должен разочаровать вас: время моего прибытия с грузом в пункт назначения твердо установлено, и немедленно после разгрузки там я должен приступить к выполнению другого задания. В случае, если я не смогу сделать этого, ответственность ляжет на вас. А поскольку я не хочу больших неприятностей для меня самого и пользуясь тем, что мне дано право самостоятельно принимать любое решение, касающееся корабля, то я предпочту не выполнить текущую задачу — по вашей вине, но не сорвать следующую, потому что это уже было бы целиком отнесено на мой счет. Так что — два часа и ни минутой больше.

«Поверьте, капитан: мы принимаем все меры. Надеюсь, что двух часов нам хватит — даже с избытком. Поскольку оператор процесса, который и будет проводить устранение неисправностей, находится, как вам известно, здесь, а не на ПЗБ, и он в полном порядке. Одновременно сообщаю: я доложил о происходящем в штаб Системы в Главном мире, запросил помощи — и сейчас уже стартовала бригада из двух военных кораблей, направляющаяся сюда. Как видите, я не стараюсь выгородить себя».

— Отдаю должное вашему мужеству, генерал-максимат, и надеюсь, что наш флот поможет вам восстановить порядок. Однако мои планы остаются в силе.

«Но обещайте подождать хотя бы эти два часа».

— Я уже обещал вам это, генерал-максимат.

2

Маха, оставшись в одиночестве, спокойно, хотя и быстрым шагом, прошла по безлюдному коридору, свободно опустилась на нижний уровень ПЗБ и подошла к двери изолятора. Дверь эта охранялась; видимо, никакие тревожные сигналы не в состоянии были освободить часового от его обязанностей, и он продолжал нести службу, хотя и нельзя сказать, что так уж бдительно. Дистант его, висевший на ремне через плечо, был слегка отодвинут за спину, и для того, чтобы изготовиться к стрельбе,

потребовалось бы несколько движений; а для того, чтобы их совершить быстро, стражу пришлось бы освободить правую руку от солидного бутерброда, которым он как раз в это время закусывал, полагая, что это нарушение устава караульной службы останется незамеченным. Поэтому появление быстро шагающей женщины с офицерскими знаками различия на воротнике и рукаве оказалось для него не только неожиданным, но и крайне неприятным, и он потратил секунду-другую, чтобы сперва сунуть недоеденное лакомство в карман (а больше и некуда было) и только после этого завести руку за спину, чтобы вернуть дистант на положенное место, а именно — на грудь.

А пока он совершал эти эволюции, женщина оказалась уже совсем рядом с ним, вплотную, и по ее устремленному на него взгляду часовой успел даже не сообразить, но просто нутром почувствовать, что сейчас у него начнутся неприятности. Однако дальше этого его ощущения не пошли; он даже не успел хотя бы в общем прикинуть, какие меры наказания могут быть к нему применены, как эти меры — одна из них, во всяком случае, — уже реализовались, а именно — неожиданный, но очень точный профессиональный удар вывел его из строя и заставил незамедлительно опуститься на пол и там скорчиться, приняв такую позу, в какой любой из нас находился, пребывая в материнской утробе. А когда он — несколько позже — пришел в себя, то смог лишь установить, что обклеен по рукам и ногам и даже рот его заклеен наглухо. Единственное, что он мог сейчас, — это дышать носом и благодарить судьбу за то, что не страдает насморком.

Что происходило вокруг него, оставалось недоступным для его зрения, поскольку кусок черной ленты на позволял даже открыть глаза. Таким образом, из необходимых для оценки обстановки чувств в его распоряжении оставался сейчас только слух — и он доносил до пострадавшего лишь негромкие звуки шагов сразу множества человек — ну, может быть, не такого уж множества, но десятка полтора людей быстро прошли мимо него — это уж точно; прошли, не обмениваясь ни словом, походка на слух казалась уверенной, определенной, и это говорило о том, что люди знают, куда идут. Охраннику, даже с несколько туманной еще головой, не составило труда понять, что это были за люди: именно те пятнадцать, содержавшихся в изоляторе уже недели две, а почему и зачем — охране это не было ведомо да и не интересовало вовсе.

Шаги последнего смолкли, когда он поравнялся с лежащим, и тогда прозвучали первые услышанные пострадавшим слова: «А с этим что?» Женский голос ответил уже как бы издалека: «В камеру и запереть». После чего охранника подхватили за плечи и под колени, подняли, пронесли немного и положили — правда, не на пол, а на койку, где было намного удобнее. Звякнул замок. Вероятно, в ближайшее время ничего страшного склеенному не

грозило. Придя к такому выводу и чувствуя себя не в состоянии сколько-нибудь связно думать о будущем, нейтрализованный воин принялся размышлять о вещах более близких и конкретных, и прежде всего — о недоеденном бутерброде, оказавшемся теперь, к сожалению, между бедром и матрасом и наверняка серьезно пострадавшем. Мысль об утраченной ценности заставила лежащего даже сделать несколько судорожных движений в надежде освободиться; но ничего из этих попыток не вышло, и, как ни странно, вскоре после этого часовой ухитрился уснуть, вспомнив, вероятно, великую истину: солдат спит, а служба идет.

Что же касается тех пятнадцати человек, что действительно были, как правильно определил часовой, порученными его вниманию заложниками, то они свое освобождение восприняли не как счастливую неожиданность (как можно было бы ожидать), но как нечто естественное и заранее предусмотренное. Когда Маха, воспользовавшись изъятыми у охранника ключами, отворила дверь и вошла в комнату, ее встретили пятнадцать пар глаз, спокойно-вопросительных. Она спросила: «Тавров?» Один из пятнадцати ответил: «Я».

После чего женщина, подойдя, проговорила что-то ему на ухо; Тавров кивнул, повернулся к остальным и сказал только: «Выходим. Программа два. За лейтенантом» — и кивнул на Маху. Она повернулась и вышла, и остальные двинулись за нею в порядке, очевидно, выработанном заранее; Тавров вышел последним.

После того как перенесли и заперли охранника, подошли к лифтовому стволу, где ненадолго остановились. Тавров спросил: «Сколько и куда?» Маха ответила: «Пятеро — к главному порталу. К нему пристыкован перехватчик; занять в нем места и ни в коем случае не отстыковываться и не позволять никому подстыковаться к вам. То есть контролировать вход и выход, никого ни туда, ни оттуда. Оружие там имеется». «Ясно», — ответил Тавров. «Юлий и твоя группа, выполняйте». «В стакане на самый верх, там увидите», — подсказала Маха, на что Юлий откликнулся: «Дорогу найдем», и пятеро уехали. «Вторая пятерка — следующий уровень, берем капитана базы, контролируем связь, дальше — по обстановке». «Сопротивление ожидается?» — спросил Тавров. «Незначительное, — ответила Маха. — Вот оружие». Она передала Таврову сумку, с которой не расставалась все время после высадки на базе, и облегченно потерла плечо. «Остальные, — продолжала она, — идут к усть-магистрали, там сейчас почти все здешние, заняты ремонтом. Задача — никого не выпускать, изолировать от остальной части базы. Там в основном безоружные». «Как и мы», — усмехнулся один из последней пятерки. «Нет, — возразила Маха, кивнув на сумку, — тут хватит на всех: десять стволов». Тавров тем временем достал и повертел в руках один из дистантов. Критически поднял брови. «Слабоваты, — сказал он, — не боевые, а полицейские, только вырубающие». «Помощнее — добудете

сами», — усмехнулась она. «Ясно». — «Ты — старший». — «Как держим связь?» — спросил Тавров. «По общей трансляции, с капитанского поста». — «Последний вопрос: а где будете вы?» — «С вами, в капитанском посту, и войду первой, мне это легче. Еще вопросы? — Никто не отозвался, и женщина скомандовала: — Начали».

Разошлись. На капитанский уровень добрались по трапу: «стакан» пришлось бы гонять дважды, был он шумным и мог насторожить охрану. Перед входом в капитанский пост охраны не было, она, собственно, никогда тут не выставлялась, защиты и так было достаточно. Пришлось пройти три шлюза, и любой из них мог бы не только поднять тревогу, но и предпринять защитные действия — облачко газа или даже поражающий огонь; мог бы — если бы не карточка Махи, полная идентификация по пяти признакам, которую производил контрольный блок на каждом шлюзе. Прошло без затруднений: карточка была подлинной как-никак, и сама Маха — тоже. За последним шлюзом оказался не очень просторный холл, из которого куда-то вели три выхода, защищенные надежными дверями. Что и как делать, Маха успела объяснить пятерке еще по пути сюда, так что, едва успев войти, все они сразу забились в один угол, в котором под потолком медленно поворачивалась следящая камера; они оказались в слепом для нее пространстве, только Маха возникла на всех связанных с камерой экранах. «Кто?» — прозвучало из спикерфона. «Лейтенант группы внешней безопасности к капитану с закрытым сообщением», — ответила Маха, позволяя камере внимательно вглядеться в нее, сравнивая с заложенным в память портретом. Через полминуты послышалось: «Разрешено войти», и средняя дверь мигнула, сменив красный огонек на зеленый. Маха подошла, отворила дверь. За нею была приемная и стол с адъютантом. Тот — человек уже в годах — привычно улыбнулся не как офицеру, а как женщине, и тут же нахмурился: в дверях появились еще двое — незнакомые, чужие. Он раскрыл было рот, чтобы то ли спросить, то ли приказать, чтобы вышли вон, однако не успел. Один из двоих выстрелил — иголочкой, катушка сработала бесшумно, как и полагалось, второй, подскочив, был уже наготове и принял на руки обмякшее тело. Двое вместе с телом, пятясь, вернулись в холл. Маха успела шепотом напутствовать их: «Из каюты связи сейчас выйдет оператор — он на вас». Подошла к капитанской двери, вежливо постучала. «Да, ну, что там?» — донеслось из-за двери. Маха нажала на ручку, вошла. От порога приветствовала, как положено. Доложила: «Медиат Маха».

Капитан протянул руку: «Ну, где письмо?» — «Письмо передано по связи, у меня только ключ: там шифр восьмого уровня. Прикажите оператору принести текст». — «А-а, — протянул капитан понимающе и нажал кнопку иннеркома. — «Оператора с почтой ко мне». Поднял глаза на Маху. Удивился

было. Уронил голову на стол. Вырубился. Из холла донесся слабый шум, через две секунды все стихло. Тут же вошел Тавров. «Связь наша», — сказал он. «И все прочее тоже, — добавила Маха, кивнув на неподвижную фигуру за столом. — У тебя в сумке лента — склей его, только рот оставь — может, понадобится». — «В момент, — заявил Тавров с готовностью, — а дальше что?» — «Дальше — разговор по связи, — сказала Маха, — с нашим главным. Он сейчас на «Триолете». — «Старая колымага», — проговорил Тавров с ухмылкой. «Да нет, он хоть куда, его немножко усилили, — возразила Маха. — Скажи связисту, пусть выведет меня в эфир, дам сигнал — заканчивать пантомиму». — «Почему пантомиму?» — удивился Тавров. «Не знаю, — призналась Маха, — просто подвернулось слово. А почему бы и нет?» — «Ну, пусть так, — согласился Тавров. — Даю вызов».

3

«Генерал-максимат Системы — командиру эскадрильи перехватчиков.

Сообщаю, что группе диверсантов удалось взять под контроль процесс выработки продукта и таким образом влиять на загрузку и отправление танкера Системы. Диверсанты находятся непосредственно в промышленной области базы, и атака с нашей стороны может привести к частичному или даже полному нарушению технологического процесса.

Поэтому приказываю вам силами экипажей вашей эскадры: первое — в кратчайший срок извлечь из Магистрали находящуюся там ремонтную капсулу, управляемую членом диверсионной группы, и обеспечить нормальное движение продукта. Второе: по магистральной трубе скрытно проникнуть на Главную базу, а именно — в промышленную зону, атаковать и уничтожить диверсантов и таким образом обеспечить контроль над заливкой и отправкой танкера. При малейшей попытке сопротивляться уничтожить диверсантов, не вступая в переговоры».

«Командир эскадрильи перехватчиков — генерал-максимату Системы.

Докладываю, что попытка проникнуть силами экипажей под купол ПЗБ не удалась вследствие того, что все выходы ПЗБ заблокированы изнутри — видимо, диверсанты и там смогли овладеть положением. Прошу разрешения применить для проникновения силовую методику».

«Генерал-максимат Системы — командиру эскадрильи перехватчиков.

Разрешаю применить любые методы, за исключением тех, которые смогут нанести ущерб устройствам накопления и перекачки продукта для его вывоза».

Иванову, который не только помог вытащить Лючану из трубы, но, похоже, собирался отныне заменить супругов на Главной базе, предоставив им возможность вернуться на корабль и затем — в родной мир, отнюдь не пришлось выслушивать слова горячей благодарности за помощь в спасении женщины. Когда генерал появился на пороге, я сказал ему, едва кивнув в ответ на его вежливый поклон (хотя кланяться в унискафе — это комический номер, ни я, ни Лючана не позволили себе показать даже намек на улыбку):

— Садись, генерал. Ты — на нашей территории, и перед тем, как принимать решение, мы хотели бы услышать от тебя какие-то объяснения. Потому что от их убедительности зависит — захотим ли мы вообще с тобой сотрудничать.

— Интересно, — сказал он, оставаясь совершенно спокойным, — разве у тебя есть другие варианты?

— Сколько угодно, — ответил я.

— Любопытно было бы услышать хоть один.

— Сделай одолжение. Независимо от того, кто является владельцем и пользователем этой системы, на нее тобою совершено, по сути дела, нападение с целью захвата — то есть действие, по Федеральному праву незаконное. Следовательно, я не только вправе, но и обязан немедленно поставить Совет Федерации в известность о случившемся. После чего Федерация без промедления вышлет сюда силы умиротворения, задачей которых будет восстановить статус-кво, и уже потом в судебном порядке будет разбираться с тем, кто и с какой целью создал тут эту систему. А что касается состава сил умиротворения, то ты не хуже меня знаешь, чьи корабли преобладают в эскадре Федерации и первыми окажутся здесь. Это будут не наши корабли, генерал.

— Не наши. И именно потому ты этого не сделаешь.

— Ты хочешь сказать: не сделаю именно потому, что нападающих возглавляешь ты, а с тобой я знаком давно и из этого должен сделать вывод, что эта операция проводится от имени и для блага Теллуса? Но этот вывод вовсе не обязательный! Ты вряд ли уполномочен даже теллурианским правительством, не говоря уже о Федерации. Следовательно, ты — частное лицо. И будь ты хоть трижды генералом — это еще не дает гарантии того, что ты всегда и во всем кристально честен и ставишь интересы Теллуса выше собственных. В истории полно таких примеров, когда и очень высокопоставленные лица заворовывались страшно. Почему же тебе не быть одним из них? Тем более что у нас есть и прямые основания подозревать тебя в чем-то подобном.

— Интересно, — откликнулся Иванов все еще спокойно. — Тогда объясни мне мои мотивы. В чем моя выгода?

— Это — уравнение без неизвестных, простое тождество. Данная система производит некий продукт...

— Какой — тебе известно?

— Если говорить о составе и назначении — нет, не известно. Но я знаю, что продукт этот где-то пользуется серьезным спросом, и, видимо, его производство тут окупается, иначе никто не стал бы вбухивать деньги в эту систему, даже на глазок видно — очень серьезные деньги. Ну так вот, если подвернулся удобный случай, почему бы не совершить налет, не захватить транспорт, залитый этим продуктом по самые горловины, и не продать его за очень приличную сумму? Только не уверяй меня, что генералам Службы деньги не нужны: они всем нужны, и чем больше, тем приятнее. И это вовсе не эксцесс под влиянием мгновенных импульсов: все готовилось заранее. Каким-то образом завербована дама из здешней безопасности. С ее помощью сюда проникают — пусть под видом задержанных — твои люди. В нужный миг ты появляешься, они высвобождаются — и пошла писать губерния. Правдоподобно, не так ли?

— Очень логично, — восхитился Иванос, — браво. Но позволь мне выступить в роли критика.

— Ты вправе.

— Спасибо. У меня всего несколько замечаний. Первое: для обоснования твоей версии тебе придется доказать, что я — непроходимый глупец, чего обо мне до сих пор не говорили даже недоброжелатели. Докажешь?

— А при чем тут...

— Моя глупость? Вот хотя бы: задумывая этот, как ты сказал, налет, я ни с того ни с сего забрасываю на будущее место действия двух толковых, давно испытанных агентов, которые в замысле не участвуют и ни о чем не предупреждены. Зачем я это сделал — можешь просветить меня? Чтобы испортить себе жизнь?

— Тебе лучше знать — зачем. Ты ведь пытался меня к чему-то подключить. А когда мы отказались — решил добиться своего не мытьем, так катаньем. Полагая, что здесь — в одиночестве, без оружия, даже без корабля — мы станем куда сговорчивее и поддержим тебя в чем угодно.

— А ты поддержишь меня в чем угодно? И Лючана тоже?

— Ты же знаешь, что нет.

— Вот именно — знаю. Чего же стоит твое рассуждение?

— Ну, пусть так, у тебя не было такого умысла. Но людям свойственно ошибаться. И на старуху бывает проруха — даже если бабушка в высоких чинах.

Помолчав минуту, Иванос сказал:

— Ра, мы тут очень интересно разговариваем, и я с удовольствием еще поупражнялся бы на эту тему часок-другой. Я не отказываюсь и готов продолжить — но не сейчас, а дома, на Теллусе, за хорошо накрытым столом.

— Уклоняешься? — прищурилась Лючана.

— Нет. Но хочу сэкономить время, потому что его у всех нас мало.

— Почему же? — не согласилась она. — Сейчас приближается отлив, то есть для этого мира — большая сиеста. Двигаться нельзя, самое время — поговорить.

— Объясню, для чего время нужно именно сейчас. А чтобы все поставить на свои места, предлагаю мою версию происходящего, основанную на фактах, которых у вас нет. Я вам сообщу их — тогда и сможете судить о моих действиях, и обо всем прочем. Постараюсь изложить покороче. Идет?

— Лю, как ты думаешь?

— Ну дай ему поговорить, а то совсем задавил начальника.

— А он здесь не начальник, тем более для нас. Ходил, правда, в друзьях, но после того, как ввязал нас в эту историю, стал таким стеснительным — даже показаться в своем облике не решался.

— Нет, — возразила Лючана, — это у него профессиональное. Ладно, генерал, мы тебя внимательно слушаем.

— Ах, ваша доброта меня трогает! — проронил Иванос с явной насмешкой. — А теперь настройтесь на серьезный лад, потому что на деле обстановка куда круче, чем вам представляется.

— Лю, — сказал я, — сожми губы и надуй щеки. Иначе он серьезности не мыслит. Ну, давай, генерал, и попутного тебе ветра.

5

«Лейтенанту — Тавров. Срочно. Сообщаю: эскадрильей получен приказ атаковать ПЗБ и любым способом проникнуть под купол. Перехватчикам дана команда: импульсами средней мощности взломать технический вход, пристыковать к нему один из кораблей, остальным пристыковываться к направляющему, образуя свободный проход для всех экипажей. Таким образом люди числом не менее тридцати проникнут под купол. Операция начнется через десять минут».

«Таврову — лейтенант. Ваш перехватчик должен стать направляющим. Пристыковывайтесь, но не стреляйте: откроем сами. Одновременно заварите ваш кормовой люк, чтобы остальные корабли не смогли использовать вас в качестве переходника. О происходящем докладываю шефу».

«Иванос! Шеф! Отзовись. Срочно!»

— Что за паника? — недовольно прервал Иванос свою лекцию. — Что стряслось? Шеф слушает, лейтенант. Докладывай.

«По команде Главной базы эскадрилья предпринимает штурм ПЗБ силами тридцати человек. Цель не очень понятна. Приняла меры для замедления их атаки. Какие будут указания?»

— С чего это они вдруг? — вслух подумал Иванос. — Хотя... Ра, оттуда по магистрали можно добраться до нас?

— Ты же добрался!

— Справедливо... Против тридцати хорошо вооруженных нашим не выстоять. Разве что какое-то время. Но это не решение вопроса. Перехватчики...

Ага. Ну что же, раз они так... Алло, лейтенант! Думаю, мне удастся отвлечь корабли вместе с их экипажами от купола. В самом скором времени. А пока — держитесь.

«Будем держаться, сколько сможем, шеф».

— Ра, где «Триолет»? Хотя что я... «Триолет»! Здесь шеф.

«Слушаю».

— Приказ: ввести программу восемь с дополнением «Ф». Выполнять немедленно.

«Выполняю».

6

Приливное течение было, как ему и полагалось, сильным и равномерным, не встречающим никакого сопротивления, если не говорить о самом нижнем его слое, соприкасавшемся с тем, что сейчас являлось морским дном. Катившаяся масса воды казалась поэтому монолитной; и лишь у очень внимательного наблюдателя вызвали бы интерес небольшие аномалии, завихрения. Впрочем, для того, чтобы различить их, потребовалось бы, наверное, куда более сильное освещение, чем то, какое здесь было.

Тем не менее завихрения эти существовали. Одно из них своим объемом намного превышало другое, и если бы наблюдатель тут все-таки оказался, он, скорее всего, подумал бы, что крупное завихрение притягивало к себе второе, куда менее значительное. Расстояние между ними неизменно сокращалось, и наконец они слились, причем ничего интересного при этом не произошло — да и не должно было, надо полагать, произойти. Все как было спокойно, так и оставалось еще, самое малое, минуты три.

А вот потом наблюдатель, надо думать, изрядно удивился бы. Потому что на месте, где только что не было видно ничего, кроме свободно текущей воды, вдруг возникло нечто. А именно — корабль, военный универсальный разведчик, не несший на себе никаких опознавательных знаков — ни герба, ни флага, ни даже номера.

Возник — и еще через минуту начал смещаться относительно той точки дна, над которой до сих пор висел, удерживаясь против течения работой двигателя в режиме среднего хода. Движение его все ускорялось, и направлено оно было против течения, а следовательно, туда, где, примерно в километре, находилась Посадочно-загрузочная база.

7

— Так на чем я остановился? Ах да. Итак, агенты вашего класса — так начал Иванос изложение своей версии — должны разбираться хотя бы в основах государственного права Федерации. Вы с этим согласны?

— Пока нас в неграмотности никто не обвинял, — ответил я, стараясь, чтобы это прозвучало поехиднее. — Так что в этом деле ты — первый.

— Ну, проверить никогда не мешает, — ответил он. — Значит, для вас не секрет, что высшим органом власти в Федерации является Совет Федерации, в котором равно представлены все официально зарегистрированные и признанные миры. Подчеркиваю: равно. То есть и Армаг с Теллусом имеют по одному голосу, и какая-нибудь Синера или Стрела-третья тоже имеют по голосу.

— Ну? — сказал я. — Неужели? Кто бы мог подумать!

Иванос на это мое замечание никак не откликнулся. Он продолжал:

— Однако уже давным-давно было ясно, что этот принцип, как и многие другие, останется лишь принципом и вряд ли будет когда-либо полностью реализован. Потому что уже и тогда миры делились на сильные — и экономически, и в военном отношении, и по густоте населения, и по природным данным планет — и слабые, каких всегда было большинство, хотя бы потому, что во все времена существования Федерации освоение и заселение новых планет шло достаточно интенсивно, а вновь осваиваемый мир при любых условиях неспособен сразу же стать хоть сколько-нибудь сильным. На это нужно время. Но свой голос в Совете мир получает сразу же, как только он признан.

— По-моему, я это когда-то уже слышал, — не смог не вставить я. — В начальной школе. У тебя блестящая память, генерал.

И снова он даже не отмахнулся, словно я и не сказал ничего.

— Однако же, — проговорил он таким тоном, словно собирался по секрету сообщить нам какие-то абсолютно государственные тайны, — ясно, что освоение новых планет производилось преимущественно силами и средствами самых богатых и мощных миров, поскольку дело это дорогое, требующее немалых инвестиций. Нет, конечно, бывали и случаи, когда такие действия выполняли какие-то отряды авантюристов или энтузиастов, наперекор логике, на старых кораблях и с купленным по дешевке, официально списанным оборудованием. Но таких в Федерации на сегодня наберется вряд ли десяток.

— Могу тебе их перечислить, — сказал я, чтобы не скатиться совершенно на позиции студента, внимающего профессору.

— А следовательно, — продолжал Иванос невозмутимо, — новый мир с самого начала своего официального существования оказывался в кильватере своего создателя, своего, если угодно, суверена, и соответственно распоряжался своим голосом в Совете. Таким образом, вся Федерация изначально разделилась на блоки, хотя официально это не признается и по сей день.

— Лю, ты не спи, — сказал я жене. — Может, он когда-нибудь доберется до дела. Пока генерал просто старается нас усыпить — и не без успеха. Сопротивляйся.

— Еще немного я, пожалуй, выдержу, — пообещала она.

— Однако, — сказал Иванос, — как известно всем, включая даже, как ни странно, специальных агентов из частных предприятий, число пригодных для освоения людьми планет достаточно ограниченно, и в досягаемой части Галактики практически все они были отысканы, заселены и соответственно узаконены. А поскольку все они уже закрепились в существующих блоках, а блоков этих на сегодня существует два основных да еще несколько зависимых, примыкающих к двум, то и соотношение голосов в Совете Федерации как бы устоялось, стабилизировалось, причем они разделились примерно поровну, так что в каждом отдельном случае вопрос решается голосами этих примыкающих, за которые всегда идет борьба с переменным успехом.

— Спасибо, генерал, — произнес я, встал и поклонился в пояс. — За то, что не спросил у нас — как называются эти два основных блока. Поверил, значит, в то, что это нам известно. Искренне благодарим.

— Однако ни руководство Армага, ни наше, теллурианское, такая ситуация не устраивала, — продолжал между тем Иванос, даже не усмехнувшись. — Каждому хотелось иметь постоянное, надежное большинство. Но каким способом? Перетянуть на свою сторону большинство миров мирным путем практически невозможно: их принадлежность к большим блокам основывалась прежде всего на экономических взаимоотношениях, а не просто на симпатиях и антипатиях, и даже не на происхождении. Силовое решение тоже отвергалось: в наши времена начать войну легко, трудно ее закончить и остаться в живых. Так что действует единственный способ: искать, находить и осваивать новые планеты, официально регистрировать их в качестве независимых миров, принимать в Федерацию и таким образом получать в свое распоряжение еще один голос, и еще, и еще. Вот почему наше время называется временем экспансии жизни, а главной задачей стало — оживлять мертвые доселе планеты. Задача благородная, но все более трудная, потому что практически едва ли не все доступные нам небесные тела, обладающие хотя бы минимальными условиями для освоения в разумные сроки, уже выявлены и находятся в процессе преобразования. Однако если раньше счет времени шел на годы, то теперь уже планеты, требующие хотя бы для первичного освоения десятилетий, котируются весьма высоко, и даже те, на приспособление которых уйдут века, уже вводятся в оборот. Вы знаете, как это делается: мир, который станет, возможно, пригодным для обитания пусть через сто лет, может быть зарегистрирован теми, кто открыл его как объект их интересов. Это не дает, конечно, голосов, но дает право преимущества, скажем, в разработке минеральных богатств мертвого мира и их вывозе. Инвестиции в такие миры станут давать прибыль в достаточно отдаленном будущем, но если не заботиться о

будущем сегодня, то оно никогда не наступит, и это давно уже стало понятно всем.

— Генерал, — сказал я, — если ты хочешь открыть нам секрет, что Ардиг является объектом интересов Армага, то, пожалуйста, не делай этого: мы это и сами знаем.

— Нет, — ответил он, — не собираюсь. Хочу сейчас напомнить вам другое: то, что такие планеты, как Ардиг, где вроде бы население существует и занимается полезной деятельностью, все же не могут быть зарегистрированы в Федерации в качестве самостоятельных миров, потому что у них не существует главного, необходимого для признания независимости условия: возможности жизнеобеспечения без помощи извне. То есть возможностей бездотационного существования. Иными словами, не только свет, тепло, воздух и вода, что необходимо, но недостаточно, а прежде всего возможность производства продовольствия, или, попросту говоря, — земля. Ардиг сможет стать полноправным лишь тогда, когда на нем возникнет устойчивая суша, а это — задача на годы и годы. Так же, как в других мирах, когда в них возникнет вода. Или пригодный для дыхания воздух. И так далее. И вот именно по той причине, что Ардиг не является самостоятельным миром, мы с вами имеем законное право находиться на нем без разрешения и даже без ведома Армага, хотя и не можем заниматься здесь хозяйственной деятельностью. Потому что только на такую деятельность распространяется преимущественное право Армага.

— Это очень приятно слышать, — сообщил я Иваносу. — Не люблю нарушать законы. Однако то, что мы *можем* здесь находиться, не отвечает на вопрос: *какого черта мы здесь ищем?* Ладно, мы с Лючей хотели просто-напросто расслабиться и отдохнуть — с твоей подачи. Но ты-то чего ищешь тут, если не того, о чем я тебе уже говорил, — выгодных сделок для себя лично? Знаешь, генерал, я не стал бы нанимать тебя для написания предисловий: они у тебя получатся длиннее, чем сам текст. Может, перейдешь наконец к делу? Ты так убедительно говорил, что времени мало, а ведешь себя так, словно его у тебя больше, чем у самого Создателя.

— Терпение, — откликнулся он спокойно, — главная добродетель разведчика. Я понимаю, конечно, что вы тут оказались не в этом качестве, но не думаю, что все свои навыки ты оставил дома. Кстати, я как раз и перехожу к главному. Так что заостри внимание.

— Было бы чему внимать, — проворчал я. Но невольно насторожился.

— Смысл сказанного мною до сих пор заключается в том, что главным и лозунгом, и действием государственной политики больших миров в наше время стали новые обитаемые планеты. Все успели уже привыкнуть к тому, что в создании и регистрации новых миров возник определенный ритм: один мир

за десять-двенадцать лет, хотя в прошлые века они возникали чуть ли не ежегодно и даже ежемесячно. И таким образом, тихо, мирно и предсказуемо, все шло до начала этого года. Меня не удивит, если вы об этом ничего не слышали: вы в то время находились далеко от Теллуса и решали свои задачи, а наши ведомства вовсе не усердствовали в распространении этой информации.

— Наконец-то в твоей кастрюле, кроме воды, стали появляться и крупинки, — с облегчением вздохнул я. — Теперь включай прямую!

— Попытаюсь. Итак, в начале года ритм освоения и регистрации новых миров вдруг изменился. Неожиданно ускорился. Один новый мир. Второй. Третий. Тут волей-неволей пришлось навострить уши: три новых мира за необычно краткий срок — это уже не подходило под категорию случайных совпадений. Такое впечатление возникло сразу, а как только этим занялись вплотную, о счастливых случайностях перестали и заикаться. По той простой причине, что все три вновь открытых и освоенных планеты вовсе не являлись новыми ни для кого — они были известны давно и хорошо, но только в качестве безнадежных, не поддающихся освоению даже и через столетия. Мрачные глыбы, не то что лишенные жизни, но, казалось бы, даже без малейших предпосылок для ее насаждения и развития. В свое время люди из Комиссии по распространению жизни достаточно серьезно обследовали эти три объекта — в числе многих других, — и вывод был однозначен: в атмосфере кислород — на нуле, в недрах — в связанном виде, вода — на больших глубинах и с множеством примесей, несовместимых с жизнью, и тому подобное. Сильный ультрафиолет в спектре облучения, кстати. Так что эти планеты были сразу же вычеркнуты из списка даже самой отдаленной перспективы. И вдруг нам преподносят их в качестве активно осваиваемых, мало того: уже обладающих постоянным населением, способным обеспечить свое не только существование, но даже и активное развитие. А представил их Комиссии и Совету, ну, даже не стану говорить — кто.

— Не иначе, кто-то на Армаге нашел доступ к древним заклинаниям, — усмехнулся я, хотя веселого тут не осталось ни миллиграмма.

— Мы были готовы поверить во все, в том числе и в использование магии, — кивнул Иванос, — возникло сразу несколько версий, прозвучали — хотя и под сурдинку, без большого шума — предложения начать дипломатическую войну, в ходе которой потребовать от Армага полного рассекречивания способов, какими они добились таких результатов. Но делать этого не стали: нам неофициально дали понять, что единственное, в чем Армаг признается, — это в том, что им повезло первыми наткнуться на преобразившиеся планеты, а как и почему они такими сделались — Армагу известно не более чем нам и всем прочим, и

они, мол, сейчас предпринимают самые серьезные попытки во всем разобраться. Им, конечно, никто не поверил, но не поверить — одно, а доказать — совсем другое. Так что у нас решили работать тихо и прежде всего организовать серьезное наблюдение. Это звучит, конечно, гордо, но не совсем ясно было — за кем и за чем, собственно, наблюдать. Конечно, три новых мира (чьи голоса сразу же дали Армагу пусть небольшой, но зато постоянный перевес в Совете) мы немедленно взяли под колпак, но это не принесло результата. Конечно, временами туда приходили корабли, но груз их был самым обычным для развивающегося мира: в основном техника для выращивания и производства продуктов первой необходимости: питания, одежды, для производства стройматериалов; кроме того — новые поселенцы, и тэ дэ. Видимо, все, что могло нас интересовать, произошло еще до того, как мы стали обращать на эти миры серьезное внимание. Вывод: надо искать где-то в другом месте — но что именно? Как в старой сказке: пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что. Мы уже готовы были разочароваться в своих возможностях, но тут осуществилось одно весьма старое обещание, а именно: ищите — и обрящете. Мы искали — и вдруг поняли, что именно начинаем обретать.

В общем-то это было неудивительно. Армаг заранее знал, что после представления им новых миров начнется большая суета, поэтому они выжидали, сколько могли, и с этими тремя мирами вышли только потому, что в Совете предстоял пересмотр существующего законодательства как раз относительно правового статуса космоторий, где используется то самое преимущественное право. Армаг выдвинул предложение восстановить древний институт колоний и все такие миры объявить колониями, а колонии, как известно, подчиняются законам метрополий и являются закрытыми для свободного посещения людьми из других миров. Хотите побывать там? Пожалуйста, мы рассмотрим вопрос о выдаче вам визы, а без нее — никак невозможно. Поэтому Армагу и потребовалось преимущество. Единственное, что удалось Теллусу, — это добиться переноса обсуждения на один год, для того якобы, чтобы всесторонне и обстоятельно рассмотреть в комиссиях все аспекты возможных изменений в законодательстве. Ну, например, в случае форсмажорной необходимости, скажем аварии корабля вблизи такого мира и необходимости высадки на него, некогда будет обращаться за разрешением. Если же терпящие бедствие высадятся самовольно, они могут быть объявлены нарушителями законных прав метрополии, владеющей этой колонией. Словом, как и в любой правовой проблеме, возникло столько всяких «если», что Армагу пришлось согласиться с отсрочкой. Нам это дало некоторый выигрыш во времени, мы стали суетиться активнее — и наконец кое на что наткнулись.

— Баба шла, шла, шла — пирожок нашла, — прокомментировала сказанное Лючана. Иванос серьезно кивнул:

— Пирожок с начинкой, вот именно. Хотя находка, в общем, была закономерной. Поскольку мы искали не абы как, но исходя из того, что было уже известно: все три оживленных мира — такое название они получили у нас — располагались не только в одном и том же рукаве Галактики, но и достаточно близко друг от друга, образуя как бы определенный район, где несложно наладить регулярное сообщение с большими мирами. Мы предположили, что такая конфигурация неслучайна, но обусловлена какими-то практическими соображениями, и в первую очередь проблемами транспортными. Людям летающим, как вот нам с вами, давно известно, что трассы и в пространстве, и еще более — в Просторе бывают простыми и сложными, удобными и неудобными, более или менее опасными — и так далее. Естественно, что, при прочих равных, предпочтение отдается местам, куда можно попасть наиболее простым и беспроблемным способом. Вот почему мы начали искать примерно в том же районе, в котором расположены эти три мира, — искать, как вы понимаете, четвертый, находящийся, так сказать, в процессе. И нашли даже скорее, чем рассчитывали. Может быть, потому, что район этих восстановленных миров был до того совершенно необитаемым, движения в нем практически не было никакого, и каждый корабль, вырвавшийся из Простора в нормальное пространство, сразу становился наблюдаемым. Во всяком случае, патрулирующими этот район разведчиками.

— Вот, значит, куда вы загнали все лучшие корабли, — высказал я вслух только что созревшую у меня мысль. — Мог бы и сразу рассказать, что и как.

Иванос пожал плечами:

— Если ты не страдаешь выпадением памяти, — произнес он чуть ли не тоном упрека, — то должен помнить, что я, по сути, предложил тебе включиться в операцию. И получил на это отказ. Ты заявил, если не ошибаюсь, что вы оба устали до чертиков и хотите какое-то время прожить где-нибудь вдали от проблем — в покое и одиночестве. Может, и не буквально, но суть была такова, разве не так?

— Я не привык покупать кота в мешке, — ответил я сердито. — А ты решил всучить мне нечто в этом роде. Понятно, что мы не захотели. Мы ведь и вправду устали, и чтобы заставить нас отказаться от каникул, нужно было нечто из ряда вон выходящее. Если бы ты сразу обрисовал ситуацию — ну что ж, на такую наживку мы могли бы и клюнуть: ситуация создалась действительно штучная. Но ты этого не сделал, и никакой информации на эту тему в свободном обращении не существовало — на сей раз, видно, обошлось без утечки. Ничего интересного для себя мы не увидели бы, даже если бы нам очень захотелось. Но нам не хотелось. Мы, видишь ли, к тому времени стали сильно сомневаться в том, что наилучшим отдыхом действительно является смена занятий.

Нам не хотелось заниматься ничем, кроме себя самих. А ты...

— А я, — перебил он меня, — как раз и дал вам такую возможность. Во всяком случае, тогда я был в этом уверен.

— Закинув нас в осиное гнездо?

— Да поймите вы, люди: тогда у нас, ни у кого из тех немногих, кто вообще был в курсе планировавшейся операции, не было ни малейшего представления о какой-либо причастности Ардига ко всем этим делам. Он ведь находится на другом конце Галактики, так что там мы стали бы искать что-нибудь интересное в последнюю очередь. И я отправил вас сюда с единственным намерением — оказать вам дружескую услугу. Смирившись с тем, что в начавшейся операции вы участвовать не будете. Тем более что мы пытались смоделировать на компьютерах возможные связи новых миров, и, клянусь честью, Ардиг в этих анализах был упомянут лишь однажды, да и то в категории «Практически исключается».

— Значит, хилые компьютеры у вас в Службе... — не удержался я, потому что все оправдания Иваноса — или то, что я принимал за оправдания, — пока меня ни в чем не убедили.

— Ничуть, — сказал он. — Но ни один компьютер не может сделать выводов, не имея предпосылок. А в этом случае главнейшей зацепки у нас еще не было. Нам не было известно ни бита из всего, что касалось природы Ардига; ты ведь помнишь, я показал тебе всю информацию, которая имелась тогда у нас об этом мире. Да, безусловно, весьма своеобразная планета, постоянная, омывающая всю планету волна, отсутствие нормальной флоры и любой фауны, а оттого — невозможность нормальной жизни в этом мире. Но для туристов — край именно потому достаточно интересный. Нам Ардиг казался чем-то вроде, скажем так, горного района, где ни сеять, ни жать, ни разводить скот нельзя, но который крайне привлекателен для любителей горных лыж, район, куда можно приехать на неделю или месяц, натешиться досыта — и благополучно вернуться в цивилизованный мир. Во всех анализах по этой планете, какие у нас делались, ее перспективы — достаточно отдаленные — именно так и обозначались: развитие своеобразных форм туризма, не более того.

Я хотел в очередной раз возразить что-нибудь, но ничего не навернулось на язык, и я смог лишь поощрить генерала:

— Мели, Емеля.

— Благодарю за разрешение, — Иванос едва уловимо усмехнулся. — Вот эта вывеска — перспективный туризм — и побудила нас, кстати говоря, спокойно воспринять то, что некоторое время тому назад — чуть больше года — одна из больших туристических фирм Армага получила лицензию на создание там туристического центра, получила без всяких сложностей, потому что никто другой на этот мир и не претендовал. И потому никто не стал удивляться, когда на некоторое время между Армагом, еще двумя-тремя мирами из его блока и Ардигом уста-

новилось довольно оживленное сообщение: везли конструкции, технику, аппаратуру — все вполне современное и вполне применимое для той же туристической промышленности. Потом, видимо, все нужное завезли, там пошла работа, а мы перестали обращать на это внимание, потому что фирмой было объявлено: поскольку строить и монтировать приходится в очень сложных природных условиях, этот туристический комплекс будет открыт для посещения не ранее чем через три года. Вывод вроде бы напрашивался сам собой: на три года можно об этой планете забыть. Это оказалось, откровенно говоря, самой большой нашей ошибкой, и я этого не скрываю.

— Ладно, — сказал я, — ты же не перед властями отчитываешься, мы с Лючей отметки тебе выставлять все равно не станем, поскольку беспристрастными быть не можем. Давай дальше по делу. Как же все-таки вы уцепились за краешек истины?

— Можно сказать, что почти случайно, хотя на самом деле тут случай ни при чем, это скорее вопрос везения: когда ты хочешь что-то отыскать путем последовательного, систематического поиска, то тебе может повезти — и ты начнешь поиск именно с того места, где собака и зарыта. А если не везет — то ты сперва обшаришь все прочее и лишь в последнюю очередь копнешь там, где нужно. В этом смысле нам действительно повезло: когда мы стали анализировать возможные трассы сообщения между новым районом и всеми ранее освоенными, то сравнительно быстро получили неожиданный результат. Самой выгодной как по времени прохождения, так и по расходу энергии оказалась едва ли не самая длинная на первый взгляд трасса, а именно — между районом Ардига и новым районом: всего лишь одна смена курса в узле в Просторе, а и до этого узла, и за ним — чистая дорога, никаких природных опасностей, поскольку даже при больших штормах в Пространстве эти векторы практически не меняют своей ориентации — иными словами, почти стопроцентная гарантия безопасности. Что, кстати, дало бы немалую экономию на страховке, но мы пока не знаем, страховались ли эти рейсы вообще, — думаю, что вряд ли.

Честно говоря, даже этот результат анализа нас убедил далеко не сразу: не всякая теоретическая выгода находит практическое применение. Мало ли, что эта трасса самая предпочтительная; ближе всего ко мне живет сосед, и до него мне добраться проще простого, вот его дверь, а вот — моя; но это вовсе не значит, что к нему я и хожу в гости: наоборот, я могу даже не знать, как его зовут и чем он занимается. Так что мы лишь поставили на этом анализе флажок и всерьез заниматься им не стали — хотя бы потому, что в новом районе появились уже гораздо более интересные факты.

— Вот как, — промолвил я, чтобы показать, что внимательно слушаю. — Что же вы там накопали?

— Наверное, самое главное, — ответил Иванос, — показавшее нам, что мы идем по верному следу. Мы наконец-то засекли предполагаемый четвертый мир, — еще не оживленный, но уже готовящийся к этому процессу. Точнее, сначала мы зафиксировали транспорт, выскочивший из Простора и пошедший на сближение — не сразу, а после некоторой паузы — с одной из мертвых планет в системе Детской Площадки; вы примерно помните, где этот район расположен. Наш разведчик вовремя успел перейти в незримость, а транспорт, видимо, производил обзор пространства достаточно формально — только в оптическом и радиодиапазоне, гравитационную кухню разжигать не стал. Это и позволило нашему кораблику пристроиться ему в кильватер и благополучно проводить до самого места назначения. И ребята своими глазами увидели кучу интересных вещей: во-первых — что планета, которую положено было считать мертвой, уже перестала быть такой: местами на ней стали явственно просматриваться зеленые островки, да не только островки, но целые архипелаги довольно обширных зеленых пятен. Во-вторых — что транспорт не стал, как предполагали наши, садиться на планету. Он, используя антиграв-тягу, уравновесился на небольшой высоте над поверхностью и — это было совершенно неожиданно — стал сливать свой груз, зеленую жидкость, или что-то в этом роде, прямо на поверхность, а ветер тут же эту субстанцию подхватывал и разносил по равнине. Планета на это вроде бы никак не отреагировала, никакого движения там не замечалось, ни малейших признаков присутствия людей — дикость и дикость, и этот зеленый дождь. Танкер сделал два витка, расходуя свой запас равномерно и, видимо, достаточно экономно; этим, вероятно, его задача исчерпывалась — он усилил тягу, размотал орбиту и в пространстве стал явно готовиться к обратному прыжку в Простор, где следить за ним было бы куда сложнее.

Это сразу поставило ребят с разведчика перед непростым выбором. То ли по-прежнему следовать за транспортом, чтобы установить, где он базируется, где загружается, кому, в конце концов, принадлежит, хотя этот последний вопрос особых сомнений не вызывал, но все же нужно было установить это точно. С другой же, очень хотелось понять — и не только хотелось, но и нужно было понять: что же такое здесь происходит? Что это они тут сбрасывают и рассеивают? Как, собственно, осуществляется процесс оживления? Вопрос явно выходил за пределы компетенции командира корабля, поэтому они вышли на связь с нами и потребовали указаний. Пока шел обмен мнениями, стало ясно, что корабль в Просторе успел уйти уже так далеко, что отыскать его, не зная даже направления, в котором он мог скрыться, вряд ли удастся. Надо было брать то, что лежало ближе, — то есть планету.

И мы дали им команду — сесть и попробовать разобраться, что и как. Они эту команду выполнили.

Как и обычно, на борту разведчика, кроме штатного экипажа, находилась группа быстрого реагирования, или спецдесантники. Такой порядок, надеюсь, вы помните, возник после событий на Кантро с полсотни лет тому назад. Так что посадка на безлюдную, безжизненную планету ни с каким риском вроде бы не была связана. Тем не менее высадка осуществлялась со всеми мерами предосторожности. Сели благополучно, постаравшись оказаться поближе к орошенным, если можно так сказать, местам — то есть обрызганным этой зеленью участкам поверхности. Конечно, хорошо было бы, если бы на борту разведчика оказалась хоть парочка ученых-химиков или, еще лучше, биохимиков; однако такая потребность заранее не предусматривалась, а на нет, как говорится, и суда нет. Так что брать пробы пришлось десантникам.

Это у них в общем получилось не так уж и плохо — особенно с пробами атмосферы и грунта; с зеленью оказалось сложнее, но это мы поняли только потом, уже на Теллусе. Однако, кроме этого, ребятам удалось установить и еще кое-что, не менее любопытное: несомненные следы пребывания на планете людей — и не когда-нибудь, а буквально только что. Все мы знаем, что человек всегда оставляет там, где он побывал, следы своего присутствия — пусть и не всегда заметные невооруженным глазом. В общем-то это казалось естественным: перед тем, как начинать обработку планеты, надо же было ее как следует обнюхать, а не только понаблюдать за нею с орбиты. Но если люди там были, то куда они могли деваться, ведь наблюдавшийся транспорт даже не садился и никаких средств доставки на борт не принимал? Разведчикам, естественно, пришло в голову, что было бы вовсе не худо обзавестись «языком», который смог бы изложить ясно и понятно то, о чем в другом случае оставалось бы только догадываться. Тогда они пустили в ход все имевшиеся на борту и в снаряжении десантников средства поиска, включая, кроме классического следопытства, поиски по инфракрасному излучению, запаху, отпечаткам индивидуальных полей на грунте и тэ пэ. И вот тут-то они совершили настоящее открытие. К сожалению, несколько позже, чем хотелось бы.

Открытие заключалось в том, что люди на планете действительно оказались, причем больше, чем хотелось бы. Примерно вчетверо больше, чем прилетевших, во всяком случае такой вывод мы сделали потом, уже постфактум. И это были не какие-то абстрактные люди, живые, так сказать, души, но такие же военные профессионалы, как наши, и вооруженные не хуже, а, я бы сказал, даже лучше — потому что и задача у них была, как мы поняли, не такой, как у наших: не разведка, а оборона против любого возможного противника, и вооружение их не ограничивалось тем, что по старой памяти и у нас называется стрелковым. Мы потом удивлялись — почему они не расстреляли наш разведчик еще до его посадки; точно мы и до сих пор этого не знаем, но предполагаем, что на то были две причины: пер- **929**

вая — им тоже хотелось заполучить «языка», чтобы выяснить, кто их отслеживает и что успел уже разнюхать; вторая — возможно, химические и физические процессы на поверхности и в атмосфере, неизбежные при использовании современных средств ведения огня, могли отрицательно повлиять на ход начатого процесса оживления, который этот гарнизон, собственно, тут и охранял. На этой планете они успели уже как-то обустроиться и сидели тихо и скрытно, пока наши не зашли достаточно далеко — и вдруг поняли, что попали в засаду и находятся под прицелами. Им предложили сложить оружие, не доводя дело до крайности. Решать пришлось на месте и мгновенно. Окружена была вся наша группа, все четырнадцать, на борту разведчика оставался только экипаж — три человека, включая и капитана, которому тоже надо было принимать решение в секунды, поскольку десантники все время находились под визуальным контролем корабля.

— Не хотел бы я оказаться на месте любого из них, — невольно поежился я.

— Да и никто не захотел бы. Но, к счастью, командир корабля принадлежал к молодому поколению и воспитан был на современных принципах, а именно: в критической ситуации не уповать на героизм и самопожертвование, но трезво оценивать обстановку и принимать решения, исходя из правила максимального сохранения жизни людей — прежде всего своих, разумеется. Десантники могли вступить в бой, но рассчитывать на победу было не то чтобы трудно, но просто невозможно. Смыслом такого действия могло быть только одно: предотвращение захвата кораблем уже собранной информации, в которой крайне нуждался Теллус. Увы, ее нельзя было бы переправить к нам по связи: взятые пробы в частности.

— Почему бы им не воспользоваться ВВ-транспортировкой? — не понял я.

— Кто сказал, что они не воспользовались? Все полученные реалии разделили на две части, и одну действительно отправили; однако произошло то, чего и опасались: этот зеленый состав при пересылке был, естественно, разложен на составляющие, а вот собрать его заново эта техника не смогла, и мы получили по ВВ бурду, лишенную всякого смысла: все нужные элементы присутствовали, однако мы не располагали ни одной уцелевшей молекулой, и структура продукта тогда осталась для нас белым пятном, поэтому решение капитана оказалось единственно правильным. Мгновенно осознав, что возникла опасность потерять не только группу, но и сам корабль, капитан пошел на аварийный взлет. Освободить группу он не мог. Одним лишь огнем с высоты тут ничего нельзя было бы добиться, разве что перебить своих и чужих, а кроме того, капитан не имел права в такой обстановке открывать огонь первым: как-никак они находились не на своей территории и их пока никто еще не атаковал.

— Постой, постой. А если бы они запросили помощь по ВВ — еще хотя бы группу десантников?..

— Ты ведь знаешь мощность ВВ-установок на разведчиках: полтора десятка человек пришлось бы переправлять, самое малое, полчаса, а за это время тут все успело бы закончиться. Так что капитан правильно использовал очень немногие секунды, еще оставшиеся в его распоряжении. Пока силы противника были замкнуты на нейтрализацию нашей группы, разведчик взлетел — и поминай как звали. Вроде бы по нему даже открыли огонь, когда корабль был на выходе из атмосферы, но тут он был уже в своей стихии, и пара поспешных, плохо настроенных импульсов почти никакого вреда ему не нанесла.

— А группа капитулировала, — констатировал я, стараясь сохранять спокойствие. Хотя уже понял, что на месте того командира сделал бы то же самое.

— Да, но она, во всяком случае, не пропала без вести — как пришлось бы нам считать. Если бы там действительно произошла драка с участием корабля, тогда безвестно исчезнувшим числился бы и корабль. А так — он благополучно добрался до Теллуса и сдал все материалы разведки... Я говорю вам об этом, чтобы вы убедились: все эти события никакого отношения к Ардигу вроде бы не имели, происходили весьма далеко отсюда и совершенно не грозили помешать вашему приятному времяпрепровождению.

— Благими намерениями... — усмехнулся я. — Ладно, теперь нам хотя бы ясно, кто эти заложники, которых ты стремился отыскать. И ради этого пошел, насколько могу судить, на сотрудничество с представителем здешней группы безопасности. Как это, по-твоему, укладывается в основные принципы действий Службы?

— Это прямо проистекает, — ответил он очень серьезно, — из правила: ни одной точки без источника информации. Но хочу возразить против твоей формулировки: якобы я пошел на сотрудничество с представителем чужой и недружественной нам Службы. Тут ты грубо ошибся.

— Интере-есно, — протянул я. — В чем же ошибка?

— Я не шел на сотрудничество; я просто вступил в контакт с местным агентом Службы, да; но не чужой, а нашей — той, к которой и сам принадлежу.

— Туфту гонишь, — заявил я убежденно. — По-твоему, Маха...

— Мне бы не стоило засвечивать наших людей, — ответил Иванос, — но в этой обстановке ты и сам бы через минуту сообразил, как обстоит дело. Ну да, она — мой человек.

— Когда же ты успел вербануть ее? Пришел, увидел, победил?

— Да не вербовал я ее: незачем было. Она была моей студенткой еще в нашей Академии. Отлично окончила отделение научной разведки. Обычными путями была внедрена — ну, ты сам понимаешь куда. Там окончила другую академию,

на этот раз у них специальность — научно-техническая безопасность. Окончила третьей в выпуске; могла бы и первой, но тогда оказалась бы не на оперативной, а на штабной работе. Ну, в результате личных достоинств и некоторых комбинаций очутилась здесь.

— Очень интересно, — признал я. — И прежде всего вот что: как же она, находясь здесь, не смогла — или не захотела? — своевременно проинформировать вас о том, что происходит на Ардиге под видом туристического строительства и всего такого прочего?

— Снова ошибаешься: информация была. Но дело в том, что здесь не только строили, но и соответственно все оформляли, этому тут уделяли особое внимание: внешне все должно было выглядеть вполне законно. И так и выглядело, поэтому ни у кого не возникало подозрений.

— Хотел бы я знать, как можно выдать магистральный трубопровод на морском дне за туристическое сооружение?

— А никто и не выдавал. Тут события были организованы так: инвесторы в туристическое строительство на Ардиге в самый разгар работы официально объявили, что вследствие возникших сложностей не могут обеспечить финансирование строительства в том объеме, какой предполагался. Но, чтобы все же довести создание туристического центра до конца, рекомендовали изыскать нужные средства на самом Ардиге.

— На пустой, непригодной для постоянной жизни планете? Бред.

— Вовсе нет. К тому времени на Ардиге, естественно, уже знали о его природных особенностях и о перспективах, которую они открывали...

— Да что это за особенности, в конце концов?

8

Вахтенный пилот транспорта бросал взгляд на обзорный экран без интереса и лишь от случая к случаю: что толку наблюдать за водой, в которой, сколько ни гляди, ничего не увидишь — никакой жизни, ничего...

Он еще раз мазнул взглядом по сплошной зелени, заполнявшей обзорный экран. И испытал ощущение, словно от удара током. Вперился в стекло. Бред? Мираж? Или...

И, не пытаясь найти точное определение для этого «или», с маху ударил по клавише громкой связи:

— Тревога! Общая тревога! Направление пять румбов — вижу атакующий военный корабль. Всем по местам стоять! Включаю защиту. Тревога!..

И вслед за этим разнесся уже другой голос — капитанский:

— Команде: боевая готовность! Вызываю капитана базы: танкер подвергается атаке. Прошу немедленно принять

 меры!..

— Капитан базы — командиру эскадрильи перехвата! Атаковать и уничтожить неизвестный корабль, не допуская его приближения к транспорту на дистанцию действенного огня. Любой ценой!

На «шестерках» эскадрильи оглушительно прозвучавшее распоряжение паники не вызвало — разве что какую-то заминку на полсекунды. Все экипажи были хорошо обучены и тренированы. И потому уже через эти самые полсекунды комэск приказал по связи:

— Выходим в атаку!

И командирский перехватчик первым отвернул от базы и занял свое место в строю полумесяца, уже сближавшегося с чужим кораблем.

А внезапно и неизвестно откуда возникший корабль этот, похоже, смущенный видом неожиданно выступившей против него силы, явно замедлил скорость, которая и так была не очень большой, и тем самым позволил течению отнести его чуть подальше. Для перехватчиков же течение было попутным, и таким образом они сближались с кораблем-нарушителем все теснее, уже почти достигнув дистанции действенного огня.

Таким образом, создать угрозу для транспорта неизвестному нарушителю не удалось, и экипажу танкера, занявшему места по боевому расписанию, оставалось только полюбоваться картиной боя, который вот-вот должен был начаться.

И они не пропустили мимо внимания нечто, куда более странное: появление еще трех кораблей, как две капли воды походивших на первый; возникли они, как и первый, из ничего, и не тесной группой, а таким образом, что транспорт оказался как бы в окружении кораблей противника, неторопливо, но уверенно приближающихся к нему, пока еще не открывая огня. Хотя, безусловно, они были готовы сделать это в любой миг.

Однако эскадрилья, в свою очередь, не замедлила с ответом: полумесяц кораблей распался, четыре перехватчика бросились навстречу атакующим, а остальные два — первый и последний — составили как бы резерв, готовый в любой миг кинуться туда, где понадобится помощь.

«Капитан танкера «Маркиз Пит» генерал-максимату Системы.

Четыре военных корабля неизвестного происхождения атакуют мой транспорт. Предположительно целью нападения является не уничтожение, но захват корабля и груза. Возможность ведения огня перехватчиками ограниченна, поскольку атакующие корабли совершают быстрые маневры по расстоянию и высоте, и всякий неточный выстрел любого перехватчика может привести к попаданию в танкер и его гибели. Для сохранения корабля и груза и продолжения операции настоятельно требую — первое: оказания помощи всеми силами, имею-

щимися в вашем распоряжении. Второе: немедленно поставить в известность о происходящем руководящую инстанцию. Прошу учесть ограниченное время до старта, имеющееся в моем распоряжении. Жду сообщения о принятых мерах. Капитан Узер Мо».

«Капитану танкера. На помощь вам уже высылаются практически все силы, которыми я располагаю, за исключением персонала, необходимого для нормальной работы по подготовке следующего цикла. Полагаю, что они достигнут вас, сохраняя необходимый запас приливного времени. Сейчас пытаюсь установить связь с руководящими инстанциями, о результатах сообщу вам немедленно по их получении. По нашим данным, достаточно близко в Просторе находятся три военных корабля высшего класса, принадлежащих известному вам флоту, и можно ожидать их содействия. Генерал-максимат Системы».

Капитан танкера даже не выругался, как хотелось, на это просто не было времени. Приходилось заниматься не своим делом: военным. И он вовсе не был уверен в успехе. Хорошо, конечно, если помощь с Главной базы подоспеет вовремя...

9

Главная база приняла все происходящее весьма близко к сердцу и соответственно откликнулась. Как и обещал генерал-максимат, в поход снарядили всех, кто не обеспечивал жизненно важные службы базы; и в числе прочих — правда, после кратковременного колебания — были посланы почти все люди, охранявшие входы в операторский центр. Команда была такой:

— Все выходы из оперативного центра немедленно заварить. Оставить на этом уровне один патруль из двух человек с задачей совершать постоянный обход всех люков, чтобы, обнаружив возможную попытку вырваться из центра, любым путем эту попытку пресечь, включая уничтожение диверсанта. Остальным немедленно убыть к базе-два, используя донные комбайны и спасательные капсулы. Выполнять немедленно!

10

— Иванос, — сказала Лючана, перебивая нас обоих, — не понимаю, как ты можешь сейчас рассуждать так академически спокойно, если там, на той базе, наши, как я поняла, ребята, может быть, гибнут?

— Думаю, — ответил Иванос, — что тем, кто собирался напасть, уже не до них. Как-никак идет атака на транспорт — и это заботит их куда больше.

— Ты что, решил его уничтожить?

— Ни в коем случае: он необходим нам самим. Не сомневайся: в нужный момент вступим и мы.

— Знаешь, генерал, историю эту мы дослушаем как-нибудь потом, если удастся отсюда выкарабкаться. Сейчас нас интересует другое: какого черта ты ввязал нас в это дело, хотя ясно видел, что мы на этот раз ни в чем участвовать не собираемся? Мы — свободные люди, и заставлять нас...

— Постой, — Иванос даже вытянул руку, как будто остановить Лючану можно было только при помощи физического усилия. — А разве я не об этом и говорю? Вот женщины! — он повернулся ко мне, лицом изображая оскорбленное достоинство. — Есть у них такое свойство — все понимать как раз наоборот...

— За это мы их и любим, — кивнул я. — С ними жить интереснее, чем только в своей компании. Недаром же ты здесь тоже обзавелся спутницей, разве нет?

— Это совсем не то, — начал было он, потом до него дошло, что мои слова — всего лишь легкая подначка, чтобы хоть немного снизить уровень серьезности, который начал уже вызывать прямо-таки болезненные ощущения.

— Ладно, Лю, не сбивай его с рельсов, он по бездорожью не может, застревает. Давай, генерал, время и на самом деле тает куда быстрее, чем ты излагаешь.

— И почему вы оба не пошли в литературные критики? — парировал он. — Сильно обеднили отечественную культуру.

— Как раз только собрались — и тут ты возник и помешал, — снова не утерпела Люча, постоянная обладательница последнего слова. — Ну, мы ждем.

— Возник, собственно, не я, — напомнил Иванос. — Возникли вы у меня на службе, никак не наоборот. Хотя, признаюсь, я тогда уже созрел для того, чтобы пригласить вас на чашку чая — для чего, я уже объяснял. Но вам словно кто-то подсказал — и вы явились сами. Меня это поначалу обрадовало; мне как раз нужно было отправить кого-то надежного в район того четвертого мира, где попали в плен пятнадцать наших, чтобы выяснить обстановку и составить прикидочный план операции по их освобождению. Такие вещи у вас всегда получались очень неплохо. Вы отказались и тем меня огорчили — в чем вас винить, в общем, нельзя, поскольку обстоятельства дела были вам неведомы...

— Ра, слышишь? Сейчас мы у него окажемся во всем виноватыми...

— Ну что ты! — возразил Иванос не без усмешки. — Женщина всегда права, это всем известно. Я на самом деле от души желал вам хорошо отдохнуть, восстановить форму и все такое прочее, а огорчили вы меня лишь тем, что на мне осталась необходимость искать для этой разведки какого-то другого профессионала, пусть даже не такого высочайшего класса, как вы...

— Ра, слышишь, как он подлизывается? Не иначе как сейчас ему что-то от нас все-таки понадобится. Ну же, генерал, не тяни кота!

— Давай так, — попросил Иванос, — перебивай меня в пропорции один к десяти, не чаще. Не то я действительно никогда не доберусь до эпилога.

— Что же ты медлишь? — искренне возмутилась Лючана.

— Понял. Я как раз подошел к первому выводу: советуя вам и отправляя вас на Ардиг, я не держал за пазухой ни камешка: действительно думал, что тут у вас отдых получится по первому классу. Но уже после того, как вы отбыли, я получил отсюда — от теперь уже известного вам человека — неожиданную информацию: пока мы на Теллусе переваривали доставленные разведчиком сведения, пятнадцать наших ребят из четвертого мира доставили не куда-либо, а именно на Ардиг. Эта информация о переправке пленников пока еще только давала лишь повод для размышлений: могло ведь быть так, что наших людей отправили туда по тем же самым причинам, что я — вас: далеко, тихо и ни в чем не подозревается. Но, так или иначе, возникла надобность в проверке и подготовке к освобождению десантников. Как вы понимаете, это прежде всего вопрос национального престижа: не можем же мы позволить, чтобы кто угодно задерживал граждан Теллуса, тем более что юридически они имели полное право высадиться на четвертой планете, еще не объявленной объектом чьих-то интересов.

Поскольку в минуту вашего вылета мы еще не знали, что пленники там, то, естественно, и не думали, что ваше прибытие — или прибытие корабля, или и то и другое — вызовет на Ардиге такую реакцию. Мы, наверное, недостаточно учли, что и противная сторона с самого начала понимала — захват этих пятнадцати им так просто с рук не сойдет и мы будем принимать меры. Прибытие корабля, да еще с вами на борту, сочли за начало операции по их освобождению, а уж если нам (по их мнению) стало известно, что ребят держат там, то недолго оставалось и до вывода: раз мы знаем это, то, скорее всего, имеем и сведения о роли, которую Ардиг с его Системой играет в «Сотворении». И их руководство пошло на кое-какие превентивные меры...

— В смысле — открыли охоту на нас, — сказал я.

— Не только. Была у них еще и другая линия действий, так сказать, внешнеполитическая. Их люди встретились с нашими в нейтральном месте и нарисовали такую картинку: мы — неофициально, разумеется, — признаем их преимущественное право действовать на некоторых, пока ничейных мирах, включая и Ардиг, и тот четвертый, с которого все началось, поскольку эти миры являются носителями коммерческих тайн, разглашение которых Армаг считает крайне нежелательным. В ответ Армаг согласен признать за нами такое же право в отношении соответствующего количества планет по нашему выбору, а кроме того, в качестве жеста доброй воли освобождает пятнадцать наших ребят и даже своими силами доставляет их в любую указанную

нами точку Галактики. Получив такую пропозицию, наша сторона попросила время для ее обсуждения — правда, совсем небольшое, но достаточное для того, чтобы представить весь замысел противной стороны в полном, так сказать, объеме.

— Видно, давно мозги не смазывали, — съязвила моя жена. Эту реплику Иванос оставил без ответа.

— До этого предложения, — продолжал он, — мы как-то не до конца понимали вот что: имеются, самое малое, три вполне готовых к заселению и уже практически заселяемых мира, то есть полностью соответствующих условиям признания и регистрации; и в то же время ни один из них до сих пор официально представлен и выдвинут не был. Хотя, в принципе, как будто бы любой человек, любой корабль, случайно наткнувшийся на такую планету и опустившийся на ее поверхность — а это, как вы знаете, обязательное условие: не только увидеть, но и, так сказать, потрогать этот мир руками, подышать его воздухом, испить его воды и привезти образцы тамошней жизни растительной (фауна не обязательна), — любой человек, совершивший это, имел право начать его заселение, а затем и представить его на признание и регистрацию и таким образом расширить зону влияния своего мира, его, так сказать, вес в федеральной политике, в рейтинге миров. У Армага в отношении хотя бы трех этих планет такая возможность была с самого начала, но они почему-то медлили. И мы только теперь поняли почему: они хотели утвердиться во главе федерального рейтинг-листа и в Совете ударно и безоговорочно, а для этого вбросить в политику не один-два, а сразу целую горсть таких миров, и не просто в один прекрасный день, а именно в день открытия Великой Сессии, проводящейся раз в десятилетие. Добавив их голоса к уже имеющимся, Армаг на одном дыхании решил бы в свою пользу все политические проблемы, а их за десяток лет всегда накапливается большой веник. При таком обороте событий никто — и Теллус в том числе — просто не успел бы организовать какое-то противодействие, был бы застигнут врасплох — и самое малое на предстоящее десятилетие был бы отодвинут на вторые роли. Как говорится — примитивно, но результативно.

Вот что стало понятно нашим политикам, обдумывавшим полученное предложение. Нам же в Службе было понятно и еще что-то помимо этого: то, что наши пятнадцать ребят, оказавшихся за решеткой на Ардиге, в этой игре стали своего рода козырем. Поскольку при этих тихих переговорах не только подразумевалось, но почти открытым текстом говорилось: если вы на наше предложение не согласитесь, мы своего все равно добьемся — не так, так этак: поднимем шум по всей Федерации, ударим во все колокола, вытащим их на всеобщее обозрение с такой легендой: они, мол, застигнуты при попытке захвата чужой территории, предпринятой известным миром, на словах постоянно провозглашающим неприкосновенность чужих территорий и кос-

моторий, на практике же — вот, пожалуйста! И это нам грозили сделать на той же Великой Сессии. Скандал получился бы неимоверным, и нам — Теллусу — грозила перспектива оказаться даже не на втором, а, в лучшем случае, на каком-нибудь двадцать втором или даже сто втором месте по высоте межмирового авторитета и влияния. Ясно, что такого положения вещей допускать никак нельзя было, его требовалось предотвратить либо приняв условия (что нам представлялось невозможным), либо же...

— Либо же ввязаться в игру и оставить партнера без козырей, — продолжил за него я.

— Совершенно верно.

— Это понятно. Послушай, но неужели партнер по игре не предусмотрел такого хода с нашей стороны?

— Предусматривал, конечно.

— Почему же здесь эти пятнадцать козырей не подстраховали силами посерьезнее, чем местные группы безопасности?

— Скорее всего, по одной лишь причине: они просто не успели. Зато сейчас — могу поспорить — их силы без лишнего шума уже движутся сюда. Вот почему у нас так мало времени.

— Знаешь, — проговорила Лючана, — я, кажется, поняла, какое именно обстоятельство заставило вас догадаться, что именно Ардиг является центром «Сотворения». Наше рандеву в узле — тогда, на пути сюда. Встреча с тем транспортом. Так?

— Я всегда считал, что женщины обладают не столько остротой мышления, сколько интуитивной логикой, — признал Иванос. — Уже ради одного этого события стоило запустить вас сюда. Мы ведь с тех пор, как позволили тому транспорту уйти от четвертого мира, пытались отыскать его след, но безрезультатно. И, откровенно говоря, искали его совсем в других координатах. И вдруг получили от вас это сообщение и сразу насторожились: корабли такого тоннажа в ту область не заходили, вывоз удобрения с Ардига, по их официальным данным, шел по совершенно другим векторам, где и находились миры, что были названы в качестве его официальных получателей. А по вашему сообщению выходило, что оно транспортируется в те края, где потребителей этой продукции просто не могло быть. И вот тут-то и проскочила искра: мы сообразили наконец, что это пресловутое удобрение на деле может оказаться той зеленой массой, которая помогает буквально в считаные часы оживлять безжизненные планеты...

— Хотелось бы знать — каким образом это происходит, — проговорил я задумчиво. — Вы уже разобрались в этом?

— Думаю, что вряд ли, — ответил Иванос. — Хотя точно я не знаю: отсюда мне не видно. Для того чтобы в этом разобраться, понадобится зоэген, и не в пробирке, а... Одним словом, для этого нам и нужен танкер вместе с его грузом. Кстати, зеленое зелье может храниться лишь ограниченное время, и если в этот срок его не пустить в дело, оно начнет работать, где бы ни

находилось — хотя бы в танках корабля, который его перевозит. То есть фактор времени играет в этом процессе едва ли не главную роль, именно поэтому мы сейчас можем воздействовать на здешнюю власть, угрожая задержать транспорт или, напротив, обещая его выпустить вовремя. И здешнее начальство это прекрасно понимает.

— Извини, — скромно заметила Лючана, — но мне кажется, что это мы на них давим, а не вы. Мы!

— А мы что — представляем разные державы?

— Нет, — ответила Люча, — мы представляем не державу, а частную контору, ты, надеюсь, не забыл? Мы тут не выполняли и не выполняем казенное задание, поскольку его не получали.

— Ну, я надеюсь, как-нибудь разберемся, — заверил Иванос самым бархатным из своих голосов. — Связь у вас, да, но ПЗБ держим мы, и, значит, продукт тоже у нас.

— Совершенно верно, — подтвердил я. — У вас, и останется у вас даже тогда, когда это желе станет срабатывать в бассейне, и он заколосится. Интересно, какой урожай вы тогда соберете?

— Вот так, генерал, — поддержала меня супруга. — Никогда не пытайся использовать нас втемную.

— Ну ладно, черт с тобой, пусть так, но теперь-то чего вы от меня хотите? Вам обоим не хуже моего известно: интересы Теллуса могут не совпадать с нашими личными, и мы все равно оставляем их на первом месте, жертвуя своими, иногда жертва получается очень серьезной, но это — часть нашей жизни, и кто на это не способен, тот в Службе не работает. Когда такой вилки не было — я что, не помогал вам?

— Плохо его дело, Люча, — сказал я. — Если человек начинает уже взывать к своим былым заслугам...

— Совсем плохо, — подтвердила она. — Что же нам теперь с ним делать?

— Погоди ставить точку, — предложил я. — Он еще далеко не оправдался. Ведь если бы мы все время могли располагать кораблем по нашему усмотрению, мы, скорее всего, в такой луже и не оказались бы. Но так не получилось. И я, кажется, понял почему.

— Ра, только не надо фантазий, — посоветовал Иванос. — Слово, знаешь ли, не воробей...

— Да нет, — возразил я, — какие уж тут фантазии. Только факты и выводы из них. Мне пришло в голову вот что: неслучайно на Ардиг был направлен не корабль вообще, а именно тот самый разведчик, который участвовал в эпизоде на четвертом мире и, следовательно, получил уже флажок от тех, кто в этом мире ему противостоял. Попал, так сказать, в компьютер, и на него завели досье. Нам объясняют, что так получилось лишь потому, что других кораблей под рукой не оказалось. Это детский лепет: посылать в подозрительное место меченый корабль — таких ошибок Служба не делает. Наоборот: корабль послали

именно потому, что он был уже помечен. Зачем? Чтобы вызвать на Ардиге определенную тревогу и заставить их действовать, потому что, действуя, противник неизбежно в какой-то степени демаскирует, обнаруживает себя, реагируя на такой ложный выпад, а тем временем подлинный оператор тихо проникает на место, наблюдает, делает выводы, а потом и приступает к действиям. Вот зачем шел туда корабль. То, что на нем оказались мы, только усиливало эффект: не разведчик-автомат, но разведчик с экипажем, значит, с серьезным заданием; тем более что — скажу без ложной скромности — нас с тобой, Люча, достаточно хорошо знают, мы имеемся в базе данных любой, даже самой плюгавой разведки в Галактике. Но корабль при этом был подчинен нам лишь во вторую очередь, а в первую — действовал по программе, составленной для него заранее, согласно которой он должен был время от времени возникать, привлекая к себе внимание и усиливая нервозность властей Ардига, независимо от того, в каком положении в то время находились мы с тобой. Вот почему он не пошел, чтобы выручить тебя в самые первые часы, и по той же причине...

— Ра! — прервал меня Иванос. — Не ищи в этом никакого умысла: программы были введены еще до того, как появились вы, а отказ от них привел бы к задержкам — приходилось бы как-то согласовывать их задачи с вашим присутствием на борту. А мы торопились, очень торопились...

— Люча, — сказал я, — все-таки он жуткий сукин сын, правда?

— Слов нет. Но, знаешь... в Службе он все-таки не самый дрянной мужичок. По-моему, все остальные еще хуже.

— И это тоже верно. Он хоть никому не пакостит без нужды, просто из любви к искусству. К тому же я заметил в его версии самое малое одну интересную нестыковку, говорящую в его пользу. Сказать, какую?

— Наверное, ему интересно будет услышать.

— Безусловно. Так вот: он вовремя понял, что, сам того не желая, сунул нас в осиное гнездо. Что перед тем, посылая корабль, Служба имела в виду, так сказать, рядовой тест, а когда возникло представление об Ардиге как о важнейшей составляющей всего «Сотворения», он понял, что реакция этого мира на корабль и на наше в нем присутствие будет на порядок серьезнее, чем предполагалось, и он, не очень-то размышляя, кинулся сюда, чтобы выручить нас. Ну а тут и наше, и его поведение определялось конкретными обстоятельствами: ему надо было срочно что-то делать, чтобы танкер с грузом не ушел, и нас он отложил на потом, тем более потому, что убедился: я в порядке и намерен активно действовать сам. Он вряд ли предполагал, что ты попадешь в критическую ситуацию, думал, получив информацию от своего человека, что ты тихо-мирно сидишь под арестом и вытащить тебя чуть раньше или позже — вопрос неприн-

ципиальный. Вот такие выводы, Лю, я позволил себе сделать из неточности в его рассказе: он летел сюда из-за нас и за нами.

— Почему же он сразу не сказал об этом? — подумала вслух она.

— Потому что этот его полет, по его убеждениям, был бы воспринят как проявление какой-то сентиментальности, что ли, недостойной генерала Службы, обязанного быть, как известно, твердым, несгибаемым, не поддающимся никаким душевным движениям... А на это, как видишь, он не очень тянет. Но ему не хотелось, чтобы это знали даже мы с тобой.

— И тем не менее, — повторила Лючана убежденно, — он сукин сын. Но я его все-таки поцелую.

— Может, все же отложим до Теллуса? — предложил я. — А то он впадет в состояние блаженства и полной расслабленности, а дело ведь еще не сделано.

— Давай, генерал, — кивнула Люча. — Вызывай свою армаду.

Иванос покачал головой и улыбнулся.

— Да, профессионализм всегда проявится, — сказал он, похоже, самому себе. Потом посмотрел на нас очень внимательно, на одного и на другого, с таким выражением, словно видел нас впервые в жизни. И продолжил уже совсем в иной тональности:— Значит, так, коллеги. Отношения мы вроде бы выяснили, и я бы с удовольствием сейчас же отправил вас куда подальше, к известной бабушке, или, точнее, в наш родной и любимый проклятый мир. Чтобы вы не маячили тут постоянным упреком и не мозолили мою чувствительную совесть. С великим удовольствием и облегчением, да. Но сделать это я не могу, потому что «Триолет», как вы знаете, сейчас проводит операцию, другого транспорта у нас нет — ни у меня, ни у бывших заложников, — да и от противника можно ожидать всяких неожиданностей: он ведь не побежден, просто находится сейчас в обороне, но это еще ни о чем не говорит... У меня, повторяю, возникло нехорошее чувство, что сюда вскоре нагрянут большие корабли Армага и нам придется попотеть...

— Можно подумать, — перебила его Лючана, — что у тебя тут в распоряжении самое малое космодесантная дивизия. Или, может быть, она на подходе?

Иванос вздохнул.

— Дивизии не только нет, но и не будет, — произнес он с откровенным сожалением. — В этом секторе Галактики вообще нет ни одного теллурского военного корабля и ни единого воинского подразделения, заложники не в счет — они оказались здесь не по своей воле. Вскоре в пределах устойчивой связи пройдет теллурская суперцистерна «Компас», но нам от нее никакого прока. А с чего это ты вдруг подумала о дивизии?

— С того, что ты так легко отказываешься от нашей помощи!

— Пока я не слышал, чтобы вы ее предлагали. Вы только перечисляли все мои грехи...

— Да, чтобы ты их случайно не запамятовал. Генеральская память — дело темное. Но разве мы говорили, что собираемся оставить тебя тут без поддержки? Твои пятнадцать мальчиков, конечно, большая сила, только опыта у них, всех вместе взятых, наверняка поменьше, чем у нас с Ра. Я имею в виду — в таких вот ситуациях. Мы (тут она стрельнула взглядом в меня, и я кивнул) готовы поддержать тебя — на правах союзников.

Он усмехнулся:

— И много ли запросите за помощь?

Лючана повернулась ко мне:

— Нет, он даже глупее, чем я всегда считала. Только безнадежные дураки оскорбляют людей, предлагающих содействие. Ра, может, и вправду воспользуемся ВВ-транспортом? Подумай: раз — и мы дома! А вся федеральная политика — да провались она куда поглубже!

— Лю, он просто туго соображает, иначе знал бы, что мы выставляем счет только заказчикам, с которыми подписан контракт, а с ним мы ничего не заключали.

Покосившись на нас, Иванос неопределенно произнес:

— Ну, для хороших дел не бывает поздно...

— Ты слышишь, Лю? Предложение по всей форме, я так это понимаю.

— Все равно, — не сдавалась она, — не хочу больше с ним иметь никаких дел!

Укоризненно глянув на Иваноса, я сказал ей:

— Я тоже не жажду, но только если у него насчет совести слабовато, то у нас с тобой по этой части всегда был полный порядок, верно? И если мы сейчас скажем дяде «прощай» и поищем местечко, где можно будет по-настоящему отдохнуть, она, проклятая — я имею в виду совесть, — все равно испортит нам все, что угодно: мы же не сможем расслабляться, представляя, каких дров он тут наломает без помощи умных людей и что в результате с ним, скорее всего, произойдет. Если он и выживет, то с должности его уж точно попрут без выходного пособия, и нам, чего доброго, придется из наших скудных заработков поддерживать его по гроб жизни. А он — существо прожорливое и привередливое. Так что мне такая перспектива вовсе не улыбается.

Похоже было, что и Лючану подобное будущее не соблазнило, и, помолчав для порядка с минуту, она проговорила:

— Вот всегда вы, мужики, наворачиваете такие сложности, что... А, ладно. Так в чем там твои проблемы, генерал? Давай только быстро: я устала и хочу есть.

— Проблемы в том, — ответил генерал, — что пришла пора овладеть здешним командным центром, иначе на нашу го лову свалится слишком уж много забот.

— Ну что же, — сказал я. — Охотно. Только ты не забыл, что мы тут заперты? И по ту сторону этих стен только и ждут, чтобы мы высунули хоть кончик носа?

— Увлекаясь полемикой, — проговорил Иванос наставительно, — не следует забывать о реальной обстановке. Хоть время от времени поглядывай на монитор — и увидишь, что...

Я последовал его совету — чтобы убедиться в том, что как раз последние из подкарауливавших нас людей, судя по движению огоньков, покидали свои посты и направлялись...

— Куда это они, по-твоему? — спросил я.

— Сейчас их больная мозоль — танкер, — ответил он. — И они спешат туда — на каких-нибудь плавсредствах, пока еще не ушла волна...

— На капсулах, — уточнила Лючана. — На чем же еще.

— Ну что же, — сказал я, — тогда и нам нечего здесь засиживаться. Минутку.

Именно такой срок понадобился мне, чтобы, проверив пульс спящего оператора, заглянуть в его сознание и поставить блок, который помешает ему воспринимать любые сигналы, кроме моих. Он мог нам еще пригодиться при случае: в жизни бывает всякое.

— Лишняя спешка вредит, — заметил Иванос. — Погодите, мне надо еще переговорить кое с кем. Здесь-то связь есть, а как там будет дальше — не знаю.

— Тебе виднее, — согласился я.

Иванос склонился к пульту связи:

— Лейтенант! Здесь шеф! Что у вас?

«Передышка. Перехватчики заняты отражением атаки. Шеф, это «Триолет»?»

— И весь его ресурс: три фантома. Какое-то время он поманежит эскадрилью. Но за этот срок мы должны захватить танкер, иначе все — псу под хвост.

«Шеф, тут мы можем еще продержаться, но стоит высунуться из-под купола — и первый же перехватчик расстреляет нас просто так, мимоходом. Как тебе представляется этот захват?»

— Попробуй третью уловку. Кстати, а тот перехватчик — ну, наш с тобой?

«Там пятеро с Тавровым во главе. Сейчас действуют в составе эскадрильи, чтобы не вызывать подозрений. Пока удается».

— Очень хорошо. В случае чего — запустите уловку-два.

«Поняла. Приступаю к выполнению».

— Ну вот и все. Пошли, — скомандовал Иванос, и мы без труда вышли через тот люк, что находился дальше прочих от оставленного охраной патруля. Лючана шагала налегке, а нам с генералом приходилось тащить свои унискафы, чтобы потом не отвечать за утрату казенного инвентаря.

Через две минуты мы оказались в нужном коридоре.

— Эй, эй, ты не туда сворачиваешь! — пришлось мне тут же окликнуть Иваноса. — Пропустил поворот!

На что он, усмехнувшись, ответил:

— У тебя план официальный, а у меня — служебный. Я уж пройду своим путем, извини.

И похоже, что он был информирован лучше нас. Это чуть испортило мне настроение: он явно показывал мне, что как бы хорошо у меня что-то ни получалось, он все равно остается на корпус впереди. И не только испортило, но и слегка разозлило. А потому я решил незамедлительно поставить его на место.

— Лю, — сказал я. — Захватить центр — тут нужно или число, или умение. Число наше никого не убедит; значит, нужно умение. Женская хитрость. Так что руководство в твоих руках.

— Хитрость? — переспросила она. — Чего другого, а этого у нас навалом. Вы только внимательно слушайте и точно исполняйте, ладно? Иванос, как я поняла, тут у тебя есть своя женщина — из здешней Службы?

— Сейчас она нам не помощница. Ты же слышала разговор: она на ПЗБ.

— Она мне и не нужна. Напомни, пожалуйста, как ее зовут?..

Глава пятнадцатая

1

Маха говорила в микрофон через интонатор голосом усыпленного капитана Посадочно-загрузочной базы:

— Максимат ПЗБ вызывает капитана Узера Мо.

«Капитан Узер Мо слушает».

— Капитан, поскольку на протяжении ближайшего часа мы не сможем осуществить заливку танков, предлагаю использовать это время для проведения регулярного медицинского контроля над состоянием членов вашего экипажа. Считаю это обязательным, поскольку, согласно инструкциям службы охраны здоровья, такому осмотру должны подвергаться люди, пребывающие на Ардиге более четырех часов, а вы уже перешли этот рубеж. Для того чтобы как можно меньше отрывать ваших людей от выполнения их обязанностей, предлагаю прислать к вам на борт нашего врача и с ним одного или двух лаборантов для проведения на месте экспресс-анализов. Сразу после получения вашего согласия наши медики готовы перейти на танкер.

Одну небольшую неточность допустила Маха в этом разговоре: лаборантов оказалось бы не двое, а девять, то есть на двух человек больше, чем было людей в корабельной команде. И кроме медицинского инструментария (а если точнее — то вместо него) они были бы оснащены другими средствами, чье назначение — не поправлять здоровье пациентов, а как раз

наоборот. Но это были уже детали, главное — чтобы без помех открылся корабельный люк. Вот таким был замысел, как казалось и Махе, и самому Иваносу, когда разрабатывалась эта маленькая, но важная операция — замысел простой и убедительный.

Получилось, однако, не так, а вернее, не получилось никак.

«Капитан Узер Мо — капитан-максимату ПЗБ. В медицинском обслуживании не нуждаюсь, на борту все здоровы, находятся под контролем компьютера. Остающееся до заливки время использую для подготовки к старту, который в любом случае будет произведен через один час сорок минут. По указанной причине на борт корабля не будет допущен ни один человек, не входящий в состав команды».

— Капитан, обращаю ваше внимание на возможные последствия нарушения инструкции...

«Мое решение вам доложено и пересматриваться не будет. Конец связи».

Что-то пошло не так.

2

Лючана четко объяснила, когда, кому, что и как следует сказать, подключившись к иннерфону в приемной.

— Лю, послушай...

— Некогда. Послушаю потом. Не медли.

— Слушайся жену! — пробормотал Иванос.

Сама она так или иначе постаралась не потерять даже и секунды лишней: чутье подсказывало, что такая безмятежная тишина, которая сейчас стояла вокруг, долго не продлится. Правда, подготовка к задуманному действию не включала в себя ничего сложного. Она постаралась оглядеть себя — насколько это было возможно без зеркала, мысленно дополняя то, чего глазами сейчас не увидеть. Не то чтобы ей увиденное понравилось, наоборот, представляя, как сейчас выглядят ее сто лет уже не мытые волосы, Лючана поморщилась. Но с этим ничего не поделать, к тому же — Лючана знала — мужики в первую очередь станут смотреть не на прическу, а пониже. А там, полагала она, все должно быть в порядке.

Она вышла в ту часть коридора, которая просматривалась из предбанника, где находилась охрана. И, не скрываясь, пошла ко входу неспешно и очень выразительно. Рассчитывая, что, пока она идет, ее успеют как следует разглядеть. Ее заметили заблаговременно; и, когда до двери ей оставалось еще несколько шагов, изнутри прозвучал голос, четко переданный усилителем:

— Эй, в проходе, ты! Приставь ногу! Доложи: кто, зачем? По вызову?

— Проснись, служба! — откликнулась она уверенно, зная, что будет услышана. — Медиат второго градуса группы внешней безопасности Маха. Со срочным сообщением!

— Нет тебя в списке. Хотя...

И на этом охранник умолк. Но переговорник не отключил, и Лючана услышала, как внутри прозвучал другой голос, негромкий, властный:

— Охрана! Там ко мне есть кто-нибудь?

Говоривший не назвался, но никто его и не стал спрашивать. Кто еще мог сейчас задать такой вопрос, кроме генерал-максимата?

— Так точно, какая-то женщина.

«Явилась, неудачница! Сама приползла — просить пощады. Ну, этого она не заслужила!»

— Впустить быстро!

Дверь медленно отодвинулась, открыв проход в приемную. Лючана решительно шагнула внутрь. Остановилась. Глянула на одного охранника, на второго — те, в свою очередь, пялились на нее так, как будто никогда не видели женщин. Она очаровательно улыбнулась, и они смотрели на эту улыбку, в то время, как ее рука нырнула в карман и вернулась, уже сжимая в пальцах дистант, заранее настроенный ею на выведение из строя — не на поражение. Импульсы ударили — целых три, потому что во второго охранника пришлось стрелять дважды: рука дрогнула — все-таки слишком холодно тут было для такого туалета, какой был на ней. Лючана выругала себя за брак, но так или иначе дело было сделано. Она подошла к внутренней, главной двери, которая как раз в это время отворилась, и голос главного, на этот раз подлинный, с досадой спросил:

— Маха? Что там за шум?

Ответа он не услышал, Лючана предпочла обойтись все тем же дистантом.

Иванос и я в следующий миг вбежали в приемную из коридора. Сразу оценили увиденное. Я сказал:

— Ты молодец. Теперь...

Иванос не дал мне договорить:

— Успели в самое время! Смотри: вызов по дальней связи! Это не нас вызывают, понятно, но послушать стоит! Всем — тихо, отвечать буду я.

Внешняя связь заработала. И заструился текст — четкий, но совершенно недоступный для нашего понимания: цифры и символы, не складывавшиеся ни в какую сколько-нибудь читаемую формулу. Иванос сказал через секунду:

— Восьмая степень. Надо бы разобраться, а?

— Скорее всего, личный шифр генерал-максимата, — предположил я. — Вряд ли кто-то еще тут может располагать восьмой степенью. Так что расшифровка должна идти по автомату. Через службу связи. Зайду-ка я туда.

Я вышел в предбанник, на всякий случай огляделся и прислушался. Все в порядке, никаких угроз. В комнате свя-

зи я разобрался довольно быстро — здесь не было ничего сверхъестественного, аппаратура давно знакомая. Я включил систему дешифровки; она оказалась заранее настроенной именно на нужный код — видимо, генерал-максимат уже раньше находился на связи с кем-то вышестоящим. Я вернулся к своим, и как раз пошел членораздельный текст.

«Генерал-максимату Системы. Срочно. Только лично. Обеспечьте посадочные места для трех кораблей эскадры, находящихся в двенадцати часах пути до вас. Требую немедленно и подробно обрисовать обстановку, объем и характер необходимой помощи, а также доложить о ходе загрузки транспорта. Вы уже отстали от расчетного времени на полтора часа. Не сообщаете также о выполнении графика подготовки к новому циклу. Ответ немедленно. Подписал Сидер».

Вот просто так: Сидер. Без указания звания или должности. Надо полагать, и то и другое известно тут всем и каждому.

— Ну вот и прибывают кораблики... Ра, кто бы это мог быть, этот Сидер?

— Не знаю, в моем мике такой не значится. Да какая разница: успокоим человека, если он так уж волнуется. Соврем что-нибудь уверенно.

— Слушайте меня! — сказала Лючана. — Передавайте вот что.

Она быстренько изложила свою идею, а я привел ее в такой вид:

«Сидеру. Докладываю: загрузка транспорта завершается. Была задержка в допустимых пределах вследствие незначительного сбоя в работе магистральной системы. В настоящее время причина устранена. Никаких других сложностей не возникало. Подготовка к очередному циклу идет согласно графику с поправкой на упомянутую задержку. В помощи не нуждаемся, благодарю. Присутствие бригады кораблей не требуется. Генерал-максимат».

— Ра, ты уверен, что с языком у тебя все в порядке? Знаешь ведь, в каждом мире — своя деловая стилистика.

— Господи, я думаю, что деловой стиль любого из маломальски продвинутых миров я знаю даже лучше нашего собственного.

— Не то смотри у меня!.. — даже пригрозила жена.

Но я только пожал плечами:

— Думаю, они сейчас что-то ответят. Значит — поверили. Если же нет...

«Генерал-максимату. Ожидаю сообщения капитана танкера о благополучном завершении погрузки и выходе в пространство. Сидер».

— Вот и порядок Я думаю... — начал было Иванос и тут же перебил сам себя, потому что из приемника ближней связи донеслось:

«Шеф! Я лейтенант...»

— Маха? Слушаю. Что? Не клюнули? Плохо. Все возвращайтесь под купол, приготовьтесь к обороне. Сейчас что-нибудь придумаем. Придумаем, я говорю!

Может быть, Маха и поверила его обещанию. Но она не видела Иваноса и потому не могла судить о выражении его лица. Я же подумал, что, кажется, никогда раньше генерал не выглядел настолько... ну, не растерянным, допустим, но в этом роде.

— Сорвалось? — спросил я просто, чтобы нарушить молчание.

— М-м... — промычал он. — Ничего... Надо выкручиваться. Потому что если они там не получат успокоительного сообщения с танкера, то...

— Не понимаю, — сказала Лючана. — А почему им не получить это сообщение?

— Да потому, — ответил Иванос с досадой, — что у них с танкером, скорее всего, своя система связи, в которую мы так просто не влезем: времени не хватит для взлома.

— А зачем нам взламывать? Пусть он сам и рапортует.

— Очень интересно, — заметил Иванос, и каждый звук его голоса был, казалось, пропитан ядом. — Интересно: как же это он окажется в пространстве? Разве я не сказал, что капитан отказывается стартовать, не получив всего груза до последнего грамма?

— Говорил, как же. Ну и что? Пусть он получит свои тонны и граммы — и стартует на здоровье. И тут сразу станет спокойнее.

Иванос глянул на меня, задрав брови чуть ли не до затылка:

— Ра, твоя жена что — не в себе? По-моему, у нее сдвиг по фазе, и крутой. От тяжелых переживаний вполне могло случиться. Лючана, может, тебе пока что прилечь, отдохнуть, немного прийти в себя...

— Если тебе нехорошо, ложись, — отразила этот укол Лючана. — Я себя чувствую как нельзя лучше. И нахожусь в здравом уме. А вот ты...

Я деликатно кашлянул, она поняла и не стала продолжать.

— Если ты в порядке, — не унимался Иванос, — то как могла забыть, что моя цель именно в том и состоит, чтобы получить эту массу в наше распоряжение и уж никак не позволить им доставить ее на четвертый мир?

— Господи, да ради бога!

— Нет, — воскликнул Иванос, в отчаянии разводя руками, — эту логику я отказываюсь понимать! Ра, может, ты умнее и что-нибудь соображаешь?

Не то, чтобы я все уже совершенно понял, но вроде бы в моем сознании забрезжило нечто интересное, и я проговорил:

— Знаешь, генерал, тут действительно может получиться очень забавно. Надо только просчитать все технически. И сделать это быстро. Если все срастется, то есть окажется нам по силам, так и сделаем. Но считать надо быстро: где-то там ждут ответа, их бригада спешит сюда, а я по ней никак не тос-

кую. Да и никто из нас. Люча, у тебя, надо полагать, расчет есть. Изложи нам вкратце, и займемся наконец делом.

— Попробуй, девушка, убедить меня, — проронил Иванос хмуро.

— Ах, — откликнулась Лючана с досадой, — не мужики, а похоронная команда. Да почему он должен уходить без груза? Пусть стартует с полными танками: еще есть время залить его доверху.

— Чем? — крикнул Иванос. — Магистраль по твоей милости перекрыта, и...

— Помолчи-ка, — осадила его Лючана. — И послушай женщину — это бывает для вас полезным. — Генерал, — так начала она, — по-моему, из положения, в каком все мы оказались, выйти достаточно просто. Тебе нужно...

Мы выслушали то немногое, что она хотела нам сказать.

— Каково тебе это нахальство? — спросил я, усмехаясь. — Чувствуется определенный стиль, тебе не кажется? Женский стиль.

— Кажется, — согласился Иванос. — Давай-ка сочиним пристойное послание капитану танкера — и пусть уходит с миром.

— Только так, — согласилась Лючана.

3

Странный бой в районе, примыкающем к базе, между тем продолжался. Странный — потому что заключался он в бесконечном маневрировании, когда перехватчики — каждый из них — старались выйти на позицию, откуда можно было бы ударить по одному из кораблей противника, не рискуя попасть в своего. Для этого нужно было прежде всего точно определить дистанцию до выбранной цели; но это как раз и не получалось, потому что все четыре военных корабля постоянно меняли дистанцию, и при этом как-то рывками: вот только что цель находилась в прицеле, но едва удалось установить дистанцию, как в следующее мгновение она оказывалась румба на три в стороне и дистанция увеличилась (или, напротив, уменьшилась), и это было не только непонятно, но и заставляло экипажи перехватчиков нервничать чем дальше, тем больше.

Так что ничего странного не было в том, что у командира одного из перехватчиков, а именно — шестого, нервы не выдержали и его корабль, нарушив общий строй, внезапно кинулся в атаку на чужой корабль.

— Шестой! Шестой! — кричал в микрофон командир эскадрильи. — Назад! Куда вас понесло?! Шестой!..

Но нарушитель дисциплины словно бы его не слышал. Такое, впрочем, случается, когда ненависть к противнику и азарт боя вынуждают человека совершать явно неразумные, слишком уж рискованные действия, которые, впрочем, порой приводят к неожиданному успеху.

Но не на этот раз. Видимо, большой корабль прибег наконец к оружию и, защищаясь, нанес нападающему серьезные повреждения; недостаточное освещение не позволило увидеть, какие именно повреждения получил шестой перехватчик, но результат был всем виден: перехватчик разом потерял и скорость, и направление, крутнулся на месте и стал быстро приближаться ко дну, иными словами — тонуть. Это было тем более неприятно, что траектория, по которой он опускался на дно, упиралась почти в борт танкера. Так что пристально следившие за боем люди на танкере не на шутку встревожились: подбитый перехватчик мог, сам того не желая, протаранить возвышающуюся над посадочным кругом пузатую башню транспортного корабля. Однако повезло: перехватчик лег на дно примерно в десятке метров от танкера и при этом — второе везение! — не взорвался. Видимо, уцелевший экипаж успел своевременно принять нужные меры предосторожности. Не успели люди на танкере перевести дыхание, как люк перехватчика распахнулся и два человека в дыхательных масках выбрались оттуда и, помогая друг другу, приблизились к танкеру, крича на его частоте:

— Помогите! Примите на борт!..

Это было естественно, потому что остальные перехватчики находились намного дальше от потерпевших бедствие и к тому же, отвлекаясь от боя для оказания помощи коллегам, любой из них ровно на одну пятую ослабил бы защиту танкера от неустанно маневрирующего корабля, чьей целью было, вероятно, выйти на позицию, удобную для открытия действенного огня по танкеру.

— Капитан! Двое просят принять их на борт. Разрешите?

Капитан танкера на этих двоих не смотрел, его внимание было сейчас приковано к другому экрану, чья камера смотрела в противоположную сторону, а именно — в направлении купола ПЗБ, где тоже происходило некоторое движение: люди в подводном снаряжении выскальзывали из технического люка и, плывя над самым дном, стараясь остаться незамеченными, приближались к танкеру.

— Не разрешаю, — ответил он, почти не разжимая зубов.

— Капитан, но им грозит гибель...

— Займите свое место! Без рассуждений!

— Есть занять место, не рассуждать!..

4

— Маха, от имени капитана ПЗБ передай на танкер: полный порядок, начинайте заливку танков. Затем...

«Шеф, это ты придумал?»

— Я, не я — какая разница... И оставайтесь под куполом, пока он не уйдет.

«Принято».

«Капитану Узеру Мо. Неисправности устранены, готовы начать заливку танков. Просим сообщить готовность. Максимат ПЗБ».

«Максимату ПЗБ. Рад слышать. У нас полная готовность. Ждем.

Капитан Узер Мо».

— «Триолет», я шеф. Операцию свернуть. Вернуться к предыдущей программе, уйти в незримость, возвратиться на исходную позицию.

«Выполняю».

— Ну вот, дорогие пляжники, — сказал Иванос нам с Лючей, — ваш-мой «Триолет» возвращается. Сразу переправляйтесь на него и отправляйтесь на ПЗБ. Там возьмете на борт наших ребят, бывших заложников, и подежурите, пока все не закончится. Надеюсь — ко всеобщему удовольствию.

— А что еще надо заканчивать?

— Ну, хотя бы вытащить останки твоей капсулы, — ответил Иванос Люче. — Должны же мы получить желаемое!

— А тебе что, тоже обязательно залить все баки?

— Не люблю, — сказал Иванос, — когда добро пропадает.

— А перехватчики там? Снова драться с ними?

— Не потребуется.

«Комэску перехватчиков. Приготовиться к сопровождению и охране танкера до выхода его в пространство. Затем встретить приближающуюся для загрузки удобрением цистерну и осуществлять ее охрану до окончания загрузки и рестарта. После этого довести до конца операцию по наведению порядка под куполом ПЗБ. Генерал-максимат».

— Иванос, не слишком ли рискованно — оставлять там Маху и всех ребят до самого последнего мгновения?

— Ты считаешь, что мы их бросаем на произвол судьбы? Никак нет. До старта нашей цистерны «Триолет» будет патрулировать ПЗБ — в незримости, конечно. Так что если даже кто-то там посмеет нарушить приказание генерал-максимата, «Триолет» убедит его в том, что это вредно для здоровья. Дошло?

«Генерал-максимату. Докладываю: атаковавшие корабли отступили и исчезли из поля зрения. Ваше приказание получено. Приступаю к исполнению. Наши потери в бою составили один корабль, судьба экипажа остается неясной. Один из перехватчиков доложил, что команде поврежденного корабля удалось спастись в ПЗБ. Командир эскадрильи перехватчиков».

5

Капитан танкера «Маркиз Пит» переводил взгляд с одного прибора на другой, и настроение его повышалось с той же скоростью, с какой росла масса погруженного продукта. Танк заполнялся за танком — без заминки, как и полагалось, потому что как бы ни были одеты и люди Системы, и экипаж танкера, на самом деле все они были военными и, значит, обязаны действовать соответственно. Радовало и то, что неизвестно откуда возникшие вдруг корабли, изрядно потрепавшие всем нервы, так же внезапно и исчезли, все четыре, впору было задуматься: да существовали ли они на самом деле? Или то была лишь наведенная иллюзия? Все ведь случается во Вселенной...

Эскадрилья перехватчиков — за исключением одного, временно вышедшего из строя, — получила возможность обеспечить полагающееся сопровождение танкера во время его старта, а также встретить и проводить к месту посадки ожидаемую суперцистерну. То есть жизнь возвращалась в нормальное русло.

Капитан чувствовал, как сам наливается уверенностью по мере того, как все меньше остается пустых танков. Вот их осталось три...

— Стюард! Кофе мне. Как обычно.

— Конечно, капитан. Прошу вас.

Впервые за время этого пребывания на Ардиге капитан смог осушить чашку благородного напитка с подлинным удовольствием. И не спеша. А пока он смаковал кофе, заполнились и немедленно были наглухо задраены еще два танка. Оставался последний.

— Связь с командиром эскадрильи, быстро!.. Алло, я «Маркиз Пит». Готовлюсь к старту. Могу ли рассчитывать на обеспечение свободного подъема?

— Привет, капитан. У нас все в порядке. Так что проводим вас с музыкой, как полагается по протоколу. Не беспокойтесь.

А он и не беспокоился вовсе. Просто проверял, как привык делать всегда.

Последний танк. Заполнен, задраен. Приборы показывают: в танках давление нормальное, никакой утечки. Энергия — в норме. Повреждений корабль не имеет. Иными словами — летим, братцы, летим!

— Что там у тебя?

— Капитан, перехват. Разрешите доложить?

— Угроза для нас? Или что? Ладно, давайте сюда.

«Капитану «Компаса». Приготовьтесь к сближению и посадке на объект 1402 сразу после прохода стартующего. Будете встречены и доведены до посадочной точки. Дальше действуйте по сообщенной вам схеме. Как поняли? Иванос, Служба».

— Кто это и откуда? — спросил капитан танкера.

— Неизвестно. Но где-то в этих краях, судя по мощности сигнала.

— Если не на нашем пути, то это не моя забота. Было бы свободное место для нас, об остальном пусть болит голова у генерал-максимата.

— Прикажете сообщить о перехвате под купол?

— Раз мы перехватили, то и они наверняка тоже. Нечего терять время. А теперь на место бегом марш! Сейчас стартуем. Всему экипажу! По местам стоять, готовиться к старту по штатной схеме, службам докладывать о готовности! Внимание, инженер! Антигравы ввести! Увеличивать отдачу на восемь сотых мощности в минуту. Начинаю отсчет. Десять. Девять. Восемь...

Ну, слава тебе, господи.

Капитан не слышал возгласов, какими экипаж встретил эту команду, но знал, что они сейчас радостно звучали в любом помещении корабля.

Доклады о готовности начали поступать через пятнадцать минут и закончились еще через три минуты. И настало время наконец...

6

— Ра, черти бы тебя взяли, можешь мне объяснить, почему мое сообщение пошло по общей антенне? Оно же должно было передаваться по остронаправленной — на «Компас»! Я вроде бы сделал все как полагается. Неужели не смог чего-то сообразить?

— Ив, все в порядке, ты только не учел, что эта антенна автоматически отключается за десять минут до старта корабля с ПЗБ, чтобы ее мощное излучение не вызвало сбоя его компьютеров, в первую очередь аграгвигруппы. Засиделся ты в кабинетах, генерал...

— Ах вот что... Маха! Маха! Что у тебя там? Пропадает слышимость...

«Транспорт стартует, забивает все на свете. Я говорю: за-бива-ет! Ничего, через десять минут эфир очистится...»

Дальше и вообще ничего не было слышно. «Все-таки, — подумал Иванос, — на соплях тут у них все сделано. Это можно понять: система-то — временного пользования, сооружалась на скорую руку. Но получится не по их разумению, а по нашему все-таки. Да, это у меня получился прокол — со связью. Но, слава господу, мама родила меня не связистом. Так что краснеть особо не стану. Есть дела поважнее. Значит, улетает транспортюга, так я его и не взял, повезло ему. Но, в конце концов, мне все же повезло больше. Хотя — почему «повезло»? Все так и было рассчитано...»

Он немного хитрил сам с собой: все-таки повезло, потому что здесь оказалась эта парочка, а без них сочинил бы он такой вариант — трудно сказать. Вернее всего, все-таки попробовал бы штурмовать транспорт наперекор всему, тут и крови бы пролилось немало, и осложнения были бы по государственной линии: навесили бы в самом деле пиратство, и неизвестно, чем бы все это закончилось. Чего доброго, и погоны бы сняли, если не что-

нибудь похуже. Но опять-таки, что значит «повезло»? Была, выходит, на то воля господня. Хорошо бы и на все дальнейшее...

— Маха!

«Капитан ПЗБ слушает!»

— Ох ты! Уже произвела сама себя? Шучу. Что там с перехватчиками?

«Все нормально. Ушли сопровождать транспорт, сейчас они в стратосфере».

— Только бы не пропустили нашего — он в таких условиях никогда не садился...

«Не должны: он входит с противоположной стороны и сюда подойдет как раз на нужной высоте, они будут уже перед ним, на той же орбите».

7

Персонал ПЗБ к тому времени успел вытащить из магистральной трубы остатки капсулы, поэтому никаких трудностей при заливке цистерны продуктом не возникло и ни одной лишней минуты не потребовалось. Удивительно, но никому из персонала не пришло в голову, что загрузка удобрения шла в то время, когда как раз в систему поступали последние кубометры зоэгена, специального продукта. А впрочем, удивляться тут нечего: так решило начальство, а оно, как известно, всегда и везде лучше знает, что и как. Заправкой-то командует Главная база, точнее, оператор промышленной зоны, он же, понятно, не дремлет.

Так что заправили — и без промедления вытолкнули с планеты, как-то даже грубовато это получилось. Просто все перенервничали за последние дни, да и боялись промедлить: вода уже почти вся ушла, вот-вот пойдет в рост очередная порция сырья. С цистерной улетели с планеты и пятнадцать человек, проведших на Ардиге какое-то время. Однако их за это время никто даже увидеть как следует не успел, и потому никто не пожалел об их отъезде.

Проводив цистерну, перехватчики принялись за выполнение второй части приказа: озаботились наведением порядка на ПЗБ. Настроились было силой вскрыть входы и выходы — оказалось, однако, что никаких усилий не потребовалось, все было в порядке, главный портал открылся легко и просто, командира эскадрильи встретила дамочка, медиат-два, объяснила, что людей на базу не впускали потому, что немного приболел капитан-максимат, но теперь поправляется. На всякий случай прибывшие все же исследовали все помещения и ничего нештатного не обнаружили, о чем и доложили на Главную базу. Хотели, кстати, пригласить даму на ужин, но, пока они производили осмотр, она куда-то пропала — как им потом объяснили, уплыла на Главную базу. На чем уплыла, с кем? Да с кем-то из этих, наверное, которые только сейчас стали подходить с Главной базы в капсулах и

всем таком, а тут уже не нужны оказались, вот и пустились назад. Уплыла, значит. Ну, ее дело. А в общем, как и полагается, полный порядок. И об этом тоже было доложено генерал-максимату. Он выразил благодарность за службу.

8

Корабль принял нас без возражений: как-никак мы были занесены в его судовую роль. И, едва мы вошли, Лючана мечтательно потянулась:

— Ванну! Немедленно! Целый век не мылась по-человечески! А ты тем временем сообрази что-нибудь — завтрак, обед, ужин, все вместе, только горячее и вкусное.

Я насторожился: вспомнил вдруг, что и вся эта наша история началась с ее долгого лежания в ванне. И предупредил:

— Только не очень залеживайся. Все остынет.

— Серьезный аргумент, — согласилась супруга и исчезла в жилом отсеке.

Тем временем вызванный Иваносом «Компас» благополучно очутился в открытом пространстве и, пожалуй, уже начал разгон, как это сделал незадолго до него танкер «Маркиз Пит», принадлежащий Системе «Сотворение». Сейчас танкер был уже где-то в Просторе и, как я надеялся, без помех и происшествий достигнет четвертого мира и прольет на его пока еще безжизненную поверхность тот груз, вокруг которого тут, на Ардиге, столкнулось столько страстей.

Впрочем, тот, как говорится, да не тот. Потому что «Маркиз» вез на оживляемую планету полные танки действительно хорошего удобрения, производимого на Ардиге, но всего лишь удобрения, а не того зоэгена, который и бесплодные камни делает пригодными для жизни растений, вызывая в грунте цепь химических реакций. И не только пригодными, но и заставляющими крохотные ростки тянуться вверх и раздаваться вширь буквально не по дням, а по часам, стремительно изменяя при этом состав атмосферы, короче говоря, действительно оживлять мертвую планету. Но четвертый мир с прибытием этого корабля не получит того, что нужно ему, чтобы этот процесс начался; на его поверхность прольется лишь обычное удобрение, на которое камни никак не отреагируют. И на предстоящей Великой Сессии Совета Федерации этот мир не удастся представить как пригодный для жизни и уже осваиваемый, а значит, никакого переворота во внутрифедеральном соотношении сил не будет — во всяком случае, на этот раз. А за следующую десятилетку, конечно, многое может произойти, и оживет, надо полагать, немало новых миров, но не в одном только лагере, а и в другом тоже, потому что уже на этой сессии будет представлен отчет о положении дел, связанных с Ардигом и зоэгеном, и предложен законопроект, согласно которому зоэген будет объявлен всеобщим достоя-

нием, патент на него выкуплен Федерацией, и от ее имени, а не от имени отдельных миров будут вызываться к жизни новые планеты. Вот такие перспективы виделись мне в те часы и минуты.

А что касается зоэгена, то его доставят на Теллус, но не для немедленного использования в каком-то новом мире, а для исследования его состава, возможностей и качеств компетентными специалистами, чтобы не получилось так (как не раз уже бывало в истории), что новое чудодейственное средство через какое-то время начнет проявлять какие-то побочные и очень вредные свойства и вызывать такие же последствия. И только если по этой части все окажется в порядке... Ну, это ясно.

Вот как в общем просто оказалось разрулить эту ситуацию — без шума и крови, а лишь переналадив загрузочную систему с подачи зоэгена — на заливку совершенно законного удобрения, которое должно было дождаться очередного транспорта, никак не замешанного в высокую политику, — и, как мы видим, дождалось его даже быстрее, чем предполагалось. Все это казалось бы вообще элементарно простым, но у меня с тех пор возникло сомнение в справедливости правила арифметики: от перемены мест слагаемых сумма не меняется. У нас вот изменилась, и весьма ощутимо.

Итак, наша цистерна, объявленная как получатель груза удобрения, ушла в пространство, а затем — и в Простор, унося не только тысячи тонн зоэгена, но и пятнадцать десантников Теллуса, которых больше никак нельзя было назвать заложниками. На Ардиге делать им нечего: никто ведь не собирался оспаривать у Армага право его использования и впредь — до тех пор, пока Федерация не объявит этот мир объектом общефедеральных интересов. А что касается событий, связанных с нашим пребыванием там, то оно обошлось практически без жертв, почти без крови, без всего, что обычно бывает связано с разрешением территориальных споров. Конечно, мы никак не могли гарантировать, что все обойдется совершенно благополучно для ардигского начальства, в том числе и самого генерал-максимата, но это уже относилось к внутренним делам Системы «Сотворение» (читай: внешней разведки Армага), а у нас не было и нет ни малейшего желания вмешиваться в чьи угодно внутренние дела.

И последним покинул Ардиг наш корабль, в котором на этот раз оказались занятыми не две, а четыре каюты. Взлетел — и взял курс на Теллус.

Но до родной планеты долетели на этот раз только двое. И вот почему. Когда мы, находясь в Просторе, зависли в узле, чтобы встать на другой вектор, Лючана вдруг сказала Иваносу, теперь по праву являвшемуся тут главным:

— Генерал, мы на Теллус не полетим. Вернее, полетим, только не сейчас. Потом, когда вы разберетесь со всеми,

кто открыл на нас охоту. Доложить обо всем ты сумеешь и без нас. Вот и Маха тебе поможет. А нас ты сперва высадишь где-нибудь...

Иванос посмотрел на меня весьма выразительно. Но я кивком подтвердил мое полное согласие с женой:

— Ив, если ты не забыл, мы с Лючей уехали из дома для того, чтобы отдохнуть в отдалении от людей и всяческих событий. И ты знаешь, почему это не получилось. Даже тут, в корабле, такая теснотища! Но наш замысел остался в силе. Поэтому будь уж так любезен!

Иванос понял, что мы настроены серьезно. Понятно, отказать он не мог — хотя бы потому, что без нас у него на Ардиге вряд ли что-нибудь получилось бы.

— Ну, и куда же? — спросил он уныло.

Мы с Лючей переглянулись.

— Мне кажется, — сказала она, — что эти три новых оживленных планеты как раз отвечают нашим пожеланиям: народу там практически почти никакого, а условия для жизни уже созданы. Первозданная дикость и никакой политики. А находиться там пока еще имеет право всякий, кто захочет. Ну, просто идеальная обстановочка для отдыха, тебе не кажется, генерал?

Он задумался очень ненадолго.

— Ну что же, — ответил он затем. — Значит, прошли вы, рука об руку, еще не все огни, воды и медные трубы? Но, в конце концов, право на отдых вы имеете. Тем более — за свой счет. Ладно, сброшу вас на ближайшей из них. Оперкейсы возьмете с собой?

— Ты к трубам не примазывайся, — предостерегла его Лючана, — трубы — это мое личное, ты там был только проездом, а я оставила вот такой кусок жизни!

— Через месяц не забудь прислать за нами «Триолет», — напомнил я предусмотрительно. — Мы вовсе не собираемся остаться там навечно. Оперкейсы? Ладно, возьмем, чтобы тебе не пришлось таскаться с ними.

Иванос сказал:

— Знаете что? Если там все будет хорошо и приятно, то я, пожалуй, захочу примкнуть к вам даже раньше. Мне ведь тоже, в конце концов, полагается отпуск — после завершения такой вот непростой операции. А может быть, и Маха изъявит желание присоединиться, а у нее этих отпусков уже накопилось...

— Целых три, — продолжила она. — Но только если там и в самом деле все будет нормально. Пока у меня такой уверенности нет. Потому что там, где появляется хотя бы один из вас, обязательно начинает происходить что-то непредвиденное и, как правило, довольно неприятное.

— А вот мы их как раз и нейтрализуем по этой линии, — успокоил ее Иванос. — Иначе, безусловно, без осложнений не обойдется.

— Ну, разве что так, — согласилась Маха.

Лючана глянула на них с иронией и сказала только:

— Ну, это еще кто кого...

И была, конечно, права. Как, впрочем, и всегда. Такова ее судьба: всегда быть правой. Нелегкая судьба. Но от нее не уйдешь.

СОДЕРЖАНИЕ

Кольцо уракары 5
Постоянная Крата 376
Медные трубы Ардига 633

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Михайлов Владимир Дмитриевич

ВРЕМЯ РАЗИТЕЛЯ
Кольцо уракары
Постоянная Крата
Медные трубы Ардига

Фантастические романы

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Отпечатано на ОАО "Нижполиграф"
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ!

Лучшие КНИГИ! Лучшие АВТОРЫ! Лучшая СЕРИЯ!

ISBN 978-5-17-052351-1